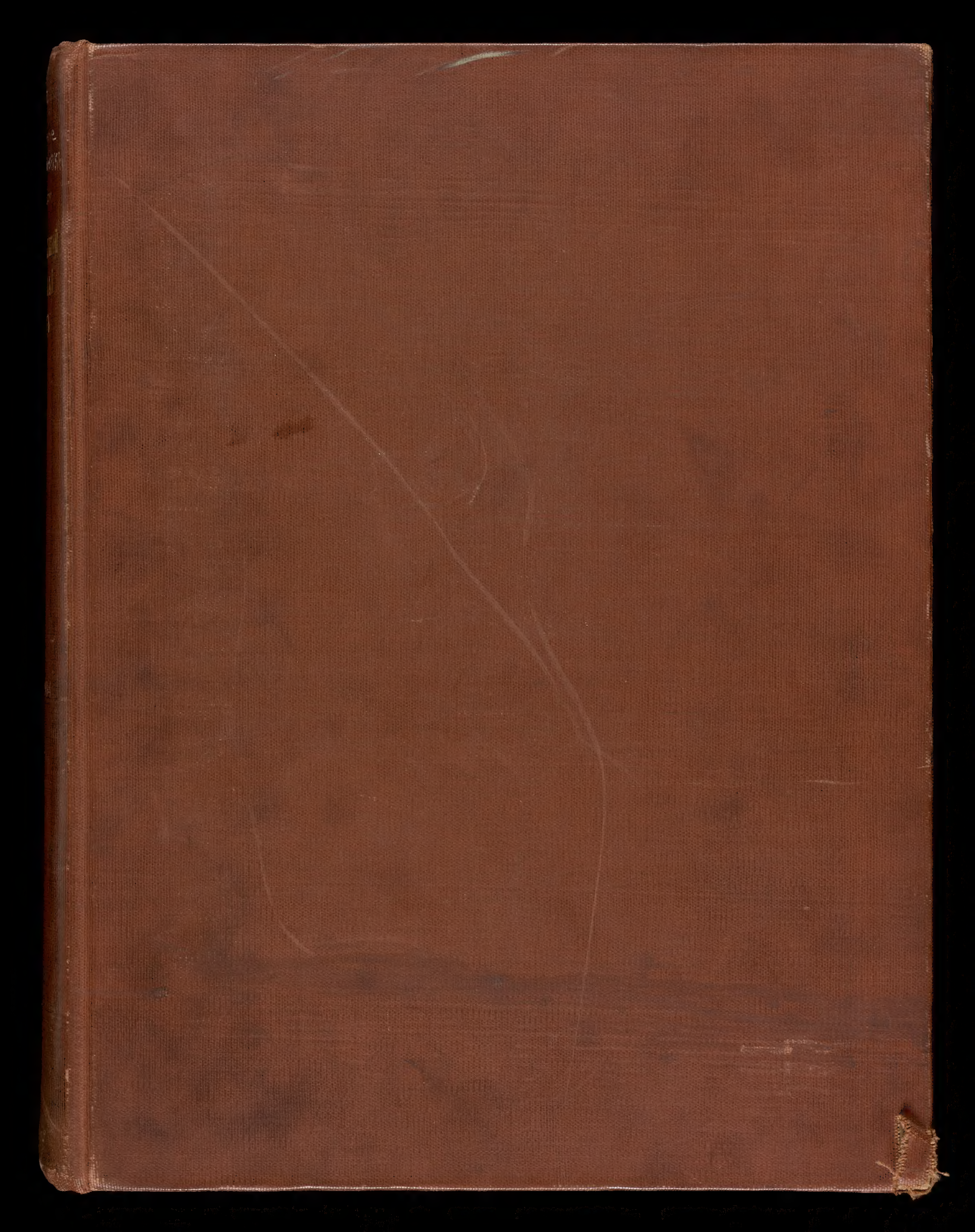
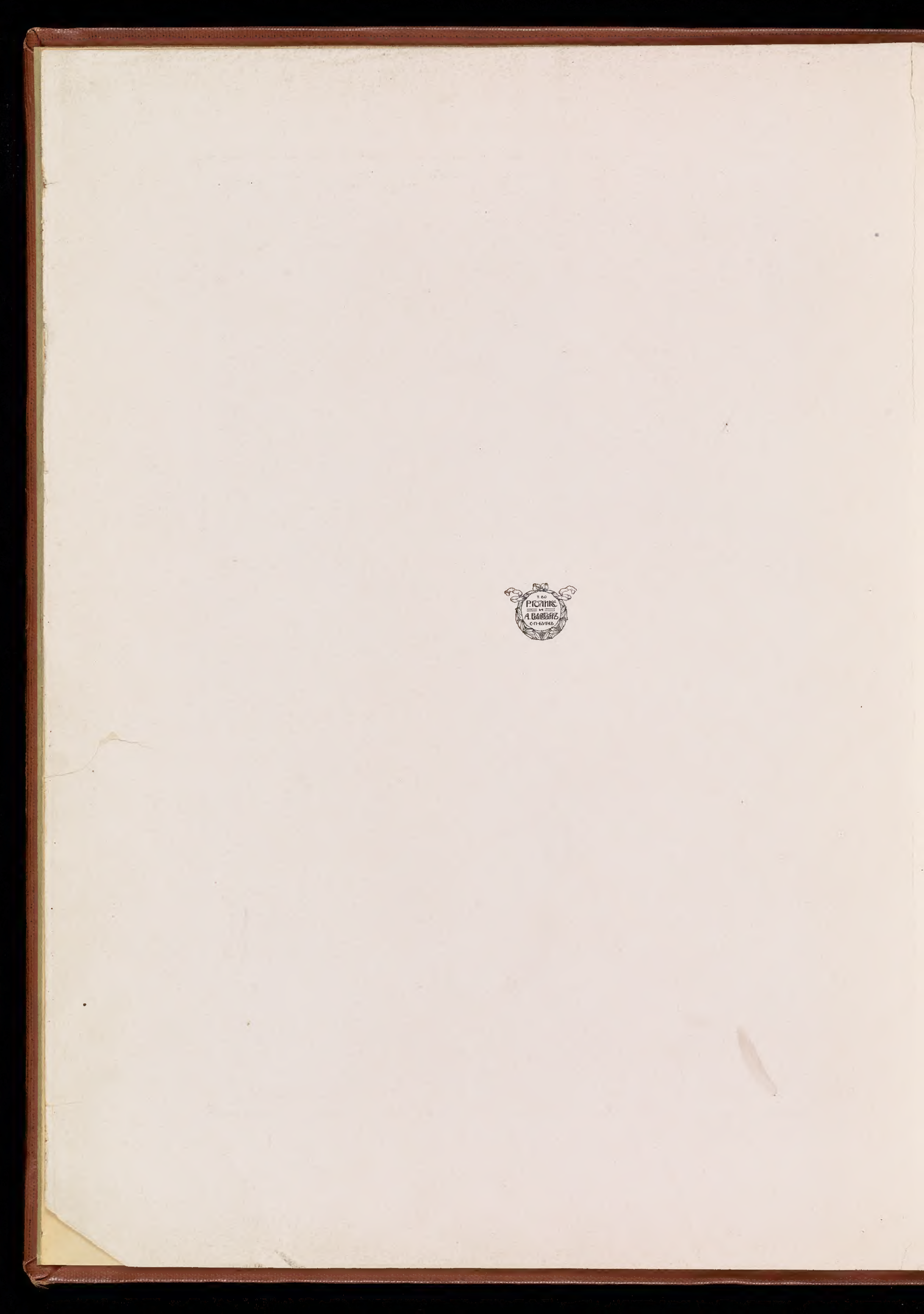

ИМПЕРАТОРСКІЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОДЪ

1744 - 1904

ИМПЕРАТОРСКІЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОДЪ

Т-ВО
Р. ГОЛИКЕ
И
А. ВИЛЬБОРГЪ
С-П-БУРГЪ

Бюстъ
Императрицы Екатерины II

ИМПЕРАТОРСКІЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОДЪ

1744–1904

ИЗДАНІЕ УПРАВЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКИМИ ЗАВОДАМИ

Табл. I.

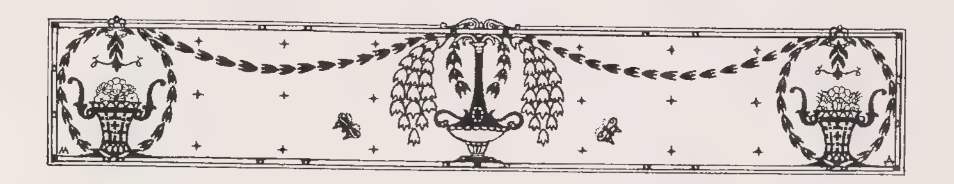
Бюстъ Имп. Екатерины II, в. $7^{3}/_{4}$ в. (колл А. З. Хитрово).
L'Impératrice Catherine II, h. 34 cm.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ФАРФОРОВЫЙ ЗАВОДЪ

1744 – 1904

ИЗДАНІЕ УПРАВЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКИМИ ЗАВОДАМИ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Императорскій Фарфоровый Заводъ въ С.-Петербургѣ, существуя безъ перерыва 160 лѣтъ, является не только первымъ, по времени, фарфоровымъ заводомъ въ Россіи, но и однимъ изъ первыхъ въ Европѣ.[1] Находясь въ условіяхъ, близкихъ къ положенію и художественному развитію національныхъ и королевскихъ мануфактуръ западныхъ государствъ, Заводъ вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ болѣе или менѣе близкую связь съ художественными силами въ Россіи.[2] Исторія Императорскаго Завода, основанная на документальныхъ данныхъ, является существенною частью общей исторіи русской керамики и имѣетъ не малое значеніе для изслѣдованія русской художественной промышленности XVIII и XIX столѣтій.

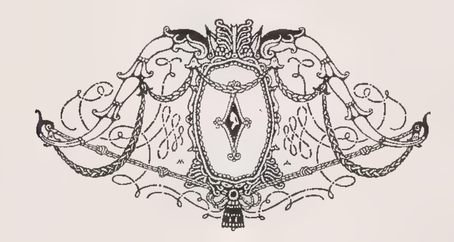
Возбужденный въ концѣ 1900 года Управленіемъ Императорскими Заводами вопросъ о составленіи исторіи Фарфороваго Завода могъ быть рѣшенъ лишь послѣ тщательнаго собиранія,—за уничтоженіемъ архива Завода за время съ 1757 по 1877 г., матеріаловъ въ другихъ источникахъ.

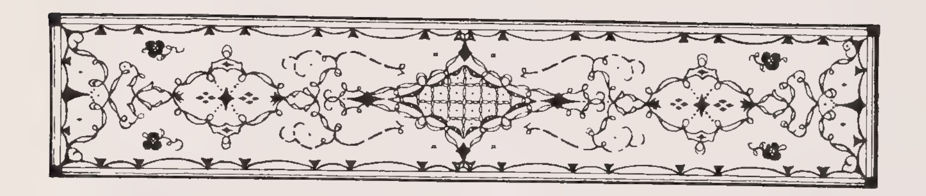
Архивныя работы, начатыя С. А. Розановымъ, были окончены Н. М. Спиліоти.

По утвержденіи плана изданія Министромъ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантомъ барономъ В. Б. Фредериксомъ и по приведеніи архивныхъ матеріаловъ въ систему Н. М. Спиліоти, на основаніи таковыхъ и собранныхъ о произведеніяхъ Завода данныхъ[3] составленъ текстъ, въ художественной части коего использованы свѣдѣнія, сообщенныя Александромъ Н. Бенуа.

Бар. Н. Б. фонъ-Вольфъ.

С.-Петербургъ, 14 Ноября 1906 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рис. 1. Видъ главнаго зданія Императорскаго фарфороваго завода въ 1904 г.
La Manufacture Imperiale de porcelaine en 1904.

МѢРОПРІЯТІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ РАЗВИТІЮ ВЪ РОССІИ КЕРАМИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ

Возникновеніе Императорскаго фарфороваго завода не случайное явленіе, а результатъ сознательныхъ стремленій правительства, начиная съ Петра I, развить керамическое производство въ Россіи до того состоянія, въ какомъ оно находилось въ Западной Европѣ.

Гончарное производство въ Московскомъ государствѣ, конечно, древнѣе эпохи Петра I, но до самаго конца XVII ст. оно носило исключительно кустарный характеръ, ограничиваясь незначительной выдѣлкой кирпича, черепицы, обыкновенной глиняной посуды и такъ называемыхъ „ценинныхъ", т. е. расписанныхъ подъ глазурью синею краскою или покрытыхъ глазурью (иначе муравою) синяго цвѣта глиняныхъ издѣлій: посуды и печныхъ изразцовъ (кафель). [1]

Съ началомъ XVIII ст. потребность въ керамическихъ издѣліяхъ въ Россіи увеличивалась съ каждымъ годомъ, при чемъ требовались не только строительные матеріалы и обыкновенная утварь, но и предметы роскоши: богатая фарфоровая и фаянсовая посуда и другія художественныя керамическія издѣлія входили въ обиходъ состоятельныхъ классовъ. Такъ, напримѣръ, въ росписи пожиткамъ, оставшимся послѣ смерти царевича Алексѣя Петровича, упоминаются, между прочимъ: „каменная" чайная посуда, такіе же куклы, птички, звѣрьки. [2] Въ Преображенскомъ дворцѣ, какъ явствуетъ изъ описи, произведенной въ 1716 году, [3] находился довольно большой выборъ фарфоровой и ценинной посуды.

Любительницей фарфора была супруга Петра I Екатерина Алексѣевна, какъ можно предположить изъ того, что цѣнный подарокъ, поднесенный ей въ 1717 году русскимъ комиссаромъ въ Амстердамѣ Осипомъ Соловьевымъ, заключался въ полныхъ приборахъ богатой фарфоровой китайской и японской посуды, въ фарфоровыхъ вазахъ и куклахъ. [4] Петръ I неоднократно выписывалъ изъ-за границы фарфоръ и фаянсъ для украшенія своихъ дворцовъ. [5] Примѣръ двора долженъ былъ заразительно дѣйствовать, и мода на фаянсовыя и фарфоровыя издѣлія, усилившаяся въ Западной Европѣ особенно со времени открытія Беттхеромъ, въ 1709 г., секрета изготовленія твердаго фарфора, очень быстро проникла и въ русское высшее общество. [6]

Фарфоръ и фаянсъ ввозились въ Россію изъ Китая чрезъ Сибирь и изъ Западной Европы. Первымъ путемъ торговля велась при посредствѣ такъ называемаго китайскаго каравана, составлявшаго регалію; [7] вторымъ путемъ ввозились не только китайскія и японскія вещи (главнымъ образомъ чрезъ Амстердамъ и Гамбургъ), [8] но также венеціанскія, руанскія и голландскія керамическія издѣлія. [9]

Петръ Великій, заботившійся о насажденіи въ Россіи не только западно-европейской промышленности, но и искусствъ, не могъ, конечно, не обратить вниманія и на керамическое производство.

На первую очередь были поставлены заводы кирпичные и черепичные, какъ безотлагательно необходимые.

Первыми изъ извѣстныхъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ являются заводы, устроенные, въ самомъ началѣ XVIII ст., въ Москвѣ иноземцемъ Андреемъ Минтеромъ, перешедшіе, въ 1713 году, къ другому иноземцу Павлу Вестову. [10]

Удостоилась вниманія Великаго Преобразователя и художественная керамика.

Въ 1716 году, во время своего путешествія по Германіи, Франціи и Голландіи, царь посѣтилъ фабрику каменной посуды въ Плауэ на Гавелѣ (въ Бранденбургѣ) и заказалъ здѣсь столовый сервизъ темнаго цвѣта съ золотыми гербами. [11] Посѣщеніе этой фабрики могло послужить для Петра I ближайшимъ поводомъ къ попыткамъ завести такую же мануфактуру и у себя.

Царь обратился къ двоякаго рода мѣрамъ: къ посылкѣ русскихъ людей для обученія за границу и вызову въ Россію иностранныхъ мастеровъ.

Русскій агентъ графъ Мусинъ-Пушкинъ заключилъ, 15 августа 1717 года, въ Амстердамѣ контрактъ съ проживавшимъ тамъ итальянскимъ мастеромъ Карло Антоніо Бонавери. Послѣдній обязывался обучить въ Амстердамѣ втеченіе года „четырехъ человѣкъ московскихъ мастерству, какъ дѣлать посуду глиняную", за вознагражденіе въ 500 венеціанскихъ червонныхъ. [12] О Бонавери больше свѣдѣній не имѣется: вѣроятно, онъ принадлежалъ къ числу второстепенныхъ мастеровъ, выдѣлывавшихъ въ Голландіи тотъ фаянсъ, который выписывалъ Петръ I для своихъ оранжерей подъ именемъ „горшковъ большихъ веницейскихъ голландской работы". [13] Были ли посланы въ Амстердамъ русскіе ученики, объ этомъ свѣдѣній также нѣтъ. Можно, однако, предположить, что посылка не состоялась. [14]

Порученіе вызвать въ Россію иностранныхъ мастеровъ керамики было возложено на министра при прусскомъ дворѣ Александра Гавриловича Головкина.

Головкинъ завязалъ переговоры съ проживавшимъ въ Дрезденѣ „порцелиннымъ мастеромъ" Петеромъ Эггебрехтомъ [15] (Peter Eggebrecht), по происхожденію голландцемъ, который былъ мастеромъ дельфтскаго фаянса, жилъ одно время въ Берлинѣ и оттуда былъ вызванъ, въ 1711 году, въ Дрезденъ, гдѣ, получивъ королевскую привилегію, завѣдывалъ фаянсовой фабрикой, обязанной своимъ возникновеніемъ Беттхеру. [16]

По собственноручному указу царя [17] и послѣ устраненія различныхъ препятствій,— для чего пришлось даже прибѣгнуть къ помощи дипломатіи, [18] — съ Эггебрехтомъ былъ заключенъ въ Берлинѣ, 1 іюня (н. с.) 1718 г., контрактъ на два года. [19]

Изъ содержанія контракта видно, что Эггебрехту, который принимался въ службу „его царскаго величества... яко надворный порцелинный мастеръ“, были предложены очень выгодныя условія. Кромѣ того, Головкинъ словесно далъ обѣщаніе Эггебрехту, что если бы въ Саксоніи вздумали лишить его за выѣздъ въ Россію привилегіи на его фабрику, то правительство русскаго царя будетъ ходатайствовать за него предъ королевскимъ правительствомъ. [20]

Головкинъ очень торопилъ Эггебрехта, который выѣхалъ изъ Берлина въ августѣ 1718 года, [21] въ сентябрѣ благополучно доѣхалъ до Петербурга и „былъ къ дѣлу употребленъ“, съ отдачей подъ команду, вѣроятно, князю Черкасскому. [22]

Къ сожалѣнію, на этомъ свѣдѣнія о пребываніи Эггебрехта въ Россіи обрываются. [23]

Было ли у царя намѣреніе завести у себя производство также настоящаго твердаго фарфора, какой выдѣлывался на Мейссенской фабрикѣ, остается не выясненнымъ. [24]

Во всякомъ случаѣ, всѣ попытки завести придворную порцелинную мануфактуру при Петрѣ I остались безъ результата: [25] въ послѣдніе годы царствованія Императора, равно и при его ближайшихъ преемникахъ, ни придворной порцелинной мануфактуры, ни частнаго фарфороваго завода въ Россіи не существовало; [26] прямымъ доказательствомъ служатъ составленныя, въ 1727 году, мануфактуръ-конторой вѣдомости о всѣхъ мануфактурахъ и фабрикахъ въ Россіи. [27]

На развитіе въ Россіи керамическаго производства обратила вниманіе учрежденная въ 1723 г. Мануфактуръ-коллегія. [28]

Коллегія, „разсуждая о ценинной всякой посудѣ, которая дѣлается изъ бѣлой глины и вывозится въ Россію изъ другихъ государствъ, а въ Россіи такая бѣлая глина находится, изъ которой имѣется надежда, что можно дѣлать въ Россіи всякую ценинную посуду и табачныя трубки, понеже, какъ видно, что во многихъ мѣстахъ крестьяне отъ неискусства дѣлаютъ изъ той глины простую бѣлую посуду“..., приказала публиковать въ Москвѣ съ барабаннымъ боемъ, вызывая желающихъ завести фабрику для выдѣлки ценинной посуды и табачныхъ трубокъ изъ мѣстной бѣлой глины по образцамъ Западной Европы, обѣщая такому предпринимателю дать привилегію Его Императорскаго Величества и оказать свое содѣйствіе. [29]

Мануфактуръ-коллегія, несомнѣнно, имѣла въ виду эксплоатацію прежде всего глины Гжельской волости Московской губерніи, такъ какъ глина эта, дѣйствительно, давно уже служила мѣстному населенію матеріаломъ для кустарнаго гончарнаго производства. [30]

Завести фабрику взялся придворный поставщикъ Государыни (по тогдашнему выраженію: „Государыни Императрицы купчина“) Аѳанасій Кирилловъ Гребенщиковъ, который, получивъ привилегію, [29] устроилъ фабрику „своимъ коштомъ“, купивъ для этой цѣли упомянутый выше черепичный заводъ Вестова, находившійся въ Москвѣ за Таганными воротами, по Гжельской дорогѣ, у Калитниковскаго болота, откуда бралась глина. [10]

Въ 1727 году фабрика Гребенщикова выдѣлывала только табачныя трубки (на 6 станахъ) и ценинные изразцы и плитки (на 4 станахъ), при 21 человѣкѣ рабочихъ. [27]

Позднѣе Гребенщиковъ сталъ выдѣлывать и посуду, но въ развитіи фабрики онъ встрѣчалъ препятствія въ трудности достать иностранныхъ мастеровъ, а еще больше въ неимѣніи прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ людей. Онъ неоднократно подавалъ челобитныя о дозволеніи купить къ фабрикѣ деревню съ крестьянами, въ чемъ ему, однако, отказывали, въ силу указа 1736 года, [31] запрещавшаго покупать къ фабрикамъ и заводамъ людей цѣлыми деревнями. Въ 1742 году Гребенщиковъ подалъ челобитную о томъ же въ Сенатъ, и тогда по этому частному вопросу возникло принципіальное дѣло: по докладу Сената Императрица Елисавета Петровна отмѣнила законъ 1736 года, и право заводчиковъ покупать къ заводамъ деревни было возстановлено. [32]

Съ тѣхъ поръ фабрика Гребенщикова, [33] которая, по справедливости, можетъ быть названа первой, по времени, фаянсовой фабрикой въ Россіи, [34] сдѣлала значительные успѣхи,

доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что на этой фабрикѣ неоднократно были выполняемы фаянсовые сервизы по заказамъ для Высочайшаго Двора. [35]

Въ 40-хъ годахъ, когда въ Петербургѣ заводилась Императорская фарфоровая мануфактура, Гребенщиковъ оказывалъ содѣйствіе въ доставкѣ туда гжельской глины [36] и уступилъ двухъ своихъ опытныхъ мастеровыхъ; [37] въ то же время онъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ, производилъ опыты составленія фарфоровой массы и глазури. Эти опыты были довольно удачны: въ 1747 году Гребенщиковъ послалъ управлявшему Кабинетомъ Ея Величества барону Черкасову сдѣланную на его фабрикѣ фарфоровую чашку „съ синими травками и по сторонамъ съ двумя литерами русскими синими жъ имени и прозванія“ сыскавшаго секретъ Ивана Гребенщикова, „которая явилась, кромѣ синей краски, очень не худа“, по отзыву самого же барона Черкасова. [39] Однако, фабрика Гребенщикова, которая, по словамъ владѣльца, „склонная къ фарфору изыскивалась, къ которой многіе приличные матеріалы пріисканы, и окончательно могла бы притти въ пользу Россійской имперіи“,[40] дальше начальныхъ пробъ въ дѣланіи фарфора не пошла.

Выше было упомянуто о китайскомъ караванномъ торгѣ, составлявшемъ регалію. [41] Независимо отъ коммерческихъ выгодъ, русское правительство напало на мысль воспользоваться періодическимъ [42] пребываніемъ своего каравана въ Пекинѣ для развѣдыванія и пріобрѣтенія секретовъ различныхъ производствъ и художествъ, которыя составляли славу Китая. Съ этой цѣлью въ караванъ назначались особые цѣловальники. Такъ, напримѣръ, въ караванѣ, ходившемъ въ Китай въ 1735 году подъ командою директора Лоренца Ланга, находился цѣловальникъ Осипъ Семеновъ Мясниковъ, изучившій въ Китаѣ нѣкоторыя ремесла. Вторично Мясниковъ былъ отправленъ въ Китай, по указу Сената и резолюціи Тайнаго Кабинета, въ 1739 году, съ караваномъ директора Фирсова. По возвращеніи каравана въ Россію, въ 1743 году, Мясниковъ подалъ въ Кабинетъ Ея Величества доношеніе, въ которомъ жаловался, что недобросовѣстность и притѣсненія директора Фирсова помѣшали ему узнать фарфоровое производство, такъ какъ Фирсовъ не далъ денегъ, чтобы заплатить китайцу, соглашавшемуся сообщить секретъ фарфора. [43]

Директоромъ снаряженнаго въ 1744 году китайскаго каравана былъ назначенъ, вмѣсто Фирсова, Герасимъ Кирилловичъ Лебратовскій. [44]

Лебратовскій самъ увлекался идеей открытія секрета фарфороваго производства. Зная, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Императрица очень хотѣла бы завести въ Россіи фарфоровую мануфактуру, онъ, хотя и не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ спеціальныхъ инструкцій, тѣмъ не менѣе рѣшился сдѣлать крупную затрату изъ казенныхъ караванныхъ денегъ (3286 р. 10 к.), [45] чтобы только добыть отъ китайцевъ секретъ фарфороваго производства.

Съ караваномъ, по прежнему, отправился Мясниковъ, но Лебратовскій, повидимому, не особенно довѣрялъ его способностямъ. Когда караванъ прибылъ въ Кяхтинскій форпостъ, [46] Лебратовскій узналъ, что здѣсь проживаетъ уроженецъ города Яранска, серебряникъ Андрей Курсинъ, который втеченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ занимался опытами составленія фарфора и даже достигъ нѣкоторыхъ результатовъ: „хотя и не совершенно и не такъ, какъ дѣлается въ Китаѣ, токмо на нѣкоторыя матеріи, изъ чего дѣлается фарфоръ, трафилъ и наподобіе фарфора, токмо безъ глянца, тѣло уже составлялъ“. Лебратовскій взялъ съ собою Курсина въ Китай. Въ Пекинѣ, при содѣйствіи проживавшихъ здѣсь для изученія китайскаго языка русскихъ „учениковъ прапорщичья ранга“ Алексѣя Владыкина и Ивана Быкова, удалось подкупить за 1000 ланъ (около 2000 тогдашнихъ рублей) мастера на богдыханскихъ фарфоровыхъ заводахъ. Этотъ китаецъ показывалъ Курсину опыты производства фарфора въ пустыхъ кумирняхъ, въ 35 верстахъ отъ Пекина, а кромѣ того, письменно сообщилъ разные рецепты, далъ планъ завода и образцы необходимыхъ для фарфороваго дѣла матеріаловъ. Лебратовскій, не желая даромъ тратить деньги, потребовалъ отъ Курсина письменнаго удостовѣренія, что и въ Россіи имѣются необходимые для составленія фарфоровой массы матеріалы.

Курсинъ удостовѣрилъ, что такіе матеріалы въ Россіи имѣются: близъ Кяхты, у озера Байкала и въ Бѣльскомъ острогѣ близъ Иркутска.

Лебратовскій хотѣлъ поскорѣе видѣть результаты дорого стоившей науки Курсина, а потому, возвращаясь съ караваномъ въ Россію, выслалъ впередъ въ Иркутскъ Курсина, вмѣстѣ съ бывшимъ при караванѣ „академистомъ поручичья ранга" Герасимомъ Барышниковымъ, поручивъ имъ произвести въ Иркутскѣ секретно опытъ выдѣлки фарфора изъ русскихъ матеріаловъ.

Сдѣланную ими пробную вещь Лебратовскій послалъ въ Петербургъ при доношеніи, гдѣ писалъ, между прочимъ: „А въ той сдѣланной пробѣ хотя дѣйствительный фарфоръ кажется, токмо, за ненавычкою въ томъ мастерствѣ чрезъ такое малое время, и искусства противъ китайскаго чистотою въ дѣлѣ не утрафлено".

Пока Лебратовскій ѣздилъ съ караваномъ въ Китай и старался тамъ вывѣдать секретъ китайскаго фарфора, въ Петербургѣ въ то же время производились систематическіе опыты съ производствомъ саксонскаго фарфора. Однако, донесеніе Лебратовскаго живо заинтересовало какъ Государыню, такъ и ея приближенныхъ. Поэтому, когда весною 1747 г. Лебратовскій, вмѣстѣ съ Владыкинымъ, Барышниковымъ, Андреемъ Курсинымъ и его братомъ Алексѣемъ Курсинымъ (его Лебратовскій взялъ въ Иркутскѣ, потому что онъ тоже занимался опытами составленія фарфора),[47] возвратился въ Петербургъ, послѣдовалъ высочайшій указъ, объявленный графомъ А. Г. Разумовскимъ барону И. А. Черкасову объ отсылкѣ выѣхавшихъ изъ Китая людей, знающихъ порцелинное искусство, въ Царское Село, гдѣ они должны были произвести. подъ наблюденіемъ Лебратовскаго, надлежащіе опыты.[48]

По требованію Лебратовскаго, ему были отпущены изъ существовавшей уже въ Петербургѣ фарфоровой фабрики, необходимые для опытовъ матеріалы,[49] но Курсины признали ихъ негодными для фарфора[47] и отправились сами на поиски нужныхъ имъ земель на Олонецъ.[50]

Опыты составленія фарфоровой массы изъ привезенной изъ Сибири глины и мѣстнаго кварца были произведены близъ Пулковой мызы, но не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Тогда Курсины объявили, что мѣстные матеріалы для дѣланія фарфора не годятся, а главное, что рецепты, сообщенные китайскимъ мастеромъ, неправильны, равно какъ и планъ печи.[51]

Лебратовскій не терялъ еще надежды, полагая, что Курсины, которые у себя въ Иркутскѣ производили довольно удачныя вещи (да и опытъ на Пулковой мызѣ нельзя было признать совершенно неудавшимся), со временемъ могутъ достигнуть совершенства въ производствѣ фарфора. Онъ подалъ на Высочайшее Имя доношеніе, въ которомъ описывалъ встрѣтившіяся затрудненія при производствѣ опытовъ и просилъ позволенія послать Курсиныхъ въ Сибирь для взятія тамъ необходимыхъ для составленія фарфора матеріаловъ. При доношеніи Лебратовскій представилъ и сдѣланныя Курсиными пробныя вещи.[52]

Рѣшенія по доношенію Лебратовскаго не послѣдовало. Курсины сидѣли безъ дѣла и безъ жалованья. Наконецъ, Алексѣй Курсинъ подалъ въ Сенатъ жалобу, обвиняя Лебратовскаго въ насильственномъ увозѣ его изъ Иркутска. Онъ просилъ отпустить его домой, заявляя категорически, что его братъ и Лебратовскій были обмануты китайцемъ, продавшимъ секретъ. Сенатъ потребовалъ отъ Лебратовскаго объясненія, и директоръ китайскаго каравана попалъ въ затруднительное положеніе, чувствуя, что затѣя, стоившая большихъ денегъ, рушится.[53] Ему приходилось теперь отписыватья и въ Сенатъ, и въ Кабинетъ Е. И. В., заботясь уже не объ отстаиваніи дѣла, но о принятіи на счетъ Кабинета сдѣланныхъ безъ разрѣшенія расходовъ.[54]

Можно легко допустить, что китайскій мастеръ, продавшій Лебратовскому секретъ, поступилъ коварно, сообщивъ невѣрные рецепты; однако, и Лебратовскій, высказывая увѣ-

ренность, что братья Курсины могли, со временемъ, усовершенствоваться въ производствѣ фарфора, едва ли не былъ правъ; но онъ не встрѣтилъ достаточной поддержки.

Незадолго до опытовъ Лебратовскаго, въ Петербургѣ, подъ надзоромъ управлявшаго Кабинетомъ барона Черкасова, учреждена была фарфоровая фабрика, которая тоже находилась въ періодѣ опытовъ. Барону Черкасову не нравилась конкуренція Лебратовскаго, поэтому онъ относился несочувственно къ опытамъ Курсиныхъ. [55]

Рис. 2. Тарелка: Видъ Императ. фарфор. завода, И. Семеновъ 1833 г., д. 5½ в. (колл Н. И. Лукутина). Assiette, d. 24,5 cm.

Стр 48

Рис. 3. Негры, б. м., в. $3\frac{1}{4}$, 3, 3, $2\frac{1}{2}$, $3\frac{1}{4}$ в. (Зимн. Дв.) Négres h. 14,5, 13,5, 13,5, 11, 14,5 cm

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ И ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

I. ВОЗНИКНОВЕНІЕ ФАРФОРОВОЙ ФАБРИКИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ 1743 году русскимъ правительствомъ, для поддержки шведскаго короля, въ Стокгольмъ были отправлены войска, подъ командой генерала Джемса Кейта.

Въ это время въ Стокгольмѣ проживалъ Христофъ Конрадъ Гунгеръ, выдававшій себя за мастера фарфора. Съ нимъ камергеръ Ея Величества баронъ Н. А. Корфъ, находившійся по дипломатическимъ дѣламъ въ Стокгольмѣ, заключилъ, 1-го февраля 1744 года, договоръ о принятіи его въ русскую службу. [1] Къ сожалѣнію, не сохранилось свѣдѣній, по какому поводу и какъ начались переговоры между барономъ Корфомъ и мастеромъ Гунгеромъ: получилъ ли Корфъ раньше изъ Петербурга какія-либо инструкціи на этотъ счетъ, или, зная интересъ Императрицы къ фарфору, съ своей стороны подалъ мысль о приглашеніи Гунгера въ Россію, или же, наконецъ, самъ Гунгеръ явился къ барону Корфу или къ генералу Кейту съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Послѣднее предположеніе весьма правдоподобно: въ Стокгольмѣ какъ къ Корфу, такъ и къ Кейту обращалось не мало различныхъ проживавшихъ въ Швеціи иностранныхъ мастеровъ и прожектеровъ, надѣявшихся устроиться въ Россіи [2]. Конечно, и русское правительство непрочь было воспользоваться удобнымъ случаемъ достать нужныхъ людей. [3] А такъ какъ о фарфоровой фабрикѣ давно уже мечтали въ Петербургѣ, то Корфъ и былъ уполномоченъ заключить съ Гунгеромъ договоръ.

По договору Гунгеръ обязывался „учредить въ Санктъ-Петербургѣ мануфактуру для дѣланія голландской посуды, такожъ и чистаго фарфора, такъ, какъ оный въ Саксоніи дѣлается“. За это Гунгеръ выговорилъ себѣ: 1000 червонныхъ-спецiесъ (1 speciesthaler—около 2 р.) на уплату своихъ долговъ въ Швеціи, проѣздъ на казенный счетъ до Петербурга какъ ему, такъ и семьѣ, 1000 рублей ежегоднаго жалованья съ квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ и „чинъ директора надъ Ея Императорскаго Величества фарфоровою фабрикою“.

15 іюня 1744 года генералу Кейту были даны два именныхъ указа: объ удаленіи русскихъ войскъ изъ Швеціи [4] и о вывозѣ Гунгера съ семьей въ Россію. [5] Въ послѣднемъ указѣ предписывалось, между прочимъ, взять Гунгера тайно, „дабы шведы, увѣдомлясь, не остановили“. Такое предписаніе не покажется страннымъ, если вспомнить, какъ высоко цѣнилось въ это время знаніе секрета фарфороваго производства, и какъ ревниво оберегались отъ выѣзда изъ государства люди, обладавшіе этимъ секретомъ, такъ называемые арканисты. Кейтъ, въ силу высочайшаго указа, принялъ Гунгера на военныя галеры, но одного безъ семьи и увезъ его въ Ревель. [6]

Узнавъ изъ донесенія Кейта, что Гунгеръ уже въ Россіи, Императрица поручила ближайшій надзоръ за имѣющею открыться фабрикою барону Ивану Антоновичу Черкасову, управлявшему Кабинетомъ Ея Величества. Баронъ Черкасовъ взялся съ большой энергіей за порученное ему дѣло, главнымъ образомъ, конечно, желая угодить Государынѣ, лично интересовавшейся фабрикой, а также и изъ чувства соревнованія съ оберъ-гофмаршаломъ Д. Шепелевымъ, который завѣдывалъ Императорской шпалерной мануфактурой, переживавшей періодъ упадка. [8]

Такимъ образомъ, успѣхъ предпріятія, пользовавшагося вниманіемъ самой Императрицы и находившагося въ вѣдѣніи приближеннаго къ ней вліятельнаго лица, былъ вполнѣ обезпеченъ, насколько это зависѣло отъ матеріальныхъ средствъ и нравственной поддержки. Но для осуществленія дѣла необходимъ былъ опытный человѣкъ, обладавшій достаточными техническими знаніями. Эта важная сторона дѣла зависѣла всецѣло отъ Гунгера.

Христофъ Конрадъ Гунгеръ (Christoph Conrad Hunger или Unger) [9] родился въ концѣ XVII ст. въ Вейсенфельсѣ, въ Тюрингенѣ. Обучившись мастерству золотыхъ дѣлъ, онъ съ молодыхъ лѣтъ началъ вести бродячую жизнь, посѣтилъ, между прочимъ, Францію, затѣмъ поселился въ Дрезденѣ, женился здѣсь и свелъ дружбу съ Беттхеромъ, изобрѣтателемъ твердаго фарфора и первымъ директоромъ Мейссенскаго завода. На послѣднемъ Гунгеръ въ то время, повидимому, не служилъ, но, какъ пріятель Беттхера, могъ узнать отъ него койкакіе секреты фарфороваго производства, хотя едва ли пріобрѣлъ тѣ знанія, которыя необходимы для самостоятельнаго управленія фарфоровой фабрикой.

Въ 1717 году Гунгеръ, по приглашенію австрійскаго посла графа Вирмонта, переселился въ Вѣну, гдѣ примкнулъ, въ 1718 году, къ Дю-Пакье и другимъ компаньонамъ, основавшимъ Вѣнскую фарфоровую фабрику; но уже въ слѣдующемъ году (1719) онъ оставилъ своихъ компаньоновъ (или былъ удаленъ ими) и уѣхалъ, по приглашенію венеціанскаго посланника Пріули, въ Венецію, гдѣ ему поручено было завести фарфоровую мануфактуру.

О дѣятельности Гунгера въ Венеціи до сихъ поръ ничего не извѣстно. Въ 1727 г. Гунгеръ возвратился въ Саксонію и былъ принятъ на Мейссенскую фабрику въ качествѣ позолотчика. Но уже въ 1729 году онъ получаетъ новое предложеніе и уѣзжаетъ въ Швецію.

О поѣздкѣ своей въ Швецію Гунгеръ въ письмѣ, адресованномъ на имя Государыни Елисаветы Петровны, 15 ноября 1745 г., [10] разсказываетъ, что шведское правительство посылало за нимъ въ Дрезденъ спеціальнаго комиссара, что въ контрактѣ, которымъ онъ обязывался учредить въ Швеціи мануфактуру „голландскаго и тонкаго фарфора“, были даны ему „великія обѣщанія“, при чемъ контрактъ, будто бы, былъ подписанъ пятью высшими государственными сановниками.

Разсказъ Гунгера преувеличенъ, но что шведское правительство, дѣйствительно, считало Гунгера опытнымъ мастеромъ и службу его весьма желательной, объ этомъ можно судить по тому, что шведскій король отправилъ письмо къ саксонскому двору, прося отпустить Гунгера безъ задержекъ въ Швецію и увѣряя, что Гунгеръ вызванъ какъ пробиреръ на горные заводы, а отнюдь не для заведенія фарфоровой мануфактуры.

По пріѣздѣ въ Швецію, въ 1730 году, Гунгеръ былъ назначенъ инспекторомъ или мастеромъ Рерстрандской фаянсовой фабрики, около Стокгольма.[11] Въ Швеціи Гунгеръ сначала сумѣлъ внушить къ себѣ такое довѣріе, что ему стали расточать неумѣренныя похвалы, какъ одному изъ лучшихъ мастеровъ въ Европѣ, и вѣрили, что подъ его руководствомъ фабрика придетъ въ цвѣтущее состояніе. Дѣйствительно, фабрика стала даже расширять свои операціи, но Гунгеру не удалось сохранить своего положенія: въ декабрѣ 1733 года онъ былъ уволенъ.

Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Гунгеръ увѣрялъ, будто бы онъ вполнѣ устроилъ Рёрстрандскую фабрику, и тогда шведское правительство нарушило заключенный съ нимъ контрактъ; съ бóльшимъ, однако, вѣроятіемъ можно предположить, что Гунгеръ оказался неспособнымъ стоять во главѣ большой фабрики и не оправдалъ тѣхъ обѣщаній, на которыя онъ не скупился. Гунгеру пришлось искать въ другомъ мѣстѣ довѣрчивыхъ людей, которые бы согласились платить ему за его обѣщанія.

Стр. 51.

Рис. 4. Табакерка: Имп. Елисавета I, б. м., д. 1¾ в. (колл. бар. Н. Б. ф.-Вольфъ).
Tabatière: l'Impératrice Elisabeth I, l. 7,75 cm.

Въ началѣ 1737 г. онъ представилъ на имя датскаго короля промеморію, предлагая свои услуги для заведенія мануфактуръ саксонскаго фарфора и дельфтскаго фаянса. При этомъ онъ смѣло давалъ обѣщанія дѣлать фарфоръ не хуже мейссенскаго, въ доказательство чего, предлагалъ произвести опыты даже на собственный счетъ. Это ему было разрѣшено, но производились ли опыты и какіе дали результаты—неизвѣстно.

Весной 1741 года Гунгеръ опять очутился въ Швеціи въ Стокгольмѣ и хлопоталъ о привилегіи на выработку сахарныхъ формъ и аптекарской посуды изъ найденной, будто бы, имъ темнокрасной глины; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ о субсидіи на заведеніе фабрики твердаго фарфора, увѣряя, что ему удалось найти въ Швеціи и бѣлую глину. Онъ обѣщалъ втеченіе четырехъ недѣль представить надлежащую пробу: сдѣлать шоколадную чашку и украсить ее миніатюрною живописью, но на устройство печи просилъ дать пособіе въ 2000 рейхсталеровъ.

Гунгеру чуть было не удалось получить требуемую правительственную субсидію на производство опытовъ, но этому помѣшали директора Рёрстрандской фабрики, которой раньше была выдана привилегія на производство твердаго фарфора, и вмѣшательство вліятельнаго графа Тессина, состоявшаго въ числѣ акціонеровъ фабрики. Гунгеру дали только привилегію на выдѣлку сахарныхъ формъ и аптекарской посуды.

Изъ приведеннаго выше очерка скитаній Гунгера можно уже заключить, что онъ принадлежалъ къ разряду авантюристовъ, которыми былъ такъ богатъ XVIII вѣкъ. Не имѣя достаточныхъ знаній и опытности, но обладая значительной энергіей и умѣніемъ эксплоатировать довѣрчивыхъ людей, онъ думалъ сдѣлать карьеру, выдавая себя за арканиста фарфороваго дѣла. Являясь на новое мѣсто, онъ не стѣснялся въ обѣщаніяхъ, а какъ только довѣріе къ нему колебалось, спѣшилъ перебраться въ другую страну. Естественно, что, потерявъ въ Швеціи почву подъ ногами, онъ поспѣшилъ воспользоваться

удобнымъ случаемъ и предложить свои услуги русскому правительству. Предложеніе было сдѣлано кстати, и если баронъ Корфъ, заключавшій съ Гунгеромъ контрактъ, не позаботился точнѣе развѣдать о его прошломъ и его дѣйствительныхъ знаніяхъ, то причина понятна: мастерами, знавшими секретъ фарфороваго производства, въ то время очень интересовались и принимали всѣ мѣры, чтобы они не могли уйти въ другую страну. Приходилось поэтому вести переговоры въ строжайшемъ секретѣ, изъ боязни, что объ этомъ узнаютъ и мастера не отпустятъ. Не могъ баронъ Корфъ разузнавать открыто о Гунгерѣ, когда даже вывозъ его изъ Стокгольма былъ обставленъ таинственностью.

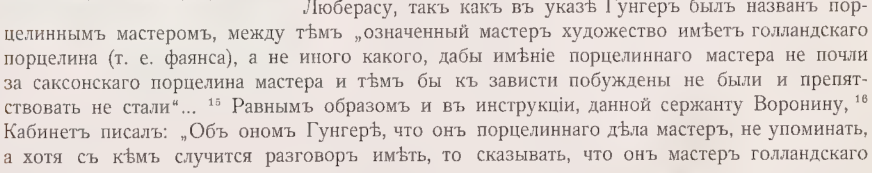

Стр. 8.

Рис. 5. Бар. И. А. Черкасовъ. (Имп. Зав.).
Bar. J. A. Tcherkasoff.

Семья Гунгера, оставшаяся въ Швеціи, состояла изъ его жены Іоганны Маріанны, зятя Іоганна Генриха Генрихсена, миніатюрнаго мастера, и сына послѣдняго отъ умершей дочери Гунгера, пятилѣтняго мальчика. [12] Всѣ они жили вмѣстѣ и послѣ отъѣзда Гунгера терпѣли большую нужду. [13] За семьей Гунгера, въ 1745 году, былъ посланъ сержантъ Воронинъ. [14]

Баронъ Черкасовъ, опасаясь, что шведское правительство, недовольное за тайный увозъ Гунгера, можетъ задержать его семью, обратился за содѣйствіемъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и просилъ ея президента графа Бестужева-Рюмина переписать выданный изъ коллегіи указъ русскому полномочному министру при шведскомъ дворѣ барону фонъ-Люберасу, такъ какъ въ указѣ Гунгеръ былъ названъ порцелиннымъ мастеромъ, между тѣмъ „означенный мастеръ художество имѣетъ голландскаго порцелина (т. е. фаянса), а не иного какого, дабы имѣніе порцелиннаго мастера не почли за саксонскаго порцелина мастера и тѣмъ бы къ зависти побуждены не были и препятствовать не стали“... [15] Равнымъ образомъ и въ инструкціи, данной сержанту Воронину, [16] Кабинетъ писалъ: „Объ ономъ Гунгерѣ, что онъ порцелиннаго дѣла мастеръ, не упоминать, а хотя съ кѣмъ случится разговоръ имѣть, то сказывать, что онъ мастеръ голландскаго порцелина, а не иного какого“.

Шведское правительство, имѣвшее раньше возможность правильно оцѣнить знанія Гунгера, не дѣлало препятствій къ выѣзду его семьи изъ Стокгольма. Зато русскому правительству пришлось уплатить за семью Гунгера значительные долги [17]. Такимъ образомъ, приглашеніе Гунгера на первыхъ же порахъ стоило правительству большихъ, по тому времени, денегъ, (болѣе 5000 руб.). [17] Вывозъ зятя Гунгера Генрихсена въ Россію былъ намѣченъ уже во время переговоровъ съ Гунгеромъ, такъ какъ Генрихсенъ былъ миніатюрнымъ мастеромъ и, слѣдовательно, могъ быть полезенъ на фарфоровой фабрикѣ въ качествѣ живописца. Однако договора съ нимъ не заключали.

Получивъ донесеніе Кейта о прибытіи въ Ревель, баронъ Черкасовъ писалъ ему объ отправкѣ Гунгера въ Петербургъ; [18] а архитектору Осипу Трезину, [19] который въ это время управлялъ Невскими казенными кирпичными и черепичными заводами, было предписано приготовить для Гунгера и его семьи приличную квартиру при тѣхъ же заводахъ и, по пріѣздѣ самого Гунгера, показать имѣвшуюся на заводахъ и въ округѣ глину, затѣмъ немедленно отправить его въ Москву, для изслѣдованія глинъ Московскаго района. [20]

Кейтъ, еще до полученія письма Черкасова, приказалъ Гунгеру ѣхать въ Москву, гдѣ въ это время находился Дворъ. [21] Гунгеръ, однако, въ Москву не поѣхалъ, явился въ Петербургъ и просидѣлъ тамъ безъ дѣла двѣ недѣли, пока его не отыскалъ Трезинъ. [22]

Въ Россіи поведеніе Гунгера съ перваго же момента вызвало недовѣріе: въ Петербургѣ онъ первымъ дѣломъ заявилъ претензію на невыдачу ему Кейтомъ полностію условленной въ контрактѣ суммы, [22] благодаря чему, онъ, яко-бы, не могъ взять изъ Швеціи

Табл. II.

Табакерки: 1. 3. 1752 г. дл. $2^1/_4$ в.; 2. б. м., дл. 2 в.; 4. 10. 14. б. м., дл. $2^1/_{16}$ в.; 5. б. м., дл. 2 в.; 6. м ❀, дл. $2^1/_2$ в.; 7. 9. 11. б. м., дл. 2 в.; 8. б. м., дл. $1^3/_4$ в.; 13. м. ❀, дл. 2 в.; 12. 16. б. м., дл. $2^1/_{16}$ в.; 15. м. ❀, дл. 2 в. (1, 2, 3, 6, 13 — колл. Н. А. Лукутина; 4, 8, 10, 12, 14, 16 — Имп. Эрмитажъ; 5 — колл. П. И. Щукина; 7, 9, 11 — колл. кн. А. С. Долгорукаго; 15 — колл. С. и В. Евдокимовыхъ)

Tabatières, 1. 1. 3. 10 cm.; 2. -9 cm.; 4. 10. 14.—9,25 cm.; 5.—9 cm.; 6.—11 cm.; 7. 9. 11.—9 cm.; 8.—7,75 cm.; 13.—9 cm.; 12. 16.—9,25 cm.; 15.—9 cm.

Еҍ IМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ
Самодержицѣ всероссiйской
Гдрнѣ Всемилостивѣйшей.

свою семью. [23] Отъ Кейта потребовали объясненія. Изъ объясненій Кейта, разслѣдованія Черкасова, а также изъ дальнѣйшихъ показаній самого же Гунгера, оказалось, что отъ Кейта онъ получилъ даже болѣе, чѣмъ слѣдовало, а семья не была взята въ Россію по его же настоянію. [24] А сдѣлалъ это Гунгеръ съ задней мыслью—получить впослѣдствіи пособіе на вывозъ семьи. Вообще, Гунгеръ слишкомъ много о себѣ говорилъ, оказался заносчивымъ и неуживчивымъ. Естественно, такое поведеніе Гунгера не могло не отразиться на отношеніяхъ къ нему въ Россіи. Трезинъ, радушно принявшій его въ свой домъ, первый въ письмѣ къ Черкасову высказалъ относительно его знаній сомнѣніе: „Разговоры отъ него (Гунгера) очень довольно приличны, а что будетъ впредь какой отъ него плодъ, Богъ знаетъ, и какъ слышно отъ нѣкоторыхъ людей, что онъ былъ въ Гишпаніи, въ Венеціи, въ Вѣнѣ и потомъ въ Швеціи, но нигдѣ, будто, плода отъ него не принесено, а правда или нѣтъ, впредь подлинно окажется“. [25]

Когда Гунгеръ пріѣхалъ въ Петербургъ, то Трезинъ, по приказанію Черкасова, доставилъ ему глину изъ Царскаго Села, Стрѣлиной мызы, деревни Мартышкиной и др. мѣстъ. Точно также были взяты образцы московскихъ глинъ, имѣвшихся на петербургскихъ кирпичныхъ, стеклянныхъ и др. заводахъ. [26] Гунгеръ хотѣлъ производить въ Петербургѣ пробы этимъ глинамъ, [27] но Трезинъ объявилъ ему приказаніе барона Черкасова ѣхать немедленно въ Москву. [28] Гунгеръ выѣхалъ изъ Петербурга 29 сентября съ большой неохотой. [29]

По пріѣздѣ въ Москву, онъ заболѣлъ и пролежалъ три недѣли, а по выздоровленіи подалъ на Высочайшее Имя прошеніе, [30] въ которомъ указывалъ, что настоящей пробы въ Москвѣ, по зимнему времени, дѣлать невозможно, что онъ можетъ только выбрать здѣсь подходящую глину, которая должна быть весною отправлена въ Петербургъ, „гдѣ фабрика по моему контракту заложена быть имѣетъ“—добавлялъ онъ.

Очевидно, Гунгеръ опасался, какъ бы не заставили его устраивать фабрику въ Москвѣ. Опасеніе совершенно напрасное: такъ какъ Дворъ въ это время пребывалъ въ Москвѣ, то, понятно, баронъ Черкасовъ поскорѣе хотѣлъ видѣть Гунгера; а кромѣ того, Черкасовъ совершенно основательно желалъ, чтобы Гунгеръ на мѣстѣ ознакомился съ различными сортами гжельскихъ глинъ, такъ какъ именно въ этихъ глинахъ, давно уже служившихъ кустарямъ для выдѣлки простой бѣлой посуды, а фабрикѣ Гребенщикова для выдѣлки фаянса, надѣялись имѣть пригодный для дѣланія фарфора матеріалъ.

Дальнѣйшіе поступки Гунгера не могли не возбуждать неудовольствія Черкасова: Гунгеръ очень таился со своимъ секретомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно досаждалъ просьбами: о вывозѣ семьи и о деньгахъ, объ экипажѣ и тому подобными, часто даже совершенно неосновательными. [31] Поэтому, хотя Императрица и Черкасовъ вѣрили еще въ знанія Гунгера, но нашли нужнымъ на будущее время принять мѣры противъ его заносчивости и капризовъ и противъ всякихъ, могущихъ впослѣдствіи возникнуть, случайностей.

Какъ только Гунгеръ приступилъ къ подготовительнымъ работамъ по устройству фабрики, т. е. къ изслѣдованію гжельскихъ глинъ, немедленно къ нему былъ приставленъ Дмитрій Виноградовъ, который не отходилъ отъ него ни на шагъ, имѣя цѣлью изучить всѣ операціи фарфороваго производства.

Виноградову суждено было имѣть рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Императорскаго фарфороваго завода.

Дмитрій Ивановичъ Виноградовъ [32] родился около 1720 г. въ г. Суздалѣ, гдѣ его отецъ былъ священникомъ, и воспитывался вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Яковомъ въ Москвѣ въ извѣстной школѣ, или академіи Заиконоспасскаго монастыря. Въ концѣ 1735 г. оба брата, въ числѣ другихъ двѣнадцати учениковъ (между которыми былъ и Ломоносовъ), были отправлены, по требованію Сената, въ Петербургъ для продолженія образованія при Академіи Наукъ. Въ 1736 году Академія, по предложенію Тайнаго Кабинета Министровъ, выбирала изъ числа своихъ воспитанниковъ молодыхъ людей для отправленія за границу

для изученія металлургіи. Избранными оказались: Михаилъ Ломоносовъ, Густавъ Ульрихъ Рейзеръ и Дмитрій Виноградовъ, которому въ то время было только шестнадцать лѣтъ.

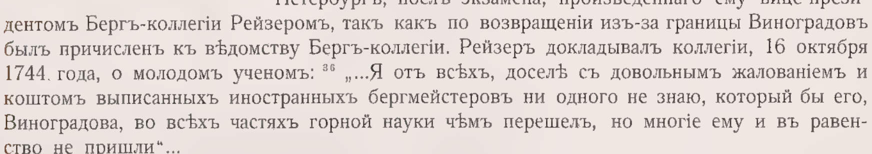
Обучаясь вмѣстѣ съ товарищами сначала въ Марбургѣ, подъ надзоромъ проф. Вольфа, потомъ въ Фрейбергѣ, подъ руководствомъ бергъ-физика Генкеля, Виноградовъ провелъ за границей болѣе пяти лѣтъ, прекрасно усвоилъ нѣмецкій языкъ и пріобрѣлъ тамъ друзей. [33]

Стр. 24.

Рис. 6. Чаша, м. ✱, в. 1 в. (Имп. Зав.).
Coupe, h. 4,5 cm.

Хотя за границей русскіе студенты вели безпорядочный образъ жизни, а Виноградовъ, въ особенности, приводилъ въ отчаяніе руководителей своимъ буйнымъ поведеніемъ, склонностью къ кутежамъ и расточительности, иногда даже небрежнымъ отношеніемъ къ занятіямъ, тѣмъ не менѣе, годы ученія для всѣхъ трехъ студентовъ, въ томъ числѣ и для Виноградова, не пропали даромъ: молодые люди возвратились въ Россію (Ломоносовъ раньше двухъ другихъ) съ основательными познаніями въ физико-химическихъ наукахъ и съ практическими свѣдѣніями по металлургіи. [34]

Лестная рекомендація дана была Виноградову самимъ профессоромъ Генкелемъ въ письмѣ къ президенту Академіи наукъ Бреверну. [35] Но самаго лучшаго отзыва былъ удостоенъ Виноградовъ уже по возвращеніи своемъ изъ-за границы въ Петербургъ, послѣ экзамена, произведеннаго ему вице-президентомъ Бергъ-коллегіи Рейзеромъ, такъ какъ по возвращеніи изъ-за границы Виноградовъ былъ причисленъ къ вѣдомству Бергъ-коллегіи. Рейзеръ докладывалъ коллегіи, 16 октября 1744 года, о молодомъ ученомъ: [36] „...Я отъ всѣхъ, доселѣ съ довольнымъ жалованіемъ и коштомъ выписанныхъ иностранныхъ бергмейстеровъ ни одного не знаю, который бы его, Виноградова, во всѣхъ частяхъ горной науки чѣмъ перешелъ, но многіе ему и въ равенство не пришли“...

Руководясь отзывомъ и заключеніемъ вице-президента, Бергъ-коллегія опредѣлила: [37] быть Виноградову маркшейдеромъ въ рангѣ капитана-поручика, а по прошествіи года бергмейстеромъ. Указомъ коллегіи отъ 14 марта 1745 года, онъ былъ, дѣйствительно, возведенъ въ званіе бергмейстера. [38] Но еще раньше Кабинетъ, отношеніемъ отъ 5 ноября 1744 г., [39] сообщилъ Бергъ-коллегіи именной указъ объ отчисленіи Виноградова изъ ея вѣдомства и о причисленіи его къ Кабинету Ея Величества.

Дальнѣйшая жизнь Виноградова всецѣло связана съ исторіей Императорскаго фарфороваго завода.

II. ОПЫТЫ ГУНГЕРА.

Предварительныя работы по устройству фарфоровой фабрики начаты были въ концѣ 1744 года.

Баронъ Черкасовъ вызвалъ Гунгера въ Москву для изслѣдованія гжельскихъ глинъ, давно извѣстныхъ своими качествами. Естественно было на мѣстѣ развѣдать и испробовать, годны ли эти глины и какіе именно сорта ихъ для дѣла фарфора, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, все предпріятіе могло окончиться неудачей, ибо о другихъ мѣсторожденіяхъ бѣлыхъ глинъ въ Россіи въ то время почти не знали. Знатокомъ гжельскихъ глинъ былъ, несомнѣнно, Гребенщиковъ, о фабрикѣ котораго упомянуто выше, и который въ это время состоялъ президентомъ московскаго магистрата. Баронъ Черкасовъ обратился къ содѣйствію Гребенщикова и поручилъ ему [40] указать мѣсторожденія и породы гжельскихъ глинъ Гунгеру, отъ котораго, какъ отъ спеціалиста фарфороваго дѣла, зависѣло

выбрать тотъ или иной сортъ, послѣ произведенныхъ пробъ. Виноградовъ долженъ былъ присутствовать при выборѣ глинъ, въ качествѣ переводчика [40] и будущаго замѣстителя Гунгера, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ бергмейстеръ, могъ, конечно, дать важныя указанія и разъясненія при опредѣленіи свойствъ каждаго сорта глины.

Когда Гунгеръ оправился послѣ своей болѣзни, Гребенщиковъ доставилъ ему четыре сорта глинъ, взятыхъ изъ четырехъ сосѣднихъ деревень. [41] Гунгеръ призналъ фарфоровой глиной „жировку“ изъ деревни Жирова; что же касается „песчанки“ изъ деревни Коломенки, то она, по его заключенію, могла идти на кирпичи для обжигательныхъ печей. [42] Докладывая барону Черкасову о выборѣ глинъ, Гунгеръ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ о пожалованіи ему медали Ея Величества, по образцу которой обѣщалъ сдѣлать для пробы фарфоровую. [43] Была ли дана Гунгеру медаль неизвѣстно; пробы же онъ какія-то производилъ и увѣрялъ барона Черкасова, что онѣ были удачны. [44] Затѣмъ Гунгеръ съ Гребенщиковымъ и съ Виноградовымъ ѣздили осматривать въ натурѣ мѣста добыванія глинъ и взяли на мѣстѣ образцы какъ жировки, такъ и песчанки. [45] Глиняныя ямы были огорожены и постороннимъ лицамъ запрещено ими пользоваться. [46] Гунгеръ требовалъ для начала дѣла доставить 2000 пудовъ глины жировки и 6000 песчанки, [47] но потомъ ограничился требованіемъ для пробы 500 пудовъ первой и 2000 пудовъ второй. [48] Добыча глины, конечно, могла затянуться, но, по счастью, на мѣстѣ была разыскана у крестьянъ и пріобрѣтена вынутая и уже сухая глина, доставку которой въ Петербургъ баронъ Черкасовъ поручилъ Гребенщикову. [49]

Стр. 48.

Рис. 7. Собака, в. 4 в., корова, в. 3½ в., б. м. (Зимн. Дв.). Chien, h. 18 cm.; vache, h. 15,5 cm.

Гунгеръ, который побаивался, не придется ли ему оставаться въ Москвѣ, [50] могъ вмѣстѣ съ Виноградовымъ уѣхать отсюда 27 декабря. [50] 6 января они пріѣхали въ Петербургъ. [51] Вслѣдъ за ними была доставлена изъ Москвы глина. [52]

Въ Петербургѣ ближайшая задача состояла въ избраніи мѣста для будущей фабрики. Баронъ Черкасовъ остановился на мѣстѣ, расположенномъ на лѣвомъ берегу рѣки Невы, гдѣ и до сихъ поръ помѣщается Императорскій фарфоровый заводъ.

Вначалѣ фарфоровая фабрика не имѣла самостоятельнаго существованія, а была помѣщена при казенныхъ Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводахъ, [53] слѣдовательно, можно было воспользоваться какъ приспособленіями, такъ и людьми, умѣвшими уже обращаться съ глиной.

Однако, распоряженіе о помѣщеніи фабрики при Невскихъ кирпичныхъ заводахъ очень не понравилось Гунгеру, которому, конечно, пріятнѣе было бы жить въ Петербургѣ, чѣмъ за десять верстъ отъ города, да еще въ такомъ мѣстѣ, до котораго въ распутицу было ни дойти, ни доѣхать. Но и другія обстоятельства смущали Гунгера: онъ сталъ замѣчать, что ему не позволяютъ разыгрывать роль директора Императорской фабрики, какъ онъ разсчитывалъ, отправляясь въ Россію; на кирпичныхъ заводахъ онъ находился какъ бы въ чужомъ вѣдомствѣ и, дѣйствительно, попалъ не только подъ контроль, но, отчасти, подъ команду къ Трезину, который относился къ нему довольно подозрительно.

Гунгеръ попытался обратиться къ барону Черкасову съ промеморіею, [54] въ которой заявилъ, что учрежденіемъ фабрики за городомъ нарушается утвержденный Государынею контрактъ, что, помимо неудобства мѣста, на кирпичныхъ заводахъ имѣются только дере-

вянныя строенія, между тѣмъ для фабрики необходимы каменныя зданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гунгеръ требовалъ, чтобы ему немедленно были предоставлены права директора фабрики, свобода дѣйствій, наконецъ, гарантіи, что никто другой въ его дѣла не будетъ вмѣшиваться.

Стр. 49.
Рис. 8. Солдатъ у грѣлки, м. ✱, в. 3 в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго). Soldat, h. 13,5 cm.

На протесты Гунгера не обратили вниманія, разыгрывать роль директора еще не существовавшей фабрики ему не позволили: отъ него требовали прежде всего пробы въ маломъ видѣ, такъ какъ слѣдовало убѣдиться, есть ли основаніе заводить дѣло въ большихъ размѣрахъ. Точно также Гунгеру не была предоставлена и безусловная свобода дѣйствій, которую, кажется, онъ понималъ, преимущественно, какъ свободу въ распоряженіи денежными суммами. [55]

Между Гунгеромъ и Черкасовымъ стали два лица: съ одной стороны—Трезинъ, который передавалъ распоряженія Черкасова и наблюдалъ надъ ихъ исполненіемъ, съ другой—Виноградовъ, который получалъ на свои руки всѣ вещи и матеріалы по требованіямъ Гунгера.

Кабинетъ дѣятельно взялся за доставленіе всего необходимаго для фарфоровой фабрики, обращаясь къ различнымъ учрежденіямъ и собирая, гдѣ что возможно. Чего нельзя было найти въ запасѣ, то покупали или дѣлали на заказъ. [56]

Не всѣ, однако, матеріалы и предметы легко было разыскать на мѣстѣ: большихъ, напримѣръ, трудовъ стоило достать жернова и кобальтъ.

Гунгеръ требовалъ двѣ пары жернововъ изъ твердаго камня для устройства глазурной мельницы и два жернова точильныхъ. Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ въ Петербургѣ, [57] рѣшено было пріобрѣсть жернова частью за границей, частью же приготовить ихъ изъ мѣстнаго камня.

Для выписки изъ-за границы представлялся удобный случай, когда изъ Стокгольма ѣхала въ Россію семья Гунгера. По письму послѣдняго, [58] его зятю Генрихсену удалось достать и привезти въ Россію только одну пару жернововъ, сдѣланныхъ изъ „добраго бѣлаго кизеля“. [59] Изъ мѣстныхъ матеріаловъ пробовали сначала тосненскій камень, [60] но онъ оказался негоднымъ для фарфоровой мельницы, какъ содержащій много жилъ и цвѣтныхъ вкрапинъ („фарбъ“), которыя могли загрязнить глазурь; [61] остановились поэтому на олонецкомъ камнѣ. [62] Достать важнѣйшую въ то время краску для фарфора: кобальтъ—было сопряжено съ еще большими затрудненіями, чѣмъ жернова. [63] Въ Петербургѣ нашлось небольшое количество уже обожженнаго кобальта, [64] но, по пробѣ Гунгера, онъ оказался негоднымъ. [65] Рѣшено было купить по 100 фунтовъ кобальта въ Швеціи и Саксоніи. Сержантъ Воронинъ, ѣздившій за семьей Гунгера въ Стокгольмъ, могъ достать тамъ только 9 фунтовъ, остальное же количество русскій полномочный министръ въ Стокгольмѣ Люберасъ обѣщалъ доставить зимою. [66] Вывозъ кобальта изъ Саксоніи былъ строжайше запрещенъ, поэтому пришлось прибѣгнуть къ посредничеству дипломатіи: [67] полномочному россійскому министру при саксонскомъ дворѣ гр. М. Бестужеву-Рюмину удалось получить, чрезъ графа Брюля, королевское разрѣшеніе, [68] но такъ какъ готоваго кобальта въ продажѣ не нашлось, а пришлось добывать его въ горахъ, по заказу русскаго министра, [69] то въ Петербургѣ онъ былъ полученъ только въ концѣ сентября 1745 г. [70]

Пока доставлялись необходимые для дѣла матеріалы, шло устройство и приспособленіе для фабрики зданій. [71]

Для фабрики былъ отведенъ деревянный, повидимому, одноэтажный домъ, состоявшій изъ двухъ половинъ. Въ первой половинѣ поселился Гунгеръ съ Виноградовымъ

(семьи Гунгера въ это время еще не было въ Петербургѣ), вторая же половина заключала двѣ свѣтлицы. Гунгеръ предположилъ на первое время занять эти свѣтлицы на дѣланіе кирпичей, а впослѣдствіи отвести ихъ для точенія и раскрашиванія фарфора, въ виду чего требовалъ сдѣлать вездѣ крѣпкія двери и двойныя оконицы, чтобы не могла проникать въ помѣщеніе никакая пыль. Рядомъ строилась новая изба о двухъ свѣтлицахъ. Гунгеръ находилъ, что эта изба могла быть приспособлена для глинопромывальнаго отдѣленія; въ меньшей передней свѣтлицѣ должны были толочься глина и другіе матеріалы (для этого Гунгеръ требовалъ устройства здѣсь пола изъ дикаго камня); вторая, большая, свѣтлица предназначалась собственно для промыванія глины. Въ находившемся тутъ же на дворѣ большомъ амбарѣ Гунгеръ предполагалъ устроить обжигальную печь, требуя, чтобы амбаръ былъ покрытъ черепицей, а полъ его выстланъ кирпичемъ. [71]

Представляя барону Черкасову свои соображенія объ устройствѣ фабрики, Гунгеръ потребовалъ и необходимыхъ ему на первое время людей: [71] четырехъ солдатъ для караула, двухъ служителей для дома, двухъ человѣкъ для толченія земель, двухъ промывальщиковъ, одного дровокола, одного точильщика, одного формовщика и одного живописца.

Кабинетъ предписалъ [72] Трезину отпустить потребованныхъ Гунгеромъ людей изъ числа имѣвшихся на кирпичныхъ заводахъ. Но началу работъ мѣшала погода, такъ какъ Гунгеръ находилъ, что съ приготовленіемъ кирпича, извести и песку надо обождать, пока пройдутъ большіе холода. [71]

Съ весны приступили къ оборудованію зданій, къ устройству двухъ мельницъ, большой и малой обжигальныхъ печей; и въ этихъ работахъ, а также въ промывкѣ глины прошли весна и лѣто 1745 года. [73]

Осенью дѣло затянулось, благодаря медленности въ устройствѣ мельницъ, которыя дѣлалъ сначала мастеръ Брауэръ, замѣненный потомъ, по требованію Гунгера, Гиршбергеромъ. [74]

Къ концу осени, т. е. когда прошелъ уже цѣлый годъ послѣ пріѣзда Гунгера въ Россію, баронъ Черкасовъ сталъ выражать нетерпѣніе видѣть результаты работъ, тѣмъ болѣе, что ему непремѣнно хотѣлось поднесть Государынѣ, ко дню ея рожденія, 18 декабря, или къ Рождеству Христову, образецъ, который бы доказалъ, что всѣ труды и затраты производились не даромъ. [75] Черкасовъ послалъ Гунгеру для модели масляницу изъ саксонскаго сервиза [76] и вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ извѣстій о ходѣ работъ. [77]

Стр. 49.

Рис. 9. Охота на кабана, м. ✻, в. $3^1/_2$ в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Chasse au sanglier, h. 15,5 cm

Гунгеръ отвѣчалъ, [78] что всѣ работаютъ прилежно, и что хотя онъ лично, за болѣзнью, не выходитъ изъ комнаты, но отъ того для дѣла нѣтъ никакого урона, такъ какъ за него вездѣ работаетъ Виноградовъ. Гунгеръ обѣщалъ на той же недѣлѣ начать дѣлать „горшки“, но жаловался опять, что мельница еще неготова, слѣдовательно, настоящаго дѣла быть не можетъ. [78]

7 ноября Виноградовъ донесъ барону Черкасову, [79] что одноручная мельница работаетъ уже третій день, и „матерія выходитъ по желанію“, большая же мельница будетъ готова на дняхъ.

Баронъ Черкасовъ, однако, рѣшилъ самолично ознакомиться съ ходомъ работъ: 17 ноября онъ внезапно пріѣхалъ на фабрику—и нашелъ здѣсь большіе безпорядки. [80] Во всѣхъ зданіяхъ крыши были негодныя, потолки протекали, на полахъ стояли цѣлыя лужи, и отъ страшной сырости былъ „духъ дурной нестерпимъ“.

Черкасовъ потребовалъ объясненій отъ Трезина и комиссара кирпичныхъ заводовъ, которымъ раньше было поручено привести зданія въ надлежащій порядокъ. Они оправдывались тѣмъ, что будто бы къ исправленію зданій не допускалъ Гунгеръ. Съ своей стороны, Гунгеръ утверждалъ, что это клевета, и что Трезинъ, изъ злобы къ нему, дѣлаетъ все, что можно, стараясь дискредитировать его репутацію мастера.

Столкновеніе между Трезинымъ и Гунгеромъ явилось результатомъ тѣхъ натянутыхъ отношеній, которыя успѣли установиться между Гунгеромъ и окружающими. Ложное положеніе, въ которое онъ безтактно поставилъ себя съ перваго дня пріѣзда въ Россію, съ теченіемъ времени не улучшилось, и въ этомъ виноватъ былъ больше всего самъ Гунгеръ, который не хотѣлъ понять своего настоящаго положенія, какъ мастера, не хотѣлъ понять того, что ему не позволятъ присвоить, какъ онъ пробовалъ по пріѣздѣ въ Россію, исключительное положеніе, дающее право даже непосредственно представлять промеморіи Государынѣ. Правда, имъ пока дорожили, какъ человѣкомъ, знающимъ секретъ фарфороваго дѣла; но такъ какъ онъ выговорилъ себѣ хорошія условія, то и ему не было выгодно нарушать контрактъ, особенно послѣ пріѣзда его семьи въ Петербургъ. Благоразуміе требовало со стороны Гунгера мирныхъ и дружескихъ отношеній со всѣми сотрудниками, тѣмъ болѣе, что не особенно хорошіе слухи о немъ успѣли уже дойти до Петербурга. [25]

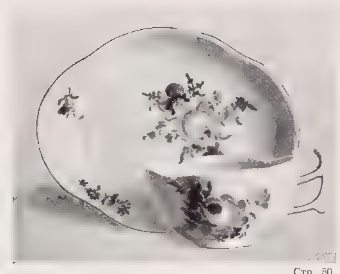
Стр. 50.

Рис. 10. Сливочникъ, чайникъ, кофейникъ, сахарница, б. м., в. 2½, 2½, 4¼, 3½ в. (Зимній Дворецъ).

Pot à créme, théière, cafétière, sucrier, h. 11, 11, 19, 15,5 cm.

Но Гунгеръ добивался невозможнаго и вздумалъ бороться, не сообразивъ, что эта борьба не можетъ имѣть благопріятнаго для него исхода. Баронъ Черкасовъ — человѣкъ, по характеру, весьма тяжелый – по общему направленію политики Императрицы Елисаветы, не проявлялъ ни малѣйшей склонности оказывать особенное покровительство иностранцу; Трезинъ — обрусѣвшій италіанецъ съ характеромъ тоже не изъ мягкихъ – не могъ питать любви къ нѣмцу, о которомъ, вдобавокъ, ходили слухи какъ о шарлатанѣ, а Виноградовъ — ученый бергмейстеръ—едва ли былъ склоненъ служить только слѣпымъ исполнителемъ указаній Гунгера.

Отъ Гунгера требовали прежде всего доказать знаніе искусства, а затѣмъ научить этому искусству русскихъ людей. Онъ же хотѣлъ разыгрывать роль таинственнаго алхимика (по меньшей мѣрѣ въ родѣ своего учителя Беттхера), въ качествѣ директора Императорской мануфактуры.

Стр. 50.

Рис. 11. Чашка, д. 2 в.; блюдце, д. 3 в., б. м. (колл. Н. А. Лукутина).
Tasse, l. 9 cm.; soucoupe, l. 13,5 cm.

Гунгеръ пробовалъ окружить себя преданными людьми, [81] освободиться отъ Виноградова и имѣлъ въ виду передать своему зятю Генрихсену вмѣстѣ съ секретомъ фарфороваго состава и директорство надъ фабрикою.

Но баронъ Черкасовъ мало обращалъ вниманія на эти домогательства Гунгера, наоборотъ, онъ имѣлъ въ виду рѣшительно отстранить его отъ какихъ бы то ни было хозяйственныхъ распоряженій: Гунгеръ могъ предъявлять только требованія, всѣ же покупки, платежи производились или Трезинымъ, или Виноградовымъ, при чемъ весь инвентарь и всѣ матеріалы сдавались опять таки подъ отвѣтственность не Гунгера, а Виноградова. [82]

Несомнѣнно, что на почвѣ такихъ отношеній между Гунгеромъ и Трезинымъ возникали не разъ столкновенія, поведшія къ обостренію взаимнаго неудовольствія, вслѣдствіе чего Гунгеръ и не желалъ обращаться къ Трезину ни съ какой просьбой, хотя бы въ интересахъ дѣла, а Трезинъ, съ своей стороны, не особенно радѣлъ этому дѣлу и, вѣроятно, былъ бы доволенъ, если бы послѣдовала неудача, и оправдалось его мнѣніе о Гунгерѣ, какъ о шарлатанѣ и обманщикѣ, которое онъ, не стѣсняясь, высказывалъ открыто.

Хотя баронъ Черкасовъ, повидимому, винилъ въ непорядкахъ на фабрикѣ Трезина, [83] но съ этого времени положеніе Гунгера замѣтно ухудшается, зато начинаетъ выдвигаться на первый планъ личность Виноградова: Гунгеръ уже не можетъ ничего дѣлать помимо Виноградова, который самостоятельно заявляетъ требованія, наблюдаетъ за работами и рапортуетъ барону Черкасову.

Стр. 51.

Рис. 12. Чашка и блюдце, м. ✱, в. $1\frac{1}{8}$ в., д. 3 в. (Имп. Зав.).
Tasse, h. 5 cm.; soucoupe, d. 13,5 cm.

Впрочемъ, Гунгеръ могъ еще легко создать себѣ почетное положеніе, доказавъ свое искусство. Но тутъ-то Гунгера и ждала неудача. Какъ только приступили къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, тотчасъ обнаружилось, что Гунгеръ, во всякомъ случаѣ, далеко не опытный мастеръ: оказалось, что при оборудованіи фабрики были допущены ошибки, которыя пришлось исправлять, руководясь не спеціальными знаніями Гунгера, а указаніями опыта и научными свѣдѣніями Виноградова. Надо было исправлять мельницы, замѣнять чугунныя иготи, въ которыхъ толкли кварцъ, ступами изъ жерноваго камня и т. п. [84]

Въ ноябрѣ Гунгеръ сталъ заявлять, что не можетъ опредѣлить точно дня, когда представитъ пробу съ глазурью. [85] Въ концѣ этого же мѣсяца онъ сдѣлалъ три пробы съ глазурью. „Послѣдняя, по его объявленію, (такъ доносилъ въ Кабинетъ Виноградовъ) [86] лучше другихъ вышла, только еще несовсѣмъ удалась. Однакожъ онъ (т. е. Гунгеръ) впредь въ удачѣ глазуры сумнительства не имѣетъ“.

Какъ бы то ни было, но проба къ сроку не поспѣла: за два дня до назначеннаго срока Гунгеръ объявилъ, что такъ какъ глазурь приготовлена въ недостаточномъ еще количествѣ, кромѣ того надо напередъ протопить печь съ одними лишь капселями, то сдѣлать пробу къ назначенному числу невозможно. Онъ обѣщалъ представить таковую наканунѣ новаго года. [87]

Едва ли барону Черкасову была пріятна такая отсрочка, хотя въ данномъ случаѣ Гунгеръ имѣлъ право на снисхожденіе, такъ какъ фабрика была поздно оборудована. Но, вмѣсто обѣщанной пробы, Гунгеръ наканунѣ новаго года представилъ барону Черкасову жалобу на Виноградова, [88] съ которымъ у него дошло, наконецъ, до открытаго разрыва. При столкновеніи лицомъ пострадавшимъ являлся Гунгеръ, но вина была обоюдная. Гунгеру, очевидно, сильно не понравилось, что, послѣ посѣщенія фабрики барономъ Черкасовымъ, Виноградовъ сталъ непосредственно сноситься съ Кабинетомъ и барономъ и, такъ сказать, заслонилъ Гунгера. Свою досаду Гунгеръ вымещалъ тѣмъ, что скрывался передъ Виноградовымъ въ своихъ работахъ и опытахъ при составленіи массы и глазури. Это можно заключить изъ рапортовъ Виноградова, [86] гдѣ тотъ, вначалѣ очень осторожно, а впослѣдствіи безъ обиняковъ, жалуется, что Гунгеръ дѣлаетъ опыты безъ него. Не довольствуясь этимъ, Гунгеръ, какъ человѣкъ мелочной, хотѣлъ показать предъ людьми, работавшими на фабрикѣ, что онъ начальникъ, и что Виноградовъ ему подчиненъ. Съ этой цѣлью, онъ требовалъ отъ караульныхъ солдатъ, чтобы тѣ сообщали ему, въ какое время Виноградовъ возвращается домой. Виноградовъ же, дѣйствительно, если и не всегда, какъ утверждалъ Гунгеръ, то, несомнѣнно, довольно часто проводилъ ночи внѣ дома. Виноградовъ довѣдался о распросахъ Гунгера и, возвратясь какъ-то въ нетрезвомъ состояніи около 11 часовъ вечера („паче чаянія“—говоритъ Гунгеръ), ворвался въ квартиру Гунгера съ палкой и кортикомъ (по словамъ Гунгера) и требовалъ объясненія въ его поведеніи. Гунгеръ, испугавшись ли Виноградова, а можетъ быть просто, желая пугнуть его и разыграть начальство, сказалъ, что онъ имѣетъ на то распоряженіе отъ барона Черкасова. Тогда Виноградовъ вышелъ изъ себя и сильно Гунгера поносилъ. „Такимъ я образомъ здѣсь въ Россіи отпотчеванъ нахожусь!“ -восклицаетъ Гунгеръ и заявляетъ: „Я на фабрику до тѣхъ мѣстъ не пойду, пока сей безбожный человѣкъ при оной быть имѣетъ, и мнѣ совершенной команды надъ всѣмъ дѣломъ дано не будетъ“.

Стр. 50.
Рис. 13. Сахарница, чайникъ, сливочникъ, б. м., в. 2, 2½, 2½ в. (колл. Н. И. Лукутина).
Sucrier, théière, pot à crême, h. 9, 11, 11 cm.

Баронъ Черкасовъ Виноградова отъ фабрики не устранилъ, а тѣмъ болѣе никакой команды Гунгеру не далъ. Зато онъ рѣшилъ съ новаго года учредить болѣе существенный надзоръ за фабрикою и завести тамъ опредѣленный порядокъ.

Раньше расходы по устройству и оборудованію фабрики производились изъ суммъ кирпичныхъ заводовъ, при чемъ деньги выдавалъ Трезинъ и о расходахъ подавалъ въ Кабинетъ ежемѣсячныя вѣдомости. [89] Теперь, когда фабрика была уже устроена, баронъ Черкасовъ распорядился поставить ее въ финансовомъ отношеніи независимо отъ кирпичныхъ заводовъ и Трезина. Кабинетъ принялъ расходы непосредственно на себя и на первое время опредѣлилъ выдать авансомъ 500 рублей. Эти деньги вручены были новому комиссару кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ капитану Прасолову, которому было указано производить всѣ необходимые расходы, записывать полученія и выдачи въ особыя шнуровыя приходо-расходныя книги и рапортовать въ Кабинетъ. [90]

Вопросъ о непосредственномъ распоряженіи на фабрикѣ остался пока открытымъ. Хотя баронъ Черкасовъ и не отстранилъ отъ фабрики Виноградова, какъ того требовалъ Гунгеръ, но жалоба Гунгера имѣла нѣкоторыя послѣдствія для Виноградова: первые мѣсяцы 1746 года онъ находился какъ-бы въ опалѣ: капитану Прасолову предписано [91] производить расходы по требованіямъ Гунгера и мельничнаго мастера Гиршбергера; Гунгеръ опять

начинаетъ сноситься съ Черкасовымъ промеморіями, хлопочетъ объ увеличеніи жалованья нѣкоторымъ изъ мастеровыхъ на фабрикѣ, проситъ оставленія на казенномъ жалованьѣ саксонскаго бергмана Христіана Вернера, котораго онъ держалъ при себѣ съ прошлаго года для работъ въ лабораторіи. [92] Ходатайства Гунгера были уважены, баронъ Черкасовъ согласился даже вызвать, по его просьбѣ, изъ Стокгольма точильщика Нильса Андерсона Фрелинга, работавшаго тамъ на фаянсовой фабрикѣ. [93]

Но Гунгеръ имѣлъ неосторожность обнаружить истинныя свои намѣренія и причины, почему ему не нравилось присутствіе на фабрикѣ Виноградова. Онъ понималъ превосходство научно образованнаго бергмейстера, котораго нельзя было дурачить и отъ котораго трудно было уберечься съ секретами. А этого-то секрета Гунгеръ и не хотѣлъ, вопреки контракту, открыть никому изъ русскихъ людей.

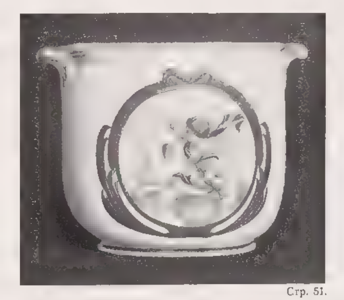
Уже приглашеніе, первоначально даже на свой счетъ, саксонца Вернера, въ качествѣ помощника при лабораторныхъ работахъ, не могло имѣть иной цѣли, какъ устраненіе Виноградова. Воспользовавшись грубымъ поступкомъ Виноградова, Гунгеръ, какъ-бы на законномъ основаніи, требовалъ его удаленія изъ фабрики. Наконецъ, Гунгеръ неосторожно далъ понять, что своихъ секретовъ онъ не желаетъ никому передать. [94]

Баронъ Черкасовъ пришелъ къ заключенію, что будущность фабрики зависитъ отъ Виноградова. Опала съ него была снята: рапорты снова поступаютъ въ Кабинетъ и къ Черкасову отъ имени Виноградова.

Къ началу 1746 года фабрика была достаточно оборудована и имѣла необходимый для работъ комплектъ рабочихъ и мастеровыхъ. При ней состояли, [95] кромѣ Гунгера, Виноградова и мельничнаго мастера Гиршбергера, десять человѣкъ рабочихъ и мастеровыхъ, не считая караульныхъ солдатъ. Всѣ они, кромѣ саксонца Вернера, работали раньше на кирпичныхъ и черепичныхъ заводахъ. Жалованья имъ было опредѣлено отъ 1 до 4 руб. въ мѣсяцъ, только Вернеръ получалъ 6 рублей. Пока-что, промывали глину, и точильщикъ дѣлалъ капселя, для точенья же фарфорой посуды ждали упомянутаго выше Фрелинга изъ Стокгольма.

Съ весны 1746 года надѣялись приступить къ производству въ полномъ смыслѣ: „къ большому дѣлу“. Остановка была за Гунгеромъ, который все еще не показалъ „настоящей пробы.“ Гунгеръ, однако, обнадеживалъ барона Черкасова и потребовалъ заблаговременно доставить изъ Москвы 12000 пудовъ глины песчанки. [96]

Доставка глины была поручена опять Гребенщикову. [97] Изъ письма барона Черкасова къ Гребенщикову, въ которомъ первый проситъ послѣдняго лично наблюдать за выборкой глины, видно, что Гунгеръ ошибся и при первоначальной пробѣ глины. Ближайшіе опыты показали, что мылянка для фарфоровой массы негодна, такъ какъ отъ нея трудно было отдѣлять песокъ, а послѣ обжига она получала желтый цвѣтъ. Наоборотъ, песчанка легко промывалась и изъ огня выходила бѣлой. [98]

Стр. 51.

Рис. 14. Кашпо, б. м., в. 2½ в. (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ). Cachepot, h. 11 cm.

Въ томъ же письмѣ баронъ Черкасовъ просилъ Гребенщикова прислать изъ его фабрики одного точильщика и одного формовщика большой посуды, обѣщая назначить имъ хорошее жалованье, ибо въ Петербургѣ такихъ мастеровыхъ достать было невозможно. Гребенщиковъ исполнилъ просьбу барона Черкасова и послалъ къ нему точильщика Филиппа Федорова и формовщика Петра Леонтьева. Имъ было назначено жалованье каждому по 6 рублей въ мѣсяцъ. (У Гребенщикова они вырабатывали по 3—4 рубля). [99]

Въ ожиданіи теплаго времени, пополнялся инвентарь, пріобрѣтались матеріалы. [100] Для расширенія фабрики

былъ исправленъ и отданъ домъ, предназначавшійся раньше для производства печныхъ изразцовъ. [101] Въ то же время Гиршбергеръ устраивалъ новую мельницу. [102]

Баронъ Черкасовъ денегъ не жалѣлъ: втеченіе 1746 года было израсходовано Кабинетомъ болѣе двухъ тысячъ рублей. [103] Понятно, что съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждали удовлетворительныхъ результатовъ опытовъ Гунгера и плодовъ всѣхъ хлопотъ и затратъ.

Стр 51.

Рис. 15. Бутылочникъ, б. м., в. $2^{1}/_{2}$ в. (коллекція П. И. Щукина). Bouteiller, h. 11 cm.

Два обстоятельства усилили желаніе барона Черкасова ускорить дѣло.

Съ одной стороны, Гребенщиковъ, въ письмѣ отъ 24 марта 1746 года, [104] по поводу отправки въ Петербургъ гжельской глины, писалъ, между прочимъ: „Я съ дѣтьми своими весьма отъ усердія имѣю трудъ и стараніе, чтобъ какъ возможно ускорить фарфоровыми чашками противъ порцелиннаго мастера Гунгера крѣпостію и бѣлизною; сыскали изъ потребныхъ россійскихъ матеріаловъ и, сдѣлавъ бѣлую для показанія вашему высокопревосходительству, посылаю чашку... Извольте... чашу посмотрѣть и, что къ подправленію надлежитъ, пожаловать дать наставленіе, а я еще съ дѣтьми своими и паки приложу стараніе и трудъ.“

Позднѣе, 13 октября 1746 г., Гребенщиковъ написалъ Черкасову новое письмо, [105] въ которомъ жаловался на тягость своего положенія въ качествѣ президента московскаго магистрата; онъ просилъ уволить его отъ этой должности, чтобы имѣть возможность посвятить все время своимъ лосинной и ценинной фабрикамъ и „для изысканія къ пользѣ Россійской имперіи въ произвожденіи фарфоровой посуды“.

Хотя Черкасовъ и относился дружелюбно къ Гребенщикову, но трудно допустить, что ему было бы пріятно, если бъ Гребенщиковъ опередилъ Императорскую фабрику въ изобрѣтеніи настоящаго фарфора.

Еще менѣе могъ быть доволенъ баронъ Черкасовъ, когда, въ концѣ 1746 года, Лебратовскій донесъ Государынѣ объ узнанномъ отъ китайцевъ секретѣ фарфороваго производства. [106]

Между тѣмъ, прошли весна, лѣто, наступила осень 1746 года, а Гунгеру все еще не удалось показать „настоящей пробы“.

Надлежитъ остановиться на опытахъ Гунгера, чтобы опредѣлить, почему онъ такъ долго не могъ доказать своего искусства.

Массу Гунгеръ составлялъ изъ: 1) гжельской глины – сначала мылянки, а затѣмъ песчанки, 2) бѣлаго кварца съ Петровскихъ заводовъ и 3) чистаго алебастра. [107]

Глазурь составлялась изъ: 1) глины песчанки, 2) кварца, 3) мѣла или алебастра. [107]

Въ какой относительной пропорціи брались матеріалы для массы и глазури, мало извѣстно. Весьма вѣроятно, что причина неудачныхъ опытовъ заключалась прежде всего въ этихъ пропорціяхъ.

Во всякомъ случаѣ, видно, что масса Гунгера, а также и глазурь имѣла различный составъ отъ обычнаго теперешняго фарфора.

Стр 51

Рис. 16. Бутылочникъ, б. м., в. $2^{1}/_{2}$ в. (коллекція П. И. Щукина). Bouteiller, h. 11 cm

По словамъ Виноградова, [108] Гунгеръ, въ концѣ 1745 года, въ первый разъ обжигалъ фарфоровую посуду въ сдѣланной имъ печи сосновыми дровами. Опытъ совершенно не удался: посуда вышла непрозрачная, безъ глянцу, весьма желтаго цвѣта. Гунгеръ приписывалъ неудачу сосновымъ дровамъ, которыя, по его мнѣнію, давали мало жару и оставляли много углей, благодаря чему посуда выходила

желтой. Поэтому онъ потребовалъ еловыхъ дровъ. Въ февралѣ 1746 года пробовали въ печи новыя дрова,[109] а 18 апрѣля обжигали этими дровами глазурованную посуду.[110] И этотъ опытъ не удался. Гунгеръ нѣсколько разъ повторялъ его и каждый разъ неудачно. Тогда онъ, усмотрѣвъ причину неудачи въ обжигальной печи, сталъ передѣлывать ее на всякіе лады.[107] Въ іюнѣ и въ іюлѣ опыты повторяли почти каждую недѣлю и каждый разъ неудачно.[107]

Гунгеръ опѣшилъ и, не зная, какъ помочь дѣлу, придумывалъ всевозможныя причины неудачи: обвинялъ каменьщиковъ, неправильно, будто бы, сложившихъ печь, которая, притомъ, была построена на мокромъ мѣстѣ; жаловался на ненастную погоду и негодныя дрова; наконецъ, высказалъ подозрѣніе, не заворожилъ ли кто печь?[107]

Передѣлавъ еще разъ печь, 1-го августа повторили опытъ съ обжиганіемъ снова сосновыми дровами и на этотъ разъ съ относительнымъ успѣхомъ: масса вышла достаточно прозрачной и съ глянцемъ, но, за передачею огня, посуда вся или сѣла, или сплылась. Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ показалъ, что сосновыя дрова, вопреки мнѣнію Гунгера, годны къ обжиганію фарфора.[107]

Стр. 51

Рис. 17. Кружка, м. ✱, в. 5 в. (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ). Gobelet à anse, h. 22,5 cm.

Оставляя въ сторонѣ причины неудачи, которыя могли лежать въ неправильныхъ пропорціяхъ состава массы и глазури, въ неправильномъ устройствѣ печи и другихъ обстоятельствахъ, изъ всѣхъ опытовъ Гунгера видно, что онъ былъ неопытенъ въ дѣланіи фарфора во всей совокупности производства. По всей вѣроятности, онъ зналъ лишь составъ массы и глазури, но и то не точно, а объ остальныхъ операціяхъ, особенно объ обжигѣ посуды, имѣлъ лишь смутное представленіе.

При такомъ положеніи, Гунгеру былъ прямой разсчетъ жить въ ладу съ Виноградовымъ, который могъ своими знаніями химіи и металлургіи, оказать существенную пользу.

Одно время Гунгеръ, дѣйствительно, какъ будто примирился съ Виноградовымъ и прибѣгалъ къ его услугамъ.[111] Но примиреніе не было искреннимъ: въ іюлѣ Виноградовъ жаловался на интриги Гунгера; то же подтвердилъ и Прасоловъ.[112] Въ концѣ года дѣло дошло до новаго столкновенія между Гунгеромъ и Виноградовымъ, на этотъ разъ съ довольно нѣпріятными для перваго послѣдствіями. 20-го ноября Виноградовъ явился въ Кабинетъ и принесъ здѣсь на Гунгера формальную жалобу.[113] Сущность жалобы заключалась въ слѣдующемъ: 1) Гунгеръ не желаетъ давать никакихъ объясненій Виноградову въ производимыхъ имъ работахъ и опытахъ, 2) наоборотъ, ко всѣмъ работамъ допускаетъ своего зятя и 3) запрещаетъ мастеровымъ и рабочимъ исполнять распоряженія Виноградова, называя себя главнымъ командиромъ. На указанія Виноградова, что ему отъ Кабинета поручено все дѣло, Гунгеръ заявилъ, что если бы это было такъ, то онъ совсѣмъ дѣло броситъ.

Угроза Гунгера теперь не могла подѣйствовать: въ немъ мало уже нуждались, ибо матеріалы, входящіе въ составъ фарфора, Виноградову были извѣстны, неопытность Гунгера стала для всѣхъ очевидна, а его заносчивость успѣла всѣмъ надоѣсть.

На другой же день Кабинетъ предъявилъ Гунгеру пункты,[114] требуя какъ обстоятельнаго отвѣта на обвиненія Виноградова, такъ и объясненія, почему до сихъ поръ, за такое долгое время, онъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ массы и обжига въ ручномъ горну. Отъ него требовали категорическаго отвѣта: знаетъ ли онъ въ совершенствѣ фарфоровое

производство и умѣетъ ли обжигать глазурованныя вещи въ большой фарфоровой печи. „Ибо — такъ заключались пункты Ея Императорское Величество великихъ иждивеній, употребляемыхъ на оное дѣло, но туне, болѣе употреблять не изволитъ“.

Гунгеръ еще не хотѣлъ сдаться и признать свою несостоятельность. Въ отвѣтъ на пункты (собственно на послѣдній пунктъ, такъ какъ только этотъ пунктъ и былъ для него переведенъ на нѣмецкій языкъ), онъ написалъ барону Черкасову письмо, [115] въ которомъ утверждалъ, что „все порцелинное искусство и науку совершенно“ знаетъ, что замедленіе въ дѣлѣ произошло, благодаря лишь великимъ и неожиданнымъ препятствіямъ, которыя, однако, онъ уже преодолѣлъ. Онъ обѣщалъ еще до окончанія года показать „существительную порцелинную пробу“, „которая саксонскому порцелину ни въ чемъ не уступитъ“, но просилъ оставить его въ покоѣ, требовалъ также „совершенной команды и подчиненія“ всѣхъ рабочихъ и солдатъ, состоявшихъ при фабрикѣ. Въ покоѣ его оставили, но никакой команды не дали. Вообще, съ этого времени Гунгеръ, репутація котораго во всѣхъ отношеніяхъ была подорвана, съ каждымъ днемъ отодвигается на задній планъ, а дѣло переходитъ въ руки Виноградова, на котораго теперь баронъ Черкасовъ и возлагаетъ всѣ надежды. Гунгеръ оставался при фабрикѣ еще около двухъ лѣтъ, но никакого вліянія уже не имѣлъ, ничего почти не дѣлалъ, но также и жалованье не всегда получалъ и сталъ терпѣть нужду: ему пришлось закладывать свои вещи, [116] приходилось просить барона Черкасова о пособіи, [117] пришлось, наконецъ, сознаться и въ своемъ невѣжествѣ: онъ отказался привести фарфоровую фабрику въ лучшее состояніе, а вмѣсто фарфора обѣщалъ дѣлать фаянсъ. [118] Но и тутъ ничего не вышло, [118] можетъ быть, потому, что Гунгеръ былъ уже старъ и часто болѣлъ, отчасти, можетъ быть, потому, что не встрѣчалъ поддержки со стороны барона Черкасова и Виноградова, а всего вѣроятнѣе — по недостаточному знанію и этого дѣла.

Стр. 51.
Рис. 18. Чашка гр. Разумовскаго, м. ❀, в. 1⁵/₁₆ в. (Имп. Зав.).
Tasse à couvercle, h. 5,75 cm.

Онъ дѣлалъ еще кой-какія попытки доказать, что его несправедливо устранили отъ дѣла: производилъ какіе-то опыты, пробовалъ объясниться съ барономъ Черкасовымъ, ходилъ по знакомымъ и показывалъ имъ вещи своего производства. Напримѣръ, въ іюнѣ 1747 года, въ домѣ живописца Каравака онъ показывалъ какую-то „лощатую“ чашку, въ присутствіи кабинетъ-секретаря Ивана Морсочникова, которому чашка показалась довольно удачной. Баронъ Черкасовъ заинтересовался чашкою и приказалъ Виноградову взять ее у Гунгера и прислать ему или, по крайней мѣрѣ, дать объясненіе, что это за вещь. [119]

Стр. 51
Рис. 19. Тарелка, м. ❀, д. 3½ в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Assiette, d. 15,5 cm.

Виноградовъ прислалъ чашку, но объяснилъ, что сдѣлана она была еще прошлымъ лѣтомъ и многократно обжигалась безъ всякой удачи, и что, наконецъ, она была вновь наглазурована и обожжена Гунгеромъ не въ большой печи, а въ ручномъ горну угольями, слѣдовательно, ее нельзя принимать за образецъ. [120]

Послѣ этого баронъ Черкасовъ распорядился съ сентября прекратить совсѣмъ выдачу Гунгеру жалованья. [118]

Въ то же время очень плохо шли и дѣла зятя Гунгера Генрихсена. [118] Генрихсенъ былъ выписанъ въ Россію въ качествѣ миніатюриста, для рисованія на финифти и на фарфорѣ. Баронъ Черкасовъ хотѣлъ прежде узнать настоящую ему цѣну, а потому, не заключая контракта, поручилъ ему написать на финифти одну вещь для пробы. Работа была выполнена недурно. Тогда Генрихсену

поручили написать 16 миніатюрныхъ портретовъ Государыни (тоже на финифти). Потреты сама Государыня признала неудовлетворительными „для плохой работы и великаго несходства“. [118] Генрихсену, въ видѣ вознагражденія, было выдано за работу 400 рублей, [118] но контракта съ нимъ заключать не хотѣли, вслѣдствіе его неумѣренныхъ требованій. [121] Видя, что дѣла тестя идутъ съ каждымъ днемъ все хуже, Генрихсенъ не особенно уже хотѣлъ оставаться въ Россіи, и когда, въ февралѣ 1748 года, Кабинетъ поручилъ ему написать на финифти образъ Воскресенія Христова для панагіи, онъ отказался, заявляя, что намѣренъ уѣхать въ Швецію, если не будетъ заключенъ съ нимъ контрактъ, на поставленныхъ имъ условіяхъ. [118]

Стр. 50.

Рис. 20. Флаконъ, подсвѣчникъ, флаконъ, б. м., в. 3, 2, 2½ в.
(колл. Н. И. Лукутина и С. и В. Евдокимовыхъ).
Flacon, bougier, flacon, h. 13,5, 9, 11 cm.

Дѣйствительно, въ маѣ онъ ходатайствовалъ уже чрезъ шведскаго министра при Петербургскомъ Дворѣ о паспортѣ для выѣзда изъ Россіи. [122] Въ ноябрѣ онъ обратился къ барону Черкасову съ прошеніемъ о позволеніи выѣхать изъ Россіи и о вознагражденіи за время пребыванія въ Петербургѣ. [123]

Баронъ Черкасовъ рѣшилъ отдѣлаться по этому случаю отъ Генрихсена и отъ Гунгера.

10 ноября 1748 года, изъ Кабинета Гунгеру былъ посланъ указъ съ объявленіемъ „апшита“. [124]

Гунгеръ имѣлъ непріятность получить свою отставку изъ рукъ Виноградова, которому баронъ Черкасовъ поручилъ [125] также предложить Гунгеру очистить квартиру и не давать ему больше ни дровъ, ни свѣчъ.

Одновременно съ отставкой Гунгера, Кабинетъ обратился въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ съ отношеніемъ, [118] въ которомъ требовалъ выдачи паспортовъ для Гунгера и Генрихсена, при чемъ самымъ подробнымъ образомъ, съ представленіемъ даже оправдательныхъ документовъ, мотивировалъ причины увольненія ихъ обоихъ отъ службы на фабрикѣ.

Выписка и содержаніе Гунгера въ Петербургѣ стоили русскому правительству 7778 руб. 33 коп., не считая квартиры, отопленія и освѣщенія, въ томъ числѣ, по счету Кабинета, 4175 руб. 1 коп. было передано сверхъ договорной суммы. [118]

Какое же значеніе Гунгера въ исторіи Императорскаго фарфороваго завода?

Не имѣя ни научныхъ знаній, ни знаній, пріобрѣтенныхъ практикою, Гунгеръ воображалъ, что обладаніе секретомъ фарфороваго состава создастъ ему прочное положеніе. Но одного секрета оказалось слишкомъ мало для учрежденія и веденія фабрики. Можетъ быть, если бы онъ имѣлъ возможность производить опыты въ болѣе молодые годы и имѣлъ для этого неопредѣленный срокъ, то ему и удалось бы, въ концѣ концовъ, дойти до извѣстной степени совершенства. Но баронъ Черкасовъ былъ, конечно, вполнѣ правъ, находя, что лучше поручить производство дальнѣйшихъ опытовъ и улучшеніе фабрики болѣе молодому, энергичному и научно подготовленному Виноградову.

Стр. 50.

Рис. 21. Ваза, б. м., в. 4½ в.
(коллекція С. и В. Евдокимовыхъ).
Vase, h. 19 cm.

Итакъ, роль Гунгера въ исторіи Императорскаго фарфороваго завода сводится къ одному: при всемъ нежеланіи, онъ долженъ былъ открыть Виноградову, насколько самъ зналъ, секретъ состава фарфоровой массы и глазури, но указанныя имъ пропорціи были только приблизительными и

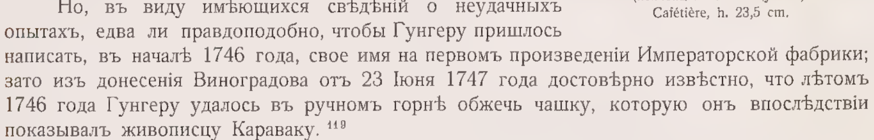
Стр. 51

Рис. 22. Кофейникъ, м. ✱, в. $5^{1}/_{4}$ в. (коллекція П. И. Щукина). Cafétière, h. 23,5 cm.

составъ невполнѣ вѣрный; онъ далъ смутное понятіе объ устройствѣ обжигальной печи, способѣ обжиганія и, быть можетъ, нѣкоторое представленіе о фарфоровыхъ краскахъ. И больше онъ дать ничего не могъ, такъ какъ самъ ничего больше не зналъ.

Возникаетъ теперь вопросъ: были ли сдѣланы Гунгеромъ на Петербургской фабрикѣ какія-либо вещи?

Когда отъ Гунгера ожидали первой пробы, которую онъ обѣщалъ представить къ 18 декабря 1745, потомъ къ 1 января 1746 года, то ему приказано было сдѣлать чашку съ блюдцемъ и на этой первой вещи сдѣлать слѣдующія надписи: [126] на одной сторонѣ чашки въ медальонѣ: „Іли не імать власти скуделникъ набреніи. Кримляномъ глава 19: стихъ 21.“ На другой сторонѣ чашки, въ медальонѣ или на днѣ блюдца: „Первое в Россіи ј изъ земли россійской при благополучномъ владѣніи всероссійскимъ Імператорскимъ престоломъ Еѣ Імператорского Величества Елизаветъ Петровны Самодержицы всероссійской въ 5-мъ году гдарствованія Еѣ при Санктъ-петербурхе на кирпичныхъ заводахъ. Годъ, мцъ, число, имя мастеру.“

Но, въ виду имѣющихся свѣдѣній о неудачныхъ опытахъ, едва ли правдоподобно, чтобы Гунгеру пришлось написать, въ началѣ 1746 года, свое имя на первомъ произведеніи Императорской фабрики; зато изъ донесенія Виноградова отъ 23 Іюня 1747 года достовѣрно извѣстно, что лѣтомъ 1746 года Гунгеру удалось въ ручномъ горнѣ обжечь чашку, которую онъ впослѣдствіи показывалъ живописцу Караваку. [119]

Баронъ Черкасовъ въ 1748 году, когда увольнялъ Гунгера, писалъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, [118] что Гунгеръ за все время своего пребыванія на фабрикѣ сдѣлалъ только полъ-дюжины чашекъ, да и тѣ не имѣли ни цвѣту порцелиннаго, ни формы: были черны и покривлены.

Такимъ образомъ, отъ Гунгера могло остаться очень немного и весьма плохого достоинства вещей.

Въ музеѣ Императорскаго фарфороваго завода хранится маленькая продолговатая съ закругленными четырьмя углами чашка, которая, по традиціи, считается первой вещью, сдѣланной на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ (рис. 6).

Что чашка сдѣлана на Императорской фабрикѣ, нѣтъ основаній сомнѣваться: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ ея признаки и, между прочимъ, выдавленные въ тѣстѣ на днѣ двуглавый орелъ и знакъ Меркурія. Но на чашкѣ имѣется также условный знакъ: 15, обозначающій номеръ массы, составленной Виноградовымъ уже послѣ отставки Гунгера.

III. ПЕРІОДЪ ВИНОГРАДОВА.

Періодъ существованія Императорской фарфоровой фабрики, обнимающій одиннадцать лѣтъ, отъ 1747 по 1758 г., можетъ быть названъ виноградовскимъ.

Когда несостоятельность Гунгера стала очевидной и нельзя уже было питать никакихъ надеждъ на постановку имъ дѣла, тогда, естественно, являлся вопросъ: существовать или не существовать фабрикѣ.

Ближайшимъ образомъ, вопросъ сводился къ разрѣшенію задачи: возможно ли получить путемъ обжиганія въ большой печи предметы безъ искаженія формъ и такого цвѣта,

который составляетъ существенное свойство фарфоровой массы. Работая только съ ручными угольными горнами, фабрика должна была бы ограничиться выдѣлкою самыхъ маленькихъ предметовъ, въ родѣ чайныхъ чашечекъ, и въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Привести фабрику въ надлежащее положеніе можно было двоякимъ способомъ: или выписать изъ-за границы опытнаго мастера, или довѣрить фабрику Виноградову.

Первый путь былъ, конечно, короче: опытный мастеръ могъ бы сразу поставить дѣло. Но гдѣ было искать такого мастера? Опытные мастера и въ Западной Европѣ очень цѣнились: въ Мейссенѣ ихъ держали подъ постояннымъ наблюденіемъ, изъ опасенія, что, съ распространеніемъ фарфороваго производства въ другихъ странахъ, пострадаютъ интересы королевской фабрики. Наконецъ, выписываніе заграничнаго мастера сопряжено было съ рискомъ имѣть дѣло съ шарлатаномъ.

Второй путь былъ гораздо длиннѣе: Виноградовъ до всего долженъ былъ доходить самъ путемъ многочисленныхъ опытовъ. Онъ долженъ былъ самъ изобрѣтать машины, устраивать печи, изыскивать пропорціи составныхъ частей фарфоровой массы и глазури, составлять краски, обучать всѣхъ мастеровыхъ. При выполненіи такой трудной задачи, онъ могъ разсчитывать только на свои молодыя силы, на свою энергію и свои научныя знанія.

Баронъ Черкасовъ вѣрилъ и въ силы, и въ знанія Виноградова и вручилъ ему судьбу фарфоровой фабрики.

И онъ не ошибся: Виноградовъ беззавѣтно отдался своему дѣлу, вложивъ въ него свою душу и жизнь, и въ одиннадцать лѣтъ привелъ фабрику въ такое состояніе, что баронъ Черкасовъ рѣшился посылать произведенія ея, въ видѣ подарковъ, за границу.

Возложивъ свои упованія на Виноградова, баронъ Черкасовъ предоставилъ ему полную власть надъ фабрикой; между ними возникла оживленная переписка, изъ которой видно, что баронъ Черкасовъ высоко цѣнилъ Виноградова и достигнутые имъ успѣхи. [127]

Производство расходовъ, всѣ денежныя выдачи, однимъ словомъ—вся хозяйственная часть находилась въ вѣдѣніи Виноградова. Втеченіе періода съ 1747 по 1751 г. деньги изъ Кабинета на содержаніе фабрики получалъ уже не Прасоловъ, а самъ Виноградовъ. [128]

Административная часть тоже передана была Виноградову, съ полномочіями въ довольно широкихъ границахъ. Такъ, напримѣръ, весной 1747 г. на заводѣ случилась покража досокъ; подозрѣніе пало на караульнаго солдата Сергина съ товарищами. Виноградовъ допрашивалъ Сергина „съ пристрастіемъ батоги" и, вѣроятно, неособенно умѣренно, такъ что Сергинъ, „ради отбытія побой", закричалъ „слово и дѣло." [129] Этотъ единственный случай, свидѣтельствующій о полномочіяхъ Виноградова, не слѣдуетъ считать доказательствомъ его жестокости: въ этомъ отношеніи онъ стоялъ не выше и не ниже современниковъ. Есть, зато, не мало указаній, что Виноградовъ горячо отстаивалъ интересы мастеровыхъ и служащихъ на фабрикѣ и былъ любимъ ими.

Стр 30.

Рис. 23. Чайный и кофейный сервизъ, м. ✱, д. блюдца 3 в. (Имп. Зав.).
Service à thé, soucoupe d. 13,5 cm.

При благопріятно сложившихся обстоятельствахъ, ставъ во главѣ всего дѣла и пользуясь полнымъ довѣріемъ барона Черкасова, который живо интересовался фабрикой и потому оказывалъ Виноградову всякую поддержку, молодой бергмейстеръ съ лихорадочной энергіей принялся за дѣло.

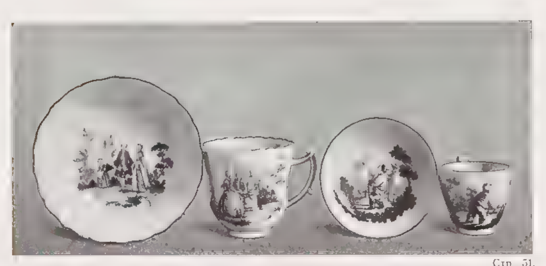
Онъ усовершенствовалъ прежнія машины, изобрѣталъ новыя, поправлялъ, передѣлывалъ и устраивалъ новые горны и печи, составлялъ краски и производилъ безчисленные опыты съ массой, глазурью и обжигомъ.

Объ опытахъ Виноградова надо замѣтить, что это не были опыты, производимые наугадъ, но обдуманно поставленные, веденные систематически, на научныхъ основаніяхъ.

Данныя, добытыя изъ опытовъ, Виноградовъ записывалъ въ журналъ, стараясь каждому случаю найти надлежащую причину и объясненіе. [130]

Надо отдать справедливость барону Черкасову: по мѣрѣ возможности, онъ содѣйствовалъ Виноградову и старался облегчить его труды. Между прочимъ, въ 1750 году, онъ прислалъ Виноградову изданную въ Берлинѣ нѣмецкую брошюрку въ 16 страницъ о дѣланіи фарфора, подъ заглавіемъ: „Открытая тайна“. [131]

Баронъ Черкасовъ надѣялся, что она можетъ принести пользу, а потому требовалъ отъ Виноградова перевесть книжку на русскій языкъ и руководствоваться ея указаніями при составленіи массы, глазури, особенно красокъ и при устройствѣ печи. Но брошюрка эта, очевидно, Виноградову ничего не дала, и, вообще, литература того времени не могла ничего ему дать.

Стр 51.

Рис. 24. Чашки съ блюдцами, м. ✱, в. 2 и 1½ в., д. 3½ и 2½ в. (колл. П. И. Щукина).
Tasses et soucoupes, h. 9 et 6,75 cm., d. 15,5 et 11 cm.

Въ своихъ запискахъ [132] Виноградовъ такимъ образомъ отзывается о литературѣ того времени по фарфоровому производству: „Что же до дѣла чистаго порцелина касается, то понынѣ еще ни письменныхъ, ни печатныхъ книгъ, которыя бъ о томъ основательно что напоминали, нигдѣ не видать, а что гдѣ хотя и находится отчасти о томъ упомянуто, то оное только взято съ разсказовъ тѣхъ людей, которые въ Китаѣ и въ Японіи бывали за другими только какими своими нуждами, а порцелинные заводы мимоѣздомъ только видали и также одни разсказы такихъ работныхъ людей, которые сами въ томъ ни силы, ни писанія не знаютъ, въ журналъ свой записывали, что потомъ въ Европѣ въ печать издавши, за открытую тайну китайскаго и саксонскаго порцелина за нѣсколько копѣекъ продавали“.

Не сразу удалось Виноградову достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Много пришлось ему потрудиться съ устройствомъ машинъ. Больше же всего времени посвящалъ Виноградовъ отысканію надлежащихъ пропорцій составныхъ частей фарфора.

Исходя изъ той мысли, что „дѣло порцелина химію за основаніе и за главнѣйшаго своего предводителя имѣетъ“, [132] Виноградовъ, можно сказать, былъ неистощимъ въ своихъ опытахъ: составлялъ массы въ различныхъ пропорціяхъ, опредѣлялъ ихъ сравнительныя качества, искалъ наиболѣе подходящихъ матеріаловъ.

Не останавливаясь на какомъ-либо одномъ составѣ массы, хотя бы и удачномъ, но составляя все новыя и новыя массы, онъ тѣмъ самымъ не только достигалъ хорошихъ результатовъ, но, можно сказать, съ каждымъ днемъ совершенствовалъ производство.

Не всѣ массы были составлены удачно: приходилось ихъ передѣлывать или составлять новыя.

Еще труднѣе было Виноградову справиться съ огнемъ: малые горны, дѣйствовавшіе углемъ, давали сравнительно удовлетворительные результаты, но были непригодны для большого производства; съ большими же горнами, отапливаемыми дровами (которые тогда, въ отличіе отъ малыхъ, отапливаемыхъ углемъ, назывались не горнами, а печами), дѣло долго не налаживалось: обжигаемыя въ нихъ вещи садились, ломались, теряли форму или принимали желтый цвѣтъ.

Трудности здѣсь заключались въ томъ, что въ каждомъ неудачномъ случаѣ обжига причина неудачи могла лежать не только въ устройствѣ печи, но и въ другихъ условіяхъ: въ составѣ массы, въ дровахъ, въ капселяхъ, наконецъ, въ неумѣніи регулировать огонь.

Въ 1751 году Виноградовъ писалъ въ своихъ запискахъ: [133] „При всемъ дѣлѣ фарфора примѣтилъ, что въ неудачѣ онаго особливо двѣ вещи препятствіемъ были: первая—огонь, вторая—капсели, въ которыхъ обжигать должно. Дровяной огонь изъ бѣлой массы дѣлалъ желтую посуду, а капсели или трескались, или гнулись, особливо большія.“

Хоть медленными, но вѣрными шагами приближался Виноградовъ къ торжеству своего дѣла. Это постепенное приближеніе къ цѣли можно прослѣдить шагъ за шагомъ по многочисленнымъ письмамъ и донесеніямъ Виноградова [134] либо въ Кабинетъ, либо непосредственно барону Черкасову, который, съ своей стороны, требовалъ отъ Виноградова возможно частыхъ донесеній о ходѣ работъ на фабрикѣ. [135]

Въ 1747 и 1748 г.г. Виноградовъ почти исключительно былъ занятъ опытами, при чемъ небольшіе предметы (разная мелкая посуда: чашки, блюдца, чайники, кофейники и проч.) обжигались въ малыхъ горнахъ. Достигнутые результаты выражались тѣмъ, что фарфоръ выходилъ достаточно уже бѣлымъ и прозрачнымъ, глазурь не отставала отъ массы.

Въ 1748 г. Виноградовъ приступилъ къ постройкѣ большой печи, надѣясь на успѣхъ.

Насколько удачно выходили мелкіе предметы, можно судить, между прочимъ, по тому, что уже въ 1748 г. предположено было напечатать въ газетахъ объявленіе, что Виноградовъ принимаетъ частные заказы на изготовленіе фарфоровыхъ табакерокъ. [136]

Въ 1751 году баронъ Черкасовъ счелъ возможнымъ подносить Государынѣ фарфоровыя табакерки, выполненныя на Императорской фабрикѣ. Такими же табакерками поспѣшила обзавестись вся высшая придворная знать. [137]

Мелкая посуда тоже удавалась хорошо, такъ что даже требовательный къ себѣ Виноградовъ былъ доволенъ ею. [138]

Виноградову и Черкасову улыбалась уже надежда, что и съ большой посудой, на обжиганіе которой съ 1749 г. было обращено особенное вниманіе, они справятся. [139]

Въ августѣ 1751 года бар. Черкасовъ просилъ Виноградова работать прилежнѣе, чтобы „къ празднику св. Александра или хотя къ тезоименитству Ея Императорскаго Величества можно было Ея Величеству хорошее и крупное поднесть и тѣмъ бы выйтить изъ нареканія того, будто мы Ея Величество обманываемъ“. [140] Отвѣчая на письмо бар. Черкасова, Виногра-

Стр. 49.

Рис. 25. Ваза, Müller, м. ✱, в. 4¼ в. (Московская Оружейная Палата). Vase, h. 19 cm.

довъ обѣщалъ, что „къ сентябрю мѣсяцу всеконечно изъ большой посуды что-нибудь приготовлено будетъ“. [141]

Къ сожалѣнію, у Виноградова былъ страшный врагъ, который подстерегалъ его на каждомъ шагу и способенъ былъ помѣшать его успѣхамъ.

Стр 49

Рис 26. Кукла, м. ✱, в. $3^{1}/_{8}$ в. (коллекція Н. А. Лукутина) Figurine h. 14 cm

Врагъ этотъ—несчастная страсть къ вину, зародившаяся еще въ студенческіе годы [142] и обратившаяся со временемъ въ болѣзнь, чему много способствовала обстановка: отдаленность фабрики отъ Петербурга и, слѣдовательно, отъ культурнаго общества.

Хроническая болѣзнь бергмейстера способна была часто обостряться и принимать форму запоя. А въ такихъ случаяхъ, на бѣду, Виноградовъ отличался буйнымъ характеромъ.

Напряженная дѣятельность, увлеченіе своимъ дѣломъ, поглощавшимъ все время, а болѣе всего подъемъ духа, подъ вліяніемъ оказаннаго бар. Черкасовымъ довѣрія и успѣховъ, — все это способствовало ослабленію страсти, и въ періодъ 1747—1751 гг. Виноградовъ не возбуждалъ неудовольствій со стороны своего покровителя. Но въ то самое время, когда баронъ Черкасовъ съ нетерпѣніемъ ждалъ рѣшительныхъ успѣховъ, страсть Виноградова вдругъ приняла угрожающіе размѣры. [143]

Барону Черкасову пришлось принимать рѣшительныя мѣры: онъ предписалъ кабинетъ-курьеру Жолобову, посланному для отрезвленія Виноградова, отобрать отъ него оружіе и яды, запереть всѣ рабочія помѣщенія и кладовыя, никуда одного его не пускать, „дабы съ десперации не сдѣлалъ чему гибели разломаніемъ или и сожженіемъ или надъ собой какого зла“. Насколько серьезны были опасенія барона Черкасова, можно судить по тому, что Жолобову приказано было [144] заставить Виноградова записывать въ журналъ рецепты, по которымъ онъ будетъ составлять массы, а самъ Жолобовъ обязанъ былъ присутствовать при всѣхъ работахъ Виноградова, присматриваться ко всему, требовать объясненій, однимъ словомъ: стараться „самому весь курсъ того дѣла узнать“.

Принятыя къ воздѣйствію на Виноградова мѣры не достигали цѣли. Тогда баронъ Черкасовъ рѣшился дѣйствовать еще строже и велѣлъ сажать Виноградова на цѣпь, [145] возложивъ примѣненіе этихъ мѣръ на состоявшаго при Невскихъ кирпичныхъ заводахъ подполковника Хвостова, человѣка очень грубаго, и еще болѣе грубыхъ кабинетскихъ курьеровъ.

Стр. 51.

Рис. 27. Тарелка, м. ✱, д. $5^{1}/_{2}$ в. (коллекція князя А. С. Долгорукаго). Assiette, d. 24,5 cm.

Какъ дѣйствовали подобныя мѣры на Виноградова, можно видѣть по его письму къ барону Черкасову отъ 4 іюля 1752 г.: [146] „За что я ни примусь, то почти все у меня изъ рукъ вонъ валится, и въ мысляхъ моихъ все странное вселяется: то какого здраваго разсужденія тамъ ожидать, гдѣ только одно безпокойство жилище свое имѣетъ. Команда у меня вся взята, я объявленъ всѣмъ арестантомъ; я долженъ работать и показывать, а работные слушать и повиноваться должны другому. Меня грозятъ вязать и бить безъ всякой причины“...

Дѣйствительно всякая административная власть на фабрикѣ была отобрана отъ Виноградова. Даже о ходѣ работъ барону Черкасову и въ Кабинетъ доноситъ теперь не Виноградовъ, а другія лица.

Съ августа 1751 года и до весны 1752 года непосредственное наблюденіе за фабрикою имѣлъ кабинетъ-курьеръ Жолобовъ; [147] потомъ наблюдали кабинетъ-курьеры

Дуровъ, Языковъ и другіе.[148] Но въ 1752 году надзоръ былъ порученъ подполковнику Хвостову.

Близкое участіе въ работахъ фарфоровой фабрики сталъ принимать съ 1752 г. также главный судья Монетной канцеляріи Иванъ Андреевичъ Шлаттеръ.[150] Первыя сношенія барона Черкасова съ Шлаттеромъ по дѣламъ фарфоровой фабрики начались еще съ 1746 г., по поводу доставленія необходимыхъ для фабрики вещей.[151] Съ 1751 г. эти сношенія сдѣлались постоянными,[152] такъ какъ Шлаттеръ принялъ непосредственное участіе въ дѣлахъ фабрики, особенно въ художественной части производства. Надписи на табакеркахъ, оправа ихъ въ золото, отдѣлка золотомъ фарфоровыхъ куколъ, даже моделированіе куколъ, равно какъ и живопись на табакеркахъ и др. предметахъ—всѣ эти работы исполнялись подъ его наблюденіемъ и, въ значительной части, на Монетномъ дворѣ. Съ 1753 г. онъ же принималъ частные заказы на издѣлія фабрики.[153] Одно время Шлаттеръ пріобрѣлъ такое вліяніе на дѣла фабрики, что предлагалъ, въ 1752 г., барону Черкасову перенесть фарфоровую фабрику изъ кирпичныхъ заводовъ въ городъ, на Петербургскую сторону, „дабы лучшее смотрѣніе надъ работными людьми имѣть было можно и всегда въ глазахъ бы была, а такъ она отдалена, и всякъ, что хочетъ, дѣлаетъ и никакую ревность не прилагаетъ“.[154] Проекту Шлаттера не было дано ходу.

Стр. 49.

Рис. 28. Кукла въ халатѣ, м. ✱, в. 4 в. (колл. Н. И. Лукутина). Figurine, h. 18 cm.

Участіе всѣхъ вышеприведенныхъ лицъ, кромѣ Виноградова,—временное явленіе и результатъ несчастной страсти бергмейстера, и какъ только онъ сталъ сдержаннѣй, баронъ Черкасовъ понемногу сталъ возвращать ему свое прежнее расположеніе и довѣріе; между ними опять завязались непосредственныя сношенія, а посредники, какъ Шлаттеръ и Хвостовъ, почти совсѣмъ были устранены. Административная власть надъ личнымъ составомъ была, отчасти, также возвращена Виноградову, и къ концу пятидесятыхъ годовъ онъ пользовался даже правомъ принимать людей на фабрику по своему личному выбору и усмотрѣнію, Хвостову же было запрещено вмѣшиваться въ это дѣло. До 1757 года Хвостовъ распоряжался хозяйствомъ фабрики и наблюдалъ за поведеніемъ Виноградова.[155] Въ 1757 г., для завѣдыванія хозяйственной частью и денежными суммами былъ назначенъ подпоручикъ Григорій Тарховъ,[156] который во время отлучекъ Виноградова въ Петербургъ посылалъ ему о ходѣ работъ почтительные рапорты.[157] Помощникомъ Виноградова по технической части состоялъ Никита Воиновъ. Еще въ 1752 г. баронъ Черкасовъ, желая гарантировать фабрику, на случай продолжительной неспособности Виноградова къ труду, рѣшилъ избрать лицо, которому послѣдній долженъ былъ передать секреты фарфороваго производства. 23 мая 1752 г., изъ Кабинета былъ данъ Виноградову указъ[158] о пріученіи къ дѣлу мастерового Никиты Воинова и сообщеніи ему секретовъ производства, также о сочиненіи записки о началѣ фарфороваго дѣла въ Россіи и способахъ составленія массъ и глазури.

Никита Воиновъ происходилъ изъ простыхъ мастеровыхъ и состоялъ при фарфоровой фабрикѣ съ 1745 года.[159]

Назначеніе помощникомъ, а впослѣдствіи преемникомъ научнообразованному бергмейстеру простого мастерового-практика можетъ быть объяснено тѣмъ обстоятельствомъ, что бар. Черкасовъ, въ противоположность Виноградову, считавшему, что основаніемъ фарфороваго производства должна служить химія, видѣлъ сущность дѣла въ твердомъ и точномъ знаніи извѣстныхъ секретовъ и въ практической опытности.

Исполняя предписаніе Кабинета, Виноградовъ немедленно сталъ пріучать Воинова къ дѣланію фарфора, а вмѣстѣ съ тѣмъ принялся за составленіе записки о фарфоровомъ производствѣ.[160] Одновременно Виноградовъ снова началъ работать съ неукротимой энергіей.

Однако, усиленные труды, безпорядочная жизнь, нравственныя потрясенія и матеріальная нужда [161] не могли не повліять на здоровье Виноградова. 21 августа 1758 года Виноградовъ внезапно заболѣлъ. Былъ призванъ кабинетскій врачъ. Неизвѣстно, чѣмъ именно былъ боленъ Виноградовъ, но болѣзнь оказалась настолько опасной, что немедленно къ больному пригласили священника, а 25 августа Виноградовъ „волею Божіей умре", не достигнувъ 40 лѣтъ. [162]

Письма и другія бумаги Виноградова свидѣтельствуютъ о его знаніяхъ, способностяхъ и развитіи. Занимаясь въ Германіи преимущественно металлургіей, а потомъ въ Россіи фарфоровымъ производствомъ, онъ однако интересовался и знаніями, не касающимися его спеціальности, между прочимъ и поэзіей. [163]

Тринадцать лѣтъ своей жизни, обширныя научныя знанія, пріобрѣтенныя за границей, недюжинныя способности, огромную энергію и всѣ свои силы Виноградовъ всецѣло отдалъ Императорской фарфоровой фабрикѣ, которая исключительно ему обязана своими первыми успѣхами.

Роковая страсть Виноградова, общая съ его товарищемъ Ломоносовымъ, изломали его жизнь и свели его преждевременно въ могилу, но, умирая, Виноградовъ оставлялъ дѣло, созданное его собственными руками, которое стояло уже на вѣрномъ пути.

Благодаря дѣятельности Виноградова, можно сказать, что русское фарфоровое производство не заимствовано извнѣ, но національное.

Это обстоятельство какъ-бы предопредѣляло направленіе, въ которомъ должна была бы развиваться дѣятельность Императорской фарфоровой фабрики: служить цѣлямъ національной промышленности и національнаго искусства; это же направленіе выразилось въ словахъ, которыя, по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, должны были быть написаны на первой вещи, изготовленной на фабрикѣ.

IV. КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ И ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III.

Незадолго до смерти Виноградова, въ 1757 году, не стало и барона Черкасова. Фабрика осиротѣла, сразу лишившись и своего главнаго начальника, и ближайшаго руководителя. Первое время всѣ работы были прекращены, такъ что 15 октября 1758 года Шлаттеръ ходатайствовалъ о переводѣ къ нему на Монетный дворъ скульптора Вистарини, и всѣхъ мастеровыхъ, „до тѣхъ поръ, какъ порцелинная манифактура впредь возобновиться можетъ и показанные мастера потребны будутъ". [164]

Однако, фабрика при Виноградовѣ была настолько уже хорошо поставлена, что и безъ него могла продолжать работу: въ погребахъ хранилось достаточное количество массы, заготовленной въ прежніе годы, Воиновъ за шесть лѣтъ успѣлъ многому научиться, а капитанъ Тарховъ отличался распорядительностью и, по своему положенію, могъ принять ближайшее начальство надъ фабричными мастеровыми. Высшій надзоръ за фабрикой на первое время перешелъ къ замѣстителю барона Черкасова по Кабинету Ея Величества — Адаму Васильевичу Олсуфьеву, [165] который, впрочемъ, прямого повелѣнія Государыни на это дѣло не имѣлъ, а принималъ отъ Тархова рапорты лишь въ качествѣ управляющаго Кабинетомъ—по традиціи.

Въ это самое время Императрица устраивала судьбу Императорской шпалерной мануфактуры, передавъ ее изъ вѣдомства Придворной Конторы въ вѣдомство Правительствующаго Сената. [166] Заодно, Сенату предложено было озаботиться дальнѣйшею судьбою и фарфоровой фабрики.

Сенатъ немедленно сталъ разыскивать опытнаго мастера, который могъ бы не только поддержать, но и дальше развить дѣло.

Получено было предложеніе отъ саксонскаго мастера Іоганна Готфрида Миллера (Müller), служившаго раньше на Мейссенскомъ заводѣ. Миллеръ выдавалъ себя за арканиста. Насколько о немъ извѣстно изъ исторіи Мейссенскаго завода, онъ работалъ тамъ въ качествѣ формовщика и, какъ таковой, считался опытнымъ мастеромъ.[167]

Въ ноябрѣ того же года Миллеръ былъ уже въ Петербургѣ, пріѣхавъ туда на казенный счетъ.

Сенатъ постановилъ опредѣлить Миллера на фарфоровую фабрику, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлать пробу подъ надзоромъ причисленнаго къ Сенату чиновника Лобкова,[168] который въ то же время имѣлъ надзоръ и за шпалерной мануфактурой.[168]

Стр. 30.
Рис. 29. А. В. Олсуфьевъ. (Имп. Зав.). A. W. Olsufiew.

Требовать отъ выписываемыхъ изъ-за границы мастеровъ исполненія, до заключенія контракта, образцовыхъ издѣлій было въ Сенатѣ установившеюся практикой. При этомъ на пробныхъ вещахъ мастера должны были подписывать свои имена, и вещи оставались въ Сенатѣ. Миллеръ представилъ въ Сенатъ для образца двѣ чашки и блюдечко.[169]

Сенатъ остался доволенъ пробами Миллера и поднесъ сдѣланныя имъ вещи Императрицѣ, которая, указомъ отъ 25 апрѣля 1759 года, повелѣла Миллера „для дѣла того фарфора отдать въ вѣдомство Кабинета“.[169]

Миллеръ былъ опредѣленъ Кабинетомъ на фабрику въ качествѣ арканиста,[170] обязавшись контрактомъ:[171] „имѣющуюся при Санктъ-Петербургѣ на кирпичныхъ заводахъ порцелинную фабрику, или гдѣ въ другомъ пристойномъ мѣстѣ за способнѣе изобрѣтена будетъ,... привести въ совершенное состояніе, и ежели въ прежде построенномъ и учрежденномъ есть какой недостатокъ, оное поправить или вновь сдѣлать казеннымъ коштомъ“... Ему обѣщали хорошую плату.

Миллеръ предполагалъ повести дѣло въ широкихъ размѣрахъ и представилъ въ Кабинетъ[172] проектъ новаго зданія фабрики. Въ ожиданіи резолюціи Кабинета, онъ занялся дорого стоившими опытами обжиганія посуды во вновь устроенныхъ имъ печахъ. Свои опыты Миллеръ, изъ-за сырости мѣста, не хотѣлъ продолжать на фабрикѣ, а перенесъ ихъ за 7 верстъ на рѣчку Славянку.

Въ контрактѣ своемъ Миллеръ обѣщалъ много, а на дѣлѣ показалъ мало: опыты его, въ общемъ, были мало удачны.[173]

Фабрика шла сама по себѣ, продолжая традиціи Виноградова. Если производство ея не развивалось въ качественномъ отношеніи, зато развивалось въ количественномъ: издѣлія не только представлялись въ Кабинетъ и исполнялись по заказамъ Придворной Конторы, но поступали даже въ частную продажу. Напримѣръ, за время съ 30 октября 1759 г. по 1 января 1761 г. было продано издѣлій Императорской фабрики на 514 руб. 25 коп.[174]

Смерть Государыни Елисаветы Петровны вызвала кратковременный переходъ фарфоровой фабрики въ вѣдомство Сената.

29 января 1762 года генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ объявилъ собранію Правительствующаго Сената словесный указъ Государя:[175] „Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ: находящуюся въ вѣдомствѣ Кабинета фарфоровую фабрику поручить въ вѣдомство коллежскому совѣтнику и профессору Михайлѣ Ломоносову“.

Во исполненіе полученнаго указа, въ Сенатѣ приказали поручить Ломоносову фабрику въ смотрѣніе, „а ему, принявъ, стараться оную размножать и въ лучшее привесть состояніе,

и быть ему Ломоносову по оной фабрикѣ въ вѣдомствѣ Правительствующаго Сената и для того, въ какомъ оная фабрика состояніи нынѣ находится, въ Сенатъ рапортовать и впредь къ лучшему распространенію, на какомъ основаніи ей быть, учинить штатъ"...

Предположенный штатъ являлся естественнымъ слѣдствіемъ увеличивавшагося производства; учрежденіе его, въ связи съ назначеніемъ Ломоносова начальникомъ фабрики, могло бы имѣть самыя благотворныя послѣдствія.

Къ сожалѣнію, намѣренія Государя Петра III по какимъ-то причинамъ измѣнились: не успѣлъ Ломоносовъ принять фабрику въ свое управленіе, какъ уже, 25 февраля того же года, Глѣбовъ объявилъ Сенату новый указъ:[176] „Его Величество Государь соизволилъ фарфоровую фабрику по прежнему отдать въ вѣдомство Кабинета". Это распоряженіе задержало дальнѣйшее развитіе фабрики, и все шло обычнымъ порядкомъ, придерживаясь традицій, установившихся при Виноградовѣ.

Стр 31

Рис. 30. М. В. Ломоносовъ. (Имп. Зав.).
M. W. Lomonosow.

Такимъ образомъ, въ исторіи Императорскаго фарфороваго завода эпоха Императрицы Елисаветы Петровны, вмѣстѣ съ шестимѣсячнымъ царствованіемъ Императора Петра III, сливается съ періодомъ Виноградова, традиціи котораго продолжалъ его преемникъ и ученикъ Воиновъ.

Поступательное развитіе фабрики имѣло мѣсто уже въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

V. ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ФАБРИКИ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ПЕРВАГО ШТАТА.

Не только при Виноградовѣ, но и послѣ него, до 1764 года, внутренняя организація фабрики не была регламентирована какими-либо письменными правилами или указами, а складывалась постепенно, сообразно различнымъ случаямъ и въ зависимости отъ развитія дѣла.

Напримѣръ, лишь съ 1755 года въ отчетность была внесена система: заведены особыя приходо-расходныя книги денежныя, матеріальныя и провіантныя. Всѣ эти книги выдавались изъ Кабинета и были шнуровыя, обыкновенно за кабинетскою печатью.[177] Заведеніе отчетности и увеличившаяся переписка повели къ назначенію на фабрику особаго писаря, въ 1757 г.; такимъ образомъ положено было начало конторѣ.[178]

Такъ какъ баронъ Черкасовъ, которому принадлежалъ высшій надзоръ за фабрикой, въ то же время управлялъ Кабинетомъ Ея Величества, то постепенно установилась нѣкоторая связь между Кабинетомъ и фабрикой: указы и предписанія исходили то отъ имени барона Черкасова, то отъ имени Кабинета; также и рапорты поступали и на имя Черкасова, и прямо въ Кабинетъ. Существеннѣй эта связь выражалась въ томъ, что на содержаніе фабрики съ самаго ея учрежденія отпускались деньги изъ средствъ Кабинета: сначала изъ суммъ Невскихъ кирпичныхъ заводовъ, а затѣмъ изъ Соляной конторы. Отъ Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ, на землѣ которыхъ фабрика была устроена, она скоро обособилась, именно, когда кирпичные и черепичные заводы были изъяты изъ вѣдомства Кабинета и переданы въ вѣдомство Канцеляріи отъ строеній, по высочайшему указу отъ 4 августа 1747 г.,[179] хотя окончательно земля между заводами была раздѣлена лишь въ началѣ XIX ст.

Въ 1747 году при фабрикѣ состояло 47 человѣкъ,[180] но въ этомъ числѣ было значительное количество каменьщиковъ и другихъ случайныхъ рабочихъ. Скоро, однако, число постоянныхъ рабочихъ и мастеровыхъ установилось и съ конца 40-хъ годовъ и до 1757 оста-

валось въ предѣлахъ 40—55 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и караульныхъ гарнизонныхъ солдатъ,[181] а въ 1757 г. весь личный составъ доходилъ до 70 человѣкъ.

Примѣромъ можетъ служить личный составъ по вѣдомости 1754 года. Ближайшимъ помощникомъ Виноградова, при составленіи массы и глазури и обжигѣ фарфора, состоялъ Никита Воиновъ; принятый еще при Гунгерѣ и по рекомендаціи послѣдняго Христіанъ Вернеръ помогалъ Виноградову въ лабораторныхъ работахъ, присутствовалъ при обжиганіи фарфора и наблюдалъ за производствомъ капселей. Затѣмъ имѣлись: 2 живописца, 2 токаря, 1 столяръ, 1 моделеръ и при немъ два орнаментщика, 4 человѣка при машинѣ, 4 капсельщика, 1 печникъ, 2 при обжигальныхъ печахъ и горнахъ, 1 глинопромывальщикъ, 12 человѣкъ рабочихъ для приведенія въ движеніе мельницъ, топки печей, чистки трубъ, колки дровъ и прочихъ черныхъ работъ по фабрикѣ.

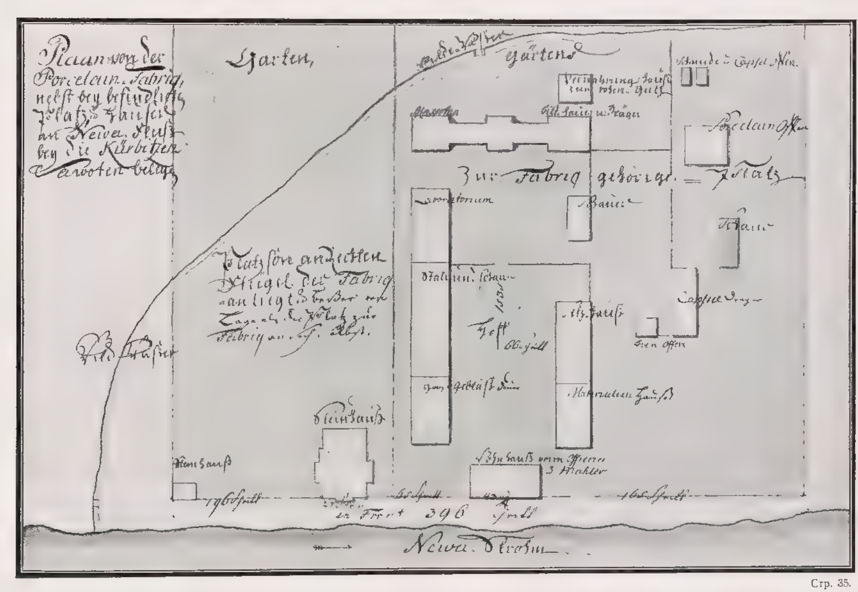
Караулъ при фабрикѣ держали 3 или 4 гарнизонныхъ солдата. Кромѣ того, нѣсколько человѣкъ состояло при глинопромывальныхъ избахъ въ Оренбургской губерніи. Большинство работавшихъ на фабрикѣ людей были взяты изъ числа мастеровыхъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ.

Постепенно расширяющееся производство требовало, конечно, увеличенія числа рабочихъ и мастеровыхъ.

Виноградовъ давно жаловался на недостатокъ точильщиковъ и формовщиковъ.[182] Хотя Кабинетъ еще въ 1746 году предполагалъ выписать изъ Стокгольма, по рекомендаціи Гунгера, точильщика Нильса Андерсона Фрелинга, но потомъ отъ своего намѣренія отказался.[183]

Въ 1756 году рѣшено было значительно увеличить личный составъ мастеровыхъ и рабочихъ.

Баронъ Черкасовъ предоставилъ Виноградову право принимать на фабрику людей по собственному усмотрѣнію, наблюдая только, чтобы принятые не были изъ крѣпостныхъ

Стр. 35.

Рис. 31. Планъ зданій Императорскаго фарфороваго завода 1759 г.
Plan des bâtiments de la Manufacture Impériale de porcelaine en 1759.

и не состояли на казенной службѣ.[184] Заботясь о будущности фабрики и желая обезпечить для нея возможность пользоваться спеціально подготовленными мастерами, баронъ Черкасовъ и Виноградовъ рѣшили принимать не только взрослыхъ, но, преимущественно даже, и малолѣтнихъ, затѣмъ обучать ихъ грамотѣ и разнымъ отраслямъ фарфороваго производства.[185]

Стр. 47.

Рис. 32. Солонка, б. м., в. $^{1}/_{2}$ в.; черенки, м. ✱, д. $1^{5}/_{8}$, $2^{1}/_{4}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ, Н. А. Лукутина, Ф. В. Кетчера).
Salière, h. 2,25; manches à couteau, l. 7,25, 10 cm.

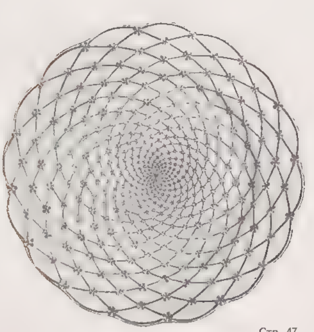
Во исполненіе распоряженія барона Черкасова, Виноградовъ принялъ на фабрику 13 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 малолѣтнихъ.[185]

Въ 1757 году на фабрику желали поступить четыре иностранныхъ мастера, въ числѣ ихъ точильщикъ Франсуа Ферратъ и формовщикъ Карлъ Мони, но былъ принятъ въ службу только послѣдній, а съ Ферратомъ дѣло разстроилось, такъ какъ онъ потребовалъ, по мнѣнію Кабинета, слишкомъ большой платы (30 рублей въ мѣсяцъ).[186]

Въ качествѣ моделера на фабрику въ 1755 году былъ приглашенъ скульпторъ Иванъ Вестеринъ (Jean Batiste de Vistariny), съ которымъ заключенъ былъ контрактъ на 3 года.[187]

Первыми живописцами на Императорской фарфоровой фабрикѣ были Иванъ Алексѣевъ Черный (Черновъ) и его сынъ Андрей, мастера финифтянаго дѣла, взятые изъ Москвы отъ гр. Б. П. Шереметева.[188] Черный-отецъ былъ очень старъ и съ трудомъ могъ работать; въ 1754 году онъ умеръ; но съ 1756 г. на фабрикѣ сталъ работать и второй сынъ Чернаго Александръ.[189] Въ 1753 году для живописныхъ работъ были взяты изъ Академіи Художествъ ученики Пименъ Тупицынъ,[190] Өедоръ Алексѣевъ,[191] Левъ Терскій.[192] Въ 1755 году для письма на табакеркахъ былъ выписанъ изъ Москвы живописный ученикъ Крыловъ, изъ отпущенныхъ на волю людей княгини Голицыной, урожденной Долгорукой.[193] Въ 1755 году работалъ ученикъ живописи Петръ Львовъ, который, однако, въ слѣдующемъ году умеръ.[194]

О нѣкоторыхъ изъ живописныхъ учениковъ извѣстно, что они заняты были только надписями на табакеркахъ; Крыловъ совсѣмъ писать фарфоровыми красками не умѣлъ.[195] Бар. Черкасовъ имѣлъ въ виду дать фабрикѣ не только хорошихъ мастеровъ, но настоящихъ художниковъ, путемъ обученія у лучшихъ живописцевъ; такъ, напримѣръ, въ 1757 г. обучался у живописца Грота младшаго ученикъ Миронъ Краксовъ.[196]

Стр. 47.

Рис. 33. Сервизъ собственный — тарелка, м. ✱, д. $5^{3}/_{4}$ м. (Зимній Дворецъ).
Assiette, d. 25,5 cm.

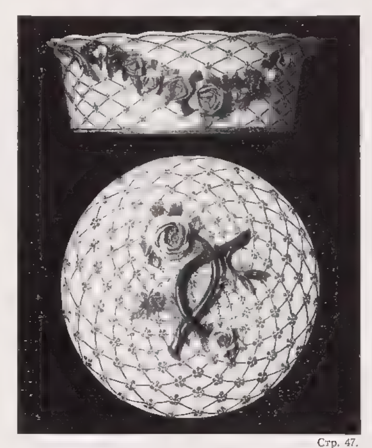
Въ 1757 году хотѣлъ было поступить на фабрику, въ качествѣ живописца, иностранецъ Гольцгауэръ. Подъ наблюденіемъ Виноградова, онъ показывалъ на фабрикѣ свое искусство, но Кабинетъ не счелъ возможнымъ воспользоваться его предложеніемъ, находя потребованное вознагражденіе (20 р. въ мѣсяцъ) слишкомъ высокимъ.[186] Позднѣе (въ 1761 г.) былъ принятъ на фабрику присланный изъ Московской Синодальной конторы крестьянинъ Новоспасскаго монастыря, ученикъ живописи на финифти Николай Максимовъ Красичковъ.[197]

Достать не только опытныхъ, но даже какихъ бы то ни было живописцевъ по фарфору въ то время въ Россіи было почти невозможно, по новости дѣла. Поэтому заслуживала полнаго вниманія мысль Виноградова — принимать и воспитывать при фабрикѣ малолѣтнихъ учениковъ. Осуществляя эту мысль и послѣ смерти Виноградова, Кабинетъ, между прочимъ, опредѣлилъ къ живописному дѣлу малолѣтнихъ учениковъ Өедора Никитина, изъ крестьянъ вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря (1760 г.),[198] и Андрея Чернова (1762 г.), сына живописнаго мастера Андрея.[199]

Послѣ Виноградова и до конца царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, фабрика, хотя и медленно, развивала свои операціи, вслѣдствіе чего увеличивался постепенно и ея личный составъ. [200] Средній размѣръ жалованья рабочихъ и мастеровъ былъ отъ 12—35 рублей въ годъ; рѣдкіе (напримѣръ живописцы) получали больше (до 200 р.). Воиновъ, который съ 1752 г. былъ безотлучно при Виноградовѣ и единственнымъ лицомъ, посвященнымъ въ секретъ производства, получалъ ежемѣсячно по 3 руб. денежнаго жалованья, а хлѣбнаго 2 четверика муки и одинъ гарнецъ крупъ.

Только въ 1757 году, вслѣдствіе ходатайства Виноградова, Воинову назначили: 6 рублей деньгами и по 3 четверика муки и 2 гарнца крупъ въ мѣсяцъ. [201]

Виноградову неоднократно приходилось рапортовать въ Кабинетъ или обращаться съ письмами прямо къ барону Черкасову, ходатайствуя о выдачѣ мастеровымъ давно заслуженнаго и задержаннаго жалованья. Благодаря его же стараніямъ, къ 1757 году жалованье всѣмъ вообще мастеровымъ было увеличено почти на треть первоначальныхъ окладовъ. [202]

Стр. 47.

Рис. 34. Сервизъ собств. корзинка, м. ♚, д. $5^1/_2$ в. (Зимній Дворецъ).
Corbeille à couvercle, d. 24,5 cm.

Мѣстоположеніе фабрики и расположеніе фабричныхъ зданій въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны можно довольно точно опредѣлить по плану, составленному въ 1759 г. Миллеромъ (рис. 31). [172] Отведенный для фабрики участокъ былъ расположенъ въ углу, образуемомъ р. Невой и ручьемъ, впадающимъ въ Неву сзади фарфоровской церкви, занимая по фронту вдоль Шлиссельбургскаго тракта около 400 шаговъ и въ глубину болѣе 200 шаговъ. Впереди были расположены два каменныхъ дома, вѣроятно для начальства и деревянный домъ для живописцевъ; во дворѣ по обѣ руки: лабораторія, горны (малые), склады, службы; дальше вглубь, около ручья: помѣщенія для машинъ и для бѣлой палаты, кладовая перваго обжига, большая обжигальная печь, капсельная печь, кузница и др. зданія.

VI. ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Въ указѣ Виноградову, 23 мая 1752 г., баронъ Черкасовъ писалъ: [158] „Зачатое дѣланіе порцелина, милостію Божіею, въ такую надежность по сіе время пришло, что безъ сомнѣнія уповать должно видѣть оное въ самомъ совершенствѣ и не въ продолжительномъ времени".

Баронъ Черкасовъ не ошибся: можно считать, что уже въ 1756 году окончился періодъ опытовъ и случайностей, и фабрика успѣла выработать опредѣленные техническіе способы производства и могла работать въ большихъ размѣрахъ.

Когда въ 1752 году Виноградову было поручено составленіе записки о началѣ фарфороваго дѣла и способахъ составленія массы и глазури, то Виноградовъ, принимаясь за свой трудъ, указывалъ въ предисловіи три главныхъ мотива, побудившихъ его къ „столь важному или, лучше сказать, отважному предпріятію". Первая причина—„по должности", вторая чтобы преемники его, имѣя „всегда предъ глазами" описаніе всѣхъ многолѣтнихъ опытовъ, ошибокъ и пр., не могли „съ прямого пути... сбиться, также вновь бы того въ потѣ лица не искать, что уже прежде съ великимъ трудомъ искано и найдено и опытами

засвидѣтельствовано"; третья причина — „наивяще въ томъ состоитъ, чтобы обманщики, волочаги и сумасброды впредь насъ не могли обмануть"...

Исходя изъ такихъ мотивовъ, Виноградовъ предпринялъ написать

„Обстоятельное описаніе чистаго порцелина, какъ оной въ Россіи при Санктъ-Петербургѣ дѣлается, купно съ показаніемъ всѣхъ къ тому принадлежащихъ работъ". [203]

Къ сожалѣнію, отъ этого труда, составленнаго Виноградовымъ въ двухъ частяхъ, сохранились отрывки и различныя записки, представляющія подготовительные матеріалы. Руководясь этими записками, а также письмами и рапортами Виноградова и старыми дѣлами фарфоровой фабрики, можно составить довольно полное и вѣрное представленіе какъ о первоначальномъ развитіи фабрики, такъ и о техническихъ способахъ и пріемахъ того времени.

Виноградовъ, а подъ его вліяніемъ и бар. Черкасовъ поставили себѣ задачей отыскать наиболѣе пригодную для фарфоровой массы глину. Толчкомъ къ такому разысканію могъ послужить пріѣздъ въ Петербургъ Лебратовскаго. Хотя его опыты окончились неудачей, но для барона Черкасова и Виноградова важны были указанія на нахожденіе фарфоровой глины въ Сибири. Сибирь, конечно, была слишкомъ далеко, и они стали искать залежей фарфоровыхъ глинъ поближе.

И въ этомъ случаѣ Виноградовъ дѣйствовалъ не наугадъ, но послѣдовательно и систематически, начавъ съ подробнаго изслѣдованія извѣстныхъ уже гжельскихъ глинъ.

Выше было сказано, что сортъ гжельской глины подъ названіемъ мылянки, избранный первоначально Гунгеромъ, былъ сразу же забракованъ, какъ принимающій при обжигѣ желтый цвѣтъ, и замѣненъ глиной песчанкой. Но и песчанка не удовлетворяла Виноградова, поэтому онъ, въ началѣ 1749 г., когда въ Москвѣ пребывалъ Дворъ, поѣхалъ туда лично съ промывальщикомъ, чтобы еще разъ основательно изслѣдовать гжельскія глины на мѣстѣ ихъ нахожденія. [204]

Въ инструкціи, данной изъ Кабинета Виноградову при его отправленіи въ Москву, [205] ему поручалось осмотрѣть всѣ мѣста, гдѣ находится глина, устроить здѣсь глинопромывальныя избы, урегулировать выемки и составить планъ всей мѣстности.

Устройство глинопромывальнаго завода на мѣстѣ нахожденія глины имѣло большое значеніе: не говоря уже о томъ, что доставленіе глины въ сыромъ видѣ стоило очень дорого, важно было, въ особенности, то обстоятельство, что теперь глина могла быть заблаговременно добыта, высушена и имѣла время вылежаться, что, какъ извѣстно, имѣетъ значеніе въ смыслѣ пригодности ея для издѣлій. Наконецъ, самая выборка глины изъ ямъ подъ надзоромъ опытныхъ людей, присланныхъ изъ фабрики, могла производиться цѣлесообразнѣе.

Виноградовъ осмотрѣлъ [206] глины района Гжельской волости, а именно: въ селѣ Гжели, при дер. Рѣчицахъ, Коломинѣ, Фрязиновѣ, Кузяевѣ, при поселкѣ Игнатьевскомъ и при деревняхъ Жировѣ, Обуховѣ, Каняшиной и Миткамялиной. Эта залежь обнимала около 12 верстъ въ окружности и представляла собою ровное, низкое и болотистое мѣсто, вслѣдствіе чего въ лѣтнее время ямы наполнялись до-верху водою. Такъ какъ мѣстность не имѣла склоновъ и, слѣдовательно, не допускала устройства водостоковъ, то Виноградову пришлось, конечно, довольствоваться установившимся на мѣстѣ способомъ: вынимать глину только зимнимъ временемъ.

Стр. 47.
Рис 35. Сервизъ собственный — горчичница, ложечка, солонка, м. ✱, в. 2¼ в., д. 2¼ в., д. 2 в. (Зимній Дворецъ).
Moutardier. cuiller, salière, h. 10, l. 10, d. 9 cm.

Гунгеръ различалъ четыре сорта глины, Виноградовъ же изслѣдовалъ восемь сортовъ, [207] и, послѣ ближайшаго знакомства съ глинами, оста-

новилъ свой выборъ на „песчанкѣ-черноземкѣ“, которая копалась въ 3-хъ верстахъ отъ деревни Рѣчицъ, на пустоши, называемой Черноземъ и имѣвшей, приблизительно, 250 шаговъ въ длину и ширину.

Эта глина „черноземка“, безъ примѣси другихъ сортовъ, будучи въ сыромъ видѣ, отличалась черносѣрымъ цвѣтомъ, а будучи высушенною, принимала по опредѣленію Виноградова—„сѣробѣловатый цвѣтъ“, дѣлалась хрупкой и легко растиралась („совсѣмъ песчана“), въ изломѣ имѣла свѣтопреломляющія зерна. Послѣ обжига, черноземка становилась совершенно бѣлаго цвѣта. Черноземка отличалась также полнымъ отсутствіемъ въ ней сѣры, въ то время какъ всѣ остальные сорта гжельскихъ глинъ, а особенно жировка, содержали въ себѣ много желѣзнаго колчедана въ продолговатыхъ кускахъ. Важнымъ, однако, недостаткомъ черноземки являлось то обстоятельство, что она залегала не сплошной массой, а въ переслойку съ черной глиной и съ глиной мыловкой, содержавшей огромное количество колчедана. Поэтому не только при выемкѣ глины изъ ямъ надо было внимательно слѣдить за удаленіемъ прослоекъ черной глины и мыловки, но и послѣ просушки глины, прежде промыванія, необходимо было отбирать попавшіе случайно при копаніи куски постороннихъ негодныхъ сортовъ. Такую отборку важно было производить на мѣстѣ, ибо, по сознанію Виноградова, больше всего можно было положиться на тамошнихъ глинопромышленниковъ, которые могли различать сорта съ одного взгляда.

Стр 47

Рис. 36. Сервизъ собственный корзинки, б м., в. 1½ в; корзина, м. ❦, д. 2½ в (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ).
Corbeilles, h. 6,75 cm.; corbeille basse, d. 11 cm.

Не довольствуясь, однако, урегулированіемъ добычи гжельской глины, Виноградовъ и баронъ Черкасовъ предприняли цѣлый рядъ поисковъ во всѣхъ направленіяхъ.

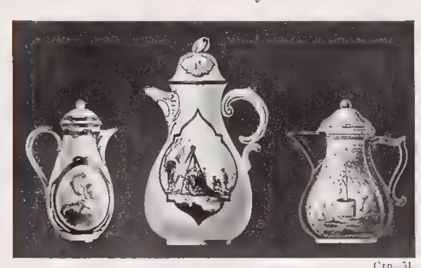
Въ 1749 году выписана была на пробу глина съ береговъ рѣчки Вишневецкой.[208] Въ томъ же году были присланы на пробу образцы сибирскихъ глинъ.[209] Въ 1752 году начались многочисленные опыты съ оренбургскими бѣлыми глинами, о которыхъ баронъ Черкасовъ узналъ отъ симбирскаго купца и заводчика Ивана Твердышева.[210] Въ 1753 году переводчикъ Кабинета Ея Величества Степанъ Савицкій ѣздилъ въ Малороссію для взятія тамъ пробъ фарфоровыхъ и гончарныхъ глинъ.[211] Наконецъ, въ 1757 и 1758 гг. производились пробы глинъ: съ рѣки Цилки Симбирской губерніи,[212] изъ Старой Руссы,[213] изъ Смоленской губерніи.[214]

Наиболѣе интересны были опыты съ оренбургскими глинами.[210]

Первоначально были присланы для пробы три сорта, взятыхъ вблизи крѣпости Чебаркульска и у верховья рѣчки Уя. Позднѣе (1756 г.) былъ испытанъ еще одинъ сортъ, найденный въ 4-хъ верстахъ отъ озера Касли подъ Каслинскимъ заводомъ.

Первыя же пробы оренбургскихъ глинъ дали блестящіе результаты: Виноградовъ былъ въ восторгѣ отъ ихъ качествъ. Въ письмѣ къ бар. Черкасову, отъ 17 октября 1752 г.,[215] онъ далъ такой отзывъ о новой глинѣ: „изъ оной глины самый настоящій чистый фарфоръ дѣлать возможно будетъ; при чемъ, что ни наибольшее понынѣ затрудненіе, что посуду понынѣ въ обжигѣ вело и коробило, и что оный желтъ и не весьма прозраченъ былъ: то оные недостатки, сколько я по учиненнымъ отъ меня пробамъ примѣтить могъ, и въ самомъ дѣйствіи нахожу, сею оренбургскою глиною отвращены быть могутъ и отвращены будутъ“. То же самое онъ рапортовалъ въ Кабинетъ,[216] съ приложеніемъ, въ видѣ образца, чайной чашки съ блюдцемъ, сдѣланныхъ изъ массы, въ составъ которой входила новая глина.

Дальнѣйшее знакомство со свойствами оренбургской глины не разочаровало Виноградова. 20 февраля 1753 года онъ писалъ бар. Черкасову: [227] „Оренбургская глина весьма деликатна, и съ приготовленною изъ оной массою гораздо осторожнѣе, нежели съ прежде дѣланными массами, поступать должно. Однакожъ, по всѣмъ понынѣ учиненнымъ пробамъ весьма надежно изъ оной глины постоянную массу дѣлать, и что впредь въ сочиненіи такихъ массъ многоразличныхъ оныхъ пропорцій и передѣлокъ употреблять будетъ не по что“.

Стр. 51

Рис. 37. Кофейники, б. м., в. 4 в., 5 15/16 в.; м. ✽, в. 4 в. (колл Вел. Кн. Николая Николаевича и П. И. Щукина).
Cafétières, h. 18, 26,25, 18 cm.

Въ виду такихъ благопріятныхъ результатовъ, на мѣсто нахожденія оренбургскихъ глинъ посланы были спеціальные промывальщики, которыхъ Виноградовъ снабдилъ инструкціей. [210]

Вблизи Чебаркульской крѣпости были устроены цѣдильныя избы и амбары. Позднѣе около Исецка, гдѣ имѣлась проточная вода, былъ устроенъ глинопромывальный заводъ. Первоначально здѣсь работали два промывальщика, при 20 промывальныхъ кадкахъ и 4 чанахъ для распусканія глины. Потомъ число рабочихъ было увеличено до 9, которые работали при 60 кадкахъ и 12 чанахъ.

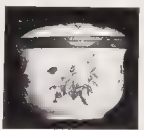
Вѣроятнѣе всего, что на малороссійскія глины указали бар. Черкасову братья Разумовскіе. Савицкому, который былъ посланъ за этими глинами, Кабинетъ предписалъ взять образцы въ трехъ мѣстахъ: въ мѣстечкѣ Глинскѣ, недалеко отъ города Роменъ (желтая глина); около Глухова (бѣлая); на рѣкѣ Пселѣ, въ Камышнянской сотнѣ Гадяцкаго полка (тоже бѣлая).

Савицкій привезъ пять сортовъ глинъ, но глуховской достать не могъ, такъ какъ ямы были завалены. Это обстоятельство, очевидно, и было причиной, что высокія качества глуховской глины были оцѣнены только позднѣе.

Глина, взятая между Симбирскомъ и Алатыремъ по рѣкѣ Цилкѣ, при чувашской деревнѣ Убѣевой, хотя принадлежала къ бѣлымъ глинамъ, но была забракована Виноградовымъ, „ибо въ обжигѣ становится желта и кропка, при томъ же и пузырится“.

Вѣроятно, оказались негодными какъ смоленская глина, которую изыскивали три смоленскихъ шляхтича, такъ и старо-русская.

О результатахъ опытовъ съ сибирскими глинами бѣлыми, синими и красными, взятыми по берегамъ рѣкъ Иртыша и Чюмыша и у города Кузнецка, извѣстій не сохранилось. Надо думать, что Виноградовъ и бар. Черкасовъ мало интересовались этими глинами, по отдаленности мѣста нахожденія ихъ.

Стр. 50.

Рис. 38. Бонбоньерка, м ✽, в 1 1/2 в (колл С и В. Евдокимов) Bonbonière, h. 6,75 cm.

Такимъ образомъ, для настоящаго фабричнаго производства служили только два сорта глинъ: гжельская „черноземка“ и оренбургская „чебаркульская“ или „исецкая“. До 1752 г. употреблялась только гжельская глина, а съ конца 1753 г., втеченіе всего Виноградовскаго періода и позже, оба сорта одновременно, однако всегда съ значительнымъ преобладаніемъ гжельской глины: напримѣръ, съ 1754 по 1762 годъ на фабрику было доставлено гжельской глины 7500 пудовъ, а оренбургской только 477 пудовъ, [218] причемъ, однако, надлежитъ имѣть въ виду, что оренбургская глина доставлялась въ болѣе чистомъ видѣ, въ кирпичахъ.

Принимая во вниманіе, что Виноградовъ такъ высоко цѣнилъ качества оренбургской глины, такое несоотвѣтствіе въ количествѣ потребляемыхъ глинъ можетъ показаться страннымъ. Но такой фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что гжельская глина стоила

въ 4 раза дешевле оренбургской: въ то время какъ первая, съ доставкой на фабрику подрядчиками, стоила отъ 8 до $26^{1}/_{2}$ копѣекъ за пудъ, послѣдняя обошлась въ общей сложности, считая постройку завода, въ 2 р. $50^{1}/_{4}$ к. за пудъ.[218]

Въ Гжели, за недоступностью ямъ въ лѣтніе мѣсяцы, глина копалась, по указаніямъ, даннымъ Виноградовымъ, зимою и доставлялась въ Петербургъ подрядчиками, при содѣйствіи мѣстнаго начальства. А въ Исецкѣ, гдѣ добываніе глинъ производилось на мѣстѣ, средствами и при помощи людей самой фабрики, оно было урегулировано особыми правилами, составленными Виноградовымъ:[219] глину было предписано вынимать съ начала мая мѣсяца до конца сентября. Изъ остальныхъ семи мѣсяцевъ года шесть назначались для промывки глины, а одинъ для укладки въ бочки и отправки на фарфоровую фабрику.[220]

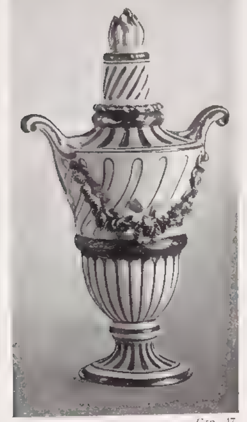
Стр. 47.

Рис. 39. Шандалъ, б. м., в. $4^{1}/_{4}$ в. (коллекція П. И. Щукина) Chandelier, h. 19 cm

Глина, назначенная для фарфоровой массы, на фабрикѣ подвергалась новой обработкѣ: ее распускали, многократно процѣживали сквозь сита, сперва грубыя, потомъ частыя шелковыя, затѣмъ отмучивали и сушили въ печахъ въ гипсовыхъ формахъ или горшкахъ.

Хотя Владыкинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ вмѣстѣ съ Лебратовскимъ, совершенно былъ правъ, что въ Китаѣ масса и глазурь составляются только „изъ глины и камня",[221] но его указаніями Виноградовъ не могъ воспользоваться, ибо въ Россіи нѣтъ матеріаловъ, вполнѣ замѣняющихъ китайскіе каолинъ и петун-тзе.

Непластичнымъ ингредіентомъ въ виноградовскихъ массахъ служилъ чаще всего кремнеземъ, въ видѣ кремня или же олонецкаго кварца; нерѣдко эти матеріалы замѣнялись отчасти обожженной фарфоровой глиной или даже фарфоровымъ, спеціально приготовленнымъ бисквитомъ. Виноградовъ пробовалъ даже составлять массы совсѣмъ безъ кремнезема.

Стр. 47

Рис. 40. Шандалъ, б. м., в. 5 в. (коллекція П. И. Щукина). Chandelier, h. 22,5 cm.

Плавнемъ (флюсомъ) служилъ алебастръ, который изрѣдка замѣнялся мѣломъ. Были также попытки дѣлать массы только изъ глины и кварца.

Кремень и кварцъ прокаливались въ печахъ и горнахъ и измельчались толчеями въ каменныхъ ступахъ; той же обработкѣ подвергались обожженная глина и бисквитъ. Заведенныя при Гунгерѣ желѣзныя иготи оказались непригодными, такъ какъ, благодаря ржавчинѣ, окрашивали фарфоровую матерію.

Послѣ толченія матеріалы поступали въ мельницу.

Хотя мастеръ Гиршбергеръ, устраивавшій на фабрикѣ мельницы, былъ спеціалистомъ своего дѣла, но въ данномъ случаѣ ему пришлось имѣть дѣло съ машинами особаго типа: этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, что устроенная имъ большая мельница, по донесенію Виноградова, оказалась неудачною: для приведенія ея въ дѣйствіе требовалось 24 человѣка, а результаты работы выражались двумя фунтами матеріи въ день.[222]

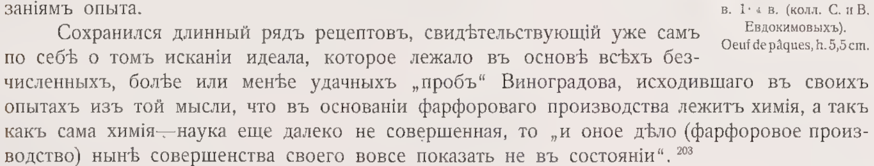
Маленькую ручную мельницу Гиршбергеръ дѣлалъ уже подъ наблюденіемъ Виноградова и по рисунку, указанному послѣднимъ въ печатной книгѣ.[222]

Такъ какъ при болѣе или менѣе крупномъ производствѣ ручныя мельницы были и неудобны, и слишкомъ недостаточны, то Виноградовъ предложилъ устроить вѣтряную мельницу.[223]

Повидимому, мысль Виноградова не получила осуществленія. Вышедшая изъ мельницы матерія высушивалась въ печи. Обработанные надлежащимъ образомъ матеріалы относились въ особыя помѣщенія и смѣшивались `для полученія фарфоровой массы.

Эта операція производилась секретно: только помощнику Виноградова Воинову дозволено было присутствовать при всѣхъ манипуляціяхъ, и Кабинетъ неоднократно подтверждалъ Виноградову строжайше наблюдать, чтобы никто другой не могъ проникнуть въ тайну составленія массы.

Когда Виноградовъ сталъ во главѣ фабрики, важнѣйшей его задачей было отысканіе надлежащихъ пропорцій входящихъ въ составъ массы ингредіентовъ. Надъ рѣшеніемъ этой задачи онъ трудился безпрестанно, составляя разнообразныя массы, испытывая ихъ и видоизмѣняя, по указаніямъ опыта.

Стр. 46.

Рис. 41. Яйцо, м. ✱, в. 1·4 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Oeuf de pâques, h. 5,5 cm.

Сохранился длинный рядъ рецептовъ, свидѣтельствующій уже самъ по себѣ о томъ исканіи идеала, которое лежало въ основѣ всѣхъ безчисленныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ „пробъ“ Виноградова, исходившаго въ своихъ опытахъ изъ той мысли, что въ основаніи фарфороваго производства лежитъ химія, а такъ какъ сама химія—наука еще далеко не совершенная, то „и оное дѣло (фарфоровое производство) нынѣ совершенства своего вовсе показать не въ состояніи“. [203]

Каждую, вновь составленную массу, Виноградовъ отмѣчалъ особымъ номеромъ. Такихъ номеровъ и, слѣдовательно, различныхъ массъ, было очень много. [224] Были простые номера: № 1, № 2 и т. д. и сложные: № 1, 16, № 1. 3. 16, № 2. 3. 3. 16, № 3. 3. 16, № 3. 4. 16, № 4. 16, № А. 3, № А. 4 и т. п. Номера массъ часто ставились на изготовляемыхъ изъ нихъ пробныхъ предметахъ.

Вотъ составъ нѣкоторыхъ массъ, приготовленныхъ Виноградовымъ. Глины 12, кремня 20, алебастра 2 (1746 г.); глины 4, кремня 8, алебастра 1 (1747 г.); глины жженой 8, глины сырой 4, кремня 4, алебастра 1 (1747 г.); глины жженой 12, глины сырой 4, алебастра 1 (1747 г.); глины жженой 16, глины сырой 8, кремня 8, алебастра 2 (1749 г.); глины 6, кремня 24, алебастра 3 (1750 г.); глины оренбургской 4, глины московской 4, кремня 8, алебастра 1 (1752 г.); глины оренбургской 8, глины гжельской 8, кварца 16, алебастра 2 (1752 г.); глины оренбургской 12, глины гжельской 12, кварца 24, алебастра 3 (1752 г.); глины оренбургской 4, глины гжельской 4, кварца 8, алебастра 1 (1752 г.).

Стр. 49.

Рис. 42. Стрѣлокъ, м. ✱, в. 2⁵⁄₈ в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Archer, h. 11,5 cm.

Приведенныя для примѣра формулы состава массъ свидѣтельствуютъ, что колебанія въ процентныхъ отношеніяхъ глинозема и кремнезема были весьма значительны, но въ послѣдніе годы всѣ массы приближались болѣе или менѣе къ формулѣ: глины 8, кварца 8, алебастра 1. Такимъ образомъ, массы Виноградова принадлежали по типу къ бѣднымъ содержаніемъ глинозема, гораздо бѣднѣе, чѣмъ массы стараго мейссенскаго, берлинскаго, вѣнскаго и другихъ европейскихъ фарфоровъ, приближаясь въ этомъ отношеніи къ типу восточныхъ фарфоровъ—японскому и китайскому.

То же заключеніе вытекаетъ и изъ анализа фарфороваго черепа времени Императрицы Елисаветы Петровны. [225]

Эту характерную особенность русскаго фарфора бѣдность глиноземомъ и вытекающую отсюда сравнительную мягкость—констатировалъ самъ Виноградовъ: онъ писалъ барону Черкасову, что русскій фарфоръ значительно разнится отъ саксонскаго и по виду какъ массы, такъ и глазури скорѣе напоминаетъ китайскій. [226] Составленная по тому или иному рецепту фарфоровая масса подвергалась тщательной обработкѣ: ее мяли, „пока песчаность едва

станетъ ощутимою на языкъ“. Эта операція первоначально производилась руками, но въ 1746 году для мятья массы была заказана въ Выборгѣ военному инженеру Ступишину особая машина, устройство которой въ деталяхъ неизвѣстно. [227]

Обработанная въ достаточной степени масса обычно извѣстное время выдерживалась въ погребахъ и тогда поступала въ дѣло.

Пріемы, которые примѣнялись точильщиками и формовщиками, повидимому, мало чѣмъ отличались отъ современныхъ пріемовъ.

Вышедшія изъ дѣла фарфоровыя вещи просушивались и затѣмъ подвергались первому обжигу или „откаленію“ и второму окончательному обжигу.

Въ періодѣ опытовъ обжигъ производился въ ручныхъ горнахъ или же въ небольшихъ печахъ, отапливаемыхъ древеснымъ углемъ.

Но такъ какъ большое производство немыслимо было при пользованіи исключительно угольными горнами, то все стремленіе Виноградова было направлено къ изобрѣтенію такой фарфоровой печи, которая могла бы дѣйствовать дровами.

Онъ высказалъ твердое убѣжденіе, [228] „что фарфоровая посуда, всеконечно, въ печахъ дровами обжигана быть должна“. Все дѣло портилъ только дымъ, отъ котораго фарфоръ принималъ желтый цвѣтъ. Однако случалось, что и изъ большихъ печей выходила сравнительно бѣлая посуда, поэтому Виноградовъ вѣрилъ въ окончательный успѣхъ и писалъ Черкасову: „Я теперь о томъ только стараніе имѣю, чтобъ впредь такую же посуду изъ печи получать возможно было, и тогда можно будетъ надѣяться, что мы на путь попали“. [228]

Стр. 51.

Рис. 43. Чайники гербъ и вензель кн. В. Долгорукаго, б. м., в. $4^{1}/_{4}$ и $2^{1}/_{4}$ в (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ).
Théières, h. 19, 10 cm.

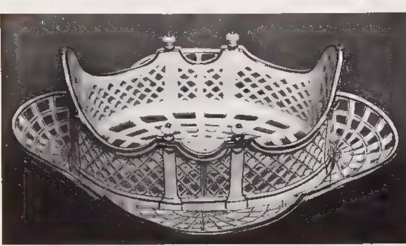
Но Виноградову пришлось много потрудиться: передѣлывать и вновь устраивать обжигальныя большія и малыя печи, прежде чѣмъ удалось ему достигнуть возможности управлять огнемъ и получать такимъ образомъ хорошіе результаты. [229]

Въ 1747 году, весною и лѣтомъ, Виноградовъ устроилъ двѣ печи, при чемъ кирпичи для нихъ были спеціально приготовлены на кирпичныхъ казенныхъ заводахъ по указаніямъ самого Виноградова; фундаменты печей были выстланы плитнымъ камнемъ. [230]

Когда Лебратовскій съ братьями Курсиными производили въ Царскомъ Селѣ свои опыты, баронъ Черкасовъ пробовалъ вывѣдать отъ нихъ секретъ фарфороваго производства, но они, по выраженію Черкасова, предъ нимъ „скрывались“. Баронъ Черкасовъ нашелъ, однако, менѣе скрытнаго человѣка, въ лицѣ прапорщика Алексѣя Матвѣевича Владыкина, который выѣхалъ вмѣстѣ съ китайскимъ караваномъ изъ Пекина. Владыкинъ жилъ около 15 лѣтъ въ Китаѣ, бывалъ тамъ на фарфоровыхъ фабрикахъ и увѣрялъ бар. Черкасова, что въ совершенствѣ знаетъ секретъ массы, глазури и способъ устройства печи. Черкасовъ послалъ Владыкина на фабрику и велѣлъ Виноградову дѣлать новую печь по его указаніямъ.

Печь эта отличалась отъ той, что существовала уже на фабрикѣ главнымъ образомъ своимъ подомъ: онъ былъ не горизонтальный, а сдѣланъ по длинѣ печи уступами въ видѣ лѣстницы. На этихъ уступахъ ставились капселя съ посудою, при чемъ вещи болѣе плотной композиціи помѣщались ближе къ устью печи, а вещи болѣе слабой композиціи подальше отъ устья и поближе къ трубѣ. Такого устройства печь большихъ размѣровъ должна была

имѣть, по словамъ Владыкина, три устья для топки съ трехъ сторонъ; малыя печи—одно устье. Владыкинъ указалъ и другого рода печь—съ горизонтальнымъ подомъ, но труба печи должна имѣть собственный, отдѣльный отъ печи фундаментъ. Кромѣ того печь должна была большей своей частью (4,5 или 6 частей всей вышины) находиться въ землѣ, и только меньшая часть должна возвышаться надъ землею. Черкасовъ совѣтовалъ Виноградову, въ виду невозможности, по условіямъ мѣста, углубляться въ землю, осыпать печь пескомъ.[231]

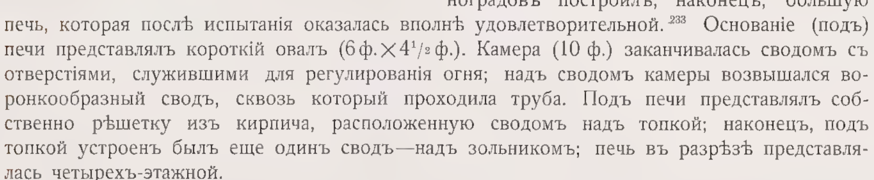

Стр. 47.

Рис. 44. Корзинка, м. ✱, д. 9 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Corbeille, l. 40 cm.

Указанія Владыкина совпадаютъ съ дѣйствительнымъ устройствомъ печей на китайскихъ фарфоровыхъ заводахъ,[232] и, быть можетъ, Виноградовъ кое-чѣмъ и позаимствовался отъ Владыкина, но, въ общемъ, печь съ уступчатымъ подомъ не привилась на Петербургской фабрикѣ. Пробовалъ Виноградовъ устраивать печи и по указаніямъ Шлаттера, но онѣ оказались негодными.[228]

Только въ сентябрѣ 1756 года, Виноградовъ построилъ, наконецъ, большую печь, которая послѣ испытанія оказалась вполнѣ удовлетворительной.[233] Основаніе (подъ) печи представлялъ короткій овалъ (6 ф. × 4½ ф.). Камера (10 ф.) заканчивалась сводомъ съ отверстіями, служившими для регулированія огня; надъ сводомъ камеры возвышался воронкообразный сводъ, сквозь который проходила труба. Подъ печи представлялъ собственно рѣшетку изъ кирпича, расположенную сводомъ надъ топкой; наконецъ, подъ топкой устроенъ былъ еще одинъ сводъ—надъ зольникомъ; печь въ разрѣзѣ представлялась четырехъ-этажной.

Впрочемъ, одновременно съ большой дровяной печью, оставались въ употребленіи и угольные горны.

При обжиганіи посуда помѣщалась въ капселя, выточенные изъ гжельской глины пещанки. Глина эта, однако, не отличалась достаточной огнеупорностью, вслѣдствіе чего капселя часто трескались или искривлялись, и заключенныя въ нихъ вещи портились. Чтобы пособить бѣдѣ, Виноградовъ для капселей составлялъ сложную массу, а впослѣдствіе пещанка была замѣнена андомской глиной.

Въ печи капселя размѣщались плотно, одинъ на другомъ столбами; разстояніе между столбами, или пирамидами было не больше одного пальца.

Процессъ отк аливанія (первый обжигъ) производился не одинаково, въ зависимости отъ топлива и конструкціи печей или горновъ. До 1751 года печи имѣли, вмѣсто вытяжныхъ трубъ, двойные мѣхи для поддержанія непрерывнаго напора воздуха подъ рѣшеткою. Въ такихъ печахъ откаливаніе состояло изъ двухъ періодовъ: первый, непродолжительный, при открытомъ поддувалѣ, такъ называемый „открытый огонь“, второй—болѣе продолжительный періодъ—„закрытый огонь“, во время котораго поддувало замазывалось и оставлялись только проходы для трубъ, соединявшихъ поддувало съ мѣхами. Это устройство допускало значительную быстроту въ обжигѣ фарфора. Откаливаніе продолжалось около 4-хъ часовъ (при открытомъ поддувалѣ: малый огонь 1 часъ, огонь посильнѣе 1 часъ и средній огонь ½ часа; при закрытомъ поддувалѣ: большой огонь 1½ часа и опять открытый огонь ½ часа).

Въ обжигѣ при помощи поддувала огонь разрушительно дѣйствовалъ на капселя и способствовалъ желтой окраскѣ фарфора. Поэтому еще съ 1750 года, для перваго обжига стала служить печь, сдѣланная по образцу обыкновенной гончарной, въ которой время откаливанія продолжалось 12—14 часовъ.

Вынутая изъ печи послѣ перваго обжига посуда глазуровалась или расписывалась кобальтомъ. Въ составъ глазури, кромѣ глины и кварца, входилъ мѣлъ. Наприм.: глины 3, кремня 3, мѣла 1 (1747 г.); глины 6, кремня 6, мѣла 1 (1747 г.); глины 30, кварца 30, мѣла 10 (1752 г.); глины 30, кварца 30, мѣла 12 (1755 г.). Иногда мѣлъ замѣнялся алебастромъ. Толщина глазури опредѣлялась въ 2 бумажныхъ листка.

Послѣ просушки, посуда вторично обжигалась въ горну или въ печи въ такихъ же капселяхъ и въ такомъ же порядкѣ, какъ при откаливаніи.

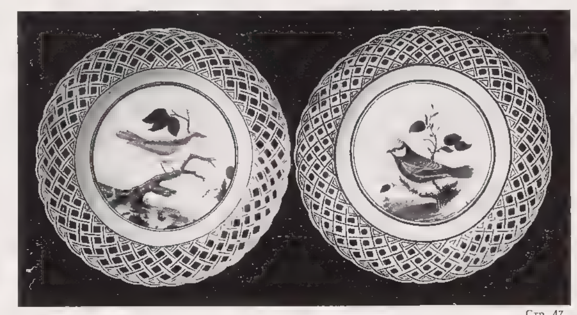
Въ печахъ первоначальнаго типа второй обжигъ производился втеченіе 9—10 часовъ (въ томъ числѣ $2—2^1/_2$ часа открытаго огня и 7—8 закрытаго). Въ усовершенствованной большой печи обжиганіе шло медленнѣе: первоначальный тихій огонь постепенно усиливался втеченіе 24 часовъ, пока онъ „такъ жестокъ станетъ, что все будетъ журчать и шумѣть". Черезъ 6 часовъ, такого („густительнаго" или „коагулирнаго") огня, фарфоръ принималъ видъ прозрачнаго камня, „изъ котораго огонь рубить можно". Спустя еще одинъ часъ, топка прекращалась, печь закрывалась наглухо и оставлялась на 3—4 сутки до охлажденія и тогда разгружалась. Послѣ вторичнаго обжига, вещи раскрашивались.

Одно изъ первыхъ затрудненій представляли сами краски: хотя Виноградовъ постоянно производилъ опыты и улучшилъ приготовленіе красокъ, но все-таки приходилось выписывать ихъ также изъ-за границы чрезъ Гамбургъ, отчасти, при посредствѣ живописца Грота, который сообщилъ даже рецепты нѣкоторыхъ красокъ. [234]

Въ палитру, кромѣ кобальтовой краски, служившей для подглазурной и надглазурной живописи, и кромѣ золота, входили слѣдующія краски: пурпуровая, черная, красныя (свѣтлокрасная, темнокрасная и вишневая), желтая, зеленая и бурая.

Вещи, сдѣланныя на Императорской фарфоровой фабрикѣ въ Санктъ-Петербургѣ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, по внѣшнему виду массы и глазури едва-ли могутъ быть смѣшаны съ издѣліями другихъ фабрикъ.

Причина указана выше: составъ русскаго древнѣйшаго фарфора не заимствованъ, а выработанъ, равно какъ и способы обжига, Виноградовымъ самостоятельно, и по виду массы и глазури этотъ фарфоръ скорѣе напоминаетъ китайскій. [235] Однако, такъ какъ въ то время саксонскій фарфоръ служилъ идеаломъ для всѣхъ вновь учреждаемыхъ фабрикъ, то Петербургская фабрика, впослѣдствіи, старалась, достигнуть возможности приготовлять вещи, которыя по внѣшнимъ достоинствамъ массы и глазури близко походили бы на издѣлія Мейссенскаго завода.

Стр. 47.

Рис. 45. Тарелки, м. ✠, д. $5^1/_2$ в. (Зимній Дворецъ)
Assiettes, d. 24,5 cm.

Лучшимъ примѣромъ въ данномъ случаѣ могутъ служить встрѣчающіяся еще и теперь додѣлки къ саксонскимъ вещамъ. Въ коллекціи Лукутина въ Москвѣ имѣется чернильный приборъ [236] Мейссенскаго завода, къ которому песочница додѣлана на С.-Петербургской фабрикѣ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Работа столь хороша, что разница въ бѣлизнѣ массы и глазури оригинала и додѣлки едва замѣтна.

Такъ какъ фарфоровая масса при Виноградовѣ составлялась по различнымъ рецептамъ, поэтому замѣтна разница между предметами этой эпохи, какъ въ свойствахъ тѣста, такъ и глазури, независимо даже отъ того, насколько удачно, или неудачно былъ произве-

денъ обжигъ. По мѣрѣ усовершенствованія производства, когда Виноградовъ остановился на нѣкоторыхъ наиболѣе удачныхъ пропорціяхъ состава, указанная разница сдѣлалась менѣе ощутительной, но не исчезла вполнѣ, такъ какъ зависѣла не только отъ пропорцій, но еще болѣе отъ входившей въ составъ массы глины — гжельской или оренбургской.

Въ то время какъ гжельская глина сообщала массѣ, а также и глазури желтоватый оттѣнокъ, оренбургская глина давала болѣе бѣлую массу, на которой глазурь могла принимать оттѣнокъ слегка голубоватый. Кромѣ того, масса изъ гжельской глины имѣла болѣе крупное зерно, легче пузырилась и потому представляла неудобную поверхность для глазури и краски. Наоборотъ, масса изъ оренбургской глины способна была покрываться блестящей однообразной глазурью и лучше принимала краски. Наконецъ, гжельскую глину трудно было освободить отъ присутствія въ ней колчедана, который легко вызывалъ на обожженныхъ предметахъ черныя точки и пятна, что не имѣло мѣста въ массахъ изъ оренбургской глины. [237] По мнѣнію Виноградова, крупнозернистость массы и недостаточная ея пластичность, отчасти, должны быть отнесены на счетъ недостаточно долгаго вылеживанія въ погребахъ: нерѣдко приходилось, особенно въ періодѣ опытовъ, пускать въ дѣло только что приготовленную, совсѣмъ не лежавшую массу. [238]

Вторую причину, обусловившую разницу цвѣта, прозрачности и звучности фарфора, надо искать въ способѣ обжига: вещи, обожженныя въ горнахъ посредствомъ углей, отличаются обыкновенно довольно большой прозрачностью и звучностью массы и стекловиднымъ блескомъ глазури. Въ тонкихъ пластинкахъ, напримѣръ на крышкахъ табакерокъ не только глазурь, но даже масса имѣетъ полуостеклившуюся консистенцію.

Наоборотъ, на вещахъ, обожженныхъ въ большихъ печахъ, отапливаемыхъ дровами, глазурь желтовата, иногда даже желтовато-грязнаго цвѣта, мало блеститъ, неравномѣрно распредѣлена и плохо пристаетъ къ массѣ. Такъ какъ наиболѣе крупныя вещи, напримѣръ, столовая посуда, обжигались чаще въ большихъ дровяныхъ печахъ и при томъ изготовлялись большею частью изъ массъ, въ составъ которыхъ входила гжельская глина, то въ этомъ надо искать причину, почему тарелки, блюда и т. п. сравнительно большія вещи эпохи Императрицы Елисаветы Петровны, въ общемъ, по качествамъ массы и глазури стоятъ ниже предметовъ мелкихъ (табакерокъ, чашечекъ), обожженныхъ въ угольныхъ горнахъ.

Это обстоятельство слѣдуетъ всегда имѣть въ виду при опредѣленіи времени изготовленія той или иной вещи. Сравнительная массивность и толщина тарелокъ, блюдъ и другихъ подобныхъ вещей объясняется опредѣленной тенденціей барона Черкасова, который предписывалъ Виноградову дѣлать вещи „что толще то лучше". [238]

Втеченіе царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, два раза дѣлались попытки выдѣлывать на фарфоровой фабрикѣ и фаянсовыя издѣлія. Въ 1752 году дѣлалъ фаянсовую посуду гончаръ Малюхинъ по англійскимъ образцамъ, но не удачно. Въ 1756 году въ качествѣ фаянсоваго мастера былъ принятъ на фабрику иностранецъ Бартельсъ. Онъ работалъ не безъ успѣха, но въ 1758 году самовольно ушелъ съ фабрики. [239]

VII. ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Во всемъ томъ, что опредѣляется понятіемъ „стиля", Императорская фарфоровая фабрика, само собою понятно, должна была слѣдовать вкусамъ современнаго искусства, конечно, настолько, насколько допускала степень совершенства техники. По отношенію къ фарфору, вкусы общества середины XVIII ст. съ наибольшей полнотой отразились на издѣліяхъ Мейссенскаго завода.

Однако, типичный мейссенскій стиль рококо не имѣлъ не только рѣшающаго, но даже существеннаго вліянія на издѣлія Императорской фарфоровой фабрики въ первый

періодъ ея существованія (приблизительно до 1765 г.), напротивъ, характерна для нихъ, сравнительно съ вычурными одновременными мейссенскими издѣліями, простота формъ.[240] Это зависѣло отъ различныхъ обстоятельствъ: за неразвитіемъ или, вѣрнѣе, отсутствіемъ русскаго скульптурнаго искусства, невозможно было, до приглашенія на фабрику иностранныхъ скульпторовъ, исполнять причудливыя формы рококо; вмѣстѣ съ тѣмъ, къ серединѣ XVIII ст. въ европейскомъ искусствѣ стала уже замѣтна нѣкоторая реакція противъ чрезмѣрной вычурности рококо, реакція, сказавшаяся во Франціи, подъ вліяніемъ маркизы Помпадуръ, и на издѣліяхъ керамики; въ царствованіе Императрицы Елисаветы, весь русскій Дворъ преклонялся передъ французской внѣшней культурой, между тѣмъ какъ Мейссенъ, подъ вліяніемъ традиціи, продолжалъ не только втеченіе всего XVIII, но и въ XIX еще столѣтіи, использовать преимущественно формы рококо. Императорская фарфоровая фабрика, возникшая позднѣе и не связанная традиціями, съ большей свободой слѣдовала за новѣйшимъ теченіемъ въ искусствѣ, теченіемъ, которое шло въ сторону большей „естественности", большей простоты. Совокупность указанныхъ причинъ имѣла слѣдствіемъ, что Императорская фафоровая фабрика въ первые годы своей дѣятельности обратилась не къ изысканнымъ формамъ Мейссенскаго завода, но къ тѣмъ формамъ, съ которыхъ началъ самъ Мейссенскій заводъ: къ болѣе простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ болѣе керамичнымъ, напримѣръ, китайскимъ и, вообще, къ тѣмъ, которыя требовали работы не скульптора, а токаря, благодаря чему вещи Императорской фабрики времени Императрицы Елисаветы Петровны и носятъ свой особый отпечатокъ въ формахъ и, отчасти, въ орнаментѣ.

ФОРМЫ.

До 1753 года Виноградовъ ограничивался производствомъ лишь отдѣльныхъ мелкихъ предметовъ: чашечекъ, блюдечекъ, чайниковъ и кофейниковъ.[241] Такія мелкія вещи, обожженныя въ горну, выходили къ этому времени очень хорошо, особенно, когда пошла въ дѣло оренбургская глина.[242] Съ 1751 года дѣлались попытки приготовлять сравнительно крупные предметы: большія чаши и блюда,[243] но эти опыты долго оставались невполнѣ удачными.

Довольно рано стали изготовлять фарфоровыя табакерки[244] и настолько удачно, что Черкасовъ не разъ получалъ благодарность Государыни за сдѣланныя ей подношенія.[245] Табакерки, приготовленныя на фабрикѣ Ея Величества, были пожалованы многимъ приближеннымъ къ Государынѣ лицамъ: Разумовскимъ, Шувалову и др.; баронъ Черкасовъ, въ 1753 году, посылалъ табакерки, изготовленныя въ Петербургѣ, въ Англію въ подарокъ лорду Гиндфорту и Нительтону,[246] а гр. Шуваловъ въ 1757 году послалъ табакерку во Францію супругѣ одного дипломата.[247] Табакерки же—первыя издѣлія Императорской фарфоровой фабрики, поступившія въ продажу: въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ въ 1753 году было напечатано объявленіе, приглашавшее желающихъ имѣть табакерки, заказывать ихъ у

Стр. 47.

Рис. 46. Цвѣтники, м. ❀, в. 3 в. (Зимній Дворецъ).
Cachepots, h. 13,5 cm.

Шлаттера.[248] Въ этомъ году фабрика вырабатывала такое количество табакерокъ, что для расписыванія ихъ были взяты изъ Академіи Художествъ нѣкоторые ученики. Шлаттеръ не только принималъ заказы на табакерки, но и наблюдалъ за ихъ расписываніемъ, которое производилось на Монетномъ дворѣ.

Больше всего въ ходу были такъ называемыя „пакетовыя" табакерки, т. е. сдѣланныя въ видѣ почтоваго пакета съ печатью на донышкѣ и съ надписью-адресомъ на имя владѣльца табакерки на крышкѣ.

Печати изображались или красной краской на плоскости, или были вытиснены въ массѣ и потомъ покрыты краской. Но въ послѣднемъ случаѣ онѣ часто отличались неясностью, такъ какъ заплывали глазурью.[249] Печать нерѣдко замѣнялась (особенно на табакеркахъ, приготовленныхъ для поднесенія Государынѣ) изображеніями „антиковъ", по образцамъ камей (табл. II). Внутренность табакерокъ иногда покрывалась золотомъ.

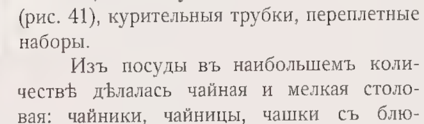
Кромѣ пакетовыхъ, приготовлялись табакерки: осьмиугольныя, круглыя, овальныя, четыреугольныя, наподобіе раковины, струйчатыя, наподобіе корзины (рогожка), на подобіе дыни, лимона и др.

Въ то время какъ пакетовыя табакерки были большею частью гладкія, бѣлаго цвѣта, табакерки другихъ формъ чаще окрашивались въ пурпуръ или зеленый цвѣтъ, иногда внутри покрывались позолотой, нерѣдко расписывались миніатюрной живописью, снабжались рельефнымъ орнаментомъ („рѣзныя").[250]

Стр. 50

Рис. 47. Корзина, м. ⚘, дл. 7¾ в. (Зимній Дворецъ).
Corbeille, l. 34 cm.

Изъ другихъ мелкихъ вещей, приготовлявшихся на фабрикѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны, упоминаются (частію дошли и до нашего времени) шандалы (рис. 39, 40), шпажные грифы, набалдашники, черенки для ножей и вилокъ (рис. 32), колокольчики, пуговицы кафтанныя и камзольныя, ложки пунщевыя, пасхальныя яйца (рис. 41), курительныя трубки, переплетные наборы.

Изъ посуды въ наибольшемъ количествѣ дѣлалась чайная и мелкая столовая: чайники, чайницы, чашки съ блюдечками, молочники, полоскательныя чашки, маслянки, кружки, кофейники, чашки шоколадныя, чашки съ крышками, сахарницы, баночки, конфетницы, чарки, солонки, бокалы, подносы.[251] Первоначально изготовлялись отдѣльные предметы, но съ 1754 года все чаще стали дѣлать цѣлые чайные сервизы.

Крупная столовая посуда: тарелки, блюда, терины, подносы, а также умывальные приборы удачно выходили только послѣ 1756 года, именно послѣ постройки большой обжигальной печи, и только съ этого времени приготовлялись въ значительномъ количествѣ.

При Виноградовѣ дѣлали и небольшія вазы (горшки); большія вазы были еще не по силамъ: для этого не хватало достаточно искусныхъ точильщиковъ и формовщиковъ, да и обжиганіе такихъ предметовъ требовало большой опытности.

Изъ приведеннаго перечня предметовъ, изготовлявшихся на фабрикѣ, можно видѣть стремленіе къ разнообразію формъ.

Баронъ Черкасовъ, посылая заказы Виноградову, часто давалъ рисунокъ, по которому вещь должна была исполняться. При отсутствіи рисунка, образцами для Императорской фабрики служили нерѣдко китайскія или саксонскія вещи.[252] Было бы ошибочно, однако, предполагать, что Императорская фарфоровая фабрика въ этихъ случаяхъ слѣпо подра-

жала чужимъ образцамъ. Какъ выше было замѣчено, при додѣлкѣ вещей къ сервизамъ, фабрика очень искусно могла копировать чужіе образцы. Но это были исключительные случаи, въ общемъ же фабрика, пользуясь идеей или мотивомъ, своеобразно ихъ перерабатывала.

Образцомъ такой переработки можетъ служить группа изъ коллекціи князя А. С. Долгорукаго, изображающая охоту на дикаго кабана мотивъ, заимствованный съ группы, хранящейся въ дрезденскомъ королевскомъ дворцѣ и представляющей борьбу собакъ съ быкомъ.

Стр 51

Рис. 48. Чашка, м. ✱, в. $1^{1}/_{2}$ в (коллекція П. И. Щукина). Tasse, h. 6,75 cm

Преемственность формъ Императорской фарфоровой фабрики зависѣла преимущественно отъ естественнаго развитія всего дѣла, между прочимъ, отъ усовершенствованія техническихъ пріемовъ. Не надо забывать, что первое время фабрика работала только при одномъ точильщикѣ и одномъ формовщикѣ, взятыхъ изъ фабрики Гребенщикова, привыкшихъ, слѣдовательно, къ формамъ простѣйшей фаянсовой посуды. Что касается моделера, то таковаго на фабрикѣ долгое время совсѣмъ не было.

При такихъ условіяхъ естественно было начать съ простѣйшихъ формъ.

Изъ сохранившихся до нашего времени предметовъ, древнѣйшими представителями начальныхъ простѣйшихъ формъ надо считать части чайнаго и кофейнаго сервиза, хранящагося въ Императорскомъ Зимнемъ дворцѣ (рис. 10), также чашечку съ блюдцемъ, съ живописью въ голландскомъ вкусѣ, хранящуюся въ музеѣ Императорскаго фарфороваго завода (рис. 12). Тѣ же формы, но уже болѣе поздняго времени, можно наблюдать на рисункахъ 13, 24, 48.

Къ простѣйшимъ формамъ надо отнести и всѣ пакетовыя, овальныя и круглыя табакерки (табл. II).

Но вскорѣ форма начинаетъ оживляться: линія теряетъ однообразіе, изгибается, поверхность становится пластической.

Между простыми изгибами линіи молочника (рис. 13) и затѣйливыми „ломанидами“ бутылочника (рис. 15) существуетъ постепенный переходъ, который можно наблюдать на цѣломъ рядѣ предметовъ (рис. 11, 19, 24, 33, 46, 50).

Самыя простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя раннія скульптурныя украшенія явились въ формѣ ложекъ и рогожки (рис. 32), распускающихся розановъ или ягодъ на крышкахъ чашечекъ, чайниковъ и другихъ вещей (рис. 13, 18, 22, 23), а также исполненныхъ плоскою рѣзьбою или лѣпныхъ едва выступающихъ цвѣтковъ и простѣйшихъ гирляндъ (рис. 17, 33).

Съ усовершенствованіемъ техники, пластичность формъ развивается еще больше: вещи украшаются наложенными гирляндами изъ лѣпныхъ цвѣтовъ; соединяются вмѣстѣ различныя скульптурныя формы, напримѣръ, на горчичницѣ и корзинкѣ изъ такъ называемаго Собственнаго Ея Величества сервиза гирлянда наложена на сѣткѣ, исполненной плоской рѣзьбою (рис. 34, 35). Съ формъ металлическихъ издѣлій заимствованы были мотивы тарелокъ, корзинокъ и другихъ предметовъ съ прорѣзными ажурными бортами и стѣнками (рис. 45). Образцомъ ажурной работы можно считать корзинку сложнаго рисунка изъ коллекціи Евдокимовыхъ (рис. 44). Наибольшей смѣлости техника достигла въ соединеніи ажурной работы съ лѣпными украшеніями-цвѣтами: таковы маленькія вазочки изъ коллекціи Евдокимовыхъ (рис. 36), которыя могли бы быть поставлены въ параллель съ подобными вещами Мейссенскаго завода. Въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, съ развитіемъ техники, на издѣліяхъ Императорской фарфоровой фабрики сильнѣе отразились формы современнаго искусства эпохи Людовика XV. Это можно наблюдать на формѣ ручекъ бутылочника (рис. 15) и шандаловъ (рис. 39, 40) изъ коллекціи Щукина, на табакеркѣ изъ коллекціи Лукутина (таб. II) и другихъ мелкихъ вещахъ (рис. 20).

Исключительно скульптурными вещами являются, конечно, куклы и фигурки, и вопросъ о куклахъ эпохи Императрицы Елисаветы Петровны заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

Въ документахъ нѣтъ упоминанія о статуэткахъ или куклахъ раньше 1752 года. Можно безъ труда допустить, что до этого года, дѣйствительно, куколъ на фабрикѣ не дѣлали, иначе полное молчаніе о нихъ и Виноградова, и барона Черкасова было бы необъяснимо.

Первое извѣстіе о куклахъ встрѣчается въ предписаніи Кабинета Виноградову, въ 1752 году,[253] дать фарфоровой массы для куколъ рѣзному мастеру Дункеру, работавшему много для Царскаго Села.

Далѣе, изъ рапорта Шлаттера въ Кабинетъ, въ августѣ 1752 года,[254] извѣстно, что на Монетномъ дворѣ была обдѣлана въ золото исполненная на фабрикѣ фарфоровая кукла. Въ письмѣ къ Виноградову, отъ 16 сентября того же 1752 года,[255] баронъ Черкасовъ упоминаетъ о модели и формѣ статуи, работы Дункера, для воспроизведенія ея въ фарфорѣ; а въ 1753 году[256] баронъ Черкасовъ поручилъ Шлаттеру снять алебастровыя модели съ статуй Лѣтняго сада и затѣмъ уменьшить ихъ настолько, чтобы по нимъ можно было сдѣлать статуэтки изъ фарфора.

Рис. 49. Фигура, м. ✱, в. 4 в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Figurine, h. 18 cm.

Есть нѣсколько прямыхъ указаній, что при Виноградовѣ куклы, дѣйствительно, исполнялись. Именно: въ 1753 году была моделирована статуэтка, изображавшая Атласа (или Геркулеса), держащаго на плечахъ земной шаръ; но обжиганіе этой фигурки, повторявшееся нѣсколько разъ, оканчивалось каждый разъ неудачей: шаръ былъ тяжелъ, и въ огнѣ Атласъ садился.[257] Въ маѣ 1754 г. Виноградовъ посылалъ къ Шлаттеру, въ числѣ другихъ вещей, нѣсколько фарфоровыхъ куколъ.[258] Такимъ образомъ, нельзя отрицать, что куклы на Императорской фарфоровой фабрикѣ въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны исполнялись; зато несомнѣнно и другое положеніе: куклы изготовлялись въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Доказательствомъ такого положенія служатъ слѣдующіе факты: 1) въ реестрѣ казеннымъ вещамъ, взятымъ изъ дому барона И. А. Черкасова въ 1757 году,[259] въ числѣ вещей фарфоровой фабрики не значится ни одной куклы; 2) въ книгѣ для записыванія продаваемыхъ частнымъ лицамъ фарфоровыхъ вещей, за 1762 г.,[260] о куклахъ ни разу не упоминается; 3) когда въ 1763 года Императрица Екатерина II повелѣла ко времени ея коронованія доставить въ Москву для продажи разныя издѣлія Императорской фарфоровой фабрики, между прочимъ и куклы, то Тарховъ рапортовалъ въ Кабинетъ, отъ 29 января 1763 года, что куколъ на фабрикѣ не имѣется;[261] 4) наконецъ, въ реестрѣ оставшимся послѣ смерти Виноградова[2.0] вещамъ упомянуты слѣдующія куклы и группы какъ готовыя, такъ и модели: „1 фигура съ изображеніемъ женской сидящей статуи, лебедя и купидона, рѣзная съ цвѣтами; 2 статуи мужскихъ гипсовыхъ, одна одну несущая; лошадь—1; штукъ танцовальныхъ въ 3 фигурахъ—1; штукъ гисторіи въ 3 фигурахъ—1; фигура Атласовая съ глобусомъ 1".

Изъ сохранившихся до настоящаго времени несомнѣнно подлинныхъ фигуръ, древнѣйшими являются собака и корова (рис. 7) и негры (рис. 3), хранящіеся въ Зимнемъ дворцѣ и по традиціи считающіеся сдѣланными на Императорской фабрикѣ въ первые годы ея существованія. Толстыя, неуклюжія тѣла животныхъ на необычайно толстыхъ ногахъ (для большей устойчивости), непропорціональность членовъ, до смѣшного рѣзко очерченныя ребра у собаки и стилизированный хвостъ, наконецъ, сплошная густая позолота—все это указываетъ на неопытнаго моделера, формовщика и обжигальщика.

Если ближе вглядѣться въ фигуру собаки: ея позу, форму головы и рта, то нельзя не замѣтить вліянія китайскаго образца: собака слишкомъ похожа на тѣхъ звѣрей съ ужасною пастью, которыми китайцы украшаютъ крышки своихъ вазъ; въ коровѣ, напротивъ, можно, пожалуй, признать и русскую корову.

Значительный шагъ впередъ представляетъ группа изъ животнаго міра, изображающая борьбу трехъ собакъ съ дикимъ кабаномъ (рис. 9): въ формахъ животныхъ замѣтна еще нѣкоторая непропорціональность и тупость, но въ фигурахъ много движенія, отдѣлка отличается гораздо большей тонкостью, чѣмъ въ предыдущихъ. Сложная композиція изъ четырехъ фигуръ тоже указываетъ на большую опытность мастеровъ.

Стр. 50

Рис. 50. Сахарница, б. м., в. $1\frac{1}{2}$ в. (коллекція П. И. Щукина) Sucrier, h. 6,75 cm.

Отъ животныхъ перешли къ изображеніямъ человѣческихъ фигуръ. Императорскій Зимній дворецъ обладаетъ древнѣйшими статуэтками, изображающими людей, именно жителей тропическихъ странъ (рис. 3). Эти статуэтки могли бы быть поставлены въ параллель съ первыми фигурками животныхъ: замѣтно неумѣніе сохранить правильныя пропорціи человѣческаго тѣла, неумѣніе очертить правильно мускулы, зато въ позахъ много свободы и движенія.

Больше техники видно въ фигуркѣ грѣющагося надъ огнемъ солдата (рис. 8), по стилю и исполненію относящейся къ одному времени съ охотой на кабана.

Особую категорію представляютъ статуэтки (рис. 26, 28, 49), выполненныя въ одномъ стилѣ и на сходные сюжеты типы восточныхъ народовъ въ костюмахъ. Исполненіе статуэтокъ во всѣхъ деталяхъ очень тонко; сопоставленныя съ такими же статуэтками Мейссенскаго завода, онѣ мало уступаютъ имъ.

По техникѣ, деталямъ костюма и по мотиву, изящную статуэтку: подбоченившуюся, вызывающе смотрящую повариху (рис. 51), а равно и амура (рис. 52) надо отнести къ позднѣйшимъ годамъ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны.

Съ предыдущими можно сопоставить статуэтку (рис. 42), представляющую инородца съ лукомъ и колчаномъ. По техникѣ она принадлежитъ почти одному времени съ „поварихой", выборъ же типа свидѣтельствуетъ о появившемся уже въ то время стремленіи искать болѣе близкихъ для русской народности предметовъ.

Приходится особо сказать объ одной небольшой вазѣ (рис. 25), времени Императрицы Елисаветы Петровны, хранящейся въ Москвѣ въ Оружейной Палатѣ. Эта ваза произведеніе Миллера. Что ваза сдѣлана въ Петербургѣ на Императорской фабрикѣ (или на рѣчкѣ Славянкѣ), доказывается вытисненнымъ въ тѣстѣ на днѣ вазы государственнымъ двуглавымъ орломъ. Надъ орломъ муфельной красной краской подпись: Müller. Подпись имени мастера свидѣтельствуетъ, что ваза есть одна изъ тѣхъ пробныхъ вещей, которыя Миллеръ представлялъ въ Кабинетъ. Исполненіе вазы сразу обнаруживаетъ саксонскую технику и опытную руку: простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящная форма, маленькія ручки, рельефное украшеніе въ видѣ цвѣточной раскрашенной гирлянды немного въ китайскомъ вкусѣ все это, въ связи съ вполнѣ удовлетворительной глазурью, производитъ отличное впечатлѣніе.

ЖИВОПИСЬ.

Развитіе живописи Императорской фарфоровой фабрики во многомъ сходно съ развитіемъ формъ. И въ этомъ отношеніи фабрика испытывала большія затрудненія отъ недостатка опытныхъ живописцевъ и руководителей.

Виноградовъ и баронъ Черкасовъ прилагали, правда, свои старанія, чтобы и эту сторону дѣла поднять до надлежащей высоты, но самъ Виноградовъ былъ только химикъ,

а не живописецъ и не художникъ, поэтому, хотя онъ производилъ у себя въ лабораторіи постоянные опыты съ красками, но руководить живописнымъ отдѣломъ не могъ.

Отъ плохого качества красокъ (отчасти отъ глазури) зависитъ то обстоятельство, что живопись на болѣе раннихъ вещахъ эпохи Императрицы Елисаветы Петровны слишкомъ суха и вызываетъ впечатлѣніе исполненія лаковыми красками.

Позднѣе тонъ красокъ становится живѣй, и онѣ кажутся болѣе потонувшими въ глазури. Напримѣръ, нѣкоторыя табакерки по живости красокъ мало чѣмъ уступаютъ лучшимъ саксонскимъ образцамъ.

Въ своемъ развитіи живопись эпохи Императрицы Елисаветы Петровны пережила еще большія измѣненія, чѣмъ формы. Если сравнить предметы первыхъ годовъ существованія фабрики съ предметами послѣднихъ годовъ царствованія, наприм.: съ одной стороны предметы кофейнаго сервиза (рис. 10), съ другой - табакерки (табл. II), то и по техникѣ живописи, и по разнообразію палитры, и по сюжетамъ между тѣми и другими предметами цѣлая пропасть: съ одной стороны—однотонный черный букетъ, стилизированный, нанесенный толстымъ слоемъ; съ другой - блестящая миніатюрная живопись.

Можно различать два періода въ развитіи живописи при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ: начальный и послѣдующій.

Наиболѣе простые способы украшеній и мотивы, встрѣчающіеся на первыхъ вещахъ Императорской фабрики, немногочисленны: одноцвѣтный сплошной фонъ, чаще всего пурпурный, зеленый или золотой, однотонные букеты, однотонный ландшафтъ. Въ пурпурный и зеленый цвѣта окрашивались очень часто табакерки. Золотомъ покрывалась внутренность табакерокъ; чашки нерѣдко золотились какъ внутри, такъ и снаружи; первыя фигурки: собака и корова Зимняго дворца тоже покрыты сплошной позолотой. Черные букеты и такой же ландшафтъ украшаютъ предметы изъ музея Зимняго дворца (рис. 10). Ландшафтъ крайне простъ: два деревца, вѣтви и листья которыхъ изображены пунктиромъ, и посрединѣ маленькій домикъ.

Однотонность скоро, однако, исчезла, съ обогащеніемъ палитры красками.

Отдѣльные цвѣтки, цѣлые разбросанные букеты и гирлянды—иногда слишкомъ яркихъ красокъ въ дисгармоничномъ сочетаніи—украшаютъ или бѣлую поверхность, или сплошную золотую (рис. 11, 13, 20, 21, 23, 32, 38, 46, 47, 50).

Впрочемъ, одновременно появляется и жанръ. Примѣромъ наиболѣе ранняго жанра можетъ служить чашка съ блюдцемъ изъ музея Императорскаго фарфороваго завода (рис. 12). На обѣихъ вещахъ въ чрезвычайно простыхъ медальонахъ, выступающихъ на густо-золотомъ фонѣ, представлены сцены изъ голландской жизни пирующіе крестьяне. Мотивъ заслуживаетъ полнаго вниманія: это не декоративная живопись, а картинка прообразъ той картинной живописи, которая впослѣдствіи, по примѣру Севрскаго завода, получила выдающееся развитіе на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ.

Другой родъ жанра—животный тоже одинъ изъ раннихъ живописныхъ мотивовъ. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить мопсики на табакеркѣ (табл. II), разрисованной Андреемъ Черновымъ, въ 1752 г. [262]

Если разсматривать эти первоначальные живописные мотивы въ связи съ формами предметовъ, на которыхъ они встрѣчаются, то поражаетъ малое соотвѣтствіе мотива и стиля, въ какомъ мотивъ трактованъ, съ той или иной формой. Характеръ живописи обусловливался не формой, но техническими трудностями, или посторонними соображеніями, напр., необходимостью скрыть подъ слоемъ золота или красокъ недостатки массы и глазури.

Трудно, конечно, пріурочить начальный періодъ въ развитіи живописи къ тѣмъ или инымъ годамъ, только упомянутая выше табакерка съ мопсиками, стоящая—по техникѣ по крайней мѣрѣ какъ бы на грани двухъ періодовъ и помѣченная 1752 годомъ, можетъ дать на этотъ счетъ нѣкоторые намеки.

Въ позднѣйшемъ періодѣ (приблизительно, послѣ 1752 г.) сплошной золотой фонъ сталъ выходить изъ употребленія, можетъ быть, потому, что не было уже надобности скрывать естественный видъ фарфора. Теперь золото стали примѣнять или для орнамента, или съ цѣлью легкаго оттѣненія скульптурныхъ формъ. Первоначальные живописные мотивы получаютъ естественное развитіе.

Стр. 49.

Рис. 51. Повариха, м. ✠, в. 4½ в (колл кн. А. С. Долгорукаго). Cuisinière, h. 20 cm

Цвѣты отдѣльные, въ букетахъ и въ гирляндахъ — не отличаются большимъ разнообразіемъ: вездѣ преобладаетъ роза. Но этотъ мотивъ выгодно оживляется въ соединеніи съ летающими между цвѣтами бабочками и другими насѣкомыми (рис. 17).

Самостоятельный пейзажъ рѣдокъ, но тамъ, гдѣ онъ имѣется (рис. 24, 41), онъ оживляется изображеніемъ людей или животныхъ.

Особую группу составляютъ китайскіе мотивы: жанровыя сценки въ соединеніи съ ландшафтомъ. Одни изъ предметовъ съ этими мотивами, по техникѣ рисунка, стоятъ еще на грани первоначальнаго періода, другіе ушли гораздо дальше (рис. 22). Особеннаго вниманія заслуживаетъ тарелка (рис. 27), гдѣ китайскій мотивъ стилизированъ и переработанъ въ орнаментъ. Весь рисунокъ исполненъ золотомъ и отличается весьма тонкой работой.

Любовныя и семейныя сценки, изображенныя на нѣкоторыхъ предметахъ (рис. 24), могутъ служить представителями позднѣйшаго жанра.

Къ наиболѣе позднему времени необходимо отнести миніатюрную, какъ батальную, такъ и портретную живопись, также мотивы съ изображеніями амуровъ въ облакахъ.

Батальныя миніатюры, служившія по преимуществу для украшенія табакерокъ (табл. II), часто отличаются замѣчательною тонкостью и отчетливостью работы. Портретная миніатюра (рис. 4), мало отличающаяся по техникѣ отъ батальной, кажется, не успѣла получить широкаго развитія и рѣдко встрѣчается.

Амуры въ облакахъ встрѣчаются довольно часто, но исключительно на предметахъ, которые по формамъ надлежитъ относить къ позднѣйшему времени (рис. 14, 15, 37).

Вліяніе французскаго искусства эпохи Людовика XV очень сказывается здѣсь какъ на формахъ, такъ и на живописи.

Основное требованіе декоративнаго искусства: чтобы орнаментъ соотвѣтствовалъ формѣ, нарушается существеннымъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, гдѣ на предметахъ изображены амуры въ стилѣ Людовика XV: орнаментъ потерялъ естественную связь съ предметомъ, онъ отдѣленъ отъ формы, дисгармонируетъ съ нею и приспособляется къ картинѣ; потерявъ же связь съ предметомъ, самъ орнаментъ сдѣлался лишнимъ и неуклюжимъ. И какою неожиданностію является въ этомъ случаѣ кувшинчикъ съ амуромъ (рис. 37), или тарелка (рис. 19), на которыхъ орнаментъ простая лента, перевитая живой изящной гирляндой изъ листьевъ — самымъ тѣснымъ образомъ слитъ съ формой! Тутъ сказалось чувство изящнаго у художника.

Украшенія въ видѣ живописныхъ гербовъ и вензелей на предметахъ эпохи Императрицы Елисаветы Петровны не рѣдки (рис. 18, 43, 48). Мотивы эти не представляютъ ничего характернаго, сопровождающіе же ихъ орнаменты относятся то къ болѣе раннимъ, то къ болѣе позднимъ годамъ.

Остается упомянуть еще объ одномъ родѣ живописи на фарфорѣ—картинной. Выше замѣчено, что чашечку съ жанромъ изъ голландской жизни (рис. 12) можно разсматривать, какъ наиболѣе ранній видъ картинной живописи. Архивные же документы свидѣтельствуютъ, что на Императорской фабрикѣ очень рано дѣлались попытки совершенно самостоятельной живописи на фарфорѣ, т. е. живописи муфельными красками на фарфоровыхъ пластахъ.

Въ реестрѣ оставшимся по смерти Виноградова вещамъ упоминаются четырехугольныя и круглыя дощечки изъ фарфора, для письма на нихъ образовъ, а въ реестрѣ вещамъ, взятымъ изъ дома барона Черкасова, отмѣчены рисованные на фарфоровыхъ дощечкахъ образа, кажется, работы живописца Чернова старшаго. [262]

Стр. 49

Рис. 52 Амуръ, б. м., в. $1^{1}/_{2}$ в.
(к. С. и В. Евдокимовыхъ)
Amour, h 6,75 cm

Стр. 90

Рис. 53. Блюдо, б. м., д $3^{5}/_{8}$ в. (колл. Вел. Кн. Николая Николаевича).
Plat, d. 16 cm.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

ШТАТЪ, УПРАВЛЕНІЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ФАРФОРОВАГО ЗАВОДА.

Пріостановка распоряженія о передачѣ фарфороваго завода въ вѣдѣніе Ломоносова могла тяжело отозваться на дальнѣйшемъ развитіи дѣла, такъ какъ замѣститель Виноградова, его ученикъ Воиновъ, человѣкъ безъ всякой научной подготовки, не былъ въ состояніи вести учрежденіе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, да и жилъ онъ послѣ Виноградова недолго;[1] что же касается управлявшаго Кабинетомъ Его Императорскаго Величества А. В. Олсуфьева, то онъ, хотя былъ человѣкомъ образованнымъ и любилъ художества, тяготился обязанностью наблюдать за фарфоровымъ заводомъ.

Вступленіе на престолъ Императрицы Екатерины II, окрылившее всѣхъ надеждами, дало капитану[2] Тархову поводъ ходатайствовать передъ Кабинетомъ о нуждахъ завода.

5-го іюля 1762 года люди завода были приведены къ присягѣ Государынѣ, [3] а 20 августа Тарховъ рапортовалъ [4] Кабинету Ея Величества о ветхости и негодности заводскихъ строеній, давно требовавшихъ ремонта.

Предстоявшія хлопоты по переѣзду Высочайшаго Двора въ Москву для коронаціи помѣшали Кабинету заняться немедленно судьбою фарфороваго завода, но сама Императрица вспомнила о немъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ, когда къ коронаціи съѣзжаются люди со всѣхъ концовъ Россіи, она хотѣла ознакомить съ издѣліями фарфороваго завода болѣе широкіе круги общества, повелѣвъ съ этой цѣлью отобрать наилучшія вещи: табакерки, чайные и кофейные сервизы и пр. и отправить въ Москву для продажи тамъ любителямъ.

Правда, на этотъ разъ отправили немного: всего 189 отдѣльныхъ вещей на сумму 1021 р. 82 к. [5] Но этотъ случай важенъ, какъ первая попытка найти для издѣлій Императорскаго фарфороваго завода рынки внѣ Петербурга и обезпечить этимъ путемъ для нихъ широкій сбытъ, другими словами — это являлось намекомъ на новое направленіе въ дѣятельности Императорскаго завода.

2 іюля 1763 года день знаменательный въ лѣтописяхъ Императорскаго фарфороваго завода: въ этотъ день заводъ удостоила своимъ посѣщеніемъ Императрица, [6] стремившаяся все видѣть своими глазами. Въ ознаменованіе своего посѣщенія, она повелѣла сопровождавшему ее статсъ-секретарю Ивану Перфильевичу Елагину, принять выбранныя ею лично 29 табакерокъ на 451 руб. изъ имѣвшихся въ готовности на заводѣ. [7] Для Императорскаго фарфороваго завода съ этого дня началась новая эпоха: дѣло, остановившееся было въ своемъ развитіи, по волѣ Государыни снова пошло впередъ.

Стр. 88

Рис. 54. Императрица Екатерина II Rachette 1793 в. 8½ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
L'Impératrice Catherine II, h. 38 cm

Для осуществленія поступательнаго движенія завода требовалось, прежде всего, возобновить его личный составъ: съ одной стороны — необходимо было лицо, достойное стать ближайшимъ руководителемъ завода, его непосредственнымъ начальникомъ; съ другой стороны — необходимы были хорошіе исполнители: опытный арканистъ, искусные модельеры, токаря, формовщики и живописцы.

Вскорѣ послѣ посѣщенія завода, въ августѣ 1763 г., Императрица повелѣла опредѣлить на заводъ поручика лейбъ-гвардіи коннаго полка Александра Николаевича Щепотьева, одного изъ участниковъ переворота 1762 г., „для разныхъ къ лучшему фарфороваго дѣла успѣховъ опытовъ". [8] Затѣмъ, двумя именными указами, 17 февраля 1764 г., А. В. Олсуфьевъ былъ назначенъ „главнымъ директоромъ" надъ фарфоровымъ заводомъ, [39] а Щепотьевъ — непосредственнымъ начальникомъ завода („быть у смотрѣнія завода"). [8] Насколько можно судить по сохранившимся документамъ, Щепотьевъ былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, съ развитымъ художественымъ вкусомъ и обладалъ свѣдѣніями по химіи и даже фарфоровому производству. [8]

Первая задача, поставленная Щепотьеву, заключалась въ составленіи положенія о фарфоровомъ заводѣ, которое должно было установить въ дѣлахъ его опредѣленный порядокъ. [8]

Положеніе, по мысли Императрицы, должно было носить временный характеръ: „до приведенія завода въ экономію", т. е. пока дѣло вполнѣ наладится. Этимъ обстоятель-

ствомъ и нужно объяснить, что Щепотьевъ въ проектѣ положенія не касался ни подвѣдомственности, ни финансовыхъ средствъ завода и опредѣлялъ только обязанности директора, поддиректора и комиссара, съ приложеніемъ временнаго (до приведенія завода въ экономію) штата мастеровъ, рабочихъ и мастеровыхъ. [9]

Основной взглядъ, проведенный Щепотьевымъ въ проектѣ, близокъ къ мысли Виноградова, что фарфоровое дѣло имѣетъ своимъ основаніемъ химію. Развивая это положеніе, [10] Щепотьевъ считалъ правильнымъ, чтобы въ личный составъ завода входили: 1) люди знающіе химію, т. е. арканисты, 2) художники и 3) ремесленники, т. е. простые рабочіе.

Стр. 78, 90

Рис. 55. Блюдо, м. ✽, д. 3 в. (колл. князя А. С. Долгорукаго). Soucoupe, d. 13,5 cm

Для объединенія дѣйствій и для направленія всего дѣла къ одной цѣли, во главѣ завода долженъ былъ стать директоръ, „который бы оные три рода знаніевъ зналъ и могъ бы давать наставленія онымъ людямъ".

Въ положеніи о директорѣ [9] заслуживаетъ вниманія обязанность его „всевозможное прилагать попеченіе о сысканіи по близости онаго завода надлежащихъ для дѣланія фарфора припасовъ"; въ этомъ нельзя не видѣть продолженія традиціи царствованія Императрицы Елисаветы Петровны делать фарфоръ „изъ земли россійской".

Должность поддиректора состояла въ обязанности постоянно присутствовать на заводѣ и имѣть непосредственный надзоръ за всѣмъ личнымъ составомъ.

На комиссара возлагались разнородныя обязанности бухгалтера, казначея и эконома.

Мастеровъ, учениковъ и работниковъ по временному штату полагалось 104, а весь личный составъ, считая и двухъ караульныхъ солдатъ, простирался до 112 человѣкъ.

Положеніе Щепотьева не предусматриваетъ раздѣленія завода на отдѣленія, но штатъ даетъ довольно ясную группировку по мастерамъ: мастера для приготовленія массы и глазури, рѣзчики (моделеры), обжигальщики, живописцы, мастеръ для составленія красокъ и обжиганія раскрашеннаго фарфора, мастеръ мѣдникъ для оправки фарфоровыхъ вещей. [9]

Почти всѣхъ главныхъ мастеровъ предположено было выписать изъ-за границы по контрактамъ, своимъ же по штату назначалось жалованье: старшимъ мастерамъ 100—250 р., младшимъ мастерамъ, ученикамъ и мастеровымъ 18—60 р. въ годъ. Нѣкоторымъ, напр. капсельщикамъ, полагалось не окладное жалованье, а заработныя деньги. Получающимъ менѣе 40 руб. жалованья полагался провіантъ по солдатскому окладу.

Стр. 73, 91

Рис. 56. Горшки, м. Ɛ, в. 3 ½ в. (колл. П. И. Щукина). Cachepots, h. 15,5 cm.

Интересна мѣра, которою Щепотьевъ надѣялся улучшить художественную часть: система регулярныхъ и нерегулярныхъ премій. Регулярныя преміи должны были выдаваться каждую треть года, какъ живописцамъ, такъ и рѣзчикамъ, по разсмотрѣнію ихъ работъ, въ размѣрѣ 40, 20 и 15 р. За какое-либо новое изобрѣтеніе предположено было выдавать вознагражденіе, смотря по важности изобрѣтенія. На выдачу премій обоихъ видовъ по штату опредѣлялось на годъ 1000 руб. [9]

Стр. 85

Рис. 57. Кофейники: 1. б. м., 2 и 3. м. Є, в. 4½ в. (колл. П. И. Щукина).
Cafetières, h. 20 cm

Положеніе и штатъ Щепотьевъ представилъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ,[9] въ которомъ, между прочимъ, предполагалъ на первое время взять на заводъ необходимыхъ мастеровыхъ и учениковъ изъ людей, состоявшихъ при Канцеляріи отъ строеній; а для того, чтобы на будущее время обезпечить правильное пополненіе личнаго состава Щепотьевъ предлагалъ учредить при заводѣ училище для малолѣтнихъ дѣтей мастеровыхъ, въ которомъ содержать ихъ на казенный счетъ и обучать чтенію, письму, рисованію и лѣпкѣ.

Докладъ Щепотьева былъ конфирмованъ 16 марта 1765 года въ С.-Петербургѣ, причемъ Императрица собственноручно положила резолюцію: „Быть по сему до указа, а изъ Кабинета отпустить ежегодно по пятнадцати тысячъ рублей".[9]

Назначая средства на содержаніе завода изъ кабинетскихъ суммъ, Императрица этимъ какъ бы указала, что заводъ долженъ состоять въ вѣдомствѣ Кабинета, хотя положеніе объ этомъ совсѣмъ умалчиваетъ.

Такимъ образомъ Высочайше конфирмованный докладъ Щепотьева, вмѣстѣ съ первыми штатами, узаконилъ существованіе завода и далъ впервые опредѣленное наименованіе учрежденію, которое раньше называли различно: то порцелинною мануфактурою, то фарфоровою фабрикою, иногда съ присоединеніемъ термина „Императорская", то, изрѣдка, фарфоровымъ заводомъ. Съ учрежденіемъ штата установилось названіе: „фарфоровый заводъ", но пока безъ слова „Императорскій". Послѣ изданія положенія, Щепотьевъ остался во главѣ завода, исполняя опредѣленныя по новому штату обязанности директора, но, какъ кажется, формально на эту должность назначенъ никогда не былъ.[11]

Въ положеніи и штатахъ фарфороваго завода роль Олсуфьева совсѣмъ не предусматривалась, но, на основаніи указа 17 февраля 1764 г., онъ въ дѣлахъ, относящихся къ заводу, назывался по прежнему „главнымъ директоромъ".

На должность поддиректора, по рекомендаціи Щепотьева, былъ опредѣленъ изъ армейскихъ поручиковъ, состоявшій воспитателемъ при гимназіи Сухопутнаго Шляхетскаго Корпуса Николай Чоусовъ, который въ 1766 г. принялъ всѣ дѣла отъ Тархова, соединивъ такимъ образомъ должность поддиректора съ должностью комиссара.[12]

Стр. 91.

Рис. 58. Блюдо, м. Є, д. 7¾ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ)
Plat, d. 34 cm

Вслѣдствіе слабаго развитія керамической промышленности въ Россіи, опытныхъ мастеровъ пришлось искать среди иностранцевъ. Еще до изданія положенія 1765 г. и до назначенія на заводъ Щепотьева, отъ выписаннаго Сенатомъ мастера Миллера, который продолжалъ на заводѣ свои опыты, но съ которымъ еще не былъ заключенъ контрактъ, было „всеподданнѣйше поднесено Ея

Императорскому Величеству", 7 августа 1763 г., „предложеніе о фарфоровой фабрикѣ" вмѣстѣ съ „кондиціями", на которыхъ онъ готовъ былъ заключить контрактъ.[13]

Въ своемъ предложеніи Миллеръ съ большой увѣренностью утверждалъ, будто произведенные уже имъ опыты и пробы доказали, что онъ въ совершенствѣ знаетъ искусство саксонскаго фарфора; если же пробныя вещи и не могутъ еще идти въ сравненіе съ мейссенскими издѣліями, то это зависѣло какъ отъ неблагопріятныхъ условій, при которыхъ ему пришлось до сихъ поръ работать, такъ и отъ того, что до заключенія контракта онъ не желалъ обнаружить вполнѣ свои секреты.

с р 83, 90.

Рис. 59. Тарелка, м ε, д. 5½ в (колл. кн. А. С Долгорукаго). Assiette, d. 24,5 cm

Миллеръ находилъ необходимымъ перенесеніе завода на новое имъ указанное мѣсто и учрежденіе новой организаціи дѣла подъ его начальствомъ. Въ такомъ случаѣ онъ соглашался заключить контрактъ на 6 лѣтъ съ вознагражденіемъ по 2 т. рублей въ годъ, обязуясь втеченіе этого времени открыть секретъ фарфороваго производства двумъ русскимъ ученикамъ и выдѣлывать вещи, не только не уступающія по качеству мейссенскимъ, но и въ такомъ количествѣ, чтобы заводъ былъ въ состояніи самъ себя содержать доходами и давать барыши отъ продажи фарфора не только въ Россіи, но и за моря.

Однимъ словомъ, Миллеръ, по выраженію покойнаго Виноградова, „обѣщалъ русскому правительству горы фарфора". Однако, Щепотьевъ, ознакомившись съ ходомъ работъ на фабрикѣ, пришелъ къ убѣжденію, что Миллеръ нисколько не превосходитъ ни своими познаніями, ни искусствомъ русскихъ мастеровъ, работавшихъ по традиціямъ Виноградова. Щепотьевъ донесъ о своихъ наблюденіяхъ Олсуфьеву и ходатайствовалъ объ удаленіи Миллера и о заключеніи контракта съ мастеромъ Регенсбургомъ.[14]

Іосифъ Регенсбургъ служилъ раньше на Вѣнской фарфоровой фабрикѣ. Какую онъ тамъ игралъ роль, достовѣрно неизвѣстно. По его собственнымъ словамъ,[15] онъ одно время состоялъ въ должности „перваго арканиста", но, въ разсчетѣ лучше устроиться въ Россіи, усиленно хлопоталъ объ увольненіи съ фабрики и, добившись этого, поступилъ временно на службу къ проживавшему въ то время въ Вѣнѣ гр. Ивану Чернышеву.

Въ прошеніи на имя Государыни Регенсбургъ хвалился также своимъ знакомствомъ съ экспериментальной физикой, механикой и химіей, а потому и оцѣнилъ свои услуги очень высоко: потребовалъ при заключеніи контракта впередъ 4000 р., по обученіи двухъ или трехъ русскихъ учениковъ 2000 р., не считая 800 р. ежегоднаго жалованья и квартиры съ дровами.

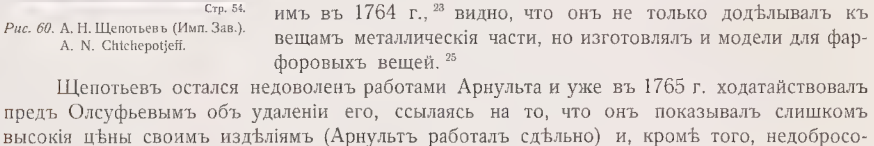
Словамъ Регенсбурга нельзя вполнѣ довѣрять, и есть основаніе думать, что онъ преувеличивалъ свои знанія и значеніе на Вѣнской фабрикѣ.[16] Вѣроятно, покровительству гр. Чернышева Регенсбургъ, мало извѣстный мастеръ фабрики, которая въ то время еще не пользовалась заслуженною позднѣе славою, обязанъ тѣмъ, что условія его были безпрекословно приняты.[17]

Одновременно съ предложеніемъ Регенсбурга, послѣдовало предложеніе съ другой стороны: русскій министръ въ Даніи бар. Корфъ, въ реляціи отъ 27 января 1764 года, донесъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ о желаніи поступить на русскую службу проживавшаго въ Копенгагенѣ француза Бертевеня, который по отзыву Корфа былъ „весьма искуснымъ порцелиннымъ фабрикантомъ", притомъ зналъ совершенно еще неизвѣстный въ Россіи секретъ механической живописи по фарфору и, кромѣ того, фаянсовое производство.[18]

Олсуфьевъ считалъ, что въ Бертевенѣ, какъ въ мастерѣ фарфороваго дѣла, не было надобности, но желательно было воспользоваться секретомъ механической живописи на фарфорѣ и завести при фарфоровомъ заводѣ фаянсовое отдѣленіе, такъ какъ фаянсъ „въ Россіи не весьма въ совершенство приведенъ“. [19]

Однако условія, предложенныя русскимъ правительствомъ, не удовлетворили Бертевеня: въ Россію онъ не поѣхалъ. [20]

Съ марта мѣсяца 1764 года, на заводѣ работалъ мастеръ Арнультъ (Arnoult), [21] повидимому, французъ, [22] рекомендованный графиней Румянцевой и работавшій раньше въ качествѣ бронзовщика-декоратора при Императорской Академіи Художествъ.[21] Въ документахъ онъ называется одинъ разъ мастеромъ „фарфороваго художества“, [23] другой „мастеромъ мѣднаго дѣла“. [24] Хотя онъ былъ мастеромъ художественной бронзы и былъ приглашенъ на фарфоровый заводъ для обдѣлки въ бронзу фарфоровыхъ вещей, однако, изъ перечня вещей, сдѣланныхъ имъ въ 1764 г., [23] видно, что онъ не только додѣлывалъ къ вещамъ металлическія части, но изготовлялъ и модели для фарфоровыхъ вещей. [25]

Стр. 54.
Рис. 60. А. Н. Щепотьевъ (Имп. Зав.).
A. N. Chtchepotjeff.

Щепотьевъ остался недоволенъ работами Арнульта и уже въ 1765 г. ходатайствовалъ предъ Олсуфьевымъ объ удаленіи его, ссылаясь на то, что онъ показывалъ слишкомъ высокія цѣны своимъ издѣліямъ (Арнультъ работалъ сдѣльно) и, кромѣ того, недобросовѣстно приписывалъ лишнія суммы къ счетамъ.

Щепотьевъ полагалъ замѣнить его русскими мѣдниками, которые, по его словамъ, въ знаніи дѣла превосходили Арнульта. [24]

Заботясь объ улучшеніи личнаго состава фабрики, Щепотьевъ ходатайствовалъ предъ Олсуфьевымъ о принятіи на фабрику моделера (рѣзчика) Карловскаго, служившаго раньше втеченіе 5 лѣтъ на Мейссенскомъ заводѣ и пріѣхавшаго въ Россію искать счастья. [26]

Сдѣланная Карловскимъ пробная вещь удовлетворила какъ Щепотьева, такъ и Олсуфьева, и съ нимъ былъ заключенъ контрактъ съ назначеніемъ содержанія по 400 р. въ годъ. [27] Однако Щепотьеву скоро пришлось убѣдиться въ негодности Карловскаго: онъ оказался хроническимъ алкоголикомъ, вслѣдствіе чего, за трясеніемъ рукъ, изготовленныя имъ модели приходилось поправлять русскимъ ученикамъ. Щепотьевъ представилъ Карловскаго къ увольненію. [28] Его замѣнили русскіе рѣзчики изъ учениковъ Академіи Художествъ: [29] Федоръ Крестишинъ, [30] Иванъ Семеновъ [31] и Гаврила Никифоровъ. [32] Одновременно съ рѣзчиками были взяты изъ Академіи также три ученика живописи: Аѳанасій Крыловъ, [33] Андрей Соболевъ [34] и Алексѣй Артемьевъ. [35]

Довести личный составъ завода до той нормы, которая опредѣлялась штатомъ, можно было не такъ скоро.

Въ 1765 году количество всѣхъ служившихъ на заводѣ доходило до 60 человѣкъ, т. е. немногимъ превышало половину числа, предположеннаго штатомъ, да кромѣ того, въ школѣ находилось 19 малолѣтнихъ учениковъ. [36]

Стр. 59.
Рис. 61. Г. Н. Тепловъ (Имп. Зав.).
G. N. Teploff

Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что хотя во всеподданнѣйшемъ докладѣ Щепотьева предполагалось на должности мастеровъ пригласить иностранцевъ, и, какъ видно изъ предыдущаго, къ этому прилагались старанія, но силою обстоятельствъ (какъ напр. въ случаѣ съ Арнультомъ) заводъ,

Табл. III. Народы Россіи.

1. Казанская татарка, б. м., в. $5^1/_8$ в.; 2. Самоѣдъ, б. м., в. $4^3/_4$ в.; 3. Армянка, б. м., в. 5 в.; 4. Киргизка, б. м., в. $4^3/_4$ в.; 5. Курилецъ, б. м., в. $4^3/_4$ в.; 6 Ингерская кр баба, м. $\frac{Е}{II}$, в 5 в; 7 Казанскій татаринъ, б м, в 5 в; 8. Баба татарская (барабинская). б м., в. $4^3/_4$ в.; 9. Монголецъ, б. м., в. 9 в.; 10. Камчадалка, б. м., в. $4^7/_8$ в.; 11. Казакъ, б. м., в. $4^3/_4$ в.; 12. Якутская баба, б. м., $4^5/_8$ в.; 13. Армянинъ, б. м., в. $5^1/_4$ в.; 14. Лопарь, б. м., в. $5^1/_8$ в.; 15. Калмычка, б. м., в. $5^1/_8$ в.; 16. Чухонская кр баба, м. $\frac{Е}{II}$, в. $4^7/_8$ в.; 17. Грузинка, б. м., в. $4^5/_8$ в.; 18. Казачка, б. м., в. 5 в.; 19. Камчадалъ, б. м., в. $4^5/_8$ в.; 20. Казакъ, б. м, в. $5^1/_8$ в.; 21. Сибирскій бухаръ, б. м., в. $4^3/_4$ в.; 22. Лопарская баба, б. м., в. $4^3/_4$ в. (1, 6—колл. П. И. Щукина; 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22—колл. С. и В. Евдокимовыхъ; 16 колл. Н. А. Лукутина)

Peuples de la Russie: 1. Femme tatare de Kazan, h. 24,5 cm.; 2. Samojede, h. 21 cm.; 3. Arménienne, h. 22,5 cm.; 4. Femme kirghize, h. 21 cm.; 5. Kourile, h. 21 cm.; 6. Paysanne ingre, h. 22,5 cm.; 7. Tatar de Kazan, h. 22,5 cm.; 8. Femme tatare, h. 21 cm., 9. Mongol, h. 40 cm.; 10. Femme kamtchadale, h. 22 cm; 11. Cosaque, h. 21 cm.; 12. Femme yakoute, h. 20,5 cm.; 13. Arménien, h. 23,5 cm.; 14. Lapon, h. 24,5 cm.; 15. Femme kalmouk, h. 23 cm.; 16. Paysanne finnoise, h. 22 cm.; 17. Géorgienne, h. 20,5 cm., 18. Femme cosaque, h. 22,5 cm.; 19. Kamtchadale, h. 20,5 cm.; 20. Cosaque, h. 23 cm.; 21. Boukhar, h. 21 cm., 22. Femme laponne, h. 23 cm

Олсуфьевымъ [illegible] вызовъ [illegible]

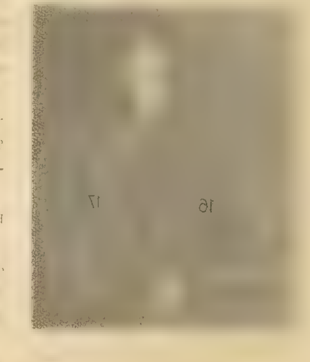
[illegible]

Щепотьевъ остался [illegible] предъ Олсуфьевымъ об[illegible] высокіи цѣны своимъ [illegible] вѣстно приписывать [illegible]

Щепотьевъ пол[illegible] знаніи [illegible] превосход[illegible]

[illegible] Олсуф[illegible] втеченіе 5 лѣтъ на Мейссенскомъ заводѣ и познанныхъ [illegible]

Сдѣланныя Карловскимъ пробныя вещи удовлетворили [illegible] за [illegible] понравились русскимъ [illegible] Карловскаго [illegible] увольненію. [illegible] Его замѣнили русскіе [illegible] изъ учениковъ Академіи Художествъ: [illegible] Федоръ Крестининъ, [illegible] Илья Самойловъ [illegible] и Гаврила Никифоровъ. [illegible] Одновременно съ рѣзчиками были взяты изъ Академіи также три ученика живописи: Аѳанасій Крыловъ,[33] Андрей Соболевъ[34] и Алексѣй Артемьевъ.[35]

Довести [illegible] завода до той нормы, которая опредѣлялась штатомъ, можно было не такъ скоро.

Въ 17[illegible] году количество всѣхъ служившихъ на заводѣ доходило до 60 человѣкъ, т. е. немногимъ превышало [illegible] число, предположенное штатомъ, да кромѣ [illegible] учениковъ. [illegible]

[illegible] фактъ, что хотя во [illegible]нѣйшемъ докладѣ Щепотьева предполагалось на должности [illegible]овъ пригласить иностранцевъ, и, какъ ви[illegible] но силою обстоятельствъ (какъ напр. въ слу[illegible]

по личному составу, остался чисто русскимъ, если не считать арканиста Регенсбурга, который едва-ли могъ быстро измѣнить направленіе, установленное традиціей прошлаго царствованія.

Обстоятельство это имѣетъ большое значеніе, и его необходимо имѣть въ виду, говоря о техникѣ и художественныхъ произведеніяхъ царствованія Императрицы Екатерины II.

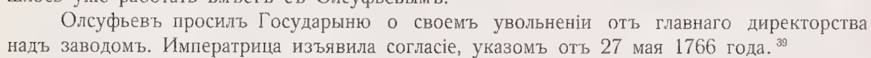
Стр. 62

Рис. 62. Кн. А. А. Вяземскій (Имп. Зав.).
Pr. A. A. Viasemsky.

На содержаніе личнаго состава въ 1765 году было употреблено 2861 р. $17^{3}/_{4}$ к. и почти столько же на матеріалы: 2710 р. $56^{1}/_{4}$ к. и, кромѣ того, на строенія 3576 р. $8^{1}/_{2}$ к. Всего въ 1764 году было израсходовано 9147 р. $82^{1}/_{2}$ к.

Основываясь на этихъ цифрахъ, можно сказать, что съ учрежденіемъ штата завода, производство его, по сравненію съ послѣдними годами царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, возрасло болѣе, чѣмъ въ полтора раза, вслѣдствіе чего Щепотьевъ считалъ, что заводъ „уже пришелъ въ экономію,“ [38] а слѣдовательно, что наступила пора, согласно 5-го пункта должности директора, „стараться о размноженіи онаго (завода) съ крайнимъ раченіемъ“.

Но, надъ выполненіемъ этой задачи Щепотьеву не пришлось уже работать вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ.

Олсуфьевъ просилъ Государыню о своемъ увольненіи отъ главнаго директорства надъ заводомъ. Императрица изъявила согласіе, указомъ отъ 27 мая 1766 года. [39]

Мѣсто Олсуфьева занялъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, которому Императрица поручила „распоряженіе“ заводомъ. [40]

Тепловъ—во многомъ противоположность Олсуфьеву: человѣкъ, получившій образованіе въ Германіи, съ большими природными способностями, любившій и умѣвшій работать систематически и упорно.

Извѣстно, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ Императрицы Екатерины II, цѣнившей въ немъ исключительно его недюжинныя способности и это умѣнье работать. [41]

Тепловъ немедленно ознакомился съ положеніемъ завода, осмотрѣвъ его лично. [42] Однако, у Теплова и безъ того было такое множество дѣлъ, онъ разрабатывалъ такіе важные и сложные вопросы внутренней политики государства, что порученному заводу не могъ удѣлять много времени и потому, охотно поддерживая Щепотьева во всѣхъ его начинаніяхъ, непосредственно въ дѣла завода не вмѣшивался, такъ что Щепотьевъ сдѣлался почти независимымъ начальникомъ завода.

Стр. 65

Рис. 63. Кн. Н. Б. Юсуповъ (Имп. Зав.).
Pr. N. B. Joussoupoff

Зато, есть много основаній думать, что Тепловъ указалъ тѣ задачи, которыя предъявлялись къ заводу въ дальнѣйшемъ его развитіи.

По своему образованію, Тепловъ не былъ художникомъ, да кромѣ того, кажется, не отличался развитымъ или врожденнымъ эстетическимъ вкусомъ, скорѣе наоборотъ. [43] Зато, онъ былъ весьма солидный политико-экономъ. Неудивительно, поэтому, если и на фарфоровый заводъ онъ прежде всего посмотрѣлъ съ экономической точки зрѣнія.

Правда, и Императрица Елисавета Петровна и бар. Черкасовъ думали о полученіи нѣкоторыхъ доходовъ отъ продажи издѣлій фарфороваго завода: соблазнительнымъ примѣромъ въ этомъ случаѣ былъ Мейссенскій заводъ, доставлявшій въ казну курфюрста значительныя по тому времени суммы. Съ цѣлью полученія дохода, и позволено было продавать частнымъ лицамъ издѣлія Императорскаго завода при Импе-

ратрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Нѣтъ, однако, указаній на то, чтобы тогда намѣревались сдѣлать изъ Императорскаго фарфороваго завода торговопромышленное учрежденіе.

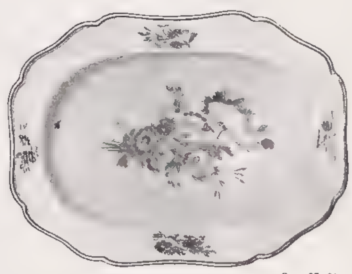

Стр. 85, 91.
Рис. 64. Блюдо, м. ℰ, д. 6¼ в. (Имп. Зав.).
Plat, d. 27,5 cm.

Точно также и Олсуфьевъ предписывалъ Щепотьеву приложить стараніе къ продажѣ фарфоровыхъ вещей посторонней публикѣ.[44] Но въ предписаніи прямо указывается, что выручаемыя отъ продажи суммы могутъ покрывать „нѣкоторые“ расходы по заводу, подобно тому, какъ было раньше. О большихъ же торговыхъ операціяхъ Олсуфьевъ едва-ли думалъ.

Тепловъ рѣшилъ повести широко коммерческое предпріятіе. Но такому назначенію заводъ не могъ удовлетворять не только въ его дѣйствительномъ состояніи, но даже и при полномъ личномъ составѣ, опредѣленномъ по штату.

Ознакомившись съ принципіальнымъ взглядомъ Теплова, Щепотьевъ въ своемъ „мнѣніи о фарфоровомъ заводѣ“,[38] далъ объясненіе, почему написанный имъ штатъ не удовлетворяетъ поставленнымъ задачамъ: „что положенія сдѣланы не съ столь великимъ числомъ, которымъ можно удовольствовать всю Россію фарфоромъ, причина была та, что оный заводъ еще былъ не приведенъ въ экономію, и положенія великаго по оному сдѣлать было не можно, ибо оное какъ-будто опытомъ служило, а на опыты великой траты казнѣ причинять не должно.“ „А нынѣ“ — добавляетъ Щепотьевъ — „коль уже оный заводъ пришелъ въ экономію, то можно вчетверо прибавить оныхъ людей, и онымъ числомъ удовольствовать Россію можно“.

Стр. 85, 91
Рис. 65. Блюдо, м. ℰ, д. 6 в. (Имп. Зав.)
Plat, l. 26,5 cm

Приступить немедленно къ выполненію грандіознаго плана: довести Императорскій фарфоровый заводъ до состоянія удовлетворять фарфоромъ всю Россію — было невозможно: не говоря уже о томъ, что трудно было достать такое большое количество опытныхъ мастеровыхъ, оборудованіе завода только постройками, по разсчету Щепотьева, стоило бы 100 тысячъ рублей — по тому времени огромной суммы.

Въ виду такихъ соображеній, Щепотьевъ предложилъ[38] планъ постепеннаго выполненія задачи: оставляя пока заводъ при прежнемъ временномъ штатѣ, немедленно учредить училище для обученія и подготовленія необходимыхъ людей и въ то же время постепенно оборудовать заводъ.

Идея спеціальнаго училища, проведенная Щепотьевымъ еще въ Высочайше конфирмованномъ 16 марта 1765 г. докладѣ, вытекала изъ сущности дѣла, подсказывалась опытомъ прежнихъ лѣтъ и сознана была уже Виноградовымъ, при которомъ существовала заводская школа, хотя въ зачаточномъ состояніи.

Стр. 85, 91.
Рис. 66. Тарелка, м. ℰ, д. 4½ в., ножи и вилки, б. м., д. 6 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Assiette, d. 20 cm., couteaux et fourchettes, l. 26,5 cm.

Щепотьевымъ для училища было составлено особое положеніе.[45]

Положеніе объ училищѣ, написанное, какъ писались обычно проекты времени Императрицы Екатерины II: съ не имѣющими прямого отношенія къ дѣлу отступленіями и общими разсужденіями, [46] отличается всѣми достоинставами и недостатками, зависящими отъ господствовавшихъ въ то время взглядовъ на воспитаніе и обученіе.

Училище [47] являлось закрытымъ заведеніемъ, въ которое принимались дѣти заводскихъ мастеровыхъ въ возрастѣ отъ 5 до 10 лѣтъ, и раздѣлялось на 4 класса. Въ первомъ классѣ обучали: читать, писать и рисовать, во второмъ рисовать и писать, въ третьемъ -рисовать и лѣпить, въ четвертомъ—рисовать и писать красками. За симъ, для всѣхъ учениковъ, кромѣ малолѣтнихъ, которые „еще не весьма понимать могутъ,“ священникъ преподавалъ начальныя правила христіанской вѣры („ученіе должности христіанской“); ученики же третьяго и четвертаго классовъ обучались еще „исторіи, древней митологіи и тому подобнымъ ученіямъ, принадлежащимъ до художниковъ“.

Стр. 85, 90.

Рис. 67 Тарелка, м. ε, д. 5½ в (колл. С. и В. Евдокимовыхъ) Assiette, d. 24,5 cm.

Наиболѣе даровитымъ ученикамъ, изъ которыхъ можно было надѣяться „сдѣлать хорошихъ композиторовъ или историческихъ живописцевъ“, преподавались сверхъ того перспектива и архитектура. Во всемъ ученіи слѣдовали правилу: не отягощать излишне памяти, ибо „отягощенная память не имѣетъ сильныхъ и чистыхъ воображеній, а художнику во время композиціи весьма нужно чистое и сильное воображеніе“.

Комплектъ воспитанниковъ опредѣленъ былъ въ 30 человѣкъ; воспитаніе ввѣрялось особому надзирателю, которому въ помощь назначились два или три человѣка „лѣтъ двадцати“. Училище, названное гимназіею, въ 1768 г. имѣло уже 11 учениковъ сверхъ комплекта; содержаніе его стоило въ томъ же году 2310 руб. 16¾ коп. [48]

Стр. 85, 90.

Рис. 68. Тарелка, м. ε, д. 5½ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). Assiette, d. 24,5 cm.

Оборудованіе завода зданіями было не менѣе трудной задачей, чѣмъ подготовка личнаго состава: капитанъ Тарховъ еще въ 1762 году [49] рапортовалъ въ Кабинетъ, что заводскія зданія „пришли крышкою и сподомъ и стѣнами въ ветхость“ и „впредь безнадежны состоятъ“. По опредѣленіи на заводъ, Щепотьевъ немедленно донесъ Кабинету о необходимости починить старыя и построить новыя зданія, и деньги на починку были выданы Кабинетомъ. [50] Теперь же необходимы были капитальныя каменныя постройки, такъ какъ прежнія помѣщенія не могли уже удовлетворять своему назначенію. Щепотьевъ опредѣлилъ стоимость необходимыхъ построекъ въ 100 т. р. и въ этой смѣтѣ составилъ и передалъ Теплову планъ новаго заводскаго зданія. [51] Но такъ какъ постройка новыхъ зданій могла быть произведена не менѣе, какъ въ 7 лѣтъ (ибо предположено было употреблять для этой цѣли только экономическія суммы), то, по предложенію Щепотьева, для временнаго помѣщенія былъ пріобрѣтенъ расположенный рядомъ

Стр. 87.

Рис. 69. Амуръ на львѣ, 1769, в. 7 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Amour et lion, h. 31 cm.

съ заводомъ каменный домъ гончарнаго мастера Щербакова.[52]

Свѣдѣнія объ оборудованіи завода при Щепотьевѣ неполны. Повидимому, работы подвигались медленно, и заводскія зданія были закончены гораздо позже.

Въ 1767 году, Щепотьеву, при помощи Теплова, удалось провести довольно важную мѣру: по заведенному порядку, деньги на содержаніе завода отпускались по указамъ Кабинета изъ Соляной Конторы по третямъ года (и обыкновенно по истеченіи трети).[53] Такой порядокъ, особенно въ виду несвоевременнаго исполненія Соляной Конторой требованій, тормозилъ дѣло. По просьбѣ Щепотьева,[54] Тепловъ исходатайствовалъ Высочайшій указъ Кабинету объ отпускѣ ежегодно на содержаніе фарфороваго завода по 15 т. р. полностью въ началѣ каждаго года.[55]

Послѣ этого Щепотьевъ сдѣлался полнымъ хозяиномъ на заводѣ, такъ какъ Тепловъ почти не вмѣшивался въ дѣла.

Императрица, повидимому, была довольна дѣятельностью Щепотьева, который въ 1768 году былъ награжденъ придворнымъ чиномъ камеръ-юнкера.[56]

Щепотьевъ управлялъ заводомъ до 1773 года.[57]

Въ 1773 году фарфоровый заводъ былъ отданъ въ полное распоряженіе генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, въ вѣдѣніи котораго и состоялъ по 1792 годъ.[58] Возложеніе завѣдыванія фарфоровымъ заводомъ на ген.-прокурора, время котораго поглощалось важнѣйшими государственными дѣлами, показываетъ, какое значеніе придавала Императрица заводу и правильной постановкѣ послѣдняго.

Вся дѣятельность кн. Вяземскаго,[59] его бумаги, доклады и пр. показываютъ, что хотя онъ не принадлежалъ къ блестящимъ талантамъ, зато былъ человѣкъ здраваго и систематическаго ума, человѣкъ, который во всемъ любилъ порядокъ и дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ минуты, не по случайнымъ соображеніямъ, а на основаніи систематическаго знакомства съ фактами.

При всѣхъ своихъ дѣлахъ, кн. Вяземскій нашелъ время и для заботъ о фарфоровомъ заводѣ: сохранившіяся свѣдѣнія[60] свидѣтельствуютъ о томъ, что развитіемъ своимъ заводъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II обязанъ, главнымъ образомъ, дѣятельности кн. Вяземскаго.

Улучшенія, преобразованія и нововведенія на фарфоровомъ заводѣ, проведенныя кн. Вяземскимъ, можно свести въ слѣдующіе пункты:

Стр. 87

Рис. 70. Группа, б. м., в. 10 в. (колл С. и В. Евдокимовыхъ).
Groupe, h. 44,5 cm

1) Кн. Вяземскій завелъ на заводѣ лучшій порядокъ по хозяйственной части, улучшилъ отчетность и усилилъ отвѣтственность каждаго служащаго за порученное ему дѣло;

2) расширилъ заводъ и оборудовалъ его зданіями;

3) измѣнилъ источникъ, откуда поступали средства на содержаніе завода;

4) улучшилъ личный составъ его выпискою европейскихъ мастеровъ, вслѣдствіе чего улучшилось и качество произведеній завода;

5) увеличилъ выработку и сбытъ произведеній завода.

Съ поступленіемъ завода въ управленіе къ кн. Вяземскому, въ административномъ отношеніи произошла существенная перемѣна.

Хотя Щепотьевъ официально и не былъ назначенъ директоромъ, но фактически онъ таковымъ былъ; при князѣ же Вяземскомъ непосредственнымъ начальникомъ завода былъ д. с. с. Волковъ,[61] но, конечно, съ меньшей самостоятельностью, чѣмъ его предшественникъ.

Волковъ пробылъ на заводѣ до 1783 г., когда сдалъ дѣла капитану Голохвастову,[61] который числился состоящимъ при конторѣ фарфороваго завода, не именуясь директоромъ. Точно также не была замѣщаема при кн. Вяземскомъ и должность поддиректора.

Направленіе дѣлу давалъ кн. Вяземскій непосредственно; имѣя собственную дачу въ той же мѣстности,[62] онъ могъ часто посѣщать заводъ и слѣдить за ходомъ дѣла.

Не имѣя на заводѣ вполнѣ отвѣтственнаго лица, Вяземскій долженъ былъ озаботиться улучшеніемъ отчетности и довелъ эту часть до полнаго порядка, при чемъ два раза мѣнялъ систему отчетности и управленія заводомъ.

Стр. 88.

Рис. 71. Императрица Екатерина II, Grosse, 1774. в. $3^3/_4$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). L'Impératrice Catherine II, h. 16,5 cm.

Съ 1773 года велись въ конторѣ завода общія приходорасходныя книги: денежныя, матеріальныя и фарфоровымъ вещамъ; при этомъ отдѣльный счетъ велся суммамъ, ассигнованнымъ на содержаніе завода, и тѣмъ суммамъ, которыя выручались отъ продажи издѣлій завода.[63]

Съ 1784 г., т. е. послѣ опредѣленія для смотрѣнія за заводомъ вмѣсто Волкова Голохвастова, отчетность и управленіе по заводу осложнились, съ предоставленіемъ большей самостоятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ возложеніемъ большей отвѣтственности на старшихъ мастеровъ.

Съ этихъ поръ старшіе мастера по каждому отдѣлу завода отвѣчали какъ за подчиненный имъ личный составъ подмастерьевъ, учениковъ и мастеровыхъ, такъ и за сдаваемые на ихъ руки матеріалы или вещи. Въ виду этого, каждый мастеръ получалъ особыя приходорасходныя книги и обязанъ былъ самъ вести ихъ.[64] Этотъ порядокъ удержался и при преемникѣ Вяземскаго по управленію заводомъ.

Оборудованіе завода зданіями при кн. Вяземскомъ произведено было въ большомъ масштабѣ. Въ 80-хъ годахъ было уже готово большое двухъэтажное каменное зданіе, выходившее фронтомъ на Неву. Въ 1786 году приступили къ постройкѣ второго каменнаго, тоже двухъэтажнаго зданія, въ одной линіи съ прежнимъ, длиною въ $33^1/_2$ саж., шириною 8 саж. 2 ар., вышиною—5 саж. Оба зданія были соединены подъ одной крышей, а между ними былъ устроенъ проѣздъ.[65] Въ этомъ видѣ, при всѣхъ позднѣйшихъ поправкахъ и починкахъ, главное зданіе Императорскаго фарфороваго завода сохранилось и понынѣ.

Для Голохвастова тогда же былъ выстроенъ деревянный домъ, ветхія же деревянныя заводскія зданія были сломаны.

Въ 1789 году, кн. Вяземскій ходатайствовалъ объ увеличеніи заводской земли отъ границы дачи Александровской до Смоленской ямской слободы. Нарѣзка произведена была въ 1793 году.[66]

Болѣе обширныя и удобныя помѣщенія давали, конечно, возможность расширенія производства.

Сумма, отпускавшаяся по штату на содержаніе завода, оставалась и при кн. Вяземскомъ безъ измѣненія; измѣнился источникъ, откуда поступали деньги.

Такъ какъ раньше заводъ получалъ опредѣленную штатомъ сумму изъ средствъ Кабинета (именно изъ суммъ Соляной Конторы),[67] то, не смотря на самостоятельность, которой пользовался Щепотьевъ по управленію заводомъ, сохранялась нѣкоторая зависимость завода въ денежномъ отношеніи отъ Кабинета, который слѣдилъ за расходованіемъ отпускаемыхъ суммъ и контролировалъ отчетныя заводскія книги.

При положеніи, занимаемомъ кн. Вяземскимъ, который притомъ самъ за всѣмъ слѣдилъ, такое отношеніе между заводомъ и Кабинетомъ Е. И. В. стало неудобнымъ.

Стр. 85, 90

Рис. 72. Охотничій сервизъ: блюда, б. м., д. 9 и 11 в. (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ).
Plats ovals, l 40 et 49 cm.

Кн. Вяземскій исходатайствовалъ именной указъ Бергъ-Коллегіи, 22 марта 1779 года,[68] повелѣвавшій назначенную изъ Соляной Конторы сумму впредь выдавать ежегодно изъ доходовъ Бергъ-Коллегіи.

Такимъ образомъ всякая зависимость фарфороваго завода отъ Кабинета Е. И. В. прекратилась, и заводъ, принципіально, съ этого времени переставалъ быть учрежденіемъ дворцоваго вѣдомства, а сдѣлался учрежденіемъ общегосударственнымъ, хотя и не подчиненнымъ административно какому-либо опредѣленному вѣдомству.

Кромѣ ежегоднаго содержанія, заводъ нѣсколько разъ получалъ одновременныя субсидіи. Князю Вяземскому, въ вѣдѣніи котораго находились государственные финансы, не трудно было исходатайствовать разрѣшеніе на отпускъ изъ Остаточнаго Казначейства[69] нѣкоторой суммы „для размноженія" фарфороваго завода, которая была выдана въ 1781 и 1782 годахъ.[70]

Привлекая на фабрику иностранныхъ мастеровъ, кн. Вяземскій удовлетворялъ существенной и давно назрѣвшей необходимости, и въ этомъ случаѣ онъ правильно смотрѣлъ на дѣло: Императорскому фарфоровому заводу необходимы были не столько иностранные, часто очень сомнительные, „арканисты", какъ опытные техники и художники; таковыхъ только иностранцевъ Вяземскій и принималъ на службу. Заслуживаютъ упоми-

Стр 85, 90

Рис. 73. Охотничій сервизъ: миска, б. м., в. 6 в.
(колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Terrine, h. 26,5 cm.

нанія: приглашенный не позже 1784 года мастеръ Антонъ Станъ (или Штанъ), [71] химикъ, завѣдывавшій также муфелями, и скульптурный мастеръ Роза (или Розе), [72] который служилъ съ 1761 года. Но наиболѣе удачнымъ оказался выборъ французскаго скульптора Жака Доминика Рашета, [73] который былъ принятъ на заводъ модельмейстеромъ въ 1779 г. Онъ много лѣтъ управлялъ скульптурной частью и оказалъ Императорскому заводу значительныя услуги.

Однако иностранные мастера постепенно замѣнялись русскими — изъ заводскихъ же рабочихъ. Такъ, напр., арканиста Регенсбурга (который служилъ на заводѣ, повидимому, до 1768 г. и никакъ не далѣе 1784 года), [74] замѣнилъ подмастерье, а съ 1794 года—мастеръ Гаврила Сергѣевъ, который, завѣдывая машиной и составленіемъ массъ, вмѣстѣ съ тѣмъ управлялъ и горновой палатой, т. е. обжиганіемъ въ первомъ и второмъ огняхъ. [75] Съ 1791 года мѣсто химика Стана занялъ подмастерье Ульянъ Ивановъ, опытный практикъ, но безъ теоретической подготовки; въ 1792 году онъ былъ сдѣланъ мастеромъ. [76]

Что касается живописцевъ, то составъ ихъ носилъ все время царствованія Императрицы Екатерины II національный характеръ. Живописными мастерами въ первые годы царствованія были Андрей и Александръ Черновы, [77] люди прежняго времени, въ нѣкоторомъ смыслѣ мастера-самоучки. Съ 1783 г. на заводѣ сталъ работать живописецъ миніатюристъ Александръ Петровичъ Захаровъ, удостоившійся званія академика. [78] Изъ другихъ живописцевъ времени Императрицы Екатерины II извѣстны имена Комарова, Васильева, Иванова, Собрачева; изъ скульпторовъ: Козлова, Кирсанова и другихъ. [79]

О размѣрахъ производства въ концѣ управленія Вяземскаго можно судить по тому, что въ 1792 г. служащимъ при заводѣ жалованья и задѣлу за майскую треть причиталось 10,159 р. 65 к. [80]

Въ 1792 г. князь Вяземскій, разбитый параличемъ еще въ 1789 г., вышелъ въ отставку. На его мѣсто по управленію фарфоровымъ заводомъ, по именному указу, отъ 17 сентября 1792 г., вступилъ д. т. с. князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. [80]

Въ томъ же указѣ князю Юсупову повелѣвалось, между прочимъ, представить вѣдомость о состояніи, въ какомъ будетъ принятъ имъ заводъ. По произведенной Юсуповымъ провѣркѣ, оказалось, что чистый капиталъ завода къ 17 сентября 1792 г. составлялъ 188,139 р. $32^{1}/_{4}$ к. [81] — это результатъ управленія кн. Вяземскаго.

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, [82] не отличаясь талантами государственнаго дѣятеля, подобно князю

Стр. 85, 90

Рис. 74. Охотничій сервизъ: блюда, м. [illegible], д. [illegible] в.
(колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Plats, d. 31 cm.

Вяземскому, зато былъ большимъ любителемъ искусствъ, обладалъ развитымъ художественнымъ вкусомъ. Кромѣ того, по своему состоянію и общественному положенію, это былъ человѣкъ независимый и имѣвшій достаточно свободнаго времени.

Въ это время онъ управлялъ также казеннымъ стекляннымъ заводомъ и Императорской шпалерной мануфактурой на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ ему былъ порученъ и фарфоровый заводъ. Въ частности, что касается фарфороваго завода, то Юсуповъ съ тѣмъ большимъ вниманіемъ могъ отнестись къ дѣлу, что самъ увлекался фарфоромъ до такой степени, что позднѣе, послѣ оставленія управленія Императорскими мануфактурами, основалъ, въ 1814 году, въ своемъ имѣніи Архангельскомъ, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, собственную фарфоровую фабрику, на которой выдѣлывались исключительно художественныя вещи. [83]

Стр. 91.
Рис. 75. Чашка, б. м., в. $2\frac{1}{2}$ в., блюдце, д. $2\frac{3}{4}$ в. (колл. гр. А. А. Мусина-Пушкина).
Tasse, h. 11 cm., soucoupe, d. 12,25 cm

Впрочемъ, задача, предстоявшая князю Юсупову по управленію фарфоровымъ заводомъ была значительно облегчена тѣмъ обстоятельствомъ, что при его предшественникѣ былъ заведенъ уже совершенный во многихъ отношеніяхъ порядокъ, который оставалось только поддерживать и въ дальнѣйшемъ развитіи завода слѣдовать по тому же пути, который указанъ былъ кн. Вяземскимъ.

Такимъ образомъ, управленіе кн. Юсупова не отличалось существенно отъ управленія кн. Вяземскаго, и въ административномъ отношеніи въ это время никакихъ важныхъ перемѣнъ не произошло. Можно лишь отмѣтить, что въ 1793 г. Голохвастова смѣнилъ по надзору за заводомъ А. П. Захаровъ, который въ то же время продолжалъ исполнять свои прежнія обязанности смотрителя живописной части. [79] Впрочемъ, за дѣлопроизводство завода отвѣчала, по прежнему, контора коллегіально.

Благодаря особому положенію, которое занимали какъ кн. Вяземскій, такъ и кн. Юсуповъ, управленіе фарфоровымъ заводомъ и его организація вырабатывались постепенно и почти независимо отъ штата 1765 г., исключительно по требованію самого дѣла или по личному усмотрѣнію главныхъ начальниковъ.

Въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ организація [84] завода сложилась къ 1787 г., т. е. къ тому времени, какъ былъ оконченъ второй корпусъ главнаго зданія. Заводъ состоялъ изъ пяти главныхъ частей, не считая конторы. Эти части или отдѣленія, соотвѣтственно естественному ходу производства, были:

1) Машина для обработки матеріаловъ, потребныхъ для составленія фарфоровой и др. массъ.

2) Модельмейстерская палата, гдѣ сосредоточилась вся скульптурная часть производства (токарное, рѣзное и скульптурное отдѣленія).

Стр. 85, 90.
Рис. 76. Кофейникъ, б. м., в. $3\frac{1}{2}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Cafetière. h. 15,5 cm.

Стр. 85, 90.
Рис. 77. Сахарница, б. м., в. 2 в. (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ).
Sucrier, h. 9 cm.

Стр. 85, 90.
Рис. 78. Чайникъ, б. м., в. $1\frac{3}{4}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Théière, h. $7\frac{3}{4}$ cm.

Стр. 85, 91
Рис. 79. Сливочникъ, б. м., в. $1\frac{1}{2}$ в. (собраніе П. И Щукина).
Pot à crême, h. 6,75 cm.

Табл. IV.

Ваза „Ноября 7 дня 1775 г.“ в. $10^{1}/_{2}$ в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 46,5 cm.

[illegible] боль[illegible] [illegible] оказать [illegible] художе[illegible] [illegible]. Кромѣ того, по [illegible] состоянію и общественному положенію это былъ человѣкъ [illegible]мый и имѣвшій достаточно свободнаго времени.

Въ это время онъ [illegible] также казенными [illegible] [illegible] заводомъ и [illegible] горской шпалерной мануфактурой на тѣхъ же [illegible], на какихъ ему былъ порученъ и фарфоровый заводъ. Въ частности, что касается фарфороваго завода, то Юсуповъ съ тѣмъ большимъ внимані[illegible] [illegible]ственникѣ [illegible] оставалось только поддерживат[illegible] пути, который указанъ былъ кн. Вяземскимъ.

Такимъ образомъ, управленіе кн. Ю[illegible] нія кн. Вяземскаго, и въ админист[illegible] перемѣнъ не произошло. Можно [illegible] [illegible] заводомъ А. П. [illegible]

[illegible] фарфор[illegible] [illegible] главныхъ начальниковъ.

Въ [illegible] [illegible] Порой ко[illegible] [illegible] частей, не считая контор[illegible] [illegible]ственно естественному ходу произ[illegible]

1) Машина для обработки матер[illegible]ленія фарфоровой и др. массъ.

2) Модельмейстерская палата, [illegible] [illegible] часть производства токарное, р[illegible]

Рис. [illegible]
Евдокимовыхъ.
[illegible] h. 15,5 cm.

[illegible]
Евдокимовыхъ.
Sucrier, h. 9 cm.

Р[illegible]

3) Горновая палата, въ которой вещи обжигались въ первомъ огнѣ, глазуровались и обжигались во второмъ огнѣ.

Къ горновому же отдѣленію относилась и выдѣлка капселей.

4) Живописная палата или отдѣленіе для расписыванія и украшенія фарфоровыхъ издѣлій.

5) Лабораторія, въ которой изготовлялись фарфоровыя краски и находились муфеля для обжиганія раскрашенныхъ вещей.

Производительность, которой достигъ фарфоровый заводъ къ концу царствованія Императрицы Екатерины II, во много разъ, конечно, превышала производительность его за время Императрицы Елисаветы Петровны.

Стр. 86.

Рис. 80. Ваза, б. м., в. 20 в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 89 cm.

Въ 1794 году [85] заводомъ было переработано болѣе 36 тысячъ пудовъ сырыхъ матеріаловъ; сдѣлано въ видѣ вазъ, фигуръ и столовыхъ вещей около 38 тысячъ предметовъ и 657 формъ и моделей; въ горновомъ отдѣленіи приготовлено около 85 тысячъ капселей и пережжено фарфора въ первомъ и во второмъ огнѣ болѣе 67 тыс. штукъ; въ живописномъ отдѣленіи раскрашено и разрисовано сверхъ 19 тыс. вещей. По тогдашней оцѣнкѣ стоимость поступившаго въ складъ за 1794 годъ готоваго фарфора равнялась 59,973 р. 35¾ к.

Въ виду такого увеличенія размѣровъ производства сравнительно съ прежнимъ временемъ, возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ были достигнуты въ разсмотрѣнный періодъ коммерческія цѣли?

За 50 лѣтъ, протекшихъ со времени открытія Беттхера, фарфоръ успѣлъ уже занять на европейскомъ рынкѣ довольно прочное положеніе, которое укрѣплялось по мѣрѣ выясненія практическихъ достоинствъ фарфоровыхъ издѣлій.

Стр. 86.

Рис. 81. Ваза, м. Е, в. 9 в. (Импер. Зав.).
Vase, h. 40 cm.

Первоначально всѣми выгодами положенія пользовался Мейссенскій заводъ. Но секретъ производства, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, трудно было долго сохранять въ тайнѣ, и мало-помалу фарфоровыя фабрики стали появляться то тамъ, то здѣсь. Нѣкоторые государи, какъ напр. Фридрихъ II прусскій, для обезпеченія развитія національныхъ фабрикъ, стали принимать репрессивныя мѣры противъ мейссенскаго фарфора, въ видѣ высокихъ или даже прямо запретительныхъ тарифовъ.

Когда въ Петербургѣ была заведена фарфоровая фабрика, правительство принимало, какъ и вездѣ въ Европѣ, строгія мѣры противъ распространенія секрета, монополизируя этимъ производство. [86]

Но и въ Россіи секретъ не могъ долго сохраниться: одинъ фактъ существованія фабрики въ Петербургѣ привлекалъ въ Россію различ-

Стр. 86

Рис. 82. Ваза, м. Е, в. 10 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Vase, h. 44,5 cm.

Стр. 88.

Рис 83 Разносчикъ мороженаго, б. м., в. $4\frac{3}{4}$ в. (колл С. и В. Евдокимовыхъ). Vendeur de glaces, h. 21 cm.

ныхъ мастеровъ фарфороваго дѣла, желавшихъ пристроиться къ этой фабрикѣ, но, въ большинствѣ, не находившихъ здѣсь мѣста.

Естественно, что эти мастера предлагали свои услуги каждому, кто пожелалъ бы воспользоваться ихъ знаніями.

Въ 1763 г., дѣйствительно, была сдѣлана первая попытка завести частную фарфоровую фабрику Волковымъ въ г. Сѣвскѣ. [87] Впрочемъ, эта фабрика, за недостаткомъ у основателя средствъ, стояла безъ дѣла.

Такимъ образомъ, можно считать, что въ 1766 году Императорскій фарфоровый заводъ внутри государства не имѣлъ еще конкурента, ибо Гарднеръ открылъ свой заводъ приблизительно двумя годами позже. [87]

Конкуренція съ фаянсовыми издѣліями была возможна, такъ какъ русскій фаянсъ отличался низкими качествами, да и фаянсовыхъ фабрикъ было еще немного, и почти всѣ онѣ сосредоточивались въ московскомъ раіонѣ. [87]

Могло способствовать болѣе широкому распространенію русскаго фарфора и то обстоятельство, что въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II сильно сократился, почти даже совсѣмъ прекратился привозъ фарфоровыхъ издѣлій изъ Китая, послѣ того какъ, вслѣдствіе политическихъ недоразумѣній между обоими правительствами изъ-за пограничныхъ вопросовъ, китайскіе купцы удалились изъ Кяхты въ Маймачинъ и прекратили торговыя сношенія съ русскими (1764 г.); вслѣдствіе тѣхъ же недоразумѣній и китайскій караванъ не могъ отправиться въ Пекинъ и былъ задержанъ въ Москвѣ. [88]

Были однако серьезныя причины, мѣшавшія широкому распространенію издѣлій Императорскаго фарфороваго завода.

Интересны данныя о продажѣ частнымъ лицамъ издѣлій завода въ Петербургѣ за ближайшіе предшествовавшіе учрежденію штата годы: [89]

Въ 1760 г. было продано вещей	на 365	р.	30	к.
„ 1761 „	„ 495	„	10	„
„ 1762 „	„ 566	„	$65\frac{1}{4}$	„
„ 1763 „	„ 426	„	$66\frac{1}{2}$	„
„ 1764 „ (за 8 мѣс.)	„ 145	„	68	„

Замѣчается странное, на первый взглядъ, явленіе: продажа не увеличивается, а сокращается. О сокращеніи продажи фарфоровыхъ вещей въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II засвидѣтельствовалъ самъ Щепотьевъ, который, рапортуя [90] на предписаніе изъ Кабинета [44] о приложеніи стараній къ продажѣ фарфоровыхъ издѣлій частнымъ лицамъ, указалъ на причину этого явленія: „Прежде покупали россійскій фарфоръ изъ одного любопытства и несмотря на дороговизну онаго, а нынѣ, какъ его болѣе видно стало, и уже его не за рѣдкость считаютъ, то всѣ отрицаются покупки, за его дороговизной, находя саксонскій фарфоръ дешевле, притомъ и лучше россійскаго“.

Стр. 88.

Рис. 84. Продавецъ рябчиковъ, б. м., в. $4\frac{7}{8}$ в., кузнецъ, б. м., в. $4\frac{3}{4}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). Vendeur de gelinottes, h. 22 cm., forgeron, h. 21 cm.

Правильность этого взгляда подтверждается результатомъ продажи издѣлій Императорскаго

завода въ 1763 г. въ Москвѣ, во время коронаціи.[91] Продано было вещей на 231 р. 38½ к. Большая половина этой суммы приходится на долю Г. Г. Орлова, купившаго 8 табакерокъ, очевидно, для раздачи иностраннымъ гостямъ.

Изъ реестровъ и вѣдомостей поступившимъ въ продажу вещамъ[92] видно также, насколько высоки были цѣны, по которымъ продавались издѣлія Императорскаго фарфороваго завода, и которыя самымъ рѣшительнымъ образомъ должны были мѣшать дальнѣйшему развитію завода, если онъ хотѣлъ преслѣдовать задачу найти для своихъ произведеній широкій сбытъ въ публикѣ.

Стр. 88.
Рис. 85. Медальонъ Вел. Кн. Павелъ Петровичъ и Вел. Кн. Марія Ѳеодоровна, б. м., д. 1· 4 в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго). Médaillon, d. 5,5 cm.

Расцѣнка, произведенная кап. Тарховымъ отправленнымъ въ Москву табакеркамъ,[93] показываетъ, что такая высокая цѣна обусловливалась высокою стоимостью производства.

Надо даже думать, что при всей высотѣ продажной цѣны, она была все-таки ниже дѣйствительной стоимости, такъ какъ Тарховъ едва-ли принималъ въ разсчетъ всѣ расходы по заводу.

Такимъ образомъ, чтобы достигнуть возможности преслѣдовать намѣченную цѣль, Императорскій фарфоровый заводъ долженъ былъ не только учетверить, по предложенію Щепотьева, личный составъ, но улучшить качество своихъ издѣлій и, въ особенности, удешевить стоимость производства.

Щепотьевъ не сомнѣвался въ возможности улучшенія качествъ русскаго фарфора[94] и имѣлъ на это основаніе: уже результаты, достигнутые Виноградовымъ, давали право надѣяться на славную будущность завода. Иное было дѣло достигнуть удешевленія стоимости производства, хотя, конечно, расширеніе завода должно было въ значительной степени способствовать такому удешевленію, а съ другой стороны, Щепотьевъ основательно надѣялся, что со временемъ расходы по заводу должны будутъ сократиться, если личный составъ будетъ пополняться воспитанниками заводскаго училища.

Но, при всемъ томъ, стремленіе къ возможно широкому сбыту и конкуренціи съ заграничнымъ фарфоромъ могло бы имѣть успѣхъ при двухъ условіяхъ: или при покровительственномъ тарифѣ, или при выпускѣ изъ завода массы низкопробныхъ вещей, т. е. при развитіи ремесленнаго производства въ ущербъ художественному.

Стр. 86.
Рис. 86. Амуръ, м. ℇ, в 3ⁱ . в (колл. Н. А. Лукутина). Amour, h. 15,5 cm.

Покровительственнымъ тарифамъ не сочувствовала, однако, Императрица, да и Тепловъ не былъ ихъ сторонникомъ. Что касается князя Вяземскаго, то нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы онъ усвоилъ точку зрѣнія Теплова, который видѣлъ назначеніе Императорскаго фарфороваго завода въ снабженіи фарфоромъ всей Россіи, и хотя въ управленіе князя Вяземскаго сбытъ издѣлій Императорскаго фарфороваго завода частнымъ лицамъ значительно увеличился, такъ что около 1783 г. была при заводѣ открыта спеціальная лавка для розничной продажи съ особымъ сидѣльцемъ,[95] тѣмъ не менѣе, наиболѣе крупнымъ заказчикомъ завода являлся Императорскій Дворъ.[96] Напримѣръ, въ 1794 г.[85] расходъ фарфора оцѣнивался

Стр. 86
Рис. 87. „Зима“, м ℇ, в. 3⁷ ₈ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). „Hiver“, h. 17 cm.

Стр. 92.

Рис. 88. Чашка, в. $1^1/_2$ в., блюдце, д. $3^1/_4$ в., м. Е, (колл. кн. А. С. Долгорукаго). Tasse, h. 6,75 cm., soucoupe, d. 14,5 cm.

въ 47,925 р. 99 к., въ томъ числѣ частнымъ лицамъ продано на 8,110 р. $64^3/_4$ к., что составляетъ одну шестую часть всего сбыта. Ясно, что заводъ работалъ преимущественно для надобностей Высочайшаго Двора. Но обыкновенная сервизная фарфоровая посуда въ то время при Дворѣ не находила широкого примѣненія, такъ какъ не успѣла еще вытѣснить серебряную и фаянсовую; кромѣ того, Придворная Контора предпочитала покупать у частныхъ мѣстныхъ купцовъ или выписывать изъ-за границы саксонскую посуду, находя, вѣроятно, ее болѣе дешевой, чѣмъ издѣлія Императорскаго завода. [79]

Итакъ, цѣль, поставленная Тепловымъ: снабженіе всей Россіи фарфоромъ—не достигалась; производство превышало спросъ, и съ каждымъ годомъ накоплялся запасъ. Такъ: къ 1 янв. 1794 года въ кладовыхъ хранилось готоваго фарфора на 39,122 р. 55 к., а къ 1 янв. 1795 года запасъ этотъ достигъ уже суммы въ 51,169 р. $91^3/_4$ к. [85] Расходы по производству и содержанію личнаго состава завода за 1794 годъ простирались до 64,467 р. $55^3/_4$ к. Такимъ образомъ, очевидно, дальнѣйшее развитіе завода въ смыслѣ расширенія производства было безцѣльнымъ, и заводъ могъ работать только при субсидіи правительства: разница между расходами производства и стоимостью выпускаемыхъ изъ завода вещей покрывалась положенными по штату 15 тысячами руб.

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Техника производства въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II развивалась въ направленіи, установленномъ Виноградовымъ; улучшенія заключались преимущественно въ упорядоченіи всего производства въ совокупности и въ разграниченіи отдѣльныхъ мастерскихъ. Впослѣдствіи, особенно начиная съ семидесятыхъ годовъ, какъ видно изъ сравненія издѣлій второй половины царствованія Императрицы Екатерины II съ издѣліями предшествовавшаго царствованія, были достигнуты значительные успѣхи: мастерами времени Императрицы Екатерины II исполнены предметы, напр., большія вазы, которыя для ихъ предшественниковъ были еще не мыслимы. Эти техническіе успѣхи являлись слѣдствіемъ, съ одной стороны, бо̀льшаго навыка прежнихъ мастеровъ и систематической подготовки молодыхъ работниковъ въ заводской гимназіи, подъ руководствомъ Захарова, съ другой стороны - слѣдствіемъ дѣятельности приглашенныхъ спеціалистовъ руководителей: Регенсбурга и Рашета.

Сырые матеріалы, служившіе для производства, нѣсколько измѣнились сравнительно съ прежнимъ временемъ, хотя измѣненія эти произошли въ направленіи, намѣченномъ Виноградовымъ. Для составленія фарфоровой массы въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II по прежнему шли въ дѣло гжельская и исецкая глины. [98]

Въ 1765 г. производились пробы глины изъ Бѣлевскаго уѣзда и дали благопріятные результаты. Регенсбургъ даже настаивалъ на непремѣнной доставкѣ этой глины, увѣряя, что иначе нельзя разсчитывать на доведеніе русскаго фарфора до высшей степени совершенства. [99] Въ томъ же 1765 г.

Стр. 91.

Рис. 89. Чашка, в. $1^1/_2$ в., блюдце, д. 3 в., м. Е, (колл. кн. А. С. Долгорукаго) Tasse, h 6,75 cm, soucoupe, d. 13,5 cm.

снова былъ поднятъ вопросъ о глуховской глинѣ.[100] Эта глина вытѣснила скоро и московскую, и бѣлевскую и подмѣшивалась къ чебаркульской,[101] а начиная съ 1792 г., кажется, шла въ составъ фарфоровой массы уже преимущественно.[102] Московская глина сравнительно долго находила примѣненіе, но послѣ 1792 г. только одинъ ея сортъ песчанка для капселей; впрочемъ и тутъ ее потомъ замѣнили андомской глиной, которая стоила дешевле.[103]

Поставка всѣхъ сортовъ глинъ производилась подряднымъ способомъ, и Исецкій глинопромывальный заводъ былъ уничтоженъ.[104]

Вмѣсто алебастра, въ массу стали употреблять, можетъ быть подъ вліяніемъ Регенсбурга, полевой шпатъ, который доставлялся вмѣстѣ съ кварцемъ изъ Олонца.[105] Шелъ въ дѣло и черепъ, но только капсельный для капселей же;[106] о примѣшиваніи фарфороваго черепа къ массѣ указаній никакихъ не имѣется.

Обработка сырыхъ матеріаловъ производилась по прежнему: частью ручнымъ способомъ въ толчеяхъ,[107] частью посредствомъ мельницы

Стр. 78, 86

Рис. 90. Ваза, б. м., в. $11^1/_2$ в. (колл. Н. А. Лукутина). Vase, h. 51 cm.

Первое время дѣйствовала ручная мельница, такъ что еще въ 1764 г. Щепотьевъ доносилъ Олсуфьеву, что несовершенство мельницы, работающей слишкомъ медленно, не даетъ возможности расширять производство. Онъ просилъ поэтому, чтобы Кабинетъ ходатайствовалъ предъ Адмиралтейской Коллегіей о разрѣшеніи построить мельницу для фарфороваго завода у Колпинской плотины, гдѣ Адмиралтейство имѣло свою пильную мельницу.[108]

Хотя Кабинетъ по этому вопросу имѣлъ переписку съ Адмиралтейскою Коллегіею,[109] но мысль о постройкѣ водяной мельницы не осуществилась. Вмѣсто водяной мельницы была выстроена при кн. Вяземскомъ машина съ коннымъ приводомъ; въ 1796 году была построена такая же вторая машина, но болѣе совершенной конструкціи.[110]

Стр. 77.

Рис. 91. Тарелка, м. Е, д. $5^1/_2$ в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго). Assiette, d. 24,5 cm.

Современныхъ рецептовъ составленія массы при Императрицѣ Екатеринѣ II не сохранилось. Нельзя, однако, сомнѣваться, что въ первые годы масса ничѣмъ не отличалась отъ виноградовскихъ, составленныхъ по послѣднимъ его рецептамъ (въ 1756 и слѣд. годахъ), ибо отчасти шли въ дѣло запасы прежнихъ лѣтъ, отчасти масса приготовлялась Воиновымъ, который, разумѣется, слѣпо слѣдовалъ рецептамъ Виноградова.

Измѣненіе пропорцій могло произойти только послѣ принятія на заводъ, въ качествѣ арканиста, мастера Регенсбурга, который могъ повліять въ этомъ направленіи.

Сравнивая процентное содержаніе важнѣйшихъ составныхъ частей: кремнезема (SiO_2) и глинозема (Al_2O_3) въ черепѣ времени Императрицы Екатерины II[111] съ процентнымъ содержаніемъ тѣхъ же веществъ въ черепѣ стараго саксонскаго, вѣнскаго, берлинскаго и китайскаго

фарфора,[112] приходится придти къ тому же заключенію, какое было высказано Виноградовымъ относительно фарфора времени Императрицы Елисаветы Петровны, именно, что русскій фарфоръ времени Императрицы Екатерины II болѣе всего приближается къ китайскому.

Послѣ Виноградова техника обжига почти не измѣнилась. Управлять огнемъ русскіе мастера научились въ достаточной степени, такъ что о незначительной, по тогдашнему состоянію производства, потерѣ при обжигѣ Щепотьевъ засвидѣтельствовалъ еще въ 1764 г.[113] Обжигъ производился по прежнему въ одноэтажныхъ горнахъ (въ то время такъ стали называть виноградовскія „большія печи"), слѣдовательно, каждый родъ обжига (большой и малый огонь) отдѣльно. Горны помѣщались въ особой пристройкѣ главнаго зданія, размѣры которой были слѣдующіе: длина — 7 саж. 2 арш., ширина 6½ саж., вышина --3 саж. ½ арш.[114] Въ 1794 году составленъ былъ проектъ новой каменной горновой палаты, но она не была построена.[115] Топка горновъ производилась исключительно сосновыми дровами.[116]

Стр. 87.

Рис. 92. Діана и Эндиміонъ, Rachette inv., в. 9 в. (Зимній Дворецъ).
Diane et Endymion, h. 40 cm.

Относительно муфелей есть указаніе, что въ 1792 г. выписаны были чугунные муфеля изъ Олонецкаго пушечнаго завода.[117] Муфеля отапливались угольями.

Изъ первыхъ штатовъ завода видно, что, по мысли, вѣроятно, Щепотьева, полагались на заводѣ свои бронзовые мастера, между тѣмъ какъ раньше металлическія монтировки фарфоровыхъ вещей отдавались на заказъ постороннимъ мастерамъ, напримѣръ, при Виноградовѣ Семенову.[118]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Необходимы нѣкоторыя общія замѣчанія, безъ которыхъ сужденіе объ отличительныхъ признакахъ произведеній Императорскаго фарфороваго завода времени Императрицы Екатерины II и ихъ художественномъ значеніи не вполнѣ были бы ясны и могли бы противорѣчить одно другому.

Тридцать четыре года (1762—1796) — треть столѣтія - слишкомъ большой періодъ, чтобы дѣятельность завода могла быть однообразной. Втеченіе этого времени ближайшее руководство заводомъ трижды переходило изъ рукъ въ руки: сперва къ Щепотьеву, отъ Щепотьева къ кн. Вяземскому, отъ кн. Вяземскаго къ кн. Юсупову.

Затѣмъ надо имѣть въ виду двойственность, которая лежала въ основѣ задачи, поставленной Императорскому фарфоровому заводу съ начала царствованія Императрицы

Екатерины II. Заводъ, который, въ сущности, былъ художественнымъ учрежденіемъ и имѣлъ задачей служить представителемъ въ Россіи новаго декоративнаго искусства, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ управляться „по коммерческому обряду“, другими словами давать прибыль. Преслѣдованіе послѣдней цѣли неизбѣжно должно было вести къ выработкѣ большого количества рыночныхъ издѣлій, которыя не могли тогда, не могутъ и теперь служить мѣриломъ той степени художественнаго развитія, которая была достигнута заводомъ. А между тѣмъ именно эти ординарныя издѣлія сохранились въ значительномъ числѣ до настоящаго времени въ видѣ столовыхъ, чайныхъ и кофейныхъ сервизныхъ вещей, которыя, конечно, не могутъ вполнѣ характеризовать дѣятельность Императорскаго завода въ эту эпоху, не могутъ дать правильнаго представленія о его художественномъ развитіи.

Стр. 87.

Рис. 93. Венера, м. Є, в. $6^{1}/_{2}$ в. (коллекція кн. А. С. Долгорукаго). Venus, h. 29 cm.

Къ счастью, коммерческое направленіе не успѣло развиться до той степени и пойти по тому пути, гдѣ оно могло принести рѣшительный вредъ художественности издѣлій. Разрѣшая одновременно обѣ задачи, старались держаться средняго пути и не доводитъ дешевизну производства, въ ущербъ художественности, до крайности.

Благопріятнымъ въ этомъ случаѣ обстоятельствомъ являлась возможность не гоняться за частными покупателями, а работать преимущественно по заказамъ Придворной Конторы, для удовлетворенія потребности Высочайшаго Двора въ обыкновенной расходной посудѣ.

Однако, и на вещи, выполненныя по этимъ заказамъ Придворной Конторы, необходимо смотрѣть какъ на такія, которыя не преслѣдовали художественныхъ задачъ и потому отличались извѣстной шаблонностью. Уже во внѣшнемъ видѣ тѣста и глазури, насколько этотъ элементъ имѣетъ значеніе для художественнаго впечатлѣнія, замѣтна большая разница между вещами чисто художественными и ординарными. Бисквитъ художественныхъ вещей, особенно позднѣйшаго времени, мало оставляетъ желать лучшаго: онъ въ достаточной степени бѣлъ, мелкозернистъ и способенъ воспринимать тончайшія детали модели.

Стр. 86.

Рис. 91. Вакханка, б. м., в. 9 в. (колл. Н. А. Лукутина). Bacchante, h. 40 cm.

Въ большинствѣ случаевъ, на этихъ вещахъ хороша и глазурь, хотя и уступаетъ той блестящей глазури, которая встрѣчается, напримѣръ, на произведеніяхъ эпохи Императора Николая I. Зато на сервизныхъ вещахъ времени Императрицы Екатерины II нерѣдко встрѣчается далеко неудовлетворительная глазурь; такъ напр., на кашпо (рис. 56) она имѣетъ желтоватый оттѣнокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не отличается гладкостью своей поверхности.

Разсматривая все производство завода въ совокупности, втеченіе царствованія

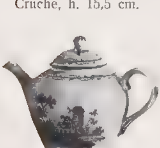

Стр. 86.

Рис. 95. Сатиръ, б. м., в. $9^{1}/_{2}$ в. (колл. Н. А. Лукутина). Satyr, h. 42,5 cm.

Стр. 91.
Рис. 96. Молочникъ, м. Є, в. $3\frac{1}{2}$ в. (колл. П. И. Щукина).
Cruche, h. 15,5 cm.

Стр. 90.
Рис. 97. Чайникъ, м. Є, в. 2 в. (колл. П. И Щукина)
Théière, h. 9 cm

Стр. 91.
Рис. 98. Кофейникъ, м. Є, в. $2\frac{1}{2}$ в. (колл. П. И. Щукина).
Cafetière, h. 11 cm.

Императрицы Екатерины II, необходимо отмѣтить, что первые годы этого періода — почти все время директорства Щепотьева — мало характерны: тогда сохранялась еще непосредственная связь съ временемъ Императрицы Елисаветы Петровны: это тѣ же формы, тѣ же декоративные мотивы. Вліяніе Арнульта было непродолжительно и незначительно. [119]

Точно также незначительно было, особенно въ художественномъ отношеніи, вліяніе Регенсбурга, такъ какъ послѣдній былъ лишь арканистомъ, т. е. мастеромъ для состава массы, красокъ и обжига.

Многія изъ сохранившихся вещей шестидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія только потому могутъ быть отнесены къ царствованію Императрицы Екатерины II, что имѣютъ отличительную марку; безъ послѣдней такія вещи на основаніи формы – весьма рѣдко, а на основаніи живописи и орнамента — лишь при тщательномъ изученіи могутъ быть правильно датированы.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ вещи, относящіяся ко второй половинѣ царствованія Императрицы Екатерины II: онѣ носятъ свой особый характеръ и столь же разнятся отъ произведеній Императрицы Елисаветы Петровны, какъ и отъ произведеній позднѣйшихъ царствованій.

Стр. 91.
Рис. 99. Кувшинъ, м. Є, в. 5 в. (к. П. И. Щукина).
Cruche, h. 22,5 cm

Стр. 91.
Рис. 100. Полоскательница, м. Є, в. $2\frac{1}{4}$ в. (колл. П. И. Щукина).
Rinçoir, h. 10 cm.

Это время отмѣчено большимъ вліяніемъ модельмейстера Рашета, такъ какъ лучшія произведенія этого времени выполнены по его моделямъ.

Императорскій фарфоровой заводъ началъ свое существованіе при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ смыслѣ недостаточно подготовленной художественной среды. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ русскаго искусства почти не существовало: ростъ древняго русскаго творчества, коренившагося въ основахъ народной жизни, остановился; оно утратило органическую связь съ наиболѣе интеллигентными классами общества. Новое искусство, только что пересаженное изъ Западной Европы на русскую почву, не успѣло пустить еще ростковъ въ народную жизнь и было представлено чуждыми странѣ и русскому народу художниками-иностранцами.

Дворъ и сама Императрица Елисавета Петровна, несмотря на любовь ко всему русскому, на возведенное въ политическій принципъ покровительство русскимъ людямъ, находились подъ обаяніемъ французской культуры и французскаго искусства.

Стр. 91.
Рис. 101. Кофейникъ, м. Є, в. 7 в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Cafetière, h. 31 cm

Стр. 91.
Рис. 102. Банка, м Є, в. $1\frac{3}{4}$ в., (коллекц. П. И. Щукина).
Pot, h. 7,75 cm.

Стр. 93
Рис. 103. Сахарница м. Є, в. $1\frac{1}{2}$ верш., (к. П. И. Щукина).
Sucrier, h. 6,75 cm.

Стр. 90
Рис. 104. Банка, м. Є, в. $1\frac{1}{2}$ в. (колл П. И. Щукина).
Pot, h. 6,75 cm

Стр. 90.
Рис. 105. Кофейникъ, м. Є, в. $4\frac{1}{2}$ в. (коллекшя П. И Щукина).
Cafet.ère, h. 20 cm.

Табл. V.

Арабесковый сервизъ—Императрица Екатерина II, в. 14 в. (Имп. Зав.)
Service des arabesques—L'Impératrice Catherine II, h. 62 cm

... Екатерины II, необходимо ... этого періода — почти все ... Щепотьева — мало характерны ... сохранялась еще непосредственная связь ... Елисаветы Петровны. ...

... Императрица ... на любовь ко всему ... скому, на возведенное въ политич... принципъ ... русскимъ ... бывшемъ франц... ской культуры и французскаго иску...

Рис. 103. Сахарница ...

Табл. V.

Арабесковый сервизъ — Императрица Екатерина II, в. 14 в. (Имп. Зав.)

Service des arabesques L'Impératrice Catherine II, h. 62 cm

Блаженство
и Слава
Россійскія
Имперіи

Учрежденная въ 1757 г. Академія Художествъ первое время неспособна была воспитать русское искусство въ русскомъ духѣ, тѣмъ болѣе что весь почти ея первоначальный составъ былъ представленъ иностранными художниками.

При такихъ условіяхъ, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, когда фарфоровой заводъ основывался, собирался съ силами, когда онъ преодолѣвалъ еще всякія техническія трудности, нельзя, конечно, было серьезно думать о какомъ-либо самостоятельномъ художественномъ направленіи: всѣ европейскіе заводы начинали съ копированія: ранніе—китайскихъ, болѣе поздніе—мейссенскихъ мастеровъ.

Но когда заводъ сталъ на ноги, когда и русскіе мастера работали уже съ увѣренностью въ полученіи опредѣленныхъ результатовъ, тогда время было проявиться и художественному направленію.

То или иное рѣшеніе этого вопроса могло обусловить надолго развитіе завода, потому что разъ данное направленіе измѣнить не легко.

Стр. 90.

Рис. 106. Чашка и блюдце, м. €, в. $1^{3}/_{8}$ в., д. $3^{1}/_{16}$ в. (колл. Вел. Кн. Николая Николаевича).
Tasse et soucoupe, h. 6 cm., d. 13,5 cm.

Что касается стиля въ узкомъ смыслѣ слова, то характерныя его особенности, представляемыя издѣліями Императорскаго фарфороваго завода времени Императрицы Екатерины II, объясняются тѣми теченіями, которыя въ то время зарождались въ общеевропейскомъ искусствѣ. При усвоеніи новаго направленія, Императорскій фарфоровый заводъ самостоятельно пользовался первоисточниками. Библіотека Императорскихъ заводовъ убѣдительно свидѣтельствуетъ объ этомъ: многія современныя изданія греческихъ, римскихъ и этрусскихъ древностей, оказавшихъ сильное вліяніе на новое искусство, были немедленно выписаны; ихъ изучали, изъ нихъ заимствовали мотивы орнамента.

Вообще, во второй половинѣ XVIII ст. въ развитіи декоративныхъ искусствъ Россія не шла позади западно-европейскихъ странъ. Такъ называемый стиль empire, крайнее выраженіе классическихъ тенденцій, появился въ Россіи нисколько не позже, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Не на однихъ только издѣліяхъ Императорскаго завода можно наблюдать этотъ фактъ. „Дворцы и другія зданія Петербурга и его окрестностей даютъ возможность прослѣдить раннее появленіе въ Россіи стиля ампиръ. Китайскій дворецъ, построенный въ Ораніенбаумѣ въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія, носитъ на себѣ еще всѣ слѣды рококо. Въ семидесятыхъ годахъ Императрица Екатерина II заказываетъ въ Парижѣ знатоку античной архитектуры Клериссо проектъ дворца для Царскаго Села. Въ 1779 г. въ Россію пріѣзжаетъ архитекторъ Камеронъ, въ 1780 — Гваренги. Нѣкоторыя произведенія Камерона, какъ, напр., церковь въ Софіи, близъ Царскаго Села, по простотѣ деталей и суровости линій, принадлежатъ уже стилю ампиръ. Гваренги—еще болѣе строгій классикъ. Построенные имъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II въ Царскомъ Селѣ „Концертный залъ“ и др. зданія, въ С.-Петербургѣ—банкъ, эрмитажный театръ и пр. отличаются всѣми особенностями того стиля, который принято называть ампиръ, т. е. суровостію, грандіозностью и извѣстной „монументальной пустынностью“. Изъ русскихъ архитекторовъ по стопамъ Гваренги пошелъ Старовъ, строившій въ царствованіе Императрицы Екатерины II соборъ Александро-Невской лавры и Таврическій дворецъ“. [120]

Стр. 91, 93.

Рис. 107. Чайникъ, б. м., в. 2 в. (Имп. Зав.).
Théière, h. 9 cm.

Однако, усвоеніе новаго стиля, разумная разработка новыхъ мотивовъ не могли еще создать самобытности Императорскаго завода, не ручались за жизненность его художественныхъ традицій.

Создать собственную традицію, избрать тѣ пути художественнаго творчества, которые скорѣе и надежнѣе всего могли вести заводъ къ самобытности, способствовала Императрица Екатерина II.

Русская Императрица во всѣхъ вопросахъ желала стать на русскую точку зрѣнія, она прилагала всѣ усилія, чтобы быть истинно русской: она сама изучала и другихъ поощряла и заставляла изучать Россію — ея географію, исторію и этнографію, ея языкъ,

Рис. 108. Ваза 1780 г., в. 12 в. (колл. кн. Ф. Ф. Юсупова).
Vase, h. 53,5 cm.

Рис. 109. Ваза 1780 г., в. 12 в. (колл. кн. Ф. Ф. Юсупова).
Vase, h. 53,5 cm

народную поэзію. Это стремленіе къ народности, поощряемое Императрицей, отразилось въ значительной степени и на нѣкоторыхъ издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода.

Въ 1776 77 годахъ было напечатано въ русскомъ переводѣ съ нѣмецкаго оригинала трехтомное сочиненіе Іоанна Георги подъ заглавіемъ: „Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ“.[121] Изданіе снабжено многочисленными таблицами въ краскахъ. По этимъ изображеніямъ на Императорскомъ заводѣ предпринято было, несомнѣнно, съ одобренія Императрицы, воспроизведеніе типовъ изъ фарфора.

Эта коллекція, дополненная другой коллекціей: типами русскихъ промышленниковъ и ремесленниковъ, была первой попыткой использовать для искусства національные

мотивы. Этой коллекціей было положено основаніе опредѣленной традиціи, съ тѣхъ поръ не прерывавшейся на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ: изображать въ скульптурныхъ формахъ или въ краскахъ народы, населяющіе Россію, типы сословій, промышленниковъ, ремесленниковъ и пр., жанровыя картины изъ русской жизни, виды русскихъ городовъ и русской природы.

Направленіе это было такъ жизненно, что сразу вызвало подражаніе частныхъ фарфоровыхъ заводовъ: прежде Гарднера, позднѣе Попова, Поскочина; нѣкоторые частные заводы и до сихъ поръ выдѣлываютъ куклы, представляющія типы народностей, живущихъ въ Россіи, и достаточно одного взгляда на эти куклы, чтобы узнать ихъ прообразъ.

Стр 78, 86, 90.

Рис. 110. Ваза 1780 г., в. 12 в. (колл. кн. Ф. Ф. Юсупова).
Vase, h. 53,5 cm.

Стр. 86, 90

Рис. 111. Ваза 1780 г., в. 12 в. (колл. кн. Ф. Ф. Юсупова).
Vase, h. 53,5 cm

Параллельно съ этимъ, характерна другая особенность издѣлій времени Императрицы Екатерины II: отношеніе ихъ къ современнымъ выдающимся событіямъ государственной жизни. Невольно бросается въ глаза, что многія изъ нихъ, и преимущественно лучшія, говорятъ не только о высокомъ развитіи, котораго достигло въ это время производство завода, не только о художественномъ вкусѣ руководителей завода,—они говорятъ еще потомству о великихъ дѣяніяхъ высокой покровительницы завода и событіяхъ ея царствованія.

Бисквитные бюсты передаютъ потомству ея величественный образъ; чашки, тарелки повторяютъ во всевозможныхъ видахъ ея иниціалы (рис. 91 и др.). Здѣсь амуры украшаютъ ро-

Стр. 36.

Рис. 112. Блюдце, д. 3 в., чашка, в. $1^{1}/_{2}$ в., м. 8,
(колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Soucoupe, d. 13,5 cm; tasse, h. 6,75 cm.

зами вазу и вмѣстѣ медальонъ съ изображеніемъ Государыни-Минервы (рис. 90). Тамъ амуръ возлагаетъ побѣдный вѣнокъ на щитъ Императрицы, а рядомъ двуглавый орелъ держитъ вѣтку мира (рис. 128). Время спѣшитъ на обелискѣ начертать имя Императрицы Екатерины, а амуры на пьедесталѣ выбиваютъ повѣсть о ея дѣяніяхъ (рис. 55). О ея морскихъ побѣдахъ свидѣтельствуетъ „яхтинскій“ сервизъ (рис. 129) и двѣ вазы въ Царскосельскомъ дворцѣ съ сюжетами Чесменскаго боя. Заключенный съ иностранной державой союзъ представленъ вазой (рис. 110). Гатчинская ваза (табл. IV) свидѣтельствуетъ о великомъ законодательномъ актѣ: на колоннѣ правосудія, увѣнчанной императорской короной, начертано имя Екатерины и дата акта, а Императрица въ шлемѣ Минервы сидитъ у подножія колонны, окруженная эмблемами наукъ и искусствъ. Аллегорическія женскія фигуры: изобиліе, человѣколюбіе, наука, правосудіе, торговля явились привѣтствовать Монархиню, съ ними и цѣломудріе, потупя взоры, показываетъ Государынѣ зеркало. Филе „арабесковаго“ сервиза (таб. V, рис. 115, 116, 117) изображаетъ апоѳеозъ Императрицы Екатерины II въ керамическихъ произведеніяхъ.

ФОРМЫ.

Еще при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ фарфоровый заводъ стремился къ разнообразію формъ, что выражалось, между прочимъ, въ изготовленіи нѣкоторыхъ предметовъ, назначеніе или формы которыхъ не вполнѣ согласовались съ свойствами фарфора.

Въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II разнообразіе формъ развивалось въ томъ же направленіи вторженія керамики въ чуждыя ей области металлическихъ и другихъ производствъ. По прежнему выдѣлывались табакерки и шпажные грифы; встрѣчаются даже новыя формы въ томъ же родѣ, напр., челночки, колечки, перстеньки, „писанные алагреками черною краскою съ золотомъ съ масками и съ сердечками“. [122]

Стр. 56.

Рис. 113. Зима, 6 м., в. $4^{7}/_{8}$ в.
(колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Hiver, h. 22 cm.

Но постепенно такія неподходящія и чуждыя фарфоровому производству формы исчезаютъ. [123]

Взамѣнъ исчезающихъ формъ, появлялись новыя, знаменовавшія большую серьезность производства и большее совершенство техники.

Такъ, еще въ 1764—5 г. Арнультъ моделировалъ различныя художественныя вещи: [124] небольшія (въ 1 футъ высоты) вазы съ цвѣтами, фигурные подсвѣчники, десертные очень затѣйливые приборы, фигуры и другія вещи.

О смѣлости композицій Арнульта можно судить по слѣдующимъ вещамъ, какъ онѣ описаны въ вѣдомостяхъ его работамъ: „Чернильница, представляющая фигуры въ водѣ; пьедесталы на четырехъ камняхъ, на которыхъ сидятъ играющіе два купидона; фигуры на островахъ, окруженныя тростниками и травами, кои слушаютъ и представляютъ два подсвѣчника и омбракуль“.—„Приборъ для столоваго десерта на тридцати бѣлыхъ драконахъ, представляющій русскій ландшафтъ“. „Фигура, представляющая аптеку съ химистомъ и съ его помощникомъ въ работѣ при каминѣ, гдѣ виденъ горящій спиртъ въ конфорѣ, на которомъ кипитъ въ

Стр. 85.

Рис. 114. Кофейный приборъ, м є., д. подноса $6^3/_4$ в. (колл. кн. М. А Шаховской)
Service à café, plat l. 30 cm.

сосудцѣ ликеръ по химическому манеру; терасъ на 4 львахъ, выходящихъ изъ пещеръ". Однако, не мелочи и не затѣйливыя композиціи составили славу Императорскаго завода при Императрицѣ Екатерины II, а роскошные, стоившіе по тому времени огромныхъ суммъ сервизы, отдѣльныя вазы и художественныя скульптурныя произведенія.

Наиболѣе выдающійся изъ сервизовъ –такъ называемый „арабесковый"—исполненъ въ 1784 году. По многочисленности вещей, по исполненію и особенно по идеѣ — это одинъ изъ лучшихъ сервизовъ, изготовленныхъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ.

Арабесковый сервизъ, разсчитанный на 60 кувертовъ, состоялъ изъ 973 вещей [125] (рис. 118—124) и стоилъ не менѣе 25,000 рублей. [126]

Названіе арабесковаго сервизъ получилъ еще при исполненіи, потому что предметы, составляющіе его, украшены орнаментомъ, составленнымъ изъ гротесковъ, или, какъ ихъ тогда называли, арабесковъ, задуманныхъ въ стилѣ открытыхъ при раскопкахъ Геркуланума фресокъ. Арабески, исполненные очень тонко, переплетены съ миніатюрными медальонами, на которыхъ изображены головки поперемѣнно –однѣ въ шлемѣ, другія, женскія, въ классической прическѣ. На днѣ блюдъ и тарелокъ, на бокахъ териновъ и вазъ — клейма, разработанныя въ томъ же стилѣ, съ аллегорическими миніатюрными фигурами: плодородія, промышленности, искусствъ, правосудія и т. п.

Уже такое сопоставленіе аллегорическихъ фигуръ съ эмблемами мирнаго царствованія и военнаго могущества Монархини говоритъ объ особенномъ значеніи арабесковаго сервиза, назначеніе котораго было не только служить достойнымъ украшеніемъ царскаго стола, не только свидѣтельствовать о высокихъ качествахъ произведеній Императорскаго завода, но кромѣ того и главнымъ образомъ –свидѣтельствовать въ аллегоріи о дѣяніяхъ великой Государыни.

Что такова идея арабесковаго сервиза это доказываетъ „описаніе филейнаго столоваго прибора" (такъ называли тогда surtout de table) къ сервизу. [127]

„Сей столовый приборъ"—такъ гласитъ документъ— „составленъ и исполненъ, по данной отъ его сіятельства князя Александра Алексѣевича Вяземскаго идеѣ, модельнымъ мастеромъ Рашетомъ и апробованъ Императорскою Академіею Художествъ, котораго главное намѣреніе состояло въ томъ, дабы, исполняя полученную отъ его сіятельства идею,

Стр. 81, 82.

Рис. 115. Филе арабесковаго сервиза: „Морская сила“, б. м., в. $11\frac{1}{2}$ в.; „Крымъ подъ державою Екатерины II“, б. м., в. 11 в.; „Военная сила“, б. м., в. 12 в. (Имп. Зав.)
Service aux arabesques: „La force maritime“, h. 51 cm.; „La Crimée sous le sceptre de Catherine II“, h. 49 cm.; „La force armée“, h. 53,5 cm.

представить въ честь Ея Величества разныя въ колоссальномъ родѣ монументы, для преданія различныхъ потомству эпохъ, приключившихся въ царствованіе Всеавгустѣйшей Монархини, состоящихъ въ изображеніи слѣдующихъ фигуръ“...

Всѣхъ аллегорическихъ группъ 7.

1. Центральная фигура носила названіе: „Подножіе Ея Величества“. Она изображаетъ стоящую на пьедесталѣ во весь ростъ Государыню, въ классическомъ одѣяніи, съ діадемой и лавровымъ вѣнкомъ на головѣ; въ правой рукѣ ея—держава, въ лѣвой скипетръ. Съ лѣвой стороны Государыни низкая круглая колонна, на которой лежатъ законы, „начертанные ея премудростію“, рядомъ—вѣсы, символъ справедливости этихъ законовъ, а на законахъ—императорская корона. На пьедесталѣ слѣва и справа нарисованы эмблемы славы правленія Екатерины: рогъ изобилія, лавровая вѣтвь и копье; кадуцей, пальмовая вѣтвь, труба и дубовый вѣнокъ. На передней и задней сторонахъ пьедестала двѣ надписи: „Блаженство и Слава Россійскія Имперіи“. (Табл. V).

По обѣимъ сторонамъ монумента двѣ отдѣльныя аллегорическія фигуры: „Справедливость“ и „Человѣколюбіе“ дополняютъ идею Самодержавной Монархини. Справедливость держитъ въ одной рукѣ фасціи съ вложенной въ нихъ сѣкирой—символъ законной власти, въ другой рукѣ—законы, на которыхъ начертанъ вензель Императрицы подъ короной. „Человѣколюбіе“ питаетъ плодами младенца, прикрывая его полою платья. Тутъ же и пеликанъ съ птенцами символъ материнской любви (рис. 116).

Стр. 80.

Рис. 116. Филе арабесковаго сервиза: „Человѣколюбіе“, б. м., в. $5\frac{1}{2}$ в.; „Справедливость“, б. м., в. $5\frac{1}{2}$ в. (Имп. Зав.).
Service aux arabesques. „Philantropie“, h. 24,5 cm.; „Justice“, h. 24,5 cm.

2. „Крымъ или Таврисъ, подъ державою Екатерины II“. На четырехъугольномъ пьедесталѣ круглая колонна, въ верхней части украшенная кормами военныхъ и купеческихъ кораблей, между которыми протянуты гирлянды изъ плодовъ. Эта аллегорія должна означать плодородіе полуострова и пригодность его гаваней какъ для военнаго, такъ и для торговаго флота. На колоннѣ сверху помѣщена крѣпостца съ развѣвающимся Императорскимъ флагомъ (флага теперь уже нѣтъ). Изъ двухъ фигуръ этой группы, сидящихъ по сторонамъ пьедестала, первая изображаетъ татарскаго князя: на землѣ лежитъ его сабля и шапка, въ одной рукѣ онъ держитъ Императорское знамя, а другой дѣлаетъ жестъ, „выражающій покорность Россійской державѣ“, ногами онъ попираетъ оттоманское знамя (бунчукъ) и разбитое ярмо — символъ свергнутаго ига. Другая фигура изображаетъ „Согласіе“: въ одной рукѣ у нея фасціи безъ сѣкиры и оливковая вѣтвь символъ мира, въ другой — корзинка, наполненная яблоками и гранатами — символы союза. У подножія пье-

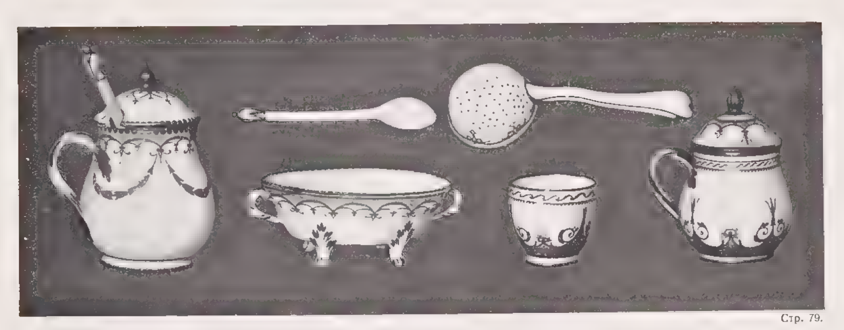

Стр. 81, 82, 83

Рис. 117. Филе арабесковаго сервиза: „Правленіе“, б. м., в. $9^1/_4$ в.; „Грузія подъ покровительствомъ Россіи“, б. м., в. 11 в.; „Великодушие“, б. м., в. $8^3/_4$ в. (Имп. Зав.).
Service aux arabesques: „Le gouvernement“, h. 41,25 cm, „La Géorgie sous la protection de la Russie“, h. 49 cm; „La magnanimité“, h. 39 cm

дестала группы символическихъ предметовъ: съ одной стороны трезубецъ Нептуна (мореплаваніе), шапка и жезлъ Меркурія (торговля) и географическая карта Крыма и Чернаго моря; на противоположной сторонѣ: перевитые гирляндой изъ розъ символы возрождающагося земледѣлія: рогъ изобилія, часть плуга и снопъ. Надписи на передней и задней сторонахъ пьедестала: „Царству Таврическому Возвращены Тишина и Благоденствіе Подъ Скипетромъ Екатерины II. 8-го Апрѣля 1783 го.“ (рис. 115).

3. „Грузія подъ покровительствомъ Россіи“ pendant къ „Крыму“. На пьедесталѣ круглая колонна съ выступающими въ верхней части 4 башенками (или балконами), между которыми протянуты цвѣточныя гирлянды, долженствующія означать пріятный климатъ Грузіи. Сверху колонны крѣпостца съ развѣвающимся флагомъ, на одной сторонѣ котораго — вензель грузинскаго царя Ираклія, на другой — вензель Императрицы Екатерины II. (Теперь флага не существуетъ). Грузія, въ видѣ сидящей коронованной женщины въ на-

Стр. 79.

Рис. 118. Арабесковый сервизъ: горчичница, в. $2^{1}/_{4}$ в.; ложка, дл. $2^{1}/_{2}$ в.; ситечко, дл. 3 в.; солонка, д. 2 в.; чашка, в. 1 в.; чашка съ крышкою, в. 2 в., м. Е, (Зимн. Дв.).
Service aux arabesques: moutardier, h. 10 cm.; cuiller, l. 11 cm.; passe-thé, l. 13,5 cm.; salière, d. 9 cm.; bol, h. 4,5 cm.; tasse à couvercle, h. 9 cm.

ціональномъ одѣяніи, со скипетромъ въ рукѣ, опирается на щитъ съ Императорскимъ гербомъ и „привязываетъ себя къ нему охотно“ гирляндами изъ цвѣтовъ; такой же вѣнокъ лежитъ у щита. Ногами Грузія попираетъ символы минувшаго рабства: турецкое знамя, сѣкиру и цѣпи. Небольшой щитъ съ гербомъ Грузіи прислоненъ къ сидѣнью. Противоположная фигура изображаетъ Россію въ видѣ „Героини“ въ лавровомъ вѣнкѣ и коронѣ (вродѣ вѣнца Мономаха); лѣвой протянутой рукой съ лавровой вѣтвью и щитомъ она прикрываетъ короны (2), крестъ и евангеліе, лежащіе на двухъ подушкахъ, а правой готова бросить перуны „въ гонителей христіанскихъ государей“. У подножія пьедестала съ одной стороны: скипетръ и сабля, „подаренные Императрицей Екатериной II царю Ираклію“, пальмовая вѣтвь и щитъ съ вензелемъ Императрицы; всѣ предметы перевиты цвѣточной гирляндой. На противоположной сторонѣ: колчанъ, лукъ и мечъ, перевязанные грузинскимъ поясомъ. Надписи: „Грузія Соучаствующая во Славѣ и Благоденствіи Россіи. 24-го іюля 1783-го.“ (рис. 117).

4. „Военная сила“ — представляетъ декоративно сложенные доспѣхи и оружіе бога войны, „находящагося въ покойномъ положеніи“. Самъ Марсъ сидитъ сбоку, опираясь на мечъ; на противоположной отъ него сторонѣ два амура, наряженные въ военные доспѣхи, расположились около щита съ вензелемъ Императрицы. Императорскій двухглавый орелъ, сидящій на глобусѣ съ изображеніемъ Чернаго моря и Крыма, и украшенная лавровымъ вѣнкомъ труба означаютъ „славу, Россіею въ свѣтѣ пріобрѣтенную“ (рис. 115).

5. „Морская сила“ — pendant къ „Военной (сухопутной) силѣ“. На кормѣ военнаго корабля декоративно размѣщены оружіе, доспѣхи, знамена. Въ морскихъ волнахъ на дельфинѣ сидитъ Амфитрита, указывая на оружіе и Императорскій флагъ, принятый царицею морей подъ свое покровительство. На противоположной сторонѣ два амура, въ рубашкахъ русскихъ крестьянскихъ дѣтей, поднимаютъ парусъ (рис. 115).

6. „Великодушіе“. Эту группу составляютъ „Щедрость“, яко главнѣйшее въ сей ироической добродѣтели преимущество“, и два генія. „Щедрость“, „благосклонное лицо которой показываетъ великодушіе“, съ діадемой на головѣ, съ рогомъ изобилія, наполненнымъ

Стр. 79

Рис. 119. Арабесковый сервизъ: рюмочникъ, м. Е, д. $5^{1}/_{2}$ в. (Зимній дворецъ).
Service aux arabesques: verrière, l. 24,5 cm.

Стр. 79.

Рис. 120. Арабесковый сервизъ: соусникъ, м. ℭ, в. 2 в. (Зимній Дворецъ).
Service aux arabesques: saucière, h. 9 cm.

сыплющимися на землю монетами, въ правой рукѣ и со скипетромъ въ лѣвой (отбита); у ногъ ея — левъ. Одинъ изъ геніевъ (амуровъ) держитъ въ рукахъ медальонъ (en grisaille) Ея Величества, другой — лавровый вѣнокъ, „яко знакъ храбрости" (рис. 117).

7. „Правленіе" представлено въ видѣ Минервы въ шлемѣ съ совой и въ латахъ на груди съ головой Медузы, „дабы показать, что премудрость и кротость суть качества, нужныя для управленія". Дротикъ, руль и оливковая вѣтвь въ рукахъ Минервы означаютъ, „что можетъ она располагать по своей волѣ войною и миромъ". Изъ двухъ геніевъ-амуровъ одинъ показываетъ медальонъ съ вензелемъ Ея Императорскаго Величества, другой — круглое зеркало со змѣйкой, „знакъ благоразумія" (рис. 117).

Надо отдать справедливость кн. Вяземскому: онъ выказалъ не только большой художественный тактъ и сильную творческую фантазію, но и мудрую умѣренность государственнаго мужа, не умножавшаго безъ числа аллегорическихъ фигуръ и избѣгавшаго не менѣе яркихъ, но болѣе щекотливыхъ аллегорій на событія, напоминаніе о которыхъ могло быть кому-либо непріятно. [128]

Посуда арабесковаго сервиза сохранилась въ кладовыхъ Императорскаго Зимняго дворца и перешла въ настоящее время въ его музей. Всѣ фигуры surtout de table были переданы въ музей Императорскаго фарфороваго завода, гдѣ сохраняются и нынѣ.

18 февраля 1793 года Государыня лично пожаловала богатый сервизъ гр. Александру Андреевичу Безбородкѣ, пользовавшемуся въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II ея безграничнымъ довѣріемъ.

Подарокъ вполнѣ соотвѣтствовалъ положенію, занятому Безбородко. Императрица велѣла Безбородкѣ объявить кн. Юсупову ея именной указъ о сдѣланіи на Императорскомъ заводѣ за счетъ Кабинета для него, Безбородки, сервиза, не уступающаго по богатству арабесковому. [129]

Сервизъ дѣлался довольно медленно и не былъ оконченъ еще въ царствованіе Императора Павла Петровича.

Извѣстны нѣкоторые сюжеты для бисквитовыхъ вещей, составлявшихъ surtout de table (филе) къ сервизу: центральный бисквитъ — „большой грубъ (т. е. группа) изъ Эркулана, античный, представляетъ продающую любовь" (т. е. композиція на мотивъ фрески, найденной въ развалинахъ Геркуланума: „Торговка амурами"); затѣмъ „двѣ группы свадьбы Андобрандино" (по классической фрескѣ, принадлежавшей семьѣ Альдобрандини, нынѣ въ Ватиканѣ), „Купидонъ и Псиша", „Любовь превозмогаетъ силу" (вѣроятно амуръ верхомъ на львѣ), „Античная Венусъ", „Фавнъ, Меркурій и Амуръ въ облакахъ", [130] двѣ „Весталки", исполненныхъ по мрамору Клодіона. [131] Весталки

Стр. 9

Рис. 121. Арабесковый сервизъ: блюдо круглое, д. 5 в.; овальное, дл. $5^1/_2$ в., м. ℭ, (Зимній Дворецъ).
Service aux arabesques: plat rond, d. 22,5 cm., oval, l. 24,5 cm.

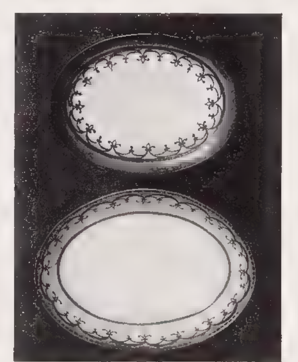

Стр. 79.

Рис. 122. Арабесковый сервизъ: миска, м. Е, в. 3½ в. (Зимній Дворецъ).
Service aux arabesques: soupière, h. 15,5 cm.

сохранились въ музеѣ Зимняго дворца, а форма — въ скульптурной палатѣ Императорскаго фарфороваго завода.

Въ Зимнемъ дворцѣ сохраняются части такъ называемаго „кабинетскаго“ сервиза, принадлежащаго тоже времени Императрицы Екатерины II, но съ многочисленными додѣлками времени Императора Павла Петровича. По своимъ формамъ этотъ сервизъ очень близокъ къ арабесковому, но орнаментъ его составленъ изъ полевыхъ цвѣтовъ яркихъ красокъ по широкой золотой лентѣ; въ медальонахъ же представлены различные итальянскіе виды: иногда христіанскіе храмы, иногда классическія руины (рис. 134). Въ коллекціяхъ встрѣчаются части (преимущественно тарелки) сервиза, который, очевидно, представлялъ только варіацію кабинетскаго: однѣ и тѣ же формы, одни и тѣ же мотивы въ медальонахъ: различные виды (итальянскіе) съ соотвѣтствующими снизу поддона надписями. Разница съ кабинетскимъ заключается въ орнаментѣ, который на бортахъ тарелокъ составленъ изъ однѣхъ только розъ.

Стр. 79.

Рис. 123. Арабесковый сервизъ: блюда овальныя, м. Е, дл. 3, 3½ в. (Зимн. Дв.).
Service aux arabesques: plats ovals, l. 13,5, 15,5 cm.

Въ Зимнемъ дворцѣ сохраняется еще одинъ интересный сервизъ времени Императрицы Екатерины II, сервизъ по формамъ и орнаменту близко подходящій къ арабесковому и имѣющій также историческое значеніе.

Это такъ называемый сервизъ „яхтинскій“ съ изображеніемъ въ медальонахъ двуглаваго орла, побѣдоносно парящаго въ пространствѣ. Въ одной лапѣ орла – вѣнокъ: знакъ побѣды, въ другой флагъ съ двумя перекрещенными якорями: символъ торговаго флота (рис. 129).

Какое событіе долженъ напоминать этотъ сервизъ?

Извѣстно, что при Дворѣ существовалъ „чесменскій“ фаянсовый сервизъ и что къ этому сервизу въ 1791 году придѣлывались фарфоровыя вещи.[132] Не будетъ потому большой смѣлостью предположить, что сервизъ съ двуглавымъ орломъ есть или копія въ фарфорѣ фаянсоваго чесменскаго сервиза, или, во всякомъ случаѣ, наравнѣ съ чесменскимъ сдѣланъ въ воспоминаніе морскихъ предпріятій Императрицы Екатерины II и ея заботъ о развитіи русскаго флота и морской торговли.

Стр. 79.

Рис. 124. Арабесковый сервизъ: холодильникъ, в. 4¼ в., бутылочникъ, в. 4 в., м. Е, (Зимній Дворецъ).
Service aux arabesques: réfrigérateur, h. 19 cm.; bouteiller, h. 18 cm.

Всѣ упомянутые сервизы по своимъ формамъ представляютъ одинъ типъ, весьма отличный отъ типа саксонскаго фарфора эпохи Кендлера, по большей прямотѣ линій и меньшей вычурности: это формы, свойственныя эпохѣ Людовика XVI. Однако, господство формъ въ стилѣ Людовика XVI

не исключительно: встрѣчаются предметы, составляющіе части столовыхъ сервизовъ, которые по формамъ напоминаютъ больше типичные саксонскіе въ стилѣ рококо. Таковымъ является сервизъ, извѣстный подъ именемъ „ягдсервиза“ или „охотничьяго“ (рис. 72, 73, 74), украшенный орнаментомъ въ стилѣ Людовика XV и охотничьими сценами. Сервизъ этотъ сработанъ по образцу саксонскаго охотничьяго сервиза, хранящагося въ музеяхъ Зимняго дворца и Императорскихъ заводовъ. Мелкія сервизныя вещи времени Императрицы Екатерины II, напримѣръ, чайныя чашки, блюдечки, чайники, далеко не столь характерны, какъ крупныя и потому не всегда возможно на основаніи одной формы увѣренно отнести вещь къ той или иной половинѣ царствованія. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ мелкихъ сервизныхъ вещахъ видны ясные слѣды вліянія формъ севрскаго мягкаго фарфора (рис. 130, 132), другія отражаютъ предшествовавшую эпоху Императрицы Елисаветы Петровны (рис. 57—59, 64 68, 76—79).

Стр. 85.

Рис. 125. Дежене, м. ℰ, подносъ, д. $7^{3}/_{4}$ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Déjeuner, plateau l. 34 cm.

Интересны по формѣ приборы tête à tête (рис. 125) и кофейный (рис. 114), доказывающіе, что и обыкновенные небольшіе сервизы выдѣлывались съ большой тщательностью.

Императорскій фарфоровый заводъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II изготовлялъ не мало художественныхъ вазъ, преимущественно для Императорскихъ дворцовъ. Вазы этого времени не отличаются тѣми значительными размѣрами, какихъ онѣ достигали впослѣдствіи.

Причина отчасти въ несовершенствѣ техники, но еще больше въ томъ, что тенденція дѣлать изъ фарфора вещи колоссальныхъ размѣровъ (вопреки даже свойствамъ фарфоровой массы) появилась позднѣе, подъ вліяніемъ работъ Севрскаго завода времени Наполеона I и директорства Броньяра. Наиболѣе крупныя вазы времени Императрицы Екатерины II обычно не выше 10—12 вершковъ.

Ни на какихъ другихъ предметахъ нельзя въ такой мѣрѣ наблюдать совершенное освобожденіе отъ вліянія формъ саксонскаго фарфора, какъ на вазахъ, быть можетъ потому, что раньше вазъ на Императорскомъ заводѣ почти не работали, и такимъ образомъ не успѣла выработаться въ этомъ отношеніи традиція, и оставалось свободное поле для вліянія новаго направленія.

Можно допустить, что исключительность этого вліянія обусловила нѣкоторое однообразіе формъ. Наиболѣе часто встрѣчающаяся форма туловища вазъ овоидъ или полуовоидъ

Стр. 92.

Рис. 126. Корзинка, м. ℰ, дл. 8 в. (Зимній Дворецъ).
Corbeille, l. 35 cm.

(рис. 81, 82, 90, 108—111), причемъ длинный діаметръ не превышаетъ короткаго болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, рѣже—обратный овоидъ въ основаніи (гузка) и прямой цилиндръ въ средней части (рис. 127, 128, 142).

Обычно вазы снабжены ножками и крышками (часто прорѣзными). Рѣдко крышку замѣняютъ цвѣты, какъ напр. на вазѣ рис. 81 или вазѣ въ коллекціи В. Кн. Николая Николаевича съ вензелемъ Императрицы Екатерины II. Какъ на исключительную, слѣдуетъ смотрѣть на форму вазы Царскосельскаго дворца (рис. 80), не имѣющую ножки и напоминающую китайскія вазы.

Стр. 86, 90.
Рис. 127. Ваза, б. м., в. $10^1/_2$ в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 46,5 cm.

Вазы всегда имѣютъ скульптурныя украшенія: не говоря о пальметкахъ въ основаніи (на гузкѣ) и средней части, полуотдѣлившихся отъ тѣла вазы (рис. 82) или свободно лежащихъ (рис. 90) гирляндъ, которыя составляютъ обычное украшеніе, нерѣдко встрѣчаются фигурныя скульптурныя украшенія въ видѣ головокъ (рис. 108—111), амуровъ (рис. 90), козлоногихъ божковъ, наконецъ, портретныхъ барельефныхъ медальоновъ (рис. 90).

Чисто скульптурныя произведенія: группы и статуэтки эпохи Императрицы Екатетерины II отличаются такими достоинствами въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ и такимъ идейнымъ содержаніемъ, что не только оставляютъ далеко позади подобныя вещи предшествовавшей эпохи, но должны быть поставлены выше многихъ такихъ же произведеній послѣдующихъ эпохъ. Самыя раннія и слабыя изъ статуэтокъ тѣ, которыя компонованы въ духѣ и стилѣ саксонскаго рококо - жанровыя группы и отдѣльныя куклы (рис. 86, 87).

Впрочемъ, подобныя статуэтки встрѣчаются не особенно часто.

Вліяніе саксонскихъ образцовъ не было ни плодотворно, ни продолжительно, да кромѣ того, даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ оно не было исключительнымъ, такъ какъ одновременно служили образцами и китайскія куклы. [133]

Позднѣе, особенно послѣ поступленія на заводъ Рашета, композиція группъ пріобрѣла большую самостоятельность. Какъ на характерную особенность, надо указать на то обстоятельство, что жанровыхъ группъ во вторую половину царствованія почти не встрѣчается: ихъ замѣнили миѳологическія или аллегорическія группы, серьезно скомпонованныя либо по классическимъ сюжетамъ, какъ напр., упоминавшіеся выше бисквиты изъ surtout de table различныхъ сервизовъ: „Торговка амурами", „Свадьба Альдобрандини", „Меркурій" и друг. (рис. 94, 95, 113), или моделированныя по оригиналамъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ скульпторовъ: Шубина (вліяніе его сказалось на бюстѣ Императрицы Екатерины II, работы Рашета, и на статуэткѣ Императрицы изъ филе арабесковаго сервиза), Клодіона (Весталки), Кановы (Амуръ и Психея), Фальконе и др.

Стр. 78, 90.
Рис. 128. Ваза, б. м., в. $10^1/_2$ в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 46,5 cm.

Глазурованная статуэтка, изображающая Венеру съ голубками (рис. 93), и бисквитныя группы: Амуръ верхомъ на львѣ (рис. 69), женщина съ тремя дѣтьми (рис. 70) и Діана (рис. 92) точно также свидѣтельствуютъ о вліяніи съ одной стороны — антиковъ, съ другой современныхъ художниковъ.

Модель послѣдней группы принадлежитъ, какъ то удостовѣряетъ надпись на статуэткѣ, Рашету. Относительно прочихъ можно сказать, что онѣ, несомнѣнно, сдѣланы подъ руководствомъ одного и того же художника.

На группѣ „Амуръ на львѣ“ имѣется надпись: 1769 годъ; этого вполнѣ достаточно, чтобы не приписать ее Рашету, котораго тогда на заводѣ еще быть не могло.

Особую категорію статуэтокъ составляютъ аллегорическія группы на историческія темы, группы, увѣковѣчивавшія подвиги и событія въ царствованіе Императрицы Екатерины II и составлявшія часть арабесковаго сервиза. Моделированныя Рашетомъ, онѣ отличаются всѣми достоинствами работъ этого мастера; къ недостаткамъ ихъ надо отнести нѣкоторую тяжесть композиціи, но это зависитъ отъ того, что Рашетъ долженъ былъ воплотить чужую идею и изображать неудобныя для исполненія въ фарфорѣ детали, какъ напр., крѣпостцы и т. д.

Стр. 84.

Рис. 129. Яхтинскій сервизъ, м. Ɛ, (Зимн. Дв.).
Service de table, dit des yachts.

Послѣ историческихъ группъ, наиболѣе замѣчательнымъ скульптурнымъ произведеніемъ является обширная этнографическая коллекція представителей населяющихъ Россію народовъ (табл. III).

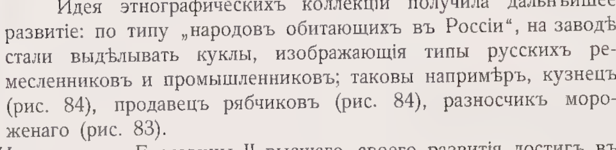
Моделировка куколъ этой этнографической коллекціи, по крайней мѣрѣ отчасти, должна принадлежать Рашету и его ученикамъ. Художникъ воспользовался имѣвшимися предъ глазами образцами-рисунками субъективно, безъ рабскаго подражанія: часто измѣнялъ детали, позу и пр., въ интересахъ техническихъ или художественныхъ соображеній, но допускалъ отступленія толково и съ такой осторожностью, что безъ особыхъ затрудненій для любой фарфоровой куклы можно подыскать въ упомянутой книгѣ Георги соотвѣтствующій рисунокъ. [134]

Съ точки зрѣнія этнографіи, конечно, можно было бы сдѣлать не мало замѣчаній относительно вѣрности изображаемыхъ типовъ, но не надо забывать, что моделеръ, воспитанный къ тому же на классическихъ образцахъ, работалъ по печатнымъ картинкамъ, заслуживающимъ, съ точки зрѣнія этнографа, не меньше упрековъ.

Можно сказать, что художникъ, въ предѣлахъ для него возможнаго, сдѣлалъ все, и не его вина, если его калмычка слегка походитъ на византійскую императрицу, а казанская татарка на переряженную Венеру. Впрочемъ нѣкоторыя куклы, напримѣръ, сибирскій бухаръ, караимъ и въ этнографическомъ смыслѣ вполнѣ удовлетворительны.

По разнообразію сохранившихся до настоящаго времени этнографическихъ куколъ, можно заключить, что были воспроизведены всѣ оригиналы книги Георги.

Мало того, нѣкоторыя народности въ книгѣ Георги, хотя и описаны, но не представлены въ иллюстраціяхъ; заводъ же пополнилъ свою коллекцію и этими типами: таковы фигуры казака и казачки (табл. III).

Идея этнографическихъ коллекцій получила дальнѣйшее развитіе: по типу „народовъ обитающихъ въ Россіи", на заводѣ стали выдѣлывать куклы, изображающія типы русскихъ ремесленниковъ и промышленниковъ; таковы напримѣръ, кузнецъ (рис. 84), продавецъ рябчиковъ (рис. 84), разносчикъ мороженаго (рис. 83).

Стр. 85, 92
Рис. 130. Чашка, в. 1 5/16 в., блюдце, д. 3 1/8 в., м. Ɛ, (Павл. Дв.).
Tasse, h. 7 cm., soucoupe, d. 14 cm.

Бисквитъ времени Императрицы Екатерины II высшаго своего развитія достигъ въ портретахъ-медальонахъ и бюстахъ. Лучшіе принадлежатъ Рашету. Исполненный имъ по мрамору Шубина бюстъ Императрицы (рис. 54) поражаетъ своей художественной техникой и сходствомъ съ оригиналомъ. Очень жизненны два медальона его же работы (рис. 140, 141) и двойной (рис. 85), изсбражающіе В. Кн. Павла Петровича и его Супругу, а равно и медальоны В. Кн. Александра и Константина Павловичей въ коллекціи В. Кн. Николая Николаевича. Заслуживаетъ вниманія маленькій бюстъ Сенеки (рис. 137), отличающійся тонкой отдѣлкой.

О разнообразіи формъ времени Императрицы Екатерины II можно судить, какъ по сохранившимся предметамъ, такъ и по документамъ. Кромѣ перечисленныхъ выше издѣлій, заслуживаютъ упоминанія двѣ „китайскія пирамиды", сдѣланныя въ 1792 г.[135] (рис. 133), находящіяся нынѣ въ Царскосельскомъ Большомъ дворцѣ, столъ Павловскаго дворца (рис. 135, 136) и фарфоровая модель „Большого Каприза" въ кладовой Царскосельскаго дворца. Документы даютъ иногда указанія на сдѣланные на фарфоровомъ заводѣ предметы, теперь уже не существующіе или неизвѣстные. Такъ, напримѣръ, около 1780 г. Императрицею Екатериною II былъ данъ заказъ на исполненіе, въ числѣ прочихъ вещей, десерта изъ бесѣдокъ и корпуса столовыхъ часовъ.[136] Служившій на заводѣ скульптурный мастеръ Роза (Розе) въ 1796 г. дѣлалъ для театра верблюда.[137]

Еще большій интересъ возбуждаетъ возникшее въ 1786 г. „дѣло о сдѣланіи фарфоровой китайской башни",[138] которое невольно напоминаетъ объ устроенной позднѣе Севрскимъ фарфоровымъ заводомъ башнѣ въ St.-Cloud.

ЖИВОПИСЬ.

Живопись Императорскаго фарфороваго завода времени Императрицы Екатерины II, развиваясь изъ неустановившихся еще мотивовъ прошлаго царствованія, не была связана традиціей: въ этомъ отношеніи оставалось свободное поле съ одной стороны для вліянія художествен-

Стр 90.
Рис. 131. Чашка, в. 2 в., блюдце, д. 3 в. м. Ɛ, (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Tasse, h. 9 cm.; soucoupe, d. 13,5 cm.

ныхъ вкусовъ руководителей и главноуправлявшихъ заводомъ, съ другой—для проявленія склонности и дарованій живописцевъ, наконецъ для вліянія господствовавшей моды.

Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, особенно въ послѣдніе годы, выдвигалась, кромѣ цвѣточной живописи, полихромная художественная миніатюра и, отчасти, живопись, независимая отъ формы фарфоровой вещи, превращающаяся въ самостоятельную картину, обычно—копію произведенія какого-либо знаменитаго мастера живописца. Это направленіе повело къ рисованію образовъ на фарфоровыхъ пластинкахъ. Отсюда—одинъ шагъ до копій на большихъ фарфоровыхъ пластахъ.

Стр. 85, 90.

Рис. 132. Чашка. в $1\frac{9}{16}$ в., блюдце, д. $3\frac{1}{8}$ в., м. ε. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Tasse, h. 7 cm., soucoupe, d. 14 cm.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II существовало художественно-промышленное учрежденіе, производство котораго почти всецѣло сосредоточилось на воспроизведеніи картинъ знаменитыхъ мастеровъ. Это учрежденіе—Императорская шпалерная мануфактура, на которой послѣ ея возобновленія, въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, стали изготовлять шпалеры, представлявшія копіи эрмитажныхъ картинъ. По счастью, увлеченіе копіями, являющееся, въ сущности, слѣдствіемъ упадка и отсутствія самостоятельнаго художественнаго творчества, не коснулось при Императрицѣ Екатеринѣ II Императорскаго фарфороваго завода.

Стр 88

Рис. 133. Китайская пирамида, б. м., в. 61 в. (Царск. Дв.).
Pagode chinoise, h. 2,71 cm.

Отъ такого направленія, развившагося позднѣе, заводъ спасала его жизненность, а также и то обстоятельство, что фарфоровое производство (какъ и всякая другая отрасль керамики) имѣетъ дѣло прежде всего съ формами, а не съ живописью; въ лучшую же пору развитія Императорскаго завода въ царствованіе Императрицы Екатерины II лучшимъ представителемъ художественной части производства являлся такой превосходный художникъ, какъ Рашетъ—самъ скульпторъ, а не живописецъ, естественно, отдававшій предпочтеніе формѣ предъ живописью.

Наличность всѣхъ указанныхъ условій, въ связи съ отсутствіемъ въ то время и на западно-европейскихъ фарфоровыхъ заводахъ чрезмѣрнаго увлеченія живописью, имѣли слѣдствіемъ, что живопись Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императрицы Екатерины II скоро обнаружила стремленіе идти въ сторону характерной для керамическихъ издѣлій декоративной живописи. Самостоятельная же, независимая отъ формъ вещи, картинная живопись на фарфорѣ остановилась въ своемъ развитіи и только миніатюра, да и то не самостоятельно, а большею частью какъ деталь орнамента, находила сравнительно часто примѣненіе при украшеніи фарфоровыхъ издѣлій разсматриваемаго періода.

На лучшихъ и наиболѣе характерныхъ сервизахъ, исполненныхъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II: арабесковомъ, яхтинскомъ и кабинетскомъ—почти исключительно орнаментная живопись; аллегорическія фигуры на арабесковомъ сервизѣ не отдѣлимы отъ орнамента; что же касается видовъ, изображенныхъ на предметахъ кабинетскаго сервиза, то они заклю-

чены въ медальоны, не выдѣляющіеся самостоятельно, а являющіеся составными частями общаго орнамента; вмѣстѣ съ тѣмъ виды выписаны эскизно, безъ отдѣлки деталей, такъ что, рядомъ съ крупнымъ орнаментомъ яркихъ цвѣтовъ на широкой золотой лентѣ, стушевываются. Вслѣдствіе господствующаго декоративнаго характера живописи, арабески, гротески и цвѣты составляютъ излюбленные живописные мотивы на вещахъ эпохи Императрицы Екатерины II.

Ландшафтъ встрѣчается вообще рѣдко, въ первую половину царствованія, главнымъ образомъ,—какъ задній планъ для жанровыхъ и аллегорическихъ сюжетовъ (рис. 72—74, 112), во вторую половину царствованія—сравнительно чаще, но это исключительно почти виды различныхъ зданій, городовъ и проч. (рис. 134, 135, 139).

Точно также и фигурная живопись не отличается большимъ разнообразіемъ мотивовъ.

Стр. 84.

Рис. 134. Кабинетскій сервизъ, м. Е, (Зимній Дворецъ).
Service de table, dit du Cabinet Impérial.

Можно различать четыре вида фигурной живописи: 1) исключительно декоративную (рис. 59, 67, 68, 97, 104, 105), 2) жанровую (рис. 72—74, 76—78, 131), 3) аллегорическую (рис. 55, 108—112, 127, 128, 143), 4) портретную—миніатюрную (рис. 53, 106).

По сюжетамъ наиболѣе интересной является живопись аллегорическая, при томъ этотъ видъ фигурной живописи встрѣчается чаще другихъ и на предметахъ наиболѣе роскошныхъ и выдающихся по своему исполненію.

Условность аллегорической живописи, конечно, отражается, на художественныхъ достоинствахъ ея; въ идейномъ же отношеніи приходится отмѣтить ея однообразіе, такъ какъ она разрабатываетъ, въ сущности, одну и ту же и единственную тему: изображеніе добродѣтелей Великой Монархини Россійской Минервы, прославленіе ея великихъ дѣяній, повѣствованіе о славныхъ событіяхъ ея многолѣтняго благополучнаго царствованія. При

Стр. 88, 90

Рис. 135 Пластъ стола, б. м., д. $19^{3}/_{4}$ в. (Павл. Дв.).
Guéridon, d. 87,5 cm.

такомъ однообразіи сюжетовъ и ограниченности образовъ, которыми можетъ пользоваться аллегорія, связанная притомъ условностями придворнаго этикета, неизбѣжно должно было явиться частое повтореніе однихъ и тѣхъ же символовъ, сходныхъ композицій, наконецъ, являлась даже нѣкоторая шаблонность, вмѣсто свободнаго творчества.

Миніатюрная портретная живопись близко примыкаетъ къ аллегорической по сюжетамъ: почти исключительно встрѣчаются портреты Государыни Екатерины II, изрѣдка — портреты другихъ членовъ Императорскаго Дома.

Въ отличіе отъ миніатюрныхъ портретовъ времени Императрицы Елисаветы Петровны, исполнявшихся полихроматически, миніатюры царствованія Императрицы Екатерины II почти всегда исполнены въ одномъ тонѣ, въ стилѣ античныхъ камей.

Цвѣточная живопись времени Императрицы Екатерины II довольно разнообразна и хотя не характерна для разсматриваемаго періода, но встрѣчается весьма часто, пожалуй— чаще, чѣмъ какая-либо иного рода живопись. Обыкновенная сервизная посуда почти всегда расписывалась либо отдѣльными, разбросанными по всей поверхности предмета цвѣтками, либо букетами либо, наконецъ, цвѣточнымъ орнаментомъ (рис. 56, 58, 64—66, 75, 79, 96, 98—102, 107, 138).

Цвѣточный орнаментъ встрѣчается то въ видѣ узенькаго однороднаго бордюра (рис. 131), то въ видѣ широкихъ полосъ, составленныхъ изъ разнообразныхъ цвѣтовъ (напр. на кабинетскомъ сервизѣ), то въ видѣ гирляндъ (рис. 89, 91). Цвѣты большею частью написаны въ натуральномъ видѣ, но встрѣчается (хотя гораздо рѣже) орнаментъ и изъ стилизированныхъ цвѣтовъ (рис. 131).

Арабески, вѣрнѣе, гротески это наиболѣе характерный видъ орнамента на издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода трехъ послѣднихъ десятилѣтій XVIII вѣка.

Рис. 136. Столъ, б. м., в. 18 в. (Павл. Дв.)
Guéridon, h. 80 cm.

Стр. 88
Рис. 137. Сенека, б. м., в. 3 ½ в. (коллекція Н. А. Лукутина)
Sénèque, h. 15,5 cm.

Правда, этотъ орнаментъ можно встрѣтить рѣже, чѣмъ цвѣточный, но это зависитъ отъ того лишь, что гротесками расписывались обыкновенно только лучшія и отборныя вещи, которыя не предназначались для продажи.

Характеръ гротесковаго орнамента лучше всего можно наблюдать на тщательно разработанной декораціи арабесковаго сервиза.

Первоисточникъ гротесковъ и арабесковъ орнаментная живопись Помпеи и Геркуланума, въ извѣстной, конечно, переработкѣ.

Вліяніе указанныхъ источниковъ замѣтно не только въ общей композиціи и деталяхъ рисунка, но также и въ подборѣ красокъ. Къ концу XVIII вѣка замѣтно вліяніе ватиканскихъ ложъ, фрески которыхъ возникли вслѣдствіе изученія Рафаэлемъ подобной же стѣнной живописи римскихъ термъ.

Орнаментъ часто достигаетъ большой сложности, составляясь изъ различныхъ декоративныхъ элементовъ: стилизированныхъ или натуральныхъ цвѣтовъ, полосокъ, лентъ, ломаныхъ и волнистыхъ линій и геометрическихъ фигуръ (рис. 88, 139).

Стр. 91
Рис. 138. Яйцо, б. м., в. 1⅝ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Oeuf, h. 7,25 cm.

Позаимствованный изъ скульптурныхъ формъ живописный орнаментъ въ видѣ компактнаго вѣнка изъ лавровыхъ или дубовыхъ листьевъ, перевитыхъ лентою или же изъ перевитыхъ лентой фасцій (рис. 106, 108, 126) встрѣчается не часто.

Конечно, при огромномъ количествѣ произведеній, изготовленныхъ въ такой длинный промежутокъ времени, какъ царствованіе Императрицы Екатерины II, встрѣчались и встрѣчаются вещи, украшенныя орнаментомъ, не подходящимъ подъ установленныя выше категоріи. Но такіе случаи исключительны и не представляютъ ничего характернаго для разсматриваемой эпохи. Напримѣръ, можно встрѣтить издѣлія съ орнаментомъ, исполненнымъ въ характерномъ стилѣ рококо: таковъ орнаментъ на всѣхъ частяхъ ягдсервиза (рис. 72–74), формы котораго исполнены въ томъ же стилѣ. Но эти вещи — копіи вещей исполненнаго въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Мейссенѣ сервиза.

Стр. 93
Рис. 139. Чашка, в. 2 в., блюдце, д. 3 в., м. Е, (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Tasse, h. 9 cm., soucoupe, d. 13,5 cm.

Орнаментъ на чашкѣ и блюдечкѣ изъ Павловскаго дворца (рис. 130) замѣчателенъ тщательною отдѣлкой, но является, какъ и форма вещей, полной имитаціей подобныхъ же издѣлій Севрскаго завода. Для декораціи такихъ имитацій Севра часто примѣнялись рельефныя украшенія изъ золота и платины, наложенныя на мастикѣ и изъ прозрачнаго стекла (эмали).

Цвѣтные фоны, какъ декоративный элементъ, не играли втеченіе разсматриваемаго періода существенной роли: бѣлая глазурь теплаго оттѣнка это обыкновенный фонъ на издѣліяхъ времени Императрицы Екатерины II не только на ординарныхъ, но и на роскошныхъ и высокохудожественныхъ.

Однако жъ, и цвѣтные фоны находили примѣненіе, въ видѣ широкихъ полей или даже сплошныхъ поверхностей (рис. 142).

Точно также и золото примѣнялось въ умѣренномъ количествѣ, но можно встрѣтить и золотые фоны. Такъ напримѣръ, цвѣточный орнаментъ на кабинетскомъ сервизѣ расписанъ по золо-

тому полю (рис. 134), а всѣ вещи, исполненныя по собственноручному заказу Императрицы Екатерины II около 1780 г. (рис. 107), [136] были покрыты сплошнымъ золотымъ фономъ, по которому разбросаны полихромные цвѣты и букеты. Этотъ капризъ личнаго вкуса Госу-

Стр. 88

Рис. 140. Медальонъ: Е. И. В. Вел. Кн. Марія Ѳеодоровна, б. м., д. 4 в. (колл. И. А. Бибикова). Médaillon: S. A. I. la Grande-Duchesse Marie, d. 18 cm.

Стр. 88

Рис. 141. Медальонъ: Е. И. В. Вел. Кн. Павелъ Петровичъ, б. м., д. 4 в. (колл. И. А. Бибикова). Médaillon: S. A. I. le Grand-Duc Paul Pétrowitch, d. 18 cm.

дарыни, которая повелѣла исполнить заказъ „что пестрѣе—то лучше", не имѣлъ серьезныхъ послѣдствій въ дальнѣйшей дѣятельности Императорскаго завода: до конца періода пестрота орнамента не ставилась идеаломъ, и золото въ декораціи играло умѣренную роль; чашка и блюдце, золотой фонъ коихъ обработанъ цыровкою (рис. 139), принадлежатъ къ типу, характерному для слѣдующаго періода. За то, сплошныя кобальтовыя поверхности, отчасти съ золотыми украшеніями (рис. 103), къ концу періода стали замѣтно входить въ моду. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вещь явно ремесленной выдѣлки, гдѣ и рисунокъ бываетъ неправиленъ, и краски положены слишкомъ толстымъ слоемъ, аляповато, плохо пристаютъ къ глазури и мало флюсируютъ — живопись въ общемъ удовлетворительна, часто же превосходна при достаточной живости и чистотѣ красокъ, правильномъ рисункѣ и тщательно выписанныхъ деталяхъ.

Стр. 86.

Рис. 142. Ваза, м. [mark], в. 12 в. (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ). Vase, h. 53,5 cm.

Прослѣдивъ послѣдовательность развитія производства Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императрицы Екатерины II, всѣ улучшенія и нововведенія въ технической части, всѣ перемѣны, происшедшія въ личномъ составѣ, выяснивъ отношеніе этого періода къ предшествовавшему времени и сопоставивъ все сказанное относительно формъ и живописи издѣлій, необходимо придти къ заключенію, что этотъ періодъ развитія завода долженъ быть охарактеризованъ, какъ періодъ, по преимуществу, скульптурный, а по достигнутымъ успѣхамъ, въ смыслѣ совершенства техники, и особенно въ смыслѣ художественности издѣлій, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ, блестящихъ и наиболѣе самостоятельныхъ за все время существованія завода.

Издѣлія Императорскаго фарфороваго завода времени Императрицы Екатерины II высоко цѣнятся знатоками, но достоинства издѣлій были оцѣнены еще современниками. Георги въ своемъ описаніи Петербурга,[139] появившемся въ 1794 году, объ издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода говоритъ: „Нынѣшній фарфоръ есть прекрасный какъ въ разсужденіи чистоты массы, такъ и въ разсужденіи вкуса въ образованіи (т. е. въ формахъ) и живописи. Въ магазинѣ видны весьма большія и съ наипревосходнѣйшимъ искусствомъ выработанныя вещи“.

Стр. 90.

Рис. 143. Табакерка, б. м., д. $2^1/_2$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Tabatière, l. 11 cm.

Стр 107

Рис. 144. Чернильница, б. м., в. 12½ в. (Имп. Зав.).
Encrier, h. 55,5 cm

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЯ ОТДѢЛЕНІЯ ЗАВОДА.

Императоръ Павелъ Петровичъ умѣлъ цѣнить фарфоръ[1] и давно интересовался фарфоровымъ заводомъ.

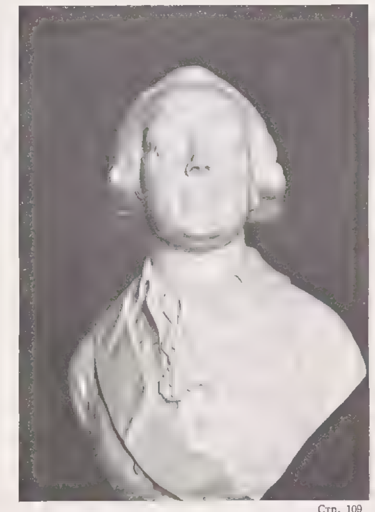
Въ запискахъ воспитателя Цесаревича Семена Порошина[2] сохранилось свѣдѣніе, что еще будучи юношей, 20-го августа 1765 г., Великій Князь Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ Никитой Ивановичемъ Панинымъ и авторомъ записокъ верхомъ ѣздили осматривать Императорскій фарфоровый заводъ. „Директора той фабрики г. Щепотьева при томъ не было, — пишетъ въ запискахъ Порошинъ, — видѣли мы только, какъ изъ глины разные сосуды дѣлаютъ и какъ обожженными уже расписываютъ. Въ присутствіи Его Высочества сдѣлали чашку чайную съ блюд-

цемъ, чайникъ, молочникъ и тарелку; у чашки и у блюдечка на днѣ Его Высочество самъ изволилъ подписать свое имя".

По вступленіи на престолъ, Императоръ Павелъ Петровичъ предоставлялъ фарфоровому заводу исполненіе крупныхъ заказовъ для дворцоваго вѣдомства, [3] способствуя этимъ расширенію производства.

Императоръ гордился своимъ заводомъ и охотно показывалъ его иностраннымъ высокимъ гостямъ.

Такъ, напримѣръ, 12-го августа 1798 г. заводъ осматривали гостившіе въ С.-Петербургѣ принцы виртембергъ-штуттгартскіе; [4] 28-го февраля 1799 года заводъ посѣтила Императрица Марія Θеодоровна, въ сопровожденіи Великихъ Княженъ Елены Павловны и Маріи Павловны и высокихъ иностранныхъ гостей: эрцгерцога австрійскаго Іосифа и наслѣднаго принца мекленбургъ-шверинскаго; [5] а 24-го ноября 1800 года фарфоровый заводъ удостоился посѣщенія Его Величества. [6]

Стр. 109

Рис. 145. Имп. Павелъ I, б. м., в. 6¼ в. (коллекція С. и В. Евдокимовыхъ).
L'Empereur Paul I. h. 27,5 cm.

Въ административномъ отношеніи положеніе завода, установившееся въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ осталось безъ измѣненія.

Главный надзоръ и руководительство имѣлъ, по прежнему, кн. Юсуповъ, отдававшій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію Императорскими фарфоровымъ и стекляннымъ заводами и Императорской шпалерной мануфактурой непосредственно Императору.

Ближайшій надзоръ за порядкомъ на заводѣ возложенъ былъ (съ 1793 года) на А. Захарова, [7] но такъ какъ у послѣдняго были спеціальныя обязанности по завѣдыванію живописнымъ отдѣленіемъ, то кн. Юсуповъ, въ 1797 г., поручилъ надзоръ за фарфоровымъ заводомъ с. с. Самойлѣ Фигнеру, который въ то время завѣдывалъ также Императорскимъ стекляннымъ заводомъ. [8]

Конечно, по самому существу дѣла, Фигнеръ, хотя въ отсутствіе кн. Юсупова изъ Петербурга и посылалъ приказы конторѣ фарфороваго завода, [9] въ дѣйствительности игралъ роль передаточной инстанціи между княземъ Юсуповымъ и конторой и существеннаго вліянія на направленіе дѣятельности завода не могъ оказать. Непосредственно на заводѣ распоряжались, каждый въ предѣлахъ своей компетенціи, модельмейстеръ Рашетъ, [10] смотритель по живописной палатѣ А. Захаровъ [11] и мастера: Сергѣевъ [12] (горны и капсельная) и Ивановъ [13] (лабораторія). Храненіе всей матеріальной части завода было возложено на четырехъ комиссаровъ. [14]

Привилегированное положеніе занимали, какъ и прежде, Рашетъ и Захаровъ, въ качествѣ членовъ заводской конторы, которая, дѣйствуя коллегіально (въ составѣ двухъ членовъ и бухгалтера), представляла ближайшую администрацію завода. [15]

Порядокъ дѣлопроизводства и отчетности остался безъ измѣненія: кн. Юсуповъ, по личному усмотрѣнію или на основаніи Высочайшихъ повелѣній или отношеній Кабинета Е. И. В., посылалъ конторѣ ордера или непосредственно, или чрезъ Фигнера. Контора передавала распоряженія мастерамъ. Мастера, каждый по своему отдѣленію, вели книги и дѣлали представленія конторѣ. Контора параллельно вела свои бухгалтерскія книги и подавала отчеты и рапорты князю Юсупову. Князь Юсуповъ представлялъ Государю всепод-

даннѣйшіе рапорты и донесенія о состояніи завода, съ болѣе или менѣе подробными вѣдомостями. [16]

При установившемся порядкѣ, не подвергавшемся существеннымъ перемѣнамъ до конца царствованія Императора Павла Петровича, возникавшія новыя потребности удовлетворялись соотвѣтствующими мѣрами, направленными къ благоустройству завода, къ улучшенію быта служащихъ и проч.

Напримѣръ, въ 1797 году былъ устроенъ при заводѣ лазаретъ; въ 1800 г. построены были хлѣбные магазины, [17] такъ какъ мастеровые, въ большинствѣ, кромѣ жалованья получали и хлѣбное довольство.

Для построекъ и починокъ заводскихъ зданій при конторѣ состоялъ особый архитекторъ. Должность эта, несомнѣнно, явилась слѣдствіемъ личнаго распоряженія князя Юсупова. [18]

Въ личномъ составѣ технической и художественной частей не произошло перемѣнъ, которыя могли бы существенно отразиться на производствѣ, можно отмѣтить только, что дѣятельность Рашета постепенно ослабѣвала и его обязанности исполнялъ помощникъ модельмейстера Цельнеръ. [19]

Стр. 109

Рис. 146. Чашка, в. 2 в., блюдце, д. 3¼ в., м. П, (колл. кн. А. С. Долгорукаго) Tasse, h. 9 cm, soucoupe, d 14,5 cm

Въ 1799 году кн. Юсуповъ далъ заводской гимназіи новое положеніе, [20] существенно, однако, не отличавшееся отъ того, которое введено было по проекту Щепотьева. [21]

Производство художественныхъ вещей, какъ основная задача дѣятельности завода, въ царствованіе Императора Павла Петровича, повидимому, выступало опредѣленнѣе, чѣмъ при Императрицѣ Екатеринѣ II: художественныя вещи повелѣно было подносить Императору къ Новому году и праздникамъ св. Пасхи и Рождества Христова. Подношенія Высочайшей Фамиліи дѣлались и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, напр., въ дни тезоименитствъ, рожденій и т. п. Выполнялись также спеціальные заказы Высочайшаго Двора и Кабинета Е. И. В. Для Придворной Конторы поставлялась обыкновенная сервизная посуда. [22]

Однако заводъ, насчитывавшій въ концѣ царствованія Императора Павла Петровича 202 человѣкъ служащихъ, [23] изготовлялъ значительно большее количество товаровъ, чѣмъ сколько требовалось придворнымъ вѣдомствомъ, ибо заводу ставилась, по прежнему, и другая цѣль — чисто коммерческая.

С р 1 р

Рис. 147. Чашка, м. П, в 3 в. (коллекція кн. А. С. Долгорукаго). Tasse, h. 13,5 cm.

Кн. Юсуповъ, какъ раньше кн. Вяземскій, принималъ мѣры къ распространенію въ публикѣ издѣлій фарфороваго завода; но была основная причина, мѣшавшая широкому распространенію: все та же, указанная еще Щепотьевымъ, сравнительная дороговизна издѣлій Императорскаго завода. Причина же дороговизны лежала въ самой сущности казеннаго хозяйства. Приходилось поэтому понижать цѣны искусственными способами: продажею фарфора въ видѣ брака, [24] вышедшихъ изъ моды вещей и т. п.

Большимъ препятствіемъ для сбыта служило то обстоятельство, что покупателямъ приходилось ѣхать на заводъ за 10 верстъ отъ города. Желая устранить это препятствіе, князь Юсуповъ въ 1800 г. устроилъ магазинъ для продажи вещей въ самомъ Петербургѣ [25] и въ 1799 г. отправилъ вещи на комиссію въ Москву, въ лавку при казенной Купавинской фабрикѣ. [26]

Стр. 107, 109

Рис. 148. Миска, б. м., в. 9 в. (Имп. Зав.).
Soupière, h. 40 cm.

Но принятыя мѣры не давали вполнѣ благопріятныхъ результатовъ: въ заводскихъ магазинахъ накоплялись запасы стараго фарфора, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли долги завода. Главнымъ кредиторомъ являлся Императорскій стеклянный заводъ, изъ суммъ котораго кн. Юсуповъ заимствовалъ до 70 тысячъ рублей. [27]

О хозяйственныхъ результатахъ въ управленіе кн. Юсупова лучше всего можно судить, сравнивая данныя о состояніи завода: 17-го сентября 1792 г., когда заводъ принялъ кн. Юсуповъ въ свое вѣдѣніе, и въ концѣ царствованія Императора Павла Петровича.

Въ 1792 году весь чистый капиталъ завода въ постройкахъ, издѣліяхъ и наличности опредѣлялся въ 188.139 р. 32¹/₄ к. Въ мартѣ 1801 года капиталъ доходилъ уже до 428.458 р. 92 к.; въ томъ числѣ строенія, не считая горновъ и машинъ, оцѣнивались въ 111.477 р. 87¹/₂ к. [28]

Изъ общей капитальной суммы подлежало исключенію 84.851 р. 93³/₄ к. различныхъ долговъ завода. [29] Такимъ образомъ, чистый капиталъ со 188 тысячъ рублей за восемь съ половиною лѣтъ управленія князя Юсупова увеличился до 343¹/₂ тысячъ, всего на 155 тысячъ. [30]

На первый взглядъ можетъ казаться, что получились блестящіе результаты въ коммерческомъ отношеніи. Однако, если вычесть изъ приращенія чистаго капитала 135.000 руб. правительственной субсидіи, полученной за девять лѣтъ, то сумма дохода уменьшится до 20 тысячъ рублей. [31]

Стр. 107.

Рис. 149. Подставка, м. П, д. 6¹/₂ в.
(колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Plateau, l. 29 cm.

Свѣдѣнія, приложенныя къ вѣдомости, составленной кн. Юсуповымъ къ 1 мая 1801 г., [32] вызываютъ сомнѣніе въ правильности разсчета: годовой необходимый расходъ по заводу свѣдѣнія показываютъ, (на основаніи точныхъ цифръ 1801 г.) въ 79.458 р. 50 к., годовую выработку (на основаніи произвольной и, несомнѣнно, очень высокой оцѣнки) до 80.000 р., выпускалось же въ годъ изъ завода вещей всего на сумму до 65.000 р. (также приблизительно и съ зачетомъ стоимости подношеній Высочайшей Фамиліи).

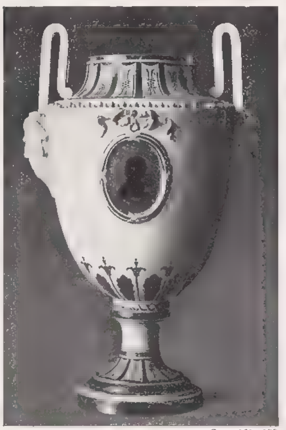

Стр. 107.

Рис. 150. Бутылка, м. П, в. 4¹/₄ в. (колл. П. И. Щукина).
Bouteille, h. 20 cm.

Такимъ образомъ, ежегодная недовыручка равнялась 15 тысячамъ руб., и могла быть покрыта только ежегодною правительственною субсидіею. Что такое положеніе относится ко всему періоду управленія заводомъ княземъ Юсуповымъ, это выступаетъ съ особенной рѣзкостью, если обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: въ капитальной суммѣ завода числилось къ марту 1801 г. различнаго фарфора въ издѣліяхъ (запасовъ) болѣе чѣмъ на 145 тысячъ рублей. Запасы эти накоплялись изъ года въ

годъ съ поразительною быстротою: къ 1-му января 1797 года числилось въ кладовыхъ разнаго фарфора на 86.512 р. 39 коп.;[33] къ 1-му мая 1799 года запасъ дошелъ уже до 113.481 р. 54 к.;[34] къ 1-му сентября того же года до 125.070 руб. 97½ коп.;[35] къ 1-му сентября 1800 года 134.448 р. 78 к.;[36] къ 1-му января 1801 года — 141.332 р. 53½ к.,[37] т. е. запасы увеличились за 4 года на 54.820 р. 14½ к., или, въ среднемъ, на 13.705 р. ежегодно.

Стр. 108, 109.

Рис. 151. Ваза, б. м., в. 9 в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 40 cm.

Такъ какъ, однако, накоплявшіеся запасы не находили сбыта, то коммерческія задачи, поставленныя заводу, привели къ систематическому превращенію денегъ, отпускаемыхъ въ видѣ субсидіи, въ фарфоровыя издѣлія, остававшіяся въ кладовыхъ завода безъ всякаго примѣненія; для капитальныхъ же затратъ при расширеніи завода приходилось заимствовать суммы изъ постороннихъ источниковъ.[37] Такимъ образомъ съ очевидностью была доказана ошибочность принятаго направленія и несостоятельность возникшаго подъ вліяніемъ Теплова взгляда на Императорскій фарфоровый заводъ, какъ на коммерческое, по преимуществу, предпріятіе.

Важнымъ событіемъ въ жизни Императорскаго фарфороваго завода было учрежденіе въ 1799 г. филіальнаго отдѣленія въ Гатчинѣ, извѣстнаго подъ названіемъ Гатчинской фарфоровой фабрики. Начальная исторія Гатчинской фабрики не вполнѣ ясна. Положительные факты таковы: въ 1799 году въ конторѣ Императорскаго фарфороваго завода возникло „дѣло о поступленіи, по высочайшему повелѣнію, въ казенное вѣдомство къ кн. Юсупову фарфоровой фабрики, состоящей близъ города Гатчино“,[38] которая прежде „принадлежала казенному вѣдомству, но послѣ уступлена была умершему фабриканту Фишеру“.[3] Фабричныя постройки были оцѣнены въ 5.390 руб., и эта сумма уплачена наслѣдникамъ Фишера, а фабрика передана въ вѣдѣніе кн. Юсупова.

Стр. 108, 109

Рис. 152. Ваза, б. м., в. 12 в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 53,5 cm.

Фабрика Фишера возникла не раньше 70-хъ годовъ XVIII столѣтія.[40] Вмѣстѣ съ тѣмъ, положительно можно утверждать, что никакой казенной фарфоровой фабрики, кромѣ Императорскаго фарфороваго завода, ни при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, ни при Императрицѣ Екатеринѣ II не существовало, если не считать отдѣленія фарфороваго завода (собственно одного только обжигальнаго горна), устроеннаго въ 1758 году мастеромъ Миллеромъ на р. Славянкѣ.

Слѣдовательно, выраженіе документа, что фабрика Фишера прежде принадлежала казенному вѣдомству, можно толковать только въ томъ смыслѣ, что фабрика Фишера стояла на казенной землѣ или помѣщалась въ бывшихъ казенныхъ зданіяхъ.

Стр. 108, 109

Рис. 153. Ваза, б. м., в. 12 в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 53.5 cm.

Стр 1[illegible]

Рис. 151. Кіоскъ, м. П, в. 4 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Kiosque, h. 18 cm.

Фабрика Фишера была устроена неудовлетворительно, такъ что для оборудованія ея сразу понадобилось затратить до 24.000 р.; [41] съ произведенными же впослѣдствіи расходами, устройство ея обошлось до 42.000 рублей. [42]

Деньги были заимствованы изъ суммъ Императорскаго фарфороваго завода, такъ какъ Гатчинская фабрика составляла собственно отдѣленіе Императорскаго завода и зависѣла во всемъ отъ его конторы. [41]

Надзоръ за устройствомъ Гатчинской фабрики порученъ былъ А. Захарову. [43] Смотрителемъ ея былъ назначенъ колл. асс. Вильгельмъ Вернеръ, [41] поступившій на службу на Императорскій заводъ въ годъ основанія фабрики (1800), а мастеромъ—давно уже служившій на Императорскомъ заводѣ при лабораторіи Антонъ Станъ, въ помощники которому былъ данъ Романъ Неупокоевъ, изъ бывшихъ воспитанниковъ заводской гимназіи. [45] Весь личный составъ фабрики, считая служителей и вольнонаемныхъ людей, состоялъ изъ 23 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 собственно при обработкѣ фарфора. [41] Всѣ рабочіе взяты были изъ фарфороваго завода. Содержаніе людей обходилось ежегодно болѣе $4\frac{1}{2}$ тысячъ, въ то время какъ годовая выработка фабрики не достигала и 4 тысячъ руб., при томъ дѣлались вещи преимущественно низкихъ сортовъ, но обходившіяся дороже, чѣмъ на главномъ заводѣ. [46]

Стр 109

Рис. 155. Дама въ кринолинѣ, м. П, в. $3\frac{7}{8}$ в. (колл. И. А. Бибикова)
Dame en crinoline, h. 17 cm.

Нѣкоторое отношеніе къ фарфоровому заводу имѣла казенная фаянсовая фабрика, основанная при Невскихъ кирпичныхъ заводахъ (на правомъ берегу Невы) еще при Императорѣ Петрѣ I, [47] позднѣе заброшенная, а въ 1800 г. отданная, по Высочайшему указу, въ вѣдѣніе кн. Н. Б. Юсупова. [48]

Управленіе возобновленной (на средства Императорскаго стекляннаго завода) [49] фаянсовой фабрики кн. Юсуповымъ поручено было служащимъ фарфороваго завода: смотрителю Захарову и бухгалтеру Уманову, а главнымъ мастеромъ былъ назначенъ горновой мастеръ фарфороваго завода Сергѣевъ. [50] Такимъ образомъ фаянсовая фабрика сдѣлалась тоже какъ бы отдѣленіемъ фарфороваго завода, осуществляя тѣ планы о заведеніи при фарфоровомъ заводѣ фаянсоваго производства, которые имѣлъ еще баронъ Черкасовъ, а потомъ Олсуфьевъ. [51]

Стр 109

Рис. 156. Негръ съ лошадью, м. П, в. 5 в. (колл. И. А. Бибикова).
Nègre et cheval, h. 22,5 cm.

Если фаянсовая фабрика, а отчасти и Гатчинская фарфоровая имѣли только случайную связь съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, то въ непосредственной связи съ нимъ находилось мраморное отдѣленіе.

Идея мраморнаго отдѣленія принадлежитъ еще послѣднему году царствованія Императрицы Екатерины II и является прямымъ слѣдствіемъ того направленія въ развитіи художественной дѣятельности завода, которое охарактеризовано какъ „скульптурное". Оборудовано отдѣленіе было въ первой половинѣ 1796 года, на что затрачено болѣе 2 тысячъ рублей. [52]

Личный составъ отдѣленія былъ невеликъ. Состоя подъ главнымъ руководствомъ Рашета, какъ модельмейстера, отдѣленіе имѣло своего особаго мастера Петра Мунстера. По-

Стр. 109.

Рис. 157. Кофейникъ, м. [mark], в. 4¼ в. (колл. Н. А. Лукутина)
Cafetière, h. 21 cm

Стр. 107

Рис. 158. Яйцо, б. м., в. 2 в (Имп Зав.)
Oeuf de Pâques, h 9 cm.

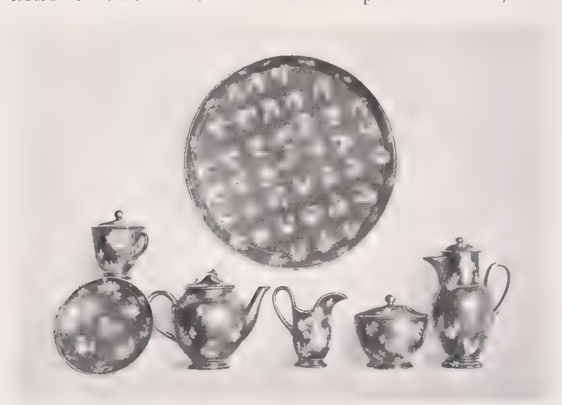
мощникомъ его состоялъ скульпторъ Александръ Столѣтовъ; 8 учениковъ были взяты изъ числа гимназистовъ.[53]

Жизненность мраморнаго отдѣленія сказалась очень рано, и вскорѣ послѣ учрежденія его, кн. Юсуповъ имѣлъ уже возможность дѣлать подношенія мраморныхъ произведеній къ Высочайшему Двору[54] и августѣйшимъ гостямъ Императора.[55] Это доказываетъ, что мраморному отдѣленію ставили серьезныя задачи: его назначеніе было не только изготовлять дополнительныя части къ фарфоровымъ вещамъ, напримѣръ, пьедесталы къ вазамъ, подставки къ часамъ, но и развиваться въ самостоятельное дѣло.[56]

Кн. Юсуповъ, въ концѣ царствованія Императора Павла Петровича, предлагалъ учредить при фарфоровомъ заводѣ еще одно отдѣленіе мозаичное. Съ этой цѣлью онъ далъ порученіе отправлявшемуся въ Римъ русскому консулу А. Г. Лизакевичу пріискать въ Италіи опытнаго мозаичнаго мастера. Лизакевичъ вошелъ въ переговоры съ художникомъ Яковомъ Рафаэлли, но такъ какъ кондиціи, предложенныя послѣднимъ, присланы были въ Петербургъ уже послѣ смерти Императора Павла Петровича и ухода въ отставку кн. Юсупова, то мысль объ учрежденіи при фарфоровомъ заводѣ мозаичнаго заведенія была оставлена: Императоръ Александръ Павловичъ, по докладу управлявшаго Кабинетомъ Е. И. В. Дмитрія Александровича Гурьева, нашелъ требованія Рафаэлли неумѣренными.[57]

Расширеніе дѣятельности завода, учрежденіе новыхъ отдѣленій, увеличеніе личнаго состава до числа, значительно превосходившаго положенное по штату 1765 года, должны были вызвать мысль о реформѣ завода и о новомъ положеніи для него.

Реформы, вытекавшія изъ естественныхъ условій развитія завода, необходимы были и по другимъ причинамъ. Въ послѣдніе годы кн. Юсуповъ, положившись въ художественномъ отношеніи во всемъ на Захарова и Рашета, въ хозяйственномъ и административномъ отношеніяхъ слишкомъ довѣрялъ С. Фигнеру, сумѣвшему заслужить его большое благоволеніе. Между тѣмъ, Фигнеръ, далеко не идеальный начальникъ Императорскаго стекляннаго завода, собираясь, къ тому же, уходить въ отставку, мало заботился о дѣйствительныхъ нуждахъ Императорскихъ заводовъ и о томъ, какіе результаты могутъ дать рекомендуемыя имъ мѣропріятія. Къ концу столѣтія многое на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ нуждалось въ обновленіи и измѣненіи.[58] Императоръ Павелъ Петровичъ думалъ, повидимому, о таковыхъ преобразованіяхъ,

Стр. 107, 109.

Рис. 159. Дѐжене, м. [mark], ⌀ подноса 6¾ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Dejeuner, d. plat 30 cm

Стр. 109.
Рис. 160. Бюстъ Имп. Павла I, б. м., в. 8½ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Buste de l'Empereur Paul I, h. 38 cm.

такъ какъ заводъ, по Высочайшему повелѣнію, осматривали сенаторы Щербатовъ и Волконскій. [59]

Реформы, однако, послѣдовали лишь при Императорѣ Александрѣ I.

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Въ техникѣ производства Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Павла Петровича произошли нѣкоторыя перемѣны, хотя и несущественныя, но отзывавшіяся въ особенности на экономической сторонѣ производства.

Для составленія фарфоровой массы служила исключительно глуховская глина, которая еще въ предшествовавшее царствованіе почти вытѣснила всѣ другія глины; ежегодный расходъ ея превышалъ 5000 пудовъ. Все это количество поставлялъ съ подряда малороссійскій помѣщикъ Маркевичъ. [60] Кварцъ (ежегодно до 2000 п.) и шпатъ (до 1300 п.) поставляли олонецкіе подрядчики въ совершенно готовомъ видѣ: смолотыми. Заводская администрація находила такой порядокъ для себя самымъ удобнымъ, но заводу это стоило значительно дороже, чѣмъ при обработкѣ матеріаловъ собственными средствами, не говоря уже о томъ, что подрядчики мало заботились о добросовѣстной и хорошей обработкѣ матеріаловъ. Все это, конечно, должно было невыгодно отражаться не только на бюджетѣ завода, но и на качествахъ массы, слѣдовательно, и на качествахъ издѣлій. [61]

Анализъ черепа этого времени (прил. 37) обнаруживаетъ нѣкоторую разницу состава, сравнительно съ черепомъ вещей эпохи Императрицы Екатерины II, заключающуюся въ уменьшеніи процентнаго содержанія кремнезема и въ нѣкоторомъ увеличеніи глинозема, однако, въ общемъ, по процентному отношенію кремнезема и глинозема черепъ Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Павла Петровича сохранилъ ближайшее родство съ черепомъ предшествовавшаго періода. Очевидно, разница обусловливалась качествами матеріаловъ, но не измѣненіемъ прежнихъ рецептовъ, по которымъ составлялъ массу все тотъ же мастеръ.

Стр. 109, 110.
Рис. 161. Блюдо, м. П, д. 6¼ в (колл. кн. А. С. Долгорукаго)
Plat, d 27.5 cm

Въ качествѣ гончарныхъ и капсельныхъ, были пріобрѣтаемы различные сорта глинъ: московская, андомская, ржевская, лугская, тихвинская. [62] Мастера находили самой лучшей глиной для муфелей и капселей московскую, которая, впрочемъ, стоила, сравнительно, дорого. Удовлетворительны были андомская, ржевская и лугская глины, если для выдѣлки капселей ихъ смѣшивали съ глуховской глиной и капсельной или кварцевой толченкой, какъ дѣлалось въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Что касается тихвинской глины, то она совсѣмъ не годилась ни для капселей, ни для огнеупорныхъ кирпичей, такъ какъ содержала много желѣза и легко плавилась въ огнѣ. Но именно эту негодную глину и стали съ 1799 г. употреблять по преимуществу для выдѣлки какъ капселей, такъ и огнеупорнаго кирпича. Сдѣлали это по совѣту Фигнера, который убѣдилъ князя

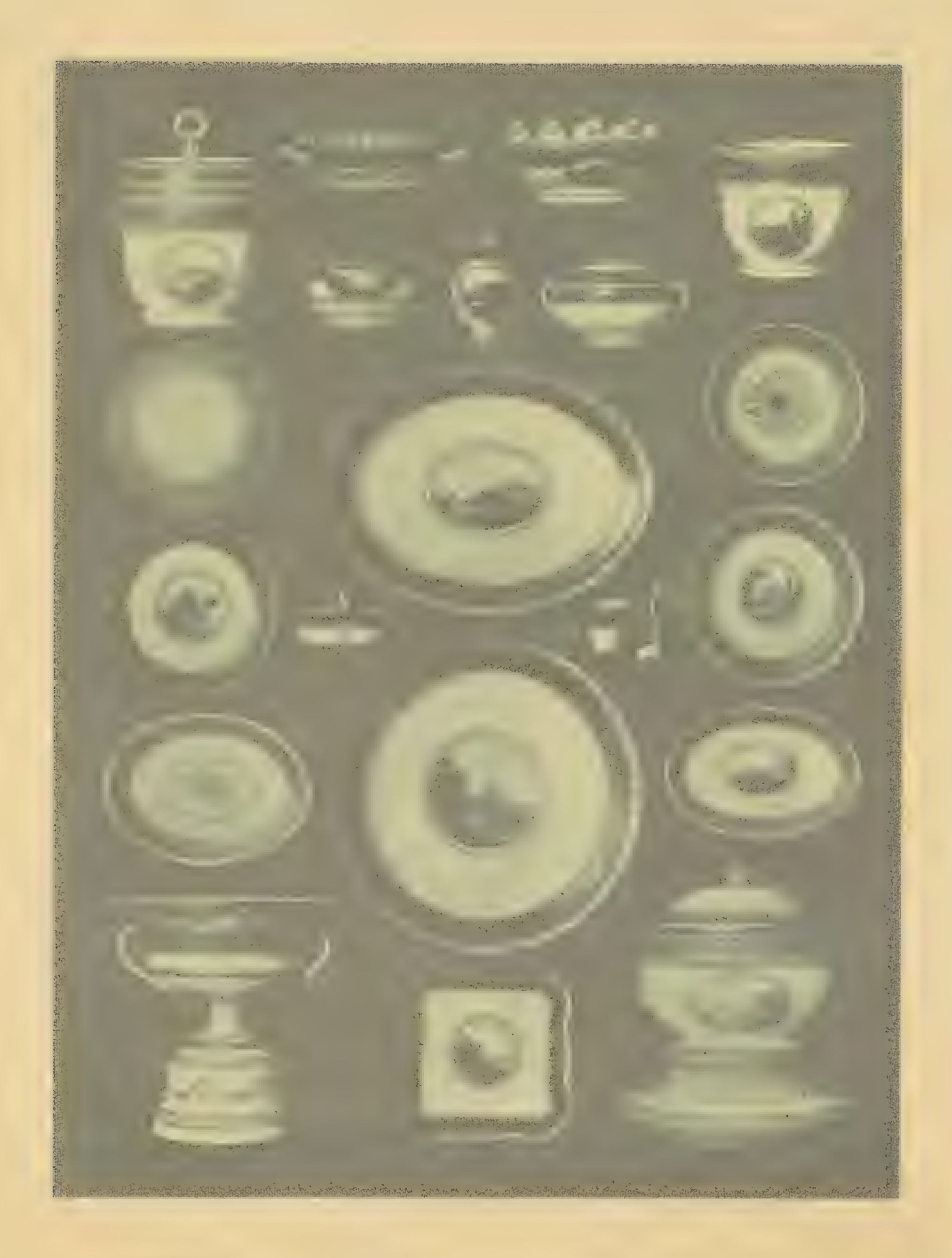
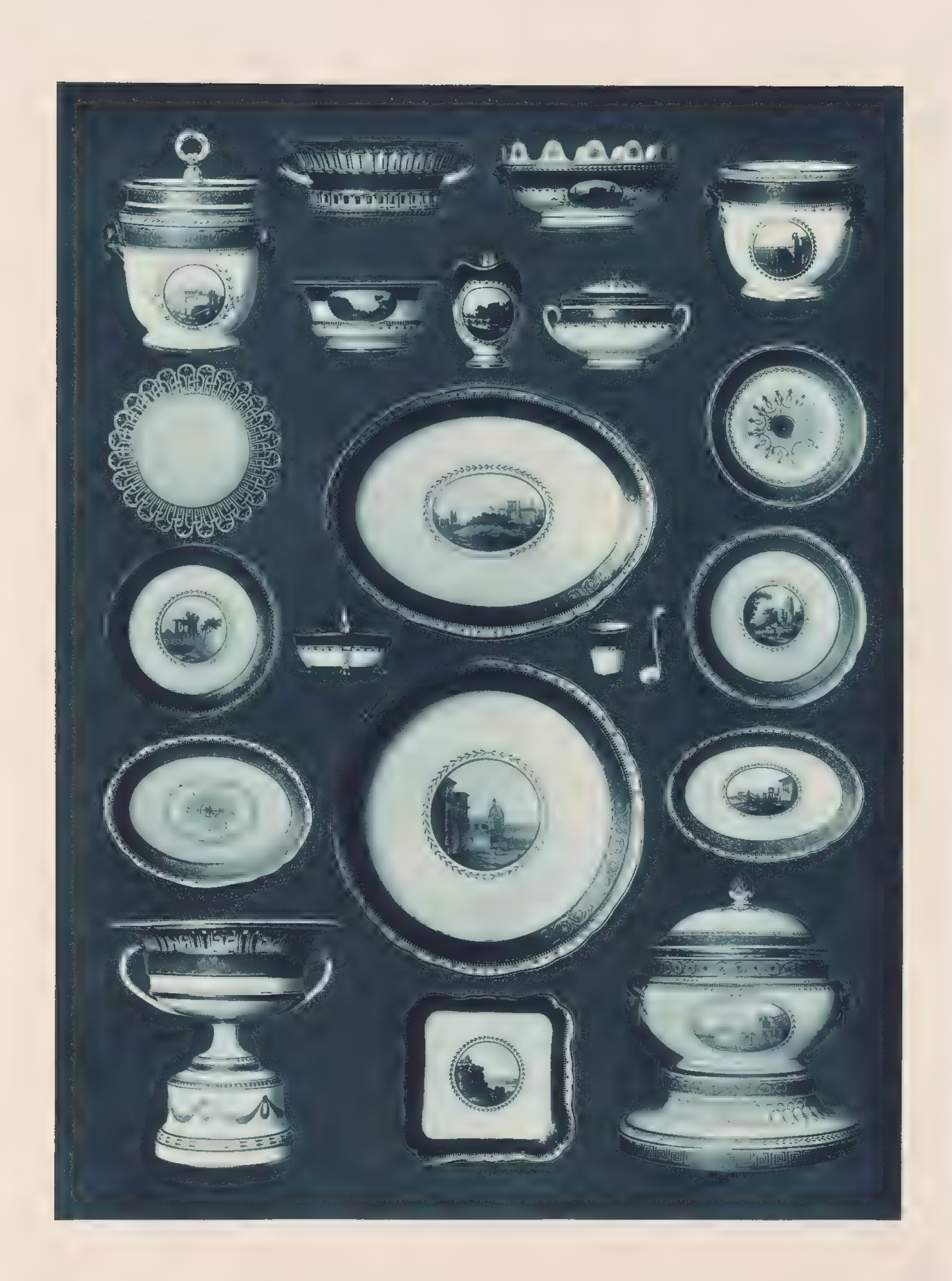

Табл. VI.

Юсуповскій сервизъ—м. П, д. круглаго блюда 9 в. (Зимн. Дв.).
Service de table dit du pr. Youssoupoff, d. du plat rond 40 cm

Юсупова, что примѣненіе тихвинской глины (за которую заводъ платилъ дороже, чѣмъ за андомскую и лугскую) дастъ заводу до 10000 рублей ежегодной экономіи.

За введеніе тихвинской глины Фигнеру, при отставкѣ, была значительно увеличена пенсія, но заводъ имѣлъ отъ этой операціи только убытки. Вначалѣ, когда къ тихвинской глинѣ подмѣшивали толченку изъ капселей прежней выдѣлки, содержавшихъ глуховскую глину, результаты были еще удовлетворительны; когда же пошелъ въ передѣлъ черепъ новаго состава—капселя не выдерживали болѣе одного обжига, часто плавились въ огнѣ, колонны въ горнахъ косились. Въ результатѣ—потери при обжигѣ достигали значительныхъ размѣровъ и заставляли мастеровъ не дожигать фарфоръ.[63] Капсельная толченка приготовлялась подряднымъ способомъ на Ижорской пильной мельницѣ.

Стр. 10.

Рис. 162. Угловое зеркало, б. м., в. 49¼ в. (Павл Дв.).
Miroir et console. h. 2.185 m.

Конная машина для перемалыванія матеріаловъ, входящихъ въ составъ массы, глазури и пр., состояла изъ шести мельничныхъ поставовъ, камни которыхъ имѣли около 1 аршина въ діаметрѣ. Около 1799 г. была построена новая машина, но оставалась въ бездѣйствіи, такъ какъ конструкція ея оказалась неудовлетворительной. Не смотря на то, что заводскія мельницы были освобождены отъ первоначальнаго перемалыванія кварца и шпата, работа ихъ, какъ вслѣдствіе неудовлетворительной конструкціи, такъ еще больше вслѣдствіе плохой организаціи дѣла, была мало производительна, поэтому выходъ готовой массы былъ меньше перерабатываемаго заводомъ ежегодно количества: разница покрывалась изъ запасовъ прежняго времени.[65]

Масса уплотнялась, по прежнему, въ двухъ особыхъ печахъ, куда ставились большія алебастровыя миски, наполненныя жидкой массой. Затѣмъ достаточно выпаренную и уплотненную массу работники сбивали руками на столѣ, покрытомъ замшею. Такое ручное сколачиваніе было весьма непрактично, такъ какъ оно требовало и много времени, и не гарантировало въ достаточной степени освобожденія массы отъ воздушныхъ пузырьковъ и пустотъ, опасныхъ при выдѣлкѣ издѣлій и обусловливающихъ большой процентъ брака. Но заводская администрація не принимала мѣры къ устраненію этого недостатка.[66]

Для обжига (какъ 1-го, такъ и 2-го огня) служили 6 одноэтажныхъ горновъ прежняго типа. Впрочемъ, два изъ нихъ находились въ столь неприспособленныхъ помѣщеніяхъ, что тамъ зимой работать было невозможно.[67]

Въ техникѣ живописи втеченіе разсматриваемаго періода никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Краски приготовлялись почти исключительно въ заводской лабораторіи и, благодаря мастеру Стану, значительно улучшились.[68] Муфеля были двоякаго рода:

Стр. 106, 109.

Рис. 163. Подносъ, м. П, д. $7\frac{1}{2}$ в. (Гатч. Дв.).
Plateau, d. 33 cm.

прежняго типа, отапливаемые угольями, и новой конструкціи, значительно бóльшихъ размѣровъ и отапливаемые дровами. Послѣдняго рода муфеля введены были на Императорскомъ заводѣ, кажется, по идеѣ мастера Стана. [69]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Царствованіе Императора Павла Петровича нельзя считать самостоятельнымъ періодомъ въ художественномъ развитіи Императорскаго фарфороваго завода: четыре съ половиною года, слишкомъ короткое время, чтобы могли возникнуть и вполнѣ развиться новыя теченія, тѣмъ болѣе, что лица, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависѣло направленіе художественной дѣятельности завода, оставались тѣ же, что и въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II: главноуправляющій кн. Юсуповъ, модельмейстеръ Рашетъ, смотритель за живописной палатой — Захаровъ. Мастера и мастеровые, въ большинствѣ, были все прежніе, а новые были воспитанниками заводской гимназіи, т. е. прошедшіе школу тѣхъ же Рашета и Захарова.

Были два лица, которыя могли бы вліять на измѣненіе художественнаго направленія, Императоръ Павелъ Петровичъ и его супруга. Но, по художественнымъ вкусамъ, Государь и Государыня были люди своего вѣка, въ которомъ воспитывался и кн. Н. Б. Юсуповъ; ихъ художественное развитіе получило завершеніе во время путешествія по Европѣ графа Сѣвернаго, въ свитѣ коего находился кн. Юсуповъ: на его обязанности лежало ознакомленіе Великаго Князя и его супруги съ сокровищами искусства Западной Европы.

Мнѣніе князя Юсупова, страстнаго коллекціонера, лично знакомаго съ лучшими тогда представителями художественнаго міра, въ художественныхъ вопросахъ считалось авторитетнымъ, и, потому, вліяніе его не могло не быть рѣшающимъ во время совмѣстнаго съ Наслѣдникомъ и его супругой обозрѣванія художественныхъ собраній. Когда Павелъ Петровичъ взошелъ на пре-

Стр. 106, 109.

Рис. 164. Дежене: Итальянскія крѣпости, м. П, в. чашки $1\frac{1}{2}$ в. (Гатч. Дв.).
Déjeuner: Forteresses d'Italie, tasse h. 6,75 cm.

Стр. 108, 109
Рис. 165. Сахарница, м. $\overset{\text{Ф}}{\text{I}}$, в. $2^{1}/_{4}$ в. (Павл. Дв.).
Sucrier, h. 10 cm.

столъ, дѣятельность кн. Юсупова, конечно, всецѣло зависѣла отъ личныхъ взглядовъ Императора, но—это были, въ сущности, его же, князя Юсупова, взгляды, которые были имъ еще ранѣе проведены. Художественная дѣятельность Императорскаго фарфороваго завода шла въ томъ же направленіи, возникшемъ въ концѣ XVIII ст.: полнаго отрѣшенія отъ стиля Людовика XV, при увеличивающемся вліяніи эллино-римскихъ древностей.

Исключеніе составляютъ сервизныя вещи, изготовлявшіяся для продажи частнымъ лицамъ или даже для Высочайшаго Двора по установившимся образцамъ, которые иногда дѣлались настолько традиціонными, что сохранились въ производствѣ фарфоровыхъ заводовъ до настоящаго времени, каковы, напримѣръ, сервизы съ разбросанными по всему фону букетиками цвѣтовъ: розъ и др.

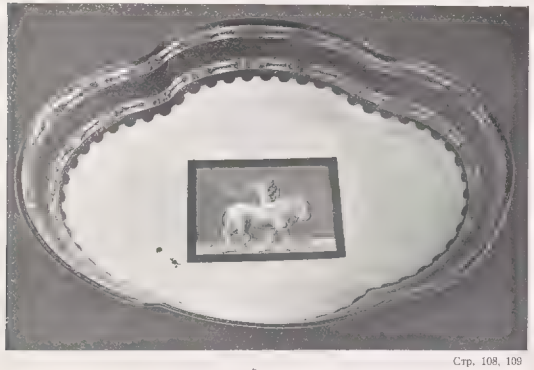
Въ каждой отрасли художественнаго производства новое направленіе раньше всего и рѣшительнѣе проявляется въ выборѣ сюжетовъ и въ характерѣ украшеній и съ большей постепенностью и консерватизмомъ отрѣшается отъ старыхъ формъ; потому и на художественныхъ издѣліяхъ Императорскаго завода царствованія Императора Павла Петровича (а таковыми являлись, если не исключительно, то по преимуществу спеціальные заказы Высочайшаго Двора или вещи, подносимыя Его Величеству ежегодно на Новый годъ, къ Рождеству Христову и къ св. Пасхѣ), болѣе замѣтно вліяніе новыхъ художественныхъ вкусовъ въ характерѣ украшеній и менѣе—на формахъ.

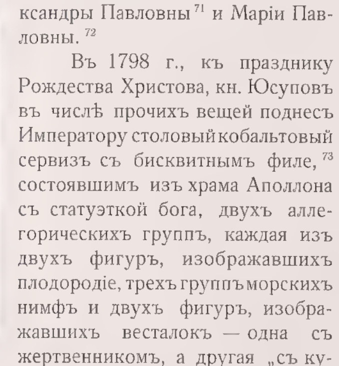
Стр. 108, 109.
Рис. 166. Мыльница, б. м., в. $3^{3}/_{8}$ в. (Павл. Дв.).
Boîte à savon, h. 15 cm.

ФОРМЫ.

Формы времени Императора Павла I не отличаются разнообразіемъ. Въ этомъ періодѣ преобладаютъ всякаго рода сервизы. Наиболѣе цѣнные сервизы, о которыхъ упоминаютъ документы, были: продолжавшійся работою столовый сервизъ кн. Безбородки, пожалованный ему Императрицею Екатериною II, [70] сервизы, предназначавшіеся для приданаго Великихъ Княженъ Александры Павловны [71] и Маріи Павловны. [72]

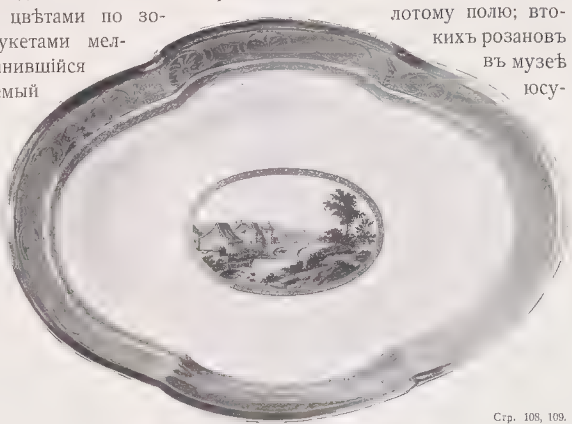

Стр. 108, 109
Рис. 167. Тазъ, м. $\overset{\text{Ф}}{\text{I}}$, дл. $7^{13}/_{16}$ в. (Павл. Дв.)
Cuvette, l. 34,25 cm

Въ 1798 г., къ празднику Рождества Христова, кн. Юсуповъ въ числѣ прочихъ вещей поднесъ Императору столовый кобальтовый сервизъ съ бисквитнымъ филе, [73] состоявшимъ изъ храма Аполлона съ статуэткой бога, двухъ аллегорическихъ группъ, каждая изъ двухъ фигуръ, изображавшихъ плодородіе, трехъ группъ морскихъ нимфъ и двухъ фигуръ, изображавшихъ весталокъ — одна съ жертвенникомъ, а другая „съ купидономъ“. [74]

Въ концѣ 1800 г. заводу былъ данъ высочайшій заказъ на пять сервизовъ. Изъ нихъ успѣли отчасти выполнить два: одинъ на 8 персонъ съ итальянскими видами, съ бортами, орнаментированными цвѣтами по золотому полю; второй — на 20 персонъ „съ букетами мелкихъ розановъ и съ золотыми рантами“.[75] Сохранившійся въ музеѣ Зимняго дворца такъ называемый юсуповскій сервизъ (табл. VI) одного типа съ сервизомъ на 8 персонъ, такъ какъ на вещахъ этого сервиза изображены виды итальянскихъ мѣстностей и зданій,[76] однако не тождественъ съ нимъ. Изъ другихъ сервизныхъ приборовъ заслуживаютъ упоминанія: дежене съ видами итальянскихъ крѣпостей съ птичьяго полета, съ богатымъ орнаментомъ изъ рельефныхъ арабесковъ, исполненныхъ золотомъ, поднесенное Императору 20 сентября 1799 г., въ день его рожденія[77] и сохраняемое въ настоящее время въ Гатчинскомъ дворцѣ (рис. 163, 164); затѣмъ дежене, стоимостью въ 1.000 рублей, высочайше пожалованное любимцу Государя графу Ивану Павловичу Кутайсову, въ 1800 году.[78]

Стр. 108, 109.

Рис. 168. Тазъ, б. м., дл. $7\frac{3}{4}$ в. (Павл Дв.)
Cuvette, l. 34 cm

Одинъ изъ столовыхъ сервизовъ, заказанныхъ Императоромъ для личнаго употребленія, украшенный видами Михайловскаго замка, поданъ былъ къ Высочайшему столу впервые за ужиномъ 11 марта 1801 г.[79]

Всѣ эти сервизы, дѣланные по особымъ повелѣніямъ Императора Павла Петровича, носятъ своеобразный характеръ, отличающій ихъ отъ подобныхъ сервизовъ, заказанныхъ Императрицею Екатериною II. Отличительный характеръ послѣднихъ тѣсная связь изображаемыхъ сюжетовъ съ личностью Императрицы или событіями ея царствованія; отличительная черта заказовъ Императора Павла Петровича — связь съ впечатлѣніями, почерпнутыми изъ его путешествія по Европѣ, особенно по Италіи.

Вторая особенность сервизовъ Императора Павла Петровича — немногочисленность приборовъ: это не грандіозные сервизы Императрицы Екатерины II; они разсчитаны на тѣсный кругъ: на 8, 14, 20 персонъ.[80] Это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру интимной жизни Императора.

Въ отношеніи формъ, сервизы времени Императора Павла Петровича находятся въ самой тѣсной преемственной связи съ лучшими сервизами эпохи Императрицы Екатерины II. Это съ наглядностью доказывается сравненіемъ сервизовъ: арабесковаго, яхтинскаго и ка-

Стр. 108.

Рис. 169. Кувшинъ, б. м., в. $6\frac{3}{8}$ в (Павл. Дв.).
Aiguière, h. 28,5 cm.

Стр. 107.

Рис. 170. Чашка съ крышкою, м. Π, д. 3^1. в. (Имп. Зав.).
Tasse, d 15,5 cm.

бинетскаго съ юсуповскимъ (табл. VI). Тѣ же формы наблюдаются и на частяхъ другихъ столовыхъ сервизовъ, сохранившихся въ различныхъ частныхъ коллекціяхъ (рис. 148, 149, 175 и бутылочникъ изъ колл. Reynolds[76]).

Измѣненія, которыя можно наблюдать на формахъ сервизовъ времени Императора Павла Петровича, заключаются въ постепенномъ упрощеніи и выпрямленіи линій, въ бо́льшемъ приближеніи контуровъ къ правильнымъ геометрическимъ поверхностямъ, отчего отъ этихъ формъ и линій начинаетъ вѣять сухостью.

Стремленіе къ выпрямленію линіи рѣзче всего выступаетъ на мелкихъ сервизныхъ вещахъ: чайныхъ, кофейныхъ и шоколадныхъ чашкахъ, чайникахъ, кофейникахъ, молочникахъ и т. п. (рис. 146, 147, 171, 172, 173). Напримѣръ, чашки „стаканчиками", которыя уже при Императрицѣ Екатеринѣ II стали входить въ употребленіе, но еще чередовались съ чашками прежняго образца „розанами", при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ выдѣлывались преимущественно.[81]

Съ чашками „стаканчикомъ" гармонировали такой же цилиндрической формы чайники, маслянки и др. вещи (рис. 150, 164, 166).

Встрѣчаются и другія формы чашекъ (рис. 170), болѣе напоминающія классическія формы (такъ наз. чашки „антикъ фасонъ").[82] Подъ тѣмъ же вліяніемъ античныхъ сосудовъ появились кофейники и молочники высокіе и узкіе, съ вытянутой овальной средней частью, цилиндрической продолговатой шейкой и острымъ носикомъ (рис. 157, 159, 164). Тѣ же вытянутыя формы на предметахъ, не имѣющихъ шейки, превратились въ шлемообразныя (напр. рис. 159). Совсѣмъ исчезли изъ производства табакерки и подобныя мелочи. По прежнему выдѣлывались фарфоровыя яйца, которыя подносились Его Величеству въ день св. Пасхи (рис. 158).[83] Фабриковались зеркальныя рамы (рис. 162), фарфоровые часы, канделябры, чернильницы;[84] эти вещи часто не были однородны по матеріалу: составлялись изъ фарфоровыхъ глазурованныхъ и бисквитныхъ частей, мрамора и бронзы.

Стр. 107, 109.

Рис. 171. Чашка, в. $1^1/_4$ в., блюдце, д. 3^1. в. м. Π, (колл. Е. В. Всеволожскаго)
Tasse, h. 5,5 cm.; soucoupe, d. 14 cm

Рис. 144 представляетъ глазурованный фарфоровый большихъ размѣровъ письменный приборъ, составляющійся изъ четырехъ отдѣльныхъ частей, предназначавшійся, какъ можно судить по обелиску, увѣнчанному императорской короной и вензелевымъ иниціаломъ Императора Павла I, для личнаго употребленія Государя.

Заслуживаетъ особеннаго упоминанія туалетный приборъ, Высочайше заказанный 18 февраля 1801 года для Императрицы Маріи Θеодоровны.[75] Этотъ туалетъ задуманъ былъ по образцу роскошнѣйшаго туалета Маріи Антуанеты, подареннаго королевой Великой Княгинѣ Маріи Θеодоровнѣ въ бытность ея и Павла Петровича, тогда еще Великаго Князя, въ Парижѣ.[85]

Князь Юсуповъ приказалъ для образца сдѣлать прежде всего два умывальника: одинъ кобальтовый, а другой зеленый.

Императору Павлу не пришлось увидѣть царственный подарокъ супругѣ. Туалетъ былъ оконченъ въ царствованіе Императора Александра Павловича и теперь, съ добавленіемъ сервиза tête-à-tête, находится въ Большомъ Павловскомъ дворцѣ (рис. 165—167).

Туалетъ зеленаго цвѣта и отличается художественною работою. Большинство вещей додѣланы въ царствованіе Императора Александра I и носятъ марку этого царствованія; умывальникъ, который, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и документы, былъ сдѣланъ еще при жизни Императора Павла Петровича, носитъ его марку.

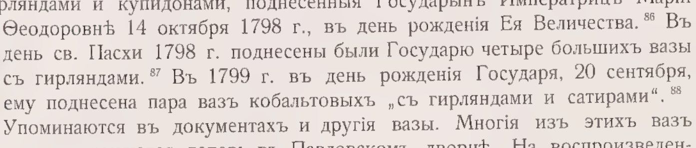

Стр. 107, 109

Рис. 172. Чашка, м. Л, в. 2 в. (колл. П. И. Щукина) Tasse, h. 9 cm.

Въ томъ же Павловскомъ дворцѣ сохранился и кобальтовый умывальный приборъ (тазъ и кувшинъ), сдѣланный по приказу князя Юсупова для пробы (рис. 168, 169).

Большія декоративныя вазы, появившіяся уже въ прошломъ царствованіи, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ были обычнымъ явленіемъ въ производствѣ Императорскаго завода, такъ какъ ихъ обязательно подносили Государю въ опредѣленные сроки. Напримѣръ, въ документахъ упоминаются двѣ кобальтовыя вазы съ гирляндами и купидонами, поднесенныя Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ 14 октября 1798 г., въ день рожденія Ея Величества.[86] Въ день св. Пасхи 1798 г. поднесены были Государю четыре большихъ вазы съ гирляндами.[87] Въ 1799 г. въ день рожденія Государя, 20 сентября, ему поднесена пара вазъ кобальтовыхъ „съ гирляндами и сатирами“.[88] Упоминаются въ документахъ и другія вазы. Многія изъ этихъ вазъ сохраняются теперь въ Павловскомъ дворцѣ. На воспроизведенныхъ вазахъ (рис. 151, 152, 153) времени Императора Павла Петровича, нетрудно замѣтить близкое родство ихъ формъ съ формами вазъ Императрицы Екатерины II. Видно, однако, большее вліяніе антиковъ, которое засвидѣтельствовано и сдѣланными на Императорскомъ заводѣ въ 1796 году „черными глиняными вазами“:[89] несомнѣнно, это вазы, исполненныя по образцу этрусскихъ терракотовыхъ.

Стр 107, 109.

Рис. 173. Чашка, в. 2 в, блюдце, д. 3¹/з в., м. Л, (колл. кн. А. С. Долгорукаго). Tasse, h. 9 cm., soucoupe, d. 14,75 cm.

Знаменательно, однако, что въ то же время сохранялась традиція, характерная для одной части издѣлій еще времени Императрицы Елисаветы дѣлать вещи по китайскимъ образцамъ. Упоминаются, напр., „китайскія вазы“ или вазы „на китайскій фасонъ безъ ручекъ“.[90] Это явленіе — дань китайскому искусству, которая всегда и вездѣ, въ большей или меньшей степени, сознательно или безсознательно приносится европейскими керамистами.

При Императорѣ Павлѣ фарфоровый заводъ выдѣлывалъ и столы, причемъ пласты не отличались значительными размѣрами.

Выдѣлка куколъ и другихъ чисто скульптурныхъ вещей на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ продолжалась втеченіе всего времени 1796—1801 г.: объ этомъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся документы. Напримѣръ, въ концѣ 1796 г. для императорскаго театра былъ сдѣланъ фарфоровый верблюдъ.[91] При посѣщеніи завода Государыней въ сопровожденіи эрцгерцога австрійскаго Іосифа были отправлены во дворецъ для подарковъ Великимъ Князьямъ: Николаю Павловичу шесть куколъ-рейтаровъ, а Михаилу Павловичу шесть гусаровъ.[92] Эрцгерцогу же, въ числѣ прочихъ вещей, была поднесена небольшая группа: „геніи представляютъ художество“, и филе изъ „бисквитовыхъ національныхъ фигуръ“, представлявшихъ 1) деревенскихъ игроковъ, 2) шаманку, 3) коряка и 4) 18 куколъ, изображавшихъ

Стр. 109.

Рис. 174. Чашка, в. 1¹/₂ в. блюдце, д. 3 в., м. Л, (Зимн. Дв.). Tasse, h. 6,75 cm.; soucoupe, d. 13,5 cm.

народы Россіи.[92] Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во время другихъ посѣщеній завода, высокопоставленнымъ лицамъ раздавались фарфоровые медальоны съ изображеніемъ Государя и Государыни.

Тѣмъ не менѣе, фигуръ времени Императора Павла Петровича сохранилось сравнительно мало, такъ какъ и выдѣлывали ихъ, за исключеніемъ бюстовъ Императора (рис. 145, 160), мало, больше по прежнимъ формамъ (рис. 154), и никогда не подносили ко Двору (за исключеніемъ сервизныхъ филе). По этой же причинѣ тѣ фигуры, которыя сохранились въ настоящее время (рис. 155, 156), въ художественномъ отношеніи уступаютъ произведеніямъ времени Императрицы Екатерины II.

Рашетъ состарѣлся и ничего новаго уже не давалъ. Изъ другихъ моделей заслуживали нѣкотораго вниманія только работы скульптора Цельнера.[93]

ЖИВОПИСЬ.

Живопись при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ окончательно приняла орнаментный характеръ: фигурная живопись (рис. 165, 166, 167, 171), преимущественно миніатюрная, хотя отличалась большими достоинствами, но примѣнялась сравнительно рѣдко.[94] Ландшафтъ почти всегда въ медальонахъ, связанныхъ съ орнаментомъ, и изображаетъ виды извѣстныхъ мѣстностей и зданій (рис. 148, 163, 164, 168, 171, 172, 175).[95] Только вещи, назначенныя для личнаго употребленія Государя: дежене, чашки чайныя и шоколадныя, иногда украшались или Императорскимъ вензелемъ подъ короной, или государственнымъ гербомъ[96] (рис. 146, 147, 161, 173, 174, 176); на этихъ же вещахъ изображались силуэты особъ Императорской Семьи (рис. 151, 152, 153).

Стр. 107, 109.

Рис. 175. Бутылочникъ, м. П, в. 4 в (коллекція П. И. Щукина). Glacière, h. 18 cm.

Въ орнаментной живописи большую роль сталъ играть сплошной фонъ съ широкимъ примѣненіемъ кобальта.[97] Нельзя не видѣть въ такомъ стремленіи покрывать весь фонъ кобальтомъ вліянія издѣлій pâte tendre Севрскаго завода. Этому же вліянію слѣдуетъ приписать и введеніе въ палитру краски бирюзоваго цвѣта.[98]

Сплошной фонъ не ограничивался, однако, кобальтомъ; пользовались и другими красками: желтой,[92] пурпурной,[92] наконецъ золотомъ. Напримѣръ, вещи дежене, поднесеннаго эрцгерцогу Іосифу 28 Февраля 1799 г., были вызолочены сплошь.[92] Изобиліе золота слѣдуетъ приписать или традиціи періода Императрицы Елисаветы Петровны, или своеобразному вкусу, который только позднѣе сдѣлался моднымъ въ Западной Европѣ: сплошнымъ золоченіемъ Севръ сталъ злоупотреблять значительно позже — во времена Второй Имперіи.[99] Впрочемъ, сплошной золотой фонъ старались облегчать расцыровкой и гравированіемъ (рис. 163, 164).[100]

Орнаментъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, можно раздѣлить прежде всего на два типа: цвѣточный и арабесковый.

Различіе цвѣточнаго орнамента (въ видѣ пальметокъ на нижней части вазъ (рис. 151, 152, 153), гирляндъ (рис. 152, 153) и въ особенности широкихъ лентъ (рис. 175, 176, табл. VI) изъ розъ и другихъ цвѣтовъ на золотомъ или иномъ фонѣ) отъ встрѣчающагося на вещахъ эпохи Императрицы Екатерины II заключается въ меньшей густотѣ цвѣтовъ. Встрѣчается орнаментъ изъ виноградныхъ листьевъ; такимъ орнаментомъ были украшены борты пурпурныхъ вазъ, поднесенныхъ эрцгерцогу Іосифу.[92]

Сохранялись иногда и разсѣянные по всему полю мелкіе цвѣты (рис. 158, 159).

Цвѣточный орнаментъ, стилизируясь и становясь одноцвѣтнымъ, приближается къ арабескамъ и въ видѣ, большею частью, лавровыхъ вѣнковъ, гирляндъ и полосокъ, харак-

терныхъ для стиля Людовика XVI и Первой Имперіи, употребляется вмѣстѣ съ арабесками (рис. 147, 148 и др.).

Арабесковый орнаментъ въ свою очередь распадается на два вида: 1) орнаментъ изъ сильно стилизированныхъ цвѣточныхъ завитковъ (рис. 168, 169 и др.) большею частью тянется по контурамъ широкой лентой, иногда же захватываетъ всю свободную поверхность, какъ напр., на дежене Гатчинскаго дворца, гдѣ орнаментъ составленъ изъ стилизированныхъ виноградныхъ листьевъ, выполненныхъ рельефнымъ золотомъ (рис. 163, 164); 2) арабески изъ геометрическихъ фигуръ, прямыхъ, ломанныхъ линій и зигзаговъ, (рис. 157, 161, 170, 171, 173). Восходя по времени возникновенія также къ эпохѣ Императрицы Екатерины II, этотъ видъ орнамента является слѣдствіемъ вліянія итало-эллинскаго орнаментнаго искусства (раскопки Геркуланума).

Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединеніе на одной вещи орнаментовъ различныхъ типовъ слѣдуетъ приписать невнимательному отношенію къ производству и, можетъ быть, пользованію при живописныхъ работахъ печатными образцами непосредственно исполнителями, вмѣсто составленныхъ опытнымъ рисовальщикомъ самостоятельныхъ композицій, особыхъ для каждой вещи, главнымъ же образомъ отсутствію солидной художественной подготовки у заводскихъ рисовальщиковъ. [101]

Стр. 109

Рис. 176. Блюдо, м. П, д. $6\frac{1}{4}$ в (коллекція князя А. С. Долгорукаго).
Plat, d. 27,5 cm

р 141

Рис. 177. Зеленый туалетъ Императрицы Маріи Θеодоровны, б. м., в. зеркала $20\frac{3}{4}$ в. (Павл. Дв.).
Toilette de l' Impératrice Marie Féodorowna, h. 92 cm.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

ПЕРЕДАЧА ЗАВОДА ВЪ ВѢДОМСТВО КАБИНЕТА Е. И. В. — НОВЫЕ ШТАТЫ, ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЗАВОДА. — БЫТЪ РАБОЧИХЪ.

Императоръ Александръ I, по словамъ его великой бабки, очень рано обнаружилъ интересъ къ фарфоровому заводу. Въ письмѣ къ своему корреспонденту барону Гримму, отъ 30 сентября 1782 года, [1] Императрица Екатерина пишетъ: „Нынче осенью ему (Александру) пришла охота смотрѣть фарфоровую фабрику и арсеналъ. Рабочіе и офицеры были озадачены его вопросами, его любознательностью, вниманіемъ и, вдобавокъ, вѣжливостью: ничто не ускользаетъ отъ этого мальчугана, которому нѣтъ еще пяти лѣтъ.“

Когда впослѣдствіи мальчуганъ выросъ и черезъ 19 лѣтъ сдѣлался Императоромъ, фарфоровый заводъ точно также не былъ оставленъ его вниманіемъ: Императоръ много сдѣлалъ для его развитія, несмотря на весьма неблагопріятныя политическія условія, отвлекавшія вниманіе правительства отъ развитія внутренней жизни государства.

Въ исторіи Императорскаго фарфороваго завода періодъ Императора Александра I отличается замѣчательной цѣльностью, какъ въ административномъ отношеніи, такъ и въ художественномъ направленіи. Этому способствовало, въ особенности, то обстоятельство, что втеченіе почти всего царствованія Императора Александра I во главѣ завода стояло неизмѣнно одно и то же лицо: Д. А. Гурьевъ.

Первый годъ послѣ смерти Императора Павла Петровича фарфоровый заводъ оставался подъ управленіемъ прежняго его начальника князя Юсупова. Но въ то время, какъ отношенія между послѣднимъ и Императоромъ Павломъ носили характеръ личнаго довѣрія, подкрѣпляемаго единствомъ художественныхъ впечатлѣній, пережитыхъ во время путешествія по Европѣ графа Сѣвернаго, Императоръ Александръ I, хотя и цѣнилъ кн. Юсупова, но принадлежалъ къ другому поколѣнію, съ другими взглядами. Дѣлая свои представленія чрезъ посредство третьихъ лицъ, кн. Юсуповъ, естественно, не могъ чувствовать себя полнымъ хозяиномъ и направлять ходъ дѣлъ согласно своимъ желаніямъ.

Стр. 141.
Рис. 178. Императрица Елисавета Алексѣевна, б. м., в. 6 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
L'Impératrice Elisabeth, h. 26,5 cm.

Первое же распоряженіе кн. Юсупова, касавшееся фарфороваго и стекляннаго заводовъ, потерпѣло неудачу. Съ уходомъ Фигнера въ отставку, осталось вакантнымъ мѣсто лица, завѣдывавшаго Императорскими фарфоровымъ и стеклянным заводами. Князь Юсуповъ на это мѣсто предполагалъ назначить правителя канцеляріи Департамента Удѣловъ, статскаго совѣтника Эмина и ходатайствовалъ о присвоеніи послѣднему званія управляющаго Императорскими фарфоровымъ и стеклянным заводами, одновременно съ назначеніемъ товарищемъ министра Департамента Удѣловъ.

Юсуповъ не могъ сдѣлать своего представленія лично Государю, а просилъ объ этомъ любезнымъ письмомъ пользовавшагося въ это время расположеніемъ Государя Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго.[2] Трощинскій отвѣтилъ князю Юсупову сухимъ официальнымъ сообщеніемъ:[3] „Государь Императоръ отозваться соизволилъ, что положилъ себѣ правиломъ, дабы въ распредѣленіи мѣстъ и должностей никто не пользовался двойнымъ окладомъ“. Кн. Юсупову повелѣно было вмѣсто Эмина выбрать на вакантную должность, по своему усмотрѣнію, кого-либо изъ отставныхъ штабъ-офицеровъ.

Кн. Юсуповъ, видимо, былъ огорченъ неудачей своего ходатайства и написалъ[4] Трощинскому, что такъ какъ онъ самъ имѣетъ надъ заводами главную дирекцію и самъ за всѣмъ смотритъ, то должность управляющаго Императорскими заводами совершенно лишняя и поручена была Фигнеру только потому, что тотъ раньше долго завѣдывалъ стекляннымъ заводомъ. Предлагая должность управляющаго обоими заводами замѣнить двумя отдѣльными для каждаго завода инспекторами, съ жалованьемъ по 1000 рублей каждому, кн. Юсуповъ отказывался назначать кого-либо на эти должности и препроводилъ Трощинскому списокъ рекомендованныхъ ему лицъ на усмотрѣніе Государя. Для должности инспектора фарфороваго завода Государь остановилъ свой выборъ на отставномъ надворномъ совѣтникѣ Александрѣ Морсочниковѣ.[5]

Вскорѣ послѣ назначенія на Императорскіе заводы инспекторовъ, послѣдовали большія перемѣны въ судьбѣ заводовъ: въ іюнѣ 1801 г. генералъ-прокуроръ Беклешовъ отношеніемъ сообщилъ кн. Юсупову, чтобы были составлены подробныя свѣдѣнія о фарфоровомъ заводѣ, Гатчинскомъ его отдѣленіи и о С.-Петербургской казенной фаянсовой фабрикѣ и доставлены члену Высочайшаго Совѣта Трощинскому.[6]

То обстоятельство, что кн. Юсуповъ долженъ былъ доставить свѣдѣнія Трощинскому, какъ будто указываетъ, что именно послѣдній былъ вдохновителемъ тѣхъ преобразованій и перемѣнъ въ судьбѣ завода, которыя вскорѣ за тѣмъ послѣдовали.

Перемѣны касались не одного фарфороваго завода съ его отдѣленіемъ въ Гатчинѣ, но одновременно и фаянсовой фабрики, стекляннаго завода и шпалерной мануфактуры. 21-го сентября 1802 года послѣдовалъ именной указъ,[7] объявленный тѣмъ же Трощинскимъ, о принятіи въ вѣдомство Кабинета Его Величества всѣхъ перечисленныхъ учрежденій. Въ этомъ указѣ, установившемъ въ первый разъ точно и законосообразно государственное положеніе упомянутыхъ заводовъ и мануфактуръ и передававшемъ ихъ въ вѣдомство центральнаго учрежденія, не слѣдуетъ усматривать случайное явленіе, вызванное личной волей Императора или вліяніемъ чьихъ-либо (напр., Трощинскаго) внушеній: этотъ указъ есть логическое слѣдствіе начавшейся давно уже реформы общей системы управленія, реформы, состоявшей въ переходѣ отъ московской системы независимыхъ одинъ отъ другого приказовъ къ современной системѣ центральныхъ государственныхъ учрежденій.

Рис. 179. Императоръ Александръ I, б. м., в. 9 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
L'Empereur Alexandre I, h. 40 cm.

Прежній способъ управленія Императорскими заводами, находившимися въ полномъ вѣдѣніи отдѣльныхъ лицъ, спеціально избранныхъ Государемъ, былъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, послѣднимъ пережиткомъ старой системы, являлся анахронизмомъ въ моментъ завершенія централизаціи при учрежденіи министерствъ и не могъ сохраниться, каковы бы ни были взгляды на это дѣло отдѣльныхъ лицъ.

При передачѣ Императорскаго фарфороваго завода въ вѣдомство Кабинета Е. И. В., были составлены описи, вѣдомости, отчеты, которые даютъ возможность судить о состояніи, въ какомъ Кабинетъ принялъ заводъ въ свое вѣдомство.[8] Активъ завода простирался до 455.706 р. $25^{1}/_{2}$ к., пассивъ до 98.619 р. $18^{1}/_{4}$ к. Такимъ образомъ, чистый капиталъ завода опредѣлялся къ 21 сентября 1802 года въ 357.087 р. $7^{1}/_{4}$ к., а съ присоединеніемъ сюда 20.748 р. $69^{1}/_{4}$ к. по Гатчинскому отдѣленію, въ 377.835 р. $76^{1}/_{2}$ к.[9]

Всѣхъ служащихъ и рабочихъ на заводѣ, ко дню перехода въ вѣдомство Кабинета, было до 250 человѣкъ.

Переходъ завода въ новое вѣдомство, естественно, долженъ былъ сопровождаться его реорганизаціей. Важно было поэтому, кто приметъ надзоръ за всѣмъ дѣломъ, и насколько такой надзоръ окажется удобоисполнимымъ и дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ. Послѣднее условіе было особенно важно, такъ какъ зависимость отъ казеннаго учрежденія могла угрожать успѣшному дѣйствію завода въ случаѣ, если бы надзоръ Кабинета выра-

зился исключительно въ формѣ канцелярскаго производства, нерѣдко отвлекающаго отъ болѣе существенныхъ заботъ.

Управляющимъ Кабинетомъ Его Величества въ это время былъ назначенъ д. т. с. (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, занимавшій позднѣе также должности министра финансовъ и министра удѣловъ.[10] Это былъ человѣкъ не неопытный въ коммерческихъ операціяхъ, хотя далеко не столь компетентный въ вопросахъ искусства, какъ кн. Юсуповъ.

Ознакомившись съ положеніемъ фарфороваго завода, Гурьевъ немедленно приступилъ къ систематической реорганизаціи его, начавъ при этомъ съ матеріальнаго положенія, какъ основы всего дѣла.

Гурьеву не могло прежде всего не броситься въ глаза отмѣченное выше образованіе залежи фарфороваго товара, накоплявшейся годами отъ огромнаго перевѣса выработки надъ спросомъ. Запасъ росъ съ каждымъ годомъ, оставаясь мертвымъ капиталомъ, загромождавшимъ кладовыя завода. Гурьевъ въ ноябрѣ 1802 года представилъ на Высочайшее Имя докладъ,[11] объясняя, что значительные запасы готовыхъ вещей „съ давняго времени не поступаютъ въ продажу, по старинному ихъ фасону и недовольно хорошей обработкѣ", и испросилъ Высочайшее соизволеніе продать часть такихъ вещей (на 52 тыс. руб.)[12] съ публичнаго торга даже ниже ихъ стоимости.

Освобождая заводскіе магазины отъ залежи, Гурьевъ принялъ одновременно мѣры къ освобожденію завода и отъ непроизводительныхъ затратъ и убыточныхъ операцій.

Значительныя суммы поглощало Гатчинское отдѣленіе завода, безъ какой-либо надежды на возвращеніе. Гурьевъ рѣшилъ уничтожить Гатчинскую фабрику. „Она — писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ —[13] стоитъ 41.621 р. 19½ к., кромѣ ежегодно отпускаемой суммы на жалованье ея мастеровыхъ, доставила съ того времени всѣхъ сдѣланныхъ ею вещей на 13.552 р. 79½ к., изъ числа которыхъ продано понынѣ только на 2.737 руб. Разсматривая причины столь невыгодной продажи, отношу оныя къ тому, что всѣ нужные для фабрики матеріалы доставляются съ фарфороваго завода, къ чему потребны большія издержки, какъ и на привозъ оттуда готовыхъ вещей. Сообразно сему раскладываются на нихъ цѣны, которыя, въ сравненіи съ прочими на заводѣ дѣлаемыми вещами, гораздо лучшей обработки, обходятся еще дороже."

Докладъ Гурьева Высочайше конфирмованъ 19 ноября 1802 г., и Гатчинская фабрика была уничтожена: людей, со всѣми принадлежавшими фабрикѣ матеріалами и инструментами, перемѣстили на фарфоровый заводъ, а занимаемое фабрикой строеніе, съ которымъ Кабинетъ не зналъ, что дѣлать, было отдано Гатчинскому городовому правленію.[14]

По второму Высочайше конфирмованному докладу Гурьева, отъ того же 19 ноября, была уничтожена и фаянсовая фабрика, а мастеровые ея были присоединены частью къ стеклянному, частью къ фарфоровому заводу.[15]

Для реорганизаціи завода необходимы были указанія и совѣты человѣка, компетентнаго какъ въ керамической техникѣ, такъ и, вообще, въ вопросахъ художественной промышленности. Такого человѣка Гурьевъ нашелъ въ лицѣ надв. сов. профессора Франца Ивановича Гаттенбергера.[16]

Въ 1803 г. Гурьевъ поручилъ Гаттенбергеру подробно осмотрѣть фарфоровый заводъ и дать свое заключеніе о необходимыхъ измѣненіяхъ какъ въ администраціи завода, такъ и въ технической и художественной частяхъ.

Гаттенбергеръ весьма внимательно отнесся къ своей задачѣ: онъ представилъ Гурьеву обширный докладъ,[17] въ которомъ подробно описывались отдѣльныя части заводского производства, съ критическими замѣчаніями на существовавшіе порядки и съ указаніемъ мѣръ, необходимыхъ для приведенія завода въ такое состояніе, чтобы онъ могъ усвоить современную технику и въ дальнѣйшемъ развитіи съ успѣхомъ преслѣдовать какъ художественныя, такъ и коммерческія цѣли.

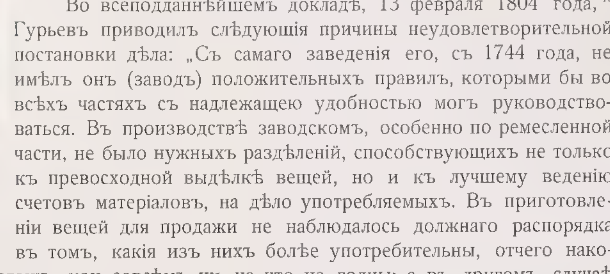
Ревизія Гаттенбергера обнаружила нѣкоторые неприглядные факты какъ въ порядкахъ администраціи, такъ и въ техникѣ; чисто художественная сторона дѣла была тоже не вполнѣ на должной высотѣ. Все это результаты, главнымъ образомъ, застоя послѣднихъ лѣтъ, отчасти — результаты ослабленія высшаго надзора и неудачнаго выбора ближайшихъ распорядителей въ лицѣ Фигнера, потомъ Морсочникова.

С.р 1.4

Рис. 180. Ж.-Ф.-К Гаттенбергеръ (Имп. Зав).
J-F.-X. Hattenberger.

Не ограничиваясь докладомъ, Гаттенбергеръ, по порученію Гурьева, написалъ проектъ положенія о заводѣ.[18] Этотъ проектъ легъ, почти безъ измѣненій, въ основу новаго положенія и штата Императорскаго фарфороваго завода.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, 13 февраля 1804 года,[19] Гурьевъ приводилъ слѣдующія причины неудовлетворительной постановки дѣла: „Съ самаго заведенія его, съ 1744 года, не имѣлъ онъ (заводъ) положительныхъ правилъ, которыми бы во всѣхъ частяхъ съ надлежащею удобностью могъ руководствоваться. Въ производствѣ заводскомъ, особенно по ремесленной части, не было нужныхъ раздѣленій, способствующихъ не только къ превосходной выдѣлкѣ вещей, но и къ лучшему веденію счетовъ матеріаловъ, на дѣло употребляемыхъ. Въ приготовленіи вещей для продажи не наблюдалось должнаго распорядка въ томъ, какія изъ нихъ болѣе употребительны, отчего накопилось во множествѣ таковыхъ, кои совсѣмъ ни на что не годны; а въ другомъ случаѣ заготовлено большое количество вещей отдѣльно отъ принадлежащихъ къ нимъ, безъ которыхъ онѣ никогда проданы быть не могутъ. И какъ употребленный на нихъ капиталъ остается посему безъ оборота, то заводъ принужденъ на продаваемыя имъ вещи накладывать большіе проценты, и потому публика не столь охотно покупаетъ ихъ; возвышенію же цѣнъ на оныя способствовало и то, что заводъ, не бывъ въ состояніи за потребные для него матеріалы платить исправно, покупалъ ихъ въ долгъ дороже обыкновеннаго“.

Разбирая безпристрастно указанныя Гурьевымъ причины, вызвавшія затруднительное положеніе завода, нельзя придавать имъ безусловнаго значенія: неумѣнье удовлетворить вкусамъ публики и принаровиться къ требованіямъ рынка, могло играть и, несомнѣнно, играло большую роль въ сокращеніи сбыта издѣлій; можно было бы указать еще одну причину, отбивавшую покупателей, причину, которая была замѣчена и поставлена заводской конторѣ на видъ еще кн. Юсуповымъ, именно — неаккуратность завода, не исполнявшаго въ сроки частныхъ заказовъ.[20] Что касается покупки у поставщиковъ различныхъ матеріаловъ не на наличныя, а въ долгъ, по болѣе высокимъ противъ нормальныхъ цѣнамъ, то такой порядокъ былъ свойственъ всѣмъ казеннымъ учрежденіямъ, при томъ заводъ не задерживалъ денегъ слишкомъ долго, какъ бывало въ другихъ учрежденіяхъ; кромѣ того, нерѣдко, по давно заведенному обычаю, заводъ выдавалъ подрядчикамъ часть денегъ впередъ.[21] Наконецъ, упрекъ, что заводъ съ самаго своего основанія не имѣлъ „положительныхъ правилъ“, можетъ быть принятъ лишь съ оговорками: распорядокъ и устройство завода, дѣйствительно, не были до сихъ поръ строго опредѣлены на бумагѣ, напр., Высочайше конфирмованный докладъ Щепотьева 1765 г. оставлялъ многіе вопросы открытыми, не входилъ въ детали. Но, въ дѣйствительности, еще при кн. Вяземскомъ, а также при кн. Юсуповѣ установлены были достаточный порядокъ въ управленіи заводомъ и вполнѣ удовлетворительное раздѣленіе различныхъ частей производства. Но Гурьеву надо было оправдать задуманныя реформы, сдѣлавшіяся необходимыми по причинамъ, о которыхъ, можетъ быть, ему неудобно было упоминать.

Для того, чтобы расчистить почву для новаго положенія о заводѣ и создать условія, при которыхъ новые порядки могли бы свободно развиваться и обнаружить свои резуль-

таты, независимо отъ вліянія результатовъ прошлаго режима, Гурьевъ въ упомянутомъ докладѣ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на осуществленіе, до введенія въ дѣйствіе новаго положенія, слѣдующихъ предварительныхъ мѣръ: переоцѣнки всего фарфороваго запаса, принимая во вниманіе обезцѣненіе его вслѣдствіе выхода изъ моды; выдачи изъ Кабинета Его Величества заимообразно на 5 лѣтъ 20.000 рублей для производства необходимыхъ починокъ и перестроекъ заводскихъ зданій, которыя успѣли уже значительно обветшать; сложенія съ завода долговъ за прежніе годы какъ Кабинету, такъ и стеклянному заводу, въ суммѣ болѣе 78 тысячъ рублей; уничтоженія мраморной мастерской, которая не имѣла къ дѣятельности фарфороваго завода прямого отношенія и не приносила никакой прибыли; уничтоженія заводской гимназіи. Докладъ Гурьева былъ Высочайше утвержденъ 13 февраля 1804 года вмѣстѣ съ новымъ положеніемъ и штатами.

Авторъ новаго положенія стремился, съ одной стороны, провести точное разграниченіе между хозяйственной (или административной) и ремесленной частями завода, съ другой—предоставить лицу, на отвѣтственности котораго будетъ все дѣло, возможно большую свободу дѣйствій, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ сторонахъ дѣла, которыя соприкасаются съ коммерческими оборотами.

Въ административномъ отношеніи заводъ раздѣленъ былъ на двѣ независимыя одна отъ другой части: ремесленную и хозяйственную, во главѣ же всего учрежденія долженъ былъ стоять директоръ. Директору принадлежалъ высшій надзоръ за всѣми частями дѣла, онъ являлся лицомъ, отвѣтственнымъ предъ Кабинетомъ, и полнымъ хозяиномъ въ отношеніи мастеровъ и мастеровыхъ и всего завода въ коммерческой его части, т. е. отъ директора зависѣло назначеніе мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ, ихъ награжденіе (впрочемъ, съ утвержденія Кабинета), также разборъ ихъ взаимныхъ распрей и наложеніе взысканій за упущенія и проступки, не подлежавшіе уголовной отвѣтственности; далѣе, пріобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ для производства, мелкія починки и передѣлки совершались также по распоряженію директора; наконецъ, выдѣлка фарфора для продажи предоставлялась въ полную власть директора: „онъ можетъ приготовлять такія вещи (сказано въ положеніи), какія, по предположенію его, скорѣе продадутся, и отъ какихъ заводъ болѣе прибыли получитъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ на директора возлагались обязанности озаботиться и подысканіемъ для издѣлій выгодныхъ рынковъ. Зато по отношенію къ канцелярскимъ чиновникамъ и служителямъ, состоявшимъ при заводѣ, директоръ не пользовался, по положенію, никакою властью, кромѣ извѣстнаго надзора за ихъ дѣятельностью: они назначались на должности распоряженіемъ Кабинета и подчинялись только дисциплинарной власти Кабинета.

Изготовленіе вещей для поднесеній членамъ Императорской Фамиліи, для Высочайшихъ подарковъ, однимъ словомъ всѣхъ вещей, которыя не предназначались для частной продажи, должно было производиться только съ утвержденія Кабинета Его Величества, по представленнымъ отъ директора рисункамъ.

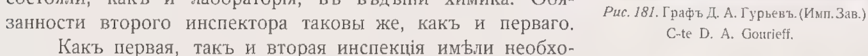
Ремесленная часть завода состояла, въ свою очередь, изъ двухъ инспекцій, во главѣ каждой —по одному инспектору.

Подраздѣленія первой инспекціи были: 1) отдѣленіе для приготовленія матеріаловъ—въ завѣдываніи составщика массы, или мастера секретовъ, въ вѣдѣніи котораго находились и погреба для храненія массы; 2) капсельная мастерская—при ней капсельный мастеръ; 3) магазинъ сырого фарфора—при немъ особый комиссаръ; 4) кобальтовая живопись, для которой назначались три живописца; 5) глазурная мастерская при ней глазурный мастеръ; 6, 7 и 8) горны (первый огонь, второй, или большой огонь и бисквитовый огонь), состоявшіе въ вѣдѣніи горноваго мастера, который имѣлъ надзоръ и за капсельными магазинами; 9) модельмейстерская мастерская съ модельмейстеромъ во главѣ; 10) мастерская для дѣланія формъ—подъ смотрѣніемъ формовщика; 11) мастерская для выдѣлки фигуръ изъ массы—при ней особый мастеръ; 12) лѣпная мастерская, въ которой выдѣлывались какъ посуда,

такъ и другія вещи, которыя по своимъ формамъ неудобны для обработки на токарномъ станкѣ; здѣсь же дѣлались на вещахъ орнаментальныя, прорѣзныя и другія подобныя украшенія; при этой мастерской состоялъ мастеръ лѣпщикъ (формовщикъ); 13) токарная мастерская для точки вазъ и посуды; при мастерской — мастеръ токарь; 14) магазинъ бѣлаго фарфора — въ вѣдѣніи особаго комиссара; 15) шлифовальная мастерская — при ней мастеръ для очищенія и полировки бѣлаго фарфора.

Первый инспекторъ долженъ былъ наблюдать за всѣми отдѣленіями своей части и обо всемъ докладывать директору, а въ свободное отъ обычныхъ занятій время ему вмѣнялось въ обязанность самому заниматься „новыми изобрѣтеніями по своей части“ и представлять таковыя на разсмотрѣніе директора.

Въ вѣдѣніи второго инспектора (вторая инспекція) находились: 1) лабораторія съ химикомъ во главѣ; 2) мастерская живописи- при ней мастеръ живописи; 3) муфеля для обжиганія красокъ и живописнаго фарфора, которые состояли, какъ и лабораторія, въ вѣдѣніи химика. Обязанности второго инспектора таковы же, какъ и перваго.

Стр. 114

Рис. 181. Графъ Д. А. Гурьевъ. (Имп. Зав.)
C-te D. A. Gourieff.

Какъ первая, такъ и вторая инспекція имѣли необходимое число канцелярскихъ служителей для веденія разсчетныхъ книгъ и переписки.

Хозяйственная часть завода поручалась третьему инспектору, въ вѣдѣніи котораго находились: магазины 1) для матеріаловъ, 2) для дровъ и 3) для уголья, подъ ближайшимъ надзоромъ комиссара матеріаловъ; 4) магазинъ готовыхъ вещей, подъ смотрѣніемъ особаго комиссара; 5) бухгалтеръ; 6) казначей; 7) смотритель за строеніями.

Кромѣ того, инспекторъ матеріальной части управлялъ конторою завода, свидѣтельствовалъ матеріалы и книги, наблюдалъ за своевременнымъ прибытіемъ на работу всѣхъ рабочихъ, получалъ отъ инспекторовъ ремесленной части заявленія о необходимыхъ матеріалахъ, составлялъ списки и смѣты и, съ согласія и разрѣшенія директора, производилъ закупки и заключалъ съ поставщиками контракты.

Такимъ образомъ должность третьяго инспектора была не только хозяйственной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и административной.

Положеніе Гурьева отличается своей стройностью, детальностью и систематичностью, даже излишней для коммерческаго заведенія систематичностью и детальностью.

Новое положеніе о фарфоровомъ заводѣ было дополнено „подробными правилами о порядкѣ отчетности заводской,“ изданными Кабинетомъ Его Величества 24-го декабря 1804 года.

Правила эти стремились ввести коммерческій порядокъ дѣлопроизводства и счетоводство по двойной итальянской системѣ. [22]

Въ Кабинетъ заводъ представлялъ третныя вѣдомости. Въ Кабинетъ отсылались также и бухгалтерскія книги для ревизіи, хотя, кажется, не регулярно, а въ видѣ исключенія. [23]

Кромѣ Кабинета, заводу приходилось по отчетности имѣть дѣло и съ общегосударственными учрежденіями, напр., первая экспедиція государственныхъ доходовъ требовала представленія ежемѣсячныхъ вѣдомостей, [24] а доходы одно время отсылались въ остаточное казначейство. [25]

Новый штатъ былъ введенъ еще до его утвержденія, [26] но чрезъ два года Гурьевъ, чтобы облегчить содержаніе завода и усилить обороты его капитала, призналъ „необходимымъ сдѣлать уменьшеніе штата заводского и нѣкоторую перемѣну въ самомъ образѣ управленія его.“ По поданной имъ докладной запискѣ, 1-го декабря 1806 г., [27] было Высочайше разрѣшено: 1) должность директора, какъ ненужную, упразднить; 2) ремесленную

Стр 141

Рис. 182. Сервизъ Императрицы Маріи Θеодоровны, м. А, д. подноса $7^7/_8$ в. (Павл. Дв.).
Service à déjeûner de l'Impératrice Marie, d. du plateau 34,5 cm.

часть поручить лишь одному инспектору, назначивъ въ помощь ему модельмейстера; 3) сократить штатъ служащихъ на заводѣ, благодаря чему содержаніе завода исчислялось вмѣсто 53.640 рублей въ 44.740 руб. Самый штатъ 1-го декабря 1806 года отличается еще большею подробностью и детальностью, чѣмъ штатъ 1804 г.

Однако, насколько можно судить изъ сравненія формулярныхъ списковъ служащихъ и мастеровыхъ завода 1804 и 1805 гг. съ такимъ же спискомъ за 1813 г.,[28] штатъ 1806 г. не имѣлъ существеннаго вліянія ни на внутренній порядокъ заводского управленія, ни на распредѣленіе его частей, ни на число мастеровыхъ и служащихъ. Попрежнему въ ремесленной части различались двѣ инспекціи, только начальники этихъ частей перестали именоваться инспекторами, и это званіе осталось за однимъ лишь инспекторомъ хозяйственной части, который въ административномъ отношеніи игралъ собственно роль директора завода. Вслѣдствіе такого характера должности инспектора, въ формулярномъ спискѣ служащихъ и мастеровыхъ завода за 1813 годъ инспекторъ значится „при управленіи заводомъ", а не „по хозяйственной части", какъ напримѣръ въ спискахъ 1804 и 1805 годовъ.

4-го марта 1816 года было издано новое „Положеніе о управленіи Императорскаго фарфороваго завода и взаимной отчетности по всѣмъ частямъ онаго".[29]

По существу, положеніе 1816 года являлось только развитіемъ положенія 1804 г. и приноравливалось къ обстоятельствамъ, сопряженнымъ преимущественно съ выпискою заграничныхъ мастеровъ.

Въ этомъ положеніи изложены инструкціи главнымъ начальникамъ отдѣльныхъ частей завода. Особенно подробно говорится о должности ремесленнаго инспектора, въ вѣдѣніи котораго состояли всѣ мастерскія завода: 1) составленія массы, 2) выдѣлки сырыхъ вещей, 3) модельмейстерская, 4) скульптурная, 5) капсельная, 6) глазурная, 7) обжига бѣлыхъ вещей, 8) составленія красокъ и золота, 9) живописи, 10) золоченія, 11) печатанія и 12) обжига живописныхъ вещей.

Ремесленному инспектору поручался не только надзоръ за матеріальной стороной производства, но и художественное руководство, для чего учреждался совѣтъ изъ обоихъ инспекторовъ и начальниковъ тѣхъ мастерскихъ, чрезъ которыя должны были пройти предполагаемыя къ производству вещи.

Ремесленный инспекторъ обязанъ былъ „стараться, чтобы издѣлія время отъ времени приходили въ совершенство относительно вкуса, легкости формъ и опрятной отдѣлки;" посѣщая возможно чаще мастерскія, онъ долженъ былъ „объяснять начальникамъ ихъ обязанности и мастеровымъ—способы, облегчающіе ихъ работу и дающіе имъ средства къ большей выработкѣ издѣлій." Въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ дѣйствовалъ по сношенію съ хозяйственнымъ инспекторомъ.

Предписанія, данныя въ положеніи модельмейстеру, химику, составщику массы и другимъ мастерамъ и художникамъ, не имѣютъ особеннаго значенія, такъ какъ представляютъ, въ сущности, однообразное требованіе: довести свое дѣло до возможной степени совершенства.

Императорскій фарфоровый заводъ первые годы XIX ст. работалъ съ тѣмъ же личнымъ составомъ, который образовался при Императрицѣ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, но втеченіе царствованія Императора Александра I въ личномъ составѣ завода произошли значительныя перемѣны, коснувшіяся, главнымъ образомъ, заводской администраціи и старшихъ техническихъ служащихъ.

Еще до утвержденія штата 1804 г., именно въ 1803 г., инспекторъ фарфороваго завода Морсочниковъ былъ уволенъ, и были назначены: директоромъ завода профессоръ Гаттенбергеръ и два инспектора: по хозяйственной части — надв. сов. Николай Николаевичъ Бородинъ, служившій раньше на заводѣ бухгалтеромъ, а по ремесленной части — смотритель по живописной палатѣ Александръ Петровичъ Захаровъ. [30]

По утвержденіи штата 1804 года, всѣ указанныя лица остались на своихъ мѣстахъ, только, согласно со штатомъ, ремесленная часть получила еще одного инспектора, иностранца Франца Тибо, который завѣдывалъ бѣлой палатой.

Личный составъ хозяйственной части въ 1804 году состоялъ изъ 22 человѣкъ. [31]

Составъ первой ремесленной части простирался до 61 человѣка; всѣ они были русскіе, за исключеніемъ химика Антона Стана, который, послѣ уничтоженія Гатчинской фабрики, вновь былъ принятъ на заводъ [32] и причисленъ къ первой ремесленной инспекціи, такъ какъ мѣсто въ лабораторіи было уже занято русскимъ мастеромъ Василіемъ Воиновымъ, сыномъ Никиты Воинова, преемника Виноградова.

Стр. 141.

Рис. 183. Бюстъ королевы Маріи Антуанеты, б. м., в. 11½ в. (колл. П. К. Гаттенбергера). Buste de Marie Antoinette, h. 51 cm.

При горнахъ состоялъ прежній мастеръ Гаврила Сергѣевъ. Скульпторъ упраздненнаго мраморнаго отдѣленія Александръ Столѣтовъ былъ оставленъ при заводѣ и первоначально занятъ былъ додѣлкою неоконченныхъ мраморныхъ вещей. Изъ пяти другихъ скульпторовъ: Ф. Собрачева, Ф. Субботина, Т. Захарова, П. Андреева и Н. Козлова два послѣднихъ были вольнонаемные.

Всѣхъ живописцевъ было болѣе 70 человѣкъ, изъ которыхъ 9 человѣкъ вольнонаемныхъ. Большинство живописцевъ, первое время, конечно, принадлежали къ числу лицъ, поступившихъ на заводъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II и Императора Павла Петровича.

Лабораторіей съ муфелями завѣдывалъ втеченіе всего царствованія Императора Александра I и даже позднѣе мастеръ Василій Воиновъ. [33] Первые года у него состоялъ помощникомъ Романъ Неупокоевъ, который въ 1805 году былъ назначенъ помощникомъ мастера для заготовленія массы (мастера секретовъ), а въ 1806 г.—мастеромъ и, подобно Воинову, служилъ еще въ царствованіе Императора Николая Павловича. [34]

Гаттенбергеръ оставался на заводѣ недолго—до 1806 г., еще раньше—въ 1805 г.— уволенъ былъ Тибо. Ихъ должности не были замѣщены, и именно ихъ уходомъ было вызвано измѣненіе штата въ 1806 г., состоявшее въ уничтоженіи обѣихъ должностей. Позднѣе,

Стр. 145.

Рис. 184. Бутылка, м. $\overset{\ast}{A}$, в. $7\frac{1}{8}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Bouteille, h. 31,5 cm.

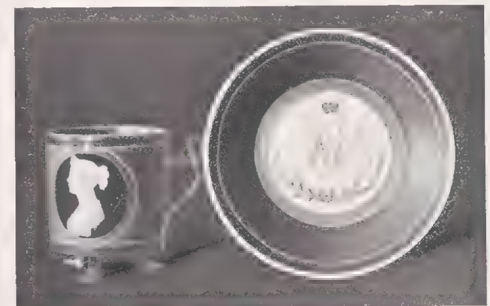
въ 1811 г., когда ушелъ Захаровъ, точно также никому не было дано званіе инспектора ремесленной части. Такимъ образомъ, вся административная часть завода сосредоточилась собственно въ рукахъ Н. Н. Бородина, который оставался хозяйственнымъ инспекторомъ завода до 1817 года: въ этомъ году онъ, за болѣзнью, былъ уволенъ, по прошенію, отъ занимаемой должности и причисленъ къ Кабинету Е. В-ва. [35]

Въ силу Высочайше конфирмованной, 7 января 1817 года, всеподданнѣйшей записки управляющаго Кабинетомъ, управленіе Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ было соединено подъ одной дирекціей, причемъ [36] инспекторъ Императорскаго стекляннаго завода, д. ст. сов. Сергѣй Ивановичъ Комаровъ, [37] былъ назначенъ директоромъ обоихъ заводовъ, въ какой должности оставался до отставки въ 1829 году.

Помощникомъ Комарова былъ назначенъ чиновникъ Кабинета тит. сов. Браунсъ, [38] котораго въ 1824 г. замѣнилъ кол. сов. Случановскій. [39]

Должность помощника директора не имѣла никакого сходства съ прежними инспекторами ремесленной части: это была должность исключительно административная, вѣрнѣе -канцелярская. Вполнѣ административнымъ характеромъ отличалась и власть новаго директора: это былъ администраторъ -и только, и не могъ, конечно, удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись къ директору фарфороваго завода положеніемъ 1804 г.—въ смыслѣ направленія художественной дѣятельности. Несомнѣнно, поэтому, что роль директора Комарова, какъ инспектора Бородина, ограничивалась почти исключительно хозяйственной стороной дѣла, да и въ этомъ отношеніи и Бородинъ, и Комаровъ не имѣли инициативы, а были просто толковыми исполнителями предписаній Кабинета Е. В-ва.

Единственнымъ лицомъ, отъ котораго зависѣло проведеніе всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію матеріальнаго положенія завода и художественнаго значенія его издѣлій, втеченіе всего царствованія Императора Александра I, оставался Гурьевъ. Создавая для завода благопріятныя матеріальныя условія, вводя во всемъ надлежащій порядокъ и планомѣрность, Гурьевъ, однако, главной задачей для себя ставилъ поднятіе качества вырабатываемыхъ издѣлій и усовершенствованіе способовъ производства, не только улучшающихъ качество товара, но и удешевляющихъ выработку.

Стр. 144, 146.

Рис. 185. Чашка, в. $1\frac{3}{4}$ в., блюдце, д. 3 в., б. м. (Имп. Зав.).
Tasse, h. 7,75 cm.; soucoupe, d. 13,5 cm.

Традиціонные способы, установившіеся въ производствѣ на Императорскомъ заводѣ, при его обособленности, во многомъ могли отставать отъ практики западно-европейскихъ заводовъ. Надо было влить въ дѣло новую струю, ввести свѣжіе элементы, которые, конечно, трудно было найти въ Россіи, гдѣ фарфоровое производство находилось тогда въ зачаточномъ еще состояніи. [40] Естественно было поэтому обратиться къ западно-европейскимъ источникамъ и тамъ поискать необходимыхъ людей.

Стр. 116.

Рис. 186. Кофейникъ, м. А, в. 4 в. (Имп. Зав.).
Cafetière, h. 18 cm.

Опредѣленный въ 1804 г. на отвѣтственную должность иностранецъ Францъ Тибо, вѣроятно, оказался человѣкомъ, не подходящимъ для дѣла, такъ какъ его удалили уже черезъ годъ.

Между тѣмъ ближайшее знакомство съ дѣломъ и годовой опытъ дѣйствія заводовъ при новомъ положеніи, особенно болѣе точная отчетность показали Гурьеву, что основа всего производства „бѣлый фарфоръ не токмо не окупаетъ заводскихъ расходовъ, но употребленныя по сему отдѣленію издержки на обжигъ фарфора равняются почти суммѣ, на каковую выходитъ вещей изъ горновъ.“ [41]

Такому явленію могли быть, естественно, два объясненія: или составъ фарфоровой массы былъ неудовлетворителенъ, или горны, капселя и, вообще, все производство работъ по этой части требовало основательной перемѣны.

Усиленные опыты русскихъ мастеровъ хотя и не были совсѣмъ безуспѣшны, но не давали тѣхъ быстрыхъ и положительныхъ результатовъ, которыхъ хотѣлъ Гурьевъ; это заставило послѣдняго обратиться въ Берлинскій королевскій фарфоровый заводъ; оттуда одновременно были выписаны три мастера: арканистъ Шульцъ, механикъ Шрейберъ и обжигальщикъ Зейффертъ. [41]

Изъ нихъ первый арканистъ Шульцъ, произведя многіе опыты, не былъ въ состояніи улучшить фарфоровый составъ сравнительно съ составомъ русскихъ мастеровъ.

Механикомъ Шрейберомъ заводъ воспользовался при устройствѣ толчеи для капсельной толченки.

Наиболѣе полезнымъ оказался обжигальщикъ Фридрихъ Зейффертъ: онъ указалъ на массу недостатковъ при обжигѣ фарфора: неудовлетворительность капселей, неумѣлую посадку, наконецъ на примитивное устройство горновъ, что, въ совокупности, не только вредно отзывалось на качествахъ издѣлій, но и непомѣрно удорожало производство. Зейффертъ былъ оставленъ при заводѣ въ званіи главнаго обжигальщика и прослужилъ до 1815 года. [42]

Стр. 14

Рис. 187. Ваза, б. м., в. 9 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 40 cm.

Кромѣ спеціалистовъ-техниковъ, Гурьевъ старался привлечь на службу на Императорскій заводъ художественныя силы, какъ изъ Россіи, такъ и изъ-за границы.

Съ уходомъ Тибо и Захарова, необходимо было замѣстить ихъ, какъ руководителей модельмейстерской и живописной палатъ. Модельмейстеромъ былъ назначенъ Мунстеръ, [43] въ помощь которому былъ взятъ въ 1807 г. воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ Иванъ Командеръ. [44]

Одновременно съ Командеромъ, былъ принятъ на фарфоровый заводъ другой воспитанникъ Академіи Художествъ Алексѣй Сергѣевичъ Канунниковъ. [45]

Хотя обоими художниками: и Командеромъ, и Канунниковымъ контора завода и Гурьевъ остались, повидимому, довольны, [46] однако, ни Командеръ, ни Канунниковъ не могли вполнѣ удовлетворить Гурьева, желавшаго обставить художественную часть завода безупречно. Поэтому одновременно почти были сдѣланы шаги, чтобы во главѣ какъ скульптурной части (1-я инспекція), такъ и живописной (2-я инспекція) поставить лицъ вполнѣ компетентныхъ.

Скульптора Гурьевъ сталъ искать въ Россіи и остановилъ свой выборъ на адъюнктъ-профессорѣ Академіи Художествъ Степанѣ Степановичѣ Пименовѣ, одномъ изъ выдающихся скульпторовъ времени Императора Александра I, отцѣ болѣе извѣстнаго скульптора Николая Степановича Пименова. [47]

Труднѣе было найти человѣка для управленія живописной частью по той причинѣ, что въ виду особенностей живописи на фарфорѣ, лицо, владѣющее только техникою живописи масляными красками, не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ фарфороваго дѣла. Въ Россіи тогда трудно было найти спеціалиста живописи на фарфорѣ. Пришлось поэтому обратиться за границу.

Художественною живописью на фарфорѣ въ это время славились французскіе мастера: туда и направилъ свои поиски Гурьевъ. Въ 1808 году онъ далъ порученіе ѣхавшему въ Парижъ ст. сов. Лабинскому найти въ Парижѣ двухъ мастеровъ: составщика массы и живописца. Послѣ долгихъ поисковъ Лабинскій рекомендовалъ [48] Гурьеву мастеровъ: Russinger [49] и Adam (или Adams). [50]

Гурьевъ раздумалъ приглашать мастера для составленія фарфоровой массы, вѣроятно, опасаясь, что и Russinger'у не удастся улучшить русскій фарфоръ, какъ не удалось это арканисту Шульцу, да и настоятельной надобности въ такомъ улучшеніи массы не могло быть. Съ Адамомъ же, черезъ посредство того же Лабинскаго, заключенъ былъ контрактъ на 6 лѣтъ. [51] Адамъ обязался: принять на себя должность „главнаго мастера живописи“, писать самому на фарфорѣ, смотрѣть за всѣми живописцами и обучать мастеровыхъ и учениковъ рисовать карандашемъ и писать красками какъ на бумагѣ, такъ и на фарфорѣ; кромѣ того онъ долженъ былъ составлять проекты и рисунки новыхъ моделей. Ему было назначено жалованья по 3 тысячи рублей ассигнаціями въ годъ, при готовой квартирѣ и дровахъ, дано на проѣздъ 3000 ливровъ, но его обязали немедленно уѣхать изъ Россіи, если онъ окажется неспособнымъ для исполненія взятаго на себя дѣла.

Лабинскій въ письмѣ къ Гурьеву высказывалъ надежду, что Адамъ будетъ находкой для завода, и рекомендовалъ его талантливымъ живописцемъ и изобрѣтателемъ формъ въ новомъ стилѣ. Сохранившіяся однако вещи съ живописью Адама не даютъ особенно высокаго представленія о его талантахъ.

По пріѣздѣ Адама въ Петербургъ, 1 ноября 1808 г., Кабинетъ предписалъ конторѣ фарфороваго завода считать Адама начальникомъ художественной части, какъ по живописному, такъ и по модельмейстерскому отдѣленіямъ, назначивъ ему въ помощники по живописной Канунникова, а по модельмейстерской Мунстера и Командера. Во избѣжаніе, однако, недоразумѣній, Кабинетъ разъяснилъ, что „главный надзоръ за всѣмъ заводомъ, присмотръ хозяйственный и распоряженіе по всѣмъ его частямъ, предоставляется, попрежнему, хозяйственному инспектору Бородину.“ [52]

Послѣ опредѣленія на заводъ профессора Пименова, модельмейстерская отошла отъ Адама, и въ его вѣдѣніи осталась только живописная часть.

Кажется, что Гурьева не удовлетворялъ Адамъ и какъ начальникъ живописной: въ 1816 году онъ замѣненъ былъ въ этой должности другимъ художникомъ. [53]

Въ 1815—16 годахъ послѣдовалъ новый приливъ художественныхъ силъ. Вмѣсто ушедшаго со службы помощника модельмейстера Командера, былъ назначенъ въ 1815 г. воспитанникъ Академіи Художествъ Алексѣй Ильичъ Воронихинъ, [54] позднѣе (1824 г.) занявшій мѣсто модельмейстера Мунстера. Но гораздо большее значеніе имѣло приглашеніе на службу иностранныхъ художниковъ.

Первоначально Гурьевъ остановился на мысли обратиться въ Берлинскій королевскій заводъ, но узналъ, [55] что Берлинскій заводъ самъ нуждается въ опытныхъ художникахъ.

Тогда Гурьевъ рѣшилъ поискать нужныхъ ему людей вновь во Франціи. Въ 1815 г. представился удобный случай. Во Францію уѣзжалъ изъ Россіи имѣвшій нѣкоторое отношеніе къ Императорскому фарфоровому заводу и лично знакомый Гурьеву полковникъ французской службы виконтъ де-Пюйбюскъ, [56] которому Гурьевъ поручилъ подыскать въ Парижѣ четырехъ опытныхъ мастеровъ—артистовъ фарфороваго дѣла. [57]

Въ данной де-Пюйбюску запискѣ Гурьевъ писалъ, что для дальнѣйшаго усовершенствованія Императорскаго фарфороваго завода имѣется надобность выписать слѣдующихъ

людей: 1) „искуснѣйшаго токаря (tourneur), который бы не только самъ могъ выдѣлывать разнаго рода большія и малыя вещи, но и другихъ токарей обучить совершенно токарному ремеслу; 2) составщика фарфоровой массы, глазури и красокъ, который бы на практикѣ могъ показать и ввѣренныхъ ему людей обучить дѣлать изъ здѣшнихъ матеріаловъ массу, глазурь, бюсквитъ и всякихъ колеровъ краски столь хорошо, какъ на лучшихъ французскихъ фабрикахъ; 3) одного живописца, который бы могъ весьма искусно написать на фарфорѣ фигуры и прожектировать разныя вещи въ новомъ вкусѣ... онъ не только обязанъ самъ писать на фарфорѣ, но и обучать другихъ; 4) одного живописца для украшенія, который бы золотомъ и красками умѣлъ съ большимъ искусствомъ и въ новомъ вкусѣ дѣлать арабески и другого рода украшенія, смотрѣть за прочими работниками и давать отъ себя рисунки для украшенія вещей.“

Рис. 188. С. И. Комаровъ. (Имп. Зав).
S. I. Komaroff

Въ вознагражденіе Гурьевъ предлагалъ дать каждому мастеру по 3 тысячи франковъ на проѣздъ изъ Парижа до Петербурга и столько же на обратный путь, а въ Петербургѣ казенныя квартиры съ отопленіемъ и годовое жалованье: токарю 1500 р. и поштучную плату, составщику массы 3000 р. и, въ случаѣ успѣшности, особое вознагражденіе, живописцу 3000 р., декоратору 1500 р. и поштучную плату. Но при этомъ Гурьевъ просилъ „всѣмъ имъ предварительно... внушить и включить въ контрактъ, что здѣшнее фарфоровое заведеніе доведено уже во всѣхъ частяхъ до нарочитаго совершенства, а отъ нихъ требуется еще большаго усовершенствованія; слѣдовательно, каждый изъ нихъ долженъ быть уже весьма свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ, а иначе будетъ ему отказано, не дожидаясь положеннаго термина, и не будетъ выдано назначенной суммы на обратный отсюда проѣздъ.“

Де-Пюйбюскъ отыскалъ въ Парижѣ четырехъ мастеровъ-артистовъ, изъявившихъ согласіе ѣхать въ Петербургъ.

Это были: Pierre Charles Landelle составщикъ массы и глазури, Ferdinand Davignon— токарь (tourneur), Denis Joseph Moreau —декораторъ-позолотчикъ и Swebach или Chwebach живописецъ („batailles, genre, paysages, vues, monuments etc“). Изъ нихъ Свебахъ раньше втеченіе 12 лѣтъ работалъ на Севрской мануфактурѣ, а Моро работалъ тамъ же въ моментъ приглашенія де-Пюйбюскомъ. Де-Пюйбюскъ давалъ о всѣхъ указанныхъ имъ лицахъ самые лестные отзывы и добавлялъ, что ихъ удалось убѣдить ѣхать въ Россію съ великимъ трудомъ, такъ какъ ихъ смутилъ своими письмами изъ Петербурга Адамъ, который сообщалъ имъ разныя ложныя свѣдѣнія о Россіи. [58] Разсчетъ Адама понятенъ, но его поступокъ не остался безнаказаннымъ.

Контракты со всѣми четырьмя артистами [59] были заключены на предложенныхъ Гурьевымъ условіяхъ: съ Ланделемъ на 2 года, съ остальными на 4 года. [60]

Всѣ они прибыли въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1815 г. и встрѣтили весьма радушный пріемъ. [61]

Каждому изъ новыхъ мастеровъ-художниковъ были даны по два русскихъ ученика для спеціальнаго обученія.

Предлагая Кабинету Его Величества ввести въ дѣйствіе Высочайше конфирмованное 4 марта 1816 г. положеніе и поручая должность ремесленнаго инспектора Свебаху, [62] Гурьевъ присоединилъ для руководства еще слѣдующіе пункты:

„1. Художника Адамса, имѣвшаго доселѣ начальство по части живописи и золоченія, впредь до истеченія срока послѣдняго съ нимъ условія, оставить при заводѣ съ полу-

чаемымъ имъ нынѣ содержаніемъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ непремѣнно занимался живописью вещей изящныхъ, за которыя и производить ему задѣльную плату... Для особеннаго же наученія дать ему двухъ учениковъ, за успѣхъ которыхъ онъ долженъ отвѣтствовать.

2. Профессору Пименову... имѣть попрежнему начальство надъ модельмейстерскою, дѣйствуя однакоже во всемъ съ вѣдома и согласія г. Свебаха. Сочиненные имъ рисунки должны быть разсматриваны въ учрежденномъ для сего совѣтѣ, въ которомъ и ему самому имѣть засѣданіе.

3. Главному обжигальщику Зейфферту быть на прежнемъ основаніи при обжигѣ, поступая однакоже по методѣ художника Ланделя, если оная, по сдѣланнымъ въ полномъ видѣ пробамъ, признана будетъ лучшею."

Стр. 145, 146

Рис. 189. Ваза, м. ф/А, в. 6 1/2 в. (колл. Н. А. Лукутина). Vase, h. 29 cm.

Издавая такія постановленія, Гурьевъ не могъ не понимать, что четыре француза вполнѣ овладѣвали всѣмъ заводомъ, становились надъ всѣми служащими, кромѣ развѣ хозяйственнаго инспектора, и что такое положеніе дѣлъ могло и должно было возбудить ропотъ и даже противодѣйствіе старыхъ служащихъ. Вслѣдствіе этого Гурьевъ счелъ необходимымъ къ своему предложенію добавить еще одинъ пунктъ: „въ особенности рекомендовать хозяйственному инспектору внушить чиновникамъ заводскимъ, что если они по ремеслу ихъ и подчиняются художникамъ, выписаннымъ изъ Франціи, то сіе не иначе признавать они должны, какъ Высочайшимъ благоволеніемъ Государя Императора, отечески пекущагося о усовершенствованіяхъ завода, чрезъ пожертвованіе значительной суммы на вызовъ художниковъ изъ лучшей фабрики въ Европѣ, и что воспользовавшись знаніями ихъ, могутъ сами они съ лучшими средствами управлять частями, имъ ввѣренными. На тѣхъ же, кто не будетъ сему соотвѣтствовать, взыщется со всею строгостью." Такъ заканчивалъ Гурьевъ свои правила.

Изъ четырехъ французскихъ мастеровъ Ландель оставилъ русскую службу въ 1817 г., получивъ свидѣтельство о выполненіи контракта.[63] Свебахъ[64] оставилъ службу на заводѣ послѣ окончанія срока контракта въ 1820 году.[65] Съ Моро и Давиньономъ были возобновлены контракты.[66] Въ 1825 г. оба они были отпущены временно въ Парижъ и вернулись обратно въ Россію,[67] причемъ Моро, по порученію Кабинета, привезъ для завода нѣкоторыя купленныя въ Парижѣ вещи.[68]

Стр. 145, 146.

Рис. 190. Ваза. м. *. в 7 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). Vase, h. 31 cm.

Привлекая на Императорскій фарфоровый заводъ иностранныхъ мастеровъ-специалистовъ, а также и русскихъ художниковъ, получившихъ образованіе въ высшей художественной школѣ, Гурьевъ удовлетворялъ существенной необходимости и обнаружилъ, повидимому, вѣрное пониманіе художественныхъ задачъ Императорскаго завода: тѣмъ болѣе страннымъ является отношеніе его къ другой сторонѣ одного и того же дѣла къ подготовкѣ для завода второстепенныхъ техническихъ и художественныхъ работниковъ, которые составляютъ основную массу личнаго состава на всякомъ заводѣ.

При Императрицѣ Екатеринѣ II и Императорѣ Павлѣ I лучшіе изъ этой категоріи работниковъ подготовлялись въ заводской гимназіи. Гурьевъ, въ началѣ же своего управленія Императорскимъ заводомъ, предложилъ[69] уничтожить заводскую гимназію, которая, по его мнѣнію, не соотвѣтство-

вала настоящей своей цѣли, стоила же заводу очень дорого, такъ какъ въ ней воспитывались не только 42 ученика изъ дѣтей заводскихъ мастеровыхъ, но еще 48 человѣкъ, присланныхъ сюда изъ различныхъ учрежденій: изъ Академіи Художествъ, Департамента Удѣловъ, Императорской шпалерной мануфактуры и Императорскаго стекляннаго завода.

Каждый ученикъ обходился заводу въ годъ болѣе 80 р.; за удѣльныхъ приходилось еще платить подушныя и оброчныя деньги. Для завода же отъ постороннихъ учениковъ пользы было мало или совсѣмъ никакой, такъ какъ послѣ окончанія гимназіи ихъ отсылали въ тѣ мѣста, гдѣ они были вѣдомы.[70]

Конечно, избавиться отъ лишнихъ расходовъ—было въ интересѣ фарфороваго завода, но предложенное Гурьевымъ разрѣшеніе этого вопроса было слишкомъ эгоистичнымъ и крайне недальновиднымъ: если гимназія удовлетворяла нуждамъ не одного лишь фарфороваго завода, а одновременно и стекляннаго, и шпалерной мануфактуры, и Академіи Художествъ, и Департамента Удѣловъ, — это доказывало только ея жизненность и полезность. Устранить замѣченные недостатки можно было, не прибѣгая къ уничтоженію училища, а для освобожденія фарфороваго завода отъ лишнихъ расходовъ достаточно было бы потребовать, чтобы другія учрежденія, посылающія въ заводскую гимназію своихъ воспитанниковъ, оплачивали ихъ содержаніе. Уничтоженіемъ гимназіи Гурьевъ оказалъ плохую услугу дѣлу профессіональнаго образованія въ Россіи.

Стр. 146

Рис. 191. Тарелка, б. м., д. 5½ в. (колл. кн. А. С. Долгорукаго).
Assiette, d. 24,5 cm

Вмѣсто гимназіи, Гурьевъ предложилъ открыть училище исключительно для дѣтей мастеровыхъ фарфороваго завода. Въ училищѣ должны были преподаваться: русская грамота, ариѳметика, рисованіе, исторія и миѳологія.[71] Для практическихъ занятій ученики, послѣ окончанія школы, переходили прямо въ мастерскія завода. Интернатъ уничтожался: ученики жили у своихъ родителей, при чемъ послѣдніе получали изъ заводскихъ суммъ, въ видѣ пособія на воспитаніе дѣтей, по 36 руб. въ годъ.[71]

Въ училище былъ назначенъ учитель Александръ Захаровъ (однофамилецъ инспектора ремесленной части), воспитывавшійся раньше въ Академіи Художествъ, а потомъ служившій на фарфоровомъ заводѣ живописцемъ. Всѣхъ учениковъ было 56 человѣкъ, изъ нихъ только 11 человѣкъ не были дѣтьми заводскихъ рабочихъ.[71]

Необходимость въ оборудованіи завода строеніями оказалась не столь значительной, какъ можно бы ожидать, судя по докладу Гурьева 1804 г., въ которомъ онъ утверждалъ, что многія зданія пришли въ совершенную ветхость: такому обветшанію могли подвергнуться деревянныя постройки; главный же каменный корпусъ и каменные флигеля могли требовать только болѣе или менѣе значительнаго ремонта.

Нѣкоторыя перестройки начаты были еще въ 1803 г.;[72] болѣе капитальный ремонтъ, по плану архитектора Руско, произведенъ былъ въ 1804 и 1805 гг.,[73] послѣ Высочайшаго утвержденія доклада Гурьева 13-го февраля 1804 года, въ силу котораго на необходимыя постройки было отпущено изъ Кабинета Его Величества заимообразно 20.000 р.

Позднѣе производились частичныя постройки, по мѣрѣ надобности въ расширеніи дѣла: напр., въ 1812 году было построено двухъэтажное зданіе для новаго горна.[74]

Для возможно большаго обезпеченія матеріальнаго положенія завода, а также поднятія благосостоянія заводскихъ рабочихъ, которое Гурьевъ находилъ далеко не удовлетворительнымъ,[75] имъ были приняты мѣры къ надѣлу завода земельными угодьями, при

чемъ предположена была прирѣзка къ заводу земли изъ дачъ Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ. [76] Утвержденіе за заводомъ занятой раньше земли Невскихъ кирпичныхъ заводовъ и новый надѣлъ изъ земель тѣхъ же заводовъ были принципіально разрѣшены по Высочайше утвержденному докладу Гурьева 13 февраля 1804 года, одновременно съ утвержденіемъ новаго положенія.

Стр. 146
Рис 192. Сливочникъ, м. $\overset{*}{A}$. в $2\frac{1}{4}$ в. (Имп. Зав.). Pot à crême, h. $12\frac{1}{4}$ cm.

По соглашенію съ Гофъ-интендантской конторой, [77] въ вѣдомствѣ которой состояли Невскіе заводы, Гурьевъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, содержавшій проектъ раздѣла земель между фарфоровымъ и Невскими кирпичными заводами, съ приложеніемъ подробнаго плана. Въ основаніе раздѣла Гурьевъ положилъ мысль: по возможности устранить черезполосность владѣній и сосредоточить дачу фарфороваго завода въ одномъ участкѣ, уступивъ нѣкоторыя черезполосныя земли, принадлежавшія прежде фарфоровому заводу, Невскимъ заводамъ, къ которымъ отошли также земли и строенія на правомъ берегу рѣки, принадлежавшія казенной фаянсовой фабрикѣ. Докладъ Гурьева былъ Высочайше конфирмованъ 9 августа 1805 года. [78] Межеваніе было начато немедленно и окончено 18 іюня 1806 года, при чемъ границы были проведены согласно Высочайше утвержденному плану. [79]

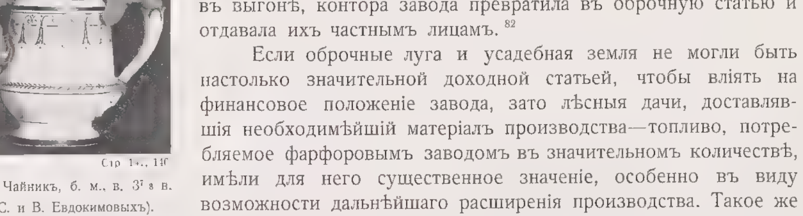
На земляхъ, принадлежавшихъ Невскимъ кирпичнымъ заводамъ, съ давнихъ уже поръ селились рабочіе этихъ заводовъ, а потомъ также рабочіе и служащіе заводовъ стекляннаго и фарфороваго. Такія поселенія не были урегулированы никакими правилами и потому могли носить даже характеръ захвата. Съ теченіемъ же времени дома рабочихъ переходили въ частныя руки, а вмѣстѣ съ домами, конечно, и казенныя земли. Поэтому, когда произведено было отмежеваніе земли для фарфороваго завода, то въ его границахъ оказались частновладѣльческія усадьбы, вѣрнѣе—частные дома, стоявшіе на казенной землѣ.

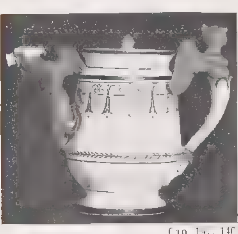

Стр. 146.
Рис. 193. Чайникъ, б. м., в. $2\frac{3}{8}$ в. (Имп. Зав.). Théière, h. 10,5 cm

По приведеніи такихъ усадебъ въ извѣстность, Кабинетъ предложилъ всѣмъ частнымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ дома на заводской землѣ (кромѣ церковнослужителей фарфоровской церкви и вдовъ бывшихъ служащихъ и рабочихъ завода), платить, съ 1808 г., оброкъ въ размѣрѣ 5 коп. за квадратную сажень и никакихъ новыхъ построекъ безъ разрѣшенія Кабинета не возводить. Если бы кто не пожелалъ платить оброка, дома тѣхъ предписано было оцѣнить и продать желающимъ изъ служащихъ или мастеровыхъ завода. [80] Нѣкоторые изъ частныхъ домовъ пріобрѣлъ самъ заводъ. [81]

Въ Высочайше утвержденномъ докладѣ Гурьевъ мотивировалъ просьбу о землѣ какъ необходимостью мѣста для дальнѣйшаго распространенія завода, такъ и недостаточностью выгона для скота заводскихъ рабочихъ. Съ надѣломъ заводъ пріобрѣлъ достаточное количество луговъ. Луга эти, за удовлетвореніемъ потребности служащихъ и мастеровыхъ завода въ выгонѣ, контора завода превратила въ оброчную статью и отдавала ихъ частнымъ лицамъ. [82]

Стр 1.., 146
Рис. 194. Чайникъ, б. м., в. $3\frac{7}{8}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). Théière, h. 17 cm.

Если оброчные луга и усадебная земля не могли быть настолько значительной доходной статьей, чтобы влiять на финансовое положеніе завода, зато лѣсныя дачи, доставлявшія необходимѣйшій матеріалъ производства—топливо, потребляемое фарфоровымъ заводомъ въ значительномъ количествѣ, имѣли для него существенное значеніе, особенно въ виду возможности дальнѣйшаго расширенія производства. Такое же значеніе лѣсныя дачи имѣли и для стекляннаго завода. Руко-

водствуясь этими соображеніями и примѣромъ казенныхъ горныхъ и винокуренныхъ заводовъ, къ которымъ приписаны были лѣсные участки, Гурьевъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, Высочайше конфирмованномъ 13 октября 1806 года, представлялъ о необходимости, въ виду увеличенія производства обоихъ заводовъ, приписать къ нимъ лѣсныя дачи: 1) въ Новоладожскомъ уѣздѣ, при селахъ Загубьѣ и Вороновѣ, 2) въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, при двухъ деревняхъ Дубровкахъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Невы; всего въ количествѣ 12.661 дес. $637^1/_2$ кв. саж. [83]

Стр. 141, 146.
Рис. 195. Яйцо, б. м., в. $2^1/_8$ в (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Oeuf, h. 9,5 cm.

Такъ какъ, однако, при веденіи лѣсного хозяйства необходимо было единство управленія, а стеклянный заводъ потреблялъ гораздо большее количество дровъ, чѣмъ фарфоровый, то лѣсныя дачи были отданы въ вѣдѣніе стекляннаго завода, который заботился уже о заготовленіи требуемаго количества дровъ и для фарфороваго завода. [84, 85] Освобожденіе завода отъ долговъ, накопившихся за прежнее время, давало возможность заводу работать, не встрѣчая затрудненій въ отысканіи средствъ на уплату ихъ, и возможность въ отчетахъ показывать дѣйствительное положеніе дѣла.

Внимательное выясненіе условій производства имѣло послѣдствіемъ болѣе правильную оцѣнку полуготовыхъ и готовыхъ издѣлій, благодаря чему устранились, отчасти, затрудненія при продажѣ послѣднихъ. [86]

Несовершенства техники, мѣшавшія производительности работъ и удешевленію производства, Гурьевъ старался устранить выпиской иностранныхъ мастеровъ, [87] но изъ отчетовъ конторы завода онъ увидѣлъ еще одну причину медленнаго возвышенія выработки: „нерадѣніе мастеровыхъ,“ несмотря на то, что они были, въ большинствѣ, на задѣльной платѣ, и потому онъ далъ строжайшій приказъ конторѣ: [88] 1) наблюдать, чтобы люди въ положенное время безотлучно находились при своихъ работахъ, 2) принимать отъ нихъ выработанныя вещи не помѣсячно, а каждую недѣлю, чтобы такимъ образомъ удобнѣе контролировать производительность труда каждаго работника, 3) приказать подмастерьямъ, получающимъ сверхъ задѣла и жалованье, слѣдить не только за исправной отдѣлкою вещей, но и за успѣхомъ работъ подчиненныхъ имъ рабочихъ; при послабленіяхъ, допущенныхъ подмастерьями, лишать ихъ жалованья; наконецъ, 4) выбрать изъ учениковъ заводского училища неспособныхъ къ рисованію и назначить ихъ навсегда въ полировщики, чтобы сами живописцы не тратили своего времени на собственноручную полировку, какъ было раньше.

Стр. 146.
Рис. 196. Горшокъ, б. м., в. $5^1/_2$ в. (коллекція Н. А. Лукутина).
Cachepot, h. 24,5 cm

Настойчивость, съ которой Гурьевъ добивался увеличенія выработки и удешевленія производства, не должна давать повода думать, что онъ въ этомъ полагалъ сущность дѣла и исключительно имѣлъ въ виду коммерческіе обороты. Далеко не такъ: Гурьевъ обращалъ вниманіе и на чисто художественную сторону дѣла, но видѣлъ въ удешевленіи производства и выгодности коммерческихъ операцій необходимыя условія процвѣтанія завода, не только какъ коммерческаго, но и какъ художественнаго учрежденія. Поэтому дѣятельность Императорскаго фарфороваго завода при Императорѣ Александрѣ I, какъ и раньше, сохраняла двойственный характеръ: съ одной стороны преслѣдованіе художественныхъ задачъ, для достиженія которыхъ приносились значительныя жертвы, съ другой стороны —коммерческія цѣли. Послѣднія въ предшествовавшія царствованія далеко не были достигнуты.

Накопившіеся за прошлые годы запасы „понудили обратить вниманіе болѣе на распространеніе вещей, нежели на умноженіе ихъ." [89]

Наблюденіе надъ продажей открытаго еще въ 1800 г. [90] въ городѣ магазина показало, что „требовались вещи, большею частью, богатыя или, по крайности, посредственнаго разбора, ординарныхъ же вышло въ расходъ весьма мало." [89]

Причина такого явленія понятна: художественныя вещи, исполненныя на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, превосходили издѣлія частныхъ заводовъ и, при всей своей дороговизнѣ, охотно покупались состоятельными людьми. Ординарный же фарфоръ Императорскаго завода не отличался замѣтно отъ таковаго частныхъ заводовъ, и потому не находилось много охотниковъ платить за него дороже обыкновенныхъ рыночныхъ цѣнъ.

Въ 1805 году изъ заводскихъ складовъ было выпущено вещей на 78.743 р. 25½ к., въ томъ числѣ продано частнымъ лицамъ на 36.773 р. 25½ к. и исполнено казенныхъ заказовъ на 41.970 р. [89] Для возможно большаго распространенія товара, конторою фарфороваго завода, Кабинетомъ и Гурьевымъ предпринятъ былъ рядъ мѣръ, дѣйствительно способствовавшихъ такому распространенію, хотя, въ конечномъ результатѣ, и не принесшихъ значительныхъ выгодъ.

Мѣры эти, кромѣ улучшенія качества фарфора, заключались 1) въ удешевленіи издѣлій, 2) въ отысканіи мѣстъ для сбыта и 3) въ устраненіи конкурренціи.

Стр. 145.

Рис 197. Мать и кормилица, б. м., в. 5¼ в. (колл. И. А. Бибикова).
Mère et nourrice, h. 23,5 cm.

Рапортъ конторы завода въ Кабинетъ о дѣятельности завода за 1805 годъ [89] свидѣтельствуетъ, что заводъ „нашелся принужденнымъ вещи, идущія въ продажу, оцѣнивать дешевле прежняго". Бракъ продавали съ значительною скидкою. [91] Необходимо, однако, замѣтить, что оцѣнка вещей, поступавшихъ въ продажу, все таки была очень высока: на вещи при продажѣ накладывали отъ 50% до 100% ихъ дѣйствительной стоимости. Напримѣръ, молочникъ, расписанный несложнымъ орнаментомъ красками и золотомъ, стоилъ въ производствѣ 2 руб. 10 к. (по высокой, сравнительно, таксѣ), а въ продажѣ—3 руб. 15 к. [92]

Въ отысканіи способовъ и мѣстъ сбыта фарфора Гурьевъ ушелъ далеко отъ своихъ предшественниковъ: Императорскій заводъ не ждалъ покупателя, а самъ отыскивалъ его, пользуясь при томъ преимуществами своего положенія. Въ Петербургѣ Гурьевъ завелъ вторую лавку—въ гостиномъ дворѣ (съ 1819 г.); здѣсь продажа производилась комиссіонерами. [93] Давались вещи на комиссію и въ частные магазины. [94] Въ Москвѣ и Петербургѣ производились иногда публичные аукціоны. [95]

Разсчитывать, однако, на широкій сбытъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ было трудно. Поэтому Гурьевъ пришелъ къ мысли распространить продажу издѣлій Императорскаго завода на всю Россію. Очень рано (еще съ 1806 г.) стали возить издѣлія завода на Нижегородскую ярмарку. [96] Затѣмъ, съ 1810 года, производилась комиссіонная продажа фарфора въ Ригѣ. [97]

Въ 1819 году, по иниціативѣ Гурьева, были сдѣланы предложенія вице-губернаторамъ и другимъ „надежнымъ людямъ" различныхъ губерній принять на себя посредничество между мѣстными торговцами и Императорскимъ заводомъ, [98] послѣдствіемъ чего была отправка въ томъ же году вещей въ распоряженіе вице-губернаторовъ шести губерній: [99] Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Кіевской, Полтавской, Костромской. Въ слѣдующемъ году вещи были разосланы еще въ пятнадцать губерній: [100] Черниговскую, Казанскую, Ни-

Стр. 145.

Рис.198. Крестьянскій парень, 1817 г., в. 6 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ). Figurine, h. 26,5 cm.

жегородскую, Тульскую, Олонецкую, Могилевскую, Витебскую, Курскую, Рязанскую, Смоленскую, Саратовскую, Орловскую, Пермскую, Вологодскую, Симбирскую.

Въ 1821 году сюда присоединились еще четыре губерніи: [101] Вятская, Астраханская, Харьковская, Екатеринбургская.

Такимъ образомъ, большая часть Европейской Россіи получила возможность ознакомиться съ произведеніями Императорскаго фарфороваго завода, который пріобрѣлъ даровыхъ комиссіонеровъ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, могло имѣть и отрицательныя стороны: трудно было разсчитывать на успѣшную дѣятельность вице-губернаторовъ, которые едва ли во всѣхъ случаяхъ охотно брали на себя комиссію, да еще такого хрупкаго товара, какъ фарфоръ.

Самая важная, имѣющая обще-государственное значеніе мѣра, принятая Гурьевымъ для распространенія издѣлій Императорскаго завода, состояла въ устраненіи конкуренціи иностраннаго фарфора, путемъ запрещенія ввоза его въ Россію. Сторонники такого запрещенія были и при Императрицѣ Екатеринѣ II, между прочимъ Щепотьевъ, но эта мѣра встрѣчала противодѣйствіе во взглядахъ Императрицы на таможенную политику. Точно также и Тепловъ, хотя и подалъ мысль о снабженіи издѣліями Императорскаго фарфороваго завода всей Россіи, будучи въ экономической политикѣ фритредеромъ, не поддерживалъ взглядовъ Щепотьева о необходимости запретительныхъ тарифовъ.

Отдавая отчетъ Кабинету Е. И. В. о дѣятельности завода за 1805 годъ, контора завода, въ рапортѣ отъ 14 января 1806 года, [102] писала: „Контора обязанною себя почитаетъ просить ходатайства Кабинета Его Императорскаго Величества объ учиненіи запрещенія на вывозъ изъ чужихъ краевъ ординарныхъ вещей, кромѣ богатыхъ, ибо весьма много примѣровъ доказываетъ, что безъ таковаго пособія не токмо фарфоровый заводъ, но никаковое подобное оному заведеніе не можетъ притти въ цвѣтущее состояніе.“

Несомнѣнно, что ходатайство это возбуждено было съ согласія и по инициативѣ Гурьева. Запрещеніе послѣдовало въ томъ же 1806 году. [103] Эта мѣра не принесла замѣтныхъ результатовъ непосредственно для Императорскаго фарфороваго завода, такъ какъ, устраняя заграничныхъ конкурентовъ, вызывала къ жизни мѣстныхъ: благодаря запрещенію ввоза, стали возникать русскіе фарфоровые и фаянсовые заводы, съ которыми Императорскому заводу еще труднѣе было конкурировать, такъ какъ изъ-за границы шли, преимущественно, болѣе высокіе сорта фарфора, между тѣмъ какъ русскіе заводы выпускали на рынокъ ординарный товаръ по цѣнамъ, по которымъ Императорскій заводъ не могъ выпускать своихъ издѣлій.

Къ этому присоединились колебанія протекціонной системы, благодаря чему иностранный фарфоръ тоже проникалъ въ Россію, особенно послѣ возвращенія войскъ съ театра войны 1813 1814 годовъ.

Всѣ эти причины мѣшали развитію коммерческихъ операцій Императорскаго завода, несмотря на значительное пониженіе цѣнъ: „вдвое и втрое.“ [104]

Въ результатѣ же всѣхъ коммерческихъ операцій оказалось, что и Гурьеву не удалось устранить того явленія, которое имѣло мѣсто при его предшественникахъ, и съ которымъ онъ усердно

Стр. 147.

Рис. 199. Парень, б. м., в. 8 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ) Paysan, h. 35 cm.

боролся: попрежнему накоплялся мертвый капиталъ, и параллельно этому росли долги завода. Такимъ образомъ, въ 1817 году, при пріемѣ завода директоромъ Комаровымъ, капиталъ завода простирался до 600 тысячъ рублей, въ томъ числѣ готовыхъ товаровъ (бѣлаго и живописнаго фарфора) считалось почти на 250 тысячъ рублей, и въ то же время на заводѣ состояло долговъ 113.835 р. 11 к. [105] При уходѣ же Комарова со службы, въ 1828 г., капиталъ завода оцѣнивался въ 1 милліонъ слишкомъ, но большая половина этой суммы (почти 570 тысячъ) числилась въ готовомъ товарѣ; долги же завода за это время утроились, достигнувъ суммы 358.387 р. 19¾ к. [106]

Втеченіе болѣе полустолѣтія со времени основанія завода, образовался постоянный контингентъ служащихъ, пополняемый естественнымъ приростомъ. Формулярные списки за различные годы показываютъ, что если принять въ разсчетъ не только рабочихъ, но и чиновниковъ завода, то и тогда окажется значительный перевѣсъ, достигающій иногда двухъ третей всего состава, за постоянными заводскими рабочими. Въ числѣ пришлыхъ элементовъ были люди различныхъ званій и положеній: крестьяне, мѣщане, дѣти духовныхъ, штабъ-офицеровъ, солдатъ, придворныхъ служителей, иностранцы и пр.

Для принятія на заводъ лицъ другихъ сословій, съ припискою къ заводу, требовалось согласіе тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежали приписываемые. [107] Иногда заводъ

Стр. 118

Рис. 200. Тарелки, б. м., д. 5¼ в. (колл. гр. Зубовыхъ)
Assiettes, d. 23,5 cm.

принималъ для обученія воспитанниковъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, [108] которые потомъ, въ случаѣ пригодности, вѣроятно, тоже приписывались къ заводу. Но кромѣ постоянно приписанныхъ къ заводу людей и чиновниковъ, здѣсь работали и вольнонаемные люди, преимущественно, въ качествѣ живописцевъ и скульпторовъ.

Канцелярскимъ чиновникамъ, служителямъ и прочимъ лицамъ, состоявшимъ по административной части завода, производилось жалованье, которое по новымъ штатамъ было значительно повышено, сравнительно съ прежнимъ: напримѣръ, бухгалтеру вмѣсто 600 руб. положено было 1.200 р., его помощнику вмѣсто 375 р.—600 р.

Жалованье квалифицированнымъ мастерамъ и художникамъ штатами не опредѣлялось: они получали каждый по степени своего искусства, въ видѣ постояннаго жалованья или процентовъ съ выработки. Простымъ мастеровымъ полагалась задѣльная плата на основаніи опредѣленной таксы.

Для поощренія „отлично трудившихся“ предположено было выдавать награжденіе изъ заводской прибыли.

Гурьевъ искренно заботился объ улучшеніи быта рабочихъ фарфороваго завода. Признавая положеніе ихъ неудовлетворительнымъ, онъ возлагалъ большую надежду на то, что при задѣльной платѣ имъ удастся выйти изъ „состоянія бѣдности“. [75] Задѣльная плата на фарфоровомъ заводѣ установлена была еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, но далеко не

Стр 14.
Рис. 201. Тарелка, б. м., д. 5¼ в. (коллекція гр. Зубовыхъ).
Assiette, d 23.5 cm

всѣ рабочіе были переведены на задѣлъ: многіе получали жалованье. Точно также и при Гурьевѣ, система задѣла существовала вмѣстѣ съ жалованьемъ: одни получали только задѣлъ, другіе только жалованье, третьи и жалованье и задѣлъ. [109] Отвѣтственныя лица—художники и мастера получали обыкновенно, въ видѣ задѣльной платы, извѣстный процентъ (1—2%) съ выдѣланныхъ вещей. Напримѣръ, модельмейстеръ получалъ, кромѣ жалованья (800 руб.), по 2% (въ годъ до 900 руб.); мастеръ при составѣ фарфоровой массы, не получая жалованья, вырабатывалъ на задѣлѣ (по 2% съ хорошихъ вещей, выходившихъ изъ трехъ горновъ) болѣе 1500 р.; главный обжигальщикъ Зейффертъ и мастеръ Сергѣевъ получали по 1% съ трехъ горновъ (первый, при жалованьѣ изъ Кабинета въ 600 р., задѣлу до 450 р., второй, безъ жалованья, на одномъ задѣлѣ, около 900 руб.). Задѣлъ для подмастерьевъ и мастеровыхъ опредѣлялся, смотря по способностямъ каждаго. [110] Токарные и живописные ученики задѣльной платы не получали, а состояли на жалованьѣ.

Значеніе для рабочихъ задѣла въ то время было иное, чѣмъ нынѣ, когда задѣлъ нерѣдко является орудіемъ эксплоатаціи рабочаго. Въ то время задѣлъ, примѣнявшійся только по отношенію къ лучшимъ, опытнымъ мастеровымъ и отвѣтственнымъ мастерамъ, являлся коррективомъ установившейся системы жалованья, размѣры котораго въ Россіи въ первой половинѣ XIX ст. были весьма незначительны во всѣхъ почти вѣдомствахъ и учрежденіяхъ.

Увеличеніе окладовъ, возможное, въ большинствѣ случаевъ, только законодательнымъ путемъ, совершалось весьма медленно, а увеличеніе жалованья мастерамъ и мастеровымъ, въ большинствѣ -людямъ несвободнаго класса, было тѣмъ труднѣе, что назначеніе окладовъ болѣе высокихъ, чѣмъ получали канцеляристы-чиновники и люди свободныхъ сословій, было, по тогдашнимъ обычаямъ, крайне неудобно.

Наконецъ, разъ опредѣленное жалованье съ каждымъ годомъ все въ меньшей степени могло удовлетворять потребностямъ служащаго и работника, какъ вслѣдствіе естественнаго пониженія покупной силы денегъ, такъ, въ особенности, потому, что сумма жалованья выражалась тогда въ рубляхъ ассигнаціями, курсъ которыхъ въ царствованіе Императора Александра I стоялъ очень низко и, за немногими исключеніями, падалъ съ каждымъ годомъ. [111] Во всѣхъ этихъ случаяхъ задѣлъ являлся дѣйствительнымъ благодѣяніемъ для рабочихъ.

Въ быту рабочихъ фарфороваго завода, помимо жалованья и задѣла, большое значеніе, въ смыслѣ увеличенія ихъ благосостоянія, имѣли различныя предоставляемыя имъ права и преимущества, напримѣръ: право постройки домовъ на казенной землѣ и пользованія огородами и выгономъ, выдача ссудъ въ счетъ жалованья на постройку собственныхъ домовъ и предоставленіе казенныхъ квартиръ, обезпеченіе на случай старости и инвалидности и пр.

Что Гурьевъ искренно заботился о повышеніи матеріальнаго благосостоянія рабочихъ завода, доказательствомъ можетъ служить его предложеніе образовать постоянный капиталъ для выдачи престарѣлымъ и потерявшимъ трудоспособность мастерамъ, подмастерьямъ и мастеровымъ ежегодныхъ пенсій.

Стр. 146
Рис. 202. Тарелка, б. м., д. 5¼ в (коллекція гр. Зубовыхъ).
Assiette, d. 23,5 cm.

Такія пенсіи выдавались и раньше, но у рабочихъ не могло быть увѣренности въ обезпеченіи ихъ инвалидности, пока не было опредѣленныхъ спеціально для этой цѣли источниковъ. Гурьевъ предложилъ ежегодно отчислять въ пенсіонный капиталъ изъ заводской прибыли по 2 тысячи рублей.

Стр. 145.
Рис. 203. Императоръ Александръ I, б. м., в. 4 в. (колл. Н. А. Лукутина). L'Empereur Alexandre I, h. 18 cm.

Большое значеніе для увеличенія благосостоянія рабочихъ завода имѣла новая прирѣзка земли къ фарфоровому заводу изъ дачи Невскихъ кирпичныхъ заводовъ, по Высочайше конфирмованному въ 1804 г. докладу Гурьева.

Вѣроятно, у Гурьева уже во время доклада Государю о надѣлѣ заводу земли была мысль использовать землю, какъ средство поднять благосостояніе рабочихъ и привязать ихъ къ своему положенію, путемъ созданія для нихъ собственности на правахъ вѣчнаго чиншевого держанія. По крайней мѣрѣ, рабочіе уже въ 1805 году подавали прошенія о земельныхъ надѣлахъ. [112] Но этотъ вопросъ пріостановился на нѣкоторое время, несомнѣнно, вслѣдствіе безпокойныхъ политическихъ обстоятельствъ. Когда, послѣ окончанія военныхъ дѣйствій, наступили мирные годы, Гурьевъ провелъ мѣру, напоминающую, до нѣкоторой степени, мюльгаузенскую систему: для рабочихъ стекляннаго и фарфороваго заводовъ строились небольшіе деревянные домики, по Высочайше конфирмованному фасаду, которые отдавались на выплатъ, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто и въ Мюльгаузенѣ. [113] Позднѣе заводъ сталъ давать своимъ рабочимъ, въ счетъ жалованья, ссуды на постройку домовъ на казенной землѣ. [114]

Рабочіе, поселившіеся на заводскихъ свободныхъ земляхъ, платили въ пользу завода небольшія поземельныя деньги, сдѣлавшись такимъ образомъ какъ-бы вѣчно наслѣдственными арендаторами, [115] и этимъ было положено прочное основаніе для возникновенія селенія фарфороваго завода.

Повидимому, въ царствованіе Императора Александра I значительная часть рабочихъ и мастеровъ фарфороваго завода владѣла собственностью. Рабочіе, не имѣвшіе собственности, какъ и чиновники, пользовались казенными квартирами.

Ученикамъ, оканчивавшимъ заводскую школу съ успѣхомъ, предоставлялась возможность продолжать ученіе: напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ были помѣщены пансіонерами въ Горный Кадетскій Корпусъ. [116] Впрочемъ, Гурьевъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ примѣру предыдущихъ лѣтъ: еще въ 1797 г. въ Горный Корпусъ былъ отданъ Романъ Неупокоевъ, бывшій впослѣдствіи мастеромъ при составѣ фарфоровой массы. [117]

Рабочимъ фарфороваго завода не былъ закрытъ доступъ и къ чинамъ. Напримѣръ, тотъ же Романъ Неупокоевъ и мастеръ по составу красокъ (химикъ) Воиновъ дослужились до чина 9-го класса. [118] Въ 1820 году пожалованы были чиномъ кабинетскаго регистратора живописные подмастерья: Мещеряковъ, Анкудиновъ, Собрачевъ и Васильевъ. [119] Такія мѣры администраціи, несомнѣнно, должны были поднимать самосознаніе рабочихъ, ободрять ихъ, вызывать полезное соревнованіе.

Потребность во врачебной помощи удовлетворялась въ обыкновенныхъ случаяхъ заводской больницей, [120] при которой состоялъ врачъ. [121] Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, когда средства собственной больницы оказывались недостаточными, мастеровые завода отправлялись въ городскія больницы: Обуховскую и Калинкинскую. [122]

Вообще, администрація завода не оставляла безъ помощи въ трудныя минуты ни самихъ рабочихъ, ни ихъ семей, напримѣръ: вдовамъ выдавали пособія и пенсіи, [123] предоставляли квартиры; [124] сиротъ, которыхъ нельзя было устроить на заводѣ, помѣщали въ Сиротскій Воспитательный Домъ; [125] въ случаѣ стихійныхъ бѣдствій, рабочимъ выдавались пособія, какъ напр., послѣ наводненія 7-го ноября 1824 года. [126]

Табл. VII.

Раб. Свебаха: Тарелки б. м.: 1. 3. д. $5^{5}/_{8}$ в.; 6. 8. д. $5^{1}/_{2}$ в.; 1. Крестьяне; 3. Купчиха и купеческая дочь; 6. Зимняя прогулка, 1816 г.; 8. Башкиръ; 2. Ваза „Охота", б. м., в. 15 в.; 4. Ваза „Жокей", б. м., в. 14 в.; 5. Ваза „Охота", б. м., в. $14^{1}/_{2}$ в.; 7. Ваза „Киргизы", б. м., в. $13^{1}/_{2}$ в. (1, 3, 5, 6, 7, 8—Имп. Зав.; 2, 4—Зимн. Дв.)

Peint. par Swebach dit Fontaines: Assiettes: 1. 3. d. 25 cm., 6. 8. d. 24,5 cm.: 1. Paysans russes; 3. Femme et fille de marchand russe; 6. Promenade d'hiver, 1816; 8. Bachkir, chargé de butin. 2. Vase „Chasse à courre", h. 67 cm.; 4. Vase „Jockey", h. 62 cm.; 5. Vase „Chasse au fusil", h. 64,5 cm.; 7. Vase „Kirguises", h. 60 cm.

Такія пенсіи ... раньше, но у рабочихъ ... обезпеченіи ихъ ... не было опредѣ...

рабочихъ стекляннаго и фарфороваго за... по Высочайше конфирмованному фасаду...

Рабочіе, поселившіеся ...

Неупокоевъ, бывшій ... мастеромъ ...

Рабочимъ ... не быть закры... тотъ же Романъ Неупо... мастеръ ...

Такія мѣры администраціи ... должны бы... ободрять ихъ, вызывать полезное соревнованіе.

когда средства ... оказывались ... отправлялись въ городскія больницы, Обуховскую и ...

Табл. VII

Раб. Свебаха: Тарелки б. м.: 1. 3. д. $5^5/_8$ в.; 6. 8. д. $5^1/_2$ в.; 1. Крестьяне; 3. Купчиха и купеческая дочь; 6. Зимняя прогулка, 1816 г.; 8. Башкиръ; 2. Ваза „Охота", б. м., в. 15 в.; 4. Ваза „Жокей", б. м., в. 14 в.; 5. Ваза „Охота", б. м., в. $14^1/_2$ в.; 7. Ваза „Киргизы", б. м., в. $13^1/_2$ в. (1, 3, 5, 6, 7, 8—Имп. Зав.; 2, 4—Зимн. Дв.).

Peint. par Swebach dit Fontaines: Assiettes. 1. 3. d. 25 cm., 6. 8. d. 24,5 cm., 1. Paysans russes; 3. Femme et fille de marchand russe. 6. Promenade d'hiver, 1816; 8. Bachkir, chargé de butin. 2. Vase „Chasse à courre", h. 67 cm.; 4. Vase „Jockey", h. 62 cm. 5. Vase „Chasse au fusil", h. 64,5 cm., 7. Vase „Kirguises", h. 60 cm

Имѣются указанія, что администрація завода старалась даже доставить рабочимъ возможность имѣть по дешевымъ цѣнамъ жизненные продукты. [127]

Духовнымъ потребностямъ рабочихъ и служащихъ завода удовлетворяла церковь, во имя Преображенія Господня, построенная еще въ 1735 г. За ветхостью, церковь къ началу XIX столѣтія пришла въ запустѣніе. По Высочайше конфирмованной 19 апрѣля 1817 года всеподданнѣйшей запискѣ Гурьева, Кабинету Е. И. В. повелѣно было отпустить на приведеніе церкви въ благообразный видъ 10.000 рублей. [128]

Конечно, бытъ рабочихъ Императорскаго фарфороваго завода, при всѣхъ заботахъ администраціи, имѣлъ и свои темныя стороны: рабочіе иногда убѣгали съ завода, [129] иногда совершали преступленія, [130] за которыя конторѣ приходилось отсылать ихъ въ смирительный домъ. [131]

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Въ царствованіе Императора Александра I въ техникѣ Императорскаго фарфороваго завода, благодаря стремленію къ постоянному улучшенію всѣхъ частей производства, произошли значительныя измѣненія и усовершенствованія.

Составныя вещества фарфоровой массы оставались прежнія: глуховская глина, кварцъ, шпатъ. Кварцъ и шпатъ доставлялись изъ Финляндіи въ сыромъ видѣ; [132] глуховская глина доставлялась подрядчиками прямо съ мѣста добычи или же закупалась при посредствѣ московскихъ комиссіонеровъ. [133] Были, однако, попытки если не замѣнить глуховскую глину, то, по крайней мѣрѣ, ввести въ производство рядомъ съ нею другія глины: напр., въ 1821 году произведено было испытаніе сибирской глины, [134] въ 1823 г. возникъ вопросъ о поставкѣ екатеринбургской глины; [135] въ 1825 г. производилось испытаніе фарфоровой глины, присланной на заводъ Департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. [136] Выписывалась нѣсколько разъ и московская глина. [137] Но, за всѣмъ тѣмъ, замѣны для глуховской глины не было найдено.

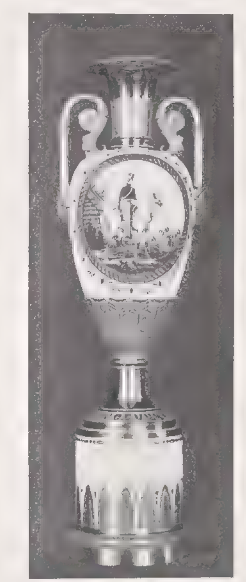

Рис. 204. Ваза, б. м., в. 17 в (Зимн. Дв.).
Vase, h. 75.5 cm

Къ улучшенію состава массы стремились настойчиво. [138] Свои мастера производили многочисленные опыты, не давшіе однако особенныхъ результатовъ, только мастеръ Неупокоевъ улучшилъ нѣсколько бисквитъ. Выписанный изъ Берлина арканистъ Шульцъ, хотя и сдѣлалъ многочисленные опыты, но состава массы не улучшилъ. [138] Выписанный изъ Парижа мастеръ Ландель, по инструкціи 4 марта 1816 года и заключенному съ нимъ контракту, [57] обязывался довести фарфоровую и бисквитную массу до возможной чистоты. Трудно сказать, насколько удалось это Ланделю, и позаимствовался ли отъ него чѣмъ-либо его помощникъ мастеръ Неупокоевъ, которому Ландель обязывался сообщить письменно и на практикѣ свои секреты. Есть, впрочемъ, указаніе, что въ 1816 г. Неупокоевъ составилъ какую-то новую массу. [139] Въ 1824 году на заводѣ производилъ опыты обжига и составленія массы нѣкій Матанинъ. [140]

Анализы черепа времени Императора Александра I (прил. 37) свидѣтельствуютъ, что и въ первой четверти XIX ст. фарфоръ Императорскаго фарфороваго завода по своему химическому составу не уклонился отъ того типа, который установился съ самаго его изобрѣтенія, и, по отношенію кремнезема къ глинозему, при незначительномъ содержаніи извести и бóльшемъ щелочи, попрежнему, болѣе всего напоминалъ китайскій. Разница въ

процентномъ содержаніи кремнезема, глинозема и извести, сравнительно съ черепомъ времени Императора Павла Петровича, не удаляетъ, а приближаетъ его составъ къ первоначальному типу, по крайней мѣрѣ, къ составу времени Императрицы Екатерины. Все это даетъ основаніе утверждать, что иностранные мастера не оказали замѣтнаго вліянія на измѣненіе состава фарфоровой массы и не въ состояніи были замѣнить традиціонные рецепты своими.

Нѣкоторыя перемѣны произошли въ составѣ глазури, такъ какъ съ 1816 года въ глазурь употреблялся французскій мѣлъ, котораго было выписано около 200 пудовъ. [141]

Глазурь на вещахъ времени Императора Александра I отличается высокими качествами, съ успѣхомъ конкурируя съ издѣліями заграничныхъ заводовъ. Бисквиты по мелкозернистости уступаютъ только севрскимъ.

Мельница, служившая для обработки массы, попрежнему осталась конная, но производительность ея была повышена почти вдвое. [138] Въ 1825 году Моро проектировалъ устроить улучшенное веретено его системы. [142]

Наиболѣе существеннымъ измѣненіямъ подверглась техника обжига. Выписанный изъ Берлина мастеръ Зейффертъ подвергнулъ жестокой критикѣ горны, капселя и способъ посадки.

Горны оказались примитивными, вѣроятно, того же типа, который былъ созданъ Виноградовымъ: они были слишкомъ малы, неудобны для управленія огнемъ, при томъ— одноэтажные, слѣдовательно, приспособленные только къ послѣдовательному обжиганію вещей въ первомъ или во второмъ огнѣ, для обжиганія капселей же существовали особыя печи. [143] Зейффертъ былъ знакомъ съ типомъ берлинскихъ трехъэтажныхъ горновъ, въ которыхъ обжигаютъ одновременно и при одной топкѣ фарфоръ двухъ обжиговъ и капселя. Разумѣется, такіе трехъэтажные горны больше удовлетворяли крупному производству и давали большую экономію.

Преимущества горновъ трехъэтажнаго типа предъ одноэтажными были настолько очевидны, что Кабинетъ Е. В., въ 1806 г., предписалъ немедленно приступить къ постройкѣ новаго горна. [138]

Въ 1810 году Зейффертъ построилъ второй горнъ. [144] Но такъ какъ выработка ординарнаго фарфора достигла значительныхъ размѣровъ, то два горна не успѣвали обжечь достаточное для потребностей живописной палаты количество бѣлыхъ вещей, поэтому въ 1812 году приступили къ постройкѣ большого горна и для помѣщенія его—каменнаго двухъэтажнаго зданія, длиною въ $8^1/_2$ и шириною въ 7 саженъ. [145] Въ 1814 г. построенъ былъ четвертый горнъ. [146]

Что касается капселей, то неудовлетворительность ихъ была констатирована самой конторой и подтверждена Зейффертомъ. [138] Кромѣ негодности матеріаловъ, входившихъ въ составъ капсельной массы, на что указалъ раньше Гаттенбергеръ, Зейффертъ обратилъ вниманіе еще на то обстоятельство, что при посадкѣ въ горны капселя на Императорскомъ заводѣ обмазывались скалками, которыя въ огнѣ пригорали къ капселямъ, вслѣдствіе чего, при выборкѣ изъ горна, капселя приходилось разбивать; по разсчету конторы завода, ежегодно на капселя тратилось болѣе 10.000 рублей. Критически отнесся Зейффертъ и къ подсыпанью круговъ, на которые ставятся при обжигѣ фарфоровыя вещи, однимъ пескомъ, благодаря чему поддоны вещей загрязнялись, и вещи часто косились.

Подъ вліяніемъ Гаттенбергера и Зейфферта, рѣшено было прекратить употребленіе тихвинской глины, [147] снова обратиться къ кварцевой толченкѣ, а въ массу для большихъ капселей примѣшивать глуховскую глину. [138]

Толченка приготовлялась раньше на Ижорскомъ пильномъ заводѣ, но такой порядокъ сопряженъ былъ съ многими неудобствами, требовалъ лишняго времени на перевозку и большихъ расходовъ. Рѣшено было поэтому устроить свою толчею, которая и была сдѣлана въ 1806 году подъ надзоромъ выписаннаго изъ Берлина механика Шрейбера. [138]

Новая толчея была устроена въ 1824 году.[148] Впрочемъ, не вся толченка изготовлялась на заводѣ: давались заказы попрежнему Ижорскому заводу,[149] или заключались съ подрядчиками контракты на поставку толченки.[150]

Втеченіе царствованія Императора Александра I, пробовали на заводѣ различныя капсельныя глины, кромѣ андомской: изъ Ржевскаго уѣзда,[151] изъ Луги,[152] вытегорскую[153] и другія.[154]

Въ способахъ украшенія фарфора наиболѣе существеннымъ нововведеніемъ разсматриваемаго періода являлся такъ называемый печатный фарфоръ.

Способъ печатанія на фарфорѣ съ мѣдныхъ досокъ изобрѣтенъ въ Англіи Holdship'омъ (по другимъ источникамъ Hancock'омъ) въ 1756 году и впервые былъ примѣненъ въ 1757 г. на фабрикѣ „Worcester-Porcelain-Company“.[155] Въ художественномъ отношеніи, самая тщательная печать на фарфорѣ не можетъ идти въ сравненіе даже съ посредственнымъ рисункомъ, исполненнымъ отъ руки, такъ какъ страдаетъ сухостью и монотонностью. Но въ коммерческомъ отношеніи примѣненіе этого способа могло быть выгоднымъ. Ожидаемая выгода, независимо отъ усвоенія новой техники, и соблазнила Гурьева.

Предложеніе шло отъ полковника французской службы виконта де-Пюйбюскъ (de-Puibusque), который вмѣстѣ съ сыномъ проживалъ въ Могилевѣ въ качествѣ военно-плѣннаго.[156] Де-Пюйбюскъ, чрезъ могилевскаго гражданскаго губернатора, въ 1814 г., сдѣлалъ предложеніе открыть секретъ печатанія по фарфору, если ему съ сыномъ дадутъ возможность уѣхать на родину, причемъ выдавалъ этотъ способъ за свое изобрѣтеніе.

Гурьевъ заинтересовался предложеніемъ и вызвалъ де-Пюйбюска въ Петербургъ. Здѣсь послѣдній произвелъ опыты, вполнѣ удовлетворившіе Гурьева, который немедленно предписалъ Кабинету Его Величества:[157] учредить для печатанія фарфора мастерскую отдѣльно отъ прочихъ частей завода, секретъ печатанія ввѣрить химику завода Воинову, обязавъ его присягою никому секрета не выдавать, наблюденіе за мастерской ввѣрить хозяйственному инспектору и построить лишній горнъ, чтобы не было недостатка въ бѣломъ фарфорѣ для печатанія.

Стр. 144, 148.
Рис. 205 Ваза, б м., в. 10 в. (Зимн. Дв.).
Vase, h. 44.5 cm.

Украшенія по способу де-Пюйбюска печатались черной краской (рис. 196), иногда же черный отпечатанный рисунокъ покрывался различными красками.[158]

Де-Пюйбюскъ не только былъ съ сыномъ отпущенъ изъ плѣна, но на содержаніе ихъ въ Петербургѣ и на дорогу до Парижа издержано было казенныхъ денегъ 10.000 р., которые были отнесены на счетъ новой мастерской, въ полной надеждѣ, что она покроетъ расходы съ избыткомъ.

Разсчеты на доходность новой мастерской оказались невѣрными: охотниковъ на украшенный печатными рисунками фарфоръ находилось мало, пришлось поэтому сократить его выработку,[159] а вскорѣ и совсѣмъ прекратить это производство,[160] которое никогда больше на Императорскомъ заводѣ не было возобновляемо.

Въ техникѣ живописной части можно еще отмѣтить употребленіе французскихъ и берлинскихъ красокъ. Изъ Парижа были выписаны краски въ 1816 году, чрезъ виконта де-Пюйбюска,[161] и въ 1821 году.[162] Изъ Берлина въ 1823 году было выписано 3 ф. „высокой свѣтлосиней краски“.[163]

Бóльшаго вниманія заслуживаютъ опыты съ хромовыми красками; начались они, повидимому, въ 1816 году, когда на заводъ была прислана изъ Горнаго Кадетскаго Корпуса

окись хрома;[164] затѣмъ въ 1820 году была доставлена хромсодержащая руда съ Златоустовскихъ заводовъ,[165] а въ 1823 г. производилось испытаніе хромовыхъ красокъ, присланныхъ изъ лабораторіи Департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ.[166]

При золоченіи былъ введенъ довольно важный—если не въ техническомъ, то въ коммерческомъ отношеніи — способъ, состоявшій въ примѣшиваніи къ золоту ртути.[167] Такое золото употреблялось на обыкновенную посуду. Впрочемъ, этотъ способъ, при чрезмѣрномъ увеличеніи процентнаго содержанія ртути, значительно вліяющій на прочность позолоты, не могъ, конечно, принести тѣхъ выгодъ, которыя далъ Мейссенскому заводу открытый директоромъ его Кюномъ способъ получать блестящее золото не полировкой, а при обжигѣ (такъ называемое нѣмецкое золото).[168]

Стр. 146.

Рис. 206. Гурьевскій сервизъ: салатникъ, м. A, д. 6 3/4 в. (Петергофскій Дворецъ).
Saladier, l. 30 cm.

Усиленное производство ординарнаго живописнаго фарфора повело къ значительному увеличенію числа муфелей, отливка которыхъ производилась на Александровскомъ казенномъ заводѣ.[169]

Обдѣлка художественныхъ вещей бронзою и снабженіе ихъ мраморными пьедесталами, съ уничтоженіемъ заводской мраморной мастерской, поручались частнымъ мастерамъ.[170] Иногда, впрочемъ, для додѣлки каменныхъ частей вещи отправлялись на казенную Екатеринбургскую гранильную фабрику.[171]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Когда Гурьевъ искалъ за границей спеціалистовъ, которые могли бы поднять художественную часть Императорскаго фарфороваго завода, онъ придавалъ особенное значеніе тому, чтобы художники, поступающіе на Императорскій заводъ, были знатоками „новаго вкуса“ и могли сами „изобрѣтать и дѣлать въ лучшемъ вкусѣ прожекты и рисунки для фарфоровыхъ вещей и прочихъ издѣлій“.[1,2]

Принимая во вниманіе настойчивость, съ какой Гурьевъ требовалъ отъ иностранныхъ мастеровъ „новаго вкуса“, можно было бы предположить, что именно художники французы: Адамъ, Свебахъ, Моро и Давиньонъ принесли на Императорскій фарфоровый заводъ новый стиль, господствовавшій тогда на Севрскомъ заводѣ, а русскіе ученики копировали своихъ учителей. Однако, требованія новаго вкуса, характерныя особенности новаго стиля были сознаны и теоретически возведены въ принципъ на Императорскомъ заводѣ до пріѣзда въ Россію Адама и, слѣдовательно, много раньше пріѣзда Свебаха, Моро и Давиньона. Источникъ этого вкуса — общій для всѣхъ европейскихъ странъ первой четверти XIX вѣка.

Стр. 146.

Рис. 207. Гурьевскій сервизъ: тарелка, солонка, чашка, блюдце, б. м., д. 5 5/8, в. 15/16, 1 1/2, д. 3 1/8 в. (Петерг. Дв.).
Assiette, salière, tasse, soucoupe, d. 25 cm., h. 4,25, 6,75, d. 14 cm.

Достаточно перелистать сохранившіеся въ библіотекѣ Императорскихъ заводовъ два тома акварельныхъ рисун-

Стр. 14

Рис. 208. Гурьевскій сервизъ: чаша для фруктовъ, бутылочникъ, м. $\frac{Ф}{А}$, в. $4\frac{1}{2}$ в. (Петергофскій Дворецъ).
Coupe à fruits, seau à verre, h. 20 cm.

ковъ вазъ, сервизныхъ и другихъ предметовъ, проектированныхъ для Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ профессоромъ Гаттенбергеромъ, чтобы убѣдиться, что новый стиль былъ идеаломъ для этихъ заводовъ раньше, чѣмъ могло сказаться вліяніе французскихъ мастеровъ. Эти же альбомы Гаттенбергера краснорѣчиво говорятъ, что источникъ новаго стиля и для русскаго искусства (по крайней мѣрѣ, насколько это относится къ художественнымъ произведеніямъ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ) не Севрскій заводъ и не французское искусство, а древности помпейскія и этрусскія: италогреческій стиль, трактованный въ альбомахъ Гаттенбергера иногда съ большимъ даже пониманіемъ древнихъ образцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большей самостоятельностью, чѣмъ трактовались тѣ же этрусскія и помпейскія древности въ Севрѣ.

Классическія формы стали проникать въ европейское прикладное искусство еще въ послѣдней четверти восемнадцатаго вѣка, но вліяніе ихъ было тогда въ значительной мѣрѣ случайнымъ: европейское общество знакомилось съ итало-греческими древностями, вынесенными изъ-подъ руинъ итальянскихъ городовъ; древнее искусство не въ твореніяхъ великихъ артистовъ, а въ издѣліяхъ повседневнаго обихода, въ предметахъ художественной промышленности заинтересовало не только замкнутый кругъ художниковъ-спеціалистовъ, но и широкую публику, вызывало на подражаніе, на попытку примѣнить классическія формы къ предметамъ художественной промышленности новаго времени. Подражаніе антикамъ вносило нѣкоторое разнообразіе въ приглядѣвшійся уже стиль рококо, съ его не подчиняющейся никакимъ законамъ, кромѣ фантазіи художника и неопредѣленнымъ понятіямъ изящества и граціи, капризной рваной линіей. Возстановлялась въ своихъ правахъ прямая линія съ ея строгими пропорціями, съ ея сухостью. Вліяніе прямой линіи отразилось и на керамическихъ издѣліяхъ всѣхъ европейскихъ заводовъ, въ томъ числѣ и Императорскаго.

Но долго вліяніе антиковъ оставалось слишкомъ поверхностнымъ, ограничиваясь позаимствованіемъ отдѣльныхъ элементовъ искусства; потребность вникнуть въ духъ классической древности не сознавалась, благодаря чему получалось смѣшеніе элементовъ античныхъ съ элементами, характеризующими стиль XVIII вѣка.

Скоро однако античной древности суждено было опрокинуть всѣ основы искусства XVIII вѣка. Почва для такого поворота въ искусствѣ подготовлялась исподволь во всѣхъ областяхъ общественныхъ отношеній, во всѣхъ европейскихъ странахъ, въ однѣхъ робко, въ другихъ — рѣшительно и страстно.

Въ Германіи поклоненіе классицизму было возведено въ принципъ, въ стройную эстетическую теорію, благодаря, въ особенности, историку древняго искусства Винкельману.

Во Франціи самымъ яркимъ представителемъ новаго направленія въ искусствѣ былъ Давидъ (1748—

Стр. 146.

Рис. 209. Тарелка, б. м., д. $5\frac{1}{2}$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Assiette, d. 24,5 cm.

1825). Притомъ, общественная жизнь этой страны создала благопріятныя условія, при которыхъ новыя идеи получили особую рѣзкость и стремительность.

Стр. 1 148

Рис. 210. Ваза. б. м., в. 12 в (коллекція гр. Зубовыхъ) Vase, h. 53,5 cm.

Сладострастная грація стиля Людовика XV не отвѣчала стремленіямъ третьяго сословія, которое не успѣло еще дорасти до исключительнаго поклоненія культу красиваго, а потому толковало о прекрасномъ въ связи съ „мѣщанскими добродѣтелями."

При мирномъ развитіи общества, при культурной только борьбѣ сословій, можетъ быть, и восторжествовали бы мѣщанскія добродѣтели, облеченныя вь одѣяніе сентиментализма и реализма, но конецъ XVIII и начало XIX вѣка это время острой политической борьбы, слѣдовательно, являлась потребность не въ однѣхъ только семейныхъ добродѣтеляхъ, не только въ картинахъ и сценахъ мирной жизни. Политическая борьба требовала героевъ, требовала картинъ, возвышающихъ духъ борцовъ, требовала примѣровъ высокихъ добродѣтелей.

Пришлось обратиться къ прошлымъ вѣкамъ, къ вѣкамъ республиканской свободы, вѣкамъ классической древности, которая, въ дымкѣ прошлаго, казалось, соединяла высокія добродѣтели и искусства съ близостью къ природѣ.

„Революція дала рѣшительный толчекъ. Въ потокахъ крови потонули художественные идеалы XVIII вѣка... Классицизмъ, напротивъ того, нашелъ въ революціи твердую опору и связь съ современностью." [173]

Эпоха Наполеоновскихъ войнъ, когда вся Европа превратилась въ большой военный лагерь, способствовала также поддержанію классическаго направленія въ искусствѣ, создавъ батальную живопись большого стиля, которая могла имѣть нѣкоторую связь съ классическими воззрѣніями эпохи, благодаря тому, что воинъ древности былъ синонимомъ героя. Живыхъ солдатъ старались рисовать такъ, чтобы они походили на этихъ героевъ, изображенія коихъ сохранились въ мраморныхъ статуяхъ. Наполеонъ былъ поклонникъ классицизма, ловко приноравливая его формы къ вящшему своему величію. Художникъ Давидъ перешелъ на службу къ Наполеону и, въ качествѣ придворнаго живописца, продолжалъ быть диктаторомъ художественнаго вкуса. Только къ концу первой четверти XIX вѣка псевдоклассицизмъ, дискредитированный и гонимый, сталъ терять свое обаяніе и уступилъ мѣсто новому романтическому направленію.

Стр. 143, 148.

Рис. 211. Ваза, б. м., в. 13³⁄₄ в. (Имп. Зав.). Vase, h. 61 cm.

Если прослѣдить исторію русскаго искусства, то и здѣсь, при нѣсколько иныхъ условіяхъ общественной и политической жизни, наблюдается весьма благопріятная почва для развитія псевдо-классицизма. Законодательницей художественнаго вкуса въ Россіи являлась со второй половины XVIII вѣка Академія Художествъ, которая съ самаго своего основанія возвела въ догматъ поклоненіе антикамъ. Изученіе античныхъ статуй по гипсовымъ слѣпкамъ клалось въ основаніе художественнаго развитія учениковъ. Новымъ картинамъ отказывали въ правахъ на красоту, если онѣ въ фигурахъ не воспроизводили античнаго типа съ нѣжнымъ профилемъ, большими глазами и прямой линіей лба и носа. Въ скульптурѣ тѣмъ болѣе необходимо было приближаться къ клас-

сическимъ формамъ и пропорціямъ. Щедринъ, Шубинъ, Козловскій, Демутъ-Малиновскій, С. С. Пименовъ, Мартосъ, да и всѣ позднѣйшіе академики-скульпторы первой половины XIX вѣка — были послѣдователями классическаго направленія.

Императорскій фарфоровый заводъ первое время стоялъ внѣ академическихъ вліяній, но уже при Императрицѣ Екатеринѣ II завязались связи между этими учрежденіями: проектированное Рашетомъ филе къ арабесковому сервизу было разсмотрѣно и одобрено Академіей; въ 1783 году на заводъ былъ назначенъ смотрителемъ живописи и перспективы, потомъ инспекторомъ второй ремесленной части А. П. Захаровъ, который добивался званія академика; другой Захаровъ, служившій на заводѣ живописцемъ, а съ 1804 г. учителемъ въ заводскомъ училищѣ, и вольные живописцы Панфилъ Шепталинъ (съ 1789 г.), и Александръ Макаровъ (съ 1797 г.), были также изъ воспитанниковъ Академіи; съ 1809 г. для надзора за скульптурной частью на Императорскій фарфоровый заводъ былъ приглашенъ профессоръ Академіи Пименовъ; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ академиковъ: скульпторъ Командеръ, мастеръ живописи Канунниковъ, модельмейстеръ Воронихинъ, учитель рисованія, лѣпной работы съ бюстовъ и орнаментной скульптуры, а потомъ помощникъ модельмейстера И. Лантманъ. [74]

Всѣ эти художники, прошедшіе одну школу, не могли не оказать вліянія на установленіе извѣстнаго направленія художественной дѣятельности завода, именно — классическаго, конечно, въ томъ видѣ, какъ классицизмъ понимался Академіей.

Рис. 212. Ваза, б. м., в. 33 в (Зимн. Дв.).
Vase, h. 1,46 cm.

Роль французскихъ художниковъ, какъ бы она ни была значительна, не являлась, поэтому, руководящей: ихъ приглашали только какъ опытныхъ исполнителей въ томъ стилѣ, который теоретически и практически усвоенъ былъ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ до ихъ появленія.

Мало того, эти художники въ своей дѣятельности въ Россіи должны были считаться съ тѣми особенностями, которыя отличали дѣятельность Императорскаго фарфороваго завода отъ Севрской мануфактуры, и пользоваться русскими источниками: напр. Свебахъ работалъ по эскизамъ живописца Орловскаго.

Если сравнить всю совокупность произведеній фарфоровыхъ заводовъ того времени: съ одной стороны, западно-европейскихъ, съ другой — Императорскаго, то бросится въ глаза большая разница, заключающаяся не въ стилѣ, который и здѣсь и тамъ былъ одинъ и тотъ же, даже не въ художественныхъ достоинствахъ издѣлій: въ этомъ отношеніи Императорскій заводъ едва-ли значительно уступалъ лучшимъ западно-европейскимъ. Превосходство Севрскаго завода заключалось въ высшей степени грандіозности его художественныхъ издѣлій, въ его плодовитости, въ большей идейной содержательности. Причина — наличность центральнаго интереса, которому подчинялась вся дѣятельность Севра съ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка до конца Первой Имперіи. Этотъ интересъ сосредоточивался на личности Наполеона, глорификаціи котораго и преданію потомству памяти о его великихъ подвигахъ почти всецѣло посвятила себя Севрская мануфактура. Нѣчто подобное случилось съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Но Императорскій заводъ со времени Теплова имѣлъ двѣ стороны своей дѣятельности, если не исключающія одна другую, то значительно одна другую ограничивающія: художественную и коммерческую. Севрскій заводъ при Наполеонѣ былъ освобожденъ отъ

Стр. 143, 146
Рис. 213. Ваза, б. м., в. 11½ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 51 cm.

коммерческихъ заботъ: его издѣлія, обычно, не поступали въ продажу; покупать вещи на Севрской фабрикѣ разрѣшалось только высокопоставленнымъ лицамъ или коронованнымъ особамъ, посѣщавшимъ Севръ, да и то въ видѣ особой милости или особаго благорасположенія Императора. При такихъ условіяхъ, фабрика, не имѣвшая надобности работать ординарныя вещи для рынка, могла отдаться всецѣло художественнымъ задачамъ, апоѳеозу великаго государя, великіе и блестящіе подвиги котораго настраивали и наэлектризовывали директора фабрики, знаменитаго въ исторіи керамики Броньяра, возбуждали полетъ его фантазіи, заставляли стремиться къ грандіозности, въ ущербъ нерѣдко истинной художественности. Такъ появились выдающіяся по своей величинѣ вазы Севра, фарфоровыя колонны, историческій наполеоновскій фарфоръ.

Войны, занявшія лучшіе годы царствованія Императора Александра I, мѣшали Императору ближе интересоваться художественными вопросами. Политическія событія, точно также и характеръ самого Императора исключали возможность избрать его личность центральной фигурой для художественной дѣятельности Императорскаго завода. Даже событія двѣнадцатаго года прошли почти безслѣдно для завода. Мистически настроенный Государь мечталъ тогда о памятникахъ въ родѣ таинственнаго храма Витберга. Отъ такого идеала далеко до прославленія личности Государя на первомъ планѣ, до использованія его фигуры, какъ центра героическаго культа.

Отсутствіе въ издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода исторической тенденціи могло еще принести извѣстную пользу, освобождая дѣятельность завода отъ однообразія и условности. Зато коммерческія тенденціи, несомнѣнно, отозвались крайне неблагопріятно, отвлекши вниманіе исполнителей отъ художественныхъ задачъ.

Императорскій фарфоровый заводъ въ царствованіе Императора Александра I не только не былъ избавленъ отъ заботъ коммерческаго характера, но, наоборотъ, коммерческія задачи преслѣдовалъ больше, чѣмъ въ какое-либо другое время; казалось даже, что эти задачи ставились на первомъ планѣ.

Въ то время, какъ кн. Вяземскій, при Императрицѣ Екатеринѣ II, лично давалъ художникамъ завода идеи, давалъ художественныя заданія, имѣвшія въ виду увѣковѣченіе великихъ дѣлъ его Государыни, Гурьевъ, при Императорѣ Александрѣ I, тоже весьма заботившійся о процвѣтаніи Императорскаго фарфороваго завода, не щадившій средствъ для привлеченія лучшихъ иностранныхъ и русскихъ мастеровъ и художниковъ, добивался запрещенія иностраннаго импорта, чтобы дать возможность фарфору Императорскаго завода захватить всѣ внутренніе рынки, и подавалъ идеи, хоть не безполезныя для завода, но исключительно имѣвшія въ виду прибыль, путемъ удешевленія производства. [175]

Неблаготворное вліяніе коммерческихъ цѣлей необходимо имѣть въ виду при сужденіи о художественныхъ произведеніяхъ Императорскаго фарфороваго завода этого періода въ большей еще степени, чѣмъ при сужденіи о произведеніяхъ времени Императрицы Екатерины II.

Ординарныя вещи въ значительной массѣ шли въ публику, слѣдовательно, теперь тѣмъ чаще могутъ встрѣчаться въ коллекціяхъ. Такія вещи не отличаются выдержанностью стиля, носятъ ремесленный отпечатокъ, обнаруживаютъ стремленіе приноровить первоначальную модель къ условіямъ посредственной техники; встрѣчаются даже сочетанія различныхъ формъ, снятыхъ съ различныхъ моделей.

Какъ на примѣръ, можно указать на чайникъ изъ коллекціи Евдокимовыхъ (рис. 194). Тѣло этого чайника напоминаетъ формы екатерининскаго арабесковаго сервиза и, во всякомъ случаѣ, сработано по моделямъ времени Императрицы Екатерины II или Императора Павла Петровича; скульптурные же носикъ въ видѣ амура, льющаго изъ сосуда воду, и ручка въ видѣ крылатой каріатиды заимствованы изъ альбомовъ Гаттенбергера, хотя и въ искаженномъ видѣ.

Преслѣдованіе коммерческихъ цѣлей вело даже къ тому, что принимались казенные и частные заказы на издѣлія техническаго характера. [176]

Вполнѣ художественными вещами, кромѣ нѣкоторыхъ бюстовъ (рис. 178, 179, 183), можно назвать тѣ, которыя изготовлялись для поднесеній Его Величеству, для высочайшихъ подарковъ или дѣлались по высочайшимъ повелѣніямъ или указамъ Кабинета Е. И. В. для Императорскихъ дворцовъ, для членовъ Августѣйшей Фамиліи. Поднесенія Государю дѣлались ко дню св. Пасхи и къ Новому Году [177] и состояли, главнымъ образомъ, изъ вазъ, дежене, яицъ (рис. 195) и бисквитныхъ вещей. Въ документахъ встрѣчаются указанія на вещи, исполненныя для дворцовъ: Аничкова,[178] Павловскаго,[179] Зимняго,[180] Елагиноостровскаго,[181] Петергофскаго, [182] Царскосельскаго (между прочимъ, мозаичные столы), [183] наконецъ, для Кабинета Его Величества (6 вазъ) [184] и для придворной аптеки (тарелки съ ландшафтами и вазы). [185]

Стр 143. 148.
Рис. 214. Ваза, б. м., в. 16½ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 73,25 cm.

Изъ сервизовъ одни, по числу кувертовъ, напоминали сервизы Императора Павла Петровича, другіе ближе подходили къ сервизамъ Императрицы Екатерины II. Такъ, въ 1803 г. былъ заказанъ для Его Величества сервизъ на 8 персонъ, [186] а въ 1823 г. сервизъ на 150 кувертовъ. [187] Въ томъ же 1823 г. были додѣланы на заводѣ вещи къ Юсуповскому сервизу.[188]

Изъ вещей, начатыхъ при Императорѣ Павлѣ для Императорской Фамиліи, закончены въ царствованіе Императора Александра I: туалетъ вдовствующей Императрицы Маріи Θеодоровны (рис. 177, 182) [189] и вещи для приданаго Великой Княжны Маріи Павловны. [190] Такимъ же образомъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ изготовлялось приданое и для Великихъ Княженъ Анны Павловны [191] и Екатерины Павловны. [192] Позднѣе исполнены были заказы для дворца В. Кн. Михаила Павловича, [193] между прочимъ, пять медальоновъ въ придворную церковь его дворца. [194] Въ послѣдній годъ царствованія Императора Александра I дѣлались вещи для В. Кн. Николая Павловича (24 прорѣзныхъ цвѣтника) [195] и для В. Кн. Александры Θеодоровны (кобальтовое дежене). [196]

Изъ высочайшихъ подарковъ коронованнымъ и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ слѣдуетъ отмѣтить: поднесенія, сдѣланныя австрійскому эрцъ-герцогу Іосифу во время посѣщенія имъ фарфороваго завода 4 мая 1803 года (въ числѣ поднесенныхъ вещей упоминаются бисквитныя: Нимфа съ Купидономъ, Зефиръ и Флора, бюстъ Императора Александра Павловича и бюстъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны и мраморный бюстъ „Муза“); [197] затѣмъ королю Прусскому (въ 1818 г.), [198] принцамъ: Виртембергскому (1816 г.), [199] Саксенъ-Веймарскимъ (1816 и 1825 гг.), [200] Мекленбургъ-Шверинскому (1821 г.), [201] Оранскому (1816 г.) [202] и наслѣдному принцу персидскому Аббасъ-мурзѣ (1822 и 1824 гг.). [203] Сдѣланы были также подарки персидскому послу, посѣтившему заводъ въ 1816 г., [204] и Измаилъ-пашѣ (1811 г.). [205] Съ 1824 г. ежегодно изготовлялись на фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ подарки для отправки чиновникамъ китайскихъ пограничныхъ провин-

Стр. 142, 146

Рис. 215. Сервизъ гр. Аракчеева: тарелки, б. м., д. 5 в. (колл. М. И. Прутченко).
Assiettes, d. 22,5 cm.

цій—вану и амбаню. [206] Въ 1823 году былъ отправленъ транспортъ различныхъ фарфоровыхъ вещей для главноуправляющаго Грузіей. [207] Подарки частнаго характера были сдѣланы первому издателю Отечественныхъ Записокъ П. П. Свиньину, которому отправлена была (1824 г.) фарфоровая ваза для помѣщенія въ его „отечественный музей.“ [208] Другая ваза пожалована была (1825 г.) бригадиру Пашкову. [209] Въ 1825 г. графу Аракчееву были отпущены изъ завода тарелки (рис. 215, 216). [210]

Изъ частныхъ заказовъ, имѣвшихъ художественное значеніе, въ документахъ упоминается о двухъ образахъ на фарфорѣ для Евангелія по заказу для соборной церкви въ городѣ Николаевѣ, [211] и о богатомъ заказѣ, сдѣланномъ въ 1817 г. португальскимъ посланникомъ. [212] Послѣднее обстоятельство можетъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать объ интересѣ, который возбуждалъ Императорскій заводъ, и, слѣдовательно, о достоинствѣ его издѣлій.

ФОРМЫ.

Основныя формы художественныхъ произведеній Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Александра I достаточно опредѣляются общимъ характеромъ псевдоклассическаго стиля и представляютъ болѣе или менѣе удачныя подражанія италогреческимъ, этрусскимъ или аттическимъ вазамъ, панатенейскимъ амфорамъ, гидріямъ, кратерамъ, кубкамъ, кантаросамъ, также канделябрамъ, треножникамъ, столамъ и пр. Использованы были даже элементы египетскаго стиля. Стиль не вездѣ выдержанъ: иногда мотивы заимствуются изъ формъ ренессанса, иногда напоминаютъ XVIII столѣтіе. Такое смѣшеніе

Стр. 142, 146.

Рис. 216. Сервизъ гр Аракчеева: тарелки, б. м, д. 5 в. (колл. М. И. Прутченко).
Assiettes, d. 22,5 cm

стилей, замѣтное какъ на формахъ, такъ и на орнаментѣ, обусловливается не только недостаточнымъ еще знакомствомъ съ сущностью греческаго искусства, но и стремленіемъ къ самостоятельной композиціи, желаніемъ не рабски только копировать античную древность, но творить самостоятельно, исходя изъ основныхъ формъ греческаго искусства.

Въ идеальномъ изображеніи новыя формы представлены въ альбомахъ Гаттенбергера, обнаруживая большое стремленіе къ легкимъ линіямъ и скульптурнымъ элементамъ: вездѣ каріатиды, маскароны, головки, бюсты и торсы, звѣри, сфинксы и т. п.; вездѣ, гдѣ это возможно, геометрическія формы замѣнены фигурными. Надо отдать справедливость Гаттенбергеру: у него обиліе скульптурныхъ формъ рѣдко ведетъ къ чрезмѣрности, не дѣлаетъ предмета тяжелымъ. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, случаяхъ выполненіе проектовъ Гаттенбергера должно было бы вызвать большія техническія трудности. Стремленіе къ легкости линій у Гаттенбергера ведетъ къ вытягиванію туловищъ сосудовъ, къ удлиненію ножекъ и шеекъ; особенно характерны тонкія, высоко приподнятыя надъ бортами ручки, замѣняемыя иногда фигурными изваяніями.

Въ дошедшихъ до насъ предметахъ формы значительно утратили свою идеальность, приспособляясь отчасти къ техникѣ (рис. 219, 222), отчасти къ исполнителямъ или заказчикамъ.

Общій, однако, характеръ остался тотъ же: классическая форма въ основѣ, стремленіе къ легкости линій, частое обращеніе къ скульптурнымъ элементамъ.

Лучше всего эти характерныя особенности стиля эпохи Императора Александра I сказались на предметахъ, назначеніе которыхъ менѣе всего утилитарное, особенно на вазахъ.

Изъ вазъ наиболѣе характерной и ближе всего подходящей по формѣ къ античнымъ вазамъ слѣдуетъ считать открытую вазу съ очень широкимъ устьемъ, овоиднымъ тѣломъ на болѣе или менѣе сложной ножкѣ, съ близко прилегающими къ вазѣ, слегка вогнутыми къ тѣлу ручками, поднимающимися надъ устьемъ и налегающими на его бортъ закрытымъ завиткомъ (табл. VII). По сравненію съ античными, эти вазы имѣютъ укороченное и слишкомъ заостренное книзу тѣло, вслѣдствіе чего, для сохраненія легкости всей вазы, ножка всегда выше, чѣмъ въ греческихъ вазахъ. Форма эта относится ко времени, когда заводъ достигъ высшаго своего развитія: къ 1816 и послѣдующимъ годамъ. Лучшія изъ такихъ вазъ украшены живописью Свебаха и декорированы Моро.

Стр. 146.

Рис. 217. Тарелка, б. м., д. 5½ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ) Assiette, d. 24.5 cm

На форму вазы съ ручками въ видѣ наклонившихся надъ отверстіемъ вазы женщинами (рис. 214) надо смотрѣть, какъ на развитіе предыдущей, съ замѣной ручекъ, подражающихъ ростку или усику вьющихся растеній, фигурами. По нѣкоторымъ подробностямъ, отчасти же, по сравнительно большой величинѣ, вазу эту надлежитъ считать переходной къ типу вазъ времени Императора Николая I.

Одновременно съ вазами первой формы, существовали другія, развившіяся изъ формъ панатенейской призовой вазы, съ болѣе сжатымъ тѣломъ, сравнительно узкой и вытянутой шейкой и ручками, обыкновенно не превышающими шейки и загибающимися подъ ея верхнимъ раструбомъ (рис. 213). Ножка, какъ и въ первой формѣ, сложнѣй и возвышеннѣй, чѣмъ въ греческихъ вазахъ. И здѣсь точно также ручки могутъ замѣняться фигурами (рис. 211). Та же форма наблюдается и на другой вазѣ (табл. VII), но только въ ней сложныя скульптурныя ручки подняты выше края шейки, нарушая этимъ чистоту формы. Овоидное туловище вазъ, сравнительно короткое въ приведенныхъ формахъ, въ другихъ

Стр. 145, 146.
Рис. 218. Подносъ, б. м., в. 6¼ в. (колл. Л. А. Ольхиной).
Plateau, h. 30 cm.

случаяхъ удлиняется слегка (рис. 210), или же весьма значительно и становится веретенообразнымъ, при чемъ соотвѣтственно удлиняется и шейка и ножка; получается такимъ образомъ сильно вытянутая форма, которая можетъ быть отнесена къ срединѣ царствованія Императора Александра I (рис. 204, 205).

Ваза, изображенная на рис. 212, по формѣ принадлежитъ къ первой половинѣ періода и отличается явнымъ раздѣленіемъ туловища на три зоны, при чемъ средній поясъ имѣетъ видъ обратнаго усѣченнаго конуса, т. е. въ вертикальномъ сѣченіи даетъ фигуру, ограниченную не кривыми, а прямыми линіями, чего почти никогда не бываетъ на античныхъ вазахъ. Эта ваза сильно еще напоминаетъ предшествовавшую эпоху въ жизни Императорскаго завода.

Другая ваза (рис. 187), находящаяся въ музеѣ Императорскаго фарфороваго завода, и согласно описямъ, тоже времени Императора Александра I, должно быть, сдѣлана въ первые годы его царствованія: настолько всѣмъ своимъ видомъ она говоритъ о времени Императора Павла Петровича и даже болѣе раннемъ.

Что касается сервизныхъ вещей, на каждой изъ нихъ, такъ или иначе, больше или меньше, отражается вліяніе классическихъ образцовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя исполнялись для пополненія раньше заказанныхъ сервизовъ. Такъ, напримѣръ, тарелки и блюда времени Императора Александра I совершенно избѣгаютъ волнистой линіи, выемокъ, рѣзьбы и тому подобныхъ украшеній, нарушающихъ правильность круга или овала. Чайники, чашки, молочники и другая легкая посуда совершенно свободны отъ вліянія установившихся въ срединѣ XVIII столѣтія образцовъ; каждая форма что-либо позаимствовала изъ классическаго искусства.

Сохранилась форма чашки „стаканчикомъ“ (рис. 185), діаметръ которой (большею частью верхній діаметръ на 1 -2 стм. больше нижняго) нѣсколько превосходитъ или равенъ высотѣ чашки, ручка же не превышаетъ бортовъ чашки.

Несмотря на сомнительную художественность этой чисто геометрической, до крайности сухой, безжизненной формы, она очень долго держалась во всей Европѣ, отчасти, можетъ быть, потому, что представляетъ нѣкоторыя удобства для практическаго употребленія, отчасти благодаря обширной и удобной поверхности для орнамента и живописи. Дѣйствительно, на чашкахъ этой именно формы встрѣчаются чаще всего богатые орнаменты и особенно часто портретная миніатюрная живопись въ медальонахъ.

Стр. 143.
Рис. 219. Чаша для фруктовъ, б. м., в. 12¾ в. (Имп. Зав.).
Coupe à fruits, h. 57 cm

Есть, конечно, и другія формы, не имѣющія никакого отношенія къ классическимъ, напримѣръ, многогранные подносы и

тарелки (рис. 218, 224), цилиндрическіе молочники, китайскія вазочки (рис. 189, 190), бутылки (рис. 184) и др. Но всѣ эти формы случайны и не нарушаютъ общаго впечатлѣнія, получаемаго отъ обзора совокупности формъ эпохи Императора Александра I, т. е. формъ первой четверти XIX столѣтія.

Въ этотъ періодъ Императорскій фарфоровый заводъ часто воспроизводилъ фигуры въ связи съ различными другими формами: вазами, чашами, канделябрами и проч. Какъ въ этихъ фигурахъ, такъ и въ самостоятельныхъ статуэткахъ и группахъ классицизмъ отразился съ особенной яркостью: будутъ ли это миѳологическіе сюжеты (рис. 221) или сюжеты изъ русскаго быта (рис. 197, 198, 199)— фигуры остаются классическими: амуръ и русскій годовалый ребенокъ сходны, точно дѣти одной матери, русская мамка въ сарафанѣ сродни Герѣ, а крестьянскій подростокъ смотритъ не то спартанскимъ юношей, не то Давидомъ, ополчившимся на Голіаѳа.

Ст. 146

Рис. 220. Кофейный сервизъ. б. м., в. чашки 2 в. (колл. Л. А. Ольхиной).
Service à café, h tasse 9 cm.

Вообще, фигурамъ времени Императора Александра I недостаетъ жизни: это статуи, застывшія въ своихъ движеніяхъ. Въ этомъ онѣ рѣшительно уступаютъ фигурамъ времени Императрицы Екатерины II. Тоже самое возможно сказать о бисквитномъ бюстѣ Императора Александра I (рис. 203).

Характернымъ для разсматриваемаго періода является и то обстоятельство, что скульптурныя украшенія въ видѣ цвѣтовъ и цвѣточныхъ гирляндъ, въ противоположность предыдущимъ періодамъ, встрѣчаются очень рѣдко (рис. 196).

ЖИВОПИСЬ.

Украшеніе вазъ живописью и орнаментомъ не могло подчиняться въ такой мѣрѣ классическому вліянію, какъ формы. Новая керамика не можетъ отказаться отъ полихромной живописи, недоступной почти древнимъ: олигохромная живопись терпима теперь лишь какъ частичное явленіе, и въ такомъ видѣ она, дѣйствительно, примѣнялась изрѣдка на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ.

Безусловное господство полихроміи даже неблагопріятно отзывалось въ художественномъ отношеніи. Стремленіе прикрывать краской естественную бѣлизну глазури, явившееся еще въ XVIII вѣкѣ, не уменьшалось, а какъ будто еще усиливалось. Прикрывались фонами не только мелкія сервизныя вещи, каковы чашки, но и большія вазы. Явились разнообразнѣйшіе фоны: кобальтовый, бирюзовый, палевый, бланжевый, пурпуровый.

Но такъ какъ цвѣтной фонъ всетаки покрывался орнаментомъ, то приходилось сопоставлять рѣзкіе цвѣта, выдѣляющіеся одинъ на другомъ; приходилось прибѣгать даже къ разноцвѣтнымъ фонамъ, отчего получалась большая пестрота.

Золото, отчетливо выдѣляющееся на всякомъ фонѣ и служащее удобнымъ фономъ для всѣхъ почти красокъ, сдѣлалось излюбленнымъ декоративнымъ матеріаломъ, особенно

съ тѣхъ поръ, какъ по золоту стали наводить расцыровку, гравировать его, научились воспроизводить золотой рельефный орнаментъ; золото примѣнили и къ сплошному фону, раздѣлывая орнаментъ гравировкой или полировкой по золоту или живописью—красками (табл. VII). Для орнамента, въ тѣсномъ смыслѣ слова, широко использованы классическіе образцы: простыя и перевитыя полоски, ломанныя линіи, завитки, акротеріи, пальметки, стилизированные лавры, виноградные листья, плющъ и пр., въ строгой симметріи (рис. 192—194, 206—209). Очень рѣдко, преимущественно на чашкахъ стаканчиками, можно встрѣтить орнаментъ изъ гирляндъ живыхъ цвѣтовъ, расположенныхъ сѣтью звѣздочекъ или кружечковъ и т. п. (рис. 185), не часто также попадаются и гротески (арабески) въ помпейскомъ стилѣ (рис. 191). На военныхъ тарелкахъ конца царствованія встрѣчается своеобразный прерывистый орнаментъ, составленный изъ тяжело скомпонованныхъ элементовъ классическаго орнамента, государственныхъ гербовъ и перевитыхъ вѣнками оружій (рис. 223). Встрѣчающіеся изрѣдка разсѣянные цвѣты и букеты суть пережитки прошлыхъ временъ (рис. 184, 186). Украшеніе иногда состоитъ исключительно изъ орнамента, и это не только на ординарныхъ вещахъ, но и на вазахъ (рис. 191, 213). Чаще, впрочемъ, особенно на художественныхъ вещахъ къ орнаменту присоединяется декоративная живопись. Въ альбомахъ Гаттенбергера, гдѣ онъ возможно строго придерживался античнаго стиля, живопись исключительно фигурная, строго декоративная и въ рѣдкихъ только случаяхъ заключена въ рамку, которая, въ сущности, составляетъ сама часть орнамента или вполнѣ согласована съ орнаментомъ. Сюжеты классическіе. Пейзажей и жанровой живописи нѣтъ. На сохранившихся образцахъ, къ счастью, незамѣтно такого классическаго однообразія. Императорскій фарфоровый заводъ давно привыкъ къ разнобразію сюжетовъ, къ обращенію къ натурѣ и къ національнымъ мотивамъ, и не мыслимо было бы, чтобы онъ такъ легко отказался отъ своихъ болѣе чѣмъ полувѣковыхъ традицій.

Стр. 145.

Рис. 221. Амуры, б. м., в. $3^1/_4$, $3^1/_2$, 3 в. (Зимн. Дв.)
Amours, h. 14,5; 15,5; 13,5 cm.

На разнообразныхъ предметахъ (рис. 189, 190, 195, 196, 201, 202, 215, 216) имѣются ландшафты какъ натуральные, такъ и идеальные, исполненные по рисункамъ Щедрина, Галактіонова, Ухтомскаго, Ческаго и другихъ художниковъ; не рѣдокъ и жанръ (рис. 220). На восьмиугольномъ подносѣ (рис. 218) интересенъ также и сюжетъ, изображающій русскую забаву — катанье съ горъ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія. Національный мотивъ использованъ и на тарелкахъ (рис. 201, 202) съ изображеніемъ Петропавловской крѣпости и памятника Петру Великому.

Большой интересъ представляютъ тарелки (табл. VII, рис. 209, 217), съ изображеніями народностей и типовъ Россіи. Сюжеты по идеѣ напоминаютъ куклы времени Императрицы Екатерины II: народы, населяющіе Россію. Нѣкоторыя изъ этихъ тарелокъ съ сюжетами, компонованными по рисункамъ Орловскаго, писаны Свебахомъ и декорированы Моро, т. е. мастерами, считавшимися тогда лучшими

Стр 143

Рис. 222. Чаша для фруктовъ, б м., в. $14^1/_4$ в. (Имп. Зав.).
Coupe à fruits, h. 63 cm.

на заводѣ художниками. Это показываетъ, что на исполненіе этихъ тарелокъ обращено было большое вниманіе. Въ выборѣ же сюжетовъ можно видѣть отголосокъ пробудившагося народнаго самосознанія и народнаго духа, приподнятаго въ царствованіе Императора Александра I событіями Отечественной войны. Тѣ же событія вызвали и другую идею — военныя тарелки, изображающія солдатъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія (рис. 223).

Эта идея была настолько плодотворна, что подобныя тарелки сдѣлались какъ-бы традиціонными, возобновляясь въ XIX столѣтіи въ каждомъ новомъ царствованіи.

Портретная живопись имѣла широкое примѣненіе: вошло въ обычай на чашкахъ изображать коронованныхъ особъ или

Стр 143, 147

Рис. 223. Тарелки. м [illegible], д. 5 [illegible] в Зимн. Дв.).
Assiettes, d. 24,5 cm.

извѣстныхъ дѣятелей того времени. Миніатюры исполнялись или полихроматически, или въ одинъ тонъ на подобіе камей. Всѣ перечисленные роды живописи строго декоративны. Но во время Императора Александра I появилась и живопись въ видѣ картинъ, правда еще, въ большинствѣ случаевъ, не вполнѣ потерявшая связь съ формой. Такова

живопись на большихъ вазахъ: рис. 211, 214—ландшафты, рис. 210 — жанръ, рис. 204 — батальная живопись, рис. 205 — классическая сценка, рис. 212 — ваза съ живописью Адама, табл. VII — четыре вазы съ живописью Свебаха.

На Адама и Свебаха Гурьевъ возлагалъ большія надежды: они считались первоклассными живописцами по фарфору, оба довольно долго работали на Императорскомъ заводѣ и, слѣдовательно, могли оказать вліяніе на русскихъ живописцевъ, могли бы создать направленіе. Судя по живописи на упомянутой вазѣ, Адамъ находился подъ вліяніемъ тѣхъ работъ Давида, въ которыхъ авторъ Клятвы Горацiевъ, изображая историческія сцены, обнаруживаетъ себя поклонникомъ сладострастной граціи человѣческаго тѣла. При такомъ направленіи Адамъ не могъ внести въ дѣятельность Императорскаго завода чего-либо новаго: классицизмъ въ истолкованіи Давида опредѣлялъ характеръ направленія Академіи Художествъ, воспитанники которой работали на Императорскомъ заводѣ въ качествѣ отвѣтственныхъ живописцевъ. Манера письма не обличаетъ въ Адамѣ отличнаго художника, особенно, что касается техники письма по фарфору.

Болѣе интереса возбуждаетъ Свебахъ: онъ самостоятельнѣе Адама; композиція и манера письма, особенно способы изображать фигуры, указываютъ на техническія знанія и навыкъ: онъ принимаетъ въ разсчетъ особенности фарфоровой живописи. Техника Свебаха своеобразна: у него нѣтъ тщательности въ отдѣлкѣ и тонкости штриховъ: онъ кладетъ краску широкими мазками; его живопись производитъ впечатлѣніе гармоніею тоновъ. Хотя на нѣкоторыхъ предметахъ, изготовленныхъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ (рис. 200), отразилась манера Свебаха, но, въ общемъ, его своеобразная техника не привилась, и не отъ него пошла та школа живописцевъ Императорскаго фарфороваго завода, которая въ слѣдующемъ царствованіи щеголяла своею замѣчательной по исполненію деталей техникой.

Стр. 145.
Рис. 224. Блюдо, м. Ⱥ, д. 6 в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Plat, d. 26,5 cm.

Стр. 214.

Рис. 225. Пластъ: Смотръ л.-гв. Уланскому полку, Н. Фроловъ 1846 г., д. 7½ в. (Музей л.-гв. Уланскаго полка).
Plaque: Revue du régiment des lanciers de la garde impériale, 1 33 cm.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

ПОЛОЖЕНІЕ ОБЪ УПРАВЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКИМИ ЗАВОДАМИ. —ШТАТЫ 1835, 1840, 1853 г.г. —ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ, СРЕДСТВА И ОБОРОТЫ ЗАВОДА.— БЫТЪ РАБОЧИХЪ. —ФИЛІАЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

мператорскій фарфоровый заводъ достойнымъ и трогательнымъ образомъ почтилъ память почившаго въ 1825 г. Императора Александра I исполненіемъ вазы съ его портретомъ, замѣчательной своими размѣрами, одной изъ величайшихъ вазъ, изготовленныхъ до того времени на европейскихъ фарфоровыхъ заводахъ (рис. 241).[1]

Въ томъ же 1825 г. умеръ гр. Д. А. Гурьевъ.

Въ силу неизбѣжныхъ обстоятельствъ, съ перемѣной лица, направлявшаго дѣятельность завода, въ дѣлахъ его должны были произойти перемѣны. Независимо отъ этого, втеченіе четверти столѣтія, протекшаго между воцареніемъ и кончиной Государя Александра I, на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ многое успѣло уже устарѣть, склониться къ упадку

и разрушенію. Это относилось какъ къ людямъ, такъ и къ порядкамъ, какъ къ техническимъ способамъ производства, такъ и къ художественному направленію.

Нельзя, конечно, говорить о неудовлетворительности организаціи завода, о неудовлетворительности личнаго состава въ предшествовавшее царствованіе: и въ томъ, и въ другомъ отношеніи заводъ не заслуживалъ серьезныхъ упрековъ. Но, съ одной стороны, перемѣны въ высшемъ управленіи не могли не отозваться на строѣ администраціи Императорскаго фарфороваго завода; съ другой стороны многимъ лицамъ, какъ изъ состава администраціи, такъ и изъ числа исполнителей: художниковъ, мастеровъ и рабочихъ, время было оставить заводъ, за старостью лѣтъ и неспособностью къ дальнѣйшему труду. Перемѣны въ высшей администраціи являлись только поводомъ къ распоряженіямъ, обусловленнымъ естественными причинами.

Стр. 206.

Рис. 226. Ножка чаши, б. м., в 14½ в. (Имп. Зав.).
Pied de coupe, h. 64,5 cm

Такія перемѣны въ личномъ составѣ произошли втеченіе первыхъ же лѣтъ новаго царствованія, коснувшись какъ высшихъ административныхъ лицъ, такъ и мастеровъ и рабочихъ.

Графа Гурьева замѣнилъ князь Волконскій,[2] назначенный въ 1827 г. министромъ вновь учрежденнаго Министерства Императорскаго Двора и главноначальствующимъ надъ Кабинетомъ Е. И. В. Не считая возможнымъ лично, подобно графу Гурьеву, князю Юсупову и князю Вяземскому, заниматься дѣлами Императорскихъ заводовъ и мануфактуръ, князь Волконскій устранялся отъ разрѣшенія или возбужденія вопросовъ художественныхъ, а обращалъ вниманіе на заведеніе строгаго порядка, по крайней мѣрѣ, насколько порядокъ этотъ могъ быть выраженъ точными правилами и предписаніями.

Стр. 203, 204, 214.

Рис. 227. Ваза, м. Н, в. 16 в. (Царскос. Дв.).
Vase, h. 71 cm.

Такое отношеніе князя Волконскаго къ Императорскимъ заводамъ и мануфактурамъ, естественное при многосложности обязанностей министра Императорскаго Двора, неизбѣжно должно было вызвать перемѣну въ устройствѣ управленія заводами. Необходимо было одно изъ двухъ: либо предоставить бо́льшую самостоятельность директору заводовъ, либо учредить промежуточную инстанцію между министромъ и директоромъ.

Въ общемъ строѣ государственнаго управленія времени Императора Николая I, при прогрессирующей бюрократической централизаціи, самостоятельность директора завода являлась бы дисгармоніей: вотъ почему кн. Волконскій остановился на мысли учредить промежуточную инстанцію, реорганизовавъ управленіе Императорскими фарфоровымъ, стекляннымъ и Выборгскимъ зеркальнымъ заводами и шпалерною мануфактурою.[3]

Преобразованіе послѣдовало въ 1832 году.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, отъ 23 ноября 1832 г.,[4] князь Волконскій мотивировалъ необходимость преобразованія заводской администраціи тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ объединенія (въ 1817 г.) управленія всѣми заводами въ лицѣ одного директора „обязанности его никогда не были надлежащимъ образомъ опредѣ-

лены", вслѣдствіе чего „въ управленіе заводами непримѣтно вкрались произволъ и упущенія, много вредящія ихъ благоустройству."

Для устраненія такихъ неудобствъ, князь Волконскій предложилъ: 1) управленіе тремя Императорскими заводами сосредоточить въ рукахъ особаго управляющаго, должность котораго поручить одному изъ членовъ Кабинета Е. И. В., снабдивъ его особой инструкціей, точно опредѣляющей его права и обязанности; 2) мѣстное завѣдываніе каждымъ заводомъ поручить особымъ директорамъ, утверждаемымъ министромъ Императорскаго Двора, по представленіямъ управляющаго Императорскими заводами; наконецъ, 3) дать заводамъ новый уставъ и новые штаты, „болѣе обезпечивающіе содержаніе чиновниковъ, мастеровъ и рабочихъ." Послѣдней цѣли князь Волконскій предполагалъ достигнуть „безъ назначенія особыхъ на то суммъ, посредствомъ ограниченія числа служащихъ одною необходимостью."

Докладъ князя Волконскаго былъ Высочайше конфирмованъ 27 ноября, вмѣстѣ съ инструкціей управляющему заводами. Эта инструкція,[5] дѣйствительно, „ясно опредѣляетъ права" управляющаго, состоявшія въ представленіи заводскихъ служащихъ и мастеровыхъ къ опредѣленію на должности и къ увольненію, къ производству въ чины и къ наградамъ. Что же касается „обязанностей" управляющаго, то ясное опредѣленіе ихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ, такъ что пришлось ограничиться общими выраженіями о „неусыпномъ попеченіи о приведеніи поручаемыхъ ему заведеній въ цвѣтущее состояніе, объ усовершенствованіи и успѣшномъ сбытѣ ихъ произведеній и объ увеличеніи приносимой ими Кабинету прибыли." Кромѣ того, по инструкціи, управляющій, „имѣя главный надзоръ за дѣйствіями заводскихъ начальствъ и всѣхъ должностныхъ лицъ", долженъ былъ руководствовать тѣхъ и другихъ „къ точному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, наблюдать за успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ, за сохраненіемъ казеннаго интереса, за своевременнымъ заготовленіемъ нужныхъ для заводского производства матеріаловъ, за надлежащею отчетностью денежныхъ суммъ, за правильною оцѣнкою и продажею издѣлій, изыскивая всѣ способы къ улучшенію оныхъ какъ въ техническомъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Все это легко было упоминать въ инструкціи, но труднѣе сдѣлать.

Стр 206.

Рис. 228. Императоръ Николай I, б. м., в. $9^{3}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
L'Empereur Nicolas I, h. 43,5 cm.

Князь Волконскій не могъ не понимать, что не такъ легко было найти въ Кабинетѣ члена, который охотно, при томъ — безвозмездно (должность управляющаго заводами была почетной, и члену Кабинета особаго вознагражденія по этой должности не полагалось) несъ бы возложенныя на него многоразличныя, хотя и не совсѣмъ ясно опредѣленныя обязанности, требовавшія очень частаго личнаго наблюденія за заводами, личной иниціативы, при личной отвѣтственности за принятыя мѣры. Еще труднѣе было, ограничивая выборъ членами Кабинета, найти лицо, которое могло бы руководить технической и художественной частями всѣхъ трехъ заводовъ, не посвящая себя спеціально и исключительно этому дѣлу. Вотъ почему князь Волконскій, въ той же инструкціи управляющему Императорскими заводами, старался въ дальнѣйшемъ развитіи пунктовъ найти способъ обойти такія затрудненія: въ результатѣ получилось освобожденіе управляющаго заводами отъ всѣхъ реальныхъ обязан-

ностей и низведеніе этой должности къ простой чиновничьей инстанціи. Имѣя, напримѣръ, одною изъ обязанностей „по часту осматривать“ заводы лично, управляющій могъ вмѣстѣ съ тѣмъ „поручать сіе кому-либо изъ благонадежныхъ чиновниковъ.“

Стр. 203, 204.

Рис. 229. Ваза, б. м., в. 16½ в (Имп. Зав.)
Vase, h. 73 cm.

„Для подробнѣйшаго разсмотрѣнія предположеній, относящихся до лучшаго устройства заводовъ и усовершенствованія произведеній оныхъ“, учреждался при управляющемъ и подъ его предсѣдательствомъ особый „комитетъ,“ въ которомъ должны были присутствовать находившіеся въ С.-Петербургѣ налицо директора заводовъ, химикъ, состоявшій при Кабинетѣ Его Величества, и начальникъ хозяйственнаго отдѣленія Кабинета. Кромѣ этихъ „непремѣнныхъ членовъ“ комитета, управляющій заводами имѣлъ право приглашать къ совѣщанію и другихъ свѣдущихъ лицъ. Опредѣленія комитета, внесенныя въ особый журналъ, при единогласномъ рѣшеніи всѣхъ непремѣнныхъ членовъ, въ дѣлахъ, не представлявшихъ особой важности, приводились въ исполненіе распоряженіями управляющаго заводами. Въ случаѣ же разногласія во мнѣніяхъ членовъ или въ вопросахъ особой важности, журналъ заводского комитета, прежде приведенія постановленій его въ исполненіе, поступалъ на разсмотрѣніе либо вице-президента Кабинета, либо министра Императорскаго Двора. Точно также годовыя смѣты по содержанію заводовъ и подрядныя условія обязательно должны были представляться на утвержденіе вице-президента Кабинета. Ревизія шнуровыхъ заводскихъ книгъ и вѣдомостей попрежнему составляла обязанность контроля Кабинета. Дѣлопроизводство по заводскому комитету было возложено на хозяйственное отдѣленіе Кабинета и начальника этого отдѣленія, въ качествѣ правителя дѣлъ заводского комитета, подъ наблюденіемъ управляющаго Императорскими заводами.

Стр. 203, 204, 213

Рис. 230. Ваза, б. м., в. 17 в (Зимн. Дв.).
Vase, h. 75,5 cm.

Такимъ образомъ, новое положеніе, выразившееся въ учрежденіи особой должности управляющаго Императорскими заводами, въ сущности, вносило весьма мало новаго въ порядокъ управленія заводами, такъ какъ оно только закрѣпляло существовавшій раньше порядокъ, въ какомъ эти заводы подчинялись надзору Кабинета Е. И. В., какъ состоявшіе въ его вѣдомствѣ. Заводской комитетъ могъ способствовать болѣе активному участію Кабинета въ дѣлахъ заводовъ, при посредствѣ, въ особенности, своего химика и начальника хозяйственнаго отдѣленія, но, съ другой стороны, комитетъ лишалъ нѣкоторой доли самостоятельности директоровъ отдѣльныхъ заводовъ, снималъ съ нихъ обязанность иниціативы и отвѣтственность за самостоятельныя дѣйствія.

Составленіе положенія и штатовъ Императорскихъ заводовъ, предусмотрѣнныхъ Высочайше конфирмованнымъ докладомъ министра Императорскаго Двора, отъ 27 ноября 1832 г., затянулось на долгое время, благодаря тому обстоятельству, что выработка штатовъ потребовала внимательнаго и ближайшаго знакомства съ условіями производства. [b]

Положеніе Императорскихъ стекляннаго, Выборгскаго зеркальнаго и фарфороваго заводовъ, въ основу котораго легъ Высочайше конфирмованный, 27 ноября 1832 года, докладъ князя Волконскаго,

было Высочайше утверждено 2 января, а распубликовано 28 февраля 1835 года.[7] Администрація каждаго завода, по положенію, состояла изъ директора и конторы: бухгалтера, казначея, полицеймейстера и положеннаго числа писцовъ (§§ 2, 3). Личный составъ собственно завода долженъ былъ имѣть главнаго мастера, необходимое число мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ (§ 4). Сюда же присоединялись комиссары, комиссіонеръ городского магазина, инвалидная команда, училище, врачебный персоналъ изъ врача и двухъ подлекарей. При всѣхъ трехъ заводахъ полагался одинъ архитекторъ (§ 4).

Опредѣляя права и обязанности директора и прочихъ должностныхъ лицъ въ общихъ выраженіяхъ (такъ какъ особый параграфъ (§ 29) предусматривалъ подробное изложеніе обязанностей упомянутыхъ лицъ въ особыхъ инструкціяхъ, составленіе которыхъ возложено было на управляющаго заводами), положеніе содержало, вмѣстѣ съ тѣмъ, правила о заказахъ, о продажѣ издѣлій и о заводскомъ имуществѣ.

Въ общемъ, положеніе 1835 года, отличаясь внѣшней стройностью, ничего существенно не измѣняло въ установившемся раньше на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ порядкѣ: не замѣтно ни увеличенія, ни уменьшенія власти директора, и хотя говорится объ отвѣтственности его (§ 19), но въ такихъ общихъ выраженіяхъ, которыя реальнаго значенія не могли имѣть. Главный мастеръ, который, по положенію (§ 25), „наблюдаетъ за всею ремесленною частью по заводу,“ -это, по кругу компетенцій, прежній ремесленный инспекторъ. Не новинкой въ административномъ строѣ завода являлся и полицеймейстеръ (§ 23), обязанный наблюдать за зданіями завода, за поведеніемъ мастеровыхъ, вообще за сохраненіемъ внѣшняго порядка и благочинія на заводѣ. Это функціи прежняго смотрителя за зданіями, нѣсколько расширенныя и въ такомъ видѣ исполнявшіяся, непосредственно предъ введеніемъ положенія 1835 года, помощниками директора. Отчетность, заключавшаяся, по положенію, въ представленіи годовыхъ и третныхъ отчетовъ и ежемѣсячныхъ вѣдомостей управляющему заводами, по даннымъ отъ него формамъ (§ 14), точно также едва ли значительно усиливалась или усовершенствовалась, сравнительно съ прежнимъ временемъ. Изъ прежнихъ же положеній внесены въ новое наставленія о томъ, что директоръ долженъ дѣйствовать на коммерческомъ основаніи (§ 7) и относительно изготовленія издѣлій долженъ сообража́ться со вкусомъ и требованіями публики (§ 16); а чтобы побудить директора дѣйствительно считаться съ требованіями публики, ему полагалось, кромѣ 3.000 рублей жалованья, еще 10% изъ чистой прибыли, получаемой отъ продажи издѣлій.[8]

Рис. 231. Ваза, м. НI, в. 10 в.(Зимн. Дв.).
Vase, h. 44,5 cm.

Общій составъ служащихъ штатами 1835 года былъ опредѣленъ для Императорскаго фарфороваго завода въ 50 человѣкъ при заводской конторѣ (съ содержаніемъ до 30.568 рублей ассигнаціями) и 197 человѣкъ при работахъ на заводѣ (съ содержаніемъ до 70 тысячъ руб. ас.).[8]

Въ развитіе положенія 2 января 1835 года, 15 августа того же года изданы были „правила на внутреннее заводское производство по Императорскому фарфоровому заводу.“[9]

Въ 74 параграфахъ „правила“ стремились предусмотрѣть всѣ случаи хозяйственнаго дѣлопроизводства завода: веденіе инвентаря, составленіе годовыхъ смѣтъ, порядокъ заготовленія и расхода матеріаловъ, правила оцѣнки и продажи издѣлій, организацію мастерскихъ и проч. Одновременно же были даны инструкціи главному мастеру живописи, мастеру состава красокъ, модельмейстеру и другимъ.[9]

Надо замѣтить, однако, что само положеніе 2 января 1835 г. было издано не какъ постоянное, а лишь въ видѣ опыта на два года.[10] Поэтому, уже въ 1836 году, возникло дѣло по вопросу: не настоитъ ли надобность въ измѣненіи положенія,[11] и вмѣстѣ съ тѣмъ раздавались жалобы на неудобство новыхъ счетоводныхъ формъ.[12]

19 февраля 1840 года былъ Высочайше утвержденъ новый штатъ Императорскаго фарфороваго завода,[13] мало отличавшійся отъ штата 1835 года: онъ нѣсколько увеличивалъ оклады содержанія служащихъ, кромѣ того, директору было предоставлено право назначать мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ по своему усмотрѣнію, соображаясь съ дѣйствительною надобностью заводскаго производства.[14]

Характерная особенность положенія 1832 г. и штатовъ 1835 г. заключается въ томъ, что ни положеніе, ни штаты не касаются вовсе вопроса объ источникахъ матеріальныхъ средствъ Императорскихъ заводовъ. Въ этомъ отношеніи сохранилось все прежнее, очень отдаленное прежнее: такъ для фарфороваго завода осталось все, какъ было во время Императрицы Екатерины II, т. е. средства завода слагались: 1) изъ положенной указомъ Императрицы Екатерины II суммы въ 15.000 рублей, выдаваемой изъ главнаго казначейства, 2) изъ платежей Кабинета Е. И. В. за вещи, сдѣланныя по заказамъ для Высочайшаго Двора, для поднесеній и т. п., 3) изъ доходовъ отъ частныхъ заказовъ и вольной продажи, наконецъ, 4) изъ оброчныхъ статей завода. Неудобства такого порядка давно давали себя чувствовать и состояли въ отсутствіи оборотнаго капитала и потому въ невозможности свободно распоряжаться достаточными и опредѣленными средствами до полученія платежей, при чемъ платежи изъ Кабинета, составлявшіе главную часть заводскаго бюджета, обусловливались исполненіемъ заказовъ, связанныхъ съ предварительными крупными расходами. Для выполненія частныхъ заказовъ точно также необходимъ былъ оборотный капиталъ. Оброчныя статьи были незначительны и не давали, какъ и раньше, большихъ доходовъ. Заключались онѣ, кромѣ перевоза черезъ р. Неву,[15] исключительно въ находившихся въ арендномъ содержаніи лугахъ и пустопорожнихъ земляхъ[16] и давали въ общей суммѣ около шести тысячъ рублей ассигнаціями (въ 1834 г. — 5.846 р. 27 к.).[17] Оставались такимъ образомъ 15.000 руб., на которые можно было разсчитывать впередъ. Но это была слишкомъ незначительная сумма, чтобы обезпечить свободу оборотовъ завода, насчитывавшаго болѣе 200 человѣкъ личнаго состава, тѣмъ болѣе, что эта сумма, опредѣленная еще въ 1765 г., слѣдовательно, счисляемая въ металлической валютѣ, съ теченіемъ времени, когда введены были ассигнаціи, стала выражаться въ бумажной валютѣ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ бумажными деньгами постепенно уменьшалась въ своей реальной цѣнности. Когда въ 1840 году весь капиталъ Императорскаго фарфороваго завода былъ переложенъ на серебро,[18] то выдаваемая изъ Главнаго казначейства сумма составила по курсу всего только 4.285 р. 70 к. сер. Послѣдняя сумма была фиксирована и выдавалась

Стр. 202.

Рис. 232. Ваза, В. Мещеряковъ 1827 г., в. 30 в. (Кремлевскій Дворецъ).
Vase, h. 1,32 m.

несмотря на измѣненіе штата въ 1853 г.,[19] являясь такимъ образомъ какъ бы государственною субсидіею Императорскому фарфоровому заводу. Недостаточность этой суммы вела къ тому, что заводъ долженъ былъ попрежнему неоднократно просить заимообразно денегъ у Кабинета Е. И. В. и брать ихъ изъ средствъ другихъ учрежденій, напр., Императорскаго стекляннаго завода. Можно представить, какъ такое обстоятельство, наступавшее неизбѣжно каждый разъ, когда необходимо было выполнить крупные заказы, либо предпринять строительныя работы, должно было тормозить производство и стѣснять лицъ, стоявшихъ непосредственно у дѣла, особенно, когда, по существовавшимъ порядкамъ, полученіе не только крупныхъ, но и мелкихъ суммъ изъ Кабинета было связано съ длинной перепиской, съ потерею драгоцѣннаго времени.

Благодаря стараніямъ директора Галямина, въ 1846 г. было разрѣшено, въ видѣ опыта на пятнадцать мѣсяцевъ, выдавать изъ Кабинета Е. И. В. авансомъ, въ счетъ производимыхъ по заказамъ Кабинета работъ, по шести тысячъ рублей ежемѣсячно.[20] Эту мѣру, значительно развязывавшую руки директору, вѣроятно, и Кабинетъ нашелъ небезполезной, такъ какъ изъ временной она стала, къ концу царствованія Императора Николая I, постоянной.[21]

Новыя измѣненія въ организаціи Императорскихъ заводовъ были произведены назначеннымъ въ 1852 году управляющимъ Кабинетомъ Е. И. В. и министромъ Удѣловъ графомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ.[22]

Перовскій, при всемъ интересѣ къ дѣламъ Императорскихъ заводовъ и мануфактуръ, при всей настойчивости, съ которой онъ проводилъ тѣ или иныя мѣры, далеко не равномѣрно относился къ отдѣльнымъ заведеніямъ: покровительствуя однимъ, онъ мало заботился о другихъ.[23] Императорскому фарфоровому заводу Перовскій покровительствовалъ, и заводъ многимъ ему обязанъ.

Стр. 202.
Рис. 233. Ваза, С. Головъ 1827 г., в. 30 в. (Кремлевскій Дворецъ).
Vase, h. 1,32 m.

Графъ Перовскій въ 1853 г. составилъ обстоятельный докладъ на Высочайшее Имя объ устройствѣ Императорскихъ заводовъ и фабрикъ,[24] въ которомъ приводилъ данныя опыта, практику иностранныхъ заводовъ и коммерческія соображенія. Ссылаясь на многолѣтній опытъ, показавшій, что Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы не въ состояніи содержать себя собственными средствами, ибо они не могутъ выносить соперничества частныхъ фабрикантовъ,[25] Перовскій снова повторялъ то, на что до него не разъ указывали лица, проектировавшія реформу управленія Императорскихъ заводовъ: „Сохраняется ошибочное мнѣніе, основанное на несбыточномъ предположеніи, что заводы сіи содержатся будто бы своими средствами, тогда какъ они существуютъ единственно подносимыми къ Высочайшему Двору издѣліями, за которыя Кабинетъ платитъ сумму, нужную на покрытіе заводскихъ расходовъ. Очевидно продолжаетъ Перовскій, что при такомъ порядкѣ не можетъ быть правильной расцѣнки издѣлій, ибо въ разсчетъ принимается не дѣйствительная стоимость вещей, а необходимость выручать высокими цѣнами сумму, потребную на уплату мастеровымъ и за поставленные заводамъ матеріалы. Отъ несораз-

мѣрно высокой оцѣнки, произведенія не сбываются въ частныя руки, и заводы, не имѣя возможности облегчить симъ способомъ свои обороты, входятъ въ долги."

Стр. 158

Рис. 234. П. И. Пенскій. (Имп. Зав.).
P. I. Pensky.

Хотя эти мысли высказывались гораздо раньше Перовскаго, но никто до него не дѣлалъ изъ нихъ логическаго вывода. Заслуга графа Перовскаго — что онъ не поколебался сдѣлать этотъ выводъ и ясно и опредѣленно его выразить. Ссылаясь, между прочимъ, на примѣръ Севрской фабрики, получавшей отъ правительства 350 тыс. франковъ ежегодной субсидіи, Перовскій пишетъ въ своемъ докладѣ: „Заведенія, которыя, какъ Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы, производятъ почти исключительно предметы роскоши, надлежитъ необходимо поддерживать средствами правительства." Севръ, производя изящные предметы, является вмѣстѣ съ тѣмъ образцовымъ заведеніемъ для всѣхъ фарфоровыхъ фабрикъ Франціи. „Смѣю думать—говоритъ гр. Перовскій, — что къ тому же должны бы стремиться и Императорскіе заводы."

Перовскій не имѣлъ, однако, въ виду прекратить выдѣлку вещей для продажи въ частныя руки: заводы должны были бы тогда сократить свои штаты и распустить часть людей, при томъ, съ прекращеніемъ продажи частнымъ лицамъ, основная цѣль заводовъ служить образцовыми заведеніями для подобныхъ частныхъ русскихъ заводовъ могла бы быть достигнута съ гораздо большимъ трудомъ, благодаря недоступности для широкой публики издѣлій, поступающихъ исключительно къ Высочайшему Двору.

Гр. Перовскій стремился облегчить продажу назначеніемъ цѣнъ, на высоту которыхъ должна была вліять только дѣйствительная стоимость производства, а не вынужденная необходимость достигнуть того равновѣсія въ балансѣ, которое, при исключительныхъ условіяхъ производства Императорскихъ заводовъ, нормально едва ли можетъ быть достигнута.

Гр. Перовскій полагалъ, что единственный способъ вывести Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы изъ затруднительнаго положенія заключается въ томъ, чтобы штатами точно опредѣлить ихъ издержки. Штаты гр. Перовскаго основаны на двойственности цѣлей, къ которымъ, по мысли Перовскаго, должны стремиться Императорскіе заводы.

По новому штату Императорскому фарфоровому заводу назначалась безвозвратная правительственная субсидія, въ размѣрѣ 37.000 рублей ежегодно, на содержаніе чиновниковъ и главныхъ художниковъ, то есть тѣхъ агентовъ личнаго состава, которые отчасти (чиновники) неизбѣжны при казенномъ управленіи, но въ чисто коммерческомъ предпріятіи могли бы быть значительно сокращены въ числѣ, отчасти же (главные художники) являются необходимымъ элементомъ въ учрежденіи, ставящемъ себѣ высшія цѣли художественной промышленности, но составляютъ роскошь въ мануфактурахъ, производящихъ ординарный товаръ. Вторая половина опредѣленной штатомъ суммы (82.000 рублей), вычисленная на основаніи опыта, была отнесена на оборотные расходы завода и подлежала возврату, будучи покрываема доходами отъ продажи издѣлій. Только за покрытіемъ этой суммы, могъ получиться дѣйствительный барышъ, на величину котораго не должна была имѣть вліянія сумма безвозвратной субсидіи.

Стр. 159.

Рис. 235. В. І. Галяминъ. (Имп. Зав.).
W. I. Galiamine.

Таковы штаты гр. Перовскаго, разсматриваемые въ отношеніи ихъ къ основной цѣли и къ матеріальнымъ средствамъ завода. Не менѣе интересны эти штаты, если ихъ сравнить со штатами 1835 и 1840 годовъ въ отношеніи личнаго состава, содержанія отдѣльныхъ лицъ, художественныхъ и ремесленныхъ силъ.

Стр. 157.
Рис. 236. Кн. Н. С. Гагаринъ. (Имп. Зав.).
Pr. N. S. Gagarine.

Въ общемъ, содержаніе всего личнаго состава было повышено, сравнительно съ прежними штатами. Еще важнѣе, что оклады пріобрѣтали устойчивость, благодаря тому, что были выражены не въ ассигнаціяхъ, а въ рубляхъ серебромъ. Но самое важное отличіе штатовъ Перовскаго въ отношеніи личнаго состава въ томъ, что они рѣшительно выдвигаютъ впередъ ремесленныя и художественныя силы, въ то время какъ въ штатахъ прежнихъ годовъ на первомъ планѣ административная часть. Достаточно указать на то, что жалованье директора Императорскаго фарфороваго завода въ штатѣ Перовскаго опредѣлено въ 1850 руб., въ то время какъ декоратору и скульптору полагалось по 1500 руб., художнику живописи—2500 руб., а „рисовальщику для составленія рисунковъ“ (проектовъ) 3500 руб. Правда, и раньше спеціалистамъ иностранцамъ платили значительныя суммы, но теперь это стало правиломъ и коснулось не только главныхъ художниковъ, но и второстепенныхъ мастеровъ.

Стр. 160.
Рис. 237. П. А. Языковъ. (Имп. Зав.).
P. A. Jasykoff

Штаты графа Перовскаго были Высочайше утверждены 22 января 1853 г., а 23 января того же года утверждены дополнительныя положенія. [26]

Личный составъ Императорскаго фарфороваго завода по новому штату опредѣлялся въ 10 классныхъ и 49 неклассныхъ чиновниковъ и 206 человѣкъ мастеровъ и рабочихъ.

Сущность строя высшей администраціи Императорскихъ заводовъ штаты графа Перовскаго не затронули: остался попрежнему управляющій Императорскими заводами и подъ его начальствомъ отдѣльные для каждаго завода директора.

Первымъ управляющимъ Императорскими заводами, именнымъ указомъ отъ 27 ноября 1832 года, [27] былъ назначенъ членъ Кабинета Е. И. В., дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ. [28]

Особенность служебнаго положенія князя Гагарина, сначала исправлявшаго должность вице-президента Кабинета, а въ 1836 году утвержденнаго въ этомъ званіи, измѣнила совершенно его отношеніе къ заводскому комитету, сравнительно съ инструкціей, такъ какъ князь Гагаринъ являлся не только предсѣдателемъ комитета, но былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его начальникомъ, и комитетъ такимъ образомъ терялъ всякую самостоятельность, сдѣлавшись просто совѣщательнымъ собраніемъ при вице-президентѣ Кабинета Е. И. В. по его должности управляющаго Императорскими заводами.

Стр. 160.
Рис. 238. А. Д. Озерскій. (Имп. Зав.).
A. D. Osersky.

Кажется, однако, что заводскій комитетъ обычно бездѣйствовалъ, въ немъ въ сущности не нуждались и къ со-

биранію его прибѣгали весьма рѣдко: во время, напримѣръ, продолжительной болѣзни князя Гагарина. [29]

Стр. 212
Рис. 239. Ваза, 1828 г., в. 17 в. (Зимн. Дв.)
Vase, h. 75,5 cm

Созывая комитетъ въ исключительныхъ только случаяхъ, министръ Императорскаго Двора и вице-президентъ Кабинета предпочли замѣнить его въ обыкновенныхъ случаяхъ еще одной іерархической ступенью: съ 1834 года при вице-президентѣ Кабинета состоялъ чиновникъ по особымъ порученіямъ по искусственной и ремесленной части управленія Императорскими заводами кол. сов. князь Николай Грузинскій. [30]

Князь Грузинскій, [31] повидимому, считался знатокомъ искусствъ и художественной промышленности, въ сущности же, онъ, хотя имѣлъ здравыя идеи о художественной промышленности и объ искусствѣ, близко и практически не былъ знакомъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

Стоявшіе во главѣ управленія Императорскими заводами кн. Гагаринъ и кн. Грузинскій, не направляя теченія дѣлъ, охотно готовы были идти впереди его съ одобренія Высочайшаго Двора. Дворъ же втеченіе царствованія Императора Николая I близко интересовался Императорскими заводами, особенно фарфоровымъ, поэтому князь Гагаринъ внимательно слѣдилъ за развитіемъ заводского дѣла и способствовалъ ему, чѣмъ могъ, главнымъ образомъ въ частяхъ, поддающихся опредѣленной регламентаціи: учрежденіемъ порядка дѣлопроизводства, отчетности, опредѣленіемъ правъ и обязанностей каждаго чина, каждаго, кто такъ или иначе входилъ въ составъ сложной административной машины.

Стр. 203, 212
Рис. 240. Ваза, 1827 г., в. 18 в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 80 cm.

Ближайшая администрація Императорскаго фарфороваго завода, въ лицѣ директоровъ, мѣнялась нѣсколько разъ. Именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 13 апрѣля 1829 г., директоръ Императорскихъ заводовъ Комаровъ былъ уволенъ, по прошенію, отъ занимаемой имъ должности. [32] Вторымъ именнымъ указомъ, отъ того же года и числа, вмѣсто Комарова былъ назначенъ директоромъ Императорскихъ заводовъ генеральнаго штаба генералъ-майоръ Пенскій. [33] Комаровъ не замедлилъ сдать должность своему замѣстителю. [34]

Боевой генералъ, Платонъ Ивановичъ Пенскій, [35] повидимому, не былъ чуждъ художественному образованію: объ этомъ можно судить по тому, что въ 1819 г. онъ получилъ золотую табакерку съ эмалью за поднесенный Великой Княгинѣ, впослѣдствіи Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ портретъ прусскаго короля. Состоя уже въ должности директора Императорскихъ заводовъ, Пенскій получилъ украшенную брилліантами табакерку съ вензелемъ Его Величества „за постепенное усовершенствованіе искусственной части заводовъ."

Тѣмъ не менѣе, дѣятельность Пенскаго для Императорскаго фарфороваго завода едва ли могла имѣть существенное значеніе, такъ какъ онъ прослужилъ здѣсь очень короткое время, выйдя въ отставку въ 1832 году. [36]

Помощникъ директора фарфороваго завода Случановскій умеръ въ 1829 году; [37] на его мѣсто никто не былъ опредѣленъ.

Составленіе штатовъ 1832 г. связано было съ назначеніемъ новаго директора Императорскаго фарфороваго завода Галямина.

Валеріанъ Емельяновичъ Галяминъ,[38] изъ военныхъ инженеровъ, имѣвшій почетное боевое прошлое, опредѣленъ на должность директора Императорскаго фарфороваго завода, по Высочайшему повелѣнію отъ 27 января 1832 года, но утвержденъ былъ въ этой должности 6 января 1836 г. Насколько можно судить по прежней дѣятельности Галямина, это былъ человѣкъ дѣльный, энергичный; по результатамъ же дѣятельности на Императорскомъ заводѣ, его слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ директоровъ. Несмотря на свое военное образованіе, онъ не былъ лишенъ художественнаго развитія и понималъ толкъ въ живописи, такъ какъ самъ занимался ею и дважды подносилъ свои произведенія: одинъ разъ Государю Императору двѣ картины: „Переходъ черезъ Балканы" и „Взятіе Рохова," во второй разъ — Государынѣ Императрицѣ: живописный альбомъ. Состоя директоромъ завода около шестнадцати лѣтъ, Галяминъ, несомнѣнно, принесъ ему большую пользу, а среди служащихъ завода оставилъ по себѣ хорошую память. Послѣ смерти кн. Гагарина, въ 1842 году, преемника ему по должности управляющаго Императорскими заводами не было назначено, и такимъ образомъ Галяминъ пріобрѣлъ большую самостоятельность въ управленіи фарфоровымъ заводомъ.

Стр. 149, 202.

Рис. 241. Ваза, 1828 г., в. 50 в. (Зимн. Дв.).
Vase, h. 2,22 m.

Вскорѣ, однако, Галяминъ тяжело заболѣлъ, пораженный апоплексіей, и былъ уволенъ въ отпускъ за границу для лѣченія минеральными водами. При этомъ Галямину было поручено, пользуясь случаемъ, осмотрѣть заграничные фарфоровые и фаянсовые заводы. Галяминъ пробылъ за границей цѣлый годъ (съ сентября 1846 г. по октябрь 1847 г.),[38] но ему не пришлось уже воспользоваться результатами личнаго знакомства съ западно-европейской керамической промышленностью: по возвращеніи въ Россію, онъ продолжалъ болѣть и потому, не вступая уже фактически въ исполненіе директорской должности, 6 мая 1848 г. вышелъ въ отставку.[39]

Еще раньше, въ 1842 году, когда Галяминъ ѣздилъ въ отпускъ, временное управленіе фарфоровымъ заводомъ было поручено директору Императорскаго стеклянного завода Языкову.[40]

Когда Галяминъ былъ за границей, въ 1846 7 году, Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, во время его продолжительнаго отсутствія, снова управлялъ Языковъ, но въ помощь ему былъ данъ состоявшій при Кабинетѣ Е. И. В. чиновникомъ особыхъ порученій А. Д. Озерскій.[41]

По возвращеніи Галямина въ Россію, вслѣдствіе его продолжавшейся болѣзни, министръ Императорскаго Двора испросилъ, 17 января 1848 г., указъ[42] объ учрежденіи должности помощника директора какъ на фарфоровомъ, такъ и на стеклянномъ заводѣ, причемъ одновременно, по Высочайшему повелѣнію, на должность помощника директора фарфороваго завода былъ опредѣленъ упомянутый Озерскій.

Стр. 201, 213

Рис. 242 Тарелка, м. Н., д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

По Высочайшему повелѣнію, 28 апрѣля 1848 года, [43] Озерскій былъ назначенъ директоромъ Императорскаго фарфороваго завода, при чемъ, однако, онъ былъ ограниченъ въ своей власти, такъ какъ повелѣно было состоять ему попрежнему въ вѣдѣніи директора стекляннаго завода Языкова. [44]

Аникита Дмитріевичъ Озерскій, [45] морякъ по первоначальному образованію, но склонный больше къ научной дѣятельности, около четырехъ лѣтъ провелъ за границей, изучая химію и технологію. Это даетъ основаніе думать, что онъ могъ быть полезенъ для Императорскаго фарфороваго завода, по крайней мѣрѣ—въ технической части. Но служба его на заводѣ была непродолжительна: 16 мая 1853 года послѣдовало его увольненіе по неизвѣстнымъ, отчасти, причинамъ. [46]

Именнымъ Высочайшимъ указомъ, 25 августа 1848 г., директору стекляннаго завода Павлу Александровичу Языкову повелѣно быть управляющимъ Императорскими фарфоровымъ и стекляннымъ заводами, также Выборгскимъ зеркальнымъ заводомъ и Кіево-Межигорскою фаянсовою фабрикою и присутствовать въ Кабинетѣ Е. И. В. съ правомъ голоса по дѣламъ заводовъ. По Высочайшему повелѣнію 17 іюля 1849 г., Языковъ былъ назначенъ членомъ Кабинета; позднѣе въ управленіе ему была передана Императорская шпалерная мануфактура и техническое отдѣленіе Императорскаго мозаичнаго заведенія. [47]

Сосредоточеніе почти всѣхъ Императорскихъ мануфактуръ въ вѣдѣніи одного лица должно было вести къ объединенію управленія и къ общности цѣлей, которыя ставились этимъ заведеніямъ. Языковъ былъ хорошій исполнитель, недурной администраторъ, но ему не пришлось проявить особой самостоятельности: всѣ мѣропріятія къ поднятію достоинствъ Императорскихъ мануфактуръ и заводовъ, всѣ измѣненія въ направленіи ихъ дѣятельности были проведены исключительно почти по иниціативѣ гр. Перовскаго.

Хотя внутренній строй Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Николая Павловича опредѣлялся положеніемъ объ Императорскихъ заводахъ 1832 г. и штатами 1835, 1840 и 1853 годовъ, однако штаты далеко не могутъ выражать того, что было въ дѣйствительности. Дѣйствительность выработалась на основаніи столѣтняго уже опыта, штаты же быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Кромѣ того, штаты 1835 и 1853 годовъ носили временный характеръ и учреждались, въ видѣ опыта, на короткій срокъ, а штатъ 1840 г. былъ простымъ дополненіемъ къ штату 1835 г. Естественно поэтому, что строй фарфороваго завода не успѣвалъ придти въ полное соотвѣтствіе со штатами и въ большей мѣрѣ опредѣлялся обстоятельствами текущей жизни и старой традиціей, чѣмъ правилами положеній и инструкцій.

Каковъ въ дѣйствительности былъ строй Императорскаго фарфороваго завода втеченіе разсматриваемаго періода, лучше всего можно видѣть по описанію производства работъ, изданному въ 1844 году Галяминымъ по случаю празднованія столѣтія

Стр 201, 213.

Рис. 243. Тарелка, м. Н., д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Стр. 201

Рис. 244. Тарелки, м. Н I, д. 4 $\frac{7}{8}$ в (колл. Н. А. Лукутина).
Assiettes, d. 22 cm.

со дня учрежденія завода.[48] Хотя „Описаніе“ даетъ картину только за 1844 годъ, но она соотвѣтствуетъ, несомнѣнно, состоянію завода за все время управленія имъ Галяминымъ, а также и послѣдующему времени, почти до конца царствованія Императора Николая Павловича, ибо штатъ 1853 г. не могъ сразу существенно измѣнить установившійся строй. Что общее управленіе Императорскими заводами играло въ жизни каждаго отдѣльнаго завода сравнительно незначительную роль, это видно какъ изъ продолжительнаго незамѣщенія (съ 1842 по 1848 г.) должности управляющаго заводами, такъ и изъ того, что о немъ „Описаніе“ совсѣмъ не упоминаетъ, говоря просто, что заводъ состоитъ въ вѣдѣніи Кабинета Е. И. В., ближайшее же управленіе имъ и руководство по „искусственной“ (художественной) части возложены на директора завода.[49]

Заводъ раздѣлялся на двѣ главныя части: искусственную (соотвѣтствовавшую прежней ремесленной) и хозяйственную.[49]

Искусственная часть заключала шесть отдѣленій: 1) состава массы, 2) гончарное, 3) выдѣлки бѣлыхъ вещей, 4) обжига вещей, 5) лабораторное и 6) живописное.

Отдѣленіе состава массы заключало: машину для фарфоровой массы и цѣдильню. При отдѣленіи находились: 1 мастеръ, 1 ученикъ и 10 мастеровыхъ.

Гончарное отдѣленіе, занимавшееся изготовленіемъ капселей и огнеупорныхъ кирпичей для горновъ, имѣло 8 человѣкъ мастеровыхъ при одномъ подмастерьѣ.

Отдѣленіе выдѣлки сырыхъ вещей находилось въ вѣдѣніи модельмейстера и состояло изъ 7 мастерскихъ: токарной, модельмейстерской, скульптурной, глазурной, рѣзной, формовской и подтачивальной.

Личный составъ отдѣленія выдѣлки сырыхъ вещей слагался изъ: токарей (подмастерьевъ—2, мастеровыхъ 5), скульпторовъ (мастеровъ 4, подмастерьевъ 3, мастеровыхъ 4, учениковъ 5), рѣзчиковъ (мастеръ—1, подмастерьевъ 4, мастеровыхъ—3), глазурщиковъ (подмастерье—1, мастеровыхъ 4, учениковъ 1), формовщиковъ (подмастерье -1, мастеровой—1), подтачивальщиковъ (мастеровыхъ—2).

При отдѣленіи обжига вещей, имѣвшемъ три горна, находились: 1 подмастерье, 25 мастеровыхъ и 1 ученикъ.

Стр. 203.

Рис. 245. Ваза, б. м., в. 29 1/2 в. (Кремл. Дв.).
Vase, h. 1,31 m.

При лабораторіи (вмѣстѣ съ муфелями) находились: мастеръ обжига живописныхъ вещей, помощникъ его, 2 краскотера и 5 чернорабочихъ.

Живописное отдѣленіе, наиболѣе обширное, раздѣлялось на 4 части по роду живописи: пейзажной и перспективной (7 мастеровъ), фигурной (3 мастера, 14 подмастерьевъ, 1 живописецъ и 3 ученика), цвѣточной (4 мастера, 4 подмастерья, 4 живописца и 4 ученика) и орнаментной (11 мастеровъ, 9 подмастерьевъ, 15 живописцевъ, 6 учениковъ, 2 турнетчика,[50] 6 полировщиковъ). Сверхъ того, при живописной находился чиновникъ для веденія счетовъ по выдачѣ матеріаловъ и изготовленію вещей.

Къ хозяйственной части принадлежали: 1) контора, 2) полицейская часть, 3) лазаретъ, 4) школа. Контора состояла изъ бухгалтера, его помощника, казначея, 3 комиссаровъ, 3 комиссарскихъ помощниковъ и 8 писцовъ.

Полицеймейстерская часть была представлена однимъ полицеймейстеромъ.

Заводскій лазаретъ былъ устроенъ на десять кроватей. Медицинскій персоналъ состоялъ изъ прикомандированнаго къ заводу гофъ-медика и лекарскаго помощника, на отвѣтственности котораго лежало постоянное наблюденіе за больными и за исполненіемъ предписаній врача.

При заводской школѣ состояло нѣсколько учителей.

Такимъ образомъ, весь личный составъ фарфороваго завода въ 1844 г. простирался до 220 человѣкъ, изъ которыхъ около 190 человѣкъ находились собственно при заводскомъ производствѣ и около 30 человѣкъ при конторѣ. Въ составъ первой группы входили 36 мастеровъ и 45 подмастерьевъ процентъ очень большой, если сравнить съ числомъ простыхъ живописцевъ, учениковъ и мастеровыхъ.

Стр. 203, 213.

Рис. 246. Ваза, б. м., в. 30 1/2 в. (Кремл. Дв.).
Vase, h. 1.355 m.

Въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича въ спискахъ техническаго и художественнаго личнаго состава фарфороваго завода[51] упоминаются, въ большинствѣ, художники и мастера прежняго царствованія: професоръ С. С. Пименовъ, со званіемъ профессора скульптуры по первой ремесленной части, въ должности модельмейстера Алексѣй Воронихинъ, помощникъ модельмейстера Иванъ Лантманъ, младшій мастеръ скульптуры Петръ Вахрамѣевъ, мастеръ живописи Алексѣй Канунниковъ, младшіе мастера живописи Василій Мещеряковъ, Семенъ Головъ, Григорій Зюзинъ, мастеръ состава металлическихъ красокъ и обжига Василій Воиновъ, помощникъ его Николай Воиновъ, мастеръ состава фарфоровой массы и обжига сырыхъ вещей Петръ Ивановъ, младшій мастеръ токарнаго искусства Яковъ Семеновъ и др.

Но втеченіе первыхъ же годовъ этого царствованія Императорскій фарфоровый заводъ понесъ существенныя и трудно замѣнимыя утраты въ лицѣ художни-

ковъ французовъ Моро и Давиньона, которые оба имѣли значеніе не только въ художественной, но и въ административной части завода, особенно первый изъ нихъ.[52]

Давиньонъ, по возобновленному съ нимъ въ 1824 году контракту,[53] обязывался не только управлять мастерскою обработки сырыхъ вещей и давать рисунки для вазъ и другихъ предметовъ, но принималъ также на себя обязанность наблюдать за обжигомъ бѣлыхъ вещей и приготовленіемъ капселей и смотрѣть за мастеровыми скульптурной части. За несеніе всѣхъ этихъ обязанностей ему полагалось 5000 рублей въ годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду разстроеннаго здоровья, его освободили отъ необходимости самому постоянно точить вазы: онъ обязывался давать ежегодно только нѣсколько образцовыхъ моделей Но Давиньону не пришлось уже долго служить Императорскому заводу: 29 октября 1827 года онъ умеръ.[54] Послѣ его смерти, на формальный запросъ Кабинета Его Величества: „выполнено ли художникомъ Давиньономъ заключенное съ нимъ условіе?" директоръ Комаровъ рапортовалъ,[55] что Давиньонъ „всѣ обязанности свои по контракту выполнилъ и... обучилъ нѣсколько человѣкъ изъ принадлежащихъ заводу токарному искусству и, вообще, выдѣлкѣ сырыхъ вещей вновь введенными имъ способами, которыми не токмо облегчается и украшается работа, но и сохраняется здоровье мастеровыхъ." „Вообще — заключаетъ свой рапортъ Комаровъ — Давиньонъ, какъ по нравственности, такъ и усердію его, заслуживалъ особеннаго вниманія высшаго начальства..." Комаровъ при рапортѣ представилъ и списокъ двѣнадцати человѣкъ, обученныхъ Давиньономъ токарному искусству, изъ которыхъ Яковъ Семеновъ состоялъ тогда младшимъ мастеромъ.[56]

Рис. 247. Ваза, 1830 г., в. 16 в. (Ораніенб. Дв.).
Vase, h. 71 cm.

Послѣ смерти Давиньона, обязанности его временно были поручены скульптору Воронихину, подъ надзоромъ художника Моро,[54] который на три года пережилъ своего соотечественника. О Моро, еще при его жизни, Комаровъ далъ не менѣе лестный отзывъ, чѣмъ объ его умершемъ товарищѣ.[57] На основаніи отзывовъ Комарова,[58] Кабинетъ заключилъ, 1 января 1828 года, съ Моро новый контрактъ,[59] по которому онъ назначался ремесленнымъ инспекторомъ завода.[60] 5 апрѣля 1830 года Моро умеръ.[61]

Профессоръ Пименовъ имѣлъ надзоръ за модельмейстерской и, вообще, за всей ремесленной частью завода по выдѣлкѣ бѣлыхъ вещей не далѣе 1831 года. Награжденный еще въ 1830 году перстнемъ въ 800 руб.,[62] Пименовъ въ томъ же году, на выставкѣ, бывшей въ Академіи Художествъ, имѣлъ несчастье вызвать личное неудовольствіе Государя по поводу исполненныхъ имъ бюстовъ самого Государя и Императрицы Александры Ѳеодо-

ровны. По сему случаю, въ виду подготовлявшейся реорганизаціи Академіи Художествъ, для которой въ это время были составлены новые штаты, Пименову предложили, вмѣстѣ съ тремя другими профессорами, просить объ отставкѣ. [63] Вскорѣ, 22 марта 1833 г., Пименовъ умеръ въ С.-Петербургѣ отъ водянки. [64]

Насколько само время вело къ возобновленію личнаго состава, сложившагося въ предшествовавшее царствованіе, лучшимъ примѣромъ можетъ служить составленный въ 1827 году „списокъ мастерамъ и мастеровымъ завода, назначеннымъ, за старостью лѣтъ и неспособностью къ работамъ, къ увольненію:“ [65] въ списокъ этотъ попали семнадцать лучшихъ работниковъ, въ томъ числѣ четыре мастера.

Постепенно личный составъ мѣнялся, возобновлялся, но съ тою характерною особенностью, что долгое время возобновленіе совершалось исключительно почти изъ собственныхъ резервовъ изъ мастеровыхъ и учениковъ, вышедшихъ изъ заводской среды, получившихъ воспитаніе и образованіе въ заводской школѣ и заводскихъ мастерскихъ, такъ что ко дню столѣтняго юбилея въ 1844 году личный составъ завода былъ исключительно русскій; въ томъ числѣ были мастера (напримѣръ, оба Воиновы), дѣды которыхъ работали въ первые годы основанія завода.

Стр. 203, 205.

Рис. 248. Ваза, б. м., в. 35 в. (Кремл. Дв.). Vase, h. 1,555 m.

„Описаніе,“ составленное Галяминымъ, упоминая о мастерахъ, говоритъ: „Уже прошло около 20 лѣтъ, какъ ни одного изъ... иностранныхъ мастеровъ на заводѣ не осталось, и съ тѣхъ поръ всѣ издѣлія онаго исполняются заводскими русскими мастерами... Заводъ имѣетъ теперь людей, вполнѣ заслуживающихъ высокаго званія искусныхъ художниковъ, особенно по живописной и орнаментной частямъ.“ [66]

Съ уходомъ Пименова, спеціальный надзоръ за ремесленною частью прекратился; съ того времени перестали художественную (или ремесленную) часть раздѣлять на двѣ инспекціи, и все производство было объединено, подъ названіемъ искусственной части, общій надзоръ за которой принялъ на себя директоръ, мастера же въ своихъ отдѣленіяхъ должны были пріобрѣсть бóльшую самостоятельность.

Мастеромъ состава массы и обжига сырыхъ вещей состоялъ Петръ Ивановъ. [67] Въ 1829 году онъ былъ уволенъ, и его мѣсто занялъ мастеръ Воронинъ. [68]

Галяминъ, принявъ въ управленіе заводъ, пришелъ къ убѣжденію, что обжигъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ велся далеко не совершеннымъ способомъ и давалъ значительные убытки. [69] Послѣ долгихъ поисковъ за мастеромъ, который могъ бы дать надлежащія указанія и построить улучшенные горны, Галяминъ остановилъ свой выборъ на проживавшемъ въ С.-Петербургѣ французѣ Дартѣ (Darte), который устраивалъ горны на фарфоровой фабрикѣ Корнилова. Корниловъ удостовѣрилъ, что построенный Дартомъ горнъ и введенные имъ новые способы обжига бѣлыхъ вещей увеличили значительно доходы фабрики; вслѣдствіе этого Галяминъ ходатайствовалъ въ 1844 году предъ Кабинетомъ Е. И. В. о приглашеніи Дарта на Императорскій фарфоровый заводъ для приведенія въ надлежащій порядокъ отдѣленія обжига бѣлыхъ вещей. Съ согласія Кабинета, [70] съ Дартомъ было заключено условіе [71] на шесть мѣсяцевъ. Послѣ истеченія срока контракта, Дартъ

былъ оставленъ на заводѣ еще на годъ и четыре мѣсяца, при чемъ ему были засчитаны четыре мѣсяца, проведенные въ Парижѣ, гдѣ онъ знакомился съ новыми изобрѣтеніями въ области керамики, особенно съ выдѣлкою полуфарфора.[72]

Въ 1846 г. Галяминъ рапортовалъ въ Кабинетъ,[73] что въ Дартѣ больше надобности не встрѣчается, и онъ былъ расчитанъ по окончаніи срока контракта,[74] хотя сношенія съ нимъ не были совсѣмъ прерваны: такъ, напр., въ 1847 г. онъ вновь строилъ на заводѣ горны.[75]

Стр. 201

Рис. 249. Тарелки, м. ♔., д. $5^1/_2$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ и Н. А. Лукутина).
Assiettes, d. 24,5 cm.

Отдѣленіе выдѣлки бѣлыхъ вещей, послѣ смерти Давиньона, было поручено модельмейстеру Алексѣю Воронихину, подъ высшимъ надзоромъ Моро;[76] но когда умеръ послѣдній и ушелъ профессоръ Пименовъ, Воронихинъ управлялъ отдѣленіемъ самостоятельно. Помощникомъ Воронихина состоялъ Иванъ Лантманъ. Воронихинъ оставался на заводѣ, до начала пятидесятыхъ годовъ, когда былъ замѣненъ иностранцами Шписомъ[77] и Рейналемъ.[78] Лантманъ былъ уволенъ отъ службы одновременно съ опредѣленіемъ Рейналя.[79]

Изъ другихъ скульпторовъ времени Императора Николая I заслуживаютъ упоминанія: Петръ Вахрамѣевъ,[80] Козловъ,[81] Клейнъ,[82] Столѣтовъ,[83] Леонтьевъ,[84] Морозовъ,[85] Шишигинъ,[86] Тычагинъ.[87] Изъ рѣзчиковъ извѣстны: Козыревъ[88] и Шекуринъ.[89]

Всѣ почти токари царствованія Императора Николая I были изъ учениковъ Давиньона. Вотъ ихъ имена:[90] Яковъ Семеновъ,[91] Илья Денисовъ, Григорій Лапшинъ,[92] Петръ Семеновъ, Василій Ивановъ, Михаилъ Бозылевъ, Степанъ и Евстигней Карповы, Александръ Морозовъ и Никита Игнатовъ.

При лабораторіи, въ качествѣ химиковъ, со званіемъ мастеровъ состава металлическихъ красокъ и обжига живописныхъ вещей, состояли до конца сороковыхъ годовъ Василій Воиновъ и его сынъ Николай Воиновъ.[93] Правда, втеченіе этого времени два раза опредѣлялись на заводъ посторонніе химики: въ 1835 году заключено было условіе съ химикомъ Дефоссе,[94] а въ 1839 г. опредѣленъ на заводъ на должность химика Старкъ.[95] Первый изъ нихъ, по своей спеціальности, былъ красильщикъ шелка,[96] а второй—аптекарь.[95] Очевидно, оба они были приглашаемы исключительно для работъ съ красками, а не для обжига живописныхъ вещей. Но оба не долго продержались на заводѣ: Старкъ былъ уволенъ въ 1843 году,[97] Дефоссе, вѣроятно, еще раньше оставилъ работу на заводѣ, во всякомъ случаѣ, его не было уже тамъ въ 1844 г.

Въ пятидесятыхъ годахъ, мастеромъ при обжигѣ живописныхъ вещей состоялъ Семенъ Морозовъ,[98] его помощникомъ—Иванъ Мироновъ, а химикомъ—Кочетовъ.[99]

Живописное отдѣленіе находилось въ первую половину разсматриваемаго періода подъ надзоромъ старшаго мастера живописи, академика Канунникова.[100] Канунниковъ умеръ въ 1839 г.[101] Его мѣсто занялъ Зюзинъ, бывшій раньше младшимъ мастеромъ живописи.[100] Зюзинъ пробылъ на заводѣ до 1845 г.[102]

Стр. 204.

Рис. 250. Ваза, б. м., в. 11¼ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 50 cm

Изъ многочисленныхъ мастеровъ живописи, подмастерьевъ и простыхъ живописцевъ заслуживаютъ наибольшаго вниманія слѣдующіе художники, имена которыхъ нерѣдко встрѣчаются на сохранившихся произведеніяхъ: Мещеряковъ[103] и Головъ,[104] работавшіе до начала пятидесятыхъ годовъ, и выдвинувшіеся нѣсколько позднѣе ихъ: Александръ Новиковъ,[105] П. Нестеровъ,[106] Петръ Ивановъ,[107] Лифантьевъ,[108] Иванъ Мироновъ,[109] Корниловъ,[110] Красовскіе[111] и др.

Съ уходомъ директора Галямина, когда на дѣла Императорскихъ заводовъ сталъ оказывать вліяніе гр. Перовскій, характеръ личнаго состава фарфороваго завода, установившійся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, значительно измѣнился: въ пятидесятыхъ годахъ вновь были приглашены иностранные мастера. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя видѣть пристрастія Языкова или Перовскаго къ иностранцамъ; Перовскій, ставившій для Императорскаго фарфороваго завода высокую цѣль: служить образцовымъ заведеніемъ, естественно, заботился о введеніи новыхъ способовъ производства, новыхъ художественныхъ пріемовъ. Исключительная замкнутость завода, пробивающагося своими мастерами, при отсутствіи прилива новыхъ элементовъ и при недостаточномъ развитіи художественной промышленности и чистыхъ искусствъ въ Россіи неизбѣжно привели бы заводъ къ рутинѣ и застою.

Стр. 202, 204

Рис. 251. Ваза, Мещеряковъ 1834 г., в. 16 в. (Зимн. Дв.).
Vase, h. 71 cm.

Почти одновременно съ приглашеніемъ Шписа и Рейналя, въ 1853 г. возникъ вопросъ о выпискѣ изъ-за границы опытнаго мастера для улучшенія способовъ составленія массы, обжиганія, формованія и отливки вещей.[112] Толчкомъ къ этому послужило донесеніе парижскаго агента Министерства Финансовъ Бутовскаго о различныхъ улучшеніяхъ, введенныхъ на Севрской мануфактурѣ.[113] По сношенію Кабинета Е. И. В. съ Департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли, былъ пріисканъ, чрезъ посредство того же агента Министерства Финансовъ, контръ-метръ Деривьеръ (Pierre Adrien Jacques Derivière), служившій на Севрской фабрикѣ.[114] Съ Деривьеромъ, 16/28 февраля 1854 г., былъ заключенъ въ Парижѣ генеральнымъ русскимъ консуломъ А. Эбелингомъ контрактъ[115] на 7 лѣтъ, которымъ Деривьеръ обязывался принять на себя управленіе горнами, составомъ массы, обжигомъ бѣлыхъ вещей, формовкой и отливкой — вообще, всѣми работами по выдѣлкѣ бѣлыхъ вещей, вмѣстѣ съ обученіемъ новымъ пріемамъ, какіе примѣнялись на Севрской фабрикѣ, русскихъ мастеровъ и учениковъ. Въ вознагражденіе Деривьеру по-

лагалось по 10.000 франковъ ежегодно, при казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, казенный проѣздъ до Петербурга и обратно въ Парижъ и, по окончаніи срока контракта, если таковой не будетъ возобновленъ, по 1500 франковъ ежегодной пенсіи.

Деривьеръ пріѣхалъ въ Россію въ томъ же 1854 г. [116] и получилъ, по приказанію гр. Перовскаго, званіе завѣдывающаго бѣлой палатой и горнами (dirigeant la fabrication de porcelaine en blanc). [117]

О дѣятельности Деривьера и его полезности для Императорскаго фарфороваго завода можно судить по отзывамъ современныхъ оффиціальныхъ документовъ, именно, по отзывамъ директора Сивкова, [118] который писалъ (въ 1858 г.): „Возвышеніе горновыхъ убытковъ съ 1854 года тѣмъ болѣе странно, что съ того времени горновая операція находится подъ наблюденіемъ г. Деривьера, лучшаго мастера Севрской мануфактуры, и еще страннѣе, что убытки съ устройствомъ французскаго горна... увеличились... Отсюда видно, до какой степени Деривьеръ мало опытенъ въ постройкѣ горновъ.“

Рис. 252. Ваза, А. Нестеровъ 1836 г., в 33 в. (Зимн. Дв.).
Vase, h. 1,47 m.

„Деривьеръ чрезвычайно дѣятеленъ и усерденъ, имѣетъ желаніе улучшить производство. Незнакомый практически съ нашими отечественными матеріалами, при отсутствіи теоретическихъ свѣдѣній въ химіи, ему весьма трудно угадать ту пропорцію, въ которой матеріалы должны быть соединены.“ „Необходимо основательное знаніе химіи, а не одни практическіе опыты.“

Изъ этихъ словъ Сивкова слѣдуетъ, что Деривьеръ, можетъ быть, былъ опытнымъ практикомъ, но пользы Императорскому фарфоровому заводу, во всякомъ случаѣ, принесъ очень мало, по крайней мѣрѣ насколько это касалось улучшенія массы и обжига. Не смотря на это, Деривьеру въ 1858 г., до окончанія контракта, выдано было единовременное награжденіе и назначена пенсія. Онъ умеръ во Франціи † 13 мая 1872 г. [119]

Еще раньше, чѣмъ бѣлая палата и горны, живописное отдѣленіе тоже оказалось подъ управленіемъ и вліяніемъ иностранныхъ художниковъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ Канунникова и Зюзина замѣнилъ свободный художникъ Гельстремъ, повидимому, шведъ, который опредѣленъ былъ старшимъ мастеромъ живописи въ 1847 г., но еще раньше работалъ на заводѣ. [120] Гельстремъ, вѣроятно, невполнѣ удовлетворялъ гр. Перовскаго, тѣмъ болѣе, что по должности главнаго мастера онъ не имѣлъ достаточно свободнаго времени для самостоятельныхъ занятій. Перовскому желательно было привлечь на Императорскій фарфоровый заводъ такихъ художниковъ, которые, будучи освобождены отъ административныхъ обязанностей, могли бы все свое время посвятить художественному творчеству. Такихъ людей Перовскій нашелъ въ лицѣ двухъ художниковъ французовъ Будэ (Boudet) и Босэ (Beaucé), съ которыми были заключены контракты въ 1853 г. [121]

Первый изъ нихъ пробылъ на заводѣ не долго и не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ своего пребыванія. Второй, для котораго въ 1854 г. была построена особая мастерская, [122] оказалъ сильное и продолжительное вліяніе, но его дѣятельность относится больше къ періоду царствованія Императора Александра II и не характерна для времени Императора Николая I.

Обзоръ административнаго строя Императорскаго фарфороваго завода былъ бы неполонъ, если не упомянуть о школѣ, которая раньше, подъ именемъ гимназіи, оказы-

вала большое вліяніе на качества личнаго состава завода, такъ какъ большинство мастеровъ изъ заводской среды прошли чрезъ гимназію.

Вслѣдствіе печальнаго недоразумѣнія, по штату 1806 года на содержаніе гимназіи никакихъ суммъ опредѣлено не было, а предполагалось только преобразовать гимназію въ школу, съ отпускомъ 300 р. на жалованье „учителю при школѣ.“ При такихъ обстоятельствахъ, учебная часть, конечно, должна была придти въ упадокъ.

Рис. 253. Ваза, б. м., в. 12 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 53,5 cm.

Въ 1834 г., благодаря заботамъ Галямина, былъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ при заводѣ школы для дѣтей служащихъ и мастеровыхъ завода, при чемъ часть средствъ на устройство школы жертвовала дѣвица Захарова, дочь бывшаго смотрителя живописной мастерской Александра Захарова.[123]

Положеніе объ учрежденіи школы было утверждено 30 октября 1836 г.[124] По положенію, школа учреждалась для однихъ лишь приходящихъ учениковъ, не моложе десятилѣтняго возраста, и раздѣлялась на два класса съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ классѣ. Сверхъ того, назначены были еще два года собственно для практическихъ занятій. Предметы обученія были: законъ Божій, чтеніе, чистописаніе и калиграфія, грамматика, ариѳметика, рисованіе, лѣпленіе и живопись на фарфорѣ и стеклѣ, послѣдніе два предмета, вѣроятно, только въ практическихъ классахъ.

По окончаніи полнаго курса школы, воспитанники распредѣлялись, по предписаніямъ директора, по разнымъ частямъ завода, съ званіемъ подмастерьевъ или мастеровыхъ, сообразно ихъ успѣхамъ и способностямъ, или же выпускались въ мѣста, подвѣдомственныя Кабинету Е. И. В.

На содержаніе школы, открытой 6 августа 1837 г.,[125] положено было въ годъ по 1790 р. 72 к. Изъ учителей рисованія, преподававшихъ въ школѣ втеченіе разсматриваемаго періода, могутъ быть отмѣчены: Видбергъ, уволенный въ 1846 г.,[126] и Перницъ (или Перничъ), художникъ, служившій на заводѣ въ тридцатыхъ годахъ,[127] назначенный учителемъ рисованія въ школу, вѣроятно, послѣ ухода Видберга и уволенный отъ службы въ 1855 году.[128]

Рис. 254. Ваза, б. м., в. 12¾ в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 57 cm.

Въ царствованіе Императора Николая I постепенно упорядочены были заводскія земли. Заводъ, при достаточномъ количествѣ земли по берегу рѣки Невы для размѣщенія заводскихъ зданій и домовъ заводского селенія, имѣлъ еще позади селенія болотистую землю, изрытую ямами, наполненными гніющею водою, которая въ лѣтнее время распространяла вредныя испаренія; пользы заводу эта земля никакой не приносила, за исключеніемъ тѣхъ частей, которыя служили подъ выгонъ для скота и покосы.[129]

Въ 1827 г., по предложенію министра Внутреннихъ Дѣлъ, возникъ вопросъ объ осушеніи болотистыхъ мѣстъ Императорскихъ заводовъ.[130] Сначала вопросъ клонился, повидимому, къ благопріятному рѣшенію: земли фарфороваго завода были осмотрѣны полковникомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія Зеге-фонъ-Лауренбергомъ, который составилъ планъ ихъ[131] и опредѣлилъ количество земли, способной къ осушенію, до ста

десятинъ [132] и сумму, необходимую для осушенія ея наемными рабочими втеченіе пяти лѣтъ, въ 40.000 рублей асс. слишкомъ. [133]

Заводская контора проектировала сначала производить осушительныя работы при помощи заводскихъ рабочихъ въ свободное отъ занятій по заводу время. [134] Впослѣдствіи же осушеніе болотъ не осуществилось, благодаря, отчасти, директору Пенскому. [135]

Земля, изъ которой Пенскій не надѣялся извлечь ничего, обратила на себя вниманіе постороннихъ предпринимателей: въ 1830 г. ихъ осматривалъ одинъ англичанинъ, [136] а позднѣе поступило предложеніе объ отдачѣ необработанныхъ земель въ арендное содержаніе колонистамъ Новосаратовской колоніи вѣдомства государственныхъ имуществъ, для удобренія и обработки подъ посѣвъ. Въ 1848 г. съ колонистами былъ заключенъ контрактъ: имъ было отдано 50 десятинъ на 12 лѣтъ (10 лѣтъ безплатно, 2 года по 5 руб. съ десятины). Позднѣе (1856 г.) тѣмъ же самымъ колонистамъ было отдано еще 90 десятинъ большею частью болотистой и изрытой ямами земли на 36 лѣтъ (12 лѣтъ безплатно, 12 лѣтъ по 2 руб. съ десятины и 12 лѣтъ по 5 руб съ десятины). [137]

Культивированіе болотистой земли важнѣйшая мѣра, направленная къ благоустройству мѣстности завода. Принимались, конечно, и другія мѣры, менѣе важныя, но, въ совокупности, способствовавшія приведенію нѣкоторой части заводской усадьбы и окрестностей въ благообразный видъ. Такъ, напримѣръ, былъ углубленъ и обшитъ заводской прудъ, [138] устроена дорога къ дому, который занимали заводскіе чиновники, [139] разведенъ садъ, [140] построена оранжерея [141] и проч.

Стр. 203.

Рис 255 Ваза, м. , в 11 в. (Имп Зав.)
Vase, h. 51 cm.

Въ 1844 -5 г.г. земельная дача Императорскаго фарфороваго завода нѣсколько уменьшилась, такъ какъ при проведеніи линіи Московской желѣзной дороги часть земель Императорскаго фарфороваго завода была отчуждена. [142]

Заводскія зданія, втеченіе разсматриваемаго періода, неоднократно ремонтировались, приводились въ болѣе благообразный видъ; дѣлались иногда существенныя передѣлки, способствовавшія лучшему распредѣленію и размѣщенію мастерскихъ завода. Строились также и отдѣльныя зданія. [143] Втеченіе 1833 7 г.г. архитекторомъ при Императорскихъ фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ были составлены смѣты построекъ на довольно значительную сумму (болѣе 150 тысячъ рублей асс.), при чемъ часть средствъ (до 75 тысячъ) предположено было позаимствовать изъ Кабинета Е. И. В. [144] Въ исполненіе главной части этой смѣты, въ 1833—34 г.г. были произведены довольно обширныя постройки: выстроены вновь три каменныхъ дома, построены матеріальные сараи съ навѣсами, перестроены домъ директора и нѣкоторые другіе и пр. [145]

„Описаніе производства работъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ“ говоритъ: „Не имѣя другой сторонней поддержки, кромѣ вышесказанныхъ 15 тысячъ рублей ассигнаціями, заводъ долго находился въ невозможности привести помѣщеніе свое въ болѣе приличное имени его устройство, какое представлялось не безполезнымъ и въ томъ отношеніи, что заведеніе это, не прерывавшее втеченіе ста лѣтъ занятій своихъ, можетъ уже имѣть воспоминанія, не вовсе лишенныя интереса.“ [146]

Въ положеніи 1835 года было обращено вниманіе на необходимость постояннаго ремонта заводскихъ зданій, необходимость, вызванную не только нуждами производства,

но и желаніемъ поддерживать „благовидность“ зданій. Изъ запаснаго капитала завода выдѣлялась ежегодно извѣстная часть подъ именемъ ремонтной суммы, на употребленіе которой директоръ каждый разъ долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе Кабинета Е. И. В.[147]

Въ 1838 г. приступили къ постройкѣ казармъ и нѣкоторыхъ другихъ новыхъ зданій.[148] Необходимыя средства для этихъ построекъ были заимствованы изъ суммъ Выборгскаго зеркальнаго завода, въ размѣрѣ 42.000 руб. асс.[149] Новое позаимствованіе 35.000 руб. сер. изъ суммъ того же завода послѣдовало въ 1846 г.[150]

Въ 1851—1853 г.г. составлены были смѣты на новыя постройки,[151] необходимыя, отчасти, вслѣдствіе технической реорганизаціи заводского производства. Съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго въ 1853 г., изъ комнатной суммы Кабинета Е. И. В. было отпущено заимообразно до 50.000 рублей сер.[152] Независимо отъ постройки новыхъ зданій, владѣнія завода расширились пріобрѣтеніемъ, въ 1840 и 1852 г.г., двухъ частныхъ домовъ, стоявшихъ на заводской землѣ.[153]

Въ 1852 и 1853 г.г. сняты были общіе планы и фасады всѣхъ заводскихъ строеній.[154]

Труднымъ вопросомъ является точное опредѣленіе капитала, которымъ владѣлъ Императорскій фарфоровый заводъ, и наростанія этого капитала втеченіе царствованія Императора Николая I. Систематическихъ свѣдѣній, напримѣръ, инвентарей не сохранилось; при вступленіи въ должность, принимая заводское имущество, каждый новый директоръ стремился сдѣлать возможно большую скидку съ общей стоимости построекъ, машинъ и пр.;[155] происходили переоцѣнки имущества;[156] оцѣнка производилась по номинальной стоимости ассигнацій, не обращая вниманія на высоту курса и т. д. Вообще, въ опредѣленіи имущества завода, составлявшагося, согласно положенію 1835 г. (§ 44), изъ четырехъ видовъ капитала: 1) заключающагося въ оконченныхъ и неоконченныхъ издѣліяхъ, 2) состоящаго въ механизмахъ и инструментахъ, 3) числящагося въ строеніяхъ, и 4) капитала запаснаго, „обращающагося въ кредитныхъ установленіяхъ“ (т. е. въ кредитныхъ бумагахъ), допускали большой произволъ и неточность.

Стр. 201, 216.

Рис. 25[illegible] Тарелки, м. [illegible], д. 5 [illegible] в. (Зимн. Дв.)
Assiettes, d. 24,5 cm.

Только принимая все это въ разсчетъ, можно понять видимыя несоотвѣтствія сохранившихся цифровыхъ данныхъ, несоотвѣтствія, которыя иначе могли бы быть истолкованы совершенно превратно и повести къ ошибочному заключенію о развитіи завода.

Напримѣръ, по даннымъ пріема завода Пенскимъ отъ Комарова, въ 1828 г.,[157] выходитъ, что капиталъ завода, при принятіи его Комаровымъ, въ 1817 г., простирался до 600 тысячъ рублей асс., а къ 1 мая 1828 г. (ко дню сдачи Пенскому), за скидкою болѣе 90 ты-

сячъ руб., на чемъ настаивалъ Пенскій, капиталъ составлялъ уже болѣе одного милліона рублей асс. Галяминъ же въ 1835 г., представляя отчетъ о дѣятельности завода за 1834 годъ,[158] показывалъ капиталъ ниже 950 тыс. асс. Вообще же, можно сказать, что капиталы Императорскаго фарфороваго завода въ постройкахъ, машинахъ, сырыхъ матеріалахъ, товарахъ и наличныхъ деньгахъ, не считая только земельныхъ имуществъ, которыя не подвергались оцѣнкѣ, простирались до одного милліона рублей асс. и во все продолженіе царствованія Императора Николая I отъ этой цыфры значительно не отклонялись. Примѣромъ ежегодныхъ оборотовъ по производству завода могутъ служить данныя отчета за 1834 годъ,[158] при чемъ надо, однако, имѣть въ виду, что суммы выражены въ ассигнаціяхъ. Въ этомъ году было выработано на заводѣ живописныхъ и золоченыхъ издѣлій на 290.820 руб. 66 к., употреблено матеріаловъ и выдано задѣльной платы и жалованья на 222.661 р. $62^3/_4$ к., продано издѣлій и въ долгъ отпущено (сюда входятъ и работы для Высочайшаго Двора) на 325.169 руб. 73 к., получено прибыли отъ сбыта издѣлій 68.159 р. $3^1/_4$ к., да отъ заводского хозяйства, какъ-то: отъ сѣнокосныхъ луговъ и пр. 5.846 р. 27 к., а всего прибыли поступило 74.005 р. $30^1/_4$ к.

Стр. 201, 216.
Рис. 257. Тарелка, м. НI, д. $5^1/_2$ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Стр. 201, 216
Рис. 258. Тарелка, м. НI, д. $5^1/_2$ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Эти выводы отчета 1834 г. подтверждаются за послѣдующее время средними числами, выведенными Галяминымъ по десятилѣтней сложности и приведенными въ Описаніи производства работъ 1844 г.[159] Обороты завода по выдѣлкѣ вещей, согласно этимъ цыфрамъ, простирались ежегодно до 120.000 руб. серебромъ. Большая часть вещей поступала къ Высочайшему Двору, на сумму до 100.000 рублей. Продажа въ частныя руки давала до 10.000 рублей. На содержаніе завода, съ жалованьемъ, задѣльной платой и матеріалами, употреблялось ежегодно до 103.000 р. сер. Получалось ежегодно прибыли до 17.000 р. с. Эти цыфры слѣдуетъ считать дѣйствительными не только для времени управленія заводомъ Галяминымъ, но и для послѣдующаго десятилѣтія, до конца царствованія Императора Николая Павловича, при чемъ, для правильнаго сужденія объ этихъ цыфрахъ, особенно о размѣрахъ прибыли, надо имѣть въ виду: 1) нѣкоторую произвольность оцѣнки вещей[160] и, вслѣдствіе сего, преувеличеніе размѣра прибыли, 2) пользованіе дровами, составляющими одну изъ самыхъ крупныхъ статей расхода въ производствѣ, изъ собственныхъ лѣсныхъ дачъ, 3) сравнительную дешевизну крѣпостного труда

Стр. 201, 213, 216.
Рис. 259. Тарелка, м. НI, д. $5^1/_2$ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Стр. 202.

Рис. 260. Миска, б. м., в. $7^{1}/_{2}$ в. (Имп. Зав.).
Pot à oille, h. 33 cm.

большаго числа рабочихъ и 4) субсидію изъ государственнаго казначейства.

По правиламъ, изданнымъ гр. Перовскимъ, [161] издѣлія завода раздѣлялись на „изящныя или художественныя, подносимыя къ Высочайшему Двору, и служащія къ обыкновенному употребленію, назначаемыя для продажи въ частныя руки.“ При опредѣленіи цѣны ординарныхъ продажныхъ издѣлій, принимались въ разсчетъ издержки, употребленныя на матеріалы, задѣльную плату и другія статьи, отнесенныя по утвержденному расписанію къ оборотнымъ расходамъ. При этомъ расцѣнка не должна была превышать цѣнъ, по которымъ продавались издѣлія мѣстныхъ частныхъ фабрикъ или издѣлія привозныя. Цѣну художественныхъ произведеній предписано было опредѣлять при содѣйствіи художниковъ и знатоковъ, по сличенію съ цѣнами подобныхъ же предметовъ иностранныхъ фабрикъ.

Нельзя не замѣтить кажущагося противорѣчія между этими правилами гр. Перовскаго, опредѣляющими исключительное назначеніе художественныхъ вещей, и тѣми основными взглядами, которые онъ высказывалъ на главное назначеніе и цѣль Императорскихъ заводовъ. Въ самомъ дѣлѣ: если изящныя произведенія не могли поступать въ частныя руки, то какимъ образомъ заводъ могъ достигнуть главной своей цѣли служить образцовымъ учрежденіемъ для другихъ русскихъ заводовъ? Выпускомъ въ продажу исключительно ординарнаго товара, хотя бы и высокаго качества, намѣченная цѣль далеко не достигалась.

Правила пріема частныхъ заказовъ и продажи готовыхъ издѣлій частнымъ лицамъ подробно были опредѣлены положеніемъ 1835 г. Для доставленія заказчикамъ возможности выбора и свѣдѣній о всѣхъ родахъ вещей, выдѣлываемыхъ на заводѣ, повелѣно было составить собраніе образцовыхъ издѣлій. Продавать вещи разрѣшено было какъ на самомъ заводѣ изъ магазина готовыхъ вещей, такъ и въ городскомъ магазинѣ, по опредѣленной таксѣ, выставленной для свѣдѣнія покупщиковъ (§ 34). При большихъ заказахъ или по усмотрѣнію директора, допускалась скидка отъ 10% до 20% (§§ 39 и 40). Продажа производилась преимущественно на наличныя деньги (§ 35), но для усиленія сбыта издѣлій, дозволено было директору, подъ его отвѣтственностью, отпускать вещи покупателямъ въ кредитъ (§§ 35, 36, 37. 38), отдавать на комиссію (§ 41), а равно открывать продажу въ различныхъ городахъ имперіи (§ 43). [162]

Стр. 206

Рис. 261. Ваза для цвѣтовъ, б. м., в. $4^{3}/_{4}$ в. (Имп. З.).
Bouquetier, h. 21 cm.

Хотя директора, получая проценты съ прибыли отъ продажи издѣлій, были заинтересованы въ широкомъ сбытѣ, но ихъ усердіе въ значительной мѣрѣ сдерживалось правилами продажи, слишкомъ много возлагавшими на ихъ личную отвѣтственность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не дававшими имъ настоящей свободы

дѣйствій, такъ какъ они обязаны были въ каждомъ случаѣ испрашивать разрѣшенія высшаго начальства.

Въ 1828 г., при сдачѣ завода Комаровымъ Пенскому, въ заводскомъ магазинѣ находилось готовыхъ вещей на сумму около 200.000 руб. асс., въ городской лавкѣ на 107.000 руб. асс., въ гостинодворской лавкѣ на 15.000 руб. асс., въ Москвѣ на 62.000 руб. асс., на Нижегородской ярмаркѣ на 20.000 р. асс. и у различныхъ комиссіонеровъ на 32.000 р. асс. [163]

Стр. 215.

Рис. 262. Чашка, в. 1¹/₈ в., блюдце, д. 4 в., б. м. (Импер. Зав.).
Tasse, h. 5 cm.; soucoupe, d. 18 cm.

Такимъ образомъ, несмотря на старанія графа Гурьева распространить сбытъ издѣлій Императорскаго фарфороваго завода по всей Россіи, цѣль его мало была достигнута, и издѣлія завода сосредоточивались преимущественно въ столицахъ. Послѣ 1828 г. послѣдовало замѣтное сокращеніе района распространенія издѣлій Императорскаго фарфороваго завода, равно какъ и другихъ Императорскихъ заводовъ и сильное сокращеніе сбыта въ частныя руки.

На многихъ лицахъ, которыя взялись вести продажу по губерніямъ числились недоимки, [164] что неизбѣжно должно было затруднять отчетность, путало счета, между тѣмъ, по самому положенію этихъ лицъ, „въ сношеніяхъ съ ними о высылкѣ денегъ было поступаемо осторожно" по выраженію директора Комарова. [165] Пришлось поэтому приступить къ разсчетамъ съ вице-губернаторами, взявшими на себя комиссію, и забрать отъ нихъ назадъ непроданныя вещи. [166]

Такимъ образомъ, къ началу тридцатыхъ годовъ, эта отрасль торговли была ликвидирована. Оставалась нѣкоторое время торговля на Нижегородской ярмаркѣ, [167] но недолго: повидимому, таковая была прекращена въ 1834—1835 году, а въ 1836 г. вещи хранившіяся въ Нижегородской удѣльной конторѣ, были проданы съ публичнаго торга. [168] Въ 1839 г. возникъ было вопросъ о комиссіонной продажѣ издѣлій Императорскихъ заводовъ въ Казани и на Нижегородской ярмаркѣ, но мысль эта не получила осуществленія. [169]

Стр. 1..

Рис. 263. Чаша, б. м., в. 5 .. в. (Имп Зав.).
Coupe, h. 24,5 cm.

Въ 1837 г. былъ уничтоженъ и московскій магазинъ.[170] Позднѣе, кажется, велась незначительная комиссіонная продажа московскимъ купцомъ Волковымъ. [171] Но комиссіонная продажа вообще не развилась, и въ самомъ Петербургѣ шла очень вяло. [172]

Не блестяще шла и продажа изъ заводскихъ магазиновъ въ С.-Петербургѣ, слѣдствіемъ чего было сначала закрытіе гостинодворской лавки. [173] Остались, такимъ образомъ, только два магазина: одинъ на заводѣ, другой — городской. Послѣдній помѣщался сначала въ наемныхъ частныхъ домахъ, но въ 1838 г. былъ перемѣщенъ въ зданіе Кабинета Е. И. В. [174] Магазинъ функціонировалъ до конца разсматриваемаго періода, но съ такимъ незначительнымъ успѣхомъ, что въ 1856 г. дальнѣйшее сохраненіе его признано было невыгоднымъ, и онъ былъ уничтоженъ. [175]

Изъ факта незначительной продажи готовыхъ издѣлій само собою слѣдуетъ и фактъ еще меньшей торговли по заказамъ: о нихъ рѣдко даже упоминается. [176]

Стр. 206, 215.

Рис. 264. Ножка чаши, м. ⅒, в. 14 в. (Зимн. Дв.).
Pied de coupe, h. 62 cm.

Администраціей завода принимались, правда, попрежнему различныя мѣры для увеличенія сбыта вещей въ частныя руки, однако, безъ существеннаго результата: переоцѣнивали вещи, скидывали проценты съ цѣны вещей, вышедшихъ изъ моды, [177] продавали вещи съ аукціона, [178] пускали въ продажу бѣлыя вещи. [179]

Отчетъ о состояніи Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ за 1856 г. [180] такимъ образомъ выражается о характерѣ частныхъ продажъ времени Императора Николая Павловича и о достоинствѣ выпускаемыхъ въ продажу издѣлій: „Вещи сіи были гораздо низшаго достоинства, не могущія быть представляемы ко Двору, а отсылаемыя для продажи въ города были уже вышедшія изъ употребленія и потерявшія фасонъ отъ давняго времени."

Такой порядокъ былъ далекъ отъ осуществленія мысли гр. Перовскаго о назначеніи Императорскихъ заводовъ быть образцовыми учрежденіями для отечественной промышленности и могъ скорѣе вести къ развращенію вкуса публики.

Постепенное сокращеніе частной продажи издѣлій Императорскаго фарфороваго завода не было, однако, связано съ сокращеніемъ вообще производства: наоборотъ, производство его въ царствованіе Императора Николая I было гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ какое-либо другое время, какъ раньше, такъ и позже. Дѣло въ томъ, что, при значительномъ сокращеніи продажи частнымъ лицамъ, чрезвычайно увеличились спеціальные заказы для Императорскаго Двора, придворнаго вѣдомства, дворовъ Великихъ Князей и Княгинь, заказы для поднесенія высочайшимъ особамъ, наконецъ, заказы для различныхъ казенныхъ учрежденій.

Подношенія Государю, которыя раньше дѣлались ежегодно къ Св. Пасхѣ и къ Новому году, съ 1832 г. представлялись къ днямъ Пасхи и Рождества Христова. [181]

Стр. 206. 215.

Рис. 265. Ножка чаши, м. ⅒, в. 11 в. (Зимн. Дв.).
Pied de coupe, h. 49 cm.

Кромѣ регулярныхъ ежегодныхъ поднесеній, заводъ неоднократно выполнялъ особые заказы, изготовляя вещи для личнаго употребленія Государя и Государыни, [182] для Наслѣдника, [183] для Великихъ Князей, [184] для приданаго Великимъ Княжнамъ [185] и пр. [186]

Постоянные и обширные заказы давались фарфоровому заводу различными придворными учрежденіями: Собственною Е. И. В. конторою, [187] конторами Придворною [188] и Гофъ-интендантскою. [189]

Конечно, среди этихъ заказовъ много было обыкновенной сервизной посуды, необходимой для повседневнаго расхода Высочайшаго Двора, но въ то же время поступали обширные заказы на изготовленіе исключительно художественныхъ произведеній, служившихъ для обстановки дворцовъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, также въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. [190] Исполнялись также и вещи для Императорскихъ яхтъ. [191]

Попрежнему Императорскій фарфоровый заводъ нерѣдко выполнялъ заказы для различныхъ казенныхъ учрежденій, помимо дворцоваго вѣдомства. Большею частью

это были вещи для домашняго обихода или имѣвшія техническое назначеніе. [192]

Никогда въ другое время не дѣлалось столько подарковъ фарфоровыми вещами коронованнымъ и знатнымъ особамъ, какъ иностраннымъ, такъ и россійскимъ. Косвеннымъ образомъ это обстоятельство можетъ свидѣтельствовать объ успѣхахъ, сдѣланныхъ Императорскимъ заводомъ, и о высокихъ достоинствахъ его произведеній, ибо Императоръ Николай I былъ требователенъ къ представляемымъ на его воззрѣніе художественнымъ предметамъ. [193]

[illegible] 206, 215.
Рис. 266. Ножка чаши, м. [illegible], в. $8^1/_2$ в. (Зимн. Дв.).
Pied de coupe, h. 38 cm.

Обезпеченный такими обширными заказами, Императорскій фарфоровый заводъ, понятно, могъ не удѣлять большого вниманія частнымъ заказамъ [194] и тѣмъ болѣе издѣліямъ для частной продажи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обширные казенные заказы, исполняемые по высокимъ цѣнамъ, дали заводу возможность поправить свое матеріальное положеніе, такъ что уже въ 1834 г. заводъ смогъ окончательно погасить свой долгъ Кабинету Е. И. В. въ 150.000 р. асс., числившійся на заводѣ съ 1817 г. [195]

Главный контингентъ мастеровъ и рабочихъ Императорскаго фарфороваго завода составляли втеченіе разсматриваемаго періода, какъ и прежде, прикрѣпленные къ заводу люди, но, какъ и прежде, встрѣчаются неоднократно случаи не только найма вольныхъ служащихъ, какъ изъ числа художниковъ, такъ и обыкновенныхъ мастеровъ, [196] но и случаи приписки къ заводу лицъ другихъ, даже вольныхъ сословій, [197] принятія воспитанниковъ различныхъ благотворительныхъ учрежденій, [198] перемѣщенія рабочихъ изъ другихъ казенныхъ учрежденій. [199]

Однако, нельзя сказать, что такое пополненіе личнаго состава посторонними людьми вызывалось настоятельною необходимостью: уже Галяминъ видѣлъ нѣкоторое неудобство въ томъ, что естественный приростъ населенія, приписаннаго къ Императорскому фарфоровому заводу, превышалъ существенную необходимость въ людяхъ, вызываемую размѣрами производства. [200] Вотъ почему администрація фарфороваго завода старалась освободиться отъ тѣхъ учениковъ, оканчивавшихъ школу, отъ которыхъ нельзя было ожидать особой пользы для завода, и выпускала ихъ писцами въ мѣста, подвѣдомственныя Кабинету Е. И. В.

Стр. [illegible]
Рис. 267. Ножка чаши, м. [illegible], в. 8[illegible] в. (Зимн. Дв.).
Pied de coupe, h. 38 cm.

Гр. Перовскій въ докладѣ, при которомъ было представлено на Высочайшее утвержденіе положеніе 1853 г., проектировалъ даже позволить приписаннымъ къ Императорскимъ заводамъ людямъ избирать, по усмотрѣнію заводской администраціи, другой родъ жизни. Болѣе того: подъ его же вліяніемъ въ 1853 году возникъ вопросъ о совершенномъ освобожденіи мастеровыхъ Императорскихъ заводовъ отъ обязательнаго труда и объ устройствѣ рабочаго сословія. [201] Однако, этотъ трудный вопросъ, благодаря, отчасти, политическимъ осложненіямъ, не получилъ своего разрѣшенія въ царствованіе Импе-

Стр. 206, 215
Рис 268. Ножка чаши, м. [illegible], в. $7^1/_2$ в. (Зимн. Дв.).
Pied de coupe, h. 33 cm.

ратора Николая Павловича. Важна, однако, и сама тенденція къ превращенію рабочихъ Императорскихъ заводовъ въ свободное сословіе: такая тенденція исключала возможность проявленія слишкомъ темныхъ сторонъ крѣпостническаго режима, тѣмъ болѣе, что люди Императорскихъ заводовъ всегда и въ прежнее время пользовались извѣстными преимуществами.

Стр. 207

Рис 269. Охотникъ, м. ⁂, в. 2½ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Chasseur, h. 11 cm.

Порядокъ, строгій порядокъ, подчасъ даже слишкомъ строгій, почти военный режимъ, но не безсмысленный гнетъ вотъ общая характеристика отношеній заводской администраціи къ подчиненнымъ людямъ въ царствованіе Императора Николая Павловича, насколько эта характеристика можетъ быть дана на основаніи немногихъ и отрывочныхъ дошедшихъ до насъ документальныхъ данныхъ.

Стр. 207.

Рис. 270. Продавецъ картинъ, м. ⁂, в. 1 ½ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Vendeur d'images, h. 7 cm.

Темныя стороны быта рабочихъ, несомнѣнно, были. Нѣкоторыя мѣры, которыя принимались администраціею по отношенію къ рабочимъ и мастерамъ, какъ въ цѣляхъ поощренія, такъ и въ цѣляхъ наказанія, въ настоящее время могутъ казаться нѣсколько странными, нѣсколько крутыми. Но нельзя почти встрѣтить указаній на мѣры, которыя, даже съ современной точки зрѣнія, казались бы безсмысленными или жестокими. Тѣмъ болѣе это надо сказать, ставъ на точку зрѣнія тогдашнихъ понятій, тогдашнихъ условій жизни.

Трудящійся достоинъ награды - вотъ основная точка зрѣнія въ отношеніяхъ начальства къ рабочимъ. По мѣрѣ труда и награда.

Жалованье квалифицированныхъ мастеровъ было, сравнительно, высоко. Задѣльная плата простыхъ рабочихъ не была никогда слишкомъ низкой и съ каждымъ почти новымъ штатомъ нѣсколько увеличивалась. [202] Въ среднемъ, на каждаго работника (включая сюда какъ простыхъ мастеровыхъ, такъ и мастеровъ) приходилось около 400 рублей серебромъ заработной платы: это, по тому времени, не мало, особенно, если принять во вниманіе различныя льготы, предоставленныя рабочимъ Императорскихъ заводовъ.

Конечно, вознагражденіе было не для всѣхъ одинаково: среди работниковъ были мастера-спеціалисты, которыхъ задѣлъ или жалованье составляли значительныя, по тому времени, суммы. Старались опредѣлить степень достоинства каждаго работника и сообразно этому назначать каждому задѣльную плату. Напримѣръ, въ 1834 г. живописцы и орнаментисты, по получаемой ими задѣльной платѣ, были раздѣлены на три разряда. [202]

Галяминъ находилъ, что такъ какъ „отъ количества вырабатываемыхъ вещей зависитъ прибыль завода, а задѣлъ выдается только тѣмъ, кто дѣйствительно трудится, то число задѣльщиковъ ни въ какомъ случаѣ не могло обременить завода." [203]

Высокая оцѣнка издѣлій была выгодна мастерамъ, получавшимъ опредѣленный процентъ съ выработки или съ прибыли. Напримѣръ, сумма, получаемая старшимъ мастеромъ живописи въ видѣ 1% съ оконченныхъ живописныхъ вещей, доходила до 2300 р. въ годъ. [204]

Стр. 207.

Рис.271. Продавецъ рыбы, м. ⁂, в. 1 9/16 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Vendeur de poissons, h. 7 cm.

Для устраненія естественнаго стремленія квалифицированныхъ мастеровъ увеличивать свое содержаніе путемъ высокой оцѣнки исполненныхъ вещей, а также казавшейся князю Гагарину и Галямину несправедливой неравномѣрности ихъ заработка, для нихъ проценты съ выработанныхъ вещей замѣнили постояннымъ жалованьемъ въ 1500 и 1200 рублей, что состав-

Табл. VIII.

Ваза „Полтавская битва", Н. Корниловъ 1836, в. 35 в. (Зимн. Дв.).
Vase „Bataille de Poltawa", h. 1,56 m

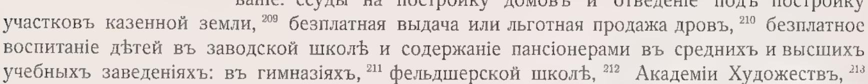
ляло уменьшеніе ихъ содержанія болѣе, чѣмъ на одну треть. [205] Особые труды, особыя заслуги каждаго вознаграждались особымъ образомъ. Мастера могли быть удостоены Высочайшихъ денежныхъ или иныхъ наградъ, а также чиновъ и орденовъ, съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, къ чему никому изъ служащихъ на заводѣ не былъ закрытъ доступъ. [206]

Кромѣ матеріальныхъ поощреній, прибѣгали и къ нравственнымъ воздѣйствіямъ: была, напримѣръ, заведена „Книга для вписыванія именъ отличныхъ художниковъ" — своего рода мраморная доска. [207]

Для поднятія внѣшняго достоинства всѣхъ вообще мастеровъ, возникла мысль дать имъ право носить мундиръ, по образцу мундировъ другихъ художниковъ вѣдомства Министерства Императорскаго Двора. [208]

Конечно, мундиръ не могъ поднять художественнаго развитія, но этотъ внѣшній знакъ, по тому времени, не могъ не влiять на поднятіе духа заводскихъ мастеровъ, чувствовавшихъ себя не простыми работниками-гончарами, а какъ-бы чиновниками Его Величества, служителями свободныхъ искусствъ.

Если мундиръ долженъ былъ служить поощреніемъ для квалифицированныхъ мастеровъ, награжденіемъ прочихъ работниковъ служили, преимущественно, льготы матеріальнаго характера, въ большинствѣ, тѣ же, что были въ предшествовавшее царствованіе: ссуды на постройку домовъ и отведеніе подъ постройку участковъ казенной земли, [209] безплатная выдача или льготная продажа дровъ, [210] безплатное воспитаніе дѣтей въ заводской школѣ и содержаніе пансіонерами въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ гимназіяхъ, [211] фельдшерской школѣ, [212] Академіи Художествъ, [213] Технологическомъ Институтѣ, [214] Горномъ Корпусѣ; [215] наконецъ, безплатная медицинская помощь. [216]

Стр. 197, 206.

Рис. 272. Рубини, м. [марка], в. 4¼ в. (коллекція Н. А. Лукутина). Rubini, h. 19 cm.

Медицинская часть завода въ царствованіе Императора Николая Павловича была поставлена не только вполнѣ удовлетворительно, но даже широко: кромѣ врача [217] и лекарскаго помощника, [218] которые постоянно числились при заводѣ и заводскомъ лазаретѣ, [219] разновременно были приглашены фельдшеръ [220] и повивальная бабка. [221] Въ 1844 г. на заводъ былъ опредѣленъ акушеръ. [222]

По примѣру прежнихъ годовъ, и городскія больницы, въ случаѣ надобности, служили для помѣщенія въ нихъ заводскихъ рабочихъ. [223]

Открытіе въ 1843 г. въ самомъ селеніи завода аптеки (частной) [224] еще больше способствовало исправному состоянію медицинской части.

Что касается вопроса объ обезпеченіи заводскихъ людей, уволенныхъ уже отъ службы за инвалидностью ихъ, также обезпеченія ихъ вдовъ и сиротъ, то вопросъ этотъ въ царствованіе Императора Николая I былъ урегулированъ особымъ положеніемъ, въ силу Высочайше утвержденнаго доклада министра Императорскаго Двора, 6 апрѣля 1830 г. [225]

Еще въ 1827 г. было Высочайше утверждено положеніе о производствѣ чиновникамъ и нижнимъ канце-

Стр. 205.

Рис. 273. Часы, б. м., в. 35 в. (Имп. Зав.). Cartel, h. 1,555 m.

лярскимъ чинамъ Кабинета Е. И. В. пенсіоновъ, но въ кругъ дѣйствія этихъ правилъ не вошли рабочіе на Императорскихъ заводахъ и мануфактурахъ. Мастера и мастеровые этихъ заведеній, обязанные исполнять возложенныя на нихъ обязанности до полной потери трудоспособности, получали, независимо отъ числа лѣтъ, проведенныхъ на службѣ, пенсіоны по усмотрѣнію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заводскаго начальства и по мѣрѣ мѣстныхъ денежныхъ средствъ. Такой порядокъ, съ одной стороны, обременялъ заводскій бюджетъ, съ другой—создавалъ нѣкоторую неопредѣленность въ положеніи инвалидныхъ рабочихъ. По предложенію князя Волконскаго, путемъ отчисленія ежегодно опредѣленныхъ суммъ изъ средствъ всѣхъ Императорскихъ заводовъ и мануфактуръ (по фарфоровому заводу—2.000 руб. асс., т. е. суммы, которая предназначалась на пенсіоны въ царствованіе Императора Александра I, а со всѣхъ заводовъ 12.000 руб. ассигн.), а также путемъ отчисленія изъ комнатной суммы Кабинета Е. И. В. въ пользу пенсіонеровъ по 12% съ подносимыхъ ежегодно къ Высочайшему Двору, равно и съ назначаемыхъ въ подарки иностраннымъ дворамъ и высокимъ особамъ разныхъ заводскихъ издѣлій (до 20.000 руб. асс. ежегодно), составился пенсіонный капиталъ въ пользу всѣхъ мастеровъ и мастеровыхъ, безъ различія, кто въ какомъ заведеніи находился. Пенсіи назначались на основаніи особо составленныхь правилъ, при чемъ мастера получали отъ 250 до 500 р. асс., подмастерья отъ 120 до 250 р. асс. и мастеровые отъ 60 до 120 р. асс. въ годъ.

Стр. 208.
Рис. 274. Ящикъ рабочій, б. м., в. 3 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Boîte à ouvrage, h. 13,5 cm.

Усиленная выдѣлка вещей для Высочайшаго Двора по фарфоровому и стеклянному заводамъ давала настолько значительныя отчисленія въ пользу пенсіоннаго капитала, что съ 1 января 1835 г. явилась возможность прекратить отчисленія въ пенсіонный капиталъ изъ заводскихъ суммъ. [226]

Пенсіоны распространялись также на вдовъ и сиротъ, но, кромѣ того, имъ назначались и единовременныя пособія. Вообще, многія данныя свидѣтельствуютъ, что заводская администрація, особенно при директорѣ Галяминѣ, заботилась всѣми способами пристроить и устроить осиротѣвшія семьи своихъ служащихъ. [227]

Въ 1842 г. состоялось учрежденіе богоугоднаго заведенія, для котораго былъ купленъ находившійся въ селеніи фарфороваго завода домъ купца Пономарева на средства, оставленныя по завѣщанію умершей дѣвицей Захаровой, которая раньше пожертвовала нѣкоторую сумму и на устройство заводской школы. [228]

Изъ мастеровыхъ завода набрана была вольная пожарная команда. [229] Заботясь о направленіи развлеченій въ свободное время на безопасный путь, администрація завода не допускала устройства въ селеніи трактировъ: [230] существовали только два винныхъ погреба. [231]

Съ тою же цѣлью облагородить развлеченія рабочихъ былъ организованъ хоръ пѣвчихъ, [232] который пѣлъ, между прочимъ, и въ заводской церкви, о благоустройствѣ которой точно также заботилась администрація завода.

Стр. 201, 203
Рис. 275. Ваза, б. м., в. 32 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 1,42 m

Несмотря на капитальный ремонтъ въ царствованіе Императора Александра I, къ началу сороковыхъ годовъ обнаружилась значительная ветхость церкви, особенно колокольни.[233] Въ 1839 году произведены были нѣкоторыя исправленія,[234] а въ 1845 г. былъ поднятъ вопросъ о капитальномъ ремонтѣ.[235] Проектъ ремонта церкви и полной перестройки колокольни былъ утвержденъ 18 сентября 1845 г.[236] Постройка по этому проекту производилась еще въ 1849 г., подъ наблюденіемъ спеціально для того составленной комиссіи.[237] Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени внѣшній видъ церкви и колокольни остались безъ измѣненія.[238]

Стр. 205.

Рис. 276. Часы, м. ℌ., в. 7 в (колл. Н. А. Лукутина).
Cartel, h. 31 cm.

Если такимъ образомъ, съ одной стороны, администрація старалась, по возможности, о всестороннемъ удовлетвореніи нуждъ заводскихъ рабочихъ и оказывала имъ всякія поощренія, то, съ другой стороны, она неуклонно слѣдила за исполненіемъ рабочими обязанностей прилежнаго работника и исправнаго служащаго. За этимъ смотрѣли внутри завода директоръ и старшіе мастера, а внѣ завода—полицеймейстеръ.[239] По характеру времени и крѣпостного строя, надзоръ относился не только къ работамъ и къ сохраненію внѣшняго благочинія, но часто и къ семейной жизни и нравамъ.[240]

При лѣнивомъ или небрежномъ отношеніи къ работамъ,[241] при строптивомъ характерѣ или безнравственномъ поведеніи, виновныхъ неизбѣжно постигала кара; въ легкихъ случаяхъ проступковъ - сравнительно легкая: штрафы,[241] смѣщеніе изъ мастеровъ въ мастеровые[242] и т. п.; въ болѣе серьезныхъ случаяхъ и наказаніе было серьезное: напримѣръ, за своевольную отлучку съ завода,[243] за безнравственное поведеніе,[244] за кражу золота[245]— рабочихъ отдавали въ солдаты.

Исторія Императорскаго фарфороваго завода показываетъ, что съ самаго его основанія время отъ времени возникала мысль о соединеніи съ фарфоровымъ производствомъ другихъ родственныхъ съ нимъ отраслей промышленности, напримѣръ, фаянсовой.

То же стремленіе наблюдается и въ царствованіе Императора Николая Павловича.

Въ тѣсной связи съ заводомъ находилась живопись на стеклѣ (vitraux), введенная при живописномъ отдѣленіи въ первой половинѣ разсматриваемаго періода и давшая весьма удовлетворительные, въ художественномъ отношеніи, результаты.[246]

Въ 1840 году учреждена была при фарфоровомъ заводѣ бронзовая мастерская.[247] Мода на бронзовыя оправы фарфора въ царствованіе Императора Николая I была въ полномъ разгарѣ, поэтому платежи частнымъ мастерамъ за бронзовыя работы: обдѣлку вазъ, канделябръ и пр., достигали ежегодно значительныхъ суммъ.[248] Кромѣ того, учрежденіе собственной бронзовой мастерской, при надлежащей постановкѣ, могло принести несомнѣнную пользу въ томъ отношеніи, что бронзовыя украшенія, на мѣстѣ сдѣланныя, могли быть удобнѣе пригнаны и согласованы съ фарфоровою вещью.[249] Проценты, налагаемые на стоимость бронзы и выдѣлку ея, согласованные съ обыкновенными рыночными цѣнами, обращались въ пользу завода.[250]

Впрочемъ, бронзовое заведеніе, со времени своего учрежденія, пользовалось большою самостоятельностью и въ административномъ отношеніи было почти независимо отъ управленія фарфороваго завода, такъ какъ оно сдавалось въ арендное содержаніе по контракту. До 1846 г. оно находилось въ вѣдѣніи иностранца Клейна,[251] съ 1846 г. по 1849 г. имъ управлялъ П. Пильманъ,[252] а въ 1849 г. заведеніе было отдано мастерамъ Дювалю и Шопеню, которые завѣдывали С.-Петербургскимъ гальванопластическимъ заведеніемъ.[253]

Бронзовое заведеніе, по характеру производства, являлось чуждымъ основному производству фарфороваго завода; устроенное же въ 1833 г. гончарное заведеніе составляло отдѣльную отрасль той же самой керамической промышленности.

Своимъ возникновеніемъ гончарное заведеніе было обязано Галямину, который, ходатайствуя о его учрежденіи, приводилъ практическія соображенія о выгодности этого предпріятія для Императорскаго фарфороваго завода.

Стр. 206

Рис. 277. Грекъ, м. Н I, в. 2¾ в.; дама въ бальномъ платьѣ, м. Н I, в. 3 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Grec, h. 12,25 cm.; dame, h. 13,5 cm.

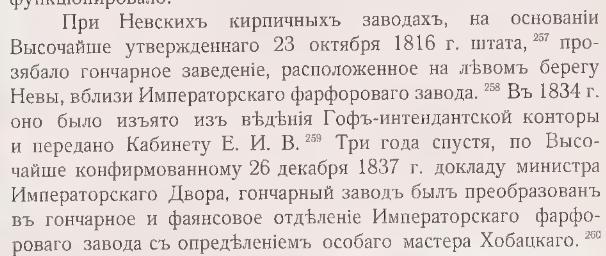
На основаніи рапорта Галямина, отъ 11 іюля 1833 г., [254] министръ Императорскаго Двора князь Волконскій представилъ на Высочайшее Имя докладъ, [255] въ которомъ, въ отличіе отъ доводовъ въ рапортѣ Галямина, желательность учрежденія гончарнаго заведенія мотивирована болѣе общими основаніями: именно, что гончарная промышленность въ Россіи, при климатическихъ условіяхъ страны, должна составлять „одну изъ первѣйшихъ потребностей,“ а между тѣмъ, эта промышленность находилась „донынѣ въ худомъ положеніи.“

Стр. 207.

Рис. 278. Продавщица цвѣтовъ, б. м., в. 6 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Bouquetière, h. 26,5 cm.

Докладъ кн. Волконскаго былъ Высочайше конфирмованъ 15 августа 1833 г., и въ слѣдующемъ же году заведеніе функціонировало. [256]

При Невскихъ кирпичныхъ заводахъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 23 октября 1816 г. штата, [257] прозябало гончарное заведеніе, расположенное на лѣвомъ берегу Невы, вблизи Императорскаго фарфороваго завода. [258] Въ 1834 г. оно было изъято изъ вѣдѣнія Гофъ-интендантской конторы и передано Кабинету Е. И. В. [259] Три года спустя, по Высочайше конфирмованному 26 декабря 1837 г. докладу министра Императорскаго Двора, гончарный заводъ былъ преобразованъ въ гончарное и фаянсовое отдѣленіе Императорскаго фарфороваго завода съ опредѣленіемъ особаго мастера Хобацкаго. [260]

15 марта 1838 г. Галяминъ рапортовалъ въ Кабинетъ Е. И. В., [261] что „кратковременное испытаніе дѣйствія производствъ въ гончарномъ отдѣленіи фаянсовыхъ издѣлій оказываетъ несомнѣнную пользу, какъ собственно въ выдѣлкѣ, а важнѣе еще въ самомъ сбытѣ оныхъ,“ въ виду чего онъ ходатайствовалъ о постройкѣ еще одного горна. Но, вѣроятно, для дальнѣйшаго развитія гончарнаго и фаянсоваго дѣла встрѣтились не зависѣвшія отъ Галямина затрудненія: отдѣленіе не могло какъ слѣдуетъ наладиться, не успѣло развить своихъ операцій, и уже въ 1839 г. поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи и продажѣ гончарнаго завода, пассивъ котораго превышалъ активъ на 500 руб. [262] 5 апрѣля того же года Высочайше повелѣно: гончарный заводъ уничтожить, строеніе и матеріалы продать, ненужныхъ людей уволить, „долги же платить изъ суммы фарфороваго завода, который допустилъ долги.“ [263] Гончарное отдѣленіе прекратило совсѣмъ свои дѣйствія, повидимому,

Стр. 207.

Рис. 279 Дѣвочка, м. Н I, в. 3½ в.; женщина на молитвѣ, м. Н I, в. 3¼ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Fillette, h. 15,5 cm.; femme lisant des prières, h. 14,5 cm.

въ 1841 г. [264] Затѣмъ были проданы заводскія строенія и все его имущество, а земля отдана въ арендное содержаніе. [265] Такимъ образомъ, еще разъ — и на этотъ разъ уже окончательно — потерпѣла полное фіаско попытка завести при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ фаянсовое отдѣленіе.

Стр. 207

Рис. 280. Группы, м. [illegible], в. 3¾, 3, 4 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Groupes, h 16,5, 13,5, 18 cm.

Совершенно въ другихъ условіяхъ находилась въ то время давно уже учрежденная, налаженная и поставленная въ нѣкоторую зависимость отъ Императорскаго фарфороваго завода Кіево - Межигорская фаянсовая фабрика. Учрежденіе Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики [266] относится ко времени Императора Павла Петровича и совершилось по предложенію кіевскаго вице-губернатора князя Хованскаго. Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 5 іюля 1798 г., [267] повелѣвалось: отдать подъ фаянсовую фабрику мѣсто погорѣвшаго и упраздненнаго Межигорскаго монастыря со всѣми уцѣлѣвшими отъ пожара постройками; заведенную фабрику отдать въ управленіе кіевской городской думы, подъ присмотромъ кіевскаго генералъ-губернатора.

Первое время дѣла фабрики шли очень плохо. Кіевскій гражданскій губернаторъ Панкратьевъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что члены кіевскаго магистрата умышленно ведутъ фабрику къ упадку и закрытію, разсчитывая, вмѣсто фаянсовой фабрики, учредить общественный винокуренный заводъ. [268]

Вслѣдствіе заявленій Панкратьева, послѣдовалъ Высочайше утвержденный 3 февраля 1803 г. докладъ министра внутреннихъ дѣлъ объ отдачѣ состоявшей въ Кіевѣ фаянсовой фабрики въ непосредственное смотрѣніе и распоряженіе кіевскаго гражданскаго губернатора. [269]

Панкратьевъ представилъ различныя предположенія объ усиленіи фабрики путемъ новой приписки казенныхъ крестьянъ и позаимствованія до 50.000 руб. изъ средствъ городской думы. [270]

Въ 1812 и слѣдующихъ годахъ фабрика насчитывала болѣе 300 человѣкъ рабочихъ, вырабатывая фаянсовой посуды болѣе, чѣмъ на 100.000 рублей въ годъ. Въ 1814 г. фаянсовая посуда Кіево-Межигорской фабрики появилась уже въ продажѣ въ С.-Петербургѣ. [271]

Въ 1822 г. Кіево-Межигорская фабрика передана, по представленію гр. Гурьева, изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣ-

Стр. 197, 207

Рис. 281. Группа „Демьянова уха,“ м. [illegible], в 4½ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Groupe, h. 20 cm.

Стр. 203.

Рис. 282. Ваза, б. м., в. 18 в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 80 cm.

домство Кабинета Е. И. В., [272] при чемъ городу были возвращены затраченныя на устройство фабрики суммы. [273]

Находясь въ вѣдѣніи Кабинета, Кіево-Межигорская фабрика продолжала развиваться: ея фаянсъ считался лучшимъ въ Россіи и съ успѣхомъ экспонировался на выставкахъ 1833 г. въ Петербургѣ и 1835 г. въ Москвѣ. [274]

Подчиненіе Кіево-Межигорской фабрики Кабинету, въ вѣдѣніи котораго состоялъ фарфоровый заводъ, естественно, повело къ сношеніямъ между двумя этими заведеніями, разрабатывавшими двѣ отрасли одного и того же производства. [275]

Въ 1843 г. для освидѣтельствованія Кіево-Межигорской фабрики посланъ былъ директоръ фарфороваго завода Галяминъ. [276] Слѣдствіемъ ревизіи Галямина была реорганизація фабрики и составленіе для нея новаго штата, который и былъ Высочайше утвержденъ 2 марта 1844 г. [277]

Съ этого времени Кіево-Межигорская фаянсовая фабрика вошла въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, такъ какъ директоръ фарфороваго завода считался вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ Кіево-Межигорской фабрики. Естественно, что отдаленность мѣста мѣшала директору фарфороваго завода принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ и въ управленіи Кіево-Межигорской фабрики, и онъ долженъ былъ предоставлять большую долю иниціативы мѣстной администраціи. Но необходимость постоянныхъ сношеній [278] обусловила извѣстное вліяніе Императорскаго фарфороваго завода на производство Кіево-Межигорской фабрики, какъ въ художественномъ, такъ и въ техническомъ отношеніяхъ. [279] Несомнѣнно, что подъ вліяніемъ директоровъ Императорскаго фарфороваго завода, Кіево-Межигорская фабрика, вырабатывавшая раньше исключительно фаянсъ, стала пробовать выдѣлку твердаго фарфора изъ мѣстнаго каолина. [280]

Реорганизація Императорскихъ заводовъ и мануфактуръ въ 1853 году коснулась и Кіево-Межигорской фабрики: для нея былъ составленъ новый штатъ, [281] но до конца царствованія Императора Николая Павловича фабрика состояла подъ однимъ директорствомъ съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, при собственномъ надзирателѣ.

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Выставленный Императрицею Елизаветою Петровною принципъ: работать фарфоръ „изъ земли россійской,“ котораго неизмѣнно держался Императорскій заводъ почти сто лѣтъ, въ царствованіе Императора Николая Павловича былъ нарушенъ употребленіемъ для составленія фарфоровой массы французской глины, что совершилось около 1836 года. [282]

Однако французская глина не вытѣснила совсѣмъ глуховскаго каолина: оба матеріала шли въ дѣло одновременно.

Въ „Описаніи производства работъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ,“ свѣдѣнія котораго относятся къ 1844 г., говорится, [283] что въ это время фарфоровая масса составлялась „изъ полевого шпата и кварца и извѣстнаго количества глуховской глины... Для выдѣлки же мелкихъ вещей въ фарфоровый составъ прибавляютъ часть лиможской массы.“

Стр. 203.

Рис. 283. Ваза, 1840 г., в. $12^{1}/_{2}$ в. (Петерг. Дв.).
Vase, h. 55,5 cm

Причину введенія въ производство французской фарфоровой глины слѣдуетъ искать, отчасти, въ желаніи получить окраску фарфора, похожую на окраску французскаго, отчасти въ стремленіи, по возможности, удешевить производство мелкихъ, т. е. главнымъ образомъ сервизныхъ вещей, такъ какъ глуховская глина, вслѣдствіе дальней доставки сухимъ путемъ, обходилась очень дорого. Кромѣ того, поступая въ продажу въ неочищенномъ видѣ, глуховская глина требовала очистки на заводѣ, производство же этой операціи въ обширныхъ размѣрахъ было неудобно.

По тѣмъ же, вѣроятно, мотивамъ въ 1844 5 годахъ была выписана на Императорскій заводъ англійская фарфоровая глина, [284] но она не нашла тогда широкаго примѣненія и втеченіе царствованія Императора Николая I больше не выписывалась.

С р 212

Рис. 284. Пластъ, Н. Корниловъ 1838 г., дл. 5 в. (Имп. Зав.). Plaque, l. 22,5 cm.

Однако, стремленіе работать фарфоръ, по возможности, изъ русскихъ матеріаловъ сохранилось: въ различное время испытывали, хотя безъ опредѣленной системы и безъ особенныхъ результатовъ, различныя мѣстныя глины: бѣлую фарфоровую глину, найденную въ Раненбургскомъ уѣздѣ, [285] глину изъ Владимірской губерніи, [286] каолиновую глину, присланную изъ Екатеринбургскихъ заводовъ.

Послѣдняя, хотя и въ незначительномъ, сравнительно, количествѣ, нашла примѣненіе на Императорскомъ заводѣ. [287]

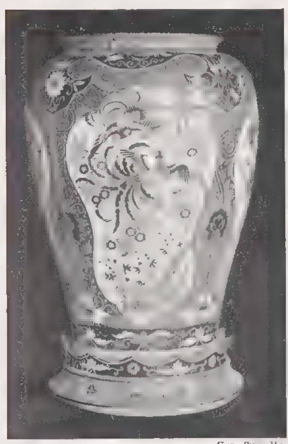
Вещества для фарфоровой массы приводились въ измельченное состояніе отчасти при помощи толчеи (построена новая толчея въ 1840 г.), [288] главнымъ же образомъ — машиной съ коннымъ приводомъ, помѣщавшейся въ отдѣльномъ строеніи на заводскомъ дворѣ. [289]

Неудовлетворительность конной машины сознана была администраціей очень рано: еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ поднятъ былъ вопросъ о замѣнѣ конной тяги паровою, [290] но безрезультатно. Лишь по истеченіи двадцати лѣтъ, по всеподданнѣйшему докладу Перовскаго, 22 января 1853 г., о мѣрахъ къ упорядоченію Императорскихъ заводовъ и фабрикъ, разрѣшено было устроить паровую машину для приготовленія фарфоровой массы, необходимую же для этого сумму до 50 т. руб. отпустить заимообразно и безпроцентно изъ Кабинета Е. И. В. [291]

Такъ какъ одновременно предположено было перемѣнить и нѣкоторыя другія машины и станки, вообще, заново оборудовать машинную часть завода, то дѣло затянулось, отчасти потому, что повели его сначала очень неумѣло.

На выписаннаго изъ-за границы мастера Деривьера возлагали большія надежды: ему поручили руководить постановкою на заводѣ усовершенствованныхъ машинъ и устройствомъ необходимыхъ для нихъ зданій. Но Деривьеръ, не будучи самъ знакомъ ни съ архитектурой, ни съ механикой, ограничился указаніемъ механику Барту на печатные чертежи Броньяра въ его знаменитомъ „Traité des arts céramiques“ (1844 г.). Кромѣ того, „проектъ составлялся безъ предварительныхъ соображеній, для чего зданіе сооружается.“ [292] Понятно, что при такихъ условіяхъ зданіе и машины приходилось не одинъ разъ передѣлывать и поправлять, такъ что установка машинъ и приведеніе ихъ въ дѣйствіе послѣдовали лишь въ царствованіе Императора Александра II. [293]

Изъ машины матерія поступала въ находившуюся въ томъ же зданіи „цѣдильную,“ и здѣсь масса, съ помощью двухъ прессовъ, приводилась въ нужное для выдѣлки вещей состояніе. [294]

Стр. [illegible]

Рис. 285. Ваза, б. м., в. $19\frac{1}{2}$ в. (Петерг. Дв.).
Vase, h. 86,5 cm.

Прессы были введены въ употребленіе въ 1835 г., взамѣнъ прежнихъ сушильныхъ печей, которыя были признаны неудобными, какъ потому, что требовали большихъ расходовъ на дрова, такъ и потому, что распространяли сырость въ зданіяхъ. [295] Первые прессы были выписаны изъ Франціи, [296] а потомъ заказывались на Александровскомъ чугунно-литейномъ заводѣ. [297] Масса поступала подъ прессы, заключенная въ холщевые мѣшки. [298]

Независимо отъ примѣненія той или другой глины, втеченіе разсматриваемаго періода производились также опыты улучшенія массы посредствомъ новыхъ соединеній элементовъ. [299] Въ 1853 г. шелъ вопросъ о приготовленіи фарфороваго тѣста „pâte de Paros,“ [300] собственно, англійскаго паріана. [301] Но, кажется, на Императорскомъ заводѣ серьезныхъ опытовъ въ этомъ направленіи произведено не было, по крайней мѣрѣ, на это не имѣется никакихъ указаній.

При сравненіи анализа [302] черепа времени Императора Николая I съ анализами череповъ времени Императрицы Екатерины II и Императора Александра I, замѣчается нѣкоторое приближеніе перваго къ составу западно-европейскихъ фарфоровъ (особенно лиможскаго), [303] вслѣдствіе увеличенія процентнаго содержанія глинозема. Но вмѣстѣ съ тѣмъ фарфоръ Императорскаго завода по содержанію кремнезема сохранилъ свой первоначальный типъ въ ряду съ богатыми кремнеземомъ фарфорами.

Тотъ фактъ, что въ составъ фарфоровой массы входили различныя глины, иногда въ разнообразныхъ соединеніяхъ съ другими матеріалами, показываетъ, что химическій составъ и даже физическія свойства черепа времени Императора Николая Павловича не могутъ быть тождествены во всѣхъ издѣліяхъ.

Особенно интересны въ этомъ отношеніи цвѣты, дѣланные мастеромъ П. І. Ивановымъ изъ составленной имъ массы: бисквитъ ихъ, по значительной порозности, сравнительной мягкости и малому удѣльному вѣсу, напоминаетъ фаянсъ, а химическій анализъ показываетъ богатое содержаніе кремнезема и извести при полномъ отсутствіи солей натрія, калія и магнія. [304]

Капсельная масса составлялась втеченіе всего разсматриваемаго періода неизмѣнно изъ смѣси вытегорской и андомской глинъ съ примѣсью цемента изъ капсельной толченки, [305] для приготовленія которой служила спеціальная машина, помѣщавшаяся въ особомъ зданіи.

Для гончарнаго отдѣленія фарфороваго завода глина была выписана изъ Риги. [306]

Стр. [illegible] 215

Рис. 286. Ваза, м. [illegible], в. $19\frac{1}{2}$ в. (Кремл. Дв.).
Vase, h. 86,5 cm.

Производство работъ по отдѣленію выдѣлки сырыхъ вещей изложено въ составленномъ Галяминымъ Описаніи производства работъ. [307] Всѣ чисто круглыя, гладкія фарфоровыя вещи вытачивались на токарномъ станкѣ, вещи же, имѣвшія иную форму, отминались или формовались въ алебастровыхъ формахъ, снятыхъ съ глиняныхъ моделей. Моделеры употребляли пластическую зеленую глину, добываемую на р. Тоснѣ. [308]

Въ 1846—7 г.г. пробовали примѣнить для моделировки формъ глину изъ Тульской губерніи, но эта глина, при достаточной пластичности, оказалась непригодной для скульптурныхъ работъ, такъ какъ, вслѣдствіе большой ея черноты, трудно было различать детали сдѣланной изъ нея модели. [309]

Для обточки и обрѣзыванія пластовъ служилъ особый станокъ. [310] Въ выдѣлкѣ фарфоровыхъ пластовъ Императорскій заводъ достигъ замѣчательнаго совершенства, такъ, напримѣръ, въ 1842 году былъ вынутъ неповрежденнымъ изъ горна пластъ въ 17 вершковъ длины и 11 ширины. [311]

Въ 1834 году на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ въ технику выдѣлки бѣлыхъ вещей введенъ былъ новый способъ отливка вещей. Хотя отчетъ 1834 года констатировалъ выгоды отливки, состоящія въ сохраненіи значительнаго количества массы и въ томъ, что выдѣлка „можетъ производиться съ точностью всякимъ работникомъ, не умѣющимъ точить,“ [312] но, повидимому, этотъ способъ производства не нашелъ въ то время на Императорскомъ заводѣ широкаго примѣненія, такъ какъ составленное въ 1844 г. „Описаніе производства работъ“ объ отливкѣ вещей не упоминаетъ.

Стр. 203

Рис. 287 Ваза, б. м., в. 9³/₈ в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 42 cm.

Предъ глазурованіемъ вещи поступали въ первый обжигъ и затѣмъ глазуровались. [313] Глазурь составлялась изъ смѣси: кварца, шпата, глуховской глины, фарфороваго черепа и мѣлу, [314] преимущественно французскаго. [315] Смѣсь сплавлялась въ сильномъ горновомъ огнѣ, размельчалась въ порошокъ и, разбавленная водою, служила для глазурованія вещей. [316] Подъ 1848 г. въ дѣлахъ завода упоминается о выпискѣ готовой глазури изъ Франціи. [317]

Обжигъ [318] производился, почти втеченіе всего разсматриваемаго періода, преимущественно въ трехъ-этажныхъ прямыхъ горнахъ берлинскаго типа, какіе были построены въ предшествовавшее царствованіе мастеромъ Зейффертомъ. „Одновременно одной топкой“ обжигались въ среднемъ этажѣ фарфоровыя вещи первымъ огнемъ, въ нижнемъ – глазурованныя вещи и бисквитъ (второй обжигъ), въ верхнемъ этажѣ капселя. Температура доходила въ нижнемъ этажѣ до 160⁰ по пирометру Веджвуда, въ среднемъ до 100⁰ и въ верхнемъ до 60⁰. [319]

Топка производилась исключительно мелкими сосновыми дровами и продолжалась отъ 16 до 26 часовъ, въ зависимости отъ погоды. Пробы ставились въ трехъ различныхъ мѣстахъ горна и вынимались каждый часъ. Послѣ обжига горнъ остывалъ около двухъ сутокъ, послѣ чего вещи выбирались и сортировались въ присутствіи директора.

Благодаря опытамъ и внимательному изслѣдованію дѣйствія огня, улучшился процессъ обжига. Въ отчетѣ за 1834 годъ [320] упоминается, что въ этомъ году было введено „новое средство обжига большихъ вазъ, которыя получаются гораздо правильнѣе, лучше выжжены и чище, и притомъ, съ введеніемъ сего способа, большихъ вазъ несравненно меньше поступаетъ въ браковку.“

Не лишено интереса указаніе, что иногда отдѣльныя большія вазы обжигались на Невскихъ кирпичныхъ заводахъ. [321]

Стр. 203, 215.

Рис. 288. Ваза, м. [марка], в. 19¹/₂ в. (Кремл. Дв.).
Vase, h. 86,5 cm.

Въ 1844 г. на заводѣ имѣлось три горна, которые всѣ помѣщались въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія. [322] До конца разсматриваемаго періода число горновъ не измѣня-

лось. Зато передѣлывались и перестраивались горны очень часто.[323] Въ 1845 и 1847 г.г. были сооружены, по указаніямъ Дарта, горны новой конструкціи,[324] изъ которыхъ одинъ былъ перестроенъ заново въ 1853 году.[325] Горны Дарта казались удовлетворительными, но горнъ, построенный въ 1854 году хозяйственнымъ способомъ, по указаніямъ контръ-метра Деривьера,[326] не оправдалъ ожиданій.

На живописную часть въ царствованіе Императора Николая I обращалось особенное вниманіе. Живописцы этого періода достигли замѣчательнаго совершенства въ техникѣ, не говоря уже о томъ, что каждая вещь отличалась тщательной, даже кропотливой отдѣлкой всѣхъ деталей, исполненныхъ пунктиромъ. Успѣхи, достигнутые живописцами времени Императора Николая I въ пунктирной живописи, можетъ быть, помѣшали своевременному переходу къ болѣе художественному и менѣе кропотливому способу фарфоровой живописи мазками. Тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія работы лучшихъ художниковъ, особенно Нестерова, удачно комбинировавшихъ кропотливый пунктиръ съ широкими художественными мазками.

Въ 1839 г., для облегченія техники живописи на фарфорѣ, выписанъ былъ изъ Парижа діаграфъ, и командированъ за границу живописецъ для обученія употребленію этого инструмента.[327] Надо, однако, замѣтить, что на Императорскомъ заводѣ въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ общемъ, относились отрицательно къ механическимъ способамъ живописи.

Стр. 201, 213.

Рис. 289. Тарелка, м. [illegible], д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Стр. 201, 213

Рис. 290. Тарелка, м. [illegible], д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Въ 1841 г. два иностранныхъ изобрѣтателя Мартини и Фусъ обратились къ администраціи съ предложеніемъ пріобрѣсти отъ нихъ секретъ новаго способа переводить рисунки на фарфоръ и стекло. Предложеніе ихъ было отклонено, будто бы, „по дороговизнѣ," но, въ дѣйствительности, администрація завода руководилась при отказѣ слѣдующими положеніями: „на заводѣ давно извѣстенъ способъ печатанія на фарфорѣ... живопись, по убѣдительному опыту, всегда предпочтена будетъ передъ печатію, хотя-бы, какъ говоритъ г. Мартини, вещи сего рода обходились бы вчетверо дешевле первыхъ."[328]

При отрицательномъ отношеніи къ печатному фарфору, Императорскій заводъ едва ли примѣнялъ этотъ способъ во второй половинѣ царствованія Императора Николая Павловича. За первые же годы царствованія въ документахъ упоминаются иногда вещи, украшенныя печатными и потомъ раскрашенными красками рисунками,[329] но вѣроятнѣе всего, что и эти вещи сдѣланы были еще въ предшествовавшее царствованіе.

Предложеніе Мартини и Фуса не единственное, которое получилъ Императорскій заводъ отъ различныхъ изобрѣтателей;[330] но, въ большинствѣ, подобныя предложенія отклонялись.

Одно мѣсто въ отчетѣ за 1834 г.[331] даетъ основаніе думать, что заводская администрація въ то время старалась усилить выдѣлку всѣхъ красокъ у себя въ лабораторіи и

замѣнить ими заграничныя, которыя выписывались въ большомъ количествѣ во второй половинѣ царствованія Императора Александра I подъ вліяніемъ французскихъ художниковъ.

Другія данныя за болѣе позднее время, напр. „Описаніе производства работъ на Императорскомъ заводѣ“,[332] свидѣтельствуютъ, что заводская лабораторія занята была преимущественно составленіемъ золота и флюсовъ для примѣси въ металлическія краски; краски же въ готовомъ или полуготовомъ видѣ вновь выписывались, повидимому, главнымъ образомъ, изъ-за границы,[333] между прочимъ: кобальтъ изъ Швеціи и Англіи,[334] бирюзовая краска изъ Парижа.[335]

Стр. 201 213

Рис. 291. Тарелка: гр. А. Ф. Орловъ, А. Нестеровъ 1831 г., д. $5^1/_4$ в. (колл. Н. А. Лукутина). Assiette, d. 23,5 cm.

Золото въ разсматриваемый періодъ находило настолько обширное примѣненіе въ декораціи фарфоровыхъ издѣлій, что улучшеніе способовъ золоченія имѣло особую важность.

Отчетъ 1834 года[320] констатируетъ введеніе въ этомъ году новаго способа золоченія: съ новымъ флюсомъ и въ новой пропорціи. Отчетъ увѣряетъ, что золоченіе этимъ способомъ, кромѣ экономіи на золотѣ, достигавшей 15% противъ прежнихъ годовъ, давалъ позолоту превосходнаго вида и прочнѣе прежней, при чемъ вещь мягче полировалась, имѣла цвѣтъ золотистѣе, и самый процессъ золоченія шелъ лучше и удобнѣе. О дальнѣйшемъ улучшеніи позолоты свидѣтельствуютъ документы 1853 г.[336]

Отчетъ 1834 г. и документы 1853 г. отличаются субъективностью; однако же вещественныя доказательства не противорѣчатъ, если и не подтверждаютъ прямо показаній документовъ: позолота на сохранившихся вещахъ времени Императора Николая I почти всегда превосходнаго вида, отличается мягкой полировкой, блескомъ и замѣчательной прочностью, значительно превосходящей прочность позолоты позднѣйшихъ временъ.[337]

Кромѣ золота, въ техникѣ орнаментной живописи находила примѣненіе и платина.[338]

Муфеля для обжига живописныхъ вещей помѣщались рядомъ съ лабораторіей въ нижнемъ этажѣ главнаго корпуса.[339] Передѣлывались и исправлялись муфеля такъ же часто, какъ и горны;[340] въ 1834 году построенъ былъ муфель новой конструкціи.[339]

Стр 201, 213.

Рис. 292. Тарелка, м [illegible], д. $5^1/_2$ в. (Зимн. Дв.). Assiette, d. 24,5 cm.

Вещи съ обыкновенной орнаментной живописью обжигались въ муфеляхъ одинъ разъ, съ ландшафтной же и фигурной живописью два раза.[341]

Живописныя стекла обжигались въ особомъ муфелѣ, помѣщавшемся въ самой лабораторіи.[341]

Необходимо отмѣтить производство такъ называемыхъ транспарантовъ (литофаній), которые въ царствованіе Императора Николая Павловича производились, повидимому, въ довольно значительномъ количествѣ (рис. 326). Кажется, техника транспарантовъ въ предыдущемъ періодѣ Императорскому заводу извѣстна не была, но введена до 1834 года, такъ какъ въ этомъ году примѣненъ былъ для ихъ выдѣлки новый способъ.[339]

Техническія усовершенствованія, касавшіяся лабораторіи, ограничились устройствомъ печей новой конструкціи, „прежде никогда на заводѣ не существовавшихъ,“ для приготовленія металлическихъ

Рис. 293. Пластъ, А. Мироновъ 1844 г., в. 6 в. (Имп. Зав.).
Plaque, h. 26,5 cm.

окисей и очищенія матеріаловъ, входящихъ въ составъ красокъ. [339]

Стараніями Галямина устроена была на заводѣ особая „модельная комната,“ въ которой собраны были образцы матеріаловъ, употребляемыхъ въ составъ фарфоровой массы, модели машинъ, токарныхъ станковъ, прессовъ, обжигальныхъ горновъ и муфелей, инструменты, необходимые для подточки вещей и проч. [342]

Коллекція эта въ 1847 году обогатилась пріобрѣтеніемъ выписанной при посредствѣ Департамента морской и внутренней торговли Министерства Финансовъ коллекціи матеріаловъ, входящихъ въ производство китайскаго фарфора. [343]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Кончалось первое столѣтіе со времени основанія Императорскаго фарфороваго завода. Результаты многолѣтняго безостановочнаго развитія были настолько существенны, что заводъ считалъ возможнымъ выступить со своими произведеніями на художественный судъ спеціалистовъ, какъ своихъ соотечественниковъ, такъ и иностранныхъ. Высочайшее соизволеніе на это могло послѣдовать только при полной увѣренности въ благопріятномъ рѣшеніи общественнаго суда, увѣренности, оправдываемой достигнутыми результатами.

Въ 1829 году, съ 9 мая по 1 іюня, въ С.-Петербургѣ состоялась первая всероссійская выставка мануфактурныхъ произведеній. По предложенію, сдѣланному министромъ финансовъ министру Двора, участіе въ выставкѣ приняли также Императорскіе заводы и мануфактуры. [344]

Императорскій фарфоровый заводъ выставилъ значительное количество вещей, какъ сервизныхъ, такъ и декоративныхъ на сумму 38.768 р. 50 к. асс. Особенно выдѣлялись живописныя вазы: одна большихъ размѣровъ (цѣною въ 8.000 р. асс.) съ ландшафтомъ, писаннымъ съ хранящейся въ Эрмитажѣ картины Верне; двѣ вазы формы „медицисъ,“ расписанныя фруктами и цвѣтами (3500 р. асс.), такой же формы двѣ вазы съ изображеніемъ „Св. Семейства“ (3700 р. асс.) и, наконецъ, одна большая ваза съ портретомъ принца Оранскаго (1500 р. асс.). [345]

По правиламъ первой всероссійской выставки, казенныя заведенія, выставлявшія свои экспонаты, считались внѣ конкурса, поэтому мануфактурный совѣтъ, при распредѣленіи наградъ и премій, не могъ назначать ихъ за издѣлія Императорскихъ заводовъ, но онъ сдѣлалъ представленіе министру финансовъ объ особенномъ вниманіи, котораго заслужили ихъ экспонаты со стороны жюри. [346]

Въ частности, объ издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода эксперты дали слѣдующій отзывъ: „Вазы разной величины, тарелки, чайныя чашки и прочія вещи достойны удивленія величиною штукъ и фасономъ, прочностью и чистотою фарфора. Искусство живописи и колера красокъ, золоченіе и цыровка по золоту отличны. Словомъ сказать, издѣлія завода по всѣмъ частямъ превосходны.“

Допуская нѣкоторую вполнѣ понятную любезность со стороны жюри, нѣтъ, однако, основаній не придавать такому отзыву никакого значенія.

Съ такимъ же успѣхомъ участвовалъ заводъ и на всероссійскихъ выставкахъ въ 1833 г., [348] 1839 г. [349] и 1849 г. [350] въ С.-Петербургѣ; въ 1843 г. [351] и 1853 г. [352] - въ Москвѣ.

По дальности разстоянія и неудобству перевозки, на выставки, бывшія въ Москвѣ, Императорскій фарфоровый заводъ не посылалъ вещей очень крупныхъ и въ большомъ количествѣ;[353] зато на выставкахъ въ Петербургѣ заводъ былъ богато представленъ.

Обозрѣватель выставки 1849 года (А. Максимовичъ) такъ отзывается объ экспонированныхъ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ вещахъ:[354] „Издѣлія Императорскаго фарфороваго завода составляли лучшее украшеніе выставки. Великолѣпная ваза медицисъ съ копіею картины Винтергальтера „La Siesta" неаполитанцевъ,[355] двѣ фарфоровыя вазы съ канделябрами и пасторальною живописью выполнены, по отзыву спеціальнаго цѣнителя (академика профессора Басина), очень хорошо, равно какъ и копіи съ картинъ Поттера, Бергема и Неффа. И другія вещи достойны служить образцами для художниковъ и украшать царскіе чертоги."

Въ 1851 году издѣлія Императорскаго фарфороваго завода были экспонированы на Лондонской всемірной выставкѣ[356] съ замѣтнымъ успѣхомъ, такъ какъ жюри присудило заводу медаль,[357] мастерамъ завода - двѣ медали второй степени.[358]

Успѣхи, сопровождавшіе появленіе издѣлій Императорскаго фарфороваго завода на выставкахъ, родили мысль объ учрежденіи постоянной выставки издѣлій завода, доступной для всѣхъ во всякое время.

Осуществлялась эта мысль постепенно.

Еще въ 1837 году на заводѣ была устроена особая комната для выставки образцовыхъ вещей,[359] служившихъ, впрочемъ, преимущественно для удобнѣйшаго выбора фасоновъ покупателями и заказчиками.

Рис. 294. Пластъ, В. Мещеряковъ, м. Н., в. $15\frac{5}{8}$ в. (Имп. Зав.).
Plaque, h. 69,5 cm.

Въ 1838 году, съ 17 августа по 1 сентября, была открыта публичная выставка издѣлій на самомъ заводѣ,[360] при чемъ выставленныя издѣлія продавались. Успѣхъ превзошелъ ожиданія устроителей.[361]

Этотъ успѣхъ имѣлъ слѣдствіемъ предписаніе Кабинета Е. И. В., по приказанію министра Императорскаго Двора:[362] „учредить въ Императорскихъ фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ, по возможности, полное собраніе издѣлій сихъ заводовъ выдѣлки какъ прежнихъ годовъ, такъ и настоящаго времени, которое бы показывало вкусъ и, въ особенности, постепенное усовершенствованіе заводскихъ издѣлій."

Такимъ образомъ, положено было начало учрежденію музея Императорскихъ заводовъ. Въ то же время было сдѣлано распоряженіе о допущеніи для осмотра завода разныхъ лицъ,[363] не такъ какъ раньше, когда осматривать заводъ можно было только высокопоставленнымъ посѣтителямъ.[364]

Учрежденіе музея затянулось, но въ 1844 году Галяминъ приложилъ особыя старанія,[365] и ко дню столѣтняго юбилея музей, подъ именемъ зала для образцовыхъ издѣлій, былъ уже готовъ и представлялъ удовлетворительную коллекцію, размѣщенную въ одиннадцати шкафахъ съ произведеніями Императорскаго фарфороваго завода, съ его основанія до послѣдняго времени; кромѣ того, въ особомъ шкафу помѣщалась коллекція издѣлій Севра, присланныхъ въ подарокъ, взамѣнъ подаренныхъ Севрской мануфактурѣ издѣлій Императорскаго завода, а также пріобрѣтенныя покупкою вещи другихъ наиболѣе извѣстныхъ иностранныхъ фарфоровыхъ фабрикъ.[365] Устройство музея было окончено въ 1845 году, при чемъ многія вещи были взяты изъ кладовыхъ Императорскаго Зимняго дворца.[366]

Стр. 1[illegible]3, [illegible]5

Рис. 295. Икона, А. Мироновъ 1845 г., в. 6¼ в. (Имп. Зав.).
Icone, h. 27,5 cm.

Устройство музея при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ имѣло большое значеніе не только въ историческомъ отношеніи: сохраненіемъ и систематическимъ расположеніемъ вещественныхъ памятниковъ прошлой жизни Императорскаго завода, составляющей важнѣйшую страницу въ исторіи русской керамики и небезъинтересную также страницу во всеобщей исторіи керамики; учрежденіе музея имѣло значеніе также и для текущаго художественнаго развитія завода: художники и мастера могли здѣсь знакомиться и съ лучшими образцами фарфороваго производства лучшихъ заграничныхъ фабрикъ, и съ тѣми издѣліями своихъ же предшественниковъ, на которыхъ они могли учиться, чему слѣдуетъ подражать, чего слѣдуетъ избѣгать, не дѣлая вновь тѣхъ опытовъ, которые до нихъ были сдѣланы.

Администрація завода всячески старалась пополнить коллекцію образцовыхъ вещей новыми предметами, либо пріобрѣтая ихъ по случаю,[367] либо нарочно выписывая чрезъ правительственныхъ агентовъ.[368] Выписывались и пріобрѣтались не одни лишь фарфоровыя издѣлія, но все то, что такъ или иначе могло послужить образцомъ, примѣромъ, руководствомъ: гипсовыя модели, рисунки, картины, книги и т. п.[369]

Такимъ образомъ, съ одной стороны, закрѣплена была столѣтняя традиція завода, съ другой стороны, были открыты двери и для новыхъ вліяній времени: это два устоя, на которыхъ зиждется прочный прогрессъ каждаго художественнаго производства.

Традиція и современность въ области искусствъ прикладныхъ играютъ еще болѣе важную роль, чѣмъ въ области чистыхъ искусствъ, и гармоничное сочетаніе этихъ устоевъ въ области первыхъ важнѣе, чѣмъ въ области вторыхъ. Это потому, что въ прикладныхъ искусствахъ бóльшую роль, чѣмъ въ чистыхъ играетъ техника и ремесло, въ смыслѣ автоматической ловкости, что особенно важно при широкомъ примѣненіи въ области прикладныхъ искусствъ принципа раздѣленія труда. Здѣсь не личное, а большею частью коллективное творчество; при коллективной же работѣ надъ чужой идеей, большую роль играетъ не врожденный талантъ, встрѣчающійся сравнительно рѣдко, а ловкость и опытность, пріобрѣтаемыя практикой и закрѣпляемыя традиціей. И чѣмъ почтеннѣе лѣтами эта традиція, тѣмъ больше процентъ опытныхъ исполнителей, тѣмъ чаще ловкость достигаетъ степени инстинкта, создается нѣчто близкое къ наслѣдственности, какъ напримѣръ, у китайскихъ керамистовъ тѣхъ областей, гдѣ многія столѣтія керамическая промышленность составляла главное занятіе населенія.

Съ другой стороны, и современность властно предъявляетъ свои требованія къ прикладнымъ искусствамъ. По самому понятію, прикладныя искусства должны служить текущей жизни, должны быть приложеніемъ къ современной жизни.

Стр. 2[illegible]8, 213, 215

Рис. 296. Табакерка: Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, б. м., дл. 1¾ в. (собр. С. и В. Евдокимовыхъ).
Tabatière, l. 7,75 cm.

Вотъ почему прикладное искусство должно двигаться рядомъ съ интеллектуальной жизнью страны и не отставать отъ хода жизни. Всякая область прикладного искусства, почему бы то ни было отставшая отъ жизненной современности: потому ли, что техника этой отрасли отстала и не даетъ возможности воплотить въ осязательныхъ формахъ современныя идеи, потому ли что эта отрасль утратила связь съ источниками чистаго искусства, или потому,

что перестала служить кругу общества, который, по условіямъ современной жизни, болѣе всего могъ бы поддержать художественную промышленность матеріально и оживить идейно,—такая отрасль прикладного искусства роковымъ образомъ обречена на вымираніе, часто на полное и окончательное навсегда забвеніе. Ее смѣняютъ другія, болѣе приспособленныя къ современности, а потому болѣе жизненныя отрасли прикладного искусства.

Стр. 213.

Рис. 297. Портретъ Императора Николая I, б. м., в. 5 в. (Имп. Зав.).
L'Empereur Nicolas I, h. 22,5 cm.

Просуществовавъ безпрерывно цѣлое столѣтіе, будучи однимъ изъ старѣйшихъ подобныхъ учрежденій въ Европѣ, Императорскій фарфоровый заводъ имѣлъ полную возможность не только воспользоваться результатами опытовъ западно-европейскихъ фабрикъ, но и создать собственную твердую традицію, подготовить мастеровъ, у которыхъ навыкъ и ловкость граничили съ художественнымъ инстинктомъ, если не съ талантомъ. Въ этомъ отношеніи не послѣднюю роль играло постоянство зависимаго отъ завода личнаго состава, ибо такимъ образомъ создавалась извѣстнаго рода преемственность мастерства, передаваемаго въ семьяхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, часто въ видѣ семейныхъ секретовъ.

Результаты традиціи были ощутительны. Разсматривая художественныя произведенія Императорскаго фарфороваго завода предшествовавшихъ царствованій, иногда трудно бываетъ отрѣшиться отъ мысли, что художественнымъ задачамъ въ большей или меньшей степени мѣшалъ недостаточный навыкъ исполнителей, нѣкоторая непривычка обращаться съ матеріалами, несовершенное овладѣніе техникой производства. Нельзя того же сказать о времени Императора Николая Павловича: слѣды неувѣренной, ненавыкшей руки исчезли; чувствуется, что исполнителей не пугаютъ сложныя задачи, что они въ совершенствѣ овладѣли техникой.

Въ то же время, лица, которыя вліяли на направленіе дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода, не пренебрегали и требованіями современности: они слѣдили за усовершенствованіемъ современной техники, за новыми изобрѣтеніями, обращались къ современнымъ идеаламъ, старались ловить настроеніе времени.

Нельзя сказать, чтобы сильную поддержку заводъ могъ найти въ современномъ искусствѣ, главнымъ образомъ, потому, что въ это время художественная промышленность вообще—въ томъ числѣ и фарфоровая—во всѣхъ европейскихъ странахъ стала въ ложныя отношенія къ современности.

Общественная жизнь „стараго режима“ не успѣла нормально эволюціонировать; она получила сильный толчекъ революціи, была вышиблена изъ привычной колеи.

Началась лихорадочная дѣятельность, исканіе новыхъ идеаловъ. Въ первой половинѣ вѣка художественныя направленія быстро слѣдовали одно за другимъ.

Такая быстрая смѣна, обусловленная въ значительной степени бурными политическими событіями, когда изъ одной крайности впадали въ другую, діаметрально противоположную,—не по плечу была не только прикладнымъ искусствамъ, но и нѣкоторымъ отраслямъ чистаго искусства, тѣмъ именно, которыя были больше связаны съ традиціей прошлаго. Таковы, напримѣръ, пластика и архитектура, которыя не сумѣли быстро порвать всякія связи съ традиціями прошлаго, не успѣвая найти форму для художественнаго

выраженія идеи при каждомъ новомъ скоропреходящемъ вѣяніи, ибо формы во всѣхъ родахъ искусства отличаются наибольшимъ постоянствомъ, измѣняются лишь съ большой постепенностью, новыя же формы, знаменующія часто новые пути въ искусствѣ, появляются гораздо рѣже новыхъ идей.

Но если новыя формы еще не найдены, а идеи и направленія мѣняются съ калейдоскопической быстротою, то въ такихъ случаяхъ въ результатѣ является вливаніе новаго вина въ мѣхи ветхіе, стремленіе удовлетворить всѣхъ и каждаго, которое и проявляется въ эклектизмѣ и подражаніи.

Въ прикладныхъ искусствахъ эта черта должна выступать еще рѣзче, и это случилось съ ними въ первой половинѣ XIX ст.: не успѣвъ разобраться въ новыхъ условіяхъ жизни, не успѣвъ создать новыхъ формъ, художники обратились либо къ переработкѣ старыхъ мотивовъ, стараясь щеголять техникой, либо къ схватыванію налету всѣхъ новостей дня, къ использованію идей и настроеній, возникавшихъ и исчезавшихъ въ обществѣ, какъ мыльные пузыри, не обращая вниманія, насколько старыя формы пригодны къ выраженію новыхъ идей. Явился эклектизмъ въ искусствѣ, опасный особенно при наличности нѣкоторыхъ характерныхъ условій общественной жизни XIX ст.

Художественная промышленность Европы втеченіе всего XVIII ст. была достояніемъ узкаго и замкнутаго круга людей высшихъ слоевъ общества, выросшихъ на почвѣ крѣпостного труда или феодальныхъ правъ, привыкшихъ къ грандіозности и блеску въ искусствѣ. Въ XVIII ст. этотъ малочисленный классъ избранныхъ давалъ, дѣйствительно, тонъ въ искусствѣ. Вокругъ лучшихъ или честолюбивѣйшихъ представителей этого класса группировались и отъ ихъ щедротъ кормились и лучшіе представители искусства.

Рис. 298. Двери, б. м., в. 73 в. (Имп. Зав.).
Porte, h. 3,24 m.

Но въ XIX ст. обстоятельства измѣнились: феодальная и крѣпостническая знать утратила вмѣстѣ съ исключительными привилегіями и значительную долю вліянія на умственную жизнь народовъ. Оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ современностью, этотъ классъ охотнѣе обращался въ искусствѣ къ прошлымъ временамъ, съ которыми для него связаны были лучшія воспоминанія.

Съ другой стороны, образовался новый общественный классъ, болѣе обширный и менѣе замкнутый, который могъ поддерживать художественную промышленность и искусства, классъ, со вкусами котораго должны были считаться новые художники. Однако, вкусы людей этого класса не успѣли еще выработаться. Поэтому художественная промышленность предлагала людямъ этого класса все, что отзывалось злобой дня или что удовлетворяло стремленію нѣкоторыхъ элементовъ этого класса имитировать высокородную знать. Все это должно было питать мимолетность и подражательность, сопряженную еще съ небрежностью въ исполненіи, какъ слѣдствіемъ дешевизны, которой требовали новые покупатели.

Въ лучшемъ даже случаѣ, когда прикладныя искусства имѣли въ виду запросы новыхъ общественныхъ слоевъ, они должны были отказываться отъ элемента грандіозности и блеска. Искусства изъ дворцовъ должны были теперь переселяться постепенно въ скромныя жилища, гдѣ грандіозность и блескъ не у мѣста. Художественная промышленность должна была, такъ сказать, опроститься и въ этой простотѣ найти истинно прекрасныя формы.

Послѣднее замѣчаніе особенно умѣстно въ отношеніи художественной керамики: ни баснословно дорогіе сервизы Севра со вставленными античными камеями, ни грандіозныя вазы не могли распространяться внѣ дворцовъ.

Однако, всѣ лучшіе фарфоровые заводы въ первой половинѣ XIX ст. находились въ особыхъ условіяхъ, мѣшавшихъ имъ приноровиться къ новому строю общественной жизни: въ качествѣ субсидируемыхъ или содержимыхъ исключительно правительствами и дворами, они были стѣснены въ выборѣ направленія своей дѣятельности и продолжали, въ большинствѣ случаевъ, преслѣдовать тѣ задачи, идти по тому пути, гдѣ не могло уже быть ничего жизненнаго, потому что жизнь въ главномъ своемъ руслѣ свернула уже съ этого пути.

Стр. 205, 215

Рис. 299. Пластъ стола, б. м., д. 10 в. (Оран. Дв.). Guéridon, d. 44,5 cm.

Вотъ тѣ общія неблагопріятныя условія, которыя стояли на дорогѣ развитія фарфороваго производства въ Европѣ и способствовали уклоненію его съ истиннаго пути, съ утерею художественнаго чувства. Впереди по ложному пути шелъ Севрскій заводъ. Уже въ самомъ началѣ столѣтія здѣсь высокая научная техника и грандіозность заслонили вѣрное чувство изящнаго. Знаменитый Броньяръ, ученый керамистъ, душа Севра втеченіе первой половины XIX ст., все вниманіе сосредоточилъ на техникѣ и грандіозности.

Но техника не въ состояніи спасти искусство, которое не имѣетъ для своего питанія живыхъ источниковъ. Техника и внѣшній блескъ способны только временно скрывать начавшійся упадокъ искусства. Ходъ этого упадка въ фарфоровомъ производствѣ въ Европѣ былъ почти вездѣ одинаковъ: сначала утеряно было чувство художественной связи между формой и орнаментомъ или живописью; но когда эта связь была утеряна, тотчасъ начался упадокъ формъ, художественность замѣнилась многообразіемъ; но чѣмъ больше тяжелѣли и искажались формы, тѣмъ труднѣе было сохранить чистоту стиля и благородство орнамента: эти качества замѣнили мишурнымъ блескомъ и богатствомъ. Оставалось тогда всѣ стремленія обратить на технику фарфоровой живописи. И, дѣйствительно, въ первой половинѣ XIX ст. живопись на фарфорѣ пріобрѣла почти самостоятельное и независимое отъ самой керамики значеніе. А такъ какъ технику фарфоровой живописи того времени наиболѣе блестяще можно было примѣнить, копируя великихъ мастеровъ, то вскорѣ копіи старыхъ итальянцевъ, фламандцевъ, отчасти и новѣйшихъ колоритныхъ живописцевъ стали любимѣйшимъ сюжетомъ для живописцевъ на фарфорѣ.

Севрскій заводъ въ началѣ XIX ст., благодаря личности великаго императора, котораго дѣянія увѣковѣчивались въ произведеніяхъ Севра, еще отдавалъ предпочтеніе изображенію на картинахъ современныхъ сюжетовъ. Но когда послѣ Наполеона взошли вновь на престолъ безличные Бурбоны, эклектизмъ Севрскаго завода достигъ высшей степени: съ одинаковою любовью, правильнѣе — безразличіемъ, онъ производилъ вещи въ этрусскомъ, китайскомъ, арабскомъ вкусѣ, копировалъ антиковъ, работалъ въ стилѣ ренессанса и пр. Неразборчивое слѣдованіе различнымъ стилямъ ведетъ къ смѣшенію стилей, особенно, къ несоотвѣтствію формы и декораціи. Независимая же отъ формы живопись

прямо гибельна для формы: картину Рафаэля можно съ одинаковымъ успѣхомъ копировать и на китайской, и на греческой вазѣ, а всего лучше на гладкой поверхности—на доскѣ или пластѣ, сдѣланномъ изъ фарфоровой массы.

Рис. 300. Чашки, м. [mark], в. 2 в. (Зимн. Дв.).
Tasses, h. 9 cm.

Совершенство ремесленной и художественной техники, чрезвычайное разнообразіе формъ, блескъ красокъ и позолоты, грандіозность размѣровъ—все это нѣкоторое время скрывало убожество художественной мысли.

Керамика переставала быть самостоятельной отраслью искусствъ; разбросавшись во всѣ стороны, она стала идти на служеніе другимъ отраслямъ чистыхъ и прикладныхъ искусствъ: не говоря о томъ, что фарфоровыя формы или даже просто фарфоровый черепъ безъ всякой свойственной ему формы стали служить для копированія картинъ, фарфоръ соединялся съ металломъ, сначала въ видѣ монтюръ на вазахъ и пр., а затѣмъ пересталъ даже играть въ этихъ гибридныхъ формахъ первенствующую роль, уступивъ таковую художественной бронзѣ. Дальнѣйшій шагъ къ паденію соединеніе съ деревомъ въ различной мебели, въ видѣ разрисованныхъ или бѣлыхъ пластинокъ въ различнаго рода бюро, ручекъ и ножекъ въ креслахъ, диванахъ и проч.

Такія аберраціи въ искусствѣ допустимы только какъ исключенія и до тѣхъ лишь поръ, пока онѣ не заслоняютъ основныхъ цѣлей искусства. Живописецъ воленъ рисовать на фарфоровомъ пластѣ такъ же, какъ и на деревянной доскѣ, и нѣтъ ничего предосудительнаго, если на фарфоровомъ заводѣ найдутся художники, которые имѣютъ желаніе заняться живописью на фарфорѣ. Но таковая не должна составлять цѣли заведенія, не должна отнимать лучшихъ силъ, потому что такая живопись не керамика и съ ней ничего общаго, кромѣ внѣшней связи, имѣть не можетъ.

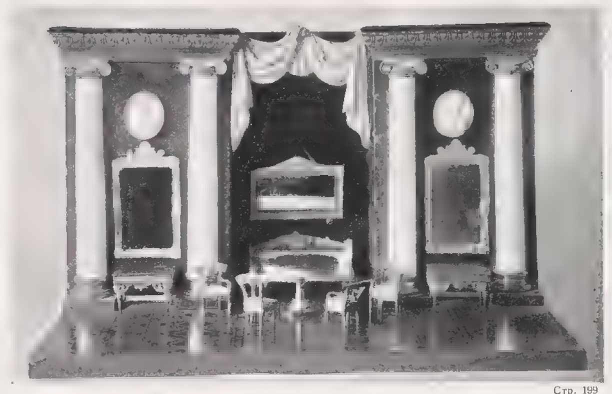
Но это именно случилось съ фарфоровымъ производствомъ въ первой половинѣ XIX вѣка: оно стало присасываться къ другимъ отраслямъ искусства и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало чахнуть и скоро утратило всякое чувство изящнаго. Когда позднѣе общество успѣло осмотрѣться и поняло всю бѣдность и убожество, скрывавшіяся подъ грандіозностью и блескомъ громоздкихъ вазъ, подъ поразительной техникой блестящей живописи, оно должно было отвернуться.

Рис. 301. Яйцо, б. м., в. $2^1/_2$ в. (колл. С. и В. Евдокимовыхъ).
Oeuf, h. 11 cm.

Рѣшительный поворотъ во вкусахъ и мнѣніяхъ общества произошелъ значительно позднѣе. Но нельзя сказать, чтобы въ то уже время не было лицъ, понимавшихъ опасность эклектизма, безцѣльнаго стремленія удовлетворять всякимъ вкусамъ и модамъ:[370] раздавались голоса противъ усвоеннаго фарфоровымъ производствомъ направленія, но въ срединѣ прошлаго столѣтія эти единичные голоса оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; большинство держалось совершенно иного взгляда: Севрская мануфактура считалась образцовымъ заведеніемъ, законодательницей и руководительницей въ области художественной керамики. Лондонская выставка 1851 года доказала это. Выставочное жюри, присуждая Севрской мануфактурѣ высшую награду, такимъ образомъ мотивировало свое постановленіе: „Севрская ману-

фактура является школой, цѣль которой не слѣдовать, но идти впереди общественнаго вкуса... Вліяніе ея распространилось на всю Европу, и большая часть красивѣйшихъ формъ и наиболѣе богатыхъ украшеній, выставленныхъ какъ Англіей, такъ и другими странами, происходятъ или путемъ прямого подражанія, или съ незначительными измѣненіями отъ произведеній старой школы Севра.“ [371]

Стр. 199

Рис. 302. Гостиная, м. Н I, в. 7¼ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Salon, h. 32 cm.

При такомъ господствующемъ направленіи фарфороваго производства въ Западной Европѣ, трудно было бы ожидать, чтобы Императорскій фарфоровый заводъ не пошелъ по тому же пути. Желаніе ни въ чемъ не отставать отъ лучшихъ западно-европейскихъ заводовъ, выразившееся, между прочимъ, въ рѣшеніи состязаться на всемірныхъ выставкахъ, неизбѣжно принуждало считаться съ западно-европейскими вкусами и тѣмъ направленіемъ, которое господствовало на лучшихъ европейскихъ фабрикахъ.

Что же могло спасти Императорскій фарфоровый заводъ отъ этого опаснаго пути? Примѣръ Запада былъ губителенъ. У себя дома, въ области керамической промышленности, Императорскій заводъ былъ образцомъ для другихъ фабрикъ и заводовъ, которые къ тому же въ художественномъ отношеніи въ это время клонились неудержимо къ упадку.

Чистое искусство? Но направленіе Академіи Художествъ, представительницы чистаго искусства и законодательницы въ этой области, было именно академическимъ: это безусловное преклоненіе предъ антиками и такъ называемыми классиками, приведшее къ холодному подражанію и эклектизму. [372]

При такомъ положеніи дѣла, развѣ возможно было требовать жизненности отъ прикладныхъ искусствъ въ Россіи, гдѣ представители жизненнаго направленія въ искусствѣ вообще считались единицами, когда и въ Западной Европѣ, при сравнительно лучшихъ условіяхъ, прикладныя искусства не могли найти самостоятельнаго выраженія, тѣмъ болѣе, что въ Россіи искусства находили еще болѣе ограниченный, чѣмъ въ Западной Европѣ, кругъ общества, способнаго интересоваться ими и понимать ихъ.

Въ частности, по отношенію къ Императорскому фарфоровому заводу, руководящая роль втеченіе разсматриваемаго періода принадлежала Императорскому Двору.

Полезно или вредно было это вліяніе?

Что при Дворѣ въ царствованіе Императора Николая I смотрѣли на фарфоровый заводъ не какъ на коммерческое предпріятіе, а, главнымъ образомъ, какъ на художественное заведеніе, и отъ произведеній его требовали художественности—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: фарфоровыя вещи требовались для украшенія дворцовъ въ такомъ количествѣ, какъ никогда въ другое время. Въ стремленіи къ художественности произведеній и сказалось прежде всего благотворное вліяніе Двора.

Вызвать своимъ вліяніемъ самостоятельное художественное направленіе Дворъ, понятно, не могъ: онъ самъ подчинялся господствовавшему теченію и потому поощрялъ и

эклектизмъ стилей, и самостоятельную художественную живопись на фарфорѣ, и уже само собой разумѣется—грандіозность, которая была очень умѣстна въ царскихъ палатахъ.

Стр. 201, 215

Рис. 303. Полоскательница, м. Н., в. 1 3/4 в. (Петерг. Дв.). Rinçoir, h. 7 75 cm.

Увлеченіе копированіемъ Рафаэля, Тиціана и др. знаменитыхъ художниковъ прошлаго, увлеченіе, которому слѣдовали въ то время европейскія фарфоровыя фабрики, особенно, всѣ субсидированныя правительствами, объясняется, отчасти, желаніемъ избѣгать всякихъ темъ, которыя, при господствовавшей политической реакціи, могли бы отзываться чѣмъ то новымъ или партійнымъ. Такія соображенія могли имѣть мѣсто и въ большой степени —для администраціи Императорскаго фарфороваго завода.

Новыя жизненныя вѣянія: реализмъ, народность въ искусствѣ возникали въ то время при весьма неблагопріятной обстановкѣ: реализмъ и народность, по крайней мѣрѣ въ понятіяхъ администраціи, переплетались и смѣшивались съ понятіями революціонныхъ движеній, крамолы всякаго рода и бунта противъ законнаго правительства, противъ чего боролся Императоръ Николай Павловичъ, котораго проф. Пименовъ младшій изобразилъ въ видѣ Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона европейской крамолы.

И если тѣмъ не менѣе не вполнѣ уничтожились живыя теченія въ художественной дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода, если въ его произведеніяхъ замѣтны все-таки отголоски и реализма, и національности—въ широкомъ смыслѣ слова, и народности — въ болѣе узкомъ смыслѣ; если эти теченія, существовавшія отчасти и раньше, не только не заглохли при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, но даже выразились болѣе сознательно и опредѣленно—этимъ заводъ былъ обязанъ преимущественно личности Императора, который всегда высоко, какъ ни одинъ государь того времени, держалъ знамя народности, хотя, быть можетъ, иногда особымъ образомъ понималъ эту народность и сущность ея устоевъ.

Непосредственное участіе Государя въ направленіи художественной части Императорскаго завода осуществлялось, между прочимъ, тѣмъ, что, въ большинствѣ случаевъ, проекты предполагавшихся къ исполненію вещей предварительно представлялись министромъ Императорскаго Двора на разсмотрѣніе Государю и приводились въ исполненіе только съ Высочайшаго утвержденія ихъ, [372] неоднократно съ измѣненіями. [373] Въ другихъ случаяхъ утвержденіе проектовъ зависѣло отъ усмотрѣнія министра Двора, по представленіямъ директора завода. [374] Вліяніе директора и значеніе его въ направленіи художественной дѣятельности завода основывалось на томъ, что если не всѣ, то большая часть проектовъ проходили раньше всего чрезъ его руки. Такой порядокъ обусловливалъ, повидимому, только второстепенное значеніе управляющаго Императорскими заводами. [375]

Стр. 201, 215

Рис. 304. Чайникъ, м. Н., в. 2 1/2 в. (Петерг. Дв.). Théière, h. 11 cm.

О характерѣ художественной части времени Императора Николая Павловича можно судить не только по сохранившимся вещамъ и архивнымъ дѣламъ, [376] но не въ мень-

Стр. 201, 215

Рис. 305. Чаша, м. [illegible], дл 6[illegible] в., кувшинъ, м. [illegible], в. 4¼ в. (Петерг. Дв.). Bassin, l. 27,5 cm.; cruche, h. 19 cm.

шей степени по сохранившимся проектамъ, картинамъ, рисункамъ и чертежамъ, исполненнымъ либо заводскими художниками, либо художниками частными по спеціальнымъ заказамъ, также по находящимся въ библіотекѣ Императорскихъ заводовъ печатнымъ литературнымъ и художественнымъ изданіямъ того времени, которыя служили руководствомъ для заводскихъ художниковъ, [377] наконецъ, по тѣмъ скульптурнымъ моделямъ, которыя сохранились еще въ модельмейстерской завода. [378] Приведенные матеріалы, многое объясняя и дополняя, сообщая даты, имена, источники: то, о чемъ часто молчатъ сами произведенія, въ то же время, вмѣстѣ съ произведеніями завода, достаточно характеризуютъ и эклектизмъ этого періода, и преобладаніе живописи надъ формою, и мимолетность вліяній.

Всякій эклектизмъ неизбѣжно связанъ съ пользованіемъ чужими образцами, безразлично, будутъ ли это вещи, рисунки или изданія. Императорскій фарфоровый заводъ въ разсматриваемый періодъ времени, въ силу того же эклектизма, широко заимствовалъ отовсюду, стремясь, повидимому, воспроизвести всякую форму, которая гдѣ-либо была исполнена: онъ пользовался изданіями античныхъ, [379] восточныхъ и русскихъ древностей, [380] копіями и гравюрами картинъ итальянскихъ, французскихъ и др. мастеровъ, [381] современными литографіями французской, нѣмецкой и англійской работы, [382] гипсовыми слѣпками съ различныхъ художественныхъ произведеній Западной Европы, [383] издѣліями западно-европейской керамики: французской, нѣмецкой, англійской и пр. [384] Заводъ копировалъ также издѣлія русскихъ заводовъ [385] и собственныя произведенія давно минувшихъ годовъ. [386]

Въ этомъ эклектическомъ многообразіи, въ выборѣ тѣхъ или иныхъ сюжетовъ или формъ напрасно было бы искать какой-либо систематичности или руководящей идеи; зато нѣтъ почти ни одного сюжета, ни одной формы, относительно которыхъ нельзя было бы опредѣлить безъ особыхъ затрудненій тѣхъ мимолетныхъ явленій въ искусствѣ или общественной жизни, которыя вызвали желаніе исполнить ту или иную форму, разработать тотъ или иной сюжетъ.

Стр. 201.

Рис. 306. Ваза, м. [illegible], в. 3⅛ в. (Петерг. Дв.). Vase, h. 14 cm.

Общество зачитывается романами Вальтера Скотта заводъ подхватываетъ настроеніе: работаетъ вещи въ готическомъ стилѣ, пріобрѣтаетъ для воспроизведенія въ фарфорѣ гипсовыя модели, изображающія различныхъ героевъ Вальтера Скотта; появляются „Три Мушкетера“ Дюма заводъ воспроизводитъ типы мушкетеровъ; раздаются звуки „Гугенотовъ“ Мейербера, „Пуританъ“ Беллини заводъ уже пріобрѣлъ въ Парижѣ модели и герцога Невера и Рубини (рис. 272); сложилъ Крыловъ басню о Демьяновой ухѣ — заводъ уже сдѣлалъ ту же уху изъ фарфора (рис. 281); археографическая комиссія изслѣдуетъ памятники русской старины — привлекаютъ сейчасъ художника Солнцева, исполняющаго проекты сервизовъ по золотой тарелкѣ царицы Наталіи Кирилловны (рис. 333, 334); привезли и поставили на набережную Невы двухъ египетскихъ сфинксовъ - заводъ изготовилъ чашу (рис. 263) и вазу въ египетскомъ вкусѣ (рис. 254), на которой, хотя и неумѣло, но добросовѣстно использовалъ и египетскія письмена, и египетскій орнаментъ. [387]

Составленіемъ рисунковъ занималось большинство заводскихъ мастеровъ и даже подмастерьевъ; [388] но были и спеціальные составители проектовъ.

Художниковъ-композиторовъ было немного: документы даютъ возможность отмѣтить не болѣе шести-семи, изъ которыхъ два были русскіе изъ заводскихъ мастеровъ, два иностранца, и два-три изъ свободныхъ художниковъ, работавшихъ для завода, но никогда тамъ не служившихъ.

Первые — это Ф. Дудинъ [389] (въ тридцатыхъ годахъ) и А. Новиковъ [390] (въ сороковыхъ годахъ). И тотъ и другой давали исключительно проекты различныхъ формъ и живописнаго орнамента, но никогда не разрабатывали живописныхъ темъ.

Ф. Дудинъ и по плодовитости, и по техникѣ рисунка значительно уступалъ А. Новикову, но оба они — въ полномъ смыслѣ слова эклектики, особенно Новиковъ. Въ какомъ только стилѣ онъ не работалъ! Онъ давалъ рисунки китайскихъ и японскихъ вазъ, зеркальныхъ рамъ и каминовъ, исполненныхъ то въ стилѣ Людовика XV, то въ стилѣ Людовика XVI, вазъ, исполненныхъ въ стилѣ стараго Мейссена, различныхъ сервизовъ, напоминающихъ то альбомы Гаттенбергера съ его классическими формами, то старые саксонскіе сервизы, то pâte tendre стараго Севра. Столь же разнообразенъ и живописный орнаментъ Новикова: тутъ и орнаментъ à la reine, и украшенія въ стилѣ фаянсовъ Руана и Мустье, и голландско-китайскій жанръ. Само собой разумѣется, что при такомъ всеобъемлющемъ разнообразіи, у Новикова не замѣчается настоящаго чувства стиля: арматуры съ классическими сюжетами, скульптурныя формы ручекъ и носиковъ, взятыя изъ альбомовъ Гаттенбергера, онъ насаживаетъ на такія туловища чайниковъ, кофейниковъ и т. п. вещей, которыя вслѣдъ за тѣмъ, путемъ только легкихъ измѣненій, превращаетъ въ вещи китайско-голландскаго жанра, не стѣсняясь при томъ покрывать ихъ арабесками въ стилѣ фаянсовъ Мустье и Руана или золотыми сѣточками и кружевами.

Стр. [illegible]

Рис. 307. Канделябръ, м. Н, в. 46 в. (Царск. Дв.).
Candelabre, h. 2,04 m.

Пріѣхавшіе по приглашенію Перовскаго въ 1853 году французскіе художники Будэ и Босэ давали не только проекты формъ, но, въ большей даже мѣрѣ, сюжеты для живописи. Будэ, пробывшій на заводѣ не долѣе 1856 г., былъ спеціалистомъ по цвѣточной живописи. Данные имъ и исполненные на вазахъ проекты гирляндъ заслуживаютъ полнаго вниманія, но, насколько можно судить по немногимъ сохранившимся въ библіотекѣ Императорскихъ заводовъ рисункамъ, ему не давались ни другіе виды орнамента, ни формы вазъ.

Босэ оказалъ довольно замѣтное и продолжительное вліяніе на живописную часть, но дѣятельность его имѣетъ гораздо большее значеніе для послѣдующаго періода царствованія Императора Александра II. Данныя имъ формы вазъ отличаются безцвѣтной прилизанностью и вычурностью и напоминаютъ скорѣе формы металлическія, а не керамическія. Но не въ этомъ его значеніе, и не керамическія формы его спеціальность: онъ неистощимый композиторъ рисунковъ, состоящихъ изъ фигурныхъ сюжетовъ. Любимый его жанръ — это рисунки въ стилѣ Буше и Фрагонара съ значительнымъ при томъ юмористическимъ оттѣнкомъ; композиціи его изящны, хотя мало самостоятельны. Еще меньше самостоятельности въ тѣхъ композиціяхъ, гдѣ онъ использовалъ мотивы Рафаэлевыхъ ложъ. [392]

Изъ постороннихъ художниковъ, работавшихъ для Императорскаго фарфороваго завода, слѣдуетъ назвать гр. Ѳ. Толстого и Ѳ. Солнцева. Графъ Толстой далъ въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько проектовъ вазъ (формы), [393] исполненныхъ въ античномъ, или, вѣрнѣе, псевдоклассическомъ стилѣ.

Привлеченіе гр. Толстого къ работамъ для Императорскаго фарфороваго завода не имѣетъ само по себѣ настолько значенія въ художественномъ отношеніи, насколько важно, главнымъ образомъ, какъ фактъ, указывающій, что въ царствованіе Императора Николая Павловича старались воспользоваться лучшими художественными силами Россіи, чтобы поднять достоинство издѣлій Императорскаго завода.

Гораздо большіе результаты имѣло сотрудничество художника-археолога Солнцева, знатока византійскаго и древнерусскаго искусства. Работалъ онъ для завода въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Имъ было сдѣлано довольно много рисунковъ сервизныхъ вещей въ древнерусскомъ стилѣ. [394]

Проекты Солнцева предназначались съ Высочайшаго утвержденія преимущественно для сервизовъ Московскаго Кремлевскаго дворца и для подарковъ персидскому шаху, почему нѣкоторыя вещи по стилю слишкомъ приближаются къ восточнымъ образцамъ.

Стр. 203, 215
Рис. 308. Лампа, б. м. в. 16 1/2 в. (Кремл. Дв.). Lampe, h. 73 cm.

Мысль Солнцева примѣнить старый русскій стиль къ фарфоровымъ издѣліямъ заслуживаетъ полнаго сочувствія, но художественныя достоинства исполненныхъ по его проектамъ вещей сомнительны. Солнцевъ хорошо зналъ русскую художественную археологію, но Солнцевъ не былъ знакомъ съ фарфоровымъ производствомъ и, не имѣя возможности опереться на примѣры художественной древнерусской керамики, образцовъ которой не существовало, онъ далъ проекты вещей, которыя ни по формамъ, ни по способу орнамента не напоминаютъ керамическихъ издѣлій. Человѣку, не знакомому съ фактами и глядящему въ первый разъ на проекты Солнцева, трудно себѣ представить, что рисунки проектированы для исполненія въ фарфорѣ: это металлическія формы древнерусскіе и византійскіе золотые, серебряные и пр. металлическіе сосуды, украшенные богато эмалью и драгоцѣнными камнями. Проекты эти, при исполненіи въ фарфорѣ въ видѣ декоративной посуды и съ примѣненіемъ эмалевыхъ красокъ, могли бы заслуживать большаго вниманія, но при исполненіи муфельными красками, особенно въ видѣ сервизныхъ вещей, они теряютъ всякій почти смыслъ. Обвинять въ этомъ Солнцева едва ли возможно: онъ далъ, что могъ дать; но Императорскій заводъ тоже, обратясь къ Солнцеву, сдѣлалъ все, что могъ, для использованія русскаго стиля.

Стремленіе къ національнымъ мотивамъ, выразившееся въ фактѣ сотрудничества Солнцева, не удивительно: интересъ къ національнымъ темамъ въ царствованіе Императора Николая I былъ уже настолько значителенъ, что въ тридцатыхъ годахъ баталистъ Тиммъ, а позднѣе Щедровскій, Штернбергъ, Чернышевъ не считали потерею времени заниматься рисованіемъ различныхъ типовъ и сценъ изъ русской жизни и находили даже издателей для своихъ произведеній.

ФОРМЫ.

Изобиліе и разнообразіе формъ фарфоровыхъ произведеній времени Императора Николая I объясняется эклектизмомъ, съ одной стороны, пренебреженіемъ къ требованіямъ законовъ керамики и вторженіемъ въ область чуждыхъ производствъ—съ другой.

Забавная игрушка изъ коллекціи Лукутина (рис. 302), представляющая фарфоровую гостиную, является какъ бы малымъ масштабомъ, показывающимъ, какую широкую

Стр. 203, 213.
Рис. 309. Ваза, б. м., в. 11½ в. (Кремл. Дв.).
Vase, h. 51 cm.

область стремилось захватить фарфоровое производство въ примѣненіи фарфора въ качествѣ матеріала для различныхъ подѣлокъ: отъ бисквитныхъ портретовъ-медальоновъ до фарфоровой мебели включительно, не обращая вниманія, что фарфоровыя части въ мебели рѣдко составляютъ дѣйствительное украшеніе, чаще же безобразятъ форму и мало соотвѣтствуютъ назначенію мебели.

Императорскій фарфоровый заводъ въ царствованіе Императора Николая I часто привлекался къ участію при выполненіи работъ декораторовъ, примѣнявшихъ для своихъ задачъ гибридныя формы, гдѣ фарфоръ соединялся то съ бронзой, то съ деревомъ, играя нерѣдко подчиненную роль. Хорошимъ примѣромъ такихъ гибридныхъ формъ могутъ служить стоячіе канделябры и висячія люстры Московскаго Кремлевскаго и нѣкоторыхъ другихъ дворцовъ, (см. напр. рис. 307), большая шифоньерка изъ коллекціи Лукутина, украшенная фарфоровыми пластами, на одномъ изъ которыхъ исполнена копія съ картины Моллера „Поцѣлуй," письменный столъ, кресло, двери въ музеѣ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ (рис. 298) и др. [195]

Относительно бронзовыхъ оправъ слѣдуетъ замѣтить, что въ разсматриваемый періодъ онѣ считались настолько существеннымъ дополненіемъ фарфора, что даже имѣющія вполнѣ керамическій характеръ фарфоровыя вещи, напр. горшки и вазы, очень часто снабжались этими богатыми украшеніями, при чемъ не только пьедесталы и шейки оправлялись бронзою, дѣлались бронзовыя ручки и вмѣсто ручекъ бронзовыя фигуры, но даже въ вазы вставлялись бронзовые цвѣты (рис. 307).

Стр. 202, 203, 213.
Рис. 310. Ваза, Тычагинъ 1849 г., в. 21 в. (Кремл. Дв.).
Vase, h. 93,5 cm

Можно, впрочемъ, снисходительно относиться къ такимъ увлеченіямъ, пока они остаются въ извѣстныхъ границахъ: декоративное искусство вообще, задача котораго -объединять частныя дѣйствія прикладного искусства, можетъ пользоваться такими комбинаціями отдѣльныхъ отраслей, которыя, согласуясь съ его цѣлями, помогаютъ разрѣшить ту или иную частную задачу; но, конечно, такія комбинаціи не должны быть принимаемы въ соображеніе при сужденіи о художественныхъ формахъ данной отрасли.

Благодаря многолѣтней традиціи и руководству опытныхъ скульпторовъ и токарей, какъ Рашетъ, Пименовъ, Давиньонъ, мастера Императорскаго фарфороваго завода успѣли усвоить понятія о легкости, чистотѣ и благородствѣ формъ, тѣ необходимые элементы, на основѣ которыхъ возможно было бы созданіе формъ оригинальныхъ.

По указаннымъ выше общимъ причинамъ, этого не случилось. Какъ ни опытенъ какой-либо мастеръ, напр., токарь, но если его заставляютъ точить вазу сегодня въ греческомъ стилѣ, завтра въ египетскомъ и т. д., при чемъ большинство этихъ формъ для него чужды, ихъ онъ не

чувствуетъ и, не будучи ученымъ спеціалистомъ по части стилей, совсѣмъ не понимаетъ,- такой мастеръ, при всей ловкости, начинаетъ испытывать неувѣренность въ своихъ манипуляціяхъ, онъ относится рабски къ своей модели или проекту и не можетъ вложить души въ свое произведеніе, которое выходитъ изъ-подъ его рукъ мертвымъ, вымученнымъ, а потому и неуклюжимъ. Не имѣя возможности работать сознательно, работаютъ по шаблону, стремясь только достигнуть геометрической правильности линій и вылощенности. Но и эти послѣднія качества могутъ быть утеряны, если приходится выполнять проекты такихъ формъ, гдѣ нѣтъ, въ сущности, ни линіи, ни формы (напр. рис. 275), а одна вычурность.

Съ другой стороны, должны способствовать утерѣ чувства изящнаго грандіозные размѣры и излишество металлическихъ накладокъ. Напримѣръ, огромная ваза точится изъ отдѣльныхъ частей различными мастерами, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности, по необходимости, долженъ придерживаться шаблона данной ему части, не чувствуя общей связи всѣхъ частей въ цѣломъ произведеніи. Точно также и излишнія монтюры, съ одной стороны, не даютъ возможности мастеру керамисту обрабатывать форму въ ея цѣлости, а съ другой стороны, пріучаютъ къ вредной привычкѣ игнорировать дефекты формы, которые могутъ быть закрыты металлическими накладками.

Стр. [illegible]4, 214.

Рис. 311. Ваза, б. м., в. 6⁷/₈ в. (Ораніенб. Дв.).
Vase, h. 30,5 cm.

Вотъ почему, какъ ни противостояла въ началѣ царствованія Императора Николая I благодѣтельная традиція, выработанная, главнымъ образомъ, благодаря Давиньону, эклектизмъ и другія неблагопріятныя условія, впослѣдствіи, испортили формы, и именно на формахъ прежде всего и сказался начинавшійся упадокъ художественнаго производства Императорскаго фарфороваго завода.

Наиболѣе многочисленныя и важныя группы въ массѣ разнообразныхъ формъ, встрѣчающихся въ разсматриваемый періодъ дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода, составляютъ посуда и вазы.

1. Сервизная посуда: столовая, чайная, кофейная и проч. Относительно наиболѣе крупныхъ и интересныхъ сервизовъ сохранились свѣдѣнія о времени ихъ исполненія: такъ, напримѣръ, въ 1826 г. исполненъ коронаціонный сервизъ; [396] въ 1837—8 г.г. столовый и десертный сервизъ для Кремлевскаго дворца по проектамъ Ѳ. Солнцева (рис. 333, 334); такой же сервизъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ надписяхъ былъ одновременно исполненъ и для шаха персидскаго. [397] Въ 1841 г. были придѣланы нѣкоторыя вещи къ голубому севрскому сервизу съ камеями и вензелемъ Императрицы Екатерины II. [398] Въ 1843 г. исполненъ для личнаго употребленія Государыни Императрицы чайный приборъ старинной саксонской формы; [399] въ 1844 году сервизъ на 36 персонъ для подарка Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ; [400] въ 1847 г. — сервизъ для павильона на Царицыномъ островѣ въ Петергофѣ [401] (рис. 303—306); въ 1853—54 г.г. сервизъ на 250 персонъ для Петергофскаго дворца; [402] на послѣднемъ сервизѣ живопись исполнена по первымъ работамъ Босэ (рис. 324). [403]

Особо отъ сервизовъ должны быть поставлены декоративныя тарелки съ различною фигурною живописью: съ военными фигурами, русскими типами, портретами, жанромъ, иногда съ пейзажами и различными видами (рис. 242—244, 249, 256—259, 289—292, 322, 323, 329). [404] Эти тарелки производились независимо и отдѣльно отъ сервизовъ и назнача-

лись, преимущественно, для декоративныхъ цѣлей, но иногда (особенно тарелки съ военными фигурами) употреблялись за десертомъ на придворныхъ парадныхъ обѣдахъ и банкетахъ.

Затруднительно классифицировать и подводить подъ различныя рубрики сервизныя вещи, формы которыхъ чрезвычайно разнообразны: однѣ вытянутыми и утонченными частями напоминаютъ типъ времени Императора Александра I, другія—Екатерининскую эпоху и еще болѣе ранніе годы. Борты тарелокъ то совершенно ровные, то извилистые, то выемчатые; встрѣчаются очень часто и прорѣзныя вещи, особенно десертныя корзинки. Однако, при внимательномъ изученіи сервизныхъ формъ этого времени, нельзя не замѣтить сравнительную бѣдность скульптурныхъ украшеній, нѣкоторую строгость и даже сухость, особенно въ сервизахъ офиціальнаго характера (рис. 318). Во всякомъ случаѣ, всегда больше привлекаетъ живопись или орнаментъ вещи, чѣмъ ея форма.

Стр. 21?

Рис. 312. Орденскій сервизъ: компотникъ, м. Н., д. 6 в. (Зимн. Дв.)
Compotier, d. 29 cm.

Что касается тарелокъ декоративнаго характера: съ военными фигурами, типами, портретами и т. п., то здѣсь форма не играетъ роли: это тотъ же пластъ, только круглой формы, окаймленный, точно рамкой, ровнымъ бортомъ.

Столь же затруднительно пріурочить тѣ или иные типы сервизныхъ формъ къ опредѣленнымъ годамъ разсматриваемаго времени: нѣкоторыя вещи своими формами сильно напоминаютъ предшествовавшее царствованіе, и безъ большой погрѣшности можно было бы ихъ относить къ первымъ годамъ царствованія Императора Николая I. Таково дежене рис. 321. Однако, есть нѣкоторыя вещи, завѣдомо второй половины царствованія Императора Николая I, но съ формами, близкими къ началу царствованія Императора Александра I,[405] не говоря уже о различныхъ сервизахъ, исполненныхъ по старымъ образцамъ.

Впрочемъ, одно можно утверждать положительно: такія сервизныя вещи, какъ чайники, чашки, кофейники, суповыя вазы (рис. 260), вообще полыя вещи, въ болѣе ранніе годы отличаются, въ общемъ, болѣе прямыми линіями и болѣе сжатымъ туловищемъ, при чемъ, по отношенію вышины къ діаметру наиболѣе широкой части, онѣ кажутся вытянутыми кверху; между тѣмъ формы съ болѣе изломанной линіей, бокатыя и расплывшіяся вширь, благодаря значительной величинѣ діаметра наиболѣе широкой части туловища, должны быть отнесены къ позднѣйшимъ годамъ (рис. 332).

Стр. 208.

Рис. 313. Кувшинъ, м. Н., в. 5 3/4 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Cruche, h. 25,5 cm.

2. Вазы вмѣстѣ съ сервизами составляли главнѣйшую часть производства Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Николая I. Въ документахъ очень часто упоминаются вазы, для которыхъ можно съ точностью указать годъ ихъ исполненія, напримѣръ, въ 1828 г. была исполнена большая ваза съ портретомъ Императора Александра I (рис. 241);[406] въ 1829 г. –двѣ вазы съ изображеніемъ на нихъ св. Семейства, поднесенныя Императору ко дню св. Пасхи и бывшія потомъ на всероссійской выставкѣ;[407] въ 1839 г. двѣ вазы въ Зимній дворецъ формы „медицисъ“ съ морскими видами,[408] и др.[409] На многихъ вазахъ съ живописью дата выставлена рядомъ съ именемъ художника (рис. 232, 233, 251, 252, 310).

На основаніи исполненныхъ въ различное время и датированныхъ вазъ приходится заключить, что пріуроченіе различныхъ формъ, часто съ условными названіями того времени (фюзо, бандо, медицисъ и т. п.), къ

опредѣленнымъ годамъ невозможно, такъ какъ отъ начала и до конца царствованія Императора Николая I замѣчается полное безразличіе въ выборѣ формъ. Однѣ изъ наиболѣе раннихъ формъ—это всякія вазы, имитировавшія античныя искусства: аттическое, римское и египетское (рис. 253 255). Нельзя не замѣтить нѣкотораго отношенія между усиленнымъ производствомъ вещей въ классическомъ стилѣ и появленіемъ многихъ трудовъ европейскихъ ученыхъ по исторіи и археологіи древнихъ народовъ: Грота, Ленормана и др. Въ это же время и среди русскихъ ученыхъ явился большой интересъ къ классическому міру (Куторга). Такъ какъ, однако, увлеченіе классической стариной со стороны руководителей Императорскихъ заводовъ не было уже тѣмъ, сравнительно, серьезнымъ направленіемъ, какъ при Императорѣ Александрѣ I, а скорѣе простымъ реагированіемъ на случайныя событія (какъ, напр., привозъ въ Петербургъ въ 1832 году двухъ египетскихъ сфинксовъ), то и классическія формы вазъ не долго привлекали вниманіе, и художники заботились не о чистотѣ этихъ формъ, а больше о томъ, какія формы удобнѣе для помѣщенія на вазѣ живописной картины, которыя бы не искривляли изображенія и не затрудняли этимъ копированія картинъ, написанныхъ на плоскости.

Если исключить китайскія и японскія формы (рис. 285 -288, 308), то всѣ остальныя формы вазъ можно бы распредѣлить въ три главныя группы.

1. Вазы въ стилѣ мейссенскаго рококо или рокайль съ скульптурными украшеніями, особенно съ цвѣтами (рис. 275, 282, 283). Нѣкоторыя изъ этихъ формъ прихотливы до чрезвычайности, почти до уродливости (рис. 275). Эти вазы рѣдко носятъ бронзовыя оправы, рѣдко достигаютъ большихъ размѣровъ, раскрашены, но всегда безъ живописныхъ картинъ и состоятъ изъ немногихъ, сравнительно, частей (не считая, конечно, наложенныхъ и приплавленныхъ обжигомъ гирляндъ и букетовъ).

2. Кратерообразныя или чашеобразныя вазы съ ножкой и гузкой (culot), съ тѣломъ, представляющимъ почти прямой цилиндръ со слегка вогнутыми внутрь стѣнками, съ короткой шейкой или совсѣмъ безъ шейки и съ широкимъ раструбомъ, но всегда безъ оплечій (рис. 247, 248, 252, 307, 309), съ низкими ручками, отходящими отъ гузки. Эта форма, по терминологіи того времени, носитъ названіе „медицисъ."

3. Вазы вытянутыя, съ оплечьями, длинной шейкой и узкимъ раструбомъ, съ тѣломъ, имѣющимъ болѣе или менѣе выпуклые бока, съ ручками, поднимающимися отъ оплечій, однимъ словомъ, вазы, напоминающія форму греческихъ урнъ и панатенейскихъ вазъ. По тогдашней терминологіи, такого рода вазы назывались „бандо“ и „фюзо“ (рис. 227, 229—231, 240, 245, 246, 310, 330, 331 и др.).

Стр 205

Рис. 314. Умывальный приборъ, м. [mark], дл. таза 8¼ в. (Кремл. Дв.).
Service de toilette. cuvette l. 37 cm.

Обычно формы второй и третьей группы носятъ на туловищѣ, часто съ двухъ сторонъ, картинную живопись, промежутки покрыты живописнымъ орнаментомъ; шейка, раструбъ, оплечье, гузка и ножка большею частью украшены скульптурнымъ орнаментомъ; ручки очень часто замѣняются фигурами, при чемъ не только во второй группѣ, но и въ третьей ручки (или замѣняющія ихъ фигуры) не превышаютъ раструба. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, эти вазы богато украшены бронзовыми оправами.

Между этими тремя основными группами формъ существовали, конечно, промежуточныя, приближавшіяся то къ одной, то къ другой формѣ, смѣшивавшія элементы различныхъ группъ или образованныя по типамъ, трудно подводимымъ подъ какое-либо правило (рис. 250, 251, 311).

Стр 215
Рис. 315. Сахарница, б. м., в. 4 в. (Петерг. Дв.).
Sucrier, h. 18 cm.

Интересны, въ особенности, промежуточныя формы между второй и третьей группами (рис. 250, 251): это чашеобразный кратеръ съ низкой, очень широкой шейкой и широкимъ раструбомъ, но съ выпуклымъ тѣломъ, притомъ шейка насажена прямо на тѣло, безъ оплечій или съ очень узкими оплечьями; ручки или отсутствуютъ, или, отходя отъ самаго туловища (чѣмъ очень безобразятъ форму), поднимаются надъ раструбомъ, упираясь въ его верхній рантъ.

Ваза, принадлежащая Императорскому фарфоровому заводу (рис. 328), не должна быть подводима ни подъ одинъ изъ указанныхъ типовъ: это оригинальная, хотя и не совсѣмъ удачная, попытка исполнить вазу въ русскомъ стилѣ. По формамъ она напоминаетъ металлическіе сосуды южнорусскихъ кургановъ и, судя по орнаменту, проектирована Солнцевымъ.

Сравнивая всю совокупность формъ вазъ времени Императора Николая I съ формами предшествовшаго періода, нельзя не замѣтить стремленія къ роскоши и грандіозности: богатый скульптурный орнаментъ вмѣстѣ съ позолотой и золоченой бронзой удовлетворяютъ первому стремленію, огромные размѣры—второму.

Въ данномъ случаѣ оправданіемъ такихъ стремленій является, отчасти, назначеніе этихъ вазъ - служить украшеніемъ Императорскихъ дворцовъ: грандіозные размѣры хорошо гармонируютъ съ обширностью залъ, а блескъ орнамента съ общею роскошью обстановки.

Примыкая, по времени, непосредственно къ періоду Императора Александра I, многія формы времени Императора Николая I, естественно, ведутъ оттуда свое начало, что особенно слѣдуетъ сказать о формахъ, отнесенныхъ къ третьей категоріи и въ чемъ нетрудно убѣдиться, сравнивая приложенные снимки (рис. 227, 229 -231). Это обычныя формы эпохи Императора Александра I, выработанныя подъ руководствомъ Давиньона, который наблюдалъ за точеніемъ вазъ и въ первые годы царствованія Императора Николая I, — слѣдовательно, до 1827 г. едва ли можетъ быть замѣтна разница въ однородныхъ формахъ двухъ періодовъ. Но послѣ смерти Давиньона ученики, хотя и слѣдовали его традиціямъ, не могли, однако, сравняться съ учителемъ, особенно при вліяніи общихъ неблагопріятныхъ условій.

Стр. 215.
Рис. 316. Сливочникъ, б. м., в. 2½ в. (Петерг. Дв.).
Pot à crême, h. 11 cm.

Большинство вазъ времени Императора Николая I украшены скульптурнымъ орнаментомъ, который хотя встрѣчается и на другихъ предметахъ, но нигдѣ не составляетъ такого существеннаго элемента формы и нигдѣ не достигаетъ такого богатства и блеска, какъ на вазахъ.

Скульптурный орнаментъ уже къ началу разсматриваемаго періода достигъ большого развитія и примѣнялся втеченіе послѣдующихъ двухъ десятилѣтій чаще, чѣмъ въ какое-либо другое время. Директоръ Комаровъ, еще въ 1827 г., относительно орнаментики издѣлій Императорскихъ заводовъ писалъ: [410] „можно рѣшительно сказать, что первое искусство (орнаментная живопись) у насъ не уступитъ ни одной европейской фабрикѣ, а послѣднее (скульптурный орнаментъ) превосходитъ все, дѣлаемое въ семъ родѣ въ чу-

жихъ краяхъ. По крайней мѣрѣ, ничего доселѣ не было привезено въ Россію, что бы могло равняться съ нашимъ искусствомъ.“ Можно считать общимъ правиломъ, что въ большихъ вазахъ гузка (culot) украшается скульптурнымъ орнаментомъ изъ пальметокъ, стилизированныхъ листьевъ аканта, виноградныхъ листьевъ и усиковъ и всякихъ завитковъ. Иногда скульптурный орнаментъ покрываетъ не только гузку, но и оплечье, и шейку, и раструбъ, даже туловище вазы. Скульптурный орнаментъ почти всегда вызолоченъ матовымъ золотомъ или золотомъ съ расцыровкою. Лучшимъ примѣромъ скульптурнаго орнамента можетъ служить одна изъ вазъ Кремлевскаго дворца (рис. 248).

3. Туалетные приборы и мелкія туалетныя вещи (рис. 314). Извѣстны даты нѣсколькихъ туалетовъ: напр., въ 1846 г. сдѣланъ туалетный столъ въ малиновую комнату Государыни Императрицы въ Зимнемъ дворцѣ; [411] въ томъ же году туалетъ для королевы Нидерландской; [412] въ 1847 г. — умывальный приборъ для новаго Гатчинскаго дворца [413] и три умывальника для Императрицы, [414] и др.

4. Зеркальные рамы и подзеркальники — исполнялись очень часто, преимущественно по проектамъ А. Новикова, составленнымъ либо въ стилѣ рокайль, либо въ стилѣ Людовика XVI. Нѣкоторыя зеркальныя рамы (особенно въ стилѣ Людовика XVI) достигали замѣчательной величины. Въ 1845 г. изготовлена была зеркальная рама къ камину въ новомъ Царскосельскомъ дворцѣ; [415] въ 1847 г. такая же рама въ Петергофскій дворецъ; [416] въ 1855 году — зеркальная рама для принцессы нидерландской. [417]

Стр. 215.

Рис. 317. Тарелка, б. м., д. 5¼ в. (Петерг. Дв.).
Assiette, d. 25,5 cm.

5. Камины — изготовлялись часто во вторую половину царствованія Императора Николая I, преимущественно въ стилѣ рококо, рѣже — Людовика XVI, по проектамъ того же Новикова. Можно назвать слѣдующіе камины, время исполненія которыхъ извѣстно: въ 1844 году — каминъ во дворецъ В. К. Маріи Николаевны; [418] въ 1846 году каминъ въ уборную Государыни Императрицы и въ малиновую комнату; [419] въ 1849 г. — въ Петергофскій дворецъ, [420] также въ кабинетъ В. К. Александры Іосифовны въ Царскосельскомъ дворцѣ; [421] въ 1850 г. — въ спальню В. К. Константина Николаевича въ Стрѣлинскомъ дворцѣ, [422] въ 1850 г. — каминъ для будуара въ Мраморномъ дворцѣ; [423] въ 1853 г. каминъ для дворца В. К. Ольги Николаевны, въ Штуттгартѣ. [424]

6. Фарфоровые часы: излюбленный типъ ихъ — висячіе стѣнные (рис. 276) или стоячіе каминные въ стилѣ рококо съ цвѣтами. Дѣлались, однако, и иного типа часы: съ аллегорическими фигурами и особымъ механизмомъ, приводившимъ въ движеніе нѣкоторыя части, таковы, напр., часы въ музеѣ Императорскаго фарфороваго и стекляннаго заводовъ работы Рейналя. Часовой механизмъ заключенъ въ фарфоровой сферѣ, верхняя половина которой украшена фигурой бога солнца; вокругъ пьедестала — четыре аллегорическихъ фигуры изображаютъ времена года; пятая фигура — Сатурнъ, вытянутый палецъ котораго, указывающій на экваторъ сферы, служитъ вмѣсто часовой стрѣлки (рис. 273). [425]

7. Фарфоровые столы, преимущественно круглые. Они не отличались особенными размѣрами и, во всякомъ случаѣ, не превосходили ни въ этомъ, ни въ какомъ-либо иномъ отношеніи столовъ времени Императрицы Екатерины II (рис. 299). [426]

8. Канделябры, кронштейны, люстры, подсвѣчники. Небольшіе подсвѣчники, кронштейны и канделябры трактованы обыкновенно въ стилѣ рококо (рокайль), большіе

Стр. 202.

Рис. 318. Блюдо, м. Н I, д. 10 в. (Зимн. Дв.).
Plat, d. 44,5 cm.

люстры и канделябры, достигающіе иногда саженныхъ размѣровъ, представляютъ соединеніе вазъ различныхъ стилей (очень часто въ японскомъ и китайскомъ стиляхъ) съ бронзой, трактованной въ стилѣ Людовиковъ или ампиръ. Замѣчательные по величинѣ и работѣ канделябры, лампы и висячія люстры, находящіеся въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ, исполнены въ сороковыхъ годахъ, особенно въ 1847—9 г.г. [427, 428]

9. Табуреты и пьедесталы исполнялись довольно часто. [429]

10. Цвѣточницы и цвѣточные горшки (рис. 261) выполнялись въ различныхъ стиляхъ. [430]

11. Скульптурныя произведенія. Среди скульптурныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, произведеній времени Императора Николая I чаще всего встрѣчаются человѣческія фигуры въ связи съ другими формами, напримѣръ, на вазахъ вмѣсто ручекъ, въ видѣ пьедесталовъ для фруктовыхъ и цвѣточныхъ корзинокъ и проч. Это чаще всего бисквиты внушительныхъ размѣровъ бѣлые или покрытые матовымъ золотомъ, и типъ всѣхъ ихъ неизмѣнно одинъ и тотъ же: миѳологическіе или аллегорическіе сюжеты, академическое исполненіе. Все это – граціи, амуры, нимфы, боги и богини (рис. 226, 264—268), застывшіе въ своихъ граціозныхъ позахъ; вездѣ однообразныя, красивыя, но холодныя классическія черты лицъ, вырисованные, пріятно округленные мускулы, изящныя, тщательно отдѣланныя складки. На нѣкоторыхъ вещахъ замѣтна, однако, неуклюжесть, появившаяся, очевидно, когда, вмѣсто профессора Пименова, скульптурнымъ отдѣленіемъ сталъ руководить менѣе опытный Воронихинъ. Тѣмъ же академическимъ характеромъ отличаются и бисквитные бюсты (рис. 228).

Вторую категорію скульптурныхъ произведеній составляютъ совершенно самостоятельныя статуэтки, группы и куклы, и по работѣ, и по способу исполненія, и по сюжетамъ совершенно отличныя отъ предыдущей группы. Онѣ, большею частью, сдѣланы изъ глазурованнаго и раскрашеннаго фарфора, рѣже изъ золоченаго или бѣлаго бисквита, часто небольшихъ, иногда прямо игрушечныхъ размѣровъ. Общій характеръ всѣхъ скульптурныхъ произведеній этой категоріи – отсутствіе миѳологическихъ сюжетовъ и трактовка болѣе независимая, иногда и совсѣмъ независимая отъ академическихъ вліяній, которымъ подчинялись Пименовъ и Воронихинъ. Въ этой категоріи можно различать нѣсколько подраздѣленій, отличающихся либо сюжетами, либо исполненіемъ, или тѣмъ и другимъ одновременно. Нѣкоторыя статуэтки и группы на сюжеты изъ западно-европейской литературы или исторіи, напр. Три Мушкетера, герцогъ Неверъ изъ Гугенотовъ Мейербера и другія (рис. 272), не самостоятельны: онѣ исполнены по моделямъ, выписаннымъ изъ-за границы и принадлежащимъ иногда извѣстнымъ художникамъ, напримѣръ, французу Прадіэ. Кромѣ того, всѣ онѣ — отраженіе эклектизма и злободневныхъ интересовъ: напр., молодой грекъ изъ коллекціи Лукутина (рис. 277), несомнѣнно, отраженіе борьбы Греціи за освобожденіе.

Стр. 208. 214.

Рис. 319. Самоваръ, б. м., в. 13[illegible] в. (колл. Н. А. Лукутина).
Bouilloire, h. 60 cm.

Мало самостоятельности и въ другой серіи, которая можетъ быть охарактеризована, какъ „куклы“ въ жанрѣ стараго Сакса (рис. 279, 280).

Особую серію куколъ составляли военныя фигуры: ими, очевидно, интересовался самъ Императоръ, такъ напр., въ 1834 г. онъ приказалъ послать ихъ въ подарокъ турецкому султану, въ томъ числѣ три группы: лейбъ-гвардейскихъ полковъ Павловскаго и Преображенскаго и лейбъ-гвардіи казачьяго Донского войска и двѣ отдѣльныя статуэтки: солдата лейбъ-гвардіи Павловскаго полка и тамбуръ-мажора.[431]

Стр. 215.

Рис. 320. Чашки и блюдца, м. Н I, д. $3^1/_2$, $3^3/_4$, 4 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Tasses et soucoupes, d. 15,5, 14,5, 18 cm.

Наиболѣе интересными и самостоятельными группами являются тѣ, въ которыхъ сюжетъ заимствованъ изъ русской жизни — типы русскихъ промышленниковъ, ремесленниковъ и инородцевъ (рис. 269—271), группы на сюжеты изъ русскихъ басенъ (рис. 280/1, 281) и т. п.

Въ манерѣ исполненія этихъ вещей уже не замѣтно вліянія академіи, но очевидна преемственность отъ временъ Императрицы Екатерины II; необходимо, однако, отмѣтить, что куклы времени Императора Николая Павловича уступаютъ своимъ прототипамъ въ художественности исполненія и часто оставляютъ желать большаго.

Въ концѣ царствованія Императора Николая Павловича характеръ куколъ и другихъ самостоятельныхъ скульптурныхъ произведеній, подъ вліяніемъ новаго модельмейстера Шписа, рѣзко измѣнился какъ въ техникѣ, такъ и въ сюжетахъ и ихъ разработкѣ.

Но стиль Шписа характеренъ не для времени Императора Николая Павловича, а для послѣдующаго. Примѣромъ его работъ могутъ служить двѣ статуэтки изъ коллекціи Лукутина: продавщица цвѣтовъ (рис. 278) и сборщикъ винограда, исполненный изъ фарфора скульпторомъ Тычагинымъ.

12. Особой группой въ числѣ скульптурныхъ произведеній времени Императора Николая I стоятъ фарфоровые цвѣты. Цвѣты дѣлались и прежде, но теперь ихъ стали готовить въ огромномъ числѣ и съ такимъ искусствомъ, какъ никогда. Цвѣты служили не только для украшенія вазъ, зеркалъ, каминовъ и другихъ вещей, но изъ нихъ составлялись отдѣльные раскрашенные или бисквитные букеты. Замѣчательны, въ особенности, букеты работы мастера П. І. Иванова. Не представляя особаго значенія въ художественномъ отношеніи, они неподражаемы въ смыслѣ техники. Поразительная тонкость, съ какой отдѣланы цвѣтки, лепестки, усики, объясняется тѣмъ, что лѣплены они отчасти отъ руки. Это искусство лѣпить такія тонкія вещи отъ руки обусловливалось особыми качествами массы, изъ которой ихъ готовили, и составляло секретъ мастера Иванова (рис. 335).

Стр. 202.

Рис. 321. Чайный сервизъ, м. Н I, дл. подноса $9^1/_2$ в. (Царск. Дв.).
Service à thé, plateau l. 42,5 cm.

Перечисленными группами, конечно, не исчерпываются всѣ разновидности формъ разсматриваемаго періода, напротивъ, встрѣчаются мно-

гіе предметы, которые по формамъ не могутъ быть выдѣлены въ особыя категоріи: таковы, напр., традиціонно изготовлявшіяся пасхальныя яйца [432] (рис. 301) и другія, случайно встрѣчающіяся въ единичныхъ экземплярахъ вещи (рис. 274, 296, 313, 319). [433]

Нѣкоторыя изъ такихъ произведеній не лишены художественнаго интереса, напр. въ 1850 г. были изготовлены вещи для фарфороваго фонтана въ турецкій кабинетъ въ Мраморномъ дворцѣ. [434]

ЖИВОПИСЬ.

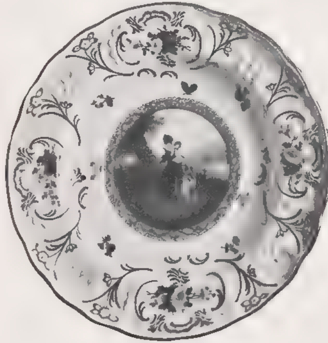
Для правильнаго сужденія о живописи на произведеніяхъ Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Николая I необходимо уяснить себѣ значеніе и роль самостоятельной картинной живописи въ керамикѣ.

Для керамики, которая имѣетъ дѣло съ тѣлами, а не плоскостями, а потому принадлежитъ къ области скульптуры, наиболѣе существенны: форма, цѣлесообразность формы и подчиненіе орнамента, а слѣдовательно и живописи, главнымъ очертаніямъ тѣлъ керамическаго произведенія. Поэтому совершенство живописи не свидѣтельствуетъ еще о совершенствѣ керамическихъ издѣлій. Нѣсколько примѣровъ пояснятъ высказанное положеніе о самостоятельной живописи. Извѣстно, напримѣръ, что при Императрицѣ Екатеринѣ II существовала въ связи съ Императорскимъ заводомъ мраморная мастерская, а при Императорѣ Николаѣ I бронзовая мастерская. Обѣ мастерскія имѣли, конечно, отношеніе къ произведеніямъ Императорскаго фарфороваго завода, такъ какъ готовили различныя части и дополненія къ фарфоровымъ произведеніямъ.

Стр 201, 213, 215.

Рис. 322. Тарелка, м., д. 5½ в. (Ораніенб. Дв.). Assiette, d. 24,5 cm.

Стр 201, 215.

Рис 323. Тарелка, м, д 5½ в. (Ораніенб. Дв.). Assiette, d. 24,5 cm.

Было бы, однако, совершенно ошибочнымъ, при сужденіи о достоинствахъ фарфоровыхъ произведеній Императорскаго фарфороваго завода, принимать во вниманіе большее или меньшее художественное совершенство мраморныхъ или бронзовыхъ частей, независимо отъ того, насколько онѣ являются необходимымъ дополненіемъ или украшеніемъ фарфоровыхъ вещей.

Мраморная мастерская, имѣя достаточно свободныхъ мастеровъ-скульпторовъ, стала изготовлять, совершенно независимо отъ фарфоровыхъ издѣлій, бюсты, статуи и другія скульптурныя мраморныя произведенія.

Какое значеніе эти мраморныя произведенія могли имѣть для издѣлій собственно фарфороваго завода? Только косвенное: мраморное заведеніе, подготовляя опытныхъ скульпторовъ, могло давать заводу хорошихъ мастеровъ, но этого могло и не случиться.

Живописецъ-миніатюристъ воленъ рисовать на чемъ угодно: на деревѣ, металлѣ, слоновой кости; онъ можетъ рисовать и на фарфорѣ. Но всѣмъ работамъ художника-миніатюриста, на чемъ бы онѣ ни были написаны, мѣсто въ исторіи миніатюры, но не въ исторіи столярнаго, ювелирнаго или керамическаго дѣла.

Стр. 201, 213, 215

Рис. 324. Блюдце и чашка, б. м., в. $1\frac{5}{8}$ в. (Петерг. Дв.). Soucoupe et tasse, h. 7,25 cm.

Фарфоровый заводъ, при наличности свободныхъ мастеровъ, можетъ завести у себя и миніатюристовъ, которые могутъ оказать услуги заводу, но только косвенно—усовершенствованіемъ техники живописи.

Вообще, всѣ подобныя самостоятельныя производства, какъ мраморное, бронзовое, миніатюрное и т. п., связанныя только внѣшнимъ образомъ съ фарфоровымъ производствомъ, могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оказывать косвенныя услуги заводу, при которомъ учреждены; совершенствуя ту или другую сторону техники, они могутъ свидѣтельствовать о художественномъ развитіи руководителей завода, могутъ, отчасти, служить для прославленія завода; но они не могутъ загладить недостатковъ фарфороваго производства, если таковые существуютъ. При извѣстныхъ же обстоятельствахъ, такія самостоятельныя мастерскія могутъ оказаться даже вредными для завода, отвлекая лучшія силы завода; и если бы фарфоровый заводъ сталъ приноравливать всѣ свои формы къ требованіямъ миніатюрнаго, мраморнаго или другого производства, то онъ потерялъ бы самостоятельность существованія, и его произведеніямъ, по настоящему, не было бы мѣста въ исторіи керамики.

Стр. 215

Рис. 325. Блюдце и чашка, б. м., в. $1\frac{7}{8}$ в. (Петерг. Дв.). Soucoupe et tasse, h. 8,5 cm.

Идя далѣе, не трудно пояснить примѣрами изъ жизни самого же Императорскаго фарфороваго завода, что если, съ одной стороны, близкое соприкосновеніе фарфороваго производства съ другими областями художественной промышленности или чистаго искусства нерѣдко оказывало благотворное вліяніе на художественную часть завода, то, въ общемъ, преслѣдованіе двухъ цѣлей одновременно мѣшало достиженію заводомъ той степени совершенства, на которую онъ могъ, казалось бы, подняться, принимая въ соображеніе исключительно благопріятныя условія, въ которыхъ онъ нерѣдко находился.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, напримѣръ, можно объяснить хотя бы то явленіе, что Императорскій фарфоровый заводъ, имѣя въ своемъ личномъ составѣ такихъ превосходныхъ художниковъ, какъ Рашетъ, Пименовъ, не имѣлъ, однако, своего Кендлера? Кажется, наиболѣе вѣроятнымъ будетъ объясненіе, что ни Рашетъ, ни тѣмъ болѣе профессоръ Пименовъ не усматривали въ керамикѣ своего призванія. Не фарфоръ, а металлъ и мраморъ были объектами ихъ художественныхъ стремленій; въ этихъ формахъ привыкли они олицетворять свои художественныя идеи и мыслить художественные образы. Фарфоръ у нихъ стоялъ на второмъ планѣ. Вотъ почему, при несомнѣнной благотворности ихъ вліянія на производство Императорскаго фарфороваго завода, при несомнѣнныхъ достоинствахъ созданныхъ ими керамическихъ формъ,—трудно, однако, отрѣшиться отъ мысли, что они не дали заводу того, чего можно было бы отъ нихъ ожидать, что даже Рашетъ, не говоря уже о Пименовѣ, лишь случайный человѣкъ въ керамикѣ.

Стр. 1…

Рис. 326. Чашка, м. Ж, д. $2\frac{1}{4}$ в. (колл. Н. А. Лукутина). Tasse, d. 10 cm.

И это еще въ лучшемъ случаѣ. Чего же можно ожидать, когда творчество отдѣльнаго художника или производство цѣлаго художественно-промышленнаго заведенія раздѣлится между различными отраслями художественной промышленности, искусственно только соединенными и часто ради-

Стр. 215.
Рис. 327. Тарелка, б. м., д. 5 в. (Петерг. Дв.).
Assiette, d. 22,5 cm.

кально-различными по художественнымъ тенденціямъ, формамъ и средствамъ осуществленія своихъ задачъ? Дерево, металлъ и другія вещества, привлеченные первоначально лишь какъ вспомогательныя средства въ фарфоровомъ производствѣ, не будутъ ли, при извѣстныхъ условіяхъ, вытѣснять основное вещество, фарфоръ, и свойственныя ему формы. Наблюдаемые въ исторіи керамики факты не оставляютъ сомнѣнія, что отвѣтъ необходимо дать утвердительный.

То же самое приходится сказать и о самостоятельной живописи на фарфорѣ.

Существуютъ формы, которыя по преимуществу свойственны фарфору, т. е. съ наибольшей художественностью и наибольшей степенью приближенія къ идеальнымъ формамъ могутъ быть воспроизведены изъ фарфора и при помощи техническихъ пріемовъ, свойственныхъ по преимуществу керамикѣ. Всѣ такія формы въ то же время и наиболѣе удовлетворяютъ понятію цѣлесообразности. Но не всѣ такія формы въ одинаковой мѣрѣ пригодны, по свойствамъ своихъ поверхностей, къ различнымъ видамъ живописи. Когда живопись играетъ лишь служебную роль при формѣ, слѣдовательно, когда назначеніе живописи въ керамикѣ опредѣляется понятіемъ орнаментной живописи, тогда, конечно, художникъ при выборѣ украшенія будетъ руководствоваться однимъ соображеніемъ: какой орнаментъ былъ бы наиболѣе подходящимъ къ данной керамической формѣ, чтобы усилить художественное впечатлѣніе формы. Но когда живопись на фарфорѣ пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе, тогда художникъ невольно склоняется къ подбору не орнамента къ формѣ, а наоборотъ, сначала подбираетъ керамическія формы къ готовому орнаменту или живописному сюжету, а затѣмъ станетъ и подгонять формы къ живописному сюжету, сообразуясь при томъ ни съ чѣмъ инымъ, какъ только съ техническими удобствами, представляемыми поверхностями керамическихъ формъ, не заботясь уже ни о естественности, ни о цѣлесообразности формъ. Въ результатѣ является несоотвѣтствіе формы и украшенія, отсутствіе единства художественнаго впечатлѣнія.

Въ несоотвѣтствіи формы и живописи лежитъ и критерій для сужденія, когда живопись теряетъ характеръ керамическаго элемента и становится самостоятельной картиной.

Только исходя изъ вышеизложенныхъ основныхъ точекъ зрѣнія, можно правильно судить о развитіи живописи Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Николая Павловича. Въ это время существовало увлеченіе самостоятельной картинной живописью, но не одинъ Императорскій заводъ, а всѣ вообще европейскіе фарфоровые заводы первой половины XIX вѣка отдали дань этому увлеченію.

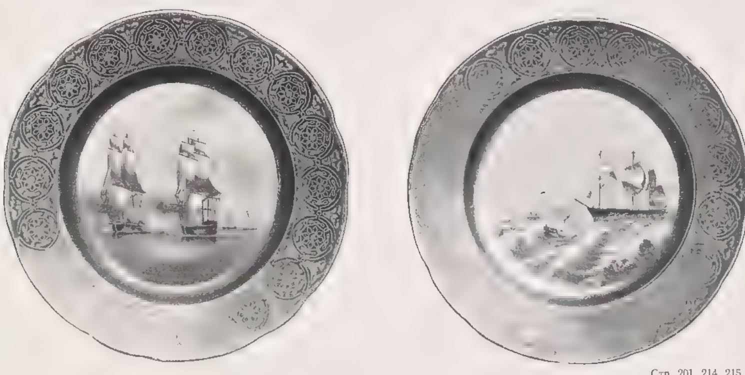
Существовали два, по существу, независимыя, но связанныя однородностью техники и матеріаловъ и единствомъ мѣста, художественныя производства: чистая керамика съ одной стороны, живопись на фарфорѣ съ другой.

Послѣдняя отличается отъ обыкновенной живописи только нѣкоторыми техническими пріемами и особымъ составомъ красокъ, получаю-

Стр. 204
Рис. 328. Ваза, б. м., в. 11¼ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 50 cm.

щихъ свой надлежащій видъ только въ огнѣ. Своебразныя особенности живописи на фарфорѣ, напр. флюсность и яркость красокъ, глубина тоновъ, при томъ почти абсолютная неизмѣняемость отъ вліянія времени, придаютъ живописи на фарфорѣ своебразную пре-

Стр. 201, 214, 215

Рис. 329. Тарелки, м. ♔, д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiettes, d. 24,5 cm.

лесть и заманчивость, несмотря на трудность техники и хрупкость матеріала. Однако такой родъ живописи до сихъ поръ не имѣлъ самостоятельнаго художественнаго значенія, что могло быть только въ томъ случаѣ, если бы ею занялись художники, самостоятельно творящіе. Этого во время увлеченія картинной живописью на фарфоровыхъ заводахъ не случилось. Рисовали на фарфорѣ не художники въ собственномъ смыслѣ слова, художники, не зависимые ни отъ кого, а рисовали мастера, которые, правда, нерѣдко бывали артистами своего дѣла, но отъ которыхъ не требовалось самостоятельнаго творчества, которые были людьми вполнѣ зависимыми въ примѣненіи своего труда, другими словами были ремесленниками.

Ремесленникъ же въ области чистыхъ искусствъ не можетъ творить, для него остается одинъ путь — подражать. Живописцы на фарфорѣ тоже лишь подражали. Но, говоря о самомъ лучшемъ копировальщикѣ, можно говорить только о техническихъ достоинствахъ его кисти, но не о его композиціи, не о его идеяхъ.

Живописцы на фарфорѣ, работавшіе на Севрской, Мейссенской, Берлинской королевской и др. фабрикахъ, всѣ на одинъ ладъ—копировальщики. Среди нихъ не только видное, но нѣкоторое время первое почти мѣсто занимали живописцы Императорскаго фарфороваго завода.

Головъ, Мещеряковъ, Мироновъ, Нестеровъ, Ивановъ, Корниловъ, Амельченковъ, Елашевскій, Красовскій и многіе другіе мастера въ полномъ смыслѣ слова артисты своего дѣла. Живость красокъ и флюсность поразительны. Флюсность же обусловливаетъ такую глубину и мягкость тоновъ, какая возможна только въ фаянсахъ, либо при подглазурной живописи. Къ этому надо добавить замѣчательную точность копіи, тщательность и законченность въ выпискѣ всѣхъ деталей и удивительную тонкость живописи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда картина исполнялась не на гладкомъ пластѣ, а на неровной поверхности вазы, художникъ всегда умѣло приноравливался къ кривой поверхности и умѣлъ побѣдить оптическія трудности такихъ поверхностей, искажающихъ прямое изображеніе.

Достоинства живописи Императорскаго фарфороваго завода были оцѣнены на Лондонской выставкѣ. [435]

Исторія предшествовавшаго развитія Императорскаго фарфороваго завода свидѣтельствуетъ, что образовавшаяся школа живописцевъ выработалась безъ существеннаго вліянія иностранныхъ мастеровъ. Сохранились многочисленные образцы подписанныхъ мастерами работъ, исполненныхъ частью на вазахъ, частью на пластахъ. Глядя на эти работы, можно только пожалѣть объ одномъ: что этимъ художникамъ недоставало самостоятельнаго творчества, или что обстоятельства такъ сложились, что ихъ самостоятельность не могла развиться.

Къ сожалѣнію, успѣшность, съ какой работали мастера-живописцы, способствовала еще большему увлеченію людей, отъ которыхъ зависѣло направленіе дѣятельности завода: къ копированію картинъ на пластахъ было привлечено столько лучшихъ мастеровъ завода, производство это расширили въ такой степени, что оно грозило совершенно заслонить керамическое производство и усугубить свойственный первой половинѣ XIX столѣтія недостатокъ отсутствіе творчества въ формахъ въ связи съ ихъ назначеніемъ.

Стр. 203, 213.

Рис. 330. Ваза, м. [?], в. 18 в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 80 cm.

Копировали главнымъ образомъ эрмитажныя картины. Работы въ Эрмитажѣ производились почти безпрерывно втеченіе всего разсматриваемаго періода, при чемъ живописцами руководилъ мастеръ Мещеряковъ. [436] Но одними эрмитажными сокровищами не ограничились: были использованы и другія хранилища картинъ знаменитыхъ мастеровъ: Академія Художествъ, [437] Академія Наукъ, [438] Зимній дворецъ, [439] загородные Императорскіе дворцы, [440] особенно Петергофскій [440] и Царскосельскій, [441] кромѣ того, взяты были на заводъ многія копіи эрмитажныхъ и другихъ картинъ, принадлежавшія раньше Императорской шпалерной мануфактурѣ и Императорскому стеклянному заводу. [442]

Въ выборѣ картинъ замѣтенъ полнѣйшій эклектизмъ: копировались безразлично произведенія итальянскихъ, французскихъ, голландскихъ и другихъ художниковъ, какъ старыхъ, такъ и новѣйшихъ: Леонардо-да-Винчи, Корреджіо, Рафаэля, Тиціана, Ванъ-Дейка, Верне, Бергема, Вувермана, Дилленса и друг. (рис. 239, 240, 284, 293, 294). Иностранными художниками не ограничивали выборъ, копировали также картины русскихъ живописцевъ: Неффа, Орлова, Капкова, Моллера и др. [443] (табл. VIII, рис. 232, 233).

При рисованіи на пластахъ обращалось, между прочимъ, вниманіе на величину самого пласта. Въ этомъ отношеніи Императорскій фарфоровый заводъ не только не отсталъ, но перещеголялъ другіе европейскіе заводы: между тѣмъ какъ наибольшій размѣръ пласта, достигнутый до того времени на Севрской фабрикѣ, былъ $13\frac{1}{2}\times 11$ вершк., въ 1843 г., по приказанію министра Императорскаго Двора, мастеромъ Мещеряковымъ было нарисовано Св. Семейство на пластѣ размѣромъ 17×11 вершковъ. [444]

Означенныхъ размѣровъ копія съ подписью мастера Мещерякова, съ картины Джуліо Романо, приписанной раньше кисти Леонардо-да-Винчи, хранится въ настоящее время въ музеѣ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ (рис. 294).

Увлеченіе копированьемъ картинъ не могло не отразиться и на декоративной живописи, что сказалось прежде всего въ помѣщеніи копій картинъ на вазахъ въ медальонахъ. И надо замѣтить: чѣмъ большую цѣнность представляли вазы, чѣмъ роскошнѣе онѣ исполнялись, тѣмъ чаще такія вазы украшались копіями съ картинъ знаменитыхъ старыхъ и новыхъ мастеровъ (рис. 239, 240, 309, 310).

Къ независимой картинной живописи примыкаетъ портретная, иконная (рис. 295) и миніатюрная живопись. Портреты, преимущественно Высочайшихъ Особъ, писались на пластахъ, напр. портретъ Императора Николая Павловича (рис. 297), исполненный, кажется, въ 1830 году, [445] на вазахъ (рис. 241, 252), на табакеркахъ (рис. 296) и на тарелкахъ (рис. 291).

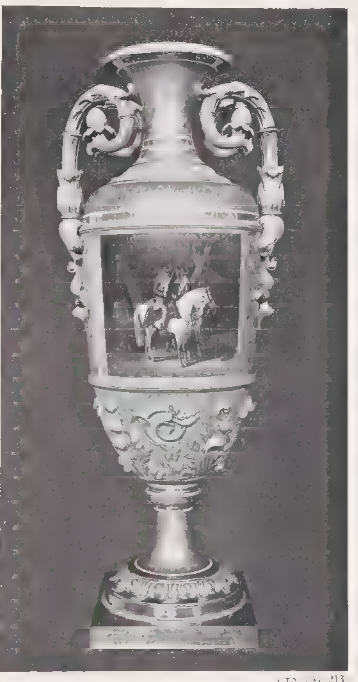

Рис. 331. Ваза, м. [illegible], в. 18 в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 80 cm.

Къ миніатюрной живописи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова слѣдуетъ отнести прежде всего изображенія святыхъ православной церкви и сценъ Воскресенія Христова на пасхальныхъ яйцахъ (рис. 301), и фигурную живопись на фарфоровыхъ пластинкахъ, въ родѣ табакерочныхъ крышекъ, запонкахъ и другихъ мелкихъ предметахъ.

Переходъ отъ самостоятельной картинной живописи къ живописи декоративной не рѣзокъ; особенно это замѣчаніе имѣетъ мѣсто по отношенію къ фигурной живописи. Въ этомъ сказалось, конечно, вліяніе копированія картинъ, даже мотивы въ этомъ случаѣ очень часто заимствовались изъ извѣстныхъ картинъ, живопись же заключалась въ рамочные медальоны. Получается такимъ образомъ постепенный переходъ отъ картинной къ декоративной фигурной живописи (рис. 246, 298, 322 и др.).

Разнообразіе сюжетовъ большое: здѣсь и ложноклассическій жанръ (рис. 230, 231, 245), и жанръ Буше, и излюбленный мотивъ Севрскаго завода, амуры въ облакахъ, и жанръ въ стилѣ помпейскихъ фресокъ (рис. 298), и картинки юмористическаго содержанія (рис. 259).

Въ концѣ разсматриваемаго періода въ фигурной живописи получилъ преобладаніе жанръ по рисункамъ Босэ: это пасторали, амуры, жанръ не глубокій по содержанію, но изящный и невинно-веселый (рис. 324).

Особую группу фигурной живописи составляютъ сдѣлавшіяся уже традиціонными военныя фигуры. На нихъ отразилось также вліяніе живописнаго направленія, что особенно рѣзко замѣтно при сравненіи съ такими же военными фигурами времени Императора Александра Павловича; тамъ эти фигуры стоятъ одиноко или небольшими группами, большею частью въ неподвижныхъ позахъ; въ послѣдніе же годы царствованія Императора Николая Павловича, наоборотъ всѣ фигуры, обыкновенно, въ движеніи, въ соотвѣтствующей обстановкѣ (см., напр., рис. 242, 243, 289, 290, 292, 300).

Военныя фигуры изображались преимущественно на тарелкахъ, [446] которыя въ такихъ случаяхъ замѣняли пласты, но украшались ими иногда и другія сервизныя вещи, напримѣръ, военныя чашки Императорскаго Зимняго дворца (рис. 300), вазы (рис. 247, 330, 331). На четырехугольныхъ пластахъ, значительное количество которыхъ находится въ настоящее

время въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ, воспроизведены полки гвардіи и арміи (рис. 225), исполненные, отчасти, по оригиналамъ Ладюрнера. [447]

Стр 202

Рис. 332. Чашка, м. [illegible], в. 2 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Tasse, h 9 cm.

Не ограничиваясь изображеніемъ русскихъ войскъ, Императорскій фарфоровый заводъ исполнялъ иногда тарелки съ изображеніемъ солдатъ иноземныхъ, напримѣръ, въ 1830 г. исполнены были тарелки съ прусскими войсками. [447]

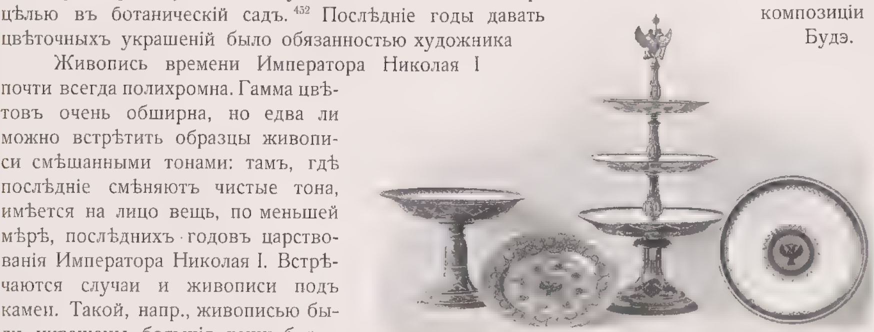
Традиціонно было также изображеніе на тарелкахъ и другихъ вещахъ русскихъ типовъ. Впрочемъ, этими сюжетами пользовались не особенно часто. [448]

Пейзажная живопись очень разнообразна (рис. 227, 311, 329) и, кромѣ обыкновенныхъ для живописи разсматриваемаго періода достоинствъ, отличается особыми качествами: въ большинствѣ случаевъ пейзажи сняты съ натуры и изображаютъ виды различныхъ мѣстъ и зданій Россіи, хотя не оставляются безъ вниманія и западно-европейскіе пейзажи, встрѣчались, напримѣръ, упомянутые выше столы съ итальянскими видами; но къ западно-европейскимъ пейзажамъ не часто обращались и исполняли ихъ по чужимъ образцамъ, либо картинамъ, между тѣмъ, виды мѣстностей и зданій Россіи использованы были широко и систематически, хотя, кажется, далеко не съ такой полнотой, какъ было предположено. О нихъ неоднократно упоминается въ документахъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Кабинетъ Его Императорскаго Величества присылалъ на фарфоровый заводъ для копированія серію финляндскихъ [449] и сибирскихъ видовъ. [450] Иногда командировались заводскіе мастера для снятія различныхъ видовъ съ натуры, напримѣръ, въ 1840 году производились живописныя работы съ натуры на Аптекарскомъ островѣ. [451]

Въ мольбертахъ музея Императорскихъ заводовъ сохранилось много акварелей съ различныхъ мѣстностей городовъ и зданій Россіи, исполненныхъ, несомнѣнно, съ натуры и представляющихъ большой историческій интересъ, такъ какъ онѣ нерѣдко даютъ изображеніе такихъ городовъ (напр. Екатеринославля), которые съ тѣхъ поръ успѣли измѣниться до полной неузнаваемости.

Живые цвѣты пользовались большимъ вниманіемъ живописцевъ времени Императора Николая Павловича (рис. 319) и въ ихъ изображеніи отличаются большими достоинствами; этому немало способствовало то обстоятельство, что если не всегда, то нерѣдко цвѣты рисовались съ натуры, по живымъ экземплярамъ, доставленнымъ изъ устроенной при заводѣ оранжереи; кромѣ того, художники завода командировались съ той же цѣлью въ ботаническій садъ. [452] Послѣдніе годы давать композиціи цвѣточныхъ украшеній было обязанностью художника Будэ.

Живопись времени Императора Николая I почти всегда полихромна. Гамма цвѣтовъ очень обширна, но едва ли можно встрѣтить образцы живописи смѣшанными тонами: тамъ, гдѣ послѣдніе смѣняютъ чистые тона, имѣется на лицо вещь, по меньшей мѣрѣ, послѣднихъ годовъ царствованія Императора Николая I. Встрѣчаются случаи и живописи подъ камеи. Такой, напр., живописью были украшены большія чаши бирюзоваго цвѣта съ лѣпными цвѣтами, бывшія на Московской выставкѣ 1843 года. [453]

Стр. 197, 201, 216

Рис. 333. Кремлевскій сервизъ: чаша для фруктовъ; чаша для конфетъ; тарелка, м. [illegible], д. 5 в. (Кремл. Дв.).
Service du Cremlin: coupes à fruits et à bonbons; assiette, d. 22,5 cm.

Живописный орнаментъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ царствованіе Императора Николая Павловича находился въ зависимости отъ скульптурнаго орнамента. Скульптурному орнаменту подражаетъ живописный, исполненный золотомъ въ рельефъ или съ расцыровкою.

Вообще, на крупныхъ вещахъ (вазахъ) орнаментныя украшенія исполняются по большей части золотомъ, которое оживляется рельефомъ, расцыровкою, гравированіемъ, иногда различными оттѣнками золота—отъ ярко блестящаго съ красноватымъ отливомъ до зеленоватаго и холоднаго сѣровато-фіолетоваго цвѣта.

Весьма нерѣдки сплошные золотые фоны, преимущественно, матовые въ большихъ вещахъ и блестящіе въ мелкихъ.

Изъ другихъ фоновъ самымъ излюбленнымъ является бирюзовый. Этотъ цвѣтъ на издѣліяхъ Императорскаго завода встрѣчается въ двухъ видахъ: съ сѣроватымъ оттѣнкомъ и безъ этого оттѣнка, трудно отличимый отъ настоящаго bleu de Sèvres, таковъ, напримѣръ, цвѣтъ бирюзовыхъ вазъ Кремлевскаго дворца. [454]

Изъ другихъ фоновъ употребительны: голубой, кобальтовый, синій блестящій или матовый, зеленый. Иногда различные фоны, расположенные широкими лентами, встрѣчаются на одной и той же вещи. Бѣлый фонъ (чистая глазурь) встрѣчается не часто и, преимущественно, съ золотымъ орнаментомъ.

Стр. 197, 201, 216

Рис. 334. Кремлевскій сервизъ: салатники; блюда; чашка; блюдце; тарелка, м. [illegible], д. 5 1/8 в. (Кремл. Дв.).
Service du Cremlin: saladiers; plats, tasse; soucoupe; assiette, d. 23 cm.

Стиль живописнаго орнамента находится въ зависимости отъ стиля, въ какомъ трактованы формы, либо отъ характера картинной живописи, напр., на вещахъ, имитирующихъ древне-греческіе сосуды, орнаментъ скопированъ съ такихъ же античныхъ образцовъ (рис. 253, 262, 317, а также 315, 316); египетскія вазы (рис. 254) украшены орнаментомъ изъ элементовъ египетскаго стиля; китайскія и японскія вазы (рис. 285, 286, 288, 308) копируютъ китайскіе и японскіе образцы.

Можно встрѣтить и почти чисто помпейскій стиль орнамента (рис. 298) и орнаментъ, на которомъ видно вліяніе Рафаэлевыхъ ложъ (рис. 299).

Само собою разумѣется, что нѣтъ недостатка и въ орнаментѣ въ стилѣ рококо (рис. 264 268, 295, 296, 322, 323, 325), и въ томъ изящномъ легкомъ стилѣ, который примѣнялся особенно часто на Севрскихъ чашечкахъ временъ маркизы Помпадуръ (рис. 320, 324). Встрѣчается орнаментъ, составленный изъ симметричныхъ, почти геометрическихъ фигуръ, напоминающихъ мавританскія арабески (рис. 329), и готическій стиль (рис. 327). Иной разъ орнаментъ теряетъ всякую правильность и симметричность и распространяется на всю свободную поверхность въ видѣ сѣточки или мережки изъ неправильныхъ линій (рис. 320). Особымъ типомъ является орнаментъ орденскаго сервиза (рис. 312).

Цвѣточные элементы широко использованы для орнамента; иногда весь орнаментъ исключительно состоитъ изъ болѣе или менѣе стилизированныхъ цвѣтовъ (рис. 303—305).

Во всякомъ случаѣ, въ какомъ бы стилѣ ни былъ разработанъ орнаментъ, онъ отличается обычно достаточною легкостью, хотя не всегда гармонируетъ съ живописью;

но встрѣчаются и такіе случаи, гдѣ орнаментъ не можетъ претендовать ни на легкость, ни на изящество. Можно еще извинить тяжесть орнамента на бортахъ тарелокъ съ военными фигурами, гдѣ орнаментъ, обусловленный идейною связью съ сюжетами на тарелкахъ, составленъ изъ военныхъ же аттрибутовъ и государственныхъ гербовъ, т. е. изъ элементовъ, трудно поддающихся легкому и граціозному изображенію (рис. 242, 289 и друг.). Но яркій и тяжелый орнаментъ на бортахъ тарелокъ съ фигурною живописью (рис. 256, 257, 258, 259), составленный изъ цвѣтовъ и завитковъ, т. е. элементовъ, которые могутъ быть сгруппированы въ легкой композиціи, всецѣло объясняется недостаткомъ художественнаго чутья.

Интереснымъ для тенденцій своего времени, если и не особенно изящнымъ, видомъ орнамента слѣдуетъ считать орнаментъ по композиціямъ Солнцева (рис. 333, 334).

Орнаментъ этотъ слишкомъ ярокъ по краскамъ, не совсѣмъ подходитъ къ фарфору, особенно въ исполненіи муфельными красками, такъ какъ заимствованъ преимущественно изъ мотивовъ древнихъ эмалей. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ орнаментъ оригиналенъ и остается пожалѣть, что онъ не успѣлъ приноровиться къ формамъ и характеру живописи на фарфорѣ.

Стр. 207

Рис. 335. Пластъ, б. м., д. 15 в. (Имп. Зав.).
Plaque, d. 67 cm.

Стр. 259.

Рис. 336. Пластъ, б. м., дл. 8 в. (Имп. Зав.).—Plaque, l. 35 cm.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

ЗАВОДСКАЯ АДМИНИСТРАЦІЯ. ЗАВОДСКІЯ СООРУЖЕНІЯ И УГОДЬЯ. ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЗАВОДА. ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ. БЫТЪ РАБОЧИХЪ.

Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Императора Николая I въ дѣлахъ Императорскаго фарфороваго завода замѣчался застой, обусловленный, главнымъ образомъ, тяжелыми политическими событіями, которыя переживало въ то время государство, отчасти же болѣзнью управляющаго Императорскими заводами Языкова и продолжительнымъ незамѣщеніемъ, послѣ увольненія Озерскаго, должности директора, обязанности котораго два года исполнялъ бухгалтеръ завода Петръ Ивановичъ Егоровъ.[1]

Однако, гр. Перовскій не оставилъ Императорскихъ заводовъ, въ томъ числѣ и фарфороваго, безъ всякаго вниманія, понимая, что съ улучшеніемъ политическихъ обстоятельствъ необходимо будетъ серьезно заняться ими, чтобы дать имъ возможность развиться въ томъ именно направленіи, которое проводилось самимъ же Перовскимъ и выразилось въ штатахъ 1853 г.

Въ виду болѣзненнаго состоянія Языкова, Перовскій озаботился подготовленіемъ человѣка, который могъ бы со временемъ занять мѣсто управляющаго Императорскими заводами и съ умѣньемъ проводилъ бы въ жизнь идеи министра. Выборъ палъ на чиновника особыхъ порученій при Департаментѣ Удѣловъ, графа Юлія Ивановича Стенбока. [2]

Предложеніемъ на имя управляющаго Императорскими заводами, отъ 24 ноября 1854 г., гр. Перовскій сообщилъ, что имъ возложена на гр. Стенбока подробная ревизія Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ. [3] Но задача Стенбока заключалась не столько въ ревизіи заводовъ, сколько въ подробномъ ознакомленіи съ ихъ дѣятельностью. Графу Стенбоку разрѣшено было занять на фарфоровомъ заводѣ директорскую квартиру и предоставлено право не только требовать свѣдѣнія, нужныя по возложенной на него ревизіи, но и дѣлать распоряженія по дѣйствіямъ завода вообще, на правахъ директора завода. [4]

Послѣ кончины Императора Николая Павловича, втеченіе короткаго промежутка времени, произошла полная перемѣна административныхъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ Императорскому фарфоровому заводу.

10 апрѣля 1855 г., директоромъ фарфороваго завода былъ опредѣленъ бывшій профессоръ Института корпуса инженеровъ путей сообщенія Алексѣй Дмитріевичъ Сивковъ. [5]

14 августа того же года, Языковъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы, а вмѣсто него управляющимъ Императорскими фарфоровымъ, стекляннымъ и Выборгскимъ зеркальнымъ заводами, Кіево-Межигорскою фаянсовою фабрикою и Императорскою шпалерною мануфактурою былъ назначенъ гр. Стенбокъ. [6]

Сотрудничество гр. Перовскаго, гр. Стенбока и Сивкова обѣщало быть плодотворнымъ, такъ какъ первый въ лицѣ двухъ послѣднихъ нашелъ дѣятельныхъ помощниковъ, готовыхъ отдать свою энергію порученному имъ дѣлу. Къ тому же, хотя желанный миръ еще не данъ былъ государству, но всѣ уже предчувствовали наступленіе зари новой политической жизни, мирнаго развитія государства, что, конечно, бодрило всѣхъ, побуждало во всякое дѣло вносить новую струю жизни.

Гр. Перовскій опять обратилъ вниманіе на пополненіе художественныхъ силъ завода и пригласилъ мастера живописи фарфоровыми красками Липпольда, работавшаго раньше въ Дрезденѣ и славившагося своею техникой. [7] Стенбокъ и Сивковъ занялись улучшеніемъ технической части производства, приведеніемъ въ исправный видъ успѣвшихъ обветшать заводскихъ зданій и постройкой новыхъ помѣщеній, приведеніемъ въ извѣстность и упорядоченіемъ заводскихъ земель и проч. [8]

Но имъ не пришлось долго работать вмѣстѣ: въ концѣ 1856 г. гр. Перовскій умеръ; гр. Стенбокъ, въ слѣдующемъ году, былъ назначенъ помощникомъ предсѣдателя Департамента Удѣловъ, вслѣдствіе чего предсѣдатель Кабинета Е. И. В. баронъ Мейендорфъ предписалъ, 29 апрѣля 1857 г., Сивкову вступить въ исправленіе лежавшихъ на гр. Стенбокѣ обязанностей по должности управляющаго Императорскими заводами. [9] Вслѣдъ затѣмъ, по представленію, сдѣланному бар. Мейендорфомъ министру Императорскаго Двора гр. Адлербергу, [10] Сивковъ былъ назначенъ, въ іюлѣ 1857 г., управляющимъ Императорскими заводами фарфоровымъ, стекляннымъ и Выборгскимъ зеркальнымъ, шпалерною мануфактурою, Кіево-Межигорскою фаянсовою и Царскосельскою обойною фабриками, Тивдійскими и Рускольскими мраморными ломками и мозаическимъ заведеніемъ. [11]

Такимъ образомъ, не только инціатива, но и заботы о проведеніи въ жизнь различныхъ мѣропріятій по управленію и производству Императорскаго фарфороваго завода (а равно и другихъ Императорскихъ заводовъ и фабрикъ) принадлежали, въ первые годы царствованія Императора Александра II, исключительно Сивкову, такъ какъ съ кончиною гр. Перовскаго прекратилось ближайшее участіе начальниковъ Кабинета Е. И. В. въ управленіи Императорскими заводами и фабриками.

Задачи Сивкова должны были значительно облегчиться, когда, въ 1859 г., онъ, съ сохраненіемъ прежняго званія, былъ назначенъ членомъ Кабинета,[12] войдя такимъ образомъ въ составъ того учрежденія, отъ котораго зависѣло проведеніе въ жизнь существенныхъ мѣропріятій.

Сивковъ былъ человѣкъ дѣятельный, настойчивый, обладалъ солидными свѣдѣніями въ техническихъ вопросахъ; если же въ вопросахъ художественныхъ онъ, быть можетъ, и не былъ большимъ знатокомъ, зато здраво и правильно судилъ о цѣляхъ, какія долженъ преслѣдовать фарфоровый заводъ, и о мѣрахъ, какія могли бы вести къ ихъ осуществленію.

„Цѣль завода — развитіе фарфороваго производства въ Россіи," писалъ Сивковъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ, въ 1864 г.[13] Слова эти у Сивкова были выраженіемъ искренняго убѣжденія. Выводя логически всѣ предлагаемыя имъ мѣры изъ своего основного положенія, мотивируя имъ необходимость тѣхъ или иныхъ мѣръ, онъ, видимо, старался — и не совсѣмъ безуспѣшно — добиться отъ Кабинета Е. И. В. признанія правильности своего основного положенія о цѣли Императорскихъ заводовъ. „Императорскій фарфоровый заводъ, - писалъ онъ въ 1859 г. въ докладѣ Кабинету, — считаемый, по самой цѣли основанія своего, образцовымъ заведеніемъ этого рода производства въ Россіи... заслуживаетъ и достойнаго своего назначенія зданія съ необходимымъ приспособленіемъ въ ономъ и всѣхъ усовершенствованныхъ въ послѣднее время устройствъ въ фарфоровомъ производствѣ." [14]

Стр. 257.

Рис. 337. Императоръ Александръ II, б. м., в. 16 в. (Имп. Зав.)
L'Empereur Alexandre II, h. 71 cm.

Вопросъ о введеніи усовершенствованій Сивковъ ставилъ весьма широко: между прочимъ, онъ доказывалъ необходимость сломки старыхъ заводскихъ зданій и устройства новыхъ, по послѣднему слову техники и по примѣру лучшихъ западно - европейскихъ фарфоровыхъ фабрикъ, напримѣръ, новаго зданія Севрской фабрики.[15] Такое требованіе Сивкова, можетъ быть, въ дѣйствительности, и не вполнѣ оправдывалось состояніемъ старыхъ зданій и условіями и размѣрами производства Императорскаго фарфорового завода, но оно вполнѣ понятно и вполнѣ резонно съ точки зрѣнія Сивкова, видѣвшаго цѣль завода въ развитіи фарфороваго производства въ Россіи. Говоря объ усовершенствованіяхъ въ производствѣ, Сивковъ разумѣлъ не одну лишь техническую, но и художественную сторону. Для ознакомленія же со всѣми усовершенствованіями послѣдняго времени онъ и самъ ѣздилъ за границу,[16] и добивался неоднократно заграничныхъ командировокъ для заводскихъ техниковъ и художниковъ,[17] которымъ вмѣнялось въ обязанность посѣщать и осматривать не только лучшіе фарфоровые заводы Европы, но также извѣстныя картинныя галлереи, музеи, библіотеки и другія учрежденія, посѣщеніе коихъ могло быть полезнымъ для развитія вкуса и артистическихъ способностей художниковъ.[18] Въ то же время Сивковъ заботился и о приглашеніи на Императорскій заводъ различныхъ спеціалистовъ изъ-за границы, которые могли бы дать надлежащія указанія русскимъ мастерамъ.[19] Вмѣстѣ съ тѣмъ, идея націонализаціи производства не совсѣмъ была чужда Сивкову, такъ какъ вытекала логически изъ основного положенія о цѣли завода: развивать фарфоровое производство въ Россіи. По крайней мѣрѣ, онъ мечталъ о

близости того времени, „когда русскія глины вытѣснятъ въ фарфоровомъ производствѣ иностранныя глины.“ [20] Эта идея Сивкова такъ и осталась въ области мечтаній, какъ и многія другія. Но едва ли въ этомъ случаѣ Сивковъ могъ сдѣлать болѣе того, что онъ дѣлалъ: какъ бы то ни было, онъ не былъ самостоятельнымъ начальникомъ Императорскихъ заводовъ и, по положенію своему въ Кабинетѣ, не имѣлъ безусловнаго вліянія; а Кабинетъ, въ свою очередь, если бы даже и усвоилъ вполнѣ точку зрѣнія Сивкова, то, по различнымъ обстоятельствамъ, едва ли могъ въ то время привести въ исполненіе всѣ его предложенія: развитіе производства въ Россіи—цѣль, конечно, достойная Императорскаго фарфороваго завода, но все же, въ нѣкоторомъ смыслѣ, проблематическая и отдаленная, а оскудѣніе государственныхъ ресурсовъ послѣ войны, паденіе курса и прочія неблагопріятныя условія—все это были наличные факты, которые, если не всегда являлись дѣйствительными препятствіями, то, во всякомъ случаѣ, могли служить основаніемъ для откладыванія проектовъ, относительно которыхъ возникали болѣе или менѣе основательныя сомнѣнія.

Стр. 218.
Рис. 338. Гр. Ю. И. Стенбокъ (Имп. Зав.).
C-te J. I. Stenbock.

Но и при всемъ томъ, Сивкову удалось много сдѣлать въ смыслѣ оборудованія фарфороваго завода новыми зданіями и капитальнаго ремонта главнаго зданія, [21] въ смыслѣ урегулированія финансоваго положенія завода и нѣкотораго увеличенія его средствъ. [22] Въ художественномъ отношеніи, если Сивкову не удалось поднять производство завода, то, по крайней мѣрѣ, при немъ оно существенно не понизилось. Однако, время Сивкова, какъ члена Кабинета Е. И. В., частью поглощалось общими кабинетскими дѣлами, и онъ не всегда имѣлъ возможность своевременно входить во всѣ нужды заводскаго производства: отсюда необходимость преданныхъ дѣлу и способныхъ къ самостоятельной иниціативѣ директоровъ отдѣльныхъ заводовъ.

Съ 1870 г. самостоятельность директоровъ Императорскихъ заводовъ должна была еще увеличиться, такъ какъ, съ увольненіемъ Сивкова отъ службы, [23] должность управляющаго Императорскими заводами, по Высочайшему повелѣнію 22 мая 1870 г., была упразднена, а обязанности его были возложены на члена Кабинета Е. И. В., завѣдывавшаго хозяйственнымъ и исполнительнымъ отдѣленіями Кабинета, Каменева, [24] котораго въ 1878 г. замѣнилъ членъ Кабинета Островскій. [25]

Упраздненіе должности управляющаго Императорскими заводами, при наличности отдѣльныхъ для каждаго завода директоровъ, явилось естественнымъ слѣдствіемъ, съ одной стороны, стремленія къ сокращенію расходовъ, съ другой—упраздненія большинства Императорскихъ фабрикъ и заводовъ, такъ что, дѣйствительно, при дѣятельныхъ директорахъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, управляющій Императорскими заводами, обычно состоявшій въ то же время и членомъ Кабинета, являлся простой передаточной инстанціей при сношеніяхъ директоровъ заводовъ съ Кабинетомъ и при распоряженіяхъ Кабинета, касавшихся Императорскихъ заводовъ. Несомнѣнно, однако, что отдѣльная должность управляющаго Императорскими заводами, хотя и соединенная въ одномъ лицѣ съ должностью члена Кабинета, обязывала и формально, и нравственно къ активному участію въ управленіи заводами, къ личному посѣщенію заводовъ и непосредственному знакомству съ условіями ихъ производства. Съ уничтоженіемъ же должности управляющаго заводами, такая нравственная обязанность не столь уже прямо указывалась члену Кабинета, которому формально были переданы функціи управляющаго заводами.

Въ упраздненіи должности управляющаго Императорскими заводами можно еще видѣть косвенное указаніе на рѣшеніе Кабинета Е. И. В. пріостановиться на долгое время

съ какими бы то ни было реформами заводовъ, признать состояніе ихъ установившимся болѣе или менѣе окончательно, предоставивъ директорамъ заводовъ на мѣстѣ слѣдить за неизмѣннымъ ходомъ дѣла, не давать ему ослабѣть и своевременно представлять Кабинету отчеты о состояніи заводовъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимы для поддержанія правильнаго и безостановочнаго хода. При такихъ условіяхъ, естественно, степень энергіи, опытности и заинтересованности директоровъ пріобрѣтала первенствующую важность: опытный и дѣятельный директоръ могъ не только поддерживать производство на установившейся высотѣ, но даже понемножку, шагъ за шагомъ двигать его впередъ, при непремѣнномъ, однако, условіи довѣрія Кабинета къ директору и предоставленія ему извѣстной самостоятельности.

Стр. 218.
Рис. 339. А. Д. Сивковъ (Имп. Зав.).
A. D. Siwkow.

Одновременно съ назначеніемъ Сивкова управляющимъ Императорскими заводами, на должность директора фарфороваго завода барономъ Мейендорфомъ былъ избранъ с. с. Форостовскій, служившій раньше правителемъ дѣлъ совѣта Корпуса горныхъ инженеровъ.[10] Впрочемъ, Форостовскій не былъ утвержденъ въ этой должности: его только причислили къ Кабинету Е. И. В.[11,26] и журнальнымъ опредѣленіемъ Кабинета, отъ 30 іюля 1857 г., поручили ему „исправленіе должности директора Императорскаго фарфороваго завода.“[27]

Павелъ Павловичъ Форостовскій,[28] насколько можно судить по его предшествовавшей поступленію на Императорскій фарфоровый заводъ дѣятельности, былъ человѣкъ способный и энергичный, по отзывамъ же знавшихъ его старыхъ служащихъ завода, отличался мягкостью и гуманностью въ отношеніяхъ къ рабочимъ; однако, вслѣдствіе весьма затруднительнаго матеріальнаго положенія, онъ не могъ спокойно отдаться своему дѣлу, будучи постоянно отвлекаемъ посторонними заботами.[29]

Послѣ увольненія Форостовскаго директоромъ былъ назначенъ[30] кол. асессоръ Владиміръ Андреевичъ фонъ-Ренненкампфъ.[31]

Въ Ренненкампфѣ Сивковъ встрѣтилъ дѣятельнаго помощника, который не ограничивался формальною исполнительностію исправнаго чиновника, но который самъ любилъ свое дѣло, нерѣдко подавалъ управляющему заводами здравыя идеи и настойчиво хлопоталъ о проведеніи своихъ предложеній, которыя, въ большинствѣ, встрѣчали полное сочувствіе и поддержку управляющаго.

Въ сношеніяхъ съ подчиненными, Ренненкампфъ, хотя умѣлъ быть строгимъ, гдѣ надо, но, въ общемъ, отличался большой корректностью, добросердечіемъ и мягкостью, благодаря чему онъ оставилъ добрую память среди служащихъ завода. Мягкость режима при Ренненкампфѣ была вполнѣ въ духѣ шестидесятыхъ годовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, директору пришлось бороться съ тѣми нежелательными послѣдствіями злоупотребленія свободою, которыя вызвали наружу худшіе инстинкты у нѣкоторыхъ изъ рабочихъ и служащихъ, съ разнузданностью которыхъ пришлось считаться и двумъ преемникамъ Ренненкампфа.[32]

Ренненкампфъ былъ уволенъ отъ службы съ 1 марта 1872 г.[33] Одновременно, вмѣсто него, былъ опредѣленъ директоромъ фарфороваго завода Александръ Петровичъ Сумароковъ.[33] Фактически, первый сдалъ свою должность, а послѣдній вступилъ въ исполненіе обязанностей директора 20 марта.[34]

Сумароковъ[35] составлялъ во многихъ отношеніяхъ противоположность Ренненкампфу: человѣкъ военный, привыкшій къ военной дисциплинѣ и служившій раньше среди нерчинскихъ горнозаводскихъ рабочихъ, забайкальскихъ казаковъ и бурятъ, онъ не могъ не придать нѣкотораго специфическаго оттѣнка своему управленію Императорскимъ фарфоровымъ

заводомъ: формализмъ и стремленіе къ строгому порядку во всемъ запечатлѣваютъ его приказы по заводу.[36] Никто изъ чиновниковъ или мастеровъ и мастеровыхъ не долженъ былъ обращаться къ директору съ какими-либо вопросами, просьбами, объясненіями или сопровождать его безъ особаго на то приглашенія; всѣ же просьбы и заявленія должно было обращать не иначе, какъ чрезъ завѣдывающихъ отдѣльными частями.[37] Во всемъ формальность: безъ формальнаго письменнаго заявленія, сдѣланнаго притомъ въ точно установленные часы, даже медицинская помощь не могла быть оказана служащимъ на заводѣ.[38] Замѣчанія, выговоры, штрафы посыпались на служащихъ, при чемъ никто не былъ отъ нихъ гарантированъ—ни младшіе, ни старшіе: не разъ выговорамъ и замѣчаніямъ подвергались и главный мастеръ, и самъ полицеймейстеръ майоръ Ивановъ; и все это въ письменной формѣ — въ приказѣ, объявляемомъ для всеобщаго свѣдѣнія по заводу.[39] Съ мастеровыми обходились еще строже: ихъ за проступки увольняли, не допуская никакихъ объясненій.[40] Неудивительно поэтому, если служащіе на заводѣ стали недолюбливать Сумарокова.

Стр. 221.
Рис. 340. П. П. Форостовскій (Имп. Зав.).
P. P. Forostowsky.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что служащіе были не совсѣмъ правы по отношенію къ Сумарокову: его требованія, хотя и выражаемыя, обычно, въ рѣзкой формѣ, почти всегда были основаны на справедливости, да и нѣкоторая строгость была болѣе чѣмъ умѣстна: старшіе манкировали службой,[41] мастеровые пьянствовали, буйствовали, не являлись по недѣлямъ на работу, приносили водку въ помѣщенія мастерскихъ.[42] Порядокъ, о которомъ заботился Сумароковъ, былъ необходимъ. Но Сумароковъ далеко не ограничивался установленіемъ внѣшняго порядка на заводѣ: онъ стремился къ экономіи,[43] къ упорядоченію заводской отчетности,[44] къ упорядоченію и улучшенію производства.[45] Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сумароковъ и по отношенію къ служащимъ, особенно къ низшимъ, не являлся только строгимъ начальникомъ: онъ близко интересовался бытомъ рабочихъ и, по мѣрѣ силъ, заботился объ улучшеніи ихъ положенія: такъ, напримѣръ, онъ предписывалъ полицеймейстеру строго слѣдить, чтобы, при размѣщеніи мастеровыхъ на казенныхъ квартирахъ, помѣщенія не были переполняемы,[46] принималъ мѣры противъ эксплоатаціи рабочихъ и вовлеченія ихъ въ невыгодныя сдѣлки[47] и пр.

Интереснѣе всего отношеніе Сумарокова къ чисто художественнымъ вопросамъ: онъ обнаруживалъ рѣшительную склонность къ вмѣшательству въ эту часть производства; напримѣръ, строго предписалъ живописцамъ, работавшимъ по указаніямъ художника Липпольда, не отдавать въ огонь ни одной расписанной вещи, не показавъ предварительно ему, Сумарокову, или главному мастеру завода, „а если таковая окажется неудовлетворительною,—заканчивается приказъ Сумарокова,—то исправлять ее непосредственно по указанію моему или главнаго мастера.“[48] Польза такого вмѣшательства можетъ быть оспариваема, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, насколько Сумароковъ обладалъ развитымъ художественнымъ вкусомъ, не говоря уже о спеціальныхъ познаніяхъ въ техникѣ живописи фарфоровыми красками. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что Сумароковъ въ докладахъ Кабинету Е. И. В. неоднократно высказывалъ вполнѣ здравые и плодотворные взгляды на постановку на заводѣ художественной части.[49] Вообще, о Сумароковѣ слѣдуетъ сказать, что какъ энергичный и увлекавшійся своимъ дѣломъ директоръ, онъ могъ бы, при благопріятныхъ условіяхъ, оказать заводу нѣкоторыя услуги, во всякомъ случаѣ способенъ былъ поддерживать порядокъ и не допускать застоя въ дѣлахъ. Но ни по характеру, ни по положенію своему, онъ не былъ въ силахъ справиться съ обстоятельствами, которыя

въ то время далеко не благопріятствовали развитію Императорскаго фарфороваго завода.[50] Въ 1879 г. Сумароковъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на невозможность завѣдывать заводомъ, вслѣдствіе своего совершенно разстроеннаго здоровья и постояннаго страданія ревматизмомъ ногъ.[51] Хотя Сумароковъ, дѣйствительно, болѣлъ и неоднократно ѣздилъ за границу лѣчиться, но въ его частномъ письмѣ, написанномъ уже послѣ отставки управляющему Кабинетомъ Е. И. В. Ребиндеру,[52] встрѣчается указаніе, что уходъ его былъ вызванъ убѣжденіемъ, что при существующихъ обстоятельствахъ, особенно въ виду недовѣрія къ нему со стороны Кабинета, дѣятельность его должна была остаться безплодной, и ему оставалось только уйти.

Стр. 221.
Рис. 341. В. А. фонъ-Ренненкампфъ (Имп. Зав.).
W. A. de Rennenkampff.

Увольненіе Сумарокова послѣдовало 1 іюня 1879 г., исполненіе же обязанностей директора завода Кабинетъ возложилъ, впредь до распоряженія, по административной и хозяйственной частямъ на бухгалтера завода к. ас. И. И. Егорова, а по искусственной и технической на главнаго мастера Шауфельбергера.[53]

Это временное управленіе, составъ котораго былъ тотъ самый, какой неоднократно назначался во время болѣзни или поѣздокъ Сумарокова за границу,[54] просуществовало до конца 1879 г.[55] 31 декабря этого же года директоромъ фарфороваго завода былъ опредѣленъ причисленный къ министерству финансовъ с. с. Гурьевъ.[56]

Дмитрій Николаевичъ Гурьевъ,[57] въ смыслѣ режима, не оправдалъ надеждъ служащихъ на заводѣ, разсчитывавшихъ на болѣе слабое управленіе, чѣмъ было при Сумароковѣ: Гурьевъ оказался такимъ же, если не въ большей мѣрѣ, твердымъ администраторомъ, желавшимъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ отрасли дѣла.[58] Однако, это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельный работникъ, умѣвшій притомъ считаться съ условіями и добиться осуществленія намѣченныхъ предпріятій.

Такимъ образомъ, въ административномъ отношеніи, исторія Императорскаго фарфороваго завода за время царствованія Императора Александра II раздѣляется на двѣ половины: до семидесятыхъ годовъ, когда, при отдѣльномъ директорѣ для фарфороваго завода, существовала должность управляющаго Императорскими заводами, и послѣ семидесятаго года, когда послѣдняя должность была упразднена. Однако, послѣдняя мѣра не была связана съ какими-либо перемѣнами въ положеніи фарфороваго завода въ законодательномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи все время дѣйствовалъ штатъ 1853 г.

Такъ какъ штаты Императорскихъ заводовъ 1853 г. были введены въ видѣ опыта только на три года, поэтому, въ январѣ 1856 г., управляющій заводами долженъ былъ представить проектъ постояннаго положенія о заводахъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями въ штатахъ гр. Перовскаго, необходимость которыхъ доказана была опытомъ. Однако, въ концѣ 1856 г. гр. Стенбокъ, управлявшій тогда Императорскими заводами, рапортовалъ въ Кабинетъ[59] о необходимости продолжить срокъ дѣйствія временныхъ штатовъ и положенія объ Императорскихъ заводахъ еще на одинъ годъ, такъ какъ, съ одной стороны, ни самъ онъ, ни директора заводовъ—все люди недавно опредѣленные на свои должности—не успѣли еще войти въ курсъ дѣла и выяснить недостатки дѣйствующаго положенія, съ другой стороны, еще не были закончены предположенныя при введеніи штатовъ 1853 г. реформы, и, слѣдовательно, штаты не могли обнаружить полнаго своего дѣйствія.

Въ 1857 г. занялись было составленіемъ новаго положенія для Императорскихъ заводовъ,[60] но въ 1859 г. срокъ дѣйствія прежнихъ штатовъ вновь былъ продолженъ,[61]

а затѣмъ вопросъ этотъ до конца царствованія Императора Александра II больше не поднимался. Происходили втеченіе послѣднихъ лѣтъ нѣкоторыя частичныя измѣненія и отступленія отъ основного положенія о заводахъ и штатовъ, но эти отступленія никакого принципіальнаго значенія не имѣли и вызывались либо случайными обстоятельствами, либо общими условіями того времени, условіями, характеризовавшими нѣкоторый несомнѣнный застой въ развитіи Императорскихъ заводовъ.

Стр 221.
Рис. 342. А. П. Сумароковъ (Имп. Зав.).
A. P. Soumarokow.

Относительно оборудованія завода зданіями въ разсматриваемый періодъ, необходимо замѣтить, что всѣ намѣченныя было постройки тѣсно связаны съ предположеніями, высказанными гр. Перовскимъ при введеніи новыхъ штатовъ и измѣненіи системы производства Императорскихъ заводовъ. Но такъ какъ идеи Перовскаго осуществились только отчасти, то и большинство плановъ переустройства заводскихъ зданій осталось въ области предположеній.

Зданіе для паровой машины, флигель для новаго горна и другія постройки, начатыя еще въ 1853 году, были закончены въ 1856 г. и обошлись въ 74.775 руб. Понемногу ремонтировалось въ 1855—1857 г.г. и главное зданіе завода,[62] которое, однако, нуждалось въ капитальномъ ремонтѣ: благодаря плохому фундаменту, стѣны начали давать трещины настолько серьезныя, что пришлось въ живописной палатѣ потолокъ подпереть деревянными столбами. Кромѣ того, и расположеніе помѣщеній въ главномъ корпусѣ было неудовлетворительно, что затрудняло производство и способствовало хроническимъ заболѣваніямъ рабочихъ отъ простуды.

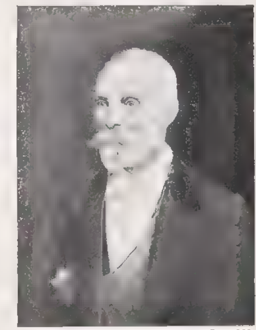
Сивковъ, сдѣлавшись управляющимъ Императорскими заводами, настойчиво представлялъ Кабинету Е. И. В. о необходимости немедленнаго капитальнаго ремонта главнаго зданія, а такъ какъ Сивковъ во взглядахъ на назначеніе Императорскихъ заводовъ усвоилъ идеи гр. Перовскаго, то и вопросъ о ремонтѣ зданій фарфороваго завода ставилъ очень широко: по его мнѣнію, необходимо было перестроить не только главный корпусъ, что, по смѣтѣ, составленной архитекторомъ Ломовымъ, потребовало бы до 95 тысячъ руб., необходимо было перестроить или вновь построить и другія зданія, напримѣръ, зданіе для школы, устроить въ усадьбѣ завода водосточныя трубы, укрѣпить набережную Невы, произвести другія работы, въ общемъ, еще на 75 тыс. руб. Затрачивая, однако, такую значительную сумму, выгоднѣе было бы построить заводъ заново, тѣмъ болѣе, что тогда возможно было бы достигнуть удобства въ расположеніи помѣщеній и, вообще, выстроить всѣ заводскія зданія согласно новѣйшимъ требованіямъ. Въ этомъ случаѣ, расходы, по смѣтѣ того же архитектора Ломова, опредѣлялись, въ зависимости отъ способа производства постройки, отъ 135 до 227 тысячъ руб., въ среднемъ—въ 200 тысячъ руб. Сивковъ полагалъ, что эту сумму Кабинетъ могъ бы ассигновать заводу въ три года.[63]

Однако, такая сравнительно крупная сумма, хотя бы и въ разсрочку, могла обременить бюджетъ Кабинета, къ тому же, въ Кабинетѣ не было уже гр. Перовскаго, а потому являлась мало убѣдительной ссылка Сивкова на высшія задачи Императорскихъ заводовъ. Вопросъ остался безъ рѣшенія, а пока изъ года въ годъ ремонтировали старыя зданія.[64]

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, Сивкову удалось снова поднять вопросъ о перестройкѣ главнаго заводскаго зданія.[65] Съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора, въ 1867 г., была учреждена комиссія, которая занялась этимъ вопросомъ. Директоръ завода Ренненкампфъ представилъ въ комиссію докладъ о недостаткахъ, какіе представляло старое заводское зданіе. Эти недостатки сводились къ неудобству заводскихъ помѣщеній, расположенныхъ несоотвѣтственно естественному ходу производства, антигигіеничности и

неприспособленности нѣкоторыхъ помѣщеній для тѣхъ операцій, которыя въ нихъ производились, наконецъ, въ недостаточности и крайней тѣснотѣ нѣкоторыхъ помѣщеній, при общей растянутости главнаго зданія и разбросанности заводскихъ построекъ.

Комиссія склонялась къ мнѣнію Сивкова объ устройствѣ новаго зданія, но находила нужнымъ предварительно ознакомиться съ вновь устроенными зданіями Севрской, Берлинской королевской и другихъ первоклассныхъ фарфоровыхъ фабрикъ. По всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора, Высочайше повелѣно было командировать за границу для осмотра наиболѣе извѣстныхъ фарфоровыхъ фабрикъ и заводовъ Германіи, Франціи и Англіи директора Ренненкампфа и причисленнаго къ Кабинету Е. И. В. архитектора с. с. Кракау. Сивковъ основательно ознакомился съ западно-европейскими фарфоровыми фабриками еще раньше, но въ этомъ году онъ также былъ за границей и снова осматривалъ здѣсь нѣкоторыя фарфоровыя фабрики немного позднѣе Кракау и Ренненкампфа. Въ результатѣ этихъ поѣздокъ, въ комиссію были представлены многочисленные планы различныхъ заводскихъ зданій лучшихъ фарфоровыхъ фабрикъ Европы, также обстоятельные проекты и смѣты новаго предполагаемаго зданія Императорскаго фарфороваго завода.

Стр. 223
Рис. 313. Д. Н Гурьевъ (Имп. Зав.).
D. N. Gouriew.

Комиссія, постановленіемъ отъ 25 ноября 1872 г., высказалась за постройку совершенно новаго фарфороваго завода въ нѣсколько этажей и на новомъ мѣстѣ (свободное пространство между старымъ главнымъ корпусомъ завода и директорскимъ домомъ, по направленію къ городу). Постановленіе комиссіи не было утверждено за недостаткомъ въ Кабинетѣ денежныхъ средствъ, вѣрнѣе, потому, что въ Кабинетѣ стали уже думать не о томъ, что Императорскій фарфоровый заводъ долженъ служить образцомъ для подобныхъ частныхъ заводовъ въ Россіи, а о возможномъ сокращеніи его производства.

Тѣмъ дѣло о перестройкѣ главнаго или о постройкѣ совершенно новаго зданія завода и кончилось; за исключеніемъ перестройки живописной палаты, въ 1873 году, больше никакихъ передѣлокъ, кромѣ мелкихъ починокъ, не совершалось. [66]

Еще въ 1855 г. произведены были повѣрка и размежеваніе земель Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, составлены новые и отчасти провѣрены старые планы. [67]

Втеченіе царствованія Императора Александра II количество заводскихъ угодій значительно сократилось.

Тотъ участокъ на берегу Невы, гдѣ когда-то стоялъ гончарный заводъ, и который находился съ 1856 г. въ арендѣ фридрихсгамскихъ купцовъ Томаса Рейта и К°, съ переходомъ бумагопрядильной фабрики послѣднихъ къ т-ву Спасской бумагопрядильной мануфактуры, перешелъ, въ 1860 г., также въ аренду товарищества. [68] Въ 1862 г. участокъ совсѣмъ былъ проданъ Спасской мануфактурѣ за 30 тысячъ рублей. [69]

Земли, которыя состояли въ арендѣ нѣмецкихъ колонистовъ Новосаратовской колоніи, были вновь отданы тѣмъ же колонистамъ, которые очень прочно на нихъ усѣлись и успѣли привести ихъ въ культурное состояніе. [70] Въ 1861 г. колонисты выискали еще кусокъ болотистой земли за линіей Николаевской желѣзной дороги, мѣрою около 30 десятинъ, и изъявили согласіе взять и его въ арендное содержаніе. Когда заводскіе служащіе возбудили ходатайство объ оставленіи этого участка попрежнему подъ выгономъ, то въ Кабинетѣ возникъ вопросъ о законныхъ основаніяхъ, на которыхъ вообще заводскіе люди пользовались безплатно выгономъ на заводской землѣ. Хотя свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ конторы завода не нашлось, и лишь старожилы показали, что выгоны въ пользованіи рабо-

чихъ и служащихъ завода состояли испоконъ вѣковъ, Кабинетъ не захотѣлъ сразу лишить рабочихъ ихъ исконной привилегіи, но ограничилъ таковую, разрѣшивъ пользованіе лишь 50 десятинами луга и до истеченія только двѣнадцатилѣтняго срока со дня освобожденія крѣпостныхъ заводскихъ людей отъ обязательнаго труда. На 30 десятинъ, упомянутыхъ выше, сперва назначены были торги; когда же послѣдніе не состоялись, то, по предложенію Ренненкампфа, Кабинетъ предоставилъ землю подъ выгонъ рабочимъ завода вмѣстѣ съ колонистами, потребовавъ только, чтобы земля, по возможности, была осушена и приведена въ культурное состояніе. Ренненкампфъ сталъ собирать съ тѣхъ, кто выгонялъ на заводскіе луга скотъ, маленькую плату, дававшую нѣсколько десятковъ рублей въ годъ, и употреблялъ эту сумму на работы по осушенію участка.[70]

Стр. 259.
Рис. 344. Коронаціонный сервизъ: тарелка, м., д. $5\frac{1}{3}$ в. (Зимній Дворецъ).
Assiette, d. 24,5 cm.

Въ 1877 г. часть заводской земли была отдана въ аренду Главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ подъ вагонный паркъ Николаевской желѣзной дороги.

20 мая 1878 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на отдачу части земли фарфороваго завода, въ количествѣ болѣе 33 десятинъ, въ безсрочную аренду тому же обществу подъ устройство сортировочной станціи Николаевской дороги. 4 мая 1879 г. совершенъ былъ актъ передачи участка, составившагося частью изъ земли, арендованной колонистами, частью изъ заводскаго выгона.[71] Нѣкоторая часть заводскихъ луговъ попрежнему отдавалась подъ пастьбу скота мастеровымъ Александровскаго механическаго завода.[72]

Наиболѣе крупная перемѣна въ составѣ земельныхъ владѣній Императорскаго фарфороваго завода въ разсматриваемый періодъ времени заключалась въ отобраніи отъ него, а также отъ Императорскаго стекляннаго завода лѣсныхъ дачъ. Еще въ 1860 г., по Высочайшему повелѣнію, отъ 24 іюля, лѣсныя дачи обоихъ Императорскихъ заводовъ были переданы въ управленіе Департамента Удѣловъ, а въ 1862 году дачи были совсѣмъ уступлены департаменту.[73]

Впрочемъ, администрація Императорскаго фарфороваго завода, въ концѣ разсматриваемаго періода, совсѣмъ была освобождена отъ управленія какими бы то ни было угодьями, такъ какъ въ 1880 г. всѣ оброчныя статьи завода и сборъ поземельныхъ денегъ (вмѣстѣ съ оброчными статьями стекляннаго завода) отошли въ распоряженіе спеціальнаго чиновника Кабинета Е. И. В., и кругъ дѣйствій заводскаго начальства также въ полицейскомъ и строительномъ отношеніяхъ долженъ былъ ограничиться лишь зданіями завода и принадлежащею къ нимъ землею.[74] Отъ такого порядка, который былъ мало выгоденъ для зводскихъ рабочихъ, заводская администрація выигрывала, такъ какъ онъ избавлялъ ее отъ заботъ, совершенно постороннихъ для заводскаго производства. Въ финансовомъ же отношеніи, всѣ оброчныя статьи въ то время не представляли существенныхъ выгодъ для завода.

Стр. 259
Рис. 345. Коронаціонный сервизъ: компотникъ, м., д. $4\frac{7}{8}$ в. (Зимн. Дв.).
Compotier, d. 22 cm.

Финансовое положеніе Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Александра II опредѣлялось, главнымъ образомъ, штатомъ 1853 г.

Сумма безвозвратныхъ штатныхъ расходовъ все время оставалась неизмѣнной (37 тыс. руб.) и никогда не расходовалась полностью. Оборотная же сумма, авансированная заводу ежемѣсячно, еще въ 1855 г. была увеличена съ 82 тысячъ (штатное положеніе) до 91.475 руб.[75] Безвозвратное пособіе отпускалось заводу изъ общихъ суммъ Кабинета, а деньги на оборотные расходы завода вначалѣ—изъ такъ называемой комнатной суммы Кабинета. Но такая зависимость фарфороваго завода отъ кабинетской кассы могла не совсѣмъ благопріятно отзываться на правильномъ ходѣ производства,[76] во избѣжаніе чего, по всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора, Императоръ Александръ II, 12 августа 1863 г., повелѣлъ: для обезпеченія производства работъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ и для устраненія зависимости его отъ кабинетской кассы, образовать для фарфороваго завода отдѣльный оборотный капиталъ въ 120 тысячъ руб. изъ запаснаго капитала Императорскихъ заводовъ, вырученнаго отъ продажи домовъ упраздненной Императорской шпалерной мануфактуры и участка земли фарфороваго завода (усадьба гончарнаго заведенія).[77]

Стр. 259

Рис. 346. Коронаціонный сервизъ: блюдо, м. ♚., дл. 8 в. (Зимн. Дв.).
Plat, l. 35 cm.

Заводъ имѣлъ также свой запасный капиталъ, правда, очень небольшой (въ 1867 г. онъ не превышалъ 8 тыс. руб.), составившійся въ разное время изъ остатковъ штатной суммы и денегъ, вырученныхъ заводомъ послѣ 1853 г. продажею вещей давнишней выдѣлки, такъ какъ расходы, употребленные на ихъ изготовленіе, были тогда сложены со счета долговъ. Этотъ запасный капиталъ долженъ былъ служить вспомогательнымъ источникомъ для удовлетворенія экстренныхъ нуждъ завода.[75] Затѣмъ, нѣкоторымъ пособіемъ заводу служили традиціонные 4.285 р. 70 к., выдаваемые изъ Главнаго казначейства.[78]

Заводъ, однако, и въ царствованіе Императора Александра II, какъ и раньше, не могъ обойтись безъ заимообразныхъ выдачъ изъ Кабинета, задолженности и затѣмъ сложенія долговъ Кабинету.

Наиболѣе крупныя позаимствованія изъ Кабинета заводъ сдѣлалъ сейчасъ же послѣ 1853 г., главнымъ образомъ, для постройки помѣщенія паровой машины и другихъ зданій. Въ 1857 г. Сивковъ ходатайствовалъ о сложеніи долговъ. Чрезъ два года, 15 іюля 1860 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе: долгъ завода, въ общей суммѣ 86.610 р. $20^3/_4$ к., сложить.[79]

Въ 1858, 1864 и 1871 годахъ снова произведены были займы изъ суммъ Кабинета въ 10.000, 20.000 и 22.869 р.[80] и уже не на постройки, но на текущіе расходы по производству.

Прибѣгать къ такимъ авансамъ вынуждали администрацію завода, между прочимъ, и новыя правила отчетности, введенныя нѣкоторое время спустя послѣ штатовъ 1853 г. На основаніи этихъ правилъ, расходъ по каждой статьѣ относился только на сумму, для того именно предназначенную, въ то время какъ штаты 1853 г. примѣчаніемъ 3-мъ предоставляли, въ случаѣ недостатка по которой-либо статьѣ сдѣланныхъ въ штатѣ предназначеній, пополнять остатками изъ другихъ статей: такимъ образомъ, производившееся до того времени балансированіе въ суммахъ оказалось невозможнымъ, и администраціи завода пришлось просить о разрѣшеніи заимствовать изъ запаснаго капитала, чтобы покрывать

Стр. 254

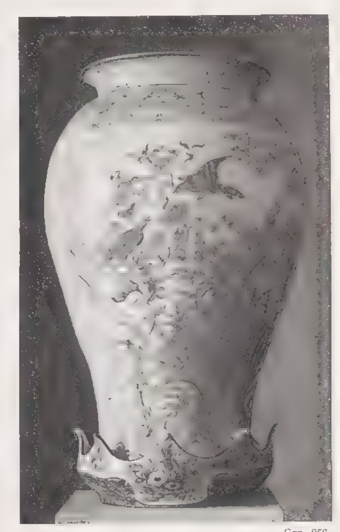
Рис. 347. Корзинка, м. ♔, дл. 8¹⁄₄ в. (Зимн. Дв.).
Corbeille à fruits, l. 37 cm.

суммы, израсходованныя на заготовку матеріаловъ и затѣмъ, выравнявъ по книгамъ свои счета, возмѣщать сдѣланный долгъ послѣдующими сбереженіями въ суммѣ, назначенной на покупку матеріаловъ. [81, 82]

Одною изъ задачъ, поставленныхъ штатами гр. Перовскаго, было соотвѣтствіе между отпускаемой заводу оборотной суммой и размѣрами производства. Втеченіе разсматриваемаго періода, соотвѣтствіе это достигнуто не было.

Указаніемъ на несоотвѣтствіе служатъ, отчасти, долги завода Кабинету. Такъ какъ, однако, въ значительной суммѣ долги эти произошли вслѣдствіе ремонта и новыхъ построекъ и потомъ были сложены съ завода, какъ безвозвратная субсидія, то доказательствъ несоотвѣтствія размѣровъ производства со средствами завода слѣдуетъ искать преимущественно въ сопоставленіи данныхъ о ежегодной выработкѣ и расходѣ вещей.

Членъ Кабинета Островскій, въ 1867 г., представилъ Кабинету такіе разсчеты: [75] „Для выручки 91.475 р., которые ежегодно должны быть возвращаемы въ свой источникъ, заводъ обезпеченъ въ сбытѣ фарфоровыхъ произведеній на ³/₄ этой суммы, именно: въ поднесеніи къ Высочайшему Двору на 59.500 р., на лотерею дѣтскихъ пріютовъ до 875 р., въ Придворную Контору для пополненія дворцовыхъ сервизовъ 10.000 р., всего—70.375 р. Что же касается до остальныхъ 21.000 р., то часть ихъ пополняется продажею заводскихъ вещей въ частныя руки, которая, въ средней сложности трехъ послѣднихъ лѣтъ, доставляетъ въ годъ около 11.000 р. Вторая же половина этой четверти произведеній, сбыть которыхъ не обезпеченъ, или покрывается, частью, бывающими иногда отъ Государя Императора экстренными заказами вещей для подарковъ и сервизовъ въ приданое Великимъ Княжнамъ, или остается въ заводскомъ магазинѣ, въ большей или меньшей степени, смотря по тому, бываютъ ли даны заводу упомянутые выше заказы и въ какихъ размѣрахъ, и въ такомъ случаѣ, израсходованная на изготовленіе не сбытыхъ вещей сумма образуетъ долгъ завода оборотному капиталу. Разъ допущенный, долгъ этотъ уже не имѣетъ шансовъ къ погашенію.“

Стр. 256

Рис. 348. Ваза, б. м., в. 17 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 75,5 cm.

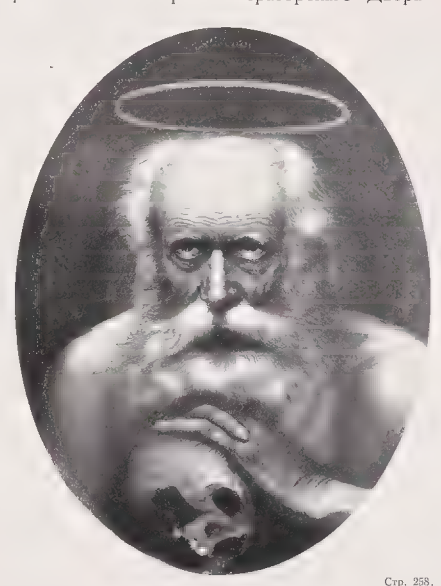
Такимъ образомъ, по официальному признанію, заводъ, обычно и независимо отъ безвозвратной штатной суммы и субсидіи изъ Государственнаго казначейства, имѣлъ ежегодно недохватку въ 10.000 рублей.

Но, вычисленія Островскаго не вполнѣ еще соотвѣтствовали дѣйствительности: онъ преувеличилъ продажу въ частныя руки, которая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не составляла, въ среднемъ, болѣе 10.000 руб., съ каждымъ годомъ падала и свелась къ концу семидесятыхъ годовъ на три-четыре тысячи въ годъ, при чемъ сократилась въ особенности продажа живописныхъ вещей. [83] Замѣтное сокращеніе продажи въ частныя руки повело уже въ 1859 г. къ закрытію

городского магазина.[84] Послѣ 1857 г., кажется, прекращена была и отдача вещей на комиссію послѣднему комиссіонеру завода, московскому купцу Волкову.[85]

Заказы для дворцовъ Великихъ Князей и Княгинь и для различныхъ казенныхъ учрежденій, заказы, которые въ царствованіе Императора Николая I были довольно значительны, въ царствованіе Императора Александра II сильно сократились, а къ концу періода совсѣмъ почти прекратились.[86]

Такимъ образомъ, оставался почти единственный путь, которымъ издѣлія завода выходили изъ заводскихъ складовъ - поднесенія Высочайшему Двору. Заводская администрація думала было широко пользоваться этимъ путемъ и въ 1862 г. довела сумму поднесенныхъ заводскихъ издѣлій до 67 тыс. руб.[87] Но въ томъ же 1862 г. поднесенія ко дню св. Пасхи, за исключеніемъ пасхальныхъ яицъ, были отмѣнены.[88] Затѣмъ, въ 1864 г., Кабинетъ просилъ разрѣшенія министра Императорскаго Двора ограничить количество подносимыхъ вещей суммою въ 60 тысячъ. „Установленіе такой цифры, — по мнѣнію Кабинета — необходимо и потому уже, что оно, прекративъ представленіе вещей заводами на произвольную сумму, сократитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и издержки комнатной суммы Кабинета.“[89]

Стр. 258.

Рис. 349. Пластъ, А. Липпольдъ, в. 13¼ в. (Имп. Зав.).
Plaque, h. 59 cm.

Такимъ образомъ, съ этого времени заводъ могъ разсчитывать на вѣрный сбытъ своихъ издѣлій на сумму не болѣе 60 тысячъ рублей, а съ заказами Придворной Конторы и продажей частнымъ лицамъ (на что, однако, не всегда можно было разсчитывать), ни въ какомъ случаѣ не свыше 73—75 тысячъ рублей. И въ то же время выработка издѣлій втеченіе шестидесятыхъ годовъ простиралась, по оцѣнкѣ заводской администраціи, до 100 тысячъ руб. въ годъ. Остающіяся въ кладовыхъ издѣлія ежегодно на 25—27 тысячъ рублей представляли эквивалентъ 15 18 тыс. руб., израсходованныхъ по оборотной суммѣ (сверхъ 73 – 75 тысячъ рублей), затѣмъ 20 -25 тысячъ рублей безвозвратной выдачи по штату и 4 тысячъ слишкомъ руб. субсидіи изъ Государственнаго казначейства.

Такое положеніе дѣла могло вести къ дальнѣйшей задолженности завода и къ истощенію оборотнаго капитала. Вотъ почему, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, послѣдовало замѣтное сокращеніе производства и, какъ слѣдствіе, сокращеніе числа рабочихъ. Случалось, что заводъ не могъ выполнить къ сроку заказовъ Придворной Конторы и покупалъ у частныхъ фабрикантовъ тарелки и другія сервизныя бѣлыя вещи, которыя потомъ расписывались въ живописныхъ мастерскихъ завода.[90]

Начавшійся давно упадокъ завода, на первое время мало замѣтный, теперь почувствованъ былъ всѣми: и заводской администраціею, и Кабинетомъ Е. И. В., и при Дворѣ. Отказъ отъ мысли перестраивать заводъ заново по образцу лучшихъ западно-европейскихъ находится въ прямой связи съ признаніемъ факта упадка завода.

Основная идея гр. Перовскаго, составлявшая сущность его реформы Императорскихъ заводовъ и предопредѣлявшая служеніе Императорскаго фарфороваго завода развитію отече-

ственной художественной керамики, не осуществилась: Императорскій заводъ не служилъ образцомъ для другихъ фарфоровыхъ заводовъ и не развивалъ художественныхъ вкусовъ: въ публику шли преимущественно бѣлыя вещи всѣхъ трехъ разборовъ, въ томъ числѣ много брака. Естественнымъ слѣдствіемъ полученныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ должно было быть прекращеніе продажи издѣлій Императорскаго фарфороваго завода въ частныя руки.

Стр 258

Рис. 350. Яйцо, б. м., в. $2\frac{1}{2}$ в. (Имп. Зав.).
Oeuf de Pâques, h. 11 cm.

Если Кабинету Е. И. В. трудно было направлять дѣятельность Императорскаго фарфороваго завода, находившагося на глазахъ, то тѣмъ труднѣе было вѣдать дѣла Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики, которая была искусственно связана съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ единствомъ управленія.

Въ 1855 г. фабрику ревизовалъ управляющій Императорскими заводами, [91] въ то же время туда были посланы изъ Петербурга инженеръ - технологи, [92] но въ 1858 году управляющій Императорскими заводами Сивковъ нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ отдать Кіево-Межигорскую фабрику въ арендное содержаніе. [93]

Личный составъ техническихъ служащихъ Императорскаго фарфороваго завода былъ наиболѣе удовлетворительнымъ и даже наиболѣе полнымъ въ первые годы разсматриваемаго періода.

Контръ-метръ Деривьеръ, который состоялъ начальникомъ бѣлой палаты и былъ уволенъ, хотя и съ пенсіею и наградой, но до истеченія срока контракта, [94] по отзыву Сивкова, ничего, кромѣ убытковъ, Императорскому фарфоровому заводу не далъ, такъ какъ при его завѣдываніи горновые убытки увеличились болѣе чѣмъ въ пять разъ. [95]

Съ удаленіемъ Деривьера обязанности начальника бѣлой палаты постепенно сосредоточивались въ рукахъ положеннаго по штату химика, каковымъ состоялъ съ 1855 г. по 1872 г. инженеръ-технологъ Мусатовъ, [96] который временно исполнялъ также обязанности мастера состава массы и обжига бѣлаго фарфора. Послѣ ухода Мусатова, на эту должность былъ опредѣленъ инженеръ-технологъ Серебренниковъ. [97] Сумароковъ вмѣнилъ Серебренникову, въ числѣ другихъ обязанностей, наблюдать за своевременнымъ выполненіемъ заказовъ по бѣлой палатѣ [98] и затѣмъ приказалъ ему принять отъ мастера обжиговъ хозяйственную часть по выдѣлкѣ капселей и завѣдывать выдѣлкою массы. [99]

Послѣ смерти Серебренникова, его замѣнилъ въ 1877 г. инженеръ-технологъ Хованскій, [100] который и занималъ эту должность до конца разсматриваемаго періода.

Подъ конецъ, кругъ обязанностей химика сложился такимъ образомъ, что его надзору подлежали не только техническая часть производства, но, отчасти, и хозяйственная часть, и личный составъ бѣлой палаты.

Изъ того обстоятельства, что всѣ три химика: Мусатовъ, Серебренниковъ и Хованскій были инженеръ-технологи, можно заключить, что администрація Императорскихъ заводовъ въ это время твердо установила уже принципъ, что старшіе техническіе мастера должны быть людьми теоретически образованными, знакомыми съ научными методами технологіи, людьми, которые могли бы производить

Стр 258

Рис. 351. Ваза, Ѳ. Красовскій 1860 г., в. 33[illegible] в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 1,5 m.

самостоятельные научные опыты. Впрочемъ, надо замѣтить, что при выборѣ людей на должность химика отдавали предпочтеніе инженеръ-технологамъ и потому еще, что они же исполняли на заводѣ функціи механиковъ, функціи, сдѣлавшіяся особенно необходимыми съ тѣхъ поръ, какъ на заводѣ стали примѣнять силу пара.

При наличности ученыхъ химиковъ, имѣвшихъ общій надзоръ за выдѣлкою массы и, вообще, всѣхъ операцій по изготовленію бѣлыхъ вещей, администрація завода на должность мастера состава массы и обжига бѣлаго фарфора имѣла обыкновеніе назначать практика. Лучшіе, хотя и не безукоризненные мастера выходили изъ среды исконныхъ заводскихъ рабочихъ; мастера же приглашаемые на Императорскій заводъ со стороны почти всегда оказывались никуда не годными и безполезными для дѣла, и ихъ скоро удаляли.

Первое время мастеромъ состава массы и обжига бѣлаго фарфора состоялъ Николай Ивановичъ Егоровъ,[101] у котораго помощникомъ съ 1858 г. былъ Сергѣй Дудинъ,[102] изъ заводскихъ мастеровъ, а послѣ отставки послѣдняго — Гельстремъ, изъ аптекарскихъ помощниковъ.[103] Послѣ Егорова, уволеннаго въ 1869 году, обязанности мастера состава массы и обжига бѣлаго фарфора исполнялъ Гельстремъ въ качествѣ помощника Мусатова. Въ 1871 г. на должность мастера состава массы былъ приглашенъ отставной мастеръ С. Дудинъ, Гельстремъ уволенъ, помощникомъ же Дудина былъ сдѣланъ Борисовъ, изъ постороннихъ,[104] а послѣ увольненія его въ слѣдующемъ же году мастеръ Семенъ Амельченковъ,[105] изъ заводскихъ людей. Въ 1877 г. обязанности Дудина были раздѣлены: выдѣлка массы, капселей и глазури была поручена мастеру Андрею Иванову, а горны — Дудину,[106] который чрезъ два года былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы,[107] при чемъ мастеромъ состава массы и обжига бѣлаго фарфора былъ приглашенъ по вольному найму Іенсонъ;[108] черезъ полтора года Іенсона „вслѣдствіе оказавшейся безполезности въ его дальнѣйшей службѣ“ уволили.[109]

Стр 258

Рис. 352. Пластъ стеклянный, П. Васильевъ 1861 г., д. $20\frac{3}{4}$ в. (Имп. Зав.).
Vitrail, d. 92 cm.

Администрація завода неоднократно приглашала на заводъ постороннихъ токарей, преимущественно изъ иностранцевъ: очевидно, свои токаря, съ тѣхъ поръ какъ вышли изъ состава мастеровъ бывшіе ученики Давиньона, невполнѣ удовлетворяли предъявляемымъ требованіямъ. Однако, токаря иностранцы долго не держались. Изъ нихъ извѣстны:

Гензенъ,[110] не прослужившій и года, Гильомъ Мато бельгіецъ, работавшій раньше на Берлинской и Миланской фарфоровыхъ фабрикахъ;[111] дольше другихъ служилъ лиможскій токарь Дюбанъ (Maurice Dubant), съ 1858 г. по 1861 г., по особому контракту. Онъ не только самъ точилъ, но и обучалъ русскихъ учениковъ. Однако Мусатовъ нашелъ, что нѣкоторые изъ вольныхъ токарей, напримѣръ, Власъ Михайловъ, работаютъ не только лучше учениковъ Дюбана, но превосходятъ въ искусствѣ его самого. Дюбану отказали.[112]

Изъ русскихъ токарей, кромѣ упомянутаго Власа Михайлова,[113] можно назвать еще Николая Красовскаго[114] и формовщика Алексѣя Маторова.[115] Въ 1872 г. ближайшій надзоръ за токарями былъ порученъ мастеру Андрею Петровичу Иванову.[116]

Лабораторія, находившаяся подъ ближайшимъ надзоромъ химика, въ это время почти не имѣла никакого отношенія къ изготовленію массы: роль ея сводилась главнымъ образомъ и даже почти исключительно къ приготовленію фарфоровыхъ красокъ, или вѣрнѣе — флюсовъ для красокъ, и къ обжиганію живописнаго фарфора.

Стр. 2..
Рис. 353. Ваза, 1861 г., в. 27 в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 1,20 m.

Хотя по штату 1853 г.[117] полагалось три лаборанта, обычно налицо былъ только одинъ, иногда же лаборанта и совсѣмъ не существовало. Лаборанты всегда принимались по вольному найму. Съ 1856 г. по 1858 г. это мѣсто занималъ практикантъ технологъ Фохтъ,[118] послѣ него болѣе или менѣе продолжительное время служили лаборанты Потаповъ[119] и Шиле.[120] Вообще, лаборантъ не составлялъ существеннаго элемента въ личномъ составѣ. Зато при лабораторіи состоялъ всегда, хотя и не былъ упомянутъ въ штатахъ 1853 г., мастеръ состава красокъ и обжига живописнаго фарфора съ двумя подмастерьями. Таковымъ мастеромъ былъ до 1880 г. Семенъ Кондратьевичъ Морозовъ,[121] а послѣ его смерти его помощникъ Исай Степановичъ Семеновъ.[122]

Скульпторъ Шписъ, раньше другихъ поступившій на заводъ, неизмѣнно оставался на своемъ мѣстѣ все время и положилъ рѣзкій отпечатокъ на характеръ скульптурной части Императорскаго фарфороваго завода всего періода времени Императора Александра II. Такъ какъ получаемое Шписомъ по окладу жалованье было незначительно, то большинство его оригинальныхъ моделей было исполнено имъ на дому и уступлено Императорскому заводу за особое вознагражденіе. Эти и другія частныя работы Шписа, отвлекавшія его отъ занятій на заводѣ, а можетъ быть и другія условія, напримѣръ, неудачный подборъ учениковъ, не дали возможности Шпису образовать на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ собственную школу скульпторовъ. Изъ скульпторовъ могутъ быть упомянуты слѣдующіе мастера: Семенъ Амельченковъ,[123] Александръ Бозылевъ,[124] Михаилъ Даладугинъ,[125] Федоръ Даладугинъ,[126] Михаилъ Лукинъ,[127] Алексѣй Сусловъ,[128] Андрей Лапшинъ,[129] Василій Шмаковъ,[130] Николай Юдинъ,[131] Тимоѳей Козловъ.[132]

По живописной палатѣ работали въ первые года царствованія Императора Александра II извѣстные уже по предыдущему періоду художники: Босэ, рисовальщикъ для составленія рисунковъ, Будэ, художникъ живописи цвѣтовъ, фруктовъ и орнаментовъ, и главный мастеръ живописи Гельстремъ.

Будэ, обучивъ нѣсколькихъ данныхъ ему учениковъ и въ числѣ ихъ лучшаго -К. Н. Красовскаго, по окончаніи срока контракта въ 1859 г., уѣхалъ во Францію.[133]

Босэ, весьма добросовѣстно относившійся къ своимъ обязанностямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ смыслѣ художественной силы, являлся наиболѣе выдающимся между служившими на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ иностранцами. Босэ по заслугамъ цѣнили на заводѣ, и престижъ его долженъ былъ особенно подняться съ тѣхъ поръ, когда онъ былъ избранъ, въ 1859 г., почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ. [134]

Въ 1859 г. Босэ ѣздилъ въ заграничную командировку „для изученія новѣйшихъ и лучшихъ пріемовъ преподаванія орнаментнаго искусства." Вмѣстѣ съ нимъ ѣздили два лучшихъ его ученика, А. Васильевъ и П. Корниловъ, для развитія художественнаго вкуса подъ руководствомъ своего учителя. [135] По возвращеніи въ Россію, Босэ съ удвоенною энергіею принялся за работу, обучая учениковъ въ устроенномъ имъ классѣ живописи и давая оригинальныя акварели декоративной фигурной, цвѣточной и орнаментной живописи, проекты сервизовъ, вазъ и проч. Въ 1863 г. съ Босэ былъ заключенъ новый контрактъ еще на пять лѣтъ, до 1 января 1868 г. Босэ обязывался: сочинять и примѣнять украшенія всякаго стиля и всѣхъ родовъ: фигуры, ландшафты, цвѣты и орнаменты; наблюдать за исполненіемъ, въ художественномъ отношеніи, всѣхъ своихъ твореній, продолжать обученіе учениковъ въ устроенномъ имъ классѣ живописи, преподавая рисованіе орнаментовъ, фигуръ, ландшафтовъ, цвѣтовъ. Отъ Босэ требовали шести часовъ обязательныхъ занятій на заводѣ, въ остальное же время ему предоставили заниматься посторонними работами, съ однимъ условіемъ не продавать своихъ проектовъ частнымъ фарфоровымъ заводамъ. Босэ не злоупотреблялъ правомъ приватныхъ работъ, и Императорскому фарфоровому заводу не пришлось пріобрѣтать отъ него рисунковъ и проектовъ за особое вознагражденіе. По контракту 1863 г., кромѣ жалованья въ прежнемъ размѣрѣ, Босэ было обѣщано, по истеченіи условленнаго срока, въ вознагражденіе общей его пятнадцатилѣтней службы на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, назначить ежегодную пенсію въ 600 руб. сер., съ уплатою въ Парижѣ. [136]

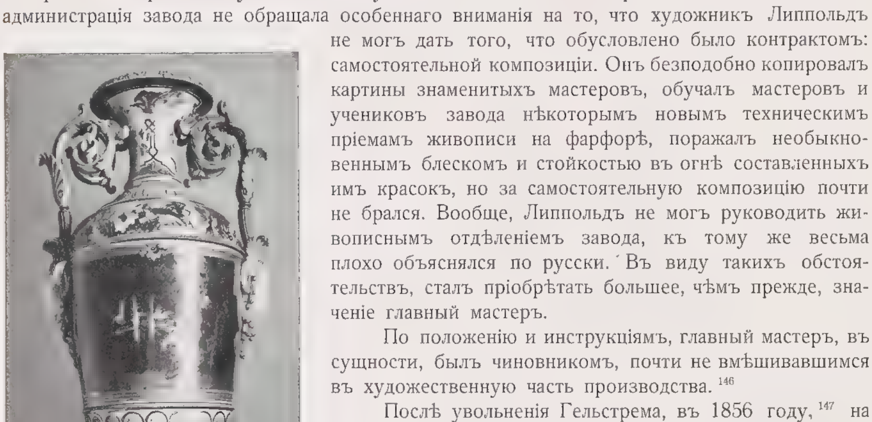
Рис. 354. Ваза для фруктъ, б. м., в. 19 в. (Ораніенб. Дв.). Coupe à fruits, h. 84,5 cm.

Въ 1868 г. Босэ, выслуживъ условленныя въ контрактѣ пятнадцать лѣтъ и получивъ орденъ Станислава 2-й степени, [137] несмотря на усиленныя просьбы директора Ренненкампфа не оставлять завода, уѣхалъ совсѣмъ изъ Россіи и не былъ замѣненъ другимъ художникомъ; даже должность его, положенная по штату 1853 г., была упразднена, сумма же въ 3500 рублей, составлявшая окладъ по этой должности, была назначена на пріобрѣтеніе и заказы различныхъ оригинальныхъ издѣлій и рисунковъ. [138]

Въ 1855 г. для работъ на Императорскомъ заводѣ былъ приглашенъ Карлъ-Августъ Липпольдъ, живописецъ на фарфорѣ, большой знатокъ техники живописи фарфоровыми красками и первоклассный копіистъ. По контракту, подписанному 3 15 ноября 1855 г., Липпольдъ долженъ былъ обучать русскихъ учениковъ живописи на фарфорѣ и обжигу фарфоровыхъ красокъ и наблюдать за хорошимъ исполненіемъ работъ; всѣ же работы, „требующія изящ-

наго выполненія," онъ долженъ былъ исполнять самъ. Кромѣ того Липпольдъ обязывался давать, по возможности, самостоятельные рисунки и проекты и не принимать частныхъ заказовъ. [139] Въ штатѣ 1853 г. нѣтъ должности, вполнѣ соотвѣтствующей положенію Липпольда на заводѣ, содержаніе же ему было назначено по должности орнаментера, 1500 р. съ квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ; въ 1857 г. ему было прибавлено изъ оборотныхъ суммъ завода еще 500 р. въ годъ. [140]

Въ 1859 г. Липпольдъ, по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, еще до окончанія срока контракта, уѣхалъ обратно въ Дрезденъ. [141] Но сношенія Императорскаго фарфороваго завода съ Липпольдомъ не прекратились послѣ его ухода: живя въ Дрезденѣ, онъ скопировалъ для Императорскаго завода картину Рубенса „Два сына." [142] Въ 1861 г. Липпольдъ обратился съ письмомъ [143] къ предсѣдателю Кабинета Е. И. В. бар. Мейендорфу, предлагая снова свои услуги Императорскому заводу. Бар. Мейендорфъ принялъ предложеніе: и новый контрактъ съ Липпольдомъ на 3 года былъ заключенъ Сивковымъ, пріѣзжавшимъ въ Дрезденъ для осмотра Мейссенскаго королевскаго завода. По второму контракту, [144] Липпольду были предложены почти тѣ же условія, какъ и раньше: обучая учениковъ и надсматривая за работами мастеровъ, онъ самъ обязанъ былъ ежегодно нарисовать одну или двѣ картины на пластахъ или на вазахъ (въ сложности, не менѣе одного квадратнаго аршина) и за это получалъ 2700 р. безъ квартиры. Въ 1864 г., по приказанію министра Императорскаго Двора гр. Адлерберга, съ Липпольдомъ былъ заключенъ новый контрактъ на прежнихъ условіяхъ, но уже на 10 лѣтъ. [145] Пока работалъ на заводѣ Босэ, администрація завода не обращала особеннаго вниманія на то, что художникъ Липпольдъ не могъ дать того, что обусловлено было контрактомъ: самостоятельной композиціи. Онъ безподобно копировалъ картины знаменитыхъ мастеровъ, обучалъ мастеровъ и учениковъ завода нѣкоторымъ новымъ техническимъ пріемамъ живописи на фарфорѣ, поражалъ необыкновеннымъ блескомъ и стойкостью въ огнѣ составленныхъ имъ красокъ, но за самостоятельную композицію почти не брался. Вообще, Липпольдъ не могъ руководить живописнымъ отдѣленіемъ завода, къ тому же весьма плохо объяснялся по русски. Въ виду такихъ обстоятельствъ, сталъ пріобрѣтать большее, чѣмъ прежде, значеніе главный мастеръ.

Стр. [illegible] 250
Рис. 355. Ваза, Крюковъ 1864 г., в. 33 [illegible] в. (Ораніенбаумскій Дворецъ).
Vase, h. 1,49 m.

По положенію и инструкціямъ, главный мастеръ, въ сущности, былъ чиновникомъ, почти не вмѣшивавшимся въ художественную часть производства. [146]

Послѣ увольненія Гельстрема, въ 1856 году, [147] на должность главнаго мастера былъ опредѣленъ фонъ-Ренненкампфъ (позднѣе — директоръ завода), но успѣлъ только принять инвентарь и получилъ другое назначеніе, [148] а вмѣсто него главнымъ мастеромъ былъ назначенъ юристъ по образованію П. А. Татариновъ. [149]

Но когда, послѣ трагической смерти Татаринова, [150] въ 1867 г., главнымъ мастеромъ Императорскаго фарфороваго завода былъ назначенъ, въ 1868 г., Л. Л. Шауфельбергеръ, [151] бывшій воспитанникъ Императорской Академіи Художествъ, ему пришлось уже удѣлять вниманіе и художественной части, по той причинѣ, что съ уходомъ Босэ стала очевидной неспособность Липпольда къ самостоятельному руководительству живописной частью, не

говоря уже объ орнаментѣ и формахъ; Шауфельбергеръ же, какъ побывавшій въ Академіи Художествъ, считалъ себя достаточно компетентнымъ въ этихъ вопросахъ. Скоро онъ сталъ вмѣшиваться и въ технику живописи фарфоровыми красками, между тѣмъ, Липпольдъ, послѣ ухода Босэ, хотѣлъ пользоваться его вліяніемъ и быть начальникомъ всей живописной мастерской. На этой почвѣ между Липпольдомъ, съ одной стороны, Ренненкампфомъ и Шауфельбергеромъ—съ другой, ко вреду дѣла, возникли недоразумѣнія. [152]

Стр. 2?8

Рис. 356. Пластъ, Ѳ. Красовскій 1861 г., в. 18½ в. (Имп. Зав.).
Plaque, h. 82 cm.

Эти недоразумѣнія приняли особенно рѣзкій характеръ, когда директоромъ завода былъ назначенъ Сумароковъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла и правильно оцѣнивъ достоинства и Шауфельбергера, и Липпольда, Сумароковъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости удаленія Липпольда изъ завода. Онъ донесъ Кабинету Е. И. В. [2] что „относительно живописныхъ работъ и вообще художественной части заводъ находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и только поддерживается немногими старыми заводскими мастерами...“ Сумароковъ былъ правъ. Кабинетъ не могъ не согласиться съ его доводами и просилъ его сообщить свои соображенія о необходимыхъ мѣрахъ противъ указанныхъ имъ явленій. [153] Сумароковъ совершенно основательно предложилъ [154] заблаговременно, въ виду скораго окончанія контракта съ Липпольдомъ, озаботиться подысканіемъ художника, способнаго руководить художественною частью.

Однако, ни Сумароковъ, высказавшій правильную мысль о необходимости для завода опытнаго художника, [155] ни Кабинетъ Е. И. В., согласившійся съ этою мыслью, [156] не принимали настойчивыхъ мѣръ къ подысканію художника. [157] Впрочемъ, для Сумарокова, при отсутствіи самостоятельности, поиски были бы очень трудны. [158] Вотъ, отчасти, причина, почему онъ остановился на полумѣрахъ: [159] онъ предложилъ Кабинету [160] обязанности Липпольда распредѣлить между мастерами живописи Александромъ Мироновымъ (фигурная живопись) и Константиномъ Красовскимъ (цвѣточная живопись), подъ надзоромъ Шауфельбергера; прибавить обоимъ мастерамъ къ ихъ жалованью по 600 руб. каждому; изъ остающейся отъ жалованья Липпольда полуторы тысячи одну половину отдать Шауфельбергеру за самостоятельную компоновку, подъ наблюденіемъ директора, другую же половину причислить къ капиталу, освободившемуся за упраздненіемъ должности Босэ и предназначенному для пріобрѣтенія оригинальныхъ рисунковъ отъ лучшихъ русскихъ художниковъ. При этомъ Сумароковъ аттестовалъ Шауфельбергера человѣкомъ, „доказавшимъ свои способности къ самостоятельнымъ композиціямъ.“ Казалось, вопросъ будетъ улаженъ: Липпольдъ просилъ о пенсіи, хотя таковая не была обусловлена контрактомъ; Сумароковъ

30*

поддержалъ ходатайство Липпольда, [161] и Кабинетъ уважилъ его, назначивъ Липпольду въ пенсію по 600 руб. въ годъ. [162] Срокъ контракта истекъ, Липпольдъ прекратилъ хожденіе на заводъ. Но вотъ Сумароковъ неожиданно получаетъ предписаніе Кабинета, [163] увѣдомлявшее, что министръ Императорскаго Двора отвергнулъ его предложеніе о раздѣленіи должности Липпольда между Мироновымъ, Красовскимъ и Шауфельбергеромъ и приказалъ пріискать другого художника, а до тѣхъ поръ предложить Липпольду оставаться на прежнемъ основаніи безъ контракта и платить ему жалованье независимо отъ пенсіи. „Гдѣ искать художника?“ — спрашивалъ Сумароковъ въ раздраженіи. [164] Кабинетъ увѣдомилъ, [165] что художникъ пріискивается во Франціи, Пруссіи, Саксоніи, Австріи и Баваріи чрезъ агентовъ Министерства Финансовъ; совѣтовали вмѣстѣ съ тѣмъ и Сумарокову поискать. Поиски не увѣнчались успѣхомъ. [166]

Рис. 357. Цвѣточница, трубачъ, садовникъ, б. м., в. 3½, 3⅝, 3½ в. (колл. Н. А. Лукутина). Figurines, h. 15,5, 16, 15,5 cm.

Оставленіе Липпольда вопреки желаніямъ директора не могло не отразиться вредно на заводскихъ порядкахъ и дѣятельности и можетъ быть объяснено исключительно посторонними вліяніями, такъ какъ безполезность для завода дальнѣйшей службы Липпольда хорошо сознавали въ Кабинетѣ: ни Государь, ни Государыня не интересовались больше копіями съ эрмитажныхъ картинъ, [167] что составляло спеціальность Липпольда.

Липпольдъ еще четырнадцать лѣтъ служилъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, но уже картинъ не копировалъ, а только наблюдалъ за расписываніемъ такъ называемыхъ военныхъ тарелокъ.

Между живописцами Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Александра II можно различать три послѣдовательныхъ формаціи:

1. Живописцы, которые и по своей художественной подготовкѣ, и по лучшей порѣ своей дѣятельности принадлежали прошлому царствованію, таковы: Михайло Васильевичъ Крюковъ (фигуристъ), [168] Александръ Ивановичъ Тычагинъ (фигуристъ), [169] Василій Михайловичъ Дудинъ (японскій жанръ) [170] и лучшій между ними Александръ Петровичъ Нестеровъ. [171]

2. Живописцы, развитіе которыхъ завершилось въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, отчасти подъ вліяніемъ прежней школы, отчасти, въ смыслѣ живописной техники, подъ руководствомъ Липпольда, но, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ французскихъ художниковъ Будэ и Босэ. Лучшіе изъ нихъ: свободные художники, спеціалисты по живописи цвѣтовъ Федоръ Ивановичъ [172] и Константинъ Николаевичъ Красовскіе [173] и историческіе живописцы Василій Николаевичъ Корниловъ и Александръ Васильевъ, двое изъ лучшихъ учениковъ Босэ. [174] Корниловъ рано умеръ, а Васильевъ [175] нѣкоторое время былъ учителемъ рисованія и наблюдателемъ заводскаго техническаго училища; затѣмъ выдѣляются еще: мастеръ живописи, свободный художникъ Александръ Федоровичъ Мироновъ, [176] Андрей Кирсановъ, [177] рисовавшій преимущественно амуровъ и женское тѣло, Тимоѳей Кузьмичъ Семеновъ [178] — пейзажистъ, Тимоѳей Васильевичъ Спиридоновъ [179] — мастеръ живописи цвѣтовъ, фигуристы Василій Николаевичъ Мидинъ [180] и Иванъ Холшевниковъ. [181]

Рис. 358. Пѣвица, трубачъ, птичница, м. [марка], в. 3½, 3⅝, 3¼ в. (колл. Н. А. Лукутина) Figurines, h. 15,5, 16, 14,5 cm.

3. Третья формація живописцевъ — семидесятники: это тѣ живописцы, которые учились рисова-

Рис. 359. Урокъ, охотникъ съ дочкой, прощаніе, мать съ сыномъ, наставленіе, Шписъ 1864—66 г., в. $4\frac{1}{2}$, $7\frac{1}{2}$, 7, $7\frac{3}{4}$, $4\frac{1}{2}$ в. (колл. Н. А. Лукутина)
Figurines, h. 20, 33, 31, 34, 20 cm.

нію въ заводскихъ начальномъ и техническомъ училищахъ, а живописи на фарфорѣ преимущественно у Липпольда, которые мало или вовсе не пользовались совѣтами Будэ и Босэ и художественное свое развитіе завершили преимущественно „подъ рукой" у старшихъ живописцевъ-мастеровъ: Красовскихъ, Миронова и др. Мастеровъ и подмастерьевъ этой формаціи было много, ибо послѣ 1858 г. ежегодно совершалось производство въ мастера и подмастерьи, такъ что до начала восьмидесятыхъ годовъ набралось тѣхъ и другихъ больше полусотни. Изъ нихъ заслуживаютъ упоминанія: мастеръ по фигурной живописи и пейзажамъ Николай Красовскій,[182] мастера живописи цвѣтовъ: Федоръ Лапшинъ,[183] Александръ Мидинъ,[184] Александръ Морозовъ,[185] Гавріилъ Пищулинъ[186] и мастеръ по исторической живописи Федоръ Тарачковъ.[187]

Кромѣ перечисленныхъ мастеровъ живописи, слѣдуетъ еще упомянуть нѣсколькихъ мастеровъ спеціально орнаментной живописи, таковы изъ старшихъ: Федоръ Васильевичъ Спиридоновъ,[188] Иванъ Александровичъ Козыревъ,[189] Василій Дмитріевичъ Тарачковъ,[190] Александръ Васильевичъ Телятниковъ[191] и Николай Даладугинъ;[192] изъ болѣе молодыхъ Николай Пищулинъ.[193]

Втеченіе разсматриваемаго періода весь личный составъ Императорскаго фарфороваго завода по штату безвозвратныхъ расходовъ почти приближался къ нормамъ, опредѣленнымъ штатами, на содержаніе его требовалось въ началѣ періода до 21 тысячи руб. (безъ канцелярскихъ расходовъ, отопленія зданій, ремонта зданій и пр.), а въ концѣ періода около 18 тысячъ руб.[194]

Личный составъ по штату оборотныхъ расходовъ никогда не достигалъ назначенной штатами нормы 206 человѣкъ. Въ 1858 г. было мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ 165 человѣкъ, которымъ было выдано задѣльной платы 88.176 р. 51 к. Въ шестидесятыхъ годахъ послѣдовало нѣкоторое увеличеніе личнаго состава, но въ семидесятыхъ годахъ возвратились къ прежней нормѣ: въ февралѣ 1881 г. снова было лишь 166 человѣкъ техническихъ рабочихъ,[195] число же всѣхъ служащихъ въ разсматриваемый періодъ времени простиралось до 210 человѣкъ.[196]

Наиболѣе крупная перемѣна въ положеніи рабочихъ Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Александра II—освобожденіе ихъ отъ обязательнаго труда.[197]

Хотя по своему положенію приписанные къ Императорскимъ заводамъ люди и не могли быть сравниваемы ни съ какой категоріей частно-владѣльческихъ или казенныхъ крестьянъ, но все-таки, принадлежа со своимъ потомствомъ Императорскимъ заводамъ, обязанные служить на заводахъ, пока дозволятъ силы,—они, въ сущности, были тѣ же

крѣпостные, хотя и избавленные отъ многихъ тяготъ крѣпостной зависимости, и потому, конечно, такое положеніе ихъ не могло соотвѣтствовать видамъ правительства, которое заканчивало уже подготовительныя работы къ общей отмѣнѣ крѣпостного права.

Стр. 257.

Рис. 360. Дѣвушка съ фруктами, б. м., в. 10½ в. (Имп. Зав.). Jeune fille, h. 46,5 cm.

Естественно, что Кабинетъ Е. И. В. рѣшилъ, не ожидая общаго закона, освободить мастеровыхъ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ и состоящаго при послѣднемъ мозаичнаго заведенія отъ обязательной службы. Единственное соображеніе, которое могло бы вызвать нѣкоторое колебаніе Кабинета, заключалось въ вопросѣ: не станетъ ли матеріальное положеніе заводовъ затруднительнымъ при уничтоженіи обязательнаго труда крѣпостныхъ людей?

При указанныхъ двухъ заводахъ числилось въ началѣ 1860 г. 750 ревизскихъ душъ, изъ коихъ собственно рабочихъ 475 человѣкъ—почти поровну при каждомъ заводѣ. Общее содержаніе мастеровыхъ, считая задѣльную плату, жалованье, пенсіи, пособіе, содержаніе и леченіе больныхъ и пр., стоило на двухъ заводахъ до 130 тысячъ рублей въ годъ, въ среднемъ почти 300 рублей на мастерового, т. е. сумму, превышавшую среднюю заработную плату мастеровыхъ на частныхъ заводахъ. Кабинетъ пришелъ къ заключенію, что освобожденіе мастеровыхъ Императорскихъ заводовъ отъ обязательнаго труда и замѣна ихъ вольнонаемными рабочими, соотвѣтствуя общимъ видамъ правительства, не только не представитъ затрудненія въ хозяйственномъ отношеніи, но можетъ доставить Кабинету еще нѣкоторыя сбереженія въ расходахъ по заводскому производству. Составленное въ Кабинетѣ предположеніе объ увольненіи отъ обязательнаго труда мастеровыхъ, приписанныхъ къ Императорскимъ заводамъ, разсматривалось въ комитетѣ, Высочайше учрежденномъ для устройства положенія крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ, дворцовыхъ и заводскихъ. 19 января 1860 г. былъ Высочайше утвержденъ всеподданнѣйшій докладъ комитета, а вмѣстѣ съ симъ и „Положеніе о рабочихъ людяхъ при Императорскихъ фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ,“ составленное въ 37 параграфахъ и выработанное на основахъ, выраженныхъ въ докладѣ комитета.

Основы же эти были таковы:

1. Всѣ обязанные мастеровые и рабочіе люди обоихъ Императорскихъ заводовъ освобождались отъ всякой зависимости отъ заводовъ, съ правомъ приписаться втеченіе года въ свободныя податныя состоянія. Втеченіе 12 лѣтъ со дня освобожденія, они освобождались также отъ всякихъ казенныхъ податей и отъ рекрутской повинности. Тѣмъ, которые и послѣ истеченія указаннаго льготнаго срока, продолжали бы службу на Императорскихъ заводахъ, было предоставлено право отбывать рекрутскую повинность денежнымъ взносомъ (по ст. 9 т. IV. Св. Зак. Гражд., т. е. уплачивая 300 р. вмѣсто рекрута).

2. При освобожденіи бывшіе заводскіе люди вознаграждены были за прежній ихъ трудъ пожизненными пенсіями (прослужившіе не менѣе 15 лѣтъ) и единовременными пособіями (прослужившіе отъ 5 до 15 лѣтъ).

Стр. 257.

Рис. 361. Панъ, А. Шписъ 1873 г., в. 10½ в. (Имп. Зав.). Pan, h. 46,5 cm

Вольнонаемныхъ людей, трудомъ которыхъ впредь должны были пользоваться Императорскіе заводы, положено раздѣлить на три главныхъ разряда: 1) художниковъ, 2) техническихъ рабочихъ, т. е. мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ, и 3) чернорабочихъ: поденщиковъ, сторожей и пр.

На ходъ самого заводского производства, на распорядокъ работъ и на штаты освобожденіе заводскихъ людей отъ крѣпостной зависимости вначалѣ не имѣло никакого почти вліянія: все осталось такъ, какъ было установлено прежними положеніями и штатами.

Точно также и способъ вознагражденія труда рабочихъ оставленъ былъ прежній: задѣлъ преимущественно и только въ видѣ исключенія жалованье. [198] Рабочихъ, по образцу частныхъ фабрикъ, предполагали снабдить разсчетными книжками. Прежнее право на награды медалями было оставлено за рабочими, а художники могли, кромѣ того, получать званіе личнаго почетнаго гражданина.

Стр. 257

Рис. 362. Сатиръ, вакханка, б. м., в. 7½ в. (Имп. Зав.).
Satyr, bacchante, h. 33 cm.

Количество труда положеніемъ не опредѣлялось, но оно, конечно, было оставлено прежнее. На Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ рабочій день былъ ограниченъ десятью часами, исключая субботъ, когда работы продолжались пять часовъ. [199]

Свободный трудъ, разумѣется, подвергалъ рабочихъ и извѣстнымъ неблагопріятнымъ условіямъ, связаннымъ съ характеромъ такого труда: необезпеченности положенія, особенно возможности потери матеріальной поддержки, въ случаѣ потери трудоспособности. Желая, по возможности, обезпечить рабочихъ и при новомъ ихъ положеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляя такое обезпеченіе, привлечь на заводы и удержать лучшихъ людей. Кабинетъ Е. И. В., на основаніи того же положенія, учредилъ „для призрѣнія больныхъ и престарѣлыхъ рабочихъ“ при обоихъ Императорскихъ заводахъ вспомогательныя кассы, въ основаніе которыхъ былъ положенъ единовременно пожертвованный Кабинетомъ Е. И. В. капиталъ въ 100.000 р., который долженъ былъ пополняться вычетомъ процентовъ (не болѣе 3) изъ жалованья и задѣльной платы рабочихъ и ежегодными взносами изъ заводскихъ прибылей суммы, равняющейся итогу всѣхъ вычетовъ, сдѣланныхъ съ рабочихъ втеченіе года.

Эти кассы отличались своеобразными достоинствами и недостатками. Участвовать въ нихъ могли только рабочіе второго разряда, т. е. мастера, подмастерья и мастеровые, „такъ какъ художники—по объясненію положенія имѣютъ достаточное обезпеченіе въ самомъ вознагражденіи за свой трудъ, а чернорабочіе... часто измѣняются въ своемъ составѣ.“ Устраненіе отъ участія въ кассахъ художниковъ нѣсколько демократизировало характеръ кассъ, но было далеко не справедливо по отношенію къ художникамъ, разъ такіе художники имѣли постоянную службу на заводѣ. Не вполнѣ можно оправдать и устраненіе отъ участія въ кассѣ чернорабочихъ, потому что не всѣ изъ нихъ (напримѣръ, сторожа) представляютъ слишкомъ подвижной и непостоянный элементъ.

Повидимому, большія симпатіи кассамъ долженъ былъ привлечь способъ управленія ими: онѣ находились въ вѣдѣніи мѣстныхъ заводскихъ начальствъ, но всѣ расходы, назначеніе пенсій и пр. производились не иначе, какъ съ согласія выборныхъ, избранныхъ, въ числѣ трехъ человѣкъ, большинствомъ голосовъ всѣхъ участниковъ кассы. Эти выборные назначались на три года, съ обязательнымъ выходомъ изъ состава ежегодно одного по очереди. Выборные распорядители кассы опять демократическая черта, но она могла легко парализоваться при давленіи на выборныхъ, которые чувствовали бы себя тверже, если бы среди нихъ были и художники, люди болѣе независимые, чѣмъ простые мастера.

Выдачи изъ вспомогательной кассы могли быть постоянныя—въ видѣ пенсій самимъ рабочимъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, и единовременныя—въ видѣ пособій въ случаяхъ болѣзни, увольненія до выслуги пенсіи и въ нѣкоторыхъ другихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Пенсіи могли быть назначены тогда только, когда рабочій, прослуживъ на заводѣ не менѣе

10 лѣтъ, не могъ по старости, болѣзни или увѣчью „продолжать заводской работы или снискивать пропитаніе другой работою.“ Величина пенсіи обусловливалась семейнымъ положеніемъ, временемъ службы, жалованьемъ и задѣльною платою, которыя получалъ рабочій въ послѣдніе три года. Сироты пользовались пенсіями; мальчики до поступленія въ заводскія школы (на казенное содержаніе), дѣвочки до 16 лѣтъ. Круглымъ сиротамъ полагались пенсіи, хотя бы ихъ родители не прослужили положенныхъ 10 лѣтъ.

Стр. 258.

Рис. 363. Ваза, А. Кирсановъ 1866 г., в. 28½ в. (Имп. Зав.). Vase, h. 1,265 m.

Проектъ трехпроцентныхъ вспомогательныхъ кассъ при Императорскихъ заводахъ, составленный на основаніи положенія, былъ утвержденъ министромъ Императорскаго Двора только 9 августа 1868 года,[200] а именнымъ указомъ отъ 9 октября того же года на участниковъ этихъ кассъ, не выслужившихъ десятилѣтняго срока, но лишившихся возможности продолжать заводскія работы отъ увѣчья, были распространены правила положенія 8 марта 1861 г. о населеніи казенныхъ горныхъ заводовъ, т. е. такимъ увѣчнымъ или ихъ семьямъ назначались пенсіи изъ суммъ Кабинета Е. И. В., въ размѣрѣ, опредѣленномъ положеніемъ о вспомогательныхъ кассахъ для людей, выслужившихъ десятилѣтній срокъ.[201]

Общій недостатокъ вспомогательныхъ кассъ, съ точки зрѣнія кассовыхъ принциповъ,—ненаучность ихъ основаній. Но въ то время этого и трудно было еще требовать въ Россіи, гдѣ кассы, основанныя на точныхъ страховыхъ началахъ, стали появляться позднѣе. Вообще же кассы могли, повидимому, разсчитывать на сочувствіе рабочихъ.

И вотъ, неожиданно и для заводскаго начальства, и для Кабинета, на фарфоровомъ заводѣ касса встрѣтила почти единодушное противодѣйствіе со стороны рабочихъ. Изъявили желаніе принять участіе въ кассѣ только 12 человѣкъ, да и тѣ потомъ отнеслись къ ней отрицательно.

Видимая причина заключалась въ томъ, что рабочіе разошлись съ Кабинетомъ Е. И. В. во взглядахъ на значеніе вспомогательной кассы: Кабинетъ смотрѣлъ на каждаго участника кассы, какъ на работника вообще, какъ на рабочую силу, а рабочіе смотрѣли на того же участника какъ на работника-спеціалиста. Съ этой-то точки зрѣнія рабочіе фарфороваго завода требовали измѣненія § 7 устава кассы, желая, чтобы право на пенсію имѣлъ рабочій, потерявшій способность снискивать пропитаніе не какимъ-либо „другимъ трудомъ,“ какъ гласилъ параграфъ, а „своимъ спеціальнымъ“ трудомъ. Кабинетъ не согласился на такое измѣненіе параграфа,[202] не будучи въ состояніи усвоить принципа, который и теперь еще встрѣчаетъ противодѣйствіе работодателей въ ущербъ рабочимъ.

Такимъ образомъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ мысль объ учрежденіи кассы не была осуществлена.

Однако, такъ какъ указанное несоотвѣтствіе принциповъ, выставленныхъ съ одной стороны рабочими, съ другой Кабинетомъ, не помѣшало принять участіе во вспомогательной кассѣ находившимся въ такихъ же условіяхъ рабочимъ Императорскаго стекляннаго завода, то приходится допустить наличность постороннихъ вліяній на рабочихъ фарфороваго завода, вліяній, возможность которыхъ была обусловлена глубокимъ недовѣріемъ рабочихъ и безсиліемъ директора вліять на направленіе ихъ умовъ. Въ 1873 г. Кабинетомъ была возобновлена попытка привлечь рабочихъ фарфороваго завода къ участію въ кассѣ, но попытка эта была не вполнѣ удачна.[203]

Между тѣмъ, среди рабочихъ Императорскаго фарфороваго завода въ то же время существовало сознаніе полезности взаимопомощи вообще и кассъ въ частности, что и выразилось въ учрежденіи собственной трехпроцентной вспомогательной, правильнѣе, ссудо-вспомогательной кассы. Касса эта не имѣла легальнаго основанія, но директоръ Рен-

Табл. IX.

А. Шписъ: 1. Психея, б. м., в. 11 в.; 2. Подруги, б. м., в. 9½ в.; 3. Амуръ, б. м., в. 11 в. (Имп. Зав.).

A. Spiess. 1. Psyché, h. 49 cm.; 2. Amies, h. 42,5 cm.; 3. Amour, h. 49 cm.

[illegible] ченным [illegible] дово платою, ко- [illegible] рогы пользовались [illegible] школы (на казенных [illegible] [illegible] вложенныхъ [illegible] десятилѣтній [illegible] окъ вспомогательных [illegible] принциповъ, ненаучность ихъ [illegible] было еще требовать въ Ро[illegible] на точныхъ страховыхъ началахъ, стали [illegible] повидимому, разсчитыва[illegible]

И вотъ, неожиданно и для заводскаго начальства и для [illegible] заводѣ касса встрѣтила почти единодушное противодѣйстві[illegible] желаніе принять участіе въ кассѣ только 12 человѣкъ, да и тѣ [illegible] отрицательно[illegible]

[illegible] причина заключалась въ томъ, что рабочіе разош[illegible] В. во взглядахъ на значеніе вспомогательной кассы: Ка[illegible]

[illegible] на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ мысль объ [illegible]

Однако, такъ какъ указанное несоотвѣтствіе принциповъ, выставленных[illegible] стороны рабочими, съ другой Кабинетомъ, не помѣшало принять участіе в[illegible] ной кассѣ находившимся въ такихъ же условіяхъ рабочимъ Императорс[illegible] завода, то приходится допустить наличность постороннихъ вліяній на р[illegible] ваго завода, [illegible] возможность которыхъ была обусловлена [illegible] рабочихъ и безсиліемъ директора вліять на направленіе ихъ ум[illegible] была возобновлена попытка привлечь рабочихъ фарфоров[illegible] но попытка эта была не вполнѣ удачна [illegible]

Между тѣмъ, среди рабочихъ Императорскаго фарфо[illegible] существовало сознаніе полезности взаимопомощи вооб[illegible] разилось въ учрежденіи собственной трехпроцент[illegible] ссудо-вспомогательной кассы. Касса эта не им[illegible]

ASTOR,

ненкампфъ не только допускалъ ее, но даже покровительствовалъ ей и приказами по заводу утверждалъ избираемыхъ старшинъ и депутатовъ.[204] Сумароковъ, по формальнымъ соображеніямъ, закрылъ эту кассу, въ 1872 г., „впредь до утвержденія ея законнымъ порядкомъ.“[205] Дѣйствительно, по его ходатайству министръ Императорскаго Двора утвердилъ 13 августа 1873 г. „Правила ссудо-сберегательной кассы техническихъ работниковъ Императорскаго фарфороваго завода.“[206]

Функціонировала среди служащихъ Императорскаго фарфороваго завода еще одна касса –похоронная, насчитывавшая одно время довольно значительное число членовъ. Касса эта существовала еще въ 1904 г., но при незначительномъ числѣ участниковъ.[207]

При освобожденіи рабочихъ Императорскихъ заводовъ отъ обязательнаго труда, Кабинету Е. И. В. предстояло разрѣшить два вопроса относительно льготъ, какія были предоставляемы прежнимъ крѣпостнымъ заводскимъ людямъ, именно: вопросъ о селеніи фарфороваго завода и вопросъ о безплатномъ обученіи дѣтей рабочихъ.

По обоимъ вопросамъ въ положеніи даны были удовлетворительныя рѣшенія, сохранявшія, по возможности, интересы обѣихъ сторонъ.

Въ селеніи фарфороваго завода, ко времени освобожденія отъ обязательной работы, состояло 102 усадьбы, изъ которыхъ 88 принадлежало заводскимъ людямъ; изъ остальныхъ 14 домовъ—4 принадлежали фарфоровской церкви, 7—отставнымъ заводскимъ мастерамъ, или ихъ семьямъ, и только 3 дома частнымъ лицамъ.[208] Такимъ образомъ заводское селеніе сохранило характеръ, оправдывавшій извѣстнаго рода жертвы, которыя несъ Кабинетъ, не только предоставляя рабочимъ земельные участки, но и давая имъ ссуды на постройку домовъ. При новомъ положеніи рабочихъ можно было ожидать, что со временемъ многіе изъ нихъ оставятъ службу на заводѣ, и селеніе превратится въ поселокъ частныхъ лицъ, ничего общаго съ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ не имѣющихъ.

Положеніе не только сохранило за владѣльцами въ потомственную собственность дома и усадьбы, съ правомъ передачи другимъ лицамъ, независимо отъ того, останутся владѣльцы ихъ при заводской работѣ или обратятся къ другому роду жизни, но оно разрѣшило техническимъ служащимъ двухъ первыхъ разрядовъ и впредь строить дома на заводской землѣ, на тѣхъ же основаніяхъ и со взносомъ установленной платы. Но, соблюдая интересы завода, положеніе сохранило за заводскимъ начальствомъ право обратнаго, въ случаѣ надобности, отчужденія участковъ, съ вознагражденіемъ только домовладѣльцевъ за снесенные дома. Ссуды на постройку домовъ положеніемъ не были предусмотрѣны, нарѣзка же участковъ продолжалась, при чемъ Кабинетъ поставилъ правиломъ: застраивать участки втеченіе $2^1/_2$ лѣтъ, въ противномъ случаѣ участокъ отбирался.[209]

После освобожденія людей завода отъ обязательнаго труда, усадьбы заводскаго селенія стали довольно быстро переходить въ частныя руки.[210]

Рис 364. Ваза, б. м., в. 13 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 58 cm.

Предуказанныя въ положеніи постановленія объ образованіи дѣтей заводскихъ рабочихъ касаются отчасти обоихъ заводовъ, отчасти только фарфороваго. При обоихъ заводахъ положено было содержать низшія школы для безплатнаго обученія мальчиковъ, дѣтей заводскихъ рабочихъ, закону Божію, чтенію, письму и ариѳметикѣ. При фарфоровомъ же заводѣ положено было учредить, кромѣ того, особое техническое училище, въ которое могли бы поступать лучшіе ученики изъ школъ обоихъ Императорскихъ заводовъ для обученія рисованію и скульптурѣ. Казенныхъ учениковъ на полномъ содержаніи полагалось до 30 человѣкъ, въ училищѣ они должны были оставаться до 18-лѣтняго возраста, а затѣмъ обязаны были прослужить на Императорскихъ заводахъ не менѣе 5 лѣтъ. Въ положеніи предполагалось, что въ техническое училище со временемъ можно будетъ принимать пенсіонеровъ частныхъ заводчиковъ. Это, конечно, вполнѣ согласовалось съ идеей гр. Перовскаго о задачахъ Императорскихъ заводовъ.

Стр. 257.
Рис. 365. Малороссъ, малороссіянка, А. Шписъ 1860 г., в. 9 в. (Имп. Зав.).
Petit-russien, petite-russienne, h. 40 cm.

По настоянію Сивкова, остановились на типѣ закрытаго учебнаго заведенія, „такъ какъ въ училищѣ закрытомъ представляется болѣе возможности слѣдить за развитіемъ нравственности учениковъ и пріученіемъ ихъ къ труду.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сивковъ полагалъ необходимымъ число воспитанниковъ ограничить 14 человѣками, чтобы не обременять заводъ излишними мастеровыми, которыхъ пришлось бы принимать изъ училища.[211]

Положеніе о техническомъ училищѣ было Высочайше утверждено 7 декабря 1863 г.[212] Кромѣ 14 казенныхъ учениковъ положено было 14 своекоштныхъ (съ платою въ 200 р.) и 14 вольноприходящихъ (съ платою въ 30 р.). Курсъ назначался четырехгодичный при двухъ классахъ младшемъ и старшемъ.[213] Положеніе о техническомъ училищѣ вводилось въ видѣ опыта на три года. Въ 1866 г. Ренненкампфъ представлялъ Сивкову, что училище „оказалось соотвѣтствующимъ своей цѣли,“ но что необходимо курсъ ученія увеличить до 6 лѣтъ, чтобы дать возможность ученикамъ пріобрѣсть настолько солидную практическую подготовку, при которой они могли бы со школьной скамьи идти прямо на задѣлъ.[214]

Стр 257
Рис. 366. Мальчикъ, А. Шписъ 1869 г., в. 12¹/₂ в. (колл. Н. А. Лукутина).
Paysan, h. 55,5 cm.

По всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора Высочайше повелѣно, 20 ноября 1866 года, предположеніе о 6-лѣтнемъ курсѣ исполнить.[215]

Въ 1876 г., по иниціативѣ Сумарокова,[216] техническое училище было преобразовано въ открытое заведеніе, при чемъ число учениковъ увеличено до 20 человѣкъ, которымъ выдавалось помѣсячное содержаніе.[217]

Преподавали въ училищѣ преимущественно свои же художники и мастера. Наблюдателями или надзирателями состояли: до 1877 года Васильевъ, послѣ него Н. Щетининъ, а съ 1880 г. учитель русскаго языка Медвѣдковъ.[218]

Въ низшей школѣ учили грамотѣ священникъ фарфоровской церкви съ діакономъ. Но такъ какъ они были заняты по приходу, то имъ пришлось нанимать замѣстителей, двухъ семинаристовъ, „людей, неокончившихъ курса, и притомъ весьма сомнительной нравственности.“

Поэтому Сивковъ исходатайствовалъ въ 1877 г. разрѣшеніе пріискать учительницу.[219] На содержаніе техническаго училища и школы фарфороваго завода по штату полагалось всего лишь 3.870 р. 69 к.[220]

На основаніи положенія о рабочихъ людяхъ 19 января 1860 года, Императорскій фарфоровый заводъ долженъ былъ содержать церковь съ причтомъ. Однако, съ увеличеніемъ прихода фарфоровской церкви, благодаря увеличенію народонаселенія округи, связь между фарфоровскою церковью и Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ ослабѣла.

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Наиболѣе существеннымъ нововведеніемъ технической части Императорскаго фарфороваго завода втеченіе царствованія Императора Александра II является замѣна живой двигательной силы механической паровой, которая примѣнялась уже на многихъ заграничныхъ заводахъ. Однако, механическая сила была слабо использована: примѣнялась исключительно для перемалыванія кварца, шпата и черепа и потому не могла оказать существеннаго вліянія въ смыслѣ сокращенія числа рабочихъ рукъ. Вопросъ о замѣнѣ конной машины паровой, принципіально рѣшенный еще въ 1853 году, получилъ осуществленіе въ началѣ царствованія Императора Александра II. Паровая 12 сильная машина была окончательно установлена и приведена въ дѣйствіе въ 1858 г.,[221] а въ 1875 г. поставлена новая паровая машина.[222]

Стр 257

Рис. 367. Болгаринъ, сербы, болгарка, А. Шписъ, в. 10, $12\frac{7}{8}$, 10 в. (Имп. Зав.). Bulgare, serbes, bulgare. h. 44,5, 57,5, 44,5 cm.

Желаніе усвоить всѣ нововведенія въ техникѣ керамическаго производства побуждало администрацію Императорскаго завода командировать своихъ техниковъ за границу для изученія постановки дѣла на лучшихъ заводахъ. Командировки эти состоялись въ началѣ разсматриваемаго періода (командировки Деривьера[223] и Мусатова[224]), когда предполагалось расширить дѣятельность завода и довести его произведенія до возможной степени совершенства, и въ концѣ періода (командировка инженеръ-технолога Хованскаго и мастера Иванова[225]), когда явственно обнаружилась отсталость Императорскаго завода въ сравненіи съ заграничными.

Однако, результаты командировокъ не были особенно значительны, несомнѣнно, вслѣдствіе равнодушія къ дѣламъ завода, особенно въ періодъ, обнимавшій время съ конца шестидесятыхъ и до начала восьмидесятыхъ годовъ. При иномъ отношеніи, работы ученыхъ химиковъ, ознакомившихся съ производствомъ лучшихъ керамическихъ заведеній Европы, могли бы имѣть благія послѣдствія.

Съ удивленіемъ приходится читать въ докладѣ Сивкова, въ 1864 г., выраженіе той мечты, которая когда-то, до конца первой четверти XIX ст., была дѣйствительностью. Онъ писалъ: „Сдѣланные въ послѣдніе два года опыты на Императорскомъ заводѣ къ замѣнѣ иностранныхъ огнеупорныхъ глинъ новгородскими, фарфоровыхъ глинъ французскихъ и англійскихъ глуховскою даютъ надежду, что недалеко то время, когда русскія глины вытѣснятъ въ фарфоровомъ производствѣ иностранныя глины.“[226]

Слова Сивкова свидѣтельствуютъ, что къ началу царствованія Императора Александра II не только англійскія и французскія фарфоровыя глины вытѣснили изъ производства Императорскаго фарфороваго завода русскіе каолины, но что даже шедшія на изготовленіе капселей и другихъ надобностей простыя огнеупорныя глины русскаго происхожденія, каковы андомская и боровичская, отчасти были замѣнены иностранными огнеупорными глинами. Преимущественно однако употреблялась, попрежнему, андомская глина. [227] Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ производились также опыты съ капсельной глиной изъ Пензенской губерніи. [228]

То обстоятельство, что Сивковъ упоминаетъ только объ опытахъ съ глуховской глиной, которая имѣла примѣненіе и въ предшествовавшее царствованіе, показываетъ, что екатеринбургскій каолинъ, испытаніе котораго производилось еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, [229] былъ окончательно признанъ негоднымъ для производства. Зато присланный оттуда же полевой шпатъ, послѣ испытанія, далъ удовлетворительные результаты, и въ 1859 г. его было выписано 2.000 пудовъ. [230]

Составленіемъ массы и глазури завѣдывали преимущественно инженеръ-технологи Мусатовъ, Серебренниковъ, Хованскій. Но такъ какъ каждый изъ нихъ, въ началѣ дѣятельности на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, былъ новичкомъ въ своемъ дѣлѣ, и съ составомъ массы, въ лучшемъ случаѣ, былъ знакомъ только теоретически, [231] то практически имъ неизбѣжно приходилось знакомиться съ составленіемъ массы и глазури подъ руководствомъ старыхъ заводскихъ мастеровъ. Этимъ поддерживалась старая заводская традиція, которая явственно выступаетъ и въ данныхъ анализа фарфороваго черепа времени Императора Александра II (прилож. 37).

Рис. 368 Ваза, А. Мироновъ 1873 г., в. 45$^{1}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 2 m.

Къ чести старыхъ заводскихъ мастеровъ: они сохранили не только традицію состава фарфоровой массы, но и традиціонное стремленіе къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, къ исканію новыхъ способовъ, новыхъ рецептовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1857 г. производились опыты составленія фарфоровой массы по способу, предложенному помощникомъ мастера Дудинымъ. Правда, масса Дудина не нашла примѣненія, тѣмъ не менѣе, было засвидѣтельствовано, что она отличалась „нѣкоторыми хорошими качествами.“ [232]

Но, само собою, результаты опытовъ мастеровъ-ветерановъ не могли быть значительны: ихъ опыты не отличались ни систематичностью, ни научностью, ибо для этого у нихъ не хватало ни времени, ни теоретическихъ знаній, ни средствъ; да и едва ли встрѣчали поощреніе въ своихъ изысканіяхъ мастера, которые не были спеціально для этого приставлены и не могли предварительно гарантировать успѣшности своихъ опытовъ, а между тѣмъ бережливость и осторожность при производствѣ опытовъ лежала, по положенію заводовъ, на особой обязанности заводской администраціи.

Другое дѣло ученые химики и инженеръ-технологи, которые хотя и не обладали талантомъ и творческими силами бергмейстера Виноградова, но все же прошли высшую спеціальную школу, имѣли лабораторію (хотя и неважную) въ своемъ распоряженіи, которые спеціально

были приставлены къ этому дѣлу, которыхъ, наконецъ, съ тою же цѣлью — узнать что-либо новое — командировали за границу для осмотра тамошнихъ лучшихъ фарфоровыхъ заводовъ.

Быть можетъ, за границей не особенно охотно показывали русскимъ техникамъ различныя новинки, но съ другой стороны, и командированные техники не особенно усваивали то, что видѣли, и не стремились къ самостоятельнымъ изслѣдованiямъ: отчасти, можетъ быть и потому, что тоже не встрѣчали поощренiя въ своихъ самостоятельныхъ работахъ. Какъ бы то ни было, но въ царствованiе Императора Александра II не замѣтно какого-либо существеннаго улучшенiя въ составѣ массы и ея качествахъ. Наоборотъ, неоднократно заводское начальство констатировало неудовлетворительность состава массы и глазури и несоотвѣтствiе физическихъ качествъ той и другой. Напримѣръ, въ 1872 г. Сумароковъ, въ приказѣ по заводу,[233] отмѣчалъ, что масса слишкомъ слаба и неустойчива въ огнѣ, а глазурь, наоборотъ, очень крѣпка, притомъ выходитъ изъ огня часто въ пузыряхъ и ссѣдинахъ. Онъ предлагалъ мастеру Дудину вмѣстѣ съ инженеръ-технологомъ Серебренниковымъ изслѣдовать причины этихъ недостатковъ и дѣлать опыты для ихъ предотвращенiя.

Стр. 256 258

Рис. 369. Вазы, м., в. 12 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Vases, h. 53,5 cm

Опыты, несомнѣнно, производились, но недостатки производства не исчезли. Въ семидесятыхъ годахъ вообще мало сознавали необходимость систематическихъ опытовъ: свѣдѣнiя объ испытанiяхъ массъ относятся больше къ концу пятидесятыхъ годовъ, но и тогда Мусатовъ занимался не столько самостоятельными опытами, какъ анализомъ заграничныхъ массъ,[234] т. е. работой, которая, въ сущности, не могла дать значительныхъ результатовъ.

Въ пятидесятыхъ же годахъ были сдѣланы нѣкоторыя техническiя нововведенiя по бѣлой палатѣ, напримѣръ, устроены особая печь и небольшой сушильный шкафъ съ полками, въ которомъ подсушивались вещи до поступленiя ихъ въ горны.[235]

Существеннымъ нововведенiемъ въ производствѣ бѣлой палаты въ царствованiе Императора Александра II является выдѣлка терракотъ. Эта отрасль керамики была испробована на Императорскомъ заводѣ, притомъ — сразу же съ довольно значительнымъ успѣхомъ, по личному желанiю Наслѣдника Цесаревича, будущаго Императора Алесандра III.[236]

Для обжига сырыхъ вещей существовали четыре горна прямого пламени. Изъ нихъ одинъ на манеръ голландскаго горна, одноэтажный маленькiй, второй горнъ побольше — для обжиганiя вещей въ первомъ и во второмъ огняхъ и капселей, построенный Деривьеромъ въ 1852 г. Но и этотъ горнъ былъ сравнительно невеликъ по объему, и большiя партiи бѣлаго фарфора обжигались въ двухъ горнахъ: въ такъ называвшемся горнѣ „о пяти очелкахъ," болѣе старомъ, и въ горнѣ болѣе новомъ, устроенномъ инженеръ-технологомъ Мусатовымъ въ 1860 г.[237]

Вслѣдствiе ознакомленiя съ техникою обжига на западно-европейскихъ фарфоровыхъ фабрикахъ, въ 1865 г. возникъ было вопросъ объ устройствѣ новаго горна для обжига фарфора вмѣсто дровъ газами.[238] Но это предположенiе не осуществилось, да впрочемъ, и надобности въ этомъ никакой не было: обжиганiе фарфора газами на с.-петербургскихъ

Стр. 256.

Рис. 370. Ваза, м., в. 7 1/4 в. (Имп. Зав.).
Vase. h. 32 cm.

заводахъ не только въ то время, но и теперь еще не можетъ быть оправдано ни экономическими, ни техническими соображеніями.[239]

Обжигъ въ царствованіе Императора Александра II не улучшился; болѣе того: онъ значительно ухудшился, такъ какъ процентъ бракованныхъ при разгрузкѣ горновъ вещей значительно возросъ сравнительно съ прежнимъ временемъ.[240]

Вторая половина XIX в. въ развитіи западно-европейской фарфоровой промышленности отмѣчена примѣненіемъ новыхъ способовъ украшеній.

Нѣкоторые изъ этихъ способовъ нашли примѣненіе и на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ: таковы, напр., разноцвѣтныя глазури и живопись по черепу жидкой фарфоровой массой (pâte sur pâte) либо по кобальту, либо по хрому.

Опыты съ цвѣтными глазурями производились по личному желанію Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича; а вещи pâte sur pâte въ первый разъ были исполнены заводомъ ко дню бракосочетанія Вел. Княжны Маріи Александровны.[236]

Въ 1868 г., съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора, предполагали пригласить на одинъ мѣсяцъ француза Бріаншона для показанія способа украшать вещи люстрами.[241] Пробовали также самостоятельно открыть секретъ, но безуспѣшно. Предложеніе парижанина Гинуазо (Guinoiseau) пріобрѣсти изобрѣтенный имъ скорый и дешевый способъ раскрашиванія фарфоровой и фаянсовой посуды[242] было совсѣмъ отклонено, равно какъ и предложеніе берлинскаго лаборанта Гениша пріобрѣсть его секретъ изготовленія золота для золоченія фарфоровыхъ вещей.[243] Пробовали зато примѣнять въ декораціи металлическія инкрустаціи (рис. 380/2).

Мечты Галямина о замѣнѣ фарфоровыхъ красокъ иностраннаго происхожденія красками своего же изготовленія не осуществились: въ царствованіе Императора Александра II заводъ чаще всего выписывалъ краски изъ Берлина, Парижа и Лондона.[244] Впрочемъ, по условіямъ производства Императорскаго завода, пользованіе иностранными красками было почти неизбѣжно: изготовленіе всѣхъ красокъ своими средствами потребовало бы значительныхъ приспособленій и особаго состава лабораторныхъ рабочихъ, между тѣмъ, при незначительномъ, сравнительно, количествѣ работъ, ни то, ни другое не могло бы быть оправдано экономическими соображеніями, потому и лабораторія завода находилась далеко не въ блестящемъ видѣ.

Въ техникѣ живописи въ разсматриваемый періодъ произошелъ радикальный переворотъ: былъ оставленъ прежній обычный способъ живописи пунктиромъ и усвоена живопись мазками. Прежній способъ очень кропотливъ, требуетъ много времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ художественномъ отношеніи уступаетъ послѣднему. Живопись, исполненная нѣкоторыми мастерами Императорскаго фарфороваго завода, особенно Нестеровымъ и Ф. Красовскимъ, еще въ сороковыхъ годахъ, доказываетъ, что мастера

Стр. 256.

Рис. 371. Ваза, м., в. 8 1/4 в. (колл. Н. А. Лукутина).
Vase, h. 37 cm.

Императорскаго завода самостоятельно нашли технику письма мазками, но пользовались этимъ способомъ одновременно съ пунктиромъ, какъ бы не рѣшаясь окончательно оставить послѣдній.

Живописецъ Липпольдъ былъ приглашенъ на Императорскій фарфоровый заводъ, отчасти, именно для того, чтобы у него молодые живописцы могли поучиться способу живописи мазками. Съ пріѣздомъ Липпольда, способъ живописи пунктиромъ былъ совсѣмъ почти оставленъ: молодые мастера этому способу уже не обучались.

Живописныя вещи обжигались въ четырехъ муфеляхъ весьма старой конструкціи и давнымъ-давно устроенныхъ: самый новый большой муфельный горнъ былъ устроенъ еще въ 1830 г. и служилъ исключительно для обжиганія большихъ живописныхъ вазъ; мелкая же посуда обжигалась въ трехъ муфельныхъ горнахъ, построенныхъ еще берлинскимъ мастеромъ-обжигальщикомъ Зейфертомъ, которые только чинились и передѣлывались.[245] Быть можетъ, ветхость муфелей не оставалась безъ вліянія на качества выходившихъ изъ обжига предметовъ: Сумароковъ въ 1874 г. сдѣлалъ въ приказѣ по заводу[216] выговоръ завѣдывавшему муфелями мастеру Семену Морозову за многократныя порчи живописныхъ вещей. Конечно, эти поврежденія: потеки, пятна и проч. могли также зависѣть, какъ указывалъ Сумароковъ, и отъ небрежности мастера: напр., отъ помѣщенія вещей въ неотопленные или недостаточно высушенные муфеля.

Стр. 257

Рис. 372. Амуръ, м. ♕, в. 17 в. (Имп. Зав.).
Amour, h. 75,5 cm.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Различные факторы: направленіе художественной дѣятельности предшествовавшаго періода, общій характеръ керамической промышленности въ Западной Европѣ, состояніе искусствъ въ Россіи, дѣятельность администраціи завода, постороннія вліянія отдѣльныхъ личностей —обусловили, въ совокупности, характеръ художественной части Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Александра II. Одни изъ факторовъ оказывали вліяніе только косвенно, создавая извѣстную атмосферу, обстановку, въ которой приходилось развиваться заводу, другіе, имѣвшіе болѣе близкое отношеніе къ дѣлу, дѣйствовали непосредственно.

Втеченіе царствованія Императора Александра II, характеръ художественной дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода не слишкомъ измѣнился сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ: это была почтенная дѣятельность достойныхъ ветерановъ завода—довольно еще блестящая, но въ то же время носящая уже въ себѣ элементы разложенія.

Однако года шли, ветераны сходили со сцены. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись и вкусы общества: что раньше восхищало или интересовало, то теперь пріѣлось и вызывало отрицательное къ себѣ отношеніе.

Сознаніе ошибки—первый шагъ къ ея исправленію. Но, если учрежденіе не имѣетъ ни достаточныхъ внутреннихъ силъ, ни достойныхъ образцовъ, тогда моментъ сознанія ложнаго направленія дѣла становится моментомъ рѣшительнаго упадка, моментомъ, съ котораго часто начинается длинный періодъ полнаго застоя, либо безцѣльнаго бросанія изъ стороны въ сторону, которое въ концѣ концовъ приводитъ тоже къ полнѣйшему равнодушію къ успѣхамъ дѣла.

Въ предшествовавшее царствованіе направленіе дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода было далеко не правильно; но въ это направленіе была тогда вѣра —и заводъ достигъ все же значительныхъ результатовъ; мало того: вѣра въ дѣло способствовала осуществленію, хотя частичному, идей гр. Перовскаго о преобразованіи завода.

Но еще со времени всемірной выставки въ Лондонѣ, 1851 г., стало ясно, что керамическая промышленность требуетъ новыхъ путей.

Исканіе таковыхъ въ Англіи выразилось не столько въ художественномъ, какъ въ утилитарномъ характерѣ произведеній. Въ другихъ же странахъ Западной Европы, исчерпавъ крайности живописнаго направленія, керамическая художественная промышленность обратилась къ работамъ въ различныхъ стиляхъ прошедшихъ временъ, либо къ подражаніямъ произведеніямъ старой керамики: итальянскимъ майоликамъ, блюдамъ Б. Палисси и пр., утративъ при этомъ всякій національный характеръ и всякую самостоятельность.

Живописный періодъ въ развитіи Императорскаго фарфороваго завода окончился къ началу семидесятыхъ годовъ. Интересъ къ копіямъ эрмитажныхъ и другихъ картинъ сталъ проходить еще раньше, что выражалось, между прочимъ, отсутствіемъ вниманія къ подобнымъ произведеніямъ со стороны Государя Императора и Государыни Императрицы на ежегодныхъ выставкахъ издѣлій Императорскихъ заводовъ въ Зимнемъ дворцѣ.[247] Липпольдъ, копистъ по преимуществу, къ концу шестидесятыхъ годовъ рѣдко писалъ свои пласты.[248]

Но пока не раздался авторитетный голосъ, признавшій ложность направленія, администрація завода закрывала глаза на совершившійся фактъ, а можетъ быть невполнѣ замѣчала его. Благодаря этому, дѣло шло въ установившемся направленіи. Замѣтна даже нѣкоторая энергія, какъ будто стремленіе осуществить задачи, которыя поставлены были заводу въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, поднимался вопросъ о реорганизаціи завода.

Но вотъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, раздается этотъ авторитетный голосъ.

9 января 1871 г., Государыня Императрица Марія Александровна „словесно изволила выразить“ директору Императорскаго фарфороваго завода Ренненкампфу желаніе, „чтобы на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ сдѣланы были измѣненія въ существующихъ... въ заводѣ формахъ вазъ и вообще крупныхъ вещей, чтобы такимъ образомъ оказалось возможнымъ болѣе разнообразить изящныя произведенія завода. При этомъ Ея Величество изволила указать на англійскіе керамическіе заводы и ихъ издѣлія, отличающіяся своими разнообразными и изящными формами и соединяющія вмѣстѣ съ тѣмъ примѣрную орнаментацію, съ тѣмъ чтобы Императорскій фарфоровый заводъ пріобрѣлъ изъ Англіи новыя формы и, вообще, воспользовался бы средствами имѣющимися на англійскихъ заводахъ.“[249]

Стр. 256, 260.

Рис. 373. Подносъ, м. [клеймо], дл. 10 1/2 в. (Имп. Зав.).
Plateau, l. 46,5 cm.

Желаніе Государыни Императрицы, высказанное сейчасъ послѣ новогодней выставки поднесенныхъ Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ къ Рождеству Христову вещей, показываетъ, что Государыня осталась недовольна вещами, что ею были осуждены преимущественно формы издѣлій Императорскаго завода, и что вмѣстѣ съ тѣмъ Ея Величество осуждала и живопись, обращенную на копированіе картинъ.

Съ этого именно времени необходимо датировать не только конецъ живописнаго направленія въ развитіи Императорскаго фарфороваго завода, направленія, которое, будучи осуждено съ высоты престола, не могло уже удержаться: съ этого момента начинается и періодъ явнаго упадка въ художественной дѣятельности завода, того упадка, зародыши коего развивались уже давно. Замѣчаніе Государыни Императрицы явилось послѣднимъ толчкомъ, благодаря которому рухнула установившаяся программа. Къ замѣнѣ ея новой никто не былъ подготовленъ, и послѣ ухода Ренненкампфа не нашлось лица, которое оказалось бы въ состояніи, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, осуществить новую задачу, поставленную заводу волей Императрицы.

Стр 256, 258, 260

Рис. 374. Чайный сервизъ, м. [mark], д. блюдца 3³/₈ в. (Имп. Зав.).
Service à thé, d. soucoupe 15 cm.

Этотъ періодъ упадка длился до конца царствованія Императора Александра II.

Время Императора Александра II – время великихъ реформъ, время горячей борьбы общественныхъ интересовъ. Эти реформы составляли насущную потребность русскаго общества того времени и представлялись вопросомъ жизни.

Въ такое время интересы искусства отступаютъ на второй планъ. Несмотря на это, неоднократно со стороны Высочайшаго Двора давались заводской администраціи указанія, которыя при осуществленіи могли бы оказаться плодотворными. Подобныя указанія послѣдовали какъ со стороны Государыни Императрицы, обратившей вниманіе на улучшеніе формъ и на декоративный характеръ живописи, такъ и со стороны Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, по волѣ котораго заводъ сталъ впервые работать терракоты. [236]

Но замѣтные результаты всѣхъ этихъ указаній могли имѣть мѣсто либо при условіи настоятельнаго давленія, либо при исключительной администраціи завода, руководимой энергичной и безконечно преданной дѣлу личностью, либо при опредѣленіи общихъ цѣлей завода, обусловливающихъ болѣе широкій кругъ вліяній, а послѣднее обстоятельство могло бы имѣть мѣсто только тогда, если бы доведена была до полнаго осуществленія идея гр. Перовскаго націонализаціи Императорскихъ заводовъ. Но идея эта въ пятидесятыхъ годахъ, когда она отличалась еще жизненностью, не успѣла получить надлежащаго направленія; въ шестидесятые годы интересъ къ ней значительно ослабѣлъ, главнымъ образомъ потому, что не стало ея творца; а въ семидесятые годы, если эту идею иногда и повторяли либо директора заводовъ, либо члены Кабинета, то въ ихъ устахъ она, къ сожалѣнію, не являлась уже плодомъ личнаго глубокаго убѣжденія.

Отсутствіе у директоровъ самостоятельности перекладывало заботу о художественномъ развитіи Императорскихъ заводовъ на Кабинетъ Е. И. В., учрежденіе коллегіальное, которое притомъ слишкомъ далеко стояло отъ самаго дѣла и обращало преимущественное вниманіе на хозяйственную часть.

Всѣ эти обстоятельства создали почву, на которой подавлялась личная энергія, развивались полумѣры. Хуже всего это та почва, на которой мелкія по существу и случай-

Стр. 255, 256

Рис. 375. Чайникъ, м. ♔, в. 2 ι в. (Имп. Зав.).
Théière, h. 9.25 cm.

ныя обстоятельства пріобрѣтаютъ существенное значеніе, становятся неустранимымъ зломъ, разъѣдающимъ весь организмъ учрежденія. Этимъ и объясняется несоотвѣтствіе принимаемыхъ мѣръ цѣлямъ, которыя ставились фарфоровому заводу.

Напримѣръ, Государыня Императрица указываетъ директору завода Ренненкампфу на примѣръ Англіи, рекомендуя „воспользоваться средствами, имѣющимися на англійскихъ заводахъ.“ Ренненкампфъ рапортуетъ объ этомъ немедленно въ Кабинетъ и, объясняя подъемъ керамической промышленности въ Англіи послѣ 1852 г., на который обратила вниманіе Государыня Императрица, говоритъ,[249] что „изъ числа мѣръ, принятыхъ англичанами... главнѣйшая была выписка изъ Германіи и Франціи лучшихъ художниковъ по живописи и скульптурѣ для образованія школъ на Стафордширскихъ заводахъ,... долженствующихъ быть разсадниками художниковъ, спеціалистовъ по керамическому дѣлу, и такъ какъ англичане, преслѣдуя эти цѣли, не щадили издержекъ, то они и достигли въ скоромъ времени значительной степени совершенства.“

Казалось бы, что послѣ такого вступленія послѣдуетъ со стороны Ренненкампфа предложеніе серьезныхъ мѣръ для поднятія производства Императорскаго фарфороваго завода: однако, дѣло ограничилось командировкой въ Англію скульптора Шписа на два съ половиною мѣсяца, который привезъ оттуда вещей на 1.200 руб. слишкомъ.[250] Эти вещи послужили образцами для нѣкоторыхъ издѣлій Императорскаго фарфороваго завода, издѣлій, рабски, хотя и удачно, скопированныхъ; нѣкоторыя вещи были сдѣланы по рисункамъ въ англійскихъ изданіяхъ и на этомъ дѣло стало.

Можно еще допустить, что Ренненкампфъ, не предусматривая возможности, за предстоящимъ уходомъ своимъ со службы, довести до конца необходимыя улучшенія, не заботился уже и о какихъ-либо радикальныхъ мѣрахъ и не предлагалъ таковыхъ.

Однако, тѣ же палліативы примѣнялись и въ управленіе его преемника Сумарокова.

Сумароковъ донесъ Кабинету Е. И. В.,[251] что „относительно живописныхъ работъ и, вообще, художественной части заводъ находится въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и только поддерживается немногими старыми заводскими мастерами...“ Въ другомъ рапортѣ[252] Сумароковъ утверждалъ, что живописные сюжеты ограничиваются „только копіями съ общеизвѣстныхъ картинъ, фотографій и даже гравюръ.“

Указывая на недостатки, Сумароковъ предлагалъ и довольно вѣрное средство поправить дѣло: онъ указывалъ на необходимость пригласить опытнаго руководителя по художественной части. Но общія неблагопріятныя условія исключали возможность осуществленія этого предложенія. Сумароковъ скоро пошелъ на палліативы, предлагая до поры-до-времени опытнаго художника-руководителя замѣнить хотя менѣе опытными и образованными, но все-таки даровитыми заводскими мастерами, свободными художниками Красовскимъ и Мироновымъ, и имѣвшимъ нѣкоторое художественное образованіе Шауфельбергеромъ. Мысль о приглашеніи руководителя по художественной части была уже забыта.

Стр. 256

Рис. 376. Ваза, м. ♔, в. 9¹/₄ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 41,25 cm.

Примѣромъ мелкихъ, по существу, и случайныхъ фактовъ, но крайне неблагопріятно отразившихся на ху-

дожественной дѣятельности завода можетъ служить, между прочимъ, возникшее недоразумѣніе по вопросу объ оставленіи Липпольда на заводѣ.[251] При здоровой организаціи завода, оставленіе его на службѣ не имѣло бы значенія, при невыясненности же новой задачи и неопредѣленности взглядовъ администраціи, этого обстоятельства было достаточно, чтобы парализовать попытки измѣнить старое направленіе.

Обращеніе къ художественнымъ силамъ, работавшимъ независимо отъ завода, практиковавшееся заводской администраціей и въ прежнее время, приносившее и прежде нѣкоторую пользу, пріобрѣтало теперь, когда дѣятельность заводскихъ силъ была признана неудовлетворительной, особое значеніе.

Но могло ли русское искусство тогда оказать свое вліяніе на художественную промышленность и, въ частности, на произведенія Императорскихъ заводовъ.

Вліяніе, несомнѣнно, было, но вліяніе — далеко не существенное. Говоря точнѣе, это было не столько вліяніе чистаго искусства, сколько вліяніе тенденцій, господствовавшихъ тогда въ искусствѣ.

Историкъ русскаго искусства указываетъ, что съ воцареніемъ Императора Александра II, „наступила эпоха великихъ реформъ, сопровождавшаяся небывалымъ до сихъ поръ подъемомъ общественнаго духа, горячимъ ключемъ забила струя настоящей жизни, настоящаго національнаго сознанія. А въ такіе моменты.... всегда проявляется и въ искусствѣ самодѣятельность и національность.“[254]

Стр. 256

Рис. 377. Ваза, м. [марка], в. 9 3/4 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 43,5 cm.

Утвержденіе это, въ основѣ истинное, по отношенію къ русскому искусству шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія не можетъ быть принято безъ нѣкоторыхъ оговорокъ.

Въ то время собственно интересы искусства были отодвинуты на второй планъ, и „искусство“ по выраженію Д. Н. Ахшарумова — „не теряя въ глазахъ призванниковъ своей высоты, вдругъ измѣнило смыслъ и оказалось чѣмъ-то въ родѣ гражданской службы по департаменту обвинительнаго суда.“[255]

Но такого рода искусство, которое и внутреннее свое содержаніе и форму подчиняетъ всецѣло соціальнымъ ученіямъ или политическимъ партіямъ, не можетъ претендовать ни на долговѣчность (оно не переживаетъ этихъ тенденціозныхъ ученій), ни на широкую область вліянія. Поэтому-то и русское искусство шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ могло оказать только самое слабое вліяніе на прикладныя искусства того времени, насколько и на послѣднихъ отразились мимолетные интересы окружающей среды.

Эти-то общественные интересы не прошли также мимо Императорскаго фарфороваго завода, тѣмъ болѣе, что въ прошлой художественной дѣятельности завода была уже подготовлена достаточная почва для тѣхъ мотивовъ, которые были признаками времени: реализмъ въ способѣ изображенія сюжетовъ, національныя, даже народныя стремленія въ выборѣ сюжетовъ и орнамента — все это существовало на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ и раньше.

Въ царствованіе Императора Александра II, въ эпоху освобожденія крестьянъ, эпоху народничества, усиленнаго подъема славянской идеи, конечно, національные мотивы должны были пользоваться особыми симпатіями. Администрація Императорскаго фарфороваго завода эти мотивы, по возможности, использовала. Нельзя однако сказать, чтобы этотъ источникъ оказался особенно плодотворнымъ: не разработанный еще въ области самостоятельнаго

Рис. 378. Чашки, м. [illegible], в. [illegible] в. (Имп. Зав.).
Tasses, h 7, 7,75, 7,5, 6,75, 11,5 cm

Стр. 259.

искусства, онъ могъ дать только слишкомъ однообразный по существу матеріалъ, притомъ—матеріалъ сырой или подражавшій давно минувшимъ временамъ. Примѣненіе этого матеріала къ задачамъ фарфороваго завода было слишкомъ формально и узко: это былъ такъ называемый „русскій стиль“, но не національное живое искусство, тотъ русскій стиль, который примѣнялся на ряду со всякими другими „стилями“: Людовика XV, Людовика XVI, китайскимъ и др. Этотъ русскій стиль не пользовался даже предпочтительнымъ вліяніемъ. Является даже подозрѣніе, что за „русскій“ стиль хватались только тогда, когда приходилось хоть чѣмъ-либо выдѣлиться (напримѣръ, на выставкахъ) среди другихъ европейскихъ заводовъ, которые тоже работали въ „стиляхъ.“

Еще одна характерная черта замѣчается на произведеніяхъ Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Александра II: обиліе слишкомъ легкихъ по содержанію сюжетовъ—изображеній женскихъ прелестей и амуровъ. Сюжеты перваго рода явились какъ антитеза народническимъ тенденціознымъ мотивамъ, обращавшимся настойчиво къ тяжелымъ сторонамъ жизни, и были особенно въ ходу во вторую половину разсматриваемаго періода, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ вкусамъ извѣстнаго круга общества того времени. Изображенія дѣтей въ видѣ амуровъ поощрялись Ея Величествомъ Государыней Императрицей, нѣжно любившей дѣтей и дѣтскую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Переходя отъ общихъ условій художественнаго развитія Императорскаго фарфороваго завода втеченіе разсматриваемаго періода къ отдѣльнымъ художникамъ, вліяніе которыхъ такъ или иначе сказалось на художественной части, приходится констатировать, что не больше трехъ-четырехъ художниковъ внесли въ дѣло нѣчто свое.

Первый—Босэ, характеристика произведеній котораго дана въ предыдущей главѣ. Въ шестидесятые годы онъ далъ много прелестныхъ эскизовъ съ сюжетами изъ амуровъ. Все истинно изящное за этотъ періодъ въ этомъ родѣ -исключительно работы Босэ: его подражатели рѣзко отличаются неуклюжестью рисунка, тяжестью компоновки и общей безвкусицей. [256] Затѣмъ слѣдуетъ Будэ, прекрасно знавшій природу цвѣтовъ. [257] Послѣ Будэ цвѣты рисовалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ Босэ. Продолжателемъ Будэ и Босэ по компоновкѣ цвѣточныхъ мотивовъ явился ученикъ ихъ обоихъ К. Н. Красовскій, не уступавшій, если не превосходившій ихъ въ знаніи природы цвѣтовъ. [258] Наконецъ, слѣдуетъ

Стр. 259.

Рис. 379. Блюдца, м. [illegible], д. 3 3/8, 3 3/8, 3 1/8, 3 3/16 в. (Имп. Зав.)
Soucoupes, d. 15, 15, 14, 14,25 cm.

назвать Шписа, положившаго свой отпечатокъ на всю скульптурную часть, творца многочисленныхъ группъ и отдѣльныхъ фигуръ, особенно дѣтскихъ. Его проекты сервизовъ, вазъ, орнаментовъ лишены оригинальности и жизненности, хотя иногда выдѣляются нѣкоторой чистотой стиля. [259]

Мастера завода, кромѣ К. Н. Красовскаго, рѣдко пытались дать что-либо свое, да и то ограничивались незначительными работами. [260] Много проектовъ сервизовъ, вазъ и орнаментовъ далъ главный мастеръ Шауфельбергеръ. [261] Не мало изъ его проектовъ получили осуществленіе. Но, независимо отъ того, что Шауфельбергеръ въ художественномъ отношеніи не являлся крупной величиной, на его рисункахъ отразилось полученное имъ спеціальное образованіе по архитектурѣ: его проекты чаще напоминаютъ скорѣе архитектурныя украшенія, чѣмъ керамическіе мотивы.

Стр. [illegible], 259

Рис. 380. Чашки, м. [mark], в. $1\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $1\frac{3}{4}$ в.; блюдца, м. [mark], д. $3\frac{1}{4}$, $3\frac{1}{2}$ в (Имп. Зав.)
Tasses, h. 6,75, 11, 7,75 cm.; soucoupes, d. 14,5, 15,5 cm.

Въ 1868 году, въ виду оставленія Босэ службы на заводѣ, заводу было предоставлено право заказывать за счетъ освободившейся суммы, составлявшей жалованье рисовальщика, разнымъ частнымъ художникамъ рисунки для своихъ произведеній. [262] Хотя нельзя отрицать, что привлеченіе постороннихъ художниковъ должно было вліять на разнообразіе издѣлій Императорскаго фарфороваго завода, однако отсутствіе постояннаго руководителя рабочаго персонала, невозможность вызвать къ жизни могущіе быть между рабочими завода таланты, должны были вредно вліять на зрѣлость большинства работъ.

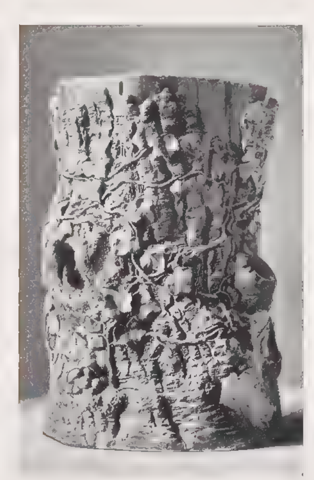
Императорскій фарфоровый заводъ воспользовался услугами довольно значительнаго числа художниковъ, правда, среди нихъ не встрѣчается именъ художниковъ первоклассныхъ. Причина этого, отчасти, можетъ быть, въ недостаткѣ назначенной для этой цѣли суммы и еще больше въ погонѣ за количествомъ вмѣсто качества. Все, что дали посторонніе художники, въ лучшемъ случаѣ прилизанная посредственность.

Въ числѣ сохранившихся въ библіотекѣ Императорскаго фарфороваго и стекляннаго заводовъ рисунковъ наиболѣе многочисленные, отчасти и лучшіе принадлежатъ архитекторамъ Монигетти [263] и А. А. Шрейберу [264] и живописцу Тейхелю. [265]

Послѣдній давалъ исключительно мотивы для живописи, представляющіе эскизы изъ народной русской жизни или типы кавказскихъ горцевъ. Художника этого нельзя назвать выдающимся: онъ не особенно хорошо владѣетъ рисункомъ, краски не поражаютъ гармоничностью сочетаній, композиція часто страдаетъ, хотя и стремится къ натурализму.

Шрейберъ и Тейхель не только давали проекты для расписыванія, преимущественно орнаментальные, но и проектировали вазы, сервизы и другія вещи. Проекты ихъ исполнены въ различныхъ „стиляхъ,“ преимущественно Людовика XVI, новогреческомъ и русскомъ. Проекты обоихъ художниковъ запечатлѣны характеромъ шаблонности. У Шрейбера изрѣдка встрѣчаются попытки дать нѣчто оригинальное, но этому мѣшаетъ обнаруживаемое имъ, равно какъ и Монигетти, и всѣми другими работавшими для Императорскаго фарфороваго завода художниками, непониманіе сущности требованій керамическаго художественнаго производства: всѣ они заимствуютъ и орнаменты, и формы изъ области чуждыхъ

керамикѣ производствъ. Особенно достается отъ этого русскому стилю: нѣкоторыя проектированныя въ этомъ стилѣ вещи легко принять за мотивы ажурной работы изъ дерева.

Стр. 256

Рис. 381. Табуретъ, б. м., в. 11 в. (Имп. Зав.)
Tabouret, h. 49 cm.

При такихъ условіяхъ дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода, естественно, должна была пострадать художественная часть. Успѣхи, которые сопровождали издѣлія завода на выставкахъ всероссійскихъ въ С.-Петербургѣ въ 1861 г. и 1870 г.,[266] и на всемірныхъ въ Лондонѣ въ 1863 г., въ Парижѣ въ 1867 г. и особенно на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873 г.,[267] на которой Императорскій фарфоровый заводъ удостоился даже высшаго отличія—почетнаго диплома,[268] при чемъ эксперты признавали въ живописи на фарфорѣ первенство за Императорскимъ заводомъ, успѣхи эти не могутъ служить опроверженіемъ высказаннаго положенія. Вѣнская выставка свидѣтельствовала о всеобщемъ паденіи художественной керамики въ Европѣ, Императорскій же заводъ легко выдѣлился той стороной своей дѣятельности, которая составляла его славу уже въ предшествовавшемъ періодѣ фигурной и цвѣточной живописью, при томъ живописью, исполненною мастерами, получившими образованіе въ предшествовавшій періодъ. Главная вещь, которую экспонировалъ на Вѣнской выставкѣ Императорскій фарфоровый заводъ, это огромная ваза: „Хороводъ амуровъ“ (рис. 368). Ваза собрана изъ разнородныхъ частей, исполненныхъ отчасти по проектамъ Босэ, отчасти Шписа, фигурная живопись, начатая мастеромъ Тарачковымъ, была окончена мастеромъ Мироновымъ съ эскизовъ Босэ (по оригиналамъ Дузэ), а пейзажъ подрисованъ частнымъ художникомъ Фрике, работавшимъ иногда для Императорскаго завода еще въ прошлое царствованіе. Фигуры на этой вазѣ, дѣйствительно, очень хороши и заслужили вниманіе жюри.

Приговоръ надъ художественными произведеніями семидесятыхъ годовъ былъ произнесенъ Ея Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною. Директоръ Гурьевъ, донося Кабинету о пріемѣ, которымъ Государыня Императрица удостоила его, 17 іюня 1881 г., писалъ между прочимъ:[269] „Ея Величеству угодно было высказать, что... произведенія фарфора неудовлетворительны относительно вкуса...“

ФОРМЫ.

Производство Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Александра II не отличалось самостоятельностью формъ и разнообразіемъ предметовъ. Главная причина, конечно, утеря чувства формы: ею перестали интересоваться и перестали ее искать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ со стороны Высочайшаго Двора въ это время поступало гораздо меньше требованій на фарфоръ, то нѣкоторыя формы либо совершенно исчезли, либо примѣнялись весьма рѣдко (рис. 347, 390). Сервизы, вазы и скульптурныя произведенія вытѣснили почти всѣ остальныя вещи: такія произведенія, какъ большія зеркала, камины, большіе столы почти совсѣмъ не встрѣчаются.

Изъ чисто керамическихъ формъ, наибольшій интересъ за это время представляютъ вазы. Въ первую половину періода господствовали почти исключительно два типа вазъ, выработанные въ прошлое царствованіе: бандо и медицисъ. Изъ вазъ бандо исключительно примѣнялись только двѣ разновидности: 1) съ тѣломъ, имѣющимъ форму обращеннаго внизъ усѣченнаго конуса, и 2) съ тѣломъ боченкообразнымъ. Детали

этихъ вазъ чрезвычайно разнообразны: ножка, гузка и шейка почти всегда съ богатыми скульптурными украшеніями въ видѣ ложекъ, розетокъ, пальметокъ и завитковъ, оплечья большею частью гладки и украшены живописнымъ орнаментомъ, ручки во всѣхъ почти вазахъ одинаковы. Въ общемъ эти формы вазъ, хотя и производятъ впечатлѣніе нѣкоторой шаблонной сухости и прилизанности, но отличаются довольно легкими очертаніями, пропорціональностью частей и чувствомъ мѣры въ скульптурныхъ украшеніяхъ и бронзовыхъ монтюрахъ.

Тѣми же достоинствами и недостатками отличаются и вазы формы медицисъ. Ваза медицисъ съ укороченнымъ тѣломъ превращается въ чашеобразный кратеръ: эта форма встрѣчается въ первой половинѣ періода нерѣдко подъ названіемъ большихъ чашъ. На такихъ чашахъ скульптурныхъ украшеній немного, такъ какъ средній поясъ, собственно вся внѣшняя поверхность тѣла чаши, обычно покрывался цвѣточной живописью (рис. 364).

О художественномъ впечатлѣніи, производимомъ вазами медицисъ и кратерообразными чашами, надо сказать то же, что и о вазахъ бандо: достаточная легкость и пропорціональность линій, нѣкоторая шаблонная сухость.

Указанныя формы хотя и характерны для первой половины царствованія Императора Александра II (пятидесятые и шестидесятые годы), но получили свое развитіе въ предшествовавшее царствованіе и исполнялись либо по прежнимъ шаблонамъ, либо по проектамъ Босэ, отчасти Шписа.

Къ типу прежнихъ формъ слѣдуетъ отнести также и различныя вазы-корзинки, въ родѣ изображенной на рис. 354, съ богатыми скульптурными украшеніями и скульптурными группами. Такія корзинки выдѣлывались тоже почти исключительно въ первую половину царствованія Императора Александра II.

Особенную склонность къ скульптурнымъ украшеніямъ вазъ, въ видѣ орнаментовъ, барельефовъ, горельефовъ и круглыхъ фигуръ, выказывалъ Шписъ. Но, какъ показываетъ рис. 353, Шписъ плохо чувствовалъ керамическую форму, да и композиціи сложныхъ группъ ему не удавались: онѣ имѣютъ у него характеръ картинъ, воспроизведенныхъ рельефомъ.

Утрата мастерами и художниками Императорскаго фарфороваго завода чувства формы ярче всего сказалась на вазѣ, фигурировавшей на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ 1873 г. Ваза эта, по деталямъ, принадлежитъ къ типу вазъ бандо, но поражаетъ непропорціональностью нѣкоторыхъ частей, особенно отношеніемъ громоздкой шейки къ верхней части туловища, при этомъ само туловище явственно составлено изъ двухъ неравномѣрныхъ и непропорціональныхъ частей: верхняго цилиндрическаго пояса со скульптурными украшеніями и пояса нижняго гладкаго съ живописью, представляющаго усѣченный конусъ, при чемъ непосредственно прилегающее къ цилиндру меньшее сѣченіе конуса по діаметру превосходитъ діаметръ цилиндра, а большее сѣченіе обращено внизъ, въ противоположность обычному положенію тѣла въ вазахъ формы бандо; гузка также укорочена, а оплечій и совсѣмъ не имѣется, если не считать таковыми верхній цилиндрическій поясъ тѣла вазы. Вообще, ваза гораздо болѣе приблизилась бы къ чистому типу вазъ бандо, если бы ее перевернуть. Неудачная форма вазы становится понятной, если вспомнить, что она, подъ руководствомъ Шписа, наскоро составлена изъ имѣв-

Стр. 250

Рис. 382. Жардиньерка, м. ♔, в. 4½ в. (Имп. Зап.)
Jardinière, h. 20 cm

Стр. 259.
Рис. 383. Тарелка, м. [mark], д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

шихся частей разнообразныхъ вазъ. Если такія манипуляціи были продѣланы съ вазой, предназначенной для выставки, то едва ли найдется болѣе характерное свидѣтельство о полнѣйшей потерѣ чувства формы и непониманіи значенія ея въ керамикѣ.

Вазы бандо, медицисъ и большія чаши въ семидесятые годы начинаютъ исчезать. Съ этими же формами исчезли вообще громоздкія, грандіозныхъ размѣровъ вазы.

Вазы семидесятыхъ годовъ, въ большинствѣ, среднихъ или малыхъ размѣровъ. Что же касается типичныхъ формъ этого періода, то указать ихъ нѣтъ возможности: ихъ искали, но искали безъ достаточной настойчивости, безъ достаточной любви къ дѣлу и безъ достаточныхъ талантовъ, поэтому всѣ формы носятъ характеръ случайности. Исканія пошли, конечно, по различнымъ направленіямъ, подъ вліяніемъ различныхъ образцовъ: одни художники заимствовали мотивы изъ японской и китайской керамики [270] (рис. 348, 375, 377), другіе – изъ англійской, третьи имѣли въ виду русскіе мотивы (рис. 376), обращались даже къ копированію природы (рис. 381). Однѣ изъ формъ приспособлены къ живописному орнаменту (рис. 348, 388), рѣдко къ фигурной живописи (рис. 368, 369), другія имѣютъ въ виду исключительно скульптурный орнаментъ (рис. 376, 382), третьи—скульптурныя украшенія (рис. 370, 371).

Вообще формы вазъ семидесятыхъ годовъ далеки отъ законченности, совершенства и самостоятельности; нѣкоторыя просто – копіи съ чужихъ издѣлій; нѣкоторыя—прямо безобразны.

Сервизы времени Императора Александра II не представляютъ ничего выдающагося. Много въ это время додѣлывалось вещей къ дворцовымъ сервизамъ прежняго времени.[271] Во вновь исполненныхъ сервизахъ можно встрѣтить не мало формъ прежняго времени. Но попытки дать новыя формы замѣтны и на сервизахъ, какъ на вазахъ: хотѣли найти новыя линіи общей формы и новыя детали. Менѣе всего были тронуты формы тарелокъ: господствовалъ гладкій бортъ съ ровнымъ краемъ. Зато въ подносахъ допускали сильно извилистую или изломанную линію и углы. Въ чайникахъ, чашкахъ, суповыхъ чашахъ вообще, въ полыхъ вещахъ — разнообразія больше. Нельзя, однако, сказать, чтобы здѣсь удалось найти очень удачныя формы или линіи: замѣтна тяжесть общей формы, часто слишкомъ распертой въ бокахъ или книзу туловища, и неуклюжесть деталей. Выдѣляются сервизныя вещи въ русскомъ стилѣ (рис. 373, 374), но, помимо всего прочаго, эти формы либо представляютъ довольно робкое подражаніе старымъ русскимъ металлическимъ сосудамъ, либо не только въ деталяхъ мало керамичны, но и въ основѣ формы не соотвѣтствуютъ полезному назначенію.[272] Сервизныя вещи, исполненныя въ русскомъ вкусѣ, часто украшены плоскимъ скульптурнымъ орнаментомъ и скульптурными деталями, заимствованными изъ мотивовъ либо металлическихъ, либо деревянныхъ издѣлій („избенный стиль“) и въ рѣдкихъ только случаяхъ являющимися дѣйствительнымъ украшеніемъ предмета.

Стр. 259.
Рис. 384. Тарелка, м. [mark], д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm

Стр. 259
Рис. 385. Тарелка, м. [mark], д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Говорить о скульптурныхъ произведеніяхъ группахъ и статуэткахъ, изготовленныхъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ въ царствованіе Императора Александра II, значитъ—говорить о дѣятельности Шписа, такъ какъ, за немногими исключеніями, (напримѣръ бюста Императора Александра II (рис. 337), по модели Тимашева, и амура (рис. 372), по модели Фальконета) почти всѣ произведенія этого рода исполнялись втеченіе всего царствованія по его моделямъ.

Техника Шписа удовлетворительна, всѣ его произведенія отличаются легкостью; пропорціональность не нарушается отъ усадки формы послѣ обжига. Что же касается дѣтскихъ фигуръ, можно сказать, что Шписъ ихъ лѣпилъ удачно (табл. IX, рис. 354). Недостатками произведеній Шписа являются: часто отсутствіе благородства стиля и иногда не особенно тщательная отдѣлка ихъ послѣ отформованія; случается, впрочемъ, что неотдѣланность замѣтна и на оригинальной формѣ. Причина послѣдняго обстоятельства кроется, повидимому, въ недостаточной подготовленности скульпторовъ-исполнителей и въ поспѣшности, съ какой работалъ Шписъ. Можетъ быть, эта поспѣшность обусловила, отчасти, и несамостоятельность произведеній Шписа въ идейномъ отношеніи: многія его произведенія то по замыслу, то по положенію фигуръ напоминаютъ то тотъ, то другой образецъ: старая саксонская кукла (рис. 357, 358, 359/1), иллюстрація Каульбаха (рис. 359/3) или классическіе сюжеты (рис. 360—362) одинаково вдохновляютъ Шписа. Правда, все это онъ передѣлываетъ по своему. Движенія въ фигурахъ Шписа не мало; однако, еще больше сентиментальности. Иногда его композиции отличаются излишней и приторной чувственностью: очевидно, это отвѣчало требованіямъ нѣкоторыхъ людей того времени. Шписъ долго прожилъ въ Россіи, но онъ не сумѣлъ или не хотѣлъ познакомиться ни съ типами русскаго народа, ни съ народными художественными формами. Если онъ и пробовалъ иногда изображать малороссовъ, великороссовъ или южныхъ славянъ и славянокъ (рис. 365—367), то ихъ развѣ только по костюмамъ можно отличить отъ Каульбаховскихъ Гретхенъ и Фаустовъ. Поэтому вся скульптура Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Александра II—тепличный цвѣтокъ, перенесенный изъ другого края, послѣ отцвѣтенія не давшій ни плода, ни сѣмени: послѣ Шписа, въ наслѣдіе Императорскому заводу не осталось ничего кромѣ его моделей.

ЖИВОПИСЬ.

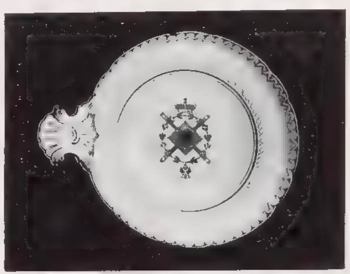
Въ развитіи живописи этого времени можно отмѣтить, какъ и для формъ, два періода: первый, до конца шестидесятыхъ годовъ, это продолженіе живописнаго періода времени Императора Николая I; второй, семидесятые годы, орнаментное направленіе.

Живописный періодъ въ пятидесятые и шестидесятые годы достигъ своего апогея, имѣя такихъ руководителей какъ художники Будэ и Босэ, такихъ знатоковъ живописной техники, какъ Липпольдъ, и такихъ мастеровъ-художниковъ, какъ Мироновъ, Кирсановъ, Красовскіе и другіе.

Стр. 259.
Рис. 386. Тарелка, м. [mark], д. 5½ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 24,5 cm.

О выдающихся по техникѣ и сходству съ оригиналомъ копіяхъ Липпольда можетъ дать представленіе Отшельникъ Герарда Дау (рис. 349). Остается добавить, что Липпольдъ и въ передачѣ красокъ неподражаемъ. Изъ другихъ копій Липпольда наиболѣе удачны: Мадонна Мурильо (скопирована въ 1857 году), Св. Іоаннъ Креститель съ агнцемъ Мурильо (скопирована въ 1863 году). Однимъ изъ послѣднихъ образцовъ живописи на стеклѣ, исполненной на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ (мастеромъ Васильевымъ, состоявшимъ при стеклянномъ заводѣ), является копія съ картины Рафаэля: Богоматерь съ младенцемъ Христомъ и Іоанномъ Крестителемъ (рис. 352). Съ конца шестидесятыхъ годовъ этотъ родъ живописи совсѣмъ прекратился.

Стр 259.

Рис. 387. Сервизъ фельдмаршала кн. Барятинскаго: раковина для закуски, м. [mark], д. 3¹⁄₄ в. (Имп. Зав.). Service du feld-maréchal pr. Barjatinsky: coquille, d. 14,5 cm.

Различали по сюжетамъ два рода живописи: историческую, или фигурную, и цвѣточную. Изъ многочисленныхъ фигуристовъ, безусловно лучшія произведенія дали Мироновъ, Тарачковъ и Кирсановъ. Образцомъ могутъ служить амуры на вазѣ вѣнской выставки, исполненные отчасти Тарачковымъ, преимущественно же Мироновымъ. Можно смѣло сказать, что фигурная живопись муфельными красками на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ никогда выше этого произведенія Миронова не поднималась, да и между произведеніями западно-европейскихъ живописцевъ на фарфорѣ съ трудомъ можетъ быть указано что-либо болѣе выдающееся.

Фигурная живопись, обыкновенно полихромная (рис. 351, 355, 363 и др.), иногда исполнялась также подъ камеи (рис. 380 I). Однимъ изъ лучшихъ образцовъ этого рода живописи можетъ быть признанъ хороводъ амуровъ, изображающихъ мѣсяцы года, на маленькомъ кругломъ столикѣ, сохраняющемся въ музеѣ Императорскихъ заводовъ и расписанномъ тѣмъ же Мироновымъ.

То, что сказано о фигурной живописи работы Миронова и друг., слѣдуетъ сказать о цвѣточной живописи Ф. и К. Красовскихъ (рис. 351, 356, 364). Болѣе того, можно утверждать, что живыхъ цвѣтовъ никто и никогда не изображалъ на фарфорѣ съ большимъ совершенствомъ, чѣмъ Красовскіе, особенно К. Красовскій, развившій свой талантъ подъ руководствомъ Будэ и Босэ, но потомъ самостоятельно изучившій природу цвѣтовъ. Обладая вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ художественнымъ вкусомъ, поразительнымъ знаніемъ техники живописи на фарфорѣ и страстною любовью къ своему дѣлу, онъ далъ много художественныхъ произведеній, либо по эскизамъ своихъ учителей, либо по своимъ собственнымъ композиціямъ (рис. 364).

Стр. 256, 259

Рис. 388. Ваза, б. м., в. 11 в. (Имп. Зав.). Vase, h. 49 cm.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ, копированіе картинъ прекратилось. Примѣненіе фигурной живописи тоже сократилось, равно какъ и выборъ сюжетовъ: изображенія святыхъ писались еще на пасхальныхъ яйцахъ (рис. 350), но и то рѣже, чѣмъ раньше. Исключеніемъ являются вазы съ изображеніемъ батальныхъ сценъ изъ жизни Скобелева (рис. 369). Одно время усердно рисовали миніатюрные портреты историческихъ лицъ на сервизныхъ вещахъ (рис. 380), такъ, напр., обращаютъ вниманіе портреты русскихъ Государей и Государынь на сервизѣ, исполненномъ въ русскомъ стилѣ (рис. 374).

Особую группу составляютъ тарелки съ изображеніемъ войсковыхъ частей (рис. 383—386). [273] Первая серія этихъ тарелокъ изготовлялась съ 1866 г., вторая серія—съ 1875 г., каждая серія въ двойныхъ экземплярахъ: одинъ для Государя Императора, другой для Государя Наслѣдника.

Писались тарелки первой серіи по рисункамъ, сдѣланнымъ въ музеѣ Главнаго интендантскаго управленія, преимущественно художникомъ Пиратскимъ. Вторая серія не была окончена въ царствованіе Императора Александра II (изъ 120 сдѣланы были лишь 75 въ двухъ экземплярахъ) и продолжалась до 1886 г. по рисункамъ профессора Шарлеманя, доставлявшимся на заводъ непосредственно Кабинетомъ Е. И. В.

Послѣ 1886 г. изображеніе войскъ на тарелкахъ болѣе не возобновлялось.

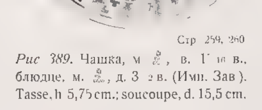
Живопись на всѣхъ тарелкахъ времени Императора Александра II очень хороша, превосходитъ даже живопись военныхъ тарелокъ времени Императора Николая I. Живопись же на тарелкахъ восьмидесятыхъ годовъ слабѣе.

Впродолженіе семидесятыхъ годовъ сдѣланы были попытки возвратить фигурную живопись, пользуясь для этого образцами прежняго времени (рис. 378), на истинный путь—декоративной живописи. Но попытки эти были невполнѣ удачны, какъ можно видѣть изъ исполненнаго эмалевыми красками китайскаго жанра на чайникѣ изъ музея Императорскихъ заводовъ (рис. 375).

Существуетъ въ музеѣ Императорскихъ заводовъ сервизъ съ сюжетами изъ дѣтской жизни, скопированными точь-въ-точь съ картинокъ одной нѣмецкой книжечки для дѣтскаго чтенія: едва ли можно не видѣть въ этомъ указаніе на безразличное отношеніе къ истинной художественности исполняемыхъ предметовъ.

Пейзажная живопись въ царствованіе Императора Александра II не особенно часто примѣнялась и ограничивалась видами дворцовъ и загородныхъ парковъ.

Среди мастеровъ-пейзажистовъ не было такихъ художниковъ, которые могли бы идти въ сравненіе съ Мироновымъ и Красовскимъ.

Стр 259, 260

Рис 389. Чашка, м , в. 1 16 в., блюдце, м. , д. 3 2 в. (Имп. Зав). Tasse, h 5,75 cm.; soucoupe, d. 15,5 cm.

Орнаментная живопись въ первую половину разсматриваемаго періода играла незначительную роль: на вазахъ съ копіями извѣстныхъ картинъ (рис. 355 и др.) скульптурный орнаментъ и цвѣточная живопись совершенно почти вытѣснили живописный орнаментъ.

Сервизныя вещи украшались орнаментомъ обычно по прежнимъ образцамъ (рис. 344 346, 379, 380, 387), за исключеніемъ нѣкоторыхъ вещей, предназначенныхъ для поднесеній, въ родѣ, напримѣръ, военныхъ тарелокъ (рис. 383—386).

Подъ вліяніемъ Государыни Императрицы администрація завода должна была обратить больше вниманія на живописный орнаментъ. Задача была не изъ легкихъ. Государыня указывала на орнаментъ въ связи съ новыми формами, гармоничное же сочетаніе этихъ элементовъ въ произведеніяхъ художественной керамики является какъ результатъ творчества: неудача была почти предрѣшена.

Заводскіе художники проектировали и орнаменты, подобно формамъ, въ различныхъ стиляхъ. Стиль Людовика XV не пользовался вниманіемъ, зато часто работали въ стилѣ Людовика XVI, въ стилѣ ампиръ, китайскомъ (рис. 336), очень часто и въ русскомъ стилѣ (рис. 388, 389). Далеко не всегда стиль отличался выдержанностью, не всегда также стиль орнамента соотвѣтствовалъ формѣ. Было бы несправедливо и въ этомъ случаѣ упрекать администрацію завода въ равнодушіи къ успѣхамъ. Администрація и тутъ не ограничивалась работами своихъ служащихъ: были привлечены къ составленію проектовъ посторонніе художники, славившіеся въ то время какъ первоклассные декораторы. Отъ этихъ

художниковъ заводъ могъ ожидать незаурядныхъ орнаментныхъ проектовъ. Дѣйствительно, были съ ихъ стороны попытки дать нѣчто оригинальное, но что сказано выше относительно формъ, то остается повторить и относительно орнамента: попытки на самостоятельность не были удачны, отчасти потому, что лица, дававшія проекты, напримѣръ, Монигетти и Шрейберъ, были не художники-керамисты, а архитектора, поэтому ихъ живописные орнаменты напоминаютъ рѣзныя или лѣпныя архитектурныя украшенія (рис. 373, 374); есть въ музеѣ Императорскихъ заводовъ даже чашка съ блюдцемъ, орнаментъ коихъ скопированъ съ вышивки (рис. 389). Надежда администраціи завода на постороннихъ художниковъ и въ этомъ случаѣ не оправдалась.

Все же заслуживаетъ вниманія самый фактъ исканія новыхъ путей: это являлось залогомъ, что Императорскій фарфоровый заводъ сохранилъ еще признаки жизни и могъ надѣяться на лучшее будущее.

Стр 254

Рис. 390. Курильница, м. ♔. в. 4½ в. (колл. Н. А. Лукутина). Cassolette, h. 20 cm.

Рис. 391. Вазы, м. [illegible], в. 10, 11, 11 в. (Имп. Зав.).
Vases, h. 44,5, 49, 49 cm.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

СОСТОЯНІЕ ЗАВОДА ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. ШТАТЪ 1890 г. И ПРИСОЕДИНЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО СТЕКЛЯННАГО ЗАВОДА. СРЕДСТВА И ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.—ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ И БЫТЪ РАБОЧИХЪ.

Періодъ, обнимающій царствованіе Императора Александра III, отличается въ исторіи Императорскаго фарфороваго завода большимъ единствомъ, благодаря тому, что во главѣ завода стоялъ все время Д. Н. Гурьевъ.

Несмотря на недавнее, сравнительно, время, документальныя данныя о дѣятельности заводской администраціи за этотъ періодъ не вполнѣ сохранились: [1] поэтому часто извѣстны мѣропріятія и факты, но не извѣстны ихъ причины и результаты, или, наоборотъ, имѣются налицо результаты, но не извѣстно, дѣятельности какихъ лицъ эти результаты должны быть приписаны.

Замѣчанія, которыя благоугодно было Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ сдѣлать директору завода на пріемѣ въ Петергофѣ 17 іюня 1881 года, [2] послужили для него основаніемъ ходатайствъ предъ Кабинетомъ Е. И. В. о различныхъ необходимыхъ мѣрахъ для приведенія завода въ такое состояніе, „какъ по производству, такъ и по наружному виду,“ которое соотвѣтствовало бы наименованію его Императорскимъ. [3]

Въ то же время и въ Министерствѣ Императорскаго Двора пришли, повидимому, къ убѣжденію, что Императорскіе заводы, при сохраненіи прежняго порядка управленія и организаціи, не могутъ не подвергаться справедливымъ нареканіямъ.

Въ предложеніи Кабинету Е. И. В., отъ 20 сентября 1881 г.,[4] министръ Императорскаго Двора гр. Воронцовъ-Дашковъ призналъ „своевременнымъ возбудить вопросъ: не слѣдуетъ ли состоящіе въ завѣдываніи Кабинета Е. И. В. фарфоровый и стеклянный заводы передать въ вѣдомство Императорской Академіи Художествъ,“ и предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ „войти въ обсужденіе, совмѣстно съ правленіемъ Академіи, какъ удобства и пользы таковой передачи, такъ и основаній, на коихъ она можетъ быть совершена“...

Одновременно министръ Двора обратился съ тождественнымъ предложеніемъ и въ правленіе Императорской Академіи Художествъ.[5]

Такимъ образомъ, мысль о передачѣ заводовъ въ вѣдомство Императорской Академіи Художествъ исходила не отъ Академіи.

Нельзя сказать, чтобы эта мысль была безосновательной, если вспомнить, что упадокъ Императорскихъ заводовъ выразился, главнымъ образомъ, въ художественной части, мозаичное же заведеніе, переведенное съ 1862 года изъ Императорскаго стекляннаго завода въ Академію Художествъ, быстро достигло тамъ въ художественномъ отношеніи полнаго процвѣтанія.

Однако, вопросъ шелъ не только о передачѣ Императорскихъ заводовъ изъ вѣдомства Кабинета Е. И. В. въ вѣдѣніе Императорской Академіи Художествъ, но прежде всего о самомъ ихъ существованіи: объ упраздненіи или сохраненіи заводовъ.[6]

Мысль о безполезности Императорскихъ заводовъ, которые убыточны для Кабинета и не достигаютъ художественныхъ цѣлей, съ особенной настойчивостью поддерживалъ бывшій директоръ Императорскаго стекляннаго завода Деревицкій, мнѣніе котораго очень цѣнилось Кабинетомъ Е. И. В., какъ мнѣніе лица, непосредственно знакомаго съ дѣломъ, стоявшаго даже во главѣ одного изъ Императорскихъ заводовъ и уже не заинтересованнаго лично въ судьбѣ ихъ.[7]

Ближайшее участіе въ разрѣшеніи вопроса принадлежало президенту Академіи Художествъ, Великому Князю Владиміру Александровичу.

Ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, съ состояніемъ заводовъ и ихъ штатами, Великій Князь не считалъ возможнымъ принять заводы въ вѣдѣніе Академіи въ томъ состояніи, въ какомъ они были, „какъ потому, что штаты слишкомъ низки, чтобъ заводы могли быть обезпечены соотвѣтственнымъ составомъ рабочихъ, техниковъ и хорошею администраціею, такъ и потому, что всѣ зданія завода находятся въ положеніи, требующемъ совершеннаго переустройства, согласно новѣйшимъ техническимъ усовершенствованіямъ.“[8]

Великій Князь, однако, не исключалъ, вообще, возможности принятія заводовъ въ вѣдѣніе Академіи Художествъ, скорѣе наоборотъ; но прежде всего онъ полагалъ необходимымъ всесторонне обсудить, надо ли сохранить заводы или выгоднѣе уничтожить оба или одинъ изъ нихъ, а въ случаѣ сохраненія, указать мѣры къ приведенію заводовъ въ надлежащее положеніе.[8]

Для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ Великій Князь предложилъ составить комиссію изъ семи компетентныхъ лицъ,[9] при чемъ выразилъ желаніе, чтобы комиссія разсмотрѣла, между прочимъ, проектъ проф. Кракау на сооруженіе новаго зданія для фарфороваго завода. Это тотъ самый проектъ, который былъ составленъ Кракау совмѣстно съ директоромъ Ренненкампфомъ.[10]

Послѣднее желаніе президента свидѣтельствуетъ, что, въ дѣйствительности, мысль объ уничтоженіи фарфороваго завода была уже оставлена. Вскорѣ обстоятельства выяснились въ самомъ благопріятномъ для завода смыслѣ.

18 января 1882 года члены комиссіи представлялись Великому Князю Владиміру Александровичу, который выразилъ, что „Государю Императору благоугодно, чтобъ Императорскій фарфоровый заводъ былъ поставленъ въ самыя наилучшія условія, какъ въ отношеніи техническомъ, такъ и художе-

ственномъ, дабы онъ могъ достойно носить наименованіе Императорскаго и служить образцомъ для всѣхъ частныхъ заводчиковъ по этой отрасли промышленности.“ [11]

Вслѣдствіе таковой воли Государя, Великій Князь просилъ членовъ комиссіи „подробно осмотрѣть заводъ и совершенно откровенно выразить свое мнѣніе о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять для точнаго и добросовѣстнаго исполненія воли Государя Императора.“ [11]

Комиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Паукера и при участіи директора завода и двухъ заводскихъ спеціалистовъ, [12] осмотрѣла, 27 января, заводъ въ техническомъ и, отчасти, въ строительномъ отношеніи. Результаты осмотра изложены въ докладной запискѣ конференцъ-секретаря Академіи Художествъ ея президенту. [13]

„Найдено: устройство завода въ техническомъ отношеніи совершенно неудовлетворительно. Размѣщеніе составныхъ частей произвольное, поэтому вредитъ успѣху работъ.

Масса фарфоровая, вообще, хороша, но, конечно, при усердіи и знаніяхъ техника, должна быть усовершенствована.

Зданіе завода опасно, всѣ стѣны въ трещинахъ; требуетъ новаго переустройства. Музеи не соотвѣтствуютъ своему назначенію.“

Комиссіей предложено для дальнѣйшихъ работъ: снять подробные планы со зданій завода и просить директора завода составить подробное описаніе всѣхъ работъ въ систематическомъ порядкѣ, съ показаніемъ при каждомъ отдѣлѣ работъ числа рабочихъ и средняго годового заработка. [14]

Рис. 392. Императоръ Александръ III, б. м., в. 23 в. (Имп. Зав.).
L'Empereur Alexandre III, h. 1,02 m.

Гурьевъ представилъ завѣдывавшему дѣлами Императорскихъ заводовъ члену Кабинета Е. И. В. Островскому составленную имъ записку, [15] въ которой приведены цифры и факты, рисующіе состояніе завода въ началѣ разсматриваемаго періода. Если въ запискѣ оцѣнка фактовъ, быть можетъ, далеко не всегда безпристрастна, зато заслуживаетъ вниманія перечень предложенныхъ мѣръ къ исправленію всѣхъ отмѣченныхъ недостатковъ производства. Программа эта тѣмъ болѣе важна, что впослѣдствіи она полностью почти была осуществлена Д. Н. Гурьевымъ.

Состояніе Императорскаго фарфороваго завода, по запискѣ, представляется слѣдующимъ образомъ. Кромѣ собственно заводскихъ зданій, состоявшихъ изъ главнаго корпуса съ тремя флигелями, и амбаровъ на дворѣ, обнесенныхъ ветхимъ полуразвалившимся заборомъ, Императорскій фарфоровый заводъ владѣлъ еще одиннадцатью деревянными и каменными особняками, въ которыхъ помѣщались служащіе, рабочіе, лазаретъ и пр.

Личный составъ завода, кромѣ директора, бухгалтера и полицеймейстера, состоялъ изъ 5 человѣкъ канцелярскихъ, служителей, 2 комиссаровъ (хранителей бѣлаго и живописнаго фарфора), 2 укладчиковъ, 3 писцовъ и одного мальчика при магазинѣ и мастерскихъ, 12 человѣкъ инвалидной команды, 34 чернорабочихъ и служителей (2 кучера, водовозъ, разсыльный, фонарщикъ, вахтеръ, ламповщикъ, столяръ, плотникъ, 2 печника, 19 дворниковъ и сторожей, 4 пильщика дровъ), 5 человѣкъ при машинѣ (машинистъ, помощникъ, 2 кочегара, 1 кузнецъ). Всего по конторѣ, хозяйственной и полицейской частямъ 67 человѣкъ.

По технической части состояли: 1 инженеръ-технологъ для надзора за составомъ массы и обжигомъ, 1 помощникъ и рабочихъ: по капсельной —5, при обжигѣ—12, при выдѣлкѣ массы—15, при формовской—2, при подтачивальнѣ—4, при глазурной—4, всего 44 человѣка.

По бѣлой палатѣ, въ токарномъ отдѣленіи, подъ надзоромъ одного токарнаго мастера: 12 токарей, 1 десятникъ, 1 отливальщикъ пластовъ, 1 сортировщикъ и 4 ученика, всего 20 человѣкъ. Въ скульптурной, подъ надзоромъ 1 модельмейстера, 11 скульпторовъ, всего 12 человѣкъ. Въ живописной мастерской, подъ надзоромъ 1 главнаго мастера и 1 мастера живописи, 48 живописцевъ и 2 полировщика, всего 52 человѣка, и при лабораторіи: 1 лаборантъ, 1 мастеръ муфельнаго обжига, 4 рабочихъ, итого 6 человѣкъ.

Кромѣ того, состояло по школѣ и техническому училищу по 12 чел. въ каждомъ, при 1 смотрителѣ и 5 учителяхъ, итого 30 чел., и при лазаретѣ: 1 докторъ и 1 фельдшеръ—2 чел.

Такимъ образомъ, весь личный составъ завода опредѣлялся въ 233 человѣка.

Стр. 2·2

Рис. 393. Ваза, м. ♗, в. 13 1/2 в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 60 cm.

На ежегодное производство заводъ употреблялъ дровъ до 1.600 куб. саж., каменнаго угля до 25.000 пуд., глины капсельной до 12.000 пуд., глины фарфоровой до 900 пуд., кварцу и шпату до 2.500 пуд., красокъ на 600 р., чистаго золота до 10 фун.

Расходъ готовыхъ вещей Гурьевъ указываетъ тотъ же, что и Островскій въ упомянутой въ предыдущей главѣ запискѣ:[16] поднесенія къ Высочайшему Двору на 60 тыс. рублей, заказы Придворной Конторы на 15 тыс. руб. и частная продажа на 3 12 тысячъ руб. (послѣдняя цифра относится къ болѣе раннимъ годамъ).

По балансу на 1 января 1882 г. на заводѣ числилось: имущества по инвентарю: зданій, горновъ, машинъ и инструментовъ на 107.714 руб., матеріалу разнаго на 62.548 р., бѣлыхъ фарфоровыхъ вещей 1-го разбора на 38.911 руб., 2-го разбора на 5.113 р., 3-го разбора на 559 р., живописныхъ готовыхъ вещей всѣхъ трехъ разборовъ на 74.018 р., всего на 378.863 руб.

Къ тому же времени на заводѣ числилось долга 44.049 руб.

Такимъ образомъ, чистый капиталъ завода простирался едва до 335 тысячъ рублей.

Сравнивая эти итоги съ итогами не только времени Императора Николая I, но даже еще времени Императрицы Екатерины II, нельзя не признать нѣкоторой доли правды за пессимистическимъ выводомъ Гурьева, что Императорскій фарфоровый заводъ, „существующій на особенно благопріятныхъ условіяхъ и при даровой администраціи, готовомъ зданіи, машинахъ, при даровомъ ремонтѣ, свободный отъ всякихъ патентовъ и сборовъ, сбывающій, наконецъ, свои произведенія не всегда хорошихъ качествъ, всегда очень по высокой цѣнѣ, вмѣсто того, чтобы теперь обладать большимъ капиталомъ, совершенно разоренъ...“

Критикуя затѣмъ порядки, при которыхъ работалъ Императорскій заводъ, Гурьевъ отмѣтилъ основную причину безрезультатности его дѣйствій: „Главный недостатокъ нашего завода говоритъ онъ – отсутствіе въ немъ хорошаго хозяйства и совершенное неимѣніе плана дѣйствій. Мѣстное начальство несамостоятельно, и потому неотвѣтственно, формальностей масса, а потому на бумагѣ все въ порядкѣ, въ дѣйствительности же вездѣ хаосъ.“ Впрочемъ, указывая на „отсутствіе плана дѣйствій,“ директоръ, какъ видно изъ

Стр 292

Рис. 394. Ваза, м. ♗, в. $11^{5}/_{8}$ в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 52 cm.

контекста, имѣлъ въ виду почти исключительно планомѣрность хозяйства, но не планомѣрность художественнаго направленія или высшихъ цѣлей, которыя долженъ былъ преслѣдовать Императорскій фарфоровый заводъ.

Кромѣ отсутствія планомѣрности дѣйствій, въ запискѣ отмѣчены слѣдующіе недостатки организаціи: 1) несамостоятельность директора, 2) формализмъ дѣлопроизводства, 3) чрезмѣрное количество административныхъ лицъ, при чемъ, хотя администрація поглощала почти третью часть заводского бюджета, но всѣ чиновники, въ отдѣльности, получали весьма незначительные оклады, на которые обыкновенно шли люди, или не имѣвшіе никакихъ знаній, или не заслуживавшіе довѣрія.

Въ самомъ дѣлѣ: на мѣсто перваго специалиста завода, инженеръ-технолога съ жалованьемъ въ 1.000 р., могъ поступить только человѣкъ, либо временно вынужденный принять такое мѣсто, либо ни на что лучшее не надѣющійся, слѣдовательно, человѣкъ для завода, вѣроятно, безполезный. Въ запискѣ умалчивается о должности директора, получавшаго всего лишь 1.800 р. Но замѣчаніе, высказанное по отношенію къ должности технолога, въ такой же мѣрѣ примѣнимо и къ должности директора. Не совсѣмъ безъ основанія указывала записка и на вредныя послѣдствія порядковъ, обусловленныхъ правилами единства кассы министерства: благодаря расплатѣ по талонамъ, всѣ матеріалы приходилось покупать по значительно повышеннымъ противъ рыночныхъ цѣнамъ, при чемъ обязанность заводской администраціи, согласно министерскимъ предписаніямъ, платить за все не выше справочныхъ цѣнъ, нерегулярно и неумѣло издававшихся городской управой, заставляла, по словамъ записки, заводское начальство допускать своего рода подлоги, лишь бы исполнить формально требованія контроля.

Переходя къ критикѣ самаго производства, директоръ выдвигаетъ на первый планъ деморализацію рабочихъ, такъ какъ лица, которымъ порученъ надзоръ за рабочими, небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, будто бы, вслѣдствіе увѣренности, что на такое жалованье, какъ ихъ, нельзя найти порядочныхъ служащихъ. Деморализація рабочихъ доходила, будто бы, до того, что частные заводы не желали принимать къ себѣ людей, работавшихъ раньше на Императорскомъ заводѣ, которые, какъ подтверждаетъ Гурьевъ, дѣйствительно, „лѣнивы, неискусны въ своей работѣ, индиферентны къ своему дѣлу, но зато люди съ большими претензіями и сомнительной нравственностью;“ все это, разумѣется, должно было гибельно отзываться на производствѣ: „небрежность стала общимъ явленіемъ; всѣ операціи производились по шаблону, рутинѣ, на глазомѣръ; первые матеріалы вводились въ составъ массы безъ надлежащей очистки, смѣшивались не по вѣсу и не по объему, а на глазъ; горны обжигались безъ надзора техника; огнемъ управлять не умѣли; скульптурная, токарная и живописная мастерскія наполнены неискусными мастерами въ количествѣ, превышающемъ дѣйствительную потребность производства; мастера эти переполняютъ кладовыя завода ненужными произведеніями, работая то, что для

Стр 2.

Рис. 395. Курильница, м. ♗, в. $10^{3}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Cassolette, h 48 cm.

нихъ выгоднѣе, хотя и никому не нужное, между тѣмъ какъ заказы Придворной Конторы оставались не исполненными.“ Особенно возставалъ Гурьевъ противъ способа пополненія личнаго состава: „Принимаются на заводъ ненужные мастера оттого, что всѣ они мѣстные жители: сыновья, братья, родные теперешнихъ или бывшихъ фарфоровыхъ мастеровъ, и всѣ они до того привыкли смотрѣть на средства завода, какъ на свое обязательное достояніе, что увольненіе даже порочныхъ изъ нихъ возбуждало глухой ропотъ и считалось еще недавно несправедливостью. Всѣ старшія лица на заводѣ, за немногими исключеніями, тоже изъ мѣстныхъ жителей и изъ той же семьи, а потому борьба съ закоренѣлыми эксплоататорскими обычаями, укоренившимися на заводѣ, чрезвычайно тяжела, цѣли завода давно забыты, идеи его совершенствованія не допускались, и еще очень недавно считалось и безполезнымъ, и невозможнымъ добиться лучшаго и болѣе дешеваго производства; всѣ помыслы и интересы всѣхъ сосредоточивались на томъ, чтобы оберечь существовавшій до сего порядокъ расхода штатной и оборотной заводской суммы.“

Стр. 293

Рис. 396. Тарелка, Н. Семеновъ 1882 г, д. 5½ в. (Имп. Зав.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Одной изъ причинъ неудовлетворительности личнаго состава мастеровъ, особенно по живописной, Гурьевъ считалъ заводское техническое училище.

„Всѣ наши живописцы изъ нашего техническаго училища, и между ними есть очень искусные живописцы по фарфору, но всѣ они только копіисты, составить рисунка ни одинъ не можетъ, и рѣдкій изъ нихъ можетъ самъ подобрать краски къ оригиналу, исполненному въ одномъ цвѣтѣ; а между тѣмъ наше техническое училище стоитъ заводу 3.300 р. въ годъ, что очень много для такого ничтожнаго результата.“

Гурьевъ предлагалъ уничтожить заводское техническое училище, вмѣсто того содержать заводскихъ стипендіатовъ въ Технологическомъ Институтѣ и въ Академіи Художествъ и аспирантовъ при заводѣ.

Предыдущая глава свидѣтельствуетъ, что въ запискѣ сгущены краски, но содержится и много правды. Въ заключеніе своей критики Гурьевъ перечислилъ нѣсколько необходимыхъ мѣропріятій, которыя, по его мнѣнію, быстро привели бы заводъ въ цвѣтущее состояніе. Вотъ эти мѣры: 1) составить новые штаты, не увеличивая смѣты, 2) капитально ремонтировать заводское зданіе, уменьшивъ жилые дома въ объемѣ и количествѣ, 3) перестроить заводскіе горны, тоже уменьшивъ ихъ число, 4) сдѣлать не терпящія отлагательства нѣкоторыя приспособленія для техническаго усовершенствованія производства, 5) дать директору завода самостоятельность, возложивъ на него и отвѣтственность за успѣхъ завода, 6) образовать страховую заводскую кассу на оборотную сумму завода, 7) обязать заводъ никогда и ни подъ какимъ видомъ не продавать въ частныя руки фарфора крашеннаго, прошедшаго черезъ муфель; такого рода фарфоръ можетъ быть представляемъ только къ Высочайшему Двору; браки же отъ него должны быть уничтожаемы; въ частныя руки могутъ быть продаваемы только бѣлые

Стр 293

Рис. 397. Тарелка, А. Мироновъ 1883 г., д. 5½ в. (Имп. Зав).
Assiette, d. 24 5 cm.

браки, подъ условіемъ, чтобы заводская марка была съ нихъ выточена, 8) отмѣнить посылку разнымъ чиновникамъ Министерства Императорскаго Двора подарковъ фарфоромъ два раза въ годъ: на Рождество и на Пасху. Послѣднія двѣ мѣры директоръ завода считалъ важными въ экономическомъ отношеніи.

Стр 293

Рис. 398. Тарелка, А. Мироновъ 1881 г., д. 5½ в. (Имп. Зав.).
Assiette, d. 24,5 cm.

Разбирая сущность предложенныхъ мѣропріятій къ достиженію процвѣтанія завода, нельзя не замѣтить, что не всѣ эти мѣры равноцѣнны и не всѣ вытекаютъ изъ одного какого-либо руководящаго принципа. Ни ремонтъ зданій, ни введеніе техническихъ усовершенствованій не могли имѣть принципіальнаго значенія: эти мѣры вызывались естественнымъ ходомъ времени и производства. Принципіальное значеніе могли имѣть только три пункта: 1) составленіе новыхъ штатовъ, имѣющихъ въ виду сокращеніе служащихъ численно, но зато поднятіе качествъ служащихъ путемъ назначенія бóльшихъ окладовъ и, слѣдовательно, привлеченія лучшихъ силъ, 2) самостоятельность директора завода, 3) запрещеніе продажи издѣлій завода въ частныя руки.

Послѣдній пунктъ центральный, ибо онъ опредѣляетъ тѣ цѣли, какія, въ дѣйствительности Гурьевъ ставилъ Императорскому фарфоровому заводу, который-де „не только долженъ производить предметы высокаго искусства и большой технической трудности, но, во всякомъ случаѣ, долженъ имѣть серьезное воспитательное значеніе для рабочихъ и мастеровъ."

Послѣдняя фраза—красивый стилистическій оборотъ, по существу же имѣлась въ виду извѣстная дрессировка поведенія рабочихъ, хотя, конечно, навыкъ къ дисциплинѣ могъ обусловить и болѣе серьезное отношеніе къ исполненію обязанностей, насколько это зависѣло отъ усиленнаго надзора и строгихъ мѣръ.

Гораздо важнѣе высказанное въ томъ же докладѣ предположеніе, что „Императорскій фарфоровый заводъ будетъ въ будущемъ удовлетворять только потребности рождественскаго и пасхальнаго поднесеній и дополнять разбитую посуду въ кладовыхъ Большого дворца."

Стр. 293.

Рис. 399. Тарелка, Ѳ. Тарачковъ 1886 г., д. 5½ в. (Имп. Зав.).
Assiette, d. 24,5 cm.

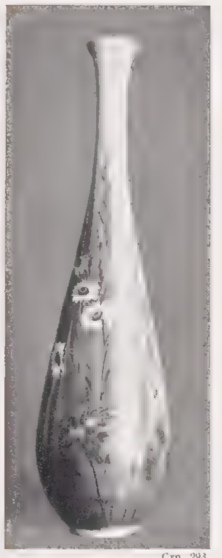
Какая огромная разница между цѣлью, указанной для Императорскаго фарфороваго завода графомъ Гурьевымъ при Императорѣ Александрѣ I, и цѣлью, намѣченной для завода Д. Н. Гурьевымъ въ 1882 году! Одинъ хотѣлъ Императорскій заводъ поставить на коммерческихъ началахъ, чуть ли не монополизировать фарфоровое производство въ Россіи; другой стремился, повидимому, придать заводу обликъ чисто художественнаго заведенія, но работающаго исключительно для придворнаго вѣдомства. И какъ далеки оба взгляда отъ широкаго замысла гр. Перовскаго, который ставилъ дѣйствительно высокую задачу Императорскимъ заводамъ! Идея національизаціи завода въ программѣ 1882 года совсѣмъ заглохла. И это тѣмъ болѣе удивительно, что при осуществленіи подобной программы не могла осуществиться воля Императора, чтобы Императорскій фарфоровый заводъ служилъ образцомъ для подобныхъ заведеній въ Россіи.

Гурьевъ не допускалъ серьезно мысли о переходѣ завода въ управленіе Императорской Академіи Художествъ, поэтому и въ докладѣ своемъ онъ имѣетъ въ виду отнюдь не Академію, а Кабинетъ Его Императорскаго Величества. Мысль о передачѣ Императорскихъ заводовъ Академіи раздѣляли далеко не всѣ и въ Кабинетѣ: между прочимъ членъ Кабинета Каменевъ оспаривалъ заключеніе бывшаго директора стекляннаго завода Деревицкаго о невозможности для Кабинета привести Императорскіе заводы въ дѣйствительное благосостояніе. [17]

Вѣроятно, и Академія Художествъ не находила удобнымъ принять на свою отвѣтственность такое сложное дѣло, какъ управленіе обоими Императорскими заводами, которое притомъ не стояло на правильномъ пути.

Такимъ образомъ, дѣло о передачѣ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ въ вѣдомство Императорской Академіи Художествъ окончилось ничѣмъ. [18] Заводы попрежнему остались въ вѣдѣніи Кабинета, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, Кабинету остались и заботы о реформѣ заводовъ.

Но въ Кабинетѣ въ это время не было лица, которое особенно интересовалось бы фарфоровымъ и стекляннымъ заводами и которое могло бы предложить опредѣленную программу ихъ реформъ. Преимущество положенія Гурьева въ томъ и заключалось, что онъ одинъ имѣлъ опредѣленную программу, и, какъ единственная, эта программа имѣла всѣ шансы на успѣхъ: въ Кабинетѣ ни у кого не являлось мысли критиковать тѣ принципы, которые были положены въ основаніе программы, если они не шли въ разрѣзъ съ установившимся порядкомъ дѣлопроизводства Кабинета, какъ напримѣръ, предоставленіе самостоятельности мѣстному заводскому начальству; съ тѣмъ большей предупредительностью принимались въ Кабинетѣ остальныя предложенія; даже въ ассигнованіи денежныхъ средствъ Гурьеву удалось добиться такихъ результатовъ, на которые, имѣя въ виду предшествовавшій режимъ, директоръ едва ли могъ разсчитывать.

Стр. 293.
Рис. 400. Ваза, м. ♔, в. 18 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 80 cm.

Въ этомъ случаѣ, несомнѣнно, Гурьевъ находилъ сильную опору въ ссылкѣ на выраженную волю Государя Императора, чтобы Императорскій фарфоровый заводъ и внѣшнимъ видомъ соотвѣтствовалъ своему наименованію. Дѣло о реорганизаціи Императорскихъ заводовъ, однако, затянулось, отчасти потому, что вопросъ шелъ одновременно объ обоихъ заводахъ, находившихся далеко не въ одинаковомъ положеніи: въ 1882 году на разсмотрѣніе министра Императорскаго Двора былъ внесенъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи стекляннаго завода, какъ весьма убыточнаго для Кабинета учрежденія. [19] Въ совѣтѣ министра, на ряду съ признаніемъ того факта, что справедливы доводы объ убыточности содержанія стекляннаго завода, приняты были во вниманіе какъ „достигнутые имъ успѣхи въ художественномъ стеклодѣліи, предъ которыми стушевывались коммерческія соображенія,“ такъ и то обстоятельство, что „затраты, рискованныя и невозможныя для частныхъ заводовъ, неизбѣжны для Императорскаго завода, въ виду улучшенія имъ техники русскаго стеклодѣлія.“ Приведенные въ совѣтѣ министра мотивы были признаны вполнѣ основательными, и мысль о закрытіи Императорскаго стекляннаго завода не осуществилась.

Направленіе, которое приняло въ совѣтѣ министра дѣло о стеклянномъ заводѣ, конечно, должно было бы имѣть принципіальное значеніе и для судьбы фарфороваго завода, такъ какъ своимъ рѣшеніемъ совѣтъ министра окончательно отрекся отъ

мысли поставить Императорскіе заводы на коммерческихъ началахъ и призналъ неизбѣжнымъ невозвратныя затраты на улучшеніе производства, находя оправданіе для такихъ затратъ въ служеніи Императорскихъ заводовъ цѣлямъ улучшенія промышленности въ Россіи. Къ сожалѣнію, послѣднее соображеніе не было въ совѣтѣ министра выдвинуто на первый планъ, не было достаточно опредѣленно выражено и впослѣдствіи практически игнорировалось.

Стр. 293.

Рис. 401. Блюда, м. Å, д. $6^{1}/_{4}$ в. (Гатч. Дв.).
Plats, d. 27,5 cm.

Потребовалось еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ вопросъ о реорганизаціи Императорскихъ заводовъ получилъ осуществленіе. Втеченіе этого времени заводы, въ 1888 г., съ учрежденіемъ земельно-заводского отдѣла Кабинета Е. И. В., были включены въ кругъ вѣдѣнія этого отдѣла. [20]

Новые штаты, всеподданнѣйше представленные управлявшимъ Кабинетомъ статсъ-секретаремъ Петровымъ, были Высочайше утверждены 14 іюня 1890 года. [21]

Существенною перемѣною въ положеніи Императорскихъ заводовъ по штатамъ 1890 г. было соединеніе обоихъ заводовъ стекляннаго и фарфороваго– подъ однимъ управленіемъ, съ переводомъ всѣхъ мастерскихъ стекляннаго завода въ зданіе фарфороваго завода.

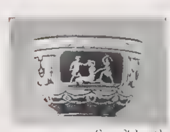
Штаты 1890 года преслѣдовали тѣ именно цѣли, на которыя указывалъ въ 1881 году Гурьевъ: большее матеріальное обезпеченіе отвѣтственныхъ за производство служащихъ безъ увеличенія общей суммы расходовъ по всему личному составу.

Дѣйствительно, положеніе служащихъ на Императорскихъ (какъ и на всякихъ другихъ) заводахъ отличается не мало отъ положенія большинства лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Для успѣха и порядка дѣла старшіе служащіе на заводѣ должны отчасти жить жизнью обыкновеннаго заводского рабочаго: приходить на заводъ и уходить съ завода вмѣстѣ съ рабочими, слѣдовательно, проводить время и работать въ заводскихъ помѣщеніяхъ отъ 8 до 10 часовъ въ сутки. при условіяхъ нерѣдко вредныхъ для здоровья. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мастерскихъ въ воздухѣ постоянно носится фарфоровая пыль, вызывающая заболѣванія дыхательныхъ органовъ; въ другихъ помѣщеніяхъ жара, исходящая отъ фарфоровыхъ горновъ и стеклянныхъ печей, неравномѣрно нагрѣваетъ помѣщеніе, такъ что рабочіе и вмѣстѣ съ ними и руководящіе работами не имѣютъ возможности избѣжать рѣзкихъ переходовъ отъ большого холода къ сильной жарѣ и обратно, подвергаясь, особенно въ осеннее и зимнее время, постоянной опасности острыхъ воспаленій отъ простуды. Къ этому надо еще прибавить, что жизнь на сравнительно далекомъ разстояніи отъ города не только лишаетъ служащихъ на заводахъ многихъ преимуществъ и удобствъ городской жизни, удовольствій и пр., но и затрудняетъ воспитаніе дѣтей и служитъ препятствіемъ къ какому-либо постороннему заработку.

Между тѣмъ веденіе какъ керамическаго, такъ и стекляннаго производствъ въ уровень съ заграничной постановкой этихъ отраслей промышленности требуетъ не только опытныхъ, но и спеціально подготовленныхъ людей, которые могли бы производить самостоятельные научные опыты и изслѣдованія. Чтобы привлечь такихъ людей на Императорскіе заводы, при вышеуказанныхъ условіяхъ службы, дѣйствительно, надо было поставить ихъ въ болѣе обезпеченное матеріальное положеніе, которое не только соотвѣтствовало бы ихъ спеціальному образовательному цензу, но вмѣстѣ съ тѣмъ уравновѣшивало бы неблагопріятныя условія работы.

Оклады служащихъ на Императорскихъ заводахъ по штату 1890 года значительно увеличены, сравнительно съ окладами 1853 года.

Состоявшему въ чинѣ V класса управляющему обоими Императорскими заводами, каковымъ былъ назначенъ Д. Н. Гурьевъ, положено по штату 5.000 р.; четыремъ техникамъ VI класса по 3.000 р., одному технику VI класса 2.500 р. и двумъ техникамъ VII класса по 1.800 р.

Стр. 292, 293.

Рис. 402. Рафаэлевскій сервизъ: чашка, м. , в. $1^{1}/_{8}$ в. (Имп. Зав.). Tasse, h. 5 cm.

Наименованіе техниковъ новымъ штатомъ было присвоено семи главнымъ должностнымъ лицамъ не только по технической собственно, но и по художественно-административной части, каковы модельмейстеръ, главный мастеръ живописи и пр.

Соотвѣтственно увеличено было жалованье смотрителю, который замѣнилъ полицеймейстера завода, а равно и дѣлопроизводителю и бухгалтеру. Всѣмъ 10 штатнымъ служащимъ полагались, кромѣ содержанія, квартиры въ заводскихъ зданіяхъ или квартирныя деньги по положенію. Число писцовъ въ конторѣ заводовъ, составъ и число мастеровъ. рабочихъ и служителей на заводахъ и оклады ихъ жалованья, а также размѣръ кредитовъ на канцелярскіе, хозяйственные, разъѣздные и операціонные расходы, согласно штатамъ 1890 года, опредѣлялись съ утвержденія Кабинета Его Величества.

Значеніе и достоинство штата 1890 года обнаруживаются не столько изъ мотивовъ, которые были офиціально приводимы при ихъ учрежденіи, сколько изъ сравненія со штатами 1853 года, но при непремѣнномъ обращеніи вниманія на разницу условій, естественно измѣнившихся на пространствѣ цѣлой трети столѣтія.

Существенный интересъ представляютъ техническіе служащіе. Штатъ 1890 года увеличилъ ихъ содержаніе для нѣкоторыхъ въ три раза противъ штатовъ 1853 года; но значеніе этого увеличенія значительно падаетъ, если принять въ разсчетъ, что въ 1890 г. жизнь была по меньшей мѣрѣ въ два раза дороже, чѣмъ въ 1853 г. Такимъ образомъ, если химикъ по штату 1853 года получалъ квартиру и 1.000 р. содержанія, а по штату 1890 года квартиру и 3.000 р., то прибавка его равнялась не двумъ, а едва ли одной тысячѣ; но прежде химику, завѣдывавшему и составленіемъ массы, полагался извѣстный процентъ съ вещей 1-го разбора, а по штату 1890 года этого уже не полагалось. Такимъ образомъ, штатъ 1890 г. по отношенію къ техническимъ работникамъ-спеціалистамъ возстановлялъ только ту справедливость, которая была оказана имъ штатами 1853 года и потомъ была нарушена естественнымъ ходомъ времени и связаннымъ съ послѣднимъ повышеніемъ дороговизны жизни.

Если новый штатъ былъ болѣе или менѣе справедливъ по отношенію къ настоящимъ техникамъ, то далеко нельзя сказать того же о художникахъ, которые въ этомъ штатѣ подведены были подъ одну съ первыми категорію, даже по названію.

И вотъ въ этомъ-то случаѣ и обнаруживается, на сколько шире былъ взглядъ у гр. Перовскаго, чѣмъ у лицъ, передѣлавшихъ его штаты въ 1890 году.

Въ самомъ дѣлѣ: во времена Перовскаго можно еще было найти болѣе или менѣе сноснаго скульптора за 1.500 руб., но въ концѣ XIX ст.

Стр. 292, 293

Рис. 403. Рафаэлевскій сервизъ: салатникъ, м. , в. 2 в.; селедочникъ, м. , дл. $6^{1}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Saladier, h. 9 cm.; plat à hors d'oeuvre, l. 27,5 cm.

ни за 3.000 р., ни за 2.000 р., а тѣмъ болѣе за 1.800 р. нельзя было разсчитывать привлечь къ постояннымъ и исключительнымъ работамъ выдающагося художника.

О художникѣ-руководителѣ всей художественною частью заводовъ, которому по штатамъ гр. Перовскаго полагалось 3.500 руб. (что соотвѣтствовало, при справедливой переверсткѣ штатовъ, 7—8 тысячамъ руб.), нечего было и думать.

Изъ штата 1890 года усматривается, что ни Гурьевъ, его вдохновитель, ни Кабинетъ, отъ котораго зависѣло проведеніе штата, при составленіи его не имѣли на самомъ дѣлѣ въ виду истинныхъ задачъ Императорскихъ заводовъ и тѣхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ произведеніямъ художественной промышленности. Первый, высказавъ мысль, что Императорскій заводъ „долженъ производить предметы высокаго искусства и большой технической трудности,“ на самомъ дѣлѣ не опредѣлилъ, въ чемъ же должно заключаться это „высокое искусство,“ которое какъ-будто не отличалось отъ „технической трудности,“ по крайней мѣрѣ, во всѣхъ бумагахъ по поводу реорганизаціи Императорскихъ заводовъ и введенія новыхъ штатовъ преимущественно говорится о „технической сторонѣ“ керамическаго и стекляннаго производствъ, и обходится молчаніемъ чисто художественная сторона.

Стр. 292, 293.

Рис. 404. Рафаэлевскій сервизъ: раковина, м. ♁, д. $2^3/_4$ в.; блюдце, м. ♁, д. $2^3/_4$ в. (Имп. Зав.).
Coquille, d. 12,25 cm.; soucoupe, d. 12,25 cm.

Дѣло понятное: въ Западной Европѣ въ это время техника стеклодѣлія и керамики сдѣлала значительные успѣхи, достигнутые не столько эмпирическимъ путемъ, сколько путемъ научныхъ изслѣдованій; къ тому же, первые матеріалы, поступавшіе на рынокъ, стали столь разнообразны, что смѣшеніе на глазъ, по вѣсу или по мѣрѣ, стало не всегда возможнымъ: необходимы были предварительные анализы матеріаловъ и составленіе смѣсей сообразно аналитическимъ даннымъ. Чтобы въ производствѣ итти въ уровень съ западно-европейской техникой—безъ ученыхъ химиковъ и техниковъ никакъ было не обойтись. Иное дѣло художественная сторона производства: для подражанія западно-европейскимъ издѣліямъ достаточно было хорошихъ копіистовъ, которые на Императорскихъ заводахъ существовали въ избыткѣ. Если директоръ завода въ своемъ докладѣ и подчеркивалъ тотъ фактъ, что живописная мастерская переполнена копіистами, неспособными создать ничего оригинальнаго и даже подобрать самостоятельно краски, но выводъ отсюда у него былъ не тотъ, что необходимо обновить составъ служащихъ самостоятельными художественными силами, а тотъ, что необходимо подражать чужестраннымъ художественнымъ произведеніямъ, не заботясь объ оригинальности; по крайней мѣрѣ, таковой взглядъ постоянно высказывался на заводѣ при обсужденіи работъ художественнаго характера.

Стр. 292, 293.

Рис. 405. Рафаэлевскій сервизъ: тарелки, м. ♁, д. $4^3/_4$, $5^3/_8$ в. (Имп. Зав.).
Assiettes, d. 21, 24 cm.

Съ возстановленіемъ управленія Императорскими заводами было

сопряжено предоставленіе управляющему большей самостоятельности въ художественномъ отношеніи, а отчасти и въ хозяйственномъ, именно: въ использованіи отпускаемыхъ по смѣтамъ средствъ въ предѣлахъ установившагося порядка и при условіи соблюденія правилъ казеннаго хозяйства,[22] не всегда, правда, удобно примѣнимыхъ къ заводской дѣятельности.

Черезъ три года послѣ утвержденія штатовъ Императорскихъ заводовъ, въ 1893 г., въ Кабинетѣ Е. И. В. поднятъ былъ вопросъ о выработкѣ для заводовъ новаго положенія, которое, по мысли, выраженной въ докладѣ и. д. управляющаго Кабинетомъ Гудимъ-Левковича, не только опредѣляло бы общія основанія дѣятельности заводовъ, порядокъ составленія смѣтъ, отчетности и пр., но должно было также коснуться вопроса о возможномъ видоизмѣненіи самаго характера дѣятельности заводовъ. Хотя, съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора, и была образована при Кабинетѣ комиссія для выработки положенія, но на этомъ дѣло и стало.[23]

Изъ пунктовъ программы 1882 года наиболѣе удовлетворительное разрѣшеніе получилъ вопросъ о строительныхъ работахъ, т. е. тотъ вопросъ, удовлетворительное рѣшеніе котораго зависѣло отъ благосклоннаго желанія Кабинета ассигновать достаточныя на сей предметъ суммы.

Въ этомъ отношеніи, фактически, управляющему заводами была предоставлена значительная самостоятельность, что давало ему возможность больше энергіи и времени посвящать существеннымъ функціямъ своей должности.

Заводскія зданія (особенно помѣщенія въ главномъ корпусѣ) уже въ пятидесятыхъ годахъ нуждались въ капитальномъ ремонтѣ. Подправляемыя изъ года въ годъ, втеченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, зданія пришли въ состояніе, близкое къ негодности, что и удостовѣрила въ 1883 году спеціальная комиссія.[24]

Втеченіе десятилѣтія съ 1884 по 1894 годъ заводу было отпущено на ремонтныя и строительныя работы до 400 тысячъ рублей (360.593 руб. 18 коп.).[25] Наиболѣе существенныя строительныя работы пришлось произвести въ 1891 году, при соединеніи обоихъ Императорскихъ заводовъ. По этому поводу въ 1890 году были командированы за границу управляющій заводами Гурьевъ и техникъ Пѣтуховъ.[26]

Стр. 293.

Рис. 406. Жардиньерка, м. $\frac{1}{6}$, в. 4½ в. (Имп. Зав.).
Jardinière, h. 20 cm.

Работы по приспособленію зданій фарфороваго завода для принятія новыхъ мастерскихъ стекляннаго завода были настолько значительны, что пришлось прекратить производство на нѣсколько мѣсяцевъ.[27] Къ одному изъ крыльевъ главнаго зданія былъ пристроенъ обширный стеклянный шатеръ съ печами, установлены 22 новыхъ станка для шлифовки, новый котелъ и новая паровая машина и другія необходимыя приспособленія.[28]

Собственно по фарфоровому заводу втеченіе разсматриваемаго періода, кромѣ ремонта главнаго и другихъ зданій, были устроены новые и перестроены старые горны и помѣщенія для нихъ, устроены сараи и навѣсы для храненія матеріаловъ, приведенъ въ порядокъ заводской дворъ.[29] Для обезпеченія служащихъ на заводахъ квартирами, было пріобрѣтено нѣсколько частныхъ усадьбъ со строеніями и выстроено нѣсколько новыхъ казармъ.[30]

Благоустройство заводской усадьбы и зданій было завершено устройствомъ водопроводной сѣти на участкѣ, занятомъ зданіями Императорскаго фарфороваго завода, (въ 1882 г.), [31] присоединеніемъ завода къ общей телефонной сѣти Петербурга (въ 1885 г.), [32] устройствомъ парового отопленія въ части главнаго зданія (въ 1891 г.). [33]

До введенія штата 1890 г. отпускалось ежегодно на содержаніе фарфороваго завода до 137 тысячъ рублей. [34]

Въ то же время содержаніе стекляннаго завода обходилось болѣе 80-ти тысячъ рублей въ годъ (въ 1890 г. 83.100 р.). Со времени соединенія обоихъ Императорскихъ заводовъ на содержаніе ихъ было израсходовано: въ 1891 г.—168.416 р. 90 к., въ 1892 г.—233.794 р. 61 к., въ 1893 г. 217.745 р. 68 к., въ 1894 г.—216.418 р. 94 к. [35]

На итоги годовой выработки въ царствованіе Императора Александра III величина ассигнованной на содержаніе заводовъ суммы не оказывала прежняго вліянія, такъ какъ теперь уже не стремились къ тому, чтобы покрыть годовой выработкой ту или иную часть ежегоднаго содержанія, показать ту или иную прибыль.

Стр. 292

Рис. 407. Ваза съ крышкою, м. А, в. 10½ в. (Имп. Зав.).
Vase à couvercle, h. 46,5 cm.

Число выработанныхъ въ годъ бѣлыхъ фарфоровыхъ вещей колебалось въ предѣлахъ отъ 30 до 72 тысячъ, при чемъ наименьшее число вполнѣ годныхъ вещей опредѣлилось въ 1882 году въ 19.299 предметовъ. Живописью и позолотою украшались отъ 14 до 49 тысячъ вещей въ годъ, стоимость коихъ колебалась между 50 и 115 тысячами рублей. [35] Сбытъ фарфоровыхъ издѣлій въ восьмидесятыхъ годахъ сравнительно съ прежнимъ временемъ сильно сократился. [36] Источники сбыта фарфоровыхъ издѣлій (также и стеклянныхъ) остались прежніе: 1) поднесенія къ Высочайшему Двору въ дни Рождества Христова и св. Пасхи, 2) заказы придворнаго вѣдомства и 3) продажа частнымъ лицамъ. [37] Однако, относительное значеніе этихъ источниковъ измѣнилось сравнительно съ прежнимъ временемъ. Праздничныя представленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ сократились: еще въ 1881 году подтверждено было, чтобы на Пасху не дѣлать другихъ подношеній, кромѣ пасхальныхъ яицъ: [38] очевидно, что аналогичное распоряженіе, первоначально послѣдовавшее еще въ шестидесятыхъ годахъ, [39] постепенно забывалось, и заводы, кромѣ яицъ, подносили къ Пасхѣ и другія вещи.

Начиная съ того же 1881 года, по настоянію директора завода сокращалось число лицъ, коимъ, по давно установившемуся порядку, посылались подарки изъ издѣлій Императорскихъ заводовъ на Пасху и Рождество. [40]

Въ 1894 году пасхальныя и рождественскія поднесенія къ Высочайшему Двору по обоимъ заводамъ представляли стоимость въ 58.873 р. 40 к., [40] между тѣмъ какъ въ предшествовавшее царствованіе по одному фарфоровому заводу подносилось вещей въ среднемъ на 60 тысячъ рублей. [41]

Свой взглядъ на продажу издѣлій Императорскаго фарфороваго завода въ частныя руки Гурьевъ высказалъ въ программѣ 1881 года: запретить продажу частнымъ лицамъ какого бы то ни было живописнаго фарфора, уничтожать живописный бракъ и продавать только бѣлый бракъ.

Продажа бѣлаго фарфора, формально, встрѣчала препятствіе въ п. 67 правилъ на внутреннее заводское производство по Императорскому фарфоровому заводу, изданныхъ въ 1835 г. Но, какъ видно было изъ предыдущихъ главъ, правило это не строго

Стр 292

Рис. 408. Ваза, м. , в. 8 в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 35,5 cm.

исполнялось. По ходатайству Гурьева,[42] съ 1881 года была разрѣшена продажа бѣлыхъ вещей сперва крупнымъ торговцамъ, а впослѣдствіи и съ аукціоновъ. При этомъ было постановлено, чтобы заводское клеймо до продажи уничтожалось на каждой бѣлой вещи.[43]

Предложеніе о прекращеніи продажи живописнаго фарфора въ частныя руки не сразу осуществилось: еще нѣкоторое время продолжалась продажа, принимались даже частные заказы, такъ, между прочимъ, въ 1885 г. изготовлялся сервизъ для министра Императорскаго Двора гр. Воронцова-Дашкова.[44]

Впрочемъ, при тенденціи продавать браки, продажа въ частныя руки не могла имѣть существеннаго значенія для завода (въ восьмидесятыхъ годахъ по этой статьѣ поступало выручки около 4000 р. въ годъ,[45] а въ 1894 г. лишь 1362 р. 60 к., главнымъ образомъ отъ продажи бѣлаго брака).[35]

Совершенно иначе обстояло дѣло съ заказами придворнаго вѣдомства. Въ то время какъ въ предшествовавшее царствованіе этотъ источникъ сбыта издѣлій Императорскаго фарфороваго завода стоялъ на второмъ планѣ, доставлялъ не болѣе 15 тысячъ ежегодной выручки и игнорировался заводскою администраціею, которая весьма неисправно исполняла заказы придворнаго вѣдомства, въ разсматриваемый періодъ управленіе заводами совершенно иначе отнеслось къ этому источнику и добивалось возможнаго увеличенія придворныхъ заказовъ. Основаніемъ этому послужило торжество коронованія Императора Александра III въ 1883 году, когда потребовалось исполнить сервизъ на двѣ тысячи персонъ. За позднимъ предложеніемъ, частные заводы или отказывались отъ своевременнаго исполненія этого заказа, или ставили довольно тяжелыя условія. Императорскій заводъ принялъ заказъ на себя и выполнилъ его къ сроку, хотя въ значительной части изъ бракованныхъ вещей.[46] Послѣ того заказы придворнаго вѣдомства поступали въ увеличивающемся ежегодно размѣрѣ, и въ 1894 г. обоими заводами было исполнено для главнаго дворцоваго управленія и другихъ дворцовыхъ учрежденій издѣлій на 65.510 р. 33 к.[47] Такимъ образомъ, этотъ путь сбыта издѣлій Императорскаго фарфороваго (равно и стекляннаго) завода получилъ преимущественное значеніе.

Таковъ фактъ, но каково же значеніе этого факта? Нѣтъ сомнѣнія, что при тѣхъ размѣрахъ производства, которые теперь развиваютъ Императорскіе заводы, они не могутъ удовлетворить всѣхъ не только экстренныхъ, но даже регулярныхъ требованій придворнаго вѣдомства, которому приходится, кромѣ Императорскихъ заводовъ, обращаться съ заказами и къ частнымъ фабрикантамъ. Не можетъ быть также сомнѣній, что, въ смыслѣ дешевизны, Императорскіе заводы никоимъ образомъ не могутъ конкурировать съ частными фабрикантами, что вытекаетъ какъ изъ теоретическихъ соображеній, такъ еще болѣе доказано многолѣтнимъ опытомъ давно минувшихъ временъ. Слѣдовательно, заказы, даваемые Императорскимъ заводамъ, для придворнаго вѣдомства убыточны и сдѣлались бы менѣе убыточными лишь при увеличеніи производства до такихъ размѣровъ, при которыхъ крупные накладные расходы разложились бы на огромное количество предметовъ и не могли бы имѣть первенствующаго значенія при опредѣленіи

Стр. 292

Рис. 409. Бутылка, м. , в. $10\frac{1}{8}$ в. (Имп. Зав.)
Vase-bouteille, h. 45 cm.

стоимости каждой отдѣльной вещи. Съ другой стороны, всѣ заказы придворнаго вѣдомства, состоящіе въ пополненіи расходныхъ сервизовъ или въ исполненіи новыхъ, но тоже обыкновенныхъ сервизовъ, не представляютъ „высокой художественности или большой технической трудности,“ что въ программѣ 1882 года ставилось задачею для Императорскихъ заводовъ. Слѣдовательно заказы придворнаго вѣдомства не могли служить и воспитательнымъ средствомъ для заводскихъ мастеровъ, если не считать того, что на исполненіи подобныхъ заказовъ молодые работники могутъ набить руку въ шаблонной работѣ.

Но зато, несомнѣнно, вредно отзывается на производствѣ и бюджетѣ Императорскихъ заводовъ исполненіе всякихъ экстренныхъ заказовъ придворнаго вѣдомства. Для своевременнаго исполненія къ сроку большихъ заказовъ, заводы, не имѣющіе многочисленнаго личнаго состава рабочихъ и мастеровъ и стѣсненные, изъ-за смѣтныхъ соображеній въ возможности приглашать для экстренныхъ работъ постороннихъ работниковъ, вынуждены сажать за приготовленіе ординарнаго товара такихъ квалифицированныхъ работниковъ, трудъ которыхъ цѣнится настолько высоко, что можетъ быть примѣняемъ только для исполненія вещей высокой художественности и весьма цѣнныхъ. Такъ и было, напримѣръ, въ 1883 году, когда для исполненія къ сроку коронаціоннаго сервиза администраціи завода пришлось прекратить всѣ остальныя работы и за расписываніе посредственныхъ тарелокъ засадить всѣхъ, въ томъ числѣ и лучшихъ своихъ художниковъ. [46]

Стр. 292

Рис. 410. Ваза, м. ♗, в. 14½ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 64,5 cm.

Эти жертвы не окупались, однако, финансовыми результатами: несмотря на высокія сравнительно съ рыночными цѣны, въ 1892 г., при расходѣ на оба завода въ 232.797 р. 61 к., выработано издѣлій на 153.072 р. 68 к.; въ 1893 г., при расходахъ въ 217.745 р. 68 к., выработано на 166.183 р. 61 к., и въ 1894 году, при расходахъ въ 216.418 р. 94 к., выработано на 115.249 р. 17 к., т. е. средняя ежегодная приплата опредѣлилась въ суммѣ около 77.000 р., не включая сюда единовременныхъ расходовъ на строительныя работы. [47]

Вѣроятно, эти неудовлетворительные результаты не остались безъ вліянія на измѣненіе взгляда на задачи Императорскихъ заводовъ: когда по докладу и. д. управляющаго Кабинетомъ Е. И. В. Гудимъ-Левковича, въ 1893 году, была образована комиссія для выработки положенія Императорскихъ заводовъ, которая должна была коснуться также вопроса о возможности видоизмѣненія самого характера дѣятельности заводовъ, то это видоизмѣненіе предполагалось въ смыслѣ „сосредоточенія на нихъ работъ исключительно художественныхъ съ освобожденіемъ ихъ отъ выдѣлки... расхожей посуды“... [23]

Въ личномъ составѣ завода времени Императора Александра III проходятъ двѣ смѣны служащихъ и рабочихъ: прежніе художники и мастера, въ большинствѣ, долго еще оставались на своихъ мѣстахъ, но одновременно же стали входить новые, потомъ занявшіе мѣста старыхъ.

Раньше всего и наиболѣе существенныя перемѣны произошли въ личномъ составѣ технической части завода. Инженеръ-технологъ Хованскій, умершій въ декабрѣ 1882 года, былъ безнадежно боленъ уже въ началѣ года. Поэтому еще до его смерти были приглашены два лица съ высшимъ техническимъ образованіемъ: технологъ К. Ф. Клеверъ [48] и инженеръ-технологъ Я. О. Быкъ. [49] Изъ нихъ первому были поручены горны и выдѣлка

капселей, а второй принялъ въ свое завѣдываніе лабораторію, гдѣ нѣкоторое время продолжалъ еще работать лаборантъ Шиле, а также составленіе и выдѣлку массъ и глазурей.

Въ 1890 году, скоро послѣ соединенія подъ однимъ управленіемъ обоихъ заводовъ, произошли перемѣны въ распредѣленіи обязанностей обоихъ техниковъ, такъ какъ одинъ изъ нихъ, именно Клеверъ, перешелъ на стеклянное производство, и ему же была поручена съ 1889 года лабораторія, служившая впослѣдствіи больше цѣлямъ стекляннаго, нежели фарфороваго производства.

Стр. 292
Рис. 411. Тарелка, м. [клеймо], д. 3⁵/₈ в. (Имп. Зав.).
Assiette, d. 16 cm.

Мастеръ А. П. Ивановъ, съ 1890 года назначенный техникомъ VII класса, все время неизмѣнно завѣдывалъ выточкой сервизовъ и выполненіемъ вазъ по моделямъ и рисункамъ, принимая иногда участіе и въ опытахъ съ новыми способами декоративныхъ украшеній.

Въ художественной части произошло меньше перемѣнъ: главный мастеръ живописи Шауфельбергеръ и модельмейстеръ Шписъ въ 1890 году были назначены техниками VI класса и оставались при своихъ прежнихъ обязанностяхъ до конца разсматриваемаго періода, хотя дѣятельность ихъ обоихъ значительно сократилась, такъ какъ скульптура была въ пренебреженіи, а выдѣлка сервизовъ и вазъ преимущественно по чужимъ образцамъ и предпочтеніе, отдаваемое новымъ способамъ украшенія фарфора, сократили необходимость самостоятельныхъ проектовъ.

Живописный мастеръ Липпольдъ былъ отставленъ отъ завода, по ходатайству Д. Н. Гурьева, въ 1889 г. Изъ мастеровъ и художниковъ-исполнителей по живописной мастерской должны быть отмѣчены старые мастера: А. Ѳ. Мироновъ, К. Н. Красовскій, А. А. Кирсановъ, Ѳ. В. Спиридоновъ, В. Д. Тарачковъ, Ѳ. Д. Тарачковъ, Т. К. Семеновъ, В. Н. Мидинъ, Г. Г. Пищулинъ, И. А. Козыревъ, И. М. Холшевниковъ; изъ болѣе молодыхъ— Н. Т. Семеновъ,[50] Я. Я. Тимофеевъ[51] (спеціальность — фигуры, особенно pâte sur pâte), М. И. Лапшинъ[52] (орнаментистъ), П. М. Лукинъ[53] (цвѣты), особенно Э. А. Сулиманъ-Грудзинскій[54] (фигуры, спеціально подглазурная живопись), рисовальщикъ С. Р. Романовъ.[55]

Изъ скульпторовъ можно назвать Ф. И. Даладугина, А. И. Лапшина и А. И. Бозылева.

Согласно выраженному мнѣнію о негодности и неспособности значительнаго числа мастеровъ фарфороваго завода, управляющій заводами стремился къ сокращенію числа рабочихъ и, дѣйствительно, свелъ число ихъ съ 192 въ 1881 г.[56] до 153 въ 1889 г.[57]

Съ объединеніемъ обоихъ заводовъ многіе рабочіе стекляннаго и нѣкоторые фарфороваго завода были расчитаны.[58] Общее число рабочихъ въ концѣ царствованія Императора Александра III достигало до 245 человѣкъ.[59]

Бытъ рабочихъ втеченіе разсматриваемаго періода не подвергался существеннымъ измѣненіямъ.

Продолжая, отчасти, политику своего предшественника, отчасти—руководясь собственными воззрѣніями, Гурьевъ подтягивалъ заводскихъ рабочихъ, старался ихъ дисциплинировать и боролся съ тѣми нежелательными явленіями со стороны рабочихъ, которыя онъ именовалъ „эксплоататорскими,“ и которыя образовались на почвѣ вѣковыхъ связей рабочихъ со своимъ заводомъ. Правильный во многихъ отношеніяхъ, такой взглядъ погрѣшалъ въ самомъ главномъ: временныя неустройства и частныя отклоненія возводились въ правило, и потому косвенно въ борьбѣ съ ними

Стр. 280, 293.
Рис. 412. Яйцо, б. м., в. 2⁷/₁₆ в. (Имп. Зав.).
Oeuf de Pâques, h. 11 cm.

Табл. X.

Цвѣтная глазурь: 1. Пепельница, м. [illegible], в. $1^{5}/_{8}$ в.; 2. Ваза, м. [illegible], в. $5^{5}/_{8}$ в.; 3. Ваза съ крышкою, м. [illegible], в. 11 в.; 4. Ваза, м. [illegible], в. $2^{5}/_{8}$ в.; 5. Ваза, м. [illegible], в. 2 в. (1, 2, 4, 5—Имп. Зав.; 3—Гатч. Дв.).

Couvertes colorées et flammées: 1. Cendrier, h. 7,25 cm.; 2. Vase, h. 25 cm.; 3. Potiche, h. 49 cm.; 4. Vase, h. 11,5 cm.; 5. Vase, h. 9 cm.

копеекъ, а второй [illegible] доживать еще рабочимъ [illegible]

Въ 1890 году, [illegible] производились [illegible]

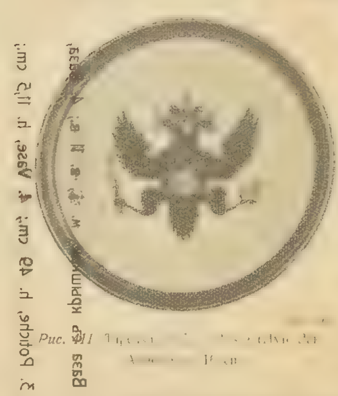

Рис. [illegible]

[illegible]

визовъ и [illegible] преимущественно [illegible] способамъ украшенія фарфора [illegible]

[illegible]

мастера [illegible] фарфоро [illegible] заводъ [illegible]

рабочихъ [illegible] число ихъ съ 192 [illegible]

[illegible] многіе рабочіе [illegible]

[illegible] фарфороваго завода были расчитаны. [illegible]

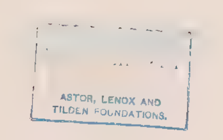
число рабочихъ въ концѣ царствованія Императора Александ[illegible]

достигало до 245 человѣкъ.

Бытъ рабочихъ вообще разсматриваемаго періода не [illegible]вергался существеннымъ измѣненіямъ.

Предписанія [illegible] своего предшественни[illegible] [illegible] руководилъ [illegible], Гурьевъ под[illegible] заводскихъ [illegible] дисциплинировать [illegible] [illegible] стороны рабочихъ, [illegible] которыя [illegible] [illegible] заводомъ [illegible] [illegible] погрѣба [illegible] главнымъ [illegible] и частныя [illegible] водились [illegible] косвенно въ [illegible]

разрушалось то, что составляло одинъ изъ существенныхъ залоговъ процвѣтанія Императорскихъ заводовъ: чувство традиціонной связи рабочихъ со своимъ заводомъ. Только такое чувство болѣе, чѣмъ всякія другія соображенія матеріальнаго характера, привязывало рабочихъ къ заводу и къ его успѣхамъ, побуждало ихъ стремиться къ улучшенію своего дѣла, побуждало относиться съ довѣріемъ къ своему начальству и дорожить своимъ мѣстомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чувство традиціонной связи съ учрежденіемъ побуждало рабочихъ и дѣтей своихъ предназначать преимущественно для той же спеціальности, для работъ въ томъ же учрежденіи. Этимъ создавалась традиція собственнаго производства, вырабатывались наилучшіе мастера. Исторія фарфороваго завода ясно свидѣтельствовала, что лучшіе мастера завода выходили всегда изъ среды старыхъ служащихъ, что они иногда наслѣдовали даже извѣстные секреты производства отъ своихъ же родителей.

Стр. 252.
Рис. 413. Бюстъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, 1888 года, в. 9½ в. (Имп. Зав.).
Buste de S. A. I. le Grand Duc Héritier Nicolas Alexandrovitch, h. 42,5 cm.

Чувство солидарности между рабочими, отрицательная сторона котораго поразила директора завода, точно также служило гарантіей дружной совмѣстной работы, такъ важной въ производствѣ, гдѣ не всегда возможно осуществить постоянный надзоръ начальства, и гдѣ успѣхъ одной операціи зависитъ отъ добросовѣстнаго исполненія другимъ рабочимъ предшествовавшей операціи.

Невполнѣ вѣрная оцѣнка со стороны управленія заводомъ этого факта вела къ тому, что не всѣ мѣропріятія, имѣвшія въ виду благосостояніе рабочихъ или воспитаніе ихъ, были одинаково для нихъ и для заводского дѣла полезны.

Характерно отразилось это на заводской школѣ и на техническомъ училищѣ. 20 августа 1884 г. Гурьевъ рапортовалъ въ Кабинетъ о состояніи учебно-воспитательной части завода: „Поступивъ на заводъ, я сейчасъ... увидѣлъ, что мы столь же дурные воспитатели, какъ и педагоги, и съ тѣхъ поръ... старался только о наименьшемъ расходѣ на учрежденія, столь безполезныя, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ ихъ видѣ...; училище и школа и всегда, и теперь помѣщаются въ грязномъ и вовсе непригодномъ мѣстѣ, ученіе совершенно плохое, безъ программы, техническаго образованія никакого, надзора также... Заводъ отъ техническаго училища ничего не пріобрѣтаетъ и за все время (его) существованія можно указать человѣка на четыре, изъ которыхъ вышли хорошіе работники... Напротивъ того, училище было вредно заводу въ томъ отношеніи, что, готовя себѣ работниковъ втеченіе 5—6 лѣтъ и дѣйствуя подъ вліяніемъ мѣстныхъ отношеній, заводское начальство считало своей нравственной обязанностью брать въ свои мастерскія недоучившихся юношей, сыновей своихъ мастеровъ, несмотря на ихъ нравственные недостатки... Не подлежитъ сомнѣнію, что теперь, во всякомъ случаѣ, техническое училище при заводѣ совершенно безполезно, такъ какъ въ городѣ есть двѣ превосходно устроенныхъ и поставленныхъ рисовальныхъ школы: школа Общества Поощренія Художествъ и школа барона Штиглица, и заводу весьма нетрудно выбирать въ такихъ школахъ лицъ для укомплектованія своихъ мастерскихъ и выбранныя тамъ лица будутъ несравненно лучше подготовлены“... [60]

Гурьевъ настаивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на закрытіи заводской школы, такъ какъ „все сказанное (о техническомъ училищѣ)... совершенно правильно и для... приходской школы;“ дѣтей же заводскихъ рабочихъ онъ предлагалъ обучать въ школѣ мѣстнаго приходскаго попечительства, которое согласилось принимать ежегодно до 15 человѣкъ дѣтей заводскихъ рабочихъ, получая отъ завода ежегодную субсидію въ 700 р. [61]

Стр [illegible] 293

Рис. 414. Ваза, м. , в. 12 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 53,5 cm.

Всеподданнѣйшій докладъ статсъ-секретаря Петрова о закрытіи техническаго училища и школы, составленный на основаніяхъ рапорта директора завода, съ мотивами котораго Кабинетъ согласился, былъ Высочайше утвержденъ 24 октября 1885 г. [62]

Уничтоженіе начальной заводской школы, въ которой воспитывалось въ 1885 г. всего 11 человѣкъ, было, несомнѣнно, полезно и для завода, и для рабочихъ, такъ какъ надлежащая постановка школы потребовала бы весьма значительныхъ затратъ, которыя не оправдывались числомъ учащихся; между тѣмъ школа приходского попечительства, находящаяся въ самомъ селеніи фарфороваго завода была удовлетворительно поставлена.

Иное дѣло уничтоженіе техническаго училища, которое давало ученикамъ не общее, а спеціальное образованіе. Заводскимъ рабочимъ неудобно воспитывать своихъ дѣтей въ школахъ Общества Поощренія Художествъ или барона Штиглица, уже по отдаленности этихъ школъ отъ завода. Кромѣ того, въ своемъ училищѣ дѣти рабочихъ были стипендіатами завода, между тѣмъ предположенное въ докладѣ содержаніе заводскихъ стипендіатовъ въ Академіи Художествъ, бывшее обычнымъ явленіемъ въ предыдущіе періоды, теперь не осуществилось, и управляющій на этомъ не настаивалъ. Такимъ образомъ, дѣти заводскихъ рабочихъ, безусловно, много теряли отъ уничтоженія техническаго училища, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряли и связь съ заводомъ. Управленіе заводомъ ошиблось, думая, что легко будетъ пополнять контингентъ мастеровъ изъ числа воспитанниковъ упомянутыхъ художественныхъ школъ Общества Поощренія Художествъ и барона Штиглица: во-первыхъ, воспитанники этихъ школъ не могли немедленно по окончаніи ученія быть полезными для завода, такъ какъ имъ необходимо было долго еще работать практически, что въ училищахъ въ то время было невозможно, по отсутствію при нихъ достаточно оборудованныхъ керамическихъ мастерскихъ; тратиться же на практикантовъ заводу приличнѣе тогда, если возможно разсчитывать на принесеніе послѣдними впослѣдствіи пользы заводу, а это возможнѣе всего въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ старыхъ служащихъ, связанныхъ съ традиціями завода; во-вторыхъ, воспитанники упомянутыхъ школъ обыкновенно являлись скорѣе недоучившимися художниками, а не квалифицированными работниками художественной промышленности; въ качествѣ первыхъ, они, по крайней мѣрѣ способнѣйшіе изъ нихъ, не пойдутъ на умѣренные оклады, какіе могутъ предложить имъ заводы; какъ художники-руководители, они, безъ спеціальнаго подготовленія либо на частныя средства, либо на средства заводовъ, иногда втеченіе весьма продолжительнаго срока, непригодны для завода. Техническое заводское училище тѣмъ было и хорошо, что оно стремилось удовлетворять потребности въ исполнителяхъ, образовать средній типъ искуснаго мастера керамическаго дѣла, а это именно и должно быть основной цѣлью подобныхъ училищъ.

Стр 292.

Рис. 415. Фонарь, м. , в. 8½ в. (Имп. Зав.).
Lanterne, h. 38 cm

Ошибка достаточно была доказана практикой: изъ числа воспитанниковъ вышеуказанныхъ художественныхъ школъ на

заводъ опредѣлено было лишь нѣсколько женщинъ, какъ менѣе требовательныхъ въ смыслѣ вознагражденія за трудъ. Женскій персоналъ былъ допущенъ на заводъ впервые въ 1882 г. [63]

Стр. 292, 293, 294.
Рис. 416. Ваза, б. м., в. 5^{3} . в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 25,5 cm.

Впрочемъ, было бы несправедливостью полагать, что не сознавалась полезность для Императорскаго фарфороваго завода образованія постояннаго контингента служащихъ.

Яснѣе всего сказалось это въ ходатайствѣ директора завода въ 1881 г. о страхованіи жизни заводскихъ мастеровъ и рабочихъ на счетъ оборотной заводской суммы. [64]

Онъ просилъ застраховать нѣкоторыхъ заводскихъ мастеровъ (на первый разъ 70 человѣкъ въ размѣрѣ отъ 2.000 до 200 р. на сумму 53.100 р.) „впредь до того времени, когда Кабинету угодно будетъ выработать для этого... особыя правила.“ Страховыя преміи, по мысли директора завода, должны были выплачиваться изъ оборотнаго капитала „безъ всякаго участія въ томъ лицъ заинтересованныхъ и безъ вычета изъ ихъ содержанія.“ Въ случаѣ проступковъ и ухода со службы, заводское начальство могло пріостановить страхованіе, но если рабочій оставлялъ службу по болѣзни, то страхованіе его должно было продолжаться.

Управленіе заводомъ считало, что эта мѣра „выработастъ для завода типъ людей, дорожащихъ своимъ положеніемъ, подыметъ нравственный уровень заводскихъ мастеровъ и рабочихъ“...

Къ сожалѣнію, въ Кабинетѣ къ этой весьма справедливой по отношенію къ рабочимъ мѣрѣ отнеслись довольно индиферентно: сначала, „въ виду возбужденнаго... вопроса о передачѣ Императорскихъ заводовъ въ вѣдомство Академіи Художествъ“ и „весьма значительнаго расхода,“ постановили съ предложеніемъ директора завода „пріостановиться“ и предложили ему возбудить вопросъ передъ новымъ начальствомъ, а позднѣе, вѣроятно, правленіе заводомъ не могло разсчитывать на принятіе проекта и потому этого вопроса больше не возбуждало.

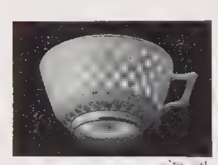

Стр. 292.
Рис. 417. Бутылка, м. А, в. 10^{1} 8 в. (Имп. Зав.).
Vase-bouteille, h. 45 cm.

Зато, немедленно послѣ соединенія стекляннаго завода съ фарфоровымъ, было возбуждено ходатайство о распространеніи дѣятельности существовавшей при бывшемъ стеклянномъ заводѣ вспомогательной кассы на соединенные заводы. Впрочемъ, касса при стеклянномъ заводѣ влачила жалкое существованіе [65] и недаромъ въ свое время встрѣтила недовѣріе со стороны рабочихъ фарфороваго завода: распоряженіе объ отчисленіи изъ пенсіоннаго капитала Кабинета 100.000 р. на образованіе фонда заводской кассы, впослѣдствіи не осуществилось, и въ 1868 году изъ сего капитала, наросшаго между тѣмъ до 142.087 р. 93 к., лишь около 17.000 р. были переданы въ фондъ учрежденной кассы; а въ 1884 г. послѣдовало перечисленіе основного капитала вспомогательной кассы въ запасный капиталъ Министерства Императорскаго Двора, и вмѣстѣ съ тѣмъ, была пріостановлена, съ 1 января 1884 г., уплата вспомогательной кассѣ доходовъ съ основного капитала; касса такимъ образомъ должна была существовать единственно на вычеты изъ жалованья своихъ участниковъ.

При возбужденіи вопроса о распространеніи дѣятельности вспомогательной кассы на всѣхъ служащихъ соеди-

ненныхъ заводовъ, одновременно же возбуждено было ходатайство и о перечисленіи въ кассу основного ея капитала и не полученныхъ съ 1884 г. процентовъ съ капитала. Но разрѣшеніе этого вопроса послѣдовало позднѣе, уже въ царствованіе Императора Николая II.[35, 65]

Стр. 294

Рис. 418. Чашка, м. ♁, в. 1$^{1}/_{16}$ в. (Имп. Зав.).
Tasse, h. 4,75 cm

Въ 1882 г. Кабинетъ обратилъ вниманіе на все чаще и чаще практиковавшееся злоупотребленіе рабочими Императорскихъ заводовъ, особенно стекляннаго, предоставленной имъ льготой строить дома на заводскихъ земляхъ: построивъ домъ на отведенномъ участкѣ, его немедленно продавали, конечно, съ большой выгодой лицамъ, не имѣвшимъ къ Императорскимъ заводамъ никакого отношенія. По Высочайше одобренному 16 мая 1882 г. докладу министра Императорскаго Двора, было установлено на будущее время правило, чтобы служащіе на Императорскихъ заводахъ не могли продавать построенныхъ ими на заводскихъ земляхъ домовъ иначе, какъ служащимъ на тѣхъ же заводахъ (за исключеніемъ продажи на сносъ).[66] При соблюденіи этого правила, Кабинетъ не ставилъ никакихъ препятствій къ отводу служащимъ на заводахъ земельныхъ участковъ подъ постройку домовъ.[67]

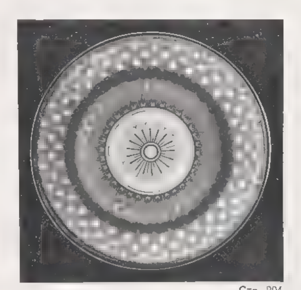
Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ благосостоянію рабочихъ, слѣдуетъ отнести заботы объ улучшеніи медицинской части. Прежній лазаретъ на 4 кровати былъ переведенъ изъ ветхаго зданія въ другое, болѣе приличное помѣщеніе, при чемъ количество кроватей было увеличено до 10 (въ томъ числѣ 8 для взрослыхъ и 2 для дѣтей). Въ 1892 г. должность заводскаго врача сдѣлана штатной; врачъ обязанъ былъ оказывать безвозмездно врачебную помощь всему служащему персоналу.[35]

Нельзя сказать, чтобы и въ другихъ случаяхъ управленіе заводами и Кабинетъ не заботились о судьбѣ рабочихъ и ихъ семей: такъ, напримѣръ, Кабинетъ имѣлъ свою вакансію при богадѣльнѣ фарфоровскаго приходского попечительства.[68]

Въ первые годы своего управленія фарфоровымъ заводомъ Гурьевъ принималъ мѣры и къ духовно-нравственному воспитанію мастеровъ и рабочихъ: по крайней мѣрѣ, въ 1882 г. въ зданіи завода для нихъ была устроена читальня, которая, однако, не долго существовала.[69]

Позднѣе онъ отчасти доброжелательно отнесся и къ ходатайству объ устройствѣ въ селеніи фарфороваго завода народнаго гулянья и народнаго театра.[70]

Большое значеніе имѣла образованная при музеѣ фарфороваго завода библіотека, въ которую вошли хранившіеся до 1889 г. при живописной мастерской рисунки и книги.[71] На пополненіе библіотеки и музея ежегодно назначалось, начиная съ 1884 г., по 4.000 р. (взамѣнъ положенныхъ по штату 1853 г. 1.100 р.). Въ библіотекѣ образовались, независимо отъ рисунковъ художниковъ завода, коллекціи рисунковъ и акварелей различныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. О пополненіи библіотеки и музея Императорскихъ заводовъ заботился лично Императоръ Александръ III: такъ, въ 1887 г. по Высочайшему повелѣнію[72] были переданы заводу 10 изображеній святыхъ и двунадесятыхъ праздниковъ иконописца Чирикова, предназначенныхъ для помѣщенія на представляемыхъ ежегодно ко дню св. Пасхи фарфоровыхъ яйцахъ (рис. 412). Равнымъ образомъ, пополнялся музей и образцовыми издѣліями: таковыя обычно выписывались изъ-за границы,[73] или же ихъ покупалъ директоръ завода во время своихъ частыхъ заграничныхъ командировокъ.[74] Въ 1884 году были переданы заводу 53 образцовыхъ предмета упраздненной Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики;[75] въ 1894 году поступили на заводъ

Стр. 294.

Рис. 419. Блюдце, м. ♁, д. 2$^{5}/_{16}$ в. (Имп. Зав.).
Soucoupe, d. 13,25 cm.

16 художественныхъ издѣлій Датскаго королевскаго завода, заказанныя первоначально Императоромъ Александромъ III лично для себя. [76]

Пополненіе музея и библіотеки вещами и книгами имѣло не только историческое значеніе, но оказывало существенную помощь заводскимъ художникамъ, давая имъ возможность пользоваться рѣдкими изданіями и слѣдить за текущей литературой по художественной промышленности и искусствамъ.

Въ 1894 г. исполнялось 150 лѣтъ со дня учрежденія Императорскаго фарфороваго завода. По этому поводу возникла мысль о празднованіи юбилея и объ ознаменованіи его постановкой во дворѣ завода бюста основательницы Императрицы Елисаветы Петровны и составленіемъ исторіи завода за время съ 1744 г. по 1894 г. Юбилейное празднованіе было отложено, равно какъ и мысль объ исторіи завода тогда окончилась ничѣмъ, но бисквитный бюстъ Императрицы Елисаветы Петровны, работы скульптора Шписа, былъ поставленъ. [77]

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

Упадокъ Императорскаго фарфороваго завода въ техническомъ отношеніи былъ слишкомъ замѣтенъ въ концѣ царствованія Императора Александра II: естественно, что на эту сторону производства его раньше всего было обращено вниманіе, и на эту сторону направлялись преимущественно всѣ мѣры заводской администраціи.

Главный мастеръ завода въ рапортѣ отъ 13 января 1881 года призналъ, [78] что заводъ въ техническомъ отношеніи совершенно отсталъ отъ заграничныхъ заводовъ и не соотвѣтствуетъ болѣе современнымъ требованіямъ керамическаго искусства.

Но фактомъ упадка завода Кабинетъ Его Императорскаго Величества былъ озабоченъ еще раньше, послѣдствіемъ чего и явилась командировка за границу технолога Хованскаго и мастера Иванова. [79]

Стр. 293

Рис. 420. Табуретъ, б. м., в. 11 1/2 в. (Гатч. Дв.).
Tabouret, h. 51 cm.

Въ виду того, что добытыя ими свѣдѣнія оказались полезными для завода, [80] было обращено особое вниманіе на ознакомленіе какъ завѣдывающаго заводомъ, такъ и старшихъ служащихъ по технической части на заводѣ со всѣми усовершенствованіями въ техникѣ керамическаго искусства, примѣняемыми на заграничныхъ заводахъ. Такъ, въ 1884 году завѣдывающимъ заводомъ и двумя технологами его были осмотрѣны фарфоровые и стеклянные заводы въ Пруссіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи, при чемъ означенныя лица входили въ близкія сношенія съ техническимъ персоналомъ Севрскаго и различныхъ лиможскихъ заводовъ. [81] На Севрскомъ заводѣ производились опыты съ фарфоровою массою Императорскаго завода. [82] Точно также Севрскій заводъ сообщилъ свой рецептъ для составленія фарфоровой массы [83] и указалъ своихъ поставщиковъ первыхъ матеріаловъ. [84] Изъ этой командировки были привезены, независимо отъ значительнаго количества образцовыхъ вещей, рисунки аппаратовъ и печей Берлинскаго, Мейссенскаго и Севрскаго заводовъ, на коихъ командируемыя лица были допущены присутствовать во время обжига и, вообще, при всѣхъ операціяхъ выдѣлки

Стр. 292.

Рис. 421. Кувшинъ, м. ♟, в. $8^{1}/_{8}$ в. (Имп. Зав.).
Buire, h. 36 cm.

фарфоровыхъ вещей.[85] Въ 1886 г. Гурьевъ ѣздилъ для осмотра фарфоровыхъ заводовъ въ Англію.[86]

Въ 1887 г. технологъ Клеверъ былъ командированъ въ Мейссенъ для ознакомленія съ обжигомъ фарфора каменнымъ углемъ.[87] Въ 1890 г., по случаю соединенія Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, управляющій заводами вмѣстѣ съ техникомъ по стеклянному производству отправились за границу (въ Германію, Францію и Бельгію) для пріобрѣтенія нужныхъ машинъ.[88] Въ 1892 г. инженеръ-технологъ Быкъ, завѣдывавшій обжигомъ фарфора, былъ посланъ въ Берлинъ для ознакомленія съ устройствомъ топокъ горновъ королевскаго завода, съ цѣлью примѣнить ихъ конструкцію къ горнамъ Императорскихъ заводовъ для уменьшенія расхода дровъ.[89] Въ то же время управляющій заводами посѣтилъ Данію и подробно знакомился съ производствомъ Копенгагенскаго королевскаго завода.[90] Въ слѣдующемъ году онъ ѣздилъ въ Англію и Францію для ознакомленія съ послѣдними усовершенствованіями фарфороваго и стекляннаго производства.[91] Наконецъ, въ 1894 году управляющій Императорскими заводами снова ѣдетъ съ тою же цѣлью въ Данію и Францію.[92]

Многочисленныя командировки спеціалистовъ должны были бы имѣть огромное значеніе для поднятія производства Императорскихъ заводовъ, такъ какъ этимъ путемъ техники могли своевременно на практикѣ и у самаго источника знакомиться со всѣми нововведеніями, сравнивать относительные результаты примѣненія тѣхъ или иныхъ способовъ производства и, наконецъ, періодически провѣрять успѣхи дѣла на Императорскихъ заводахъ путемъ сравненія съ успѣхами другихъ лучшихъ заводовъ.

Къ сожалѣнію, не было дано сразу вполнѣ раціональное направленіе этимъ командировкамъ, и не вполнѣ раціонально использовались доставляемыя ими свѣдѣнія. Ошибка заключалась въ какомъ-то упорномъ отреченіи отъ всякой самостоятельности: изъ многихъ заграничныхъ одного рода образцовъ стремились выбрать достойный повторенія, отнюдь не ища своего пути. Это былъ принципіальный взглядъ администраціи, а потому заводскимъ техникамъ предоставлялось лишь исполненіе намѣченныхъ мѣръ. Для заводской администраціи въ данномъ случаѣ можетъ быть одно оправданіе: заводъ въ ближайшемъ прошломъ слишкомъ отсталъ отъ успѣховъ западно-европейской керамики, администраціи же необходимы были быстрые успѣхи и замѣтные результаты, а ожидать успѣховъ отъ самостоятельныхъ опытовъ было некогда, да и не вѣрилось въ успѣхъ, потому что было забыто далекое прошлое, дававшее основаніе для такой вѣры.

Подражаніе западно-европейскимъ заводамъ приняло чрезмѣрное развитіе и вызвало даже такія мѣры, которыя едва-ли требовались необходимостью, и которыя не только не могли принести заводу существенной пользы, но вредили ему, ставя въ крайнюю зависимость отъ чужестранныхъ образцовъ.

По случаю командировки Хованскаго и Иванова, заводская администрація ходатайство-

Стр. 292, 294

Рис. 422. Чашка съ 2 ручками, м. ♟, в. 2 в.; чашка, м. ♟, в. $1^{1}/_{2}$ в. (Имп. Зав.).
Tasse à deux anses, h. 9 cm., tasse, h. 6,75 cm.

Рис. 423. Банка туалетная, м. А, в. 2 1/2 в.; блюдце, д. 3 1/16 в. (Имп. Зав.).
Pot de toilette, h. 11 cm.; soucoupe, d. 13,5 cm.

вала предъ Кабинетомъ Е. И. В. о разрѣшеніи пріобрѣсть чрезъ нихъ за границей нѣкоторые первые матеріалы для составленія фарфоровой массы, а также образцы бѣлыхъ вещей.

Не было бы ничего страннаго въ выписываніи матеріаловъ изъ-за границы, ибо заграничныя глины давно уже получили большое распространеніе на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ. Новостью, однако, было, что эти „первые матеріалы“ выписывались въ видѣ уже готовой фарфоровой массы и глазурнаго состава.

Въ Лиможѣ были сдѣланы настолько значительные заказы массы фарфоровой, бисквитной и глазурной (напр. отъ фирмы Lamy было выписано 20 т. кило фарфоровой массы въ сухомъ видѣ и 2 т. кило глазури), [93] что исключается всякая мысль, чтобы масса эта необходима была Императорскому заводу лишь для лабораторныхъ опытовъ. Очевидно, рѣшили, не ожидая результатовъ опытовъ съ изысканіемъ наиболѣе усовершенствованныхъ пропорцій, въ коихъ смѣшивались первые матеріалы для фарфороваго тѣста, работать пока изъ готовыхъ заграничныхъ массъ.

Заводская администрація не проявляетъ уже стремленія къ ознакомленію съ новыми русскими каолиновыми глинами: [94] только глуховская глина попрежнему шла въ дѣло, но въ незначительномъ количествѣ; съ цѣлью заказа таковой въ 1886 г. завѣдывающій заводомъ ѣздилъ въ Кіевскую и Черниговскую губерніи на мѣсто добычи каолиновыхъ глинъ.[95]

При составленіи своей фарфоровой массы и глазури, до 1885 г., обычно пользовались давнишними рецептами, беря для массы 35 частей кварца, 20 частей шпата, 35 частей англійской и 10 частей глуховской глины, а для глазури 27,21 частей кварца, 24,94 частей шпата, 1,36 частей глуховской глины, 27,21 частей фарфороваго черепа и 19,27 частей французскаго мѣлу. [96] Этотъ эмпирически составленный рецептъ можетъ дать удовлетворительные результаты только при примѣненіи одинаковаго качества сырыхъ матеріаловъ. Когда же съ расширеніемъ керамическаго производства на рынкѣ появились сырые матеріалы самаго разнообразнаго происхожденія и состава, такъ что при выборѣ, особенно каолиновъ, стало невозможнымъ руководствоваться однимъ только внѣшнимъ видомъ, тогда съ 1885 года и на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ возникла мысль о непригодности при составленіи массъ эмпиризма безъ предварительнаго анализа сырыхъ матеріаловъ. Но подъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ директоромъ завода во время пребыванія во Франціи, гдѣ въ то время на фарфоровыхъ заводахъ, какъ въ Севрѣ, такъ и въ Лиможѣ, лабораторныя работы для указанной цѣли не примѣнялись, мысль эта цѣлесообразно и планомѣрно проведена не была.[97]

Анализъ фарфороваго черепа времени Императора Александра III [98] не даетъ повода къ какимъ-либо заключеніямъ о значительныхъ измѣненіяхъ въ составѣ массы въ сравненіи съ предъидущимъ временемъ.

Заслуживаютъ вниманія значительныя усовершенствованія механической обработки фарфоровой массы. Недостатки въ механизмѣ машинъ раньше легко могли вести, при

Рис. 424. Амфора, м. А, в. 19 1/2 в. (Имп. Зав.).
Amphore, h. 86,5 cm.

небрежности рабочихъ, къ загрязненію массы и къ порчѣ фарфора. Масса загрязнялась отчасти отъ желѣзныхъ частей передаточнаго механизма, находившагося надъ самыми волокушами, отчасти гнилымъ деревомъ отъ служащихъ для храненія массы деревянныхъ баковъ и чановъ. Послѣдніе еще въ 1882 г. были замѣнены цементными резервуарами для отстаиванія жидкой и для храненія отпрессованной массы;[99] а мастерская для приготовленія массы въ 1881 г. подверглась переустройству, причемъ передаточный валъ съ системою зубчатыхъ колесъ былъ перенесенъ въ подвальный этажъ.[100] Необходимое для достиженія однородности сколачиваніе фарфоровой массы предъ поступленіемъ ея на токарный кругъ производилось вручную самими токарями. Эта предварительная операція отнимала у токарей много времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сильно утомляла ихъ какъ разъ передъ точкой, требующей тоже большого физическаго напряженія. Командированные за границу Хованскій и Ивановъ познакомились въ Лиможѣ съ крайне простой по конструкціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпно дѣйствующей машиной для механическаго уплотненія массы системы инженера Фора. Машина была выписана и установлена на Императорскомъ заводѣ въ 1882 г.[101]

Стр. 292.

Рис. 425. Ваза, м. ♁, в. 11 1/3 в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 51 cm.

На лиможскихъ же заводахъ указанныя лица познакомились и съ механическими станками для точенія круглыхъ и овальныхъ вещей по системѣ того же инженера Фора. Замѣнить прежнюю ручную выдѣлку всѣхъ круглыхъ плоскихъ вещей, какъ-то: тарелокъ, блюдъ и пр., выдѣлку, требовавшую много времени и очень опытныхъ работниковъ (иначе вещи одной и той же категоріи отличаются большой неравномѣрностью), выдѣлкой механической, сохранявшей время и число рабочихъ рукъ, было для завода, очевидно, выгодно, такъ какъ съ постановкою станковъ получалась возможность, не увеличивая личнаго состава рабочихъ, принимать обширные заказы придворнаго вѣдомства, въ значительной части доставлявшихся раньше частнымъ заводчикамъ. Станки Фора были установлены уже въ 1881 г., и число вещей, вырабатываемыхъ однимъ рабочимъ въ день, увеличилось до 350 штукъ.[102]

Литье, испробованное когда-то на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, но не нашедшее раньше широкаго примѣненія, за исключеніемъ отливки пластовъ, съ 1883 года примѣнялось на заводѣ довольно часто вмѣсто точенія, хотя исключительно для мелкихъ вещей.[100]

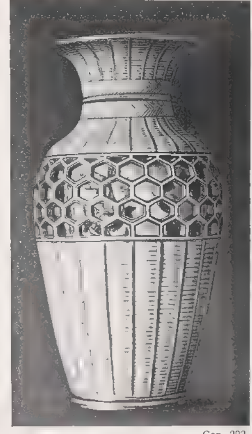
Кромѣ указанныхъ, нѣкоторыя усовершенствованія по бѣлой палатѣ были введены еще въ способахъ изготовленія формъ и моделей. Модели стали изготовляться изъ пластилина, имѣющаго предъ пластической глиной то преимущество, что онъ долго не высыхаетъ и допускаетъ продолженіе работъ по изготовленію моделей даже послѣ продолжительнаго перерыва.[100] Съ 1891 г. глазурованіе, кромѣ обычнаго способа чрезъ погруженіе вещи въ растворъ глазури, производилось также еще посредствомъ пульверизатора.

По гончарной мастерской главною и весьма важною заботою явилось улучшеніе капселей, направленное къ увеличенію устойчивости ихъ въ огнѣ.

Въ 1882 г. изъ Берлина была выписана спеціальная капсельная огнеупорная глина, а въ 1883 г., для улучшенія качествъ шамота, вмѣсто прежнихъ чугунныхъ бѣгуновъ, доставлявшихъ шамотную пыль, и ручныхъ ситъ для просѣиванія, была поставлена дробильная машина Доньи для измельченія капсельнаго лома и для автоматической сортировки шамота, при отсасываніи вредной мелкой пыли паровымъ эжекторомъ.

Раціональный выборъ огнеупорныхъ глинъ и цѣлесообразное примѣненіе шамота имѣли послѣдствіемъ значительное сбереженіе дорого стоющаго матеріала. Капселя при новыхъ условіяхъ выдерживали отъ 9 до 10 обжиговъ, вмѣсто прежнихъ 2—3. [100]

Фарфоровые горны втеченіе разсматриваемаго періода совершенно были измѣнены въ своей конструкціи. Обжигъ фарфора до 1886 года происходилъ въ прямыхъ горнахъ, т. е. такихъ, въ которыхъ продукты горѣнія направляются снизу вверхъ. При неумѣломъ управленіи такими горнами получается одновременно съ перегорѣлымъ фарфоромъ и недогаръ и нарушается отвѣсное положеніе капсельныхъ стоекъ, рядъ которыхъ можетъ превратиться въ неправильную кучу.

Стр 292
Рис.426. Ваза, м. [марка], в. 8¹/₂ в. (Имп.Зав.).
Vase, h. 38 cm.

Въ 70-хъ годахъ управлять такими горнами на Императорскомъ заводѣ совсѣмъ разучились, такъ что сносные результаты горновыхъ обжиговъ считались счастливыми случаями: приходилось нерѣдко работать при 95% брака, а то даже ломами выбирать цѣлые горны.

Примѣнительно къ даннымъ, собраннымъ технологомъ завода Клеверомъ во время заграничныхъ командировокъ, взамѣнъ старыхъ горновъ, были выстроены горны новаго типа съ обратною тягою, въ которыхъ напоръ пламени направленъ на сводъ, отражающій пламя внизъ. Печные газы, продукты горѣнія, заполняютъ все печное пространство, перегибаются сверху внизъ и черезъ вылеты, распредѣленные по всему полу горна, переходятъ въ слѣдующіе этажи.

Такимъ образомъ въ 1885—1886 гг. были устроены: горнъ № 1, вышиною въ 2 арш. 15 верш., шириною въ 2 арш. 8 верш., по образцу горновъ Берлинскаго королевскаго завода, употреблявшійся впослѣдствіи преимущественно для обжига издѣлій съ цвѣтной глазурью и горнъ № 2, вышиною 4 арш. 8 верш., діаметромъ въ 4 арш. 2 верш., примѣнительно къ образцу горна Севрской мануфактуры; въ 1887 г. — горнъ № 4, вышиною въ 4 арш. и шириною въ 6 арш. 6 верш., по образцу горновъ Мейссенскаго королевскаго завода; этотъ горнъ первоначально предназначался для отопленія каменнымъ углемъ, но въ 1890 г. былъ перестроенъ на дровяное отопленіе, такъ какъ уголь и на этотъ разъ не нашелъ примѣненія: не представляя выгодъ въ экономическомъ отношеніи, онъ къ тому же загрязнялъ горновыя помѣщенія; наконецъ, въ 1893 г. былъ построенъ горнъ № 3, вышиною въ 3 арш. 8 верш., діаметромъ въ 5 арш. 8 верш., съ топками на колосникахъ. Этимъ горномъ пользовались для обжига крупныхъ издѣлій изъ одного куска фарфора. Напримѣръ, въ немъ обжигался въ 1893 году бисквитный бюстъ Императрицы Елисаветы Петровны (выш. 1 арш. 12 верш., шир. 1 арш. 4 верш.). [103]

Результаты всѣхъ нововведеній по бѣлой палатѣ должны были, конечно, обусловливать и удовлетворительность готовыхъ бѣлыхъ вещей, причемъ выходъ вещей 1-го и 2-го разборовъ поднялся до 60—70%, періодически однако количество брака вновь усиливалось съ появленіемъ на вещахъ трещинъ въ глазури и черноты. Нельзя сказать, чтобы качествами черепа и глазури издѣлія этого періода превосходили существенно предшествовавшія эпохи. Одной изъ характерныхъ особенностей бѣлыхъ вещей этого времени является часто холодный зеленоватый рефлексъ глазури, довольно замѣтно выступающій, особенно при искусственномъ освѣщеніи.

Рис. 427. Ваза, м. [марка], в. 7¹/₄ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 32 cm.

Стр. 293

Рис. 428. Блюдо, м. ♔, д. $8^1/_4$ в. (Имп. Зав.).
Plat, d. 37 cm.

Нельзя не упомянуть здѣсь объ одной мѣрѣ къ скорѣйшему полученію благопріятныхъ результатовъ, предпринятой въ началѣ 80-хъ годовъ XIX столѣтія и имѣющей значеніе при сужденіи объ издѣліяхъ завода этого времени.

Въ 1881 году, одновременно съ выпискою готовыхъ лиможскихъ массъ, были выписаны и готовыя бѣлыя фарфоровыя издѣлія тѣхъ же лиможскихъ фабрикъ. Часть этихъ вещей была использована въ качествѣ матеріала для расписыванія наряду съ собственными издѣліями.

Въ способахъ украшенія въ разсматриваемый періодъ придавалось значеніе примѣненію мало использованныхъ до тѣхъ поръ разнообразныхъ техническихъ пріемовъ, главнымъ образомъ, по указаніямъ Государя Императора Александра III, отдававшаго рѣшительное предпочтеніе способамъ декорированія фарфора, отличающимся отъ живописи муфельными красками. Живопись фарфоровою массою по кобальтовому и хромовому фону, имѣвшая, какъ и примѣненіе разноцвѣтныхъ глазурей, начало въ прошломъ царствованіи, теперь получила довольно широкое распространеніе, и впослѣдствіи мастеромъ Н. Семеновымъ въ этого рода работахъ были достигнуты отличные результаты, вызывавшіе неоднократно одобреніе Государя Императора.[104]

Результатомъ лабораторныхъ работъ было опредѣленіе рецепта красной глазури (rouge flammé).

Въ высшей степени декоративныя китайскія вазы, красныя съ переливающимися въ разные цвѣта оттѣнками, давно уже вызывали керамистовъ всѣхъ странъ на подражаніе. Такъ Лаутъ въ Севрѣ и Зегеръ въ Берлинѣ съ успѣхомъ работали надъ полученіемъ этой глазури. Въ 1888 г. лабораторія Императорскаго завода занялась опытами съ цѣлью полученія краснаго окрашиванія глазури при помощи мѣдныхъ соединеній, а въ слѣдующемъ 1889 г. технику Клеверу удалось установить условія появленія краснаго цвѣта съ характерными переливами и примѣнить новую окраску въ производствѣ.[100]

Стр. 293

Рис. 429. Ваза, м. ♔, в. $7^5/_8$ в. (Гатч. Дв.).
Vase, h. 33,5 cm.

По иниціативѣ Императора Александра III на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, одновременно почти съ опытами составленія цвѣтной глазури, возобновилось рисованіе на сырыхъ фарфоровыхъ издѣліяхъ красками горноваго огня (подглазурная живопись), изъ которыхъ раньше на Императорскомъ заводѣ примѣнялась лишь кобальтовая. Первыя удачныя работы были получены въ 1892 году подъ руководствомъ спеціально приглашеннаго для указанія этого способа живописи художника Датскаго королевскаго завода Карла Лисберга.[105] Съ октября 1894 по мартъ 1895 г. на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ работалъ другой спеціалистъ подглазурной живописи, художникъ того же королевскаго завода Мортенсенъ.[106]

Въ области живописи муфельными красками не произошло въ разсматриваемый періодъ никакихъ существенныхъ измѣненій.

Въ 1893 г. возникло предположеніе о написаніи на лавѣ наружныхъ иконъ для храма въ память кончины Императора Александра II. По этому поводу профессоръ А. П. Боголюбовъ лично просилъ соизволенія Государя Императора на устройство при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ спеціальной мастерской живописи на лавѣ, такъ какъ этотъ родъ живописи, по мнѣнію Боголюбова, можетъ „вполнѣ замѣнить дорогостоющую мозаику, какъ художественную, такъ и по способу дешевой мозаики Сальвіати.“ Боголюбовъ рекомендовалъ для управленія мастерской классного художника Исидора Пассъ, который втеченіе пяти лѣтъ изучалъ эту спеціальность въ Парижѣ. Не возражая принципіально противъ заведенія на Императорскомъ заводѣ живописи на лавѣ (впрочемъ, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ), Гурьевъ указывалъ, что руководство мастерской слѣ-

Стр. 294

Рис. 430. Медальоны, м. [illegible], д. $3\frac{1}{2}$ в. (Имп. Зав.). ·Médaillons, d. 15,5 cm.

дуетъ поручить не Пассу, который можетъ быть „только задѣльщикомъ,“ а технику Императорскихъ заводовъ (по стеклянному производству) Муринову, который „лично самъ на лавѣ работалъ и это дѣло до мельчайшихъ подробностей практически знаетъ.“

Императоръ Александръ III 19 іюля 1894 г. повелѣть соизволилъ: „художнику Пассъ заново исполнить образъ на лавѣ Воскресенія Христова, при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ.“ Для исполненія Высочайшаго повелѣнія написанныя раньше Пассомъ иконы изъ Гатчинскаго дворца были перевезены на фарфоровый заводъ, и во Франціи были пріобрѣтены пласты лавы, но, за кончиною Императора Александра III, мысль о производствѣ опытовъ живописи на лавѣ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ не осуществилась.[107]

Для обжига украшенныхъ золотомъ и живописью фарфоровыхъ вещей, одновременно съ горнами, были устроены новыя муфельныя печи. Въ 1886 г. устроены два муфеля съ двойными топками, 1 муфель съ одною топкою, по системѣ Полларъ, и 1 муфель вышиною въ 2 арш. и шириною въ 12 верш. для обжига особенно крупныхъ вещей.[100]

Лабораторія завода до 1885 г. служила исключительно для приготовленія нѣкоторыхъ муфельныхъ красокъ и для превращенія листового золота и серебра въ порошкообразный, годный для живописи видъ.

Появленіе въ Западной Европѣ заводовъ, занимающихся производствомъ въ большихъ размѣрахъ красокъ для фарфоровой живописи, заставило управленіе заводами приспособить лабораторію преимущественно къ аналитическимъ работамъ, сохраняя только производство немногихъ муфельныхъ красокъ, не имѣющихся въ продажѣ, и переработку золота и серебра.

Рядомъ съ аналитическими работами, лабораторія занялась составленіемъ красокъ большого огня для цвѣтной глазури и для подглазурной живописи. Для большей успѣш-

Стр 292

Рис. 431. Ваза, м. Ȧ, в. 6[illegible] в (Имп. Зав.).
Vase, h. 30,5 cm.

ности этихъ работъ при лабораторіи былъ выстроенъ небольшого размѣра, въ $^3/_4$ куб. метра емкости, пробный горнъ для опытовъ съ обжигомъ цвѣтныхъ и раскрашенныхъ издѣлій. [100]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Императоръ Александръ III принималъ близкое участіе въ направленіи художественной дѣятельности Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ.

По непосредственнымъ указаніямъ Императора были составлены окончательные проекты для Рафаэлевскаго сервиза, получившаго названіе по орнаменту, составленному примѣнительно къ рисункамъ Рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ; [108] на одобреніе Государя неоднократно были представляемы рисунки и проекты фарфоровыхъ и стеклянныхъ вещей; на ежегодныхъ выставкахъ поднесеній отдѣльные предметы подробно разсматривались и обсуждались Государемъ Императоромъ.

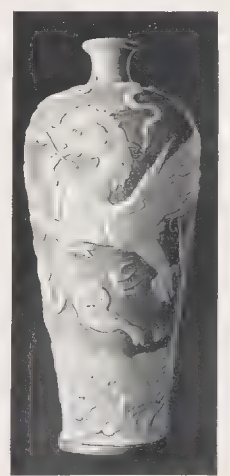
Извѣстно, что Императоръ Александръ III высоко цѣнилъ и понималъ искусство; болѣе того, Императоръ принималъ близко къ сердцу успѣхи русскаго искусства во всѣхъ его проявленіяхъ, участвуя лично въ направленіи художественной жизни страны. [109] Взглядъ Императора на искусство отличался широтой: „распространеніе искусства есть дѣло государственной важности.“ [110]

Искусство, разсматриваемое какъ импульсъ государственной жизни, можетъ имѣть только одинъ характеръ: оно должно быть народнымъ изъ народа и для народа.

Императоръ Александръ III не только признавалъ народность въ искусствѣ, но всецѣло примкнулъ къ нарождавшемуся еще въ Россіи направленію чисто народнаго искусства. Стремленія къ распространенію искусствъ въ государствѣ и именно въ народномъ духѣ обусловили сочувствіе Государя къ новой школѣ въ русскомъ искусствѣ, поощреніе тѣхъ художниковъ, которые разрабатывали темы, интересныя не ограниченнымъ кругамъ общества тѣхъ или иныхъ (часто тенденціозныхъ) направленій, но интересныя для всего русскаго народа, связанныя съ міросозерцаніемъ русскаго народа въ его совокупности, міросозерцаніемъ, коренящимся въ складѣ народнаго характера, въ прошлой исторіи народа, въ условіяхъ его историческаго развитія. [111]

Отрицательно относился Государь и къ тѣмъ художникамъ, которые трактовали общеинтересныя темы непонятнымъ для народа образомъ: онъ требовалъ, чтобы искусство заимствовало художественные образы и символы изъ неисчерпаемой сокровищницы народнаго творчества. Тѣ же стремленія Государя къ народности въ искусствѣ, къ распространенію искусствъ въ государствѣ родили мысль объ учрежденіи русскаго музея.

„Составъ музея свидѣтельствуетъ, что, говоря о распространеніи искусствъ, какъ о дѣлѣ государственной важности, Государь разумѣлъ подъ искусствомъ русскій художественный трудъ въ его совокупности. Это же подкрѣпляется его живымъ интересомъ и крайне милостивымъ отношеніемъ къ тѣмъ произведеніямъ художественной промышленности, на которыхъ лежала печать русскаго народнаго вкуса.“ [112]

Стр. 292

Рис. 432. Ваза, м. Ȧ, в. 15 в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 67 cm.

Стр 292

Рис. 433. Ваза, м., в. $4^{1}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 19 cm.

При извѣстномъ интересѣ, который Государю благоугодно было проявлять къ Императорскому фарфоровому заводу, естественно было бы, чтобы направленіе дѣятельности этого завода, особенно въ художественномъ отношеніи, пошло по пути, приводящему къ самобытности и оригинальности, а въ концѣ концовъ—къ идеальной цѣли: къ націонализаціи производства, къ той идеальной цѣли, которая рисовалась въ мечтахъ родоначальника русскихъ фарфоровыхъ мастеровъ, бергмейстера Виноградова, и опредѣленно выражена была гр. Перовскимъ. За все время существованія Императорскаго фарфороваго завода не было другого болѣе благопріятнаго момента для осуществленія указанной цѣли, какъ время Императора Александра III. Но такъ какъ вниманіе Государя направлялось на общіе вопросы о судьбахъ русскаго искусства и художественной промышленности, то въ каждой отдѣльной отрасли осуществленіе его идей должно было исходить отъ лицъ, непосредственно стоявшихъ у дѣла.

Такимъ ближайшимъ участникамъ вполнѣ извѣстны всѣ обстоятельства, знаніе которыхъ даетъ возможность правильно судить, что важнѣе всего для дѣла и на что можно съ успѣхомъ разсчитывать.

Лицомъ, которое могло бы повергнуть на благоусмотрѣніе Государя Императора (хотя едва ли формально въ этомъ отношеніи ему были предоставлены соотвѣтствующія полномочія) такую программу дѣятельности Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, которая стояла бы въ уровень со взглядами Императора на значеніе искусствъ и художественной промышленности въ государствѣ, былъ управляющій заводомъ. Занимавшій эту должность въ царствованіе Императора Александра III Д. Н. Гурьевъ принялъ заводъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи: ветхія зданія, машины и приспособленія старой конструкціи, неудовлетворительные административные порядки, отсутствіе самостоятельности у лицъ, завѣдывавшихъ заводомъ, невполнѣ удовлетворительный личный составъ рабочихъ и художниковъ, неспособныхъ къ самостоятельнымъ работамъ. Совокупность всѣхъ недочетовъ создала такое затруднительное положеніе, что, естественно, пришлось обратить вниманіе прежде всего на устраненіе этихъ недостатковъ, на подготовленіе средствъ къ достиженію достойныхъ цѣлей, прежде чѣмъ рѣшиться установить новыя требованія въ художественной дѣятельности. Но если такимъ образомъ оправдывалось преимущественное обращеніе вниманія на тѣ стороны производства, которыя для направленія художественной дѣятельности имѣютъ хотя и не непосредственное, но, при взаимной зависимости въ художественной промышленности чисто художественной и технической сторонъ, весьма важное значеніе, то все-таки остается впечатлѣніе, какъ будто управляющій не вѣрилъ въ возможность серьезныхъ задачъ для Императорскихъ заводовъ и прежде всего — для Императорскаго фарфороваго завода: „Мы ничего не можемъ дѣлать само-

Стр 292

Рис. 434. Ваза, м., в. $4^{3}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 21 cm.

стоятельно, мы должны подражать другимъ"... вотъ смыслъ словъ, которыя онъ неизмѣнно повторялъ. Оправданіе такому взгляду можно искать только въ фактѣ упадка Императорскаго фарфороваго завода въ семидесятые года.

Стр. 292, 294

Рис. 435. Горшокъ „Змѣи," м., в. 5 в. (Имп. Зав.).
Pot „Serpents," h. 22,5 cm.

Но если есть оправданіе ограниченію, внесенному въ задачи Императорскихъ заводовъ, съ другой стороны—не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что постоянно высказываемый взглядъ на необходимость подражанія долженъ былъ исключать возможность самостоятельнаго художественнаго творчества Императорскихъ заводовъ втеченіе этого періода, подавлять всякое стремленіе художниковъ и техниковъ къ самостоятельнымъ работамъ, стремленіе, которое у отдѣльныхъ лицъ, несомнѣнно, было или могло обнаружиться при улучшившихся условіяхъ.

Если однако допускалось подражаніе и точное воспроизведеніе чужихъ образцовъ (т. е. сохранялась сущность направленія двухъ предшествовавшихъ періодовъ), то значительно измѣнились объекты подражанія: раньше съ увлеченіемъ копировали эрмитажныя картины, теперь образцами служатъ произведенія наиболѣе блестящихъ періодовъ керамическаго искусства: въ разсудительномъ выборѣ образцовъ сказывалось вѣрное пониманіе задачъ керамики. Въ этомъ отношеніи счастьемъ для Императорскаго фарфороваго завода было то обстоятельство, что заводу въ направленіи художественной дѣятельности пришлось считаться со вкусомъ такого любителя и знатока фарфора, какимъ былъ Императоръ Александръ III. Императоръ не любилъ живописи, независимой отъ формъ, не любилъ копій съ картинъ, не любилъ металлическихъ или другихъ монтюръ на фарфоровыхъ вещахъ и, вообще, никакихъ гибридныхъ формъ. Императоръ посылалъ на заводъ для воспроизведенія китайскія вазы, въ которыхъ украшенія подчиняются и дополняютъ форму, вытекающую естественно изъ условій обработки на токарномъ станкѣ; точно также Императоръ въ способахъ украшенія отдавалъ предпочтеніе цвѣтнымъ глазурямъ и подглазурной живописи, способамъ наиболѣе керамичнымъ. Установился обычай, чтобы вещи новаго рисунка изготовлялись только въ двухъ экземплярахъ: одинъ для Государя Императора, другой для храненія на заводѣ въ видѣ образца.

Стр. 294.

Рис. 436. Горшокъ для цвѣтовъ, м., в. $5^1/_2$ в. (Имп. Зав.).
Pot à fleurs, h. 24,5 cm.

Чтобы облегчить для заводскихъ художниковъ выборъ образцовъ, заводская администрація постоянно заботилась о собираніи таковыхъ въ музеѣ, а въ библіотекѣ художественныхъ изданій, преимущественно, конечно, заграничныхъ. Въ 1889 г., по ходатайству министра Двора гр. Воронцова-Дашкова, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на порученіе оберъ-гофмаршалу Двора Его Величества, завѣдывавшему Императорскимъ Эрмитажемъ, кн. Трубецкому выбирать лучшіе керамическіе образцы и рисунки и снабжать ими Императорскіе заводы. [113]

Художники завода добросовѣстно и тщательно использовали находившійся подъ руками у нихъ матеріалъ: потому, всматриваясь въ формы и живопись на вещахъ Императорскаго фарфороваго завода, не трудно открыть первоисточникъ. Одновременно съ использованіемъ заграничныхъ образцовъ, рисунки, по обычаю, установившемуся въ 60-хъ годахъ XIX ст., заказывались постороннимъ русскимъ художникамъ или пріобрѣтались отъ нихъ, въ томъ числѣ отъ Баха, Соколова, Философова, Клодта, Сафонова, Петрова, Сверчкова и др.; а въ 1892 г. для завода были заказаны копіи съ орнаментовъ хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ старинныхъ рукописей „Ирмологіона" и „Титулярника." [114] Отчасти за неимѣніемъ средствъ, отчасти и по другимъ причинамъ русскіе источники не были достаточно использованы, поэтому живопись Императорскаго завода не могла пріобрѣсти самостоятельности и оригинальности. [115]

Стр. 294

Рис. 437. Блюдо „Цапля," м. ♁, д. 8³/₈ в. (Имп. Зав.).
Plat „Héron," d. 37,5 cm.

Общее впечатлѣніе отъ художественной дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода въ царствованіе Императора Александра III что заводъ пошелъ по болѣе вѣрному пути, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ, или, лучше сказать, заводъ сталъ выходить на этотъ путь, постепенно овладѣвалъ новой художественной техникой, привыкалъ къ вѣрному вкусу, т. е. готовился къ новой жизни. Въ постепенномъ подготовленіи къ новой дѣятельности, направленіе работъ разсматриваемаго періода имѣетъ свое оправданіе и логическую связь съ прошлымъ завода. Если будущее не выскажется отрицательно относительно всего новаго направленія въ художественной керамикѣ, то время Императора Александра III въ исторіи Императорскаго завода будетъ отмѣчено, какъ начало новой, лучшей эпохи его развитія.

ФОРМЫ.

Императоръ Александръ III отдавалъ рѣшительное предпочтеніе вазамъ, сдѣланнымъ изъ одного фарфора, въ особенности выточеннымъ изъ одного куска. Образцами для работъ завода служили одинаково какъ античныя, такъ и восточныя: персидскія, китайскія, японскія вазы, красивыя линіи которыхъ легко примѣняются къ фарфору.

Вазы подвергались весьма тщательной обработкѣ: такъ, лѣпныя украшенія, напримѣръ, на вазѣ, исполненной въ 1891 г., по образцу извѣстной Никопольской вазы, хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ (рис. 441), не вырабатывались одновременно съ вазою, а формовались отдѣльно, чѣмъ облегчалось достиженіе большей опредѣленности линій и очертаній орнаментаціи. Изъ большихъ вазъ, образованныхъ изъ одного куска, заслуживаетъ вниманія исполненная въ 1892 году ваза въ видѣ египетской амфоры, по формамъ близко напоминающая Луврскую египетскую вазу (рис. 424).

Стр. 2?, 294

Рис. 438 Вазы „Цапля," м. ♁, в. 6¹/₄ в., „Попугаи," м. ♁, в. 5¹/₂ в. (Имп. Зав.)
Vases „Héron," h. 27,5 cm., „Perroquets," h. 24 cm.

Втеченіе всего разсматриваемаго періода часто примѣнялись формы китайскихъ и японскихъ вазъ (рис. 415, 426, 427, 431—434, 439 и др.), при чемъ пользовались какъ непосредственно китайскими и японскими образцами, такъ и формами, образованными по восточнымъ образцамъ, но переработаннымъ на заводахъ Минтона, Копенгагенскомъ королевскомъ и друг. (рис. 435, 438).

Стр. 292, 294.
Рис. 439. Горшокъ, м. [марка], в. 2 1/8 в. (Имп. Зав.).
Pot, h. 9,5 cm.

Другіе восточные стили, напримѣръ, персидскій (рис. 425) рѣже примѣнялись, да и то по образцамъ, выработаннымъ европейскою керамикою.

Обильнымъ источникомъ разнообразныхъ формъ для художниковъ Императорскаго фарфороваго завода служили западно-европейскіе керамисты, отъ средне-вѣковыхъ и до послѣдняго времени.

Встрѣчаются между произведеніями этого періода и формы итальянскаго ренессанса (рис. 408 410, 417), и ренессанса нѣмецкаго, напримѣръ, подражанія рейнскимъ сосудамъ (рис. 421); есть формы XVIII столѣтія (рис. 391, 393, 394), есть и копіи вазъ Чельзи (рис. 414), есть, наконецъ, копіи новѣйшихъ издѣлій Севра (рис. 416), Лиможа, Минтона и пр. Эти формы использованы были для декоративныхъ предметовъ втеченіе первыхъ 10 лѣтъ этого періода; въ послѣдніе же годы явное предпочтеніе отдавалось формамъ, выработаннымъ художниками Копенгагенскаго завода. Послѣднее обстоятельство въ связи съ примѣненіемъ цвѣтныхъ глазурей, удающихся скорѣе всего на незначительныхъ по величинѣ предметахъ, обусловило незначительные, въ общемъ, размѣры вазъ послѣдующихъ годовъ царствованія Императора Александра III.

Изъ сервизовъ разсматриваемаго періода, большинство которыхъ предназначалось для ежедневнаго употребленія во дворцахъ, а потому отличалось несложностью рисунка по бѣлой (въ техническомъ отношеніи почти всегда безупречной) поверхности, выдѣляется только одинъ Рафаэлевскій, съ орнаментомъ, составленнымъ по рисункамъ Рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ (рис. 402 405). Окончательные проекты для этого сервиза исполнены по личнымъ указаніямъ Государя. Въ этомъ сервизѣ, оконченномъ лишь въ 1903 году, заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя формы: салатникъ, лотокъ.

Отдѣльныя чашечки съ блюдцами, лоточки, тарелки, миніатюрныя вазочки, стаканы и проч. мелкія вещи (рис. 411, 422, 423) выдѣлывались постоянно для поднесеній Августѣйшимъ Особамъ и отличались нерѣдко изящными формами, воспроизведенными по образцамъ, тщательно подобраннымъ изъ числа лучшихъ, выработанныхъ европейскимъ фарфоровымъ производствомъ втеченіе полутора столѣтій.

На скульптурныя произведенія, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ царствованіе Императора Александра III не обращалось вниманія: они весьма немногочисленны и по общему характеру исполненія не отличаются отъ скульптурныхъ произведеній предыдущаго періода, такъ какъ являются почти безъ исключенія работами скульптора заводовъ А. Шписа (рис. 391, 393 395, 407, 413, 440).

Въ числѣ выдающихся, хотя технически не вполнѣ удовлетворительно исполненныхъ, самостоятельныхъ скульптурныхъ издѣлій, слѣдуетъ отмѣтить: терракотовую фигуру Офеліи (выс. 1 арш. 13 1/2 верш.), изготовленную въ 1891 году по модели скульптора П. П. Каменскаго мастерами завода Андреемъ Лапшинымъ и Александромъ Тимофеевымъ и бюстъ Императрицы Елисаветы Петровны (рис. 440) изъ бисквита (выс. 1 арш. 12 верш.), изготовленный по случаю 150-тилѣтія Императорскаго фарфороваго завода для помѣщенія на поставленномъ на дворѣ заводского зданія гранитномъ пьедесталѣ.[77] Бюстъ исполненъ мастерами Федоромъ Даладугинымъ и Павломъ Шмаковымъ, по модели скульптора А. Шписа, получившаго на конкурсѣ по изготовленію памятника основательницѣ завода первый и второй призы за представленныя модели. Бюстъ Императора Александра III (рис. 392) исполненъ въ слѣдующій періодъ.

Скульптурный орнаментъ на предметахъ разсматриваемаго періода мало развитъ; причина этого факта –въ предпочтеніи, отдаваемомъ выточеннымъ изъ цѣльнаго куска вещамъ, съ поверхностями, приспособленными для украшеній новѣйшими способами: цвѣтными глазурями, подглазурной живописью и проч.

Въ общемъ, на формахъ времени Императора Александра III вездѣ сказывается преимущественное исканіе общей линіи, а не стремленіе къ скульптурности отдѣльныхъ частей. Отсюда—упрощеніе скульптурныхъ деталей, подчиненіе ихъ основной линіи данной формы.

ЖИВОПИСЬ.

Поворотъ къ декоративной живописи, важный для исторіи керамики конца XIX столѣтія, и новые способы украшеній керамическихъ издѣлій обусловили характеръ украшенія издѣлій Императорскаго фарфороваго завода времени Императора Александра III.

При соблюденіи стремленія къ декоративности, на чемъ въ особенности настаивалъ Государь Императоръ, и при использованіи новыхъ пріемовъ украшеній (различныя цвѣтныя глазури и пр.), сильнѣе всего наблюдается отсутствіе какого бы то ни было опредѣленнаго направленія: художники завода, лишенные общаго руководительства, либо копировали чужую живопись и орнаментъ, (рис. 416), либо въ компоновкѣ придерживались полнѣйшаго эклектизма. Въ первые десять лѣтъ сохраняла свое преимущественное значеніе примѣнявшаяся въ прежнее время почти исключительно надглазурная живопись муфельными красками. Встрѣчаются образцы фигурной, цвѣточной (рис. 400, 401, 414, 428, 429), и орнаментной живописи, ландшафтъ исчезалъ. Но и фигурная живопись примѣнялась не часто и почти исключительно въ видѣ миніатюры: на чашечкахъ, блюдцахъ и др. подобныхъ вещахъ (рис. 423) или на традиціонныхъ яйцахъ — въ видѣ ликовъ святыхъ (рис. 412).

Стр. 292.

Рис. 440. Императрица Елисавета Петровна, 1894 г., в. 27 в. (Имп. Зав.).
L'Impératrice Elisabeth I, h. 1,20 m.

Орнаментъ отличается разнообразіемъ: есть и подражанія античнымъ (рис. 424), и мавританскимъ (рис. 420) и орнаментамъ ренессанса (рис. 406), иногда во вкусѣ руанскихъ фаянсовъ и пр., есть и русскій орнаментъ. Орнаментъ примѣнялся къ формамъ съ недостаточной разборчивостью, чему можетъ служить примѣромъ египетская ваза, на которой орнаментъ трактованъ въ стилѣ античныхъ вазъ (рис. 424).

Безусловно заслуживаетъ вниманія весьма умѣло и со вкусомъ разработанный, удачно примѣненный къ формамъ и съ большой тщательностью исполненный орнаментъ Рафаэлевскаго сервиза (рис. 402—405).

Муфельная живопись на лучшихъ экземплярахъ, въ общемъ, вполнѣ удовлетворительна, при чемъ, однако, въ этомъ отношеніи не замѣчалось улучшенія, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, скорѣе наоборотъ: фигурная миніатюрная живопись, вообще, слабѣе, такъ какъ прежніе мастера-фигуристы исчезали и не замѣнялись новыми. Яснѣе всего это можно наблюдать на военныхъ тарелкахъ (рис. 396—399), изъ коихъ послѣднія исполнены въ 1887 году.

Параллельно съ муфельной живописью примѣнялись способы украшенія фарфора посредствомъ заполняющей выемки въ черепѣ глазури (рис. 418, 419), разноцвѣтныхъ глазурей (табл. X) и муфельной живописи по разноцвѣтной глазури (рис. 439); разнообразіе тоновъ, случайности потековъ и рисунка, вызванныя огнемъ, являются наиболѣе блестящими, никогда не утомляющими глазъ украшеніями этого рода предметовъ.

Живопись подглазурными красками большого огня (кромѣ орнаментальной (рис. 436), исполненной кобальтомъ), принадлежитъ послѣднимъ тремъ годамъ царствованія Императора Александра III и введена подъ руководствомъ датскихъ художниковъ. Издѣлія этого періода являются первыми опытами и, какъ таковые, еще не совершенны (рис. 435, 437, 438).

Первыя, выходящія изъ ряда пробныхъ работъ, вещи исполнены К. Н. Красовскимъ и С. Р. Романовымъ.

Изъ примѣняемыхъ уже въ предыдушій періодъ, но сравнительно рѣдко, способовъ, наравнѣ съ надглазурной живописью эмалевыми красками (рис. 416), стали вновь обращать усиленное вниманіе на подглазурную живопись бѣлою фарфоровою массою (рис. 422, 430).

Изъ этого рода работъ по кобальту наиболѣе интересными являются медальоны, исполненные по оригиналамъ гр. Ѳ. Толстого, изображающимъ аллегорически событія войнъ 12-го и 14-го годовъ (рис. 430). Воспроизведенія свидѣтельствуютъ, что трудность исполненія была преодолѣна если не вполнѣ, то въ значительной степени.

Въ общемъ, въ декораціяхъ какъ и въ формахъ разсмотрѣннаго періода видно стремленіе замѣнить старые образцы керамическаго искусства и пойти по новымъ путямъ.

Недостатки этого періода—неопредѣленность и несамостоятельность художественнаго направленія, значеніе его — въ подготовительныхъ работахъ, характеризующихъ первые робкіе шаги къ переходу отъ исключительной живописи муфельными красками къ работамъ красками подглазурными, т. е. къ привлеченію въ большихъ размѣрахъ, при способахъ украшенія, дѣйствія огня, что является характернымъ для керамическаго искусства.

Стр. 291.

Рис. 441. Никопольская ваза, м. [марка], в. $16^5/_8$ в. (Имп. Зав.).
Vase de Nicopol, h. 74 cm.

Стр 306

Рис. 442. Ея Имп. Вел. Гос. Имп. Александра Θеодоровна, м. , д. 3 в. (Имп. Зав.).
S. M. l'Impératrice Alexandra, d. 13,5 cm.

Царствованіе Императора Николая II

ШТАТЪ 1902 г. — ОБОРУДОВАНІЕ МАСТЕРСКИХЪ. — ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОИЗВОДСТВА. — ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ. — БЫТЪ РАБОЧИХЪ.

Лѣтопись событій въ жизни Императорскаго фарфороваго завода втеченіе царствованія Государя Императора Николая II раздѣляется, въ зависимости отъ перемѣны управляющихъ Императорскими заводами, на два періода: съ 1894 по 1900 г. и съ 1900 года.

Высочайшимъ приказомъ, даннымъ по гражданскому вѣдомству 13 іюня 1900 г., Д. Н. Гурьевъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ службы; тѣмъ же приказомъ былъ опредѣленъ управляющимъ Императорскими заводами баронъ Н. Б. фонъ-Вольфъ, [1] вступившій въ управленіе 15 іюня. [2]

Дѣятельность первыхъ шести лѣтъ, естественно, являлась продолженіемъ направленія, опредѣлившагося въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра III: заботы Д. Н. Гурьева были обращены къ достиженію поставленныхъ имъ раньше задачъ и къ сохраненію достигнутыхъ уже результатовъ.

Выяснившіеся втеченіе десятилѣтія 1890 1900 г. недостатки въ штатахъ 1890 года съ перемѣною управленія заводами должны были вызвать мысль о необходимости устраненія этихъ недостатковъ съ одной стороны путемъ точнѣйшаго опредѣленія цѣлей Импе-

Стр 308, 316, 317

Рис. 443. Ваза „Имп. Александръ III,“ м. [illegible]. в. 10 в. (Гатч. Дв.). Vase, h. 44,5 cm.

раторскихъ заводовъ, съ другой введеніемъ въ штаты новыхъ тенденцій въ организаціи всего административнаго строя и заводского производства.

Удобнымъ случаемъ къ возбужденію вопроса объ измѣненіи заводскихъ штатовъ явился предпринятый въ 1902 году общій пересмотръ штатовъ Министерства Императорскаго Двора.[3]

Недостатки штатовъ 1890 года состояли въ отсутствіи извѣстной градаціи высшаго техническаго персонала и въ разобщенности отдѣльныхъ техническихъ должностей, въ неподвижности штатовъ, въ недостаточномъ обезпеченіи художественной части.

Должности техниковъ положены были либо въ VI, либо въ VII классѣ съ соотвѣтствующимъ этимъ должностямъ содержаніемъ. При опредѣленіи на службу новыхъ лицъ, за неимѣніемъ въ Россіи вполнѣ подготовленныхъ по стеклодѣлію и керамическому производству техниковъ, приходилось принимать сразу на отвѣтственную должность людей со школьной скамьи, которымъ надо было еще практически учиться дѣлу и доказать умѣніе руководить большой мастерской. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ штатѣ 1890 г. всѣмъ старшимъ техническимъ служащимъ было присвоено наименованіе техниковъ, то создавалась презумпція совершенно одинаковой компетенціи и независимости каждаго. Въ 1890 г., дѣйствительно, всѣ техники работали вполнѣ самостоятельно, но неудобства такой независимости сказались скоро, потому что нѣкоторыя части производства, какъ напримѣръ, изготовленіе фарфоровой массы, точеніе фарфоровыхъ издѣлій, глазурованіе и обжигъ ихъ столь тѣсно связаны между собою, что безъ вреда для дѣла не могутъ находиться въ завѣдываніи нѣсколькихъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга лицъ. Замѣтнымъ недостаткомъ являлась также неподвижность установленнаго числа техническаго персонала. Если согласиться, что штаты, вообще, должны быть разсчитаны не только для временныхъ нуждъ, но на болѣе или менѣе продолжительное время, въ такомъ случаѣ штаты заводовъ и подобныхъ безпрерывно развивающихся учрежденій должны предусматривать возможность увеличенія или уменьшенія личнаго состава при измѣненіи количества или характера работъ.

Стр 308, 316.

Рис. 444. Ваза „Дождливая погода,“ м. [illegible], в. 11 в. (Царск. Дв.). Vase „Pluie,“ h. 49 cm.

Наиболѣе существеннымъ вопросомъ при составленіи новыхъ штатовъ должно было являться устройство художественной части. Практика предшествовавшихъ лѣтъ показала, что завѣдываніе художественной частью какъ фарфороваго, такъ и стекляннаго заводовъ удобнѣе поручать одному и тому же лицу, чѣмъ раздѣлять живописную и шлифовальную мастерскія между двумя техниками. Но довѣрить всю художественную часть заводовъ одному лицу значитъ подчинить въ извѣстной степени его вліянію и техническую часть. Понятно, что такое лицо должно обладать крупнымъ талантомъ, прекрасной художественной подготовкой и высокимъ авторитетомъ, а потому и въ служебномъ отношеніи должно бы выдѣляться среди другихъ техниковъ.

Исходя изъ такихъ соображеній, управляющій заводами, вслѣдствіе предложенія управляющаго Кабинетомъ Его Императорскаго Величества,[3] предлагалъ[4] между прочимъ: 1) самыми

названіями должностей указать на подчиненіе, въ случаѣ надобности, однихъ техниковъ другимъ, 2) ввести въ штатъ должности VIII кл. съ соотвѣтствующимъ окладомъ для лицъ, вновь принимаемыхъ на службу безъ спеціальной подготовки, 3) въ штатѣ технической части опредѣлить только категоріи должностей по классамъ, безъ обозначенія обязательнаго числа служащихъ, 4) предусмотрѣть одну должность техника высшаго класса и оклада, для замѣщенія лицомъ, предназначаемымъ руководить художественною дѣятельностью Императорскихъ заводовъ. Предположенныя измѣненія по административной части заводовъ имѣли менѣе существенное значеніе и сводились лишь къ урегулированію размѣровъ содержанія и къ болѣе точному обозначенію функцій отдѣльныхъ чиновниковъ.

Въ Высочайше утвержденномъ 6 декабря 1902 г. штатѣ[5] предположенія управляющаго Императорскими заводами по первымъ двумъ пунктамъ получили осуществленіе при одновременномъ увеличеніи всѣхъ окладовъ содержанія.

Возможность нѣкоторой подвижности въ числѣ личнаго состава предусмотрѣна примѣчаніемъ къ штату, допускающимъ, съ особаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія, опредѣленіе лицъ по найму съ окладами, не зависящими отъ нормъ, опредѣленныхъ штатомъ. Мысль же о выдѣленіи одного техника съ высшимъ окладомъ и высшимъ классомъ должности, достаточными для привлеченія на службу выдающейся художественной или технической силы, не осуществилась.

Стр. 306.

Рис. 445. Его Имп. Вел. Гос. Имп. Николай II, м. , д. 3 в. (Имп. Зав.).
S. M. l'Empereur Nicolas II, d. 13,5 cm.

Новый штатъ былъ введенъ въ дѣйствіе со дня его учрежденія,[6] и должности были распредѣлены между служившими уже на заводахъ на соотвѣтственныхъ мѣстахъ лицами.[7]

Одновременно съ вопросомъ объ обезпеченіи заводовъ подходящимъ составомъ руководителей главныхъ его частей возникла необходимость лучше приспособить какъ зданіе, такъ и машинную часть къ достиженію намѣченныхъ цѣлей.

Главное зданіе фарфороваго завода, выстроенное еще при Императрицѣ Екатеринѣ II и уже въ 50-хъ годахъ XIX ст. признанное неудобнымъ по своему расположенію, стало еще менѣе удобнымъ послѣ перевода на фарфоровый заводъ мастерскихъ стекляннаго завода, для размѣщенія которыхъ было использовано все свободное пространство, но безъ всякой системы: такъ что отдѣльныя части одной и той же мастерской (напр. капсельной и шлифовальной) были разбросаны по главному зданію; другія мастерскія, работы которыхъ связаны между собою единствомъ операцій, раздѣлялись мастерскими посторонняго производства, или же сообщеніе между ними возможно было только черезъ дворъ, съ неизбѣжнымъ перенесеніемъ большихъ тяжестей на значительныя разстоянія вручную. Эти недостатки были отчасти устранены втеченіе 1900—4 г.г. перераспредѣленіемъ мастерскихъ, а также устройствомъ новыхъ помѣщеній: каменной надстройки для кладовой фарфора (въ 1900 г.), укладочной (въ 1901 г.), каменной пристройки для дробильни (въ 1901 г.), кладовой для стекла (въ 1902 г.), кладовой для фарфора перваго обжига (въ 1903 г.). Существенный недостатокъ скульптурной мастерской, находящейся въ проходныхъ комнатахъ, устраненъ въ 1903 году устройствомъ корридора; въ то же время сосредоточены въ одномъ мѣстѣ шлифовальная и капсельная мастерскія.[8] Наиболѣе значительныя работы состояли въ пере-

Стр 306, 316.

Рис. 446. Ваза, м. [марка], в. 9¼ в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 41,25 cm.

устройствѣ всей механической части. Поставленная въ 1875 г. паровая машина износилась, двѣ же другихъ небольшихъ машины, будучи поставлены отдѣльно отъ главной, требовали топки второго котла. Когда поднятъ былъ вопросъ о переустройствѣ механической части, тогда возникла было мысль объ утилизаціи, для полученія двигательной энергіи, силы протекающей мимо завода рѣки Невы. Произведенныя профессоромъ Харьковскаго университета Альбицкимъ изслѣдованія показали однако, что устройство необходимыхъ сооруженій обошлось бы очень дорого и, при существующихъ цѣнахъ на топливо, было бы невыгодно.[9]

Если поэтому относительно полученія энергіи переустройство механической части выразилось лишь въ замѣнѣ негодныхъ котловъ и паровыхъ машинъ новыми съ сосредоточеніемъ ихъ въ центральномъ мѣстѣ, зато всѣ прочіе механизмы и аппараты были приспособлены къ электрическимъ двигателямъ или замѣнены электрическими приборами.

При всѣхъ преимуществахъ электрической передачи: сбереженіи расходуемой силы, сбереженіи мѣста, возможности болѣе удобнаго устройства мастерскихъ, часто встрѣчались большія затрудненія, такъ какъ приходилось впервые примѣнять электрическіе двигатели на фарфоровомъ заводѣ и потому, не имѣя примѣровъ, самостоятельно разрѣшить эту задачу.

Работы по переустройству механической части продолжались втеченіе 1902—4 г.г.[10] Новое устройство, давшее, между прочимъ, возможность установить электрическое освѣщеніе въ заводскихъ мастерскихъ (въ 1902 г.) и во всѣхъ другихъ зданіяхъ завода (въ 1903 г.), позволило вмѣстѣ съ тѣмъ значительно усилить въ нѣкоторыхъ мастерскихъ работу и такимъ образомъ успѣшнѣе эксплоатировать значительный капиталъ, заключающійся въ заводскихъ зданіяхъ и машинахъ, и достигнуть болѣе выгоднаго использованія отпускаемыхъ заводамъ средствъ.

Съ тою же, отчасти, цѣлью въ 1902 и 1903 г.г. управленіемъ заводами пересматривались основанія для опредѣленія задѣльной платы рабочихъ, и была измѣнена дѣйствовавшая до тѣхъ поръ система, при которой задѣльщики получали ежемѣсячно почти одинаковую плату, независимо отъ количества исполненной въ каждомъ мѣсяцѣ работы. Такой порядокъ, давая рабочимъ возможность работать не больше того, что соотвѣтствовало установившемуся издавна для каждаго изъ нихъ размѣру мѣсячнаго заработка, при исполненіи художественныхъ предметовъ являлся лучшимъ, гарантируя тщательность работы, но зато для обыкновенныхъ сервизныхъ работъ былъ крайне невыгоденъ: механическія средства не использовались въ полной мѣрѣ, заказы для Императорскихъ дворцовъ исполнялись несвоевременно, въ результатѣ ежегодные крупные дефициты.[11] Такъ, напримѣръ, въ 1899 г. при расходахъ по обоимъ заводамъ въ 229.804 р. 98 к. стоимость изготовленныхъ вещей, при сравнительно высокой оцѣнкѣ, опредѣлялась лишь въ 160.805 р. 93 к.[12]

Измѣненіе системы задѣльной платы за сервизныя вещи состояло въ томъ, что за каждую работу разъ навсегда было установлено опредѣленное вознагражденіе, выдаваемое полностью при вполнѣ удовлетворительномъ исполненіи, т. е. возстановленъ истинный характеръ задѣла. Нормы задѣльной платы были фиксированы въ особыхъ вѣдомостяхъ и модельной книгѣ.[13] Послѣдствіемъ новой системы задѣльной платы явилась интенсивность труда, увеличеніе количества работы, что обусловило распредѣленіе расхо-

довъ на большее количество вырабатываемыхъ предметовъ и, въ совокупности съ сокращеніемъ расходовъ, достигнутымъ переустройствомъ механической части и другими мѣрами, дало слѣдующіе результаты: въ 1902 г. при расходѣ въ 237.279 р. 34 к. выработано вещей на 240.482 р. 37 к.;[13] въ 1903 г. при расходѣ въ 253.021 р. 68 к. - на 269.822 р. 28 к.[14]

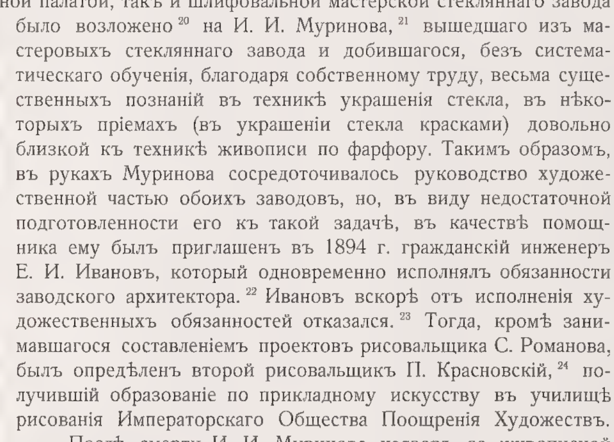

Стр. 307

Рис. 447. Ваза, м. Н II, в. 9 в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 40 cm.

Приведенныя цифровыя данныя показываютъ, что, по крайней мѣрѣ въ финансовомъ отношеніи, задача, поставленная Императорскимъ заводамъ при исполненіи обыкновенныхъ сервизовъ для Императорскихъ дворцовъ, разрѣшена въ послѣдніе годы удовлетворительно, хотя остается открытымъ вопросъ объ умѣстности ставить цѣлью для Императорскихъ заводовъ изготовленіе подобныхъ сервизовъ, такъ какъ такія работы могутъ весьма вредно отзываться на художественныхъ работахъ, составляющихъ истинную задачу этихъ заводовъ.

Въ личномъ составѣ съ 1894 по 1904 годъ по технической части не произошло существенныхъ перемѣнъ. Съ передачей въ завѣдываніе Я. О. Быка находившейся въ вѣдѣніи А. П. Иванова глазурной мастерской,[15] а въ 1902 г., за уходомъ въ отставку А. П. Иванова,[16] и бѣлой палаты, часть эта была сосредоточена въ рукахъ одного техника.[17] Помощникомъ Быка по составленію массы, съ 1897 по 1899 г.,[18] состоялъ технологъ Л. А. Гедеоновъ.[19]

Послѣ смерти, въ началѣ 1894 года, главнаго мастера живописи Шауфельбергера, завѣдываніе какъ живописной палатой, такъ и шлифовальной мастерской стекляннаго завода было возложено[20] на И. И. Муринова,[21] вышедшаго изъ мастеровыхъ стекляннаго завода и добившагося, безъ систематическаго обученія, благодаря собственному труду, весьма существенныхъ познаній въ техникѣ украшенія стекла, въ нѣкоторыхъ пріемахъ (въ украшеніи стекла красками) довольно близкой къ техникѣ живописи по фарфору. Такимъ образомъ, въ рукахъ Муринова сосредоточивалось руководство художественной частью обоихъ заводовъ, но, въ виду недостаточной подготовленности его къ такой задачѣ, въ качествѣ помощника ему былъ приглашенъ въ 1894 г. гражданскій инженеръ Е. И. Ивановъ, который одновременно исполнялъ обязанности заводского архитектора.[22] Ивановъ вскорѣ отъ исполненія художественныхъ обязанностей отказался.[23] Тогда, кромѣ занимавшагося составленіемъ проектовъ рисовальщика С. Романова, былъ опредѣленъ второй рисовальщикъ П. Красновскій,[24] получившій образованіе по прикладному искусству въ училищѣ рисованія Императорскаго Общества Поощренія Художествъ.

Стр. 307, 316, 317.

Рис. 448. Ваза, м. Н II, в. 13½ в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 60 cm.

Послѣ смерти И. И. Муринова надзоръ за живописной и шлифовальной мастерскими былъ порученъ въ 1901 г. штатному преподавателю маіолики въ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица Э. Я. Кремеру,[25] сотрудникомъ котораго до конца 1904 г. являлся старѣйшій изъ живописцевъ завода К. Н. Красовскій; должность же техника, завѣдывающаго художественной частью Императорскихъ заводовъ, до послѣдняго времени осталась вакантной.

Стр. 308.

Рис. 449. Ваза „Цапля," м. , в. 9³/₄ в. (Имп. Зав.).
Vase „Héron," h. 43,5 cm.

Скульпторъ Шписъ вышелъ въ отставку въ 1897 г. [26] Предусматривая уходъ его, Д. Н. Гурьевъ, за два года раньше, пригласилъ художника-скульптора Александра Боровскаго, [27] но, за скорымъ уходомъ послѣдняго, на вакантную должность техника VI класса былъ опредѣленъ съ 1 августа 1897 г. скульпторъ А. К. Тимусъ, [28] получившій художественное образованіе, отчасти, въ Императорской Академіи Художествъ и работавшій на Императорскихъ заводахъ съ іюля 1896 года.

Въ связи съ возобновленіемъ дѣятельности лабораторіи въ 1901 г. былъ приглашенъ лаборантомъ занимавшійся уже раньше спеціально керамическими работами Е. фанъ-деръ-Белленъ, [29] а за уходомъ его, съ 1903 г. –технологъ П. С. Философовъ, [30] который въ томъ же году былъ отправленъ въ продолжительную командировку за границу для изученія техники фарфороваго дѣла.

Перемѣны въ личномъ составѣ мастеровъ и рабочихъ вызывались не только естественною убылью, за смертью и потерей трудоспособности, или удаленіемъ за проступки, [31] но и перемѣной, происшедшей въ задачахъ, поставленныхъ Императорскимъ заводамъ. Работы по заказамъ частныхъ лицъ были совершенно прекращены, и дѣятельность заводовъ сосредоточилась исключительно на изготовленіи сервизовъ для Императорскихъ дворцовъ и художественныхъ вещей для представленія Ихъ Императорскимъ Величествамъ.

Личный составъ живописной мастерской восполнялся, главнымъ образомъ, учениками рисовальнаго класса, сохранившагося несмотря на уничтоженіе техническаго училища. Этотъ классъ, не имѣя опредѣленной программы и бюджета, не былъ въ состояніи подготовить въ достаточномъ числѣ и достаточно опытныхъ художниковъ-мастеровъ: поэтому, въ виду невозможности переводить ихъ послѣ надлежащаго обученія на болѣе художественныя работы, періодическое сокращеніе въ заказахъ сервизныхъ вещей имѣло каждый разъ послѣдствіемъ увольненіе излишнихъ рабочихъ. [32]

Послѣ 1900 г. число чернорабочихъ и техническихъ рабочихъ опять нѣсколько уменьшилось, благодаря улучшеніямъ въ технической части, зато число мастеровъ по живописной мастерской, особенно въ 1902 г., было значительно увеличено, отчасти для исполненія большихъ художественныхъ сервизовъ, отчасти для усиленія состоявшаго до тѣхъ поръ изъ одного лишь художника отдѣла подглазурной живописи. Въ этомъ отдѣлѣ къ 1904 г. числилось 10 лицъ, [33] изъ которыхъ лучшими, кромѣ отличавшагося въ другомъ родѣ живописи еще въ царствованіе Императора Александра II К. Н. Красовскаго, являются Э. Сулиманъ-Грудзинскій, Э. Кордесъ, [34] Г. Зиминъ. [35]

Стр. 305

Рис. 450. Ваза, м. , в 15 в (Имп. Зав).
Vase, h. 67 cm.

На улучшеніе быта рабочихъ въ царствованіе Императора Николая II управленіемъ Императорскихъ заводовъ обращено было особенное вниманіе. Возбужденный въ прошлое царствованіе вопросъ объ учрежденіи общей для обоихъ заводовъ вспомогательной кассы разрѣшился въ 1896 г.: 21 апрѣля министромъ Императорскаго Двора было утверждено положеніе о вспомогательной кассѣ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, которое было введено въ дѣйствіе съ перваго іюля того же года. [36] Имѣя въ виду недоразумѣнія, возникшія среди рабочихъ фарфо-

С.р 307

Рис. 451. Ваза-тыква, м., в. 8½ в. (Царск. Дв.).
Gourde, h. 38 cm.

роваго завода по поводу учрежденія вспомогательной кассы въ 60-хъ годахъ, министръ Императорскаго Двора поручилъ управляющему заводами [37] „разъяснить служащимъ на Императорскихъ заводахъ какъ всѣ выгоды, предоставляемыя имъ вновь вводимымъ положеніемъ о вспомогательной кассѣ, такъ и всѣ послѣдствія отказа ихъ отъ участія въ кассѣ.“

Рабочіе давно испытали всѣ послѣдствія необезпеченнаго положенія, поэтому „всѣ безъ исключенія лица, работающія или служащія на заводахъ, имѣющія право на участіе во вспомогательной и пенсіонной кассѣ... приняли въ ней участіе.“ [38]

Главнѣйшія отступленія положенія 1896 г. отъ положенія о рабочихъ людяхъ 19 января 1860 г. и положенія о заводскихъ кассахъ 9 августа 1868 г. заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ.

1. Прежнія вспомогательныя кассы назначались только для рабочихъ второго разряда, при чемъ участіе ихъ въ кассахъ было необязательно (полож. 1860 г. §§ 19 и 30, полож. 1868 г. §§ 2, 3), пенсіи могли быть назначаемы по прослуженіи рабочимъ не менѣе 10 лѣтъ и лишь въ случаѣ невозможности, за старостью, болѣзнью или увѣчьемъ, снискивать пропитаніе какою-либо другою работою (полож. 1860 г. § 22, полож. 1868 г. § 7).

Новое положеніе устанавливало обязательное участіе въ кассѣ, за исключеніемъ лицъ, получающихъ въ годъ болѣе 1.500 р. заработка, которыя въ кассѣ не могли принимать участія, подобно рабочимъ перваго разряда прежней кассы. Назначеніе пенсій (въ размѣрѣ средняго содержанія за послѣднія 5 лѣтъ) поставлено исключительно въ зависимость отъ прослуженія опредѣленнаго числа лѣтъ (не менѣе 15) безъ ограниченія условіями трудоспособности, но съ сокращеніемъ выслуги на 5 лѣтъ въ случаѣ оставленія заводовъ по болѣзни, старости или увѣчью (полож. 1896 г. §§ 2, 7, 8, 11).

2. Въ положеніе 1896 г. было введено (§ 8, прим.) особое постановленіе 4 октября 1868 г. относительно вознагражденій за увѣчья.

3. Пенсіи дѣтямъ были продолжены до 18-лѣтняго возраста.

4. Заболѣвшимъ рабочимъ были предоставлены пособія какъ отъ заводовъ, такъ и отъ кассы въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ новое положеніе о вспомогательной кассѣ 1896 г. устраняло многіе недостатки прежняго положенія 1868 г.

Къ 1 января 1897 г. вспомогательная касса Императорскихъ заводовъ, по внесеніи Кабинетомъ части причитавшихся прежней кассѣ стекляннаго завода суммъ, владѣла капиталомъ въ 82.000 р., который къ 31 декабря 1904 г. увеличился до 143.325 р. 64 к. Временно, до истеченія со дня начала дѣйствія кассы 15 лѣтъ, т. е. срока, положеннаго для выслуги участниками пенсій, обезпеченіе пенсіями вновь принятыхъ въ кассу рабочихъ,—въ началѣ въ особо выдающихся случаяхъ, а съ 1900 г. какъ общее правило,—производится изъ суммъ Кабинета Его Императорскаго Величества.[39] Съ 1911 г. касса должна будетъ развернуть полностью свои дѣйствія. Хотя могутъ возникнуть

Стр. 316

Рис. 452. Ваза, м., в. 18⅜ в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 81,5 cm.

Стр. 307, 308.

Рис. 453. Ваза, м. Н II, в. 12 в. (Гатч. Дв.). Vase, h. 53,5 cm.

сомнѣнія, окажется ли тогда касса въ состояніи безъ посторонней помощи удовлетворять широкимъ задачамъ, указаннымъ ей положеніемъ, такъ какъ разсчеты отчисленій и пенсій сдѣланы не на научныхъ основаніяхъ, все же, по замыслу, она является учрежденіемъ, обезпечивающимъ, по мѣрѣ возможности, какъ самихъ рабочихъ, такъ и ихъ семьи, и тѣмъ самымъ дающимъ имъ извѣстную самостоятельность и сознаніе своего достоинства, а также и привязанность къ своей профессіи и Императорскимъ заводамъ.

Дѣтямъ всѣхъ служащихъ и рабочихъ обезпечивается воспитаніе частью опредѣленіемъ ихъ на счетъ заводовъ въ приходское училище, частью выдачею ежегодныхъ пособій либо на домашнее воспитаніе, либо на обученіе въ среднихъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ.[40] Въ 1899 г. ежегодная субсидія приходскому попечительству была увеличена до 1000 р., попечительство же съ своей стороны обязалось принимать въ свою школу до 22 человѣкъ заводскихъ дѣтей.[41] Позднѣе начальное образованіе дѣтей заводскихъ рабочихъ еще болѣе облегчилось, когда въ селеніе фарфорового завода, на участкѣ, уступленномъ управленіемъ заводами, въ 1900/1 г. переведена была рукодѣльная женская школа Императорскаго женскаго патріотическаго общества, имени принца П. Г. Ольденбургскаго.[42]

Начатыя уже въ предыдущій періодъ строительныя работы, имѣвшія цѣлью доставленіе служащимъ и рабочимъ гигиеничныхъ квартиръ, закончились въ царствованіе Императора Николая II переустройствомъ ветхаго 3-хъэтажнаго дома (въ 1899 и 1900 г.г.),[43] двухъэтажной казармы для рабочихъ (въ 1901 г.)[44] и дома для техника (въ 1904 г.). Къ концу 1904 года число семейныхъ безплатныхъ квартиръ достигло 110. Квартиры предоставляются всѣмъ почти лицамъ, получающимъ жалованье. Большинство же задѣльщиковъ, какъ было издавна, проживаютъ въ собственныхъ домахъ на арендованной землѣ селенія фарфороваго завода.[45] Къ улучшенію гигиеническихъ и санитарныхъ условій заводскихъ жилищъ и, вообще, гигиеническихъ условій быта служащихъ и рабочихъ относится расширеніе водопровода для снабженія водою всѣхъ жилыхъ зданій[46] и устройство какъ на заводскомъ дворѣ, такъ и на участкахъ, занятыхъ жилыми постройками, канализаціонной сѣти (въ 1902—3 г.г.),[47] устройство на Невѣ купальни и пристани (въ 1902 г.)[48] и разведеніе сада вокругъ казармъ (въ томъ же году).[49] Для доставленія взрослымъ рабочимъ приличныхъ развлеченій, изъ суммъ Кабинета Е. И. В. оказывалась поддержка расположенному въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ заводами Невскому обществу народныхъ развлеченій;[50] для дѣтей же управленіемъ заводами устроены игры и гимнастическіе аппараты въ паркѣ при казармахъ. Въ интересахъ всѣхъ окрестныхъ жителей въ 1901 году была образована изъ заводскихъ рабочихъ пожарная дружина.[51]

Стр. 308, 319

Рис. 454. Табуретъ, м. Н II, в. 12½ в. (Царск. Дв.). Tabouret, h. 55,5 cm.

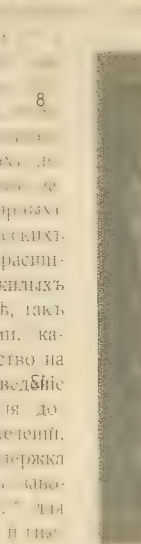

Табл. XI.

1. Блюдо „Крымскій берегъ", м., д. $9\frac{1}{8}$ в; 2. Ваза „Ночь", м., в. $11\frac{1}{8}$ в.; 3. Блюдо „Казакъ", м., д 9 в.; 4. Ваза „Разсвѣтъ" м., в. 11 в.; 5. Блюдо „Финляндскій берегъ", м., д. 9 в.; 6. Ваза „Кукуруза", м., в. $11\frac{1}{8}$ в.; 7. Ваза „Бѣлый медвѣдь", м., в $4\frac{1}{4}$ в., 8. Ваза „Еловыя шишки", м., в. $9\frac{1}{2}$ в.; 9. Ваза „Грѣющійся сатиръ", м., в. $3\frac{5}{8}$ в.; 10. Ваза „Павлинье перо", м., в $3\frac{3}{4}$ в., 11 Ваза „Сова", м., в. 13 в.; 12. Ваза „Вороны", м., в. $7\frac{1}{2}$ в.; 13. Ваза „Лѣсная глушь", м., в. $12\frac{1}{2}$ в. (Царск. Дв., Гатч. Дв.)

1. Plat „Rivage de la mer Noire", l. 40,5 cm.; 2. Vase „Nuit", h. 49,5 cm.; 3. Plat „Cosaque", l. 40 cm.; 4. Vase „L'aube", h. 49 cm.; 5 Plat „Rivage du golfe de Finlande", l. 40 cm.; 6. Vase „Maïs", h. 49 cm.; 7. Vase „Ours blanc", h. 19 cm.; 8. Vase „Pommes de pin", h. 42,5 cm.; 9. Vase „Satyr auprès du feu", h. 16 cm.; 10. Vase „Plume de paon", h. 16,5 cm.; 11. Vase „Hibou", h. 58 cm.; 12. Vase „Corneilles", h. 33 cm.; 13. Vase „Forêt", h. 55,5 cm

условій быта служащихъ и рабочихъ относится расши-
реніе водопровода для снабженія водою всѣхъ жилыхъ
зданій и устройство какъ на заводскомъ дворѣ, такъ
и на участкахъ, занятыхъ жилыми постройками, ка-
нализаціонной сѣти (въ 1902—3 г.г.), устройство на
Невѣ [illegible] (въ 1902 г.) и разведеніе [illegible]

Стр 308.
Рис. 455. Подносъ „Борзятникъ," м. ℍ, в. $6^{1}/_{4}$ в. (Царск. Дв.).
Plateau „Piqueur," h. 27,5 cm.

Для оздоровленія мѣстности селенія фарфороваго завода, старое кладбище въ 1902 году закрыто, и на вновь отведенномъ внѣ селенія мѣстѣ распланировано новое, [5-] при чемъ установлены правила [53] пользованія мѣстами, обезпечивающія порядокъ и чистоту. Въ связи съ устройствомъ новаго кладбища, въ 1902 г. начата на добровольныя пожертвованія постройка на кладбищѣ второй церкви въ селеніи, [52] въ виду недостаточной величины и тѣсноты, особенно въ большіе праздники, существующей старой церкви. При новой церкви въ подвальномъ этажѣ устроенъ особый придѣлъ для погребенія покойниковъ.

Рабочее время строго нормировано. Число часовъ колеблется въ предѣлахъ 6 зимою и $8^{1}/_{2}$ лѣтомъ. [54] Интереснымъ фактомъ въ бытѣ заводскихъ рабочихъ является то обстоятельство, что со времени установленія строго опредѣленныхъ нормъ задѣла, хотя и низшихъ, сравнительно съ прежними, но не подлежащихъ уменьшенію безъ уважительныхъ причинъ, выиграли не только заводы лучшимъ использованіемъ рабочей силы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повысилась общая сумма годового заработка отдѣльныхъ рабочихъ. Послѣ того какъ въ положеніи Императорскихъ заводовъ восторжествовалъ принципъ, что достиженіе значительныхъ прибылей не можетъ быть цѣлью ихъ дѣятельности, не могло быть, конечно, рѣчи и о предоставленіи служащимъ на заводахъ участія въ прибыляхъ; такъ какъ, однако, экономическія сбереженія противъ смѣтныхъ суммъ, достигающія въ послѣдніе года иногда значительныхъ размѣровъ, зависятъ отъ совокупной дѣятельности и отъ степени заинтересованности заводского персонала въ сбереженіяхъ, поэтому справедливымъ казалось бы предоставленіе служащимъ нѣкотораго особаго вознагражденія за результаты эксплоатаціи. Попытка управленія заводами стать на эту точку зрѣнія [55] не имѣла однако успѣха.

Перечень мѣръ, принятыхъ въ интересахъ рабочихъ въ текущее царствованіе, можно заключить упоминаніемъ объ образованіи въ 1901 г. особаго капитала для пріобрѣтенія на проценты съ него лекарствъ, безплатно выдаваемыхъ рабочимъ; [56] объ устройствѣ въ 1904 г., вмѣсто далеко не удобной и не обезпеченной надлежащимъ уходомъ заводской больницы, хорошо оборудованнаго пріемнаго покоя съ одновременнымъ обезпеченіемъ необходимой помощи въ случаяхъ, требующихъ больничнаго леченія, путемъ помѣщенія рабочихъ на средства завода въ спеціальныя больницы; [57] о выработкѣ (въ 1901 г.) для столовой холостыхъ рабочихъ таблицы нормальныхъ кушаній; [58] наконецъ, о предоставленіи всѣмъ рабочимъ и служащимъ, живущимъ въ заводскихъ домахъ, въ дополненіе къ безплатному отопленію, дарового освѣщенія (электрическаго). [59]

Стр 318.
Рис. 456. Ваза „Иноземные гости въ Москвѣ," м. ℍ, в. 10 в. (Царск. Дв.).
Vase „Etrangers à Moscou," h. 44,5 cm.

ТЕХНИКА ПРОИЗВОДСТВА.

При неуклонномъ стремленіи къ возможно высокой постановкѣ технической части фарфороваго производства, стремленіи, выразившемся во внимательномъ слѣженіи за успѣхами западно-европейской техники и въ

Стр. [illegible]

Рис. 457. Ваза, м. Н II, в. 10 1/8 в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 45 cm.

командировкахъ заводскихъ спеціалистовъ (какъ въ царствованіе Императора Александра III, такъ и въ разсматриваемомъ періодѣ) для изученія на мѣстѣ новыхъ техническихъ пріемовъ, повело, конечно, къ тому, что на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ въ техникѣ производства нашли примѣненіе всѣ тѣ способы и техническіе пріемы, которые знаменуютъ прогрессъ общеевропейскаго фарфороваго производства въ концѣ XIX столѣтія.

Несмотря на сознаніе, уже въ восьмидесятыхъ годахъ, непригодности производства, основаннаго исключительно на эмпирическихъ пріемахъ, этотъ порядокъ настолько укоренился въ производствѣ Императорскихъ заводовъ, что еще въ концѣ XIX столѣтія работали по рецептамъ, сохранявшимся лишь въ памяти старыхъ мастеровъ и рабочихъ. Первою мѣрою, принятою въ 1901 году, было заведеніе книги рецептовъ и техническихъ пріемовъ въ производствѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены правила, обязательныя при введеніи въ производство какихъ-либо новыхъ пріемовъ. [60] Однако, только правильно поставленная, научно оборудованная и обезпеченная научно подготовленными силами лабораторія могла дать технической части заводовъ настоящую устойчивость и самостоятельность. Существовавшая при фарфоровомъ заводѣ лабораторія никогда не удовлетворяла своему истинному назначенію, и, вмѣсто научныхъ изслѣдованій техническихъ условій производства и изысканій новыхъ способовъ, она почти исключительно служила для производства нѣкоторыхъ красокъ, работая такъ же эмпирически, какъ и мастерскія заводовъ. Для научныхъ изслѣдованій она не была приспособлена. Поэтому одновременно съ приглашеніемъ спеціальнаго лаборанта, управленіе заводами обратило вниманіе на надлежащее оборудованіе лабораторіи: были пріобрѣтены печи системы Девиля и Зегера, установлены небольшого размѣра волокуши, барабаны, фильтръ-прессъ, бензиновый карбураторъ, устроены новая муфельная печь и сушильный шкафъ съ водяною банею, улучшена вентиляція помѣщенія, [61] такъ что лабораторія въ состояніи была оказать производству обоихъ заводовъ существенныя услуги: научной провѣркой установившихся пріемовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не всегда давали удовлетворительные результаты, и дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ пріемовъ, на основаніи какъ собственныхъ изслѣдованій, такъ и провѣрки изобрѣтеній другихъ заводовъ.

Стр 308.

Рис. 458. Ваза „Дельфины," м. Н II, в. 12 1/8 в. (Царск. Дв.).
Vase „Dauphins," h. 54 cm.

Въ мастерской выдѣлки массъ волокуши, тяжелые и сравнительно медленно работающіе приборы были замѣнены барабанами системы Assling'a — чугунными съ фарфоровою внутри облицовкою. Въ результатѣ производительность работъ увеличилась вдвое. [62] Въ 1903 г. фарфоровыя облицовки барабановъ, сравнительно быстро изнашивающіяся, были замѣнены облицовкой изъ кремневаго камня. [63]

Фарфоровая масса, обычно, составляется по прежнимъ рецептамъ, именно: кварца 30%, шпата — 20%, англійской

Стр. 308

Рис. 459. Чаша для драгоцѣнностей „Сонъ," м. ♔, д. 7 в. (Царск. Дв.).
Baguier „Sommeil," d. 31 cm.

глины—$42,_{5}\%$, глуховской глины—$7,_{5}\%$. Однако, управленіе заводами пришло уже къ убѣжденію, что въ основу развитія техники фарфороваго производства должна быть положена разработка разнообразныхъ массъ и глазурей, наиболѣе удовлетворяющихъ конечнымъ цѣлямъ производства. Имѣя въ отечественныхъ кварцѣ и шпатѣ давно испытанные и вполнѣ удовлетворительные матеріалы, преимущественное вниманіе обратили на глины: въ періодъ 1901—4 г.г. лабораторія изслѣдовала многія русскія глины [64] и три новыхъ сорта заграничныхъ фарфоровыхъ глинъ: два англійскаго происхожденія и одинъ австрійскаго. [65] Для возобновленнаго въ 1901 г. производства бисквитныхъ фигуръ была составлена масса изъ 25% кварца, 25% шпата, 30% англійской глины, 15% цеттлицкой и 5% глуховской. Фигуры изъ такой массы выходили послѣ обжига съ рѣзко очерченными контурами. [65]

Химическій анализъ черепа фарфоровыхъ сервизныхъ вещей времени Императора Николая II свидѣтельствуетъ о сохраненіи, въ общемъ, прежняго типа фарфора Императорскаго завода, несмотря на примѣненіе при составѣ массы разнообразныхъ матеріаловъ.

Наравнѣ съ фарфоровыми глинами, изслѣдованію подвергались также огнеупорныя глины, служащія для капселей. Ниже всѣхъ по огнеупорности оказалась раньше преимущественно шедшая въ дѣло глина андомская, получаемая съ мѣста добычи въ нечистомъ видѣ (расплавляется при конусѣ Зегера 27); [65] поэтому въ составъ капселей стали употреблять боровичскую глину. Въ бѣлой палатѣ съ 1900 г. возобновлены опыты отливанія для примѣненія этого способа къ изготовленію крупныхъ вещей. [66] Между прочимъ, испробована отливка изъ жидкой фарфоровой массы съ добавленіемъ соды, и въ то же время въ лабораторіи изслѣдованы условія сокращенія литыхъ и формованныхъ цилиндровъ при сушкѣ и обжигѣ. [65]

Хотя уже въ 1900 г. отливкой была получена цилиндрическая ваза вышиною до 18 вершковъ, [67] а впослѣдствіи вазы такой же величины разнообразныхъ формъ, но опыты не дали еще результатовъ, которые бы могли оправдать отмѣну исконнаго способа выработки вещей на токарномъ станкѣ.

Въ 1901 г. былъ устроенъ новый горнъ (№ 5) нѣсколько больше прочихъ (объемъ нижняго этажа 50 куб. метровъ). Отличительною особенностью этого горна является устройство находящейся противъ забирной двери пятой топки подъ особымъ сквознымъ изъ огнеупорнаго кирпича сводомъ, такъ что топка, какъ не связанная съ главнымъ корпусомъ горна, легко можетъ быть вынута, для введенія, чрезъ образовавшееся отверстіе, вышиною въ 44 и шириною въ 42 вершка, особенно крупныхъ издѣлій.

Стр. 307, 316

Рис. 460. Горшокъ, м. ♔, в. $19^{3}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Pot, h. 88 cm.

Стр. [illegible], 316

Рис. 461. Ваза, м. [illegible], в. $12\frac{1}{4}$ в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 54,5 cm.

Обжигъ, который въ шестидесятые-семидесятые годы составлялъ источникъ крупныхъ неудачъ производства, улучшился уже въ царствованіе Императора Александра III настолько, что обычное производство являлось болѣе или менѣе обезпеченнымъ. Въ настоящее время остается обращать вниманіе на систематическое наблюденіе надъ дѣйствіями горновъ и на примѣненіе къ обжигу научныхъ данныхъ, дабы успѣшно устранять вновь отъ времени до времени появляющіяся частичныя неудачи и чтобы имѣть возможность безошибочно и раціонально направлять обжигъ къ намѣченному въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ результату. Съ этой цѣлью въ 1901 г. установлено было правило, чтобы при каждомъ обжигѣ въ горны помѣщались конуса-пирометры по системѣ Зегера. Изъ произведенныхъ наблюденій выяснилось, что обжигъ въ горнахъ Императорскаго фарфороваго завода во всѣхъ частяхъ довольно равномѣрный, при температурѣ, доходящей до точки плавленія конусовъ 12 и 13. [65]

Стр. [illegible] 316

Рис. 462. Ваза, м. [illegible], в. 12 в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 53,5 cm.

Систематическая и научная организація производства, направленная къ усвоенію новыхъ способовъ и изобрѣтеній, въ основныхъ стадіяхъ фарфороваго производства отразилась лишь частичными измѣненіями; гораздо полнѣе отразилась она на техникѣ и средствахъ, служащихъ непосредственно для полученія художественныхъ результатовъ. Въ этомъ отношеніи на Императорскихъ заводахъ достигнутъ, повидимому, предѣлъ возможнаго въ настоящее время разнообразія способовъ и пріемовъ, которыми располагаетъ художественная керамика, такъ какъ на практикѣ выяснились нѣкоторыя неудобства слишкомъ большого разнообразія, въ виду условій, при которыхъ работаютъ Императорскіе заводы.

Исполненныя въ послѣдніе 3—4 года вещи распредѣляются по слѣдующимъ категоріямъ:

1. Бисквитъ бѣлый и цвѣтной (рис. 442, 445, 446, 465, 468, 484 490, 493).

Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ всякихъ вообще бисквитныхъ фигуръ какъ и прежде, такъ и со времени возобновленія этой отрасли производства въ 1901 г., были швы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отмятыя въ отдѣльныхъ формахъ части фигуръ соединяются между собою посредствомъ примазыванія другъ къ другу жидкой массой. Такъ какъ, несмотря на самую тщательную работу, оказалось невозможнымъ получить обожженныя крупныя фигуры безъ швовъ, то заводъ обратился къ отысканію способовъ для механическаго удаленія швовъ уже послѣ обжига. Средство найдено въ примѣненіи гибкаго вала съ наконечниками разнообразной формы, которые сначала дѣлались изъ фарфора, потомъ изъ карборунда; одновременно примѣняются для той же цѣли и карборундовые напильники. [68]

Стр. 308, 317

Рис. 463. Ваза, м. [illegible], в. $8\frac{1}{4}$ в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 37 cm.

Отчасти, съ цѣлью внести болѣе жизни въ издѣлія, украшенныя рельефами, художни-

комъ Сулиманъ-Грудзинскимъ въ 1901 г. были произведены первыя работы лѣпленія изъ сырой массы отъ руки, безъ гипсовыхъ формъ.[65] Примѣненіе этой техники допускаетъ выпуклые рельефы съ подрѣзами, производство которыхъ при пользованіи гипсовыми формами невозможно (рис. 469).

Разноцвѣтные бисквиты вырабатываются сравнительно рѣдко, при томъ преимущественно въ видѣ такъ называемыхъ никелевыхъ бисквитовъ, отличающихся особымъ розоватымъ цвѣтомъ.

2. Цвѣтной фарфоръ, т. е. вещи, исполненныя изъ окрашенной массы, но, въ отличіе отъ цвѣтного бисквита, покрытыя безцвѣтной глазурью (рис. 448, 464).

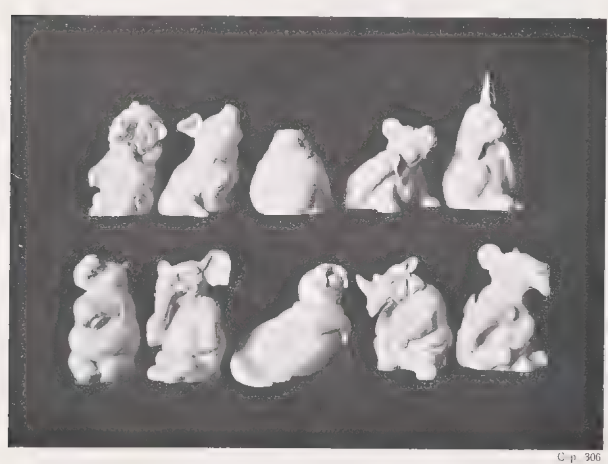

Стр. [illegible]7

Рис. 464. Волкъ, м. [illegible], в. 5 в. (Имп. Зав.)
Loup, h. 22,5 cm.

3. Цвѣтная глазурь, т. е. глазурь, въ составъ которой введены различныя окрашивающія вещества (соли металловъ); послѣднія, растворяясь въ глазури, образуютъ съ нею прозрачное разноцвѣтное стекло, покрывающее бѣлый черепъ. Кромѣ красной мѣдной глазури (rouge flammé), изъ другихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ цвѣтныхъ глазурей на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ въ настоящее время нашли примѣненіе: никелевая, синяя, сѣрая, фіолетовая, желтая, розовая, желѣзистая, наконецъ, полученный въ 1902 г. техникомъ Клеверомъ (послѣ предварительныхъ его же работъ въ 1899 г.) при содѣйствіи лаборанта фанъ-деръ-Беллена, особый видъ цвѣтной, такъ называемой кристаллической глазури (рис. 476, 479), съ отложеніями въ стекловидномъ слоѣ глазури одиночныхъ или сгруппированныхъ кристалловъ, похожихъ нѣсколько на изморозь.

Относительно цвѣтныхъ глазурей (рис. 447, 451, 453, 460, 474, 475, 477) въ этотъ періодъ фарфоровый заводъ былъ занятъ преимущественно опредѣленіемъ возможно лучшихъ составовъ, дающихъ чистые тона, изученіемъ способовъ нанесенія глазурей на предметы и условій полученія при обжигѣ живописныхъ потековъ текучихъ глазурей, использовавъ также эффекты сопоставленія различныхъ глазурей на одномъ и томъ же предметѣ, способы вытравливанія кислотами рисунка на бѣломъ или цвѣтномъ фонѣ и пр.

С р 306

Рис. 465. Звѣрки, м. [illegible], в. 2 в. (Имп. Зав.).
Animaux, h. 9 cm.

4. Подглазурная живопись фарфоровою массою большого горнового огня (рис. 461, 462, 466), а именно: а) бѣлою фарфоровою массою, б) цвѣтною массою въ связи съ жи-

вописью подглазурными красками. Въ то время какъ раньше живопись фарфоровою массою исполнялась почти исключительно по кобальтовому фону, въ разсматриваемый періодъ использованы были разнообразные фоны, въ томъ числѣ пурпуровый.[65]

5. Подглазурная живопись красками извѣстна была въ Европѣ еще въ XVIII ст., въ видѣ одноцвѣтной живописи кобальтомъ; въ дальнѣйшемъ развитіи этотъ способъ встрѣчаетъ главное препятствіе въ немногочисленности красокъ, выдерживающихъ горновой обжигъ, и въ трудности регулированія огня для полученія тѣхъ условій (иногда противорѣчивыхъ), при которыхъ эти краски даютъ желательный для художника оттѣнокъ.

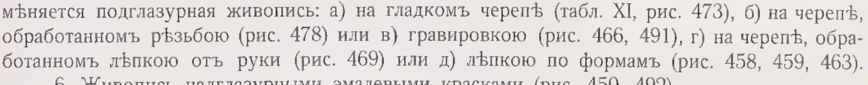
Лабораторныя работы обогатили палитру подглазурныхъ красокъ: такъ въ 1903 и 1904 г.г. въ дополненіе къ имѣвшимся раньше тремъ краскамъ: синей кобальтовой, зеленой хромовой и сѣрооранжевой золотой, опредѣлены были условія полученія черной иридіевой, кирпично-красной золотой и розовой цинковой красокъ.

Стр 307, 308, 316

Рис. 466. Ваза „Коровникъ,“ м. , в. 13 в. (Имп. Зав.).
Vase „Angélique,“ h. 58 cm.

Развивая въ послѣдніе года усиленно подглазурную живопись, Императорскій заводъ старается достигать возможнаго разнообразія, комбинируя украшенія красками съ другими способами украшенія на фарфорѣ. Въ настоящее время при-

мѣняется подглазурная живопись: а) на гладкомъ черепѣ (табл. XI, рис. 473), б) на черепѣ, обработанномъ рѣзьбою (рис. 478) или в) гравировкою (рис. 466, 491), г) на черепѣ, обработанномъ лѣпкою отъ руки (рис. 469) или д) лѣпкою по формамъ (рис. 458, 459, 463).

6. Живопись надглазурными эмалевыми красками (рис. 450, 492).

Извѣстныя на Императорскомъ заводѣ и раньше эмалевыя краски широко стали примѣняться въ послѣдніе два-три года и, при всестороннемъ изученіи техники, развились настолько, что использованы были всѣ различные способы примѣненія эмалей: въ видѣ живописи на большихъ свободныхъ поверхностяхъ, въ видѣ перегородчатой и выемчатой эмали, прозрачной эмали по золоту (табл. XII), наконецъ, въ видѣ сквозной, прозрачной эмали, заполняющей рисунокъ, прорѣзанный насквозь въ фарфоровомъ черепѣ.

Стр 308, 316, 317

Рис. 467. Вазы: „Каштановыя листья,“ „Листья огурцовъ,“ м. , в. $8^{1}/_{2}$, 10 в. (Царск. Дв.).
Vases, h. 38, 44,5 cm.

7. Живопись надглазурными красками муфельнаго огня. Живопись муфельными красками въ прежнее время такъ высоко стояла на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, что, несмотря на исканіе новыхъ и, быть можетъ, болѣе керамичныхъ способовъ, сохранена не только для сервизовъ, но и для чисто-художественныхъ издѣлій, при чемъ за этотъ періодъ, для послѣднихъ предметовъ, кромѣ живописи по бѣлому фону или цвѣтному муфельнаго огня (рис. 443, 444, 449, 454—456, 467, 470—472, 480—483), примѣнялась и живопись по кобальту или цвѣтной глазури горнового огня (рис. 453, 471).

Въ связи съ осуществленіемъ мысли объ установленіи твердыхъ началъ для техниче-

скихъ пріемовъ, въ живописной мастерской составлена была коллекція примѣняемыхъ на заводѣ красокъ (главнымъ образомъ заграничнаго происхожденія), съ показаніемъ температуры обжига каждой краски и получаемыхъ послѣ обжига тоновъ, въ зависимости отъ густоты слоя или примѣшиванія другихъ красокъ.[68]

Въ то же время были пересмотрѣны нормы расходуемаго на украшеніе издѣлій золота (съ сокращеніемъ расхода въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 50% противъ прежнихъ нормъ); при этомъ для сервизныхъ вещей, не имѣющихъ особенной цѣнности, стали примѣнять золото второго сорта, съ значительнымъ содержаніемъ ртути.[68]

Число муфелей осталось прежнее—5, но обыкновенно производится обжигъ только въ четырехъ муфеляхъ, въ которыхъ обжигаются вещи, украшенныя какъ муфельными, такъ и эмалевыми красками; для обжиганія вещей съ подглазурною живописью служатъ обыкновенные горны.

Съ 1901 г. при муфельномъ обжигѣ установлено было, какъ и при горновомъ, обязательное примѣненіе конусовъ Зегера, и въ зависимости отъ этого принято раздѣленіе муфельнаго обжига надглазурныхъ красокъ на 4 категоріи: 1) обжигъ фоновъ (конуса 011 и 013), 2) обжигъ подмалевки, который производится иногда два раза (конусъ 013), 3) обжигъ выправки (конуса 015 и 016) и 4) обжигъ золота (конусъ 015).

Стр. 306

Рис. 468. Послѣдній вздохъ корабля, м. ♔, в. 18 в. (Имп. Зав.).
Dernier soupir, h. 80 cm.

Обжигъ эмалей составляетъ отдѣльную категорію, такъ какъ требуетъ гораздо болѣе высокой температуры (конуса 010 и 08), чѣмъ прочія надглазурныя краски муфельнаго огня.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Художественныя работы Императорскихъ заводовъ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Николая II являются продолженіемъ предыдущаго періода, ибо указанная заводамъ программа дѣятельности не измѣнилась: главная часть работъ состояла, по прежнему, въ изготовленіи ординарныхъ сервизовъ для кладовыхъ Императорскихъ дворцовъ,[69] и лишь сравнительно небольшая часть работниковъ занята была исполненіемъ художественныхъ предметовъ, предназначаемыхъ для представленій къ Высочайшему Двору. Произошло, какъ и нужно было ожидать, явленіе, имѣвшее мѣсто и раньше: подъ давленіемъ все увеличивающихся заказовъ для дворцовыхъ кладовыхъ, даже лучшіе художники завода переводились на изготовленіе посуды, и это не могло, конечно, благопріятно отражаться на количествѣ и качествѣ художественныхъ работъ.

Стр 307, 308.

Рис. 469. Ваза „Колосья,“ м. ♔, в. 12¼ в. (Имп. Зав.).
Vase „Epis,“ h. 54,5 cm.

За послѣдніе годы администрація Императорскихъ заводовъ, усматривая истинную задачу заводовъ въ художественныхъ работахъ,[70] стремилась на первое время (до измѣненія тѣхъ задачъ, которыя ставятся Императорскимъ заводамъ), къ отдѣленію художественныхъ работъ и занятыхъ ими художниковъ отъ исполненія обыкновенныхъ сервизовъ; это было осуществлено втеченіе 1902 г.[71] Вмѣстѣ съ тѣмъ обращено вниманіе на разработку художественной программы и на опредѣленіе средствъ для ея исполненія.

Рис. 470. Яйцо „Распятіе,“ б м., в. 2½ в. (Имп. Зав.). Oeuf de Pâques „Christ crucifié“, h. 11 cm.

Характерная черта въ развитіи европейской керамики второй половины XIX ст. это —видимое истощеніе творческихъ силъ, отсутствіе оригинальности при сознаніи необходимости найти новый путь, выйти изъ круга тѣхъ формъ и способовъ декораціи, которые не удовлетворяли болѣе развитымъ художественнымъ вкусамъ и новому пониманію искусства.

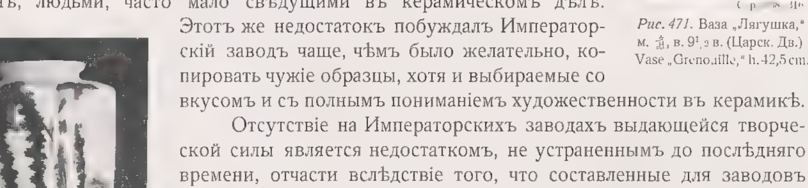
Послѣднія десятилѣтія XIX ст. въ художественномъ развитіи Императорскаго фарфороваго завода характеризуются постепеннымъ отрицаніемъ рутинныхъ способовъ производства и прежнихъ вкусовъ и настойчивымъ (подъ вліяніемъ Императора Александра III), хотя неувѣреннымъ исканіемъ новыхъ путей. Съ началомъ XX ст. совпадаетъ рѣшительный и сознательный поворотъ на новый путь.

Новое пониманіе искусства не допускаетъ всего того, что мѣшаетъ формѣ слиться съ матеріаломъ и декораціей въ одно нераздѣльное цѣлое, способное единствомъ впечатлѣнія выразить идею творца-художника.

Рис. 471. Ваза „Лягушка,“ м. [mark], в. 9½ в. (Царск. Дв.) Vase „Grenouille,“ h. 42,5 cm.

Въ этомъ отношеніи существеннымъ недостаткомъ художественныхъ работъ Императорскаго фарфороваго завода являлось разобщеніе между творческой работой художника-составителя проекта и исполненіемъ копіиста-живописца. Если такое положеніе не представляло особенной опасности въ то время, когда живопись на фарфорѣ состояла преимущественно въ копированіи картинъ знаменитыхъ художниковъ на вещахъ, имѣющихъ наиболѣе пригодныя для того формы, то въ послѣднія десятилѣтія прошлаго вѣка, при новыхъ взглядахъ на фарфоровую живопись, вредъ подобной разобщенности сильно давалъ себя чувствовать, особенно, въ виду отсутствія на заводѣ выдающейся художественной силы, которая могла бы служить связующимъ звеномъ между авторомъ проекта и исполнителемъ. Усугублялся этотъ недостатокъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе проекты сочинялись на сторонѣ, людьми, часто мало свѣдущими въ керамическомъ дѣлѣ.

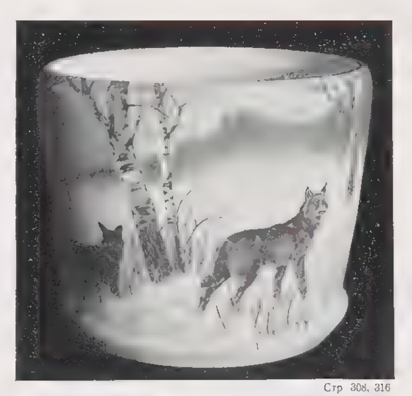
Этотъ же недостатокъ побуждалъ Императорскій заводъ чаще, чѣмъ было желательно, копировать чужіе образцы, хотя и выбираемые со вкусомъ и съ полнымъ пониманіемъ художественности въ керамикѣ.

Стр 308, 316, 319

Рис. 472. Ваза „Пѣтушій гребешокъ,“ м. [mark], в. 10 в. (Царск. Дв.). Vase „Amarante,“ h. 44,5 cm.

Отсутствіе на Императорскихъ заводахъ выдающейся творческой силы является недостаткомъ, не устраненнымъ до послѣдняго времени, отчасти вслѣдствіе того, что составленные для заводовъ штаты не вполнѣ еще соотвѣтствуютъ нуждамъ заводовъ; но управленіе заводами въ послѣднее время ставитъ требованіемъ для наличныхъ художественныхъ силъ, чтобы творческая и исполнительная работы соединялись въ одномъ лицѣ: чтобы художникъ-исполнитель самъ создавалъ для себя проектъ, составленіе же рисунковъ особыми рисовальщиками сохранено лишь временно для тѣхъ изъ старыхъ работниковъ, отъ которыхъ нельзя ожидать развитія до способности къ самостоятельнымъ работамъ. Руководящія начала, предложенныя вниманію художниковъ, таковы: стремиться, чтобы форма предмета и украшенія составляли одно художественное цѣлое, почерпать темы для художественныхъ композицій изъ окружающей среды и національной жизни, обращаться, по возможности, къ разработкѣ стариннаго русскаго орнамента.[72]

Стр 308, 316

Рис. 473. Ваза „Волки," м. [illegible], в. $8^1/_2$ в. (Царск. Дв.).
Vase „Loups," h. 38 cm.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ программу художественной части заводовъ входитъ и стремленіе къ совершенству и разнообразію художественной техники, къ возможно разнообразнымъ комбинаціямъ, какъ къ средству широкаго осуществленія возможныхъ для керамики задачъ.

Программа, возводящая разнообразіе издѣлій въ принципъ, имѣетъ, однако, и свои неудобства, вытекающія, впрочемъ, не изъ сущности художественнаго производства, а изъ тѣхъ особыхъ условій дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода, съ которыми не всегда ладятъ художественныя задачи.

Въ фарфоровомъ художественномъ производствѣ (какъ и вообще въ художественной керамикѣ) спеціализація играетъ весьма большую роль. Живописецъ-фигуристъ не можетъ безъ ущерба для дѣла приняться сразу за писаніе ландшафтовъ; мастеръ цвѣточной живописи долженъ много учиться вновь, чтобы приняться за фигуры; орнаментеръ опять спеціалистъ своего рода. Не менѣе важна роль спеціализаціи, когда идетъ дѣло о родахъ живописи, различающихся радикально основными техническими пріемами и свойствами тѣхъ веществъ, которыя примѣняетъ живописецъ. Живопись красками малаго огня, живопись красками горнового огня, живопись эмалями, живопись фарфоровымъ тѣстомъ — все это различныя спеціальности, требующія отъ живописца весьма долгаго и кропотливаго изученія.

Значитъ, разнообразіе въ художественномъ фарфоровомъ производствѣ допустимо безъ ущерба для художественности исполненія только при непремѣнномъ условіи многочисленныхъ художественно развитыхъ и подготовленныхъ долголѣтней практикой исполнителей, работающихъ съ достаточной самостоятельностью въ избранной узкой спеціальности, такъ чтобы при уходѣ одного спеціалиста эта отрасль производства немедленно имѣла бы равносильнаго замѣстителя, пока будутъ подготовляться новички. Императорскій заводъ въ настоящее время не находится въ условіяхъ, которыя обезпечивали бы каждому виду спеціальной техники непрерывность и равномѣрность въ художественномъ отношеніи. Въ самой организаціи завода кроются причины, мѣшающія и на будущее время сдѣлать въ этомъ отношеніи значительный шагъ впередъ.

Стр 307

Рис. 474. Бутыль, м. [illegible], в. $9^1/_2$ в. (Царск. Дв.).
Vase, h. 42,5 cm.

Поставленная Императорскимъ заводамъ задача состоитъ: 1) въ изготовленіи ежегодно не особенно значительнаго количества художественныхъ издѣлій, но при непремѣнномъ условіи, чтобы ни одно изъ нихъ не повторялось, 2) въ исполненіи значительныхъ заказовъ на сервизы для дворцовыхъ кладовыхъ; заказы эти требуютъ главнымъ образомъ пополненія старыхъ сервизовъ, принадлежащихъ нерѣдко тѣмъ періодамъ XIX ст., которые характеризуются истощеніемъ творчества въ керамическомъ искусствѣ, и лишь рѣдко — исполненія новыхъ сервизовъ по новымъ проектамъ. Конечная цѣль государственнаго художественнаго учрежденія развитіе искусства, расширеніе его области. Достиженіе этой цѣли — особенно, если принять во вниманіе вышеупомянутое условіе оригинальности каждой отдѣльной вещи — возможно лишь при условіи привле-

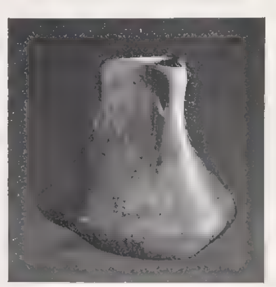

Стр 307

Рис. 475. Ваза, м. [mark], в. 5¼ в. (Царск. Дз.).
Vase, h. 23,5 cm.

ченія на заводъ новыхъ и новыхъ художественныхъ силъ, такъ какъ, несомнѣнно, каждый художникъ — за исключеніемъ развѣ генія — втеченіе года (операціонный періодъ) можетъ дать лишь сравнительно ограниченное число оригинальныхъ проектовъ. Между тѣмъ, развитіе художественной дѣятельности — хотя бы и успѣшное — не имѣетъ на Императорскихъ заводахъ слѣдствіемъ притокъ бóльшихъ средствъ; здѣсь нѣтъ никакого соотношенія между количествомъ исполненныхъ работъ и поступленіемъ въ распоряженіе управленія суммъ: послѣднія отпускаются исключительно по утверждаемымъ впередъ смѣтамъ, въ которыхъ допускаются измѣненія только при ежегодномъ обсужденіи ихъ и то, особенно въ смыслѣ увеличенія средствъ, въ исключительныхъ лишь случаяхъ.

Такимъ образомъ, заводъ, связанный смѣтными соображеніями, не можетъ переступить извѣстныхъ предѣловъ въ увеличеніи личнаго состава; при обязанности же изготовлять въ большомъ количествѣ посуду, неизбѣжно значительная часть мастеровъ должна быть избираема не для чисто-художественныхъ работъ, а для обыкновенной ремесленной выдѣлки; остальной части личнаго состава едва хватаетъ на то, чтобы каждый родъ художественной техники могъ имѣть по одному мастеру-спеціалисту, уходъ котораго, неизбѣжно, отзывается болѣе или менѣе продолжительное время на совершенствѣ работъ, а иногда можетъ вызывать и временную пріостановку извѣстной спеціальности.

Стр 307, 317

Рис. 476. Ваза, м. [mark], в. 4 в. (Имп. Зав.)
Vase, h. 18 cm.

Надлежитъ далѣе имѣть въ виду, что достиженіе совершенства въ художественной керамикѣ, выражающееся въ совершенствѣ формы, изяществѣ орнамента, въ художественной по формѣ и исполненію живописи и, наконецъ, въ степени приближенія къ тому идеалу керамики, гдѣ форма съ живописью сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое, не зависитъ исключительно отъ тѣхъ или иныхъ мѣръ, которыя, свидѣтельствуя объ изворотливости администраціи, способствуютъ при всѣхъ условіяхъ развитію художественной части завода.

Результаты, которые могутъ быть достигнуты заводомъ въ художественной части, зависятъ не менѣе и отъ условій, трудно поддающихся полному учету: тутъ имѣютъ значеніе теоретическія ученія эстетики, ходячія опредѣленія и понятія прекраснаго, вкусъ и художественное развитіе лицъ, авторитетное мнѣніе которыхъ можетъ имѣть вліяніе на отношеніе исполнителей къ дѣлу; степень самостоятельности, предоставленной заводамъ, и сопряженная съ ней относительная независимость въ выборѣ работъ; наличность авторитетнаго указанія лицъ со спеціальнымъ художественнымъ образованіемъ, наконецъ, степень развитія чувства прекраснаго у самихъ непосредственныхъ исполнителей, степень ознакомленія ихъ съ движеніемъ художественной мысли и пр.

Стр. 307, 317

Рис. 477. Ваза, м. [mark], в. 6½ в. (Имп. Зав.).
Vase, h. 29 cm.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ возможно только медленное поступательное движеніе, медленное систематическое, втеченіе цѣлаго ряда годовъ, но зато плодотворное воздѣйствіе.

Что касается настоящаго момента, то тутъ мѣры къ привлеченію художниковъ и поднятію художественнаго развитія личнаго состава управленіе Императорскими заводами можетъ

примѣнять лишь постолько, посколько позволяютъ условія существованія заводовъ. Ставить задачи шире—иногда могло быть равносильно отказу отъ извѣстной мѣры, такъ какъ такая постановка не всегда могла бы быть уложена въ рамки существующихъ штатовъ и положеній. Использованныя администраціею заводовъ мѣры заключались въ привлеченіи для работъ лицъ, получившихъ воспитаніе въ с.-петербургскихъ художественно-промышленныхъ училищахъ, въ дальнѣйшемъ художественномъ развитіи ихъ, равно и другихъ находящихся на заводахъ работниковъ при помощи лучшихъ заводскихъ или приглашенныхъ со стороны художественныхъ силъ, въ обученіи въ спеціальныхъ классахъ и училищахъ въ свободное отъ занятій время, въ командировкѣ лицъ, достигшихъ извѣстной художественной самостоятельности, за границу, въ пополненіи музея и библіотеки художественными произведеніями и издѣліями, въ ежегодно устраиваемыхъ художественныхъ конкурсахъ.

Стр. 308

Рис. 478. Ваза „Тубероза," м. Н, в. 6 в. (Царск. Дв.).
Vase „Tubereuse," h. 26,5 cm.

Важнымъ образовательнымъ средствомъ могли бы служить, конечно, при надлежащемъ развитіи ихъ, существующіе издавна при живописной мастерской классы рисованія, въ которыхъ въ 1901 г. возобновлено рисованіе цвѣтовъ съ натуры подъ руководствомъ К. Красовскаго и приглашеннаго спеціально преподавателя училища барона Штиглица Яункальнина,[73] а для лучшей постановки фигурной живописи въ томъ-же году было заведено не допускавшееся до тѣхъ поръ рисованіе актовъ съ натуры.[73]

Въ виду возникшаго предположенія Министерства Народнаго Просвѣщенія объ учрежденіи вблизи Императорскаго фарфороваго завода высшаго керамико-техническаго училища,[74] мысль о преобразованіи рисовальныхъ классовъ не получила дальнѣйшаго развитія, особенно, въ виду опыта прежнихъ лѣтъ, доказавшаго, что училище, состоящее при заводѣ и находящееся въ управленіи общей съ нимъ администраціи, въ періодъ процвѣтанія завода и само могло процвѣтать и являться существеннымъ элементомъ для дальнѣйшаго улучшенія художественной части, въ періодъ же упадка завода оно оказалось не въ состояніи противодѣйствовать этому явленію, между тѣмъ, какъ училище, существующее въ видѣ самостоятельнаго учрежденія, въ рукахъ талантливаго начальника могло бы дойти до самостоятельнаго успѣшнаго развитія и могло бы оказать благотворное вліяніе на близко лежащій заводъ.

Стр. 307

Рис. 479. Вазочки, м. Н, в. 4¼, 2¼, 4 в. (Царск. Дв.).
Vases, h. 19, 10, 18 cm.

Командировки художниковъ не являются новинкой, ново то значеніе, которое было придано имъ: командировки стали регулярными, повторяющимися изъ года въ годъ для тѣхъ художниковъ, развитіе которыхъ могло бы явиться залогомъ, что имъ самостоятельно или совмѣстно удастся разобраться въ полученныхъ во время путешествія впечатлѣніяхъ.

Цѣлью командировокъ ставится не только ознакомленіе художниковъ съ техническими пріе-

Рис. 480. Кофейный сервизъ, м. , в. сахарницы 3 в. (Царск. Дв.).
Service à café, h. sucrier 13,5 cm.
Стр 308, 319

мами на лучшихъ иностранныхъ заводахъ, но также собираніе ими художественныхъ этюдовъ, накопленіе художественныхъ впечатлѣній, въ ожиданіи отъ этой мѣры большей свѣжести рисунка, разнообразія и большей оригинальности въ работахъ.

Въ 1900 г. на парижскую всемірную выставку ѣздили изъ художниковъ скульпторъ Тимусъ, рисовальщики Романовъ и Красновскій. Въ 1901 г. отправился въ командировку въ Швецію и Данію художникъ Сулиманъ-Грудзинскій, посѣтившій заводы Рёрстрандъ, Копенгагенскіе королевскій и Бингъ и Грёндаль, на которыхъ, главнымъ образомъ, примѣняется подглазурная живопись; въ томъ же году художники К. Красовскій и Г. Зиминъ пользовались отпускомъ, втеченіе котораго собирали этюды. Въ 1902 году были отправлены за границу Я. Тимофеевъ и И. Назаровъ, главнымъ образомъ, для ознакомленія съ издѣліями прикладного искусства во Франціи и съ фарфоровыми издѣліями заводовъ въ Севрѣ, Мейссенѣ и Берлинѣ. Въ 1903 г. были за границей К. Красовскій и Г. Зиминъ; въ 1904 г.—рисовальщикъ Красновскій.

Исторія Императорскаго фарфороваго завода свидѣтельствуетъ, что заводъ никогда не ограничивалъ выборъ сюжетовъ работами своихъ только художниковъ даже въ такіе періоды, когда обладалъ первоклассными художественными силами. Тѣмъ болѣе важно было привлеченіе постороннихъ художниковъ при измѣнившихся условіяхъ.

Этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ учрежденіемъ ежегодныхъ конкурсовъ. Въ 1898 году съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія при управленіи Императорскими заводами учреждены денежныя преміи за представляемые управленію одинъ разъ въ годъ рисунки для фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣлій.

На конкурсы 1898 г. и 1899 г. было представлено значительное число рисунковъ, изъ коихъ луч-

Стр 308, 316
Рис. 481. Александринскій сервизъ: тарелка, м. , д. 5 в. (Зимн. Дв.)
Assiette, d. 22,5 cm.

Стр 308, 316
Рис. 482. Александринскій сервизъ: тарелка, м. , д. 5⁵/₈ в. (Зимн. Дв.).
Assiette, d. 25 cm.

Стр. 308
Рис. 483. Тарелка, м. , д. 5¹/₈ в. (Имп. Зав.).
Assiette, d. 23 cm.

Табл. XII.

Вазы: 1. „Рожь", м., в. 11 в. (Царск. Дв.); 2. „Куницы", м., в. 13 в. (Имп. Зав.); 3. „Овесъ", м. в. 11 в. (Имп. Зав.).

Vases: 1. „Blé", h. 49 cm.; 2. „Martres", h. 58 cm.; 3. „Avoine", h. 49 cm.

[illegible]

... не только работы своихъ художниковъ, но также переводы ... первоклассными художественными силами. Такъ [illegible]

[illegible]

На конкурсахъ 1898 г и 1899 г было представлено значительное число рисунковъ, изъ [illegible]

шіе поступили въ собственность заводовъ. Большинство представленныхъ рисунковъ свидѣтельствовало о недостаточномъ знаніи свойствъ фарфора даже тѣми художниками, которые проходили спеціальныя школы, гдѣ преподается живопись по фарфору. Вслѣдствіе такого незнанія, даже лучшіе въ художественномъ отношеніи проекты оказались годными лишь съ большими измѣненіями или и совсѣмъ непригодными для воспроизведенія въ фарфорѣ.

Стр 306

Рис. 484. Бар. В. Б. Фредериксъ, м. [марка], в. 8 в. (Имп. Зав.). Bar.W.B.Fréedéricksz, h.30,5cm.

Управленіе Императорскими заводами, въ цѣляхъ большаго распространенія среди художниковъ свѣдѣній о тѣхъ требованіяхъ, которымъ должны удовлетворять проекты фарфоровыхъ и стеклянныхъ художественныхъ издѣлій, стало привлекать къ участію въ конкурсныхъ жюри, независимо отъ техниковъ и художниковъ завода, и постороннихъ лицъ, главнымъ образомъ изъ числа руководителей спеціальныхъ художественно-промышленныхъ школъ.

Въ этомъ смыслѣ въ 1900 г. правила о конкурсѣ подверглись пересмотру, причемъ Государыня Императрица Александра Өеодоровна изъявила согласіе на представленіе ежегодно Ея Величеству разсматриваемыхъ экспертной комиссіею конкурсныхъ рисунковъ. Для привлеченія большаго количества участниковъ въ конкурсахъ, управленіе Императорскими заводами циркулярно просило всѣ художественныя общества и учрежденія въ Россіи обратить вниманіе ихъ членовъ на учрежденные при заводахъ конкурсы. Въ послѣдніе годы съ каждымъ новымъ конкурсомъ замѣчался прогрессъ въ смыслѣ освѣдомленности авторовъ съ требованіями керамическаго и стекляннаго производства, такъ что на конкурсѣ 1903 года комиссіи не пришлось уже отвергнуть ни одного рисунка изъ-за неисполнимости по техническимъ условіямъ. Но въ одномъ отношеніи конкурсы остались безъ результатовъ, быть можетъ, вслѣдствіе недостатковъ, связанныхъ вообще со способомъ привлеченія силъ посредствомъ конкурса, -не было замѣтно до сихъ поръ какого-либо улучшенія въ самомъ важномъ: представляемые на конкурсы рисунки отличаются отсутствіемъ всякой оригинальности и самобытности, являясь, въ большинствѣ случаевъ, передѣлкой, иногда очень умѣлой, въ большинствѣ посредственной, мотивовъ иностранныхъ художниковъ.

Не ограничиваясь конкурсными рисунками, управленіе Императорскими заводами, по давно заведенному обычаю, пріобрѣтаетъ оригинальные проекты разныхъ художниковъ, въ числѣ коихъ за послѣднее время были работы Л. Обера, Е. Лансере и друг., но въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, управленіе заводами стѣснено въ матеріальныхъ средствахъ, что затрудняетъ возможность пріобрѣтать проекты выдающихся художниковъ, съ другой стороны, эти послѣдніе въ Россіи пока обращаютъ такъ мало вниманія на прикладныя искусства, что и при самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, Императорскіе заводы затруднялись бы въ выборѣ достаточнаго количества пригодныхъ для ихъ цѣлей произведеній русскихъ частныхъ художниковъ. Впрочемъ, при послѣдовательномъ развитіи принципа, чтобы художники завода самостоятельно разрабатывали темы, указанный источникъ отходитъ на второй планъ въ развитіи самостоятельности и оригинальности завода.

Стр. 306

Рис. 485. Мученица, м. [марка], в. 9½ в. (Имп. Зав.). Martyre, h. 42,5 cm.

Въ 1901 г. художники Императорскихъ заводовъ удостоились выдающагося по своему значенію для художественныхъ работъ поощренія со стороны

Стр. 306, 318
Рис. 486. Мальчикъ-нищій, в. $21^{1}/_{2}$ в. (Имп. Зав.).
Mendiant, h. 95,5 cm.

Государыни Императрицы Александры Θеодоровны: въ этомъ и въ послѣдующіе года Ея Величествомъ было разрѣшено представленіе на благовоззрѣніе Ея Императорскаго Величества составленныхъ художниками заводовъ рисунковъ, изъ которыхъ лучшіе утверждаются Государыней къ исполненію, весьма часто съ нѣкоторыми по непосредственному Ея Величества указанію измѣненіями. По указаніямъ Ея Величества были составлены проекты Александринскаго и Царскосельскаго пурпуроваго сервизовъ. Высочайшихъ указаній удостоились заводскіе художники и во время посѣщенія 17 ноября 1901 г. Ея Императорскимъ Величествомъ Государыней Императрицею заводовъ. Результатомъ такого вниманія къ работамъ завода явилась мысль о направленіи дѣятельности Императорскихъ заводовъ въ большей, чѣмъ до сихъ поръ, мѣрѣ на художественныя работы.[75]

ФОРМЫ.

Относительно всей совокупности формъ, изготовленныхъ втеченіе настоящаго царствованія на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ издѣлій, необходимо отмѣтить преобладаніе вазъ и декоративныхъ предметовъ.

Сервизы для дворцовъ повторялись по прежнимъ образцамъ; формы двухъ новыхъ сервизовъ: Александринскаго (рис. 481, 482) и Царскосельскаго пурпуроваго не характерны для этого періода, такъ какъ при проектированіи ихъ имѣлись въ виду формы XVIII ст.

Формы рафаэлевскаго сервиза, оконченнаго въ 1903 году, утверждены еще Императоромъ Александромъ III.

Всѣ, вообще, формы издѣлій 90-хъ годовъ не представляютъ ничего характернаго для разсматриваемаго періода: изображенныя на рис. 443, 444, 446, 448, 452, 457 вазы существенно не отличаются отъ вазъ предыдущаго періода: это эклектизмъ формъ въ большинствѣ случаевъ съ замѣтной склонностью къ восточнымъ образцамъ, эклектизмъ, свидѣтельствующій нерѣдко о чутьѣ художественности и керамичности формъ у лицъ, выбиравшихъ образцы, но, при отсутствіи опредѣленнаго направленія, съ малой долей самостоятельности.

Нѣкоторыя изъ вазъ этого времени отличаются внушительными размѣрами, напр., ваза-горшокъ (рис. 460), украшенная красной глазурью.

Въ XX ст. Императорскій фарфоровый заводъ, съ выработкой программы художественной дѣятельности, отрекается отъ эклектизма.

Вопросъ о формахъ поставленъ на иныхъ началахъ:[76] принципіально рѣшено примѣнявшіяся до того времени формы фарфоровыхъ издѣлій замѣнить новыми, естественно вытекающими изъ способа обработки фарфора: точенія и отливанія, тѣмъ болѣе, что такія именно формы являются вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе удобными для новыхъ способовъ украшеній, особенно для подглазурной живописи. Вазы на табл. XI и на рис. 461, 462, 466, 467, 471—473, 491, 492, являются типичными для та-

Стр 306, 318
Рис. 487. Невольница, м. [illegible], в. $10^{1}/_{2}$ в. (Имп. Зав.)
Esclave, h. 46,5 cm.

Стр 306, 318

Рис. 488. Усталость, м. [illegible], в. $12^{3}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Fatigue, h. 57 cm.

кихъ естественныхъ формъ. Исходя изъ общаго керамическаго принципа, подобныя формы, естественно, выливаются въ сходные типы у различныхъ народовъ и художниковъ, независимо отъ какихъ-либо вліяній. Являясь, повидимому, довольно однообразными въ схематизаціи, формы эти, въ дѣйствительности, безконечно разнообразны въ пропорціяхъ частей, въ соотношеніяхъ контурныхъ линій. Такъ какъ такія формы не расчленены, а каждая представляетъ одно цѣлое, то въ нихъ линія пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе и требуетъ тѣмъ большаго художественнаго чутья отъ артиста керамики, что не терпитъ шаблонности, становится сухой, какъ только приближается къ геометрически правильной линіи.

Исканіе новыхъ естественныхъ и цѣлесообразныхъ формъ привело художниковъ Императорскаго фарфороваго завода къ мысли использовать красоту формъ въ природѣ. [77]

Такъ, напримѣръ, обратились къ формамъ морскихъ раковинъ, служившихъ образцами для сосудовъ первобытныхъ людей (рис. 476); нѣкоторыя формы возникли изъ предложенія скульптора заводовъ А. Тимуса пользоваться для установленія контуровъ линіями, образуемыми жилками листьевъ (рис. 467). Иныя формы по своимъ очертаніямъ основываются на стилизаціи элементовъ растительнаго царства (рис. 477), въ другихъ для этой цѣли использована человѣческая фигура.

Управленіемъ Императорскими заводами выдвинуто положеніе о необходимости обратить особенное вниманіе на возможное примѣненіе, не отступая отъ основного принципа керамики, формъ русскаго стараго художества. [78]

Если до сихъ поръ въ этомъ смыслѣ не было достигнуто значительныхъ результатовъ, то зависитъ это отъ значительной трудности задачи, требующей отъ моделера, во-первыхъ, не только обычныхъ для артиста фарфороваго дѣла знаній, но и обширныхъ свѣдѣній въ русскомъ искусствѣ, во-вторыхъ, проникновенія духомъ народнаго творчества.

Стр [illegible], 318

Рис. 489. Игра въ бабки, м. [illegible], в. $11^{3}/_{4}$ в. (Имп. Зав.).
Jeu aux osselets, h. 52,5 cm

Принадлежащій первой половинѣ этого періода скульптурный орнаментъ на вазахъ (рис. 443, 448) въ стиляхъ XVIII и XIX ст. впослѣдствіи почти совсѣмъ исчезъ. Его мѣсто занимаетъ плоскій, мягко переходящій въ черепъ орнаментъ изъ слегка стилизированныхъ растеній, при близкомъ подражаніи въ деталяхъ природѣ (рис. 463).

Если такимъ образомъ, при исполненіи вазъ и другихъ декоративныхъ предметовъ скульптура еще больше, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ, отступила на задній планъ, зато, какъ самостоятельной отрасли фарфороваго про-

Стр. 303, 318.
Рис. 490. Внимая шопоту моря, 1904 г., в. 19 в. (Имп. Зав.).
Le murmure des vagues, h. 84,5 cm.

изводства, ей возвращено ея прежнее значеніе. До 1900 г. не встрѣчается отдѣльныхъ фигуръ. Въ 1900 г., въ видѣ исключенія, были изготовлены пять бисквитовъ: головка мальчика по мраморной копіи съ оригинала Донателло и 4 бюста Императора Николая I, пожалованныхъ Государемъ Императоромъ различнымъ лицамъ.[79]

Съ 1901 г.[80] изготовленіе скульптурныхъ произведеній ведется уже систематично, встрѣчая препятствіе лишь въ ограниченныхъ средствахъ завода и въ недостаткѣ скульпторовъ въ Россіи. Фигуры исполняются преимущественно бисквитныя, рѣже глазурованныя и терракотовыя. Можно отмѣтить четыре серіи, исполняемыя одновременно.

1. Заводъ повторяетъ (исключительно для пополненія своего музея) старыя формы, сохранившіяся въ модельмейстерской завода; всѣ эти репродукціи исполняются въ бѣломъ бисквитѣ и имѣютъ, конечно, только историческое значеніе, отчасти воспитательное, давая возможность ученикамъ скульптуры набить руку.

2. Въ 1903 году управленіе Императорскими заводами исходатайствовало право воспроизводить скульптурныя издѣлія, принадлежащія Академіи Художествъ и Музею Императора Александра III.[81] Были заказаны гипсовыя копіи издѣлій, которыя по техническимъ условіямъ подходятъ къ исполненію въ фарфорѣ, и въ 1904 г. выполнены нѣкоторыя изъ нихъ въ бисквитѣ, напримѣръ, „Бабочникъ" Пименова младшаго (рис. 489) и мальчикъ-нищій Блистанова (рис. 486). Цѣль репродукціи въ бисквитѣ и фарфорѣ извѣстныхъ мраморныхъ или бронзовыхъ художественныхъ скульптурныхъ произведеній – содѣйствовать распространенію вполнѣ художественныхъ изъ близкаго къ мрамору матеріала копій знаменитыхъ памятниковъ русской скульптуры. Впредь до измѣненія задачъ Императорскихъ заводовъ, такія копіи поступаютъ въ публику путемъ пожертвованія ихъ для продажи съ благотворительною цѣлью и путемъ разсылки русскимъ музеямъ.

Стр 308, 316
Рис. 491. Ваза „Ирисы," м. [illegible], в. 14¼ в. (Царск. Дв.).
Vase „Iris," h. 63 cm.

3. Исполняются фигуры и группы по моделямъ современныхъ русскихъ художниковъ. Между послѣдними находятся произведенія Адамсона: „Послѣдній вздохъ корабля" (въ 1901 г.), „Спящій юноша" (въ 1903 г.), „Внимая шопоту моря" (въ 1904 г.), Обера: „Волкъ" (въ 1902 г.), А. Вернеръ: „Бюстъ мученицы," „Невольница" (въ 1903 г.), „Усталость" (въ 1904 г.) и друг. Всѣ эти произведенія, отличающіяся часто внушительными размѣрами, исполнены либо въ бѣломъ бисквитѣ, либо въ терракотѣ.

4. Изъ скульптурныхъ произведеній заводского скульптора Тимуса обращаютъ вниманіе фигурки звѣрей (рис. 465), отличающіяся удачно подмѣченной комической стороной четвероногихъ.

ЖИВОПИСЬ.

Какъ въ отношеніи формъ, такъ и въ отношеніи украшенія фарфоровыхъ издѣлій та же разница между послѣд-

ними десятилѣтіями XIX и первыми годами XX ст. На мѣсто удачнаго эклектизма предыдущаго времени поставлена опредѣленная программа, исходящая изъ основной мысли: живопись (вообще украшенія) должна составлять съ данной формой одно цѣлое,[82] а особыя свойства матеріала: блескъ и бѣлизна должны служить основаніемъ, на которомъ выступаетъ украшеніе.[83]

Въ частности, украшеніе издѣлій намѣчено[84] производить всѣми, по возможности, извѣстными техническими пріемами, виды которыхъ, примѣненные до сихъ поръ, перечислены въ технической части, и развивать особенно подглазурную живопись въ виду особаго преимущества послѣдней, состоящаго въ томъ, что исполненный этимъ способомъ рисунокъ, покрытый слоемъ прозрачной глазури, ненарушимо связывается съ издѣліемъ, слѣдовательно, наиболѣе удовлетворяетъ исходной точкѣ программы.

Стр. 308, 316
Рис. 492. Горшокъ „Можжевельникъ," м. [мон.], в. $7^1/_8$ в. (Имп. Зав.).
Pot „Genièvre," h. 31,5 cm.

Что касается различныхъ видовъ декоративной живописи (независимо отъ техническихъ способовъ исполненія): орнаментальной, цвѣточной, пейзажной и фигурной, то относительно первой заслуживаетъ вниманія выставленное программой требованіе использовать русскій орнаментъ (рис. 454, 456), а затѣмъ—оригинальные орнаментальные мотивы, заимствуемые художниками изъ окружающей ихъ среды. Въ цвѣточной живописи (рис. 472) требованіе программы—подражаніе живой природѣ, въ пейзажной и фигурной—предпочтеніе русскимъ сюжетамъ или, по крайней мѣрѣ, работамъ русскихъ художниковъ.

Общее направленіе программы—при возможно высокой художественной техникѣ и возможно большемъ разнообразіи какъ способовъ украшеній, такъ и сюжетовъ—можетъ служить средствомъ для выработки въ издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода своего отличительнаго типа, составляющаго звено общерусскаго искусства.

Хотя главная часть живописныхъ художественныхъ работъ исполнена въ духѣ установленной программы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Императорскій фарфоровый заводъ старался сохранить и тѣ способы украшенія фарфоровыхъ издѣлій, художественнымъ примѣненіемъ которыхъ онъ раньше славился. Образцомъ можетъ служить украшенное миніатюрною живописью деженѐ (рис. 480).

Впечатлѣніе отъ работъ, являющихся характерными для этого періода, художественнымъ критикомъ, посѣтившимъ заводъ, описывается слѣдующимъ образомъ.[85]

„Подглазурная живопись, исполняемая на сыромъ черепѣ, располагаетъ лишь немногочисленными красками, которыя притомъ обезцвѣчиваются въ огнѣ, расплываются и поглощаются въ пористомъ черепѣ. Вотъ почему листья и цвѣты на бѣломъ фонѣ имѣютъ неопредѣленныя очертанія, имъ недостаетъ тѣней, къ которымъ привыкъ глазъ на фарфорѣ, расписанномъ надглазурными красками. Чтобы избѣжать этихъ недостатковъ, на С.-Петербургскомъ фарфоровомъ заводѣ черепъ вазъ подвергаютъ предварительной обработкѣ: прежде чѣмъ рисовать листья или цвѣты, имъ придаютъ легкія скульптурныя формы—слегка вырѣзаютъ въ черепѣ посредствомъ извѣстныхъ уже пріемовъ или способомъ, счастливо найденнымъ исполнителемъ-художникомъ для даннаго случая. Такъ на вазѣ „листья гортензіи" листья кажутся наложенными на вазу; на другой вазѣ нѣжные тона маковъ оживлены рельефомъ, потому что цвѣты вырѣзаны по черепу. Цвѣты чертополоха гравированы и рѣзаны, но, кромѣ того, ихъ рельефъ усиленъ наложеніемъ жидкой массы. Голубыя стрекозы летаютъ на сплошномъ фонѣ вазы, и только ихъ тонкія прозрачныя крылья отдѣляются отъ черепа. Я обратилъ вниманіе на вѣтку глоксиніи, небрежно брошенной на вазу; она восхитительна: впечатлѣніе рельефныхъ цвѣтовъ и блѣдно-зеленыхъ

листьевъ достигается только различной степенью густоты одной и той же фіолетовой краски.

Излюбленный фонъ — молочно-бѣлый: онъ поглощаетъ цвѣта, но не мѣняетъ ихъ. Встрѣчаются опыты въ новомъ стилѣ: вѣтки рябины весьма удачно и со вкусомъ стилизированы.

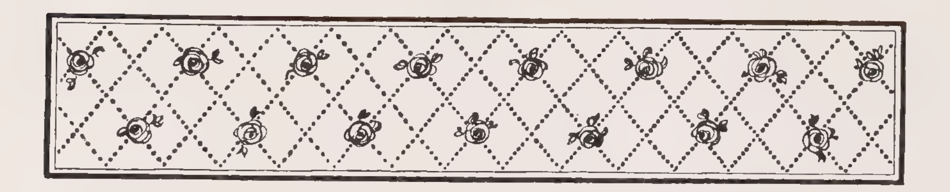
Я видѣлъ этюды пейзажа: вазы художника Зимина съ голубыми, зелеными, сѣрыми и бѣлыми тонами, съ безукоризненной перспективой, мягкими контурами безъ линій—прямо захватываютъ впечатлѣніемъ сѣверной весны. На большомъ блюдѣ изображены два оленя у воды—эффектъ ночи похищенъ прямо у природы.

Вотъ исходная точка, на которой стоитъ управляющій заводами въ вопросѣ о художественномъ направленіи художниковъ завода: пусть смотрятъ въ окно, пусть наблюдаютъ и передаютъ это блѣдное, темнѣющее къ зениту, а на горизонтѣ почти безцвѣтное небо, эту холодную зелень прибрежныхъ деревъ, совсѣмъ непохожую на зелень умѣренныхъ странъ, въ особенности—эту свинцовую съ странными голубыми отблесками воду Невы. Зимой будутъ изучать снѣгъ и его разнообразные до безконечности эффекты. Стремленіе руководителя, чтобы всѣ фарфоровыя издѣлія отражали окружающую природу...“

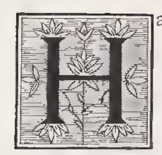

Стр 295, 300

Рис. 493. Бар. Н. Б. фонъ-Вольфъ, м. Æ, д. 1½ в. (Муз. Истор. Общ. въ гор. Ригѣ).
Baron N. B. de Wolff, d. 6,75 cm

МАРКИ И ЗНАКИ

Назначеніе заводскихъ марокъ — свидѣтельствовать о принадлежности вещи опредѣленному заводу, а вмѣстѣ съ тѣмъ — предотвращать возможность поддѣлокъ. Когда-то эти цѣли болѣе или менѣе достигались, но въ послѣднее время имитація фарфоровыхъ издѣлій достигла большого совершенства, и поддѣлки, напримѣръ, издѣлій Императорскаго завода особенно XVIII ст. — совершаются нерѣдко. Поэтому при сужденіи о подлинности предмета наличность марки не можетъ имѣть рѣшающаго значенія: необходимо принимать во вниманіе, кромѣ марки, внѣшній видъ, физическія свойства и составъ массы, глазури, красокъ и т. п.

Равнымъ образомъ, отсутствіе марки не является доказательствомъ, что предметъ исполненъ не на Императорскомъ заводѣ: марки ставились далеко не на всѣхъ издѣліяхъ; напримѣръ, маркой отмѣчались только нѣкоторыя или даже только одна вещь изъ цѣлаго сервиза. Помѣщеніе марки на всѣхъ вещахъ стало на Императорскомъ заводѣ правиломъ только съ 1836 года; но и впослѣдствіи вещи безъ марки не рѣдкость.

Если подлинность вещи не возбуждаетъ сомнѣнія, тогда марка имѣетъ существенное значеніе для ближайшаго опредѣленія времени исполненія, такъ какъ въ первое время существованія завода — при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и Императорѣ Петрѣ III марка изображалась въ видѣ государственнаго двуглаваго орла, со времени же царствованія Императрицы Екатерины II марка измѣнялась съ каждымъ новымъ царствованіемъ, при чемъ маркой служилъ вензель царствующаго государя. Однако, и подлинная марка не всегда доказываетъ принадлежность предмета по формѣ или по исполненной на немъ живописи къ тому именно періоду, къ которому относится сама марка: въ заводскихъ кладовыхъ могли сохраняться бѣлыя издѣлія перваго или второго обжига предшествовавшихъ царствованій, снабженныя или еще не снабженныя марками и поступавшія въ окончательную отдѣлку въ послѣдующіе періоды; при этомъ вещи перваго обжига, не имѣвшія еще марки, могли передъ вторымъ обжигомъ снабжаться подглазурной маркой позднѣйшаго періода, вещи же второго обжига — при расписываніи могли также получать соотвѣтствующую надглазурную марку. Такимъ образомъ, на формахъ болѣе раннихъ могутъ встрѣчаться марки позднѣйшія. Равнымъ образомъ живопись болѣе поздняго времени можетъ находиться на болѣе раннихъ формахъ вмѣстѣ съ болѣе ранней маркой.

Въ общемъ, подглазурная марка въ большей степени опредѣляетъ время возникновенія формы, такъ какъ вещь выходитъ изъ второго обжига во всякомъ случаѣ не позже ука-

зываемаго маркой царствованія; надглазурная марка, не являясь доказательствомъ современности формы, безусловно указываетъ на время исполненія живописи.

Независимо отъ заводскихъ марокъ, свидѣтельствующихъ объ изготовленіи вещей на Императорскомъ заводѣ, встрѣчаются еще другіе знаки, относящіеся къ распорядку производства и служившіе для обозначенія различныхъ фарфоровыхъ массъ, работниковъ и художниковъ, для учета золота и проч.

МАРКИ ЗАВОДСКІЯ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о помѣщеніи на издѣліяхъ Императорскаго завода отличительнаго знака -марки (клейма)—былъ рѣшенъ въ первые годы существованія завода. Объ этомъ свидѣтельствуетъ приказаніе, переданное Гунгеру въ 1745 году: сдѣлать на первой пробной чашкѣ надпись, гласившую о времени и мѣстѣ ея исполненія.

Старѣйшая марка—двуглавый орелъ изъ государственнаго герба. Ее ставили на нѣкоторыхъ издѣліяхъ уже въ то время, когда Виноградовъ производилъ еще опыты съ массами различныхъ составовъ, т. е., во всякомъ случаѣ -въ самомъ уже началѣ 50-хъ годовъ XVIII столѣтія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ бѣлая чашка (рис. 6), хранящаяся въ музеѣ Императорскихъ заводовъ, на поддонѣ которой рядомъ съ выдавленнымъ орломъ выцарапанъ въ тѣстѣ условный знакъ 15, означающій номеръ рецепта, по которому была составлена масса, послужившая матеріаломъ для чашки.

Марка орелъ встрѣчается: вдавленная въ тѣстѣ (марка 1) или писанная отъ руки надъ глазурью черной муфельной краской (марка 2) или золотомъ (марка 3). Золотой орелъ встрѣчается рѣдко, какъ напримѣръ, на хранящейся въ музеѣ Императорскихъ заводовъ чашкѣ (рис. 18) съ вензелемъ гр. А. Разумовскаго или на одной чашкѣ изъ коллекціи Щукина, на которой золотой орелъ окруженъ золотымъ вѣнкомъ (марка 4).

На предметахъ, не вызывающихъ сомнѣнія (марка 5)[1] относительно времени исполненія, орелъ всегда небольшихъ размѣровъ и упрощенъ сравнительно съ орломъ государственнаго герба того времени, но, въ общемъ, сохраняетъ его типъ: крылья приподняты, иногда выше коронъ, хвостъ довольно длинный, большею частью клинообразный, въ одной лапѣ—длинный скиптеръ, въ другой держава. Средняя корона всегда замѣтна ясно и не связана лентой съ находящимися на главахъ орла коронками, которыя неотчетливы и не всегда замѣтны. Не только на крыльяхъ нѣтъ мѣстныхъ гербовъ (что согласно съ геральдическимъ орломъ XVIII вѣка), но и на груди орла не помѣщенъ московскій гербъ.

Замѣна орла шифромъ Императрицы Екатерины II послѣдовала, вѣроятно, въ самомъ началѣ ея царствованія. Обычно марка исполнена отъ руки кобальтомъ подъ глазурью. Встрѣчаются и надглазурныя марки Екатерининскаго времени, исполненныя золотомъ, какъ напримѣръ, на чашкѣ Павловскаго дворца (марка 9). Шифръ Императрицы Екатерины II всегда безъ короны; въ способѣ написанія его трудно подмѣтить характерныя особенности, которыя могли бы указывать на тѣ или иные года. Крупныя, размашистыя буквы, кажется, находятся на болѣе раннихъ вещахъ (марка 6), а на позднѣйшихъ вещахъ встрѣчается чаще буква помельче и поуже (марка 8 и 9). Исключительными являются марки, находящіяся на вещахъ изъ коллекціи кн. Долгорукаго; изъ нихъ одна (марка 7) исполнена кобальтомъ подъ глазурью, другая (марка 10) золотомъ надъ глазурью.

Встрѣчающіяся на сервизныхъ вещахъ времени Императрицы Екатерины II (а также и Императора Павла I), исполненныя кирпично-фіолетовою или сѣро-фіолетовою краской надглазурныя буквы П. К. (марки 11, 12, 15), иногда еще съ добавленіемъ цифры (марка 12), а равно надпись черною краской придвор: (марка 13) указываютъ, что сервизы эти исполнены для придворныхъ кухонь по заказамъ Придворной конторы. Изрѣдка, рядомъ съ шифромъ Императрицы Екатерины II, написана золотая звѣздочка (марка 9). Встрѣчается иногда на вещахъ съ кобальтовымъ шифромъ ε надглазурная золотая марка

Севрскаго завода (марка 8): это бываетъ на издѣліяхъ, которыя какъ по формѣ, такъ и по живописи являются копіями Севрскихъ образцовъ.

Со времени Императора Павла I шифръ ставится исключительно подъ короной. Шифръ всегда исполненъ отъ руки, обыкновенно, кобальтомъ подъ глазурью (марки 14, 16); рѣдко встрѣчается и золотая надглазурная марка (марка 17).

Шифръ Императора Александра I (марки 18, 19, 20) исполненъ всегда отъ руки кобальтомъ подъ глазурью; исключеніе—марка на коробкѣ изъ зеленаго туалета Павловскаго дворца, исполненная надъ глазурью синей муфельной краской.

Въ царствованіе Императора Николая I встрѣчаются какъ подглазурныя, такъ и надглазурныя марки. Надглазурныя, исполненныя отъ руки синей муфельной краской (марка 21), относятся къ первой половинѣ царствованія. Послѣ 1836 года, когда послѣдовало предписаніе управлявшаго заводами кн. Гагарина директору фарфороваго завода о томъ, чтобы на „бѣломъ фарфорѣ, вышедшемъ изъ перваго обжига, ставился шифръ Императора Николая I съ короной кобальтомъ подъ глазурь,“ [2] и до конца царствованія Императора Александра II, надглазурныя марки являются исключеніями. При Императорѣ Николаѣ I марки исполнялись еще и отъ руки (марка 23), но гораздо чаще по трафарету (марки 22, 24, 25, 26).

Марки царствованія Императора Александра II исполнены по трафарету, обычно—подъ глазурью хромомъ (темнозеленаго цвѣта); типъ шифра одинъ и тотъ же съ маленькими варіаціями (марки 27, 28, 29, 30, 31). На нѣкоторыхъ маркахъ подъ шифромъ поставлены три точки (марка 29), на другихъ—цифры, указывающія на годъ исполненія вещи (марки 30, 31). Обозначеніе года исполненія, изрѣдка имѣвшее мѣсто и въ прежнее время, съ конца царствованія Императора Александра II стало обязательнымъ. Гораздо рѣже встрѣчающіяся надглазурныя марки этого царствованія относятся къ послѣднимъ годамъ. Онѣ исполнены голубой краской, при чемъ вензель обычно помѣщается въ вѣнкѣ изъ лавровыхъ вѣтвей (марка 32), рѣдко въ кружкѣ изъ звѣздочекъ (марка 33) или въ кружкѣ изъ волнообразныхъ линій (марка 34). Этого вида марки встрѣчаются на вещахъ, разрисованныхъ на Императорскомъ но выдѣланныхъ на лиможскихъ заводахъ.

Такого же точно типа одна изъ марокъ царствованія Императора Александра III (марка 35), находящаяся на вещи лиможскаго фарфора. Подглазурныя хромовыя марки съ вензелемъ Императора Александра III до 1883 г. того же типа, какъ марки царствованія Императора Александра II (марка 36); съ 1884 года буква для вензеля заимствована изъ славянской вязи (марка 37). Надглазурныя золотыя марки точно такого же типа (марка 38) исполнены отъ руки, остальныя—по трафарету.

Марки царствованія Императора Николая II исполнены либо хромомъ подъ глазурью по трафарету (марка 39), либо золотомъ надъ глазурью отъ руки (марка 40). Буква взята изъ гражданской азбуки.

ЗНАКИ.

Независимо отъ собственно заводской марки, на издѣліяхъ Императорскаго фарфороваго завода встрѣчается цѣлый рядъ знаковъ, которые служили не для того, чтобы отличать издѣлія Императорскаго завода отъ издѣлій другихъ заводовъ, но исключительно для временныхъ цѣлей внутренняго распорядка заводскаго производства: для опредѣленія лицъ, которымъ принадлежало исполненіе или украшеніе вещи, для счетоводства, учета золота и т. п. Эти знаки двухъ родовъ: втиснутые въ массу (гравированные, царапанные или штампованные) и писанные.

На вещахъ времени Императрицы Елисаветы Петровны встрѣчается не много втиснутыхъ знаковъ: условные знаки Виноградова, выдавленные въ тѣстѣ подъ глазурью и означающіе номера рецептовъ, упомянутыхъ въ запискахъ Виноградова, сохранились на рѣдкихъ экземплярахъ, потому что ставились они на пробныхъ вещахъ, да и то лишь до тѣхъ

поръ, пока Виноградовъ не остановился на болѣе удачныхъ рецептахъ, т. е. приблизительно до 1754 года. Напримѣръ, на чашкѣ изъ музея Императорскихъ заводовъ (рис. 6) есть вдавленная цифра 15, которая обозначаетъ номеръ массы, въ составъ которой входила оренбургская глина. Подобный же условный знакъ 3.16, означающій составъ массы изъ гжельской глины, имѣется на табакеркѣ съ мопсиками, принадлежащей коллекціи Лукутина (табл. II). Снаружи на донышкѣ этой табакерки имѣется дата 1752 годъ.

Наиболѣе часто встрѣчаются вдавленные, выцарапанные или штампованные знаки, принадлежащіе рабочимъ бѣлой палаты и служившіе раньше, какъ и теперь, для учета заработной платы каждаго работника. Для этихъ цѣлей въ первое время на Императорскомъ заводѣ, подобно тому, какъ и на другихъ заводахъ, были въ употребленіи знаки солнечной системы, впослѣдствіи — черточки, крючки, цифры, начальныя буквы фамилій и полныя подписи. Наиболѣе старый изъ такихъ знаковъ находится на упоминавшейся уже чашкѣ изъ музея Императорскихъ заводовъ; онъ имѣетъ видъ ☿.

Ко времени Императрицы Елисаветы Петровны относятся еще два знака: ♂ и ⊙. Второй знакъ болѣе поздняго времени: между прочимъ онъ находится на молочникѣ изъ коллекціи П. И. Щукина въ Москвѣ рядомъ съ подглазурнымъ вензелемъ Императрицы Екатерины II. Оба знака ♂ и ⊙, особенно послѣдній, встрѣчаются часто на различныхъ издѣліяхъ нѣкоторыхъ англійскихъ заводовъ XVIII вѣка, а знакъ ⊙ также и на издѣліяхъ Гарднеровскаго завода.

Полныя имена скульпторовъ, для сохраненія памяти объ исполнителяхъ, встрѣчаются впервые при Императрицѣ Екатеринѣ II: модельмейстеръ Рашетъ сталъ выцарапывать въ черепѣ свою подпись. Впослѣдствіи подписи авторовъ, которымъ принадлежатъ оригинальныя модели, стали обычными.

Рѣже чѣмъ втиснутые, встрѣчаются знаки писанные красками или золотомъ, обыкновенно цифры или буквы: они относятся къ живописнымъ работамъ или ставились въ цѣляхъ учета золота. Какъ напримѣръ знаковъ первыхъ временъ существованія завода, можно указать на цифру 1, исполненную золотомъ и стоящую на блюдцѣ и чашкѣ, находящихся въ музеѣ Императорскихъ заводовъ (рис. 12).

Французскіе художники, приглашенные на Императорскій заводъ въ царствованіе Императора Александра I, завели обычай ставить свои имена, а также годъ на исполненныхъ предметахъ. Русскіе художники приняли этотъ обычай лишь въ царствованіе Императора Николая I. Лучшіе живописцы, какъ Нестеровъ, Головъ, Амельченковъ, Ивановъ и друг., на крупныхъ вещахъ: вазахъ, пластахъ ставили обычно полностью свои имена съ обозначеніемъ года исполненія. Этотъ обычай сохранился до конца царствованія Императора Александра II, затѣмъ былъ уничтоженъ, но съ 1900 г. возстановленъ для лучшихъ вещей.

Придвор.
1835

поръ, пока Виноградовъ не остановился на болѣе удачныхъ [illegible] до 1751 года [illegible] музея Императорскихъ за[illegible] вдавленная [illegible] номеръ массы [illegible] оренбургскы [illegible] условный знакъ 3 16 [illegible] гжельской [illegible] съ мопсиками [illegible] кувшина [illegible]

Наиболѣе [illegible] вырабатывали [illegible] [illegible] [illegible] музея Императорскихъ заводовъ [illegible]

Ко времени Императрицы [illegible] Второй знакъ [illegible] коллекціи [illegible] Екатерины II [illegible] издѣліяхъ [illegible] Гарднеровскаго [illegible]

[illegible] вперваe при Императорѣ [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] венно цифры или буквы [illegible] ныхъ черта золота. Какъ [illegible] указать на цифру 1, исполненную золотомъ и стоящую на о[illegible] въ музеѣ Императорскихъ заводовъ (рис. 12

Французскіе художники, приглашенные на Императ[illegible] Императора Александра I, завели обычай ставить св[illegible] ныхъ предметахъ. Русскіе художники приняли этотъ обычай лишь въ царствованіе [illegible] тора Николая I [illegible] и другіе [illegible] ставили [illegible] обозначеніемъ года [illegible] обычай сохранился [illegible] Александра II, затѣмъ б[illegible], но съ 1900 г. [illegible]

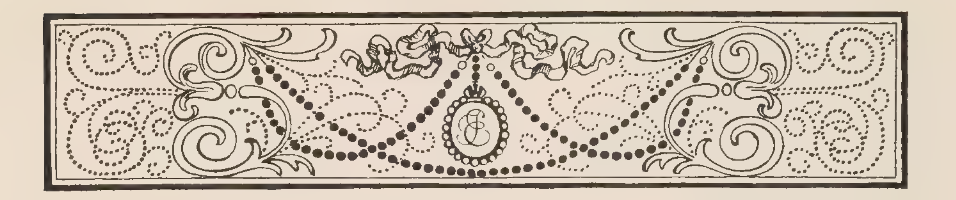

Придвор:
П:К:
П:К
80
83
9
84
39
1894
1895

LA MANUFACTURE IMPÉRIALE DE PORCELAINE À ST. PÉTERSBOURG.

LA MANUFACTURE · IMPÉRIALE DE PORCELAINE à ST PÉTERSBOURG

MESURES PRISES PAR LE GOUVERNEMENT PENDANT LA PREMIÈRE MOITIÉ DU XVIII SIÈCLE EN VUE DU DÉVELOPPEMENT DE L'INDUSTRIE CÉRAMIQUE EN RUSSIE.

La fondation ainsi que le développement ultérieur de la manufacture Impériale de porcelaine sont dûs non point à l'effet du hasard, mais à l'idée bien arrêtée que poursuivait le gouvernement, depuis Pierre le Grand, de parvenir en Russie dans cette branche de l'industrie au même degré de perfection qui avait été atteint à l'étranger.

Certes, l'art du potier avait existé déjà avant Pierre I à Moscou, mais à l'état purement empirique, et l'on s'y bornait à la fabrication de briques, de tuiles, de vaisselle ordinaire en terre, ou enfin de vaisselle et de carreaux émaillés ornés de dessins en bleu.

Depuis le commencement du XVIII siècle l'usage des produits de la céramique de provenance étrangère se propagea en Russie, et la vaisselle de luxe en porcelaine ou en faïence ainsi que d'autres produits de cet art devinrent d'un usage courant dans les classes supérieures de la société, grâce surtout à l'exemple des souverains dont les palais, ainsi que les inventaires du temps en font foi, étaient pourvus de porcelaine de tout genre.

La porcelaine chinoise était importée alors directement par la voie de la „caravane chinoise;" l'occident aussi envoyait des objets de provenance chinoise ou japonaise et en outre de la faïence de Venise, de Rouen et de Hollande et des carreaux émaillés, ornés de dessins en bleu.

Pierre le Grand, en vouant son attention à l'introduction en Russie des industries et des arts de l'occident, ne manqua pas de penser à la céramique. Après la fondation des premières usines de tuiles et de briques l'empereur s'occupa de la céramique d'art et choisit, pour réaliser ses intentions, deux moyens, celui d'envoyer des travailleurs russes à l'étranger pour y apprendre le métier, et celui de faire venir des spécialistes étrangers en Russie.

En 1717 un agent de l'Empereur, le comte Moussine-Pouchkine, conclut à Amsterdam un contrat avec le sieur Carlo Antonio Bonaveri, italien de naissance, qui s'engagea à enseigner la fabrication de la poterie en moins d'une année à quatre russes.

Quant à l'appel d'ouvriers étrangers, c'est Golovkine, le ministre de l'Empereur en Prusse, qui en fut chargé. Il proposa des conditions fort avantageuses à Peter Eggebrecht, hollandais de naissance et fabricant de „porcelaine de Delft," qui après avoir habité Berlin gérait la fabrique de faïence fondée par Boettcher en Saxe. Golovkine eut de grandes difficultés à vaincre avant de pouvoir conclure avec Eggebrecht un contrat pour la durée de deux ans. Au mois de septembre 1718 Eggebrecht arriva à St. Pétersbourg et se mit à l'oeuvre; malheureusement c'est là tout ce qu'on sait au sujet de son séjour en Russie, et les listes officielles du „comptoir des manufactures" de 1727 prouvent qu'à ce moment encore il n'y avait en Russie aucune fabrique de porcelaine.

Le „Collège des manufactures," institution officielle préposée en 1723 aux industries de Russie, ne manqua pas de vouer son attention à la céramique. Sachant que l'argile de Gjel servait à fabriquer des pipes et de la vaisselle, le collège fit annoncer à Moscou par crieur public qu'un privilège impérial était promis à quiconque serait disposé à fonder une fabrique de ce genre. Ce privilège fut effectivement octroyé au fournisseur de l'Impératrice, un certain Grébentchikow. En 1727 celui-ci ne produisait encore que des pipes et des carreaux. Il se mit plus tard à fabriquer de la vaisselle, mais se heurta à deux difficultés. Il lui fut difficile de faire venir des ouvriers étrangers et impossible de trouver des ouvriers indigènes, l'achat de terres avec leurs habitants ayant été défendu aux fabricants par oukaze Impérial en 1736. Cette interdiction ne fut levée qu'en 1742, et c'est depuis lors que la fabrique de Grébentchikow à Moscou, la première de ce genre en Russie, reçut un développement plus large: en 1753 et en 1759 on put y exécuter des services en faïence pour la Cour Impériale.

Lors de la fondation de la manufacture Impériale Grébentchikow prêta son assistance à cette dernière par l'envoi de deux contre-maîtres et en se chargeant de la fourniture de terre de Gjel. Il étudiait en même temps les procédés de la fabrication de la porcelaine et de la couverte et envoya en 1747 une tasse assez réussie au baron Tcherkassow, gérant du Cabinet de Sa Majesté.

Vers cette époque le gouvernement eut l'idée d'adjoindre à la caravane chinoise, qui était une entreprise de la caisse privée du tzar, des hommes assermentés chargés d'étudier en Chine les industries et les arts du pays. En 1743 Ossip Miasnikow, qui avait été chargé de cette besogne, se plaignit à son retour au Cabinet, prétendant que le directeur de la caravane, Firsoff, lui avait refusé les sommes nécessaires pour payer un chinois qui avait promis de lui vendre le secret de la porcelaine.

Lebratowsky, nommé à la place de Firsoff directeur de la caravane en 1744, n'ayant pas grande confiance dans les aptitudes de Miasnikow et ayant appris à Kiachta qu'un orfèvre du nom de Coursine s'était occupé de la composition de la porcelaine, l'emmena en Chine. Coursine se mit en rapport avec un des contre-maîtres aux manufactures impériales en Chine, qui moyennant une somme de 1000 lans l'initia aux secrets de son art. Coursine fut immédiatement renvoyé par Lebratowsky à Irkoutsk pour s'y mettre à l'oeuvre et Lebratowsky fit parvenir ensuite à St. Pétersbourg l'objet fabriqué par celui-ci à titre d'essai, quoiqu'en même temps il lui fallût convenir que cet objet était loin d'atteindre la perfection des produits chinois.

Entre temps des essais de fabrication de porcelaine de Saxe se faisaient à St. Pétersbourg sous la direction du baron Tcherkassow; lors de l'arrivée en 1747 de Lebratowsky, accompagné de Coursine et de son frère, l'Impératrice Elisabeth ordonna de faire exécuter par ces porcelainiers des essais à Tsarskoe-Sélo.

Les essais ne furent pas satisfaisants. Les frères Coursine prétendirent que les matériaux trouvés sur les lieux en étaient cause, ou qu'ils avaient été trompés par le chinois, qui leur avait livré le secret de la composition. Lebratowsky se trouva dans une situation fort difficile et il eut à justifier tant vis-à-vis du Cabinet que du Sénat les dépenses faites par lui sans autorisation. Peut-être ses essais auraient-ils pu aboutir; il est admissible que Lebratowsky ne trouva pas tout l'appui nécessaire auprès du baron Tcherkassow qui n'avait aucun intérêt à voir réussir un concurrent.

ÉPOQUE DE L'IMPÉRATRICE ELISABETH I ET DE L'EMPEREUR PIERRE III.

En 1743 le gouvernement russe prêta son concours au roi de Suède en envoyant à Stockholm des troupes sous les ordres du général James Keith. Le chambellan baron N. A. Korff, qui se trouvait alors en mission diplomatique à Stockholm, y conclut le 1 février 1744 un contrat avec un certain Christophe Conrad Hunger, qui, se disant porcelainier, s'engageait à fonder à St. Pétersbourg une manufacture pour la fabrication de porcelaine de Saxe et de

vaisselle hollandaise. Il exigeait en échange 1.000 speciesthalers pour payer ses dettes, les frais de voyage pour lui et pour sa famille, 1.000 roubles de gages par an et le titre de „directeur de la manufacture de porcelaine de Sa Majesté Impériale."

Le 15 juin 1744 le général Keith reçut l'ordre de ramener ses troupes et en même temps de faire parvenir secrètement Hunger en Russie.

Dès que l'Impératrice fut avertie de l'arrivée du porcelainier, elle chargea le baron Tcherkassow, gérant de son cabinet, de la surveillance de la nouvelle manufacture dont il incombait à Hunger d'organiser la partie technique.

Celui-ci qui, après avoir appris l'orfévrerie, avait mené une existence vagabonde, s'était lié d'amitié à Dresde avec Boettcher, l'inventeur de la porcelaine dure, mais il n'avait certainement pas pénétré bien profondément dans les secrets de l'art. Après avoir séjourné à Vienne, à Venise, et, passant de nouveau par Meissen, en Suède et au Danemark, il habitait en 1741 derechef à Stockholm, où il fit des démarches qui aboutirent à un privilège pour la fabrication de formes pour le sucre et de vaisselle pour pharmaciens. Hunger était donc un de ces aventuriers si nombreux au XVIII siècle qu'il aurait mieux valu ne pas prendre au service de la Russie, mais le secret dans lequel toute cette affaire avait dû être menée empêcha le baron Korff de prendre des renseignements suffisants sur le compte du porcelainier.

Le baron Tcherkassow ayant reçu la nouvelle de l'arrivée de Hunger à Reval, le fit venir à St. Pétersbourg, et donna en même temps à Trésine (Trezziny), directeur de la fabrique de briques du gouvernement située sur la Néva, non loin de Pétersbourg, l'ordre de préparer près de cette fabrique un logement pour le porcelainier et sa famille, de lui faire voir l'argile qu'on y trouvait, et de l'envoyer ensuite à Moscou pour y examiner les matières qu'on trouve dans les environs de cette ville.

La conduite que Hunger observa dès le début le rendit suspect. Il accusait injustement Keith de ne pas lui avoir payé son dû; Trésine, qui l'avait reçu hospitalièrement dans sa maison, fut en même temps le premier à mettre en doute la compétence du nouveau venu. Après avoir examiné les argiles des environs de St. Pétersbourg et les spécimens des argiles de Moscou qui se trouvaient à St. Pétersbourg, Hunger se rendit à Moscou, où se trouvait alors la cour, bien contre son gré, craignant évidemment qu'on ne lui enjoignît d'y fonder la fabrique.

La conduite ultérieure de Hunger ne fut pas de nature à faire cesser le mécontentement du baron Tcherkassow; Hunger observait le plus grand secret au sujet de ses procédés et obsédait le baron de ses demandes mal fondées. Le doute naissant fut la cause de ce qu'on lui adjoignit Dimitri Winogradow, auquel le sort réservait un rôle marquant dans l'histoire de la manufacture. Né vers 1720 à Sousdal et fils d'un prêtre, Winogradow avait reçu sa première éducation à l'école du monastère Zaïkonospassk à Moscou. Entré en 1735 à l'académie de St. Pétersbourg, il fut envoyé en 1736 par l'Académie en compagnie du jeune Lomonossow et de Reiser à l'étranger, pour y étudier la métallurgie. Winogradow y mena une existence assez déréglée, mais il y acquit néanmoins des connaissances théoriques et pratiques très étendues, et Reiser père, vice-président du collège des mines, qui lui fit subir un examen à son retour, se déclara excessivement satisfait de son savoir. Nommé arpenteur des mines avec rang de capitaine-lieutenant et promu un an plus tard, le 14 mars 1745, au rang de directeur des mines, Winogradow fut attaché au Cabinet de Sa Majesté par ordre Impérial depuis le 5 novembre 1744.

Les travaux préparatoires pour l'organisation de la manufacture de porcelaine commencèrent vers la fin de 1744. Le baron Tcherkassow avait fait venir Hunger à Moscou pour examiner les argiles de Gjel, au sujet desquelles Grébentchikow devait lui donner les indicatons nécessaires. Winogradow, qui parlait parfaitement l'allemand, lui fut adjoint à titre de traducteur.

Grébentchikow fournit quatre sortes d'argiles qu'on trouvait dans quatre villages avoisinants. Celle du village de Girowo fut reconnue par Hunger comme pouvant servir de matière première pour la fabrication de porcelaine, et celle de Kolomenka fut déclarée bonne pour les briques destinées aux fours; les fosses où se trouvaient ces argiles furent entourées d'un enclos et défense

fut faite aux particuliers d'en retirer des matériaux. Après cela Hunger et Winogradow retournèrent à Pétersbourg, et on y fit expédier la quantité de matière première qu'on jugeait nécessaire.

L'emplacement que le baron Tcherkassow désigna pour la fabrique qu'on allait fonder, le même où la manufacture Impériale se trouve encore aujourd'hui, était situé auprès de la fabrique de briques et de tuiles de la Néva, qui appartenait au gouvernement et dont Trésine était le directeur. Le fait que cet endroit était à dix verstes de la ville et que Hunger devait s'y trouver plus ou moins sous le contrôle de Trésine déplut au porcelainier. Mais ses protestations ne furent pas écoutées; on ne lui demandait qu'une chose: de faire des essais et de fournir ainsi la preuve qu'on pourrait fonder une fabrique. Trésine fut chargé de la transmission des ordres que le baron Tcherkassow avait à donner, Winogradow reçut en dépôt les instruments et les matériaux qu'exigeait Hunger. Parmi ces matériaux et ustensiles il y en avait plusieurs qu'on ne put que difficilement obtenir, comme les meules et le cobalt qu'on n'eut en quantité suffisante qu'en 1745; pour ce dernier on dut même recourir aux services de la diplomatie, l'exportation du cobalt de Saxe étant alors défendue. Entre temps on s'occupa de l'arrangement des bâtisses nécessaires à la fabrique.

En soumettant ses plans au baron Tcherkassow, Hunger exigea qu'on lui fournît la main d'oeuvre nécessaire: quatre soldats pour la garde, deux garçons de service, deux hommes pour le broyage, un fendeur de bois, un tourneur, un mouleur et un peintre.

Le Cabinet enjoignit à Trésine de choisir ces hommes parmi ses ouvriers et de les mettre à la disposition de Hunger.

Au printemps 1745 on se mit à l'aménagement des bâtisses, de deux moulins, ainsi que d'un grand et d'un petit four.

Vers la fin de l'automne le baron Tcherkassow s'enquit de la marche des affaires, désirant présenter à l'Impératrice pour le 18 décembre, jour de naissance de cette dernière, ou pour Noël, un objet prouvant que toutes les dépenses n'avaient pas été faites en vain.

Hunger répondit que tout son monde était à l'oeuvre; il promit de se mettre immédiatement à la fabrication de „pots," tout en se plaignant de ce que le moulin n'était pas encore prêt. Mais lorsque le baron Tcherkassow survint à l'improviste à la fabrique le 17 novembre, il y trouva de grands désordres. Trésine l'assura que Hunger l'empêchait d'achever les bâtisses, Hunger se plaignait que Trésine tâchait de le discréditer. Cette collision était dûe à l'idée fausse que Hunger se faisait sur sa situation. Il voulait jouer le rôle de directeur indépendant, surtout en ce qui concernait les dépenses à faire, tandis qu'on n'attendait de lui que la preuve qu'il connaissait son art et l'initiation à cet art d'apprentis russes. Comme on avait fait venir sa famille et que les conditions matérielles dans lesquelles il se trouvait étaient favorables, Hunger aurait dû vivre en bon accord avec les personnes auxquelles il avait affaire. Il était donc mal inspiré lorsqu'il résolut de lutter pour élargir le cercle de ses compétences. Mais le baron Tcherkassow ne lui permit pas de s'ingérer dans les affaires économiques: Trésine et Winogradow restèrent chargés de l'exécution des indications de Hunger, et la garde de l'inventaire et des matériaux resta confiée à Winogradow qui passa ainsi au premier plan.

La situation de Hunger aurait encore pu changer s'il avait été en état de prouver sa compétence; malheureusement pour lui, dès qu'on se mit à travailler les matières premières, l'insuffisance de son savoir fut manifeste, et ce fut Winogradow qui dut corriger les erreurs commises par Hunger dans l'aménagement de la fabrique.

Vers la fin novembre 1745 Hunger exécuta trois essais de couvertes, et Winogradow crut pouvoir annoncer au Cabinet que Hunger ne doutait pas de la réussite de ses essais. Mais au lieu de faire honneur à ses promesses, Hunger porte plainte la veille du nouvel-an contre Winogradow, avec lequel il voulait absolument rompre. Mécontent de ce que c'était Winogradow qui se trouvait en rapport avec le Cabinet, il tâchait de lui cacher les essais qu'il faisait pour préparer la pâte et la couverte. En même temps il chargeait les soldats qui étaient de service

de surveiller Winogradow. Celui-ci, à bout de patience, fit une scène violente à Hunger, et ce dernier pria le baron Tcherkassow d'éloigner complètement Winogradow de la fabrique. Cette concession ne fut pas faite, mais plusieurs mesures nouvelles furent prises par le baron. Premièrement il décida de soumettre la fabrique à un contrôle plus sévère. Les dépenses avaient été effectuées jusque là par Trésine sur les sommes affectées à la fabrique de briques. Le Cabinet résolut maintenant d'établir un compte à part; il alloua pour le moment 500 roubles et chargea le capitaine Prasolow, le nouveau commissaire de la fabrique de briques, de la comptabilité des dépenses.

Pendant les premiers mois de 1746 Winogradow passe au second plan. Hunger adresse ses mémoires directement au baron, le sollicite d'augmenter les gages de quelques ouvriers, et de faire passer au service du gouvernement le saxon Werner, qui s'occupait depuis un an dans son laboratoire. Le baron fit droit à ces requêtes et donna encore la promesse de faire venir de Stockholm le tourneur Nils Anderson Fréling. Mais bientôt, lorsque Hunger eut l'imprudence de déclarer officiellement qu'il n'initierait personne à ses secrets, le baron comprit que, pour assurer l'avenir de la fabrique, il fallait réintégrer Winogradow et bientôt ce fut de nouveau celui-ci qu'il chargea de lui adresser les rapports.

Vers ce moment la fabrique était suffisamment montée. Le personnel comptait outre Hunger, Winogradow et le contre-maître Hirschberger, dix ouvriers qui recevaient de 1 à 4 roubles par mois, excepté Werner qui en recevait six; mais Hunger n'avait encore fourni aucune preuve de son savoir, -il s'était même trompé à Moscou dans le choix des argiles dont Grébentchikow avait été chargé d'expédier 12.000 pouds, qu'accompagnaient sur la demande du baron Tcherkassow un tourneur et un mouleur. Comme en même temps la fabrique fut encore élargie et les dépenses augmentées, le baron Tcherkassow se considérait en droit d'attendre des résultats, d'autant plus que Grébentchikow venait de lui envoyer une tasse en porcelaine exécutée par lui avec l'aide de son fils et que Lebratowsky avait informé l'Impératrice que le secret de la fabrication de la porcelaine se trouvait à sa disposition. Mais l'automne de 1746 arriva et Hunger n'avait encore rien produit.

Quelles étaient les causes de cet insuccès? On ne sait pas dans quelles proportions Hunger mêlait la terre de Gjel, le quartz et l'albâtre qui entraient dans la composition de la pâte et de la couverte; ces proportions mal réglées formaient vraisemblablement une première cause de son échec. Quant à la cuisson, il fit des essais nombreux et après avoir accusé le combustible, le four etc, il finit par dire que le four avait été ensorcelé. Un fait est certain: Hunger ne connaissait pas suffisamment l'ensemble des opérations pour la fabrication de la porcelaine. Les connaissances théoriques en chimie de Winogradow auraient donc pu lui être d'une grande utilité, mais bientôt les malentendus se renouvelèrent et le 20 novembre 1746 Winogradow porta formellement plainte au Cabinet, en accusant Hunger: 1) de ne lui donner aucune explication concernant les essais, 2) d'admettre, au contraire, à tous ses travaux son gendre, le miniaturiste Heinrichsen, et 3) de défendre aux ouvriers d'obéir à ses ordres. Le lendemain on exigea de Hunger de répondre à toutes les accusations formulées par Winogradow, et de déclarer catégoriquement, s'il connaissait à fond la fabrication de la porcelaine et la cuisson dans le grand four. Essayant cette fois-ci encore d'affirmer qu'il était parfaitement compétent et qu'il en fournirait prochainement la preuve, Hunger dut bientôt convenir de son incompétence. En 1748 il fut définitivement renvoyé. Le Cabinet avait dépensé pour lui en tout 7778 roubles 33 cop., sans compter le logement, le chauffage et l'éclairage, 4175 roubles de plus qu'on s'était engagé à payer par contrat.

En somme on peut se demander quel fut le rôle de Hunger dans l'histoire de la manufacture Impériale. Sans posséder les connaissances théoriques et pratiques nécessaires pour mener à bonne fin la tâche qu'on lui avait confiée, Hunger avait cependant, bien que contre son gré, donné à Winogradow une idée générale de la manière dont il fallait s'y prendre pour fabriquer la porcelaine. Il reste maintenant à savoir, si Hunger a réellement fourni quelque objet fabriqué par lui.

Lorsqu'il eut promis de produire un premier spécimen de son art pour le 18 décembre 1745, on lui avait indiqué comme thème: une tasse et sa soucoupe avec deux inscriptions, perpétuant le souvenir de l'exécution en Russie du premier objet en porcelaine. Il n'est guère probable qu'il ait jamais livré ce spécimen, mais on sait qu'en 1746 une petite tasse déformée fut le résultat d'une cuisson opérée au petit four chauffé au charbon, et le baron Tcherkassow certifia en 1748 que Hunger pendant tout son séjour n'avait fourni en tout qu'une demi-douzaine de tasses toutes mal réussies. Au musée de la manufacture Impériale se trouve une coupe qui est considérée comme la première pièce qui y ait été fabriquée. Elle porte la marque de la manufacture du temps de l'Impératrice Elisabeth et en même temps aussi le chiffre 15, indiquant une des pâtes composées par Winogradow déjà après le départ de Hunger.

Les onze années de l'existence de la manufacture Impériale de 1747 à 1758 peuvent être désignées comme l'époque de Winogradow.

Hunger étant congédié, il s'agissait de savoir s'il était possible d'atteindre dans la manufacture Impériale la fabrication d'objets cuits au grand four, le petit four ne pouvant fournir que des objets de petites dimensions et en quantité insuffisante.

Pour y arriver il y avait deux voies: on pouvait faire venir quelqu'un de l'étranger, ou bien confier la manufacture à Winogradow. La première voie était la plus simple, mais il était bien difficile de trouver quelqu'un. Le baron Tcherkassow décida donc de s'en tenir à Winogradow, qui devait tout trouver par lui-même. La direction de la fabrique et toutes les affaires administratives et économiques furent entièrement confiées à Winogradow, qui se mit immédiatement à l'oeuvre.

Une brochure de 16 pages en langue allemande, que le baron Tcherkassow lui fit parvenir en 1750, ne lui fournit aucun renseignement et lui fit faire dans son journal la réflexion que toutes les publications au sujet de la fabrication de la porcelaine provenaient ou de gens qui en passant avaient vu en Chine ou au Japon des fabriques de porcelaine, ou d'ouvriers ayant surpris quelque procédé sans avoir été aptes à approfondir l'art de la fabrication.

Winogradow ne put obtenir des résultats immédiats. Ce fut surtout à la composition de la pâte, aux proportions des éléments qui en font partie, à leur examen et à la recherche des matériaux qu'il consacra ses recherches. La cuisson dans le grand four présentait encore plus de déceptions, vu la difficulté de déterminer les causes de l'insuccès. Mais Winogradow avançait, bien que lentement, vers son but et ses nombreux rapports et ses lettres, adressés tant au Cabinet qu'au baron Tcherkassow, permettent de se faire une idée des progrès accomplis.

En 1747 et en 1748 Winogradow s'occupait principalement d'essais de cuisson dans de petits fours. La porcelaine obtenue était bleuâtre et assez transparente, la couverte adhérente. En 1748 il entreprend la construction d'un grand four; les menus objets réussissaient déjà si bien, qu'on pensa même à annoncer dans les journaux que la fabrique recevrait des commandes de tabatières. En 1751 le baron Tcherkassow présenta une tabatière à l'Impératrice et toute la cour se fournit de tabatières à la manufacture.

La vaisselle de petites dimensions réussissait aussi et l'on espérait pouvoir se mettre à la fabrication de grandes pièces. En août 1751 le baron prie Winogradow de fournir quelque chose de marquant et de grand pour la fête de St. Alexandre ou pour la fête patronymique de l'Impératrice. Winogradow promit; malheureusement il ne s'était pas défait de son ancienne faiblesse pour la boisson et ce fut juste au moment où le baron attendait de lui le succès décisif, qu'il subit l'influence de son vice. Le baron dut prendre les mesures les plus sévères pour enrayer le mal et pour empêcher Winogradow d'attenter à ses jours. Le mal prit une telle étendue, qu'afin d'assurer l'avenir, le baron Tcherkassow dut envoyer même à la fabrique un courrier du Cabinet, Jolobow, pour que celui-ci assistât à toutes les opérations et, en forçant Winogradow à fixer par écrit les recettes, se mît au courant des procédés.

Les mesures prises contre Winogradow n'atteignirent pas leur but, et le baron dut ordonner au colonel Kwostow de sévir contre Winogradow et même de le mettre à la chaîne. Wino-

gradow fut en même temps privé de la direction de la fabrique; Jolobow en fut chargé depuis le mois d'août 1751 jusqu'au printemps 1752. En 1752 Kwostow remplit ce rôle, toutefois sans être attaché officiellement à la fabrique. Dès ce moment Jean Schlatter, chef de la chancellerie des monnaies, commença à prendre une part active aux travaux de la fabrique. Déjà en 1746 il avait été chargé de fournir des matériaux à la fabrique, mais ce ne fut qu'en 1751 que la direction artistique lui passa. Les inscriptions sur les tabatières, la monture de ces dernières en or, les travaux de peinture et même le modélage des statuettes s'exécutaient à l'hôtel des monnaies. En 1753 on s'adressait à lui pour la commande des objets et déjà en 1752 il avait proposé au baron de transférer la fabrique entièrement à l'hôtel des monnaies. Mais entre temps Winogradow se remit et le baron Tcherkassow put le placer de nouveau à la tête de la fabrique; l'ingérence de Kwostow et de Schlatter prit fin. Le sous-lieutenant Tarkhow fut adjoint à Winogradow en 1757 pour la gérence des affaires économiques et des sommes; son aide pour la partie technique devint Nikita Woïnow, désigné le 23 mai 1752 pour être initié aux affaires et aux secrets de la fabrication, comme remplaçant éventuel de Winogradow.

Woïnow était un simple ouvrier, qui avait débuté à la fabrique en 1745 au lavage de l'argile. Si le baron Tcherkassow le regardait comme successeur de Winogradow, il faut croire que dans la fabrication de la porcelaine il considérait la connaissance des secrets et l'expérience pratique comme l'essentiel, contrairement à l'avis de Winogradow, qui avait émis l'opinion que seule la connaissance de la chimie devait former la base de cette industrie. En initiant Woïnow aux procédés et en composant les notes demandées, Winogradow se remit de nouveau au travail avec énergie, mais ce ne fut pas pour longtemps, car il décéda le 25 août 1758 à l'âge de quarante ans. Grâce à ses connaissances approfondies, à ses capacités et à ses travaux, qu'il avait voués entièrement pendant treize ans à la manufacture Impériale, la fabrication de la porcelaine avait acquis un fondement solide et était devenue un art national; elle avait été recréée pour la Russie par Winogradow.

L'année de la mort de Winogradow fut l'année du décès du baron Tcherkassow; les travaux cessèrent un moment complètement à la manufacture, ainsi que le 15 octobre 1758 Schlatter demandait de lui envoyer le sculpteur Vistarini et les ouvriers à l'hôtel des monnaies.

Cependant l'existence de la fabrique ne fut pas compromise par la mort de Winogradow. Woïnow connaissait les procédés, Tarkhow surveillait la fabrique et les rapports se faisaient au successeur du baron Tcherkassow au Cabinet de Sa Majesté, Adam Olsoufiew. L'Impératrice qui venait de confier à la gérence du Sénat la manufacture de tapisseries, le chargea également de trouver un directeur pour la manufacture de porcelaine.

La même année le saxon Jean Gottfried Müller, qui se disait arcaniste et qui passait à la fabrique de Meissen pour être un mouleur expérimenté, fit l'offre de ses services. On le chargea d'exécuter un objet d'essai sous la surveillance de Lobkow, attaché au Sénat, chargé un moment de la surveillance de la fabrique de tapisseries. Les spécimens produits par Müller reçurent l'approbation du Sénat et il fut engagé en qualité d'arcaniste. Müller soumit au Cabinet de Sa Majesté ses plans pour l'agrandissement de la fabrique et se mit à faire des essais coûteux sans parvenir à des résultats satisfaisants.

Après la mort de l'Impératrice Elisabeth la fabrique qui n'avait pas cessé de travailler passa en janvier 1762 dans le ressort du Sénat sous la direction du professeur Michel Lomonossow; un mois après elle fut rendue au Cabinet.

L'organisation intérieure de la fabrique ne fut pas réglementée jusqu'en 1764; à l'exception cependant de la comptabilité qui fut réglée en 1755.

Le personnel se composait en 1747 de 47, en 1757 de 70 hommes. En 1754 on trouve mentionnées les personnes suivantes: Nikita Woïnow comme adjoint de Winogradow pour la composition de la pâte et de la couverte et pour la cuisson, Christian Werner comme préposé à la cuisson et à la fabrication des cassettes. Ensuite il y avait 2 peintres, 2 tourneurs, 1 menuisier, 1 modeleur, 2 ornemanistes, 4 machinistes, 4 ouvriers pour les cassettes, 1 poêlier, 2 ouvriers auprès des

fours, 1 pour le lavage, 12 pour différents menus travaux et 3 ou 4 soldats. En 1756 Winogradow engagea 13 hommes, parmi eux des garçons-apprentis. En 1755 on engagea le sculpteur Jean Vistarini et en 1757 le mouleur Carl Moni. Les premiers peintres de la fabrique furent les deux Tchernow, père et fils. En 1753 on admit les élèves de l'Académie Pimen Toupitzine, Théodor Alexéiew, Léon Tersky, en 1755 l'élève-peintre Krylow. Comme il était difficile de trouver en Russie des peintres expérimentés dans cette branche nouvelle, l'idée de Winogradow de prendre de jeunes garçons comme apprentis pouvait seule assurer l'avenir de la manufacture. Après la mort de son auteur le Cabinet continua ce système.

Les ouvriers recevaient de 12 à 35 roubles par an, rarement plus; Woïnow recevait 3 et ensuite 6 roubles par mois.

En 1752, lorsque Winogradow eut reçu l'ordre de composer un mémoire sur la fabrication de la porcelaine, il le commença en disant que son but était surtout d'empêcher les imposteurs de trouver à l'avenir un champ d'action dans cette branche en Russie. Il entreprenait donc d'écrire: „une instruction exacte de l'art de la porcelaine, telle qu'elle est fabriquée actuellement à St. Pétersbourg, en même temps qu'une description détaillée de tous les travaux qui rentrent dans cette matière."

Malheureusement tout ce qui nous est parvenu de cet ouvrage se borne, en dehors du titre, à quelques notes éparses; les lettres et les rapports de Winogradow, ainsi que quelques autres anciens documents de la manufacture complétant ces notes, cet ensemble de données permet de se faire une idée du développement et des procédés de la fabrique.

Le premier souci de Winogradow avait été la recherche des matières premières. Les argiles choisies par Hunger n'ayant pas été trouvées satisfaisantes, Winogradow se rendit une deuxième fois à Moscou, en 1749, pour examiner les matériaux sur les lieux et pour y fonder une usine pour la préparation et le lavage de l'argile. Winogradow étudia la contrée autour de Gjel à une circonférence de douze verstes, terrain bas et marécageux, où le travail ne pouvait se faire qu'en hiver. Il y trouva huit sortes différentes d'argiles, parmi lesquelles il choisit une „terre noire" qui, séchée, devenait d'un blanc grisâtre et à laquelle la cuisson donnait une teinte tout-à-fait blanche. Cette argile, qui couvrait un terrain de 250 pas en long et en large, ne contenait pas de soufre, mais les couches, qui la renfermaient, étaient mêlées à de l'argile contenant en grande quantité du sulfure de fer. Dans la suite Winogradow et le baron Tcherkassow firent encore faire des recherches ailleurs en Russie, tant en Europe qu'en Asie. De tous ces essais ceux faits avec l'argile blanche d'Orenbourg donnèrent des résultats satisfaisants, ainsi qu'une seconde usine de lavage fut établie à Tchebarkoulsk dans le gouvernement d'Orenbourg. Parmis les autres argiles qui furent essayées à la fabrique se trouvait l'argile de Gloukhow qui est devenue depuis un ingrédient essentiel de la pâte aux manufactures; mais il paraît qu'elle ne fut pas employée par Winogradow, qui n'utilisa pas non plus les spécimens qu'on lui envoya de Simbirsk, de Smolensk et de Sibérie. Ce fut donc l'argile de Gjel, uniquement employée jusqu'en 1753, qui ensuite pendant toute la durée de l'époque de Winogradow servait principalement à la composition de la pâte; l'argile d'Orenbourg était employée en quantité bien moindre, ce qui s'explique probablement par le fait que cette dernière revenait quatre fois plus cher que la première. Il y a lieu de croire qu'on l'employait pour les produits artistiques de petites dimensions: tabatières etc.

L'exploitation et le lavage de l'argile se faisaient sur les lieux d'après un règlement établi par Winogradow; arrivée à St. Pétersbourg l'argile était soumise à un nouveau délayage.

Wladykine, qui était venu à St. Pétersbourg avec la caravane de Lebratowsky, avait indiqué qu'en Chine la pâte et la couverte se composaient uniquement d'argile et de pierre, mais Winogradow ne pouvait travailler d'après ces indications n'ayant pas à sa disposition des matériaux semblables au kaolin chinois et au pé-tun-tze. Les éléments qui entraient dans la composition de ses pâtes étaient invariablement le silice (quartz), une matière argileuse et de l'albâtre, quelquefois le granit effrité, qui renferme du quartz et du feldspath. Tous ces matériaux passaient par une préparation préalable dans la manufacture. Le quartz et l'argile après avoir été

chauffés au rouge dans des fourneaux passaient ensuite au moulin, dont la construction, après bien des essais infructueux, avait enfin trouvé une solution satisfaisante. Le dosage s'opérait secrètement par Winogradow en présence seulement de Woïnow; une série interminable d'essais méthodiques se trouve décrite dans les notes de Winogradow, chaque essai portant un numéro, simple ou composé. Les proportions, dans lesquelles l'argile et le silice entraient dans la composition de la pâte, furent variables; les quantités d'argile augmentaient peu à peu dans ses dosages ainsi que vers la fin de cette période les proportions furent les suivantes: argile 8, quartz 8, albâtre 1; les compositions de Winogradow se rapprochent donc plutôt des pâtes chinoises et japonaises que de celles de Sèvres et de Saxe.

Le pétrissage auquel la pâte était ensuite soumise se faisait au début à la main, plus tard à l'aide d'une machine commandée à Wibourg; ainsi préparée, la pâte était conservée pendant un certain temps dans des caves avant d'être mise en oeuvre. Les procédés par lesquels on façonnait la pâte ne différaient pas de ceux usités aujourd'hui. La cuisson se faisait pendant la période des essais dans de petits fourneaux à l'aide de charbon, mais la production en grand exigeait la cuisson au grand four.

Le baron Tcherkassow avait cherché à profiter des travaux de Lebratowsky et de Koursine à Tzarskoe-Sélo. N'ayant pas réussi avec ceux-ci, il fut plus heureux avec Wladykine, qui construisit pour Winogradow un four, dont le sol s'élevait en gradins; les indications, qu'il donna sur le foyer et la cheminée correspondent au four chinois. Néanmoins la cuisson ne réussissait pas, et ce fut donc Winogradow qui dut encore résoudre la quéstion de la construction des fours. Ce ne fut qu'en 1756 qu'il réussit à en construire un qui répondait aux besoins de la production en grand.

Avant de passer au feu les porcelaines étaient enfermées dans des cassettes qu'on disposait en rangs assez serrés dans l'intérieur du four. Jusqu'en 1751 la pression constante de l'air dans le four était assurée par des soufflets doubles. Dans les fours de ce genre pendant la première période de la cuisson du dégourdi, qui était de peu de durée, l'orifice pour la ventilation restait ouvert, d'où le nom de feu ouvert. Pendant la deuxième période, qui était plus prolongée, l'orifice était muré et seules les ouvertures des soufflets n'étaient pas bouchées; ceci était le feu fermé. Toute l'opération ne durait qu'à peu près quatre heures, une heure de petit feu, une heure d'un feu plus fort, une demi-heure de feu moyen; ensuite une heure et demie de grand feu fermé et enfin une demi-heure de feu ouvert. Comme l'entretien du feu à l'aide de soufflets avait des suites désastreuses pour les cassettes et rendait la porcelaine jaune, dès 1751 on adopta un four à courant d'air constant; la première cuisson se faisait dès lors dans un four de potier et durait de 12 à 14 heures.

La couverte se composait d'argile, de quartz et de craie; l'épaisseur en était fixée à celle de deux feuilles de papier. La deuxième cuisson durait de 9 à 10 heures dans les fours du premier modèle (2 heures de feu ouvert, 8 heures de feu fermé); dans ceux de 1751 on maintenait, après avoir pendant 24 heures renforcé petit à petit le feu, le grand feu pendant 7 heures; ensuite on bouchait le four pour trois ou quatre jours, afin de le faire lentement refroidir.

Les objets obtenus étaient ensuite décorés de peintures. Winogradow eut beaucoup de difficultés à préparer et à se procurer de bonnes couleurs. Les couleurs employées étaient le cobalt, l'or, le pourpre, le noir, le rouge, le jaune, le vert et le brun.

En général la porcelaine, dont la composition avait été inventée par Winogradow, ressemblait plutôt à la porcelaine chinoise, mais on tâchait de se rapprocher de la porcelaine de Saxe, qui était considérée alors comme l'idéal.

Au commencement les objets différaient fortement entre eux en raison de la composition variable des pâtes; plus tard ces différences s'atténuent sans disparaître. L'argile de Gjel communiquait aux objets une teinte jaunâtre, tandis que celle des objets à argile d'Orenbourg était blanche, avec une nuance légèrement bleuâtre. Ensuite la pâte en argile de Gjel donnait une surface moins unie, parfois tâchée de points noirs.

Enfin la cuisson aussi agissait sur l'aspect de la porcelaine; celle dans les fourneaux à charbon donnait à la pâte une consistence vitreuse et une couverte blanche et brillante, tandis que les objets cuits dans les grands fours avaient une couverte plutôt jaunâtre et mal adhérente. C'est pour cette raison que les objets de cette époque de dimensions plus grandes, comme la vaisselle de table, cuits dans les grands fours et faits de pâte à l'argile de Gjel, sont de qualité inférieure aux tabatières et aux tasses faites de pâte à l'argile d'Orenbourg et cuites généralement au four au charbon. La grosseur de certains objets plats et des assiettes s'explique par un ordre donné par le baron Tcherkassow à ce sujet.

En tout ce qui concernait le style la manufacture Impériale était naturellement guidée par le goût de l'époque; ce goût trouvait sa parfaite expression dans les porcelaines de Meissen; mais jusque vers l'année 1765 les produits de la manufacture Impériale sont caractérisés dans leur forme par une grande simplicité, d'une part à cause de l'impossibilité de trouver des sculpteurs habiles, d'autre part en raison de l'engouement de la cour pour le goût français, qui commençait déjà alors à réagir contre le recherché du rococco. Ce sont donc les formes naturelles à la céramique, celles qui peuvent être obtenues par le tourneur et qui dominent dans la porcelaine chinoise, qui ont été appliquées de préférence par la manufacture Impériale à cette époque.

Jusqu'en 1753 Winogradow se bornait à la fabrication de menus objets, coupes, théières, cafetières. Ensuite il se mit à exécuter des tabatières, qui reçurent l'approbation de l'Impératrice. Ces tabatières furent envoyées à des personnes de marque à l'étranger, et mises en vente dès 1753. La forme la plus usitée était celle d'une enveloppe de lettre, portant l'inscription du nom du destinataire et un cachet rouge. Ensuite on fabriquait d'autres menus objets, des services pour le thé, le café, le chocolat, mais toujours composés d'objets en petit nombre; ce n'est que plus tard que des services de table entiers furent faits. La vaisselle de grandes dimensions ne commença à réussir qu'après la construction du grand four en 1756; on ne put cependant pas encore entreprendre la fabrication de grands vases pendant cette époque.

Pour ses commandes à la fabrique le baron Tcherkassow envoyait souvent des dessins; comme modèles la fabrique se servait aussi d'objets de Meissen ou de Chine, tâchant néanmoins de ne pas les copier servilement.

Les pièces d'un service à thé et à café au palais d'hiver, et une tasse avec sa soucoupe, ornée de dessins dans le goût hollandais, au musée de la manufacture, peuvent servir d'exemples des formes simples des premières années. Dans la suite les formes commencent à s'animer, les lignes se développent de plus en plus, la surface devient de plus en plus mouvementée.

Les premiers et plus simples ornements sculptés sont des fleurs et des guirlandes en basrelief ou bien encore des roses ou des baies sur les couvercles des tasses etc. Marchant de pair avec le développement de la technique, la sculpture devient plus indépendante et plus compliquée. Des assiettes ou des corbeilles percées apparaissent, et l'on combine ce genre de décoration avec des fleurs en relief. Les statuettes sont mentionnées pour la première fois dans les documents de 1752. En 1753 Winogradow exécuta un Atlas portant le globe sur ses épaules, statuette dont la cuisson ne voulait pas réussir, en 1754 il envoya quelques statuettes à Schlatter; néanmoins pendant toute cette époque le nombre des statuettes exécutées n'est pas grand.

Le chien et la vache qui se trouvent au palais d'hiver sont peut-être les plus anciens objets de ce genre qui soient parvenus jusqu'à nous. Le manque d'adresse dans l'exécution prouve combien leur auteur était encore inexpérimenté. Il est intéressant de constater que le chien ressemble à ces monstres dont les chinois décorent les couvercles de leurs vases, tandis que la vache ressemble à celles du nord de la Russie. Le groupe de la lutte des trois chiens avec le sanglier est déjà exécuté avec beaucoup plus d'adresse et de savoir-faire. Les plus anciennes reproductions de la figure humaine en porcelaine se trouvent au palais d'hiver; ce sont des figurines d'habitants des tropiques. L'exécution d'un soldat qui se chauffe et de trois statuettes

en costumes orientaux est plus habile. La cuisinière et l'amour appartiennent aux dernières années de l'époque d'Elisabeth.

En fait de vases on peut mentionner le vase qui se trouve dans le musée d'armes à Moscou. C'est un des objets que Müller exécuta à titre d'essai pour le sénat; la technique est celle de Saxe, l'exécution accuse une main expérimentée.

Quant à la peinture le manque de peintres et d'une direction compétente entravait le développement de la peinture à la manufacture Impériale. Winogradow préparait lui-même les couleurs, mais ce n'est que vers la fin de l'époque que la peinture devient plus ou moins satisfaisante; ainsi quelques tabatières ne le cèdent en rien aux meilleurs travaux de Saxe, tant par le fini de l'exécution que par la diversité des couleurs et des sujets choisis.

Au début de l'époque la peinture s'exécutait généralement en une seule couleur, le plus souvent on se servait du pourpre, du vert ou de l'or. L'intérieur des tabatières, des tasses et même quelques figures, comme le chien et la vache au palais d'hiver, étaient entièrement couverts de dorure. D'autres objets étaient décorés de bouquets et de paysages de la plus grande simplicité en noir. Pendant la seconde période les méthodes de décoration furent plus variées: on commença à décorer le fond blanc ou doré de fleurs ou de guirlandes colorées. En même temps apparaît le genre. Une tasse et sa soucoupe au musée de la manufacture Impériale est décorée d'une scène hollandaise, un festin de paysans; c'est un véritable petit tableau, premier exemple de ces tableaux, dont l'application reçut plus tard un si grand développement à la Manufacture. On mettait aussi sur les objets des dessins d'animaux; Tchernow-père dessina en 1752 sur une tabatière des carlins. On ne se préoccupait pas encore de style, souvent les motifs et la distribution du dessin devaient servir à cacher un défaut de la pâte.

Le choix des fleurs dessinées sous forme de bouquets ou de guirlandes n'est pas très varié; les roses dominent, des papillons ou d'autres insectes viennent parfois animer le motif. Le paysage se rencontre rarement. Les motifs chinois ne manquent naturellement pas; une assiette nous montre un motif chinois stylisé et traité en ornement. Ensuite viennent les scènes d'amour ou de famille et plus tard encore des miniatures représentant des batailles, des portraits, des amours dans les nuages; dans ce genre de décoration on remarque l'influence de l'art français de l'époque Louis XV.

En dehors de ces sujets se rencontrent assez souvent les armoiries et les initiales. Enfin dans les documents conservés aux archives on trouve des indications que des plaquettes de porcelaine rondes ou carrées étaient employées pour y peindre des images saintes.

ÉPOQUE DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II.

Au moment de l'avènement au trône de l'Impératrice Catherine la situation de la fabrique était précaire. Woïnow, le successeur de Winogradow, n'avait pas toutes les connaissances nécessaires pour diriger l'entreprise, le transfert de la direction à Lomonossow ne s'était pas effectué et A. W. Olsoufiew, le gérant du Cabinet, était peu disposé à se charger de la surveillance. Ce fut le capitaine Tarkhow qui attira le 20 août 1762 l'attention du Cabinet sur l'état délabré dans lequel se trouvaient les bâtiments de la manufacture, mais la cour se rendant à Moscou pour le couronnement, on ne donna pas immédiatement suite à ses réclamations.

Cependant l'Impératrice pensait à la manufacture et avait fait venir pour 1.021 roubles de ses produits à Moscou pour les vendre; le 2 juillet 1763 elle visita la fabrique. Ce fut le début d'une époque nouvelle. L'organisation de la fabrication exigeait en premier lieu le renouvellement du personnel. Le lieutenant de la garde à cheval Alexandre Tchépotiew, un des agents secondaires de l'avènement au trône de l'Impératrice, fut désigné pour en prendre la direction avec l'ordre d'élaborer des règlements. Dans son projet le nouveau directeur divisait le personnel en trois catégories: chimistes, connaissant le secret de la fabrication, artistes et manoeuvres. La direction supérieure devait être confiée à un homme versé dans les questions de la fabrica-

tion, auprès de lui devait se trouver son aide chargé de la surveillance du personnel. Le nombre des contre-maîtres, des élèves et des ouvriers était fixé dans ce projet à 104. On se proposait de faire venir de l'étranger la plupart des contre-maîtres à des conditions spéciales pour chacun, tandis que pour les contre-maîtres russes Tchépotiew fixait le salaire à 100—250, pour les ouvriers et les élèves à 18—60 roubles par an. Pour encourager les artistes il proposait de leur attribuer des gratifications régulières et des prix spéciaux pour toute invention utile, en tout pour une somme de 1.000 roubles par an. Il demandait en même temps d'établir une école pour les enfants des ouvriers dans le but de les préparer à entrer plus tard dans les cadres. Le 16 mars 1765 l'Impératrice confirma ce projet et ordonna d'allouer une somme de 15.000 roubles par an pour la „manufacture de porcelaine," désignation qui resta désormais officielle. Tchépotiew resta à la tête de la fabrique, Olsoufiew en resta le chef. En fait de contre-maîtres étrangers, Müller avait été le premier à offrir ses services et à faire des essais. Il prétendait connaître à fond le secret de la fabrication de la porcelaine, mais Tchépotiew, qui l'avait vu au travail, ne l'estimait en rien supérieur aux ouvriers russes et proposa d'écarter ses offres; ce fut Joseph Regensbourg, qui avait travaillé à la fabrique de Vienne, qui fut engagé. Regensbourg était recommandé par le comte Tchernychew, qui vivait alors à Vienne. Comme sculpteur on engagea Karlowsky de la manufacture de Meissen. Celui-ci resta peu de temps à St. Pétersbourg et on le remplaça par trois sculpteurs russes, élèves de l'Académie des Beaux-Arts; en même temps on prit encore trois autres élèves de l'Académie comme peintres. Depuis le mois de mars de l'année 1764 le contre-maître Arnoult, probablement un français, travaillait à la fabrique à la monture des objets en porcelaine en bronze; celui-ci composa quelques modèles pour la porcelaine. En 1765 Tchépotiew proposa de le congédier parce qu'il n'était pas honnête dans ses comptes.

Vers cette époque il n'y avait encore que 60 ouvriers à la fabrique, dont 19 élèves, c'est à dire un peu plus de la moitié de ce qui était prévu par le règlement. La dépense de l'année 1765 atteignit le chiffre de 9.147 roubles; on peut en conclure que la production dépassait celle des dernières années du régne de l'Impératrice Elisabeth.

Le 27 mai 1766 Olsoufiew fut libéré, sur sa demande, de la direction de la fabrique; Teplow le remplaça. Teplow était un homme instruit, capable et travailleur. Il inspecta immédiatement la fabrique, mais ses multiples occupations ne lui permirent pas de lui vouer beaucoup de temps; Tchépotiew devint donc presque indépendant comme directeur et l'influence de Teplow se manifesta uniquement dans l'impulsion commerciale qu'il donna aux affaires de la fabrique, se proposant d'approvisionner la Russie entière de porcelaine. Pour atteindre ce but il fallait agrandir la manufacture, Tchépotiew proposa donc afin de préparer pour l'avenir un plus grand nombre d'ouvriers de fonder immédiatement l'école, qu'il avait projetée en 1765 et pour laquelle il élabora un plan d'études. Le nombre des élèves de ce „gymnase" était fixé à 30, l'âge auquel on les acceptait à 5—10 ans; déjà en 1768 l'école eut 11 élèves de plus. Elle comprenait quatre classes, dans lesquelles on enseignait à lire et à écrire, le dessin, le modelage, la peinture; on y apprenait encore la religion, l'histoire ancienne et la mythologie, et aux élèves plus doués on enseignait la perspective et l'architecture.

En 1762 le capitaine Tarkhow s'était plaint de l'état délabré des bâtisses. Tchépotiew reçut les sommes nécessaires pour la réparation dès sa nomination. Plus tard il proposa la construction d'un bâtiment en pierre; la dépense évaluée par lui à 100.000 roubles devait être repartie sur sept années. On acheta immédiatement une maison en pierre qui se trouvait à côté de la manufacture; cependant la construction ne fut pas achevée sous l'administration de Tchépotiew.

Tchépotiew dirigea la fabrique jusqu'en 1772. Après sa mort le procureur général prince Wiazemsky fut en 1773 placé à la tête de l'entreprise. C'était un homme d'ordre et de bon sens, auquel la fabrique est redevable de réformes importantes. Les affaires économiques, la comptabilité, les responsabilités des employés furent réglées, la fabrique et ses bâtiments élargis; la production et la vente des produits augmentèrent grâce surtout à l'admission de contre-maîtres étrangers compétents. Le conseiller d'état actuel Wolkow fut nommé gérant immédiat de la fabrique;

en 1783 la gestion passa au capitaine Golokhwastow. Au commencement de la huitième décade le grand bâtiment à deux étages donnant sur la Néva fut achevé. En 1786 on bâtit une nouvelle aile, prolongeant l'édifice qui, sauf quelques modifications, s'est conservé jusqu'à nos jours. Une maison en bois fut en même temps construite pour Golokhwastow, et le terrain appartenant à la fabrique fut agrandi en 1793.

Les sommes allouées à la fabrique provenaient des revenus du comptoir de la vente du sel et étaient payées par l'entremise du Cabinet qui contrôlait les dépenses. Wiazemsky obtint en 1779 le paiement de cette somme par le collège des mines, ce qui délivra la fabrique de sa dépendance du Cabinet. Gérant les finances de l'état il sut encore faire allouer à plusieurs reprises des sommes extraordinaires pour l'agrandissement de la fabrique.

Parmi les étrangers qu'il attira c'est surtout le sculpteur J. S. Rachette, dont le choix doit être considéré heureux; engagé en 1779, il rendit pendant de longues années les plus grands services à la fabrique. Les peintres étaient tous des russes; après 1783 le miniaturiste Zakharow, Wassiliew, Komarow, Iwanow, Sobratchew furent les principaux peintres de cette époque.

En 1792 le prince Youssoupow remplaça le prince Wiazemsky. Le prince Youssoupow était connaisseur et en même temps bon administrateur; il s'intéressait à la porcelaine à tel point, qu'après avoir abandonné l'administration de la fabrique il fonda en 1814 dans sa propriété d'Arkhangelskoë au gouvernement de Moscou sa propre fabrique. L'organisation établie par le prince Wiazemsky à la manufacture Impériale était à tel point satisfaisante, que le prince Youssoupow se borna à la maintenir. En 1787 la fabrique comprenait, en dehors du comptoir, les parties suivantes: 1) l'atelier des appareils mécaniques pour la préparation des matériaux, 2) l'atelier de façonnage, 3) les fours et l'atelier pour la préparation des cassettes, 4) l'atelier de peinture, 5) le laboratoire pour la préparation des couleurs où se trouvaient les moufles.

Vers la fin de l'époque la production de la fabrique s'était largement accrue. En 1794 on employa 36.000 pouds de matériaux différents, on exécuta 38.000 objets en porcelaine: vases, figurines ou pièces de vaisselle, en employant 657 formes et moules et 85.000 cassettes; 67.000 pièces furent cuites au dégourdi et au grand feu, 19.000 objets furent décorés de peinture. En tout on produisit pour 59.973 roubles d'objets. Néanmoins les résultats financiers n'étaient pas satisfaisants. Comme à l'étranger on avait pris en Russie des précautions pour sauvegarder le secret de la fabrication. Quoiqu'en 1763 un certain Wolkow eût fondé une fabrique à Sevsk, celle-ci faute de moyens ne travaillait plus. La manufacture Impériale n'avait donc pas de concurrents en 1766, Gardner n'ayant commencé ses opérations que deux ans plus tard. La faïence russe était de qualité très inférieure et ne comptait donc pas, et l'importation de produits chinois avait presque pris fin au commencement du règne de Catherine, les marchands chinois ayant quitté Kiachta en 1764 à la suite de complications politiques. Mais déjà de 1759 à 1764 la vente des produits de la manufacture était tombée graduellement de 514 roubles au tiers, parce que les particuliers donnaient la préférence à la porcelaine de Meissen moins chère et de meilleure qualité. Pour obtenir des résultats satisfaisants il fallait donc améliorer la qualité des produits et arriver à des prix ne se distinguant pas de ceux des produits de Meissen. Cette dernière condition pouvait être atteinte par l'établissement de droits frappant la porcelaine étrangère ou par la fabrication en grand, sans souci de la qualité. L'Impératrice ne voulait pas introduire des droits de cette nature et la qualité des produits ne pouvait être abaissée, parce que la cour Impériale prenait la plus grande partie des objets fabriqués. L'agrandissement de la production n'eut donc pas pour suite un agrandissement de la vente. D'année en année le nombre d'objets non vendus augmentait; l'année 1794 avait causé une dépense de 64.467 roubles, la vente aux personnes privées donna 8.110 r., la cour acheta de la porcelaine pour 39.815 roubles.

Le total des revenus se montait donc à 47.925 roubles et la fabrique ne pouvait exister que grâce aux 15.000 r. de subvention annuelle que le gouvernement lui allouait; le but que s'était proposé Teplow, de fournir la Russie entière de porcelaine et de couvrir tous les frais, ne fut donc pas atteint.

Quant aux procédés techniques c'est surtout depuis la septième décade du siècle qu'on peut constater un progrès sensible par rapport à ceux-ci, dû tant à une plus grande expérience des ouvriers qu'au „gymnase,“ qui préparait systématiquement les élèves, et surtout aux spécialistes, comme Regensbourg et Rachette. Pour la matière première, après quelque tatonnements et l'essai de plusieurs sortes d'argiles, ce fut l'argile de Gloukhow qui remplaça définitivement les terres précédemment utilisées; désormais les argiles furent fournies par des entrepreneurs et les usines fondées par la manufacture Impériale pour le lavage furent abolies.

Dans la fabrique les matériaux étaient travaillés par des manoeuvres à l'aide de machines spéciales. Les documents ne disent rien sur la composition de la pâte, mais au commencement de l'époque de Catherine elle ne différait certainement pas de celles employées par Winogradow. Ensuite l'albâtre fut remplacé par le feldspath, provenant de la province d'Olonetz. L'analyse de la porcelaine de cette époque prouve qu'elle s'approchait toujours encore bien plus de la porcelaine de Chine que de celles de Saxe, de Berlin ou de Vienne. Le procédé de la cuisson n'avait guère changé, mais les ouvriers avaient appris à diriger le feu, et les pertes n'étaient pas trop considérables. Le chauffage se faisait exclusivement au bois de pin.

En 1792 on fit venir de la fabrique de canons à Olonetz des moufles en fonte, pour lesquels on employait le charbon.

En étudiant les produits de la manufacture du point de vue artistique, il faut prendre en considération que l'époque de Catherine embrasse un tiers de siècle (1762—1796); les produits de la manufacture ne sauraient donc porter un caractère identique pour toute cette période. La direction changea plusieurs fois, et le but qu'on se proposait d'atteindre, fut un but double, puisqu'on demandait à cette institution artistique de poursuivre encore des intérêts commerciaux. Les objets artistiques se distinguent en partie déjà par la composition de la pâte, qui est excellente; la couverte est également de très bonne qualité. Les services aux contraire et les objets destinés à la vente ont souvent une couverte jaunâtre et de qualité médiocre.

Pour le style des travaux en général les premières années du règne n'offrent rien de caractéristique et ne se distinguent guère de l'époque précédente.

Ceci s'explique, si on prend en considération que le style russe ne s'était guère développé pendant le règne de l'Impératrice Elisabeth, l'art ancien indigène ayant subi un arrêt, un art nouveau ne s'étant pas encore formé et l'Impératrice elle-même étant toute adonnée à la culture et à l'art français. En 1757 l'académie des beaux-arts fut fondée, mais elle était impuissante à donner des résultats immédiats, et comme pour la porcelaine toutes les manufactures avaient débuté par l'imitation des objets chinois et continué en imitant le style créé à Meissen, un style à part n'aurait donc pu se former à la manufacture Impériale qu'au moment où la technique serait devenue indépendante. Sous l'Impératrice Catherine l'art occidental garda son influence sur la Russie; on étudiait sérieusement toutes les œuvres importantes qui paraissaient à l'étranger sur les antiquités grecques, romaines et étrusques. Le style Empire, expression extrême des tendances classiques, apparut en Russie sinon plut tôt en tout cas en même temps qu'en Europe. Mais en même temps Catherine II désirait en toute chose être russe et encourageait l'étude de tout ce qui avait trait à la Russie; la manufacture Impériale se ressentit de cette impulsion. Ainsi une collection de types des peuples de la Russie fut exécutée d'après un ouvrage de Georgi contenant la description des peuples habitant la Russie; ensuite on compléta cette collection par la reproduction en porcelaine des types de marchands et de professionnels russes.

En même temps les évènements les plus saillants de l'époque fournissaient des sujets à la production de la manufacture. Le portrait de l'Impératrice est reproduit sur un grand nombre de vases et d'autres objets, son buste fut exécuté à plusieurs reprises. Le service des yachts rappelle ses victoires navales et un vase à Gatchina et d'autres objets en porcelaine célèbrent l'Impératrice dans ses actes sous forme allégorique et emblématique.

Pour les formes des objets fabriqués pendant l'époque de l'Impératrice Elisabeth et pendant les premiers temps de l'époque de Catherine on poursuivait à tel point l'idée de les varier qu'on

gradow fut en même temps privé de la direction de la fabrique; Jolobow en fut chargé depuis le mois d'août 1751 jusqu'au printemps 1752. En 1752 Kwostow remplit ce rôle, toutefois sans être attaché officiellement à la fabrique. Dès ce moment Jean Schlatter, chef de la chancellerie des monnaies, commença à prendre une part active aux travaux de la fabrique. Déjà en 1746 il avait été chargé de fournir des matériaux à la fabrique, mais ce ne fut qu'en 1751 que la direction artistique lui passa. Les inscriptions sur les tabatières, la monture de ces dernières en or, les travaux de peinture et même le modélage des statuettes s'exécutaient à l'hôtel des monnaies. En 1753 on s'adressait à lui pour la commande des objets et déjà en 1752 il avait proposé au baron de transférer la fabrique entièrement à l'hôtel des monnaies. Mais entre temps Winogradow se remit et le baron Tcherkassow put le placer de nouveau à la tête de la fabrique; l'ingérence de Kwostow et de Schlatter prit fin. Le sous-lieutenant Tarkhow fut adjoint à Winogradow en 1757 pour la gérence des affaires économiques et des sommes; son aide pour la partie technique devint Nikita Woïnow, désigné le 23 mai 1752 pour être initié aux affaires et aux secrets de la fabrication, comme remplaçant éventuel de Winogradow.

Woïnow était un simple ouvrier, qui avait débuté à la fabrique en 1745 au lavage de l'argile. Si le baron Tcherkassow le regardait comme successeur de Winogradow, il faut croire que dans la fabrication de la porcelaine il considérait la connaissance des secrets et l'expérience pratique comme l'essentiel, contrairement à l'avis de Winogradow, qui avait émis l'opinion que seule la connaissance de la chimie devait former la base de cette industrie. En initiant Woïnow aux procédés et en composant les notes demandées, Winogradow se remit de nouveau au travail avec énergie, mais ce ne fut pas pour longtemps, car il décéda le 25 août 1758 à l'âge de quarante ans. Grâce à ses connaissances approfondies, à ses capacités et à ses travaux, qu'il avait voués entièrement pendant treize ans à la manufacture Impériale, la fabrication de la porcelaine avait acquis un fondement solide et était devenue un art national; elle avait été recréée pour la Russie par Winogradow.

L'année de la mort de Winogradow fut l'année du décès du baron Tcherkassow; les travaux cessèrent un moment complètement à la manufacture, ainsi que le 15 octobre 1758 Schlatter demandait de lui envoyer le sculpteur Vistarini et les ouvriers à l'hôtel des monnaies.

Cependant l'existence de la fabrique ne fut pas compromise par la mort de Winogradow. Woïnow connaissait les procédés, Tarkhow surveillait la fabrique et les rapports se faisaient au successeur du baron Tcherkassow au Cabinet de Sa Majesté, Adam Olsoufiew. L'Impératrice qui venait de confier à la gérence du Sénat la manufacture de tapisseries, le chargea également de trouver un directeur pour la manufacture de porcelaine.

La même année le saxon Jean Gottfried Müller, qui se disait arcaniste et qui passait à la fabrique de Meissen pour être un mouleur expérimenté, fit l'offre de ses services. On le chargea d'exécuter un objet d'essai sous la surveillance de Lobkow, attaché au Sénat, chargé un moment de la surveillance de la fabrique de tapisseries. Les spécimens produits par Müller reçurent l'approbation du Sénat et il fut engagé en qualité d'arcaniste. Müller soumit au Cabinet de Sa Majesté ses plans pour l'agrandissement de la fabrique et se mit à faire des essais coûteux sans parvenir à des résultats satisfaisants.

Après la mort de l'Impératrice Elisabeth la fabrique qui n'avait pas cessé de travailler passa en janvier 1762 dans le ressort du Sénat sous la direction du professeur Michel Lomonossow; un mois après elle fut rendue au Cabinet.

L'organisation intérieure de la fabrique ne fut pas réglementée jusqu'en 1764; à l'exception cependant de la comptabilité qui fut réglée en 1755.

Le personnel se composait en 1747 de 47, en 1757 de 70 hommes. En 1754 on trouve mentionnées les personnes suivantes: Nikita Woïnow comme adjoint de Winogradow pour la composition de la pâte et de la couverte et pour la cuisson, Christian Werner comme préposé à la cuisson et à la fabrication des cassettes. Ensuite il y avait 2 peintres, 2 tourneurs, 1 menuisier, 1 modeleur, 2 ornemanistes, 4 machinistes, 4 ouvriers pour les cassettes, 1 poêlier, 2 ouvriers auprès des

fours, 1 pour le lavage, 12 pour différents menus travaux et 3 ou 4 soldats. En 1756 Winogradow engagea 13 hommes, parmi eux des garçons-apprentis. En 1755 on engagea le sculpteur Jean Vistarini et en 1757 le mouleur Carl Moni. Les premiers peintres de la fabrique furent les deux Tchernow, père et fils. En 1753 on admit les élèves de l'Académie Pimen Toupitzine, Théodor Alexéiew, Léon Tersky, en 1755 l'élève-peintre Krylow. Comme il était difficile de trouver en Russie des peintres expérimentés dans cette branche nouvelle, l'idée de Winogradow de prendre de jeunes garçons comme apprentis pouvait seule assurer l'avenir de la manufacture. Après la mort de son auteur le Cabinet continua ce système.

Les ouvriers recevaient de 12 à 35 roubles par an, rarement plus; Woïnow recevait 3 et ensuite 6 roubles par mois.

En 1752, lorsque Winogradow eut reçu l'ordre de composer un mémoire sur la fabrication de la porcelaine, il le commença en disant que son but était surtout d'empêcher les imposteurs de trouver à l'avenir un champ d'action dans cette branche en Russie. Il entreprenait donc d'écrire: „une instruction exacte de l'art de la porcelaine, telle qu'elle est fabriquée actuellement à St. Pétersbourg, en même temps qu'une description détaillée de tous les travaux qui rentrent dans cette matière."

Malheureusement tout ce qui nous est parvenu de cet ouvrage se borne, en dehors du titre, à quelques notes éparses; les lettres et les rapports de Winogradow, ainsi que quelques autres anciens documents de la manufacture complétant ces notes, cet ensemble de données permet de se faire une idée du développement et des procédés de la fabrique.

Le premier souci de Winogradow avait été la recherche des matières premières. Les argiles choisies par Hunger n'ayant pas été trouvées satisfaisantes, Winogradow se rendit une deuxième fois à Moscou, en 1749, pour examiner les matériaux sur les lieux et pour y fonder une usine pour la préparation et le lavage de l'argile. Winogradow étudia la contrée autour de Gjel à une circonférence de douze verstes, terrain bas et marécageux, où le travail ne pouvait se faire qu'en hiver. Il y trouva huit sortes différentes d'argiles, parmi lesquelles il choisit une „terre noire" qui, séchée, devenait d'un blanc grisâtre et à laquelle la cuisson donnait une teinte tout-à-fait blanche. Cette argile, qui couvrait un terrain de 250 pas en long et en large, ne contenait pas de soufre, mais les couches, qui la renfermaient, étaient mêlées à de l'argile contenant en grande quantité du sulfure de fer. Dans la suite Winogradow et le baron Tcherkassow firent encore faire des recherches ailleurs en Russie, tant en Europe qu'en Asie. De tous ces essais ceux faits avec l'argile blanche d'Orenbourg donnèrent des résultats satisfaisants, ainsi qu'une seconde usine de lavage fut établie à Tchebarkoulsk dans le gouvernement d'Orenbourg. Parmis les autres argiles qui furent essayées à la fabrique se trouvait l'argile de Gloukhow qui est devenue depuis un ingrédient essentiel de la pâte aux manufactures; mais il paraît qu'elle ne fut pas employée par Winogradow, qui n'utilisa pas non plus les spécimens qu'on lui envoya de Simbirsk, de Smolensk et de Sibérie. Ce fut donc l'argile de Gjel, uniquement employée jusqu'en 1753, qui ensuite pendant toute la durée de l'époque de Winogradow servait principalement à la composition de la pâte; l'argile d'Orenbourg était employée en quantité bien moindre, ce qui s'explique probablement par le fait que cette dernière revenait quatre fois plus cher que la première. Il y a lieu de croire qu'on l'employait pour les produits artistiques de petites dimensions: tabatières etc.

L'exploitation et le lavage de l'argile se faisaient sur les lieux d'après un règlement établi par Winogradow; arrivée à St. Pétersbourg l'argile était soumise à un nouveau délayage.

Wladykine, qui était venu à St. Pétersbourg avec la caravane de Lebratowsky, avait indiqué qu'en Chine la pâte et la couverte se composaient uniquement d'argile et de pierre, mais Winogradow ne pouvait travailler d'après ces indications n'ayant pas à sa disposition des matériaux semblables au kaolin chinois et au pé-tun-tze. Les éléments qui entraient dans la composition de ses pâtes étaient invariablement le silice (quartz), une matière argileuse et de l'albâtre, quelquefois le granit effrité, qui renferme du quartz et du feldspath. Tous ces matériaux passaient par une préparation préalable dans la manufacture. Le quartz et l'argile après avoir été

chauffés au rouge dans des fourneaux passaient ensuite au moulin, dont la construction, après bien des essais infructueux, avait enfin trouvé une solution satisfaisante. Le dosage s'opérait secrètement par Winogradow en présence seulement de Woïnow; une série interminable d'essais méthodiques se trouve décrite dans les notes de Winogradow, chaque essai portant un numéro, simple ou composé. Les proportions, dans lesquelles l'argile et le silice entraient dans la composition de la pâte, furent variables; les quantités d'argile augmentaient peu à peu dans ses dosages ainsi que vers la fin de cette période les proportions furent les suivantes: argile 8, quartz 8, albâtre 1; les compositions de Winogradow se rapprochent donc plutôt des pâtes chinoises et japonaises que de celles de Sèvres et de Saxe.

Le pétrissage auquel la pâte était ensuite soumise se faisait au début à la main, plus tard à l'aide d'une machine commandée à Wibourg; ainsi préparée, la pâte était conservée pendant un certain temps dans des caves avant d'être mise en oeuvre. Les procédés par lesquels on façonnait la pâte ne différaient pas de ceux usités aujourd'hui. La cuisson se faisait pendant la période des essais dans de petits fourneaux à l'aide de charbon, mais la production en grand exigeait la cuisson au grand four.

Le baron Tcherkassow avait cherché à profiter des travaux de Lebratowsky et de Koursine à Tzarskoe-Sélo. N'ayant pas réussi avec ceux-ci, il fut plus heureux avec Wladykine, qui construisit pour Winogradow un four, dont le sol s'élevait en gradins; les indications, qu'il donna sur le foyer et la cheminée correspondent au four chinois. Néanmoins la cuisson ne réussissait pas, et ce fut donc Winogradow qui dut encore résoudre la quéstion de la construction des fours. Ce ne fut qu'en 1756 qu'il réussit à en construire un qui répondait aux besoins de la production en grand.

Avant de passer au feu les porcelaines étaient enfermées dans des cassettes qu'on disposait en rangs assez serrés dans l'intérieur du four. Jusqu'en 1751 la pression constante de l'air dans le four était assurée par des soufflets doubles. Dans les fours de ce genre pendant la première période de la cuisson du dégourdi, qui était de peu de durée, l'orifice pour la ventilation restait ouvert, d'où le nom de feu ouvert. Pendant la deuxième période, qui était plus prolongée, l'orifice était muré et seules les ouvertures des soufflets n'étaient pas bouchées; ceci était le feu fermé. Toute l'opération ne durait qu'à peu près quatre heures, une heure de petit feu, une heure d'un feu plus fort, une demi-heure de feu moyen; ensuite une heure et demie de grand feu fermé et enfin une demi-heure de feu ouvert. Comme l'entretien du feu à l'aide de soufflets avait des suites désastreuses pour les cassettes et rendait la porcelaine jaune, dès 1751 on adopta un four à courant d'air constant; la première cuisson se faisait dès lors dans un four de potier et durait de 12 à 14 heures.

La couverte se composait d'argile, de quartz et de craie; l'épaisseur en était fixée à celle de deux feuilles de papier. La deuxième cuisson durait de 9 à 10 heures dans les fours du premier modèle (2 heures de feu ouvert, 8 heures de feu fermé); dans ceux de 1751 on maintenait, après avoir pendant 24 heures renforcé petit à petit le feu, le grand feu pendant 7 heures; ensuite on bouchait le four pour trois ou quatre jours, afin de le faire lentement refroidir.

Les objets obtenus étaient ensuite décorés de peintures. Winogradow eut beaucoup de difficultés à préparer et à se procurer de bonnes couleurs. Les couleurs employées étaient le cobalt, l'or, le pourpre, le noir, le rouge, le jaune, le vert et le brun.

En général la porcelaine, dont la composition avait été inventée par Winogradow, ressemblait plutôt à la porcelaine chinoise, mais on tâchait de se rapprocher de la porcelaine de Saxe, qui était considérée alors comme l'idéal.

Au commencement les objets différaient fortement entre eux en raison de la composition variable des pâtes; plus tard ces différences s'atténuent sans disparaître. L'argile de Gjel communiquait aux objets une teinte jaunâtre, tandis que celle des objets à argile d'Orenbourg était blanche, avec une nuance légèrement bleuâtre. Ensuite la pâte en argile de Gjel donnait une surface moins unie, parfois tâchée de points noirs.

Enfin la cuisson aussi agissait sur l'aspect de la porcelaine; celle dans les fourneaux à charbon donnait à la pâte une consistence vitreuse et une couverte blanche et brillante, tandis que les objets cuits dans les grands fours avaient une couverte plutôt jaunâtre et mal adhérente. C'est pour cette raison que les objets de cette époque de dimensions plus grandes, comme la vaisselle de table, cuits dans les grands fours et faits de pâte à l'argile de Gjel, sont de qualité inférieure aux tabatières et aux tasses faites de pâte à l'argile d'Orenbourg et cuites généralement au four au charbon. La grosseur de certains objets plats et des assiettes s'explique par un ordre donné par le baron Tcherkassow à ce sujet.

En tout ce qui concernait le style la manufacture Impériale était naturellement guidée par le goût de l'époque; ce goût trouvait sa parfaite expression dans les porcelaines de Meissen; mais jusque vers l'année 1765 les produits de la manufacture Impériale sont caractérisés dans leur forme par une grande simplicité, d'une part à cause de l'impossibilité de trouver des sculpteurs habiles, d'autre part en raison de l'engouement de la cour pour le goût français, qui commençait déjà alors à réagir contre le recherché du rococco. Ce sont donc les formes naturelles à la céramique, celles qui peuvent être obtenues par le tourneur et qui dominent dans la porcelaine chinoise, qui ont été appliquées de préférence par la manufacture Impériale à cette époque.

Jusqu'en 1753 Winogradow se bornait à la fabrication de menus objets, coupes, théières, cafetières. Ensuite il se mit à exécuter des tabatières, qui reçurent l'approbation de l'Impératrice. Ces tabatières furent envoyées à des personnes de marque à l'étranger, et mises en vente dès 1753. La forme la plus usitée était celle d'une enveloppe de lettre, portant l'inscription du nom du destinataire et un cachet rouge. Ensuite on fabriquait d'autres menus objets, des services pour le thé, le café, le chocolat, mais toujours composés d'objets en petit nombre; ce n'est que plus tard que des services de table entiers furent faits. La vaisselle de grandes dimensions ne commença à réussir qu'après la construction du grand four en 1756; on ne put cependant pas encore entreprendre la fabrication de grands vases pendant cette époque.

Pour ses commandes à la fabrique le baron Tcherkassow envoyait souvent des dessins; comme modèles la fabrique se servait aussi d'objets de Meissen ou de Chine, tâchant néanmoins de ne pas les copier servilement.

Les pièces d'un service à thé et à café au palais d'hiver, et une tasse avec sa soucoupe, ornée de dessins dans le goût hollandais, au musée de la manufacture, peuvent servir d'exemples des formes simples des premières années. Dans la suite les formes commencent à s'animer, les lignes se développent de plus en plus, la surface devient de plus en plus mouvementée.

Les premiers et plus simples ornements sculptés sont des fleurs et des guirlandes en basrelief ou bien encore des roses ou des baies sur les couvercles des tasses etc. Marchant de pair avec le développement de la technique, la sculpture devient plus indépendante et plus compliquée. Des assiettes ou des corbeilles percées apparaissent, et l'on combine ce genre de décoration avec des fleurs en relief. Les statuettes sont mentionnées pour la première fois dans les documents de 1752. En 1753 Winogradow exécuta un Atlas portant le globe sur ses épaules, statuette dont la cuisson ne voulait pas réussir, en 1754 il envoya quelques statuettes à Schlatter; néanmoins pendant toute cette époque le nombre des statuettes exécutées n'est pas grand.

Le chien· et la vache qui se trouvent au palais d'hiver sont peut-être les plus anciens objets de ce genre qui soient parvenus jusqu'à nous. Le manque d'adresse dans l'exécution prouve combien leur auteur était encore inexpérimenté. Il est intéressant de constater que le chien ressemble à ces monstres dont les chinois décorent les couvercles de leurs vases, tandis que la vache ressemble à celles du nord de la Russie. Le groupe de la lutte des trois chiens avec le sanglier est déjà exécuté avec beaucoup plus d'adresse et de savoir-faire. Les plus anciennes reproductions de la figure humaine en porcelaine se trouvent au palais d'hiver; ce sont des figurines d'habitants des tropiques. L'exécution d'un soldat qui se chauffe et de trois statuettes

en costumes orientaux est plus habile. La cuisinière et l'amour appartiennent aux dernières années de l'époque d'Elisabeth.

En fait de vases on peut mentionner le vase qui se trouve dans le musée d'armes à Moscou. C'est un des objets que Müller exécuta à titre d'essai pour le sénat; la technique est celle de Saxe, l'exécution accuse une main expérimentée.

Quant à la peinture le manque de peintres et d'une direction compétente entravait le développement de la peinture à la manufacture Impériale. Winogradow préparait lui-même les couleurs, mais ce n'est que vers la fin de l'époque que la peinture devient plus ou moins satisfaisante; ainsi quelques tabatières ne le cèdent en rien aux meilleurs travaux de Saxe, tant par le fini de l'exécution que par la diversité des couleurs et des sujets choisis.

Au début de l'époque la peinture s'exécutait généralement en une seule couleur, le plus souvent on se servait du pourpre, du vert ou de l'or. L'intérieur des tabatières, des tasses et même quelques figures, comme le chien et la vache au palais d'hiver, étaient entièrement couverts de dorure. D'autres objets étaient décorés de bouquets et de paysages de la plus grande simplicité en noir. Pendant la seconde période les méthodes de décoration furent plus variées: on commença à décorer le fond blanc ou doré de fleurs ou de guirlandes colorées. En même temps apparaît le genre. Une tasse et sa soucoupe au musée de la manufacture Impériale est décorée d'une scène hollandaise, un festin de paysans; c'est un véritable petit tableau, premier exemple de ces tableaux, dont l'application reçut plus tard un si grand développement à la Manufacture. On mettait aussi sur les objets des dessins d'animaux; Tchernow-père dessina en 1752 sur une tabatière des carlins. On ne se préoccupait pas encore de style, souvent les motifs et la distribution du dessin devaient servir à cacher un défaut de la pâte.

Le choix des fleurs dessinées sous forme de bouquets ou de guirlandes n'est pas très varié; les roses dominent, des papillons ou d'autres insectes viennent parfois animer le motif. Le paysage se rencontre rarement. Les motifs chinois ne manquent naturellement pas; une assiette nous montre un motif chinois stylisé et traité en ornement. Ensuite viennent les scènes d'amour ou de famille et plus tard encore des miniatures représentant des batailles, des portraits, des amours dans les nuages; dans ce genre de décoration on remarque l'influence de l'art français de l'époque Louis XV.

En dehors de ces sujets se rencontrent assez souvent les armoiries et les initiales. Enfin dans les documents conservés aux archives on trouve des indications que des plaquettes de porcelaine rondes ou carrées étaient employées pour y peindre des images saintes.

ÉPOQUE DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II.

Au moment de l'avènement au trône de l'Impératrice Catherine la situation de la fabrique était précaire. Woïnow, le successeur de Winogradow, n'avait pas toutes les connaissances nécessaires pour diriger l'entreprise, le transfert de la direction à Lomonossow ne s'était pas effectué et A. W. Olsoufiew, le gérant du Cabinet, était peu disposé à se charger de la surveillance. Ce fut le capitaine Tarkhow qui attira le 20 août 1762 l'attention du Cabinet sur l'état délabré dans lequel se trouvaient les bâtiments de la manufacture, mais la cour se rendant à Moscou pour le couronnement, on ne donna pas immédiatement suite à ses réclamations.

Cependant l'Impératrice pensait à la manufacture et avait fait venir pour 1.021 roubles de ses produits à Moscou pour les vendre; le 2 juillet 1763 elle visita la fabrique. Ce fut le début d'une époque nouvelle. L'organisation de la fabrication exigeait en premier lieu le renouvellement du personnel. Le lieutenant de la garde à cheval Alexandre Tchépotiew, un des agents secondaires de l'avènement au trône de l'Impératrice, fut désigné pour en prendre la direction avec l'ordre d'élaborer des règlements. Dans son projet le nouveau directeur divisait le personnel en trois catégories: chimistes, connaissant le secret de la fabrication, artistes et manoeuvres. La direction supérieure devait être confiée à un homme versé dans les questions de la fabrica-

tion, auprès de lui devait se trouver son aide chargé de la surveillance du personnel. Le nombre des contre-maîtres, des élèves et des ouvriers était fixé dans ce projet à 104. On se proposait de faire venir de l'étranger la plupart des contre-maîtres à des conditions spéciales pour chacun, tandis que pour les contre-maîtres russes Tchépotiew fixait le salaire à 100 —250, pour les ouvriers et les élèves à 18 60 roubles par an. Pour encourager les artistes il proposait de leur attribuer des gratifications régulières et des prix spéciaux pour toute invention utile, en tout pour une somme de 1.000 roubles par an. Il demandait en même temps d'établir une école pour les enfants des ouvriers dans le but de les préparer à entrer plus tard dans les cadres. Le 16 mars 1765 l'Impératrice confirma ce projet et ordonna d'allouer une somme de 15.000 roubles par an pour la „manufacture de porcelaine," désignation qui resta désormais officielle. Tchépotiew resta à la tête de la fabrique, Olsoufiew en resta le chef. En fait de contre-maîtres étrangers, Müller avait été le premier à offrir ses services et à faire des essais. Il prétendait connaître à fond le secret de la fabrication de la porcelaine, mais Tchépotiew, qui l'avait vu au travail, ne l'estimait en rien supérieur aux ouvriers russes et proposa d'écarter ses offres; ce fut Joseph Regensbourg, qui avait travaillé à la fabrique de Vienne, qui fut engagé. Regensbourg était recommandé par le comte Tchernychew, qui vivait alors à Vienne. Comme sculpteur on engagea Karlowsky de la manufacture de Meissen. Celui-ci resta peu de temps à St. Pétersbourg et on le remplaça par trois sculpteurs russes, élèves de l'Académie des Beaux-Arts; en même temps on prit encore trois autres élèves de l'Académie comme peintres. Depuis le mois de mars de l'année 1764 le contre-maître Arnoult, probablement un français, travaillait à la fabrique à la monture des objets en porcelaine en bronze; celui-ci composa quelques modèles pour la porcelaine. En 1765 Tchépotiew proposa de le congédier parce qu'il n'était pas honnête dans ses comptes.

Vers cette époque il n'y avait encore que 60 ouvriers à la fabrique, dont 19 élèves, c'est à dire un peu plus de la moitié de ce qui était prévu par le règlement. La dépense de l'année 1765 atteignit le chiffre de 9.147 roubles; on peut en conclure que la production dépassait celle des dernières années du régne de l'Impératrice Elisabeth.

Le 27 mai 1766 Olsoufiew fut libéré, sur sa demande, de la direction de la fabrique; Teplow le remplaça. Teplow était un homme instruit, capable et travailleur. Il inspecta immédiatement la fabrique, mais ses multiples occupations ne lui permirent pas de lui vouer beaucoup de temps; Tchépotiew devint donc presque indépendant comme directeur et l'influence de Teplow se manifesta uniquement dans l'impulsion commerciale qu'il donna aux affaires de la fabrique, se proposant d'approvisionner la Russie entière de porcelaine. Pour atteindre ce but il fallait agrandir la manufacture, Tchépotiew proposa donc afin de préparer pour l'avenir un plus grand nombre d'ouvriers de fonder immédiatement l'école, qu'il avait projetée en 1765 et pour laquelle il élabora un plan d'études. Le nombre des élèves de ce „gymnase" était fixé à 30, l'âge auquel on les acceptait à 5—10 ans; déjà en 1768 l'école eut 11 élèves de plus. Elle comprenait quatre classes, dans lesquelles on enseignait à lire et à écrire, le dessin, le modelage, la peinture; on y apprenait encore la religion, l'histoire ancienne et la mythologie, et aux élèves plus doués on enseignait la perspective et l'architecture.

En 1762 le capitaine Tarkhow s'était plaint de l'état délabré des bâtisses. Tchépotiew reçut les sommes nécessaires pour la réparation dès sa nomination. Plus tard il proposa la construction d'un bâtiment en pierre; la dépense évaluée par lui à 100.000 roubles devait être repartie sur sept années. On acheta immédiatement une maison en pierre qui se trouvait à côté de la manufacture; cependant la construction ne fut pas achevée sous l'administration de Tchépotiew.

Tchépotiew dirigea la fabrique jusqu'en 1772. Après sa mort le procureur général prince Wiazemsky fut en 1773 placé à la tête de l'entreprise. C'était un homme d'ordre et de bon sens, auquel la fabrique est redevable de réformes importantes. Les affaires économiques, la comptabilité, les responsabilités des employés furent réglées, la fabrique et ses bâtiments élargis; la production et la vente des produits augmentèrent grâce surtout à l'admission de contre-maîtres étrangers compétents. Le conseiller d'état actuel Wolkow fut nommé gérant immédiat de la fabrique;

en 1783 la gestion passa au capitaine Golokhwastow. Au commencement de la huitième décade le grand bâtiment à deux étages donnant sur la Néva fut achevé. En 1786 on bâtit une nouvelle aile, prolongeant l'édifice qui, sauf quelques modifications, s'est conservé jusqu'à nos jours. Une maison en bois fut en même temps construite pour Golokhwastow, et le terrain appartenant à la fabrique fut agrandi en 1793.

Les sommes allouées à la fabrique provenaient des revenus du comptoir de la vente du sel et étaient payées par l'entremise du Cabinet qui contrôlait les dépenses. Wiazemsky obtint en 1779 le paiement de cette somme par le collège des mines, ce qui délivra la fabrique de sa dépendance du Cabinet. Gérant les finances de l'état il sut encore faire allouer à plusieurs reprises des sommes extraordinaires pour l'agrandissement de la fabrique.

Parmi les étrangers qu'il attira c'est surtout le sculpteur J. S. Rachette, dont le choix doit être considéré heureux; engagé en 1779, il rendit pendant de longues années les plus grands services à la fabrique. Les peintres étaient tous des russes; après 1783 le miniaturiste Zakharow, Wassiliew, Komarow, Iwanow, Sobratchew furent les principaux peintres de cette époque.

En 1792 le prince Youssoupow remplaça le prince Wiazemsky. Le prince Youssoupow était connaisseur et en même temps bon administrateur; il s'intéressait à la porcelaine à tel point, qu'après avoir abandonné l'administration de la fabrique il fonda en 1814 dans sa propriété d'Arkhangelskoë au gouvernement de Moscou sa propre fabrique. L'organisation établie par le prince Wiazemsky à la manufacture Impériale était à tel point satisfaisante, que le prince Youssoupow se borna à la maintenir. En 1787 la fabrique comprenait, en dehors du comptoir, les parties suivantes: 1) l'atelier des appareils mécaniques pour la préparation des matériaux, 2) l'atelier de façonnage, 3) les fours et l'atelier pour la préparation des cassettes, 4) l'atelier de peinture, 5) le laboratoire pour la préparation des couleurs où se trouvaient les moufles.

Vers la fin de l'époque la production de la fabrique s'était largement accrue. En 1794 on employa 36.000 pouds de matériaux différents, on exécuta 38.000 objets en porcelaine: vases, figurines ou pièces de vaisselle, en employant 657 formes et moules et 85.000 cassettes; 67.000 pièces furent cuites au dégourdi et au grand feu, 19.000 objets furent décorés de peinture. En tout on produisit pour 59.973 roubles d'objets. Néanmoins les résultats financiers n'étaient pas satisfaisants. Comme à l'étranger on avait pris en Russie des précautions pour sauvegarder le secret de la fabrication. Quoiqu'en 1763 un certain Wolkow eût fondé une fabrique à Sevsk, celle-ci faute de moyens ne travaillait plus. La manufacture Impériale n'avait donc pas de concurrents en 1766, Gardner n'ayant commencé ses opérations que deux ans plus tard. La faïence russe était de qualité très inférieure et ne comptait donc pas, et l'importation de produits chinois avait presque pris fin au commencement du règne de Catherine, les marchands chinois ayant quitté Kiachta en 1764 à la suite de complications politiques. Mais déjà de 1759 à 1764 la vente des produits de la manufacture était tombée graduellement de 514 roubles au tiers, parce que les particuliers donnaient la préférence à la porcelaine de Meissen moins chère et de meilleure qualité. Pour obtenir des résultats satisfaisants il fallait donc améliorer la qualité des produits et arriver à des prix ne se distinguant pas de ceux des produits de Meissen. Cette dernière condition pouvait être atteinte par l'établissement de droits frappant la porcelaine étrangère ou par la fabrication en grand, sans souci de la qualité. L'Impératrice ne voulait pas introduire des droits de cette nature et la qualité des produits ne pouvait être abaissée, parce que la cour Impériale prenait la plus grande partie des objets fabriqués. L'agrandissement de la production n'eut donc pas pour suite un agrandissement de la vente. D'année en année le nombre d'objets non vendus augmentait; l'année 1794 avait causé une dépense de 64.467 roubles, la vente aux personnes privées donna 8.110 r., la cour acheta de la porcelaine pour 39.815 roubles.

Le total des revenus se montait donc à 47.925 roubles et la fabrique ne pouvait exister que grâce aux 15.000 r. de subvention annuelle que le gouvernement lui allouait; le but que s'était proposé Teplow, de fournir la Russie entière de porcelaine et de couvrir tous les frais, ne fut donc pas atteint.

Quant aux procédés techniques c'est surtout depuis la septième décade du siècle qu'on peut constater un progrès sensible par rapport à ceux-ci, dû tant à une plus grande expérience des ouvriers qu'au „gymnase," qui préparait systématiquement les élèves, et surtout aux spécialistes, comme Regensbourg et Rachette. Pour la matière première, après quelque tatonnements et l'essai de plusieurs sortes d'argiles, ce fut l'argile de Gloukhow qui remplaça définitivement les terres précédemment utilisées; désormais les argiles furent fournies par des entrepreneurs et les usines fondées par la manufacture Impériale pour le lavage furent abolies.

Dans la fabrique les matériaux étaient travaillés par des manoeuvres à l'aide de machines spéciales. Les documents ne disent rien sur la composition de la pâte, mais au commencement de l'époque de Catherine elle ne différait certainement pas de celles employées par Winogradow. Ensuite l'albâtre fut remplacé par le feldspath, provenant de la province d'Olonetz. L'analyse de la porcelaine de cette époque prouve qu'elle s'approchait toujours encore bien plus de la porcelaine de Chine que de celles de Saxe, de Berlin ou de Vienne. Le procédé de la cuisson n'avait guère changé, mais les ouvriers avaient appris à diriger le feu, et les pertes n'étaient pas trop considérables. Le chauffage se faisait exclusivement au bois de pin.

En 1792 on fit venir de la fabrique de canons à Olonetz des moufles en fonte, pour lesquels on employait le charbon.

En étudiant les produits de la manufacture du point de vue artistique, il faut prendre en considération que l'époque de Catherine embrasse un tiers de siècle (1762—1796); les produits de la manufacture ne sauraient donc porter un caractère identique pour toute cette période. La direction changea plusieurs fois, et le but qu'on se proposait d'atteindre, fut un but double, puisqu'on demandait à cette institution artistique de poursuivre encore des intérêts commerciaux. Les objets artistiques se distinguent en partie déjà par la composition de la pâte, qui est excellente; la couverte est également de très bonne qualité. Les services aux contraire et les objets destinés à la vente ont souvent une couverte jaunâtre et de qualité médiocre.

Pour le style des travaux en général les premières années du règne n'offrent rien de caractéristique et ne se distinguent guère de l'époque précédente.

Ceci s'explique, si on prend en considération que le style russe ne s'était guère développé pendant le règne de l'Impératrice Elisabeth, l'art ancien indigène ayant subi un arrêt, un art nouveau ne s'étant pas encore formé et l'Impératrice elle-même étant toute adonnée à la culture et à l'art français. En 1757 l'académie des beaux-arts fut fondée, mais elle était impuissante à donner des résultats immédiats, et comme pour la porcelaine toutes les manufactures avaient débuté par l'imitation des objets chinois et continué en imitant le style créé à Meissen, un style à part n'aurait donc pu se former à la manufacture Impériale qu'au moment où la technique serait devenue indépendante. Sous l'Impératrice Catherine l'art occidental garda son influence sur la Russie; on étudiait sérieusement toutes les œuvres importantes qui paraissaient à l'étranger sur les antiquités grecques, romaines et étrusques. Le style Empire, expression extrême des tendances classiques, apparut en Russie sinon plut tôt en tout cas en même temps qu'en Europe. Mais en même temps Catherine II désirait en toute chose être russe et encourageait l'étude de tout ce qui avait trait à la Russie; la manufacture Impériale se ressentit de cette impulsion. Ainsi une collection de types des peuples de la Russie fut exécutée d'après un ouvrage de Georgi contenant la description des peuples habitant la Russie; ensuite on compléta cette collection par la reproduction en porcelaine des types de marchands et de professionnels russes.

En même temps les évènements les plus saillants de l'époque fournissaient des sujets à la production de la manufacture. Le portrait de l'Impératrice est reproduit sur un grand nombre de vases et d'autres objets, son buste fut exécuté à plusieurs reprises. Le service des yachts rappelle ses victoires navales et un vase à Gatchina et d'autres objets en porcelaine célèbrent l'Impératrice dans ses actes sous forme allégorique et emblématique.

Pour les formes des objets fabriqués pendant l'époque de l'Impératrice Elisabeth et pendant les premiers temps de l'époque de Catherine on poursuivait à tel point l'idée de les varier qu'on

empiétait parfois sur le terrain d'autres industries. Peu à peu ces disgressions disparaissent et sont remplacées par des formes nouvelles et plus sérieuses. Arnoult modèle en 1764 — 5 des vases d'un pied de hauteur ornés de fleurs, des chandeliers, des statuettes, des couverts pour dessert et maints autres objets. Ce furent les grands services de table, les vases et les œuvres sculpturales qui font la gloire de l'époque. Un des plus beaux de ces services, dit des arabesques, fut exécuté en 1784; il comprenait 973 objets pour 60 couverts et ne coûta pas moins de 25.000 roubles. Les arabesques y alternent avec des médaillons contenant une tête tantôt coiffée à la grecque, tantôt ornée d'un casque. L'idée allégorique de ce service trouvait une expression encore plus saisissante dans les sept groupes du surtout de table; le surtout fut modelé par Rachette, mais l'idée était due au prince Wiazemsky. La pièce du centre, de 62 centimètres de hauteur, se composait de la statue de l'Impératrice sur un piédestal, flanquée de deux figures, la justice et la philantropie. Les autres groupes représentent la puissance militaire et maritime, la Tauride, la Géorgie, le gouvernement et la magnanimité. Le service des arabesques est conservé au musée du palais d'hiver, le surtout de table au musée de la manufacture.

Le 18 février 1793 l'Impératrice fit don au comte Besborodko d'un service qui devait être aussi riche que celui dont nous venons de parler. Les groupes du surtout de table représentaient la vente des amours d'après un fresque d'Herculanum, deux groupes d'après la noce Aldobrandini, Cupidon et Psyché, l'amour domptant la force, Vénus, un faune, Mercure, un amour dans les nuages et deux figures de vestales d'après Clodion. Ce service ne fut pas terminé aussi vite que le précédent, nombre d'objets ne furent exécutés à la manufacture que pendant le règne de l'empereur Paul I.

Au palais d'hiver se trouvent des pièces du service dit du Cabinet, qui par ses formes rappelle le service des arabesques; il est décoré de fleurs des champs et de médaillons avec des vues d'Italie. Le service des yachts est du même style que celui des arabesques, les médaillons sont ornés d'un aigle à deux têtes tenant dans l'une de ses griffes une couronne, symbole de la victoire, dans l'autre un pavillon avec deux ancres, symbole de la flotte de commerce. On sait qu'il y avait à la cour un service de faïence, nommé service de Tchesmé, et le service des yachts en est peut-être une copie en porcelaine, en tout cas il était probablement destiné à pérpétuer le souvenir des mêmes évènements que celui de Tchesmé.

Les formes de tous ces services appartiennent à un même type, très différent du type saxon de l'époque de Kaendler par ses lignes plus droites et moins recherchées et se rapprochant des formes de l'époque Louis XVI. Ces formes n'excluaient cependant pas dans la production entièrement celles qui se rapprochent du rococco saxon: le service de chasse, par exemple, est imité d'un service de Meissen. Les objets appartenant aux services de moindre grandeur ne sont pas assez caractéristiques pour qu'on puisse les attribuer à l'une ou à l'autre moitié de l'époque. Dans maints objets on peut constater l'influence des formes de la pâte tendre de Sèvres.

Les vases de l'époque, qu'on exécutait en assez grand nombre, n'atteignent pas les dimensions des époques ultérieures, lorsqu'on se trouva sous l'influence de Sèvres au temps de Brogniart. La hauteur des vases ne dépasse ordinairement pas 45 à 50 centimètres et la forme générale en est peu variée; généralement ils sont à pied et pourvus d'un couvercle qui est parfois, mais rarement, remplacé par un bouquet de fleurs. Ils sont presque toujours décorés d'ornements sculpturaux plus ou moins compliqués. Quant aux œuvres purement sculpturales de l'époque, elles ne manquent pas de mérite. Au début de l'époque le style rococco dominait dans ces œuvres; c'est depuis l'arrivée de Rachette que la composition des groupes devient plus indépendante. La deuxième moitié de l'époque ne produisit plus des groupes de genre, la mythologie et l'allégorie règnent. Des sujets classiques et les œuvres d'artistes contemporains, comme Choubine, Clodion, Falconet servent de modèles. Les figures allégoriques glorifiant les actes de l'époque de Catherine nous prouvent le talent de Rachette, bien que la composition manque quelquefois de légèreté. Une partie au moins de la collection des types des peuples de la Russie fut certainement modelée par lui. Les dessins de Georgi sont rendus avec exactitude, mais sans servilité; quelques

figurines, pour lesquelles le livre de Georgi ne contenait pas de dessins, ont été modelées d'après la description dans le texte.

Les bisquits atteignirent leur plus haut développement dans les portraits, les médaillons et les bustes. Les meilleures œuvres de ce genre appartiennent à Rachette; ainsi le buste de l'Impératrice, exécuté par lui d'après le marbre de Choubine, excelle par sa ressemblance, comme par sa technique. Un petit buste de Sénèque, modelé par un inconnu, est bien finement exécuté.

Pour la décoration au pinceau l'hésitation qui se manifestait encore dans les motifs de l'époque de l'Impératrice Elisabeth fait bientôt place à la peinture bien décorative, propre aux arts céramiques. L'on ne voit plus de tableaux indépendants, comme on en faisait auparavant et comme on en reproduisait à la fabrique de tapisseries; même les paysages du service du Cabinet, encadrés dans des médaillons, forment une partie intégrante de l'ornementation. Les motifs dominants sont les arabesques et les fleurs; le paysage apparaît surtout sous forme de vues de villes, et quant aux figures, nos dessins en montrent les catégories principales, le genre, les allégories et les figures traitées décorativement. En dehors des objets destinés au marché la peinture de l'époque est sous tous les points de vue satisfaisante. L'imitation de l'antique apparaît dans les dessins de la deuxième moitié de l'époque; cette même influence est évidente dans le caractère de l'ornement du service des arabesques et de celui des yachts. Les fleurs et les guirlandes naturelles se voient parfois sur le fond d'or traditionnel. Très souvent on rencontre l'ornement compliqué, composé de différents éléments, de fleurs, de rubans, de lignes et de dessins géométriques. Les couronnes compactes, peintes en imitation de l'ornement sculptural, sont assez rares; certains genres d'ornements, comme celui du service de chasse, ne sont pas caractéristiques pour l'époque. Comme imitation de Sèvres, il faut mentionner les tasses décorées en relief au moyen d'or, de platine et d'émaux.

ÉPOQUE DE L'EMPEREUR PAUL I.

L'Empereur Paul était un amateur de la porcelaine. Comme adolescent en 1765 il avait été à la manufacture; dès son avènement il s'en occupa. Fier de sa fabrique il la faisait volontiers voir à ses hôtes étrangers et lui-même la visita une seconde fois en 1800. Au point de vue administratif la situation de la manufacture ne changea pas. Le prince Youssoupow en resta directeur général comme il l'était aussi pour les autres fabriques; Zakharow depuis 1793 dirigeait les travaux, mais comme la surveillance de la section de peinture lui prenait beaucoup de temps le conseiller d'état Fiegner, qui se trouvait à la tête de la verrerie, fut en 1797 chargé de la gestion administrative. Les diverses sections étaient gérées par leurs chefs respectifs: Rachette à la tête de la section de sculpture, Zakharow surveillant la peinture, Sergeïew les fours et les cassettes, Iwanow le laboratoire. Rachette, Zakharow et un comptable étaient les membres du comptoir de la fabrique et s'occupaient de l'administration.

L'organisation des travaux étant satisfaisante, l'administration travailla au développement des affaires et au bien-être des ouvriers, dont vers la fin du règne la fabrique occupait 202; on fonda pour eux entre autres en 1797 un hôpital et en 1800 un magasin de blé. Le gymnase fut réorganisé en 1799. Du point de vue commercial les résultats obtenus n'étaient cependant guère encourageants; les prix de revient des objets fabriqués pour la vente étaient toujours encore élevés. Un magasin fut ouvert en 1800 à St. Pétersbourg; en 1799 on envoya des objets à Moscou et cependant les stocks augmentaient et les dettes s'agrandissaient. En comparant la situation économique de la fabrique en 1792, début de l'administration du prince Youssoupow, à celle de la fin du règne, nous trouvons que le capital entier en bâtiments, produits et sommes courantes était évalué en 1792 à 188.139 roubles; en 1801 il était de 428.458 roubles, mais en même temps la fabrique avait pour 84.851 roubles de dettes. Pendant les huit années et demie de l'administration du prince Youssoupow le capital avait donc augmenté environ de 155.000 roubles, mais la fabrique avait reçu pendant ces années 135.000 roubles de subsides;

le bénéfice ne dépassait donc pas 20.000 roubles. En contrôlant attentivement les comptes, la situation économique se trouve encore moins florissante. La quantité de porcelaines non vendues avait énormement augmenté; en 1801 il y en avait pour 141.000 roubles, en 1797 seulement pour 86.500 r.; les subsides du gouvernement étaient donc entièrement convertis en produits non vendables et les sommes nécessaires au développement avaient dû être tirées d'autres sources en forme d'emprunts.

En 1799 une filiale de la manufacture fut ouverte à Gatchina, en achetant dans ce but aux successeurs d'un certain Fischer une petite fabrique de porcelaine, qui avait cessé de travailler. Le résultat de cet agrandissement fut sans importance. L'aménagement de cette fabrique exigea une dépense de 42.000 roubles; les salaires du personnel montaient à 4.500 roubles par an, la production ne dépassait pas 4.000 roubles de porcelaine de qualité inférieure.

A cette époque la fabrique de faïence sur la rive droite de la Néva, fondée sous Pierre I, abandonnée plus tard et transmise en 1800 à la gérence du prince Youssoupow, fut confiée à la surveillance de Zakharof. Une marbrerie, fondée en 1796, fut plus intimement liée à la fabrique de porcelaine. Elle était dirigée par Rachette, les travaux furent exécutés par le contre-maître Munster, le sculpteur Stolétow et huit élèves choisis parmi ceux du gymnase. En dehors de piédestaux et autres accessoires pour les objets en porcelaine, sous l'impulsion de Rachette la marbrerie exécute un certain nombre de travaux indépendants, qui furent offerts soit à la cour, soit envoyés à différentes personnes comme cadeaux. On pensa encore à fonder une section de mosaïque, mais cette idée fut abandonnée. Un tel élargissement du but et de l'activité de la manufacture impliquait la nécessité d'une réorganisation. Cette réorganisation, vu la mort subite de l'Empereur Paul, ne s'opéra que sous le règne suivant.

Sous le point de vue de la technique il n'y a pas de changement à noter. Pendant cette époque on continua à employer exclusivement l'argile de Gloukhow pour la composition de la pâte qui conservait son type proche de la porcelaine de Chine.

Dans la direction artistique un changement aurait pu survenir sous l'impulsion de l'Empereur. Mais c'était le prince Youssoupow qui avait accompagné le grand-duc pendant son voyage en Europe et c'était lui, le collectionneur passionné et connaisseur en matière d'art, qui avait initié le grand-duc à l'étude des œuvres d'art. Le goût du prince Youssoupow, qui était en même temps le goût de l'époque, décidait donc tout naturellement de la direction artistique de la manufacture et c'est l'influence grandissante de la découverte des antiquités gréco-romaines qui règne pendant cette époque. Néanmoins pour certains objets, comme pour certains services de table, la manière traditionnelle ne fut pas abandonnée, témoin l'assiette à bouquets de fleurs disséminés conservée au musée de la manufacture. Parmi les services les plus importants de cette époque il faut citer celui du prince Bezborodko, ainsi que les services commandés pour les grandes-duchesses Alexandrine et Marie Pavlowna. En 1798 le prince Youssoupow présenta à l'Empereur un service dont le surtout de table était composé d'un temple d'Apollon avec la statuette du dieu, de groupes allégoriques, représentant la fertilité, de groupes de nymphes et de vestales.

Vers la fin de 1800 la manufacture reçut la commande de cinq services, dont deux furent en partie exécutés, l'un pour huit personnes avec des vues d'Italie, l'autre pour vingt avec des bouquets de petites roses. Le service, dit du prince Youssoupow, au palais d'hiver est du même type que ce service pour huit personnes. Un déjeuner avec des vues de forteresses d'Italie se trouve au palais de Gatchina; un autre, d'une valeur de 1000 roubles, fut donné par l'Empereur à son favori, le comte Koutaïssow. Un service de table que l'Empereur avait commandé pour son usage personnel était orné de vues du palais Mikhaïlowsky. La plupart de ces services rappelaient à l'Empereur ses impressions d'Italie.

Les formes des services ne se distinguent guère de celles de l'époque précédente; le seul changement qui commence à se manifester est une évolution vers une certaine sécheresse; les lignes deviennent plus simples, plus droites, les surfaces plus régulièrement géométriques. Ceci s'observe

surtout en ce qui concerne les objets de moindre grandeur, les tasses, les théières, les pots au lait par exemple. Les tasses sous forme de „petits verres“ deviennent prépondérantes et reçoivent comme complément des théières et autres objets de forme également cylindrique. On exécute encore des tasses „à l'antique“ ainsi que des objets de forme cylindrique allongée. Les tabatières et quelques autres objets usités jusqu'alors disparaissent complètement, mais on continue à fabriquer des œufs de Pâques, des horloges, des encriers en porcelaine. Souvent ces objets se composaient de parties exécutées en matériaux différents: porcelaine, bronze, marbre etc.

Le grand encrier à obelisque reproduit dans le texte avait évidemment été exécuté à l'intention de l'Empereur. Un service de toilette pour l'Impératrice Marie Féodorowna, commandé en 1801, fut composé d'après la toilette que la reine Marie Antoinette offrit à Paris à la Comtesse du Nord. Ce service ne fut achevé que sous l'Empereur Alexandre I et se trouve au palais de Pavlowsk.

Les vases décoratifs de grandes dimensions s'exécutaient couramment. Les spécimens reproduits montrent le lien qui unit ces vases à ceux du règne précédent en ce qui concerne les formes, l'influence de l'antique est incontestable; l'exécution d'objets dans le goût chinois cependant continuait. La production des bisquits et autres figurines fut moins importante pendant ce règne; on n'en envoyait pas à la cour, à l'exception toutefois de ceux qui faisaient partie des surtouts de table.

La peinture sur porcelaine prit sous l'Empereur Paul un caractère purement ornemental. On recouvrait le fond parfois entièrement de couleur, de jaune, de pourpre, d'or et surtout de cobalt, en imitation de la pâte tendre de Sèvres, à laquelle la manufacture doit encore la teinte bleu-turquoise. Les fonds entièrement recouverts d'or étaient peut-être une réminiscence des temps d'Elisabeth, car en Europe ils ne furent en usage que plus tard.

L'ornement est un ornement floral ou en forme d'arabesques. L'ornement floral était moins compacte que pendant l'époque de l'Impératrice Catherine. Stylisé et unicolore, forme caractéristique du style Louis XVI et du premier empire, cet ornement se rapproche de l'arabesque. Les arabesques se composent ou d'éléments empruntés au règne végétal et fortement stylisés ou bien de dessins géométriques.

ÉPOQUE DE L'EMPEREUR ALEXANDRE I.

Le 30 septembre 1782 l'Impératrice Catherine écrivait à Grimm que le grand-duc Alexandre, qui n'avait pas encore cinq ans, avait voulu voir la manufacture et avait étonné tout le monde par son attention. Devenu empereur, Alexandre I contribua beaucoup au développement de la fabrique. L'époque de son règne se distingue par une grande unité de direction au point de vue administratif et artistique; un même personnage, D. A. Gouriew, se trouvant à la tête pendant tout le règne. Après l'avènement d'Alexandre I, le prince Youssoupow resta encore un an chef de la fabrique; mais il ne jouissait plus de l'influence qu'il avait eue sous l'Empereur Paul et ses rapports n'étaient plus adressés directement à l'Empereur. Déjà la première démarche du prince, concernant le remplacement de Fiegner, l'ancien directeur de la manufacture et de la verrerie, qui avait pris sa retraite, reçut une solution différente de ce qu'il avait proposé. Celle-ci entraîna un changement dans l'organisation administrative. Des inspecteurs furent placés à la tête des fabriques de porcelaine et de cristaux, et Morsotchnikow nommé inspecteur de la manufacture de porcelaine. Bientôt après, au mois de juin 1801, des changements plus sérieux furent projetés et l'on demanda au prince de remettre un rapport à ce sujet au secrétaire d'état Trochtchinsky. Le 21 septembre 1802 un oukaze de l'Empereur ordonna le transfert au ressort du Cabinet de la fabrique et de ses filiales ainsi que de la verrerie et de la fabrique de tapisseries. C'était là une conséquence du nouveau système politique qui mettait les institutions indépendantes jusque là sous la dépendance d'institutions supérieures.

Les inventaires dressés lors du transfert de la manufacture au ressort du Cabinet laissent voir la situation économique. L'actif de la fabrique était de 455.706 r., le passif de 98.619 roubles,

le capital net s'élevait donc à 357.087 roubles ou à 377.835 r. si l'on ajoute les 20.748 roubles qui formaient le capital de la fabrique de Gatchina. Le nombre des personnes occupées était de 250. Le transfert entraîna une réorganisation de la manufacture. Le conseiller privé actuel, plus tard comte Gouriew, qui fut nommé ultérieurement ministre des finances et des apanages, et qui alors était le gérant du Cabinet, était un homme versé dans les questions commerciales. Voyant que le stock des marchandises non vendues augmentait toujours, il obtint de l'Empereur l'autorisation d'en faire vendre une partie aux enchères. Il mit en même temps fin à l'existence de la fabrique de Gatchina, qui ne répondait pas à sa destination; les ouvriers et les matériaux rentrèrent à la manufacture principale. On prit des mesures identiques au sujet de la fabrique de faïence.

Les raisons qui entrâvaient le développement satisfaisant de la manufacture étaient d'après Gouriew les suivantes: l'absence de règlements, le manque de division du travail, la production d'objets ne répondant pas aux besoins du public. Pour préparer le terrain à des réformes Gouriew obtint de l'Empereur l'autorisation d'établir une nouvelle appréciation du stock, la remise de 78.000 roubles de dettes, un prêt de 20.000 roubles pour cinq ans pour la réparation des bâtiments, et l'abolition de la marbrerie et du gymnase.

Le nouveau règlement, élaboré par le professeur Hattenberger et soumis par Gouriew à l'approbation impériale, fut confirmé le 13 février 1804. L'auteur du projet s'était proposé de délimiter d'une part les fonctions administratives, de l'autre les compétences des chefs de la fabrication, et de rendre le directeur en chef aussi indépendant que possible du moins au point de vue des opérations commerciales. Le choix des contre-maîtres et des ouvriers, l'acquisition des matériaux, le choix des objets à exécuter pour la vente et la recherche des marchés étaient entièrement confiés au directeur; la nomination des employés supérieurs dépendait du Cabinet. L'exécution des objets destinés à la cour se faisait sur des ordres du Cabinet d'après des dessins soumis par le directeur. La fabrication était divisée en deux sections, gérées par deux inspecteurs, dont l'un surveillait les ateliers et les personnes chargées des matériaux, de la pâte, des cassettes, de la peinture au cobalt, des couvertes, des modèles, des fours, des moules, de la sculpture, des tours, du magasin de porcelaine blanche et de l'atelier de polissage. Le deuxième inspecteur gérait le laboratoire, l'atelier de peinture et les moufles. Un troisième inspecteur avait des fonctions purement administratives; il gérait la partie économique, surveillait le magasin des marchandises, la comptabilité, la trésorerie, les bâtiments, le comptoir, les matériaux, les livres, l'arrivée des ouvriers et était chargé des commandes, des achats et des contrats avec les fournisseurs.

Ce règlement était un peu trop détaillé et le troisième inspecteur rendait le poste de directeur superflu. La suite en fut que deux ans plus tard on abolit les charges de directeur et de l'un des inspecteurs, en diminuant en même temps le nombre des employés de l'administration.

Le 4 mars 1816 le statut réglant l'administration et la comptabilité de la manufacture éprouva de nouveaux changements: l'inspecteur de la fabrication fut chargé de la direction générale avec l'assistance d'un conseil, auquel prenait part le second inspecteur et les chefs des ateliers respectifs.

Pendant le règne de l'Empereur Alexandre I le personnel supérieur de l'administration et des sections techniques éprouva de grands changements comparativement aux deux règnes précédents. Morsotchnikow quitta la manufacture en 1803 et le professeur Hattenberger fut chargé de la gestion. N. N. Borodine est nommé inspecteur de la section administrative, et A. P. Zakharow inspecteur de la fabrication. En 1804, conformément aux nouveaux règlements, François Thibaut est nommé second inspecteur à la fabrication. Le personnel administratif comprend 22 personnes, la première section de la fabrication 61 personnes, tous des indigènes à l'exception du chimiste Stan. Le nombre des peintres dépasse 70. Hattenberger resta peu de temps à la fabrique jusqu'en 1806, l'inspecteur Thibaut jusqu'en 1805; leur départ motiva l'abolition de leurs charges par les règlements de 1806. Zakharow partit en 1811 et le titre d'inspecteur de la fabrication ne fut plus donné à personne. Toute la partie administrative se concentra donc

dans les mains de Borodine qui resta jusqu'en 1817; il fut remplacé par S. I. Komarow, jusque-là inspecteur de la verrerie, qui resta jusqu'en 1829 chef direct des deux manufactures. Browns et depuis 1824 Sloutchanowsky furent adjoints du directeur; leur rôle était purement administratif. Même Komarow n'avait aucune influence sur le côté artistique, comme l'exigeaient les statuts de 1804; Gouriew resta pendant toute la durée du règne le seul initiateur en tout ce qui concernait le développement matériel ou artistique. Il fit son possible pour améliorer la production et les procédés et pour diminuer les prix de revient. La porcelaine blanche exigeait des dépenses hors de proportion; Gouriew résolut d'y mettre fin, en invitant trois contre-maîtres de la fabrique royale de Berlin, dont un, Seiffert, préposé aux fours, se rendit utile en indiquant que les défauts de la cuisson provenaient principalement de la construction défectueuse des fours.

En même temps Gouriew tâcha d'attirer à la fabrique des gens de talent pour relever les travaux d'art. Le professeur-adjoint de l'académie des beaux-arts, Etienne Pimenow, un des meilleurs sculpteurs de l'époque, fut préposé à la section de sculpture. Comme il était difficile de trouver en Russie un artiste expert en peinture sur porcelaine, Gouriew s'adressa au peintre Adams de Paris, qui arriva à St. Pétersbourg le 1 novembre 1808. Il était destiné à devenir le chef de la section artistique et devait, tout en travaillant lui-même et en exécutant des projets et des modèles, enseigner son art aux ouvriers et aux élèves russes. N'ayant pas obtenu des résultats satisfaisants Gouriew résolut de chercher de nouveau en France. Ce furent le porcelainier Pierre Charles Landelle, le tourneur Ferdinand Davignon, le décorateur Denis Joseph Moreau et le peintre de batailles, genre, paysages, vues et monuments, Swebach ou Chwebach, dit Fontaines, qui arrivèrent à St. Pétersbourg en décembre 1815. Deux élèves russes furent attachés à chacun de ces maîtres.

Swebach fut nommé inspecteur de la fabrication, Adams resta chargé de l'exécution de peintures artistiques, avec deux élèves pour les initier à son art; le professeur Pimenow resta à la tête de l'atelier de sculpture, mais devait agir de commun accord avec Swebach. Seiffert, chargé des fours, devait se conformer aux méthodes de Landelle, si celles-ci étaient trouvées meilleures. En même temps Gouriew recommandait aux artistes russes de travailler en bonne intelligence avec ces maîtres français.

Landelle et Swebach quittèrent bientôt la fabrique, le premier en 1817, le second en 1820. Moreau et Davignon y restèrent plus longtemps; en 1825 ils allèrent en congé à Paris et revinrent ensuite.

Il est étonnant que Gouriew ait aboli le gymnase qui devait fournir les ouvriers techniques et artistiques nécessaires à la fabrique. On y instruisait 42 enfants d'ouvriers de la fabrique, et 48 enfants, envoyés par l'académie des beaux-arts, par la fabrique de tapisseries et par le département des apanages. Ces derniers y retournaient ensuite, et comme l'éducation de chaque élève revenait à plus de 80 roubles par an, Gouriew trouvait la dépense exagérée. Le gymnase fut remplacé par une école exclusivement destinée aux fils d'ouvriers de la fabrique.

Déjà en 1804 Gouriew avait reçu les sommes nécessaires pour la réparation des bâtiments. En 1805 fut effectuée la délimitation des terrains de la manufacture et de la fabrique de briques. La verrerie reçut en apanage des forêts qui devaient aussi fournir le combustible nécessaire à la manufacture de porcelaine.

La remise des dettes de la manufacture, l'examen et la réforme de la production et l'admission de spécialistes étrangers introduisirent une plus grande régularité dans les affaires de la fabrique. Tâchant d'agrandir la production Gouriew ne perdait pas de vue les travaux artistiques. La vente dans le magasin de St. Pétersbourg avait prouvé que le public réclamait surtout des objets artistiques, certainement parce qu'il pouvait acheter ailleurs à meilleur marché des objets de qualité inférieure. En 1805 des marchandises pour une valeur de 78.743 roubles étaient sortis des magasins de la fabrique; on en avait vendu pour 36.773 à des particuliers, tandis que les commandes officielles représentaient une somme de 41.970 roubles. On résolut de prendre des mesures pour augmenter encore la vente. On décida de diminuer le prix, de rechercher des marchés et d'écarter la concurrence étrangère. Un deuxième magasin fut ouvert au Gostinny Dwor; on organisa des

ventes aux enchères et l'on chargea des magasins privés de la vente d'objets en porcelaine. Déjà en 1806 on avait envoyé des marchandises à la foire de Nijni-Novgorod; en 1818 on en envoya à un marchand de Riga et enfin, en 1819, on chargea de la vente les vice-gouverneurs des provinces et d'autres personnages de confiance.

La mesure la plus importante fut la défense en 1806 d'importer de l'étranger de la vaisselle de qualité inférieure. Cette interdiction ne profita d'ailleurs pas à la manufacture Impériale: elle fit éclore un grand nombre de fabriques de porcelaine et de faïence en Russie. Les autres mesures n'eurent aussi pas le résultat voulu, et les stocks et les dettes de la manufacture continuèrent à augmenter.

Le contingent des employés et des ouvriers se recrutait principalement parmi les enfants du personnel, et un tiers seulement étaient des nouveau-venus de diverse provenance. Les employés recevaient des gages comparativement élevés; ainsi le comptable et son aide d'après les états de 1806 étaient payés 1.200 et 600 roubles au lieu de 600 et 375 r. Les contre-maîtres et les artistes étaient rétribués selon leur habileté, les simples ouvriers étaient payés à la pièce. Des gratifications étaient allouées au plus zélés. En payant les ouvriers à la pièce Gouriew espérait les tirer de l'état de pauvreté dans lequel ils se trouvaient. Ce système avait été introduit sous l'Impératrice Catherine, mais il n'était pas appliqué exclusivement, et certaines personnes recevaient des gages, ou bien encore simultanément des gages et tant pour cent sur les objets fabriqués. Ce mode de payement à cette époque servait de correctif comme moyen pour augmenter le gain des meilleurs ouvriers, les gages fixes ne pouvant être augmentés que peu à peu, et la valeur de l'argent diminuant en même temps d'année en année à la suite de l'état déplorable du système monétaire. La situation des ouvriers était encore relevée par la possibilité qu'ils avaient de bâtir des maisons à eux sur des lots de terrain de la manufacture qu'on mettait à leur disposition, d'y planter des jardins potagers et de jouir des pâturages. Pour la construction on leur avançait de l'argent, à d'autres on donnait des logements gratuits. De petites maisons en bois aux façades identiques furent construites à leur intention; ces habitations formèrent le noyau du village, qui entoure la manufacture. Dans la mesure du possible on était dès les premières années de la fondation de la fabrique venu en aide aux ouvriers dans leur vieillesse; Gouriew proposa même de former un capital réservé à des pensions de retraite et établit les premières bases de l'assistance accordée aux veuves et aux orphelins des ouvriers.

Aux élèves qui avaient achevé avec succès leurs études dans l'école de la manufacture et ne pouvaient être admis dans la fabrique on tâchait d'assurer un avenir en les plaçant comme cadets au corps des mines etc. Quant aux malades ils étaient soignés dans l'hôpital de la manufacture. Enfin l'administration s'était encore posé la tâche de procurer aux ouvriers les comestibles, dont ils avaient besoin, à bon marché.

Sous le rapport de la technique de grands progrès furent accomplis pendant cette époque. Différentes argiles furent mises à l'essai; mais ce fut cependant l'argile de Gloukhow qu'on continua à employer. Les essais, qu'on fit pour améliorer la composition de la pâte, donnèrent quelques résultats pour le bisquit, mais pendant tout le premier quart du XIX siècle la pâte ne différa guère par sa composition de celles des époques précédentes; on peut donc affirmer que les contre-maîtres étrangers n'ont pas exercé d'influence dans cette direction. La couverte changea par suite de l'introduction dans sa composition de craie française. La cuisson subit les plus grands changements. Seiffert avait indiqué que la construction des fours était tout-à-fait primitive et insuffisante; ces fours n'avaient qu'un seul étage, tandis que ceux que Seiffert avait vus à Berlin en avaient trois, ce qui permettait de cuire à la fois la porcelaine et le dégourdi et encore les cassettes. Dès 1806 on construisit un nouveau four, en 1810 un deuxième et en 1812 on entreprit la construction d'un troisième grand four et d'un bâtiment à deux étages pour l'abriter. Enfin en 1814 un quatrième four fut élevé. Les cassettes, que Seiffert trouvait également défectueuses, manquaient de solidité parce qu'on employait de mauvais matériaux. On dépensait par an plus de 10.000 roubles à cet effet et après la première cuisson les cassettes devenaient inutilisables; l'amélioration fut obtenue par l'emploi de matériaux plus choisis.

Parmi les modes de décoration, introduits pendant cette époque, il faut citer l'impression sur objets céramiques. C'est le colonel vicomte de Puibusque, prisonnier de guerre à Mohilew, qui proposa en 1814 de communiquer le secret de ce procédé. Gouriew fit venir Puibusque à St. Pétersbourg et fut entièrement satisfait de ses essais. Une section d'impression fut immédiatement établie à la manufacture et on ne s'arrêta pas à la dépense de 10.000 roubles dans l'espoir que le nouveau procédé couvrirait les frais. Cependant ce nouveau genre trouva peu d'amateurs et bientôt on abandonna ce procédé pour toujours.

En dehors des couleurs qu'on préparait au laboratoire, en 1816 et en 1821 on fit venir des couleurs de Paris et en 1823 de Berlin; le laboratoire fit des essais pour préparer des couleurs au chrome et on commença à ajouter du mercure à l'or employé pour la peinture.

En cherchant à l'étranger des spécialistes qui pouvaient relever les travaux d'art à la manufacture, Gouriew soulignait toujours qu'il lui fallait des personnes connaissant „le goût nouveau". Les artistes venus de Paris ne furent cependant pas les initiateurs d'un style nouveau à la manufacture; avant leur arrivée le style de l'époque régnait déjà dans la production de la fabrique. Dès 1806 le professeur Hattenberger avait exécuté pour la manufacture des dessins à l'aquarelle en s'inspirant des antiquités gréco-italiennes.

Depuis la deuxième moitié du XVIII siècle l'académie des beaux-arts à St. Pétersbourg exerçait une influence dans les questions de goût, et l'étude de l'antique formait la base de son crédo artistique. Les sculpteurs de la première moitié du XIX siècle furent donc tous des adhérents du classicisme. La manufacture Impériale avait commencé, dès l'époque de Catherine II, à se trouver en rapport avec l'académie. Le sculpteur Pimenow et d'autres membres de l'académie travaillèrent pendant le règne de l'empereur Alexandre à la manufacture, et tout naturellemet ils s'employèrent à introduire le style classique; les artistes français n'avaient donc qu'à suivre le régime établi.

Les évènements politiques en Russie et la personnalité de l'Empereur Alexandre I, surtout ses tendances mystiques n'étaient pas faites pour le poser au centre de l'activité de la manufacture, comme Napoléon servait de centre à la manufacture de Sèvres. Cette absence de tendances historiques était plutôt favorable à l'indépendance artistique de la fabrique. Malheureusement les obligations commerciales faisaient dévier l'attention de la tâche artistique: nous connaissons les mesures rigoureuses, prises par Gouriew pour s'emparer des marchés intérieurs; les produits de l'époque de qualité inférieure se vendaient en grande quantité et les collections privées possèdent plutôt de ceux-ci, d'après lesquels on ne peut se faire une idée juste de l'activité artistique de l'époque; on y voit souvent le mélange de motifs et de modèles différents. Les objets vraiment artistiques sont ceux qui s'exécutaient pour l'Empereur et pour la cour.

Les formes des antiquités helléniques ou italiques et même quelquefois des éléments égyptiens servaient de modèles pendant cette époque. L'album de Hattenberger, exécuté pour la manufacture, en fait preuve. L'exécution de ses formes étirées devait présenter des difficultés techniques et des objets parvenus jusqu'à nous prouvent en effet qu'on ne s'en tenait pas à l'exécution stricte de ses formes idéales; mais le caractère général des produits gardait toujours la forme classique comme fond avec une tendance vers la légèreté des lignes et l'ornement sculptural.

Les vases les plus caractéristiques et se rapprochant le plus des formes antiques sont larges du haut, la panse est ovoïde, le pied plus ou moins compliqué, les anses s'élèvent au dessus de l'ouverture et retombent sur le bord. La panse de ses vases étant, comparativement aux antiques, raccourcie et rétrécie, le pied est toujours plus haut pour conserver la légèreté de la forme. Les vases, où les anses sont remplacées par des figures de femmes, peuvent être considérés comme un développement de cette forme. Une autre forme, elle aussi parfois ornée de figures de femmes au lieu d'anses, peut être considérée comme développement du vase panathénaïque. Vers le milieu du règne apparaît une forme de vases beaucoup plus allongée. Certains vases cependant rappellent les types de l'époque précédente.

Les services, ainsi que les théières, tasses, pots au lait ou autre vaisselle de même nature, sont tous tributaires du style classique. Les tasses cylindriques se sont conservées longtemps, peut-être à cause de la surface, qui se prêtait si bien à la peinture.

Les figurines sculptées dont on ornait les vases, candélabres ou coupes sont toutes composées dans l'esprit classique, même lorsqu'elles représentent des types nationaux. Les fleurs ou guirlandes sculptées, si caractéristiques pour les époques précédentes, font presqu'absolument défaut.

Quant à la peinture, celle-ci ne pouvait se soumettre à l'esprit classique au même degré que les formes. La peinture polychrome suggéra la tendance, que nous avons déjà observée dans l'époque précédente, de couvrir les surfaces blanches de la porcelaine entièrement de couleur. La présence de fonds de couleur exigeait à son tour des couleurs voyantes pour les ornements, et l'or, couleur des plus éclatantes, est employé de préférence. L'ornement s'en tient largement aux motifs classiques. Vers la fin du règne apparaissent sur certaines assiettes des emblêmes guerriers composés avec lourdeur. Les guirlandes de fleurs ainsi que les fleurs ou bouquets isolés, souvenir des temps de Catherine, se voient encore, mais rarement. Parfois la décoration d'un objet est purement ornemental. Dans l'album de Hattenberger les paysages et le genre font absolument défaut. Heureusement ces motifs décoratifs ne manquent pas sur les produits de l'époque. Les paysages, le genre, les types nationaux et de l'armée et le portrait se rencontrent souvent. La reproduction de tableaux commence à se développer; dans certains objets comme les vases peints par Adam et par Swebach et certaines assiettes, la copie d'un tableau ou dessin est l'essentiel, la forme et le matériel céramique plutôt accidentel.

ÉPOQUE DE L'EMPEREUR NICOLAS I.

En mémoire de l'empereur Alexandre I la manufacture impériale exécuta un vase, orné du portrait de l'empereur et terminé en 1828, qui par ses dimensions se distinguait de tout ce qui jusqu'alors avait été exécuté dans ce genre en Europe.

L'année de la mort de l'empereur Alexandre fut l'année de la mort du comte Gouriew. Le changement dans la direction survenait en même temps que le changement du règne et devait entraîner des réformes à la manufacture, surtout dans le personnel, d'autant plus que beaucoup des membres de ce dernier étaient déjà très âgés.

Le prince Wolkonsky, nommé en 1827 chef du nouveau ministère de la Cour et du Cabinet, voyant qu'il lui était impossible de s'occuper des fabriques impériales dans la même mesure que Gouriew, résolut de créer un organe spécial pour l'administration de toutes les manufactures impériales. Le 23 novembre 1832 il soumit un rapport à l'empereur, dans lequel il déclarait que depuis 1817, date de la réunion des fabriques sous un même directeur, les obligations de ce dernier n'avaient jamais été précisées, ce qui avait eu pour suite des désordres sérieux dans l'administration. Le prince proposa donc de confier l'administration générale des trois fabriques de porcelaine, de verrerie et de glaces à un membre du Cabinet, en le munissant d'instructions spéciales, de nommer des directeurs pour chacune des fabriques, enfin d'élaborer de nouveaux règlements. Ce rapport fut confirmé le 27 novembre.

Les instructions élaborées à la suite assignèrent à la personne placée à la tête de l'administration des manufactures un rôle essentiellement bureaucratique. Auprès de lui en même temps fut institué un comité qui devait examiner tout ce qui avait trait à un meilleur aménagement des fabriques et au perfectionnement des produits. Les directeurs des fabriques, le chimiste du Cabinet et le chef de la section économique du Cabinet étaient membres permanents de ce comité. Leurs décisions unanimes devaient être mises en exécution; seulement en cas de divergence d'opinions le vice-président du Cabinet ou le ministre avaient à décider.

D'après les règlements et les états confirmés le 2 janvier 1835 le personnel administratif de la manufacture de porcelaine en dehors du directeur comprenait 50 personnes, le personnel de

la fabrication—197 contre-maîtres et ouvriers. Le 15 août 1835 fut confirmé le „règlement concernant la fabrication à la manufacture impériale." Le 19 février 1840 les états du 2 janvier 1835 furent remplacés par de nouveaux états, apportant quelques changements, du reste de peu d'importance.

La question des sources, d'où devaient provenir les fonds nécessaires aux opérations de la manufacture, n'avait été traitée ni en 1832, ni en 1835. Comme auparavant ces fonds provenaient: 1) des 15.000 roubles de subsides, fixés par l'impératrice Catherine en 1765, 2) des sommes payées par le Cabinet pour les objets commandés, 3) des bénéfices de commandes des particuliers et de la vente et 4) des redevances que la manufacture percevait pour la location de ses terrains. La manufacture ne disposait donc pas de fonds de roulement. Les subsides de 15.000 roubles ne formaient après 1840 que 4.285 roubles argent, par suite de la conversion des assignats; la fabrique était souvent obligée de faire des emprunts. En 1846 le Cabinet décida d'avancer à la manufacture chaque mois 6.000 roubles sur le compte des ouvrages à livrer. Ce nouveau système facilita le travail.

Vers la fin du règne de l'empereur Nicolas I des changements furent apportés à l'organisation de la manufacture par le ministre des apanages, chef du Cabinet, comte Perowsky. Dans le rapport, qu'il soumit en 1853 à l'Empereur, il examinait la situation de la manufacture en la comparant aux fabriques étrangères au point de vue des considérations commerciales. Il constatait encore une fois que la manufacture de porcelaine, ainsi que la verrerie, étaient hors d'état de couvrir les frais de production et, citant la manufacture de Sèvres à laquelle l'état allouait une subvention annuelle, concluait en affirmant que les manufactures qui produisent principalement des œuvres d'arts devraient être entretenues par l'état, afin de pouvoir servir de modèle aux autres fabriques du pays.

Il demandait donc d'allouer à la manufacture en plus de la subvention de 15.000 roubles assignats une somme non remboursable de 37.000 roubles argent par an. Quant à la production d'objets destinés à la vente, Perowsky voulut la régulariser par la fixation des prix qui devaient dépendre exclusivement de la valeur réelle des produits, et pour cette raison les frais occasionnés par la fabrication, qui était évalués à 82.000 roubles par an, devaient être remboursés au moyen de la vente soit à des particuliers soit à la cour impériale.

D'après le nouveau règlement qui entra en vigueur le 22 janvier 1853, le personnel de la manufacture était fixé à 59 employés administratifs et à 206 contre-maîtres, ouvriers etc. Quant aux appointements, le comte Perowsky augmenta surtout les gages du personnel technique et des artistes, tandis qu'en 1835 et en 1840 c'étaient plutôt les employés qui avaient été favorisés.

Par oukaze du 27 novembre 1832 le prince N. Gagarine fut nommé administrateur des manufactures impériales. Comme bientôt après il fut nommé vice-président du Cabinet, le comité des manufactures, dont il était en même temps le président et le chef, devait perdre toute ombre d'indépendance. En même temps que le prince Gagarine fut nommé administrateur, le poste de directeur de la manufacture de porcelaine fut confié à l'ingénieur militaire Galiamine qui succéda au général-major Pensky, nommé à ce poste en 1829. Galiamine s'occupait lui même de peinture, était très énergique et rendit de grands services pendant les seize années qu'il dirigea la fabrique, surtout vers la fin quand il jouissait d'une certaine indépendance, personne n'ayant été nommé au poste d'administrateur des manufactures après la mort du prince Gagarine, advenue en 1842.

Galiamine, ayant dû se rendre à l'étranger à la suite d'un coup d'apoplexie et sa santé ne s'étant pas parfaitement rétablie, prit sa retraite en 1848. Le directeur de la verrerie, P. Yazykow, administra la manufacture de porcelaine pendant l'absence de Galiamine aidé par A. Ozersky, nommé le 17 janvier 1848 adjoint du directeur, enfin le 28 avril 1848 directeur de la manufacture de porcelaine. Ozersky ne resta en fonctions que jusqu'en 1853.

Le 25 août 1848 Yazykow fut nommé administrateur des manufactures impériales de porcelaine, de la verrerie, de la fabrique de glaces à Wibourg et de la fabrique de faïence de Kiew. Le 17 juillet 1849 il fut nommé membre du Cabinet; plus tard la manufacture de tapisseries et la section technique de l'établissement impérial des mosaïques lui furent confiées. De cette façon

l'administration de toutes les manufactures se concentrait en ses mains, mais il n'eut pas l'occasion de montrer beaucoup d'initiative: c'est le comte Perowsky qui fut la source de tous les changements survenus pendant cette époque.

Une petite brochure, publiée en 1844, lors du centenaire de la fondation de la manufacture, permet de se faire une idée de l'état dans lequel la fabrique se trouvait à cette époque.

Elle comprenait deux sections principales, la section de la fabrication et la section économique. La section de la fabrication comprenait les ateliers suivants: 1) la composition de la pâte, 2) les cassettes, 3) la fabrication des pièces en blanc, 4) la cuisson, 5) le laboratoire et 6) l'atelier de peinture.

L'atelier pour la composition de la pâte avait une machine pour le broyage des matériaux et un filtre-presse; un contre-maître, un élève et dix ouvriers étaient chargés de la besogne. Huit hommes et un aide fabriquaient les cassettes et les briques pour les fours. L'atelier de la fabrication en blanc, géré par un modeleur, comprenait 7 sections et 41 ouvriers. La cuisson s'opérait au moyen de trois fours et occupait un contre-maître, 25 ouvriers et un élève. Le laboratoire, qui renfermait les moufles, occupait un contre-maître pour la cuisson des objets peints, un aide, deux broyeurs de couleurs et cinq ouvriers. L'atelier de peinture comprenait quatre sections: 1) des paysages et de la perspective, 2) des figures, 3) des fleurs et 4) des ornements avec 94 artistes, peintres, apprentis etc. La section économique comprenait le comptoir, la police, l'hôpital et l'école. Le comptoir occupait un comptable, un aide-comptable, un trésorier, trois commissaires, trois aide-commissaires et huit scribes. La police était faite par un maître de la police. L'hôpital, qui avait dix lits, était desservi par un officier de santé et un médecin de la cour attaché à la fabrique. En tout 220 personnes formaient le personnel de la fabrique en 1844, dont 190 travaillaient à la fabrication et 30 étaient employés administratifs.

Dans le personnel de la fabrication au commencement du règne de l'empereur Nicolas I on rencontre encore les artistes et les maîtres de l'époque précédente, mais un renouvellement du personnel commença bientôt à s'opérer.

Davignon et Moreau furent enlevés à la fabrique par la mort. Davignon mourut le 29 octobre 1827, après avoir pendant les dernières années administré d'après un contrat, conclu avec lui en 1824, l'atelier des tourneurs, en exécutant en même temps des dessins pour vases, et en surveillant la cuisson, la fabrication des cassettes et l'atelier de sculpture.

Le sculpteur Woronikhine remplaça Davignon sous la direction de Moreau, qui le 1 janvier 1828 fut nommé inspecteur de la fabrication, et qui mourut deux ans plus tard le 5 avril 1830.

Le professeur Pimenow resta à la tête de l'atelier de sculpture seulement jusqu'en 1830. De même, une liste des contre-maîtres et des ouvriers qui n'étaient plus en état de travailler ayant été dressée, il y eut 17 des meilleurs ouvriers de l'époque précédente qui y furent marqués. Des contre-maîtres et des artistes — élèves de l'école de la fabrique les remplacèrent; ainsi la brochure de 1844 put affirmer que depuis vingt ans on n'avait plus eu besoin de recourir à des étrangers pour le travail à la manufacture. Exception fut faite ensuite pour un français, Darte, que Galiamine prit au service de la manufacture en 1844 et garda jusqu'en 1846 pour diriger la construction des fours et la cuisson.

Parmi les sculpteurs de l'époque de l'empereur Nicolas I il y eut Wakhrameïew, Kozlow, Klein, Stolétow, Leontiew, Morozow, Chichiguine et Tytchaguine. Les tourneurs de cette époque étaient presque tous des élèves de Davignon. Woïnow et son fils furent chimistes au laboratoire, ensuite Kotchetow. L'académicien Kanounnikow géra l'atelier de peinture jusqu'à sa mort, qui survint en 1839; il fut remplacé par un ancien contre-maître de l'atelier, Ziouzine, qui resta jusqu'en 1845. Parmi les peintres les plus remarquables se trouvaient Mestcheriakow, Golow, Novikow, Nesterow, Ivanow, Lifantiew, Mironow, Kornilow et les frères Krassowsky.

Après le départ de Galiamine, lorsque l'influence du comte Perowsky prévalut, ce furent de nouveau des contre-maîtres étrangers qui furent appelés à la manufacture. Le contre-maître Pierre Adrien Jacques Dérivière de la manufacture de Sèvres fut engagé en 1854; on le chargea des

ateliers de façonnage et de cuisson, avec obligation d'enseigner aux élèves russes les procédés appliqués à Sèvres. On lui alloua 10.000 francs par an, plus le logement, les frais de voyage et une pension de 1.500 francs par an en cas de non-renouvellement du contrat. Dérivière arriva en 1854 et fut nommé „dirigeant de la fabrication de porcelaine en blanc.“ Malheureusement les résultats de son activité ne furent nullement satisfaisants, parce qu'il ne possédait pas les connaissances théoriques nécessaires pour travailler des matériaux auxquels il n'était pas habitué. Il quitta donc la fabrique en 1858.

Pour l'atelier de peinture qui passagérement fut confié en 1847 à un autre étranger, du nom de Helstroem, on engagea en 1853 les peintres français Boudet et Beaucé, dont le second exerça une grande influence, surtout pendant le règne de l'empereur Alexandre II.

Les documents ne permettent pas d'évaluer avec certitude le capital que la manufacture possédait au commencement du règne et de déterminer le mouvement des sommes et les résultats financiers des opérations. D'après les règlements de 1835 ce capital se composait: 1) des produits achevés ou inachevés, 2) des mécanismes et des instruments, 3) des bâtiments et 4) des sommes en espèces. Ce capital s'élevait à environ un million de roubles en assignats. Comme exemple des opérations annuelles, on peut citer celles de 1834: la production s'élève à 290.820 roubles assignats en objets peints et dorés; 222.661 roubles furent dépensés pour matériaux et salaires; la vente et la valeur des objets exécutés pour la cour atteignit 325.169 r. Le bénéfice des opérations de la fabrication était de 68.159 roubles, le rendement des terres appartenantes à la manufacture de 5.846 r., en tout — 74.005 r. assignats. Ces chiffres sont confirmés par les indications de la brochure de 1844: d'après celle-ci, la production annuelle se montait en moyenne pendant ce règne à 120.000 r. argent, dont 100.000 r. représentaient la valeur des objets destinés à la cour. La vente aux particuliers produisait 10.000 r. argent. Les frais de production (gages, salaires, matériaux) se montaient à 103.000 r. argent, les bénéfices étaient de 17.000 r. Il ne faut cependant pas oublier que l'évaluation des prix était plus ou moins arbitraire, que le combustible, qui doit être compté parmi les frais les plus onéreux de la production, était gratuit, que la main-d'oeuvre d'une grande partie des travailleurs, serfs de la manufacture, était comparativement bon marché et que la manufacture jouissait de subsides.

Il est à remarquer que la vente aux particuliers ne donnait pas de résultats très brillants. Une collection des produits de la manufacture devait leur faciliter le choix. Les directeurs étaient intéressés au développement de la vente, mais comme ils étaient responsables de la rentrée des sommes, ils devaient agir avec circonspection. Un grand nombre de personnes qui d'après le plan du comte Gouriew s'étaient chargées d'écouler les produits de la manufacture en étaient restées débiteurs, et l'on se vit forcé de liquider peu à peu ces affaires. Vers 1834 — 1835 on mit fin à la vente à la foire de Nijni-Novgorod; en 1837 le magasin de Moscou, et bientôt après celui, qui se trouvait au Gostinny Dwor à St. Pétersbourg, furent fermés, de même en 1856 le second magasin de St. Pétersbourg. Une des causes de cette nonréussite est indiquée par le compte-rendu de 1856 qui convient que les objets destinés à la vente étaient de qualité inférieure et souvent passés de mode. Si la vente des objets aux particuliers diminuait, il n'en était pas de même de l'activité de la manufacture pendant cette époque, activité qui n'a jamais été dépassée, car les commandes de la cour étaient extrêmement nombreuses. On exécuta pour la cour, les palais et les yachts impériaux des services et de la vaisselle, destinée à l'usage courant; mais c'est surtout le nombre des objets artistiques, qu'on présentait à l'empereur, qui était très grand, et qui, destinés à un maître exigeant et examinant tout en détail, étaient exécutés avec le plus grand soin et une attention minutieuse.

L'organisation du personnel de la fabrication et le genre de son existence ne différa pas essentiellement de la période précédente.

Le contingent de contre-maîtres et d'ouvriers était pris principalement parmi les serfs, attachés à la manufacture; les élèves de l'école, qui ne promettaient pas de devenir bien utiles, étaient placés ailleurs. Le régime pratiqué par l'administration de la manufacture pendant cette

époque était d'une rigidité presque militaire. En même temps on veillait au bien-être des ouvriers. Les salaires étaient assez élevés, en moyenne de 400 roubles argent par an.

Les ouvriers recevaient des prêts pour la construction de maisons, des terrains pour ces maisons, du bois; on élevait leurs enfants dans l'école de la manufacture et on les envoyait dans d'autres écoles moyennes ou supérieures. Le service médical fut amélioré, et la question des pensions aux invalides, aux veuves et aux orphelins réglée en 1830 par la fondation d'un capital spécial. Enfin on reconstruisit l'église.

Les traveaux en porcelaine ne furent pas l'unique préoccupation de la manufacture pendant cette époque. Plusieurs fois déjà on avait eu l'idée d'adjoindre à la manufacture de porcelaine d'autres fabriques d'un caractère similaire. Sous l'empereur Nicolas on exécutait dans l'atelier de peinture des vitraux. En 1840 on établit un atelier de bronzes, destinés, conformément à la mode du temps, à la décoration des vases, des candélabres et d'autres objets en porcelaine. En 1833 Galiamine fonda un atelier de poterie qui fut transformé en 1837 en section de poterie et de faïence de la manufacture de porcelaine. Cet atelier fut cependant fermé en 1841.

La technique de la fabrication continua à se développer.

Vers 1836 on commença à employer à la manufacture de l'argile de Limoges qu'on ajoutait à la pâte, destinée à la fabrication d'objets de moindre grandeur, c'est à dire, principalement des services. Cette innovation s'explique par le désir de communiquer aux objets fabriqués la teinte de la porcelaine française et par le fait que l'argile de Gloukhow revenait très cher. En 1844 5 on fit venir de l'argile anglaise, mais celle-ci ne fut pas approuvée.

Le broyage des matériaux se faisait principalement à l'aide d'une machine, mue par des chevaux. Bientôt après sa nomination Galiamine avait eu l'idée de faire construire une machine à vapeur, mais ce ne fut qu'en 1853 que la somme nécessaire, 50.000 roubles, fut avancée par le Cabinet. En même temps il fut décidé de réorganiser la fabrication autant qu'on y employait des machines et le contre-maître Derivière, qui antérieurement avait travaillé à la manufacture de Sèvres, fut chargé de cette tâche. Derivière n'était qu'un praticien; il dut donc se borner à indiquer comme modèles les dessins qui se trouvaient dans le célèbre „Traité des arts céramiques" de Brongniart, et les travaux, commencés sans plan, subirent des changements continuels et ne furent achevés que sous le règne de l'empereur Alexandre II.

En 1834 on introduisit dans la fabrication des porcelaines blanches le coulage, dont l'emploi ne se généralisa cependant pas. La cuisson se faisait dans des fours à trois étages, du type employé à Berlin, qui avaient été construits sous le règne de l'empereur Alexandre I par Seyffert. La température allait jusqu'à 160° dans l'étage inférieur, jusqu'à 100° dans l'étage moyen et jusqu'à 60° dans l'étage supérieur (d'après le pyromètre de Wedgwood). On chauffait pendant 16 à 26 heures au bois de pin. Après la cuisson on laissait le four se refroidir pendant deux jours. Grâce à l'expérience acquise, cette opération était conduite avec tant de succès que le bris des vases de grandes dimensions était beaucoup plus rare qu'auparavant.

La peinture arriva à un haut degré de perfection; le procédé généralement employé était le pointillé, mais certains peintres, surtout Nésterow, avaient recours à des procédés plus artistiques et réunissaient le pointillé à la peinture au trait. Les procédés mécaniques de peinture n'étaient pas en vogue; on refusa toutes les offres d'inventeurs, qui proposaient quelque moyen à ce sujet. L'or jouait un si grand rôle dans la décoration de la porcelaine que le perfectionnement des procédés de dorure était considéré comme très important. Un procédé qui donnait 15% d'économie fut introduit en 1834, un autre en 1853, et les objets produits pendant cette période montrent en effet que les procédés de dorure étaient excellents. La platine aussi était employée. Comme nouveau procédé de fabrication fut introduit la production de lithophanies.

Vers la même époque le directeur Galiamine installa une salle de modèles, où il réunissait tout ce qui se rapportait à la production de la porcelaine: modèles de machines, d'instruments, de fours, matériaux etc.

Approchant du centenaire de sa fondation la manufacture se décida à soumettre ses produits au jugement du public en prenant part à la première exposition russe de 1829. Un grand nombre d'objets de toute nature, en tout pour une somme de 38.768 roubles assignats, furent exposés. Des vases de grandes dimensions, ornés de peintures d'après des tableaux de maîtres, de peintures de fruits et de fleurs ou de portraits, furent surtout trouvés dignes d'attention. Les règlements de l'exposition ne permettaient pas aux établissements industriels du gouvernement de prendre part au concours, mais le jury se crut cependant obligé de porter à la connaissance du ministre des finances combien, à son avis, les produits de la manufacture impériale de porcelaine étaient excellents. La manufacture prit également part aux expositions de 1833, de 1839 et de 1849 à St. Pétersbourg, de 1843 et de 1853 à Moscou et de 1851 à Londres, où la fabrique et deux des contre-maîtres reçurent des médailles. Enhardi par l'attention dont les produits de la manufacture jouirent à ces expositions on conçut l'idée de fonder un musée permanent. Déjà en 1837 on avait rassemblé dans une des salles de la fabrique une collection de produits destinée principalement à faciliter le choix aux acheteurs. En 1838 on organisa une exposition à la fabrique, du 17 août au 1 septembre, en y vendant les objets exposés. Le succès fut tel que le Cabinet ordonna d'établir à la manufacture un musée de produits anciens et modernes de la fabrique. En 1844, lors du centenaire de la manufacture, on disposait déjà d'un nombre suffisant d'objets allant des débuts jusqu'au dernier temps; on y ajouta des produits de Meissen, Sèvres etc. Ce musée offrait, en dehors de son importance au point de vue historique, des modèles aux jeunes artistes, et si d'une part les traditions de la manufacture se trouvaient ainsi consolidées, d'autre part on admettait des influences nouvelles et modernes qui seules pouvaient tenir les industries d'art au niveau du goût de l'époque et leur ouvrir des horizons nouveaux.

Si pendant cette époque les ouvriers de la manufacture s'étaient complètement rendus maîtres de la technique de leur industrie, si les personnes qui dirigeaient la fabrique, recherchant constamment les perfectionnements dans le domaine de la technique moderne, aboutissaient à d'heureux résultats, le développement artistique était moins favorisé. L'industrie d'art et surtout la céramique subissaient alors précisément un temps d'arrêt dans tous les pays occidentaux. On prêtait toute l'attention à la technique; mais la technique ne saurait sauver de la décadence. On commençait à perdre de vue les liens qu'il y a entre la forme des objets d'art et leur décoration; les formes perdaient leur pureté, le style se gâtait; on se contentait de l'éclat superficiel; on concentrait toute l'attention sur la technique de la peinture; on se mettait à copier les tableaux des grands coloristes anciens et modernes. N'ayant pas de style défini on produisait des objets dans tous les styles et finissait par confondre les styles. La céramique cessait d'être une branche indépendante de l'art.

La porcelaine servait de matériel pour l'exécution de copies de tableaux célèbres; on l'alliait à d'autres matériaux et elle finit par jouer un rôle secondaire auprès des montures en bronze et par être même incrustée dans le bois des meubles. Quelques voix isolées s'élevaient bien contre ces errements, mais l'opinion générale les consacra, et le jury de l'exposition de Londres de 1851 décerna son premier prix à la manufacture de Sèvres pour des produits de ce genre. L'influence de cette manufacture se fait sentir partout en Europe et la manufacture impériale devait forcément la subir, combinée avec l'influence prépondérante de la cour impériale. Plus que dans toute autre époque la cour demandait des oeuvres d'art pour la décoration des palais, et le goût dominant—l'éclectisme, la peinture indépendante sur porcelaine et le goût du grandiose étaient, naturellement, approuvés. En copiant les tableaux de maîtres anciens, on évitait toute allusion à la situation politique; les tendances modernes, le réalisme et le goût national étaient souvent confondus avec l'action révolutionnaire, ce qui était une raison pour les désapprouver. Seul l'empereur Nicolas I, faisait triompher parfois le goût national, la plupart des projets de la manufacture étant préalablement soumis à son approbation.

Pour juger de la production artistique on peut consulter les projets, dessins, plans et modèles, qui se sont conservés à la bibliothèque de la manufacture en dehors des oeuvres qu'a

laissées cette époque. Tous ces matériaux prouvent que l'éclectisme et la prépondérance de la peinture caractérisent l'époque. L'éclectisme entraîne l'imitation de modèles très différents, et nous voyons en effet que la manufacture puise à toutes les sources anciennes ou modernes, et c'est souvent une idée du jour, quelque événement passager qui attire l'attention de l'artiste sur un sujet quelconque. Les romans de Walter Scott, les Mousquetaires de Dumas, les Huguenots de Meyerbeer, les Puritains de Bellini, les fables de Krylow, les recherches de la commission archéographique, l'arrivée des deux sphinx qu'on établit sur le quai de la Néva —tous ces thèmes servent immédiatement de sujets aux productions de la manufacture.

Les matériaux choisis passaient par les mains de dessinateurs; parmi les six ou sept artistes qui composèrent les dessins et les projets pendant cette époque deux étaient contre-maîtres à la manufacture: Doudine et Nowikow. Doudine n'exécuta que des projets de formes ou d'ornements; Nowikow lui est de beaucoup supérieur, tant par sa fécondité que par sa technique, mais tous les deux sont des éclectiques et Nowikow confond bien souvent les différents styles. Plus tard Boudet et Beaucé, que Perowsky avait fait venir en 1853, donnèrent en dehors de projets de formes, beaucoup de dessins pour le décor. Les guirlandes exécutées d'après les projets de Boudet sur des vases sont dignes d'attention, mais il n'était pas aussi heureux dans d'autres genres d'ornementation, ni dans ses projets de formes. Beaucé eut une influence sérieuse et durable, surtout pendant l'époque du règne de l'empereur Alexandre II. Ses compositions formées de figures dans le genre de Fragonard et de Boucher sont assez élégantes bien que peu originales. Parmi les artistes compositeurs de projets qui ne faisaient pas partie du personnel de la manufacture il faut citer le comte Th. Tolstoï et Solntzew. Le premier donna quelques projets de vases dans le style pseudo-classique, le second, expert en archéologie byzantine et russe du moyen-âge, exécuta des projets pour services.

L'influence de l'éclectisme fut surtout pernicieuse pour les formes. Leur extrême variété s'explique par cet éclectisme, par l'oubli des lois de la céramique et par l'irruption dans le domaine d'industries étrangères. Sous ce point de vue le dessin reproduisant l'ameublement d'un salon de poupée est très instructif.

Grâce à l'influence de Rachette, de Pimenow, de Davignon et d'autres, les contre-maîtres de la manufacture impériale avaient pu se rendre maîtres des éléments de légèreté, de pureté et d'élégance, qui auraient dû leur faciliter de créer des formes originales. Mais en leur imposant des styles étrangers à leur entendement on en faisait des exécuteurs serviles qui ne visaient qu'à reproduire servilement leurs modèles et à livrer des objets de régularité géométrique. Même ceci devenait impossible quand ils avaient affaire à des formes indécises et maniérées. Les dimensions grandioses de certains objets et le mélange de différents matériaux, qui exigent la collaboration d'un grand nombre d'ouvriers, leur faisaient perdre le sentiment d'ensemble et d'unité. Les formes commençaient à dégénérer, ce qui comme conséquence ultérieure entraîna la décadence de la production artistique à la manufacture.

Dans le nombre des formes variées de cette époque les services et les vases sont les deux groupes les plus importants. En 1826 on exécuta un service pour le couronnement, en 1837/8 un service d'après des dessins de Solntzew pour le Kremlin, et un autre du même genre pour le Shah de Perse; en 1841 on complète le service de Sèvres bleu de l'impératrice Catherine; en 1843 on fit un service à thé dans les formes de l'ancien saxe pour l'impératrice; en 1847 un service pour le pavillon de l'île de la Tzarine à Péterhof et en 1853/54 un service pour 250 personnes pour le palais de Péterhof d'après les premiers dessins de Beaucé.

Les formes des services sont très variées et rappellent souvent les époques précédentes; il est donc difficile de déterminer à quelle période du règne appartient telle ou telle forme. Les théières, tasses, cafetières, soupières et autres objets creux des premières années du règne montrent plutôt des lignes droites et un tronc comprimé et semblent étirés vers le haut.

Après les services les vases formaient la plus grande partie de la production de la manusous le règne de l'empereur Nicolas I. Il n'est pas difficile d'en dater la plupart:

souvent ils portent la date à côté du nom du peintre. Les formes varient pendant les différentes périodes du règne. L'imitation de formes antiques appartient plutôt au commencement du règne. Ensuite en dehors des formes chinoises ou japonaises on trouve trois catégories de vases: 1) vases dans le style rococo avec ornement sculptural, surtout avec des fleurs; les formes de ces vases sont très maniérées; ils sont rarement montés en bronze et rarement de dimensions très grandes; 2) vases sous forme de cratères ou de coupes, avec pied, culot, panse presque cylindrique, sans col ou avec col raccourci, avec anses basses (forme Médicis); 3) vases étirés à long col, panse plus ou moins renflée, les anses partant du haut de la panse (formes fuseau et bandeau); les vases de cette forme rappellent les vases panathénaïques et les urnes grecques.

Les panses des vases du deuxième et du troisième groupes sont généralement ornées de tableaux, souvent des deux côtés avec ornement intermédiaire; le col et le culot sont généralement décorés d'un ornement sculpté, qui prend souvent une très grande extension et couvre même la panse. Cet ornement est presque toujours doré: le vase du Kremlin est un des meilleurs exemples de ce genre.

Les anses sont souvent formées par des figures et ne s'élèvent pas au-dessus de l'ouverture. Presque toujours ces vases sont richement décorés de bronzes.

Certains vases forment des types intermédiaires ou indépendants: parmi ceux-ci un vase, qui se trouve au musée de la manufacture, rappelle les vases métalliques des kourganes (sépultures de l'époque de la migration en Russie). L'impression qui se dégage de l'examen de toutes ces formes et de leur ornementation est la tendance vers le grandiose et le luxueux.

En dehors de ces deux catégories principales il y a encore les suivantes.

1. Les services de toilette; on connait les dates d'un certain nombre de ceux-ci. En 1846 on exécuta une table de toilette pour l'impératrice et une toilette pour la reine des Pays-Bas; en 1847 une garniture pour lavabo et trois lavabos pour l'impératrice.

2. Des cadres pour glaces et des consoles; ces objets sont principalement exécutés d'après des projets de Novikow dans le style rocaille ou Louis XVI et atteignaient parfois des dimensions remarquables.

3. Des cheminées qui furent exécutées assez souvent pendant la seconde moitié du règne d'après les dessins de Novikow dans le style rocaille, plus rarement dans le style Louis XVI.

4. Des horloges en porcelaine, souvent en forme de cartel, dans le style rocaille avec des fleurs; un cartel qui se trouve au musée de la manufacture est orné de figures allégoriques.

5. Des tables en porcelaine, généralement rondes et de dimensions moyennes.

6. Des candélabres, consoles, lustres, chandeliers. Les candélabres, consoles et chandeliers de petites dimensions sont souvent du style rococo. Le corps des lustres et des grands candélabres était généralement formé par un vase de style chinois, japonais ou autre, ornés de bronze dans les styles du XVIII siècle ou de l'époque du premier empire.

7. Des tabourets.

8. Des jardinières et cache-pots.

Enfin il y a les groupes, statuettes et figurines, formant le pied des coupes à fruits ou adaptés à des vases: ce sont des biscuits de grande dimension, blancs ou dorés, généralement représentant des sujets allégoriques ou mythologiques et exécutés dans le goût académique.

A côté de ceux-ci il y a les statuettes, groupes et poupées, généralement en porcelaine peinte sur glaçure moins souvent en biscuit, souvent de très petites dimensions, destinés aux vitrines et tables de bibelots. Les sujets en sont tantôt les héros de la littérature occidentale, exécutés d'après des modèles étrangers, tantôt des poupées du genre vieux-saxe, des types de soldats russes, auxquels l'empereur s'intéressait, enfin des figurines reproduisant la vie du peuple ou tirés des fables russes.

Pour les objets appartenant à ce deuxième groupe l'influence académique est presque nulle; l'exécution en est moins satisfaisante que l'exécution des figurines du même genre au temps de l'impératrice Catherine II.

Une spécialité de la manufacture impériale sont les fleurs en porcelaine. L'exécution en est admirable au point de vue technique, le secret de la composition de leur pâte fut perdu avec la mort de son auteur, le contre-maître Ivanow.

Si la décadence de la céramique se prononçait dans les formes, la peinture n'eut pas tant à en souffrir: au contraire elle assuma pendant cette période un rôle qui ne lui revenait pas, car ayant essentiellement affaire à des formes, la céramique appartient plutôt au domaine de la sculpture. L'ornement, et par conséquent aussi la peinture devraient y être subordonnés à la forme, et la perfection de la peinture ne prouve pas encore la perfection de l'objet comme oeuvre céramique, de même que la perfection des sculptures en marbre de la marbrerie de Catherine II ou des montures en bronze de l'atelier de bronze de Nicolas I ne peut être décisive pour l'appréciation du mérite artistique des porcelaines de ces époques. Pour une manufacture qui se soumettrait entièrement aux exigences de ces industries, leur influence deviendrait pernicieuse. Il en est de même pour la peinture de tableaux sur porcelaine, dès qu'elle sort de son rôle comme élément secondaire céramique, de son rôle d'ornement.

Comme partout en Europe on observe à la manufacture impériale pendant la période en question un grand engouement pour la peinture indépendante sur porcelaine. Cette peinture ne se distingue de toute autre que par quelques manipulations techniques et par la composition de ses couleurs, auxquelles le feu donne l'éclat nécessaire. Les qualités spéciales des peintures sur porcelaine donnent un grand attrait à cet art si difficile au point de vue technique; mais comme aucun des peintres, qui s'en est occupé pendant la période où l'on s'y intéressait le plus, ne nous a laissé des créations originales, cette branche ne peut prétendre à un rôle indépendant dans l'art. Les peintres sur porcelaine de cette époque ne donnaient que des copies, c'étaient des artistes si l'on veut, mais seulement au point de vue de leurs facultés techniques. Les maîtres de la manufacture impériale, les Golow, Mestchériakow, Mironow, Nésterow, Ivanow, Kornilow, Ameltchenkow, Ielachewsky, Th. Krassowsky et d'autres sont peut-être même supérieurs à beaucoup de peintres dont les manufactures étrangères disposaient; il est peut-être même regrettable, que des artistes de ce mérite n'aient pu aborder le terrain des créations originales et que le succès avec lequel ils exécutaient leurs copies ait induit leurs directeurs à élargir de plus en plus la production de ces copies sur plaques de porcelaine, en cherchant des sujets au musée de l'Ermitage, dans les palais et ailleurs.

Le développement excessif du rôle de la peinture fut un des éléments de la décadence de l'art céramique et on ne peut l'excuser que par la tendance générale de l'époque. Les résultats obtenus — en ignorant les suites désastreuses—font une des gloires de la manufacture impériale: les tableaux peints à la manufacture sur porcelaine atteignaient des dimensions supérieures à ce qui avait pu être obtenu jusque là ailleurs.

Les mêmes tableaux servaient à décorer des vases, surtout les plus précieux d'entre eux; ensuite on y trouve aussi, de même que sur des assiettes, des portraits. Les oeufs de Pâques sont ornés de figures de saints en miniature. Enfin les figures tirées de tableaux connus servaient de motifs à la décoration. Vers la fin du règne le genre d'après des dessins de Beaucé servit à décorer les porcelaines; les types militaires furent reproduits à plusieurs reprises: on en exécutait sur des assiettes, sur des tasses et sur des carrés de porcelaine.

Les paysages, lorsqu'ils représentent des vues ou des édifices du pays, furent généralement exécutés d'après nature. Les fleurs, qu'on trouve fréquemment, étaient également exécutées d'après nature. La peinture ornementale imite l'ornement sculptural doré.

Les fonds en or et le fond bleu qui se rapproche du bleu de Sèvres, sont très fréquents. Le fond blanc avec ornement en or est rare, l'azur, le cobalt, le bleu éclatant ou mat ou le vert sont plus fréquents.

Le caractère des ornements ne dépend pas toujours du style des formes employées ou du tableau copié. Il n'est pas toujours harmonieux et souvent lourd. Le style pompéien y alterne avec des ornements qui s'inspirent des loges de Raphaël. Le rococo, le style de Sèvres des

temps de la marquise de Pompadour, les arabesques, les filets, qui recouvrent la surface entière, et souvent les fleurs plus ou moins stylisées servent à composer l'ornement. Un des plus intéressants spécimens est l'ornement du service du Kremlin composé par le professeur Solntzew d'après un plat en argent, ayant appartenu à la tzarine Natalie Kirilowna, seconde épouse du tzar Alexis.

ÉPOQUE DE L'EMPEREUR ALEXANDRE II.

A la suite des évènements politiques, qui se déroulèrent pendant les deux dernières années du règne de l'empereur Nicolas I, ainsi qu'à cause de la maladie du gérant des fabriques, Yazykow, et de la vacance du poste de directeur, les affaires de la manufacture subirent un temps d'arrêt.

Le comte Pérowsky qui venait de tracer, dans les états du personnel et des dépenses, rédigés en 1853, son plan en vue du développement de la manufacture, chercha en premier lieu à trouver un personnage apte à remplir les fonctions de directeur.

Le 24 novembre 1854 le comte Stenbock, fonctionnaire pour missions spéciales au département des apanages, fut chargé de la révision des fabriques impériales, afin de lui permettre de prendre connaissance des affaires; il fut autorisé à occuper l'appartement du directeur de la manufacture de porcelaine et à prendre les dispositions qu'éxigeait la gérance de la manufacture.

Après le décès de l'empereur Nicolas le personnel de l'administration fut renouvelé en très peu de temps. Le 10 avril 1855 A. Siwkow, ancien professeur à l'institut des ingénieurs des voies de communication, fut nommé directeur de la manufacture et le 14 août de la même année le comte Stenbock — administrateur de la manufacture de porcelaine, de la verrerie, de la fabrique de tapisseries, des fabriques de glaces à Wibourg et de faïence à Kiew.

Pérowsky, Stenbock et Siwkow étaient également animés du désir de collaborer à l'oeuvre du développement de la manufacture. Le premier chercha à améliorer le personnel; les deux autres s'occupèrent de l'amélioration de la partie technique, des édifices, des terres etc. Mais vers la fin de l'année 1856 le comte Pérowsky mourut; l'année suivante le comte Stenbock fut nommé adjoint du président du département des apanages et Siwkow d'abord administrateur temporaire, ensuite administrateur à la place du comte Stenbock. On soumit à sa direction en même temps la fabrique de papiers peints de Tsarskoé-Sélo, les carrières de marbre à Tiwdia et à Rousskol et la fabrique de mosaïques.

Nommé en 1859 membre du Cabinet, doué de beaucoup d'énergie et possédant des connaissances étendues en matière technique, Siwkow avait une idée bien arrêtée sur le but que la manufacture de porcelaine avait à se poser. Il voyait ce but dans le développement de la fabrication de la porcelaine en Russie au point de vue technique et artistique. Lui-même et d'autres personnes attachées à la manufacture firent des voyages d'étude pour visiter les principales fabriques européennes, des spécialistes étrangers furent invités, et si les projets de Siwkow ne purent se réaliser entièrement, la cause en était essentiellement l'état des finances de l'empire, qui ne permettait pas de trop grandes dépenses pour une fabrique plus ou moins de luxe. Sous beaucoup de points de vue Siwkow atteignit des résultats satisfaisants; au point de vue artistique il maintint la manufacture plus ou moins au niveau où elle se trouvait au temps de ses prédécesseurs.

En 1870 Siwkow quitta le service; le poste d'administrateur des fabriques impériales fut en même temps aboli et les fonctions qui incombaient à ce personnage furent transmises d'abord à Kamenew, ensuite en 1878 à Ostrowsky, tous deux membres du Cabinet de Sa Majesté. En même temps la plupart des fabriques impériales avaient été supprimées et le Cabinet renonçait à développer les affaires des manufactures existantes; le sort de ces dernières dépendait donc exclusivement de l'énergie et de l'activité de leurs directeurs.

Au moment, où Siwkow devenait administrateur, la direction de la manufacture de porcelaine avait été confiée au conseiller d'état P. Forostowsky, qui fut remplacé en 1862 par

W. Rennenkampf; celui-ci se rendit très utile à Siwkow dans l'administration de la manufacture par son activité et par la popularité, dont il jouissait. En 1872 Rennenkampf fut remplacé par A. Soumarokow.

Ce dernier, qui était militaire, établit un régime sévère et formaliste. L'état d'esprit, dans lequel se trouvaient les ouvriers de la fabrique après l'affranchissement, réclamait peut-être ces rigueurs, mais après le régime de douceur de Rennenkampf Soumarokow se rendit très impopulaire, quoiqu'il prenait à coeur le bien-être de ses ouvriers. S'immiscant en même temps dans les questions purement artistiques (auxquelles il s'entendait peu) et faisant de cette façon naître des conflits, Soumarokow dut en 1879 prendre sa retraite et fut après un régime temporaire de peu de durée remplacé par le conseiller d'état D. Gouriew.

Ce dernier n'était pas moins exigeant que son prédécesseur, mais il se montra très actif et énergique, ce qui lui valut le succès dans la poursuite de ses plans.

Au point de vue administratif il y eut deux périodes dans l'histoire de la manufacture pendant cette époque; jusqu'en 1870 en dehors du directeur il y avait l'administrateur de toutes les fabriques impériales; après 1870 les fonctions d'administrateur sont supprimées. Cependant les états de 1853, qui n'avaient été mis en vigueur que pour une durée de trois ans, ne furent pas changés. Comme auparavant, on tâchait de maintenir en bon état les bâtiments de la manufacture, autant que le permettait la pénurie des moyens: comme le bâtiment principal se trouvait dans un état qui exigeait une reconstruction capitale, Siwkow proposa d'ériger de nouveaux bâtiments pour la manufacture, mais il lui fallait 200.000 roubles pour exécuter ce plan.

En 1867 une commission fut formée pour examiner la question; en premier lieu on étudia les plans des grandes fabriques de porcelaine à l'étranger. Le directeur Rennenkampf, l'architecte Krakau et Siwkow lui-même se rendirent à l'étranger et rapportèrent les plans ainsi que des projets pour le nouvel édifice. Après en avoir pris connaissance la commission adhéra à l'idée de Siwkow de construire un nouveau bâtiment; néanmoins cette proposition ne fut pas mise en exécution: les bâtiments de la manufacture se trouvèrent à la fin de cette période dans un état de délabrement excessif.

Les terrains, qui formaient la propriété de la manufacture, furent diminués par la vente d'un emplacement au bord de la Néva et l'aliénation d'un autre au profit du chemin de fer Nicolas, ensuite la manufacture de porcelaine, ainsi bue la verrerie furent privées des forêts, qui leur appartenaient.

La situation financière de la manufacture était déterminée par les états de 1853. La somme des dépenses, prévues par les états—37.000 roubles—qui ne devait pas être remboursée, resta la même pendant toute cette période. Les fonds de roulement furent augmentés de 82.000 à 91.475 roubles et on forma un capital de roulement spécial de 120.000 roubles. La fabrique possédait encore un capital de réserve de 8.000 roubles et continua à recevoir comme toujours les 4.285 roubles de subsides. Elle fut cependant plus d'une fois forcée d'emprunter des sommes au Cabinet, principalement pour des constructions.

La vente des produits de la manufacture aux particuliers diminua de plus en plus. Les commandes faites pour les palais des grands-ducs et pour divers établissements de la couronne diminuèrent sensiblement et cessèrent presqu'entièrement vers la fin du règne. En 1864 la somme, pour laquelle la manufacture était autorisée d'offrir de ses produits à l'empereur, fut limitée à 60.000 roubles par an. En ajoutant à cette somme ce que la vente aux particuliers et les commandes du comptoir de la cour pouvaient produire, la somme des ventes n'allait pas au-delà de 73 à 75.000 roubles; comme on produisait pour 100.000 roubles par an de porcelaine, il y avait donc annuellement pour 25.000 roubles de marchandises, qui s'accumulaient dans les magasins de la fabrique. Pour cette raison après 1870 on commença à enrayer la production et à diminuer le nombre des ouvriers. La suite fut qu'on se trouva plus tard dans la nécessité d'acheter de la porcelaine blanche pour pouvoir répondre aux commandes du comptoir de la cour. La décadence de la manufacture impériale devenait manifeste.

Le personnel technique de la manufacture était plus nombreux et plus satisfaisant au commencement de cette période que vers la fin.

Dérivière fut congédié, parce que le bris de la porcelaine blanche, à la cuisson de laquelle il était préposé, était devenu cinq fois plus grand, qu'avant son arrivée. Depuis lors des ingénieurs, ayant reçu leur éducation à l'institut technologique de St. Pétersbourg, furent préposés à l'atelier de cuisson.

Pour la fabrication en blanc on engagea des tourneurs étrangers; ceux-ci ne restèrent cependant pas longtemps à la manufacture. Le laboratoire, où l'on fabriquait les couleurs pour la porcelaine et où l'on procédait à la cuisson des porcelaines peintes, était dirigé par un chimiste. Parmi les sculpteurs il faut citer en première ligne A. Spiess, dont l'influence fut décisive pour les oeuvres sculpturales de la manufacture pendant toute cette période. Parmi les peintres nous connaissons déjà Beaucé et Boudet et le contre-maître supérieur Helstroem, que nous avons vu à l'oeuvre pendant l'époque précédente. Boudet, dont le meilleur élève fut K. Krassowsky, quitta la fabrique en 1859. Beaucé, homme très consciencieux, était en même temps un artiste de mérite; envoyé en 1859 à l'étranger, il se fit accompagner par deux de ses meilleurs élèves, Wassiliew et Kornilow. Après son retour il fut encore plus zélé, tant en sa qualité de précepteur, que comme auteur de projets d'ornements. Après 15 ans de service il quitta la Russie, bien contre le gré du directeur Rennenkampf, et ne fut pas remplacé.

En 1855 le comte Pérowsky avait engagé le peintre sur porcelaine Lippold de Dresde, expert pour la technique de son art et copiste de premier ordre. Son devoir était d'enseigner son art aux élèves russes, de surveiller les ouvrages, de travailler lui-même aux œuvres les plus importantes et de fournir des projets. Ayant quitté la Russie en 1859 il fut repris à la manufacture en 1861.

Après le départ de Beaucé l'incapacité de Lippold de fournir des compositions originales et de diriger la section artistique devint évidente. Cette section ayant été confiée à Schauffelberger, ancien élève de l'académie des beaux-arts de St. Pétersbourg, qui depuis 1868 était contre-maître principal de la manufacture, les mauvais rapports, qui se formèrent entre Lippold, qui tâchait d'élargir ses compétences, et les autres employés de la manufacture, furent une des causes de la décadence artistique de la manufacture pendant cette époque.

Les peintres de cette période appartiennent à trois formations successives. La première catégorie est formée par ceux, qui avaient reçu leur éducation pendant l'époque précédente; la deuxième comprend les peintres, qui se formèrent vers la fin de la cinquième et le commencement de la sixième décade et, qui se trouvèrent sous l'influence de la période précédente, mais en même temps de la technique de Lippold et des travaux de Boudet et de Beaucé. La troisième catégorie comprend les peintres de la septième décade; ceux-ci avaient appris le dessin dans les écoles de la manufacture et la peinture sur porcelaine leur avait été enseignée par Lippold, Krassowsky et Mironow.

Les principaux peintres de la première catégorie furent: Krioukow (figures), Tytchaguine (figures), Doudine (genre japonais), et enfin Nésterow, le meilleur d'entre eux; de la seconde catégorie: les deux Krassowsky (fleurs), Kornilow et Wassiliew (peinture historique), Mironow, Kirsanow (amours et études de femmes), Sémionow (paysages), Spiridonow (fleurs), G. Midine et Kholchewnikow (figures); de la troisième catégorie: N. Krassowsky (figures et paysages), Lapchine, A. Midine, Morosow, G. Pichtchouline (fleurs) et Th. Taratchkow (peinture historique).

Plusieurs autres peintres s'occupaient de la peinture ornementale: Spiridonow, Kozyrew, G. Taratchkow, Téliatnikow, Daladouguine et N. Pichtchouline.

Les dépenses, occasionnées par le personnel, diminuèrent vers la fin du règne. Le nombre des personnes employées n'atteignit jamais le chiffre, que prévoyaient les états.

Un des faits les plus remarquables de cette période fut l'affranchissement des ouvriers de la manufacture, qui jusque là en étaient les serfs. Le 19 janvier 1860 le rapport concernant l'affranchissement des ouvriers reçut la sanction impériale.

„Le règlement concernant les ouvriers des manufactures impériales de porcelaine et de verre" déterminait la situation des ouvriers libérés, mais il n'apporta presqu'aucun changement au régime établi aux fabriques.

Comme les ouvriers affranchis auraient pu se trouver dans une situation précaire en cas de perte de la faculté au travail, le Cabinet alloua une somme de 100.000 roubles pour former une caisse de secours pour les ouvriers malades ou âgés, mais comme les changements que les ouvriers de la manufacture de la porcelaine avaient demandés à voies effectuées dans les statuts ne purent leur être concédés, cette caisse n'entra pas en fonction.

L'affranchissement des ouvriers de la manufacture fit naître deux questions, celle du droit des ouvriers de bâtir sur les terrains de la fabrique et celle de l'éducation de leurs enfants.

Le village de la manufacture comprenait vers cette époque 102 enclos, dont 88 appartenaient à des ouvriers, 4 à l'église, 7 à des ouvriers en retraite et 3 à des particuliers. Le nouveau règlement respecta les droits de propriété acquis et la libre disposition de ces biens, et concéda encore aux ouvriers techniques le droit d'acquérir des biens aux mêmes conditions qu'auparavant.

Quant aux écoles, on décida de donner l'instruction élémentaire gratuite aux enfants des ouvriers et de fonder auprès de la manufacture de porcelaine une école technique supérieure pour les meilleurs élèves de l'école élémentaire. Siwkow proposa de donner à cette école technique le caractère d'un établissement fermé et de limiter le nombre des élèves à 14 pour ne pas augmenter inutilement le nombre des ouvriers. Le règlement des écoles fut sanctionné le 7 décembre 1863, provisoirement pour une durée de 3 ans. En dehors des 14 élèves internes aux frais de la couronne, 14 autres pouvaient y être admis à leurs propres frais, et 14 pouvaient fréquenter l'établissement comme externes. La durée du cours ayant été fixée à quatre ans, elle fut augmentée de deux ans en 1866. En 1876 l'établissement perdit son caractère d'école fermée et le nombre des élèves, qu'on entretenait, fut désormais fixé à 20.

L'innovation technique la plus importante de l'époque fut l'introduction de la force motrice mécanique, mais elle ne fut appliquée d'abord qu'au broyage des matériaux.

Au début de l'époque, où l'on avait en vue d'élargir la sphère d'action de la manufacture et vers la fin, lorsque sa décadence était devenue manifeste, on envoya des technologues à l'étranger pour y étudier les progrès de l'industrie de la porcelaine; ces voyages d'étude restèrent néanmoins sans effet sérieux.

Les argiles anglaises et françaises avaient peu à peu exclu l'emploi du caolin de provenance russe. Plus d'une fois on constata l'insuffisance de certaines pâtes, mais l'apathie générale empêcha de rémédier aux défauts remarqués.

La cuisson, qui se faisait dans quatre fours, ne s'améliora pas pendant cette période et le bris des porcelaines augmenta dans des proportions sérieuses.

Les nouveaux procédés de décoration, découverts à l'étranger, furent partiellement introduits à la manufacture; ainsi furent appliquées les couvertes de différentes couleurs, le procédé de la peinture pâte sur pâte sur fond de cobalt ou de chrome. Dans la technique de la peinture le pointillé fut définitivement remplacé par la peinture au trait, Lippold ayant été engagé pour enseigner ce procédé. Les moufles pour la cuisson des porcelaines peintes étaient de très ancienne construction et les porcelaines qui en sortaient étaient fréquemment endommagées.

L'activité artistique de cette période fut au début assez brillante, dirigée par les vétérans de l'époque précédente. Bientôt ces vétérans disparaissent, les goûts de la société changent, mais la manufacture continua les traditions du passé.

Le 9 janvier 1871 l'impératrice indiqua au directeur Rennenkampf qu'il était nécessaire d'introduire une plus grande diversité dans les formes et dans l'ornementation des porcelaines de la manufacture et de prendre pour exemple les porcelaines anglaises.

A partir de ce moment on délaissa les anciens modes de décoration, la peinture de tableaux disparut; mais comme on n'était pas préparé à entrer dans des voies nouvelles, la décadence se fait sentir presque immédiatement et dure jusqu'à la fin du règne.

Le sculpteur Spiess, qu'on avait envoyé en Angleterre, en rapporta des modèles, qu'on se mit à copier servilement.

Soumarokow, qui remplaça bientôt Rennenkampf, reconnut la nécessité d'engager un artiste capable d'imprimer une nouvelle direction à la peinture, mais on se borna à des mesures insuffisantes ou même nuisibles, en maintenant le peintre Lippold et en paralysant de cette façon les essais de choisir une direction nouvelle. L'influence de l'art national était nulle; on appliquait le „style russe",—mais un style mal compris et mal adapté à la céramique, surtout quand on devait donner quelque chose de nouveau, comme pour les expositions.

Deux ou trois artistes de cette époque peuvent prétendre à une certaine originalité: Beaucé et Boudet, que nous connaissons déjà, Krassowsky, élève des précédents, Spiess, maître absolu dans la direction des travaux de sculpture.

Depuis 1868, quand Beaucé prit sa retraite, la somme des appointements, que ce dernier avait reçus, fut employée à la commande de dessins à des artistes, qui n'appartenaient pas au personnel de la manufacture. Ces artistes cependant ne donnèrent rien d'important; par contre l'absence d'un peintre, pouvant diriger les efforts des commençants, devait se faire sentir à la manufacture.

Les succès, remportés par celle-ci aux expositions de 1861 et de 1870 à St. Pétersbourg, de 1863 à Londres, de 1867 à Paris et surtout le premier prix, remporté à Vienne en 1873, s'expliquent plutôt par la décadence de la céramique occidentale et par les mérites de la technique des peintres de la manufacture, qui appartenaient encore à la période précédente.

La condamnation définitive des travaux de cette époque fut prononcée d'une façon décisive par l'impératrice Marie, à l'occasion d'une audience accordée au nouveau directeur de la manufacture le 17 juin 1881.

Les formes de cette période ne sont pas originales. Le sentiment des formes était perdu, la cour commandait bien moins d'objets et l'on ne fabriquait presque rien en dehors de services, de vases et d'oeuvres sculpturales.

Les vases, qui forment la catégorie la plus intéressante, appartenaient pendant la première partie aux types bandeau et médicis. Leurs formes sont généralement sèches, mais assez légères, bien proportionnées, pas surchargées d'ornements sculpturaux et de montures en bronze. Ces vases appartiennent aux types de l'époque précédente. Les compositions de Spiess sont de formes compliquées: ses bas-reliefs rappellent plutôt des tableaux; le sentiment des formes céramiques lui fait défaut.

Ce manque du sentiment de la forme est surtout sensible, quand on analyse le vase envoyé à l'exposition universelle de Vienne en 1873 et qui fut composé par Spiess de pièces appartenant à des vases différents, qu'on avait sous la main. De telles manipulations sont bien faites pour prouver à quel point était perdu le sentiment de la forme.

Les grands vases (bandeau et médicis) et les cratères disparaissent pendant la septième décade. Des vases de grandeur moyenne ou petite les remplaceut. Il n'y a plus de formes typiques.

Les services du temps n'offrent rien de caractéristique. Les plateaux montrent des lignes sinueuses ou brisées. Les objets creux, les théières, tasses, soupières, sont plus variés. Le manque de goût fut aussi manifeste dans ce genre; on exécutait des services de style russe, qu'on décorait de motifs en relief, copiés sur des ornements d'objets en métal ou en bois.

Les oeuvres sculpturales de cette époque appartiennent presque exclusivement à Spiess. La technique est satisfaisante, les formes sont légères et les proportions justes. Il excelle surtout dans les figures d'enfants. Généralement ses oeuvres manquent de fini, il n'a pas de style propre. Ses modèles rappellent tantôt le vieux saxe, tantôt les figurines de Sèvres; le sentiment national y fait absolument défaut; le trait typique de ses oeuvres est une certaine sentimentalité, parfois même sensualité.

Dans la peinture les traditions de l'époque précédente subsistent jusqu'à la fin de la sixième décade. Boudet et Beaucé, Lippold, Mironow, Kirsanow et Krassowsky sont les maîtres

de la cinquième et de la sixième décade. Mironow, Taratchkow et Kirsanow excellent dans leurs figures, les deux Krassowsky dans leurs fleurs. Depuis la fin de la sixième décade les copies de tableaux et la peinture des figures sont délaissées. Des assiettes avec types militaires furent exécutées à deux reprises. L'exécution de la peinture sur les assiettes est bonne, moins bonne cependant pour celles exécutées vers la fin de la période. Le paysage, qui est assez rare, se voit surtout sous forme de vues de palais ou de parcs. L'ornement joua un rôle insignifiant pendant la première moitié de l'époque. Plus tard les ornements furent composés dans différents styles, souvent aussi dans le style russe, mais on ne créa rien d'original.

ÉPOQUE DE L'EMPEREUR ALEXANDRE III.

Pendant toute la durée de cette époque D. Gouriew se trouva à la tête de la manufacture. En se basant sur les observations faites par l'impératrice le 17 juin 1881, Gouriew proposa une série de mesures, destinées à relever l'état de la manufacture. Au ministère de la cour on projetait de soumettre la manufacture ainsi que la verrerie à la direction de l'académie des beaux-arts, ou de les fermer définitivement.

Ce dernier projet était appuyé par Derewitzky, ancien directeur de la verrerie.

Le président de l'académie, le grand-duc Wladimir Alexandrowitch, ayant pris connaissance de l'état déplorable, dans lequel se trouvaient les manufactures, ne voulut pas que l'académie s'en charge, sans avoir au préalable fait sérieusement examiner leur situation par une commission formée à ce sujet, qui en même temps devait décider la question, fallait-il conserver les manufactures ou non. Heureusement tout doute à ce sujet fut écarté avant que la commission commença son travail.

Recevant les membres de la commission le grand-duc leur fit part du désir de l'empereur Alexandre III „que la manufacture de porcelaine fût placée dans les meilleures conditions possibles au point de vue technique et artistique, pour être digne de son titre de manufacture impériale et pour pouvoir servir de modèle aux fabriques privées de cette branche de l'industrie."

Le rapport de la commission établit que dans la manufacture de porcelaine l'aménagement technique était insuffisant, la disposition des sections peu conforme à l'ordre désirable; les pâtes employées en général bonnes, mais exigeant une étude plus sérieuse. Les bâtiments furent trouvés menaçant ruine, le musée insuffisant.

La commission ayant chargé le directeur de la manufacture de porcelaine de lui fournir une description complète des travaux, en y ajoutant des données au sujet des ouvriers et de la situation financielle, Gouriew profita de cette occasion pour élaborer et soumettre son programme de réformes.

Ce memorandum fournit des données sur la situation de la manufacture à la fin de l'année 1881.

En dehors du corps de bâtiment renfermant la fabrique, la manufacture possédait encore onze bâtiments, destinés à loger des employés, etc.

Le personnel administratif comprenait avec les gardes, garçons de bureau, différents artisans etc, en tout 67 personnes; la section technique occupait 44, les ateliers des tourneurs 20, de la sculpture 12, de la peinture 52 et le laboratoire 6 personnes. Avec le personnel des écoles, le médecin et son aide, le total des ouvriers et employés était de 233 personnes.

Des produits de la manufacture la plus grande partie, pour la somme de 60.000 roubles par an, était composée par les objets artistiques, offerts à l'empereur; le comptoir des palais faisait des commandes pour 15.000 roubles; le produit de la vente aux particuliers variait de 3.000 à 12.000 roubles par an.

Les immeubles de la manufacture étaient évalués à 107.714 roubles, les matériaux à 62.548 r., la porcelaine blanche à 38.911 r. (I choix), 5.113 r. (II choix) et 559 r. (III choix), les objets peints à 74.018 r.; somme totale 378.863 roubles. Les dettes atteignant le chiffre de 44.049 r., le capital net ne dépassait pas 335.000 roubles.

Gouriew indiquait comme cause du résultat peu satisfaisant des travaux de la manufacture: la mauvaise administration et le manque d'un plan d'action. La dépendance, dans laquelle se trouvait le directeur, les formalités multiples, enfin le trop grand nombre du personnel administratif étaient autant de causes de ce résultat, en même temps les appointements minimes affectés au personnel n'admettaient pas un choix judicieux.

Plus loin Gouriew fait allusion à l'état de démoralisation, dans lequel les ouvriers étaient tombés, à leur incompétence, à la négligence incroyable, avec laquelle on procédait à toutes les manipulations et à tous les ouvrages, et à l'usage, non aboli après l'affranchissement des ouvriers, d'engager ceux-ci, même quand on n'en avait pas besoin, uniquement parce qu'ils étaient nés à la manufacture et enfants ou parents d'ouvriers. La lutte contre les abus devenait impossible parce que tout le personnel, même supérieur, s'était habitué à l'ordre des choses existant. L'école technique ne préparait pas ses élèves à un travail indépendant et original.

Pour préparer la voie au progrès Gouriew proposa d'élaborer de nouveaux états, sans dépasser les sommes allouées à cet effet, de réparer les bâtiments, de reconstruire les fours, d'entreprendre quelques travaux indispensables pour mettre la technique de la production au niveau nécessaire, de rendre le directeur plus indépendant et en même temps responsable des résultats obtenus, d'abolir la vente aux particuliers, d'abolir l'école technique. L'abolissement de la vente assignait à la manufacture un but unique: de travailler pour la cour impériale; par ce fait même, l'idée de l'empereur Alexandre III, de faire de la manufacture un établissement pouvant servir de modèle à l'industrie privée, était reniée.

Comme les travaux de la commission de l'académie des beaux-arts n'aboutirent à aucune fin, comme aucun autre programme ne fut proposé, et la direction des affaires de la manufacture entièrement abandonnée à son directeur, le programme, établi par le memorandum de Gouriew, devint le programme des réformes de la manufacture et fut réalisé par lui petit à petit, pas à pas.

Le couronnement de cet édifice fut la promulgation, le 14 juin 1890, des nouveaux états de la manufacture, qui rétablissait les fonctions d'administrateur des manufactures en ordonnant le transfert de la verrerie dans les bâtiments de la manufacture de porcelaine.

Ces états augmentaient les gages des personnes responsables des résultats de la production, ce qui devait permettre à la manufacture d'attirer des personnes vraiment compétentes et de les dédommager des conditions difficiles et même insalubres, dans lesquelles le travail s'accomplit dans une fabrique.

L'administrateur des deux fabriques recevait 5.000 rbls., quatre chefs d'atelier 3.000 rbls. chacun, un cinquième 2.500 rbls et deux autres 1.800 rbls.

Les nouveaux états ne rendaient pas justice au personnel artistique, qui était confondu avec les autres chefs d'ateliers; on n'avait pas fait attention, qu'il serait impossible de trouver à cette époque des artistes de mérite pour des appointements de 3.000 r., encore moins pour 2.500 ou 1.800 roubles. Evidemment, la technique des industries de la porcelaine et du verre ayant fait de tels progrès, on ne doutait pas, qu'il était impossible de se passer de technologues et de chimistes; pour la direction artistique, au contraire, on croyait toujours encore, qu'on pouvait se borner à copier les modèles étrangers et qu'il suffisait d'avoir à sa disposition des copistes de talent.

Les nouveaux états concédaient une plus grande indépendance à l'administrateur sous le point de vue administratif et artistique; la question des constructions nécessaires reçut également une solution satisfaisante. Une somme de près de 400.000 roubles fut dépensée par la manufacture pendant dix années, de 1884 à 1894, pour ces travaux, dont les plus importants furent accomplis en 1891, lors du transfert de la verrerie, ce qui nécessita même l'interruption de la production pendant quelques mois.

Avant 1890 une somme d'environ 137.000 rbs. par an était allouée à la manufacture de porcelaine, la verrerie dépensait environ 80.000 rbs. par an. Depuis la réunion des deux fabri-

ques elles eurent à leur disposition: en 1891 —168.416 rbs., plus tard une somme annuelle, qui dépassa toujours 200.000 roubles.

De 1880 à 1890 on fabriqua de 30.000 à 72.000 objets de porcelaine blanche par an; de 14.000 à 49.000 objets étaient décorés de peinture ou de dorure, représentant une valeur de 50.000 à 115.000 rbls. En 1892 la production était évaluée à 153.072 roubles, en 1893 à 166.183 rbls, en 1894 à 115.249 rbls pour les deux fabriques, tandis que le chiffre des dépenses atteignait successivement 232.794 r., 217.745 r., 216.418 r.

Contrairement à ce qui avait été le cas jusque là, la manufacture voua une bien plus grande attention aux commandes du comptoir de la cour. On exécuta en 1883 un service pour 2.000 personnes à l'occasion du couronnement de l'empereur Alexandre III et en 1894 les commandes du comptoir atteignirent le chiffre de 65.510 rbls.

Le personnel de la période précédente resta encore longtemps à la manufacture, Schauffelberger et Spiess jusqu'à la fin du règne; Lippold ne prit sa retraite qu'en 1889. En dehors des peintres, qui s'étaient déjà distingués pendant la période précédente (Mironow, Krassowsky, Kirsanow, Spiridonow, les deux Taratchkow, Semionow, Midine), on peut citer parmi les jeunes: J. Timoféiew (figures, pâte sur pâte), Lapchine (ornements), Loukine (fleurs), et surtout E. Souliman-Groudzynsky (figures, peinture sous couverte).

Le memorandum de Gouriew avait parlé du grand nombre et de l'incapacité de beaucoup d'ouvriers; de 192 qui se trouvaient à la manufacture en 1881 il n'en resta en 1889 que 153; la réunion des deux fabriques fit monter le nombre des employés et ouvriers à 245 en 1895 pour les deux fabriques. Gouriew réclama et obtint la fermeture des deux écoles de la manufacture. L'école élémentaire fut avantageusement remplacée par l'école paroissiale, où on plaçait les enfants des ouvriers aux frais de la manufacture. L'école technique ne put pas être remplacée, comme le croyait Gouriew, par l'école d'art appliqué fondée à St. Pétersbourg par les héritiers du bar. Stieglitz, parce qu'il il n'était pas possible aux ouvriers d'y envoyer leurs enfants. La manufacture ne put plus dorénavant trouver, parmi ceux-ci, les ouvriers et artistes, qu'il lui fallait et le lien précieux, qui existait jusque-là entre les différentes générations d'artistes, fut détruit. En fin de compte la manufacture trouva même des difficultés à remplir les cadres par des élèves de l'école Stieglitz, n'appartenant pas aux anciennes familles d'ouvriers, car ces élèves n'étaient pas spécialement préparés à la besogne d'une manufacture de céramique.

En fait de mesures tendant à assurer le bien-être des ouvriers, la question de l'assurance des ouvriers, qui fut soulevée par Gouriew, reçut une solution négative. Les affaires de la caisse de secours qui existait à la verrerie depuis l'affranchissement des ouvriers étaient peu prospères. Le service médical fut amélioré à la suite d'un ordre impérial, qui attachait à l'hôpital un médecin permanent, habitant à la manufacture.

Les dessins et livres, qui se trouvaient à la manufacture, furent concentrés dans une bibliothèque auprès du musée; les sommes, destinées aux achats pour le musée et cette bibliothèque, furent augmentées et les collections de modèles complétées.

Le déclin de la production au point de vue technique, vers la fin de la période précédente, était devenu à tel point manifeste, que l'attention de l'administration se dirigea en premier lieu vers ce point. Le technologue Khowansky et le contre-maître Ivanow furent envoyés pour faire un voyage d'études à l'étranger. En 1884 le gérant de la manufacture et deux technologues visitèrent les fabriques en Prusse, en Saxe, en Bohème et en France et rapportèrent, en dehors des informations obtenues directement, des plans d'appareils et de fours et des modèles en grand nombre. En 1886, 1887, 1890, 1892 et 1894 de nouveaux voyages se firent dans le même but. Ayant hâte d'obtenir des résultats immédiats, on fit même venir de Limoges des pâtes toutes prêtes, à ce qu'il paraît même des objets en blanc, pour les peindre ensuite à la manufacture impériale.

La composition de la pâte se faisait jusqu'en 1885 empiriquement, dans les proportions, consacrées par la tradition. En 1885 on reconnut la nécessité d'analyser les matériaux, avant de

déterminer les proportions, dans lesquelles ils devaient entrer dans la composition de la pâte, mais cette mesure ne fut pas appliquée avec régularité. Les procédés mécaniques, au moyen desquels on travaillait la pâte, furent améliorés; on réussit également à augmenter sérieusement la résistance des cassettes. Les anciens fours furent remplacés par des fours modernes à flamme renversée, l'un du type employé à Berlin, un autre du type des fours de Sèvres, un troisième du type d'un four à Meissen; un quatrième fut construit pour la cuisson d'objets de grandes dimensions.

Parmi les différents genres de décoration on préférait les nouveaux moyens techniques, qui répondaient au goût de l'empereur Alexandre III, comme le procédé de la pâte sur pâte et les couvertes colorées, entre autre le rouge flammé, introduit dans la production en grand depuis 1889. Vers la fin de cette époque, suivant les ordres de l'empereur Alexandre, commencèrent les essais de peinture sous couverte sous la direction du peintre danois Liisberg.

Le résultat de tous ces changements techniques fut un nouvel essor dans l'activité de la manufacture. Malheureusement on ne se décida pas à briser avec les traditions d'imitation et à entrer dans la voie des recherches indépendantes.

L'empereur Alexandre III s'intéressait vivement à l'activité artistique de la manufacture. C'est lui qui donna les indications pour les dessins du service le plus important, commencé pendant cette période, qui reçut le nom de service Raphaël, parce que les motifs des dessins étaient empruntés aux loges Raphaël du Vatican. C'est lui qui envoya des dessins à la manufacture, qui indiqua des modèles, qui discutait les objets artistiques, qu'on lui présentait annuellement.

L'empereur Alexandre attachait beaucoup d'importance au développement de l'art national russe. Le directeur de la manufacture aurait donc pu soumettre à l'approbation impériale un programme, qui aurait permis à la manufacture de porcelaine de se conformer dans son but à l'idéal artistique de l'empereur; malheureusement la situation de la manufacture fut si déplorable au commencement de l'époque, que le directeur croyait devoir concentrer tous ses efforts à relever le niveau général et désespérait à pouvoir mettre dans le programme artistique autre chose que l'imitation de ce qui avait déjà été fait et éprouvé à l'étranger. Cette tendance était si prononcée, que même s'il y avait eu à la manufacture des artistes, qui auraient voulu suivre des voies indépendantes, ils étaient forcés de se soumettre au programme établi par l'administration, à imiter et à copier: on ne fit que changer d'objet, -les modèles les plus dignes d'attention de l'art céramique remplacèrent les tableaux de l'Ermitage. Heureusement, c'était le goût de l'empereur Alexandre III, qui décidait du choix des modèles.

L'empereur Alexandre en général préférait les vases d'une seule pièce sans monture. D'abord les vases antiques ou orientaux et la céramique occidentale, depuis le moyen-âge jusqu'aux temps modernes, servirent de modèles, ensuite pendant les dernières années du règne l'empereur donna la préférence aux formes, élaborées à Copenhague.

Les services, à l'exception du service Raphaël, étaient très simples.

Les bustes, groupes et statuettes ne furent exécutés qu'en très petit nombre. L'Ophélia de Kamensky en terre cuite et le grand buste de l'impératrice Elisabeth, exécuté d'après un modèle de Spiess, sont les oeuvres sculpturales les plus remarquables de l'époque, essentiellement par leur grandeur, moins par leur exécution technique et artistique.

L'ornement sculptural était peu en vogue.

Le caractère purement décoratif de la peinture, qui répondait au goût de l'empereur, et l'emploi des nouveaux moyens de décoration sont les deux traits distinctifs de la peinture de l'époque, qui, pour le reste, n'avait pas de direction précise dans ses aspirations artistiques; c'était plutôt le hasard du choix et les modèles tout prêts qui faisaient loi, surtout les modèles de provenance étrangère.

Pendant les dix premières années du règne la peinture aux couleurs de moufle est encore dominante, quoique de moindre mérite que pendant les périodes précédentes. Les premiers

spécimens de la peinture sous couverte au grand feu, introduits vers la fin du règne, appartiennent au pinceau de K. Krassowsky et de S. Romanow et datent de 1892.

En général il faut constater pendant cette époque une tendance sérieuse vers de nouveaux procédés et de nouvelles voies, néanmoins on ne sut pas sortir de l'imitation ni pour les procédés techniques, ni pour la direction artistique.

ÉPOQUE DE L'EMPEREUR NICOLAS II.

Les premières six années de la période actuelle furent tout naturellement la continuation de la période précédente; le programme, établi par Gouriew, continuait à être maintenu.

Après avoir passé 20 ans à la tête de la manufacture impériale, Gouriew prit sa retraite le 13 juin 1900 et le baron N. B. de Wolff fut par ordre impérial nommé administrateur des manufactures.

Pendant les 10 ans de leur application certains défauts des états de 1890 étaient devenus évidents, et le remaniement s'imposait d'autant plus qu'en 1902 tous les états du ministère de la cour furent soumis à une révision.

Le manque de gradation du personnel technique supérieur et le manque d'un lien entre les diverses fonctions techniques était palpable. Dans l'impossibilité de trouver en Russie des personnes connaissant la fabrication de la porcelaine et du verre, on était forcé de nommer de jeunes gens, qui avaient tout à apprendre, à des postes responsables.

La production manquait d'unité dans les opérations, intimement liées les unes aux autres. L'immuabilité du nombre du personnel était un des obstacles pour s'adapter à de nouvelles conditions de production, quand celles-ci naissaient. Mais le point le plus important était la question de la direction artistique, pour laquelle les états de 1890 représentaient un mouvement rétrograde en comparaison de ceux de 1853.

Les propositions, faites par l'administrateur des manufactures afin d'éliminer ces défauts, furent sanctionnées par la confirmation de nouveaux états du personnel le 6 décembre 1902, à l'exception de celles, qui se rapportaient à la réforme de la direction artistique.

En même temps que l'administration s'occupait de la réforme du personnel des manufactures elle ne pouvait se dispenser de s'apercevoir d'autres inconvénients, qui en empêchaient le fonctionnement satisfaisant. Ces inconvénients étaient l'insuffisance du bâtiment principal et l'état arriéré des mécanismes et machines.

La distribution des divers ateliers dans l'édifice principal était devenue encore plus incommode depuis le transfert de la verrerie. Autant qu'il était possible, sans une reconstruction radicale, ces défauts furent écartés pendant le courant des années de 1900 à 1904 par un nouvel aménagement et par le moyen d'un rapprochement des ateliers dans l'ordre, indiqué par la marche de la fabrication.

La section mécanique fut entièrement réorganisée en 1902—1904, les chaudières et machines à vapeur renouvelées en y adaptant des moteurs électriques, la transmission mécanique remplacée par la transmission électrique, tous les appareils reconstruits, enfin introduit l'éclairage électrique.

L'introduction de nouvelles machines et de l'éclairage rendit possible une réorganisation du travail et une meilleure exploitation de tous les moyens. Dans le même but de nouvelles normes furent élaborées, pour servir de base à la rémunération des travailleurs pour les objets payés par pièce. Ces deux moyens rendaient la production plus économique et le travail plus intensif. Ainsi en 1899 les dépenses avaient été de 229.804 rbls, en 1902—de 237.279 rbls, en 1903 -de 253.021 rbls, tandis que la production, évaluée en 1899 à 160.805 rbls, s'élevait en 1902 à 240.482 et en 1903 à 269.822 rbls.

La direction artistique des deux fabriques avait passé en 1894 après la mort de Schaufelberger entre les mains de J. Mourinow, qui, ayant débuté à la verrerie comme simple ouvrier, avait, par le seul moyen de son énergie personnelle, acquis des connaissances pratiques étendues.

L'architecte Ivanow, qu'on lui adjoignit comme aide pour les travaux d'art, quitta bientôt la fabrique; ce furent les dessinateurs S. Romanow et K. Krasnowsky, qui furent dorénavant chargés de la composition des dessins pour objets d'art.

Le sculpteur Spiess quitta la fabrique en 1897 et fut remplacé par le sculpteur A. Timus; Mourinow, qui mourut en 1901, fut remplacé par E. Kremer; le poste de directeur des travaux d'art dut rester vacant.

Déjà pendant le règne de l'empereur Alexandre III le programme des manufactures impériales s'était modifié: elles exécutaient exclusivement pour la cour impériale soit des objets d'art, destinés à être présentés à l'empereur, soit des services pour les palais. Ces dernières commandes étaient variables, chaque diminution entraînait un renvoi d'ouvriers. Si les commandes de services augmentaient ensuite, on en chargeait, afin de les terminer au terme indiqué, souvent des artistes de catégorie supérieure: les travaux d'art s'en ressentaient. Cet inconvénient ne fut éliminé qu'en 1902, époque à laquelle l'administration de la manufacture, en agrandissant l'atelier de peinture sous couverte, qui jusque-là ne comptait qu'un artiste, organisa les traveaux de façon à avoir deux séries distinctes de peintres, réunies seulement sous la direction du même chef d'atelier: une pour les travaux d'art et l'autre pour l'exécution des services.

L'amélioration des conditions d'existence des ouvriers fut pendant cette période l'objet de soins particuliers de l'administration de la manufacture. La question de la caisse de secours reçut une solution satisfaisante, ainsi que cette fois-ci tous les ouvriers y adhérèrent. La caisse leur garantissait des pensions en cas d'invalidité, ainsi que dans le cas de retraite après un certain nombre d'années de service, en commençant depuis 15 ans: pour eux-mêmes, pour leurs veuves et orphelins; des secours en cas de maladie et de mort, des subsides dans le cas de dépenses extraordinaires à l'occasion de naissance d'enfants, mariages etc.

L'éducation des enfants d'ouvriers se fait aux frais des manufactures.

L'organisation de demeures saines pour les ouvriers fut terminée pendant cette époque par la construction de nouveaux bâtiments et la reconstruction de fond en comble des anciens. Le nombre des logements gratuits atteignit, en 1904, le chiffre de 110, ce qui permet de loger gratuitement presque tous les employés et ouvriers à appointements fixes, tandis que les ouvriers, payés à la pièce, à peu d'exceptions près habitent, chaque famille séparément, dans de petites maisons, entourées de jardins et formant leur propriété, sur un terrain alloué à cet effet par l'administration.

Pendant la même période l'emplacement occupé par la manufacture et la cité ouvrière furent améliorés par le moyen d'un système de canalisation rationnelle; on construisit des bains pour les ouvriers sur la Néva et entoura les maisons, habitées par les ouvriers, d'un parc. En fait de récréation, l'administration des manufactures subsidie un théâtre populaire, se trouvant sur les lieux, et organisa pour les enfants d'ouvriers des jeux et des appareils gymnastiques.

Enfin le cimetière, qui se trouvait jusque-là au milieu de la cité, fut transporté au dehors, en même temps fut élaboré un règlement garantissant l'ordre dans l'administration du cimetière et fut commencée la construction d'une seconde église, vu l'insuffisance de l'ancienne, dont la construction remonte à 1735.

Le nombre des heures de travail est fixé à 6 en hiver, à $8^1/_2$ en été. Le service médical fut amélioré et rendu entièrement gratuit, non seulement pour les ouvriers, mais aussi pour tous les membres de leurs familles ou toute personne, qui habite avec eux. Un capital spécial fut fondé, dont les revenus sont destinés à couvrir les frais de médecine. En dernier lieu en dehors du chauffage gratuit on établit l'éclairage gratuit à l'électricité des logements, occupés par les employés et ouvriers.

Déjà pendant la période précédente l'administration de la manufacture s'était posée pour but d'introduire à la manufacture les procédés nouveaux de l'industrie de la porcelaine, qui avaient été découverts en Europe pendant les dernières décades du XIX siècle. Néanmoins jusqu'en 1900 la plupart des recettes pour les travaux ne se conservèrent que dans la mémoire

des ouvriers préposés au travail, et les manipulations purement empiriques subsistèrent toujours encore. Ce ne fut qu'en 1901 que fut établi un livre spécial pour inscrire tous les procédés de fabrication et que fut établi un ordre stricte pour l'introduction de nouveaux procédés.

Le laboratoire, dont la manufacture ne pouvait se passer, si elle voulait procéder dans ses travaux d'une manière indépendante et scientifique, fut aménagé conformément aux besoins du temps. On procéda à des essais de composition de nouvelles pâtes et de nouvelles couvertes, mais néanmoins le type traditionnel des pâtes fut conservé à l'exception des pâtes composés pour un but spécial.

En dehors de la reconstruction d'un des fours existants, en 1901, fut construit un four d'un nouveau modèle, adapté à la cuisson d'objets de dimensions extraordinaires. La cuisson, qui donnait en général des résultats satisfaisants, ne fut pas modifiée, à l'exception d'un contrôle plus scientifique de la marche du four à l'aide des pyramides d'après le système du professeur Seger.

Si, de cette façon, les procédés de la fabrication ne subirent pas de changements essentiels, il n'en fut pas de même pour les procédés techniques, destinés à varier les effets de la décoration.

Dans ce sens l'administration se fixa comme but de ne se laisser arrêter dans le développement que par le manque de moyens, d'avoir dans cette limite à la manufacture au moins un ouvrier de chaque technique spéciale, connaissant à fond les procédés techniques de sa branche de l'art décoratif céramique.

Pendant les dernières années furent exécutés 1) des biscuits blancs et colorés; les sutures, qui défiguraient surtout les grands objets, sont enlevées par moyen mécanique, 2) des porcelaines, colorées dans la masse, à couverte incolore, 3) des couvertes colorées, parmi lesquelles la couverte cristallisée, rappelant le givre, 4) la peinture à la barbotine, blanche et colorée, sur fonds divers, souvent coordonnée à la peinture sous couverte aux couleurs de grand feu, 5) la peinture sous couverte, exécutée au cobalt en Europe dès le commencement du XVIII siècle, reçut un développement considérable à la suite de travaux de laboratoire, qui augmentèrent le nombre des couleurs de grand feu. La peinture sous couverte se fait, tantôt sur la porcelaine unie, tantôt sur le dégourdi gravé ou découpé ou enfin orné de sculpture; certaines pièces sont sculptées à la main directement dans la pâte, ce qui permet d'obtenir des reliefs refouillés, 6) l'application d'émaux sur couverte, tantôt cloisonnés ou champlevés, tantôt translucides sur or ou remplissant des découpures à jour dans la porcelaine dure, 7) enfin on continue la peinture sur couverte aux couleurs de moufle sur fond blanc et sur fond de couleur obtenu au grand feu. De même que pour la cuisson en blanc, la cuisson des émaux et des couleurs sur couverte est reglée d'après des montres Seger.

Le programme des travaux n'ayant pas changé, les premières années de la période actuelle ne se distinguent pas, par leurs travaux, de la période précédente. La production comprenait principalement l'exécution de services pour les palais et ensuite seulement des oeuvres artistiques. Le manque d'originalité, qui caractérise les travaux de la seconde moitié du XIX siècle, ne laissait aucun doute, qu'il était nécessaire de chercher des voies nouvelles. La manufacture tâcha d'entrer dans cette voie avec le commencement du nouveau siècle, en établissant comme programme l'unité de la forme et du décor, la recherche des sujets dans le cercle des idées nationales et dans le milieu qui entoure les artistes, l'expression, sans intermédiaire, de l'idée de l'artiste créateur. Une des difficultés les plus graves, qui s'opposaient à l'exécution de ce programme, était l'absence complète d'artistes, connaissant les procédés céramiques et étant en même temps en état de produire eux-mêmes des dessins pour les objets à exécuter: presque tous les dessins étaient ou achetés tout prêts ou exécutés par des dessinateurs et ensuite recopiés par l'artiste-céramiste.

Ce défaut devenait plus grave par l'absence d'un artiste de talent, qui aurait pu servir de trait d'union entre le dessinateur ou artiste-créateur et l'artiste, destiné à réproduire. Ce

dernier défaut n'a pas pu être aboli jusqu'au moment actuel, en partie à cause de ce que les états du personnel ne répondent pas encore entièrement aux besoins de la manufacture. L'administration devait donc se borner à développer parmi les peintres, se trouvant déjà à la manufacture, la faculté de travailler d'après leurs propres compositions, et d'attirer, dans la limite de ses moyens, de nouvaux artistes en état de travailler sans l'intermédiaire d'un dessin. Une des mesures, les plus efficaces pour le développement des peintres de la manufacture, fut l'envoi de ceux-ci à l'étranger, pour y étudier l'art céramique; on en usa systématiquement depuis 1900. Une autre mesure, destinée essentiellement à faciliter la recherche de personnes s'intéressant à l'art céramique, eut des résultats moins heureux. Cette mesure était l'établissement d'un concours pour dessins d'objets céramiques. Les résultats furent négatifs, si on ne veut pas considérer comme résultat positif, que l'ignorance complète en matière céramique, qui se manifestait dans les dessins des premiers concours, fut moins visible dans les suivants. L'établissement de ce concours eut néanmoins un résultat de grande importance pour la manufacture: Sa Majesté l'Impératrice Alexandra daigna permettre de soumettre ces dessins, ainsi que les compositions des artistes de la manufacture, annuellement à son approbation. Les indications, données à cette occasion, ainsi que les remarques faites par S. M. l'Impératrice, lors de sa visite à la manufacture en 1901, furent d'un puissant concours à la réorganisation des travaux artistiques. Les travaux actuels sont le résultat de ces mesures, combinés avec le développement des procédés techniqes de décoration. En premier lieu le nouveau programme entraînait l'abandon des formes usitées jusqu'alors, empruntées à tous les pays et à toutes les époques. Cet éclectisme disparut. Admises furent toutes les formes, issues sans effort des procédés techniques céramiques: du tournage et du coulage, d'autant plus que ces formes sont les mieux aptes à être employées pour les nouveaux moyens de décoration, surtout pour la peinture sous couverte. Ces formes certainement se ressemblent plus ou moins, mais, en même temps, leur diversité est infinie, leur charme consiste dans la belle ligne des contours, qui en se rapprochant de la ligne géométrique deviendrait sèche. Certaines des formes, employées à la manufacture impériale, sont empruntées aux coquillages, d'autres aux lignes, que forment les nervures des feuilles. L'ornement sculptural dans les styles du XVIII siècle, qu'on voyait encore sur les vases des premières années de cette période, disparait ensuite entièrement et est remplacé par la reproduction, en relief léger, d'un ornement composé de feuilles et de fleurs. Les biscuits, qui avaient entièrement disparu pendant la période précédente, furent de nouveau introduits dans la fabrication depuis 1900. En dehors des pièces, moulées pour le musée de la manufacture d'après les anciens moules, et la reproduction des œuvres de sculpteurs russes, se trouvant dans les musées de St. Pétersbourg, destinées à être envoyées en province, la manufacture exécuta de 1900 à 1904 nombre de compositions de sculpteurs modernes russes.

L'abolition des formes anciennes devait avoir pour suite un changement dans la manière de décorer les produits. La céramique étant un art plutôt sculptural, la forme doit être prépondérante dans ces œuvres; l'ornement doit s'y adapter, afin de former un tout avec la forme. Ce principe, ainsi que l'idée, que les qualités distinctives de la porcelaine: le blanc laiteux de sa couverte et le lustre de sa surface ne doivent pas disparaître sous l'ornement, sont les signes distinctifs de la peinture de cette période. En y ajoutant l'application des procédés les plus divers, le choix de sujets aussi variés que possible; enfin l'indication, donnée aux artistes de copier uniquement la nature, on trouve réunis tous les traits caractéristiques de cette époque, qui néanmoins dans une partie de ces travaux, notamment les services nouveaux, destinés aux palais impériaux, tâche de conserver les belles traditions de la peinture ancienne sur couverte.

L'impression produite par une visite aux manufactures impériales est rendu par un critique d'art dans le journal „L'art décoratif" (novembre 1904) par les paroles suivantes: „C'est sur un point capital que l'administrateur insiste et dirige les artistes, soumis à sa direction. Il les fait simplement regarder par la fenêtre et observer pour les rendre: le ciel pâle, foncé au zenith, presque toujours estompé à l'horizon, même en plein soleil; le vert froid des arbres de la berge,

qui ne ressemble guère aux verdures des pays tempérés, et surtout la couleur plombée de l'eau de la Néva, qui se glace de reflets bleus très étranges... En hiver on étudiera la neige et ses effets variés à l'infini. Il a voulu que toute la porcelaine fût le reflet de la nature ambiante... Nous ne pouvons quitter la manufacture impériale sans dire l'impression unique d'harmonie que nous y avons ressentie. Son corps de bâtiment principal est sis tout au bord de la Néva... Le paysage esquissé plus haut, avec ces couleurs douces, et la Néva fascinante se voit de toutes ses fenêtres et le reflet de ces teintes locales est jeté sur toute la production nouvelle de la manufacture."

MARQUES ET SIGNES.

Les marques de fabrique ont pour but de témoigner de la provenance de l'objet marqué et de garantir de la contrefaçon; actuellement les contrefaçons d'objets, fabriqués par la manufacture impériale au XVIII siècle, sont si fréquentes que les marques seules ne sauraient prouver l'authenticité de l'objet. L'absence de marques ne prouve non plus, que l'objet n'ait pas été exécuté à la manufacture, car ce ne fut qu'en 1836 que fut introduit l'usage de marquer tous les produits sans exception.

Lorsque l'authenticité d'un objet n'est pas douteuse, les marques déterminent l'époque de la fabrication, car pendant le règne de l'impératrice Elisabeth et de l'empereur Pierre III, on appliquait aux objets, fabriqués à la manufacture, en guise de marque l'aigle impériale, ensuite, depuis Catherine II, le monogramme du souverain régnant.

Comme cependant les magasins de la manufacture renfermaient, au moment d'un changement de règne, des porcelaines blanches des périodes précédentes, pourvues ou non pourvues de marques, ces porcelaines pouvaient être ornées de peinture plus tard et en même temps être munies de marques ne répondant pas à la date de la fabrication en blanc, lorsqu'elles n'en avaient pas, ou garder les marques anciennes qui s'y trouvaient, ne répondant pas à la date de la décoration exécutée sur l'objet. Pour cette raison une marque sous couverte ne détermine pour les objets ornés aux couleurs au feu de moufle, à peu d'exceptions près, que l'époque de l'exécution de l'objet en blanc, tandis qu'une marque sur couverte détermine toujours l'époque de la décoration sur couverte.

Les autres signes, qui se rencontrent sur les objets, fabriqués à la manufacture, désignent la pâte employée, ou indiquent l'ouvrier ou l'artiste ou, enfin, servaient à la comptabilité: par exemple de l'or, employé à la décoration etc.

Déjà Hunger reçut en 1745 l'ordre de munir le premier objet, fabriqué par lui, d'une inscription, indiquant l'époque et le lieu de la fabrication.

La marque de fabrique connue la plus ancienne est l'aigle impériale. Cette marque est ou en creux dans la pâte ou peinte à la main sur couverte à la couleur de moufle noire ou à l'or.

Pendant le règne de l'impératrice Catherine II le monogramme de l'impératrice s'exécutait au cobalt sous couverte; parfois il est en or sur couverte. Le monogramme est toujours sans couronne impériale.

Les lettres П. К., accompagnées parfois d'un chiffre, et l'inscription „придвор." sur les services indiquent que l'objet a été fait sur la commande du comptoir de la cour pour la cuisine de la cour. Parfois on rencontre une petite étoile à côté du monogramme. La marque de Sèvres, imitée à côté du monogramme, s'appliquait sur quelques objets, copiés d'après des modèles de Sèvres.

Depuis Paul I la marque-monogramme est surmontée d'une couronne; elle est posée au pinceau, ordinairement au cobalt sous couverte, de même pendant le règne de l'empereur Alexandre I.

Pendant le règne de l'empereur Nicolas I les marques s'appliquaient tantôt sur, tantôt sous couverte. Après 1836 ordre fut donné de munir tous les objets d'un monogramme sous couverte au cobalt. Ces marques se posaient quelquefois au pinceau, généralemnt à la vignette.

Sous le règne de l'empereur Alexandre II les marques sont au chrome sous couverte, posées à la vignette. Au dessous du monogramme se trouvent, vers la fin du règne, trois points ou un chiffre, indiquant l'année de l'exécution. Depuis lors cette indication de l'année devint règlementaire.

Quelques marques, datant des dernières années du règne de l'empereur Alexandre II et des premières années du règne de l'empereur Alexandre III, sont sur couvertes en bleu; ces marques se trouvent sur quelques objets, exécutés à Limoges et peints à la manufacture.

Les marques sous couverte au chrome de l'empereur Alexandre III sont jusqu'en 1883 du même type que celles du règne de l'empereur Alexandre II. Depuis lors on appliqua une lettre slavonne. Les marques en or du même type sur couverte sont posées au pinceau, les autres à la vignette.

Les marques du règne de l'Empereur Nicolas II se font au chrome sous couverte, à la vignette, ou sur couverte au pinceau en or.

Les petits signes, qu'on trouve sur les objets, fabriqués à la manufacture, en dehors des marques, avaient pour but de servir au contrôle de la fabrication. Ils sont ou en creux dans la pâte ou peints.

Au moyen de chiffres gravés en creux Winogradow indiquait, sous le règne de l'impératrice Elisabeth, la composition de la pâte des objets d'essai. D'autres signes en creux indiquaient l'ouvrier-tourneur ou sculpteur, qui avait exécuté l'objet. Dans ce dernier but on employait souvent les signes du zodiaque.

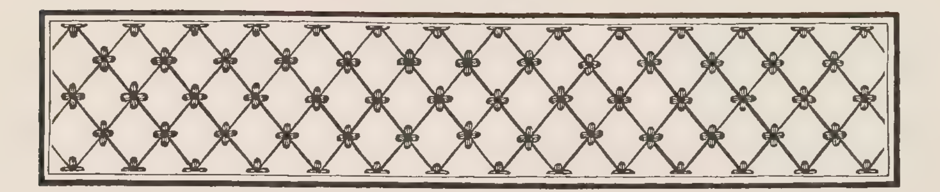
Depuis Catherine II on trouve souvent gravés en creux les signatures des artistes modeleurs ou sculpteurs.

Les signes peints sont moins fréquents que les signes en creux et se trouvent, pendant les premiers temps, généralement sur les objets peints à l'or.

Les artistes français, qui travaillaient à la manufacture sous le règne de l'empereur Alexandre I, apposèrent leurs signatures sur les objets, executés par eux. Les artistes russes adoptèrent cet usage sous le règne de l'empereur Nicolas I. L'usage s'en conserva jusqu'à la fin du règne d'Alexandre II; aboli ensuite, il fut renouvelé après 1900.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Первыя мануфактуры настоящаго твердаго фарфора въ Западной Европѣ основаны: въ Мейссенѣ—въ 1710 г. (декретомъ курфюрста саксонскаго и короля польскаго Фридриха-Августа I, отъ 6 іюня 1710 г.; фактически фабрика функціонировала уже въ 1709 г.: K. Berling, Das Meissner Porzellan und seine Geschichte. Lpz. 1900, стр. 13.— A. Brongniart, Traité des arts céramiques ou des poteries, 3-e éd. Paris 1877, т. 2, стр. 477.— Fr. Jaennicke, Grundriss der Keramik. Stuttg. 1879, стр. 765), въ Вѣнѣ—въ 1718 г. (по привилегіи императора Карла VI, отъ 27 мая 1718 г.: Brongniart, l. c.—Jaennicke, l. c., стр. 772.—J. Falke, Die k. k. Wiener Porcellanfabrik. Wien 1887, стр. 7), въ Гёхстѣ—въ 1720 г. (Brongniart, l. c.—Jaennicke, l. c., стр. 775), въ Берлинѣ—въ 1750—51 г.г. (Brongniart, l. c.—Jaennicke, l. c., стр. 778). Упоминаніе проф. А. К. Крупскаго (ст. Керамическія производства, б.д. стр. 263) о Мюнхенскомъ фарфоровомъ заводѣ, какъ о четвертомъ по порядку времени основанія европейскихъ заводовъ (послѣ Мейссенскаго, Вѣнскаго и Берлинскаго) —простое недоразумѣніе: въ XVIII ст. въ Мюнхенѣ совсѣмъ не существовало фарфороваго завода. См., напр., Brongniart, l. c.—Jaennicke, l. c., стр. 903.

Изъ русскихъ фарфоровыхъ фабрикъ, послѣ Императорскаго завода, основаны раньше другихъ: Михаила Волкова въ Сѣвскѣ—въ 1763 г., Франца Гарднера въ Дмитровскомъ уѣздѣ—около 1768 г., Василія Шкурина въ Петербургѣ — около 1794 г.: Г. А.—разр. XIX, д.д. 40 и 406.—Существующія въ литературѣ указанія на иныя даты, какъ не основанныя на первоисточникахъ, должны быть рѣшительно отвергнуты.

2. Не только не существуетъ общаго руководства по исторіи русской керамики, но даже и по частнымъ вопросамъ, за немногими исключеніями, имѣется лишь сырой матеріалъ, да и то неполный и неупорядоченный. Болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ матеріалѣ можно найти въ работѣ А. В. Селиванова: Фарфоръ и фаянсъ Россійской Имперіи. Описаніе фабрикъ и заводовъ съ изображеніемъ фабричныхъ клеймъ. Владиміръ 1903.—Его же, Первое прибавленіе къ книгѣ Фарфоръ и фаянсъ Россійской Имперіи. Владиміръ 1904.

Болѣе или менѣе связные очерки по исторіи русской керамики имѣются въ нижеслѣдующихъ работахъ.

И. Забѣлинъ, Историческое обозрѣніе финифтяного и ценинного дѣла въ Россіи (Зап. Имп. Арх. О-ва, т. 6. Спб. 1855, стр. 238—338). —Г. Ѳедченко, Гончарное производство (Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. Спб. 1862, т. I.). —Яковлевъ, Краткій очеркъ развитія фарфороваго производства въ Россіи. М. 1882. — В. И. Селезневъ, Производство и украшеніе глиняныхъ издѣлій въ настоящемъ и прошломъ. (Керамика). Спб. 1894. Стр. 308—338: Очеркъ развитія и современное положеніе керамической промышленности въ Россіи.—А. К. Крупскій, Фарфоровое производство (Россія въ концѣ XIX вѣка. Спб. 1900).

Печатные материалы и статьи, касающіеся, въ частности, Императорскаго фарфороваго завода, встрѣчаются въ слѣдующихъ работахъ и изданіяхъ на русскомъ языкѣ:

Г. Г. Георги, Описаніе россійскаго Императорскаго столичнаго города Петербурга и достопамятностей въ окрестностяхъ онаго. Спб. 1794, стр. 679. —Вл. Б—шевъ, Очеркъ исторіи мануфактуръ въ Россіи. Спб. 1833, стр. 53.—Указатель произведеній отечественной промышленности, находившихся на выставкѣ 1833 г. въ С.-Петербургѣ. Спб. 1833. —Тоже на выст. 1839. Спб. 1839. — Описаніе производства работъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ съ краткимъ обозрѣніемъ всѣхъ его частей. Спб. 1844. — А. Максимовичъ, Обозрѣніе выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ С.-Петербургѣ въ 1849 г. Спб. 1850. — Фабрики и заводы въ С.-Петербургѣ и С.-Петербургской губерніи въ 1865 г., вып. 4. Спб. 1866. - Тоже, вып. 5. Спб. 1868. Архивъ кн. Воронцова, т. V. М. 1872, стр. 472 -473. — Статистическій временникъ Россійской имперіи, т. I. Спб. 1866. — Всероссійская мануфактурная выставка 1870 г. Спб. 1870. - К. Скальковскій, Всероссійская мануфактурная выставка въ промышленномъ отношеніи. Спб. 1870 г. —Иллюстрированное описаніе всероссійской мануфактурной выставки 1870 г. Спб. 1870 г. - Отчетъ о всероссійской мануфактурной выставкѣ 1870 г. въ С.-Петербургѣ. Спб. 1871. — Голосъ за 1875 г., № 213. — Отчетъ о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 г. въ Москвѣ, т. III. Спб. 1883. -- Тоже, т. VI. Спб. 1884.—Д. Ѳ. Кобеко, Скульпторъ Ж. Д. Рашетъ и его произведенія (Вѣстн. Изящ. Иск., т. I, вып. IV, 1883 г. На стр. 641 — 644 изложена вкратцѣ исторія Импер. фарф. завода. — А. А. Орловъ, Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи и Царства Польскаго. Изд. 2-е. Спб. 1887, стр. 307. — М. И. Пыляевъ, Забытое прошлое окрестностей Петербурга. Спб. 1889, стр. 70—72. -Каталогъ книгамъ, изданіямъ и рисункамъ музея Императорскаго фарфороваго завода, основаннаго на теперешнемъ его мѣстонахожденіи въ 1744 г. Спб. 1890, стр. 5 — 70 (полнаго изданія), 5 — 27 (краткаго изданія). – В. И. Селезневъ, l. c., стр. 320 — 322. - М. И. П., Къ 150-лѣтію

фарфороваго завода (Новое Время 1894 г., № 6618). Императорскій фарфоровый заводъ (приложеніе къ газетѣ Новое Время 1894 г., №№ 192—194). — Указатель художественно-промышленнаго музея при Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія. Отд. I и II. М. 1894.—А. Коробовъ, Императорскій фарфоровый заводъ (Всемірная Иллюстрація 1895 г., № 1401, стр. 451 — 454). — П. И. Щукинъ и Е. В. Федорова, Опись старинныхъ вещей собранія П. И. Щукина, ч. I. М. 1895, стр. 124—125; ч. 2. М. 1896, стр. 1—24, 89—95, 113, 127, 188—191, 198—199, 229 230. — Каталогъ художественныхъ предметовъ и рѣдкостей XVI, XVII, XVIII и нач. XIX в. Собраніе С. Э. и В. Я. Евдокимовыхъ. Спб. 1898, стр. 1 — 28, 359 – 361. – Тоже, прибавленіе II. Спб. 1899, стр. 3.—Тоже, прибавленіе III Спб. 1900, стр. 3.—Н. П. Собко, Императорскій фарфоровый заводъ въ С.-Петербургѣ (Искусство и Художественная Промышленность, № 4 - 5, 1899, стр. 299—322). —Состоящая подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества В. К. Елисаветы Маврикіевны международная выставка керамическихъ издѣлій въ С.-Петербургѣ 1900 г.: Каталогъ издѣлій Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ. Спб. 1900 г. — Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества, т. III. Спб. 1900, стр. 199.—Б. В. Замѣтка о фарфоровомъ производствѣ (Искусство и Художественная Промышленность, годъ III, № 6, мартъ 1901, стр. XLI—XLIII). Издѣлія Императорскаго фарфороваго завода въ С.-Петербургѣ 1901 г. (Тамъ же, годъ IV (1902), № 1 (37), стр. I—IV).—Каталогъ русскаго фарфора коллекціи Н. А. Лукутина. М. 1901, стр. 1—42.—Обзоръ дѣятельности Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ за время царствованія Императора Александра III, ч. I, кн. 2. Спб. 1901, стр. 268—287: Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы. Каталогъ Весенней выставки 1902 г., стр. 36 39. — Каталогъ выставки „Старый Петербургъ". Спб. 1903, №№ 131, 133, 134, 143 и др. Л. Доротинъ, Новѣйшая русская керамика (Новый Міръ 1903, № 118, стр. 296 — 302). — Е. Черновъ, Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы (Живописная Россія 1903, №№ 152, 153, стр. 561—564, 578—580).—А. В. Селивановъ, l. c., стр. 97—101. –Его же, Первое прибавленіе, стр. 20—22.—В. И. Петровъ, Мѣтки русскаго и иностраннаго фарфора, фаянса и майолика. М. 1903; 2-е изд. М. 1904. (Указывается для полноты литературы, пользованіе же этой книгой, особенно 2-мъ изд., можетъ вести даже опытнаго коллекціонера къ большимъ ошибкамъ).—Н. Спиліоти, Фарфоръ на Исторической Выставкѣ предметовъ искусства въ С.-Петербургѣ 1904 г. (Художественныя Сокровища Россіи, годъ IV, № 6, 7, 8. Объ Имп. фарф. зав.: стр. 127—135, 164—169, 231, 232, 236, 242—3, 246). N. S., Новыя художественныя произведенія Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ (тамъ же, стр. 175—209, 233 — 234, 244). М., Художественныя Сокровища Россіи, II. (Фельетонъ въ Новомъ Времени, 1904 г., № 10.208). Н. фонъ-Гукъ, Новое и старое Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ (Фельетонъ въ Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 17 дек. 1904).

Иностранные авторы рѣдко упоминаютъ о русскомъ Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, да и то даютъ совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Напр., Броньяръ (Traité des Arts Céramiques, 3-e éd., t. II) говоритъ о русскомъ фарфорѣ на стр. 416—417, при чемъ возникновеніе Императорскаго фарфороваго завода въ С.-Петербургѣ относитъ правильно къ 1744 г., но приписываетъ основаніе его барону Ивану Антинновичу (Yvan Antinnovitch), искажая такимъ образомъ имя барона Ивана Антоновича Черкасова. Немного ниже, на стр. 477, Броньяръ основаніе завода относитъ уже къ 1758 г., а на стр. 493 къ 1756 г. Такія же невѣрныя свѣдѣнія даетъ и А. Demmin (Guide de l'amateur de faïences et porcelaine, 4-e éd, t. 3. Paris 1873, стр. 1183—4): онъ утверждаетъ, будто нѣмецкій мастеръ Richter безуспѣшно производилъ опыты сначала въ Москвѣ, потомъ, въ 1725 г., въ Петербургѣ; преемникъ Рихтера, нѣмецкій мастеръ неизвѣстнаго имени, наладилъ уже фабрику, которую и продалъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1756 г. Demmin дѣлаетъ догадку, со словъ Григоровича, что этотъ мастеръ былъ Beausobre. Ошибки Броньяра и Demmin'а повторяетъ Енникке (Fr. Jaennicke) въ своемъ капитальномъ трудѣ (Grundriss der Keramik), упоминая какъ объ Антинновичѣ, основавшемъ фабрику въ 1746 г., такъ и о нѣмецкомъ мастерѣ Рихтерѣ (стр. 822, 823, 913, 914). — Изъ другихъ иностранныхъ изданій, въ которыхъ встрѣчаются отрывочныя свѣдѣнія объ Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, можно указать еще: Exhibition of the Works of Industry of all Nation 1851, London: Reports by the Juries, стр. 542; Official descriptive Cataloge 318, стр 1376. — Oesterreichischer Bericht über die Welt-Ausstellung zu Paris im Jahre 1867: IV, Glas und Thonwaarenfabrikation. Wien 1868, стр. 217—218.—Richard cav. Giulio, Relazione sulle industrie ceramica e vetraria all esposizione universale di Vienna nell'anno 1873, del Giurato R. cav. G. Milano 1874, стр. 65. - Jaennicke, Marken und Monogramme. Stuttgart 1878. — J. G. Th. Graesse, Guide de l'amateur de Porcelaines et de Poteries. 7-e éd. Dresde 1885, стр. 181.—Ris-Paquot, Dictionnaire des marques et monogrammes, 5-e éd. Paris. 1880.—Его же, La Céramique Paris 1888, стр. 281.—Léon Lefêvre, Manufactures officielles de Céramique: Manufactures impériales russes de porcelaine et de cristaux à St. Pétersbourg (La Céramique, Déc. 1901, № 143, стр 123 5).—Kunstporzellan der kaiserl. russischen Porzellanmanufaktur (Velhagen & Klasings Monatshefte, XVII Jahrg. 1902—1903. H 10, Juni 1903, стр. 477—8). H. Pudor, Russische Porzellane (Mode und Haus, 1903, № 5, стр. 67).—Его же, Dokumente des modernen Kunstgewerbes. Serie A. Keramik und Glasindustrie, I. B., H. 1—4, стр. 33 -5: Die Kaiserlich russische Porzellan-und Glas-Manufaktur in St. Petersburg; H. 5, стр. 19, 22, 24.—Roseau, Nouveau mouvement d'art aux manufactures impériales de porcelaine et de verrerie de St. Pétersbourg (L'Art Décoratif. Nov. 1904, № 74, стр. 161—170).

3. Такъ какъ свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть изъ существующей литературы относительно прошлаго Императорскаго фарфороваго завода, крайне недостаточны и, въ большинствѣ, не достовѣрны, то для составленія его исторіи пришлось преимущественное вниманіе обратить на первоисточники, изъ которыхъ до сихъ поръ были опубликованы только весьма немногіе: въ Сборникѣ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. 9, М. 1901, стр. 434 — 475 (печатаны по неособенно тщательно снятымъ копіямъ съ дѣлъ Московскаго отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора, безъ указанія, впрочемъ, источника, вслѣдствіе чего нѣкоторые документы вновь напечатаны съ оригиналовъ въ отдѣлѣ приложеній) и въ Полномъ Собраніи Законовъ: изданіе 1-е, т. XVII, № 12.357, т. XVIII, № 12.885; т. XX, № 14.855; т. XXIII, № 17.071; т. XXVII, № 20.424; т. XXVIII, № 21.152 и нѣк. др.

При собираніи архивныхъ матеріаловъ затрудненіе заключалось въ томъ обстоятельствѣ, что обширный архивъ Императорскаго фарфороваго завода, въ которомъ хранились, еще въ семидесятыхъ годахъ XIX ст., весьма важные для исторіи завода документы за время съ 1757 г, къ сожалѣнію, не сохранился, за исключеніемъ весьма немногихъ документовъ. Теперь наиболѣе обширный матеріалъ для исторіи завода находится въ Московскомъ и С.-Петербургскомъ отдѣленіяхъ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора. Свѣдѣнія, извлеченныя изъ матеріаловъ отдѣленій Архива Мин. Императорскаго Двора, дополнены свѣдѣніями по документамъ другихъ архивовъ: Государственнаго, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Архива Правительствующаго Сената, архивовъ Императорской Академіи Наукъ и Императорской Академіи Художествъ, Архива Главнаго Управленія Удѣловъ, также по текущимъ дѣламъ Земельно-Заводскаго отдѣла Кабинета Е. И. В. и Управленія Императорскими фарфоровымъ и стекляннымъ заводами.

Вещественные памятники, служившіе пособіемъ при составленіи исторіи Императорскаго фарфороваго завода, хранятся преимущественно въ Императорскихъ дворцахъ: Зимнемъ, Петергофскомъ, Царскосельскомъ, Б. Кремлевскомъ въ Москвѣ, въ Павловскомъ и др. и въ музеѣ Императорскаго фарфороваго завода. Изъ другихъ собраній, въ которыхъ имѣются произведенія Императорскаго фарфороваго завода прошлыхъ временъ, отли-

чаются своею обширностью, систематичностью или цѣнностью хранящихся въ нихъ предметовъ слѣдующія: Его Императорскаго Высочества В. К. Николая Николаевича, кн. А. С. Долгорукаго, С. Э. и В. Я. Евдокимовыхъ, И. А. Бибикова, гр. А. А. Мусина-Пушкина, кн. Ф. Ф. Юсупова, гр. Зубовыхъ и И. Ф. Гейне въ С.-Петербургѣ; Н. А. Лукутина, П. И. Щукина въ Москвѣ.

МѢРОПРІЯТІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ РАЗВИТІЮ ВЪ РОССІИ КЕРАМИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.

1. Объясненіе слова „ценинный“ далъ И. Е. Забѣлинъ: Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценинпаго дѣла въ Россіи. Записки Имп. Арх. О-ва, т. 6, Спб. 1855. Стр. 278—280, 337.

2. „Опись пожиткамъ царевича Алексѣя Петровича, описываны въ іюлѣ м-цѣ 1724 году“: Г. А. — разр. IX, 2-е отд., кн. 94, л. л. 18—22. (О посудѣ л. 20 об.).

3. „По переписке жъ господина маэора Ушакова, что онъ описывалъ въ Преображенскомъ, во дворцѣ, въ кладовой полаткѣ въ нынѣщнемъ ҂ѱ҃з году октября въ ѳ҃і числѣ, кромѣ денежной казны, которая опись осталась въ Преображенскомъ приказѣ“ . . . : тамъ же, кн. 34, л. л. 452—466.

4. Чер. письмо Царя Петра I къ Бранту объ отправкѣ изъ Амстердама въ Петербургъ подарковъ О. Соловьева, б. д.: тамъ же, 1-е отд., кн. 64, л. 433. — „Опись вещамъ взятымъ изъ дома Осипа Соловьева, отправленнымъ къ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“: тамъ же, кн. 88, л.л. 340—341, 342 344.

5. „1715 г. октября въ 20 д., что принято въ домъ Царскаго Величества изъ Москвы, изъ Сибирскаго приказу, присланнаго отъ князь Матвѣя Гагарина“: тамъ же, кн. 88, л. л. 180—182. Ценинные цвѣтники и посуда упоминаются на л. л. 180 и 181. — „Щетъ, что про обиходъ Царскаго Величества издержано, представленный Христофоромъ Брантомъ въ 1718 г.:“ тамъ же, кн. 35, л. л. 60—62. На л. 60: „за купленные Его Царскому Величеству порцелины“. . . — Роспись китайской посудѣ [до 1721]: тамъ же, кн. 53, л. л. 1004—1005.

6. Напр. въ „росписи, коликое число бояринъ князь Борисъ Ивановичъ Прозоровской за женою своею, боярынею княгинею Ириною Михайловною приданаго взялъ,“ . . . упоминаются, между прочимъ, „два сундука посуды стеклянной, фарфоровой и виницейской:“ тамъ же, кн. 92, л. л. 373—375, цитата на л. 374.

7. Историческія свѣдѣнія о китайскомъ торгѣ и караванѣ см. м. п.: Г. А. — разр. IX, 2-е отд., кн. 37, л. л. 74 -100 (подъ 1718 г.); кн. 73, л. л. 1018 1036 (подъ 1725 г.).

8. Тамъ же, 1-е отд., кн. 64, л. 433; 2-е отд., кн. 88, л. л. 340, 342.

9. Тамъ же, 2-е отд., кн. 30, л. 512 (1716 г.); кн. 35, л. л. 60—62 (1718 г.); кн. 37, л. л. 171—173 (1718 г.); кн. 92, л. л. 373—375 (1718 г.).

10. Свѣдѣнія о заводахъ Минтера и Вестова: Г. А. — разр. XVI, д. 556: „Объ утвержденіи за купцомъ Аѳанасьемъ Гребенщиковымъ купленной имъ въ Москвѣ земли отъ иностранца Павла Вестова подъ черепичные заводы“.

11. J. K. Sybel, Ueber die Porzellan-Manufaktur zu Plaue in Biester (Neue Berliner Monatsschrift 1811. Bd. 26, стр 194). A. Pabst, Beiträge zur Geschichte der Kunsttöpferei (Kunstgewerbeblatt N. F. 2., стр. 32) - K. Berling, Das Meissner Porzellan, стр. 23, 169.

12. Приложеніе № 1.

13. Г. А. — разр. IX, 2-е отд., кн. 30, л. 512.

14. Во многочисленныхъ спискахъ и вѣдомостяхъ русскимъ людямъ, посланнымъ въ З. Европу для обученія разнымъ ремесламъ и искусствамъ, мы не встрѣтили упоминанія объ ученикахъ керамики. Списки и вѣдомости эти за различные года находятся въ книгахъ Кабинета Петра В.: Г. А. — разр. IX.

15. Свѣдѣнія о приглашеніи въ Россію порцелиннаго мастера Эггебрехта почерпываются изъ переписки между кабинетъ-секретаремъ А. В. Макаровымъ и россійскимъ министромъ при прусскомъ дворѣ А. Г. Головкинымъ и между послѣднимъ и чрезвычайнымъ посломъ въ Саксоніи и Польшѣ кн. Г. Д. Долгоруковымъ, также изъ донесеній Головкина Царю Петру I и изъ контракта, заключеннаго Головкинымъ съ Эггебрехтомъ. Эти документы хранятся частью въ Г. А. — разр. IX, 2-е отд., кн 35, л. л. 326, 328—329, 331—332, 334—336, 338—339, 342—343, 344—345, 348—350, 352 353, 357 и об., 364—365, 367, 374 — 375, 376, 380; частью въ М. Г. А. Ин. Д.: сношенія Россіи съ Польшею, св. 84.

16. Литература объ Эггебрехтѣ: C. A. Engelhardt, J. F. Böttger, Erfinder des sächsischen Porzellans. Lpz. 1837, стр. 580 и слѣд. — W. v. Seidlitz, Die Meissner Porzellan-Manufaktur unter Böttger. Neues Archiv für sächsische Geschichte, Bd. 9, стр. 115 и слѣд. K. Berling, Das Meissner Porzellan, стр. 13, 15, 16, 39, 67 и 203.

17. Письма Головкина къ Долгорукову, 18 февр. и 23 марта 1718: М. Г. А. Ин. Д. сношенія Росс. съ Польш., св. 84.

18. Донесеніе Головкина Царю Петру I, изъ Берлина, 15 апр. 1718: Г. А. — разр. IX, 2-е отд., кн. 35, л. л. 335—336. — Письма Головкина къ Макарову, 2 февр., 8 и 25 мар., 15 апр. и 20 мая 1718; тамъ же, л. л. 352—353, 334 и об., 331 -332, 357 и об., 342—343. — Письма Головкина къ Долгорукову, 18 февр., 4 и 23 мар. и 1 апр. 1718: М. Г. А. Ин. Д. — снош. Россіи съ Польшею, св. 84. — Письма Долгорукова къ Головкину, 26 февр. и 2 апр. 1718: тамъ же.

19. Донесеніе Головкина Царю Петру I, изъ Берлина, 31 мая 1718: Г. А. — разр. IX, 2-е отд., кн. 35, л. л. 348 350. — Письмо Головкина къ Макарову, 31 мая 1718: тамъ же, л. л. 338 339. — Контрактъ съ Эггебрехтомъ: приложеніе № 2.

20. Письмо Головкина къ Макарову, 31 мая 1718: Г. А. разр. IX, 2-е отд., кн. 35, л. л. 338—339.

21. Письмо Головкина къ Макарову, 6 сент. 1718: тамъ же, л. 376.

22. Приписки на письмѣ Головкина къ Макарову, 30 авг. 1718, и на переводѣ съ контракта Эггебрехта: приложенія №№ 2 и 3.

23. Изъ иностранныхъ источниковъ извѣстно, что Петеръ Эггебрехтъ умеръ въ 1740 г. въ Дрезденѣ и до смерти завѣдывалъ попрежнему фаянсовой фабрикой (см. Berling, l. c., стр. 39, 67, 203; также прим. 16). Вѣроятнѣе всего, что по истеченіи срока контракта, Эггебрехтъ не захотѣлъ дальше оставаться на русской службѣ и возвратился немедленно въ Дрезденъ къ своей семьѣ, не успѣвъ завести въ Россіи прочнаго дѣла. Г. Ленертъ (G. Lehnert, Das Porzellan. Bielefeld u. Leipzig, 1902, стр. 92) ошибочно относитъ пребываніе Эггебрехта въ Россіи къ 1760 г.

24. Въ архивныхъ документахъ сохранилось указаніе, что Петръ I приглашалъ въ Россію еще одного порцелиннаго мастера: Христофа Конрада Гунгера, который впослѣдствіи заводилъ фарфоровую фабрику въ Петербургѣ. Несмотря на выгодныя условія, Гунгеръ отъ предложенія Царя отказался. Однако, такъ какъ о приглашеніи Царемъ Петромъ Гунгера извѣстно только со словъ самого же Гунгера, который особеннаго довѣрія не заслуживалъ, то этотъ фактъ нельзя считать доказаннымъ. — Прошеніе, поданное Гунгеромъ на имя Императрицы Елисаветы Петровны, 13 нояб. 1744; нѣмец. оригиналъ съ перев. на русс. яз.: М. О. А. Дв. —оп. 315, д. 1, л. л. 28—31.

25. Послѣ 1719 г. ни въ перепискѣ Императора Петра I, ни въ перепискѣ каб.-секретаря Макарова не встрѣчается больше упоминанія о порцелинныхъ мастерахъ. Нѣтъ этихъ мастеровъ и въ спискахъ на жалованье.

26. Свѣдѣнія, сообщенныя въ Traité des Arts Céramiques Броньяра ошибочны: см. прим. 34.

27. Г. А. — разр. XIX, д. 379: Извѣстія о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи. О фабрикѣ табачныхъ трубокъ и ценинной посуды Гребенщикова на л. 116. — Въ этомъ дѣлѣ находится переплетенная книга in-f⁰: „Вѣдомости, поданныя въ Верховный

Тайный Совѣтъ отъ Манифактуръ-коллегіи о состояніи манифактуръ и фабрикъ; тутъ же мнѣніе Вотчинной коллегіи объ учрежденіи оной (оныхъ?) въ Москвѣ." Второе заглавіе: „Поданныя отъ Манифактуръ-конторы вѣдомости всѣхъ манифактуръ и фабрикъ, состоящихъ въ дирекціи Высокаго Сената Манифактуръ-конторы, содержащіяся коштомъ Его Императорскаго Величества и компанейскими капиталы." Даты нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, не позднѣе 1727 г.

28. П. С. З. изд. 1-е, т. VII, № 4.378.

29. Дѣло по челобитной гостиной сотни Аѳанасія Гребенщикова о дачѣ ему позволенія въ покупкѣ для содержанія и распространенія ценинной его фабрики . . . . деревень съ людьми . . . . М. А. Ю. дѣла Прав. Сената, кн. 36/940, д. 20, л. л. 466 и сл.

30. А. Исаевъ, Промыслы Московской губерніи, т. 2. М. 1876.—Сбор. ст. свѣд. по Моск. губ., вып. 4—1. 1880.

31. П. С. З. — изд. 1-е, т. IX, № 6.858.

32. См. прим. 29. — Докладъ Сената былъ собственноручно подписанъ Императрицею, 27 іюля 1744 г., въ присутствіи Сената: П. С. З. — изд. 1-е, т. XII, № 9.004.

33. По вѣдомости Мануфактуръ-коллегіи за 1768 г.: „сколько къ какимъ фабрикамъ куплено крестьянъ и людей безъ земель," значится, что Гребенщиковъ купилъ къ своей фабрикѣ 378 душъ, въ томъ числѣ состояло на фабрикѣ при работахъ 42, а въ деревняхъ 336: Г. А. — разр. XIX, д. 40: „Собственноручный указъ Екатерины II о обложеніи купечества и мѣщанства особливою податью на время войны и докладъ 1769 г. съ вѣдомостями о фабрикахъ и заводахъ."

34. Броньяръ говоритъ (Traité des Arts céramiques, т. 2, стр. 477), что въ 1700 г. въ Москвѣ возникла фабрика мягкаго фарфора (porcelaine tendre). — Несомнѣнно, что Броньяръ здѣсь имѣетъ въ виду фабрику Гребенщикова, о которой, однако, имѣлъ невѣрныя свѣдѣнія и потому смѣшалъ ее съ черепичнымъ заводомъ Минтера, потомъ Вестова, возникшимъ, дѣйствительно, около 1700 г. — См. текстъ стр. 2.

35. Именной указъ, объявленный сенаторомъ Нарышкинымъ, 26 марта 1753 г., о заказѣ для подмосковскихъ дворцовъ „ценинной посуды съ гербами и литерами, съ разными цвѣтками, для Двора въ с. Алексѣевскомъ, Братовщинѣ и Воздвиженскомъ на заводѣ Гребенщикова:" П. О. А. Дв.—оп. 36/1629, д. 88, л. 55.

36. Объ этомъ: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. л. 42, 43, 50 и др. Текстъ стр. 12, 13, 19.

37. М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 1, л. л. 235—236. Текстъ стр. 19.

38. Письмо В. Пестеля къ бар. Черкасову, 18 іюня 1747: тамъ же, д. 7, л. 2. — Письмо Аѳ. Гребенщикова къ бар. Черкасову, 18 іюня 1747: тамъ же, л. 3. — Письмо Ив. Гребенщикова къ бар. Черкасову, 18 іюня 1747: тамъ же, л. 4.

39. Письмо бар. Черкасова къ Ив. Гребенщикову, 25 мая 1747: тамъ же, л. 1.

40. Письмо Аѳ. Гребенщикова къ бар. Черкасову, 13 окт. 1746: тамъ же, д. 1, л. л. 290—291.

41. О вывозѣ китайскимъ караваномъ керамическихъ издѣлій изъ Китая при ближайшихъ преемникахъ Императора Петра I см., напр., „всеподданнѣйшее доношеніе Сибирскаго приказа о китайскихъ товарахъ и вещахъ, отправленныхъ въ Москву директоромъ россійскаго каравана Лоренцомъ Лангомъ," 15 нояб. 1733, въ дѣлѣ „о торговлѣ съ Китаемъ": Г. А.—разр. XIX, д. 259.

42. По трактату между Россіей и Китаемъ, заключенному въ 1728 г., было положено, что русскіе купцы могутъ приходить съ караваномъ въ Пекинъ чрезъ каждые три года. См. всепод. докладъ Сената, 17 дек. 1750: тамъ же, л. 155.

43. Приложеніе № 4.—О Мясниковѣ: Г. А. разр. XIV, д. 68: „о товарахъ, доставляемыхъ ко Двору изъ китайскаго каравана". Здѣсь о Мясниковѣ имѣются, между прочимъ, такія свѣдѣнія: „житель тобольскій, искусство имѣетъ серебрянаго, золотого, слесарнаго и кузнечнаго дѣла и починку и исправленіе часовъ карманныхъ и стѣнныхъ." Въ первый разъ Мясниковъ ѣздилъ въ Пекинъ при китайскомъ караванѣ съ Саввой Рагузинскимъ, взятый послѣднимъ для починки часовъ.

44. Фамилію эту въ документахъ пишутъ различно: Лебратовскій, Либретовскій, Лебретовскій, Любретовскій. Личная его подпись всегда: Лебратовскій. Указъ о бытіи директоромъ китайскаго каравана Лебратовскому вмѣсто Фирсова, 17 фев. 1744; копія указа: Г. А. - разр. XIV, д. 28, л. 203.

45. Приложеніе № 5.—1 китайская лана равнялась русскимъ 1 руб. 60 к.—1 руб. 70 коп.: Г. А.—разр. XIV, д. 68, обложка 13.— Слѣдуя выводамъ проф. Ключевскаго (Русскій рубль въ XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему. М. 1884), затраченную Лебратовскимъ сумму необходимо приравнять 30.000 р. по современной стоимости денегъ.

46. Дальнѣйшій разсказъ основанъ на всеподданнѣйшемъ доношеніи Лебратовскаго, изъ Иркутска, 17 окт. 1746: приложеніе № 5.

47. Экстрактъ изъ дѣла по доношенію Алексѣя Курсина, 28 апр. 1748: М. О. А. Дв. оп. 315, д. 1, л. л. 410—411. Всепод. донош. Лебратовскаго, 20 нояб. 1747: тамъ же, л. л. 440 -442.

48. Приложеніе № 6. — Оригинальный указъ, состоявшійся 30 іюня 1747: П. О. А. Дв. — оп. 36/1629, д. 69, л. 18. Копія указа въ „Книгѣ записной копій именнымъ указамъ, за подписаніемъ Ея Имп. В-ва собственныя руки 1747 г: Г. А. - разр. XVI, д. 5.в, л. 66. — Письмо Разумовскаго приводитъ Н. Собко въ своей статьѣ: „Императорскій фарфоровый заводъ въ Петербургѣ," но въ искаженномъ видѣ. Въ датѣ цифра 7 принята за 2, и потому документъ отнесенъ къ 1742 г.; затѣмъ всѣ собственныя имена подверглись превращеніямъ: управлявшій Кабинетомъ Ея В-ва бар. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ превратился въ Ивана Рафаловича, Либретовскій — въ Либрета, а Барышниковъ — въ Безутимазея.

49. Требовательная записка Лебратовскаго, 12 мая 1747, и резолюція бар. Черкасова: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 2, л. 48.

50. 2 письма Лебратовскаго къ Василію Ивановичу Ольхину, 27 іюня 1747: тамъ же, д. 1, л. л. 377, 380. — Открытый листъ, выданный изъ Каб-та людямъ Лебратовскаго Алексѣю Курсину и Дмитрію Попову на свободное исканіе земель на Олонцѣ, 27 іюня 1747: тамъ же, л. 382.

51. Донош. Курсиныхъ Лебратовскому, 7 нояб. 1747: тамъ же, л. л. 445—446.

52. Всепод. донош. Лебратовскаго, 20 нояб. 1747: тамъ же, л. л. 440 442.

53. Отнош. ген.-прок. кн. Трубецкого къ бар. Черкасову, 12 авг. 1748, съ экстрактомъ изъ дѣла Курсиныхъ и Лебратовскаго: тамъ же, л. л. 409—410—412.

54. Донош. Лебратовскаго въ Каб-тъ, 26 дек. 1748: тамъ же, л. л. 433—434.

55. Письмо бар. Черкасова къ Виноградову по поводу секрета Лебратовскаго и Курсиныхъ, 29 іюля 1747: тамъ же, д. 2, л. 66.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ И ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III.

1. Приложеніе № 7.

2. Напр.: письмо ген. Кейта къ вице-канцлеру Бестужеву-Рюмину о какомъ-то прожектерѣ, который просился на службу Ея Величества, 14 дек. 1743: М. Г. А. Ин. Д. снош. Россіи съ Швеціею, III/1394, св. 96, за 1743 г., № 10. — Реляція бар. Корфа, изъ Стокгольма, 7/18 дек. 1744 (просится на службу Гвардстейнъ—по горному дѣлу), и его же письмо къ в.-канцлеру Б.-Рюмину (о мануфактуристѣ Ревилье, желавшемъ завести въ Россіи бархатную фабрику): тоже, за 1744 г., св. 98.—Въ реляціи отъ 6 апр. 1744, Кейтъ писалъ: „На сихъ дняхъ явилось у меня здѣшнихъ суконныхъ мануфактуръ не малое число ткачей, съ объявленіемъ, что имѣютъ охоту ѣхать въ Россію:" тамъ же.

3. Напр., ген. Кейту былъ посланъ указъ о прiисканiи въ Швецiи искуснаго медальера, 3 апр. 1744: тамъ же, св. 96, за 1744 г., № 11.

4. Коп. указа за подпис. Ея Имп. В-ва соб. руки ген. Кейту, о выведенiи войскъ изъ Швецiи, 15 iюня 1744: тамъ же, за 1744 г., № 21. — Г. А. – разр. XVI, д. 5.з, л. л. 151—153.

5. Коп. указа Кейту, о вывезенiи въ Россiю Гунгера, 15 iюня 1744: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 7; Г. А. — разр. XVI, д. 5.з, л. 75 и об.

6. Всепод. рапортъ Кейта изъ Стокгольма, iюнь 1744: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 8.

7. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ (1692—1757), сначала канцеляристъ въ Кабинетѣ Императора Петра I, дослужился потомъ до званiя тайнаго кабинетъ-секретаря. Какъ приверженецъ Бестужева, онъ во время господства Меньшикова попалъ въ опалу и былъ смѣщенъ съ занимаемой должности. Послѣ паденiя временщика положенiе Черкасова не измѣнилось къ лучшему. Когда же вступила на престолъ Императрица Елисавета Петровна, считавшая долгомъ покровительствовать всѣмъ бывшимъ сподвижникамъ своего Великаго отца, Черкасовъ прiобрѣлъ большое влiянiе, былъ сдѣланъ управляющимъ возстановленнаго Кабинета Ея Величества, получилъ деревни и баронскiй титулъ. Современники характеризуютъ Черкасова какъ человѣка, не получившаго надлежащего образованiя, рѣзкаго въ обращенiи и любившаго покой. Однако, тотъ фактъ, что Черкасовъ дослужился до высокаго поста въ царствованiе Великаго Государя, свидѣтельствуетъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, былъ способный и дѣловой человѣкъ. –А. Д-та Г. кн. рѣш. д.д., № 39, л.л. 297—299.—Статья Н. Павлова-Сильванскаго въ Русск. бiогр. словарѣ. Тамъ же указана и литература о Черкасовѣ.

8. Отношенiе бар. Черкасова къ Императорской шпалерной мануфактурѣ весьма характерно: онъ систематически довелъ ее до полной гибели, избравъ для этого средство—не давать денегъ на содержанiе мануфактуры. Не получая годами ни жалованья, ни дровъ, ни свѣчъ, мастера и рабочiе разрушали деревянныя фабричныя зданiя для топки своихъ квартиръ и даже просили на улицѣ милостыню. Шепелевъ многократно представлялъ всеподданнѣйшiе доклады и писалъ лично бар. Черкасову. Но Черкасовъ на письма не обращалъ никакого вниманiя, а докладамъ, пользуясь преимуществомъ своего положенiя передъ Шепелевымъ (царедворцемъ предшествовавшаго царствованiя), не давалъ ходу. Только когда бар. Черкасова не стало въ Кабинетѣ, Императрица имѣла возможность узнать правду о положенiи шпалерной мануфактуры и принять мѣры къ ея возстановленiю. -Спилioти, Императорская шпалерная мануфактура (Худ. Сокр. Рос., годъ III, № 4—8).

9. Литература о Гунгерѣ, несмотря на то, что этотъ авантюристъ посѣтилъ чуть-ли не всѣ страны Европы, очень скудна. Неполныя свѣдѣнiя о его жизни и дѣятельности до прiѣзда въ Россiю можно найти въ слѣдующихъ изданiяхъ: W. v. Seidlitz, Die Meissener Porzellan-Manufactur unter Böttger (Neues Archiv für sächsische Geschichte, т. 9, стр. 125 и сл.). — Aug. Demmin, Guide de l'amateur de faïences et porcelaines. Paris 1873, т. 2, стр. 1045. — J. Brinckmann, Katalog des Hamburger Museums für Kunst und Kunstgewerbe. 1894, стр. 357 и слѣд. — G. v. Ulrich, Die Porcellanfabrik zu Kopenhagen während des 18 Jahrhunderts (Kunstgewerbeblatt, N. F., т. V, стр. 209 и слѣд.) — J. v. Falke, Die k. k. Wiener Porzellanfabrik. Wien 1887, стр. 7. — K. Berling, Das Meissner Porzellan. Leipzig 1900, стр. 30, 34, 35, 39, 64. — Pazaurek, Neues über den Mitbegründer der Wiener Porzellanfabrik (Mitteilungen des Nordböhmischen Gewerbemuseums. Reichenberg 1903. XXI Jahrgang, № 1, стр. 1—9).

10. Въ томъ же самомъ письмѣ Гунгеръ сообщалъ и о приглашенiи его Импер. Петромъ В. въ Россiю. Примѣч. 24 къ главѣ: Мѣропрiятiя правительства.

11. Рѣрстрандская фабрика основана въ 1727—1728 г., компанiей подъ протекцiей барона Петра Адлерфельта. Она пользовалась привилегiей и правительственной субсидiей.—A. Demmin, т. 2, стр. 982—985.—F. Jaennicke, Grundriss der Keramik, стр. 643, 912. -Ris-Paquot (La Céramique, стр. 215) относитъ основанiе фабрики къ 1726 г.

12. Промеморiя Гунгера на нѣмец. съ перевод. на русс., б. д. (нояб. 1744 ?): М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. л. 34—35.

13. Письмо Генрихсена къ Гунгеру съ перевод., 10 окт. 1744: тамъ же, л. л. 23—24, 426—427 (перев.), 425—428 (оригин.).

14. О вывозѣ семьи Гунгера въ Россiю см. различ. документы: тамъ же, л. л. 28 и 31, 29—30, 88 и об., 107 и об., 108, 110 и об., 111—112, 113 и об., 114 и об., 137 и об., 138 и об., 141, 142, 144, 148, 149, 151—152, 153 об., 154, 155, 156—157 об., 158—165.

15. Отпускъ письма бар. Черкасова къ гр. Бестужеву-Рюмину, 28 мая 1745: тамъ же, л. 108.

16. Отп. инструкцiи изъ Кабинета серж. Воронину, 29 мая 1745: тамъ же, л. л. 111—112.

17. Реестры расходамъ Воронина въ Стокгольмѣ, представленные въ Каб-тъ 24 сен. 1745: тамъ же, л. л. 156—157 об. Векселя и долговыя расписки Гунгера и его жены, выданные разнымъ лицамъ въ Стокгольмѣ и оплаченные русскимъ правительствомъ: тамъ же, л. л. 158—165. — О затраченной на Гунгера суммѣ см. подробный расчетъ, сдѣланный въ Каб-тѣ Е. В., сен. 1745 (?): тамъ же, л. л. 149—150 об., 153, 153 об.

18. Отп. письма б. Черкасова къ Кейту, 13 августа 1744: тамъ же, л. 9.

19. Трезинъ или Дрезинъ, Андрей Екимовичъ, итальянецъ (Giuseppe Andrea Paolo Trezzini), прiѣхалъ въ Россiю при Петрѣ I, въ 1715 г., въ качествѣ архитектора. Онъ построилъ, между прочимъ, въ Петербургѣ зданiе двѣнадцати коллегiй (теперь Императорскiй университетъ), работалъ также при постройкѣ Петропавловской крѣпости и Александро - Невской лавры. Невскими кирпичными и черепичными заводами управлялъ съ 1743 г. Въ 1756 возвратился въ Италiю.—Энц. Словарь Брокгауза-Ефрона—Мат. для ист. И. Ак. Н.

20. Указъ изъ Каб-та Трезину, 13 авг. 1744: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. л. 9 об. — 10.

21. Письмо Кейта къ бар. Черкасову, 22 августа 1744: тамъ же, л. 13.

22. Письмо Трезина къ б. Черкасову, 23 авг. 1744: тамъ же, л. 12. — Письмо кн. Репнина къ б. Черкасову, 23 авг. 1744: тамъ же, л. 14.

23. Письмо Трезина къ б. Черкасову, 23 авг. 1744: тамъ же, л. 12 и об. — Извлеченiе изъ пис. б. Черкасова къ Демидову, 28 авг. 1744: тамъ же, л. 143. — Отп. пис. б. Черкасова къ ген. Кейту, 30 авг. 1744: тамъ же, л. 17 и об. — Извлеч. изъ писемъ Гунгера къ б. Корфу: тамъ же, л. 6 и об.

24. Справка изъ рапорта ген.-провiантмейстера о выдачѣ Гунгеру по ордеру ген. Кейта 1000 червонныхъ, 12 iюля 1744: тамъ же, л. 16. — Письмо Трезина къ б. Черкасову, 12 сен. 1744, тамъ же, л. л. 19 и 21. — Письмо Кейта къ б. Черкасову, 12 сен. 1744: тамъ же, л. 22 и об.

25. Письмо Трезина къ б. Черкасову, 12 сен. 1744: тамъ же, л. 20 (листокъ, приклеенный къ письму).

26. Письма Трезина къ б. Черкасову, 23 авг. и 12 сен. 1744: тамъ же, л. л. 12, 19—21. — См. также примѣч. 20.

27. Письмо Трезина къ б. Черкасову, 12 сент. 1744: тамъ же, л. л. 19—21.

28. Черн. указъ Трезину изъ Каб-та, 13 авг. 1744: тамъ же, л. л. 9—10. -Чер. пис. б. Черкасова къ кн. Репнину, 13 авг. 1744, и письмо Репнина къ Черкасову, 23 авг. 1744: тамъ же, л. л. 10 и 14. — Чер. пис. б. Черкасова къ Трезину, 30 авг. 1744: тамъ же, л. 17 об.

29. Письма Трезина къ б. Черкасову, 12, 27 и 29 сентября 1744: тамъ же, л. л. 20, 25, 26.

30. Прошенiе Гунгера, 13 ноябр. 1744: тамъ же, л. л. 29—30 (нѣм. ориг.), 28 и 31 (рус. пер.).

31. Различныя промеморiи и письма Гунгера къ б. Черкасову: тамъ же, на различ. листахъ.

32. О Виноградовѣ: Матерiалы для исторiи Императорской Академiи Наукъ. — Сборникъ матерiаловъ для исторiи

Императорской Академіи Наукъ въ XVIII в., изд. А. Куникомъ. — Протоколы засѣданій Конференціи Императорской Академіи Наукъ съ 1725 по 1803 годъ.—Собственноручныя письма Ломоносова къ Виноградову и Ив. Ант. Черкасову, сообщ. П. Пекарскимъ (Зап. Имп. Ак. Н., т. X, кн. 2 (1867), стр. 186—187). Г. А. - разр. XVII, д. 5: объ отправленіи за границу для образованія въ наукахъ Ломоносова, Виноградова и Рейзера и о возвращеніи въ Россію двухъ послѣднихъ, 1736 1744 г.г.; тамъ же, д. 6: бумаги и переписка Д. И. Виноградова, 1737 и сл.; тамъ же, д. 9: письмо Ломоносова къ Виноградову, 18 апр. 1741. — М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. л. 95—97 об., 120 и 121, 126 об., 136 и об.: различныя справки о жалованьи и содержаніи Виноградова за границей, съ приложеніемъ копіи съ доклада президента Академіи Наукъ б. Корфа въ Каб-тъ, 5 марта 1736, съ резолюціей Тайнаго Кабинета, 13 мар. 1736.

33. Письма заграничныхъ друзей Виноградова: Г. А. - разр. XVII, д. 6.

34. Свидѣтельства, выданныя Виноградову фрейбергскими спеціалистами: Августомъ Байеромъ (маркшейдерская наука), Іоганномъ Андреемъ Клочемъ (пробирная наука) и Іоганномъ Готлибомъ Керномъ (практическая архитектура, механика и устройство горныхъ заводовъ), хранятся въ Г. А. разр. XVII, д. 6; переводы свидѣтельствъ: тамъ же, д. 5.

35. Коп. пис. Генкеля къ Бреверну, 7 іюля 1741: тамъ же, д. 6; переводъ письма: тамъ же, д. 5, л. л. 10—13.

36. Коп. отзыва в.-през. Рейзера, 10 окт. 1744: тамъ же, л. л. 6 и 25, 18—19.—Рейзеръ писалъ, между прочимъ: „Я отъ всѣхъ, доселѣ съ довольнымъ жалованіемъ и коштомъ выписанныхъ бергмейстеровъ, ни одного не знаю, который бы его, Виноградова, во всѣхъ частяхъ горной науки чѣмъ перешелъ, но многіе ему и въ равенство не пришли“.

37. Коп. опредѣленія Бергъ-коллегіи, 10 окт. 1744: тамъ же, л. 19 об.

38. Отп. отнош. Каб-та Е. В. въ Бергъ-коллегію, 5 нояб. 1744: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 136.

39. Тамъ же, л. 27.

40. Письмо А. Гребенщикова къ б. Черкасову, 27 декабря 1744: тамъ же, л. л. 50—51.

41. Въ селѣ Кжели, на пустоши Ильиной добывалась глина мыловка, или мылянка, называвшаяся еще ильинкой; въ дер. Жировѣ — разновидность мылянки, подъ именемъ жировки; въ дер. Харитоновѣ — тоже жировка, но съ содержаніемъ большого количества желѣзнаго колчедана; наконецъ, въ дер. Коломенкѣ добывалась глина песчанка. — Подписанная А. Гребенщиковымъ вѣдомость о глинахъ, 1 дек. 1744: тамъ же, л. 43.

42. Промемор. Гунгера, 29 нояб. 1744: тамъ же, л. л. 40 (ориг.), 39 (перев.). — Письмо А. Гребенщикова къ б. Черкасову, 27 дек. 1744: тамъ же, л. л. 50—51.

43. Промемор. Гунгера, 13 нояб. 1744: тамъ же, л. л. 33 (ориг.), 32 (пер.).

44. Письмо Гунгера къ б. Черкасову, на нѣм. съ перев., 13 дек. 1744: тамъ же, л. л. 44, 45 и об.

45. Письмо А. Гребенщикова къ б. Черкасову, 27 дек. 1744: тамъ же, л. л. 50-51.

46. Отп. указа изъ Каб-та въ Главную дворцовую канцелярію, 12 дек. 1744: тамъ же, л. 42.

47. Промемор. Гунгера, 29 нояб. 1744, съ перев.: тамъ же, л. л. 39, 40.

48. Промемор. Гунгера, 16 дек. 1744, съ перев.: тамъ же, л. л. 48, 49.

49. Письмо А. Гребенщикова къ б. Черкасову, 27 дек. 1744: тамъ же, л. 50.

50. Письмо Гунгера къ б. Черкасову, 13 дек. 1744, съ перев.: тамъ же, л. л. 44, 45.

51. Письмо Трезина къ б. Черкасову, 6 янв. 1745, ошибочно датировано 6 янв. 1744: тамъ же, л. 2.

52. Выписка изъ письма Демидова къ б. Черкасову, 2 янв. 1745: тамъ же, л. л. 52, 53. — Чер. письмо б. Черкасова къ Трезину, 18 янв. 1745: тамъ же, л. 54.

53. Кирпичные и черепичные заводы около Петербурга, по обѣимъ сторонамъ р. Невы, были заведены еще при Императорѣ Петрѣ I. Новое устройство этимъ заводамъ дано было въ 1743 г., такъ какъ кирпичъ потребовался въ огромномъ количествѣ, когда Императрица Елисавета Петровна задумала выстроить Зимній дворецъ. Черезъ архитектора Трезина изъ Италіи были выписаны два мастера, которые обыскали годную глину на обоихъ берегахъ Невы. Заводы были взяты изъ вѣдомства Гофъинтендантской конторы и переданы въ вѣдомство Кабинета Е. И. В., непосредственное же управленіе ими было поручено архитектору Трезину. — Коп. имен. указа Сенату о заведеніи кирпич. заводовъ, 11 іюня 1743: Г. А.— разр. XVI, д. 5,4, л. л. 77 об. — 78. — П. О. А. Дв. — оп. 399/511, д. 5/34: объ осмотрѣ инжен. Звѣревымъ и архитек. Трезинымъ мѣстъ удобныхъ для постройки кирпич. заводовъ и пр. —П. С. З. изд. 1-е, т. VI, № 3.630; т. IX, № 7.073; т. XI, № 8.746; т. XII, № 9.428; т. XIII, № 10.137.

54. Промемор. Гунгера, 30 янв. 1745, съ перев.: М. О. А. Дв. оп. 315, д. 1, л. л. 55—56, 57 58.

55. Въ той же промеморіи, 30 янв. 1745, Гунгеръ писалъ б. Черкасову: „Такъ какъ я за оное (дѣло) предъ Богомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ впредь могу отвѣтствовать, что до заплаты всякихъ расходовъ касается, то надѣюсь, что довольно знаютъ, кому такія деньги вручены быть имѣютъ.“ (л. 56). „Und so wie ich es vor Gott und Ihre Kayserl. Majestät werde verantworten könne, was aber die Bezahlung aller Unkosten anbetrifft, so wird man wohl wissen, wehm man solche Gelder auzuvertrauen habe.“ (л. 58).

56. Отп. указа изъ Каб-та въ канцелярію Монетнаго правленія, объ отпускѣ желѣзныхъ иготей, 2 февр. 1745: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 59. — Записка Виноградова о затребованныхъ Гунгеромъ матеріалахъ, 5 фев. 1745: тамъ же, л. 60. — Отп. указовъ и отношеній Каб-та въ Канцелярію отъ строеній, Адмиралтейскую коллегію, Монетную канцелярію, Камеръконтору и Медицинскую канцелярію: съ требованіями объ отпускѣ Виноградову необходимыхъ для производства фарфора матеріаловъ и вещей, всѣ 9 фев. 1745: тамъ же, л. л. 61—63.— Рапортъ изъ Камеръ-конторы въ Каб-тъ о выданныхъ Виноградову бочкахъ, 19 февр. 1745: тамъ же, л. 67. — Отп. отнош. Каб-та въ Адмиралтейскую колл. о сдѣланіи 12 бочекъ по приложенному чертежу, 28 фев. 1745: тамъ же, л. л. 74, 75. — Отп. указа Каб-та Трезину о дачѣ, по требованію Гунгера, мастеровыхъ и рабочихъ изъ числа состоящихъ при кирпичныхъ заводахъ, также о пріобрѣтеніи инструментовъ и матеріаловъ, 28 фев. 1745: тамъ же, л. 83. — Отп. указа изъ Каб-та Медицинской канцеляріи объ отпускѣ Виноградову двухъ ситъ шелковыхъ и двухъ волосяныхъ („воложныя нѣмецкія съ покрышками“), нашатырю и кремортартара („соли тартара“), 8 мая 1745: тамъ же, л. 101.

57. Вѣдомость въ Кабинетъ изъ Канцеляріи отъ строеній о содѣ и жерновахъ, 8 (?) фев. 1745: тамъ же, л. 76. — Вѣдомость изъ С.-Петербургской таможни о привезенныхъ въ 1744 г. изъ-за границы въ С.-Петербургскій портъ точилахъ, 10 (?) фев. 1745: тамъ же, л. 64.

58. Переводъ письма Гунгера къ его женѣ, 4 апр. 1745: тамъ же, л. 88 и об. — Инструкція сержанту Воронину, 29 мая 1745: тамъ же, л. л. 111—112 об.

59. Коп. реляціи Любераса, 29 іюля 1745: тамъ же, л. 158 и об.

60. Выписка изъ письма Демидова къ б. Черкасову, 15 іюля 1745: тамъ же, л. 122.—Доношеніе Трезина въ Каб-тъ о ломкѣ камня у Невскихъ пороговъ для красочныхъ жерноковъ и о пр.: 17 іюля 1745: тамъ же, л. 130.—Отп. указа изъ Каб-та Канцеляріи отъ строеній объ отсылкѣ къ Трезину каменоломцевъ и камнетесовъ, 19 іюля 1745: тамъ же, л. 131.

61. Промемор. Гунгера о жерновахъ и о пр., 19 іюля 1745: тамъ же, л. л. 134—135 (ориг.), 132—133 (перев.).

62. Промемор. Гунгера, 28 іюня и 19 іюля 1745, съ перев.: тамъ же, л. л. 117—118, 132—133, 134—135.—Для обтески жерновъ были присланы служившіе въ Петербургѣ солдаты и матросы изъ заонежанъ, какъ опытные въ этихъ работахъ люди:

Отп. требованій, посланныхъ изъ Каб-та въ Адмиралтейскую колл. и С.-Петербургскую гарнизонную канцелярію, 21 февр. 1745: тамъ же, л. л. 69, 70. Рапорты гарнизонной канц. въ Каб-тъ, 25 февр., 16 окт. и 1 нояб. 1745: тамъ же, л. л. 77, 173, 189. — Извѣстіе изъ Адмиралт. колл. въ Каб-тъ, 13 марта 1745: тамъ же, л. л. 84 и 85.

63. Отп. указа изъ Каб-та въ Монетную канц., 9 фев. 1745: тамъ же, л. 62.—Рапортъ Монетной канц. въ Каб-тъ, 25 февр. 1745: тамъ же, л. 87 и об.—Доношеніе Коммерцъ-колл. въ Каб-тъ, 8 апр. 1745: тамъ же, л. л. 92—93 об.

64. Расписка Гунгера въ полученіи кобальта для пробы, 2 мая 1745, съ перев.: тамъ же, л. л. 89, 90, 91.

65. Промемор. Гунгера о негодности присланнаго кобальта, 10 мая 1745, съ перев.: тамъ же, л. л. 103, 104.

66. Коп. письма Гунгера къ его женѣ, 4 апр. 1745: тамъ же, л. 88 и об.—Черновая инструкція Воронину, 29 мая 1745: тамъ же, л. л. 111—112 об. Копія реляціи Любераса, 29 іюля 1745: тамъ же, л. 138 и об.—Письмо Любераса къ б. Черкасову о невозможности прислать остальной кобальтъ раньше зимняго пути, 25 окт. 1745: тамъ же, л. 182 и об.

67. Черн. отнош. Каб-та въ Колл. Иностр. дѣлъ, съ объявленіемъ Высоч. указа о выпискѣ кобальта, 29 мая 1745: тамъ же, л. 109 и об.—Въ черновомъ указѣ первоначальное выраженіе: „потребно здѣсь къ порцелинному дѣлу“ замѣнено словами: „къ гончарному дѣлу“.

68. Экстрактъ изъ реляціи полномочнаго министра при саксонскомъ дворѣ Бестужева-Рюмина, 6 іюля 1745: тамъ же, л. 139.

69. Экстрактъ изъ реляціи Бестужева-Рюмина, 30 іюля 1745. тамъ же, л. 147.

70. Экстрактъ изъ реляціи агента Шерера, изъ Гданска, объ отправкѣ 20 сентября на ботѣ „Меркурій“ боченка съ кобальтомъ, 10 окт. 1745: тамъ же, л. 140.

71. Перев. промемор. Гунгера, 25 февр. 1745: тамъ же, л. л. 71—73.

72. Чер. указъ изъ Каб-та Трезину, 28 февр. 1745: тамъ же, л. 83.

73. О весеннихъ и лѣтнихъ работахъ по устройству фабрики: чер. указъ изъ Каб-та Канцеляріи отъ строеній объ отсылкѣ къ Трезину каменщиковъ и печниковъ, 2 іюля 1745: тамъ же, л. 119. — Рапорты Канц. отъ строеній въ Каб-тъ о томъ же, 10 мая и 12 іюля 1745: тамъ же, л. л. 102, 129. Чер. указъ изъ Каб-та Трезину объ отпускѣ по требованію Гунгера 10.000 краснаго кирпича и др. предметовъ, 3 мая 1745: тамъ же, л. 100.— Также позднѣйшія промеморіи Гунгера и рапорты Виноградова: тамъ же, на разл. л. л.

74. Промеморіи Гунгера къ б. Черкасову о мастерѣ Брауэрѣ: 24 сен. (съ перев.) и 25 окт. (только переводъ): тамъ же, л. л. 169, 181.—О мельничномъ мастерѣ Гиршбергерѣ: коп. опредѣленія Каб-та, 3 янв. 1746: тамъ же, л. 204 и об.—Извѣстіе изъ Канц. отъ строеній о Гиршбергерѣ, 9 янв. 1746, съ приложеніемъ коп. съ контракта, заключеннаго съ Гиршбергеромъ, 11 янв. 1731: тамъ же, л. л. 111—113 об., 207, 208 -209. — Контрактъ, заключенный Каб-томъ съ Гиршбергеромъ, 1 янв. 1746: тамъ же, л. 210 и об.—Письмо Гунгера (на нѣм.) къ б. Черкасову съ просьбой устранить отъ работъ Брауэра и опредѣлить вмѣсто него Гиршбергера, 2 ноября 1745: тамъ же, л. 190 и об. — Изъ контракта видно, что Яганъ Фридрихъ Гиршбергеръ, „цесарской націи“, былъ мастеромъ мельничнаго дѣла, управлялъ назинской пильной мельницей, поправлялъ петергофскую шлифовальную и др. мельницы, также мосты.

75. Письмо Гунгера (на нѣм.) къ б. Черкасову, 2 ноября 1745: тамъ же, л. 190 и об.

76. Расписка Гунгера въ полученіи масляницы, 21 окт. 1745: тамъ же, л. 179.

77. Промемор. Гунгера (съ перев.), 30 окт. 1745: тамъ же, л. л. 183, 184.

78. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ о работахъ на фабрикѣ, 30 окт. 1745: тамъ же, л. 185 и об. Донесеніе Брауэра (на нѣм.), 30 окт. 1745: тамъ же, л. 186.

79. Черн. рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 7 ноября 1745: тамъ же, д. 2, л. 9.

80. Записка о безпорядкахъ, замѣченныхъ на порцелинномъ заводѣ при посѣщеніи его б. Черкасовымъ: тамъ же, д. 1, л. 193 и об.

81. Перев. письма Гунгера къ женѣ, 4 апр. 1745: тамъ же, л. 88 и об. Перев. промемор. Гунгера въ Каб-тъ, іюнь и 25 окт. 1745: тамъ же, л. л. 115, 181.

82. Указы изъ Каб-та Трезину, 28 февр. и 5 іюня 1745: тамъ же, л. л. 83, 116.

83. Объ этомъ можно судить по выраженіямъ, въ какихъ составлена записка о замѣченныхъ при посѣщеніи фабрики безпорядкахъ.—Прим. 80.

84. Рапорты Виноградова въ Каб-тъ, 20 и 29 нояб. 1745: тамъ же, л. л. 194, 195 и об.

85. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 20 нояб. 1745: тамъ же, л. 194.

86. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 29 нояб. 1745: тамъ же, л. 195 и об.

87. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 16 дек. 1745: тамъ же, л. 197.

88. Письмо (на нѣм. съ перев.) Гунгера къ б. Черкасову съ жалобою на Виноградова, конецъ 1745: тамъ же, л. л. 200—201 об., 202—203 об. Виноградовъ давно уже относился скептически къ Гунгеру и не прочь былъ иногда подтрунить надъ нимъ. Напр., переводя на русскій языкъ одну расписку Гунгера, онъ вмѣсто его имени Христофъ Конрадъ подписалъ Христовъ Кондратъ: тамъ же, д. 1, л. 89.

89. Чер. указъ изъ Каб-та Трезину, 5 іюня 1745: тамъ же, л. 116.

90. Коп. опредѣленія Каб-та, 3 янв. 1746: тамъ же, л. 204 и об. Отп. указа Прасолову изъ Каб-та, 5 янв. 1746: тамъ же, л. 205 и об. Рапортъ Прасолова въ Каб., 13 янв. 1746: тамъ же, л. 222.

91. Отп. указа Прасолову изъ Каб-та, 5 янв. 1746: тамъ же, л. 205 и об.

92. Промемор. (на нѣм. съ перев.) Гунгера, 9 января 1746: тамъ же, л. л. 216, 217 и об.

93. Чер. письмо б. Черкасова къ министру при шведскомъ дворѣ ф.-Люберасу о приглашеніи Фрелинга на русскую службу, 24 февр. 1746: тамъ же, л. 237 и об.

94. Записка Гунгера (на нѣм.), 1 окт. 1746: тамъ же, л. 227. — Хотя Гунгеръ въ запискѣ старается объяснить свое поведеніе, но далеко не удачно: „Die Worte so in meiner eingegebenen Schrifft stehen, dass ich wegen Erlernung meiner Wissenschaft möchte in Ruhe gelassen werden, ist meine Wahrhaffte Meynung diese, dass ich meine Porcellain-Kunst und Wissenschafft währender Zeit meiner jetzt vorhabenden Proba wegen allerhand daraus entstehenden Verhinderung Niemanden entdecken noch zeigen oder unterrichten kann“.

95. Промемор. (на нѣм. съ перев.) Гунгера, 9 янв. 1746: тамъ же, л. 216, 217 и об. — Донесеніе изъ Конторы кирпич. заводовъ въ Каб-тъ съ росписью содержанія состоявшихъ при Гунгерѣ рабочихъ, б. д. (янв. 1746?): тамъ же, л. л. 218—219 и об.

96. Промемор. (на нѣм. съ перев.) Гунгера, 9 янв. 1746: тамъ же, л. л. 220, 221.

97. Чер. указъ изъ Каб-та Гребенщикову, 22 янв. 1746: тамъ же, л. 223 и об. — Чер. письмо б. Черкасова къ генералу Левашову, въ Москвѣ, о дачѣ солдатъ для сопровожденія подводъ съ глиной, 22 янв. 1746: тамъ же, л. 224. — Чер. указъ изъ Каб-та Соляной конторѣ о выдачѣ Гребенщикову для покупки глины 1000 руб., 22 янв. 1746: тамъ же, л. 225. — Рапортъ Гребенщикова въ Каб-тъ, 3 февр. 1746: тамъ же, л. 232. — О доставкѣ глины см. еще: тамъ же, л. л. 234, 235 и об., 236, 240, 244, 252—253, 255, 256.

98. Чер. письмо б. Черкасова къ Гребенщикову, 22 янв. 1746: тамъ же, л. 225 и об.

99. Письмо Гребенщикова къ б. Черкасову, 3 февр. 1746: тамъ же, л. 233 и об. — Письмо Гребенщикова къ б. Черка-

сову, 20 февр. 1746: тамъ же, л. 235 и об. — Письмо Виноградова къ Ивану Михайловичу Морсочникову, съ препровожденіемъ пріѣхавшихъ изъ Москвы точильщика и формовщика, 5 мар. 1746: тамъ же, л. 243. — Чер. указъ изъ Каб-та конторѣ Невскихъ кирпич. заводовъ, 15 мар. 1746: тамъ же, л. 248.

100. Тамъ же, л. л. 268, 272, 287 и об., 288 и об., 292-293, 312 и об., 322, 323, 327.

101. Чер. указъ изъ Каб-та Прасолову, 17 мар. 1746: тамъ же, л. 249.

102. Тамъ же, л. л. 251, 261 и об., 266, 267, 271.

103. О расходахъ за 1746 г. см.: рапорты Прасолова въ Каб-тъ съ вѣдомостями: тамъ же, л. л. 228, 242 и об., 246-247, 269—270, 273—274, 275, 278—279, 286 и об., 294 и об., 302 и об., 308—310, 328 и об., 329. — Указы изъ Каб-та С.-Петерб. соляному комиссарству, о выдачѣ Прасолову денегъ: тамъ же, л. л. 258, 259. — Вѣдѣнія Гунгера и Гиршбергера въ контору кирпич. и черепич. заводовъ о матеріалахъ и деньгахъ: тамъ же, д. 4. — Шнуровыя книги 1746 года: приходная: тамъ же, д. 8, расходная: тамъ же, д. 9. — Изъ приходорасходныхъ книгъ видно, что Прасоловъ за 1746 г. получилъ изъ Каб-та и изъ Соляной конторы 2.100 р., а выдалъ на различные расходы по фабрикѣ (не включая сюда жалованья Гунгеру и Виноградову) -2.044 р. 24³/₄ к.

104. Письмо Гребенщикова къ б. Черкасову, 24 мар. 1746: тамъ же, д. 1, л. л. 252—253.

105. Письмо Гребенщикова къ б. Черкасову, 13 окт. 1746: тамъ же, л. л. 290—291 об.

106. См. текстъ стр. 4 и 5.

107. Записка Виноградова, 6 сент. 1746: тамъ же, л. л. 282—283 об.

108. Наиболѣе подробно говоритъ Виноградовъ объ опытахъ Гунгера въ запискѣ, поданной въ Каб-тъ, 6 сент. 1746: прим. 107.

109. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 25 фев. 1746: тамъ же, л. 238.

110. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 18 апр. 1746: тамъ же, л. 262. — Также прим. 107.

111. Довѣренность, выданная Гунгеромъ Виноградову на полученіе его жалованья, 3 мая 1746: тамъ же, л. 264.

112. Выдержка изъ письма Демидова къ барону Черкасову, 13 іюля 1746: тамъ же, л. 277.

113. Жалоба на Гунгера, записанная Виноградовымъ въ Кабинетѣ, 20 ноября 1746: тамъ же, л. 295 и об.

114. Черн. „пункты... мастеру Гунгеру, по которымъ надлежитъ ему въ Каб—тъ Е. И. В. отвѣтствовать", 21 ноября 1746: тамъ же, л.л. 296—297, 298. Къ пунктамъ приписка о томъ, что послѣдній изъ нихъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и отданъ Гунгеру для отвѣта.

115. Письмо Гунгера къ барону Черкасову, 23 ноября 1746: тамъ же, л.л. 303—304, 299—300 (копія), 305—306 (переводъ).

116. Письмо или копія письма неизвѣстнаго, по надписи видно, что къ Гунгеру, объ уплатѣ долга въ 147 р. и о выкупѣ заклада, 11 іюля 1746: тамъ же, л.л. 399—400.

117. Письмо Гунгера къ барону Черкасову съ переводомъ, 18 іюля 1747: тамъ же, л.л. 392—393.

118. Черн. отношеніе Кабинета въ Колл. Иностр. дѣлъ по поводу увольненія Гунгера, 10 ноября 1748, съ экстрактомъ изъ дѣлъ о Гунгерѣ и Генрихсенѣ: тамъ же, л.л. 418—419 об., 420—422 об., 423—424.

119. Письмо Морсочникова къ Виноградову, 22 іюня 1747: тамъ же, д. 2, л. 52.

120. Доношеніе Виноградова бар. Черкасову, 23 іюня 1747: тамъ же, д. 1, л.л. 374—375.

121. Условія контракта, предложенныя Генрихсеномъ, б. д.; тамъ же, л.л. 166 -167, 168.

122. Черн. отношеніе Кабинета въ Колл Иностран. дѣлъ, 21 мая 1748: тамъ же, л. 372.

123. Прошеніе Генрихсена на русск. яз., подписанное Генрихсеномъ по-нѣмецки и поданное бар. Черкасову, нояб. 1748: тамъ же, л. 414

124. Чер. указъ изъ Каб -та съ объявленіемъ абшида Гунгеру, 10 нояб. 1748: тамъ же, л. 415; прилож. № 8. — Расписка Гунгера съ перев. въ полученіи абшида: тамъ же, л.л. 416—417

125. Письмо б. Черкасова къ Виноградову, 10 нояб. 1748: тамъ же, д. 2, л. 100; д. 1, л. 415.

126. Рапортъ Виноградова въ Кабинетъ, 16 дек. 1745: тамъ же, л. 197.—Записки изъ Каб-та, данныя Виноградову для исполненія, 19 дек. 1745: тамъ же, л. 198 (черновая); д. 2, л. 375 (бѣловая). Въ бѣловой запискѣ слова: „и изъ земли россійской" приписаны рукою б. Черкасова.

127. См. напр. письма б. Черкасова къ Виноградову, 12 янв и 27 фев. 1749, 10 іюля 1751 и др.: тамъ же, д. 1, л.л. 468, 457 и об.; д. 2, л.л. 106, 107, 170 и др.

128. Отп. указа изъ Каб-та Соляной конторѣ, 16 марта 1749. тамъ же, д. 1, л. 461.—Тетради о приходѣ и расходѣ денегъ, копіи съ опредѣленій Каб-та и отпуски рапортовъ Виноградова въ Каб-тъ, за 1747—1751 г.г.: тамъ же, д. 10.

129. Дѣло по рапорту... Виноградова о кражѣ солдатами Степаномъ Осиповымъ съ товарищи досокъ, 2 апр. 1747: тамъ же, д. 5.

130. „Journal bey der Porcellain Manufactur so befindlich auf denen Ziegelwerken bey St.-Petersbourg auf d. Jahr 1749". „Записки о фарфорѣ, какъ оный производился въ бытность мою на кирпичныхъ заводахъ": тамъ же, д. 12.—Журналъ написанъ отчасти на нѣмецкомъ, отчасти на русскомъ языкѣ. Въ томъ же дѣлѣ имѣются написанныя рукою Виноградова: „Златое руно, или разсужденіе философское о возможности премѣненія металловъ" и „Сокращенныя основанія всей медицинской науки, или лѣчебнаго искусства". Оба разсужденія не окончены.

131. При письмѣ 8 окт. 1750 г.: тамъ же, д. 1, л. 514.

132. Записки Виноградова: Разныя сочиненія о химіи, порцелинѣ и о работахъ онаго: тамъ же, д. 22, л. 133 и сл.

133. Тамъ же, д. 12, л. 8 об.

134. Письма, донесенія и рапорты Виноградова: 23 іюня 1747: тамъ же, д. 1, л.л. 374 — 375; 19 іюл. 1748: тамъ же, л.л. 407—408; 1 нояб. 1748: тамъ же, д. 2, л. 99; 19 янв., 12 фев., 6 мар. 1749: тамъ же, д. 1, л.л. 453—454 об., 455 456, 458 и об.; 3 авг. 1750: тамъ же, л.л. 512—513; 16 іюля, 10 и 23 авг. 1751: тамъ же, д. 13, л.л. 3 и об., 12, 15, 17 окт. 1752: тамъ же, д. 6, л. 89 и об. и др.

135. Письма и отпуски писемъ б. Черкасова къ Виноградову: 6 фев. 1747: тамъ же, д. 2, л. 46; 12 янв. и 27 февр. 1749: тамъ же, д. 1, л.л. 468, 457; 10 іюля и 6 авг. 1751: тамъ же, д. 13, л.л. 2 и 5 и др.

136. Записка, составленная въ Каб-тѣ рукою б. Черкасова: тамъ же. д. 1, л. 403.

137. Чер. письмо б. Черкасова къ Шлаттеру, 6 мая 1751: тамъ же, д. 13, л. 1.

138. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 23 авг. 1751: тамъ же, л. 15.

139. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 11 іюл. 1751: тамъ же, л. 3 и об.

140. Отп. письма б. Черкасова къ Виноградову, 6 авг. 1751: тамъ же, л. 5.

141. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 10 авг. 1751: тамъ же, л. 12.

142. О поведеніи Виноградова въ студенческіе годы см. Сборникъ Куника и Матеріалы для Исторіи Имп. Академіи Н.

143. О пьянствѣ Виноградова: рапортъ въ Каб-тъ каб.-курьера Николая Жолобова, 8 авг. 1751: тамъ же, л. 6; чер. указъ Жолобову изъ Каб-та, 8 авг. 1751: тамъ же, л.л. 7—8 об., 9 10 об

144. Инструкція (указъ) изъ Каб-та каб.-курьеру Жолобову, 8 авг. 1751: тамъ же, д. 13, л.л. 7 8 об.; д. 66, л.л. 44—45.

145. Чер. письмо бар. Черкасова къ подполк. Хвостову, 11 мар. 1752: тамъ же, д. 13, л. 31. -Извлеченіе изъ письма б. Черкасова къ Шлаттеру, 21 іюн. 1752: тамъ же, л. 52. Чер. письмо б. Черкасова къ Хвостову, 16 фев. 1753: тамъ же, л. 164.

146. Тамъ же, л.л. 60—61 об —О положеніи Виноградова въ это время см. также письмо б. Черкасова къ Хвостову, 11 мар.

1752: тамъ же, л. 31; письмо Виноградова къ б. Черкасову, 17 окт. 1752: тамъ же, л. 143 и об.; письмо Виноградова къ б. Черкасову, 4 іюл. 1752: тамъ же, л.л. 62—63.

147. Рапортъ Жолобова въ Каб-тъ, 23 авг. 1751: тамъ же, л. 14. Отп. указа изъ Каб-та Жолобову, 23 апр. 1752: тамъ же, л. 23.

148. О замѣнѣ у смотрѣнія при порцелинной мануфактурѣ Дурова Языковымъ: чер. указъ изъ Каб-та каб.-курьеру Языкову, 2 авг. 1752: тамъ же, д. 13, л. 82.—Рапортъ Языкова въ Каб-тъ, 18 авг. 1752: тамъ же, л. 90.—Отп. предписанія Языкову отъ б. Черкасова, 19 сен. 1752: тамъ же, л. 103.—Чер. письмо б. Черкасова къ Хвостову о поведеніи Языкова и Виноградова, 19 сен. 1752: тамъ же, л. 103 об. Отп. ордера изъ Каб-та Языкову съ объявленіемъ ему наказанія, 21 сен. 1752: тамъ же, л. 104.—Указъ изъ Каб-та Хвостову о разслѣдованіи поступковъ Языкова, 21 сен. 1752: тамъ же, л.л. 105—106.—Въ сентябрѣ 1752 г. былъ присланъ на фабрику каб.-курьеръ Левашовъ: письмо Хвостова къ барону Черкасову, 30 сен. 1752: тамъ же, л.л. 296—297.

149. Отп. писемъ б. Черкасова къ Хвостову: 11 мая 1752; 15 фев. 1753, 2 мая 1756 и др.: тамъ же, л.л. 31, 164, 629.—Письма и доношенія Хвостова б. Черкасову: 14 фев., 27 мая, 30 сен., 2 дек. 1753; 20 янв., 21 апр., 20 іюл. 1754 и др.: тамъ же, л.л. 172 и 174, 234—235, 296—297, 326, 344, 371, 375 и об.—Хвостовъ имѣлъ отъ б. Черкасова порученіе доносить ему о работахъ на фабрикѣ еженедѣльно.—Объ отношеніяхъ Хвостова къ фабрикѣ и къ Виноградову см. еще письмо Виноградова къ бар. Александру Ивановичу Черкасову (сыну И. А. Черкасова) съ жалобою на притѣсненія Хвостова, мар. 1757: тамъ же, д. 29, л.л. 35—37.

Михаилъ Трофимовичъ Хвостовъ или Хва́стовъ, капитанъ выборгскаго гарнизона, кюменегорскаго полка, былъ опредѣленъ на Невскіе кирпичные и черепичные заводы, съ повышеніемъ въ подполковники, въ 1747 г. (Высоч. указъ, 4 авг. 1747: Г. А. разр. XVI, д. 5,е, кн. № 172 л. 78). Еще въ 1749 г., по случаю отъѣзда Виноградова въ Москву, б. Черкасовъ поручалъ Хвостову наблюденіе за фарфоровою фабрикою.—Чер. пис. б. Черкасова къ Хвостову, 22 мая 1749: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 466 и об.

150. Иванъ Андреевичъ Шлаттеръ родился (по Штелину) въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ, служилъ въ Бергъ-кол., потомъ главнымъ судьей Монетной канцеляріи, умеръ въ чинѣ тайн. сов. въ 1768 году; авторъ нѣсколькихъ изслѣдованій по монетному искусству и нумизматикѣ. Гельбигъ. Русскіе избранники (Р. Ст. 1886 г., № 4, стр. 104).

151. Отп. письма б. Черкасова къ Шлаттеру, 3 фев. 1746: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 231. — Выдержка изъ письма б. Черкасова къ Шлаттеру, 7 іюл. 1748: тамъ же, л. 406.

152. Переписка между б. Черкасовымъ и Шлаттеромъ, кромѣ указанной выше: чер. и отп. писемъ б. Черкасова къ Шлаттеру 6 мая 1761: тамъ же, д. 13, л. 1 и об.; 8 фев., 11 и 25 мар., 1 и 12 апр., 10 и 25 мая, 16 дек. 1753: тамъ же, л.л. 161, 186, 195 и об., 199, 206, 219, 329 и об., 232 и об.; 4 апр. 1754: тамъ же: л. 362.—Коп. рапорта Шлаттера въ Каб-тъ, авг. 1752: тамъ же, л. 92 и об.—Письма Шлаттера къ б. Черкасову: 1, 23 и 24 мар., 1 апр., 4, 10, 13, 17 мая, 13 и 15 іюл., 9 и 23 нояб. и 20 дек. 1753; 11 и 26 апр. 1754; тамъ же, л.л. 178, 193, 194, 205, 220 и об., 223 и об., 225 и об., 228, 255, 262—263, 318—319, 320, 334, 364, 370.—Письма и отп. пис. Виноградова къ Шлаттеру: іюль 1753, 27 апр. и 7 мая 1754 и др.: тамъ же, д. 13, л. 275, д. 2, л.л. 357, 357 об. и др.

153. Публикація о пріемѣ Шлаттеромъ заказовъ на фарфоровыя табакерки, тамъ же, д. 13, л. 197.—С.-Петербургскія Вѣдомости, № 23, 19 мар. 1753.

154. Письмо Шлаттера къ б. Черкасову, 8 іюл. 1752: тамъ же, л. 254 и об.

155. Письмо б. Черкасова къ Виноградову, 18 янв. 1756: тамъ же, д. 2, л. 210.—Записка изъ Каб-та Виноградову, 18 авг. 1757: тамъ же, л. 246.—Чер. донош. Виноградова въ Каб-тъ, (янв. 1757): тамъ же, л.л. 277—278.

156. Григорій Тарховъ, въ чинѣ сержанта пермскаго полка, находился въ 1756 г. съ караульными солдатами при фарфоровой фабрикѣ. Онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе б. Черкасова, такъ что, когда пермскій полкъ былъ назначенъ въ походъ, б. Черкасовъ исходатайствовалъ у гр. А. И. Шувалова разрѣшеніе Тархову перевестись въ другой полкъ и остаться при фабрикѣ. Указомъ Кабинета Е. И. В., 27 іюня 1757, ему было поручено завѣдываніе денежными суммами фабрики.—От. письма б. Черкасова къ Хвостову, 2 мая 1756: тамъ же, д. 13, л. 629.—Рапортъ Тархова въ Каб-тъ, 30 янв. 1758: тамъ же, д. 29, л. 192 и об.—Указъ о принятіи фабричныхъ денегъ отъ Хвостова Тарховымъ состоялся, очевидно, вслѣдствіе письма Виноградова къ б. А. И. Черкасову: прим. 149.

157. Рапорты Тархова Виноградову, 16 и 30 нояб. 1757: тамъ же, д. 2, л.л. 251 и об., 253—254.

158. Указъ изъ Каб-та Виноградову, 23 мая 1752: тамъ же, л. 178 и об.

159. Промемор. Гунгера, 9 янв. 1746: тамъ же, д. 1, л. 216.

160. Чер. рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 25 мая 1752: тамъ же, д. 2, л. 350.—Записки Виноградова о порцелинной мануфактурѣ и пр.: тамъ же, д. 28.

161. Виноградовъ не получалъ аккуратно своего жалованья, впалъ въ долги и принужденъ былъ занимать деньги даже у мастеровыхъ на фабрикѣ.—Письмо Виноградова къ б. А. И. Черкасову: см. прим. 149.—Экстрактъ, коликое число и отъ кого б.-мейстеру Виноградову на дачу заслуженнаго ему денежнаго жалованья принято и коликое жъ число изъ тѣхъ денегъ ему, Виноградову, дано, и сколько за него какихъ долговъ уплочено, 1754: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 13, л.л. 424—426. Изъ этого экстракта видно, что, наприм., въ 1752 г. Виноградову дано, вмѣсто 600 р., только 457 р., а въ 1753 г. не додано за цѣлую треть года.

162. Рапортъ Тархова въ Каб-тъ, 15 авг. 1758: тамъ же, д. 29, л. 228.

163. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ Виноградова (Г. А.— разр. XVII, д. 6), находятся рукописи его научныхъ трудовъ какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ, большею частью, впрочемъ, не оконченныхъ. Между этими рукописями есть списокъ оды Анакреона: Θελῶ λέγειν Ἀτρείδας, съ переводомъ ея на различные европейскіе языки, въ концѣ — переводъ на русскій языкъ, въ стихахъ, сдѣланный, несомнѣнно, самимъ Виноградовымъ и отличающійся близостью къ подлиннику и хорошимъ слогомъ. Виноградовъ имѣлъ собственную, по тому времени очень хорошую, библіотеку, которую, несмотря на свои скудныя средства, постоянно пополнялъ. Сохранилось два списка книгъ Виноградова. Одинъ—catalogus librorum metallurgicorum—содержитъ 91 названіе на нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ; второй—роспись книгамъ на разныхъ языкахъ, разныхъ наукъ и художествъ—содержитъ 186 заглавій, въ томъ числѣ имѣются и русскія періодическія изданія: Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія, С.-Петербургскія Вѣдомости. М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 29, л.л. 268—271, 272—278.

164. Доношеніе Шлаттера въ Каб-тъ, 15 окт. 1758: тамъ же, л. 282 и об.

165. Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ, сынъ оберъ-гофмаршала Василія Олсуфьева, родился въ 1721 г., умеръ въ 1784 г. Извѣстенъ какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Императрицы Екатерины II, которая относилась къ нему съ большимъ довѣріемъ. Азбучный указатель къ „Біографическому словарю“.

166. Н. Спиліоти, Император. шпалер. мануфактура. (Худ. Сокр. Россіи, годъ III, № 4—8).

167. K. Berling, Das Meissner Porzellan, стр. 174, 175.

168. Письмо ген.-прокурора кн. Трубецкого къ Олсуфьеву, 11 нояб. 1758: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 29, л. 292 и об. — Рапортъ Статсъ-конторы въ Сенатъ о выдачѣ изъ Каморъ-конторы денегъ (430 р.) Миллеру на проѣздъ до Петербурга и на содержаніе его въ Петербургѣ, 10 нояб. 1758: тамъ же, л. 350.—Коп. опредѣленій Прав. Сената, 13 и 21 окт. 1758: тамъ же, л.л. 363—364 об. Въ своемъ предложеніи Сенату, 10 сен. 1758, Миллеръ утверждалъ, что знаетъ не только секретъ фарфороваго состава,

но умѣетъ также дѣлать различные сплавы и эмаль двухъ способовъ, знаетъ также печное и мащинное искусство, миніатюрную живопись, фаянсовое производство, специальное устройство фаянсовыхъ печей, умѣетъ, наконецъ, дѣлать черный и красный фарфоръ. О Миллерѣ еще: A. de Molin, Porcelaine de Nyon, Lausanne 1904.

169. Письмо ген.-прокурора кн. Трубецкого къ Олсуфьеву, съ препровожденіемъ пробъ, сдѣланныхъ Миллеромъ, и производившагося о немъ въ Сенатѣ дѣла, 11 мая 1759: тамъ же, л. 353 и об.

170. Отп. приказа изъ Каб-та Тархову, 27 іюл. 1759: тамъ же, л. 388 и об.

171. Проектъ контракта съ Миллеромъ, іюль 1759: тамъ же, л.л. 381—383 об.

172. Планъ зданій новой фабрики, проектированной Миллеромъ, поданный въ Каб-тъ 12 іюн. 1759: тамъ же, л.л. 356, 376. Приложеніе къ письму арканиста Миллера къ д. с. с. Олсуфьеву отъ 16 іюня 1759: планъ старыхъ помѣщеній, тамъ же, л. 378.

173. Доношеніе Тархова въ Каб-тъ о неудачныхъ опытахъ Миллера и о выборѣ имъ мѣста для новой обжигальной печи на р. Славянкѣ, 7 іюля 1760: тамъ же, л. 469. — Отп. указа Каб-та Вотчинной канцеляріи объ отведеніи на р. Славянкѣ мѣста для дѣланія обжигальной печи по указанію Миллера, 23 іюля 1760: тамъ же, л. 470.

174. Рапорты Тархова Олсуфьеву о работахъ на фабрикѣ и о сдѣланныхъ вещахъ, со списками и вѣдомостями, 31 окт. и 12 дек. 1758: тамъ же, л.л. 283—287, 295—296.—Вѣдомость о сдѣланныхъ и взнесенныхъ въ Каб-тъ Е. В. фарфоровыхъ вещахъ съ 1759 по 1764 г.: тамъ же, л.л. 505—508 об.—Шнуровая „книга для записки на порцелинной мануфактурѣ дѣлающихся для партикулярныхъ людей разныхъ порцелинныхъ вещей и принятыхъ за нихъ денегъ“, 1759—1762 г.г.: тамъ же, д. 39, л.л. 1—28.—Рапортъ Тархова въ Каб-тъ о проданныхъ частнымъ лицамъ вещахъ, 19 янв. 1761: тамъ же, д. 29, л. 492.

175. Коп. опредѣленія Сената о порученіи фарфоровой фабрики Ломоносову, 29 янв. 1762: тамъ же, л. 574.—Письмо ген.-прокурора Глѣбова къ Олсуфьеву, 15 фев. 1762, съ препровожденіемъ копіи сенатскаго опредѣленія, 29 янв. 1762: тамъ же, л.л. 573, 574 и об.

176. Опредѣленіе Сената во исполненіе Высоч. указа объ отдачѣ фарфоровой фабрики обратно въ вѣдомство Каб-та Е. В.: А. М. Ю.—дѣла Прав. Сената.

177. Приходныя и расходныя книги: денежныя, матеріальныя и провіантныя за 1755 г.: М. О. А. Дв. оп. 315, д.д. 16, 17, 18, 19, 20; такія же книги за 1756 г.: тамъ же, д.д. 21, 22, 23, 24, 25: за 1757 и 1758 г.г.: тамъ же, д.д. 30, 31, 32, 33, 34, 35; за 1759 г.: 36, 37, 38, 41, 42, 43; счетные списки съ приходо-расходныхъ книгъ за 1757, 1758 и 1759 г.г.: тамъ же, д. 29, л.л. 193 206, 306—322, 427—433, 434—440; счетный списокъ за 1760 г.: тамъ же, д. 40.

178. Приказъ изъ Каб-та о назначеніи, по требованію Виноградова, писаря Василія Шаркова, 9 іюля 1757: тамъ же, д. 2, л. 242.

179. Книга записная именнымъ указамъ за подписью Е. И. В. собственныя руки, 1747 г.: Г. А.—разр. XVI, д. 5,6, л. 78.

180. Записка о выданныхъ Виноградову изъ Каб-та деньгахъ по поданной имъ вѣдомости, 29 окт. 1747: М. О. А. Дв. оп. 315, д. 1, л. 402.

181. Вѣдомости рабочимъ фабрики, списки на жалованье, рапорты Виноградова. Вѣдомость 1747 г.: тамъ же, л.л. 339—340, 341—342. —Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, дек. (до 7) 1748: тамъ же, л. 429 и об.—Доношеніе Виноградова въ Каб-тъ, 6 мар. 1749: тамъ же, л. 459 и об.—Вѣдомости на жалованье 1749—1751 г.г.: тамъ же, д. 2, л.л. 130—131 об., 153—154, 160—161, 164—165, 168—169.—Именной списокъ на жалованье за сент. треть 1753 г.: тамъ же, д. 13, л. 342 и об.—Тоже, за сент. треть 1754: тамъ же, л.л. 390—391.—Тоже за сент. треть 1755: тамъ же, л.л. 580—581 об.—Именной списокъ мастеровымъ, 12 янв. 1755: тамъ же, л.л. 439—440 об.—Именной списокъ на жалованье за сент. треть 1756 г.: тамъ же, д. 29, л.л. 3—4.—Именной списокъ, составленный 2 мая 1757 г., на полученіе хлѣбнаго довольствія: тамъ же, л.л. 52—53.—Именной списокъ на жалованье за майск. треть 1757: тамъ же, д. 2, л.л. 287—288 об. Вѣдомость о служащихъ, представленная въ Каб-тъ при рапортѣ Виноградова 12 дек. 1757: тамъ же, д. 29, л.л. 153, 154—160.—Именной списокъ на жалованье за янв. треть 1758: тамъ же, л.л. 218—220 об.—Тоже, за сент. треть 1758: тамъ же, л.л. 298—299 об.—Тоже, за янв. треть 1759: тамъ же, л.л. 459—460 об. и др.—Приложеніе № 10.

182. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 12 фев. 1749: тамъ же, д. 1, л.л. 455—456.

183. Отп. письма б. Черкасова къ Бестужеву-Рюмину о ненадобности точильщика Фрелинга (конецъ 1746): тамъ же, л. 321 и об. — Съ Фрелингомъ въ Стокгольмѣ былъ уже заключенъ контрактъ.

184. Письмо б. Черкасова къ Виноградову, 18 янв. 1756: тамъ же, д. 2, л. 210.

185. Чер. донесеніе Виноградова б. Черкасову, янв. 1757: тамъ же, л.л. 277 278.

186. Записка изъ Каб-та Виноградову, 18 авг. 1757: тамъ же, д. 2, л. 246.—Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 18 авг. 1757: тамъ же, л. 286 и об.—Записка изъ Каб-та Виноградову, 11 сен. 1757: тамъ же, л. 249.

187. Контрактъ, заключенный въ Каб-тѣ съ Вистарини, 1 янв. 1755: тамъ же, д. 13, л. л. 432 433. — Изъ контракта Вистарини: „Обязуется онъ, Іоганнъ Вистариній, считая отъ нижеписаннаго числа три года, все къ порцелинной манифактурѣ, къ Петергофской шлифовальной мельницѣ, къ произведенію золотыхъ и серебряныхъ вещей всѣмъ тѣмъ вещамъ, которыя во оныхъ мѣстахъ дѣлать случатся, надлежащіе рисунки или потребныя модели, какъ деревянныя, такъ и вощаныя, дѣлать исправною работою и хорошею инвенціею и по онымъ моделямъ, ежели потребуется, надлежащимъ образомъ алебастромъ сфурмовать.“ Вистарини обязывался, кромѣ того, научить своему искусству двухъ русскихъ учениковъ. За все это ему полагалось 500 р. жалованья въ годъ.

188. Живописцы, въ числѣ другихъ мастеровъ и рабочихъ, упоминаются въ различныхъ вѣдомостяхъ, спискахъ на жалованье, въ письмахъ и донесеніяхъ Виноградова въ Кабинетъ и б. Черкасову, указанныхъ въ прим. 181.

189. О первомъ живописцѣ Императорскаго фарфороваго завода Иванѣ Черновѣ или Черномъ и его сынѣ Андреѣ: Прошеніе И. Чернаго, поданное б. Черкасову о принятіи его на службу и о защитѣ отъ притѣсненій, 15 марта 1750: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. л. 477—478. — Два другихъ прошенія Чернаго, поданныя тоже б. Черкасову и о томъ же, б. д.: тамъ же, л. л. 479 и 480.—Отп. отнош. Каб-та въ московскую контору Сената, о высылкѣ изъ Москвы въ Петербургъ Ивана Чернаго съ его семьею, 5 апр. 1750: тамъ же, л. 481 и об. — Отношеніе изъ московской сенатской конторы въ Каб-тъ о высылкѣ въ Петербургъ Чернаго, 12 апр. 1750: тамъ же, л. 482 и об. — „Экстрактъ изъ дѣла, имѣющагося въ канцеляріи ревизіи Московской провинціи, дому графа Шереметева о служителѣ, финифтного дѣла мастерѣ, Иванѣ Черномъ“: тамъ же, л. л. 484—485 об.—Отношеніе московской сенатской конторы въ Каб-тъ, объ отсылкѣ Ив. Чернаго съ семьей изъ Москвы въ Петербургъ, май 1750: тамъ же, л.л. 489—490.—Отношеніе московской сенатской конторы въ Каб-тъ, съ приложеніемъ составленной въ конторѣ выписки изъ дѣла о Черномъ и доношеніемъ гр. П. Б. Шереметева, 30-го іюля 1750: тамъ же, л. л. 490—492, 493—505 об., 506—509.—Челобитная И. Чернаго на Высоч. Имя, іюль 1749: тамъ же, л. л. 510—511.—Кромѣ того: Письмо Морсочникова къ Виноградову, 5 апр. 1752 (А. Черный): тамъ же, д. 2, л. 177. — Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 12 іюля 1752 (А. Ч.): тамъ же, д. 13, л. л. 74—75. — Письма Шлаттера къ б. Черкасову, 20 дек. 1753 и 11 апр. 1754: тамъ же, л. л. 334, 364. — Доношеніе Хвостова б. Черкасову, 17 марта 1754: тамъ же, л. 357 и об. — Письмо б. Черкасова къ Шлаттеру, 4 апр. 1754: тамъ же, л. 361. — Рапортъ Хвостова б. Черкасову о смерти Ивана Чернаго и о его второмъ сынѣ Александрѣ 20 іюля 1754: тамъ же, л. 375 и об. —

Рапортъ Тархова въ Каб-тъ, 11 янв. 1758: тамъ же, д. 29, л. 185 и об.

Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ документовъ можно заимствовать слѣдующія свѣдѣнія:

Иванъ Алексѣевъ Черный показывалъ, что его прадѣдъ былъ, будто бы, турокъ, что дѣдъ и отецъ его служили по вольному найму у кн. Мих. Як. Черкасскаго, что отецъ его зналъ золотое и серебряное мастерство, самъ же онъ, Иванъ Черный, обучался финифтяному мастерству у московскаго мастера Ивана Лычинскаго; затѣмъ, будто бы, кн. Черкасскіе насильно записали его въ крѣпостные. Однако, по справкамъ Вотчинной коллегіи (къ которымъ, впрочемъ, надо тоже относиться съ осторожностью), оказалось, что прадѣдъ, дѣдъ и отецъ Чернаго были записаны крѣпостными вижегородской вотчины села Павлова князей Черкасскихъ; въ 1722 г. Иванъ Черный вмѣстѣ съ отцомъ были взяты въ Москву въ дворовые люди кн. Черкасскаго. Въ томъ же 1722 г. Иванъ Черный записался, повидимому самовольно, въ московскій цехъ золотыхъ дѣлъ. Въ 1746 г. онъ, по опредѣленію канцеляріи ревизіи, былъ вновь написанъ въ подушный окладъ къ с. Павлову, наказанъ плетьми и отданъ въ услуженіе гр. П. Б. Шереметеву, къ которому перешло с. Павлово отъ его тещи кн. Марьи Юрьевны Черкасской. Иванъ Черный не хотѣлъ примириться съ своей долей, о чемъ свидѣтельствуетъ его челобитная на Высоч. Имя и прошенія, поданныя б. Черкасову, который, нуждаясь въ живописцѣ для фарфоровой фабрики, добился присылки Чернаго въ Петербургъ, хотя Шереметевъ и поддерживалъ свое право на владѣніе Чернымъ. Иванъ Черный умеръ 15 іюля 1754 г., около 62 лѣтъ отъ роду.

Изъ дѣла объ Иванѣ Черномъ заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто (оп. 315, д. 1, л. 498 об.): „И по опредѣленію Московскаго магистрата, велѣно о мастерствѣ оного Чернаго, достаточное ль имѣетъ, освидѣтельствовать, о которомъ московскаго цеха золотыхъ дѣлъ мастеръ Григорій Чернавкинъ да московскіе жъ купцы второй гильдіи Савелій Петровъ, Левъ Пигаревъ, Михайло Кудрявцевъ, третьей гильдіи Петръ Рожинъ подпискою объявили: оной де Черный финифтяное мастерство имѣетъ достаточное и въ цеху быть достоинъ . . . . . .“

190. О П. Тупицынѣ въ письмѣ Шлаттера къ б. Черкасову, 8 іюл. 1753: тамъ же, д. 13, л. 254 и об.

191. О Федорѣ Алексѣевѣ въ письмѣ Шлаттера къ б. Черкасову, 13 іюля 1753: тамъ же, л.л. 262—263.

192. О Львѣ Терскомъ: вѣдомость мастеровымъ, представленная въ Каб-тъ при рапортѣ Виноградова, 12 дек. 1757: тамъ же, д. 29, л. л. 153—160.

193. О Крыловѣ: тамъ же, д. 13, л. л. 582—600.

194. О П. Львовѣ: тамъ же, д. 2, л. 211; д. 13, л. л. 677—704.

195. Рап. Тархова въ Каб-тъ, сен. 1759: тамъ же, д. 13, л. 593 и об.—Крыловъ въ 1760 г. отпущенъ въ Москву, но позднѣе учился въ Академіи Художествъ: См. гл. цар. Им. Ек. II, примѣч. 33, стр. 388.

196. Илья Красковъ.—Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 18 авг. 1757: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 2, л. 286 и об. — Записка изъ Каб-та Виноградову, 11 сен. 1757: тамъ же, д. 29, л. 136. — Отношеніе изъ конторы Св. Синода въ Каб-тъ, 5 янв. 1761: тамъ же, л. 487.

197. Отп. приказа изъ Каб-та Тархову, 2 янв. 1761: тамъ же, л. 488.

198. Дѣло по прошенію вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря крестьянскаго сына Федора Никитина, объ опредѣленіи его въ ученики вѣдомства фарфороваго завода: тамъ же, д. 44. — Отп. приказа изъ Каб-та Тархову, о принятіи на фабрику Никитина, 13 янв. 1760: тамъ же, д. 29, л. 490.

199. Отп. приказа изъ Каб-та Тархову, 17 марта 1762: тамъ же, л. 576.

200. Объ этомъ: тамъ же, въ различныхъ дѣлахъ 1758—1762 г.г., напр. д. 29, л. л. 232—234 об., 297—299 об., 459—460 об. и др.

201. Доношеніе Виноградова въ Каб-тъ, 4 мая 1757: тамъ же, д. 2, л. 336 и об. — Приказъ изъ Каб-та Виноградову, 15 мая 1757: тамъ же, л. 238 и об.

202. Рапорты и доношенія Виноградова въ Каб-тъ февр. 1747, мартъ (начало) 1748, янв. 1750: тамъ же, д. 1, л. л. 337, 401, 473. — Письмо Виноградова б. Черкасову, 6 мар. 1749: тамъ же, л. 458 и об. — Вѣдомость мастеровымъ 1757: тамъ же, д. 29, л. л. 153 160. — Задержка въ выдачѣ жалованья происходила, отчасти, по винѣ Хвостова.

203. Тамъ же, д. 28.

204. Письма б. Черкасова къ Виноградову, 27 фев., 6 апр. 1749: тамъ же, д. 2, л. л. 108 и 111.—Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 6 марта 1749: тамъ же, д. 1, л. 458 и об. — Отп. указа Каб-та Главной дворцовой канцеляріи, о содѣйствіи Виноградову, отправляющемуся въ Москву за глиной, 10 мая 1749: тамъ-же, л. 464 и об.

205. Чер. указъ изъ Каб-та Виноградову, 13 мая 1749: тамъ же, д. 1, л. 465.

206. Записка о гжельскихъ глинахъ, составленная Виноградовымъ послѣ 1749 г.: тамъ же, д. 6, л. л. 75—76 об.

207. Эти сорта слѣдующіе, по мѣстнымъ названіямъ: 1. глина мыловка-жировка, 2. глина песчанка-черноземка, 3. глина черная, которая копалась при черноземкѣ, 4. глина мыловка, „съ курами красными и желтоватыми“, залегавшая вмѣстѣ съ черноземкой, 5. глина песчанка-сухогоновка, 6. глина песчанка-сысовка, 7. глина мыловка-жировка красная, 8. глина песчанка большого лугу.

208. Письмо Данилы Ефремова къ б. Черкасову, 16 іюля 1749: тамъ же, д. 1, л. 470.

209. Вѣдомость присланнымъ образцамъ сибирскихъ глинъ, 1749: тамъ же, д. 6, л. л. 80 81.

210. Объ оренбургскихъ глинахъ, письма б. Черкасова къ Виноградову, 15 сен. 1752 и 15 фев. 1755: тамъ же, д. 6, л. л. 87 и 109. — Чер. письма Виноградова къ б. Черкасову, 17 окт. 1752, 14 фев. 1753 и безъ даты (нач. 1755): тамъ же, д. 6, л. 89 и об.; д. 13, л. л. 170—171 об.; д. 2, л. 334 и об. — Отп. указа изъ Каб-та Виноградову, 26 янв. 1756: тамъ же, д. 13, л. 611. — Рапорты Виноградова въ Каб-тъ, 17 ок. и 9 нояб. 1752: тамъ же, л. л. 144 и 153. — Замѣтка Виноградова, 8 іюля 1757: тамъ же, д. 29, л. 83. — Наставленіе для промыванія глинъ, данное Виноградовымъ мастеровымъ, обрѣтающимся при перемывкѣ глинъ чебаркульской и верхнеувельской, 27 мая 1752: Г. А. — разр. XIV. д. 218: о дворцовомъ фарфоровомъ заводѣ. — Дополненіе къ наставленію: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 6, л. л. 127—129 об. (Вѣроятно, 1755 г.; сохранилось, однако, въ копіи, кажется, времени Щепотьева; въ немъ упоминается и первое наставленіе, 1752 года).

211. Извлеченіе изъ инструкціи, данной изъ Каб-та Савицкому, 8 сент. 1753: тамъ же, д. 13, л. 288 и об. — Описаніе образцовъ глинъ, привезенныхъ Савицкимъ, 12 нояб. 1753: тамъ же, л. л. 311—312 об.

212. Симбирская глина взята по указаніямъ казанскаго татарина Биметева. — Записка объ объявленной глинѣ, 22 мая 1757: тамъ же, л. 167.—Отп. писемъ б. Черкасова къ кн. М. М. Голицыну, 26 и 29 мая 1757: тамъ же, л. л. 168, 170 и об. — Письмо кн. Голицына къ б. Черкасову, 27 мая 1757: тамъ же, л. 169. — Отношеніе Адмиралтейской коллегіи въ Каб-тъ, 4 авг. 1757: тамъ же, л. 171. — Отп. приказа Виноградову изъ Каб-та, 7 авг. 1757: тамъ же, л. 172. — Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 15/20 марта 1758: тамъ же, л. 173 и об. — Письмо б. Черкасова къ Виноградову о привозѣ симбирской глины, 7 авг. 1757: тамъ же, д. 6, л. 121. — Рапортъ Виноградова о негодности присланной глины (1758): тамъ же, л. 123.

213. Письмо б. Черкасова къ Виноградову о привозѣ глины изъ С. Руссы, 22 мая 1757: тамъ же, д. 6, л. 119.

214. Коп. опредѣленія Прав. Сената, по письму б. Черкасова къ ген.-прокурору кн. Трубецкому о неопредѣленіи впредь до указа Льва Петрова Ловеницкаго, Семена Дмитріева и Петра Игнатьева Орды Болгарскія къ какимъ-либо дѣламъ, за порученіемъ имъ сыскивать фарфоровую глину въ Смоленской губерніи, 14 іюл. 1757: тамъ же, д. 29, л. 183. — Письмо б. Черкасова къ Виноградову о доставленной изъ Смоленска двухъ сортовъ глинѣ, 25 іюня 1757: тамъ же, д. 6, л. 120. —

Письмо Виноградовв къ б. Черкасову, 30 іюн. 1757: тамъ же, д. 29, л. 174. — См. еще: тамъ же, л. л. 175—184.

215. Тамъ же, д. 6, л. 89.

216. Тамъ же, д. 13, л. 144.

217. Тамъ же, л. 171.

218. Вѣдомость присланнымъ глинамъ за 1745—1762 г.г., тамъ же, д. 6, л. л. 136—137 об.

219. Наставленіе для промыванія глинъ, 1752: Г. А. — разр. XIV, д. 218. — Дополненіе къ наставленію, 1755: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 6, л. л. 127—129 и об. См. прим. 210.

220. Способъ промывки и укупорки глины описанъ детально въ наставленіяхъ Виноградова: прим. 219.

221. Отп. письма б. Черкасова къ Виноградову, 29 іюл. 1747: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 396 и об.

222. Донесеніе Гиршбергера б. Черкасову, съ оправданіемъ по доносу Виноградова о негодности устроенной имъ мельницы, сент. 1747: тамъ же, л. л. 284—285. - Хотя Гиршбергеръ и оправдывался, однако изъ его собственныхъ словъ слѣдуетъ, что машина, дѣйствительно, была неважная, такъ какъ требовала при работѣ не менѣе 15 человѣкъ.

223. Записка, поданная Виноградовымъ въ Каб-тъ (1748?), тамъ же, л. л. 404—405.

224. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, съ реестрами изготовленныхъ массъ, 20 іюля 1753: тамъ же, д. 13, л. л. 269 270 об.

225. См. приложеніе № 37.

226. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 14 фев. 1753: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 13, л. л. 170—171 об.

227. Отп. письма б. Черкасова къ коменданту Выборгской крѣпости, съ просьбою заказать оберъ-квартирмейстеру инженернаго корпуса Петру Ступишину машину для мятья глины, по образцу двухъ, имъ раньше сдѣланныхъ, 19 авг. 1748: тамъ же, д. 1, л. 413.—Письмо Хвостова къ б. Черкасову о дѣйствіи присланной изъ Выборга машины для мятья глины, 8 янв. 1750: тамъ же, л. 471 и об.

228. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 19 янв. 1749: тамъ же, д. 1, л. л. 453—454 об.

229. Письма и донесенія Виноградова къ б. Черкасову: 23 іюня 1747, 19 іюля 1748 и др.: тамъ же, л. л. 374—375, 407—408 и др.

230. Отп. указа Каб-та конторѣ кирпичныхъ заводовъ о приготовленіи, по указанію Виноградова, до 100 т. кирпичей, 7 марта 1747: тамъ же, л. 364. — Требованіе Виноградова на 10 куб. саж. плитнаго камня для выстилки фундаментовъ у двухъ печей, 22 іюня 1747: тамъ же, д. 2, л. 53.

231. Письмо б. Черкасова къ Виноградову, 29 іюля 1747: тамъ же, д. 1, л. 396, д. 2, л. 66 и об.

232. Histoire et fabrication de la porcelaine chinoise. Ouvrage traduit du chinois par M. Stanislas Julien. Paris 1856. Стр. 166, 167, 168, 173.

233. О большой обжигальной печи см. увѣдомленіе изъ конторы строенія Зимняго дворца о посылкѣ 20 каменьщиковъ и 20 плотниковъ для постройки на фарфоровой фабрикѣ сарая и печи, 21 авг. 1755: М. О. А. Дв. оп. 315, д. 2, л. л. 200—201 об.— Требованіе Виноградова въ контору кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ, на 10 т. кирпичей для кладки печей, 13 окт. 1755: тамъ же, л. 205.—Записка Виноградова въ Каб-тъ съ требованіемъ матеріаловъ для постройки большой печи, 29 іюля 1756: тамъ же, д. 13, л. 651. — Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ объ окончаніи обжигальной печи, 6 окт. 1756: тамъ же, л. 660. — Протоколы испытанія большой обжигальной печи, конецъ 1756 г.: тамъ же, д. 2, л. л. 366--370 об.

234. Письмо каб.-секретаря И. Морсочникова къ Виноградову о присылкѣ въ Кабинетъ живописца Чернова для испытанія красокъ Грота, 5 апр. 1752: тамъ же, д. 2, л. 177. — Рецепты живописца Грота для дѣла красокъ: тамъ же, д. 13, л. 119. — О краскахъ изъ Гамбурга: письмо б. Черкасова къ Виноградову, 5 фев. 1752: тамъ же, д. 2, л. 176 и об. — Присланы были слѣдующія краски: свѣтлый пурпуръ, темный пурпуръ, темносиняя, свѣтлосиняя, свѣтлозеленая, темнозеленая, кофейнаго цвѣта, кирпичнаго цвѣта, черная, темночерная, желтая, темножелтая.

235. Письмо Виноградова къ б. Черкасову: тамъ же, д. 13, л. 171 об.

236. По каталогу коллекціи Лукутина № 9, стр. 1.

237. См. текстъ стр. 37.

238. Письмо б. Черкасова къ Виноградову, 24 іюня 1752, М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 2, л. 180 и об. — Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 14 фев. 1753: тамъ же, д. 13, л. 170--171 об.

239. Рапортъ Бартельса Виноградову, 11 нояб. 1757: тамъ же, д. 2, л. 250.—Рапортъ Тархова Виноградову, 16 нояб. 1757: тамъ же, л.л. 251—2. Предписаніе К-та, 23 мар. 1758: тамъ же, д. 6, л. 124.

240. Относительно нѣкоторыхъ предметовъ, исполненныхъ на Императорской фарфоровой фабрикѣ, приходится допустить, что если форма ихъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ первому періоду, (что подтверждается, между прочимъ, и находящеюся на нихъ заводскою маркою), то живопись, исполненная на этихъ предметахъ, можетъ быть отнесена къ болѣе позднему времени.

241. Рапортъ Виноградова въ Каб-тъ, 7 апр. 1747, и др. документы: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 1, л. л. 363 и др.

242. Письма Виноградова къ б. Черкасову, 23 авг. 1751 и 14 фев. 1753: тамъ же, д. 13, л. л. 15 и 170 — 171 об. и др.

243. Письма Виноградова къ б. Черкасову, 11 іюля 1751 и 25 іюня 1752 и др.: тамъ же, л. л. 3 и об., 59.—Отп. письма б. Черкасова къ Виноградову, 6 авг. 1751: тамъ же, л. 5.

244. Отп. письма б. Черкасова къ Шлаттеру, 6 мая 1751: тамъ же, л. 1 и об.

245. Письмо Шлаттера къ б. Черкасову, 9 нояб. 1753: тамъ же, л. л. 318-319. — Отп. письма б. Черкасова къ Шлаттеру, 16 дек. 1753: тамъ же, л. 329 и об.

246. Отп. письма б. Черкасова къ барону Я. С. Вольфу, 25 мая 1753: тамъ же, д. 13, л. 231 и об.

247. Отп. записки, посланной изъ Каб-та Виноградову, 21 авг. 1757: тамъ же, д. 2, л. 247 и об.

248. Образецъ объявленія, написанный рукою Шлаттера, съ припискою рукою Виноградова, что объявленіе напечатано въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 23, марта 19 дня 1753 г.

249. Экстрактъ изъ письма б. Черкасова къ Шлаттеру, май, 1753: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 2, л. 337.—Тамъ же, д. 13, л. 271.

250. О табакеркахъ см. еще въ томъ же архивѣ по оп 315: д. 2, л. л. 235, 247, 334, 337, 364; д. 13, л. л. 178, 186, 193, 195, 199, 219, 220, 228, 231, 232, 242, 243, 247 об., 255, 256, 262, 278, 282, 292, 300, 305, 308, 320, 378, 383, 385, 505, 522, 638, 642 об., 656; д. 29, л. л. 42, 83, 239—267 и др. — Особенно: реестръ оставшимся послѣ Виноградова вещамъ: приложеніе № 12, и реестръ казеннымъ вещамъ, взятымъ изъ дома б. Черкасова: приложеніе № 13.

251. Въ различныхъ мѣстахъ, особенно реестры вещамъ, оставшимся послѣ Виноградова и взятымъ изъ дома б. Черкасова: прилож. № 12 и № 13.

252. См. напр., М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 1, л. 179; д. 2, л. л. 199, 241; д. 13, л. 377; д. 29, л. 217

253. Отп. предписанія изъ Каб-та Виноградову и Жолобову, 23 апр. 1752: тамъ же, д. 13, л. 23.

254. Тамъ же, л. 92 и об.

255. Тамъ же, д. 2, л. 184.

256. Извлеченіе изъ письма б. Черкасова къ Шлаттеру, 8 фев. 1753: тамъ же, д. 13, л. 161.

257. Донесенія Хвостова б. Черкасову, 14 фев. и 27 мая 1753: тамъ же, л. л. 172—174, 234—235. — Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 20 фев. 1753: тамъ же, л. л. 170—171 об.

258. Чер. письмо Виноградова къ Шлаттеру, 7 мая 1754: тамъ же, д. 2, л. 357 об

259. Приложеніе № 13.

260. Приложеніе № 14.
261. Приложеніе № 15.

262. Письмо Виноградова къ б. Черкасову, 12 іюля 1752: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 13, л. л. 74—75.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

1. На основаніи списковъ на жалованье и вѣдомостей мастеровымъ и рабочимъ, можно полагать, что послѣ 1763 г. Воиновъ не состоялъ уже на фабрикѣ; надзоръ же за мастеровыми былъ, еще въ 1762 г., порученъ состоявшему при Каб-тѣ Е. И. В. солдату троицкаго пѣхотнаго полка Филиппу Собрачеву.— Отпускъ указа изъ Каб-та объ опредѣленіи Собрачева къ смотрѣнію за мастерами и матеріалами фарфоровой фабрики, 31 авг. 1762: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 29, л. 605. — Доношеніе Тархова въ Каб-тъ о производствѣ Собрачева въ унтеръофицеры, сен. 1762: тамъ же, л. 609. — Въ послѣдній разъ Воиновъ упоминается въ спискѣ на жалованье за янв. треть 1763: тамъ же, л. л. 640—641.

2. Тарховъ былъ уволенъ отъ военной службы съ награжденіемъ капитанскимъ чиномъ по опредѣленію Военной коллегіи, 17 фев. 1761.—Сообщеніе изъ Воен. кол. въ Каб-тъ, 21 мар. 1761: тамъ же, л. 517.

3. Отп. приказа изъ Каб-та кап. Тархову о приводѣ состоявшихъ при фабрикѣ людей къ присягѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, 5 іюля 1762: тамъ же, л. 602 и об.

4. Рапортъ Тархова въ Каб-тъ, 20 авг. 1762: тамъ же, л. 607.

5. Рапортъ Тархова въ Каб-тъ съ представленіемъ реестра отобраннымъ для отправленія въ Москву фарфоровымъ вещамъ, 29 янв. 1763: тамъ же, д. 66, л. л. 1 и об., 2—5. — Донесеніе с. с. Якова Бахирева Олсуфьеву, о посылкѣ отобранныхъ вещей въ Москву, 30 янв. 1763: тамъ же, д. 29, л. л. 622 и об. — Реестръ отправленнымъ въ Москву фарфоровымъ вещамъ: тамъ же, л. л. 624—627. — Приложеніе № 15.

6. Камеръ-фурьерскій журналъ за 1763 г., стр. 148—149: „2-го числа, въ среду, по утру въ 11-мъ часу, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ въ Академію . . .
А въ 6-мъ пополудни часу изволила имѣть выходъ, водою, въ шлюпкахъ, на фарфоровые заводы и смотрѣть дѣлающейся тамъ въ разномъ званіи посуды; а по пересмотрѣніи изволила проходить въ состоящіе тамъ покои и кушать вечернее кушанье съ находившимися въ свитѣ Ея Императорскаго Величества кавалерами и фрейлинами, въ 10-ти персонахъ. По окончаніи стола, изволила возвратиться во Дворецъ, по полуночи въ 1-мъ часу.“ О посѣщеніяхъ завода: тамъ же, 1766 г., с. 22, 1774 г., с. 293.

7. Рапортъ Тархова въ Каб-тъ съ представленіемъ реестра табакеркамъ, отданнымъ Елагину по Высочайшему соизволенію, во время посѣщенія Государынею завода, 23 іюля 1763: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 29, л. л. 649—650 об.

8. Коп. Выс. указа Каб-ту о порученіи фарфороваго завода въ управленіе Щепотьеву, 17 фев. 1764: тамъ же, д. 7, л. 116. — Тоже: М. И. З.

Александръ Николаевичъ Щепотьевъ, или Щепотевъ, будучи вахмистромъ коннаго лейбъ-гвардіи полка былъ отправленъ, 7 сен. 1760 г., во Францію дво907яниномъ посольства; произведенъ въ корнеты, 26 дек. 1761; за участіе въ іюньскомъ переворотѣ произведенъ въ поручики, 1 авг. 1762. Высочайшій указъ о бытіи Щепотьеву у смотрѣнія фарфороваго завода состоялся 17 фев. 1764. Изъ этого указа видно, что Щепотьевъ, живя за границей, пріобрѣлъ свѣдѣнія какъ въ химіи, такъ и въ фарфоровомъ производствѣ. Въ 1765 г. Щепотьевъ былъ уже секундъ-ротмистромъ, въ 1767 г. — ротмистромъ; 22 сент. 1768 г. пожалованъ камеръ-юнкеромъ и въ томъ же году 11 ноября отчисленъ отъ полка. Въ періодъ времени 1768 — 1772 гг. Щепотьевъ пользовался, видимо, значительнымъ успѣхомъ при Дворѣ. Щепотьевъ управлялъ Императорскимъ фарфоровомъ заводомъ до 1773 г. — Анненковъ, Исторія лейбъ-гвардіи коннаго полка. Спб. 1849, т. IV, стр. 50.—Барановъ, Опись указамъ въ сенатскомъ архивѣ. Спб. 1878 г., т. III, № 16. 686.— Бильбасовъ, Исторія Екатерины II, Берлинъ 1900, т. 2, стр. 464.—Чер. письмо Олсуфьева къ Бецкому, 5 ок. 1765: М. О. А. Дв. — оп. 315; тамъ же, д. 75, л. 29. — Указъ за подписаніемъ соб. Ея Величества руки Придворной конторѣ, 16 янв. 1769: П. О. А. Дв.—оп. 36/1629, д. 120, л. 9. — Камеръ-фурьерскій журналъ за 1768, 1769, 1770, 1771 и 1772 г. г.—Примѣчаніе 57.

9. Высочайше утвержденный докладъ лейбъ-гвардіи поручика Щепотьева объ учрежденіи фарфороваго завода и штата оному, 16 мар. 1765: П. С. З.,—изд. 1, т. XVII, № 12.357. (Штатъ: т. XLIII). Штатъ составленъ очень небрежно, живописцы, напр., въ штатѣ совсѣмъ пропущены и упоминаются только въ положеніи.

10. Мнѣніе о фарфоровомъ заводѣ, безъ даты и подписи, но по содержанію, слогу и т. п. признакамъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Щепотьеву и написано имъ въ 1766 г.: Г. А. — разр. XIV, д. 218.

11. По крайней мѣрѣ, акта о назначеніи Щепотьева директоромъ фарфороваго завода не существуетъ. Точно также и въ дѣловой перепискѣ Щепотьевъ никогда не именовалъ себя директоромъ, но другіе иногда его такъ называли: см., напр., Записки Семена Порошина, Спб. 1881, столбецъ 400.

12. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву съ предложеніемъ назначить на должность поддиректора Чоусова, 3 окт. 1765: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 75, л. 28. — Чер. письмо Олсуфьева къ И. Бецкому съ просьбой о согласіи его на опредѣленіе Чоусова на службу на фарфоровый заводъ, 5 окт. 1765: тамъ же, л. 29. — Письмо И. Бецкаго къ Олсуфьеву объ отсылкѣ Чоусова на фарфоровый заводъ, 13 окт. 1765: тамъ же, л 33. — Рапортъ Щепотьева Олсуфьеву о прибытіи на заводъ Чоусова 19 нояб. 1765: тамъ же, л. 54. — Рапортъ Тархова въ Каб-тъ о сдачѣ заводскаго имущества и дѣлъ поддиректору Чоусову, 11 мая 1766: тамъ же, д. 76, л. 25.

Чоусовъ (Чеусовъ), Николай Романовичъ, опредѣленъ въ Сухопутный шляхетскій корпусъ кадетомъ, 1 нояб. 1751; произведенъ въ каптенармусы 19 марта 1757, въ сержанты 8 дек 1758, выпущенъ въ армію поручикомъ 14 мар. 1762. — Копія съ аттестата, выданнаго Чоусову изъ Сухопутнаго шляхетскаго корпуса, 3 нояб. 1765: тамъ же, д. 75, л. 52.

13. Предложеніе о фарфоровой фабрикѣ и кондиціи Миллера, 7 авг. 1763 (переводъ съ нѣмец.): тамъ же, д. 29, л. л. 653—654. — О роли, какую хотѣлъ играть на заводѣ Миллеръ, можно судить по слѣдующему мѣсту въ его кондиціяхъ: „Что жъ до меня касается, то желаю быть подъ единственнымъ вѣдомствомъ Ея Императорскаго Величества Кабинета и подъ главною дирекціею его высокопревосходительства тайнаго совѣтника и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева.“

14. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву, 6 мар. 1764: тамъ же, д. 75, л. 65.

Впрочемъ, Щепотьевъ едва ли былъ вполнѣ безпристрастенъ въ своемъ отзывѣ о Миллерѣ, такъ какъ онъ не могъ не знать, что Миллеръ въ своихъ кондиціяхъ не допускалъ надъ собою иного начальства, кромѣ Олсуфьева: см. примѣч. 13.

15. Челобитная Регенсбурга на Высоч. Имя, 30 янв. 1764: тамъ же, л. л. 6—7. — Интересно, что челобитная, написанная на русскомъ языкѣ рукою писца, подписана Регенсбургомъ собственноручно тоже по-русски. Челобитная производитъ впечатлѣніе беззастѣнчиваго и хвастливаго самовосхваленія.

16. Въ исторіи Вѣнской фабрики Фальке (J. v. Falke, Die k. k. Wiener Porzellanfabrik. Wien 1887) Регенсбургъ не упоминается.

17. Контрактъ, заключенный съ Регенсбургомъ (1764): М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 75, л. л. 35—36 об., 11—12.

18. Отношеніе Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ Каб-тъ 27 апр. 1764, по Высочайшей резолюціи на реляціи министра при датскомъ дворѣ бар. Корфа, 27 янв. 1764, о порцелинномъ фабрикантѣ Бертевенѣ: тамъ же, д. 66, л. 31 и об.

19. Отп. отношенія Каб-та въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, б. д., тамъ же: л. 50.

20. Бертевень въ 1766 г. работалъ на фаянсовой фабрикѣ въ Маріенбергѣ близъ Стокгольма: Jaennicke, Grundriss d. Keramik, стр. 645. — Demmin, Guide de l'amateur de faïence et porcelaines, стр. 985.

21. Переводъ съ письма Арнульта къ Олсуфьеву о назначеніи и выдачѣ ему за его службу жалованья съ 6 марта 1764 г.: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 75, л. л. 47—48 об.

22. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его фамилія и счета, написанные на французскомъ языкѣ. Кромѣ того, въ рапортѣ 9 нояб. 1765 г. Щепотьевъ писалъ Олсуфьеву, что оцѣнку сдѣланныхъ Арнультомъ вещей производили „его же націи три человѣка, а именно Мюрьель, Адоръ и Ролияндъ": Г. А. — разр. XIV, д. 218.

23. Вѣдомость штукамъ, сдѣланнымъ на Императорской фарфоровой фабрикѣ Арнультомъ, мастеромъ фарфороваго художества, мартъ 1764: приложеніе № 17.

24. Коп. рапорта Щепотьева Олсуфьеву о разсмотрѣніи работъ мѣднаго дѣла мастера Арнульта, 9 нояб. 1765: Г. А. — разр. XIV, д. 218.

25. Подобно тому, какъ, напр., при Людовикѣ XV на Севрской мануфактурѣ должность моделера исполнялъ королевскій серебряныхъ дѣлъ мастеръ Дюплеси. — H. Havard, et M. Vachon, Les manufactures nationales. Les Gobelins, la Savonnerie, Sèvres, Beauvais. Paris 1889, стр. 375.

26. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву о рѣзчикѣ Андреѣ Карловскомъ, съ резолюціей Олсуфьева о принятіи Карловскаго на фабрику, 21 сент. 1764: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 75 л. 24.

27. Контрактъ, заключенный съ Карловскимъ на франц. яз. съ перев. на русс., 1 окт. 1764: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 75, л. л 25 и 27 (перев.), 26 (ориг.).— Опт. приказа изъ Каб-та Тархову объ отведеніи помѣщенія рѣзчику Карловскому, 12 окт. 1764: тамъ же, л. 23. — Еще: тамъ же, л. 48.

По контракту Карловскій обязывался: „дѣлать разныя фигуры и все, что принадлежать будетъ къ моему искусству, также обучать оному со всевозможнымъ раченіемъ учениковъ, мнѣ порученныхъ, за четыреста рублевъ жалованья въ годъ" . . .

28. Копія рапорта Щепотьева Олсуфьеву, 9 нояб. 1765: Г. А.—разр. XIV, д. 218.

29. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву объ ученикахъ Академіи, получившихъ абшидъ и желавшихъ поступить на фарфоровый заводъ, 5 фев. 1765: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 75, л. 37.—Именной списокъ ученикамъ Академіи, пожелавшимъ поступить на заводъ: тамъ же, л. 38. — Отп. письма Олсуфьева къ Щепотьеву съ разрѣшеніемъ принять на заводъ учениковъ Академіи — рѣзчиковъ и живописцевъ, мартъ 1765: тамъ же, л. 41.

30. Федоръ Крестишинъ, изъ разночинцевъ, поступилъ въ Академію Художествъ въ 1758 г., семнадцати лѣтъ отъ роду. Обучался въ скульптурномъ классѣ. Въ 1763 г. представлялъ композицію на первую премію, большую золотую медаль („Славная побѣда надъ турками и татарами, подъ Азовомъ одержанная Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Петромъ Великимъ въ 1696 году"), и былъ признанъ равнымъ по искусству со своимъ конкурентомъ Иваномъ Семеновымъ (примѣч. 31). Въ 1764 г., въ числѣ другихъ шести воспитанниковъ Академіи, онъ за хорошіе успѣхи былъ удостоенъ званія студента Академіи съ производствомъ жалованья по 120 р. въ годъ.—Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ за сто лѣтъ, Спб. 1864, т. I, стр. 9, 13, 20, 80, 83, 85, 96.

31. Иванъ Семеновъ, изъ разночинцевъ, поступилъ въ Академію Художествъ въ 1758 г., семнадцати лѣтъ отъ роду. Обучался въ скульптурномъ классѣ. Въ 1763 г. представлялъ композицію на первую премію и былъ признанъ равнымъ по искусству со своимъ конкурентомъ Федоромъ Крестишинымъ, (примѣч. 30). Въ 1764 г. при разборѣ учениковъ Академіи (въ силу ордера главнаго директора Академіи И. И. Бецкаго, «коимъ велѣно разсмотрѣть учениковъ, и которые найдутся къ продолженію въ художествахъ мало надежду имѣющими, изъ оныхъ выбрать и распредѣлить по мастерствамъ"), въ числѣ другихъ шести воспитанниковъ, онъ, за хорошіе успѣхи, былъ удостоенъ званія студента Академіи, съ производствомъ жалованья по 120 р. въ годъ и въ томъ же году былъ оставленъ при Академіи „впредь до разсмотрѣнія". Петровъ, l. c., т. I, стр. 9, 13, 20, 80, 83, 85, 96.

32. Гаврило Никифоровъ, изъ разночинцевъ, поступилъ въ Академію Художествъ въ 1758 г., семнадцати лѣтъ. Обучался въ скульптурномъ классѣ. Въ 1763 году ему была дана задача на соисканіе серебряной медали, но таковой онъ не былъ удостоенъ. Въ 1764 г. былъ оставленъ при Академіи „впредь до разсмотрѣнія".—Петровъ, l. c., т. I, стр. 9, 13, 20, 84, 97.

33. Афанасій Крыловъ, въ 1763 г. былъ удостоенъ награжденія малою серебряною медалью и шпагою за рисунокъ съ натуры. Въ 1764 г. былъ оставленъ при Академіи съ отмѣткой: „хорошихъ успѣховъ и поведенія".—Петровъ, l. c., т. I, стр. 83, 85, 86, 96. Гл. Цар. Им. Ел. П. стр. 34.

34. Андрей Соболевъ, изъ разночинцевъ, поступилъ въ Академію Художествъ въ 1758 г., тринадцати лѣтъ отъ роду. Обучался въ живописномъ классѣ. Въ 1763 г., за композицію на вторую премію, онъ былъ признанъ достойнымъ преміи въ равной степени со своимъ конкурентомъ Алексѣемъ Артемьевымъ (примѣч. 35). Въ 1764 г., при разборѣ учениковъ Академіи, Соболевъ былъ назначенъ для мозаичнаго искусства. — Петровъ, l. c., т. I, стр. 10, 13, 19, 83, 85, 96.

35. Алексѣй Артемьевъ, изъ разночинцевъ, поступилъ въ Академію Художествъ въ 1758 г., девятнадцати лѣтъ отъ роду. Обучался въ живописномъ классѣ и считался „посредственнаго поведенія". За представленную въ 1763 г. композицію на вторую премію, онъ былъ признанъ достойнымъ преміи въ равной степени со своимъ конкурентомъ Андреемъ Соболевымъ (примѣч. 34), вмѣстѣ съ послѣднимъ, въ 1764 г., онъ былъ также назначенъ „для мозаики".—Петровъ, l. c., т. I, стр. 9 13, 19, 83, 85, 96.

36. О личномъ составѣ фарфороваго завода, б. д., (середина 1765 г.): Г. А. — разр. XIV, д. 47, ч. 5.

37. О приходѣ и расходѣ денежной казны на 1765 г.: тамъ же, разр. XIV, д. 218.

38. Мнѣніе о фарфоровомъ заводѣ, б. д. (1765 г.): тамъ же.

39. Чер. Высоч. указъ объ увольненіи Олсуфьева отъ должности главнаго директора фарфороваго завода, 27 мая 1766: М. О. А. Дв. - оп. 315, д. 7, л. 121; тамъ же, д. 66, л. 36; копія указа Г. А. — разр. XIV, д. 218.

40. Письмо Теплова къ Олсуфьеву о порученіи Императрицею ему, Теплову, управленія заводомъ, 8 іюн. 1766: М. О. А. Дв. - оп. 315, д. 7, л. 114 и об.

41. Григорій Николаевичъ Тепловъ (1720—1770) первоначальное образованіе получилъ въ Петербургѣ, въ школѣ Ѳеофана Прокоповича, потомъ учился въ Германіи. По возвращеніи въ Россію, состоялъ переводчикомъ, потомъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ. Гр. А. Разумовскій ввѣрилъ ему образованіе своего брата Кирилла, съ которымъ Тепловъ ѣздилъ въ чужіе края. Когда К. Разумовскій былъ сдѣланъ малороссійскимъ гетманомъ, Тепловъ жилъ съ нимъ въ Малороссіи и принималъ близкое участіе въ малороссійскихъ дѣлахъ. При Императорѣ Петрѣ III, Тепловъ навлекъ на себя подозрѣніе, былъ арестованъ, но оправдался. Онъ способствовалъ восшествію на престолъ Императрицы Екатерины II. Государыня высоко цѣнила способности Теплова, поручала ему важнѣйшія государственныя дѣла и сдѣлала его сенаторомъ. Но никогда Тепловъ не былъ особенно близокъ ко Двору. Тепловъ извѣстенъ и какъ писатель по философскимъ, экономическимъ

и историческимъ вопросамъ. — Матеріалы для исторіи Имп. Ак. Наукъ.

42. Письмо Щепотьева къ Теплову, 8 авг. 1766: Г. А. — разр. XIV, д. 218.

43. Тамъ же, разр. VII, д. 2126.

44. Отп. указа изъ Каб-та Щепотьеву, 28 авг. 1764: М. О. А. Дв. оп. 315, д. 75, л. 18.

45. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву, съ приложеніемъ проекта учрежденія училища фарфороваго завода, 23 янв. 1766: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 75, л.л. 57, 58 -61 об., 63.—Г. А.—разр. XIV, д. 218 (только проектъ).

46. Наприм., въ положеніи объ училищѣ вставлено разсужденіе о томъ, почему „ученіе языковъ нужно для тѣхъ, кои готовятся быть министрами": л. 61.

47. Объ организаціи училища см. въ „учрежденіи" его: примѣч. 45.

48. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 134: объ учрежденіи при фарфоровомъ заводѣ школы для обученія сыновей мастеровыхъ и прочихъ лицъ, заводу принадлежащихъ, и о жертвуемомъ на сей предметъ Захаровою капиталѣ. На л. 11 этого дѣла выписка изъ архива фарфороваго завода о гимназіи.

49. Рапортъ Тархова въ Каб-тъ о ветхости заводскихъ строеній, 20 авг. 1762: тамъ же, оп. 315, д. 29, л. 607. — Примѣч. 7.

50. Предписаніе изъ Каб-та Щепотьеву о починкѣ заводскихъ строеній, 28 авг. 1764: тамъ же, д. 75, л. 18.

51. Письмо Щепотьева къ Теплову о необходимости строить каменное зданіе для фарфороваго завода и о покупкѣ для временнаго помѣщенія завода каменнаго дома гончарнаго мастера В. Щербакова, 8 авг. 1766: Г. А. разр. XIV, д. 218.

52. Письмо Щепотьева къ Теплову, 8 авг. 1766: примѣч. 51. — Высочайшій указъ, данный Теплову съ разрѣшеніемъ Щепотьеву купить для фарфороваго завода домъ Щербакова за 1700 р., 16 окт. 1766: М. И. З. (подлинный указъ), копія указа: Г. А. разр. X, д. 455, ч. II, тетрадь 2-я, стр. 97. — Письмо Теплова къ Щепотьеву, съ препровожденіемъ указа о покупкѣ дома Щербакова, 21 нояб. 1766: М. И. З. — Г. А. — разр. XIV, д. 218 (копія).

53. Отп. указа изъ Каб-та въ Соляную контору объ отпускѣ денегъ Щепотьеву на содержаніе фарфороваго завода, 19 іюн. 1766: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 76, л. 24.

54. Письмо Щепотьева къ Теплову, 22 апр. 1767: Г. А.— разр. XIV, д. 218.

55. Именной указъ, данный Каб-ту, 26 апр. 1767: П. С. З.— изд. 1, т. XVIII, № 12.885. Копія им. указа: Г. А. разр. XIV, д. 218.

56. Именной указъ, данный Придворной конторѣ о производствѣ жалованья различнымъ придворнымъ чинамъ, въ томъ числѣ камеръ-юнкеру Александру Щепотьеву, 16 янв. 1769: П. О. А. Дв.—оп. 36 1629, кн. 120, л. 9.

57. Въ 1-ой описи [эта опись заключаетъ: 1) „Опись дѣламъ, книгамъ и документамъ фарфороваго завода съ 1757 по 1831 г." (въ дѣйствительности только дѣла до 1817 г.), 2) „Опись книгамъ и документамъ конторы Императорскаго фарфороваго завода съ 1817 по 1831 г." (въ дѣйствительности, по 1830 г. включ.), 3) Отдѣльныя описи по годамъ съ 1836 по 1859 г.] дѣламъ конторы Императорскаго фарфороваго завода съ 1757 г. (самихъ дѣлъ уже не существуетъ), хранящейся въ библіотекѣ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, подъ 1772 г. (л. 6 об.) въ послѣдній разъ упомянута „книга прихода и расхода денегъ по содержанію дома г. Щепотьева". — Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ Щепотьевъ отмѣченъ присутствовавшимъ при Дворѣ въ началѣ 1773 г.

58. 1-я опись д. д. фар. зав., годы 1773 1792, л. л. 7—25. Именной указъ, данный кн. Юсупову, 17 сен. 1792: П. С. З. изд. 1, т. XXIII, № 17.071.

59. Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій родился въ 1727 г., образованіе получилъ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1747 г., былъ выпущенъ прапорщикомъ. Онъ быстро выдвинулся по службѣ, такъ что уже въ 1763 г. ему было дано весьма отвѣтственное порученіе: онъ былъ отправленъ на уральскіе заводы для усмиренія бунтовавшихъ горнозаводскихъ крестьянъ и для урегулированія отношеній между послѣдними и владѣльцами заводовъ. Одновременно Императрица поручила ему также изучить экономическое положеніе уральскихъ горныхъ заводовъ. Удачное исполненіе возложенной на него миссіи настолько усилило довѣріе Императрицы Екатерины II къ Вяземскому, что въ 1764 г. онъ былъ неожиданно для всѣхъ облеченъ властью генералъ-прокурора, вмѣсто очень способнаго, но дискредитировавшаго себя въ глазахъ Императрицы А. И. Глѣбова. Назначеніе на этотъ важный и отвѣтственный постъ Вяземскаго удивило современное общество, такъ какъ Вяземскаго современники считали почему-то человѣкомъ недалекаго ума, хотя и безкорыстнымъ. Императрица, при назначеніи Вяземскаго на эту должность, снабдила его секретнѣйшей инструкціей, которой предоставила ему гораздо большую власть, чѣмъ какою до тѣхъ поръ пользовались генералъ-прокуроры, и обнадежила своимъ довѣріемъ и покровительствомъ. Очевидно, Императрица не только вѣрила въ безкорыстіе князя Вяземскаго, но вѣрила также въ его энергію и способности, вопреки мнѣнію придворныхъ круговъ. И Императрица въ данномъ случаѣ не ошиблась. Наибольшія услуги Вяземскій оказалъ установленіемъ правильнаго порядка въ дѣлопроизводствѣ Правительствующаго Сената, въ особенности объединеніемъ финансоваго хозяйства въ Россіи и реформой финансоваго строя. Въ 1767 году кн. Вяземскій предсѣдательствовалъ въ комиссіи о составленіи новаго уложенія. До выхода въ отставку онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Государыни, хотя и не всегда слѣдовавшей его совѣтамъ. Разбитый еще въ 1789 г. параличемъ, князь Вяземскій вышелъ въ 1792 г. въ отставку и умеръ въ 1793 г.—П. Ивановъ, Опытъ біографій ген.-прок. и мин. юст. Спб. 1864.—Сборникъ Русс. Истор. О-ва, т.т. V и VI.—Записки Державина, изд. Акад. Наукъ, подъ ред. Я. К. Грота.

60. Въ бытность главными директорами Императорскаго фарфороваго завода кн. Вяземскаго и кн. Юсупова, особенно въ управленіе перваго изъ нихъ, заводъ не имѣлъ никакой связи ни съ Кабинетомъ Е. И. В., ни съ какимъ-либо другимъ учрежденіемъ, вслѣдствіе чего всѣ дѣла завода сосредоточивались исключительно въ конторѣ завода и у главныхъ директоровъ, т. е. у Вяземскаго и у Юсупова. Но бумаги и того и другого, по дѣлопроизводству управленія фарфоровымъ заводомъ, остались въ заводскомъ же архивѣ и вмѣстѣ съ архивомъ погибли.—См. 1-ю опись д.д. фар. зав., различн. листы, напр., на л. 7, за 1773 г., отмѣчено „дѣло о фарфоровомъ заводѣ, производившееся у г. д. т. с. кн. Вяземскаго съ сего года по 1783".

61. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 10: „Опись г. Волкова, по которой принятъ отъ него заводъ капитаномъ Голохвастовымъ". Александръ Андреевичъ Волковъ, деп. ком. сост. ул., писатель, ум. 1788. Азб. указатель къ Біогр. Сл.

62. Пыляевъ, Забытое прошлое окрестностей Петербурга, стр. 72.

63. 1-я опись д.д. фар. зав., л.л. 7 11.

64. Тамъ же, л.л. 12 и сл.

65. Контрактъ, заключенный съ купцомъ Шумиловымъ о построеніи каменнаго флигеля: М. И. З. — Стоимость работъ по смѣтѣ была исчислена въ 19.475 р.

66. М. И. З.—Извлеч. изъ стар. утер. документовъ.

67. См. примѣч. 53.

68. Именной указъ, данный Бергъ-коллегіи, 22 мар. 1779, объ отпускѣ на содержаніе фарфороваго завода суммы изъ Бергъ-коллегіи: П. С. З.—изд. 1, т. XX, № 14.855.

69. Остаточныя казначейства, куда поступали остатки государственныхъ доходовъ изъ Штатсъ-конторы и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ окладныхъ и неокладныхъ расходовъ, учреждены были въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, по указу отъ 4 авг. 1780 (П. С. З.—изд. 1, т. XX, № 15.039), и представляли одну изъ мѣръ къ централизаціи финансоваго управленія.

70. 1-я опись д.д. фар. зав.: л.л. 9 об., 10.

71. Объ Антонѣ Станѣ, см. П. О. А. Дв., оп. 400 512, д 89: опредѣленіе Стана вторично на фарф. заводъ. — Также:

1-я опись д.д. фар. зав., л.л. 12 об., 14 об., 16, 19 об., 21, 23, 46 об., 53 об. (1784—1803 г.г.).

72. О мастерѣ Розѣ: тамъ же, л.л. 25, 27 об., 29 об., 32 об., 34 об., 36, 38, 39, 40 об., 42 об.—Худ. С. Р., г. IV, № 10, стр. 323.

73. Жакъ Доминикъ, а въ Россіи Яковъ Ивановичъ Рашетъ, сынъ скульптора Доминика Рашета изъ Монпелье, родился 22 дек. 1744 г. въ Копенгагенѣ, гдѣ въ 1764 г. былъ удостоенъ тамошнею академіею художествъ малой золотой медали. 25 дек. 1765 г. онъ женился на единственной дочери датскаго министра Мартина Ванъ-Доккума Есфири-Христинѣ, противъ воли ея родителей, вслѣдствіе чего долженъ былъ уѣхать изъ Копенгагена и жилъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи. Между прочимъ онъ получилъ званіе члена Берлинской академіи. Въ 1772 г. Рашетъ былъ въ Гамбургѣ; отсюда онъ въ 1779 г. былъ вызванъ въ Россію, въ Петербургъ, гдѣ поступилъ по вольному найму на Императорскій фарфоровый заводъ, на должность модельмейстера. 29 янв. 1782 г. Рашетъ объявленъ назначеннымъ въ академики, а 20 іюля 1785 года онъ былъ произведенъ въ академики скульптуры Императорской Академіи Художествъ; 4 мая 1793 г. былъ назначенъ на дѣйствительную службу по занимаемой имъ на фарфоровомъ заводѣ должности; 12 сентября 1794 года, былъ избранъ въ адъюнктъ-профессора Академіи Художествъ, а 18 авг. 1800 удостоенъ званія профессора, продолжая въ то же время управлять модельмейстерской Императорскаго фарфороваго завода. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Кабинету 5 мар. 1804 г., Рашетъ былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго сов. и съ обращеніемъ, за заслуги, оказанныя фарфоровому заводу, въ пенсіонъ получаемаго имъ жалованья, по 1.800 р. въ годъ. Онъ имѣлъ орденъ св. Анны 2-й ст. Умеръ въ Петербургѣ, 10 іюня 1809 г. — Формуляръ Рашета въ Архивѣ Деп. Герольдіи Правит. Сената, кн. рѣшен. дѣлъ, № 125. — П. О. А. Дв.— оп. 158/320, д. 80: о производженіи пенсіи вдовѣ проф. скульптуры ст. с. Рашета (1827), л. 2 об. и др.—1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 12 об., 14 об., 16, 17 об., 19 об., 21, 23, 25, 27, 28 об., 29 об., 31, 32, 32 об., 34 об., 36, 37 об., 38 и др. (годы 1794—1796). — Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи И. А. Х., т. I, стр. 144, 251, 333, 334, 414, 536. — Сочиненія Державина, изд. Ак. Н. подъ ред. Я. К. Грота, т. I, стр. 95, 608—620; т. III, стр. 646, 648; т. VIII, стр. 641, 685, 960; т. IX, стр. 568. — Д. Ѳ. Кобеко, Скульпторъ Ж. Д. Рашетъ и его произведенія: Вѣстникъ изящныхъ искусствъ, т. I, вып. IV, стр. 636—646, гдѣ и приведены перечень, хотя и не полный, сохранившихся работъ Рашета и литература о немъ.

74. Въ 1-й описи дѣлъ Императорскаго фарфороваго завода Регенсбургъ упомянутъ подъ 1768 годомъ (л. 6) вмѣстѣ съ двумя другими мастерами, которымъ были выданы книги для записи матеріаловъ, но въ слѣдующемъ году упомянуты лишь два послѣднихъ мастера, а Регенсбурга больше нѣтъ. Начиная съ 1784 г. въ описи за каждый уже годъ перечислены всѣ мастера, которымъ выдавались отчетныя книги, но Регенсбургъ между ними ни разу не упомянутъ.

75. Гаврила Сергѣевъ, изъ мастеровыхъ заводскихъ дѣтей, род. ок. 1747 г., уволенъ съ пенсіономъ въ 1805 г. — Форм. сп. за 1805 г.: П. О. А. Дв. — оп. 400 / 512, д. 108. — 1-я опись д.д. фарф. зав. за 1784—1806 г.г.: л.л. 12 об., 14, 15 об., 17 об., 19, 21, 22 об., 24 об., 27, 29, 32 об., 34 об., 37 об., 39, 40, 42, 42 об., 44 об., 47 об., 50, 52 об., 55, 59, 59 об., 61 об.

76. Тамъ же, л.л. 25, 26 об., 27 об., 28, 29, 32, 35, 38, 39, 40 об., 43, 45, 47 об.

77. Тамъ же, л. 6 (1768 г.).—Гл. цар. Ел. П., пр. 189.

78. Александръ Петровичъ Захаровъ, изъ художническихъ дѣтей, род. ок. 1752 г. (въ 1805 г. ему было 53 г.); началъ обучаться живописному искусству на фарфоровомъ заводѣ въ 1762 г.; специализовался въ миніатюрной живописи. Въ 1779 г. онъ былъ удостоенъ въ назначенные въ академики; въ 1783 г. опредѣленъ на заводъ смотрителемъ живописи и перспективы. Съ 1793 по 1801 г. онъ имѣлъ, по порученію кн. Юсупова, надзоръ за фарфоровымъ заводомъ, вмѣсто Голохвастова, и состоялъ членомъ заводской конторы по 1804 г. Подъ его надзоромъ состояло также филіальное отдѣленіе Императорскаго завода въ Гатчинѣ и С.-Петербургская казенная фаянсовая фабрика. Съ 1804 г., по введеніи новыхъ штатовъ Императорскихъ заводовъ, Захаровъ былъ назначенъ инспекторомъ второй ремесленной части фарфороваго завода. Захаровъ дослужился до чина ст. сов. Умеръ 19 іюня 1808 г.—Формулярные списки за 1805 годъ: П. О. А. Дв.—оп. 400 / 512, д. 108, л.л. 20 об., 21.—Тамъ же, оп. 364 / 47 д. 75, л. 2. — 1-я опись д.д. фар. зав., л. л. 12 об., 14, 16, 18, 19 об., 21 об., 23, 27 об., 28 об., 29 об., 32, 33, 35, 38, 39 об., 40 об., 43, 45, 47 об., 48 об., 50, 52 об., 55. Надпись на памятникѣ на погостѣ фарфор. церкви.—Петровъ, Матеріалы для исторіи Ак. Х., т. I, стр. 140.

79. Комаровъ уволенъ въ 1793 г. (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 28).—Яковъ Васильевъ поступилъ въ заводскую гимназію ученикомъ въ 1766 г., на заводъ живописцемъ—въ 1774 г. (форм. сп. за 1805 г.: П. О. А. Дв. —оп. 400 512, д. 108). — Степанъ Ивановъ поступилъ въ зав. гимназію ученикомъ въ 1766, на заводъ живописцемъ—въ 1775 (тамъ же).—Семенъ Собрачевъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ зав. гимназію ученикомъ въ 1780, живописцемъ на заводъ — въ 1792, сдѣланъ подмастерьемъ — въ 1804 (тамъ же). Назаръ Козловъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, род. ок. 1757 г., въ 1770 г. поступилъ въ Имп. Акад. Х., изъ которой вышелъ съ аттестатомъ 3-й ст. въ 1785 г.; въ слѣдующемъ году поступилъ на заводъ скульпторомъ (тамъ же, также Петровъ, l. c., т. I, стр. 143, 163, 282). Алексѣй Кирсановъ, род. ок. 1758 г., поступилъ ученикомъ въ 1766, рѣзчикомъ на заводъ— въ 1786, сдѣланъ подмастерьемъ въ 1804 (форм. сп. за 1805 г.).

80. Вѣдомость, сколько и кому именно числилось долга на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ при вступленіи въ правленіе онымъ г-на д. т. с. кн. Юсупова, съ 17 сентября 1792 г.: П. О. А. Дв.—оп. 400 512, д. 65, л. 10.—Именной указъ, данный т. с. кн. Юсупову о порученіи въ его вѣдомство казеннаго фарфороваго завода и о подачѣ Ея Величеству ежемѣсячныхъ увѣдомленій о производствѣ на ономъ работъ, 17 сент. 1792: П. С. З.—изд. 1, т. XXIII, № 17.071.

81. Вѣдомость о состояніи фарфороваго завода, съ 17 сен. 1792 г. по 12 марта 1801 г., поданная при всеподд. рапортѣ кн. Юсупова, мар. 1801: М. О. А. Дв. — оп. 364, д. 124, л.л. 5, 6 об.

82. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, сынъ кн. Бориса Григорьевича, родился въ 1751 г. Еще въ младенчествѣ записанный въ лейбъ-гвардію, Н. Б. Юсуповъ шестнадцати лѣтъ поступилъ на дѣйствительную службу подпоручикомъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Оставивъ военную службу въ 1772 г., Юсуповъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ путешествовалъ по Европѣ, посѣтивъ Англію, Францію, Германію, Италію, Испанію и Португалію. Во время своего путешествія, онъ завязалъ обширныя знакомства съ различными европейскими знаменитостями. По возвращеніи въ Россію, кн. Юсуповъ началъ службу по гражданской части въ 1781 г.: въ комиссіи о коммерціи, а въ 1783 г. былъ отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Туринъ ко двору сардинскаго короля Амедея III. Въ то же время онъ исполнялъ и другія порученія Императрицы дипломатическаго характера въ Римѣ, Венеціи, Неаполѣ, а также содѣйствовалъ въ пріобрѣтеніи для Императрицы различныхъ предметовъ искусства; напримѣръ, при его посредничествѣ было получено согласіе папы на снятіе списковъ съ Рафаэлевыхъ ложъ въ Ватиканѣ. Лично кн. Н. Б. Юсуповъ посвящалъ много времени искусствамъ, былъ близко знакомъ съ лучшими художниками Европы и составилъ обширную картинную галлерею и замѣчательную коллекцію предметовъ искусства. По возвращеніи въ Россію, кн. Юсуповъ былъ назначенъ дѣйствительнымъ камергеромъ и сенаторомъ, при чемъ Императрица поручила его управленію Императорскіе театры, Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы и шпалерную мануфактуру. При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ кн. Юсуповъ былъ сдѣланъ (1797) президентомъ Мануфактуръ-коллегіи и министромъ Департамента Удѣловъ, продолжая въ то же время управлять и Императорскими заводами. При Императорѣ Александрѣ I кн. Юсуповъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей (1804), а послѣ французскаго нашествія былъ назначенъ главноуправляющимъ

экспедиціею кремлевскихъ строеній и Московскою Оружейною Палатою. Въ 1823 г. ему повелѣно быть членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ 15 іюля 1831 г.—Родъ князей Юсуповыхъ, Спб. 1867, т. I.

83. Селивановъ, Фарфоръ и фаянсъ Россійской имперіи. Стр. 75.

84. Такъ какъ организація завода была почти завершена при кн. Вяземскомъ, при кн. Юсуповѣ же, за небольшими исключеніями, не измѣнялась до конца XVIII в., то, на ряду съ данными, относящимися къ концу царствованія Императрицы Екатерины II (контрактъ, заключенный съ купщомъ Шумиловымъ въ 1786 г.: Муз. Имп. Зав.; рапорты и вѣдомости кн. Юсупова за 1794, 1795 и др. года: М. О. А. Дв. — оп. 364, д.д. 33, 39, 70, 75, 100 и др.), возможно также пользоваться „свѣдѣніями объ образѣ правленія, о родѣ дѣлъ Императорскаго фарфороваго завода", представленными кн. Юсуповымъ въ 1801 г. (М. И. З.—въ копіяхъ).

Отдѣленія завода были расположены слѣдующимъ образомъ: машина—внѣ главнаго зданія въ особомъ помѣщеніи; въ главномъ же зданіи въ лѣвой половинѣ (лицомъ къ Невѣ): контора, живописная палата, лабораторія и магазины фарфоровыхъ издѣлій; въ одноэтажной пристройкѣ, въ заворотъ отъ главнаго зданія помѣщались горны. Правая половина главнаго зданія была занята модельмейстерской палатой, т. е. скульптурнымъ, токарнымъ и рѣзнымъ отдѣленіями. Для удобства отчетности машина съ лабораторіей соединялись иногда въ одно цѣлое подъ названіемъ отдѣленія для обработки матеріаловъ.

85. Всеподд. записка кн. Юсупова объ успѣхахъ въ работахъ..... фар. зав. въ 1794 г., 28 фев. 1795: М. О. А. Дв. — оп. 367, д. 39, л.л. 1 3.

86. Въ дѣлахъ времени Императрицы Елисаветы Петровны встрѣчаются неоднократно указанія, какія строгія предписанія давались б. Черкасовымъ, чтобы секретъ составленія фарфоровой массы и способы обжига не сдѣлались кому-либо извѣстными, кромѣ опредѣленныхъ лицъ, обязанныхъ соблюдать и хранить тайну производства: см., напр., М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 2, л. 353; д. 13, л. 8 об.; д. 66, л. 45 и др.

87. Въ „Вѣдомости, учиненной въ Мануфактуръ-коллегіи, о состоящихъ въ вѣдомствѣ оной коллегіи фабрикахъ" за 1768 указано: „фабрики . . . фарфоровыя: въ Дмитровскомъ уѣздѣ иноземца Франца Гарднера. О числѣ дѣланныхъ товаровъ, за новостію фабрики, вѣдомостей въ присылкѣ нѣтъ". Далѣе въ той же вѣдомости сообщаются свѣдѣнія о фабрикѣ Волкова въ Сѣвскѣ съ указаніемъ, что эта фабрика основана въ 1763 г. — Г. А.—разр. XIX, д. 40.

88. Тамъ же, д. 259: О китайской торговлѣ: донесеніе селенгинскаго коменданта ген.-майора Варфоломея Якобія, 19 сен. 1764, и доклады Сената, 30 іюня 1764, іюля 1766 и др. о китайскомъ караванѣ и о прекращеніи торговли въ Кяхтѣ.

89. Книга записная продаваемымъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ и принимаемымъ за нихъ деньгамъ, бытности кап. Григорія Тархова, 1762, 1763, 1764 г.г.: Приложеніе № 14.—Книга приходная денежной казны за проданныя изъ фарфороваго завода партикулярнымъ людямъ разныя фарфоровыя вещи, бытности капитана Григорія Тархова, 1759 г. Тутъ же за 1760, 1761 и 1762 г.г.: М. О. А. Дв. —оп. 315, д. 39.

90. Рапортъ Щепотьева Олсуфьеву, 30 авг. 1764: тамъ же, д. 75, л. 19.

91. Приложеніе № 16.

92. Приложенія №№ 14 и 15.

93. Приложеніе № 15.

94. Въ „Мнѣніи о фарфоровомъ заводѣ" Щепотьевъ пишетъ: „Выборъ директора состоитъ отъ власти Ея Величества, а протчее все отъ выбора и расположенія директора, ибо если директоръ, имѣвъ оную власть, безъ помѣшательства постороннихъ, не приведетъ фарфоръ чрезъ десять лѣтъ до такого совершенства, какъ лучшій въ свѣтѣ, то, по моему мнѣнію, онъ достоинъ, чтобъ отнять отъ него всѣ чины, которые онъ получилъ по оному заводу, и не опредѣлять его ни къ какимъ дѣламъ".—Примѣч. 10.

95. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 11 (за 1783). — Георги, Описаніе С.-Петербурга, стр. 679.

96. Въ 1781 г. высочайше повелѣно было „для употребленія при Дворѣ Ея Императорскаго Величества, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ и на Каменномъ Островѣ фарфоровую посуду дѣлать на С.-Петербургскомъ фарфоровомъ заводѣ". Указъ, объявленный Придворной конторѣ 15 янв. 1781: П. О. А. Дв. — оп. 36 1629, д. 152, л. 1.

97. См. описи дѣламъ Придворной конторы въ П. О. А. Дв.

98. Вѣдомость о отправляемыхъ въ прошлыхъ годехъ для фарфороваго завода изъ Москвы гжельской, а изъ Оренбурга и изъ Исецка чебаркурской (sic) глинахъ и олонецкомъ бѣломъ кварцѣ, почему оныхъ пудъ становился: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 6, л. л. 136—137.—Коп. контракта съ поставщикомъ Муратовымъ о поставкѣ глины песчанки, 1 апр. 1764: тамъ же, л. 139.—Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву о необходимости послать въ Гжель ученика Петра Захарова для показанія подрядчикамъ, какую и гдѣ надо брать глину, 6 мар. 1764: тамъ же, л. 134. — Рапортъ Щепотьева Олсуфьеву о принятіи исецкой глины, 17 сен. 1765: тамъ же, л. 222. — Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву о гжельской глинѣ, 6 мар. 1764: тамъ же, л. 134.

99. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву, 1 мар. 1765: тамъ же, л. 143.

100. Отп. предписанія изъ Каб-та въ Ямскую канц. о дачѣ подорожной глинопромывальщику Егору Гаврилову, отправленному въ Глуховъ, 11 мар. 1765: тамъ же, л. 144.

101. Георги, Описаніе С.-Петербурга, стр. 679.

102. 1-я опись д. д. фар. зав., л. л. 26, 31, 33 об. (за 1792, 1794 и 1795 г. г.).

103. Тамъ же, л. 30 об. (за 1794 г.).

104. О существованіи глинопромывальныхъ заводовъ упоминается еще въ 1765 г.: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 6. л. 142.

105. Георги, l. с., стр. 679.

106. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 25 об.: дѣло о толченіи на ижорскихъ заводахъ капсельнаго черепа.

107. Отчеты кн. Юсупова за 1794, 1795 и др. г. г.: см. примѣч. 84.

108. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву, 26 окт 1764: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 66, л. 33. — Г. А. — разр. XIV, д. 218.

109. Отп. отнош. Каб-та въ Адмир. колл., б. д.: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 66, л. л. 40—41.

110. Въ 1-ой описи дѣлъ конторы Императорскаго фарфороваго завода отмѣчены слѣдующія дѣла: за 1785 г. — „о постройкѣ машины" (л. 13 об.); за 1791 г.:—„о починкѣ старой конной машины" (л. 24); за 1796:—„о построеніи новой машины и о починкѣ старой" и „объ отправленіи кол. рег. Гусачева въ Олонецкое намѣстничество для описанія заведенной тамъ купцомъ Фоминымъ машины" (л. 36).

111. Приложеніе № 37.

112. Составъ фарфороваго черепа:

	Al_2O_3	Si_2O	Fe_2O_3	K_2O	Na_2O	CaO	MgO
Мейссенъ . .	35,43	60,00	—	2,26	1,55	0,57	—
Вѣна	34,20	59,60	0,80	2,00	—	1,70	1,40
Берлинъ . . .	28,00	66,60	0,70	3,40	—	0,30	0,60
Китай . . .	22,20	70,00	1,30	3,60	2,70	0,80	—
	20,70	70,50	0,80	—	3,90	0,50	0,10
Японія . .	20,55	70,77	—	3,99	3,16	0,83	0,18

G. Vogt, La Porcelaine. Paris 1893, стр. 147.

113. Доношеніе Щепотьева Олсуфьеву съ реестромъ обожженнымъ вещамъ, 26 окт. 1764: М. О. А. Дв. — оп. 315, д. 66, л. л. 33—34.

114. Контрактъ, заключенный съ Шумиловымъ въ 1786 г.: см. примѣч. 65.

115. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 31 об.

116. Тамъ же, л. л. 25 об., 30 об.

117. Тамъ же, л. 26.

118. Извлеченіе изъ письма б. Черкасова къ Шлаттеру, май 1752: М. О. А. Дв.—оп. 315. д. 2, л. 337.—Семеновъ служилъ на Петергофской шлифовальной фабрикѣ, бывшей тогда въ управленіи Ботона.

119. Въ вѣдомости штукамъ, начатымъ Арнультомъ, упоминаются и модели, начатыя его учениками: приложеніе № 17.

120. Свѣдѣнія, сообщенныя Александромъ Бенуа.

121. Второе изданіе этого сочиненія вышло въ 1799 г. въ 4 частяхъ.

122. Рапортъ Щепотьева Ольсуфьеву, 23 янв. 1766: М. О. А. Дв. оп. 315, д. 66, л. 37 и об.

123. Въ документахъ второй половины царствованія Императрицы Екатерины II о фарфоровыхъ табакеркахъ, шпажныхъ грифахъ, колечкахъ и тому подобныхъ предметахъ совсѣмъ почти не встрѣчается упоминаній.

124. Приложеніе № 17. На работы Арнульта слѣдуетъ смотрѣть только какъ на модели, которыя ожидали еще воспроизведенія въ фарфорѣ и бронзѣ, и можно еще сомнѣваться, всѣ ли модели были воспроизведены.

125. Приложеніе № 19.—Камеръ-фур. журн. за 1784 г., стр. 487.

126. Письмо кн. Юсупова В. С. Попову, 16 авг. 1794: П. О. А. Дв. — оп. 400/512, д. 64, л. 1.

127. Тамъ же, оп. 36/1629, кн. 154, л. л. 91—94.

128. Изъ всѣхъ монарховъ и правителей своего времени Императрица Екатерина II пользовалась такой исключительной славой не только какъ могущественная Государыня, но и какъ выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ женщина, ея личность и ея дѣянія такъ часто служили сюжетами для современнаго искусства, что идея представить апоѳеозъ Государыни въ фарфоровыхъ группахъ, поданная кн. Вяземскимъ, не была единичной и не ему первому принадлежала: это идея не знаменитаго генералъ-прокурора, но идея времени Императрицы Екатерины II. Напримѣръ, на Берлинскомъ королевскомъ фарфоровомъ заводѣ была изготовлена большая коллекція, представлявшая Императрицу Екатерину II, сидящую на тронѣ, окруженную подвластными ей и освобожденными ею отъ турецкаго ига народами. Эта коллекція была прислана королемъ Фридрихомъ въ подарокъ русской Императрицѣ въ 1766 г. (Камеръ-фурьерскій журналъ за 1772 г., стр. 311) и въ настоящее время находится въ музеѣ Зимняго дворца.—На Мейссенскомъ заводѣ, вскорѣ послѣ Чесменскаго боя было исполнено surtout de table для поднесенія Государынѣ Екатеринѣ II отъ имени саксонскаго короля. Все surtout представляетъ апоѳеозъ Императрицы Екатерины II и аллегорію ея добродѣтелей и успѣховъ ея правленія; хранится въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ. (Проф. А. В. Праховъ, Каталогъ Исторической выставки предметовъ искусствъ въ С.-Петербургѣ въ 1904 г.).

129. Коп. письма гр. Безбородко къ кн. Юсупову, 9 іюня 1793: П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 64, л. 2. Прилож. №№ 20, 21.

130. Приложеніе № 20.

131. Приложеніе № 21.

132. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 23 об. (за 1791 г.: „Дѣло о придѣлкѣ къ Чесменскому фаянсовому сервизу фарфоровыхъ вещей".—О Чесменскомъ фаянсовомъ сервизѣ: Свѣтловъ, Достопримѣчательности Чесменскаго Дворца. Спб. 1872, стр. 20.—Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ I, IV, стр. 643.

133. Въ реестрѣ, приложенномъ при доношеніи Щепотьева Олсуфьеву, 26 окт. 1764 г., упомянуты въ числѣ вещей, сдѣланныхъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, 6 статуй китайскихъ: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 66, л. л. 33 -34.

134. Георги, Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающ. народовъ.

135. 1-я опись д. д. фарф. зав., л. 26. Императрица повелѣла (15 апр. 1792) „присланныя съ фарфороваго завода двѣ китайскія фарфоровыя башни поставить въ китайской комнатѣ по угламъ, не весьма близко отъ той стѣны, которая подлѣ круглой купальной комнаты, что прежде была столовою и не близко къ стѣнѣ". М. О. А. Дв. — дѣла царскосельскія, 0. 13.182, л. 3. А. Успенскій, Матеріалы для описанія худ. сокр. Царскаго С. (Худ. Сокр. Рос., г. IV, № 10, л. 323).

136. Приложеніе № 18. Док. б. д., на бум. вод. зн. 1780 г.

137. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 36.

138. Тамъ же, л. 15. Упоминаемая здѣсь китайская башня, можетъ быть одна изъ двухъ, которыя были окончены и поставлены въ Царскосельскомъ дв. въ 1792 г. – Интересно также свѣдѣніе о двухъ фарфоровыхъ печахъ, поставленныхъ по повелѣнію Императрицы въ 1789 г. въ томъ же Царскосельскомъ дворцѣ: М. О. А. Дв.—дѣла царскосельскія, 0. 13.182.

139. Георги. Описаніе Петербурга, стр. 679.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

1. Объ интересѣ, который выказывалъ Императоръ Павелъ Петровичъ къ фарфору, упоминается въ работѣ Н. К. Шильдера: Императоръ Павелъ Первый, Спб. 1901, стр. 490: „За ужиномъ (11 мар. 1801 г.) употребленъ былъ въ первый разъ новый фарфоровый приборъ, украшенный разными видами Михайловскаго замка. Государь былъ въ чрезвычайномъ восхищеніи, многократно цѣловалъ рисунки на фарфорѣ и говорилъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней его жизни", разсказывалъ очевидецъ камеръ-пажъ. Императоръ не любилъ, когда за столомъ смѣшивали различные сервизы и по этому поводу дѣлалъ неоднократно рѣзкія замѣчанія оберъ-гофмаршалу Двора гр. Н. Шереметеву и Придворной конторѣ. См., напримѣръ, Высоч. указъ Придворной конторѣ, объявленный Шереметевымъ, не смѣшивать андреевскаго орденскаго сервиза саксонской фабрики съ таковымъ же сервизомъ фабрики Гарднера, 30 нояб. 1797: П. О. А. Дв. оп. 36/1629, д. 192, л. 366.—Предложеніе Шереметева Придворной конторѣ, съ объявленіемъ неудовольствія Государя за смѣшиваніе орденскихъ андреевскихъ сервизовъ саксонской и гарднеровской фабрикъ, 5 дек. 1797: тамъ же, л. 376 и об.

2. Записки Семена Порошина, Спб. 1881, столбецъ 400, подъ 20 авг. 1765.

3. См., наприм., письмо кн. Юсупова, 2 нояб. 1797: М. О. А. Дв. оп. 319, д. 211, л. 10 и об.

4. Приложеніе № 23.

5. Приложеніе № 25

6. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Юсупова о поднесенныхъ вещахъ, 17 янв. 1801: М. О. А. Дв.—оп. 367, д. 151, л. 1 об.

7. См. царствованіе Императрицы Екатерины II, примѣч. 78.

8. Письмо кн. Юсупова къ Д. П. Трощинскому, 21 мая 1801: М. О. А. Дв.—оп. 364, д. 124, л. 10 и об. Къ 1797 г. относится первый документъ по фарфоровому заводу, подписанный Фигнеромъ, именно: „Реестръ фарфоровымъ живописнымъ вещамъ, отправленнымъ въ 1796 г... гр. А. А. Безбородкѣ": П. О. А. Дв., оп. 400/512, д. 64, л. 11.—Повидимому, въ 1798 г. Фигнеръ былъ уже пенсіонеромъ, хотя и продолжалъ служить: 1-я опись д. д. фар. зав., л. 41 об.

9. Тамъ же, л. 44 (за 1799 г.).

10. Тамъ же за 1799—1801 г.г.: л. л. 39, 42 об., 44 об., 47 об., 49 об.

11. Тамъ же, л. л. 39 об., 40 об., 43, 45, 47 об., 50.

12. Тамъ же, л. л. 39, 39 об., 40. 42, 42 об., 44 об., 47 об., 50.

13. Тамъ же, л. л. 39, 40 об., 43, 45. 47 об.

14. Тамъ же, л. 39.

15. Исходящія бумаги подписывались обоими членами конторы (изъ которыхъ одинъ исполнялъ также обязанности казначея) и бухгалтеромъ.

16. М. О. А. Дв. – оп. 367, д. д. 51, 70, 100, 124, 127; оп. 364, д. д. 75, 127, 133; оп. 370, д. 78. — 1-я опись д. д. фар. зав., л. л. 39, 40 об., 42 об., 44.

17. О лазаретѣ: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 38 об. При Императорскихъ фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ состоялъ врачемъ

штабъ-лекарь Швидковъ: тамъ же, л. л. 39 об., 49. О магазинѣ: тамъ же, л. 46.

18. Дѣло о производствѣ архитектора фарфороваго завода Берникова въ стат. сов., 1801 г.: М. О. А. Дв. оп. 364, д. 101.

19. О Цельнерѣ извѣстно мало: упоминается въ докладѣ Гаттенбергера: „Itinéraire des voyages fait à la fabrique Impériale de porcelaine par F. X. Hattenberger (1803): П. О. А. Дв. — оп. 400 512, д. 93 (приложеніе). Еще: М. О. А. Дв. — оп. 364, д. 127, л. 11.

20. О новомъ положеніи гимназіи упоминается въ 1-й описи д. д. фар. зав., за 1799 г., л. 43.

21. Что положеніе это мало отличалось отъ прежняго, можно судить по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, когда гимназія была уничтожена и замѣнена училищемъ: Высочайше утвержденный докладъ управляющаго Кабинетомъ Е. И. В. Гурьева: П. С. З.—изд. 1, т. XXVIII, № 21.152.

22. Отчеты и вѣдомости кн. Юсупова, за 1797, 1799 и др. года: см. примѣч. 16.

23. Въ томъ числѣ мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ было 121 человѣкъ; остальное число составляли: канцелярскіе чиновники и служителя (16 человѣкъ), сторожа (12 человѣкъ) и гимназическіе ученики (53 человѣка): М. О. А. Дв. -оп. 364, д. 124, л. 6 и об.

24. 1-я опись д. д. фарф. зав., за 1799 г., л. л. 43 об.

25. Тамъ же, л. 46.

26. Вѣдомости Императорскимъ фарфоровому и стеклянному заводамъ и шпалерной мануфактурѣ, 1800 г.: М. О. А. Дв.—оп. 364, д. 133, л. л. 1 и об., 15, 21—22.

27. Чер. генеральная вѣдомость о состояніи оборотнаго капитала Императорскаго фарфороваго завода, по 21 сен. 1802 г. П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 65, л. 2.

28. Эти данныя почерпаются изъ вѣдомости о состояніи фарфороваго завода къ 12 мар. 1801 г., составленной кн. Юсуповымъ и представляющей вмѣстѣ съ тѣмъ краткій перечень результатовъ его управленія заводомъ: М. О. А. Дв.—оп. 364, д. 124, л. 6.

29. Копія вѣдомости, представленной кн. Юсуповымъ, о капиталѣ Императорскаго фарфороваго завода по 1 мая 1801: М. И. З.

30. Если къ вычисленной кн. Юсуповымъ, въ вѣдомости 1 мая 1801 г., капитальной суммѣ въ 429.665 р. 81¼ к. добавить (упомянутые только въ этой же вѣдомости) 13.213 р. 25 к., слѣдуемые за поднесенныя ко Двору въ 1799 и 1800 г.г. вещи, то приростъ капитала составитъ 169.887 р. 88¼ к.

31. Кн. Юсуповъ, исключая изъ показанной въ вѣдомости 1 мая 1801 г. суммы 169.887 р. 88¼ к. сумму правительственной субсидіи 135.000 р., сводитъ доходность завода до 34.887 р. 88¼ к.

32. Свѣдѣніе объ образѣ правленія, о родѣ дѣлъ, о штатахъ чиновниковъ, о суммахъ и о расходахъ Императорскаго фарфороваго завода, 1801 г.—Примѣчаніе 29.

33. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Юсупова о работахъ на Имп. фарфоровомъ заводѣ, съ вѣдомостями, 1 мар. 1797: М. О. А. Дв.—оп. 367, д. 100, л. 1 -3 об.

34. Всеподд. рапортъ кн. Юсупова объ успѣхахъ въ работахъ на фарфоровомъ заводѣ въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ 1799 г., съ вѣдомостями, 7 окт. 1799: тамъ же, оп. 364, д. 75, л. л. 10, 11 и об.

35. Тамъ же, д. 75, л. 11 и об.

36. Всеподд. рап. кн. Юсупова 21 окт. 1800, съ вѣдомостями съ 1 мая по 1 сент. 1800: тамъ же, д. 133, л. л. 14—16.

37. Всеп. рапортъ кн. Юсупова 22 февр. 1801, съ вѣдомостями съ 1 сен. 1800 г. по 1 янв. 1801 г.: тамъ же. д. 127, л. л. 10, 11 12.

38. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 44.

39. Коп. письма ген.-прок. П. Обольянинова къ С. Фигнеру, по дѣлу о передачѣ Гатчинской фарфоровой фабрики въ казну въ вѣдомство кн. Юсупова, 9 февр. 1800: М. И. З.

40. Въ вѣдомостяхъ и табеляхъ о фабрикахъ и заводахъ въ Россіи 1768 г. (Г. А.—разр. XIX, д. 40) о фабрикѣ Фишера нѣтъ упоминанія.

41. Свѣдѣніе о Гатчинской фарфоровой фабрикѣ," доставленное кн. Юсуповымъ члену Высочайшаго Совѣта Трощинскому, въ іюнѣ 1801 г.: М. И. З. (копія).

42. Всеподд. докладъ Д. Гурьева объ уничтоженіи Гатчинской фабрики, Высочайше конфирмованный 19 нояб. 1802: П. О. А. Дв.—оп. 352 1343, кн. 66, № 331; оп. 400 512, д. 121, л. 1 (копія).

43. Формулярные списки за 1805 г.: тамъ же, д. 108.

44. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 46 об.

45. Тамъ же. л. 46 об.

46. Въ литературѣ существуетъ мнѣніе, будто на Императорской Гатчинской фабрикѣ изготовлялись исключительно художественныя вещи. (См., у Селиванова: Фарфоръ и фаянсъ Россійской имперіи, стр. 98). Мнѣніе это противорѣчитъ современнымъ документамъ. Во всеподд. докладѣ 19 нояб. 1802 г., управляющій Кабинетомъ Е. В-ва Д. Гурьевъ писалъ: „Сообразно сему раскладываются на нихъ [на издѣлія Гатчинской фабрики] цѣны, которыя въ сравненіи съ прочими на заводѣ [Императорскомъ въ С.-Петербургѣ] дѣлаемыми вещами, гораздо лучшей отработки, обходятся еще дороже." —П. О. А. Дв.—оп. 400 512, д. 121, л. 1.

47. См. текстъ стр. 3. Также документы: Реестръ иноземцомъ и русскимъ архитектомъ, и мастерамъ, и подмастерьямъ, и ученикомъ, и мастеровымъ людемъ, сколько надлежитъ оставить въ вѣдомствѣ канцеляріи отъ строеній, февраль 1727: Г. А.—разр IX, отд. 2, кн. 80, л. 668. Дѣло о разныхъ предметахъ по гончарному заводу, состоящему при кирпичныхъ заводахъ, 1743 г.: П. О. А. Дв.—оп. 1/501, д. 68 —Указъ о передачѣ кирпичныхъ заводовъ изъ Гофъ-интенд. конторы въ вѣдѣніе К-та Е. И. В.: Г. А.—разр. XVI, д. 5₄. Именной указъ канцеляріи отъ строеній о принятіи въ ея вѣдомство кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ, 4 авг. 1747: Г. А. -разр. XVI, д. 5,6, кн. № 172, л. 78.—Письмо бар. Черкасова къ Виноградову, съ препровожденіемъ для образца фаянсовой англійской посуды, 11 іюля 1752: М. О. А. Дв.—оп. 315, д. 2, л. 181; д. 13, л. 73. — Отвѣтъ Виноградова, 12 іюля 1752: тамъ же, д. 13, л.л. 74—75.—Рапортъ Виноградова въ Кабинетъ Е. И. В., 9 авг. 1752: тамъ же, л. 86 и об. Рапортъ Виноградова въ Кабинетъ о четырехъ иностранцахъ, присланныхъ изъ Кабинета на порцелинную мануфактуру, 18 авг. 1757: тамъ же, д. 2, л. 286 и об. Рапортъ Бартельса Виноградову о необходимыхъ для его дѣла предметахъ, 11 нояб. 1757: тамъ же, л. 250. Рапортъ Тархова Виноградову съ вѣдомостями, м. п., сдѣланнымъ Бартельсомъ вещамъ; тутъ же и вѣдомость самого Бартельса, 16 нояб. 1757: тамъ же, л. л. 251, 252.—Рапортъ Тархова Виноградову о работахъ на порцелинной мануфактурѣ, 30 нояб. 1757: тамъ же, л.л. 253—4. — Предписаніе Каб-та о принятіи у Бартельса вещей, 23 марта 1758: тамъ же, д. 6, л. 124.—Рапортъ Виноградова въ Кабинетъ объ уходѣ Бартельса изъ фабрики, 23 мар. 1758: тамъ же, д. 29, л. л. 214, 215.

48. Коп. именного указа объ отдачѣ казенной фаянсовой фабрики въ вѣдомство кн. Юсупова, 10 дек. 1800: М. И. З. — П. О. А. Дв. оп. 400/512, д. 131, л. 31.

49. Высоч. конфирмованный 19 нояб. 1802 г. всеподд. докладъ Д. Гурьева объ уничтоженіи фаянсовой фабрики: тамъ же, оп. 352/1343, к. 66, № 332; оп. 400 512, д. 131, л. 24 и об. — Письмо гр. А. Строганова къ кн. Юсупову о выборѣ изъ учениковъ Академіи Художествъ живописцевъ для фаянсовой фабрики, 4 февр. 1801 г.: тамъ же, д. 122, л. 21. — Письмо кн. Юсупова къ А. Захарову съ требованіемъ явиться въ Академію Художествъ для выбора живописцевъ на фаянсовую фабрику, 4 февр. 1801: тамъ же, л. 20.

50. Свѣдѣніе о С.-Петербургской казенной фаянсовой фабрикѣ, 1801: М. И. З. — Ордеръ кн. Юсупова Захарову о принятіи фаянсовой фабрики отъ Гофъ-интендантской конторы, 11 дек. 1800 г.: П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 122, л. 1. Коп. приказа Гофъ-интендантской конторы смотрителю казенныхъ кирпичныхъ заводовъ Бѣлянину о сдачѣ мастерскихъ, земли и строеній фаянсовой фабрики Захарову, 25 дек. 1800: тамъ же, л.л. 6—7.

51. Царствованія Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, стр. 44 и 58.

52. Вѣдомость объ успѣхахъ работъ, о денежныхъ и матеріальныхъ издержкахъ съ 1 сен. 1796 г. по 1 янв. 1797 г.: М. О. А. Дв.—оп. 367, д. 100, л.л. 2—3 об.

53. Свѣдѣніе объ образѣ правленія, о родѣ дѣлъ, о штатахъ чиновниковъ, о суммахъ и о расходахъ Императорскаго фарфороваго завода, 1801 г.: М. И. З.

54. Въ концѣ 1800 г. къ Высоч. Двору было поднесено мраморныхъ издѣлій на 2.577 р. 20 к.: Вѣдомость объ успѣхахъ работъ и пр... сен. съ 1-го 1800 ген. по 1-е 1801 года: М. О. А. Дв.—оп. 364, д. 127, л.л. 11—12.

55. При посѣщеніи завода Императрицею Маріей Θеодоровной въ сопровожденіи эрцгерцога австрійскаго Іосифа и его свиты, 28 февр. 1799 г., послѣднему были поднесены изъ мраморныхъ вещей статуи Ахиллеса, Геркулеса и Меркурія, оцѣненныя въ 1.300 р. — Приложеніе № 25.

56. Мраморное отдѣленіе въ оффиціальныхъ документахъ носило различныя названія: мраморное отдѣленіе (доклады кн. Юсупова), мраморная мастерская (1-я оп. д. д. фар. зав., л. 36), мраморный классъ (доклады кн. Юсупова, 1-я опись д. д. фар. зав., л. л. 40, 40 об., 47 об.), скульптурный классъ (1-я опись, л. 42 об.), мраморная фабрика (1-я опись, л. 45).

57. О Рафаэлли: списокъ съ письма А. Г. Лизакевича къ В. П. Кочубею, 15/27 нояб. 1802 и отвѣтъ Д. Гурьева Лизакевичу 1803 г.: П. О. А. Дв. оп. 400/512, д. 71, л. л. 2 и 12.

58. Докладъ Гаттенбергера, см. примѣч. 19.

59. Въ 1800 г.: 1-я опись д. д. фар. зав., л. 45 об.

60. Тамъ же, за 1798—1801 г.г., л. л. 41, 43 об., 46; также докладъ Гаттенбергера, см. примѣч. 19.

61. Докладъ Гаттенбергера, см. примѣч. 19.

62. Тамъ же, кромѣ того: 1-я опись д. д. фар. зав., л. л. 48 об.; 41, 43, 45, 48 об.; 38 об., 41, 41 об., 44, 48 об.; 41.

63. Докладъ Гаттенбергера, примѣч. 19.

64. 1-я опись д. д. фар. зав., л. л. 43 об., 45 об. См. также главу Царствованіе Имп. Александра I, примѣч. 149.

65. Тамъ же, л. л. 41, 43 об. Докл. Гаттенбергера, примѣч. 19.

66. Докладъ Гаттенбергера, примѣч. 19.

67. Тамъ же; также: 1-я опись д. д. фар. зав., л. 42.

68. Докладъ Гаттенбергера, примѣч. 19; 1-я опись д. д. фар. зав., л. л. 43, 45 и др.

69. Докладъ Гаттенбергера, примѣч. 19; 1-я опись д. д. фар. зав., л. 43 об.

70. Тамъ же, за 1798 г., л. 42.

71. Тамъ же, за 1797 г., л. 38 об.

72. Тамъ же, за 1801 г., л. 48 об.—Письмо А. Захарова къ Якову Егоровичу (Краснопольскому), 8 апр. 1801: П. О. А. Дв.—оп. 400 512, д. 6, л. 3.

73. О кобальтовомъ сервизѣ: 1-я опись д. д. фар. зав., за 1798 г., л. 41 об. - М. О. А. Дв. – оп. 364, д. 75, л. 30. („счетъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ, поднесеннымъ Его Императорскому Величеству въ 1798 г.“).

74. „Весталка съ жертвенникомъ“ можетъ быть или повтореніе „Весталки“ Клодіона, или бисквитъ, хранящійся въ музеѣ Зимняго дворца, представляющій тоже Весталку съ жертвенникомъ, по композиціи близкую къ клодіоновской: Худож. Сокр. Россіи, годъ IV, № 2 — 4, рисунки въ текстѣ и таблицы №№ 20 23.

75. Письмо Захарова къ Краснопольскому, 8 апр. 1801: П. О. А. Дв. оп. 400/512, д. 6, л. 3.

76. На „юсуповскомъ“ сервизѣ орнаментъ составленъ не изъ цвѣтовъ, а изъ арабесокъ. Гораздо больше подходитъ подъ описаніе сервиза на 8 персонъ, заказаннаго въ 1801 г., бутылочникъ изъ коллекціи C. W. Reinolds, съ маркой П., съ итальянскими видами въ медальонахъ и съ орнаментомъ изъ розъ на золотомъ полѣ.—W. Chaffers, The Keramic Gallery, London 1872, т. II, рис. 266.

77. Приложеніе № 27.

78. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Юсупова о разныхъ поднесенныхъ вещахъ, 17 янв. 1801: М. О. А. Дв. оп. 367, д. 151.

79. Шильдеръ: Императоръ Павелъ I, стр. 490.

80. См. прим. 75.

81. Въ различныхъ счетахъ и вѣдомостяхъ вещамъ, поднесеннымъ Государю, Государынѣ или коронованнымъ гостямъ Императора, почти исключительно упоминаются чашки „стаканчикомъ“, см. напр. приложенія №№ 23 и 25.

82. Приложеніе № 25.

83. Приложеніе № 27. — О яйцахъ см. также: счетъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ, поднесеннымъ Е. И. В. въ 1798 г.: тамъ же, д. 75, л. 30—32 об.

84. Приложеніе № 23. — Оригиналъ изображеннаго на рис. 162 туалетнаго стола принадлежитъ, кажется, заводу въ Людвигсбургѣ. Подобно туалету, подаренному В. К. Маріи Θеодоровнѣ королевой Маріей Антуанетой (см. пр. 85), и этотъ предметъ служилъ образцомъ для Императорскаго завода. Несомнѣнно однако, что лишь части фарфоровой зеркальной рамы помѣщеннаго на рисункѣ туалета исполнены на Императорскомъ заводѣ.

85. Худож. Сокр. Россіи, годъ III, № 9 –12, стр. 291.

86. Приложеніе № 24.

87. Счетъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ, поднесеннымъ Е. И. В. въ 1798 г.: М. О. А. Дв.—оп. 364, д. 75, л. 30.

88. Приложеніе № 27.

89. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 36.

90. См. прим. 87 и 88.

91. Вѣдомость объ успѣхахъ работъ, о денежныхъ и матеріальныхъ издержкахъ съ 1 сен. 1796 по 1 янв. 1797 г.: М. О. А. Дв.—оп. 367, д. 100, л. 2.

92. Приложеніе № 25.

93. Докладъ Гаттенбергера, см. прим. 19.

94. Напр. на парѣ вазъ, поднесенныхъ Государю 20 сен. 1798 г. въ день его рожденія (см. прим. 87).

95. Приложеніе № 26. Императоръ Павелъ I особенно любилъ пейзажную живопись; между прочимъ, онъ оказывалъ покровительство пейзажисту С. Θ. Щедрину. -Новицкій, Исторія русскаго искусства, т. 2, стр. 172—3.

96. См., напр., счетъ отпущеннымъ въ верхнюю кофишенскую для собственнаго употребленія Его Императорскаго Величества фарфоровымъ вещамъ, 29 іюня 1798: М. О. А. Дв.—оп. 364, д. 75, л. 28; счетъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ, поднесеннымъ Его Императорскому Величеству въ 1798 г.: тамъ же, д. 75, л. 30 33 (31).

97. Приложенія №№ 23, 24, 25, 27.

98. 1-я опись д. д. фар. зав. за 1798 г., л. 41.

99. A. Alexandre, Histoire de l'art décoratif. Paris 1891. Стр. 272.

100. См. примѣч. 84, 87, 88.

101. Докладъ Гаттенбергера: примѣчаніе 19.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

1. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. 23, стр. 33.

2. Отп. письма кн. Юсупова къ Трощинскому, апрѣль (30?) 1801: М. О. А. Дв. оп. 364, д. 124, л.л. 7 об. и 8.

3. Отп. письма Трощинскаго къ кн. Юсупову, 3 мая 1801: тамъ же, л. 9.

4. Письмо кн. Юсупова къ Трощинскому, 21 мая 1801: тамъ же, л. л. 10, 11.

5. Отп. письма Трощинскаго къ кн. Юсупову, 24 мая 1801: тамъ же, л. 12.

6. Приказъ кн. Юсупова конторѣ Имп. фарфор. завода, 16 іюня 1801: М. И. З.

7. П. О. А. Дв. оп. 352/1343, кн. 66, л. 449. — П. С. З., изд. 1, т. XXVII, № 20.424.

8. Дѣло о поступленіи въ вѣдомство Кабинета фарфороваго завода: П. О. А. Дв. оп. 400,512, д. 65, л.л. 1—6, 9—

10, 12—16, 18—32 об., 33 и об. и друг. Еще: тамъ же, д. д. 70 и др.

9. Балансъ. Активъ: Касса 3.259 р. 1 к. Дебиторы 51.900 р. 45 к. Неподвижный капиталъ (строенія, горны, машины, инструменты) 177.179 р. 73½ к. Оборотный капиталъ: а) матеріалы 54.275 р. 24¾ к., б) готовые товары: фарфоръ разнаго названія, капселя 169.091 р. 81¼ к. Итого 455.706 р. 25½ к. По Гатчинскому отдѣленію 20.748 р. 69¼ к. Всего: 476.454 р. 94¾ к. Пассивъ: Разные кредиторы 98.619 р. 18¼ к., чистый капиталъ 377.835 р. 76½ к. Всего: 476.454 р. 94¾ к.— Въ разныхъ спискахъ есть небольшая разница въ цифрахъ. Кромѣ того въ приведенномъ балансѣ слегка измѣнена группировка цифръ.

10. Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, род. въ 1751 г. Получилъ домашнее образованіе, но впослѣдствіи дополнилъ свое развитіе трехлѣтнимъ путешествіемъ по Европѣ. Первоначально дѣлалъ карьеру благодаря покровительству Скавронскаго, кн. Потемкина и родственниковъ жены, урожденной гр. Салтыковой. По переходѣ изъ военной службы въ придворное вѣдомство, Гурьевъ успѣлъ примкнуть къ Кочубею и другимъ лицамъ, близкимъ къ Императору Александру I, благодаря чему былъ одновременно назначенъ управляющимъ Кабинетомъ Е. И. В. и товарищемъ министра Финансовъ, а вскорѣ и министромъ Департамента Удѣловъ. Наконецъ, онъ былъ сдѣланъ министромъ Финансовъ, членомъ Государственнаго Совѣта и возведенъ въ графское достоинство, пользуясь покровительствомъ сначала гр. Сперанскаго, потомъ Аракчеева. Уволенъ отъ званія министра Финансовъ въ 1823 г., умеръ 30 сент. 1825 г. (Дѣла А. Д. У. № 10, св. 2, л. 283; № 393, св. 19, л. 1; № 16, св. 3, л. 29; № 18, св. 3 л. 3). Въ 1822 году Гурьевъ былъ избранъ почетнымъ любителемъ Академіи Художествъ. По поводу одновременнаго избранія его, кн. Кочубея и гр. Аракчеева возникъ инцидентъ съ вице-президентомъ Академіи А. Ѳ. Лабзинымъ. См. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, Спб. 1887, стр. 1161.

11. Коп. докл. 12 нояб. 1802: П. О. А. Дв. — оп. 400 512, д. 68, л. 1.

12. Журналъ Кабинета Е. И. В., ноября 1802 г.: тамъ же, л. 2.—Вѣдомость фарфоровымъ вещамъ, проданнымъ въ 1-мъ аукціонѣ, 11 марта 1803 г., съ показаніемъ цѣнъ: съ наложеніемъ процентовъ, стоющей заводу и по которой продано (тамъ же, л. 49), показываетъ, что всѣ фарфоровыя вещи (за исключеніемъ одной) пошли не ниже заводской цѣны, нѣкоторыя же проданы были даже дороже оцѣнки съ надбавкой % (отъ 10% до 33%). Однако кругъ покупателей былъ слишкомъ ограниченъ: на первомъ аукціонѣ было продано вещей всего на 464 р. — Объ аукціонѣ см. еще: 1-я опись д. д. фар. зав., л. 54.

13. Дѣло по уничтоженію фарфоровой фабрики въ Гатчинѣ, по докладу Гурьева отъ 19 нояб. 1802: П. О. А. Дв. -оп. 400/512, д. 121, л. 1 (коп. док.).

14. Отп. приказа изъ Кабинета Е. И. В. инспектору Имп. фар. зав. Морсочникову, нояб. 1802: тамъ же, л. 6. Журналъ Кабинета Е. В., янв. 1803: тамъ же, л. 22.

15. Коп. Высоч. утвержден. доклада Гурьева объ уничтоженіи фаянсовой фабрики, 19 нояб. 1802: тамъ же, д. 131, л. 24 и об. - Чер. журналъ Каб-та Е. В., 25 нояб. 1802: тамъ же, л. 25 и об.— Формулярный списокъ состоявшихъ при бывшей С.-Петербургской казенной фаянсовой фабрикѣ мастеровыхъ людей, нынѣ поступающихъ въ Императорскій фарфоровый заводъ: тамъ же, л.л. 64—67. Такой же списокъ... поступающихъ въ Имп. стекл. зав.: тамъ же, л.л. 68—70.

16. Фамилія Гаттенбергеровъ, до сихъ поръ сохранившаяся въ Россіи и Франціи, при королѣ Филиппѣ Красивомъ эмигрировала изъ Франціи въ Швейцарію. Jean-François-Xavier Hattenberger (Францъ Ивановичъ Гаттенбергеръ), профессоръ технологіи Женевскаго (?) ун., при Императрицѣ Екатеринѣ II пріѣхалъ въ Россію. Въ 1796 г. онъ получилъ дипломъ члена Императорскаго вольно-экономическаго общества. Управлялъ Александровской мануфактурой, на Императорскомъ же заводѣ служилъ временно. Умеръ около 1820 года. — Свѣдѣнія, сообщенныя внукомъ Франца Ивановича Гаттенбергера Александромъ Николаевичемъ Гаттенбергеромъ, въ Плоцкѣ. — Дипломъ на званіе члена, выданный Гаттенбергеру Имп. вольно-эконом. о-вомъ, 9 фев. 1796: оригиналъ у А. Н. Гаттенбергера, фотогр. снимокъ въ Музеѣ Имп. Зав., № 1873.

17. Itinéraire des voyages fait à la fabrique Impériale de porcelaine par F. X. Hattenberger: П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 93, приложеніе.

18. Проектъ Гаттенбергера, поданный 17 сен. 1803 г., о новомъ учрежденіи фарфороваго завода: тамъ же, д. 93.

19. Высоч. утвержденный 13 фев. 1804 г. докладъ управляющаго Кабинетомъ Е. И. В. Гурьева о новомъ устройствѣ Императорскаго фарфороваго завода: П. С. З., изд. 1, т. XXVIII, № 21.152; Штаты, т. XLIII, IV. -Прим. 18.

20. Коп. ордера кн. Юсупова Бородину съ порученіемъ слѣдить за исправнымъ выполненіемъ заказовъ на Имп. фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ: П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 6, л. 4.

21. Объ этомъ свидѣтельствуютъ контракты съ подрядчиками.

22. Прим. 19.—П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 93, л. 52. — Въ дѣйствительности остались почти тѣ же бухгалтерскія книги, которыя велись раньше, за исключеніемъ „гауптъ-буха", заведеннаго въ 1805 г.: 1-я опись д. д. фар. зав. за соотвѣтствующіе годы, л. л. 61 и др.; прим. 41. Гауптбухъ съ 1814 г. сталъ называться главной книгой: тамъ же, л. 83.—Бухгалтерскихъ книгъ не сохранилось; насколько можно судить по описямъ, эти книги не вполнѣ удовлетворяли требованіямъ двойной бухгалтеріи.

23. 1-я опись д. д. фар. зав. за 1809, л. 70; за 1822, л. 109 об. и др.

24. Тамъ же, л. л. 58, 61 об.

25. Тамъ же, за 1810 г., л. 73 об.—Объ остаточномъ казначействѣ, см. главу царствов. Императрицы Екатерины II, стр. 389, примѣч. 69.

26. Это можно видѣть изъ именного списка находящимся при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ чинамъ, мастерамъ, подмастерьямъ и мастеровымъ людямъ, 1804 г.: П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 105, л. л. 3 и сл., и изъ формулярныхъ списковъ чинамъ и мастеровымъ, находящимся при Имп. фарфоровомъ заводѣ, 1805: тамъ же, д. 108, л. л. 1 и сл.

27. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 61.—П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 110, л. 4 об. и сл.

28. Форм. сп. чиновниковъ, мастеровыхъ и воинской команды по фар. зав.: тамъ же, д. 36.

29. Тамъ же, д. 51, л. л. 69—80 (копія).

30. Мѣсяцесловъ, изд. Импер. Акад. Н., на 1802 г., добавочный листъ: „Какія же во время печатанія сего календаря послѣдовали перемѣны, значитъ ниже сего: При Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ: директоръ Францъ Ивановичъ Гаттенбергеръ, профессоръ и надворный совѣтникъ. Инспекторы: по хозяйственной части—Николай Николаевичъ Бородинъ, надв. сов., по ремесленной части Александръ Петровичъ Захаровъ, стат. сов."

Николай Николаевичъ Бородинъ, изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, родился около 1770 г., служилъ первоначально въ лейбъ-гвардіи преображенскомъ полку и въ 1794 году выпущенъ къ статскимъ дѣламъ капитаномъ. На Императорскій фарфоровый заводъ поступилъ того же 1794 года и здѣсь исправлялъ должности секретаря и казначея. Съ 1799 г. исправлялъ одновременно должность казначея Императорскаго стекляннаго завода и одно время обязанности инспектора этого же завода. Инспекторомъ по хозяйственной части на Императорскій фарфоровый заводъ назначенъ указомъ 27 февраля 1804 г. На заводѣ онъ дослужился до чина колл. сов. Уволенъ отъ службы въ 1817 г. — Формулярные списки чинамъ и мастеровымъ, находящимся при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, 1805 г.: П. О. А. Дв. — оп. 400/512, д. 108, л. л. 2 и слѣд.; такой же списокъ на 1813 годъ: тамъ же, оп. 158/320, д. 36. — Дѣло объ увольненіи инспектора фарфороваго завода к. с. Бородина и о пр...: тамъ же, оп. 2/51, д. 14.

Объ А. П. Захаровѣ см. царствов. Императрицы Екатерины II, стр. 390. примѣч. 78.

31. Въ томъ числѣ: бухгалтеръ Яковъ Краснопольскій, казначей Петръ Захаровъ, штабъ-лекарь Яковъ Швидковъ, архитекторъ Лаврентій Миллеръ и смотритель за строеніями Александръ Комаровъ.

32. Журналъ Кабинета объ опредѣленіи на заводъ химика Антона Стана: П. О. А. Дв. оп. 400 512, д. 89, л. 1 и об. Въ спискахъ 1805 года (см. прим. 26) Станъ уже не упоминается, хотя есть указаніе, что въ 1805 году земскій судъ требовалъ присылки Стана: 1-я опись д. д. фар. зав., л. 59 об.

33. Василій Никитинъ Воиновъ, можетъ быть, сынъ преемника Виноградова Никиты Воинова. Поступилъ въ гимназію фар. зав. въ 1782 году; въ 1795 г. былъ опредѣленъ подмастерьемъ при составѣ красокъ и обжигѣ живописнаго фарфора; въ 1799 году отвозилъ въ Офенъ (въ Венгріи) фарфоровыя вещи въ приданое В. К. Александрѣ Павловнѣ. Въ 1801 году назначенъ мастеромъ, въ 1808 году пожалованъ въ чинъ 14-го класса; въ 1818 г. упоминается въ чинѣ тит. сов. Формулярный списокъ о службѣ чиновниковъ и мастеровъ Имп. фарфороваго завода за 1827 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 73, л.л. 113 147.

34. Романъ Савинъ Неупокоевъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, воспитывался въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ пенсіонеромъ Императ. фарфороваго завода; выпущенъ оттуда студентомъ въ 1799 г., а въ слѣдующемъ году былъ опредѣленъ на Гатчинскую фабрику помощникомъ мастера Стана. По уничтоженіи Гатчинской фабрики, Неупокоевъ возвратился на фарфоровый заводъ, состоялъ въ качествѣ помощника химика, а затѣмъ помощника мастера изготовленія фарфоровой массы. Въ 1806 году былъ сдѣланъ мастеромъ и дослужился до чина титулярнаго совѣтника. Тамъ же.

35. Дѣло объ увольненіи инспектора фарфороваго завода к. с. Бородина отъ настоящей должности и о соединеніи управленія онымъ заводомъ съ управленіемъ стекляннаго завода, 1817 года: П. О. А. Дв.—оп. 2 51, д. 14, л. 1: предложеніе Кабинету Е. И. В. отъ управляющаго онымъ.

36. Тамъ же, л. 4: отп. предписанія изъ Кабинета Е. И. В. Комарову, 26 фев. 1817 г.; л. 7: отп. предписанія изъ Кабинета Е. И. В. конторѣ Императ. стекляннаго завода, отъ того же ч.

37. Сергѣй Ивановичъ Комаровъ, изъ безпомѣстныхъ дворянъ, началъ свою службу въ 1782 году кадетомъ въ иллирическомъ гусарскомъ полку, откуда переведенъ въ софійскій пѣхотный полкъ сержантомъ (1788), а черезъ годъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ капраломъ. Въ 1793 году онъ оставилъ военную службу съ чиномъ поручика арміи и былъ опредѣленъ въ Кабинетъ Е. И. В. къ письменнымъ дѣламъ. Въ Кабинетѣ Комаровъ успѣлъ обнаружить большую распорядительность, почему былъ назначаемъ въ печальныя комиссіи по погребенію Императрицы Екатерины II, короля польскаго Станислава Августа и Императора Павла Петровича, а также и въ коронаціонныя комиссіи при короновавіи Императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича. Въ 1802 году ему порученъ былъ надзоръ за постройкой и меблировкой казеннаго театра. Въ 1804 году Комаровъ былъ назначенъ инспекторомъ хозяйственной части Императорскаго стекляннаго завода. Въ 1811 году ему поручено главное начальство надъ кабинетскими Выборгскими стеклянными заводами. 7 января 1817 года онъ назначенъ былъ директоромъ Императорскихъ стекляннаго и фарфороваго заводовъ.

Комаровъ неоднократно удостоивался Высочайшихъ пожалованій, какъ денежными суммами, такъ и бриллiантовыми перстнями и табакерками, орденами и чинами. Въ 1827 году Комаровъ упоминается какъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и орденовъ св. Анны 1 ст. съ алмазами, св. Владиміра 2 ст. большого креста кавалеръ. Уволенъ въ отставку 13 апр. 1829 г.: П. О. А. Дв.—оп. 2/51, д. д. 14, 57 и 93.

38. Дѣло объ увольненіи инспектора фарфороваго завода и т. д. см. прим. 35.—Тит. сов. Браунсъ до назначенія помощникомъ Комарова состоялъ помощникомъ контролера Кабинета Е. И. В. (тамъ же). Въ 1824 г. онъ былъ перемѣщенъ на должность управляющаго продажею бумаги кабинетской Петергофской фабрики: 1-я опись д. д. фар. зав., л. 118.

39. Алексѣй Алексѣевичъ Случановскій, изъ дворянъ Черниговской губерніи. Началъ службу въ сотенной раиской канцеляріи, въ 1771 г.; служилъ потомъ повытчикомъ и секретаремъ въ новгородъ-сѣверскомъ намѣстническомъ правленіи и уѣзднымъ стряпчимъ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда. Въ 1790 году поступилъ на службу въ правленіе Государственнаго заемнаго банка; въ 1794 году опредѣленъ бухгалтеромъ на Императорскій стеклянный заводъ, а въ 1810 г. — казначеемъ того же завода. Случановскій пользовался довѣріемъ кн. Юсупова, поручавшаго ему ревизію фарфороваго завода и казеннаго театра. Въ 1812 году онъ былъ командированъ министромъ Финансовъ въ Москву и др. города Московской г., гдѣ побывали французы, для приведенія въ извѣстность имущества различныхъ казенныхъ учрежденій, „при выполненіи, сверхъ того, и еще особаго секретнаго повелѣнія". По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Случановскій продолжалъ службу на стеклянномъ заводѣ, въ 1819 году исправлялъ должность бухгалтера фарфороваго завода, а 29 декабря 1824 г. назначенъ помощникомъ директора и бухгалтеромъ фарфороваго завода. Многократно получалъ денежныя награды, имѣлъ ордена Анны 2-й ст. и Владиміра 4-й ст. и былъ пожалованъ въ чинъ 5-го класса. -Формул. списокъ 1827 г.: см. прим. 33.

40. Въ 1802 году въ Россіи было всего 7 фарфоровыхъ заводовъ. — Вѣдомость, учиненная въ Мануфактуръ-коллегіи о фабрикахъ, мануфактурахъ и заводахъ: Г. А.—разр. XIX, д. 379.

41. Рапортъ конторы Императ. фарфороваго завода въ Кабинетъ Е. И. В., 14 янв. 1806 г.: М. И. З.

42. Жалованья Зейффертъ получалъ 600 рублей и по 1% съ трехъ горновъ (болѣе 400 руб.). Въ 1810 г. Зейффертъ награжденъ чиномъ 14 класса; въ 1815 г. уволенъ отъ службы, вѣроятно, за старостью, такъ какъ имѣлъ въ это время 58 лѣтъ.— Форм. сп. за 1813 г.: П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 36. -1-я опись д. д. фар. зав., л. 85.

43. Петръ Мунстеръ (по формулярному списку „изъ иностранцевъ") началъ свою службу въ Россіи рейтеромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка въ 1786 г.; но черезъ годъ, за болѣзнью, былъ уволенъ изъ военной службы, съ чиномъ прапорщика арміи. Въ 1796 году Мунстеръ поступилъ на Императорскій фарфор. заводъ помощникомъ модельмейстера Рашета, а затѣмъ былъ назначенъ модельмейстеромъ. Въ 1800 г. за представленную въ Академію Художествъ фигуру Филоктета „удостоенъ въ назначенные". Въ 1813 году состоялъ въ чинѣ надворнаго совѣтника, имѣя 53 года отъ роду; жалованья получалъ 800 рублей и по 2% съ выработанныхъ вещей (до 900 руб.). Уволенъ изъ службы въ 1824 году. -Форм. сп. чинамъ и мастеровымъ, служащимъ на Имп. фарф. заводѣ на 1813 годъ: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 36. — 1-я опись д. д. фар. зав., л. 119. — Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Ак. Х., т. I, стр. 415.

44. Иванъ (Іоганъ) Любимовъ Командеръ, изъ иностранцевъ, родился въ Петербургѣ около 1784 г.; поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ ученикомъ въ 1795 г., 11 лѣтъ, въ 1805 г. получилъ за лѣпленіе съ натуры 2-ю серебряную медаль, а въ 1806 г. за то же — 1-ю серебряную медаль и въ томъ же году выпущенъ изъ Академіи со званіемъ художника и съ аттестатомъ 2-й ст.; въ томъ же году принялъ русское подданство; опредѣленъ на Императорскій фарфоровый заводъ модельмейстерскимъ помощникомъ 20 февраля 1807 года. Получалъ дважды награжденія; 6 іюля 1811 г. пожалованъ въ чинъ 12 класса. Оставался на заводѣ до 1814 г. Петровъ, 1. с., т. I, стр. 328, 474, 476, 478, 485, 486, 489. — Форм. сп. 1813 г.: П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 36. — Рапортъ конторы Импер. фарф. зав. въ Кабинетъ Е. В., 4 іюля 1815 г.: тамъ же, д. 48, л. 1.—Рапортъ конторы Импер. фарф. зав. въ Кабинетъ Е. В. объ опредѣленіи художниковъ Канунникова и Командера, 27 янв. 1807: тамъ же, д. 11, л. 1. (Въ послѣднемъ рапортѣ, между прочимъ, контора испрашивала разрѣшенія Кабинета освободить Командера отъ обязанности хранить формы и модели, чтобы этимъ не отвлекать его отъ художественныхъ работъ). Свидѣтельство Ак. Худ.: тамъ же, л. 5. — Видъ на жит. № 1, выданный Командеру изъ комиссіи о разборѣ иностранцевъ: тамъ же, л. 9.

45. Алексѣй Сергѣевичъ Канунниковъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился ок. 1785 г.; поступилъ въ Академію Художествъ 1 сентября 1795 года, 10 лѣтъ; въ 1801 г. получилъ 2-ю серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, въ 1802 г.—такую же, въ 1806 г.—1-ю серебряную; въ томъ же году выпущенъ изъ Академіи съ аттестатомъ 1-й ст. и съ званіемъ художника 14 класса; 20 февр. 1807 г. былъ зачисленъ на Императорскій фарфор. заводъ мастеромъ живописи. — Форм. сп. за 1827 годъ: П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 73, л.л. 113 — 147; д. 11, л. 1. Петровъ, l. с., т. I, стр. 327, 426, 434, 476, 477, 485, 486.

46. Рапортъ конторы Императ. фарфороваго завода въ Кабинетъ Е. И. В. о прибавкѣ жалованья Канунникову и Командеру, 8 окт. 1808, резолюція Кабинета, 15 окт. 1808: П. О. А. Дв. —оп. 158 320, д. 11, л.л. 11 и 12.

47. Степанъ Степановичъ Пименовъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ 1784 году въ С.-Петербургѣ; поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ ученикомъ 1 марта 1795 года, 11 лѣтъ; въ 1801 г. получилъ 1-ю серебряную медаль за лѣпку съ натуры; въ 1802 г. вторую золотую отъ Академіи и такую же медаль отъ имени президента Академіи за эскизъ памятника пр. Козловскому; въ 1803 г. — большую золотую медаль (программа: принесеніе въ жертву варяговъ); выпущенъ съ званіемъ художника 14 класса, но оставленъ для усовершенствованія при Академіи пенсіонеромъ. Въ 1806 году ему назначена была командировка за границу, но обстоятельства военнаго времени помѣшали ему выѣхать, и онъ остался при Академіи пенсіонеромъ. По порученію Академіи, въ 1806 году исполнилъ статую св. кн. Владиміра для Казанской церкви и за эту работу сдѣланъ былъ академикомъ, 2 сент. 1807 года; въ адъюнктъ-профессора произведенъ 20 марта 1809 г. и въ томъ же году преподавалъ въ Академіи скульптуру; вмѣстѣ съ тѣмъ Пименовъ былъ приглашенъ на Импер. фарфоровый заводъ для надзора за скульптурной частью, оставаясь въ то же время въ Академіи. 19 сент. 1814 г. „по колоссальной статуѣ, представляющей Славу", произведенъ въ профессора Академіи. Вышелъ въ отставку въ 1831 г. и умеръ 22 марта 1833 г. —Форм. сп. за 1813 г.: П. О. А. Дв. -оп. 158,320, д. 36.—Дѣло по прошенію Пименова объ утвержденіи въ званіи инспектора художественной части Имп. фар. зав., 1816 г.: тамъ же, д. 52. — Новицкій, Исторія Русскаго Искусства, М. 1903 г., т. II, стр. 96. — Собко, Словарь русскихъ художниковъ, вып. III, стр. 255. — Петровъ, Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ, т. I, стр. 327, 424, 429, 434, 435, 440, 450, 451, 452, 469, 470, 484, 497, 500, 506, 518, 520, 531, 539; т. II, стр. 15, 18, 32, 59, 152.

48. Письмо Лабинскаго къ Гурьеву 28 іюня / 9 іюля 1808 (на французскомъ языкѣ): П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 14, л. 1 и об.

49. Russinger, или, вѣрнѣе, его отецъ имѣлъ въ Парижѣ свою фарфоровую фабрику (съ 1784 г.) подъ фирмою „Pouyat & Russinger": Jännicke, Grundriss der Keramik, стр. 799.

50. Henri Albert Adam. „Je pense que M. Adam serait une bonne acquisition à faire, car il est recommandable par beaucoup de talens dans la peinture, dans celle de l'email ainsi que dans le gout pour l'invention des formes nouvelles". Переписка Лабинскаго съ Гурьевымъ: П. О. А. Дв.—оп. 158'320, д. 14, л. 1 об.

51. Переписка Гурьева съ Лабинскимъ и другія бумаги, относящіяся къ выпискѣ изъ Парижа Адама: П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 14.

52. Журналъ Кабинета Е. И. В. по 2-й экспедиціи, 30 дек. 1808 г.: тамъ же, л. 30.

53. Положеніе объ управленіи Император. фафор. завода, 4 марта 1816 г.: тамъ же, д. 51, л. л. 67 и сл.

54. Алексѣй Ильичъ Воронихинъ, изъ художническихъ дѣтей, поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ въ 1800 г.; въ 1809 г. за лѣпленіе съ натуры удостоенъ 2-й серебряной медали, въ 1811—2-й золотой и въ 1812 — 1-й золотой; выпущенъ изъ Академіи съ званіемъ художника 14 класса 1 сентября 1812 г. На Импер. фарф. зав. опредѣленъ модельмейстерскимъ помощникомъ 20 іюля 1815 г., а 31 мая 1824 г. сдѣланъ модельмейстеромъ. Форм. сп. 1827 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 73.—Петровъ, l. с., т. I, стр. 535, 538, 557, 564; т. II, стр. 9, 34.

55. Письмо Жерве къ Гурьеву 12/24 дек. 1813: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 51, л.л. 45—46 об.

56. О де-Пюйбюскѣ см. стр. 135.

57. Дѣло о выписанныхъ изъ Парижа для Императорскаго фарфороваго завода четырехъ художникахъ: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 51.

58. Письмо де-Пюйбюска къ Гурьеву, 25 сен. 1815 г.: тамъ же, л. 15—16 об.

59. Такъ Гурьевъ называлъ ихъ въ перепискѣ.

60. Контракты съ французскими художниками: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 51, л. л. 25—27, 28—30, 31—33, 34—36.

61. Такъ напр., для ихъ квартиръ были куплены и меблированы два дома, на что употреблено около $21^{1}/_{2}$ тысячъ руб. изъ заводскихъ суммъ; жалованье имъ Гурьевъ велѣлъ первое время платить изъ кабинетскихъ суммъ: тамъ же, л.л, 49 и сл.

62. Коп. предложенія Гурьева Кабинету Е. И. В., 12 іюня 1816 года: тамъ же, л. 67—68.—Положеніе 4 мар. 1816: тамъ же, л.л. 69—80.

63. 1-я опись д. д. фар. зав., л. 90.

64. Въ документахъ Свебахъ иногда назывался Цвибакомъ: тамъ же, л. 90.

65. Изъ описей д.д. фар. зав. видно, что повторенъ былъ контрактъ только съ Моро и Давиньономъ (1-я оп. л. 134), а о Свебахѣ больше нѣтъ упоминанія.

66. 1-я оп. д. д. фар. зав., л.л. 101 (1820 г.) и 133 (1827).

67. Тамъ же, л.л. 123 и 125.

68. Тамъ же, л. 125.

69. См. примѣч. 19.

70. Выписка изъ Высочайше утвержденнаго доклада Гурьева, 13 февраля 1806: П. О. А. Дв. — оп. 400 512, д. 110, л. 4 об., 5 об.

71. Тамъ же, оп. 400,512, д. 110, л. 5.

72. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 54.

73. Тамъ же, л. 56 и об.; также: разные планы строеній завода, горновъ и проч., 1805 и сл. г.г.: П. О. А. Дв.—оп. 407(59) 1456, д. д. 162—234 и др.; опись 188,354, д. 12.

74. Дѣло о построеніи для обжига фарфора большого горна и для помѣщеній его каменнаго строенія о двухъ этажахъ, 1812 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 31.

75. Высочайше утвержденный докладъ Гурьева, 13 февраля 1804: П. С. З.—изд. 1-е, т. XXVIII, № 21.152, пунктъ 6-й.

76. Дѣло объ отмежеваніи Императорскому фарфоровому заводу земли: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 4. Тутъ же планъ этой земли (л. 32). См. также: отношеніе земскаго суда объ отводѣ фарфоровому заводу земель по Высочайше конфирмованному плану: 1-я оп. д. фар. зав., за 1805 г., л. 59 об.

77. Письмо Гурьева къ гофъ-интенданту А. А. Тарсукову о назначеніи чиновника для отвода земли фарфоровому заводу, 27 мая 1804: П. О. А. Дв.—оп. 36/1629, д. 180, л. 102.

78. Дѣло объ отмежеваніи фарфоровому заводу земли: Высочайше конфирмованный докладъ Гурьева, 9 августа 1805: П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 4, л. 23.

79. Рапортъ конторы завода въ К-тъ 14 янв. 1806: М. И. З. Небольшой участокъ (1397 кв. с.), занятый усадьбой смотрителя живописной мастерской А. Захарова, по представленію Гурьева, былъ пожалованъ Захарову въ полную собственность.

80. Дѣло о землѣ, занимаемой частными людьми на фарфоровомъ заводѣ (1805 и сл. годы): П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 13. Кабинетъ предписалъ конторѣ Императорскаго фарфороваго завода слѣдить, чтобы рабочіе или бывшіе служащіе завода продавали дома только служащимъ же или рабочимъ завода.

81. Дѣло по прошенію с.-петербургскаго купца Брюхова о покупкѣ у него земли, состоящей въ границахъ фарфороваго завода; тутъ же Высочайше конфирмованная записка о покупкѣ оной, 1809 г.: тамъ же, д. 17. Дѣло о купленномъ домѣ у вдовы Дитловой: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 69.

82. Объ отдачѣ заводскихъ луговъ въ оброчное содержаніе: 1-я оп. д. д. фар. зав., л.л. 63, 64 об., 84 об., 87 об., 90 об., 95 об., 104 об., 118 об., 122 об.—Луга были сданы ямщику Волкову и находились въ его держаніи все время.

83. Дѣло о назначеніи Императорскимъ фарфоровому и стеклянному заводамъ лѣсовъ: П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 10, л. 1: Высочайше утвержденный докладъ Гурьева 13 окт. 1806. – Штатъ чиновниковъ и служителей при лѣсныхъ дачахъ, утвержденный 9 ноября 1807 г.: тамъ же, л. 29.

84. Тамъ же, л. 30.

85. Въ 1822 году прирѣзанная къ фарфоровому заводу земля уменьшилась на 100 десятинъ, которыя по Высочайшему повелѣнію были отданы кн. Лобанову-Ростовскому: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 109.—П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 64.

86. Какъ примѣръ, можно указать на оцѣнку сырой фарфоровой массы. Въ прежнее время масса въ капиталѣ завода считалась по 8 руб. за пудъ, но болѣе точныя наблюденія надъ машиной показали, что она можетъ работать въ два раза производительнѣе, перемалывая вмѣсто 6 пудовъ, какъ полагалось раньше, 12 пудовъ въ день; вслѣдствіе этого Гурьевъ нашелъ возможнымъ оцѣнивать массу вдвое дешевле прежняго: по 4 р. за пудъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, оказалось возможнымъ назначать вещи въ продажу по пониженнымъ противъ прежнихъ цѣнамъ.–Рапортъ к-ры Имп. фарф. зав. въ Каб. Е. И. В. съ отчетомъ о состояніи завода за 1805 г., 14 янв. 1806 года: М. И. З. - Вѣроятно, двойная итальянская бухгалтерія, введенная въ дѣлопроизводство конторы завода, была причиной, что при опредѣленіи заводского капитала прибѣгали къ періодическимъ переоцѣнкамъ; такія переоцѣнки были произведены, кромѣ 1804 г., еще въ 1808 г. и при пріемѣ завода Комаровымъ 1817 г.—1-я оп. д. д. фар. зав., л. 68. Дѣло о капиталѣ фарфороваго завода, состоявшемъ въ 1817 г., при пріемѣ онаго въ управленіе директора Комарова, о переоцѣнкѣ строеній и проч.: П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 57.

87. Зейфферта, Давиньона, Шульца, Ланделя. См. текстъ, стр. 121, 123.

88. Предписаніе Гурьева конт. Импер. фарф. зав., 9 фер. 1806: П. О. А. Дв. - оп. 400/512, д. 109, л. 2 и об.

89. Коп. рапорта Имп. фарф. зав. въ Каб. Е. И. В., 14 янв. 1806: М. И. З.

90. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 46.

91. Тамъ же, л. 104.

92. Образцы подобной расцѣнки издѣлій имѣются въ альбомѣ, составленномъ въ 1806 и 1807 г.г. Гаттенбергеромъ и сохранившемся въ библіотекѣ Императорскихъ заводовъ. Этотъ альбомъ даетъ право предполагать, что были намѣчены къ составленію образцовыя книги, на основаніи которыхъ разцѣнивались всѣ работы, что, конечно, было крайне важно при существованіи задѣльной платы. Сервизныя вещи раздѣлялись на нѣсколько категорій по ихъ формамъ, а каждая категорія въ свою очередь на нѣсколько разрядовъ (до 8) по живописи, съ детальной оцѣнкой всѣхъ работъ.

Примѣрная расцѣнка чайника первой формы:

1) По первой ремесленной инспекціи (бѣлая палата): работа токаря—15 к., гарнировщика — 10 к., скульптора — 10 к., масса 2 ф. по 15 к.—30 к. Всего 65 коп.

2) Вторая инспекція (живописная). Тотъ же чайникъ, расписанный живописью перваго рода (орнаментъ греческихъ вазъ въ двѣ краски и золото): работа живописца — 10 к., позолотчика — 5 коп., за краски — 11 коп., золото 5 зеренъ по 8 к. — 40 коп. Всего 66 к.

3) Третья инспекція (контора). Тотъ же чайникъ, фактура: цѣна первой инспекціи—65 к., цѣна второй инспекціи –66 коп., накладныхъ 100% –1 р. 31 к., продажная цѣна 2 р. 62 к.

93. О гостинодворской лавкѣ впервые упоминается въ 1-й оп. д. д. фар. зав. за 1819 г., л. 98 об.; съ этого времени въ описи за каждый годъ документы по этой лавкѣ описываются рядомъ съ документами по городскому магазину: л. л. 102 об., 106 и т. д.

94. Указанія на комиссіонную продажу въ частныхъ магазинахъ встрѣчаются въ 1-й оп. д. д. фар. зав., л. л. 63 об. (1806 г.), 69 об. (1809 г.), 103 (1821 г.).

95. Въ 1-й оп. д. д. фар. зав. за 1820 г. упоминается объ аукціонной продажѣ въ С.-Петербургѣ при Каб-тѣ Е. И. В. (л. 102 об.) и въ Москвѣ (л. л. 100, 103).

96. Тамъ же, л. л. 63, 80, 99 и др.

97. Тамъ же, л.л. 72 об., 73, 76, 79 об., 81 об., 83, 85 (за 1815 г.); послѣ 1815 года свѣдѣній о продажѣ въ Ригѣ не встрѣчается.

98. П. О. А. Дв. -оп. 158 320, д. 93, л. 140 об.

99. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 95.

100. Тамъ же, л. л. 100 об., 101.

101. Тамъ же, л. 105 об.

102. М. И. З.

103. П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 57, л. л. 5 об., 6 об.

104. Тамъ же, д. 57.

105. Дѣло о капиталѣ фарфороваго завода, состоявшемъ въ 1817 г. и пр.: тамъ же, оп. 158 320, д. 57.

106. Тамъ же, д. 93, л. 92.

107. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 76 об.: дѣло о крестьянинѣ Николаевѣ, записавшемся безъ позволенія общества въ мастеровые сего завода.

108. Тамъ же, л. 119 об.

109. Объ этомъ см. въ формулярныхъ спискахъ за 1804, 1805, 1813 и др. годы. — 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 54, 59 об., 67.

110. Дѣло о раздѣленіи мастеровыхъ на 3 класса... (1810 г.): П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 22.

111. Чиновники завода находились, благодаря постоянству жалованья, въ худшемъ положеніи, чѣмъ мастера. О значеніи для нихъ постепеннаго паденія покупной силы денегъ и о размѣрахъ происходившаго отъ того пониженія благосостоянія, можно судить по тому, что Комаровъ, тотчасъ по вступленіи въ исполненіе обязанностей директора Императорскихъ заводовъ, ходатайствовалъ о прибавкѣ жалованья заводскимъ комиссарамъ, ихъ помощникамъ и писцамъ—первымъ съ 500, положенныхъ по штату 1804 г., до 750, вторымъ и послѣднимъ съ 400 и 300 — до 500 рублей: П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 54.

112. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 58 об. — Рапортъ к-ры Имп. фарф. зав. въ Каб-тъ, 14 янв. 1806: М. И. З.

113. Дѣло о постройкѣ на стеклян. и фарф. заводахъ для мастеровыхъ деревянныхъ домиковъ по Высоч. утвержд. фасаду: П. О. А. Дв. –оп. 158 320, д. 55.—Рап. к-ры И. З., 14 ян. 1806: пр. 112.

114. 1-я оп. д. д. фар. зав., за 1824 г., л. 116 об.

115. Тамъ же, л. 117 об. (за 1824 г.).

116. Тамъ же, л. л. 74, 89 об., 92 об. и др.

117. См. примѣч. 34.

118. См. примѣч. 33 и 34.

119. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 98 об.

120. Тамъ же, л. л. 73, 77, 83.

121. Врачемъ при заводѣ состоялъ съ 1792 года штабъ-лекарь Яковъ Швидковъ (форм. сп. за 1813 годъ); послѣ его смерти въ 1815 г. (1-я оп. д. д. фар. зав., л. 83) одно время состоялъ при заводѣ штабъ-лекарь Шафранскій (тамъ же, л. 86 об., за 1816 г.), а затѣмъ гофъ-медикъ Добровольскій (тамъ же, л. л. 122 и др.; также форм. списокъ за 1827 г.).

122. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. л. 90, 100 об., 114 об.

123. Тамъ же, л. 124 об.

124. Тамъ же, л. 125.

125. Тамъ же, л. 66 об.

126. Тамъ же, л. 120 об.

127. Тамъ же, л. 85: дѣло объ отпускѣ муки мастеровымъ по указной цѣнѣ.

128. Церковь во имя Преображенія Господня, съ двумя придѣлами: пророка Иліи и Николая Чудотворца, построена еще въ 1735 году на средства, пожертвованныя частью Императрицею Анной Іоанновной, частью промышленниками, прихожанами и другими доброхотными даятелями, жившими въ округѣ Невскихъ казенныхъ кирпичныхъ заводовъ. До 1741 года она содержалась тоже на средства довольно многочисленныхъ прихожанъ, но съ постройкой по близости двухъ церквей, одной, Покровской, жителями Рыбной слободы, другой, Троицкой, кн. А. А. Вяземскимъ, большинство прихожанъ отошло къ этимъ церквамъ, и церковь Преображенія обветшала. Въ 1753 г. Канцелярія отъ строеній предписала конторѣ кирпичныхъ заводовъ взять церковь на свое попеченіе и содержать на деньги, получаемыя съ откупныхъ рыб-

ныхъ ловлей, принадлежавшихъ Невскимъ заводамъ. Съ теченіемъ времени, однако, контора кирпичныхъ заводовъ перестала оказывать церкви поддержку. Въ 1794 году казенная палата С.-Петербургской губерніи нашла нужнымъ содержаніе церкви возложить на контору фарфороваго завода, на томъ основаніи, что раньше фарфоровый заводъ не принималъ участія въ содержаніи церкви, хотя имѣлъ больше служащихъ и больше средствъ, чѣмъ кирпичные заводы. Однако, дѣятельной поддержки контора фарфороваго завода не оказала, и церковь продолжала разрушаться. Въ 1811 году причтъ ходатайствовалъ передъ конторою фарфороваго завода о прибавкѣ жалованья и о поддержаніи разрушающейся церкви. Кабинетъ Е. И. В. предложилъ конторѣ фарфороваго завода производить священно- и церковнослужителямъ жалованье въ увеличенномъ размѣрѣ и послать архитектора для составленія смѣты на починку церкви. Событія Отечественной войны пріостановили выполненіе предписанія Кабинета до 1815 года, а за это время церковь успѣла уже придти въ такое состояніе, что служеніе было прекращено въ главномъ алтарѣ, а продолжалось только въ придѣлахъ. По составленіи смѣты на передѣлку въ суммѣ 33.532 рублей, Гурьевъ старался побудить Гофъ-интендантскую контору принять половину исчисленной суммы на свой счетъ, но безуспѣшно. Директоръ Императорскихъ заводовъ Комаровъ, осмотрѣвъ церковь, донесъ Гурьеву, что смѣту можно сократить: не перестраивая фасада, перемѣнить куполъ, на что требовалось около 15.000 рублей. Пять тысячъ рублей Комаровъ предполагалъ собрать съ прихожанъ, а десять просилъ отпустить изъ суммъ Кабинета. Высочайше конфирмованною 19 апрѣля 1817 года всеподданнѣйшею запискою Гурьева Кабинету разрѣшено было отпустить изъ своихъ средствъ на починку церкви 10.000 рублей; собрать остальную сумму возложено было на Комарова.

Дѣло по просьбѣ священно- и церковнослужителей, состоявшихъ при церкви фарфороваго и кирпичнаго заводовъ, о прибавкѣ имъ жалованья и о починкѣ церкви: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 26, л. л. 2—6: коп. прош. священно- и церковнослужителей.—Тамъ же, л. 18: предписаніе изъ Кабинета к-рѣ фарф. зав., 13 фев. 1812 года. -Дѣло о переправкѣ церкви Имп. фарф. зав.: тамъ же, д. 49, л. 14: письмо Гурьева къ гр. Ю. П. Литта, 26 дек. 1815 г.; тамъ же, л. 27: рапортъ Комарова въ Кабинетъ, 12 апр. 1817 года; тамъ же, л. 26 и об.: предписаніе изъ Каб-та Комарову 9 мая 1817 года.

129. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 99.

130. Тамъ же, л. л. 91, 109 об.

131. Тамъ же, л. 81 об.

132. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 82, 83 об., 96, 114 об.

133. Тамъ же, л. л. 58 об., 67 об., 78 об., 89 об., 90 об., 93, 97 и др.

134. Тамъ же, л. 104.

135. Тамъ же, л. 111 об. По отдаленности мѣстонахожденія, какъ сибирской, такъ и екатеринбургской глины и, слѣдовательно, по дороговизнѣ доставки, нельзя допустить, чтобы эта глина предполагалась къ употребленію для капселей.

136. Тамъ же, л. 124 об.

137. Тамъ же, за 1809, 1810 и 1814 г.г., л. л. 71, 73 и 82.

138. Рапортъ к-ры Имп. фарф. зав. въ Кабинетъ Е. И. В., 14 янв. 1806: М. И. З.

139. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 87 об.

140. Тамъ же, л. 120 об.

141. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 51, л. 43.

142. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 124 об.

143. Двѣ такихъ новыхъ капсельныхъ печи сдѣланы были въ 1804 году: тамъ же, л. 55 об.

144. Тамъ же, л. 73.

145. Дѣло о построеніи для обжига бѣлаго фарфора одного большого горна и для помѣщенія его каменнаго строенія (1812 г.): П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 31.

146. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 82.

147. Послѣдній разъ тихвинская глина была пріобрѣтена на заводъ въ 1804 г.: тамъ же, л. 56.

148. Тамъ же, л. 120.

149. Тамъ же, л. 99 (за 1820 г.).

150. Тамъ же, л.л. 50 об. (1802 г.), 93 об. (1818 г.), 96 (1819 г.).

151. Тамъ же, л. 49.

152. Тамъ же, л. 50 об.

153. Тамъ же, л. л. 82, 99 и 119 об.

154. Тамъ же, л. л. 98 об., 107 об., 113, 120 об., 122 об. 125 (1820 1825 г.г.).

155. Jännicke, Grundriss d. Keramik, стр. 737.

156. Коп. предлож. Гурьева Кабинету Е. В., 14 мая 1814 г.: П. О. А. Дв. —оп. 158/320, д. 40, л. л. 2—3.—О де-Пюйбюскѣ, кромѣ указаннаго дѣла, см. еще въ томъ же архивѣ: оп. 15/1365, д. 85, л. л. 2, 5, 7, 19 20, 21—22.

157. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 40, л. 2.

158. Приложеніе № 35.

159. Рапортъ директора Комарова въ Каб-тъ, 5 окт. 1818· тамъ же, оп. 158/320, д. 40, л. 6.

160. Повидимому, производство печатнаго фарфора прекратилось въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра I: вещи съ печатными рисунками, упоминаемыя иногда въ документахъ слѣдующаго царствованія (приложеніе № 35), вѣроятно, были сдѣланы раньше.

161. Тамъ же, оп. 158/320, д. 51, л. 43.

162. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 103.

163. Тамъ же, л. 112 об.

164. Тамъ же, л. 86.

165. Тамъ же, л. 100 об.

166. Тамъ же, л. 113 об.

167. Коп. рапорта к-ры Имп. фарф. зав. въ Каб-тъ Е. И. В., 14 янв. 1806: М. И. З.

168. Одновременно живописцы изобрѣли способы экономить золото, однако не для пользы завода. Въ 1822 году были наказаны четыре живописца, уличенные „въ непозволительной обработкѣ чашекъ и продажѣ золота".—1-я оп. д.д. фар. зав., л. 109 об.

169. Тамъ же, л.л. 51, 66 об., 72, 71 об. (на Петрозаводскомъ).

170. Бронзовщикамъ Шрейберу, Бауману, Беренсу, мраморщику Мадерни: тамъ же, л. л. 120 об., 124 об.

171. Тамъ же, л. 109.

172. Отп. письма Гурьева къ Лабинскому, 24 іюн. 1808: П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 14, л.л. 7 9. Письмо Лабинскаго къ Гурьеву, 28 іюня / 9 іюля 1808: тамъ же, л. 1. Еще: тамъ же, д. 51, л. 42.

173. Мутеръ. Цит. по *Бойэ*, Исторія искусствъ, Кіевъ, 1902, стр. 283 284.

174. Иванъ Лантманъ, ученикъ Академіи Художествъ по скульптурѣ, въ 1805 г. получилъ 2-ю, а въ 1806 г. — 1-ю серебряную медаль.—Петровъ, l. c., т. I, стр. 474, 476, 487, 489.

175. Таково, напримѣръ, распоряженіе назначить спеціальныхъ полировщиковъ, чтобы позолотчики могли заняться исключительно своимъ дѣломъ: П. О. А. Дв.-оп. 400/512, д. 109, л. 1 и об.

176. Дѣлались, напримѣръ, бассейны для военныхъ поселеній (1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 112 об., 116 об., 123), принимались заказы химическихъ приборовъ для монетнаго двора (тамъ же, л. 118), химическіе приборы для одного профессора химіи (тамъ же, л. 113 об.), обжигались даже для какого-то зубного врача „террометаллическіе" зубы (тамъ же, л. л. 117 об.—118).

177. Тамъ же, л. л. 81 об., 83 об., 93 об., 112, 116 об., 119 об., 126. П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. д. 79, 86 и др.

178. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 75 об.

179. Тамъ же, л. л. 83 об., 103 об.

180. Тамъ же, л. 93 об.

181. Тамъ же, л. 107 об.

182. Тамъ же, л. 113.

183. Тамъ же, л. л. 118 об., 125 об.

184. Тамъ же, л. 101.

185. П. О. А. Дв.—оп. 400/512, д. 40, л. 1.

186. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 54.

187. Тамъ же, л. 113.

188. Тамъ же, л. 113 об.

189. Тамъ же, л. 54.

190. Тамъ же, л. 53 об. См. также: П. О. А. Дв. оп. 400,512, д. 91, л. 1.
191. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 70, 73, 76, 87, 103 об.
192. Тамъ же, л. л. 62, 70, 75 об.
193. Тамъ же, л. л. 119, 122 об. (1824 и 1825 г.г.).
194. Тамъ же, л. 120 (1824 г.).
195. Тамъ же, л. 123 об., (1825 г.).
196. Тамъ же, л. 123 (1825 г.).
197. П. О. А. Дв. -оп. 400/512, д. 86, л. 3.
198. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 93 об.
199. Тамъ же, л. 87 об.
200. Тамъ же, л. л. 87 об., 123 об.
201. Тамъ же, л. 104.
202. Тамъ же, л. 87 об.
203. Тамъ же, л. 108 об., 117. (Чайный приборъ и десертный сервизъ).
204. Тамъ же, л. 86.
205. Тамъ же, л. 76 об.
206. Тамъ же, л. 118.
207. Тамъ же, л. 111 об.
208. Тамъ же, л. 117 об.
209. Тамъ же, л. 122.
210. Тамъ же, л. 124 об.
211. Тамъ же, л. 113.
212. Тамъ же, л. 90 об.—При заказѣ посланникъ внесъ задатокъ въ 3.600 рублей.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

1. П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 76: о возобновленіи контрактовъ съ художниками Давиньономъ и Моро. На стр. 87: „Entr' autres objets remarquables il est permis de citer un vase monumental à la mémoire de S. M. l'empereur Alexandre, la plus grande pièce de ce genre, qui exisie en Europe". Ваза эта окончена въ 1828 году и въ настоящее время находится въ Зимнемъ дворцѣ, въ аппартаментахъ Императора Александра I (1-я запасная половина).

2. П. М. Волконскій (1776—1852), свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, министръ Императорскаго Двора и Удѣловъ. Назначенный въ 1797 году адъютантомъ великаго князя Александра Павловича, онъ, вскорѣ послѣ восшествія Императора Александра I на престолъ, сдѣланъ былъ товарищемъ начальника военно-походной канцеляріи Е. И. В., въ которой въ то время сосредоточивалось все управленіе военными силами государства. Въ войну 1805 года кн. Волконскій былъ дежурнымъ генераломъ при главнокомандующихъ; послѣ Тильзитскаго мира былъ отправленъ во Францію для изученія организаціи арміи. Назначенный по возвращеніи въ Россію генералъ-квартирмейстеромъ, онъ способствовалъ учрежденію училища колонновожатыхъ, имѣвшаго большое значеніе при организаціи генеральнаго штаба русской арміи. Въ войну 12-го года кн. Волконскій состоялъ при особѣ Государя. Въ 1813 и 14 г.г. онъ обнаружилъ большія военныя и дипломатическія способности, состоя въ званіи начальника главнаго штаба; въ 1814 г. ѣздилъ съ Государемъ въ Вѣну на конгрессъ; въ періодъ ста дней распоряжался передвиженіемъ русской арміи на Рейнъ; по возвращеніи въ Россію былъ назначенъ начальникомъ штаба Е. И. В. При учрежденіи Министерства Императорскаго Двора кн. Волконскій былъ назначенъ министромъ и сохранилъ это званіе до смерти. (Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона).

3. Дѣло о преобразованіи управленія Императорскимъ фарфоровымъ заводомъ, 1832 г.: П. О. А. Дв.—оп. 2'51, д. 95.—Дѣло объ учрежденіи особаго управленія Императорскимъ фарфоровымъ и другими заводами. и о проч.: тамъ же, оп. 158,320, д. 109.

4. Копія доклада министра Имп. Двора кн. Волконскаго, 23 нояб. 1832, о преобразованіи управленія Императорскими стекляннымъ, фарфоровымъ и Выборгскимъ зеркальнымъ заводами, съ Высочайшей резолюціей объ исполненіи, 27-го нояб.: тамъ же, л. 5.

5. Высочайше утвержденная инструкція управляющему Имп. стекляннымъ и фарфоровымъ заводами, 27 нояб. 1832, распубликованная Сенатомъ 30 дек. 1832: П. С. З.—изд. 2-е, т. VII, № 5.775. — См. также: П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 109, л. л. 8—10; оп. 2/51, д. 95, л. л. 3—6.

6. Штаты для фарфороваго завода, составлены были на основаніи данныхъ, представленныхъ и надлежаще освѣщенныхъ директоромъ завода Галяминымъ. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 112.

7. Высочайше утвержденное положеніе Импер. стекляннаго и фарфороваго заводовъ, 2 янв. 1835, распубликованное 28 фев.: П. С. З.—изд. 2-е, т. X, № 7.721. П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 112.

8. Штаты 1835 года.— Одинъ рубль ассигнаціями тогда равнялся 28½ коп. сер.

9. П. О. А. Дв.- оп. 158 320, д. 112, л.л. 182-199; 307 322.

10. П. С. З.—изд. 2-е, т. X, № 7.721.

11. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 163 об.

12. П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 112, л. л. 361 — 368.

13. Высочайше утвержденный штатъ Импер. фарфороваго завода, 19 фев. 1840: П. С. З.—изд. 2-е, т. XV, № 13.183.

14. О штатахъ 1840 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 167.

15. 1-я оп. д. д. фар. зав. л. л. 163, 192, 214 об., 224 об. Также: дѣло по канцеляріи управляющаго Импер. заводами, съ историческами свѣдѣніями объ Импер. заводахъ и фабрикахъ, 1856 г.: П. О. А. Дв. оп. 211 377, д. 78, л. 115.

16. Тамъ же, л. 114. — 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 129 об., 130, 139, 151 об., 154 об., 163, 172, 188, 203 об., 210, 219 об., 236. Въ 1830 году луга были отданы въ аренду рабочимъ Александровскаго литейнаго завода: тамъ же, л. 151 об.

17. Отчетъ по Импер. фарфоровому заводу за 1834 годъ: П. О. А. Дв. — оп. 158,320, д. 129, л. 19.

18. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 181.

19. Тамъ же, л. л. 187, 190 об. и т. д., за 1842 56 г.г.—О полученіи субсидіи изъ Государственнаго казначейства (4.285 р. 70 к.) упоминается въ обѣихъ описяхъ д.д. фарфороваго завода изъ года въ годъ.

20. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 207.

21. Тамъ же, л. л. 216 об., 222 об., 231 об., 237 об., 241.

22. Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій (1792—1856). Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, служилъ колонновожатымъ въ свитѣ Е. И. В.; во время Отечественной войны былъ раненъ, перешелъ затѣмъ на гражданскую службу и былъ членомъ, потомъ вице-президентомъ департамента Удѣловъ, сенаторомъ, товарищемъ министра Удѣловъ. Въ 1841 году Перовскій былъ назначенъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ съ сохраненіемъ должности товарища министра Удѣловъ, а въ 1852 году — министромъ Удѣловъ и управляющимъ Кабинета Е. В. Въ 1855 году, при образованіи изъ охотниковъ отъ удѣльныхъ крестьянъ стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи, Перовскій былъ поставленъ во главѣ его и переименованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1856 году пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Перовскому принадлежитъ рядъ преобразованій въ управленіи и устройствѣ удѣльныхъ крестьянъ; довольно значительна была дѣятельность гр. Перовскаго и въ комиссіяхъ по крестьянскому вопросу. Завѣдуя съ 1850 года комиссіей для изслѣдованія древностей, Перовскій устроилъ археологическія раскопки въ обширныхъ размѣрахъ; онъ составилъ также обширныя коллекціи греческихъ древностей и монетъ (переданы въ Эрмитажъ) и богатое собраніе стараго русскаго серебра, русскихъ монетъ и медалей. Съ 1842 года Перовскій состоялъ почетнымъ членомъ Императорской Академіи Художествъ (Энциклоп. словарь, изд. Брокгауза-Ефрона).

23. Такъ, напр., Перовскій съ настойчивостью добивался уничтоженія Императорской шпалерной мануфактуры. Спиліоти: Краткій очеркъ исторіи Императорской шпалерной мануфактуры: Худ. Сокр. Россіи, годъ Ш, № 11 — 12.

24. Дѣло о преобразованіи Импер. фарфороваго и стекляннаго заводовъ по новымъ, Высочайше утвержденнымъ, штатамъ и расписаніямъ: П. О. А. Дв. — оп. 179,341, д. 3.

25. „По причинѣ здѣшней дороговизны работъ и топлива“ (?)— объясняетъ Перовскій.

26. П. О. А. Дв. — оп. 179,341, д. 3.

27. Копія Именного указа о бытіи кн. Гагарину управляющимъ Импер. заводами, 27 нояб. 1832: П. О. А. Дв. — оп. 158,320, д. 109, л. 2. — Тамъ же, оп. 2/51, д. 95, л. 7.

28. Князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ, родился ок. 1785 г. (въ 1842 г. ему было 57 л.); началъ службу юнкеромъ въ Московскомъ Архивѣ Иностр. Дѣлъ въ 1801 г.; въ слѣдующемъ году пожалованъ камеръ-юнкеромъ 5 кл. и оставилъ службу въ архивѣ; въ 1812 г. назначенъ шефомъ 1-го пѣхотнаго московскаго полка, способствовалъ его быстрому сформированію, за что пожалованъ въ званіе камергера; въ слѣдующемъ году, за болѣзнью, уволенъ отъ службы; въ 1825 г. „за долговременнымъ неизбраніемъ мѣста для дѣйствительной службы“, исключенъ изъ придворныхъ списковъ. Именнымъ указомъ 1 янв. 1831 г. Гагарину повелѣно быть членомъ Кабинета, такимъ же указомъ 27 нояб. 1832 г. управляющимъ Импер. фарфор. и стеклян. заводами; Именнымъ указомъ 16 октября 1833 г. онъ назначенъ на должность гофмейстера и вице-президента Кабинета и утвержденъ въ этихъ должностяхъ указомъ 5 дек. 1836. Высочайшимъ рескриптомъ 5 мар. 1836 Гагарину изъявлена была „Высочайшая признательность и благоволеніе за успѣшное производство дѣлъ по Кабинету и отличное устройство ввѣренной ему части, въ особенности же за изящество, до котораго доведена нынѣ выдѣлка вещей на стеклянномъ и фарфоровомъ заводахъ“. Второго подобнаго рескрипта Гагаринъ былъ удостоенъ 17 мар. 1837 г. Имѣлъ ордена до Бѣлаго Орла включительно. Умеръ 25 іюля 1842 г. отъ огнестрѣльной раны, нанесенной въ зданіи Кабинета уволеннымъ отъ службы лѣсничимъ.

Формулярный списокъ о службѣ Гагарина: П. О. А. Дв. оп. 2 51, д. 78, л. л. 251 и сл. — Коп. Имен. указа, даннаго Сенату 5 дек. 1832 г.: тамъ же, оп. 158/320, д. 109, л. 13.

29. Такъ, напримѣръ, заводской комитетъ собирался 11 янв. 1837 г. Составленный по этому случаю журналъ комитета озаглавленъ: „Журналъ заводскаго комитета, составленнаго вслѣдствіе предложенія г. министра Императорскаго Двора отъ 7 сего генваря, № 28, по случаю болѣзни г. гофмейстера и вице-президента Кабинета“: тамъ же, л. 19.

30. Тамъ же, оп. 17,204, д. 4.

31. Кн. Николай Яковлевичъ Грузинскій, потомокъ грузинскихъ князей, началъ службу въ Московскомъ Архивѣ Иностр. Дѣлъ (1801 — 7 г.г.), потомъ служилъ въ вѣдомствѣ театральной дирекціи (1807 — 13) и инспекторомъ въ коммиссіи для строеній въ Москвѣ (1813 — 18); въ 1834 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при вице-президентѣ Кабинета Е. В.; съ 1837 г. состоялъ членомъ Кабинета (утвержденъ въ этой должности въ 1839 г.); участвовалъ въ различныхъ коммиссіяхъ, напр. по возобновленію Зимняго дворца, по постройкѣ новаго Эрмитажа и др., и исполнялъ другія порученія, напримѣръ отвозилъ въ Копенгагенъ и Штуттгартъ приданое В. Кн. Александры Николаевны и Ольги Николаевны; дослужился до чина дѣйств. ст. сов. Въ формулярномъ спискѣ Грузинскаго, между прочимъ, значится: „За бдительное содѣйствіе въ пріобрѣтеніи съ 1834 г. по декабрь мѣсяцъ 1838 г. чистой прибыли отъ золота, употребляемаго для позолоты изделій Императорскаго фарфороваго завода до 270 тысячъ рублей (??), объявлена благодарность г. министра Императорскаго Двора“. П. О. А. Дв. - оп. 17 204, д. 4, л. л. 106 и сл.

32. Журналъ Кабинета Е. В-ва объ увольненіи директора стекляннаго и фарфороваго заводовъ д. с. с. Комарова отъ управленія заводами и объ опредѣленіи на мѣсто его д. с. с. Пенскаго, 27 апр. 1829 г.: тамъ же, оп. 2 51, д. 63, л. 5.

33. Тамъ же, л. 2: указъ Правит. Сенату объ опредѣленіи директоромъ Императорскихъ стекляннаго и фарфороваго заводовъ д. с. с. Пенскаго, 13 апр. 1829; тоже: прим. 32.

34. Предложеніе Каб. Е. В. о сдачѣ Комаровымъ по должности директора Импер. заводовъ преемнику его Пенскому капиталовъ и имущества, принадлежащаго заводамъ, 2 мая 1829: тамъ же, оп. 158 320, д. 93, л. 1. — Дѣло о пріемѣ капитала и всего имущества директоромъ Пенскимъ отъ г. д. с. с. Комарова: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 144 об. (за 1829 г.)

35. Платонъ Ивановичъ Пенскій, родился около 1774 г. (въ 1832 году ему было 58 лѣтъ). Изъ шляхетскаго кадетскаго корпуса былъ выпущенъ поручикомъ въ генеральный штабъ въ 1793 году и въ томъ же году отправленъ въ дѣйствовавшую противъ поляковъ армію кн. Репнина, при главной квартирѣ которой онъ и состоялъ. Переведенный въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, онъ въ 1796 и 1797 г. г. работалъ при спеціальной съемкѣ части Литвы. Участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ 1805 1807 г. г. По возвращеніи изъ-за границы, Пенскій въ 1808 — 10 г. г. исполнялъ должность плацъ-майора Свеаборгской крѣпости; съ наступленіемъ войнъ 12-го и 14-го годовъ, онъ снова состоялъ при дѣйствующей арміи, успѣлъ не разъ выдвинуться своею храбростью и былъ не разъ отличенъ. По возвращеніи въ Россію, онъ продолжалъ службу въ Петербургѣ и нѣсколько разъ получалъ Высочайшія награды въ видѣ перстней, табакерокъ и денежныхъ суммъ, преимущественно, за исполненные имъ и поднесенные планы Царскаго Села и Царскосельскихъ садовъ. Будучи произведенъ въ 1819 г. въ генералъ-майоры, Пенскій въ 1829 г., по собственному желанію, оставилъ военную службу и, переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ назначенъ директоромъ Императорскихъ стеклянныхъ и фарфороваго заводовъ. Въ этой должности пробылъ до 1832 г. и за это время получилъ нѣсколько разъ Высочайшія награды. Пенскій имѣлъ между прочимъ золотую шпагу „за храбрость“, ордена: Св. Георгія 4-й ст. и др. до Станислава 2-й ст. — Форм. сп. Пенскаго 1832 г.: П. О. А. Дв. — оп. 2/51, д. 63, л. 43 и сл.

36. Представленіе вице-президента Кабинета Е. В. Селявина министру Импер. Двора объ увольненіи Пенскаго, 27 окт. 1832 г., съ резолюціей министра 29 окт. 1832 г.: тамъ же, л. 42. — Въ 1837 г. Пенскій еще былъ живъ: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 169.

37. Тамъ же, л. 146 и об.

38. Валеріанъ Емельяновичъ Галяминъ, изъ дворянъ, родился около 1796 г. (въ 1848 г. ему было 52 г.), получилъ образованіе въ Институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Служилъ сначала по инженерной части; состоя потомъ въ свитѣ Его Величества, а съ 1823 г. помощникомъ директора корпуса топографовъ, Галяминъ выполнялъ въ то же время различныя топографическія работы. Въ 1828 и 1829 г. г. онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи и, занимая часто отвѣтственныя должности, успѣшно исполнялъ трудныя порученія; въ 1830 и 1831 г.г. участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія, состоя старшимъ адъютантомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи. За участіе въ штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій онъ былъ пожалованъ золотою шпагою „за храбрость“. Въ 1832 г. Галяминъ, кажется, вслѣдствіе недостаточныхъ средствъ, оставилъ военную службу и былъ по Высочайшему повелѣнію опредѣленъ директоромъ фарфороваго завода, въ каковой должности былъ утвержденъ 6 января 1838 г. Получивъ въ 1841 г. чинъ д. ст. совѣтника, онъ въ слѣдующемъ году женился на вдовѣ Мартыновой, владѣвшей на югѣ Россіи значительными земельными имуществами. Въ 1843 году онъ былъ командированъ для обревизованія Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики и въ слѣдующемъ году назначенъ инспекторомъ этой фабрики, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1846 г., вслѣдствіе болѣзни, Галяминъ былъ отпущенъ на годъ за границу для пользованія водами, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено обозрѣніе въ художественномъ и техническомъ отношеніяхъ фарфоровыхъ и фаянсовыхъ заводовъ Европы. Заграничное лѣченіе мало помогло Галямину, поэтому 6-го мая 1848 г. онъ былъ по прошенію уволенъ отъ службы. Умеръ въ С.-Петербургѣ 4 мая 1855 г. Галяминъ имѣлъ ордена до Владиміра 3-й степени. — Копія аттестата Галямина, выданнаго изъ Кабинета Е. И. В. 30 іюня 1848 г. внуку Галямина 9 мар. 1876 г. съ припиской о смерти В. Галямина: П. О. А. Дв.—оп. 2 51, д. 170, л.л. 77 и сл. — О Галяминѣ еще въ 1-й оп. д. д. фар. зав. л. л.: 162, 173 об., 178, 186, 189, 190, 197 об., 212, 216, 219 об.

39. Дѣло объ увольненіи директора Импер. фарфороваго завода д. с. с. Галямина за границу и потомъ вовсе отъ службы: П. О. А. Дв. — оп. 2/51, д. 170.

40. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 190.

41. Согласно Высоч. резолюціи по докладу управляющаго Каб. Е. И. В., 21 авг. 1846: П. О. А. Дв.—оп. 2/51, д. 170, л. 1.

42. Всепод. докладъ министра Двора кн. Волконскаго, 17 янв. 1848, съ резолюціей о Высоч. повелѣніи исполнить: тамъ же, оп. 12 199, д. 2, л. 21.—Именной указъ, объявленный министромъ Двора о назначеніи къ директорамъ заводовъ стекляннаго и фарфороваго по одному помощнику, 20 янв. 1848: П. С. З.—изд. 2-е, т. XXIII, № 21.909.

43. Журналъ Каб. Е. И. В. 29 апр. 1848 г., № 173: П. О. А. Дв. оп. 2 51, д. 170, л. 17.—Отп. письма кн. Волконскаго къ ст.-секретарю А. С. Танѣеву, 1 мая 1848: тамъ же, л. 18. - Приказъ по вѣдомству Мин. Импер. Двора: тамъ же, л. 19.

44. Надпись министра Импер. Двора, 5 мая 1848, на журналѣ Кабинета Е. И. В. отъ 29 апр. 1848 г.: тамъ же, л. 17.

45. Аникита Дмитріевичъ Озерскій родился около 1816 г. (въ 1853 г. ему было 37 лѣтъ), по окончаніи обученія въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, былъ произведенъ въ гардемарины, потомъ въ мичманы, съ оставленіемъ въ офицерскомъ классѣ Морского корпуса, изъ котораго вышелъ въ 1836 г. лейтенантомъ и записанъ, какъ первый въ выпускѣ, на мраморную доску. Онъ не долго оставался въ морской службѣ и въ 1839 г. перевелся въ редакцію журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, но въ томъ же году перешелъ въ министерство Финансовъ, служа сначала въ канцеляріи министерства, потомъ въ департаментѣ разныхъ сборовъ. Въ 1841 г. онъ былъ уволенъ изъ департамента сборовъ, по болѣзни, по прошенію. Но затѣмъ, по всепод. докладу министра Финансовъ, Озерскій былъ командированъ на два года за границу для усовершенствованія въ технологіи, обязавшись послѣ возвращенія прослужить не менѣе 6 л. въ званіи преподавателя технологическихъ наукъ. За границей Озерскій пробылъ до іюня 1845 г., изучая въ Германіи, Франціи и Англіи химію и технологію. По возвращеніи въ Россію, въ 1846 г., опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Кабинетѣ Е. И. В-ва; 21 авг. 1846 г. назначенъ въ помощь директору стекляннаго завода Языкову по временному управленію фарфоровымъ заводомъ; 17 янв. 1848 г. назначенъ помощникомъ директора того же завода, а 28 апр. директоромъ, въ каковомъ званіи утвержденъ 8 окт. 1849 г. Высочайшимъ указомъ, даннымъ Придворной конторѣ, былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Е. В.; Высоч. приказомъ 16 мая 1853 г. уволенъ вовсе отъ службы. - Форм. сп. о службѣ Озерскаго, 15 окт. 1853: П. О. А. Дв. оп. 12 199, д. 2, л.л. 121 и сл.

46. Объ увольненіи Озерскаго см. тамъ же, л. 95.

47. Павелъ Александровичъ Языковъ родился около 1798 г. (въ 1855 г. ему было 57 лѣтъ), получилъ образованіе въ Институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, откуда вышелъ въ корпусъ инженеромъ 3 кл. въ 1816 г. и производилъ различныя съемочныя и нивелировочныя работы. Въ 1827 г. онъ былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ главный штабъ Е. И. В. по военному поселенію. Въ 1829 г., по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Въ 1830—31 г.г. Языковъ принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ холерой. 27 нояб. 1832 г. былъ опредѣленъ директоромъ Императорскаго стекляннаго завода, а въ 1840 г. также Выборгскаго зеркальнаго завода. По Высочайшему повелѣнію 6 мар. 1843 г. командированъ за границу для обозрѣнія стеклянныхъ и зеркальныхъ заводовъ во Франціи, Англіи, Богеміи, Бельгіи и Силезіи. Въ результатѣ этого путешествія, на Императорскихъ заводахъ были сдѣланы различныя улучшенія. Въ 1846 г., по случаю пребыванія директора фарфороваго завода Галямина за границей, Языковъ управлялъ временно этимъ заводомъ; съ увольненіемъ Галямина и назначеніемъ на его мѣсто Озерскаго, Языкову по Высоч. повелѣнію 5 мая 1848 г. порученъ высшій надзоръ за этимъ заводомъ. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 25 авг. 1848 г. ему повелѣно быть управляющимъ Императорскими заводами и Кіево-Межигорскою фаянсовою фабрикою; 17 іюля 1849 г. Языковъ былъ назначенъ членомъ Каб. Е. И. В.; въ 1850 г. въ управленіе ему была отдана и Императорская шпалерная мануфактура; въ 1851 г. поручено управленіе учрежденнымъ при Императорскомъ стеклянномъ заводѣ техническимъ отдѣленіемъ Императорскаго мозаичнаго заведенія. Дослужившись до чина д. ст. сов., Языковъ состоялъ кавалеромъ русскихъ орденовъ до Станислава 1-й степени. Въ 1855 г., приказомъ отъ 14 августа, Языковъ былъ уволенъ отъ службы по болѣзни. Умеръ 31 дек. 1862 г. - Формулярный списокъ о службѣ Языкова, составленный въ сентябрѣ 1855 г.: П. О. А. Дв. —оп. 18/205, д. 24, л.л. 73 и слѣд. - Приказы по вѣдомству Министерства Импер. Двора, 5 окт. 1848, 20 мая 1849, 25 іюля 1849, 14 авг. 1855: тамъ же, л. л. 6, 17, 20, 62. Отношеніе Каб. Е. И. В. въ канцелярію капитула орденовъ, съ сообщеніемъ времени о смерти Языкова, 10 апр. 1871: тамъ же, л. 116.

48. Описаніе производства работъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ съ краткимъ обзоромъ всѣхъ его частей. Спб. 1844, 29 стр. in-8°.

49. Описаніе производства работъ на Имп. фарф. заводѣ и т. д., стр. 6, 7, 8.

50. Для обведенія рантовъ на круглыхъ вещахъ употребляется мѣдный, вертящійся на стержнѣ кругъ, называемый турнеткою.

51. Напримѣръ, формулярные списки за 1827 г.: П. О. А. Дв. - оп. 158/320, д. 73.

52. Въ случаѣ отсутствія директора, Моро становился во главѣ заводской администраціи. Такъ напр., въ 1826 г., когда директоръ Комаровъ поѣхалъ въ Москву на коронацію, управленіе фарфоровымъ заводомъ было поручено Моро, вмѣстѣ съ помощниками директора Случановскимъ и Титовымъ.—1-я оп. д. д. фар. зав., л. 127 об.

53. П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 76, л. 4.

54. Рапортъ директора Комарова въ Каб-тъ Е. И. В., 30 окт. 1827: тамъ же, л. 21. Незадолго передъ смертью Давиньона съ нимъ, кажется, былъ возобновленъ контрактъ: 1-я оп. д. д. фар. зав., 1827 г., л. 134.

55. Рапортъ директора Комарова вице-президенту Каб. Е. И. В., 13 нояб. 1827: П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 76, л. 27.

56. Тамъ же, л. 28.

57. Комаровъ писалъ въ рапортѣ отъ 14 дек. 1827 г. „Должно признаться, что Моро во многихъ случаяхъ оказалъ заводу большую пользу, а можно надѣяться, что и впредь знаніями и усердіемъ будетъ также онъ не менѣе полезенъ". Тамъ же, л. 40.—Въ рапортѣ отъ 27 дек. 1827 г.: „Неоднократно я имѣлъ честь свидѣтельствовать предъ Кабинетомъ Е. И. В-ва объ усердіи Моро и о пользахъ, доставленныхъ имъ заводу чрезъ улучшеніе орнаментной живописи, въ чемъ онъ превосходный мастеръ и таковой же скульпторъ, и чрезъ приготовленіе многихъ заводскихъ людей какъ въ той, такъ и въ другой части". Тамъ же, л. 52.

58. Впрочемъ, Комаровъ, признавая большія заслуги Моро и высказывая увѣренность, что и впредь онъ будетъ полезенъ заводу, тѣмъ не менѣе дальнѣйшее его оставленіе на заводѣ не считалъ безусловно необходимымъ: „Полагаю я, что Моро, оказавъ заводу пользу, будетъ и впредь ему полезенъ, но чтобъ сказать: необходимъ, то заключенія такого я сдѣлать никакъ не посмѣю". Рапортъ 27 дек. 1827: тамъ же, л. 52.

59. Контрактъ съ Моро на французскомъ языкѣ, 1 янв. 1828: тамъ же, л. 80. Переводъ л. л. 74—77. Еще: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 134.

60. Самъ Моро просилъ о званіи инспектора художественной части: П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 76.

61. Рапортъ директора Пенскаго въ Каб., 5 апр. 1830: тамъ же, л. 84. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 152.

62. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 152 об. 153.

63. Объ инцидентѣ съ пр. Пименовымъ и его товарищами на выставкѣ 1830 г. см. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, т. 2, вып. 1, стр. 310—312.

64. Собко, l. c., т. 3, вып. 1, стр. 255.

65. Списокъ мастерамъ и мастеровымъ Императорскаго фарфороваго завода, кои за старостью лѣтъ и неспособностью къ

работамъ назначены къ увольненію отъ заводскихъ работъ (1827 г.): П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 72.

66. Описаніе производства работъ на Имп. фар. зав. и т. д., стр. 22.

67. Изъ формулярнаго списка Петра Ульяновича Иванова, за 1827 г. (П. О А. Дв.—оп. 158 320, д. 73): Мастеръ состава фарфоровой массы и обжига сырыхъ вещей, 38 лѣтъ; сынъ мастера; въ службу вступилъ ученикомъ въ училище Импер. фарфороваго завода въ 1804 г.; въ лабораторію ученикомъ—въ 1808 г., мастеромъ состава массы—въ 1819 г.; получилъ чинъ кабинетскаго регистратора—въ 1819, губернскаго секретаря—въ 1825.—Ивановъ уволенъ отъ службы въ 1829 г.: 1-я оп. д.д. фар. зав. л. 146 об.

68. О Воронинѣ упоминается въ рапортѣ Галямина въ Каб. Е. И. В., 31 іюля 1846: П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 200, л. 46.

69. Рапортъ Галямина къ Каб. Е. И. В., 21 дек. 1844: тамъ же, л. 1.

70. Разрѣшеніе Каб. Е. И. В., 28 дек. 1844: тамъ же, л. 2.

71. Коп. контракта съ Дартомъ на французскомъ языкѣ: тамъ же, л. 5.

72. Рапортъ Галямина въ Каб. Е. И. В. и резолюція Каб-та, 23 мая 1845: тамъ же, л. 24.

73. Рапортъ Галямина въ Каб. Е. И. В., 31 іюля 1846: тамъ же, л. 46.

74. Тамъ же, л. 52.

75. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 213 об.

76. Рапортъ директора Комарова въ Каб. Е. И. В., 30 окт. 1827: тамъ же, д. 76, л. 21.

77. Августъ Карловичъ Шписъ родился 12 авг. 1817 г. въ Помераніи, въ городѣ Штральзундѣ; художественное образованіе получилъ въ Берлинской академіи художествъ и по особому вызову пріѣхалъ въ Россію въ 1846 г. для украшенія нѣкоторыхъ залъ Зимняго дворца и Эрмитажа, возобновленныхъ послѣ пожара, гдѣ имъ выполненъ между прочимъ плафонъ въ помпейскомъ стилѣ. По окончаніи этихъ работъ Шписъ былъ приглашенъ на Императорскій фарфоровый заводъ и опредѣленъ скульпторомъ, 1 мая 1849 г.; въ 1853 г. назначенъ модельмейстеромъ; при реорганизаціи управленія Императорскими заводами назначенъ техникомъ VI кл. по найму, 14 іюля 1890 г.; уволенъ отъ службы, съ производствомъ изъ суммъ Кабинета постояннаго пособія по 1250 рублей въ годъ, 8 іюля 1897 г. Шписъ неоднократно удостоивался Высоч. наградъ и получилъ ордена до Владиміра 4-й ст. Въ 1864 г. Шписъ былъ избранъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ „за выставленные медальоны Государя Императора, Государыни Императрицы и прочія работы". Умеръ 13 апр. 1904 г.—Формулярный списокъ Шписа: А. И. З.— д. № 47/1902 г. —Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ, т. III, стр. 448. — Некрологъ о Шписѣ былъ помѣщенъ между прочимъ въ Новомъ Времени, 16 апр. 1904 г. № 10.100, и Худож. Сокр. Россіи, годъ IV, № 5.

78. Дѣло объ опредѣленіи иностранца Рейналя модельмейстеромъ: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 234 (за 1851 г.).

79. Тамъ же, л. 234.

80. Форм. сп. за 1827 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 73. Вахрамѣевъ умеръ въ 1850 г., будучи отставнымъ мастеромъ скульптуры: 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 228.

81. Уволенъ въ 1829 г.: тамъ же, л. 146.

82. Клейнъ опредѣленъ на службу въ 1839 г.: тамъ же, л. 175 об. Упоминается тамъ же подъ 1841 г. (л. 186 об.) и 1845 г. (л. 203 об.).

83. Уволенъ либо въ 1850, либо въ 1852 г.: тамъ же, л. л. 229 об., 238 об.

84. Упоминается тамъ же подъ 1828 и 1830 г.г., л. л. 138 об., 155 об.

85. Упоминается подъ 1855 г.: тамъ же, л. 257 об.

86. Упоминается подъ 1830 г.: тамъ же, л. 156 об.

87. Упоминается подъ 1855 г.: тамъ же, л. 256 об.

88. Упоминается подъ 1829 г.: тамъ же, л. 145 об.

89. Упоминается подъ 1830 г.: тамъ же, л. 153

90. Списокъ, поданный директоромъ Комаровымъ въ Каб. Е. И. В., при рапортѣ 13 нояб. 1827: П. О. А. Дв. — оп. 158 320: д. 76, л. 28.

91. Въ 1827 г. онъ былъ младшимъ мастеромъ (тамъ же), позднѣе — мастеромъ. Упоминается какъ умершій уже подъ 1849 г. въ 1-й оп. д. д. фар. зав., л. 224 об.

92. Въ спискѣ Комарова (см. прим. 90) сдѣлано примѣчаніе. „Лапшинъ точитъ вазы большого размѣра".

93. Формулярные списки за 1827 г. (П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 73) и за 1833 4 г. (тамъ же, д. 117, л. л. 17 -об., 18).—Въ 1-й оп. д. д. фар. зав. они упоминаются на л. л. 135 об., 144, 145 об., 148, 155 об., 186.—См. также текстъ, стр. 119.

94. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 127 об. Упоминается также подъ 1830 г.: л. 153.

95. Тамъ же, л. 175 об.

96. Спиліоти, Очеркъ исторіи Императорской шпалерной мануфактуры: Худ. Сокр. Россіи, годъ III, № 11 — 12.

97. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 197 об.

98. Тамъ же, л. 226 об. (за 1850 г.)

99. Тамъ же, л.л. 226 об. и 243 (за 1853 г.). Здѣсь Кочетовъ названъ „кандидатомъ", что можетъ свидѣтельствовать о полученномъ имъ образованіи.

100. Форм. сп. 1827 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 73.

101. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 175 об.

102. Тамъ же, л. 205.

103. Василій Федоровичъ Мещеряковъ, изъ посадскихъ дѣтей, род. ок. 1781 г.; послѣ окончанія гимназіи фарфороваго завода, въ 1808 г., былъ оредѣленъ на Импер. фарфоровый заводъ живописцемъ; въ 1818 г. сдѣланъ мастеромъ живописи; уволенъ отъ службы въ 1846 г. съ чиномъ тит. сов. — Форм. сп. 1827 г. (прим. 100). — 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 146, 166 об., 176 об., 183, 209 об.

104. Семенъ Афанасьевичъ Головъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, род. ок. 1783 г. окончилъ заводскую гимназію и былъ опредѣленъ на заводъ живописцемъ — въ 1814 г., сдѣланъ мастеромъ живописи — въ 1819 г.: умеръ — въ 1849 г., въ чинѣ тит. сов. — Форм. сп. 1827 г. (прим. 100). — 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 148, 154, 172 об., 180 об., 225.

105. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. 223 об. (за 1849 г.).

106. Тамъ же, л. л. 178, 234, 239, 239 об. (за 1839, 1851, 1852 г. г.).

107. Тамъ же, л. 181 (за 1840 г.).

108. Тамъ же, л. л. 145, 151, 156 об., 230 (за 1829, 1830, 1850 г. г.).

109. Тамъ же, л. 226 об. (за 1850 г.).

110. Умеръ въ 1852 г. — Тамъ же, л. 155 об. (1830 г.) и 239 об. (1852 г.).

111. Тамъ же, л. л. 246 (1846 г.) и 251 (1854 г.).

112. Рапортъ въ Каб. Е. И. В. управляющаго Импер. заводами Языкова, 18 нояб. 1853: П. О. А. Дв. – оп. 178/340, д. 8, л. 29 об.

113. Тамъ же, л. 1.

114. Тамъ же, л. 37 об.

115. Контрактъ съ Деривьеромъ на французскомъ языкѣ, 16/28 февр. 1854: П. О. А. Дв. — оп. 178 340, д. 8, л. 52.— 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 237, 239 об.

116. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 250, 254, 255 об., 256 об., 257 об. – Деривьеру былъ данъ переводчикъ.

117. 17 авг. 1856 г.: П. О. А. Дв. — оп. 178/340, д. 8, л. 211.

118. Тамъ же, л. л. 218, 239.

119. Тамъ же, д. 8.

120. 1-я оп. д. д. фар. зав., л. л. 210, 213, 237, 252 об. (1846 — 47 52 — 54 г. г.).

121. Тамъ же, л. 242.

122. Тамъ же, л. 252 об.—П. О. А. Дв.—оп. 163/325, д. 50.

123. Тамъ же, оп. 158/320, д. 134.

124. Тамъ же, л. 55.—Описаніе производства работъ на Импер. фарфор. заводѣ, стр. 27 — 28. — Дополнительныя правила, 20 окт. 1837: П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 134, л. 94.

125. П. О. А. Дв. - оп. 158 320, д. 134, л. 94.—1-я оп. д. д. фар. зав., л. 167. — Еще о школѣ: тамъ же, л. л. 132 об., 134, 176 (1827 и 1839 г. г.).

126. Тамъ же, л. 209 об.

127. Тамъ же, л. 178.—Петровъ, l. c., т. III, л. 44.

128. Тамъ же, л. 256 об.—О немъ еще: тамъ же, л.л. 235 об., 239 об., 252 (1851, 1852, 1854 г. г.). — Изъ другихъ учителей школы извѣстны: Рагульскій (тамъ же, л. 176), Шапкинъ (л. л. 215, 249), Чепыжниковъ (л. 249) и Леплинскій (л. 249).

129. Дѣло по канцеляріи управляющаго Импер. заводами, съ историческими свѣдѣніями объ Импер. заводахъ и фабрикахъ: П. О. А. Дв. — оп. 211 377, д. 78, л. 114.

130. Дѣло объ осушеніи болотистыхъ мѣстъ въ дачахъ Импер. заводовъ: тамъ же, оп. 158 320, д. 70. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 133 об. (за 1827).

131. О планахъ заводскимъ землямъ, составленныхъ полковникомъ Зеге-фонъ-Лауренбергомъ: П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 93, л. 4. По этому случаю были установлены межевые знаки (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 136) и составленъ планъ заводской слободы (тамъ же, л. 148 об.).

132. Донесеніе Зеге-фонъ-Лауренберга: П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 70, л. 46 об.

133. Тамъ же, л. 134

134. Тамъ же, л. 28.

135. Рапортъ директора Пенскаго въ Каб-тъ Е. И. В., 25 нояб. 1829: тамъ же, л. 134. — Пенскій представлялъ Кабинету, что осушеніе болотъ по плану фонъ-Лауренберга не достигнетъ предположенной цѣли, добавляя при этомъ, что, по его мнѣнію, осушеніе земли, „требующей по свойству (?) своему воды", можетъ сдѣлать почву совершенно безплодной. Кабинетъ согласился съ доводами Пенскаго и рѣшилъ: болота „оставить въ настоящемъ ихъ положеніи".—Резолюція Каб-та Е. И. В. на рапортъ директора Пенскаго, 25 нояб. 1829: тамъ же.

136. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 156 об.

137. Дѣло по канцеляріи управляющаго заводами, съ историческими свѣдѣніями объ Имп. заводахъ и фабрикахъ: П. О. А. Дв. оп. 211/377, д. 78, л. 114.

138. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 154 об. (за 1830 г.).

139. Тамъ же, л. 172 об. (за 1838 г.).

140. Тамъ же, л. 172 об.

141. П. О. А. Дв.—оп. 163 325, д. 46.

142. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 200 и 203 об. (1844—5 г.г.).

143. О постройкахъ и починкахъ до 1833 года: тамъ же, л.л. 128 об., 135, 141, 144 об., 153 об.

144. П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 125, л. 148.

145. Отчетъ за 1834 годъ: тамъ же, д. 129, л.л. 19 и сл.

146. Описаніе производства работъ на Имп. фар. зав., стр. 4.

147. Положеніе 1835 г., § 48. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 183 об., 185. П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 127.

148. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 173 об. - О постройкахъ въ 1836 и 1837 г.г. см. тамъ же, л.л. 161, 161 об., 166. О постройкахъ и исправленіяхъ 1838—45 г.г.: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 178, 181 об., 183 об., 185, 188, 189 об., 191 об., 196, 199 об., 204, 208.

149. О разрѣшеніи новаго займа изъ суммъ Выборгскаго зеркальнаго завода до 42 тысячъ рублей на разныя постройки: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 153, л.л. 98—99.

150. 1-я оп. д.д. фар. зав. л. 207.

151. П. О. А. Дв. — оп. 163 325, д. 13. — Тамъ же, оп. 178/340, д.д. 15 и 29.—1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 239 об., 247 об.

152. П. О. А. Дв.—оп. 178 340, д. 15, л. л. 40 и 463.—Тамъ же, оп. 220/386, д. 10.

153. Дѣло о покупкѣ дома Пономарева, построеннаго на землѣ фарфороваго завода, 1840 г.: тамъ же, оп. 158 320, д. 181. Дѣло относительно покупки заводомъ дома, принадлежащаго артисту Л. Штуббе, 1852 г.: тамъ же, оп. 163 325, д. 33.

154. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 238 об., 245.

155. См. напр. о состояніи завода при сдачѣ его Комаровымъ Пенскому: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 93, л. 92.

156. Тамъ же, л. 8.

157. Тамъ же, л. 92.

158. Тамъ же, д. 129.

159. Описаніе произв. работъ на Имп. фар. зав., стр. 28.

160. Галяминъ указывалъ, что „прибыль до сего времени была только мнимою, ибо вещи, отъ коихъ высчитывалась прибыль сія, были оцѣняемы столь дорого, что оставались всегда почти въ заводѣ."

Способы опредѣленія чистой прибыли, съ которой полагались директору проценты, были различны. Напр., до положенія 1835 г. директору назначили 4% съ чистой прибыли, вычисляемой на основаніи оцѣнки всего расхода вещей, какъ въ частную продажу, такъ и къ Высочайшему Двору. По положенію 1835 года, ему полагалось уже 10% съ прибыли, но въ разсчетъ не принимались издѣлія, подносимыя ко Двору и жалуемыя Его Величествомъ высокимъ особамъ (§§ 6 и 45). Въ результатѣ этихъ правилъ, доходы директора отъ процентовъ сильно сократились, и Галяминъ въ своихъ рапортахъ въ Кабинетъ Е. И. В. жаловался (П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 130), что вмѣсто 2.599 р. 49 коп. процентныхъ денегъ, которыя слѣдовало бы ему получить на основаніи прежняго порядка учета, по новымъ правиламъ и исчисленіямъ счетнаго отдѣленія Кабинета ему назначено къ выдачѣ только 1.813 р. 74 к. Вслѣдствіе ходатайства Галямина было постановлено (16 дек. 1837 г.), чтобы при исчисленіи процентовъ директорамъ съ чистой прибыли, равно и при опредѣленіи годичныхъ прибылей отъ всего сбыта стоимость издѣлій, поднесенныхъ къ Высоч. Двору и жалуемыхъ Его Императорскимъ Величествомъ высокимъ особамъ, изъ общаго сбыта не исключать, но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ Двора предложилъ Кабинету имѣть, посколько возможно, надзоръ, чтобы Императорскіе заводы на издѣлія, подносимыя ко Двору и, вообще, за кои платежи происходить будутъ изъ т. н. комнатной суммы, никакихъ прибылей сверхъ дѣйствительной ихъ стоимости заводамъ не налагали (тамъ же, л. 147). Явное противорѣчіе и растяжимость послѣдняго требованія не могла не имѣть послѣдствіемъ неопредѣленности въ расчетахъ. Правилами гр. Перовскаго § 6 положенія 1835 г. былъ измѣненъ такимъ образомъ: „Если по истеченіи года цѣною поднесенныхъ къ Высочайшему Двору и проданныхъ въ частныя руки издѣлій покроются всѣ оборотные расходы и останется чистая прибыль, то директору фарфороваго завода предоставляется съ прибыли сей 10%, а директору завода стекляннаго 6%". Эти правила хотя и не давали полной гарантіи за правильную расцѣнку издѣлій, но зато точно опредѣляли понятіе чистой прибыли и способъ опредѣленія процентнаго награжденія директорамъ.

161. П. О. А. Дв. оп. 179 341, д. 3. — Тамъ же, оп. 211 377, д. 78.

162. До правилъ о продажѣ, помѣщенныхъ въ положеніи 1835 г., руководствомъ служили „правила о продажѣ издѣлій, выдѣлываемыхъ на Императорскихъ заводахъ", изданныя 7 апр. 1828 г. и мало отличавшіяся отъ положенія 1835 г. — Тамъ же, оп. 158/320, д. 93, л. л. 99 и сл.

163. Тамъ же, л. 92.

164. Тамъ же, л. 26.

165. Тамъ же, л. 140 об.

166. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 136, 138, 140, 144(1827 —28 г.г.).

167. Тамъ же, л.л. 126, 129 об., 135 об., 137, 138, 143, 144, 150, 153 об., 157 об. (1825 -1830 г.г.).

168. Тамъ же, л. 162.

169. Тамъ же, л. 177.

170. Тамъ же, л. 168. - О московскомъ магазинѣ см. еще тамъ же, л.л. 125 об., 126, 127, 128 об., 130, 131, 131 об., 133 об., 135 об., 137, 138, 143, 144, 148 об., 149 об., 150 об., 153 об., 157, 161 об.

171. Тамъ же, л. 215 (за 1847 г.): „Дѣло объ отдачѣ московскому купцу Волкову на комиссію фарфоровыхъ вещей для продажи въ г. Москвѣ".

172. О комиссіонерахъ и комиссіонной продажѣ рѣдко встрѣчаются указанія: см. тамъ же, л. л. 127 об., 129, 136, 138, 168 (1826, 1827, 1837 г.г.).

173. О гостинодворской лавкѣ: тамъ же, л.л. 126, 127, 128 об., 131, 131 об., 137, 138, 143, 144, 149 об., 150, 155, 157, 157 об.,

(1825—1830 г.г.). Послѣ 1834 г. о гостинодворской лавкѣ въ описяхъ не упоминается.

174. Тамъ же, л. 170 об. О городскомъ магазинѣ см. еще: тамъ же, л.л. 127, 131, 131 об., 137, 143, 144, 149, 150, 153 об., 155, 157, 157 об., 162 об., 168 об., 177 об., 209, 233, 246 и др. (1825—1854 г.г.), и П. О. А. Дв. оп. 211 377, д. 78.

175. П. О. А. Дв. оп. 211,377, д. 78.

176. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 128 об., 136 об. (1826 –7 г.г.).

177. Тамъ же, л.л. 128 об., 132, 135 об., 136, 168 об., 244 (1826, 1827, 1837, 1853 г.г.).

178. Тамъ же, л.л. 197, 202, 205 (1843—4—5 г.г.). П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 93, л. 96.

179. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 167 об. (за 1837 г.).

180. П. О. А. Дв. – оп. 211 377, д. 78.

181. О поднесеніяхъ: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 126, 130, 134, 134 об., 141, 146, 151, 155, 161, 221 об., 227 об., 232, 238.

182. Тамъ же, л.л. 132, 132 об., 142, 151 об., 197, 211 об., 213.—П. О. А. Дв. -оп. 158/320, д. 234.

183. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 154 об., 185 об., 201 об., 204, 214 об., 218, 223 об., 228 об., 233 об., 238, 244 об.

184. Особенно много было исполнено заказовъ для В. Князей Михаила Павловича (тамъ же, л.л. 183 об., 186, 191, 191 об., 211 об., 217, 224), Константина Николаевича (тамъ же, л.л. 229, 234 об., 235 об., 236, 237 об., 239 об., 241 об., 252, 257 об.), для В. Княгинь Елены Павловны (тамъ же, л.л. 234, 238, 241 об., 253, 256), Маріи Павловны (тамъ же, л.л. 154 об., 214, 255 об.; П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 238) и Екатерины Михаиловны (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 233, 239, 244 об.).

185. Для В. Княгинь Ольги Николаевны (тамъ же, л.л. 210 об., 215, 246, 254 об.; П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 238; тамъ же, д. 192, л. 142), Маріи Николаевны (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 175, 191, 200, 200 об.), Александры Николаевны (П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 192, л.л. 89, 91, 142, 147).

186. Напр., для В. Кн. Александры Іосифовны (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 230, 246 об.); для дворца принца Ольденбургскаго (тамъ же, л.л. 201 об. и др.).

187. Тамъ же, л.л. 217, 222 об., 228, 232, 237, 246, 251 об., 256.

188. Тамъ же, л.л. 128 об., 138 об., 150 об., 162, 172 об., 174 об., 180 об., 183, 186 об., 217, 219 об., 232, 242, 250, 253 об.

189. Тамъ же, л.л. 139 об., 154.

190. Для Зимняго дворца: П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 150, л. 349. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 132, 152, 172 об., 176, 207, 212 об. – Для Мраморнаго дв.: тамъ же, л.л. 225 об., 226, 230 об. Для Каменноостровскаго дв.: тамъ же, л. 142. Для Елагинскаго дв.: тамъ же, л. 148 об.—Для Петергофскихъ дворцовъ: тамъ же, л.л. 132, 211 об., 212 об., 213 об., 225, 244. – Для Павловскаго дв.: тамъ же, л.л. 136 об., 175 об. — Для Гатчинскаго дв.: тамъ же, л.л. 141, 156, 191 об., 212 об., 220, 234 об., 238, 245, 249.— Для Царскосельскихъ дворцовъ: тамъ же, л.л. 125 об., 133 об., 196 об., 206, 209, 214 об., 219 об., 220, 245. -Для Стрѣлнинскаго дв.: тамъ же, л.л. 225 об., 228. — Для Оріандскаго дв.: тамъ же, л.л. 232, 232 об.—Для дачи Александріи: тамъ же, л.л. 147 об., 151 об., 152 об.—Для имѣнія Мелаза: тамъ же, л. 250. Для московскихъ Кремлевскихъ дворцовъ: тамъ же, л.л. 129, 135 об., 170, 222, 225 об., 233. Для Варшавскаго дв.: тамъ же, л.л. 133, 138 об., 139 об. Для Ревельскаго дв.: тамъ же, л. 155 об.—Для Тверского дв.: тамъ же, л. 214.

191. Для яхты Волна: тамъ же, л. 227.—Для яхты Королева Викторія: тамъ же, л. 229.

192. Такъ, напримѣръ, фарфоровый заводъ дѣлалъ въ 1839 г. вещи для пекинской миссіи (тамъ же, л. 144 об.); въ различные годы онъ исполнялъ заказы для департамента Удѣловъ (тамъ же, л.л. 146, 151, 239), для кораблестроительнаго департамента (тамъ же, л. 246 об.) и для департамента врачебныхъ заготовленій, между прочимъ, въ 1854 г. 10.000 ступокъ (тамъ же, л.л. 231, 250, 255 об.), для Императорскихъ театровъ: фарфоровыя кольца (тамъ же, л.л. 151 об., 182 об., 198), для С.-Петербургскаго монетнаго двора (тамъ же, л.л. 129, 145, 174 об., 191 об., 198), для военныхъ поселеній (тамъ же, л. 142 об.), для черноморскаго флота (тамъ же, л.л. 170 об., 174, 181, 187 об.), для Александровской мануфактуры —цилиндры (тамъ же, л. 177), для С.-Петербургской комиссаріатской комиссіи (тамъ же, л. 198) и проч.

193. Въ числѣ поднесеній и подарковъ упоминаются въ сохранившихся документахъ подарки, сдѣланные королямъ французскому (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 151, 156 об.) и прусскому (тамъ же, л. 143), королевамъ англійской (тамъ же, л. 213 об.) и нидерландской (тамъ же, л. 210 об.), принцамъ прусскому Карлу (тамъ же, л. 235) и шведскому Оскару (тамъ же, л. 154 об.), принцу мекленбургскому (тамъ же, л. 130. П. О. А. Дв.—оп. 550, д. 459, л. 2), эрцгерцогу Фердинанду австрійскому (тамъ же), принцессѣ нидерландской (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 221 об., 254 об.), принцу и принцессѣ веймарскимъ (тамъ же, л. 235 об.), ландграфу гессенскому (тамъ же, л. 200 об.), турецкому султану (П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 126, л.л. 52 и сл.; приложеніе № 36), шаху персидскому (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 170, 171 об.), персидскому принцу Хозровъ-Мирзѣ (тамъ же, л. 146), для персидской миссіи (тамъ же, л. 141), бухарскому хану (тамъ же, л. 135), традиціонные подарки для китайскихъ пограничныхъ чиновниковъ (тамъ же,л.л. 129 об., 134 об., 136 об., 138 об., 148 об., 174 об., 212, 245 об., 250, 257) и многіе другіе Высочайшіе подарки различнымъ лицамъ и учрежденіямъ, напримѣръ: шведскому чрезвычайному послу Стедингу (тамъ же, л. 127), начальнику Портсмутскаго порта (тамъ же, л. 212), англійскому послу Гаррису (тамъ же, 206), флигель-адъютанту прусскаго короля майору Рейценштейну (тамъ же, л. 197), гр. Паскевичу Эриванскому (тамъ же, л.л. 189, 254 об.), русскому послу въ Берлинѣ Алопеусу (тамъ же, л. 145), кн. Юсупову (тамъ же, л. 151 об.), кн. Ливенъ (тамъ же, л.л. 128 об., 132 об.), гофъ-медику Добровольскому, при оставленіи имъ должности врача на Импер. фарфор. заводѣ (тамъ же, л. 230), Севрскому заводу, въ обмѣнъ за присланные Севромъ образцы его издѣлій (тамъ же, л. 174 об. и Описаніе производства работъ на Имп. фарф. заводѣ, стр. 23), корпусу офицеровъ прусскаго кирасирскаго Имени Его Величества полка (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 191 об.), для церкви лейбъ-гвардіи егерскаго полка (тамъ же, л. 254 об.).

194. Изъ немногихъ частныхъ заказовъ могли отличаться художественностью: кн. Голицыной (тамъ же, л. 136, за 1827 г.) и гр. Браницкой (тамъ же, л. 142 об., за 1828 г.).

195. Тамъ же, л. 133 об. Отчетъ по Имп. фарф. зав. за 1834 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 129.

196. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 173.

197. Тамъ же, л.л. 165 об., 229.

198. Въ 1837 г. принято было на заводъ 14 воспитанниковъ С.-Петербургской деревенской экспедиціи: тамъ же, л. 169.

199. Въ 1847 г. были переведены на Имп. фар. заводъ мастеровые упраздненной Петергофской казенной фабрики: тамъ же, л. 212. — Въ 1851 г. были перемѣщены сюда 29 человѣкъ изъ Импер. стекляннаго завода: тамъ же, л.л. 234 об., 235.

200. „Число мастеровыхъ — писалъ Галяминъ — не можетъ быть опредѣлено штатомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано постановленія объ опредѣленіи оныхъ въ разныя части, подвѣдомственныя Кабинету, ибо всѣ мастеровые и дѣти ихъ, принадлежащіе, собственно, заводу, размѣщаются, смотря по ихъ способностямъ, въ разныя части онаго, отъ чего происходитъ, что число мастеровыхъ по всѣмъ почти частямъ годъ отъ году увеличивается и опредѣлено съ точностью ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ". П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 112, л. 28.

201. Тамъ же, оп. 182/348, д. 4, ч. I.

202. О задѣльной платѣ и жалованьѣ, кромѣ штатовъ и отчетовъ, см. также: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 124, 135 об., 153, 172, 205 об., 213 об., 222 об., 227 об., 228, 233.

203. Отчетъ по Имп. фар. зав. за 1834 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 129.

При выработкѣ штатовъ князь Гагаринъ, на основаніи мнѣнія, высказаннаго Галяминымъ, стремился сократить, по возможности, суммы, необходимыя на содержаніе завода. Въ новыхъ штатахъ замѣтна существенная прибавка къ жалованью конторскихъ классныхъ чиновниковъ, но мелкихъ служащихъ оставили при прежнихъ окладахъ. Рабочіе, мастеровые и мастера, въ большинствѣ, остались при прежнихъ нормахъ; въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ содержаніе ихъ было урѣзано, напр., отъ трубочиста отняли 50 р., отъ кузнеца 60 р.: П. О. А. Дв. —оп. 158 320, д. 112.

204. Тамъ же, л. 28, 29.

205. Тамъ же, д. 112.

206. П. О. А. Дв. оп. 211/377, д. 78.

207. 1-я оп. д.д. фар. зав. л. 213 (за 1847 г.).

208. Тамъ же, л. 168 (за 1837 г.).

209. Тамъ же, л.л. 130 об., 132, 139, 141, 146, 161 об., 166 об., 172, 173, 173 об., 177 об., 183, 187 об., 189 об., 194 об., 199 об., 203, 207 об., 213, 218, 222 об., 225, 227 об., 228, 230, 234 об., 245, 245 об., 250 об.

210. Тамъ же, л.л. 154, 187.

211. Тамъ же, л. 190.

212. Тамъ же, л. 188.

213. Тамъ же, л.л. 129, 138 об., 168 об.

214. Тамъ же, л.л. 238 об., 251 об.

215. Тамъ же, л.л. 135 об., 162 об.

216. Тамъ же, л.л. 147 и 224 об.

217. Тамъ же, л.л. 147, 224, 238.

218. Въ 1-й оп. д.д. к-ры Имп. фар. зав. упоминается подъ 1846 и 1851 годами лекарскій помощникъ Александровъ: л.л. 210, 235.

219. О лазаретѣ: П. О. А. Дв.—оп. 211/377, д. 78, л. 111 об.

220. Тамъ же, л. 152 (за 1830 г.).

221. Тамъ же, л.л. 181, 241 об. (за 1840 и 1853 г.г.).

222. Докторъ Бредовъ, который умеръ въ 1852 году. Тамъ же, л.л. 202, 224 об., 237.

223. Тамъ же, л. 166.

224. Тамъ же, л. 196 об.

225. П. О. А. Дв. -оп. 158 320, д. 96, л.л. 1—3.

226. Отчетъ по Импер. фарфор. заводу за 1834 годъ: тамъ же, д. 129.

227. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 128, 148, 151 об., 155 об., 161, 224 об., 229 об., 232 об., 246, 247 об., 257.

228. Тамъ же, л. 191.

229. Тамъ же, л.л. 141, 173. -Всѣ дома въ селеніи завода были застрахованы: тамъ же, л.л. 187, 224 об.

230. Тамъ же, л. 237 (за 1852 г.).

231. Тамъ же, л.л. 233, 257 об.

232. Тамъ же, л. 169 (за 1837 г.).

233. Дѣло о церкви и кладбищѣ фарфороваго завода (1839 г.): П. О. А. Дв.—оп. 163 325, д. 1.

234. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 178 об., 184.

235. Тамъ же, л. 206.

236. Проектъ на перестройку колокольни и исправленіе церкви, состоящей при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, въ С.-Петербургѣ: М. И. З. планы, IV (I), папка 1.

237. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 224 об.

238. О церкви см. еще: тамъ же, л.л. 140 об., 172, 175 об., 206, 224 об., 225, 237.—О кладбищѣ: тамъ же, л.л. 195, 202. Между прочимъ, въ 1843 году воспрещено было погребеніе постороннихъ лицъ на кладбищѣ фарфороваго завода.

239. Полицеймейстеромъ съ 1838 г. былъ штабсъ-капитанъ Фридовскій, а съ 1848—Федоровъ, уволенный въ 1855 г.—О Фридовскомъ: форм. сп. за 1838 г.: П. О. А. Дв. -оп. 158 / 320, д. 152, л.л. 140 и сл. О Федоровѣ: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 216, 220 об., 256 об.

240. Тамъ же, л. 160 об., 207 об. и др.

241. Тамъ же, л.л. 150 об., 257 об.

242. Тамъ же, л. 257 об.

243. Тамъ же, л.л. 231 об., 249 об.

244. Тамъ же, л.л. 155, 168 об.

245. Тамъ же, л.л. 140 об., 235, 235 об., 241 об.

246. Описаніе производства работъ на Имп. фарфор. заводѣ, стр. 15.

247. Тамъ же, стр. 28.—1-я оп. д.д. фар. зав., л. 181 об.—Дѣло объ устройствѣ при Импер. фарф. заводѣ мастерской для обдѣлки бронзою вещей: П. О. А. Дв. -оп. 158 / 320, д. 171.

248. См., напримѣръ, журналъ заводского комитета отъ 11 ян. 1837 г.; между прочимъ, объ уплатѣ мастерамъ Шрейберу, Гереню и Мадерни за бронзовыя и мраморныя украшенія 9.576 р.: тамъ же, д. 109, л. 19.

249. Описаніе производства работъ на Импер. фарфор. заводѣ, стр. 29.

250. Тамъ же.

251. П. О. А. Дв. -оп. 158 320, д. 204.

252. Тамъ же. -1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 208, 213, 218.

253. Тамъ же, л. 225.—Также: П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 204.

254. Рапортъ Галямина кн. Гагарину, 11 іюля 1833: тамъ же, д. 116, л.л. 1, 2.

255. Докладная записка кн. Волконскаго, Высоч. конфирмованная 15 авг. 1833, объ устройствѣ гончарнаго заведенія на мѣстѣ С.-Петербургскихъ кирпичныхъ заводовъ: тамъ же, оп. 352 / 1343, кн. 99, л. 253. — См. еще: тамъ же, оп. 158 / 320, д. 116, л. 15; д. 132, ч. 2.

256. С.-Петербургскія Вѣдомости за 1834 г., 24, 25, 27 и 29 іюля. -П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 116, л.л. 217, 227.

257. Высоч. утвержд. 23 окт. 1816 г. штатное положеніе по вновь учрежденному гончарному заводу, принадлежащему къ Императорскимъ кирпичнымъ заводамъ: тамъ же, л. 63. -Именной списокъ состоящимъ при гончарномъ казенномъ заводѣ чиновникамъ, мастеровымъ, инвалидамъ и проч. людямъ, 1833 г.: тамъ же, л. 58.

258. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 166 об., 170, 173 об., 174, 180, 180 об., 185, 188, 189.

259. Дѣло о передачѣ гончарнаго заведенія въ вѣдѣніе Каб-та Е. И. В.: П. О. А. Дв.—оп. 341 501, д. 77. —Дѣло о присоединеніи гончарнаго заведенія особымъ отдѣленіемъ къ Императорскому фарфоровому заводу: тамъ же, оп. 158 / 320, д. 149, ч. 3.

260. Тамъ же, оп. 158/320, д. 149, л. 25.

261. Тамъ же, л. 46.

262. Тамъ же, л.л. 92, 104.

263. Тамъ же, л.л. 107, 159.

264. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 188 (за 1841 г.): „дѣло объ уничтоженіи дѣйствій по гончарному отдѣленію и о сбытѣ имущества онаго продажею, а равно объ отдачѣ онаго въ арендное содержаніе". —О гончарномъ отдѣленіи упоминается въ той же описи еще подъ 1842 г., л. 189 См. также: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 149, л. 264 об. и д. 197.

265. Дѣло по предложенію англичанина Абингтона объ устройствѣ особаго отдѣленія при фарфоровомъ заводѣ для производства фаянсовыхъ издѣлій: тамъ же, д. 245.

266. Литература о Кіево-Межигорской фаянсовой фабрикѣ указана въ книгѣ А. В. Селиванова: Фарфоръ и фаянсъ Россійской Имперіи, на стр. 133. Насколько литература эта неудовлетворительна, можно судить хотя бы по тому, что Селивановъ на основаніи ея не имѣлъ возможности дать не только полныхъ, но и вѣрныхъ свѣдѣній о фабрикѣ.

267. Именной указъ, данный Сенату, о заведеніи и содержаніи фаянсовой фабрики и о бытіи оной въ управленіи кіевской городской думы подъ особымъ присмотромъ кіевскаго генералъ-губернатора.—П. С. З. —изд. 1-е, т. XXV, № 18.571.

268. П. С. З.—изд. 1-е, т. XXVII, № 20.791.—См. также: дѣло о разныхъ предметахъ по Кіево-Межигорской фаянсовой фабрикѣ, за 1803 годъ: П. О. А. Дв.—оп. 213/396, д.д. 7 и 12.

269. Ближайшій надзоръ за фабрикой лежалъ до 1810 года на обязанности членовъ магистрата: П. С. З.—изд. 1-е, т. XXXVII, № 28.878.

270. Тамъ же, т. XXX, № 23.551; т. XXXII, № 25.495.

271. Вѣдомости о мануфактурахъ въ Россіи за 1812 годъ, Спб. 1812 г.—Тоже, за 1813 и 1814 г.г., Спб. 1816 г.

272. Дѣло о передачѣ Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики въ вѣдѣніе Кабинета (1811): П. О. А. Дв. -оп. 213 396, д. 31. — Указъ именной, данный Сенату, о передачѣ Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики въ вѣдѣніе Кабинета Е. И. В.: П. С. З.—изд. 1-е, т. XXXVIII, № 28.878.—Дѣло о пріемѣ въ Кабинетъ Е. И. В. капитала и крестьянъ Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики (1822): П. О. А. Дв.—оп. 213 396, д. 34.

273. Тамъ же. См. также: дѣло о возвратѣ г. Кіеву суммъ, употребленныхъ на устройство Кіево-Межигорской фабрики (1824): П. О. А. Дв. — оп. 173/346, д. 1; оп. 213 396, д. 92 (1832 г.).

274. Описаніе первой выставки мануфактурныхъ издѣлій, бывшей въ С.-Петербургѣ 1829 г. Спб. 1829 г.—Указатель произведеній отечественной промышленности, находящихся на выставкѣ 1833 г. въ С.-Петербургѣ. Спб. 1833.—Указатель произведеній отечественной промышленности, находящихся на выставкѣ 1835 г. въ Москвѣ. Москва 1835.

275. Въ 1-й оп. д.д. фар. зав. подъ 1827 г. (л. 134) отмѣчено дѣло: „Свѣдѣніе о смерти живописца Маркелова, находившагося на Кіево-Межигорской фабрикѣ".

276. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 197 об.

277. Дѣло о составленіи новаго штата и положенія Кіево-Межигорской фабрики: П. О. А. Дв. — оп. 151/320, д. 191. Дѣло о вновь Высочайше утвержденномъ штатѣ Кіево-Межигорской фабрики (1844): тамъ же, оп. 13/200, д. 5. — Высочайше утвержденный штатъ Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики, 2 мар. 1844 г.: П. С. З.—изд. 2-е, т. XIX, № 17.687.

278. О сношеніяхъ Императорскаго фарфороваго завода съ Кіево-Межигорскою фабрикою: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 214, 221, 223, 224, 233 об., 237 об., 239, 243 об., 252.

279. Объ этомъ см. напримѣръ: тамъ же, л.л. 223, 237 об.

280. Въ музеѣ Имп. фарфороваго и стекляннаго заводовъ имѣются два тождественные небольшіе бисквитные бюсты, исполненные на Кіево-Межигорской фабрикѣ. Бюсты выдаются весьма тонкой работой и различаются другъ отъ друга только качествами бисквитовъ, отличныхъ притомъ отъ бисквитовъ всѣхъ извѣстныхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ фабрикъ и заводовъ: масса одного мелкозерниста, но не чисто бѣлаго, а сѣровато-голубоватаго цвѣта, очень мягкаго и пріятнаго оттѣнка; масса второго — грязновато-желтоватаго оттѣнка, съ болѣе крупнымъ зерномъ и съ блестками кристаллическаго строенія на поверхности бисквита.

281. Дѣло о преобразованіи Кіево-Межигорской фаянсовой фабрики, въ 2-хъ частяхъ (1853): П. О. А. Дв. — оп. 173/346, д.д. 4 и 5.

282. Въ отчетѣ за 1834 г. (П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 129), при описаніи сдѣланныхъ въ томъ году улучшеній и нововведеній, упоминается, между прочимъ, что были „сдѣланы опыты составу новой фарфоровой массы изъ однихъ россійскихъ матеріаловъ безъ примѣси французской глины и оказались годными къ употребленію съ пользою на разные предметы". Это мѣсто отчета можетъ вызвать мысль, что французская глина введена была въ производство раньше 1834 г., быть можетъ, еще въ царствованіе Императора Александра I, когда на Императорскій фарфоровый заводъ были приглашены французскіе мастера. Такое предположеніе однако опровергается отсутствіемъ упоминанія за эти годы о французской глинѣ въ сохранившихся документахъ, въ особенности, молчаніемъ 1-й описи дѣл. конторы Императорскаго фарфороваго завода, въ которой о выпискѣ французской глины упоминается въ первый разъ подъ 1836 г. (л. 163 об.), между тѣмъ до 1836 г. говорится исключительно о глуховской глинѣ (л.л. 124 об., 134 об., 147, 162 об., за 1825 — 1836 г.г.). Съ 1836 г. выписывались оба рода глинъ — и французская и глуховская. (О глуховской глинѣ: л.л. 166 об., 170 об., 191 об., 214 об., 228 об.; о французской глинѣ: тамъ же, л.л. 166 об., 175 об., 182 об., 189, 202, 214 об., 223 об., 225 об., 228 об., 252 об.). Въ виду такихъ обстоятельствъ введеніе французской глины въ производство Императорскаго фарфороваго завода является несомнѣннымъ съ 1836 г. Указанное же мѣсто отчета 1834 г. можно понимать въ томъ смыслѣ, что въ 1834 г. производились опыты составленія новаго тѣста по французскимъ образцамъ, но изъ мѣстныхъ матеріаловъ.

283. Описаніе производства работъ на Имп. фар. зав., стр. 6 — 7.

284. 1-я оп. д.д. фар. зав. л.л. 200, 205 об.

285. Тамъ же, л.л. 145, 168 об.

286. Тамъ же, л. 182.

287. Опыты съ екатеринбургской глиной производились еще въ 1836 г. (1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 162 об., 167. — П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 141, л. 1). Относительно результатовъ испытанія среди администраціи заводовъ возникли разногласія. На основаніи заключенія кн. Грузинскаго (тамъ же, л. 22.), изъ Екатеринбургскихъ заводовъ была доставлена глина на Императорскій фарфоровый заводъ въ 1836, 1839 и 1840 г.г. (тамъ же, л. 35. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 219 об.). Въ началѣ 1839 г. Галяминъ рапортовалъ кн. Гагарину (П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 141, л. 41.), что глины и каолинъ, доставленные съ Екатеринбургскихъ заводовъ, по испытаніи, оказались съ большой примѣсью бѣлаго песку и ни на какое употребленіе на заводѣ негодными. Вслѣдствіе сего 15 іюля 1840 г. послѣдовало распоряженіе о прекращеніи добычи каолина на Екатеринбургскихъ заводахъ (тамъ же, л. 58). Несмотря на это, въ 1842 г. екатеринбургскій каолинъ снова былъ выписанъ на Импер. заводъ (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 191 об.), и выписка его повторилась въ 1855 г. (тамъ же, л. 257 об.).

288. Тамъ же, л. 181 об.

289. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. заводѣ, стр. 6.

290. Дѣло объ устройствѣ на заводѣ паровой машины для молки фарфоровой массы и пр. (1834—1836 г.г.): П. О. А. Дв. —оп. 158 320, д. 127.

291. Дѣло объ устройствѣ машины для приготовленія фарфоровой массы, а также каменнаго зданія для помѣщенія оной (1853 г.): тамъ же, оп. 178/340, д. 15. — По предложенію гр. Перовскаго директоръ Императорскаго фарфороваго завода сносился съ русскими агентами въ Лондонѣ и Парижѣ; изъ нихъ парижскій агентъ Бутовскій прислалъ планъ машины для размолки фарфоровой массы (тамъ же, л.л. 6 и 313 об.).

Въ 1854 г. подрядъ за 11.835 р. былъ сданъ С.-Петербургскому гальванопластическому и литейному заведенію: тамъ же, л. 101.

292. Тамъ же, л. 313 об.

293. Тамъ же, л. 451.

294. Описаніе производства работъ на Импер. фарфор. зав., стр. 7.

295. Тамъ же. Еще: П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 127.

296. Дѣло о выписанной изъ Франціи машинѣ для сушки фарфоровой массы (1834—1835 г.г.): П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 135.

297. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 177 (за 1839 г.).

298. Тамъ же, л.л. 177, 181.

299. Тамъ же, л. 128.—П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 129: отчетъ за 1834 г.

300. Тамъ же, оп. 163 325, д. 42. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 247.

301. Pâte de Paros въ документахъ описывается такимъ образомъ: „Нѣчто въ родѣ бисквита, но отличается слабой пластичностью, цвѣтомъ желтѣе и болѣе походитъ на мраморъ, удобнѣе плавится и отъ дѣйствія огня безъ всякой глазури принимаетъ лоскъ, котораго не имѣетъ фарфоровый бисквитъ". Въ этомъ описаніи нельзя не узнать изобрѣтеннаго въ 1848 г. въ Англіи паріана, хотя приведенные документы и говорятъ о pâte de Paros какъ о французскомъ изобрѣтеніи.

302. Приложеніе № 37.

303. По анализу Salvetat. См. G. V o g t. La porcelaine, стр. 147.

304. Бисквитъ цвѣтовъ Иванова по анализу, произведенному въ 1904 г. въ лабораторіи Императорскихъ заводовъ, содержитъ: SiO_2 —77, 1%, $Al_2O_3 + Fe_2O_5$ —10,4%, CaO—13,5%. Такому анализу соотвѣтствовала бы масса, составленная изъ 41,4 части каолина, 50,0 ч. кварца и 24,1 ч. мѣла.

305. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. заводѣ, стр. 7 — 8. — О выпискѣ вытегорской глины: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 125, 128, 128 об., 132 об., 146 об., 153, 176 об., 182, 184, 187 об., 189, 194, 201 об., 208. О выпискѣ Андомской глины: тамъ же, л.л. 146 об., 171, 182, 184, 187 об., 189, 194, 201 об., 208, 253.

306. Тамъ же, л. 167 об. (за 1837 г.).

307. Описаніе производства работъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, стр. 9—10.

308. Тамъ же, стр. 10.

309. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 212, л. 7 (1846—1847 г.г.). 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 212 об. (1847).

310. Тамъ же, л. 172 об.

311. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 185.

312. Отчетъ по Импер. фар. зав. за 1834 г.: тамъ же, д. 129.

313. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. зав., стр. 10.

314. Тамъ же, стр. 11.

315. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 252 об.—Въ 1825 г. производилось испытаніе „горнаго мѣла", присланнаго департаментомъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ: тамъ же, л. 124. об.

316. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. зав., стр. 11.

317. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 217.

318. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. заводѣ, стр. 12—14.

319. Тамъ же, стр. 8.

320. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 129.

321. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 132 об., 140 (1827 и 1828 г.г.).

322. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. зав., стр. 12.

323. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 163, 175, 181, 223, 224 об., 227, 238 об., 244 об., 251, 252 об., 254 об.

324. Тамъ же, л. 112.—Галяминъ при помощи Дарта составилъ смѣты на постройку трехъ горновъ, насоса для провода воды въ мастерскія, вѣтряной мельницы и подваловъ для храненія массы, въ суммѣ 20.000 руб. сер. — Рапортъ Галямина въ Каб. Е. И. В. и разрѣшеніе Каб-та, 26 фев. 1845: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 200, л. 9 об.

325. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 247.

326. П. О. А. Дв.—оп. 178/340, д. 29.

327. 1-я оп. д.д. фар. зав.: л. 175.

328. Тамъ же, л. 187. — П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 174.

329. Приложеніе № 35. Въ 1847 г. печатныя доски были отосланы на Кіево-Межигорскую фаянсовую фабрику. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 233.

330. Въ 1828 г. велась переписка съ профессоромъ Фуке изъ Парижа (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 139), въ 1853 г. химикъ Деппингъ предлагалъ способъ наводить бирюзовую краску на фарфоръ (П. О. А. Дв. оп. 163/325, д. 59), въ 1844 испробовали по предложенію посторонняго лица живопись на вулканическомъ камнѣ (тамъ же, оп. 158/320, д. 198).

331. „Приготовленіе всѣхъ вообще красокъ для живописи по фарфору. Сими красками были уже вытѣнены лучшими художниками значительныя произведенія на вазахъ и мелкихъ вещахъ". Отчетъ за 1834 г.: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 129.

332. Описаніе производства работъ на Импер. фар. заводѣ, стр. 14.

333. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 225 об.

334. Тамъ же, л.л. 138 об., 152, 153, 171 об., 178 об., 181 об., 205, 210.

335. Тамъ же, л. 175 об.

336. П. О. А. Дв.—оп. 163/325, д. 54.

337. Въ сервизныхъ кладовыхъ московскаго Кремлевскаго дворца имѣются сервизы времени Императора Николая I и позднѣйшія къ нимъ додѣлки. Позолота лучше всего сохранилась на оригинальныхъ вещахъ, тогда какъ на додѣлкахъ, особенно времени Императора Александра II, она значительно истерлась.

338. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 222 об. (1849 г.). — П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 82 (приложеніе № 36.).

339. П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 129.

340. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 227, 244 об., 251, 252 об., 254 об.

341. Описаніе производства работъ на Импер. фарф. зав., стр. 15.

342. Тамъ же, стр. 6, 7, 8, 10, 12, 15.

343. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 220.

344. Дѣло объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ, съ Высочайшаго соизволенія, выставки мануфактурныхъ произведеній: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 82.

345. Реестръ фарфоровымъ вещамъ, назначеннымъ къ публичной выставкѣ, 15 мая 1829: тамъ же, л. 17 и сл.

346. Сообщая объ этомъ фактѣ, министръ финансовъ Канкринъ писалъ: „Издѣлія сіи, каждое по своему роду, заслужили весьма лестныхъ отзывовъ знатоковъ, приглашенныхъ мануфактурнымъ совѣтомъ для сужденія объ оныхъ и признаны всѣми достойными особеннаго вниманія". — Письмо Канкрина къ кн. Волконскому, 18 іюля 1829: тамъ же, л. 29.

347. Выписка изъ отзывовъ экспертовъ: тамъ же, л. 30.

348. Указатель произведеній отечественной промышленности, находящихся на выставкѣ 1833 г. въ С.-Петербургѣ. Спб. 1833. стр. 86—87.

349. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 175.—Указатель выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій, бывшей въ С.-Петербургѣ въ 1839 г. Спб. 1839. Стр. 115.

350. П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 240. — Обозрѣніе выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ С.-Петербургѣ въ 1849 г. Спб. 1850. (А. Максимовичъ). Стр. 360—361.

351. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 197.—П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 183.

352. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 247.

353. Напр., на выставку 1843 г. послано было экспонатовъ всего на 3.083 р. 50 к. сер.: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 183, л. 33.

354. Обозрѣніе выставки россійскихъ мануфактурныхъ издѣлій въ С.-Петербургѣ въ 1849 г. Стр. 360—361.

355. Въ 1904 г. ваза находилась въ музеѣ Импер. фарф. и стекл. заводовъ.

356. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 240.

357. Дипломъ хранится въ конторѣ Импер. фарф. и стекл. заводовъ.

358. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 239 и об.

359. Тамъ же, л. 167.

360. Тамъ же, л. 181.—Дѣло о публичной выставкѣ заводскихъ издѣлій въ 1838 г. на заводѣ: П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 154.

361. „Успѣхъ этой выставки, по устройству своему обратившей особенное вниманіе посѣтителей, превзошелъ всякое ожиданіе; ибо, не взирая на новость таковаго учрежденія, отсутствіе большей части высшаго сословія изъ С.-Петербурга и на отдаленность фарфороваго завода отъ города, сбытъ издѣлій былъ весьма значителенъ. Общій голосъ о достоинствѣ бывшихъ на выставкѣ издѣлій въ полной мѣрѣ клонился къ славѣ заводовъ и отозвался самымъ лестнымъ для нихъ образомъ въ главныхъ С.-Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ и даже въ иностранной газетѣ (Journal de Francfort)". Докладъ камергера Селявина министру Двора, 3 окт. 1838: тамъ же, л. 39. Втеченіе выставки было продано издѣлій на 17.966 р. 35 к. ас., между тѣмъ въ томъ же году съ 1 янв. по 17 авг. продано издѣлій только на 14.682 р. 41 к. ас. Тамъ же, л. 8.

362. Предписаніе Каб. Е. И. В. директору фарф. завода, 9 окт. 1838 г.: тамъ же, л. 42.

363. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 177 об.

364. Для вписыванія именъ высокихъ посѣтителей Импер. фарф. завода въ 1838 г. была заведена особая книга. За разсматриваемый періодъ находятся въ книгѣ слѣдующія имена: 22 апр. 1838 г.: Константинъ, 24 іюня 1841: Charles Frédéric grand duc de Saxe, Charles Alexandre grand duc héréditaire de Saxe, 8 мар. 1844 г.: Frédéric Guillaume prince de Hesse, 6 мар. 1845 г.: Николай (Николаевичъ), Михаилъ, 27 янв. 1854 г.: Pauline d-sse de Nassau, Sophie princesse de Nassau.

365. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 202 об. — П. О. А. Дв. оп. 178/340, д. 2: дѣло о составленіи полнаго собранія издѣлій завода и пр. — Довольно подробное описаніе заводского музея въ томъ видѣ, какъ онъ находился въ 1844 г.: Описаніе производства работъ на Импер. фар. зав. Стр. 18—25.

366. П. О. А. Дв.—оп. 171 340, д. 2.

367. Напримѣръ, Галяминъ, когда ѣздилъ за границу лѣчиться, пріобрѣлъ тамъ образцовыя вещи: П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 223.

368. Дѣло о вещахъ, доставленныхъ при отношеніи россійскаго генеральнаго консула въ Гамбургѣ Бахерахта для образцовъ по фарфоровому заводу: тамъ же, оп. 158 320, д. 233.

369. Такъ напр., вещи, пріобрѣтенныя за границей Галяминымъ, состояли въ „рисункахъ, пейзажахъ, орнаментахъ, различной посудѣ и особенно значительномъ собраніи гипсовыхъ моделей историческаго и жанроваго содержанія". См. примѣч. 367. — Въ 1848 г. Каб. Е. И. В. препроводилъ на фарфоровый заводъ экземпляръ издававшагося флигель-адъютантомъ кн. Гагаринымъ сочиненія: „Le Caucase pittoresque" и изданіе „Древности Государства Россійскаго". Тамъ же, оп. 158 320, д. 229.

370. См. H. Havard et M. Vachon. Les manufactures nationales. Paris 1889. Стр. 515.

371. Тамъ же, стр. 514—515.

372. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, сохранившіеся въ библіотекѣ Императорскихъ заводовъ проекты и рисунки, подписанные кн. Волконскимъ. Напр., № 165—3, 4, 5, и друг.

373. Тамъ же, № 470—104 и др.

374. Тамъ же, №№ 259—11 и др., 470—50, 63 и др.

375. Сохранившіеся документы объ участіи управляющихъ Импер. заводами въ направленіи художественной дѣятельности Императорскаго фарфороваго завода молчатъ.

376. Документальныя данныя крайне отрывочны и сохранились часто только въ однихъ заглавіяхъ дѣлъ въ описяхъ дѣлъ к-ры Имп. фар. зав.

377. Значительное количество оригинальныхъ чертежей, рисунковъ, проектовъ, картинъ, исполненныхъ карандашемъ, акварельными и масляными красками, сохранилось частью въ музеѣ и библіотекѣ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, частью же въ Петерб. отдѣленіи Общ. Архива Мин. Им. Двора, наприм., по опис.: 407 1456, д.д. 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248. На многихъ изданіяхъ (книгахъ, литографіяхъ, гравюрахъ, олеографіяхъ), хранящихся въ библіотекѣ Имп. заводовъ, сохранились различныя отмѣтки, показывающія, какимъ образомъ эти изданія были использованы.

378. Старыхъ моделей на заводѣ сохранилось немного, такъ какъ значительная часть ихъ погибла во время бывшаго въ помѣщеніи модельмейстерской пожара, въ 1894 г.

379. Изданіями Hamilton'a, Roux и др.

380. См. вторую половину примѣчанія 369.

381. Многія сохранились въ музеѣ и библіотекѣ Импер. заводовъ. Многочисленны также упоминанія въ документахъ: напр. въ 1-й оп. д.д. фар. зав., л.л. 140 об., 235 об., 247 об. и др.—П. О. А. Дв. оп. 163/325, д.д. 2 и др.

382. Сохранились въ музеѣ и библіотекѣ Импер. заводовъ. Часто упоминаются въ документахъ: напр. въ 1-й оп. д.д. фар. зав., л.л. 208 об., 214, 227 об.

383. Тамъ же, л. 233 об.—П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 223.

384. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 139 об., 165 об., 188, 207, 216, 233 и др. - П. О. А. Дв. оп. 158/320, д.д. 223, 233 и др. — Интересенъ полный гарнитуръ вазъ и канделябръ въ гостиной Ея Императорскаго Величества собственной половины Большого Кремлевскаго дворца, въ Москвѣ, исполненныхъ въ pendant къ севрской жардиньеркѣ, находящейся въ той же комнатѣ.

385. Напр., при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ были пополнены орденскіе сервизы, исполненные по заказу Императрицы Екатерины II заводомъ Гарднера: Н. Спиліоти, фарфоръ и фаянсъ на Исторической выставкѣ предметовъ искусства въ С.-Петербургѣ: Худ. Сокр. Россіи, годъ IV, № 6, 7, 8.

386. Напримѣръ, былъ пополненъ сервизъ съ трельяжемъ, времени Императрицы Елисаветы Петровны. На нѣкоторыхъ предметахъ помѣщена поддѣльная марка времени Императрицы Елисаветы, на другихъ предметахъ находится марка времени Императора Николая I.

387. Двѣ другія египетскія вазы въ 1904 году находились въ Таврическомъ дворцѣ.

388. Объ этомъ свидѣтельствуютъ различные рисунки вазъ, сервизовъ и пр., исполненные различными мастерами и подмастерьями, хранящіеся теперь въ П. О. А. Дв. — оп. 407/1456, д.д. 247, 248 и др.

389. Рисунки Дудина сохраняются въ П. О. А. Дв. — оп. 407 1456, д.д. 247, 248.

390. Рисунки Новикова сохраняются въ музеѣ Имп. фар и стекл. зав.: № 259 и др.

Александръ Новиковъ воспитывался въ Академіи Художествъ, но былъ исключенъ изъ миніатюрнаго класса въ числѣ другихъ за худое поведеніе. - Петровъ, Сборникъ матеріаловъ, т. 2, стр. 28.

391. Рисунки Будэ въ биб. Им. зав., № 187.

392. Рисунки Босэ въ библіотекѣ Имп. фар. и стекл. зав., подъ № 469

393. Тамъ же, № 588 -1, 2 и 470—79.

394. Тамъ же, № 165.

395. Для приданагo В. К. Александры Николаевны сдѣланъ былъ письменный шкафъ съ фарфоровами пластами, стоимостью въ 1.205 р.: П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 192, л. 147.—Въ 1847 г. сдѣланы украшенія къ дверямъ „розовой" гостиной Зимняго дв.: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 212 об. — Въ томъ же году сдѣланы фарфоровые пласты для дверей Царскосельскаго дв.: тамъ же, л. 214 об. — Въ 1849 г. исполнены медальоны для церковной утвари въ Мраморный и Стрѣльнинскій дворцы: тамъ же, л. 225 об. — Въ 1851 г. исполнены украшенія для мебели Оріандскаго дв.: тамъ же, л. 232 и об.

396. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 127 об.

397. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 170. — Библіотека Имп. фар зав. и стекл. зав., № 165—1, 2, 3, 4, 5, 6.

398. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 188.— О севрскомъ голубомъ сервизѣ съ камеями, заказанномъ Императрицею Екатериною II, см. Худож. Сокр. Россіи, годъ IV, № 6, 7, 8, стр. 115, 139.

399. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 197.

400. Тамъ же. л. 200.

401. Тамъ же, л. 211 об.

402. Тамъ же, л. 244.

403. Акварели Босэ, по которымъ расписаны вещи чайнаго и кофейнаго петергофскаго сервиза, сохраняются въ библіотекѣ Имп. фар. и стекл. зав., № 469.

Изъ другихъ сервизовъ, о времени исполненія которыхъ имѣются въ документахъ точныя даты, можно еще указать на слѣдующіе: въ 1827 г.: сервизъ для Сельскаго Домика въ Петергофѣ (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 132), сервизъ для Импер. дворца въ Варшавѣ (тамъ же, л. 133), сервизъ для Высоч. Двора на 20 персонъ (тамъ же, л.л. 133 об., 134.); въ 1828 г.: сервизъ для Гатчинскаго дв. (тамъ же, л. 141), въ 1829 году: сервизъ для департамента Удѣловъ (тамъ же, л. 146); въ 1830 г.: тарелки и блюда для собственнаго Е. И. В. дворца (тамъ же, л. 152); въ 1834 г. различныя сервизныя вещи для подарковъ турецкому султану (П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 126, л.л. 52 и сл.; приложеніе № 36.); въ началѣ сороковыхъ годовъ: столовый бирюзовый сервизъ для приданагo В. К. Александры Николаевны (П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 192, л. 89); въ 1844 г.: столовый и десертный сервизы на 30 персонъ для ландграфа гессенскаго (тамъ же, л. 200 об.); въ 1845 — 6 г.: различныя сервизныя вещи для дворца Наслѣдника Цесаревича (тамъ же, л. 204); въ 1847 г.: сервизъ на 24 куверта для Государыни Императрицы по саксонскому образцу (тамъ же, л. 211 об.); въ 1848 г.: сервизъ на 40 персонъ для Придворной конторы (тамъ же, л. 219 об.); въ 1849 г.: сервизъ для яхты „Волна" (тамъ же, л. 223); въ 1850 г.: сервизъ для яхты „Королева Викторія" (тамъ же, л. 229; проектъ сервиза работы Новикова — въ библіотекѣ Имп. фар. и стекл. зав., № 259/12 и др.); въ 1851 г.: синій съ золотомъ сервизъ въ Гатчинскій дв. (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 234 об.).

404. Особенно много и почти безпрерывно втеченіе всего разсматриваемаго періода изготовлялось тарелокъ съ военными

фигурами. О нихъ упоминается въ 1-й оп. д.д. фар. зав., подъ различными годами: л.л. 141, 145, 155 об., 174, 181 об., 185, 189 об., 196 об.

405. Таковы, напр., вещи изъ кофейнаго сервиза, по утвержденному въ 1848 г. проекту Новикова, гдѣ нѣкоторыя формы заимствованы изъ альбомовъ Гаттенбергера: Библіотека Имп. фар. и стекл. зав., № 259/13.

406. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 138 об. — П. О. А. Дв. — оп. 158 320, д. 76, л. 87.

407. Тамъ же, д. 82, л. 7.

408. Тамъ же, д. 150, л. 349.

409. Въ 1826 г.: двѣ вазы, подаренныя кн. Ливенъ (1-я оп. д.д. фар. зав. л. 128 об.), двѣ вазы, поднесенныя принцу мекленбургскому, формы „фюзо" съ фигурною живописью (П. О. А. Дв. — оп. 550, д. 459, л. 1), двѣ вазы, поднесенныя эрцгерцогу Фердинанду австрійскому, формы „бандо" съ ландшафтами (тамъ же, л. 11); въ 1827 г.: четыре вазы для кн. Ливенъ (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 132 об.); въ 1828 г.: „лощатая" ваза съ портретомъ Наслѣдника (тамъ же, л. 140 об.); въ 1830 г.: ваза, поднесенная французскому королю (тамъ же, л. 151), вазы, подаренныя кн. Юсупову (тамъ же, л. 151 об.), двѣ вазы для ванной комнаты Императрицы (тамъ же), ваза „египетская" (тамъ же, л. 152), двѣ вазы, подаренныя шведскому принцу Оскару (тамъ же, л. 154 об.), „этрускія" вазы, сдѣланныя по заказу Каб-та Е. И. В. (тамъ же, л. 155); въ 1834 г.: двѣ большихъ вазы „медицисъ" синія съ золотомъ, одна ваза такой же формы съ портретомъ Государя Императора и такая же ваза съ портретомъ Государыни Императрицы, двѣ вазы „фюзо" синихъ съ золотомъ, двѣ вазы прорѣзныхъ съ цвѣточной живописью, двѣ вазы „волютъ" зеленыя съ золотомъ, отправленныя въ подарокъ турецкому султану (П. О. А. Дв. — оп. 158/320, д. 126, л.л. 52 и сл.); въ 1836 и сл. г.г.: для приданаго В. К. Ольги Николаевны: двѣ пары вазъ „бандо" съ фигурною живописью, пара вазъ „медицисъ" съ ландшафтами и пара такихъ же вазъ съ купидонами, пара вазъ „бандо" съ живописью съ эрмитажныхъ картинъ (тамъ же, д. 192, л. 142); для приданаго В. К. Александры Николаевны: двѣ вазы формы „медицисъ" съ пейзажной живописью, двѣ вазы такой же формы съ фигурною живописью (тамъ же, л. 147). Изъ числа вазъ, изготовленныхъ для приданаго Вел. Княжнамъ, нѣкоторыя были потомъ подарены другимъ лицамъ: напр., двѣ „яйцеобразныя" вазы голубыя съ цвѣточною живописью подарены оберъ-церемоніймейстеру гр. Воронцову-Дашкову (тамъ же, л. 142), двѣ вазы „бандо" съ головками Греза — В. К. Михаилу Павловичу (тамъ же, л. 147), двѣ вазы бирюзовыя такой же формы съ фигурной живописью — В. Княжнѣ Елисаветѣ Михайловнѣ (тамъ же, л. 147), двѣ вазы „бандо", золотой грунтъ съ пейзажной живописью принцу Гессенъ-Кассельскому (тамъ же). Въ 1842 г.: двѣ вазы для гр. Паскевича Эриванскаго съ изображеніемъ штурма Карса и Ахалцыха (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 189), ваза, изготовленная въ подарокъ корпусу офицеровъ прусскаго кирасирскаго Имени Его Величества полка (тамъ же, л. 191 об.); въ 1843 г.: ваза „медицисъ", изготовленная по Высоч. повелѣнію съ копіей картины Верне, изображающей Наполеона верхомъ (тамъ же, л. 196 об.), ваза въ подарокъ флигель-адъютанту прусскаго короля, маіору Рейценштейну, съ портретами покойнаго и царствующаго прусскихъ королей (тамъ же, л. 197); въ 1844 г.: ваза для англійской королевы (тамъ же, л. 201 об.); въ 1847 г.: китайскія и японскія вазы для дворцовъ (тамъ же, л. 211 об.), ваза съ морскими видами для начальника Портсмутскаго порта (тамъ же, л. 212); въ 1853 г.: китайскія и японскія вазы для Царскосельскаго и Гатчинскаго дв. (тамъ же, л. 245).

410. Рапортъ Комарова въ Каб-тъ Е. И. В., 27 дек. 1827: П. О. А. Дв. оп. 158 320, д. 76, л. 52.

411. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 207.

412. Тамъ же, л. 210 об.

413. Тамъ же, л. 212 об.

414. Тамъ же, л. 213.

415. Тамъ же, л. 206.

416. Тамъ же, л. 213 об.

417. Тамъ же, л. 254 об.

418. Тамъ же, л. 200 об.

419. Тамъ же, л. 207.

420. Тамъ же, л. 225.

421. Тамъ же, л. 220.

422. Тамъ же, л. 228.

423. Тамъ же, л. 230 об.

424. Тамъ же, л. 246.

425. Въ документахъ упоминаются „готическіе" часы для дачи Александріи, сдѣланные въ 1830 г. (тамъ же, л. 151 об.), и каминные часы „рококо" въ уборную Государыни, сдѣланные въ 1846 г. (тамъ же, л. 207).

426. Въ документахъ упоминаются столы, сдѣланные въ 1847 г. съ видами Палермо (тамъ же, л. 213 об.) и въ 1848 г.— два стола съ италіанскими видами (тамъ же, л. 219 об.).

427. На нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются подписи живописцевъ вмѣстѣ съ датами.

428. Кромѣ того упоминаются въ 1843 году — люстры въ „китайскую" комнату Царскосельскаго дв. (1-я оп. д.д. фар. зав., л. 196 об.), въ 1844 году — канделябры для дворца В. К. Маріи Николаевны (тамъ же, л. 200 об.), въ 1846 г. — люстры въ кабинетъ Царскосельскаго дв. (тамъ же, л. 209), канделябры въ „малиновую" комнату Зимняго дв. (тамъ же, л. 207), въ 1849 г. — два канделябра для Царскаго Села (тамъ же, л. 219 об.), въ 1854 г. люстры въ китайскомъ вкусѣ для арсенальнаго каре въ Гатчинскомъ дв. (тамъ же, л. 249).

429. Въ 1827 году исполнены два пьедестала для Зимняго дв. (тамъ же, л. 132), въ 1850 г. -два табурета для В. Кн. Александры Іосифовны (тамъ же, л. 230).

430. Въ документахъ упоминаются между прочимъ: подъ 1829 г.—три горшка для Елагиноостровскаго дворца (тамъ же, л. 148 об.), подъ 1838 горшки для Зимняго дв. (тамъ же, л. 172 об.); подъ 1847—цвѣточница для В. Кн. Маріи Павловны (тамъ же, л. 214).

431. П. О. А. Дв. оп. 158/320, д. 126, л.л. 52 и сл.

432. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 125 об., 254 об.

433. Напр., въ 1827 г. исполнено было 12 бадеекъ для Царскаго Села: тамъ же, л. 133 об.

434. Тамъ же, л. 226.

435. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 239 об.

436. Тамъ же, л.л. 135 об., 140 об., 166 об., 170 об., 177 об., 183, 239 об., 240.—П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 82, л. 11.

437. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 247.

438. Тамъ же, л. 171.

439. Тамъ же, л.л. 153 об.

440. Тамъ же, л.л. 249, 256 об. - П. О. А. Дв. - оп. 163 325, д. 2.

441. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. л. 215, 224, 235 об.

442. Тамъ же, л.л. 153 об., 172.

443. О выборѣ картинъ см. въ дѣлѣ о картинахъ, находящихся на Импер. фарф. зав. для снятія копій на фарфорѣ: П. О. А. Дв. -оп. 163 325, д. 2.— Также: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 145 об., 153, 166, 196 об.

444. П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 185, л. 5.

445. На это указываютъ какъ черты лица Императора, такъ и 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 153.

446. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 141, 145, 155 об., 174 об., 181 об.

447. Въ дѣлѣ о картинахъ, находившихся на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ съ 1846 по 1852 г., упоминаются, между прочимъ, 13 картинъ Ладюрнера съ изображеніями полковъ: П. О. А. Дв.—оп. 163/325, д. 2, л. 3.

448. Въ 1829 году были изготовлены тарелки „съ русскими костюмами" для русскаго посланника въ Берлинѣ Алопеуса: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 145.

449. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 151.

450. Тамъ же, л. 152.

451. Тамъ же, л. 181.

452. Тамъ же, л. 171 об.

453. П. О. А. Дв. —оп. 158 320, д. 183, л. 13.

454. Интересно слѣдующее свидѣтельство современныхъ документовъ: „Ея Высочество Вел. Княжна Александра Николаевна желаетъ, чтобы.... голубой цвѣтъ [на вещахъ, сдѣланныхъ ей въ приданое] былъ не такъ сѣроватъ, а настоящій голубой севрскій (бирюзовый французскій), какъ были сдѣланы большія вазы, посланныя въ Москву".—П. О. А. Дв.—оп. 158 320, д. 192, л. 77.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

1. Петръ Ивановичъ Егоровъ, сынъ старшаго подмастерья, родился около 1812 г., началъ службу въ 1827 г. писцомъ въ конторѣ Импер. фарфороваго завода, занималъ потомъ должности помощника комиссара и помощника бухгалтера; въ 1853 г. назначенъ бухгалтеромъ, и въ томъ же году, за уходомъ Озерскаго, ему поручено было завѣдываніе Импер. фарфоровымъ заводомъ, каковыя обязанности онъ исполнялъ до 1-го мая 1855 г. Егоровъ нѣсколько разъ удостоивался денежныхъ наградъ и подарковъ, въ 1857 г. пожалованъ, за выслугу лѣтъ, въ чинъ кол. асс.; умеръ 23 іюня 1860 г.—А. И. З.: Форм. сп. чиновниковъ Импер. фарф. зав. 1859 г.

2. Гр. Юлій Ивановичъ Стенбокъ, сынъ капитана, родился около 1811 г. (въ 1855 г. ему было 44 года). Образованіе получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, откуда вышелъ камеръ-пажемъ въ 1830 г., а въ 1832 г. произведенъ прапорщикомъ въ лейбъ-гв. волынскій п. Высоч. приказомъ 27 нояб. 1841 г. онъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ былъ адъютантомъ къ с.-петербургскому военному ген.-губернатору, вмѣстѣ съ тѣмъ, по Высоч. повелѣнію, съ 1843 г. утвержденъ былъ въ званіи члена С.-Петербургскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета. Въ 1846 г. гр. Стенбокъ, состоя въ чинѣ капитана, уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ колл. сов.; въ 1847 г. былъ причисленъ къ Министерству Вн. Дѣлъ и исполнялъ многочисленныя особыя (иногда секретныя) порученія; въ 1852 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V-го класса при министрѣ Вн. Дѣлъ, а въ 1854 г. перешелъ въ томъ же званіи въ Департаментъ Удѣловъ.—Форм. сп. о службѣ Стенбока, составленный въ 1855 г.: П. О. А. Дв.—оп. 21/208, д. 14, л.л. 10—25.

3. Тамъ же, оп. 461/1858, д. 6, л. 7. См. также 2 оп. д.д. фар. зав., л. 138.

4. Предложеніе гр. Перовскаго Каб. Е. И. В., 2 дек. 1854. Объ этомъ предписаніи хозяйственное отдѣленіе Каб-та увѣдомило исполнительное отдѣленіе отношеніемъ, 6 апр. 1855: П. О. А. Дв.—оп. 461/1858, д. 6, л. 7.

5. Алексѣй Дмитріевичъ Сивковъ, изъ дворянъ Новгородской губ., родился около 1814 г. (въ 1870 г. ему было 56 лѣтъ). Въ 1829 г. онъ поступилъ въ Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи котораго, въ 1832 г., былъ оставленъ здѣсь же въ должности репетитора, а съ 1835 г. читалъ также курсъ архитектуры въ училищѣ гражданскихъ инженеровъ. Въ 1837 г. Сивковъ былъ назначенъ на должность профессора по разрѣзкѣ камней, плотничному искусству и архитектурѣ, а также сотрудникомъ въ комитетѣ по изданію Журнала Путей Сообщенія; въ 1847 г.—въ должность профессора по курсу технической отчетности, въ 1851 г.—утвержденъ въ должности профессора составленія проектовъ гражданской архитектуры и техническихъ отчетовъ; въ 1853 г.—уволенъ по болѣзни въ отставку съ чиномъ полковника, но Высоч. приказомъ по гражданскому вѣдомству, отъ 10-го апр. 1855 г., снова опредѣленъ на службу въ должность директора Импер. фарф. завода, съ переименованіемъ въ надв. совѣтники, распоряженіемъ же предсѣдателя Кабинета Е. И. В-ва, 29 апр. 1857 г., и Высоч. приказомъ по гражданскому вѣдомству, 5 авг. того же года, назначенъ на должность управляющаго Императорскими заводами, съ 5 іюля 1857 г.; по Высочайшему повелѣнію 16 янв. 1859 г. назначенъ членомъ Каб-та Е. И. В-ва, съ сохраненіемъ прежняго званія; 31 мар. 1863 г. „въ награду отлично усердной службы по доведенію издѣлій Императорскихъ заводовъ до высокой степени совершенства, какъ признано комиссіею лондонской выставки", пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й ст.; кромѣ того Сивковъ имѣлъ ордена Владиміра 3-й ст. и Анны 1-й ст. съ короною, дослужился до чина тайнаго совѣтника, неоднократно получалъ Высоч. награды и подарки. Уволенъ въ отставку по болѣзни 22 мая 1870 г. и умеръ 11 мая 1880 г.— Форм. сп. о службѣ Сивкова: П. О. А. Дв.—оп. 461/1858, д. 6, л.л. 155 и сл.

6. Приказъ по Каб-ту Е. И. В-ва, 14 авг. 1855: тамъ же, оп. 18 205, д. 24, л. 62.

7. Дѣло объ опредѣленіи приглашеннаго изъ Саксоніи живописца на фарфорѣ Карла Липпольда: А. И. З.

8. О первыхъ распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ Сивкова и Стенбока см. дѣла П. О. А. Дв., наприм., оп. 188/354, д. 12 (починки заводскихъ зданій), оп. 178/337, д. 24 (повѣрка и размежеваніе земли фарфороваго и стекляннаго заводовъ), оп. 211 377, д. 78 (постройки, паровая машина) и др.

9. Предписаніе предсѣдателя Каб-та Е. И. В. барона Мейендорфа, 29 апр. 1857: тамъ же, оп. 461/1858, д. 6, л. 31.

10. Представленіе барона Мейендорфа министру Двора съ Высоч. повелѣніемъ объ исполненіи, объявленнымъ министромъ Двора: тамъ же, л. 35.

11. Тамъ же; также приказъ 5 іюля 1857 г.: тамъ же, л. 41.

12. Формуляръ Сивкова: примѣчаніе 5.

13. Докладъ Сивкова Каб-ту Е. И. В-ва, въ сен. 1864: П. О. А. Дв. оп. 218 384, д. 8, л. 15.

14. Докладъ Сивкова Каб-ту Е. И. В-ва, 16 мая 1859: тамъ же, л. 2.

15. Дѣло о перестройкѣ Импер. фар. завода (1859 и сл. г.г.): тамъ же, оп. 188/354, д. 12; тоже: оп. 218/384, д. 8.

16. Изъ формуляра Сивкова видно, что онъ былъ за границей три раза: въ 1861, 1862 и 1866 г.г.: тамъ же, оп. 461 1858, д. 6, л. л. 155 и слѣд.

17. Напр., были командированы за границу Деривьеръ и Мусатовъ (П. О. А. Дв.—оп. 214 380, д. 11), Липпольдъ, Шписъ, Нестеровъ, Босэ съ двумя его учениками Васильевымъ и Корниловымъ (тамъ же, оп. 215/381, д. 7; оп. 178/340, д. 61).

18. Тамъ же, оп. 215 381, д. 73, л. 20.

19. Такъ напр., въ 1858 г. работали на Импер. фар. заводѣ два токаря француза: Мато и Дюбанъ (тамъ же, д. 82), а въ 1868 г. приглашали на заводъ француза Бріаншона для указанія способа окрашиванія вещей „блестящими" (эмалевыми или люстрами?) красками (тамъ же, оп. 185/351, д. 11).

20. Тамъ же, оп. 218/384, д. 8, л. 15.

21. Дѣло о капитальныхъ постройкахъ и ремонтныхъ исправленіяхъ зданія завода: тамъ же, оп. 211/377, д. 8.—Д. о постройкѣ каменнаго флигеля и трехъ сараевъ и объ отпускѣ на это 28.193 р. 73 к.: тамъ же, оп. 178/340, д. 51.—Д. о перестройкѣ главнаго зданія завода и отдѣльныхъ строеній онаго: тамъ же, оп. 188 354, д. 12, и др.

22. Дѣло о сложеніи съ завода долга Каб-ту 86.611 р. 20³/₄ к.: тамъ же, оп. 220 386, д. 10.—Д. объ отпускѣ фарф. заводу заимообразно 20 тысячъ руб.: тамъ же, оп. 188/354, д. 14.—Д. объ образованіи отдѣльнаго оборотнаго капитала въ 120 тысячъ руб. изъ запаснаго капитала и пр.: тамъ же, оп. 224/389, д. 8, и др. дѣла.

23. Примѣч. 5.—Приказъ по Импер. фарф. заводу, 19 іюня 1870: А. И. З.—книга приказовъ съ 1868 по 1882 г., л. 18 об.

24. Приказъ по Имп. фар. зав. 19 іюня 1870: тамъ же.

25. Прик. по Имп. фарф. зав. 21 іюля 1878: тамъ же, л. 108.

26. П. О. А. Дв.—оп. 461/1858, д. 106, л. 14.

27. Журналъ Каб-та Е. И. В-ва, 30 іюля 1857, № 574: тамъ же, л. 16 об.

28. Павелъ Павловичъ Форостовскій, изъ дворянъ, родился около 1823 г. (въ 1857 г. ему было 34 года); по окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ былъ причисленъ, въ 1843 г., къ министерству Вн. Дѣлъ, съ назначеніемъ для занятій по департаменту общихъ дѣлъ министерства; въ

1844 г. опредѣленъ младшимъ помощникомъ столоначальника, затѣмъ исправляющимъ должность столоначальника въ томъ же департаментѣ; въ 1846 г. утвержденъ въ этой должности. Проходилъ службу весьма успѣшно и въ 1848 г., „въ уваженіе усердной службы", наименованъ старшимъ столоначальникомъ; по Высоч. повелѣнію 17 дек. 1849 г., былъ командированъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Черниговскую губ. „по особому секретному дѣлу"; въ 1851 г. опредѣленъ правителемъ дѣлъ совѣта корпуса горныхъ инженеровъ, продолжая здѣсь службу съ прежней успѣшностью, такъ что въ 1856 г. былъ пожалованъ, по представленію министра финансовъ, годовымъ окладомъ жалованья „въ награду отлично усердной и полезной службы". Приказомъ по гражданскому вѣдомству 12/24 іюня 1857 г. Форостовскій былъ переведенъ въ вѣдомство Министерства Импер. Двора, съ причисленіемъ къ Кабинету, управляющимъ котораго былъ опредѣленъ къ исполненію должности директора Импер. фарфороваго завода; по резолюціи министра Импер. Двора, 6 янв. 1862 г., уволенъ отъ занимаемой должности съ оставленіемъ при Кабинетѣ, но въ томъ же году перешелъ обратно въ вѣдомство Министерства Финансовъ.—Форм. сп. о службѣ Форостовскаго 1857 г.. П. О. А. Дв.—оп. 214 380, д. 12, л.л. 2—6. — Дѣло о причисленіи къ Кабинету с. с. Форостовскаго съ назначеніемъ на фарфоровый заводъ: тамъ же, оп. 461/1858, д. 106.

29. Характеристику какъ личности Форостовскаго, такъ и его дѣятельности въ роли директора Импер. фарфороваго завода даетъ „дѣло о причисленіи Форостовскаго къ Каб-ту и пр.": примѣч. 28.

30. Въ представленіи о назначеніи на должность директора Импер. фарфороваго завода Ренненкампфа вмѣсто Форостовскаго бар. Мейендорфъ писалъ министру Двора, 4 янв. 1862 г.: „Для пользы заводского дѣла я признаю совершенно необходимымъ поручить управленіе фарфоровымъ заводомъ причисленному къ Кабинету колл. асс. Ренненкампфу, а Форостовскаго полагалъ бы оставить затѣмъ причисленнымъ къ Кабинету безъ содержанія": П. О. А. Дв.—оп. 461/1858, д. 106, л. 37.

31. Владиміръ Андреевичъ Ренненкампфъ, изъ дворянъ, родился около 1827 г. (въ 1872 г. ему было 45 л.); по окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, поступилъ на службу въ С.-Петербургскую городскую распорядительную думу канцелярскимъ чиновникомъ, въ 1851 г., и въ томъ же году назначенъ помощникомъ бухгалтера, но въ слѣдующемъ году оставилъ службу въ думѣ; съ 18 мар. 1855 г. по 5 фев. 1856 г. Ренненкампфъ состоялъ при Импер. фарфоровомъ заводѣ, принимая инвентарь отъ главнаго мастера, на должность котораго былъ предназначенъ; но вмѣсто того онъ былъ опредѣленъ на должность чиновника при продажѣ въ С.-Петербургѣ издѣлій Импер. Выборгскаго завода; въ томъ же году причисленъ къ Каб-ту Е. И. В. съ откомандированіемъ въ распоряженіе управляющаго Импер. заводами. 11 янв. 1862 г. Ренненкампфъ назначенъ исправляющимъ должность директора Импер. фарфороваго завода, а 17 мар. 1864 г. утвержденъ въ этой должности; въ 1869 г. онъ былъ командированъ за границу для осмотра наиболѣе извѣстныхъ фарфоровыхъ заводовъ. 1 мар. 1872 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ статскаго совѣтника. Аттестатъ Ренненкампфа: П. О. А. Дв. -оп. 26/213, д. 4, л.л. 152—3.

32. Напр., главный мастеръ очень часто не являлся на заводъ, такъ что директору не отъ кого было получить свѣдѣнія о работахъ; полицеймейстеръ не обращалъ вниманія на кучи мусору, накопившагося на заводскомъ дворѣ, рабочіе пьянствовали, не обращая вниманія на распоряженія и проч. -Приказъ 27 сен. 1872: А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г., л.л. 41 об., 43 и др.

33. Приказъ по Имп. фар. зав. 20 мар. 1872: тамъ же, л. 33 об.—Журналъ Каб-та Е. И. В-ва, 14 мар. 1872: П. О. А. Дв. оп. 428/1394, д. 2, л. 29.

34. Послѣдній приказъ Ренненкампфа и первый приказъ Сумарокова по Импер. фарфоровому заводу — оба 20 мар. 1872. А. И. З. кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 33 об., 34.

35. Александръ Петровичъ Сумароковъ, изъ дворянъ Тульской губ., родился около 1836 г. (въ 1873 г. ему было 37 лѣтъ), получилъ образованіе въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, по окончаніи котораго, въ 1854 г., былъ прикомандированъ къ л.-гв. 1-й артиллерійской бригадѣ, но немедленно же былъ переведенъ въ артиллерію при дѣйствующемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ и участвовалъ между прочимъ въ шестимѣсячной осадѣ Карса. По возвращеніи въ Петербургъ, Сумароковъ одно время состоялъ при 1-мъ кадетскомъ корпусѣ сначала репетиторомъ, а затѣмъ учителемъ по предмету артиллеріи, но по случаю преобразованія корпусовъ въ военныя гимназіи, въ 1863 г., остался за штатомъ. Въ томъ же 1863 г. былъ переведенъ въ забайкальское казачье войско войсковымъ старшиною и вслѣдъ затѣмъ назначенъ адъютантомъ къ и. д. ген.-губернатора В. Сибири, по распоряженію котораго, въ 1864 г., исполнялъ обязанности мирового посредника по управленію сельскими обывателями, вышедшими изъ зависимости заводовъ Кабинета Е. И. В-ва въ Нерчинскомъ округѣ; въ 1865 г. назначенъ былъ и. д. старшаго члена войскового правленія забайкальскаго казачьяго войска и управляющимъ канцеляріею наказного атамана, а въ слѣдующемъ году утвержденъ въ должности старшаго члена правленія; въ 1868 г. назначенъ командующимъ амурской конной казачьей бригадой, въ слѣдующемъ году произведенъ въ полковники, въ 1871 г. переведенъ на службу въ главное интендантское управленіе, но приказомъ по военному вѣдомству 25 мар. 1872 г. уволенъ по прошенію отъ службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ пожалованіемъ въ стат. совѣтники. Съ разрѣшенія министра Импер. Двора, Сумароковъ опредѣленъ директоромъ Импер. фарфороваго завода съ 10 мар. 1872 г.; съ 1 іюня 1879 г., онъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы по болѣзни. Форм. сп. о службѣ Сумарокова 1873 г.: П. О. А. Дв.—оп. 428 1394, д. 2, л. л. 156 и сл.

36. А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 34—125 об.

37. Приказъ 25 авг. 1872: тамъ же, л. 39 об.

38. Приказъ 2 дек. 1872: тамъ же, л.л. 46 об.—47.

39. Напр., приказы 27 сен. 1872 и 26 апр. 1873: тамъ же, л.л. 41 об., 51.

40. Напр., приказъ 12 сент. 1878: тамъ же, л. 111 об. и др.

41. Приказъ 27 сен. 1872: тамъ же, л. 41 об. См. примѣч. 32.

42. Напр., приказы 28 авг. 1874, окт. 1874, и др.: тамъ же, л.л. 64 об., 67 об. и др.

43. Напр., приказъ 23 сен. 1872: тамъ же, л. 40.

44. Приказъ 20 янв. 1878: тамъ же, л. 101 об.

45. Напр., приказы 28 окт. и 10 нояб. 1872, 10 фев. 1873, окт. 1874 и др.: тамъ же, л.л. 43 об., 44 об., 45, 45 об., 48 об., 66 и др.

46. Приказъ 1 сен. 1871: тамъ же, л. 55.

47. Приказъ 22 мар. 1878: тамъ же, л. 103.

48. Приказъ 23 авг. 1873: тамъ же, л. 54 об.

49. Напр., рапортъ его въ Каб-тъ, 12 фев. 1873: А. И. З.—дѣло № 36/1873 г. (относительно занятій художника Липпольда и главнаго мастера Шауфельбергера), л.л. 1 и сл.

50. Письмо Сумарокова къ управляющему Каб-томъ Ребиндеру: П. О. А. Дв. оп. 387/1167, д. 33.

51. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ, 4 мая 1879: П. О. А. Дв.—оп. 428 1394, д. 2, л. 171.

52. См. примѣч. 50.

53. Журналъ Каб-та 2 іюня 1879: П. О. А. Дв. — оп. 428 1394, д. 2, л. 181.—Приказъ по заводу 4 іюня 1879: А. И. З. — кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 125 об., 126.

54. Напр., приказы 17 іюня 1875, 24 апр. 1876: тамъ же, л.л. 81, 84.

55. Тамъ же, л.л. 125 об. -131.

56. Приказы 7 и 8 янв. 1880: тамъ же, л.л. 131 и 131 об.

57. Дмитрій Николаевичъ Гурьевъ, изъ дворянъ, родился около 1837 г.; по окончаніи курса наукъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, 1856 г., поступилъ на службу въ главное управленіе В. Сибири, гдѣ и оставался до 1862 г., исполняя различныя должности и особыя порученія. Въ 1862 г. былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и откомандированъ въ распоряженіе начальника Смоленской губ.; но въ 1863 г. перешелъ на службу въ Министерство Финансовъ; съ 1866 по

1869 г. состоялъ участковымъ мировымъ судьею по С.-Петербургу, по выбору С.-Петербургской городской думы, въ 1869 г. причисленъ къ Министерству Юстиціи; уволенъ отъ службы въ этомъ министерствѣ въ 1875 г. Въ 1878 г. Гурьевъ снова былъ опредѣленъ на службу въ Министерство Финансовъ; 31 дек. 1879 г., съ разрѣшенія министра Импер. Двора, былъ опредѣленъ директоромъ Импер. фарфороваго завода; 12 апр. 1881 г.— причисленъ къ Кабинету съ назначеніемъ завѣдывающимъ заводомъ; Высочайшимъ приказомъ по Министерству Двора 21 іюня 1890 г. назначенъ управляющимъ Импер. заводами съ 14 іюня 1890 г.; приказомъ отъ 13 іюня 1900 г. уволенъ отъ службы съ чиномъ тайн. совѣт. Въ продолженіе службы по Министерству Импер. Двора Гурьевъ былъ нѣсколько разъ командированъ за границу для осмотра фарфоровыхъ и стеклянныхъ заводовъ. Имѣлъ орденъ св. Анны 1-й ст. — Форм. сп. Гурьева 1900 г.: А. И. З.

58. Приказы Гурьева по заводу и рапорты его въ Каб-тъ.

59. Рапортъ гр. Стенбока въ Каб-тъ 23 дек. 1856 г.: П. О. А. Дв.—оп. 175 337, д. 46, л. 1.

60. Дѣло о представленіи составленнаго вновь положенія заводу и инструкціи: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 265 об. (за 1857 г.)

61. Дѣло о продолженіи срока штатовъ Импер. фарфороваго завода и проч.: П. О. А. Дв.—оп. 179 341, д. 6.

62. О новыхъ постройкахъ и починкахъ втеченіе 50-хъ годовъ: Дѣло о капитальныхъ постройкахъ и ремонтныхъ исправленіяхъ зданія завода: П. О. А. Дв. — оп. 211 377, д. 8. — Дѣло о постройкѣ каменнаго флигеля и трехъ сараевъ и объ отпускѣ на это 28.193 р. 73 к.: тамъ же, оп. 178/340, д. 51.— Дѣло по канцеляріи управляющаго Импер. заводами съ историческими свѣдѣніями объ Импер. заводахъ и фабрикахъ: тамъ же, оп. 211 377, д. 78.—Докладъ управляющаго отдѣленіемъ Каб-та Е. И. В. Островскаго о прошломъ и настоящемъ положеніи завода: тамъ же, оп. 181 354, д. 12, л.л. 161 и слѣд. — Кромѣ того: 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 259, 270 и 276 и 2-я оп., л.л. 151 об., 156 об.

63. Записка Сивкова 15 мая 1859: П. О. А. Дв. - оп. 188 354, д. 12, л. 1; оп. 218/384, д. 8, л. 2.

64. На ремонтъ втеченіе 1862—1866 г.г. израсходовано болѣе 16 тысячъ руб., а именно: въ 1862 г. — 4.160 р. 17 к., въ 1863 г.—3.832 р. 57½ к., въ 1864 г.—2.983 р. 81½ к., въ 1865 г. — 2.917 р. 57 к. и въ 1866 г. 2.131 р. 74 к. Всего 16.025 р. 87 к.— Докладъ Островскаго: тамъ же, оп. 181 354, д. 12.

65. Дѣло о перестройкѣ главнаго зданія завода и отдѣльныхъ строеній онаго: П. О. А. Дв. — оп. 218 384, д. 8. — Д. о перестройкѣ завода, о капитальномъ исправленіи онаго (къ этому дѣлу 48 плановъ, чертежей и смѣтъ): тамъ же, оп. 188 354, д. 12.

66. Дѣло о перестройкѣ живописной части завода: тамъ же, оп. 193 359, д. 33.

67. Дѣло о повѣркѣ и размежеваніи земли фарфороваго и стекляннаго заводовъ: тамъ же, оп. 178 377, д. 24. — 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 255 об., 256 об., 266.

68. А. И. З. — д. № 75 1860 г.: о передачѣ земли купцомъ Рейтомъ въ к-ію Спасской бумагопрядильной мануфактуры.

69. Дѣло о продажѣ бумагопрядильной Спасской ман-рѣ участка земли гончарнаго заведенія: П. О. А. Дв. — оп. 221/387, д. 13. — Д. о продажѣ земли гончарнаго заведенія: тамъ же, оп. 178/340, д. 88. — Д. о продажѣ земли к-іи Спасской бумагопрядильной мануфактуры и внесеніи въ Государственный банкъ вырученныхъ за оную 30.000 рублей: А. И. З.—д. № 63/1862 г.

70. Дѣло объ отдачѣ въ аренду 30 дес. земли завода колонистамъ: П. О. А. Дв. — оп. 183/349, д. 4. — Д. о продажѣ свободнаго пространства земли завода и объ оставленіи въ пользованіи мастеровыхъ завода 30 дес. пастбищъ: тамъ же, оп. 221 387, д. 15. — Д. объ отдачѣ въ арендное содержаніе земли 30 дес., 1861—1863 г.г.: А. И. З.—д. № 195/1861 г.—Д. объ отдачѣ земли, принадлежащей заводу, подъ обработку колонистамъ, 1855—1863 г.г.: тамъ же, д. № 104 1855 г. —Д. по предмету отдачи въ аренду 3 колонистамъ на 12 лѣтъ въ обработку земли и продолженія аренды еще на 24 года, 1848 — 58 г.г.: тамъ же, д. № 60 1848 г.

71. Д. объ отдачѣ въ аренду земли завода подъ вагонный паркъ Николаевской ж. д.; тутъ же и объ отдачѣ этой земли въ безсрочную аренду подъ сортировочную станцію этой же дороги: П. О. А. Дв. оп. 199 365 д. 45.

72. 2-я оп. д.д. фар. зав., л. 144 об.

73. Дачи оцѣнены были въ 240.259 р. 58 коп. и взяты Департаментомъ Удѣловъ въ уплату части долга Кабинета за бриліанты королевы Вюртембергской Ольги Николаевны. —Дѣло о передачѣ въ Деп. Удѣловъ лѣсныхъ дачъ фарф. и стекл. заводовъ: П. О. А. Дв.—оп. 188 354, д. 7.

74. Д. о передачѣ оброчныхъ статей фарфороваго завода и сбора поземельныхъ денегъ въ распоряженіе завѣдующаго оброчными статьями стекляннаго завода: тамъ же, оп. 200/1164, д. 49. Также: А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л. 144 об.

75. Записка члена Каб-та Островскаго о прошломъ и настоящемъ положеніи Императорскаго фарфороваго завода: П. О. А. Дв.—оп. 181 354, д. 12, л.л. 161 и сл.

76. Во всепод. докладѣ 2 12 авг. 1863 г. министръ Двора гр. Адлербергъ писалъ: „Состояніе кабинетской кассы, заставляющее часто откладывать на нѣкоторое время выдачу денегъ, причитающихся заводу, весьма вредно отзывается на его интересахъ, лишая его возможности покупать матеріалы на наличныя деньги, что гораздо дешевле и притомъ своевременно, т. е. когда цѣна за оные болѣе выгодна“: П. О. А. Дв.—оп. 188 354, д. 14, л. 3.

77. Д. объ образованіи отдѣльнаго оборотнаго капитала въ 120 тысячъ рублей изъ запаснаго капитала, вырученнаго отъ продажи домовъ шпалерной мануфактуры и участка земли: тамъ же, оп. 224/389, д. 8. — Дѣло объ образованіи отдѣльнаго оборотнаго капитала и объ отпускѣ заводу заимообразно 20 тысячъ рублей для подкрѣпленія оборотовъ: тамъ же, оп. 188/354, д. 14.

78. См. прим. 75; также 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 258, 268, 273.

79. Д. о сложеніи съ завода долга Каб-ту 86.610 р. 20¾ к.: П. О. А. Дв.—оп. 220 386, д. 10.

80. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 268.—П. О. А. Дв. оп. 188 354, д. 14, л.л. 47 и сл.

81. Тамъ же, л.л. 47, 48, 49.

82. Нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ отчетности по всѣмъ учрежденіямъ Министерства Импер. Двора, введенныя въ 1869 г. и проистекавшія изъ единства кассы министерства, коснулись способа уплаты служащимъ на заводѣ жалованья и задѣльной платы: ассигновки на выдачу жалованья предписано было доставлять въ кассу къ 23 числу истекающаго мѣсяца, а на выдачу задѣльной платы — за истекшій мѣсяцъ — къ 5-му числу текущаго мѣсяца. Затѣмъ выдача какъ жалованья, такъ и задѣльной платы производилась чиновниками контроля министерства, при участіи чиновника, назначеннаго отъ завода въ помѣщеніи завода и въ назначенный для того день (въ пятницу):—Приказъ 31 янв. 1869: А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л. 9.

83. Списокъ о продажѣ вещей изъ магазина завода съ 1862 по 1879 г.: П. О. А. Дв.—оп. 428 1394, д. 2, л. 172.

84. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 278.

85. Тамъ же, л.л. 260, 261, 266 об.

86. О работахъ для дворцовъ великихъ князей и великихъ княгинь: см. 1-ю оп. д.д. фар. зав., л.л. 256, 257 об., 259 об., 260, 260 об., 264 об., 266, 266 об., 269, 270, 271, 273 об., 275 об., 276; о работахъ для различныхъ казенныхъ учрежденій: тамъ же, л.л. 258 об., 261, 267 об.

87. П. О. А. Дв. оп. 188 354, д. 14, л. 49.

88. Тамъ же, оп. 221 387, д. 15.

89. Тамъ же, оп. 188 354, д. 14, л. 48.

90. Интересныя въ этомъ отношеніи разоблаченія сдѣланы были Сумароковымъ и Гурьевымъ въ 1882 г. въ письмахъ къ Ребиндеру: П. О. А. Дв.—оп. 387 1167, д. 33.

91. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 257.

92. Тамъ же, л.л. 256. 259 об.,

93. П. О. А. Дв. — оп. 180/346, д. 13: объ отдачѣ Кіево-Межигорской фабрики въ арендное пользованіе. Заарендовали фабрику кіевскіе купцы Барскіе въ томъ же году на 30-лѣтній

срокъ, съ платою въ первыя 15 лѣтъ по 6.000 руб. въ годъ, а въ послѣднія 15 лѣтъ по 7.000 рублей. Барскіе, однако, контракта не додержали, и Кабинетъ рѣшилъ фабрику продать (тамъ же, оп. 178/351, д. 26); ее нѣсколько разъ продавали и назадъ отбирали (тамъ же, оп. 181/354, д. 51; оп. 184/357, д. 40, ч. 1), въ 1875 г. передали въ вѣдѣніе Кіевской удѣльной конторы (тамъ же, оп. 190/363, д. 82, ч. 2),—разумѣется, только строенія, такъ какъ она съ 60-хъ годовъ уже не дѣйствовала. Въ 90-хъ годахъ зданія Кіево-Межигорской фабрики съ частью земли переданы были кіевскому Покровскому женскому монастырю.

94. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 269 об.

95. П. О. А. Дв.—оп. 178/340, д. 8, л. 218.— На Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ работалъ иногда сынъ Деривьера Октавій въ качествѣ токаря: тамъ же, оп. 214 380, д. 11, л. 10.

96. Иванъ Дмитріевичъ Мусатовъ, изъ купеческихъ дѣтей, родился ок. 1834 г. (въ 1871 г. ему было 37 л.), по окончаніи Технологическаго института, въ 1855 г., выпущенъ со званіемъ инженеръ-технолога и поступилъ на Импер. фарфоровый заводъ по вольному найму. Мусатовъ исправлялъ на заводѣ должность химика, а въ 1859 г. временно также обязанности мастера состава массы и обжига бѣлаго фарфора. Дважды: въ 1858 и 1867 г.г. ѣздилъ въ командировку за границу. Втеченіе службы на Импер. фарфоровомъ заводѣ Мусатовъ былъ возведенъ въ потомственное почетное гражданство, пожалованъ чин. колл. секр. и орденомъ Станислава 3-й ст. и нѣсколько разъ получалъ денежныя награды. Уволенъ отъ службы 2 сен. 1871 г.: А. И. З. Форм. сп. служащихъ при Имп. фар. зав. (безъ года).—Кн. прик. 1868 82 г.г., л. 27: приказъ 20 сен. 1871 г.

Управленіе Импер. заводами пригласило одновременно трехъ молодыхъ инженеровъ-технологовъ: Миллера, Мусатова и Левина, изъ нихъ Миллеръ былъ перемѣщенъ на стеклянный заводъ, Левинъ командированъ на Кіево-Межигорскую фаянсовую фабрику, позднѣе (въ 1859 г.) вновь недолго служилъ на фарфоровомъ заводѣ. Приглашеніе на службу молодыхъ русскихъ инженеровъ-технологовъ, несомнѣнно, произошло по иниціативѣ гр. Перовскаго.—1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 256, 260 об., 278 об.

97. Павелъ Григорьевичъ Серебренниковъ, изъ мѣщанъ Московской губ., родился около 1833 года. По окончаніи курса наукъ въ Технологическомъ институтѣ, 1852 г., выпущенъ со званіемъ инженеръ-технолога; съ 1853 по 1858 г. занимался на Импер. стеклянномъ заводѣ составленіемъ стеклянныхъ массъ. На Импер. фарфоровый заводъ поступилъ химикомъ 3 іюня 1872 г., въ 1876 г. произведенъ въ колл. сек.; умеръ 18 февр. 1877 г.—А. И. З.—кн. форм. сп.

98. Приказъ 23 сен. 1872: А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л. 40 об.

99. Приказъ 4 дек. 1872: тамъ же, л. 46 об.

100. Александръ Кирилловичъ Хованскій, изъ купцовъ Московской губ., родился около 1834 г., окончилъ курсъ въ Технологическомъ институтѣ со званіемъ инженеръ-технолога въ 1854 г.; поступилъ химикомъ на Импер. фарфоровый заводъ 20 мая 1877 г.; умеръ 20 дек. 1882 г.; имѣлъ чинъ колл. секретаря и орденъ Станислава 3-й степени:—А. И. З.—кн. фор. сп.

101. Николай Ивановичъ Егоровъ, сынъ старшаго подмастерья Импер. фарфороваго завода, родился ок. 1812 г. (въ 1859 г. ему было 47 л.), началъ службу въ конторѣ Импер. фарфороваго завода писцомъ, 1 дек. 1827 г., затѣмъ занималъ должность помощника комиссара матеріаловъ, а въ 1848 году назначенъ въ должность мастера состава массъ и обжиговъ бѣлаго фарфора; уволенъ отъ службы за болѣзнью съ 1 окт. 1859 г., въ чинѣ кол. секр., и умеръ 23 мая 1869 г.—А. И. З.—форм. сп. 1859 г.

102. О Сергѣѣ Дудинѣ: А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 27, 46 об., 62, 92, 94 об., 116 об. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 267 об., 270 об.

103. О Гельстремѣ, помощникѣ мастера обжиговъ (сынъ бывшаго старшаго мастера Гельстрема), см. А. И. З.— кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 1 об., 20 об., 28.

104. О Борисовѣ: тамъ же, л.л. 28, 37.

105. Объ Амельченковѣ: тамъ же, л.л. 37, 94 об., 135 об., 146.

106. Тамъ же, л. 92

107. Тамъ же, л. 116 об

108. Тамъ же, Іенсонъ (F. G. Jenson) изъ иностранцевъ

109. Тамъ же, л. 139 об.

110. Гензенъ опредѣленъ на службу въ 1856 и уволенъ въ 1857 г.—1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 261 об., 267 об.

111. Тамъ же, л. 272 об.—П. О. А. Дв.—оп. 215 381, д. 82, л.л. 4 об., 5.

112. Тамъ же, л.л. 23, 35.—1-я оп. д.д. фар. зав., л. 272 об.

113. А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г., л. 20 об.

114. Мастеромъ съ 1869 по 1880 г.: тамъ же, л. 11 об., 142 об.

115. Тамъ же, л. л. 35, 105.

116. Объ Андреѣ Ивановѣ: тамъ же, л.л. 35 об., 37 об., 48 об., 62 об., 95, 133, 136 об., 146.

117. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 272 об.

118. Тамъ же, л. 261 об.—П. О. А. Дв. оп. 214 380, д. 11, л. 10.

119. Свѣдѣнія о Потаповѣ сообщены служащими на заводѣ.

120. Шиле служилъ на заводѣ съ 1869 по 1889 г.: А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 62, 85, 95 об., 106.

121. Мастеръ Семенъ Кондратьевичъ Морозовъ, изъ бывшихъ заводскихъ крѣпостныхъ; въ 1868 г. получилъ званіе личнаго почетнаго гражданина; умеръ въ 1880 г.— А. И. З. —кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 3, 24 об., 60 об., 66, 94, 139.— Списокъ мастерамъ, подмастерьямъ и мастеровымъ Имп. фар. завода, уволеннымъ отъ обязательной службы заводу. — Требовательныя вѣдомости за различные года.

122. Мастеръ Исай Степановичъ Семеновъ—изъ крѣпостныхъ людей завода. Тамъ же, кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 94 об., 136, 139; проч. докум. указ. въ прим. 121.

123. А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л. 20 об.

124. Тамъ же, л.л. 20 об., 35 об., 62, 119 об.

125. Тамъ же, л.л. 20 об., 104.

126. Тамъ же, л.л. 5, 50, 72 об., 73 об, 104 об

127. Тамъ же, л.л. 15 об., 35, 62, 104 об.

128. Тамъ же, л.л. 18, 18 об., 60, 95.

129. Тамъ же, л.л. 50, 84, 136 об.

130. Тамъ же, л.л. 35 об., 73 об., 123, 136 об

131. Тамъ же, л. 105.

132. Тамъ же, л. 105.

133. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 259 об.

134. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер Акад. Худ., т. III, стр. 327.

135. Дѣло о командированіи за границу художника Босэ съ двумя учениками: П. О. А. Дв.—оп. 178 340, д. 61. — Д. о командированіи во Францію художника Босэ на 4 мѣсяца: тамъ же, оп. 215/381, д. 73.

136. Контрактъ съ Босэ: А. И. З.—дѣло № 37/1865 г. (о переводѣ контрактовъ Босэ и Липпольда на русскій языкъ), л. 4.

137. А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л. 3.

138. Тамъ же, дѣло № 49/1874 г. (объ увольненіи иностранца Липпольда и пр.), л. 1: рапортъ директора Сумарокова въ Ка-тъ 3 іюня 1874 г.

139. Копія контракта съ Липпольдомъ: А. И. З. дѣло 1855 г. объ опредѣленіи мастера К. Липпольда, л. 2.

140. П. О. А. Дв.—оп. 178 340, д. 89, л. 8.

141. Живописцы Импер. фарфороваго завода, прощаясь съ Липпольдомъ, поднесли ему по этому случаю большую чашку съ блюдцемъ, на которомъ большинство живописцевъ подписали свои автографы подъ живописными рисунками, исполненными каждымъ живописцемъ въ своемъ жанрѣ.

142. Lippold, Auszüge aus meinen Memoiren (рукопись въ библіотекѣ Имп. зав.).

143. П. О. А. Дв.—оп. 178/340, д. 89 (объ опредѣленіи въ фарфоровый заводъ живописца иностранца Карла Липпольда), л. 4.

144. А. И. З.—дѣло № 184 1861 г. (объ опредѣленіи иностранца К. Липпольда), л. 10: контрактъ на нѣмецкомъ языкѣ 26 14 іюля 1861 г.

145. А. И. З.—д. № 37 1865 г. (см. прим. 136)

146. По положенію 1835 г., главный мастеръ „наблюдалъ за всей художественной частью по заводу, имѣя обязанность заботиться объ усовершенствованіи произведеній онаго и руководствовать состоящихъ подъ вѣдѣніемъ его мастеровъ и мастеровыхъ": П. О. А. Дв.—оп. 211/377, д. 78, л. 91. Какъ сложились обязанности главнаго мастера на практикѣ и насколько сократился кругъ его компетенціи, даетъ понятіе рапортъ директора Сумарокова въ Ка-тъ, 12 фев. 1873 г. (А. И. З.—дѣло относительно занятій Липпольда и главнаго мастера Шауфельбергера, № 36/1873 г., л. 1-2): „На обязанности главнаго мастера лежитъ отчетность золота, красокъ и всѣхъ другихъ матеріаловъ и припасовъ по живописной мастерской; непосредственное наблюденіе за своевременнымъ исполненіемъ заказовъ Придворной конторы, за расходомъ и правильнымъ употребленіемъ золота въ лабораторіи и въ самыхъ мастерскихъ, за обжигомъ живописныхъ и позолоченныхъ вещей въ муфеляхъ; онъ долженъ также наблюдать, чтобы краски содержали въ себѣ одинаковые флюсы... и при растираніи красокъ и смѣшеніи золота съ флюсами смотрѣть, чтобы была соблюдаема чистота и опрятность, чтобы вещи поступали подъ живопись и золоченіе безъ поврежденій, вести реестры вещей, обжигаемыхъ въ муфеляхъ, составлять ежемѣсячныя вѣдомости отпуска красокъ, золота и др. матеріаловъ въ мастерскія и ихъ расхода... сдавать ежемѣсячно оконченныя вещи въ магазинъ по реестрамъ, принявъ таковыя отъ каждаго мастера отдѣльно и пр.".

147. 1-я опись д.д. фар. зав., л. 259 об.

148. П. О. А. Дв.—оп. 26/213, д. 4.

149. Платонъ Александровичъ Татариновъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился около 1830 г. (въ 1864 году ему было 34 года); по окончаніи курса наукъ по камеральному разряду юридическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ, со степенью кандидата, поступилъ въ 1853 г. на службу канцелярскимъ чиновникомъ въ С.-Петербургскую распорядительную думу; 1856 г. былъ переведенъ на фарфоровый заводъ главнымъ мастеромъ; въ 1863 г. „за отличную службу" причисленъ къ кабинету Е. И. В—ва, съ оставленіемъ въ прежней должности. Умеръ 1 дек. 1867 г.—П. О. А. Дв.—оп. 26/213, д. 4, л.л. 99—103: форм. сп. о службѣ Татаринова.— А. И. З.—форм. сп. 1859 г.

150. Директоръ фарфороваго завода Ренненкампфъ рапортовалъ управляющему Имп. заводами 1 дек. 1867 г., что Татариновъ того же числа „въ умопомѣшательствѣ повѣсился".—П. О. А. Дв.—оп. 26/213, д. 4, л. 94.

151. Леонардъ Леонардовичъ Шауфельбергеръ (или Шауфельбергъ), сынъ швейцарскаго подданнаго, родился въ 1839 г., обучался въ Импер. Академіи Художествъ, изъ которой вышелъ въ 1867 г. со званіемъ классн҃аго художника 3-й ст., съ правомъ производить постройки; въ службу на Импер. фарфоровый заводъ вступилъ главнымъ мастеромъ 30 янв. 1868 г.; въ 1878 и 1879 г.г. временно завѣдывалъ технической частью завода, а послѣ реформы Импер. заводовъ, былъ назначенъ (съ 1 іюля 1890 г.) техникомъ VI кл. управленія Импер. заводами. Умеръ 19 янв. 1894 г., въ чинѣ надв. сов.; имѣлъ ордена до Анны 2 ст. А. И. З. -форм. сп.

152. Рапортъ Сумарокова въ Ка-тъ, 12 фев. 1873: П. О. А. Дв. -оп. 193/350, д. 33, л. 1; тоже, оп. 178/340, д. 89, л.л. 24—37.—А. И. З.—дѣло № 36/1873 г. л. 1—2.

153. Предписаніе К-та директору, 23 февр. 1873: тамъ же, л. 3.

154. Рапортъ Сумарокова въ К-тъ, 28 фев. 1873: тамъ же, л. 6

155. Предписаніе Каб-та, 22 іюня 1873: тамъ же, л. 7.

156. Тамъ же: надпись на предписаніи, сдѣланная Сумароковымъ

157. Тамъ же, л. 9.

158. Тамъ же, л. 10. Также: прик. 23 авг. 1873: А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л. 54 об.

159. А. И. З.—№ 36/1873 г., л.л. 8, 11.

160. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ, 3 іюня 1874: П. О. А. Дв.—оп. 193/359, д. 33, л. 8. - А. И. З.—д. № 49/1874 г. (объ увольненіи иностранца Липпольда отъ завода и объ исходатайствованіи ему пенсіона и пріисканіи другого художника), л. 1.

161. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ, 6 іюня 1874: тамъ же, л. 4.

162. Предписаніе Каб-та директору Импер. фарф. зав., 31 авг. 1874: тамъ же, л. 11.

163. Предписаніе Каб-та, 24 авг. 1874: тамъ же, л. 8.

164. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ, 28 авг. 1874: тамъ же, л. 9.

165. Предписаніе Каб-та, 21 окт. 1874: тамъ же, л. 12.

166. См. справку, составленную въ Кабинетѣ Е. В—ва, въ дѣлѣ объ увольненіи Липпольда, въ 1884 г. (П. О. А. Дв.—оп. 178/340, д. 89, л. 71). „По затруднительности найти художника на мѣсто Липпольда въ Россіи, такъ какъ лучшіе художники по фарфоровой живописи находятся единственно на Императорскомъ заводѣ, Кабинетъ за содѣйствіемъ къ пріисканію такого лица за границей обращался (въ 1874 г.) въ департаментъ торговли и мануфактуръ, черезъ агентовъ котораго изъявили желаніе принять означенную должность французскій художникъ Беле и художникъ съ Королевскаго завода въ Берлинѣ Ландграфъ. По свѣдѣніямъ о способностяхъ этихъ лицъ въ артистическомъ отношеніи, оказался благонадежнымъ... лишь первый.., который принималъ обязанности наблюдателя и распорядителя по живописной части на слѣдующихъ условіяхъ: а) 15.000 фр. жалованья съ квартирой, б) по истеченіи 7-лѣтняго контракта 1200 фр. пенсіи и в) по 3000 фр. на проѣздъ изъ Парижа и обратно. Г. министръ, не признавъ возможнымъ согласиться на это условіе, приказалъ пріискать кого-либо на другихъ условіяхъ. Выполненіемъ этого приказанія занялся бывшій членъ Кабинета... Каменевъ, которому въ 1876 г., во время пребыванія за границей, рекомендованъ былъ художникъ Фурнье, предложившій свои услуги заводу за 15.000 фр. содержанія безъ квартиры и пенсіи, съ выдачею на проѣздъ въ Россію и обратно по 1000 фр.; но такъ какъ присланныя Фурнье тарелки его работы, по заключенію директора фарфороваго завода, не могли служить достаточнымъ удостовѣреніемъ художественнаго таланта Фурнье, необходимаго для завода, а содержаніе, которое имъ было потребовано, весьма значительно и превышало средства завода, то министръ согласился съ мнѣніемъ Кабинета объ оставленіи предположенія о приглашеніи Фурнье безъ послѣдствій. Съ того времени переписка о наймѣ художника на Императорскій заводъ взамѣнъ Липпольда болѣе не возбуждалась".

167. На ежегодныхъ выставкахъ въ Зимнемъ дворцѣ издѣлій Императорскихъ заводовъ присутствовали лучшіе мастера завода, которымъ администрація рекомендовала слѣдить, на что обращалось преимущественное вниманіе Августѣйшихъ Особъ. Очевидцы передаютъ, что съ каждымъ годомъ интересъ къ копіямъ и, вообще, къ большимъ живописнымъ вещамъ ослабѣвалъ: при обходѣ проходили мимо нихъ. Государыня Императрица въ 1871 г. предложила директору Ренненкампфу обратить вниманіе на новѣйшія произведенія англійской керамики, отличавшіяся „примѣрной орнаментаціей". - П. О. А. Дв. оп. 163/325, д. 24, л. 4: рапортъ Ренненкампфа въ К-тъ, 20 янв. 1871 г.

168. Михаилъ Васильевичъ Крюковъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1825 г., живописцемъ—въ 1835 г., произведенъ подмастерьемъ—въ 1837 г., мастеромъ живописи—въ 1854 г.—А. И. З.—форм. сп. 1867 г. и кн. прик. 1868/82 г.г., л. л. 60 об., 122 об.

169. Александръ Ивановичъ Тычагинъ, изъ мастеровыхъ дѣтей; поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1826 г., ученикомъ живописи -въ 1830 г.; произведенъ подмастерьемъ—въ 1838 г., мастеромъ живописи въ 1854 г. Спеціальность—фигуры. Тамъ же, форм. сп. и кн. прик. 1868/82 г.г., л. л. 73 об., 104.—1-я оп. д. д. фар. зав., л. 256 об.

170. Василій Михайловичъ Дудинъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ живописи въ 1817 г., назначенъ на заводъ ученикомъ живописи - въ 1820 г., живописцемъ — въ 1821 г., произведенъ подмастерьемъ — въ 1835 г., мастеромъ живописи — въ 1838 г.; въ 1877 году пожалованъ личнымъ почетнымъ гражданствомъ.—Тамъ же, форм. сп. и кн. прик. 1868/82 г.г., л. 122 об.

171. Александръ Петровичъ Нестеровъ, сынъ мастерового, не получилъ нигдѣ предварительнаго образованія, поступилъ на Императорскій фарфоровый заводъ живописцемъ въ 1827 г.; произведенъ подмастерьемъ—въ 1832 г., мастеромъ въ 1834 г.; за отличіе, кромѣ многочисленныхъ денежныхъ наградъ, былъ произведенъ въ колл. регистр. -въ 1848 г. и губ. секр. въ 1856 г.; уволенъ отъ службы за болѣзнью въ 1859 г.—Тамъ же, форм. сп. 1859 г.—1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 261 об., 271 об., 277 об.

172. Федоръ Ивановичъ Красовскій, изъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, причисленъ къ заводу со званіемъ мастера въ 1850 г. Спеціальность—цвѣты и плоды. Въ 1861 г. онъ получилъ отъ Импер. Академіи Художествъ аттестатъ на званіе свободнаго художника. Умеръ въ 1863 г.—Тамъ же, форм. сп. 1859 г.

173. Константинъ Николаевичъ Красовскій, изъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, въ 1850 г. причисленъ къ Импер. фарфоровому заводу въ живописную мастерскую ученикомъ, съ 1853 г. получалъ задѣльную плату, въ 1855 г. сдѣланъ живописцемъ, въ 1856 г.—подмастерьемъ, въ 1864 г. - мастеромъ; въ томъ же г. удостоенъ Импер. Академіей Художествъ званія свободнаго художника. Тамъ же, форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 3, 17 об., 24 об., 50 об., 62, 88 об., 122 об.

174. П. О. А. Дв. оп. 215 381, д. 73; оп. 178 340, д. 61.

175. Алексѣй Сергѣевичъ Васильевъ, сынъ живописца изъ заводскихъ людей, вступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1844 г.; командированъ въ Импер. Академію Художествъ для усовершенствованія въ рисованіи въ 1850 г.; поступилъ на заводъ живописцемъ—въ 1855 г., произведенъ подмастерьемъ въ 1857 г.; въ 1858 г. былъ командированъ за границу на 4 мѣсяца для обозрѣнія художественныхъ сокровищъ З. Европы; въ 1862 г. назначенъ учителемъ рисованія при заводской школѣ; въ 1863 г. удостоенъ Академіею Художествъ званія свободнаго художника; въ 1864 г.—назначенъ учителемъ рисованія и черченія при заводскомъ техническомъ училищѣ, а въ 1868 г.—вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюдателемъ училища. Умеръ въ 1877 г.—А. И. З. форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 1 об., 17 об., 36, 51 об., 61, 73, 85, 95 об., 100.

176. Александръ Федоровичъ Мироновъ, изъ заводскихъ людей, службу началъ въ 1840 г.; назначенъ подмастерьемъ въ 1846 г., мастеромъ—въ 1854 г.—Тамъ же, форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 3, 21, 58 об., 62, 94 об., 122 об.

177. О Кирсановѣ: тамъ же, кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 20 об., 60 об., 94 об.—Директоръ Сумароковъ упоминаетъ о Кирсановѣ въ числѣ старшихъ живописцевъ, на ряду съ Красовскимъ и Мироновымъ.—Тамъ же, д. № 36 1873 г., л. 9.

178. Тимоѳей Кузьмичъ Семеновъ, изъ заводскихъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ - въ 1840 г., на заводъ ученикомъ живописи — въ 1844 г., живописцемъ—въ 1848 г., произведенъ подмастерьемъ—въ 1849 г., мастеромъ — въ 1854 г. — Тамъ же: форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 20 об., 61, 94.

179. Тимоѳей Васильевичъ Спиридоновъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ—въ 1836 г., на заводъ ученикомъ живописи въ 1838 г., произведенъ подмастерьемъ—въ 1840 г., мастеромъ живописи цвѣтовъ—въ 1856 г.—Тамъ же, форм. сп. 1867.

180. Василій Николаевичъ Мидинъ, изъ заводскихъ мастеровыхъ дѣтей (?), поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1845 г., ученикомъ рисовальнаго класса—въ 1847 г., былъ командированъ въ Академію Художествъ для усовершенствованія въ рисованіи въ 1852 году, возвратился на заводъ живописцемъ—въ 1857 г., произведенъ подмастерьемъ—въ 1859 г., мастеромъ—въ 1864 г.—Тамъ же, форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 3, 15 об., 35, 60 об., 95, 138.

181. О Холшевниковѣ: тамъ же, кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 11 об., 35 об., 73 об., 123 об. Сумароковъ упоминаетъ Холшевникова въ числѣ старшихъ живописцевъ. См. прим. 177.

182. Тамъ же, кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 15 об., 63 об., 104 об.

183. Тамъ же, л.л. 15 об., 105, 122 об.

184. Тамъ же, л.л. 105, 123.

185. Тамъ же, л. 104 об.

186. Тамъ же, л. 104 об.

187. Тамъ же, л.л. 24 об., 136.

188. Федоръ Васильевичъ Спиридоновъ, мастеръ по орнаментной части, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1839 г., ученикомъ живописи—въ 1843 г., живописцемъ—въ 1848 г., произведенъ подмастерьемъ —въ 1852 г., мастеромъ въ 1854 г. — А. И. З.—форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 17 об., 35, 73, 104.

189. Иванъ Александровичъ Козыревъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1842 г., назначенъ на заводъ ученикомъ живописи —въ 1844 г., живописцемъ въ 1850 г., произведенъ подмастерьемъ въ 1857 г., мастеромъ въ 1858 г. (?). –Тамъ же, списокъ мастерамъ... уволеннымъ отъ обязательной службы заводу; форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 3, 73, 104.—1-я оп. д.д. фар. зав., л. 270 об.

190. Василій Дмитріевичъ Тарачковъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1823 г., назначенъ на заводъ ученикомъ живописи - въ 1825 г., живописцемъ — въ 1835 г., произведенъ подмастерьемъ—въ 1839 г., мастеромъ—въ 60-хъ годахъ. А. И. З.—форм. сп. 1867 г.; кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 3, 20 об., 60 об., 94 об., 104, 136 об.

191. Александръ Васильевичъ Телятниковъ, изъ мастеровыхъ дѣтей, поступилъ въ заводскую школу ученикомъ въ 1824 г., назначенъ на заводъ ученикомъ живописи -въ 1826 г., живописцемъ — въ 1830 г., произведенъ подмастерьемъ въ 1843 г., мастеромъ—въ 1859 г. Тамъ же, форм. сп. 1867 г.

192. Свѣдѣнія о Николаѣ Даладугинѣ сообщены служащими завода.

193. А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л. 21.

194. Тамъ же, требовательныя вѣдомости за различные года.

195. Число рабочихъ опредѣлено на основаніи требовательныхъ вѣдомостей.

196. Въ Обзорѣ дѣятельности Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ, за время царствованія Императора Александра III, ч. I, стр. 269, общее число служащихъ на Импер. фарфоровомъ заводѣ въ 1881 г. показано тоже въ 210 человѣкъ, но при этомъ число рабочихъ указано не 166, а 192. Въ „Обзорѣ“ причислены къ „рабочимъ“ сторожа, инвалидная команда и укладчики, которые по штатамъ, какъ не техническіе рабочіе, отнесены въ штатъ безвозвратныхъ расходовъ. Въ запискѣ члена Каб-та Островскаго, 1867 г. (П. О. А. Дв.—оп. 181 354, д. 12, л. л. 161 и сл.) говорится, что въ то время рабочихъ, получавшихъ жалованье или задѣльную плату изъ оборотной суммы, состояло 206, т. е. число, положенное по штатамъ, однако, число всѣхъ служащихъ онъ считалъ всего въ 228 человѣкъ, такъ какъ онъ присчиталъ къ 206 точно также укладчиковъ, сторожей и нѣкоторыхъ другихъ агентовъ, которые на самомъ дѣлѣ по штатамъ Перовскаго должны были получать жалованье не изъ оборотной суммы, а по штату безвозвратныхъ расходовъ.

197. Дѣло объ освобожденіи мастеровыхъ фарфороваго завода отъ обязательнаго труда: П. О. А. Дв. оп. 182/348, д. 4. Тоже, ч. 2-я: тамъ же, оп. 191 / 357, д. 7.—Д. объ увольненіи отъ обязательной службы заводу мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ: А. И. З., д. № 166 1859 г. Высочайше утвержденное положеніе о рабочихъ людяхъ при Императорскихъ фарфоровомъ и стеклянномъ заводахъ, 19 янв. 1860 г.: П. С. З.—изд. 2-е, т. XXXV, № 35.356.

198. Рабочіе на задѣлѣ раздѣлялись, по достоинству ихъ работъ, на 3 группы: А. И. З.—кн. прик. 1868 82 г.г., л. 133.

199. О рабочемъ времени: тамъ же, л.л. 5 об., 10 об., 12 об., 13, 19 об., 20, 27 об., 56 об., 105 об.—Иногда рабочіе брали работу къ себѣ на домъ, но это запрещалось: тамъ же, л. 133 об.

200. О вспомогательной кассѣ: П. О. А. Дв. — оп. 182 348, д. 4 и оп. 191/357, д. 7. (См. прим. 197).

201. Именной указъ, 9 окт. 1868 г., объявленный Сенату министромъ Юстиціи 13 того же октября, о распространеніи на мастеровыхъ Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ правилъ касательно назначенія пенсіи увѣчнымъ горноза-

водскимъ людямъ и ихъ семействамъ: П. С. З.—изд. 2-е, т. XLIII, № 46.332.

202. А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 15 об., 16 об.

203. Вдова рабочаго Филиппова ходатайствовала о пособіи изъ Кабинета. Кабинетъ отказалъ и предписалъ директору завода „разъяснить всѣмъ мастеровымъ, что отказъ ихъ отъ участія въ вспомогательной кассѣ имѣетъ слѣдствіемъ оставленіе ими семействъ по смерти въ безпомощномъ состояніи, подобно вдовѣ Филипповой съ дѣтьми".—Приказъ 9 іюля 1873: А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л. 53.

204. А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 22, 32 об.

205. Тамъ же, л. 40.

206. Тамъ же, л. 54.

207. Похоронная касса не была утверждена; свѣдѣнія о ней сообщены участниками.

208. А. И. З. — д. № 166/1859 г. (объ увольненіи отъ обязательной службы заводу мастеровъ, подмастерьевъ и мастеровыхъ), л.л. 148 150.

209. Тамъ же, кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 89 об., 90.

210. Въ 1875 году С.-Петербургская земская управа, по поводу ходатайства жителей фарфороваго селенія объ освобожденіи ихъ отъ земскихъ повинностей, писала, что „по имѣющимся въ дѣлахъ ея свѣдѣніямъ, значительная часть (?) домовъ на земляхъ Императорскаго фарфороваго завода принадлежитъ чиновникамъ, почетнымъ гражданамъ, купцамъ, мѣщанамъ и даже иностранцамъ, дома же мастеровыхъ или женъ и дѣтей ихъ представляютъ исключеніе". — П. О. А. Дв. оп. 177/350, д. 25, л. 71 об.

211. Журналъ Каб-та, 18 іюня 1862, и отношеніе Каб-та въ Департаментъ М. Н. Пр., 20 іюня 1862: П. О. А. Дв. -оп. 188/354, д. 13, л.л. 21, 22. — Отношеніе Департ. М. Н. Пр. въ Каб-тъ 23 іюля 1862: тамъ же, л. 23. — Представленіе Сивкова въ Каб-тъ, 30 мая 1863: тамъ же, л. 25.

212. Всепод. докладъ министра Импер. Двора и положеніе о техническомъ училищѣ: тамъ же, л.л. 34, 36 и слѣд.

213. Предметы преподаванія въ младшемъ классѣ: чистописаніе (3 часа), черченіе и рисованіе перомъ и кистью (6 ч.), скульптура (3 часа); въ старшемъ классѣ: геометрія (1 ч.), скульптура (4 часа), рисованіе орнаментовъ съ гипсовыхъ фигуръ и съ натуры цвѣтовъ, фруктовъ, ландшафтовъ и животныхъ (6 ч.), составленіе рисунковъ и живопись на стеклѣ и фарфорѣ. Кромѣ того для обоихъ классовъ полагались практическія занятія въ мастерскихъ заводовъ. По составленной Сивковымъ инструкціи время до 12 часовъ посвящалось урокамъ и съ 2 до 5 практическимъ занятіямъ.

214. Рапортъ Ренненкампфа Сивкову, 4 окт. 1866: тамъ же, л. 52.

215. Всепод. докладъ министра Двора, Высоч. утвержденный 20 нояб. 1866: тамъ же, л. 60.

216. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ, 6 іюля 1873: тамъ же, л. 63.

217. Высоч. повелѣніе по докладу министра Двора: 23 апр. 1876, тамъ же, л. 74.

218. Тамъ же, л.л. 85, 86, 87, 89, 93.

219. Тамъ же, л.л. 78, 80, 81.

220. Тамъ же, л. 34.

221. П. О. А. Дв. -оп. 178/340, д. 15.

222. А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л. 74. Въ первой машинѣ въ 1864 году былъ смѣненъ паровой котелъ: П. О. А. Дв. -оп. 183/349, д. 22.

223. П. О. А. Дв. -оп. 214/380, д. 11.—1-я оп. д.д. фар. зав., л. 265 об.

224. Тамъ же, л. 270 об.

225. П. О. А. Дв. -оп. 202/1166, д. 56.—А. И. З. — кн. прик. 1868/82 г.г., л. 146.

226. П. О. А. Дв.—оп. 218/384, д. 8, л. 15.

227. 1-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 269, 275 об.

228. Тамъ же, л.л. 262, 269.

229. Тамъ же, л.л. 257 об., 259 об. (1855 и 1859 г.г.).

230. Тамъ же, л. 259 об.

231. Въ 1872 г. Сумароковъ предписывалъ Серебренникову ознакомиться практически съ приготовленіемъ массы и глазури: А. И. З. -кн. прик. 1868/82 г.г., л. 44 об.

232. Сивковъ доносилъ Каб-ту Е. В-ва 19 дек. 1858 г.: „Составъ фарфоровой массы по способу, предложенному помощникомъ мастера Дудинымъ, хотя и отличается нѣкоторыми хорошими качествами, но такъ какъ выдѣланныя изъ этой массы вещи не имѣютъ надлежащей стойкости, то означенный составъ массы нельзя считать удовлетворительнымъ".—П. О. А. Дв. -оп. 178/340, д. 60. См. также: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 267 об.

233. А. И. З. -кн. прик. 1868/82 г., л.л. 45 об. -46.

234. 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 276.—2-я оп., л. 156 об.

235. П. О. А. Дв. — оп. 178/340, д. 51.—Также 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 267 об.

236. Письмо быв. директора Сумарокова къ Ребиндеру, 23 нояб. 1882: П. О. А. Дв. оп. 428/1394, д. 2, л. 296.

237. П. О. А. Дв. оп. 188/354, д. 12, л. 173: вѣдомость горнамъ, 5 дек. 1867.—Тамъ же, оп. 220/386, д. 12: о постройкѣ четвертаго горна на заводѣ.

238. Тамъ же, оп. 226/391, д. 4: объ устройствѣ горна для обжига фарфора вмѣсто дровъ газами.

239. Съ 1873 г. вмѣсто пирометра Веджвуда для измѣренія силы огня въ горнахъ употреблялся пирометръ, принесенный въ даръ Импер. фарфоровому заводу директоромъ королевскаго венгерскаго промышленнаго музея въ Будапештѣ Карломъ Познеромъ.— П. О. А. Дв.—оп. 193/359, д. 35.

240. Ухудшеніе обжига неоднократно констатировалъ Сумароковъ въ приказахъ по заводу: А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л.л. 40 об., 66 и др.

241. Дѣло о приглашеніи на заводъ французскаго подданнаго Бріаншона для указанія способа окрашиванія вещей блестящими красками: П. О. А. Дв.—оп. 185/351, д. 11.

242. Дѣло о предложеніи иностранца Гинуазо, пріобрѣсти изобрѣтенный имъ скорый и дешевый способъ раскрашиванія фарфоровой и фаянсовой посуды: тамъ же, оп. 219/385, д. 3.— Дѣло о новомъ способѣ раскрашиванія фарфора и фаянса, изобрѣтенномъ Гинуазо: тамъ же, оп. 178/340, д. 69. — Также: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 272 об.

243. Дѣло о пріобрѣтеніи отъ берлинскаго лаборанта Гениша секрета приготовленія золота для золоченія фарфоровыхъ вещей за 4000 талеровъ: П. О. А. Дв.—оп. 219/385, д. 3. Также: 1-я оп. д.д. фар. зав., л. 279 (подъ 1859 г.).

244. Тамъ же, л.л. 256, 257.

245. П. О. А. Дв. -оп. 188/354, д. 12, л. 173.

246. А. И. З.—кн. прик. 1868/82 г.г., л. 66.

247. Свѣдѣнія, сообщенныя мастерами и служащими Импер. заводовъ, которые присутствовали при ежегодныхъ выставкахъ (К. Н. Красовскимъ и др.).

248. См. прим. 142.

249. Рапортъ Ренненкампфа въ Каб-тъ Е. И. В-ва, 26 янв. 1871: П. О. А. Дв.—оп. 163/325, д. 24, л. 4.

250. Тамъ же, л.л. 11—12.

251. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ Е. И. В-ва, 12 фев. 1873: А. И. З.—д. № 36/1873 г., л. 1.

252. Рапортъ Сумарокова въ Каб-тъ Е. И. В-ва, 3 іюня 1874: тамъ же, д. № 40/1874 г. (объ увольненіи Липпольда и пр.), л. 1.

253. Тамъ же, д. 36/1873 г., д. № 43/1874 г.

254. А. П. Новицкій, Исторія русскаго искусства, т. 2, стр. 213.

255. Тамъ же, стр. 216.

256. Акварели Липпольда: М. И. З.—№ 346.

257. Акварели Буде: тамъ же, подъ № 187.

258. Акварели Красовскаго: тамъ же, подъ № 460.

259. Рисунки и проекты Шписа: тамъ же, подъ № 468.

260. Напримѣръ, Тарачковъ составилъ нѣсколько орнаментовъ для пасхальныхъ яицъ.—Тамъ же, подъ № 1227.

261. Проекты Шауфельбергера: тамъ же, подъ № 455.

262. Дѣло о предоставленіи заводу права заказывать разнымъ художникамъ рисунки для фарфороваго производства во всѣхъ родахъ живописи: П. О. А. Дв. -оп. 229/394, д. 4.

263. Акварели Монигетти хранятся въ Музеѣ Императорскихъ Заводовъ подъ № 218.

264. Акварели Шрейбера: тамъ же, подъ № 452.

265. Акварели Тейхеля: тамъ же, подъ № 446.

266. А. И. З. кн. прик. 1868 82 г.г., л.л. 20 об.—21.

267. Тамъ же, л.л. 58 об., 61 об.

268. Дипломъ Вѣнской всемірной выставки 1873 г. въ конторѣ Император. фарф. и стеклян. заводовъ.

269. Рапортъ Гурьева въ Каб-тъ, 17 іюня 1881: П. А. Дв.—оп. 203/1167, д. 69, л. 2.

270. Китайскія формы использовались и раньше. Такъ напр., въ 1856 г. были взяты изъ Гатчинскаго дворца китайскія вазы для изготовленія на Император. заводѣ подобныхъ же, согласно волѣ Государыни Императрицы Маріи Александровны: П. О. А. Дв.—оп. 211 377, д. 17, л. 8.

271. 2-я оп. д.д. фар. зав., л.л. 144 об., 156 об.

272. Шрейберъ проектировалъ немало чайныхъ сервизовъ и дежене: наиболѣе широкій діаметръ приходится въ самомъ низу чайника или кофейника (что назначенію этихъ предметовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ), но и въ чашкахъ и сахарницахъ діаметръ нижней части сильно превышаетъ діаметръ верхней, благодаря чему туловище чашки напоминаетъ русское деревянное ведро: такая форма не соотвѣтствуетъ идеѣ сосудовъ, назначенныхъ для питья.

273. А. И. З. дѣло о приготовленіи по Высочайшему повелѣнію тарелокъ съ военными фигурами, 1875 г.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

1. Дѣла съ 1880 по 1900 г. не отличаются полнотою. Сохранившіяся послѣ пожара въ бѣлой палатѣ, въ 1894 г., модели не могутъ уже дать полнаго представленія о томъ, что было сдѣлано раньше.

2. Письмо Гурьева къ управляющему Кабинетомъ Ребиндеру, 26 окт. 1882: П. О. А. Дв. -оп. 387 / 1167, д. 33, л. 53.

3. Рапортъ Гурьева въ Кабинетъ, 17 іюня 1881: тамъ же, оп. 203/1167, д. 69, л. 2.

4. Дѣло о передачѣ Императорскихъ заводовъ въ вѣдѣніе Императорской Академіи Художествъ: П. О. А. Дв.—оп. 387 1167, д. 33, л. 1.

5. Отношеніе министра Импер. Двора въ правленіе Импер. Академіи Художествъ, 20 сен. 1881, въ дѣлѣ правленія Импер. Академіи Художествъ о передачѣ въ вѣдѣніе Академіи Художествъ Императорскихъ заводовъ фарфороваго и стекляннаго: А. А. Х.—д. № 185/1881 г.

6. Письмо предсѣдателя строительной конторы Министерства Импер. Двора, ген.-лейт. Г. Е. Паукера къ конференцъ-секретарю Имп. Академіи Художествъ П. Ф. Исѣеву, 24 окт. 1881 г.: тамъ же.

7. Отп. мнѣнія члена Каб-та Каменева по поводу записки быв. директора Импер. стекляннаго завода Деревицкаго: П. О. А. Дв.—оп. 387 1167, д. 33, л. 11.

8. Записка (конференцъ-секретаря): А. А. Х., д. № 185 1881 г.

9. Въ комиссію были приглашены: 1) предсѣдатель строительной конторы Министерства Импер. Двора, ген.-лейт. Г. Е. Паукеръ, 2) членъ совѣта Импер. Академіи Художествъ, профессоръ А. И. Кракау, 3) адъюнктъ-профессоръ Николаевской Инженерной Академіи, полковникъ Шуляченко, 4 и 5) профессора химіи Технологическаго Института Бейльштейнъ и Крупскій, 6) членъ Кабинета Е. И. В. Ф. Г. Островскій и 7) конференцъ-секретарь Академіи Художествъ П. Ф. Исѣевъ.—Тамъ же.

10. П. О. А. Дв.—оп. 218/384, д. 8; оп. 188 354, д. 12.

11. Вторая записка конференцъ- секретаря Акад. Художествъ: А. А. Х.—д. № 185 1881 г.

12. П. О. А. Дв. оп. 387/1167, д. 33, л. 17.

13. Докладная записка конференцъ-секретаря предсѣдателю Академіи Художествъ, 29 янв. 1882: А. А. Х.—д. № 185/1881 г.

14. Кромѣ того, „комиссія обратила вниманіе на кладовую 2-го разбора, въ которой хранятся вещи совершенно ненужныя для Двора и не продающіяся, потому что на нихъ выставлено Императорское клеймо. Этихъ предметовъ имѣется тысячъ на пятнадцать. Слѣдовательно—мертвый капиталъ, только занимающій мѣсто, въ которомъ заводъ очень нуждается. Можно было бы клеймо соскоблить и всю кладовую распродать". -Докладная записка конференцъ-секретаря, 29 янв. 1882: А. А. Х.—д. № 185/1881 г.

15. П. О. А. Дв.—оп. 387/1167, д. 33, л.л. 33 и сл.

16. Тамъ же, оп. 181/354, д. 12, л.л. 161 и сл.

17. Мнѣніе члена Каб-та Е. И. В. Каменева: П. О. А. Дв.—оп. 387/1167, д. 33, л. 11.

18. Дѣло правленія Акад. Худ. № 185/1881 г. о передачѣ въ вѣдѣніе Академіи Художествъ Императорскихъ заводовъ прерывается на постановленіи правленія Академіи уплатить академисту Войцицкому 200 р. за составленный имъ планъ заводскихъ зданій.

19. Обзоръ дѣятельности Министерства Императорскаго Двора и Удѣловъ за время царствованія Императора Александра III, стр. 271.

20. А. И. З.—д. № 24 / 1888 г., л. 1. — А. з. - з. о. К. - д. № 3 / 527: о вступленіи дѣлъ по управленію фарфоровымъ и стеклянным Императорскими заводами въ кругъ вѣдѣній земельно-заводскаго отдѣла Кабинета.

21. Коп. Высоч. утвержден. штата Импер. фарф. и стекл. заводовъ: А. И. З. — А. з. - з. о. К., д. № 224/927: объ объединеніи управленія Импер. фарф. и стекл. заводами, о новомъ штатѣ сихъ заводовъ и о замѣщеніи должности по этому штату.

22. Исключительнымъ случаемъ является данное въ 1888 г. Гурьеву разрѣшеніе, вслѣдствіе недостаточности кредита, на передвиженіе суммъ изъ одной статьи смѣты въ другую. – А. з.-з. о. К.—д. № 43/607.

23. Въ дѣлѣ объ образованіи комиссіи для выработки положенія для Импер. фарфор. и стекл. заводовъ (А. з.-з. о. К.—д. № 80 1893 г.), кромѣ утвержденнаго министромъ Двора доклада и. д. управляющаго Кабинетомъ Гудимъ-Левковича, 11 нояб. 1893, имѣется еще лишь свѣдѣніе о томъ, что черезъ два года (въ 1895) комиссія въ первый разъ „предполагала" собраться.

24. А. И. З.—д. № 70 1892 г., л. 30.

25. Изъ этой суммы 82.311 р. 18 к. — на ежегодный ремонтъ; строительнаго кредита 168.282 р., въ томъ числѣ: на работы по заводскому зданію — 11.222 р. 80 к., на перестройку горновъ и помѣщеній для нихъ — 40.332 р., на водоснабженіе—5.000 р., на устройство сараевъ и навѣсовъ для храненія матеріаловъ, устройство забора вокругъ заводского двора и приведеніе послѣдняго въ порядокъ—38.000 р., на исправленіе имѣющихся жилыхъ строеній для служащихъ и вновь пріобрѣтенныхъ домовъ—35.366 р. 10 к., на устройство казармъ для рабочихъ—38.361 р. 10 к.; въ 1891 г. на работы по случаю присоединенія къ фарфоровому заводу стекляннаго завода –75.000 р., въ 1894 г. на исправленіе поврежденій, причиненныхъ пожаромъ въ главномъ зданіи—35.000 р.—Тамъ же, д. № 60/1900 г., л. 111.—О ремонтныхъ и строительныхъ работахъ см. еще: П. О. А. Дв.—оп. 418/1533: д. 88: о капитальномъ ремонтѣ на Имп. фарфор. и стеклянномъ заводахъ.—А. з.-з. о. К. — д. № 89/692: о смѣтахъ на дѣйствія Имп. фарф. и стекл. заводовъ на 1889 г.; д. № 158/800: о смѣтахъ на дѣйствія и т. д. на 1890 г.; д. 212 / 894: о ремонтныхъ работахъ по зданіямъ фарф. и стекл. зав. въ 1890 г.; д. № 5 / 1894 г.: о строит. работахъ и т. д. въ 1894 г.; и др.

26. А. з.-з. о. К. — д. № 253 981: о мѣрахъ къ соединенію Импер. стекляннаго завода съ фарфоровымъ и о командированіи по этому поводу за границу управляющаго заводами и техника Пѣтухова.

27. А. И. З. -д. № 32/1890 г., л. 61.

28. Тамъ же, д. № 41/1890 г., л. 2.

29. П. О. А. Дв.—оп. 48/1533, д. 86.

30. Въ 1882 г. домъ бывшаго полицеймейстера завода былъ обмѣненъ на домъ священника фарфоровской церкви (А. И. З.—

д. № 46/1882, л. 7), при чемъ два дома, бывшіе въ распоряженіи завода, переданы Кабинету. Въ 1890 г. пріобрѣтенъ участокъ фельдфебеля Гучкова, по Большой Щемиловкѣ, съ находящимися на немъ строеніями (тамъ же, д. № 38/1890 г., л. 8), и въ 1892 г.—участокъ крестьянина Недоноскова, на Шлиссельбургскомъ проспектѣ (тамъ же, д. № 16 1892 г., л. 45).—О постройкѣ новыхъ зданій: П. О. А. Дв.—оп. 418/1533, д. 86.

31. Объ устройствѣ водопровода въ зданіяхъ завода: П. О. А. Дв. —оп. 203/1167, д. 83; А. И. З. — д. № 60/1900 г., л. 111 об. — Забирная труба выпущена въ Неву первоначально на 7, а впослѣдствіи (1892 г.) на 10 саж.

32. Д. о соединеніи Имп. фарф. завода съ общею телефонною сѣтью С.-Петербурга: П. О. А. Дв. — оп. 417/1532, д. 77.

33. А. И. З.—д. № 41/1890 г., л.л. 46 и 55.

34. Напр., д.д. о смѣтахъ на дѣйствія Имп. фарф. и стекл. заводовъ на 1889 и 1890 г.г.: А. з.-з. о. К. — д.д. 89/692 и 158 800.

35. А. И. З. — д. № 82 1902 г., л. 49. — А. з.-з. о. К. — д.д. № 259/989—1890 г., № 57/113—1891 г., № 78/232 1892 г., № 61 1893 г.

36. По смѣтамъ 1888 и 1889 г., онъ едва достигалъ 25.000 р.: А. з.-з. о. К.—д. № 89 692—1889 г.

37. Смѣты на различные года: А. з.-з. о. К.— д.д. № 89 692 — 1889 г., № 158/800 — 1889 г., № 259 989 — 1890 г., № 57/113 — 1891 г., № 78/232 — 1892 г., № 61 — 1893 г. и др.

38. А. И. З.—д. № 14/1881 г., л. 14. —О представленіи вещей къ Высоч. Двору см. дѣла А. з.-з. о. К.: № 51/622 — 1888 г., № 77/669 — 1889 г., № 108 721 — 1890 г., № 208 888 — 1890 г., № 266/998 1890 г., № 71/151 1891 г., № 15 115 — 1892 г., № 91/257 1892 г., № 19 1893 г., № 84/1893 г., № 107 1894 г. и др.

39. Текстъ, стр. 229.

40. А. И. З.—д. № 19 1881 г., л. 56.

41. П. О. А. Дв. оп. 188 354, д. 14, л. 48.

42. А. И. З.—д. № 60 1900 г., л. 118.

43. Тамъ же, д. № 39 1883 г., л. 11.

44. П. О. А. Дв.—оп. 471 1987 г., д. 47.

45. А. з.-з. о. К.—д. № 89 692 1889 г.

46. А. И. З.—д. № 60/1900 г., л. 118 и об. Также свѣдѣнія, сообщенныя служащими Императорскихъ заводовъ.

47. А. И. З.—д. № 82/1902 г., л. 49.

48. Карлъ Францевичъ Клеверъ, сынъ нотаріуса, родился 16 нояб. 1854 г. Окончивъ курсъ наукъ въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ со званіемъ технолога, 21 мая 1882 г. опредѣленъ помощникомъ къ инженеръ-технологу Императорскаго фарфороваго завода; въ 1884 г. командированъ на три мѣсяца за границу, для ознакомленія съ керамическими заводами въ Пруссіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи; въ 1887 г. командированъ въ Мейссенъ для ознакомленія съ обжигомъ фарфора каменнымъ углемъ; 1 іюля 1890 г. назначенъ техникомъ VI класса по найму при управленіи Импер. заводами; въ 1901 г. командированъ въ Кельнъ для ознакомленія съ плавкою стекла электрическимъ способомъ; 6 дек. 1902 г. назначенъ на должность старшаго техника Императорскихъ фарфороваго и стекляннаго заводовъ, по найму; приказомъ по гражд. вѣдомству 3 нояб. 1903 г. опредѣленъ на службу, съ назначеніемъ старшимъ техникомъ заводовъ съ 20 окт. 1903 г. Международнымъ комитетомъ по присужденію премій на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 г. Клеверу присужденъ назначаемый сотрудникамъ экспонентовъ въ видѣ высшей награды дипломъ на золотую медаль.—А. И. З.—д. 42/1882 г.

49. Яковъ Осиповичъ Быкъ, родился въ Бердичевѣ 15 янв. 1855 г. По окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ, со званіемъ инженеръ-технолога, поступилъ на Импер. фарфоровый заводъ техникомъ въ 1882 г.; въ 1884 г. командированъ за границу на 3 мѣсяца, для ознакомленія съ керамическими заводами въ Пруссіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи; 14 іюля 1890 г. назначенъ техникомъ Импер. заводовъ VI класса, по найму, съ 1 іюля; въ 1892 г. командированъ на Берлинскій королевскій заводъ для ознакомленія съ новыми топками горновъ; въ 1902 г. назначенъ къ исполненію должности старшаго техника Импер. фарфороваго и стекляннаго заводовъ, по найму; приказомъ по гражданскому вѣдомству, 13 нояб. 1903 г., опредѣленъ на службу съ назначеніемъ старшимъ техникомъ Императорскихъ заводовъ, съ 20 окт. 1903 г. —А. И. З.—д. № 68/1882 г.

50. Семеновъ, Николай Тимоѳеевичъ; спеціальность фигуры pâte sur pâte.

51. Тимофеевъ, Яковъ Яковлевичъ, род. въ 1865 г.; работаетъ на Импер. фарфоровомъ заводѣ съ 1880 г.; въ 1901 г. получилъ званіе потом. почет. гражданина. — А. И. З. - форм. сп.

52. Лапшинъ, Михаилъ Ивановичъ, изъ мѣщанъ, род. въ 1843 г.; поступилъ на Импер. фарфоровый заводъ въ 1856 г.; оставилъ службу въ 1899 г. Тамъ же.

53. Лукинъ, Павелъ Михайловичъ, изъ мѣщанъ, родился въ 1845 г., поступилъ на заводъ въ 1866 г.—Тамъ же.

54. Сулиманъ-Грудзинскій, Эдмундъ Адамовичъ, дворянинъ, род. въ 1854 г., ученикъ Сверчкова; поступилъ на Императорскій фарфоровый заводъ 1 марта 1888 г. Тамъ же.

55. Романовъ, Сергѣй Романовичъ, изъ С.-Петербургскихъ ремесленниковъ; родился въ 1862 г.; учился въ школѣ техническаго рисованія бар. Штиглица; на заводъ поступилъ въ 1890 г. Тамъ же.

56. А. И. З.—д. № 37/1882 г., л.л. 4—5.

57. Тамъ же, д. № 19/1890 г., л. 3.

58. А. з.-з. о. К. д. № 244 962 1890 г.

59. А. И. З.—д. № 16 1896 г., л. 13.

60. П. О. А. Дв.—оп. 188 354, д. 13, л. 108

61. Тамъ же, д. 13.

62. П. О. А. Дв.—оп. 188 354, д. 13, л. 120.

63. А. з.-з. о. К.—д. № 4/93 1892 г. — П. О. А. Дв. — оп. 188 354, д. 13.

64. П. О. А. Дв.—оп. 203 1167, д. 88.

65. Дѣло о вспомогательной кассѣ Императорскихъ заводовъ: тамъ же, оп. 478/2014, д. 107.

66. Всепод. докладъ гр. Воронцова-Дашкова, Высоч. одобренный 16 мая 1882: — П. О. А. Дв. — оп. 204/1168, д. 20, л.л. 9 -10 об.

67. См., напр., А. з.-з. о. К. — д.д. № 124/747 - 1889 г., № 130/755 — 1889 г., № 131/756 — 1889 г., № 219/912 1890 г., № 221/921 — 1890 г., № 42/73 -1891 г. и др.

68. А. з.-з. о. К.—д. 241 959—1890 г.

69. А. И. З. — д. № 33/1882 г., л. 6. П. О. А. Дв.—оп. 204/1168, д. 66.

70. П. О. А. Дв.—оп. 413 1491, д. 99. — А. з.-з. о. К. д. № 11 1893 г.

71. А. И. З.—д. № 31/1884, л. 7.

72. Тамъ же, д. № 6/1887 г., л. 17.

73. Тамъ же, д. № 64/1882, л. 4.; д. № 16 1883, л. 22.

74. П. О. А. Дв. -оп. 416 1506, д. 14. — А. з.-з. о. К. — д. № 35 152—1892 г.; д. № 38/1893; д. № 23/1894 г.

75. А. И. З.—д. № 56/1884 г.

76. Тамъ же, д. № 8 1894 г., л. 5. — А. з.-з. о. К. д. № 113 1894 г.

77. На составленіе проекта памятника былъ объявленъ конкурсъ. Комиссія изъ художника Гуна, пр. Лаверецкаго, акад. Чижова одобрила два проекта, оказавшіеся оба Шписа, которому и выдана была премія въ 900 р. Поставленъ бюстъ на пьедесталѣ работы скульптора Ботта. Такъ какъ оказалось, что въ петербургскомъ климатѣ на открытомъ воздухѣ бисквитъ быстро портится, и его пришлось бы мѣнять каждые 4 года, то вмѣсто него былъ поставленъ бронзовый бюстъ, отлитый въ мастерской Морана, въ Петербургѣ; бисквитный же бюстъ поставленъ въ музеѣ Импер. заводовъ.—А. з.-з. о. К.—д. № 227/933 1890 г.

78. А. И. З.—д. № 10/1881 г., л. 2.

79. Тамъ же, д. № 61/1880 г., л. 57.

80. Технологъ Хованскій и мастеръ Ивановъ представили каждый отчеты о командировкѣ. Отчетъ мастера Иванова свидѣтельствуетъ о весьма внимательномъ изученіи производства западно-европейскихъ заводовъ и отличается обстоятельной мо-

тивировкой пользы или безполезности для Императорскаго фарфороваго завода того или иного способа въ техникѣ фарфороваго производства.—Отчеты Хованскаго и Иванова: П. О. А. Дв. оп. 471 / 1987, д. 139, л.л. 57—69.

81. П. О. А. Дв. -оп. 416 1506, д. 14. А. И. З. -д. № 48 1884 г., л. 30. – Эта командировка имѣла въ виду почти исключительно техническія задачи. Инструкція, данная Гурьеву изъ Кабинета, рекомендовала ему „имѣть въ виду... 1, устройство горновъ, способы обжига и садку горна; 2, матеріалы, входящіе въ составъ массы капсельной, фарфоровой и глазурной; 3, происхожденіе этихъ матеріаловъ и способы приготовленія; 4, аппараты и способы для возможно скораго и вѣрнаго изслѣдованія матеріаловъ; 5, составъ массы и глазури... 6, способы обжиганія алебастра и его приготовленіе; 7, послѣднія усовершенствованія для успѣшной точки и отливки овальныхъ вещей; 8, приготовленіе хорошихъ красокъ подглазурныхъ и надглазурныхъ; 9, наилучшій типъ для муфелей.—П. О. А. Дв.—оп. 416/1506, д. 14, л.л. 2—3.

82. А. И. З.—д. № 48/1884 г., л. 150.

83. Тамъ же, л.л. 68 69.

84. Тамъ же, л.л. 68 и сл.

85. Заводчики и другія лица, содѣйствовавшія Гурьеву въ его командировкѣ, были пожалованы русскими орденами и высочайшими подарками.– А. К.—д. № 40/1884 г. (общее).

86. О командированіи завѣдывающаго заводомъ въ Англію для осмотра фарфоровыхъ заводовъ: П. О. А. Дв. –оп. 418/1533, д. 53.

87. А. И. З. — д. № 7/1887 г., л. 15. П. О. А. Дв. — оп. 419 1544, д. 55.

88. А. И. З.—д. № 40 1891 г.

89. Тамъ же, д. № 21/1892 г.

90. А. з.-з. о. К. д. № 35/152 1892 г.—Въ Данію Гурьевъ ѣздилъ, между прочимъ, для того, чтобы пригласить въ Россію какого-л. мастера подглазурной живописи. Въ отчетѣ своемъ Гурьевъ писалъ, между прочимъ: ...„Исполнить порученіе мнѣ было весьма легко: этому содѣйствовала высокая популярность... въ Даніи... Его Императорскаго Величества... Я былъ на заводѣ принятъ какъ свой; мнѣ съ полной обязательностью все показали и подробно объяснили...“ (тамъ же, л. 7). По ходатайству Гурьева директору Датскаго Королевскаго завода Ph. Schau была Высочайше пожалована фарфоровая ваза (л. 8), а директору Берлинскаго Королевскаго завода, д-ру H. Heinicke, за содѣйствіе въ командировкѣ технику Быку, орденъ Станислава 2-й ст. (л. 8).

91. А. з.-з. о. К. — д. № 38 1893 г. — А. И. З. — д. № 17 1893 г.

92. А. з.-з. о. К.—д. № 23/1894 г.

93. П. О. А. Дв.—оп. 471/1987, д. 139, л. 70.

94. Единственный, кажется, случай испытанія русской фарфоровой глины имѣлъ мѣсто въ 1881 г. Свидѣтельствуетъ объ этомъ небольшой круглый бисквитный медальонъ работы Шписа, на оборотной сторонѣ котораго выцарапана надпись: „Каолинъ изъ вновь найденнаго мѣсторожденія Донецком уголн бассейнъ

Ка 95 18801 (sic)
Шп. 42 ноября 15
Кв. 39 А. Шписъ.“

Медальонъ хранится въ Музеѣ Импер. Зав.

95. А. И. З.—д. № 20 1886 г., л. 4. — П. О. А. Дв. — оп. 418 1533, д. 1.

96. А. И. З.—д. № 69 1882 г., л. 5; д. № 20 1886 г.

97. Даже лабораторія не была настолько оборудована, чтобы служить этимъ цѣлямъ.

98. Приложеніе № 37.

99. П. О. А. Дв.—оп. 204 1168, д. 48.

100. А. И. З.—д. № 60 1900 г.

101. П. О. А. Дв.—оп. 204 1168, д. 49.

102. Впрочемъ большихъ овальныхъ вещей заводъ работать не могъ. Когда въ 1891 г. командиръ надъ С.-Петербургскимъ портомъ предложилъ заводу взять заказъ на исполненіе фарфоровыхъ умывальныхъ чашъ овальной формы для каютъ Государя Императора, Государыни Императрицы и Генералъ-Адмирала на яхтѣ „Полярная Звѣзда“, такъ какъ заводъ Корнилова исполнялъ ихъ неудовлетворительно, то Гурьевъ отказался отъ заказа, объяснивъ, что ни Императорскій заводъ, ни другой какой заводъ въ Россіи не могутъ исполнять хорошо такихъ вещей, „такъ какъ это работа совершенно специальная, къ которой нашъ заводъ не подготовленъ, какъ и всѣ русскіе заводы... Исполненіе такихъ чашъ требуетъ особой массы и особаго обжига“. А. з.-з. о. К.—д. № 55/103 1891 г.

103. См. прим. 100 и П. О. А. Дв.—оп. 418 1533, д. 86.

104. А. И. З.—№ 18 1890 г., л. 8. – П. О. А. Дв. — оп. 416 1506, д. 14, л.л. 2—3.

105. А. И. З.— д. № 12/1892 г., л. 8. – А. з.-з. о. К. — д. № 35/152 1892 г. Лисбергъ рекомендованъ Гурьеву директоромъ Копенгагенскаго кор. завода. Съ нимъ былъ заключенъ контрактъ на 6 недѣль.

106. А. з.-з. о. К.— д. № 23 1894 г., л. 4 и А. И. З. — д. № 22/1893 г., л.л. 1 и 9.

107. Прим. 100 и А. з.-з. о. К.—д. № 70/1893 г.

108. А. И. З.—д. № 8 1890 г., л. 8; д. № 22/1893 г., л. 15.

109. О заботахъ о русскомъ искусствѣ Императора Александра III см. статью пр. А. В. Прахова, „Императоръ Александръ III, какъ дѣятель русскаго художественнаго просвѣщенія“ (Художественныя сокровища Россіи, годъ III, № 4—8).

110. Тамъ же, стр. 150.

111. Когда группа художниковъ, которой ввѣрено было окончаніе кіевскаго Владимірскаго собора, представила несогласную съ предположеніями большинства лицъ, въ ближайшемъ вѣдѣніи коихъ находился высшій надзоръ за построеніемъ собора, программу внутренней отдѣлки и украшеній храма, программу, соотвѣтствовавшую однако идеѣ Государя Императора о народномъ искусствѣ, то художники встрѣтили со стороны Императора Александра III самое горячее сочувствіе, нравственную и матеріальную поддержку. Тамъ же, стр. 164.

112. Тамъ же, стр. 164.

113. А. И. З.—д. № 26 1884 г. — А. з.-з. о. К.—д. № 142 177—1889 г.

114. А. И. З.—д. № 2 1892 г., л. 4.

115. Командируя часто за границу заводскихъ техниковъ, Кабинетъ Е. И. В. далеко не такъ охотно дѣлалъ это по отношенію къ художникамъ. Въ единственномъ случаѣ, когда самъ Гурьевъ ходатайствовалъ о командированіи за границу Шауфельбергера на парижскую всемірную выставку 1889 г., „въ виду необходимости освѣжить искусственную часть на заводахъ, съ цѣлью ближе подойти къ новымъ разнообразнымъ формамъ и цвѣтамъ, примѣняемымъ въ послѣдніе годы на Западѣ къ фарфору“, послѣдовала резолюція: „Предположеніе это не можетъ быть осуществлено“. А. з.-з. о. К.—д. № 113 729 — 1889 г.

ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

1. Баронъ Николай Борисовичъ фонъ-Вольфъ родился 15 февраля 1866 г.; послѣ окончанія, въ 1889 г., курса наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Дерптскаго университета со степенью кандидата политической экономіи и статистики 1 янв. 1892 г. опредѣленъ на службу кандидатомъ на классную должность по Министерству Императорскаго Двора; въ 1895 году перешелъ на службу въ Канцелярію Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и въ то же время былъ назначенъ казначеемъ комитета состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ; Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, 13 іюня 1900 г., назначенъ управляющимъ Императорскими фарфоровымъ и стекляннымъ заводами.—А. И. З. — д. № 27/1900 г.

2. Послѣдній приказъ по заводамъ Д. Н. Гурьева и первый приказъ бар. Вольфа 15 іюня 1900 года: тамъ же, кн. прик. 1882 1904 г.г., л. 99 об.—А. з.-з. о. К.—д. № 53 1900 г.

3. Письмо управляющаго Каб-томъ Е. И. В. къ управляющему Императорскими заводами, 28 іюня 1902: А. И. З. — д. № 65/1902 г., л. 1.

4. Рапортъ управляющаго Импер. заводами управляющему Каб-томъ Е. И. В., 4 іюля 1902: тамъ же, л. 10.

5. Копія штата 6 декабря 1902 года: тамъ же, л. 38.

6. Предписаніе изъ Каб-та Е. И. В. управляющему Импер. заводами, 6 дек. 1902: тамъ же, л. 36.

7. Приказъ по заводамъ 18 дек. 1902: тамъ же, кн. прик. 1882 1904 г.г., л. 119.—Высоч. приказъ по гражданскому вѣдомству, 3 ноября 1903 года, № 81; тамъ же, л. 126: приказъ по заводамъ 12 нояб. 1903 г.

8. А. И. З.—д.д. № № 25 и 80/1901 г., № 82 1902 г., № 94 1903 и № 53/1904 г.

9. Тамъ же, д. № 82/1902 г.

10. Въ связи съ переустройствомъ механической части, при Императорскихъ заводахъ въ 1902 г. была устроена и оборудована станками слесарная мастерская.—Тамъ же, д.д. № 82/1902 г., № 94/1903 г.

11. Тамъ же, д. № 82 1902 г.

12. Тамъ же, л. 49.

13. Тамъ же, д.д. № 82 1902 г., № 94/1903 г.

14. Тамъ же, д. № 94/1903 г., л. 65 об.

15. Приказъ 21 іюля 1899: тамъ же, кн. прик. 1882 1904 г.г.

16. Приказъ 17 авг. 1902: тамъ же, л. 116 об.

17. Приказъ 7 мая 1902: тамъ же, л. 114; приказъ 26 іюля 1902 г.: тамъ же, л. 115.

18. Приказъ 7 фев. 1897: тамъ же, л. 77.

19. Леонидъ Александровичъ Гедеоновъ род. 1870 г.—Тамъ же, форм. сп.

20. Приказъ 20 янв. 1894: тамъ же, л. 64; приказъ 23 фев. 1894 г.: тамъ же, л. 65.

21. Иванъ Ивановичъ Муриновъ, изъ крѣпостныхъ Императорскаго стекляннаго завода, род. въ 1843 г., поступилъ на службу на Императорскій стеклянный заводъ въ 1855 г., произведенъ въ подмастерьи въ 1868, въ мастера — въ 1872 г.; въ 1890 г. назначенъ техникомъ управленія Императорскими заводами VII класса по найму, а въ 1894 г. — техникомъ VI класса. Умеръ 13 авг. 1901 г.—Тамъ же, кн. прик. 1882/1904 г.г., л. 107; кн. форм. сп.

22. Приказъ 28 фев. 1894: тамъ же, кн. прик. 1882/1904 г.г.

23. Приказъ 22 мар. 1894: тамъ же, л. 66.

24. Петръ Ивановичъ Красновскій, домашній учитель, родился въ 1871 г.: тамъ же, кн. форм. сп.

25. Эмилій Яковлевичъ Кремеръ, сынъ колониста царскосельской колоніи Фриденталь, род. 25 іюня 1863 г. По окончаніи центральнаго училища техническаго рисованія барона Штиглица, въ 1887 г., со званіемъ ученаго рисовальщика, былъ командированъ на три года за границу въ качествѣ пенсіонера училища, для усовершенствованія въ композиціи художественно-промышленныхъ предметовъ и для изученія керамики; по возвращеніи изъ-за границы, въ 1890 году, опредѣленъ на службу штатнымъ преподавателемъ майолики въ училище бар. Штиглица; въ 1891 г. командированъ на каникулярное время за границу для обозрѣнія керамическихъ школъ и фабрикъ. Съ 1 окт. 1901 г. опредѣленъ техникомъ VII класса на Императорскіе фарфоровый и стеклянный заводы съ оставленіемъ въ прежней должности.— Форм. сп. о службѣ Кремера; тамъ же, д. 70/1901 г.

26. См. гл. царств. имп. Николая I, прим. 77, стр. 403.

27. Приказъ 7 фев. 1895: тамъ же, кн. прик. 1882 1904 г.г., л. 73.

28. Августъ Карловичъ Тимусъ, изъ крестьянъ Эстляндской губерніи, родился въ 1865 г., поступилъ на службу на Императорскіе заводы въ іюлѣ 1896 г.; на должность техника опредѣленъ съ 1 авг. 1897 г.—Тамъ же, кн. форм. сп.

29. Приказъ 1 сен. 1901 г.: тамъ же, кн. прик. 1882/1904 г.г. л. 108.—Евгеній-Вильгельмъ-Юлій Густавовичъ фанъ-деръ-Белленъ, род. 15 мар. 1871 г., окончилъ физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета съ дипломомъ 1 ст.; поступилъ на Императорскіе заводы лаборантомъ 1 сен. 1901 г., уволенъ отъ службы 1 дек. 1902 г.—Тамъ же, кн. форм. сп.

30. Петръ Сергѣевичъ Философовъ, род. въ 1867 г., по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ, опредѣленъ на должность лаборанта Импер. заводовъ съ 1 янв. 1903 г., съ 1 окт. того же года былъ командированъ на 6 мѣсяцевъ за границу для изученія техники фарфороваго и стекляннаго производствъ.—Приказы 2 янв., 20 мая, 23 іюля и 2 сен. 1903 г.: тамъ же, кн. прик. 1882/1904 г.г., л.л. 121, 123, 125 и 125 об.

31. О мѣрахъ взысканія, налагавшихся на рабочихъ при Д. Н. Гурьевѣ, можно составить представленіе по книгѣ приказовъ за 1882 1904 г.г.

32. Въ концѣ 1892 г. было уволено 4 человѣка по бѣлой палатѣ и 9 живописцевъ на томъ основаніи, что „были исполнены всѣ заказы фарфора для придворнаго вѣдомства и заготовленъ большой запасъ фарфоровыхъ вещей для будущихъ требованій".— Приказъ 22 сен. 1892 г.: тамъ же, кн. прик. 1882/1904 г.г., л. 57.

33. А. И. З.—задѣльныя книги за 1903—4 г.г.

34. Ева Марія Кордесъ, род. 1866 г., художественное образованіе получила въ уч. рис. бар. Штиглица въ Спб. и въ Лиможѣ; на Имп. зав. поступила въ 1902 г.—Тамъ же, кн. форм. сп.

35. Григорій Дмитріевичъ Зиминъ, изъ с.-петербургскихъ мѣщанъ, род. 1875 г., поступилъ на Импер. фарфоровый заводъ ученикомъ живописи въ 1886 г., переведенъ въ мастерскую живописцемъ въ 1893 г.—Тамъ же, кн. форм. сп.

36. Дѣло по конторѣ Императорскихъ заводовъ о вспомогательной кассѣ Императорскихъ заводовъ: П. О. А. Дв. — оп. 478/2014, д. 107, л.л. 6—8.

37. Предписаніе изъ Каб-та Е. И. В. управляющему Импер. заводами, 11 іюня 1896 г.: тамъ же, л. 8.

38. Рапортъ управляющаго Импер. заводами въ Каб-тъ Е. И. В., 17 іюня 1896: тамъ же, л. 26.

39. Отчеты и смѣты по вспомогательной кассѣ Импер. заводовъ за 1897 — 1903 г.г.: А. з.-з. о. К. — д.д. № 19/1898 г., № 83/1898 г., № 19 1899 г., № 74/1899 г., № 21/1900 г., № 70/1900 г., № 17/1901 г., № 80 1901 г., № 19/1902 г., № 77/1902 г.

40. А. И. З.—д.д. № № 80/1901 г., 82/1902 г., 94/1903 г.

41. Тамъ же, д. № 80/1901 г., № 82/1902 г., № 94/1903 г.— П. О. А. Дв.—оп. 188/354 д. 13, л.л. 120, 131 — 141. — А. з.-з. о. К.—д. № 4/93—1892 г.

42. А. з.-з. о. К.—д. № 40/1899 г.

43. А. И. З.—д. № 25/1901 г.

44. Тамъ же, д. № 80/1901.

45. Въ послѣднее время новые участки подъ постройку домовъ отводились рѣдко. А. з.-з. о. К. -д.д. № 20/1896 г., № 30/1899 г.

46. А. И. З.—д. № 80/1901 г.

47. Тамъ же, д.д. № 82/1902 г., № 94/1903 г.

48. Тамъ же, д. № 82/1902 г.—А. з.-з. о. К.—д. № 33/1902 г.

49. Тамъ же, д. № 61/1902 г.—А. И. З.—д. № 82/1902 г.

50. Тамъ же, д. № 82/1902 г.

51. А. з.-з. о. К.—д. № 65 1900 г.

52. А. з. - з. о. К. — д. № 16 / 1901 г. — А. И. З. — д. № 82/1902 г.

53. А. И. З.—д. № 94/1903 г.

54. Тамъ же, кн. прик. 1882 1904 г.г.

55. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 88.

56. Тамъ же, д. № 80/1901.

57. Тамъ же, д. № 80/1901.— А. з.-з. о. К. — д. № 40/1902 г.— Опредѣлялись также и въ богадѣльни, напримѣръ, въ богадѣльню, имени Варгуниныхъ, въ селеніи фарфороваго завода, на учрежденную при ней стипендію: А. з.-з. о. К.—д. № 10/1900 г.

58. А. И. З. — д. № 80 / 1901 г.

59. А. И. З.—д. 94 1903 г.

60. Тамъ же, д. № 25/1901 г.

61. Тамъ же, д.д. № 80 1901 г., № 53/1904 г.

62. Тамъ же, д. № 25 1901 г.

63. Тамъ же, д. № 94/1903 г.
64. Тамъ же, д. № 25/1901 г.
65. Тамъ же, д. № 94/1903 г.
66. Тамъ же, д. № 80/1901 г.
67. Тамъ же, д. № 25/1901 г.
68. Тамъ же, д. № 82/1902 г.
69. Тамъ же, д. № 25/1901 г., л. 12.
70. Тамъ же, д. № 104/1903 г., л. 6 об.
71. Тамъ же, д. № 82/1902 г., л.л. 74 об. и 85.
72. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 110.
73. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 108.
74. Тамъ же, д. № 49/1902 г., л.л. 2 и 3.—А. з.-з. о. К.—д. № 27/1902 г.
75. А. И. З.—д. № 104/1903 г. л. 6.
76. Тамъ же, д. № 91/1901 г., л. 109, д. № 94/1903 г., л. 69 об.
77. Тамъ же, д. № 82/ 1902 г., л. 84.
78. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 109.
79. Тамъ же, д. № 25/1901 г., л. 11 об.
80. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 109.
81. Тамъ же, д. № 82/1902 г., л. 86; д. № 94/1903 г., л. 70 об.
82. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 108 об.
83. Тамъ же, д. № 94/1903 г., л. 69 об.
84. Тамъ же, д. № 80/1901 г., л. 109.
85. L'Art Décoratif, 1904, № 74, стр. 161—169.

МАРКИ И ЗНАКИ.

1. Марка 5 имѣется на нѣкоторыхъ вещахъ изъ такъ наз. „Собственнаго Его В-ва сервиза,“ принадлежащаго первому періоду существованія Императорскаго завода, додѣланныхъ къ сервизу на Императорскомъ заводѣ, вѣроятно, въ царствованіе Императора Николая I.

2. П. О. А. Дв.—оп. 158/320, д. 130.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

КОНТРАКТЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ ИМЕНЕМЪ ЦАРЯ ПЕТРА I ГР. МУСИНЫМЪ-ПУШКИНЫМЪ СЪ ГОНЧАРНЫМЪ МАСТЕРОМЪ КАРЛО-АНТОНІО БОНАВЕРИ, НА ПРЕДМЕТЪ ОБУЧЕНІЯ ГОНЧАРНОМУ РЕМЕСЛУ ЧЕТЫРЕХЪ РУССКИХЪ УЧЕНИКОВЪ, ВЪ АМСТЕРДАМѢ, 15 АВГУСТА 1717 г.

Въ Амстердамѣ, 15-го августа 1717 г. Я, нижеподписавшійся, чрезъ сіе объявляю, что договорился съ господиномъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, именемъ и по указу Его Царскаго Величества, чтобъ указать и научить четырехъ человѣкъ московскихъ мастерству, какъ дѣлать посуду глиняную, сирѣчь какъ мѣсить глину, точить модель посуды, наводить рѣзьбы, дѣлать формы, печатать, полировать, жечь и какъ надлежитъ ставить въ печь, чтобъ одинъ до другого сосуда не дотыкался, и огонь около сосудовъ могъ бы дѣйствовать; также показать мѣру огня, какъ быть въ совершенствѣ, и какъ требуетъ сіе мастерство. И въ томъ обѣщаюся и обязуюся достовѣрно по моей должности научить такъ, чтобъ они сами могли дѣлать безъ моего показанія и надзиранія, и такому мастерству обучить ихъ въ годъ или, ежели мощно, и меньше года. И послѣ сроку того времени, за такое наученіе и показаніе договорился я съ вышепомянутымъ господиномъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, чтобъ мнѣ дано было безъ замедленія чрезъ господина Соловьева пятьсотъ червонныхъ венецкихъ или хотя иною какою монетою, тому равною. И помянутый комиссаръ господинъ Соловьевъ или иной, кто вмѣсто его будетъ, вѣдалъ бы о томъ, что помянутые четыре ученика обучились такому мастерству и могутъ безъ меня все дѣлать, какъ я обѣщался. При семъ еще обязуюся, когда они имѣютъ отъ меня отходить и возвратиться во отечество, дать имъ 14 формъ, начиная отъ перваго нумера до 14, которыя учинены будутъ собственными ихъ руками. Также договорено и постановлено, чтобъ онымъ четыремъ ученикамъ, во все время ихъ обученія, имѣть отъ себя квартеру и пищу, безъ всякаго моего отягченія. Чесо ради во увѣреніе, сей договоръ учиненъ письмомъ приказнымъ при нижеподписанныхъ, имянованныхъ въ семъ контрактѣ.

Карло-Антоніо Бонавери.

Г. А. Разр. IX, 2-е отд., книга № 94, л. л. 508—509. Подлинникъ на итальянскомъ языкѣ: л. 510 и об.

№ 2.

КОНТРАКТЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ МИНИСТРОМЪ ПРИ ПРУССКОМЪ ДВОРѢ А. Г. ГОЛОВКИНЫМЪ СЪ ПОРЦЕЛИННЫМЪ МАСТЕРОМЪ ЭГГЕБРЕХТОМЪ О ПРИНЯТІИ ПОСЛѢДНЯГО НА РУССКУЮ СЛУЖБУ, ВЪ БЕРЛИНѢ, 11 ІЮНЯ 1718 г.

Переводъ съ контракту.

Да будетъ извѣстно, что нынѣшняго числа между мною, Его Царскаго Величества камергеромъ и министромъ при королевскомъ прусскомъ дворѣ, съ одной стороны, и господиномъ Петромъ Эгебрехтомъ, порцелиннымъ мастеромъ, съ другой стороны, послѣдующій контрактъ помолвленъ и заключенъ:

1. Пріемлется помянутый господинъ Эгебрехтъ въ службу Его Царскаго Величества, моего всемилостивѣйшаго государя, яко надворный порцелинный мастеръ, сицевымъ образомъ, чтобъ онъ въ сей службѣ всегда вѣрно, прилежно и усердно поступалъ, какъ честному человѣку надлежитъ.

2. За то договоренось ему годового окладного жалованья по 300 червонныхъ спецій давать, но чтобъ онъ двухъ потребныхъ къ тому дѣлу человѣкъ, которыхъ онъ съ собою привести повиненъ, тою же суммою содержалъ и питалъ.

3. Чрезъ сіе же обѣщается ему свободный дворъ и дрова про него и на домашнія его потребы.

4. Договоренось съ нимъ, чтобъ его купно съ помянутыми двумя особами безъ проторей и покойно до Санктъ-Петерсбурга поставить.

5. Постановлено, чтобъ за всякаго ученика по 40 червонныхъ спецій, которыхъ половину, 20 червонныхъ, тотчасъ при принятіи ученика, а другую половину по выученіи его платить; а ученики всемилостивѣйшимъ указомъ Его Царскаго Величества опредѣлены будутъ

6. Такожъ договоренось, что всѣ работники, которые при начатіи дѣла и строеніи печей, такожъ и у приготовленія глины и протчаго всего, что къ порцелинному дѣлу надлежитъ, употреблены будутъ, какого бъ сіе прозвища ни было, кромѣ помянутыхъ двухъ человѣкъ, которыхъ господинъ Эгебрехтъ содержать долженъ, иждивеніемъ бы Царскаго Величеста содержаны и промышлены были.

7. Тому насупротивъ, обѣщаетъ и обязуется помянутый господинъ Петръ Эгебрехтъ наикрѣпчайше, яко надворный порцелинный мастеръ, въ службѣ Его Царскаго Величества 2 слѣдующіе года (которые при отъѣздѣ его отсюда начало свое воспріимутъ) пробыть, а третій годъ въ произволеніи его да будетъ; и ежели онъ, по прешествіи 2 лѣтъ, объ отпускѣ своемъ просить будетъ, чтобъ ему оный позволить, и свободный и безопасный пасъ для отъѣзду во отечество его, такожъ и на дорожныя издержки дано было. И при семъ обѣщаетъ данныхъ учениковъ, по своему наилучшему знанію и совѣсти, въ бытность свою тамо въ такое состояніе привести, какъ ему возможно будетъ; и все, что къ сему мастерству угодно и полезно будетъ, учрежденнымъ отъ Его Царскаго Величества ученикамъ и каждому особно вѣрно и усердно, безъ всякаго скрытія показывать симъ обязуется.

8. Такожъ обязуется помянутый Эгебрехтъ въ 8 недѣль отъ сего числа или, какъ возможно будетъ, еще прежде путь свой въ Санктъ-Петерсбургъ воспріять.

9. Всѣ порцелины, которые сдѣланы будутъ, останутся въ высочайшемъ расположеніи Его Царскаго Величества, за что не будетъ плачено, кромѣ того, что прежде договоренось, развѣ помянутый Эгебрехтъ инако въ Санктъ-Петерсбургѣ договорится.

10. И понеже господинъ Эгебрехтъ объявилъ, что онъ прежде отъѣзда своего, для снабдѣнія оставшейся фамиліи своей, въ половинѣ договорнаго жалованья нужду имѣетъ, того ради обѣщано ему половину его жалованья, 150 червонныхъ спецій, при отъѣздѣ

его съ надлежащею распискою выдать, а другая половина опредѣленнаго его жалованья при пріѣздѣ его въ Санктъ-Петерсбургъ или по ассигнаціи его въ здѣшней землѣ выдана быть имѣетъ, а въ предбудущій годъ или годы давать ему по 75 червонныхъ специй всегда напередъ квартально, покамѣстъ онъ въ службѣ Его Царскаго Величества будетъ.

Напослѣдокъ, обѣ стороны отреклись всѣхъ и всякихъ убѣжищъ и судныхъ пользъ, которыя бъ одной или другой сторонѣ могли въ томъ служить, и учинили все безъ подыску и обману. Во свидѣтельство того, сей контрактъ на дву экземплярахъ изготовленъ и со обѣихъ сторонъ власноручно подписанъ и запечатанъ, и всякой сторонѣ одинъ экземпляръ отданъ. Въ Берлинѣ, 11-го іюня 1718.

Александръ Головкинъ (М. П.)
Петеръ Эгебрехтъ (М. П.)

На приклеенномъ листкѣ бумаги: О жалованьи послана выписка въ помѣстный приказъ, въ 17 день октября 1718 года, и записана въ тетрадь.

Сего контракту послана копія при письмѣ секретарскомъ, въ 15 числѣ октября 1718 году, къ князю Черкасскому.

Г. А.—Разр. IX, 2-е отд., кн. № 35, л.л. 328 -9.

№ 3.

ИЗЪ ПИСЬМА А. Г. ГОЛОВКИНА КЪ КАБИНЕТЪ-СЕКРЕТАРЮ А. В. МАКАРОВУ, ИЗЪ БЕРЛИНА, 30 АВГУСТА 1718 г.

. . . . Приноситель сего моего, порцелинный мастеръ Эгебрехтъ, котораго я отправилъ купно съ двумя подмастерьями и велѣлъ милости вашей явиться; а что на дорогу оному я далъ, о томъ впредь къ милости вашей пришлю вѣдѣние...

Приписка рукою Макарова: Отвѣтствовать, что порцелиновый мастеръ здѣсь явился и къ дѣлу употребленъ. . .

Г. А. -Разр. IX, 2-е отд., кн. № 35, л. 380.

№ 4.

ИЗЪ ДОНЕСЕНІЯ ЦѢЛОВАЛЬНИКА КИТАЙСКАГО КАРАВАНА ОСИПА МЯСНИКОВА, ПОДАННАГО ВЪ КАБИНЕТЪ Е. И. В. 11 ІЮНЯ 1743 г.

. . . . По указу блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны изъ Кабинета, съ 735 году былъ я, нижайшій, въ Китайскомъ государствѣ въ столичномъ городѣ Пекинѣ при караванахъ четырежды для обученія тамошнихъ китайскихъ художествъ. . . .

И въ прошломъ 1739 году изъ Правительствующаго Сената, по состоявшемуся указу, ноября 5-го дня, а по резолюціи Кабинета, велѣно меня опредѣлить при караванѣ цѣловальникомъ, чтобъ я ѣхалъ для присмотру и обученія впредь другихъ китайскихъ художествъ . . . . Сыскалъ я мастера, который показалъ и обучилъ меня, какимъ способомъ составляютъ и изъ которыхъ китайскихъ матерій разныхъ цвѣтовъ флюсты, или стекла. Также пріискалъ было я и другого мастера, который хотѣлъ меня обучить въ одинъ мѣсяцъ парсолейному художеству такъ, какъ въ Китаѣ дѣлается и изъ чего жъ составляется, съ показаніемъ натуральной матеріи и пробъ, а за тое обученіе и показаніе матеріи просилъ у меня серебра тысячу восемьсотъ -ланъ, изъ котораго серебра требовалъ напередъ, для посылки въ нѣкоторый городъ по надлежащую матерію и на покупку тамо разныхъ матеріаловъ: ценинной глины, красокъ и инструментовъ къ показанному мастерству, двѣсти ланъ, а достальное бъ серебро положить у надежнаго человѣка съ обѣихъ сторонъ въ лавкѣ до времяни, пока онъ меня обучитъ, а по совершенномъ обученіи, чтобъ ему оное серебро по договору отдано было исправно, и впредь для знанія моего, къ тому художеству какія принадлежатъ матеріалы и какою цѣною покупаются, далъ онъ мнѣ реэстръ, съ котораго при семъ прилагаю копію; и по тому моему всеусердному радѣнію искалъ пользы Россійскому отечеству во обученіи парсолейнаго художества и флюстовъ . . . . о чемъ тогда жъ и представлялъ я бывшему въ томъ караванѣ директору господину Фирсову, чтобъ онъ учинилъ мнѣ вспоможеніе, но онъ не только чтобъ то учинилъ, но съ грубостію и ругательствомъ меня отъ себя отогналъ, и то полезное государству Россійскому дѣло уничтожено осталось . .

Реэстръ къ дѣланію цениннаго художества; о ценинѣ и краскахъ.

Ценинная глина покупается каждый гинъ по 3 фуна, и всего куплено будетъ 100 гинъ, того 3 л.

Краски:

Бай-ю (или бѣлая земля, которая наводится на ценинную посуду) каждый гинъ по 2 ланы,

ни-дзинъ каждый ящичекъ по	5 ланъ	сіоу-цинъ каждая лана по	1 ланѣ
да-хунъ каждая лана по	4 ланы	хый-цинъ каждая лана по	1 ланѣ
да люй каждая лана по	4 ланы	дзы-хунъ каждая лана по	1 ланѣ
да-цинъ каждая лана по	4 ланы	хуанъ-дзинъ каждая лана по	1 ланѣ

Всякихъ потребныхъ къ сему мастерству инструментовъ -цѣною на 15 ланъ.

Отъ вышеписанныхъ красокъ, отъ каждой, куплено будетъ вѣсомъ по 2 ланы, глины ценинной 100 гинъ.

Г. А.—Разр. XIV, д. № 68, обложка 13.

№ 5.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ДОНОШЕНІЕ ДИРЕКТОРА КИТАЙСКАГО КАРАВАНА ГЕРАСИМА ЛЕБРАТОВСКАГО ОБЪ УЗНАНІИ ИМЪ СЕКРЕТА КИТАЙСКАГО ФАРФОРА, ИЗЪ ИРКУТСКА, 17 ОКТЯБРЯ 1746 г

Всепресвѣтлѣйшей, Державнѣйшей, Великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, всеподданнѣйшее доношеніе.

Признало́сь мнѣ, всеподданнѣйшему Вашего Императорскаго Величества рабу, быть фарфоровому художеству въ Россіи за немалый способъ, о которомъ, съ начала моего въ караванъ опредѣленія, неотмѣнное, по всеподданнѣйшей моей должности,

имѣлъ намѣреніе, чтобъ какимъ бы нибудь способомъ оное художество въ Китаяхъ достать, токмо при отправленіи моемъ изъ Москвы не имѣлъ случая о позволеніи на оное и о употребленіи на то до какой суммы казны, гдѣ надлежало, донесть; однакожъ, по вышеявленному моему за способъ Россійской имперіи признанію, дерзнулъ я, всеподданнѣйшій Вашего Императорскаго Величества рабъ, и безъ указу Вашего Императорскаго Величества, къ доставанію онаго художества нѣкоторую сумму серебра изъ караванной казны употребить, и на высочайшее Вашего Императорскаго Величества счастіе то фарфоровое художество получилъ нижеявленными способы: хотя для обученія всякихъ въ Пекинѣ художествъ имѣется при караванѣ и опредѣленный по указу Вашего Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената, подъ видомъ цѣловальника, серебряникъ Осипъ Мясниковъ, которому и жалованье опредѣлено противъ цѣловальниковъ по триста рублевъ въ годъ, который и въ прошлыхъ караванахъ уже неоднократно былъ посыланъ, токмо о томъ художествѣ ни малаго знанія въ тѣхъ бытностяхъ не получалъ; а при отправленіи моемъ съ караваномъ въ Китай за границу, уже за границею, близъ Кяхтенскаго форпоста, при рѣчкѣ Бурѣ, увѣдомился я, что имѣется во ономъ форпостѣ серебряникъ Яринскаго города Андрей Курсинъ, который о томъ художествѣ уже нѣсколько лѣтъ, своею охотою, чрезъ всякія матеріи пробою сыскивалъ и черезъ тѣ пробы, хотя и несовершенно и не такъ, какъ дѣлается въ Китаяхъ, токмо на нѣкоторыя матеріи, изъ чего дѣлается фарфоръ, трафилъ и наподобіе фарфора, токмо безъ глянца, тѣло уже составлялъ и по такой видимой изъ его, Курсина, хотя еще мало на фарфоръ подобной пробѣ, взялъ я его при караванѣ на моемъ коштѣ въ Пекинъ, а по прибытіи туда, чрезъ бывшихъ во ономъ Пекинѣ россійскихъ китайскимъ языкомъ прапорщичья ранга учениковъ Алексѣя Владыкина да Ивана Быкова, со обнадеживаніемъ имъ высочайшей Вашего Императорскаго Величества милости, такого фарфороваго художества мастера пріискалъ, который имѣется при заводахъ въ Пекинѣ ханскихъ, отъ котораго мастера показанному Курсину, чрезъ неоднократную ко оному мастеру во уготованное на то въ тридцати пяти верстахъ отъ Пекина, въ китайскихъ пустыхъ кумирняхъ мѣсто, тайнымъ образомъ, съ немалою отъ китайцовъ опасностію, посылку, дѣйствительно о томъ художествѣ чрезъ пробу показано, и взяты отъ онаго мастера во всемъ томъ художествѣ рецепты и о заводахъ для примѣру переплетенная въ книгѣ ланкарта и нѣсколько натуральной, потребной ко оному фарфору для пріиску такой же въ Россіи матеріи; токмо объ оной матеріи, еще прежде обученія, взята съ показаннаго Курсина подписка, подлинно ль такая матерія въ Россіи имѣется и въ которыхъ мѣстахъ, чтобъ не безъ пользы за то обученіе отдать плату, въ чемъ онъ, Курсинъ, и подписался, что такая матерія въ Россіи, а имянно близъ Кяхты и у моря Байкала и въ Бѣльскомъ близъ Иркуцка острогѣ подлинно имѣется, и по той надеждѣ оный Курсинъ къ тому обученію употребленъ; а за обученіе того художества дано оному мастеру по договору серебра тысяча пять сотъ ланъ, да на посылку по натуральную матерію и на дѣланіе при показанномъ обученіи печей и протчихъ инструментовъ, и за писаніе о заводахъ ланкарты, и на протчія къ тому потребности ему жъ мастеру дано четыреста тридцать три ланы, итого на оное обученіе употреблено серебра тысяча девять сотъ тридцать три ланы, а по россійскому счету три тысячи двѣсти восемьдесять шесть рублевъ десять копѣекъ. А по выѣздѣ изъ Пекина за Калганскую стѣну на степь, вѣдая то, что по прибытіи съ караваномъ на границѣ быть недолгое время, въ которое бъ помянутаго художества опробовать изъ россійской матеріи было не можно, а каравану за тѣмъ лишнее время продолжить для траты Вашего Императорскаго Величества интереса нельзя жъ, и для того, сыскавъ способъ, чрезъ бывшаго для препровожденія каравана отъ китайскаго трибунала заргучея, послалъ я напередъ каравана въ Россію на почтѣ съ вышеявленнымъ Курсинымъ имѣющаго [ся] при караванѣ поручичья ранга академиста Герасима Барышникова, чтобъ они, до прибытія каравана, изъ россійскихъ матерій то художество секретно, никому не объявляя, опробовали, которыми та проба изъ россійской матеріи, взятой близъ Кяхты, и сдѣлана, токмо съ поливомъ, которымъ глянцъ наводится, китайскимъ, ибо оный поливъ дѣлается мѣсяцевъ чрезъ пять или шесть, а на тотъ поливъ въ Россіи матеріи имѣются жъ. А въ той сдѣланной пробѣ хотя дѣйствительный фарфоръ кажется, токмо, за ненавычкою въ томъ мастерствѣ чрезъ такое малое время искусства, противъ китайскаго чистотою въ дѣлѣ не утрафлена, также и никакими красками, за неимѣніемъ живописцевъ, не расписана; а какимъ образомъ тѣ краски составлять и какъ на посуду наводить, о томъ отъ вышеозначенаго мастера рецептами и пробою показано. А вышеявленную, сдѣланную изъ россійской матеріи пробу, при семъ всеподданнѣйше предлагаю, а той матеріи, изъ которой оная проба сдѣлана, для настоящей впредь пробы жъ и совершеннаго во всемъ противъ китайскаго фарфора чистотою наученія, до сысканія впредь такой матеріи близъ Москвы или Санктъ-Петербурга, взято нынѣ при караванѣ отъ моря Байкала и изъ Бѣльскаго острога пудовъ до пятидесятъ. А вышепоказанныхъ учениковъ Алексѣя Владыкина и Ивана Быкова, по доношенію ихъ, въ которомъ показано, что они въ Китаяхъ при наукахъ обрѣтались еще съ 1731 году и языки никанскій и манджурскій обучили и уже нѣсколько лѣтъ жили безъ никакого обученія праздно, и за ревностное ихъ въ пріискѣ означеннаго фарфороваго художества мастера, дерзнулъ я, всеподданнѣйшій Вашего Императорскаго Величества рабъ, взять при караванѣ въ Россію и для того ихъ выѣзду на исправу, за вышеозначенное въ пріискѣ мастера ревностное стараніе, дать изъ караванной казны серебромъ каждому по двѣсти ланъ, а по россійскому счету по триста по сороку рублевъ награжденія. А вышеявленному Андрею Курсину, по обученіи показаннаго художества, опредѣлено, до указу Вашего Императорскаго Величества, жалованья, противъ вышеписаннаго цѣловальника Осипа Мясникова, по триста рублевъ въ годъ. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ асессоръ и китайскаго каравана директоръ *Герасимъ Лебратовскій.*

Изъ Иркуцка, октября 17 дня 1746 году.

М. О. А. Дв. Оп. 315, д. 1, лл. 324 326, 331 333.

№ 6.

ПИСЬМО ГР. А. Г. РАЗУМОВСКАГО КЪ БАР. И. А. ЧЕРКАСОВУ, СЪ СООБЩЕНІЕМЪ ИМЕННОГО ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ УКАЗА ОБЪ ОТСЫЛКѢ ЛЮДЕЙ ЛЕБРАТОВСКАГО ВЪ ЦАРСКОЕ СЕЛО ДЛЯ ДѢЛАНІЯ ОПЫТОВЪ ПРОИЗВОДСТВА ФАРФОРА, 9 МАЯ 1747 г.

Государь мой, баронъ Иванъ Антоновичъ. Ея Императорское Величество указала привезенныхъ въ Санктъ-Петербурхъ изъ Китая асессоромъ Либретовскимъ людей, кои знаютъ искусство порцелинной работы, и съ ними поручика Барышникова, который оттуда жъ пріѣхалъ, отослать къ совѣтнику Замятнину для ученія ими, подъ смотрѣніемъ означеннаго асессора Либретовскаго, тому дѣлу пробы въ Селѣ Царскомъ, гдѣ имъ отъ онаго Замятнина показано будетъ мѣсто; а потребные для того матеріалы отпустить съ ними изъ наличныхъ отъ порцелиннаго мастера Гунгера; а какихъ недостанетъ, оные промысля, къ нимъ же отослать; о чемъ объявя, пребываю вашего превосходительства государя моего охотнѣйшій слуга *Графъ А. Разумовскій.*

Маія 9 дня 1747 году, Царское Село.

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 1, л. 365

№ 7

КОНТРАКТЪ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ БАР. Н. КОРФОМЪ СЪ МАСТЕРОМЪ ХРИСТОФОМЪ-КОНРАДОМЪ ГУНГЕРОМЪ О ПРИНЯТІИ ПОСЛѢДНЯГО НА РУССКУЮ СЛУЖБУ, ДЛЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ МАНУФАКТУРЫ ДЛЯ ДѢЛАНІЯ ФАЯНСА И ТВЕРДАГО ФАРФОРА, ВЪ СТОКГОЛЬМѢ, 1 ФЕВРАЛЯ 1744 г.

Съ его превосходительствомъ господиномъ барономъ Корфомъ, камергеромъ Ея Императорскаго Величества [Самодержицы] Всероссійской, кавалеромъ ордена святыя Анны, я слѣдующее заключилъ и договорился: чтобъ для Ея Императорскаго Величества учредить въ Санктъ-Петербургѣ манифактуру для дѣланія голландской посуды, такожъ и чистаго фарфора такъ, какъ оный въ Саксоніи дѣлается, и какъ его превосходительство симъ обоимъ сортамъ пробы отъ меня получилъ, а имянно на сихъ кондиціяхъ:

1-е. Обѣщаетъ его превосходительство у Ея Императорскаго Величества исходатайствовать мнѣ тысячу червонныхъ специесъ на выкупъ мой отсюда, заплатою моихъ долговъ.

2-е. Тысячу рублевъ или пятьсотъ червонныхъ специесъ, для моего ежегоднаго жалованья, купно съ свободною квартерою, свѣчами и дровами.

3-е. Безденежный проѣздъ мнѣ и моей фамиліи, такожъ и другимъ работнымъ людямъ.

4-е. Чинъ директора надъ Ея Императорскаго Величества фарфоровою фабрикою.

5-е Письменное и отъ Ея Императорскаго Величества собственноручно подписанное, всемилостивѣйшее обнадеживаніе во всѣхъ сихъ пунктахъ.

6-е. Помянутая тысяча червонныхъ имѣетъ признана быть за награжденіе, ежели я мое обязательство исполню, а въ противномъ случаѣ долженъ я оныя деньги паки заплатить.

Въ Стокгольмѣ, 1-го февр. 1744. Христофъ Конрадъ Гунгеръ.

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 1 л.л. 3—4.—Копія контракта на нѣмецкомъ языкѣ, подписанная собственноручно Гунгеромъ: л. 5.

№ 8

ОТСТАВКА ГУНГЕРА, 10 НОЯБРЯ 1748 г.

По указу Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, Самодержицы Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая. Объявитель сего, порцелиннаго дѣла мастеръ Христофъ Конрадъ Гунгеръ, который по контракту обрѣтался въ службѣ Ея Императорскаго Величества, изъ оной службы уволенъ, и данъ ему сей апшитъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, съ которымъ явиться ему въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ для полученія пашпорта. Въ Санктъ-Петербурхѣ, ноября 10 дня 1748 году.

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 1, л. 415

№ 9.

РАПОРТЪ Д. ВИНОГРАДОВА ВЪ КАБИНЕТЪ Е. И. В. О ПЕРЕДАЧѢ СЕКРЕТА ФАРФОРОВАГО ПРОИЗВОДСТВА МАСТЕРОВОМУ НИКИТѢ ВОИНОВУ И О ЗАГОТОВЛЕННЫХЪ МАССАХЪ, 25 МАЯ 1752 г.

Ея Императорскаго Величества въ Высочайшій Кабинетъ всепокорный репортъ. Ея Императорскаго Величества Кабинету симъ покорно нижайше репортую, что высочайшій Ея Императорскаго Величества указъ, сего маія отъ 23 дня, за подписаніемъ тайнаго совѣтника и кавалера его высокопревосходительства барона Ивана Антоновича Черкасова исправно получилъ, и по силѣ онаго высочайшаго указу точное отъ меня исполненіе со всякою должнѣйшею ревностію во всемъ учинено быть имѣетъ: опредѣленный ко мнѣ для изученія отъ меня дѣла порцелина мастеровой Никита Воиновъ сего жъ числа имѣетъ получить отъ меня основательное и безскрытное наставленіе всему тому, что до состава и пропорціи массы и глазуры чистаго порцелина касается, особливо того, каковъ добротою въ послѣдней пробѣ явился, также всѣ обстоятельства и пріемы, принадлежащіе до дѣла порцелина, покажу помянутому Воинову вѣрно, такъ, какъ я оные чрезъ некраткую практику и понесенные немалые труды самъ изучился и знаю.

Приготовленныя понынѣ чрезъ мои руки массы, которыя, для лутчаго ихъ созрѣнія и полученія твердѣйшей плотности, въ погребъ поставлены, имѣются слѣдующія:

1. Масса подъ нумеромъ 1. 16 составлена сего 1752 году въ февралѣ мѣсяцѣ; оныя массы есть два пуда.
2. Масса подъ нумеромъ 4. 16 дѣлана въ мартѣ мѣсяцѣ, которой имѣется полтора пуда.
3. Масса подъ литерою А дѣлана въ нынѣшнемъ маіѣ мѣсяцѣ; оной имѣется одинъ пудъ.
4. Масса подъ литерою В дѣлана въ семъ же мѣсяцѣ; которой имѣется также одинъ пудъ.
5. Масса подъ нумеромъ 12 дѣлана въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; оной имѣется два пуда.
6. На прошедшей недѣлѣ сдѣлано массы, добротою противъ послѣдней лутчей пробы, вѣсомъ до трехъ пудъ, которая, по довольномъ перетреніи, также въ погребъ поставлена быть имѣетъ. Всѣхъ приготовленныхъ по сіе число массъ имѣется вѣсомъ около десяти пудъ. Въ составленіи послѣдней лутчей массы и потребныя къ тому глазуры впредь крайнее стараніе имѣть буду, чтобъ оную еще въ лутчее состояніе привести, и въ томъ бы высочайшему Ея Императорскаго Величества, моей всемилостивѣйшей Государыни, въ дѣлѣ порцелина намѣренію наивозможнѣйшее удовольствіе учинить. *Бергмейстеръ Дмитрей Виноградовъ.*

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д 13, л. 39.

Въ 25 день маія 1752 года.

№ 10.

СПИСОКЪ

ИМЯННОЙ ОБРѢТАЮЩИМСЯ ПРИ ПОРЦЕЛИННОЙ МАНИФАКТУРѢ РАЗНАГО ХУДОЖЕСТВА МАСТЕРОВЫМЪ ЛЮДЕМЪ, ПО ЧЕМУ ОНЫЕ ОКЛАДНОГО ДЕНЕЖНАГО И ХЛѢБНАГО ЖАЛОВАНЬЯ ВЪ ГОДЪ ПОЛУЧАЮТЪ, И КТО ИЗЪ ТАКОВЫХЪ ПРИ ТОЙ МАНИФАКТУРѢ КАКОЕ ХУДОЖЕСТВО ИМѢЮТЪ, ЗНАЧИТЪ НИЖЕ СЕГО, А ИМЯННО (12 ЯНВАРЯ 1755 г.):

Никита Воиновъ (36,3,1½*) при Виноградовѣ у составленія массы и глазуры и при обжегѣ порцелина и при всемъ томъ дѣлѣ, что самъ Виноградовъ знаетъ, безотлученъ бываетъ. Крестьянъ Вернеръ (72, ,) обжигаетъ порцелинъ и между того, когда

*) Цыфры въ скобкахъ означаютъ: первая—годовое жалованье въ рубляхъ, вторая—муку въ четвертяхъ, третья—крупу въ четверикахъ

нѣтъ обжегу, бываетъ у поправленія кокорей, въ которые порцелинъ къ обжегу кладется, и кто тѣ кокори дѣлаютъ, надъ ними смотрѣніе имѣетъ. Андрей Черной (200, —,) при живописномъ дѣлѣ. Филиппъ Федоровъ (96, -, -), Миронъ Ушаковъ (60, ,): оные точатъ порцелинную посуду и въ томъ дѣлѣ равное художество имѣютъ. Петръ Львовъ (72, ,) обучается на порцелинѣ живописнаго дѣла. Петръ Захаровъ (24,3,1/2) исправляетъ столярную и токарную работу, такожъ и къ порцелину разныя деревяныя модели и съ нихъ формуетъ на алебастрѣ формы, такожъ вновь и починку машинъ исправлять можетъ. Яковъ Ильинъ (48, ,), Василій Верещагинъ (48,—,) на тѣ модели накладываютъ рѣзные, восковые орнаменты. Василій Телятниковъ (36, 3, 1½), Василій Шишигинъ (24, 3, 1½): Телятниковъ у чистки и кладки къ молотью и выемкѣ молотой изъ машины матеріи и хорошее въ томъ смотрѣніе имѣетъ; а Шишигинъ опредѣленъ къ тому въ спожоженіе. Гаврила Суриковъ (36, 5, 3), Иванъ Андреяновъ (15, 3, 1½) у исправленія столярной работы, но изъ оныхъ Суриковъ въ той работѣ противъ Андреянова преимущество имѣетъ, ибо онъ вновь и починку машинъ исправлять можетъ. Матвѣй Ушаковъ (24, 3, 1½), Матвѣй Часовниковъ (24, 3, 1½), Иванъ Козминъ (36, 3, 1½), Иванъ Семеновъ (15, 3, 1½): оные точатъ глиняные кокори, въ которые кладется къ обжегу порцелинная посуда и обжигается къ тому дѣлу матерія, но изъ оныхъ Козминъ, какъ то объявляется, въ точеніи противъ означенныхъ такого достатку не имѣетъ, а Семеновъ, кромѣ того точенія, еще къ дѣлу порцелина и глину перемываетъ и между того, когда потребно, и печныя работы исправляетъ. Степанъ Федотовъ (30, 5, 3) по всѣмъ строеніямъ въ печахъ и горнахъ новую и починкою работу исправляетъ. Михайло Тимофѣевъ (15, 3, 1½), Федоръ Исаевъ (15, 3, 1½): оные при обжегѣ порцелинной посуды мѣхами дуютъ и уголье къ тому обжегу приносятъ. Фролъ Андреевъ (15, 3, 1½) на дѣло порцелина глину промываетъ. Семенъ Рыстинъ (15, 3, 1½), Герасимъ Ивановъ (15, 3, 1½) топятъ въ покояхъ печи и между того по оной манифактурѣ и другія работы исправляютъ. Михайло Ильинъ (15, 3, 1½) у чистки трубъ и между того ходитъ въ машинѣ. Лука Агаповъ (12, 3, 1½), Сергѣй Агаповъ (12, 3, 1½), Александръ Степановъ (12, 3, 1½), Иванъ Матвѣевъ (12, 3, 1½), Анофрій Захаровъ (12, 3, 1½) у молотія матеріи ходятъ въ машинѣ и исправлютъ, когда потребно, плотничную работу и между того пилуютъ и колютъ къ обжегу порцелина дрова. Взятые отъ ревизіи: Игнатій Клементьевъ (30,—,—), Петръ Ивановъ (30,—,—), Гаврила Маркеловъ (30, -,), Яковъ Степановъ (30,—,—) у молотія матеріи ходятъ въ машинѣ, такожъ пилуютъ и колютъ дрова къ обжегу.

Михайла Хвастовъ.

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 13, л. л. 439 440.

№ 11.

РОСПИСЬ

о принятыхъ отъ бывшаго при порцелинной манифактурѣ фаянсоваго дѣла мастерового человѣка Бартельса сдѣланныхъ имъ по бытности его при оной манифактурѣ вещамъ, а какія имянно, значитъ подъ симъ. (1758 г.).

Расписанной:

Тарелокъ 90*); териновъ съ крышками 6; блюдъ фельшерныхъ 5; териновъ круглыхъ 5; кубчиковъ 8; кубчиковъ же побольше 4; чашекъ масляныхъ съ крышками 8; мисокъ 4; чашекъ пуншевыхъ большихъ съ крышками 2, чашекъ чайныхъ верхнихъ и нижнихъ двѣ дюжины; подсвѣчниковъ 6; плитокъ четвероугольныхъ противъ галанскаго манеру, которыя нынѣ расписываются 260. *Дмитрей Виноградовъ.*

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 29, л. 215.

№ 12.

РЕЭСТРЪ

оставшимъ по смерти бергмейстера Виноградова на порцелинной манифактурѣ казенной посудѣ, инструментамъ, матеріаламъ и протчимъ казеннымъ вещамъ (1758 г.).

А имянно:

	Число вещей.
Фарфоровой посуды, вышедшей изъ дѣла, расписанной разными красками и по мѣстамъ золотомъ:	
Чайниковъ среднихъ и малыхъ съ крышками и съ ручками. (изъ оныхъ у живописца Чернова два).	5
Молочниковъ съ крышками и съ ручками. (у живописца Чернова два).	7
Чашекъ полоскательныхъ съ крышками.	3
Масляникъ съ крышкою, сдѣланный наподобіе ведра, на верху крышки изображена птичка.	1
Кружекъ овалистыхъ съ крышками и съ ручками	3
Чайница четыреугольная съ крышечкой.	1
Чашка чайная съ блюдечкомъ струйчатая, писанная пурпуровою краскою съ золотомъ	1
Чашка чайная съ ручкою, писанная пурпуромъ съ золотомъ, безъ блюдечка, саксонская.	1
Чашка чайная съ блюдечкомъ, писанная разными красками, саксонская; чашка расколота и склеена. (у живописца Чернова).	1
Череньевъ ножевыхъ столовыхъ. (у живописца Чернова 14, въ томъ числѣ 2 бѣлыхъ).	24
Череньевъ вилочныхъ столовыхъ. (у него жъ Чернова 2).	12
Череньевъ вилочныхъ безъ красокъ, бѣлыхъ. (у Чернова).	12
Череньевъ ножевыхъ конфетныхъ струйчатыхъ	10
Череньевъ такихъ же, безъ красокъ, бѣлыхъ. (у Чернова).	3

	Число вещей.
Колокольчиковъ, писанныхъ синею краскою: одинъ съ язычкомъ, другой ветхій склеенный безъ язычка, съ мѣдною руковяткою, заморскій	2
Пуговицъ, писанныхъ пурпуровою краскою: кафтанныхъ 20, камзольныхъ 19, итого	39
Подносецъ или сахарница овалистая небольшая, китайской работы, съ золотомъ	1
Чашка полоскательная китайской работы, у которой часть краю выломлена, съ трещинами	1
Чашка плоская наподобіе тыквеннаго листа, саксонская	1
Блюдечко продолговатое наподобіе листа	1
Шандалъ съ мѣдною оправою, съ разными рѣзными листами и статуями	1
Фигура со изображеніемъ женской сидящей статуи, лебедя и купидона, рѣзная съ цвѣтами.	1
Фигура наподобіе цвѣта, мѣстами съ золотомъ, рѣзная	1
Крышка съ чашки, съ изображеніемъ наверху розоваго цвѣту	1
Чашка овалистая небольшая.	1
Чашечка плоская безъ крышки, овалистая съ пурпуровыми цвѣтами	1
Чашекъ чайныхъ съ блюдечками и съ ручками, писанныя синею краскою	2
Чашка небольшая полоскательная, писана синею краскою.	1
Крышечка наподобіе сердечка, наверху съ желтою руковяткою.	1
Блюдечко чайное, писанное синею краскою	1

*) Количество прописью опущено

	Число вещей.
Чашечка чайная небольшая съ выгибными краями, писанная черною краскою, по краямъ золото, которая была расколота и склеена	1
Чашка съ крышкою и съ ручками, съ вырѣзанными на ней цвѣтами, безъ красокъ, заморская	1
Чашка чайная съ блюдечкомъ, китайской работы, писанная разными красками	1
Чашка чайная съ разбитымъ блюдечкомъ, безъ красокъ, рѣзная, заморская.	1

Табакерокъ:

Осьмиугольная съ крышкою, писанная пурпуромъ	1
Круглая овалистая съ крышкою, писанная пурпуромъ	1
Четыреугольная, писанная разными красками, съ крышкою.	1
Четвероугольная съ крышкою зеленая, гладкая	1
Четвероугольная съ крышкою мозаической работы	1
Наподобіе раковины съ крышкою, писанная разными красками	1
(у живописца Чернова).	
Четвероугольная съ крышкою, начатая расписывать красками, токмо еще не окончена	1
Четвероугольная безъ крышки, писанная разными красками.	1
Пакетовая безъ крышки, писанная разными красками	1
Крышка съ табакерки, писанная разными красками	1

Посуды бѣлой гладкой, безъ красокъ:

Кофейникъ овалистый съ крышкою и съ ручкою	1
Молочниковъ съ крышками и съ ручками.	2
Чайниковъ съ крышками и съ ручками, въ томъ числѣ два на ножкахъ	3
Чашекъ чайныхъ съ ручками и съ блюдечками рѣзныхъ.	4
Чашекъ чайныхъ съ ручками и съ блюдечками гладкихъ.	13
Чашекъ чайныхъ съ блюдечками, безъ ручекъ	7
Чашекъ чайныхъ съ ручками, безъ блюдечекъ.	10
Чашекъ чайныхъ безъ ручекъ и безъ блюдечекъ	10
Чашекъ шоколадныхъ овалистыхъ съ ручками	2
Чашекъ шоколадныхъ гладкихъ съ ручками, небольшихъ.	2
Чашечка безъ крышки, наподобіе сердечка	1
Чашечка небольшая съ крышкою	1
Чашекъ чайныхъ съ блюдечками, цвѣтомъ синихъ	2
Чашекъ полоскательныхъ безъ крышекъ	3
Сахарницъ овалистыхъ продолговатыхъ на ножкахъ, безъ крышекъ.	5
(у живописца Чернова одна).	
Горшочковъ небольшихъ съ крышками и съ ручками	3
Горшокъ средній съ ручкою, безъ крышки, граненый	1
Масляникъ съ крышкою	1
Масляникъ съ крышкою, наподобіе ведра	1
Кружекъ съ крышками и съ ручками овалистыхъ	3
Ложка безъ черна пуншевая	1

Табакерокъ и другихъ вещей:

Пакетовыхъ съ крышками, большихъ, среднихъ и малыхъ.	53
Пакетовыхъ же безъ крышекъ, большихъ.	2
Четвероугольныхъ гладкихъ.	35
Четвероугольныхъ рѣзныхъ	4
Круглыхъ	8
Раковинныхъ.	3
Наподобіе барабана двойныхъ.	2
Со изображеніемъ момсика, съ трещинами	2
Наподобіе корзинокъ, струйчатыхъ. } (у живописца	3
Наподобіе дыни } Чернова).	1
Крышекъ табакерочныхъ: круглыхъ 5, четвероугольныхъ 10, итого	15
Яйцо гладкое, величиною съ гусиное	1
Яйцо большое съ вырѣзанными цвѣтами и шестью купидонами	1
Яйцо на ножкахъ съ вырѣзанными цвѣтами и купидонами, съ грещиною	1
Разныхъ фигуръ узорчатыхъ для столоваго убору	18
Трубокъ курительныхъ гладкихъ и рѣзныхъ	5
(у Чернова рѣзныхъ трубокъ двѣ).	
Пуговицъ кафтанныхъ и камзольныхъ.	57
Дощечекъ гладкихъ для письма на нихъ образовъ: четвероугольныхъ 5, круглыхъ 5, итого	10
Уборъ на книгу, въ которомъ 4 наугольника и пять среднихъ	1
Уборъ на книгу жъ, въ которомъ 4 наугольника и 1 круглая дощечка въ средину	1
Шпажныхъ яфесовъ	6
Ящикъ съ негодною въ дѣло, расколотою, съ трещинами и битою посудою и табакерками	1

Фаянсовой посуды:

Дѣланной бывшимъ на порцелинной манифактурѣ фаянсоваго дѣла мастеромъ Бартельсомъ:

Писанной синею краскою:

	Число вещей.
Кубовъ съ крышками, высокихъ	5
Столбиковъ: большихъ 2, малыхъ 2, итого	4
Териновъ съ крышками и съ ручками: круглый 1, продолговатыхъ 5, итого	6
Чашъ столовыхъ большихъ, среднихъ и малыхъ, круглыхъ: съ крышками и съ ручками 11, безъ ручекъ 2, итого	13
Чашекъ небольшихъ съ крышками, безъ ручекъ	6
Тарелокъ, дюжинъ	5
Масляниковъ съ крышками и съ ручками	2
Чашекъ чайныхъ съ блюдечками	6
Рукомойниковъ съ лоханками	4
Рукомойникъ съ крышкою и съ ручкою, на ножкахъ	1
Рукомойникъ такой же, безъ крышки	1
Цвѣтниковъ среднихъ и малыхъ	11
Плитокъ четвероугольныхъ	100
Кубовъ бѣлыхъ, гладкихъ, бѣлыхъ безъ краски, съ крышками и съ ручками: большой 1, среднихъ 2, итого.	3

Дѣланной подмастерьемъ Малюхинымъ:

Съ синею краскою:

Чаша большая продолговатая, съ крышкою	1
Блюдо небольшое.	1
Подносъ подъ конфеты	1
Рукомойникъ съ крышкою	1

Бѣлой:

Блюдъ овалистыхъ плоскихъ	2
Блюдо глубокое, гладкое	1
Чаша пуншевая съ крышкою и съ ручками	1
. . . .	
. . . .	
. . . .	
Двѣ статуи мужескихъ гипсовыхъ, одна одну несущая	2
. . . .	
Гридорованныхъ полулистовыхъ со изображеніемъ разныхъ фигуръ	158

Посуды, вышедшей изъ дѣла, бѣлой:

Чайникъ рѣзной	1
Чайныхъ чашекъ съ ручками	15
Блюдечекъ чайныхъ	10
Табакерокъ съ крышками четвероугольныхъ	8
(оная дѣлана послѣ бергмейстера Виноградова мастеровымъ человѣкомъ Воиновымъ).	

Посуды, обожженной въ первомъ огнѣ и оглазурованной:

Кофейниковъ большихъ рѣзныхъ безъ крышекъ	2

Обожженной же, съ синимъ кобальтомъ:

Чашка съ крышкою	1
Чашка безъ крышки	1
Чашекъ высокихъ безъ крышекъ	3
Чашка небольшая	1
Съ разными массами кадочекъ и горшковъ.	16
Ящиковъ деревянныхъ большихъ съ крышками 6; въ томъ числѣ съ массами два	6

Сухой необожженной посуды въ шкафу:

Териновъ большихъ съ блюдами.	3
Териновъ большихъ же на ножкахъ	4
Чашъ круглыхъ, овалистыхъ съ крышками, на блюдахъ.	4
Чашъ такихъ же небольшихъ: на блюдахъ 4, на ножкахъ 1, итого	5
Чашъ большихъ, гладкихъ съ крышками	3
Чашъ среднихъ съ крышками: на блюдахъ 2, безъ блюдъ 4, итого	6
Горшковъ съ крышками и съ ручками: овалистыхъ 2, гладкихъ 2, итого	4
Масляниковъ съ крышками 3, безъ крышекъ 3, итого	6

	Число вещей.
Масляниковъ небольшихъ безъ крышекъ	2
Масляниковъ съ крышками рѣзныхъ осьмиугольныхъ, наподобіе ведерокъ	4
Чашекъ продолговатыхъ на блюдахъ, рѣзныхъ	2
Чашекъ круглыхъ, гладкихъ безъ крышекъ	2
Чашекъ овалистыхъ, продолговатыхъ безъ крышекъ	3
Чашка съ блюдечкомъ продолговатая рѣзная	1
Блюдцевъ наподобіе листовъ	2
Блюдъ продолговатыхъ, овалистыхъ рѣзныхъ	2
Кофейниковъ: овалистыхъ съ крышками и съ ручками 5, безъ крышки 1, гладкій круглый съ крышкою 1, итого	7
Чайниковъ: съ крышкою и съ ручкою 1, овалистый безъ крышки 1, итого	2
Молочниковъ съ крышками и съ ручками	5
Сахарница съ крыщкою	1
Чашекъ полоскательныхъ	4
Чашекъ шоколадныхъ	20
Чашка шоколадная съ ручкою и съ блюдечкомъ	1
Блюдечекъ чайныхъ	41
Баночекъ съ ручками небольшихъ	3
Табакерокъ съ крышками четыреугольныхъ рѣзныхъ	3
Табакерка съ крышкою гладкая	1
Табакерокъ безъ крышекъ	4
Дощечекъ четвероугольныхъ для написанія образовъ	2
Фигуръ разныхъ рѣзныхъ съ изображеніемъ мужескихъ и женскихъ статуй	3
Въ томъ числѣ на одной круглый шаръ	

Посуды, обожженной одинъ разъ и оглазурованной:

Кофейникъ съ ручкою, безъ крышки рѣзной	1
Чайниковъ съ крышками и съ ручками, гладкихъ.	3
Чайница четвероугольная съ крышкой	1
Чашекъ полоскательныхъ безъ крышекъ	2
Чашъ чайныхъ съ ручками и блюдечками	20
Чашекъ чайныхъ съ блюдечками, безъ ручекъ	33
Масляниковъ съ крышками гладкихъ	3
Табакерокъ пакетовыхъ съ крышками: большая 1, среднихъ 4, итого	5
Табакерокъ круглыхъ съ крышками	2
Табакерка съ крышкою, наподобіе лимона	1

Посуды обожженной, а неоглазурованной:

Теринъ большой рѣзной съ крышкою и съ ручками на ножкахъ, продолговатый	1
Теринъ такой же небольшой	1
Щебню оглазурованнаго 2 кладки и 2 ящика	4
Щебню жъ неоглазурованнаго 3 кладки	3

Моделей деревянныхъ на воску:

Чайныхъ чашекъ рѣзныхъ, паръ	5
Чайниковъ: рѣзныхъ 1, гладкихъ 4, итого	5
Сахарницъ рѣзныхъ большихъ и малыхъ, съ крышками	5
Чайницъ четвероугольныхъ: рѣзныхъ 1, гладкихъ 2, итого.	3
Кофейниковъ съ молочниками, паръ: гладкихъ 3, рѣзныхъ 3, итого	6
Рукомойниковъ: рѣзныхъ 3, гладкихъ 1, итого	4
Полоскательныхъ чашъ: рѣзныхъ 4, гладкихъ 3, итого	7
Кружекъ: рѣзныхъ 1, гладкихъ 1, итого	2
Блюдцевъ съ ломанидами наподобіе листа	3
Табакерокъ четыреугольныхъ: рѣзныхъ 7, гладкихъ 16, итого	23
Круглыхъ гладкихъ.	17
Пакетовыхъ	7
Раковинныхъ овалистыхъ	2
Виноградная	1
Наподобіе колыбельки	1
Цвѣтникъ рѣзной.	1
Солоницъ гладкихъ	4
Чашекъ шоколадныхъ, паръ: рѣзныхъ 1, гладкихъ 2, итого.	3
Грифовъ шпажныхъ рѣзныхъ	4
Гладкихъ	2
Териновъ среднихъ и малыхъ съ крышками и съ разными фигурами.	8
Масляникъ.	1
Подносовъ съ ломанидами.	2
Чарокъ рѣзныхъ	2

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 29, л л. 251 261.

	Число вещей.
Набалдашниковъ на трости гладкихъ.	2
Трубокъ гладкихъ	2
Книжнаго убору, штукъ	5
Дощечекъ образовыхъ четыреугольныхъ, штукъ	4
Чашъ пуншевыхъ съ блюдами.	2
Ложка пуншевая	1
Яйцо на педистаментѣ.	1
Атласовая фигура	1
Конфетнаго убору, штукъ	5
Ножевыхъ и вилочныхъ череновъ, паръ: рѣзныхъ 2, гладкихъ 2, итого	4
Блюдъ большихъ и малыхъ продолговатыхъ рѣзныхъ	9
Териновъ большихъ, среднихъ и малыхъ съ крыщками	6
Горшечекъ съ ломанидами	1
Подсвѣчникъ	1

Формъ алебастровыхъ:

Табакерочныхъ:

Пакетовыхъ: гладкихъ 9, рѣзныхъ 4, итого.	13
Четвероугольныхъ гладкихъ	37
Четвероугольныхъ рѣзныхъ, разныхъ management	16
Круглыхъ рѣзныхъ 3, гладкихъ 36, итого	39
Раковинныхъ овалистыхъ	6
Виноградная	1
Наподобіе колыбельки	1
Пальмова дерева флягмовыхъ	2
Наподобіе башмака	2
Чашекъ чайныхъ съ блюдечками: рѣзныхъ 16, гладкихъ 6, итого паръ.	32
Чашекъ шоколадныхъ, паръ.	5
Чайниковъ разныхъ манеровъ: рѣзныхъ 3, гладкихъ 3, итого	6
Чайницъ четвероугольныхъ: рѣзныхъ 2, гладкихъ 4, итого	6
Чашекъ полоскательныхъ рѣзныхъ и гладкихъ съ ломанидами	16
Кофейниковъ съ молочниками: рѣзныхъ 3, гладкихъ 3, итого паръ.	6
Сахарницъ съ крышками: рѣзныхъ 7, гладкихъ 4, итого.	11
Подъ нихъ блюдцевъ подъ видъ листовъ.	5
Подносовъ	2
Чарокъ	15
Горшечковъ съ ломанидами	2
Рукомойниковъ: рѣзныхъ 3, гладкихъ 1, итого	4
Солоницъ угольчатыхъ.	2
Кубковъ большихъ и малыхъ: рѣзныхъ 6, гладкихъ 1, итого	7
Бокаловъ съ крышками: рѣзныхъ 2, гладкихъ 2, итого	4
Цвѣтниковъ: рѣзныхъ 1, гладкихъ 1, итого.	2
Яицъ большихъ и малыхъ	9
Яйцо рѣзное съ фигурами	1
Уборъ на книгу, штукъ	10
Дощечекъ для написанія образовъ	4
Для конфетнаго убору, штукъ рѣзныхъ	5
Пуговицъ кафтанныхъ и камзольныхъ гладкихъ	20
Подсвѣчникъ съ фигурами	1
Чашка масляная осьмиугольная съ крышкою	1
Набалдашниковъ на трости	5
Лошадь	1
Грифовъ шпажныхъ: рѣзныхъ 8, гладкихъ 15, итого	23
Череновъ ножевыхъ и вилочныхъ, паръ: рѣзныхъ 1, гладкихъ 3, итого	4
Трубокъ гладкихъ	4
Наподобіе льва	1
Наподобіе куколъ	5
Чашъ пуншевыхъ съ фигурами	2
Ложекъ пуншевыхъ	2
Тарелокъ	2
Кружечекъ съ ручками	3
Териновъ рѣзныхъ большихъ	10
„ гладкихъ среднихъ и малыхъ	7
Подъ нихъ блюдъ продолговатыхъ съ ломанидами: большихъ, среднихъ и малыхъ	4
Яйцо съ купидончиками уборное	1
Штукъ танцовальныхъ въ 3-хъ фигурахъ	1
Штука гисторій въ 3 фигурахъ	1
Фигура атласовая съ глобусомъ	1

№ 13

РЕЕСТРЪ

казеннымъ вещамъ, взятымъ въ 1757 г. изъ дома дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Черкасова.

Ноября въ 12 день 1757 года, изъ дому господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера барона Черкасова взято казенныхъ вещей:

1) Порцелинной посуды, дѣланной на здѣшнихъ заводахъ:

Чайныхъ:

10 чашекъ съ ручками бѣлыхъ и съ блюдечками струйчатыми, безъ крышекъ.
Дюжина чашекъ съ ручками, съ крышками и съ блюдечками гладкихъ.
20 чашекъ съ ручками и съ блюдечками осьмигранныхъ.
21 чашка безъ ручекъ, съ блюдечками гладкихъ.
14 чашекъ съ блюдечками съ цвѣтами.
12 чашекъ съ крышками, безъ блюдечекъ и 2 чашки безъ крышекъ.
Одна чашка снаружи съ виноградными кистьми, къ ней крышка и блюдечко писанныя.
4 чашки бѣлыя, гладкія съ блюдечками и съ крышками съ змѣечками.
5 чашекъ съ блюдечками гладкихъ, по краямъ съ выемами.
Одна чашка съ блюдечкомъ, писанная пурпуромъ, края и дны вызолочены.
Давнишней работы четыре чашки съ блюдечками, побитыя, и четыре чашки малыя безъ блюдечекъ.
Одна чайница, писана синею краскою.

Шоколадныхъ:

Полъ-дюжины чашекъ съ ручками, съ крышками и съ блюдечками, расписанныя разными красками, по краямъ съ позолотою.
Полъ-дюжины бѣлыхъ чашекъ четверогранныхъ съ ручками и съ блюдечками, безъ крышекъ.
Пять чашекъ бѣлыхъ съ ручками и съ блюдечками, гладкихъ, безъ крышекъ.
Да три чашки безъ блюдечекъ.
Одна чашка съ ручкой, скованная мѣдными гвоздями, безъ крышки, съ однимъ блюдечкомъ
Два уксусника съ ручками и съ крышками, писанные разными красками, съ позолоченными краями
4 подсвѣчника, писанные разными красками и по краямъ съ позолотою, изъ нихъ одинъ расшибенный.
Одна масляница съ ручкою и съ крышкою, писанная красками.
Три чайника гладкихъ и два чайника съ цвѣточками бѣлые.
Пять кофейниковъ и молочниковъ бѣлыхъ съ ручками и съ крышками, изъ которыхъ у одного ручка отшибена.
Пять чашекъ бѣлыхъ большихъ, въ которыхъ ставятся лимоны, безъ блюдечекъ и безъ крышекъ.
Чашка съ блюдечкомъ и съ крышкою, немного поменьше
Двѣ чашки большія съ городками, изъ которыхъ одна бѣлая, другая писана синими цвѣтами, къ нимъ одно блюдечко.
Одна чашка съ ручкою, съ облѣпленными снаружи цвѣтами.
Пять чашекъ водочныхъ четвероугольныхъ съ ручками и съ цвѣтами, писанныя.
Четыре кружечки бѣлыя съ ручками.
Стаканъ большой круглый съ поддономъ, съ крышкой и подъ него чашка.
Чаша бѣлая пуншевая большая.
Пять ложекъ горчичныхъ.
Блюдечко шестиугольное, расписанное покитайски.
Три крышки на чайныя чашки, съ цвѣтами бѣлыя.
Два яйца порцелинныхъ съ орнаментами, на пьедесталахъ.
Одно яйцо гладкое
Три ковшика пуншевыхъ съ ручками бѣлыхъ.
Чашка осьмиугольная продолговатая на ножкахъ.
Масляница съ крышкою наподобіе сердца.
Двѣ чашки съ ручками и съ крышками съ налѣпленными снаружи цвѣтами, расписанными красками.
Корзинка бѣлая съ крышкою, составленною изъ цвѣтовъ.
Пять масляницъ съ крышками въ формѣ капусты, изъ которыхъ двѣ писанныя красками, а три бѣлыхъ.
Четыре чашки овальныхъ на ножкахъ съ крышками, снаружи съ цвѣтами.
Шесть чашекъ высокихъ съ ручками и съ крышками гладкія, изъ которыхъ у одной отшибена ручка.
Шесть горшковъ гарновитыхъ съ ручками и съ крышками.
Четыре горшка поменьше съ ручками и съ крышками гладкихъ.
Одна чашка съ ручкою и съ крышкою большая.
Другая чашка съ крышкою, поменьше, безъ ручки
Третья чашка съ крышкою, гораздо сихъ меньше
Девятнадцать грифовъ шпажныхъ, изъ которыхъ 5 писанныхъ, а 14 бѣлыхъ.
Одинъ костыль на трость, писанный красками и золотомъ.
Девять набалдашниковъ на трости, изъ которыхъ одинъ писанный, а восемь бѣлыхъ.
Одна готовальня бѣлая въ формѣ спеленаннаго младенца

Табакерокъ.

безъ оправы:

первая четвероугольная, писанная по-китайски разными красками и золотомъ;
другая круглая большая, писанная пурпуромъ, внутри вызолочена;
третья четвероугольная, по краямъ съ фигурами, писана зеленою краскою;
четвертая въ формѣ комоды, писана красною краскою;
пятая наподобіе комоды, писана разными красками;
двѣ табакерки трехугольныя, крышки писаны красною краскою;
двѣ табакерки пакетовыхъ, писанныхъ разными красками.

Бѣлыхъ табакерокъ:

въ формѣ лимона 3,
въ формѣ яблока 2,
въ формѣ тыквы 1,
въ формѣ дыни 2,
въ томъ числѣ одна большая, другая маленькая,
въ формѣ комодовъ 9,
въ формѣ раковинъ 3,
въ формѣ юбки 3,
изъ нихъ одна безъ крышки;
въ формѣ башмаковъ женскихъ 2,
круглыхъ большихъ, гладкихъ 3,
четвертая поменьше,
круглыхъ струйчатыхъ 2;
два дна табакерочныхъ безъ крышекъ;
четвероугольныхъ табакерокъ большихъ, среднихъ и малыхъ 8, изъ которыхъ три по краямъ съ фигурами;
двѣ табакерки четвероугольныхъ, по угламъ съ выемами;
одна четвероугольная продолговатая, гладкая;
двѣ табакерки съ выгибами и съ поддонами;
одна четвероугольная сверху й, снизу съ фигурами;
19 габакерокъ пакетовыхъ, изъ которыхъ одна большая;
двѣ крышки табакерочныя: одна писана красною краскою, другая разными красками и золотомъ.
Образъ Пресвятыя Богородицы, писанный на порцелинѣ
Образъ мученицы Екатерины, писанный на круглой маленькой цкѣ.
Два образа Моленіе чаши (sic), писанныхъ на финифтѣ.
Шесть чайныхъ чашекъ съ ручками, съ крышками, съ цвѣточками и съ блюдечками въ футралѣ, оклеенномъ снаружи красною кожею, внутри зеленою тафтою.
. . . .
86 пуговицъ кафтанныхъ порцелинныхъ

Г А Разр. XI, д. № 197

№ 14.

КНИГА

записная продаваемымъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ и принимаемымъ за нихъ деньгамъ, бытности капитана Григорія Тархова.

№	Мѣсяцы и числа		Рубли.	Коп.
	Сентября	**1762 году.**		
1	9	По приказу Кабинета Ея Императорскаго Величества, записано въ приходъ оставшихъ за проданную фарфоровую посуду и протчее двѣсти семьдесятъ шесть рублевъ сорокъ пять копѣекъ съ четвертью .	276	45¼
2	9	По тому жъ приказанію, принято кабинетнаго вѣдомства отъ маіора Алексѣя Сонцова за сдѣланную ему съ надписью пакетовую малую табакерку семь рублевъ	7	
3	9	По тому жъ приказанію, принято отъ ея превосходительства госпожи тайнаго совѣтника и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева сожительницы Марьи Васильевны за сдѣланную и расписную фигурами табакерку двадцать рублевъ . .	20	—
4	10	По тому жъ приказанію, принято отъ дворянина Никиты Демидова за отпущенныя ему нижеписанныя вещи, а имянно: черешковъ ножевыхъ, расписанныхъ цвѣточками, полдюжины — семь рублевъ; солоница расписанная четыре рубли; чайная чашка съ блюдечкомъ, расписанная цвѣточками рубль двадцать пять копѣекъ; малыхъ чайныхъ чашекъ, расписанныхъ цвѣточками, полдюжины шесть рублевъ; сахарница на ножкахъ съ крышкою, нерасписанная · пять рублевъ; чайникъ, расписанный разными красками, а по мѣстамъ золотомъ, цвѣтами и фигурами двадцать рублевъ; молочникъ, расписанный такимъ же маниромъ двадцать рублевъ, табакерка въ манерѣ раковины, расписанная внутри крышки фигурою, а снаружи прикрытая красками двадцать пять рублевъ; итого восемьдесятъ восемь рублевъ двадцать пять копѣекъ.	88	25
5	10	По тому жъ приказанію, принято отъ дворянъ Александръ и Петра Демидовыхъ за отпущенныя имъ нижеписанныя вещи, а имянно: стакановъ два · четыре рубли, табакерка яйковатая, нерасписанная шесть рублевъ, табакерка круглая съ репейками—два рубли; чайникъ нерасписанный, въ манерѣ розоваго цвѣта — четыре рубли, молочникъ таковаго жъ манера два рубли; чайныхъ чашекъ нерасписанныхъ полдюжины три рубли; чашка полоскательная рубль двадцать копѣекъ; чашка чайная, расписанная цвѣточками—рубль двадцать пять копѣекъ; чашекъ чайныхъ, нерасписанныхъ, съ крышками, рѣзныхъ, двѣ пары четыре рубли; итого двадцать семь рублевъ сорокъ пять копѣекъ. . .	27	45
6	10	По тому жъ приказанію, принято отъ обрѣтающагося при кирпичномъ заводѣ маіора Николая Посникова за проданную ему табакерку четвероугольную, расписанную цвѣточками десять рублевъ.	10	—
7	10	По тому жъ приказанію, принято кабинетнаго вѣдомства отъ архитектора Ивана Чичагова за проданную ему четвероугольную табакерку нерасписанную два рубли пятьдесятъ копѣекъ	2	50
	Сентября			
8	10	По тому жъ приказанію, принято лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку отъ капитана-порутчика барона Ивана Черкасова за придѣланную ему на малую пакетовую табакерку крышку съ надписью три рубли	3	
9	15	По тому жъ приказанію, принято отъ дворянина Петра Демидова за придѣланную на табакерку крышку, расписанную внутри фигурами, двѣнадцать рублевъ.	12	–
10	28	По тому жъ приказанію, принято лейбъ-гвардіи коннаго полку отъ порутчика господина Строганова за сдѣланныя съ надписьми четыре пакетовыя малыя табакерки, за каждую по семи рублевъ, итого двадцать восемь рублевъ	28	
11	29	По тому жъ приказанію, принято отъ находящагося при кирпичныхъ заводахъ маіора Николая Посникова, за сдѣланную ему съ надписью пакетовую, среднюю табакерку — девять рублевъ, за два расписанныя колечка—два рубли, итого одиннадцать рублевъ	11	
	Октября			
12	27	По тому жъ приказанію, принято отъ совѣтника господина Турчанинова, за сдѣланныя съ надписьми пакетовыя табакерки, а имянно: за большую—двѣнадцать, за малую семь, итого девятнадцать рублевъ .	19	
	Ноября			
13	7	По тому жъ приказанію, принято отъ фабриканта Ивана Малютина, за придѣланную на четвероугольную табакерку крышку, расписанную какъ внутри, такъ и снаружи цвѣточками, двѣнадцать рублевъ .	12	
14	28	По тому жъ приказанію, приняты отъ золотошвея Францъ Молляра за проданныя ему четыре верхнія чашки по двадцати по пяти копѣекъ, итого одинъ рубль	1	
	Декабря			
15	14	По тому жъ приказанію, принято отъ служителя его сіятельства господина вице-канцлера князь Михаила Михаиловича Голицына Ивана Иванова за сдѣланный въ домъ его сіятельства ножевый черешекъ, расписанный красками и золотомъ, два рубли	2	
16	18	По тому жъ приказанію, принято отъ маіора Николая Посникова за придѣланную на четвероугольную табакерку крышку, расписанную снаружи фигурами, а внутри портретъ, двадцать пять рублевъ . . .	25	
17	18	По тому жъ приказанію, принято отъ кабинетъ-секретаря Ивана Морсочникова за проданную съ надписью пакетовую большую табакерку двѣнадцать рублевъ . . .	12	
18	18	По тому жъ приказанію, принято лейбъ-гвардіи коннаго полку отъ порутчика Михайлы Олсуфьева за сдѣланную по присланному отъ него оригиналу пакетовую табакерку съ надписью десять рублевъ	10	
		Итого во ономъ 762 году въ приходѣ	566	65¼

№	Мѣсяцы и числа		Рубли.	Коп.
		1763 года.		
19	Генваря 4	По тому жъ приказанію, принято отъ его преподобія московскаго Знаменскаго собора протопопа Феодора Дубянскаго за проданныя ему: чайную чашку съ блюдечкомъ, расписанную красками — рубль двадцать пять копѣекъ; маленькихъ нерасписанныхъ за двѣ пары—восемьдесятъ три копѣйки съ половиною; шоколадныхъ большихъ, расписанныхъ гербомъ его фамиліи, а по мѣстамъ золотомъ, двѣ пары шестнадцать рублевъ, итого осмнадцать рублевъ восемь копѣекъ съ половиною .	18	8½
20	6	По тому жъ приказанію, принято отъ обрѣтающагося при церкви Преображенія Господня, что при кирпичныхъ заводахъ, священника Алексѣя Алексіева за проданный ему чайникъ, расписанный цвѣточками, а по мѣстамъ золотомъ четыре рубли, чайныхъ чашекъ, расписанныхъ цвѣтами, за двѣ пары два рубли, итого шесть рублевъ . . .	6	—
21	6	По тому жъ приказанію, принято отъ находящагося при кирпичныхъ заводахъ маіора Николая Посникова за проданныя ему нижеписанныя фарфоровыя вещи, а имянно: за придѣланный къ флягмовой табакеркѣ исподокъ, расписанный цвѣтами — двѣнадцать рублевъ, чайныхъ чашекъ, расписанныхъ цвѣтами, шесть паръ шесть рублевъ; верхнихъ за двѣ три рубли шестьдесятъ копѣекъ, нерасписанныхъ за три дюжины осмнадцать рублевъ; итого тридцать девять рублевъ шестьдесятъ пять копѣекъ. . . .	39	65
22	19	По тому жъ приказанію, принято второго гренадерскаго полку отъ поручика Алексѣя Шишкина за придѣланную на присланную отъ него табакерку крышку, расписанную фигурами, семнадцать рублевъ, шоколадныхъ чашекъ, расписанныхъ разными красками, за одну пару пять рублевъ, итого двадцать два рубли.	22	
23	Марта 10	По тому жъ приказанію, принято отъ находящагося при кирпичныхъ заводахъ майора Николая Посникова за нижеписанныя проданныя фарфоровыя вещи, а имянно: стакановъ расписанныхъ за два—одинъ рубль; за одну полоскательную чашку расписанную - два рубли пятьдесятъ копѣекъ; за нерасписанный молочникъ два рубли пятьдесятъ копѣекъ; за придѣланныя къ табакеркѣ наподобіе боченочка двѣ крышки — шесть рублевъ пятьдесятъ копѣекъ; чайныхъ чашекъ въ манерѣ розоваго цвѣта за одну дюжину — десять рублевъ; гладкихъ за двадцать двѣ пары—десять рублевъ; за придѣланную на табакерку крышку—одинъ рубль тридцать три копѣйки; итого тридцать три рубли восемьдесятъ три копѣйки	33	83
24	10	По тому жъ приказанію, принято кабинетнаго вѣдомства отъ алмазнаго мастера Ботона за проданныя ему въ манерѣ розоваго цвѣта чайныхъ чашекъ нерасписанныхъ дюжину двѣнадцать рублевъ . .	12	
25	15	По тому жъ приказанію, принято лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку отъ поручика Петра Куканина за проданныя ему чайныя чашки съ блюдечками: расписанныхъ за три пары три рубли, нерасписанныхъ за восемь паръ четыре рубли, итого семь рублевъ	7	-
26	30	По тому жъ приказанію, принято Астраханскаго пѣхотнаго полку отъ поручика Григорія Базанина за проданныя ему чайныя чашки нерасписанныя въ манерѣ розоваго цвѣта, шесть паръ — два рубли пятьдесятъ копѣекъ, одна пара формованная—одинъ рубль, итого три рубли пятьдесятъ копѣекъ . .	3	50
27	Апрѣля 29	По тому жъ приказанію, принято артиллерійскаго корпуса отъ полковника Федора Глѣбова за сдѣланную ему съ надписью пакетовую табакерку средней величины девять рублевъ.	9	
28	Маія 14	По тому жъ приказанію, принято Казанскаго драгунскаго полку отъ подполковника Ивана Сибилева за проданныя ему нижеписанныя фарфоровыя вещи, а имянно: чайникъ, расписанный фигурами, съ трещиною—три рубли; кофейникъ, расписанный цвѣтами, съ трещиною жъ одинъ рубль; стакановъ два два рубли; чайныхъ чашекъ маленькихъ, расписанныхъ цвѣтами, двѣ пары—два рубли; итого восемь рублевъ	8	
29	29	По тому жъ приказанію, принято отъ нѣмецкаго купца Конрада Сиверса за сдѣланную ему по модели овалисту табакерку, расписанную цвѣтами, внутри крышки фигурою—десять рублевъ; за одну пару чайныхъ чашекъ, расписанную изъ синей краски цвѣтами—одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ, итого одиннадцать рублевъ пятьдесятъ копѣекъ .	11	50
30	Іюня 8	По тому жъ приказанію, принято отъ директора Ивана Чиркина за сдѣланныя ему по модели яицъ наподобіе гусиныхъ, расписанныхъ красками, а по мѣстамъ и золотомъ, два по тринадцати рублевъ, итого двадцать шесть рублевъ	26	.
31	11	По тому жъ приказанію, принято артиллеріи отъ капитана Платона Храповицкаго за сдѣланную ему пакетовую табакерку большую съ надписью двѣнадцать рублевъ	12	—
32	16	По тому жъ приказанію, принято отъ находящагося при кирпичныхъ и черепичныхъ заводахъ маіора Николая Посникова за проданныя ему нижеписанныя фарфоровыя вещи, а имянно: черенковъ ножевыхъ расписанныхъ за полдюжины девять рублевъ; чашекъ чайныхъ нерасписанныхъ за одну дюжину шесть рублевъ; маленькихъ за полдюжины два рубли пятьдесятъ копѣекъ, итого семнадцать рублевъ пятьдесятъ копѣекъ	17	50
33	Іюля 17	По тому жъ приказанію, принято вѣдомства Кабинета Ея Императорскаго Величества отъ коллежскаго асессора господина Слатина за проданныя ему чайныхъ чашекъ нерасписанныхъ за шесть паръ —три рубли	3	
34	20	По тому жъ приказанію, принято отъ серебряника Ягана Фрештена за придѣланный ему табакерочный исподокъ наподобіе розоваго цвѣта и прикрытый разными красками четыре рубли	4	-
35	30	По тому жъ приказанію, принято артиллеріи отъ полковника господина Глѣбова за придѣланную ему на четвероугольную табакерку		

№	Мѣсяцы и числа.		Рубли	Коп.
	Іюля	крышку — два рубли шестьдесятъ копѣекъ, за среднюю пакетовую табакерку съ надписью — девять рублевъ, за одинъ расписанный челночекъ — одинъ рубль, итого двѣнадцать рублевъ шестьдесятъ копѣекъ.	12	60
36	30	По тому жъ приказанію, принято лейбъ-гвардіи коннаго полку отъ поручика Александръ Щепотьева за проданныя ему чайныя чашки: маленькія расписанныя, за двѣ пары по одному рублю, нерасписанныхъ за одну пару пятьдесятъ копѣекъ; итого — два рубли пятьдесятъ копѣекъ.	2	50
37	Сентября 4	По тому жъ приказанію, принято дому его сіятельства высокопревосходительнаго господина генералъ-фельдмаршала, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера князь Никиты Юрьевича Трубецкого отъ управителя Михаила Ходырева чайныхъ чашекъ маленькихъ нерасписанныхъ за одну дюжину пять рублевъ .	5	—
38	15	По тому жъ приказанію, принято отъ нѣмецкаго купца Ягана Сиверса за придѣланную ему на пакетовую среднюю табакерку крышку съ надписью четыре руб.	4	—
39	18	По тому жъ приказанію, принято отъ ея свѣтлости княгини Кантемировой за сдѣланныя съ надписьми четыре пакетовыхъ большихъ табакерокъ, за каждую по двѣнадцати рублевъ, итого шестьдесятъ рублевъ	60	—
40	23	По тому жъ приказанію, принято Троицы-Сергіевой лавры отъ архимандрита Лаврентія за сдѣланныя ему двѣ пары большихъ чайныхъ чашекъ, расписанныхъ красками, а по мѣстамъ золотомъ, по десяти рублевъ за пару — итого двадцать рублевъ	20	—
*)	Ноября 6	Принято отъ его высокоблагородія господина маіора Посникова за проданные ему фарфоровые расписанные два перечника, по одному рублю за каждый, итого два рубли.	2	—
	20	Принято отъ его высокопревосходительства Адама Васильевича за отпущенныя фарфоровыя вещи: чашекъ чайныхъ съ ручками и съ блюдечками, писанныхъ пурпуромъ, за девять паръ по одному рублю за пару — девять рублевъ; чашекъ маленькихъ съ ручками и съ блюдечками, писанныхъ изъ разныхъ красокъ цвѣтами, за пять паръ два рубли пятьдесятъ копѣекъ; за одну полоскательную съ трещиною чашку, писанную изъ разныхъ цвѣтовъ красками—одинъ рубль, итого двѣнадцать рублевъ пятьдесятъ копѣекъ	12	50
	20	Принято лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку отъ господина маіора князя Гагарина за отпущенные: чашекъ чайныхъ съ ручками и съ блюдечками, писанныхъ изъ разныхъ красокъ цвѣтами, по краямъ золотомъ, за шесть паръ по два рубли за пару двѣнадцать рублевъ; чашекъ чайныхъ съ ручками и съ блюдечками, писанныхъ изъ красной краски цвѣтами, за одну дюжину осмнадцать рублевъ; за одинъ Атласъ съ шаромъ, писанный зеленою краскою— два рубли; чайниковъ за два, за одинъ кофейникъ, за одинъ		

№	Мѣсяцы и числа.		Рубли.	Коп.
	Ноября	молочникъ съ трещинами — четыре рубли; за одну пуншевую чашку, писанную животными фигурами восемь рублевъ; за одну чашку съ крышкою и съ ручкою, писанную разными цвѣтами, а по краямъ золотомъ — два рубли; итого сорокъ шесть рублевъ	46	—
	23	Принято отъ кабинетъ-курьера Любима Гринева за отпущеныя чашекъ чайныхъ съ ручками бѣлыхъ, за три пары одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ	1	50
	23	Принято отъ секретаря Михайлы Туфанова за отпущенные: чашекъ чайныхъ бѣлыхъ съ ручками за одну дюжину шесть рублевъ, за одинъ бѣлый молочникъ три рубли, итого девять рублевъ	9	—
	Декабря 30	Принято отъ строеній полку капитана Петра Янецкаго за отпущенныя: чашекъ чайныхъ, писанныхъ разными красками, за шесть паръ по одному рублю по двадцати по пяти копѣекъ за пару — семь рублевъ пятьдесятъ копѣекъ; за одну чашку чайную съ ручкою и съ блюдечкомъ, писанную изъ разныхъ красокъ цвѣтами и бабочками и по краямъ золотомъ—три рубли, итого десять рублевъ пятьдесятъ копѣекъ.	10	50
	30	Принято Невскихъ заводовъ отъ господина маіора Посникова за отпущенныя: колецъ, расписанныхъ разными красками, за восемь по одному рублю за каждое, итого восемь рублевъ	8	
		Итого во ономъ 763 году въ продажѣ	426	66½
		1764 году.		
	Генваря 19	Принято отъ кабинетъ-секретаря Ивана Желѣзного за отпущенныя ему съ фарфороваго завода фарфоровыя вещи: чайникъ и молочникъ, писаны изъ разныхъ красокъ цвѣтами, цѣною: чайникъ — четыре рубли; молочникъ—три рубли; чашекъ маленькихъ двѣ пары, писаны пурпуромъ цвѣты — два рубли; молочникъ маленькій, писанъ изъ разныхъ красокъ цвѣтами — два рубли; чашка бѣлая рѣзная съ блюдечкомъ одинъ рубль; чашекъ бѣлыхъ браковканыхъ одна дюжина — три рубли; итого пятнадцать рублевъ	15	—
	20	Принято лейбъ-гвардіи коннаго полку отъ вахмистра Петра Киселева за придѣланную къ табакиркѣ крышку, расписанную разными цвѣтами, пять рублевъ девяносто восемь копѣекъ	5	98
	20	Принято отъ армянскаго священника за отпущенную ему чашку чайную съ ручкою и съ блюдечкомъ, писанную цвѣтами, одинъ рубль двадцать пять копѣекъ . .	1	25
	29	Принято Бергъ-коллегіи отъ совѣтника князя Мещерскаго: за отпущенную чекалатовую чашку съ блюдечкомъ, писанную изъ разныхъ красокъ фигурою десять рублевъ, за чашку пурпуровую маленькую — одинъ рубль, итого одинадцать рублевъ	11	—
	29	Принято отъ генералъ-адъютанта Александръ Ивановича Зиновьева		

*) Далѣе въ оригиналѣ номера не выставлены.

№	Мѣсяцы и числа.		Рубли.	Коп
		за отпущенныя ему: чайныя чашки, писанныхъ по краямъ черною краскою, съ ручками и съ блюдечками, одну дюжину—двѣнадцать рублевъ: чашекъ же чайныхъ съ блюдечками и съ ручками, писаны изъ разныхъ красокъ цвѣтами, одну дюжину—двѣнадцать рублевъ, итого двадцать четыре рубли	24	—
	Февраля 12	Принято Академiи Наукъ отъ показателя вещамъ Семена Бухвостова за отпущенные ему: чайникъ, писанный изъ разныхъ красокъ цвѣтами, по мѣстамъ золотомъ — шесть рублевъ, чашка чайная писана цвѣтами—одинъ рубль, итого семь рублевъ	7	—
	13	Принято Ладожскаго канала отъ капитана Семена Окунева за отпущенныя чайныя чашки двѣ по рублю, писанныя цвѣтами, итого два рубли	2	—
	18	Принято отъ кабинетъ-курьера Петра Гуляева за отпущенныя ему двѣ чайныя чашки съ блюдечками и съ ручками, расписанныхъ бабочками, по рублю, итого два рубли .	2	
	Марта 12	Принято отъ ея превосходительства Марьи Васильевны Олсуфьевой за отпущенные ей два стакана, писаны пурпуромъ цвѣты, по пятьдесятъ копѣекъ за каждый, итого одинъ рубль	1	—
	12	Принято лейбъ-гвардiи Семеновскаго полку отъ капитана Александръ Салтыкова за отпущенныя ему чашки чайныя: большую одну, малыхъ двѣ, трубку одну, писанныхъ цвѣтами, по рублю за каждую вещь, итого четыре рубли .	4	
	12	Принято отъ дворянина Александръ Демидова за отпущенныя ему разныя вещи, а имянно: сточку бѣлую съ крышкою и налѣпными цвѣтами — пять рублевъ; чашечекъ маленькихъ, писанныхъ цвѣтами, двѣ, за каждую по одному рублю — два рубли; маленькую бѣленькую одну—сорокъ пять копѣекъ; чашечекъ маленькихъ, расписанныхъ цвѣтами, двѣ по одному рублю два рубли; чашечка бѣлая розовая одна одинъ рубль; челночекъ, писанъ цвѣтами—семьдесятъ пять копѣекъ, итого одиннадцать рублевъ двадцать копѣекъ	11	20
	26	Принято отъ него жъ Демидова за отпущенный ему челночекъ, писанный цвѣтами, семьдесятъ пять копѣекъ		75
	Апрѣля 17	Принято отъ князя Бѣлосельскаго за проданную ему кружку съ крышкою и съ ручкою, восемь рублевъ.	8	—
	29	Принято отъ дворянина Александръ Демидова за сдѣланныя ему малыя пакетовыя двѣ табакерки—четырнадцать рублевъ; за фарфоровое одно яйцо голубиное, писанное — три рубли, итого семнадцать рублевъ	17	

М О. А. Дв.—Оп. 315, д 57, лл. 1 12.

№	Мѣсяцы и числа		Рубли	Коп
	Маія 11	Принято отъ капитана князя Сергія Болховского за проданную ему чайную маленькую чашечку, расписанную разными цвѣтами изъ разныхъ красокъ, одинъ рубль	1	
	12	Принято лейбъ-гвардiи коннаго полку отъ порутчика Александръ Щепотева за сдѣланныя три фарфоровыя ложки пять рублевъ . .	5	
	17	Принято отъ живописнаго мастера Федора Алексѣева за отпущенную ему чайную чашечку съ блюдечкомъ, расписанную цвѣтами, одинъ рубль	1	—
	20	Принято отъ князя Трубецкого за отпущенную ему маленькую чайную чашечку, расписанную цвѣтами, одинъ рубль	1	
	Іюня 25	Принято отъ барона Петра Черкасова за отпущенную ему розовую чайную чашечку одинъ рубль .	1	-
	30	Принято отъ княгини Куракиной за проданныя ей маленькія чайныя три чашечки, писанныя цвѣтами изъ разныхъ красокъ, по одному рублю каждая — три рубли; за сахарницу овалистую, писанную цвѣтами изъ разныхъ красокъ, а по краямъ золотомъ, семь рублевъ, итого десять рублевъ.	10	
	Іюля 5	Принято отъ кабинетскаго архитектора Ивана Чичагова за отпущенные ему два перстенька, расписанныхъ цвѣтами, по краямъ золотомъ, по одному рублю, итого два рубли	2	
	5	Принято отъ маіора Николая Посникова за отпущенный ему фарфоровый подсвѣчникъ—четыре рубли	4	
	10	Принято отъ графини Авдотьи Михайловны Нарышкиной за отпущенные ей: два челночка, расписанныхъ цвѣтами, чашечка маленькая, расписана цвѣтами, одна, за шендалъ бѣлый одинъ — по одному рублю за штуку, итого четыре рубли	4	
	10	Принято отъ кабинетскаго архитектора Ивана Чичагова за отпущенныя ему: чашечка маленькая, расписана цвѣтами — одинъ рубль, табакерочка маленькая бѣленькая—пятьдесятъ копѣекъ, итого одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ . . .	1	50
	Августъ 8	Принято отъ него же Чичагова за отпущенную ему маленькую чашечку, расписанную цвѣтами, одинъ рубль	1	
	9	Принято отъ кабинетъ-курьера Гуляева за проданную ему бѣленькую чайную чашечку одинъ рубль	1	—
	20	Принято отъ кабинетскаго регистратора Петра Андреянова за проданныя ему бѣлыя чайныя чашки шесть паръ три рубли	3	—
		Итого въ 764 году въ приходѣ .	145	68
		Всего въ 762, 763 и 764 годехъ въ приходѣ	1.138	99^{3}

№ 15.

РАПОРТЪ КАПИТАНА ТАРХОВА ВЪ КАБИНЕТЪ Е. И. В. О ПОСЫЛАЕМЫХЪ ВЪ МОСКВУ ДЛЯ ПРОДАЖИ ФАРФОРОВЫХЪ ВЕЩАХЪ, СЪ ДВУМЯ РЕЕСТРАМИ, 29 ЯНВАРЯ 1763

Сего генваря 19 числа, по письму его высокопревосходительства г-на тайнаго совѣтника и ордена святаго Александра кавалера Адама Васильевича Олсуфьева къ господину статскому совѣтнику Якову Бахиреву, велѣно изъ дѣланныхъ на фарфоровомъ заводѣ и нынѣ налицо имѣющихся табакерокъ разныхъ рукъ, а паче такихъ, которыя расписаны красками, также и другихъ фарфоровыхъ вещей, яко чайниковъ, кофейниковъ, молочниковъ, чашекъ въ сервизахъ и порознь, череньевъ ножевыхъ, куколъ и тому подобныхъ вещей, выбравъ лутчія и сколько можно поболѣе, для продажи въ Москвѣ разнымъ охотникамъ, приказавъ мнѣ на каждой штукѣ приклеить номеръ и цѣну, во что съ матеріалами, съ работою и съ накладными стала, при надлежащемъ реэстрѣ отправить въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества. И по силѣ вышеписаннаго повелѣнія, изъ дѣланныхъ на фарфоровомъ заводѣ табакерокъ и протчихъ фарфоровыхъ вещей, расписанныхъ красками и нерасписанныхъ, по выбору реченнаго г-на статскаго совѣтника Бахирева, отправлено, а имянно: табакерокъ расписанныхъ сорокъ одна, нерасписанныхъ четырнадцать: итого пятьдесятъ пять на пятьсотъ девяносто восемь рублевъ на семьдесятъ двѣ копѣйки; посуды расписанной девяносто одна, нерасписанной сорокъ три, итого сто тридцать четыре штуки на четыреста двадцать три рубли на десять копѣекъ; всего на тысячу двадцать одинъ рубль на восемьдесятъ двѣ копѣйки, а сколько какихъ имянно штукъ, и во что каждая съ работою, съ матеріалами и съ накладными на содержаніе завода обошлась, при семъ Кабинету Ея Императорскаго Величества благопочтенно представляю реэстръ, и на тѣхъ штукахъ на каждой номеръ и цѣна отъ меня противъ реэстра наклеены; а куколъ и тому подобныхъ вещей нынѣ налицо при заводѣ не имѣется, о чемъ Кабинету Ея Императорскаго Величества симъ покорнѣйше репортую Генваря 29 дня 1763 году.

РЕЭСТРЪ

отправленнымъ въ Москву въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, сдѣланнымъ въ Санктъ-Петербурхѣ на казенномъ фарфоровомъ заводѣ, состоящемъ подъ вѣдомствомъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, мастеромъ Воиновымъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ, расписаннымъ красками и нерасписаннымъ, а сколько какихъ и по какимъ цѣнамъ съ матеріалами, съ работою и съ накладными, каждая вещь обошлась, значитъ ниже сего по номерамъ.

№		Число вещей.	Руб.	Коп.
	Табакерокъ расписанныхъ:			
1	Въ манерѣ раковины, снаружи прикрытыя разными красками 3, на двухъ внутри крышекъ написаны фигуры, на третьей цвѣтъ, каждая по 25 руб. Итого . .	3	75	—
2	Четвероугольная отборная рѣзная, снаружи расписанная цвѣтами, внутри крышки фигурою баталіи	1	29	25
3	Таковая жъ, расписанная какъ снаружи, такъ и внутри крышки цвѣтами	1	19	–
4	Четвероугольная съ орнаментомъ, расписанная снаружи и внутри фигурами	1	23	—
5	Четвероугольная, расписанная снаружи зеленою краскою фигурами, внутри крышки разными красками фигурою.	1	35	—
6	Таковая жъ, снаружи прикрытая черною краскою и расписана цвѣтами изъ разныхъ красокъ, внутри животными фигурами	1	29	—
7	Четвероугольная, расписанная снаружи цвѣтами, внутри крышки фигурами . .	1	21	13
8	Таковая жъ, расписанная снаружи и внутри крышки фигурами	1	22	
9	Таковая жъ, отборная, расписанная ландшафтомъ и фигурами	1	15	50
10	Таковая жъ плетеная, расписанная какъ снаружи, такъ и внутри цвѣтами . . .	1	14	—
11	Таковая жъ, гладкая, расписанная фіолетовою краскою животными фигурами .	1	14	50
12	Таковая жъ, расписанная пурпуровою краскою разными фигурами	1	15	—
13	Четвероугольная плетеная, расписанная цвѣтами и ландшафтомъ	1	10	50
14	Таковая жъ, прикрытая желтою краскою и расписанная цвѣтами.	1	14	
15	Четвероугольная небольшая съ орнаментомъ, расписанная снаружи ландшафтомъ и цвѣтами внутри крышки фигурами.	1	15	10
16	Таковая жъ съ орнаментомъ, расписанная снаружи цвѣтами, внутри крышки фигурою баталіи.	1	15	34
17	Четвероугольная плетеная, расписанная цвѣтами.	1	9	10
18	Таковая жъ, расписанная краскою красною цвѣтами	1	6	—
19	Яйковатая овалистая, расписанная орнаменты разными красками, внутри крышки фигурами	1	15	50
20	Наподобіе ящичка съ дорожками, прикрыта первая желтою, а другая зеленою красками, внутри крышки расписаны фигурами, по 6 рублевъ	2	12	–
21	Наподобіе розоваго цвѣта, прикрытыя разными красками, внутри крышекъ расписаны фигурами, по 8 руб.	2	16	—
22	Овалистая четвероугольная, расписанная цвѣточками, внутри крышки животными фигурами	1	12	
23	Круглая, овалистая съ ломанинами, расписанная пурпуровою краскою, снаружи цвѣтами, внутри крышки фигурами . .	1	13	—
24	Круглая формованная, расписанная пурпуровою краскою цвѣтами	1	10	—
25	Наподобіе плетюшки высокихъ съ репейками, расписанныя: первая пурпуровою краскою, снаружи цвѣтами, внутри фигурою; другая — разными красками, по 5 рублевъ	2	10	–
26	Таковая жъ, расписанная снаружи зеленою краскою цвѣтами, внутри крышки портретъ	1	10	
27	Таковая жъ, расписанная снаружи репейками, внутри крышки портретъ . .	1	6	50
28	Наподобіе плетюшки низенькія, расписанныя цвѣтами и фигурами, по 8 руб. .	2	16	
29	Таковая жъ, расписанная снаружи цвѣточками, внутри крышки портретъ. . . .	1	9	
30	Таковыя жъ, расписанныя снаружи цвѣтами, внутри крышекъ фигурами, по 7 рублевъ	2	14	
31	Таковая жъ, расписанная пурпуровою краскою цвѣтами	1	5	—
32	Наподобіе горшечка, расписанная зеленою краскою, снаружи цвѣтами, внутри крышки фигурами	1	5	—
33	Таковой же, расписанный цвѣточками, внутри крышки портретъ	1	7	
34	Таковой-же, расписанный цвѣточками .	1	4	30
	Итого . . .	41	547	72

№		Число вещей.	Руб.	Коп.
	Нерасписанныхъ:			
35	Наподобіе ящичка съ дорожками, по 2 рубли	6	12	—
36	Наподобіе розоваго цвѣта, по 2 руб.	2	4	—
37	Наподобіе плетюшки высокихъ, по 2 р.	2	4	—
38	Въ манерѣ раковины	1	15	—
39	Яйковатая рѣзная	1	6	—
40	Четвероугольныхъ отборныхъ плетеныхъ, по 5 рублевъ	2	10	—
	Всего	55	598	72
1	Чайный сервизъ, расписанный изъ разныхъ красокъ фигурами и золотомъ, въ немъ штукъ: чайникъ 1—12 руб., молочникъ 1—12 руб., кофейникъ 1—12 руб., полоскательная чашка 1 15 руб., сахарница 1—9 р., чайныхъ чашекъ 6 паръ, по 10 руб. пара, итого	11	120	—
2	Чайный сервизъ, расписанный разными красками цвѣтами, въ немъ штукъ: чайникъ 1—6 руб., молочникъ 1 6 руб., кофейникъ 1 6 руб., сахарница 1 -6 руб., чашка полоскательная 1 10 руб., чайныхъ чашекъ 6 паръ по 3 руб., итого	11	52	—
3	Чайниковъ, расписанныхъ цвѣтами, клейма золотомъ, по 5 руб.	3	15	
4	Молочниковъ, расписанныхъ такимъ же манеромъ, по 5 руб.	5	25	—
5	Чайниковъ большихъ, расписанныхъ цвѣтами, по 8 рублевъ	2	16	-
6	Чайниковъ среднихъ, расписанныхъ такимъ же манеромъ, по 7 рублевъ	2	14	—
7	Чайникъ маленькій, расписанный цвѣтами, а по мѣстамъ золотомъ	1	4	—
8	Чайный судокъ, расписанный изъ разныхъ красокъ цвѣтами	1	4	20
9	Полоскательныхъ чашекъ съ крышками, расписанныхъ изъ разныхъ красокъ цвѣтами, а по мѣстамъ золотомъ по 6 рублевъ	3	18	
10	Чашекъ чайныхъ съ крышками, расписанныхъ цвѣточками, дюжина, по 3 рубли итого	12	36	—
11	Чайныхъ чашекъ съ ручками, расписанныхъ цвѣтами, 10 паръ, по 1 руб. 25 к. итого	10	12	50
12	Безъ ручекъ, расписанныхъ пурпуровою краскою цвѣтами, 8 паръ, по 1 руб.	8	8	—
13	Сахарница, расписанная пурпуровою краскою цвѣтами	1	2	—
14	Чайныхъ чашекъ съ ручками, расписанныхъ красною краскою, 2 пары по 2 руб. 50 к., итого	2	5	—
15	Шоколадныхъ высокихъ съ ручками, расписанныхъ цвѣтами, 3 пары, по 2 руб. 50 к., итого	3	7	50
16	Чашка полоскательная, расписанная цвѣточками	1	5	
17	Тарелка, расписанная фигурами и золотомъ	1	6	20
18	Тарелокъ, расписанныхъ цвѣтами, по 1 руб. 70 к.	2	3	40
19	Кружка съ крышкою и съ ручкою, съ налѣпленными цвѣтками и расписанная цвѣтами жъ, а ранты золотомъ	1	10	30
20	Черешковъ ножевыхъ и вилочныхъ, расписанныхъ цвѣточками, полдюжины	6	10	-
21	Челночковъ, расписанныхъ цвѣтами, по 1 руб.	5	5	—
	Нерасписанной:			
22	Розоваго манера сервизъ чайный, въ немъ штукъ: чайникъ 1 3 руб., кофейникъ 1 3 руб., молочникъ 1 -3 руб., сахарница 1 3 руб., чайныхъ чашекъ дюжина 12 руб., итого	16	24	—
23	Гладкій чайный сервизъ, въ немъ штукъ: чайникъ 1 3 руб., кофейникъ 1 -3 руб., молочникъ 1 3 руб., чайныхъ чашекъ съ ручками дюжина—6 руб., итого	15	15	—
24	Чайныхъ чашекъ маленькихъ съ ручками 1 дюжина	12	5	—
	Итого	134	423	10
	Всего табакерокъ и посуды	189	1021	82

РЕГИСТРЪ,

во что сдѣланныя на фарфоровыхъ заводахъ нижеписанныя табакерки, расписанныя разными красками и фигурами, цѣною, съ положеніемъ мастеровымъ жалованья и протчихъ расходовъ, обошлись, значитъ подъ симъ, а имянно:

№		Руб.	Коп.	
	Четвероугольныя:			
1	Отборная, расписанная снаружи цвѣточками, внутри крышки фигура баталіи	29	25	
2	Таковая жъ, расписанная какъ снаружи, такъ и внутри цвѣточками	23	5	
3	Со изображеніемъ галлереи, расписанная снаружи цвѣточками, а внутри крышки фигуры	25	11	Григорій Демидовъ.
4	Наподобіе ящичка, расписанная черною краскою, снаружи цвѣточками; внутри крышки животныя фигуры	29		
5	Съ орнаментомъ, расписанная снаружи зеленою краскою фигурами, а внутри крышки разными красками фигурами	35	—	
6	Гладкая, расписанная разными красками какъ снаружи, такъ и внутри крышки животными фигурами	20	50	
7	Съ орнаментомъ, расписанная разными красками какъ снаружи, такъ и внутри крышки фигурами	39	13	Гр. Демидовъ.
8	Съ орнаментомъ, расписанная какъ снаружи, такъ и внутри крышки разными фигурами	34	13	
9	Съ орнаментомъ, расписанная снаружи цвѣточками, а внутри крышки фигурами	21	13	
10	Гладкая, расписанная какъ снаружи, такъ и внутри разными фигурами	19	50	
11	Расписанная кругомъ цвѣточками, а крышка, какъ снаружи, такъ и внутри мопсиковою фигурою	17	50	Лобковъ.
12	Гладкая, расписанная цвѣточками	15	50	Кокоринъ.
13	Таковая жъ, расписанная фіолетовою краскою, какъ снаружи, такъ и внутри животными фигурами	14	50	
14	Отборная, расписанная разными красками ландшафтомъ, какъ снаружи, такъ и внутри	15	50	
15	Плетеная, отборная, расписанная снаружи цвѣточками, а внутри дамская фигура	22		
16	Круглая флягмовая, расписанная снаружи цвѣточками, внутри крыщки разными фигурами	30		
17	Четвероугольная съ ломанинами, [расписанная] снаружи цвѣточками, внутри крышки животной фигурою	10	50	
18	Круглая наподобіе плетюшки, расписанная снаружи цвѣточками, а внутри крышки фигурою	9		
19	Таковая жъ, поменьше, расписанная снаружи цвѣточками, а внутри фигурою	8	50	
20	Таковая жъ, расписанная какъ снаружи, такъ и внутри цвѣточками	8		

М. О. А. Дв.—Оп. 315 д 66, л л. 1 7.

№ 16

РЕЭСТРЪ,

кому изъ казенной фарфоровой посуды въ 1763 году продано и безъ денегъ кому и куда отослано, значитъ подъ симъ а именно:

		Руб.	Коп.	
	Продано:			
1	Его сіятельству графу Григорію Григорьевичу Орлову табакерокъ:			
	Подъ № 30	7	—	Оныя деньги взяты и хранятся въ Кабинетѣ у подканцеляриста Кайгородова.
	„ „ 5	35		
	„ „ 11	14	50	
	„ „ 7	21	13	
	„ „ 8	22	—	
	„ „ 16	15	34	
	„ „ 26	10	—	
	„ „ 19	15	50	
		140	47	
2	Ювелиру Поазіе:			Проданы ювелиру Поазіе, деньги взяты, а у кого оныя хранятся, того не означено.
	Подъ № 10 двѣ чашки съ крышками по 3 руб. . .	6	—	
	„ „ 23—одинъ чайникъ бѣлый	3		
	„ „ 15 двѣ чашки шоколадныхъ по 2 руб. 50 к.	5	—	
		14	—	
3	Дворянину Демидову:			
	Подъ № 10—три чайныя чашки съ блюдечками по 3 руб.	9	—	Дворянину Демидову.
		9	—	
	Порутчику Петру Чирикову:			
	Подъ № 14—одна чайная чашка съ блюдечкомъ	2	50	Порутчику Петру Чирикову.
		24	50	(sic!)
	Авдотьѣ Наумовнѣ Зиновьевой:			
	Три табакерки, изъ которыхъ одна 6 руб., а двѣ по 2 руб., итого. . . .	10	—	
	Еще одна табакерка подъ № 18 . .	6	—	Оныя деньги еще не взяты.
	Подъ № 27-мъ	6	50	
		22	50	
	Его превосходительство Адамъ Васильевичъ взялъ себѣ:			
	1 табакерку подъ № 32-мъ	5	—	
	Два челночка, по 1 руб.	2	-	
	Двѣ чайныя чашки съ блюдечками, по 3 руб. каждая	6	-	
	Одну табакерку	2	—	
	Одну чашку, въ которой держится масло	2	—	
		17	—	

	Руб.	Коп.	
Капитану Василью Гуляеву:			
Подъ № 4—одна чайная чашка съ блюдечкомъ	2	50	
Господину кабинетъ-секретарю Морсочникову:			Оныя деньги взяты ли, неивѣстно.
Подъ № 7—одинъ чайникъ	4	—	
Ея превосходительство Марья Васильевна взяла себѣ:			
Одинъ челночекъ.	1	—	
Одну чайную чашку съ блюдечкомъ	2	50	
Одну жъ чайную чашку съ блюдечкомъ подъ № 24		41½	
	3	91½	
Продано разнымъ людямъ:			
Одинъ молочникъ, расписанный разными кунштами	5	—	Оныя деньги получены и имѣются у ея превосходительства Марьи Васильевны.
Шесть паръ чайныхъ чашекъ бѣлыхъ съ ручками, по 41⅔ каждая	2	50	
Три бѣлыя табакерки журне, по 2 р. каждая.	6	—	
Одна табакерка бѣлая, сдѣлана розою	2	—	
	15	50	
Маія 26 дня въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ отданъ сервизъ, а въ немъ:			
Чайникъ	12	—	
Кофейникъ	12	—	
Молочникъ	12	—	
Полоскательная чашка	10	—	
6 паръ чашекъ, по 10 руб. каждая.	60	—	
	106	—	
Іюля 8 дня, для продажи оставлено въ Москвѣ купцу Михайлѣ Евреинову разной посуды на	397	26	Въ пріемѣ той посуды при семъ приложена на реестрѣ расписка его.
Итого всей посуды продано и для продажи оставлено на . . 727 р. 14½ к.			
а съ фарфороваго завода было прислано на . . . . 1021 „ 82 „			
и противъ присланной съ завода недостаетъ на . . . . . . 294 „ 67½ „			

М. О. А. Дв.—Оп. 315, д. 66, л. л. 12 и 18.

№ 17.

ВѢДОМОСТЬ

штукамъ, сдѣланнымъ на императорской фарфоровой фабрикѣ Арнултомъ, мастеромъ фарфороваго художества, отъ марта мѣсяца 1764 года.

I) Чернильница, представляющая фигуры въ водѣ, педесталы на 4-хъ камняхъ, на которыхъ сидятъ играющіе два купидона; фигуры на островахъ, окруженныя тростникомъ и травами, кои слушаютъ и представляютъ два подсвѣчника и омбракуль.

II) Люстръ наподобіе древесныхъ листовъ на восемь свѣчъ, съ однимъ купидономъ, держащимъ пучокъ цвѣтовъ и пять паръ ручекъ пустыхъ; всѣ живописной работы.

III) Люстръ китайскаго манера съ пальмовымъ деревомъ, съ четырьмя китайскими фигурами въ бесѣдкахъ, съ двумя пустыми ручками наподобіе пальмы.

IV) Два люстра съ живописью на четыре свѣчи; каждый съ четырьмя фигурами.

V) 16 сосудовъ вышиною въ одинъ футъ: иные украшены нарциссами, другіе тюльпанами, гвоздиками и другими разными цвѣтами въ натуральномъ видѣ.

VI) Большой сосудъ, украшенный разными цвѣтами десяти родовъ въ натуральномъ видѣ, съ вызолоченными подножками.

VII) Приборъ для столоваго десерта на тридцати бѣлыхъ драконахъ, представляющій русскій ландшафтъ.

VIII) Ножка съ столбикомъ для омбракуля.

ВѢДОМОСТЬ

штукамъ, начатымъ мастеромъ Арнултомъ, которыя находятся на оной фабрикѣ.

I) Фигура, представляющая аптеку съ химистомъ и съ его помощникомъ въ работѣ при каминѣ, гдѣ виденъ горящій спиртъ въ конфорѣ, на которомъ кипитъ въ сосудцѣ ликеръ по химическому манеру; терасъ на четырехъ львахъ, выходящихъ изъ пещеръ. Работы 50 дней.

II) Такая жъ штука на четырехъ драконахъ; мастерство учениковъ Арнултовыхъ. Работы на двѣ недѣли.

III) Два небольшіе кабинетные люстра, убранные цвѣтами, съ четырьмя фигурами и съ четырьмя подсвѣчниками. Окончаются въ восемь дней.

IV) Разныя раковинныя украшенія для десерта. Работы на три дни.

V) Разные древесные листы на украшеніе люстра.

VI) Листочки и чашечки для подсвѣчниковъ, готовые на два подсвѣчника къ дамскому туалету. Работы на двѣ недѣли.

VII) Накладка на бумагу, представляющая лежащаго купидона съ лукомъ и колчаномъ. Окончена и отдана господину директору.

VIII) Сверхъ сего двѣ конфорки на спиртъ, также оконченныя.

М. О. А. Дв. -Оп. 315, д. 66, л.л. 38—39.

№ 18.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ ЗАКАЗЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II (1780).

Чайной и кофейной сервизъ по золоту съ цвѣтами.
Каминой уборъ горшки съ цвѣтами такія-же.
Дессеръ изъ беседокъ изъ ахитектурныхъ убранствахъ и домовъ и цвѣтовъ грунтъ золотой.
Корпусъ столовыхъ часовъ по золото цвѣти.
Все сіе что пестрея то луче однако со вкусомъ.

Музей Императорскихъ заводовъ. Написано краснымъ карандашемъ на листкѣ почтовой бумаги. Орѳографія подлинника.

№ 19.

РЕЭСТРЪ

оконченному для Ея Императорскаго Величества арабесковому сервизу на 60 персонъ.

Сорты.		Число штукъ.
	ЧАСТЬ I-я.	
	Териновъ овальныхъ	4
	Подъ нихъ блюдъ	4
	Териновъ круглыхъ	4
	Подъ нихъ блюдъ	4
1-го	Блюдъ большихъ овальныхъ съ колоколами	4
1-го	Блюдъ большихъ круглыхъ съ колоколами	4
2-го	Блюдъ круглыхъ одинакой величины съ крышками.	24
3-го	Блюдъ четвероугольныхъ съ колоколами	4
3-го	Блюдъ овальныхъ съ колоколами	4
3-го	Блюдъ треугольныхъ съ колоколами	4
	Теринчиковъ для жидкаго соусу	4
	Подъ нихъ тарелокъ	4
	Чашъ для холоднаго	4
	Подъ нихъ блюдъ	4
	Бутылочныхъ ставокъ.	12
	Судковъ для уксусу и масла	6
	Къ нимъ графиновъ хрустальныхъ.	6
	Горчичницъ	12
	Подъ нихъ лотковъ	12
	Къ нимъ ложекъ	12
	Масляницъ съ крышками	4
	Къ нимъ лотковъ	4
	Солонокъ съ перегородкой	8
	Подъ нихъ лотковъ	8
	Солонокъ безъ перегородки	8
	Подъ нихъ лотковъ.	8
	Яичниковъ	40
	Особенно для Ея Величества:	
	Териновъ небольшихъ	2
	Къ нимъ лотковъ.	2
3-го	Блюдъ круглыхъ посредственныхъ съ колоколами.	8
	Блюдъ малыхъ овальныхъ съ колоколами	2
	ЧАСТЬ 2-я.	
1-го	Блюдъ овальныхъ большихъ	4
1-го	Блюдъ круглыхъ большихъ	4
2-го	Блюдъ овальныхъ съ колоколами	4
3-го	Блюдъ овальныхъ съ колоколами	4
2-го	Блюдъ круглыхъ одинакой величины	16
3-го	Блюдъ четвероугольныхъ пирожныхъ	4
3-го	Блюдъ овальныхъ пирожныхъ	4
3-го	Блюдъ треугольныхъ пирожныхъ	4
3-го	Блюдъ круглыхъ	8
1-го	Салатниковъ	4
2-го	Салатниковъ	4

Сорты.		Число штукъ.
	Горшковъ для молочнаго	48
	Тарелокъ глубокихъ	90
	Тарелокъ мелкихъ	180
	Подливальниковъ для жидкаго соусу.	4
	Подъ нихъ лотковъ.	4
	Рюмочницъ	6
	ЧАСТЬ 3-я.	
	Къ десерту:	
	Корзинъ овальныхъ для плодовъ съ поддонками	4
	Корзинъ круглыхъ	8
	Подъ нихъ тарелокъ	8
	Корзинъ овальныхъ	2
	Подъ нихъ лотковъ	2
	Корзинъ овальныхъ посредственныхъ	4
	Подъ нихъ лотковъ.	4
	Конпотіеровъ овальныхъ	6
	Конпотіеровъ круглыхъ	6
	Тарелокъ десертныхъ	120
	Чашекъ для мороженаго	48
	Подъ нихъ лотковъ.	6
	Бутылочниковъ для ликіоровъ	8
	Мороженъ большихъ въ 3-хъ штукахъ.	6
	Рюмочницъ.	8
	Сахарницъ	4
	Къ нимъ лотковъ.	4
	Ситечекъ	4
	Ложекъ столовыхъ	60
	Филейный приборъ:	
	Монументъ съ подножіемъ и плинтомъ.	1
	Къ нему столбиковъ	4
	Фигура съ педесталомъ, изображающая человѣколюбіе	1
	Фигура съ педесталомъ, изображающая правосудіе.	1
	Трофей, представляющій морскую силу	1
	Трофей, представляющій сухопутную силу.	1
	Групъ, представляющій Крымъ, съ подножіемъ, въ 5 штукахъ.	1
	Групъ, представляющій Грузію, съ подножіемъ, въ 5 штукахъ	1
	Вазиковъ разнаго сорта	26
	Групъ, представляющій правленіе намѣстничествъ.	1
	Групъ, изъявляющій щедроту	1
	Итого	973

П. О. А. Дв.—Оп. 36/1629, д. 154, л. л. 95—98

№ 20.

РЕЭСТРЪ

СДѢЛАННЫМЪ КЪ СЕРВИЗУ ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА ГРАФА АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧА БЕЗБОРОДКИ ФАРФОРОВЫМЪ И БІОСКВИТОВЫМЪ ВЕЩАМЪ, А ИМЯННО:

	Число штукъ.	Руб.	Коп.
Териновъ овальныхъ, въ томъ числѣ одинъ круглый, по 150 руб.	3	450	—
Блюдъ овальныхъ 1-го сорта, по 51 руб. .	2	102	
Тарелокъ столовыхъ, по 16 руб. каждая . .	24	384	—
Для филе:			
Большой групъ изъ Эркулана, античный, представляетъ продающую любовь	1	500	—
Групъ свадьбы Андобрандино, по 350 руб. .	2	700	—
Групъ: Купидонъ и Псиша	1	90	—
Фигура: любовь превозмогаетъ силу	1	50	—
Фигура: античная Венусъ	1	60	—
Фигура: Фаунъ	1	60	—
Фигура: Меркурій	1	50	—
Купидонъ на облакахъ	1	30	—
Всего	—	2476	—

16-го августа 1794 года.

П. О. А. Дв.—Оп. 400/512, д. 64, л. 4.

№ 21.

РЕГИСТРЪ

ФАРФОРОВЫМЪ ВЕЩАМЪ, СОСТАВЛЯЮЩИМЪ БОГАТЫЙ СТОЛОВЫЙ СЕРВИЗЪ, ДѢЛАЮЩІЙСЯ ПО ПОВЕЛѢНІЮ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА НА ФАРФОРОВОМЪ ЗАВОДѢ.

Къ сервизу:	Число вещей.	Рубли.	Въ то число сдѣлано: Число вещей	Руб.
Териновъ овальныхъ съ крышками и поддонками по 150 руб. . .	4	600	2	300
Таковыхъ же круглыхъ по 150 р.	4	600	2	300
Блюдъ овальныхъ соусныхъ:				
1-го сорта по 85 руб. . . .	4	340	1	85
2-го „ по 80 руб. . . .	8	640	1	80
3-го „ по 60 руб. . . .	8	480	1	60
4-го „ по 50 руб. . . .	16	800		
Блюдъ таковыхъ же безъ крышекъ:				
1-го сорта по 51 руб. . . .	2	102	2	102
2-го „ по 48 руб. . . .	4	192		
3-го „ по 35 руб. . . .	4	140		
Блюдъ круглыхъ соусныхъ:				
1-го сорта по 85 руб. . . .	4	340	1	85
2-го „ по 80 руб. . . .	8	640	1	80
3-го „ по 60 руб. . . .	8	480		
4-го „ по 50 руб. . . .	8	400		
Таковыхъ же безъ крышекъ:				
1-го сорта, по 51 руб. . . .	2	102		
2-го „ по 48 руб. . . .	4	192		
3-го „ по 24 руб. . . .	4	96	2	48
Блюдъ 4-хугольныхъ соусныхъ по 35 руб.	16	560		
Кроншловъ 2-го сорта } по 25 руб.	4	100		
„ 3-го „ } по 25 руб.	4	100		
Соусниковъ съ лотками по 35 руб.	8	280		
Тарелокъ глубокихъ } по 16 руб.	8 дюж.	1536	тар.	
„ мелкихъ } по 16 руб.	24 дюж.	4608	43	688
Чашекъ на холодное по 50 руб.	4	200		
Бутылочниковъ по 50 руб. . . .	8	400		
Судковъ для уксусу и масла по 30 руб.	4	120		
Горчичницъ съ лотками по 12 руб.	4	48		
Масляницъ съ лотками по 30 руб.	4	120		
Солонокъ по 12 руб.	24	288		
Яичниковъ по 5 руб.	24	120		
Подъ нихъ лотковъ по 25 руб. .	4	100		
Подливальниковъ съ лотками по 30 руб.	4	120		
Для фруктовъ лоточковъ по 25 р.	8	200		
Рюмочницъ по 60 руб.	4	240		
Для крема горшечковъ по 5 руб.	6 дюж.	360		
Лотковъ по 35 руб.	6	210		
Сахарницъ съ лотками по 30 руб.	4	120		

Для десерта:	Число вещей.	Рубли.	Въ то число сдѣлано: Число вещей.	Руб.
Корзинъ овальныхъ съ лотками по 25 руб.	8	200		
„ круглыхъ по 25 руб. . .	8	200		
Ведерокъ для мороженаго по 75 р.	4	300		
Ведерокъ одинакихъ круглыхъ для винъ ликерныхъ по 40 руб. . .	4	160		
Рюмочницъ къ нимъ по 60 руб. .	4	240		
Морожениковъ маленькихъ по 5 р.	24	360		
Лоточковъ 4-хугольныхъ по 20 р.	8	160		
„ круглыхъ по 15 руб. .	8	120		
Черешковъ ножевыхъ и вилочныхъ по 1 руб. 50 к.	24 дюж.	432		
Кофейнаго и чайнаго прибора:				
Чайниковъ: большихъ по 12 руб.	1	12		
„ средній	1	12		
„ поменьше	1	12		
Кофейниковъ: большой	1	15		
„ средній	1	15		
„ поменьше	1	15		
Молочниковъ большихъ по 12 руб.	2	24		
„ поменьше	2	24		
Чашекъ чайныхъ по 8 руб. . .	6 дюж.	576		
Сахарницъ по 15 руб.	3	45		
Чайницъ по 12 руб.	2	24		
Чашекъ полоскательныхъ по 15 р.	4	60		
		18980		
Для филе:				
Групъ: представляетъ свадьбу Андобрандино.	1	350	1	350
Таковой же.	1	350	1	350
Групъ: Купидонъ	1	90	1	90
Купидонъ представляетъ любовь и силу	1	50	1	50
Фигуръ весталокъ по 60 руб. . .	2	120	2	120
Кромѣ того назначается досокъ 12 съ фарфоровыми бортами и на додѣлку прочихъ бюсквитовыхъ фигуръ		5060		
		6020		
ИТОГО . . .		25000	62	2788

Августа — дня 1795.

П. О. А. Дв. - Оп. 400/512, д. 64, л. л. 9 - 10 об.

К. Юсуповъ.

№ 22.

РЕГИСТРЪ

фарфоровымъ вещамъ, составляющимъ столовый сервизъ и къ оному филе изъ бюсквитовыхъ вещей Его Императорскому Величеству на четырнадцать персонъ. (1798 г.).

	Число вещей.
Териновъ овальныхъ на возвышенныхъ платахъ	2
Таковыхъ же круглыхъ	2
Блюдъ:	
Овальныхъ соусныхъ съ крышками 2-го сорта	2
„ „ „ „ 3-го „	4
„ „ „ „ 4-го „	4
Круглыхъ „ „ „ 2-го „	2
„ „ „ „ 3-го „	4
„ „ „ „ 4-го „	4
Овальныхъ безъ крышекъ 1-го сорта	2
„ „ „ 2-го „	4
„ „ „ 3-го „	4
„ „ „ 4-го „	4
Круглыхъ „ „ 1-го „	2
„ „ „ 2-го „	4
„ „ „ 3-го „	4
„ „ „ 4-го „	4
Блюдъ 4-хугольныхъ съ крышками 1-го сорта	4
Блюдъ для салату	4
Соусниковъ для подливокъ въ плато	2
Ведерокъ для винъ	6
Корзинъ для рюмокъ	6
Тарелокъ глубокихъ	3 дюж.
„ мелкихъ	8 дюж.
Сахарницъ на плато, каждая съ ложками.	2
Горчичницъ на плато, каждая съ ложками	2
Масляницъ на плато	2
Солонокъ	12

	Число вещей
Для десерта:	
Корзинъ круглыхъ съ ручками прорѣзныхъ на педесталѣ.	2
Корзинъ овальныхъ съ плато	4
„ круглыхъ, тоже.	4
Ведерокъ для мороженаго	2
Ведерокъ для винъ ликерныхъ	4
Рюмочницъ къ нимъ	4
Чашекъ для мороженаго	36
Подъ нихъ лотковъ круглыхъ съ 7-ю мѣстами	5
Блюдъ 4-хугольныхъ или компотіеровъ небольшихъ	8
Блюдъ малыхъ наподобіе листовъ	4
Малыхъ круглыхъ для того же	4
Итого	301
Филе изъ бюсквитовыхъ штукъ:	
Храмъ Аполлоновъ, въ немъ Аполлонъ на педесталѣ	1
Два група въ 3 фигурахъ египетскихъ сфинксъ на педесталахъ	2
Два група, означающіе плодородіе, на педесталахъ	2
Два група въ 3 фигурахъ морскихъ нимфъ на педесталахъ.	2
Двѣ фигуры весталокъ: одна съ жертвенникомъ, а другая съ купидономъ, на педесталахъ	2
Вазиковъ небольшихъ съ крышками	11
Таковыхъ же съ ручками	11
Итого	22
Къ оному филе досокъ, оправленныхъ бронзою, съ зеркалами	9

П. О. А. Дв.—Оп 36 1629, д. 196, л. 392.

№ 23.

СЧЕТЪ

фарфоровымъ вещамъ поднесеннымъ по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію принцамъ виртембергъ-штутгартскимъ, въ бытность ихъ на Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, 12 августа 1798 года.

	Число вещей.	Цѣна.	Рубли.
Старшему принцу:			
Часы, составленные изъ фарфора, мрамора, питестала съ бронзовою работою	1	—	300
Канделябровъ, составленныхъ изъ фарфора, бюсквита, стеклянныхъ вещей, мраморныхъ педесталовъ съ бронзою	2	350	700
Чернилица, составленная изъ фарфора, бюсквита, мраморнаго педестала съ бронзою	1	—	60
Медаліоновъ бюсквитовыхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Государыни	3	5	15
Пара чашекъ стаканчикомъ кобальтовая, писана: бортъ изъ цвѣтовъ и арабески золотомъ съ расцыровкою и въ клеймѣ вензели.	1	—	30
			1105
Младшему принцу:			
Часы, составленные изъ фарфора, бюсквита, мраморнаго педестала съ бронзою	1	—	350
Вазовъ большихъ съ орнаментовыми ручками, писаны вокругъ гирлянды изъ цвѣтовъ съ раскрышкою и украшенія золотомъ	4	275	1100
Чернилица, составленная изъ фарфора, бюсквита, мраморнаго педестала съ бронзою	1	—	60
Медаліоновъ бюсквитовыхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Государыни	3	5	15
Пара чашекъ стаканчикомъ кобальтовая, писана: бортъ изъ арабесокъ съ расцыровкою и въ клеймахъ вензели	1	—	30
Ихъ свитѣ:			
Медаліоновъ бюсквитовыхъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Государыни	2	5	10
	20	—	2670

М. О. А. Дв.—Оп. 364, д. 75, л. 29.

Князь Николай Юсуповъ.

№ 24.

СЧЕТЪ

поднесеннымъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ фарфоровымъ вещамъ отъ Императорскаго фарфороваго завода, 1798 г. октября въ 14 день.

	Число вещей.	Цѣна.	Рубли.
Въ день рожденія Ея Величества:			
Вазовъ большихъ въ 4-хъ штукахъ съ гирляндами и купидонами, крыты кобальтомъ	2	475	950

М. О. А. Дв.—Оп. 364, д. 75, л. 27.

Князь Николай Юсуповъ.

№ 25.

СЧЕТЪ

поднесеннымъ Ея Императорскому Величеству, Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ Еленѣ Павловнѣ и Маріѣ Павловнѣ, пресвѣтлѣйшему эрцъ-герцогу Іосифу, наслѣдному принцу Мекленбургъ-Шверингскому и протчимъ съ ихъ свитою, во время Высочайшаго посѣщенія въ заводѣ, и отправленнымъ во дворецъ разнымъ фарфоровымъ вещамъ, 28 февраля сего 1799 года.

	Число вещей.	Цѣна.	Рубли.
Ея Императорскому Величеству:			
Дежене: лотокъ овальный, кофейникъ, чайникъ, сливочникъ, сахарница и пара чашекъ, французскаго фасона кобальтовыя, писаны по бортамъ гирлянды изъ разныхъ цвѣтовъ и въ клеймахъ вензловое Ея Императорскаго Величества имя и арабески золотомъ	6	—	350
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою и двумя ручками кобальтовая, писаны полоски золотомъ и бортъ изъ разныхъ цвѣтовъ, а въ клеймѣ вензловое Ея Императорскаго Величества имя	1	—	80
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою и двумя ручками кобальтовая, покрыта двуличневою краскою, писана: бортъ и арабески золотомъ и въ клеймѣ вензловое Вашего Императорскаго Величества имя	1	-	80
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою кобальтовая, покрыта двуличневою краскою, писанъ бортъ красками и арабески золотомъ и въ клеймѣ вензловое Вашего Императорскаго Величества имя	1	—	25
Пара чашекъ чайная безъ крышки, большая, покрыта синею краскою и рантъ золотомъ	1	—	15
			550
Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ:			
Еленѣ Павловнѣ:			
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою и двумя ручками кобальтовая, писана: борты и въ клеймѣ фигуры черною краскою и украшенія золотомъ	1	—	80
Маріѣ Павловнѣ:			
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою большая, писана: бортъ изъ розановъ и украшенія золотомъ	1	—	30
Отправлено во дворецъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ:			
Николаю Павловичу:			
Рейтаровъ	6	6	36
Михаилу Павловичу:			
Гусаровъ	6	6	36
Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ:			
Александрѣ Павловнѣ:			
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою и двумя ручками кобальтовая, писана: борты и въ клеймахъ ландшафты разными красками и украшенія золотомъ	1	—	80
Екатеринѣ Павловнѣ:			
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою большая, покрыта пурпуромъ, писаны кольца золотомъ	1	—	30
Аннѣ Павловнѣ:			
Фигуръ обитающихъ въ Россіи народовъ	4	7	28
			320
Пресвѣтлѣйшему эрцъ-герцогу Іосифу:			
Вазовъ: большихъ въ 4-хъ штукахъ, съ гирляндами и купидонами, покрыты кобальтомъ	2	400	800
Безъ крышекъ и безъ ручекъ съ поддонками, покрыты пурпуромъ, писаны борты изъ виноградныхъ листовъ и украшенія золотомъ	2	200	400
Дежене: лотокъ овальный, кофейникъ, чайникъ, сливочникъ, сахарница и пара чашекъ, французскаго фасона, всѣ кобальтовые, писаны: въ клеймахъ вензловое имя, борты и арабески золотомъ	6	—	300
Дежене: лотокъ круглый, чайникъ, молочникъ, сахарница и пара чашекъ антикъ-фасонъ, вызолочены сплошь	5	—	200
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою кобальтовая, писана: бортъ и арабески золотомъ съ возвышенною разцыровкою и гравированіемъ		—	85
Бюсквитовыхъ вещей:			
Медаліоновъ Вашего Императорскаго Величества и Ея Величества	2	5	10
Групъ: геніи представляютъ художество	1	–	30
Филе бюсквитовое изъ національныхъ фигуръ:			
Групъ на средину филе въ 3-хъ фигурахъ: деревенскіе игроки на педесталѣ	1	—	100
Два група представляютъ: первый въ 3-хъ фигурахъ—шеманку, второй въ 2-хъ фигурахъ—коряка, на педесталахъ	2	60	120
Фигуръ разныхъ обитающихъ въ Россіи народовъ на педесталахъ	18	12	216
Мраморныхъ вещей:			
Ахиллесъ	1	—	500
Геркулесъ	1	—	400
Меркурій	1	—	400
			3561
Принцу Ауерспергу:			
Вазовъ безъ крышекъ, съ ручками, головками и поддонками кобальтовыхъ, писаны борты и украшенія золотомъ съ разцыровкою	2	225	450
Дежене: лотокъ овальный, кофейникъ, чайникъ, сливочникъ, сахарница и пара чашекъ французскаго фасона, всѣ кобальтовые, писаны борты и украшенія золотомъ	6	-	100
Два медаліона Вашего Императорскаго Величества и Ея Величества	2	5	10
			560
Принцамъ Мекленбургъ-Шверингскимъ:			
Старшему:			
Дежене: лотокъ овальный, чайникъ, сливочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками безъ крышекъ кобальтовыя антикъ-фасона, писаны борты и украшенія золотомъ	6	—	125
Два медаліона Вашего Императорскаго Величества и Ея Величества	2	5	10
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою большая, покрыта пурпуромъ, писаны кольца золотомъ	1	—	30
			165
Младшему:			
Дежене: лотокъ овальный, чайникъ, сливочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками безъ крышекъ, кобальтовые, покрыты			

	Число вещей.	Цѣна.	Руб.
двуличневою краскою, писаны борты и украшенія золотомъ	6	—	100
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою и двумя ручками большая, покрыта пурпуромъ, писана: бортъ золотомъ	1	—	25
Два медаліона Вашего Императорскаго Величества и Ея Величества	2	5	10
			135
Свиты пресвѣтлѣйшаго эрцъ-герцога и свиты Мекленбургъ-Шверингскихъ принцевъ кавалерамъ:			
Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкою большая, писана: бортъ изъ розановъ и украшенія золотомъ	1	—	30
Дежене: лотокъ круглый, чайникъ, молочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками съ крышками, писаны полоски и украшенія золотомъ	6	—	125
Дежене: лотокъ овальный, чайникъ, сливочникъ, сахарница и пара чашекъ стаканчикомъ, покрыта желтою краскою, писанъ бортъ золотомъ	5	—	80
Два ваза безъ крышекъ съ ручками и подdonками кобальтовые, писаны въ клеймахъ съ обѣихъ сторонъ фигуры на красной раскрышкѣ красками и украшенія золотомъ . .	2	80	160
Дежене: лотокъ овальный, чайникъ, молочникъ, сахарница съ колечками и двѣ пары чашекъ съ крышками, всѣ французскаго фасона, писаны борты красками и золотомъ . .	6	—	55
Дежене: лотокъ овальный съ ручками чайникъ, молочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ съ крышками, всѣ французскаго фасона, писаны борты красками и золотомъ. . .	6	—	55
Дежене: лотокъ круглый, чайникъ, молочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками съ крышками, писаны борты красками и золотомъ	6	—	55
Дежене: лотокъ круглый, чайникъ, молочникъ, сахарница, чайница французскаго фасона и двѣ пары чашекъ стаканчиками безъ крышекъ, писаны борты красками и золотомъ.	7		55
			615
А всего			5906

Князь Николай Юсуповъ.

М. О. А. Дв. Оп. 364, д. 133, л.л. 41—43 об.

№ 26.

СЧЕТЪ

поднесеннымъ Ея Императорскому Величеству фарфоровымъ вещамъ, сего 1799 года.

	Число вещей	Цѣна.	Руб.
Въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, 22 іюля:			
Дежене писанное: въ клеймахъ ландшафты съ богатымъ украшеніемъ изъ арабесокъ и возвышеннымъ золотомъ	1	—	750
Въ день рожденія Ея Императорскаго Величества, октября 14-го:			
Вазовъ безъ крышекъ, покрытыхъ двуличневою краскою	2	—	750
			1500

Князь Николай Юсуповъ.

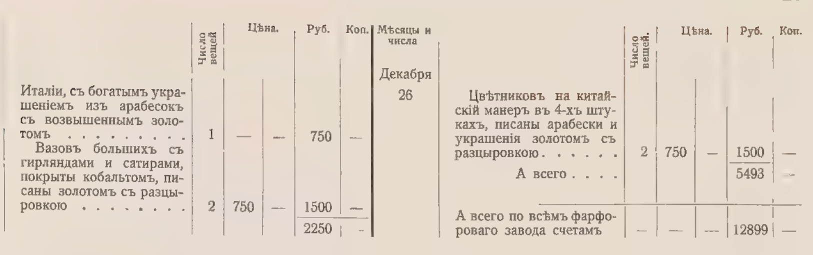
М. О. А. Дв.—Оп. 364, д. 133, л. 44.

№ 27.

СЧЕТЪ

поднесеннымъ Вашему Императорскому Величеству разнымъ фарфоровымъ вещамъ 1799 года.

Мѣсяцы и числа.		Число вещей.	Цѣна.		Руб.	Коп.
	Въ Зимнемъ замкѣ въ день святыя Пасхи:					
Апрѣля	Вазовъ:					
17	Безъ крышекъ съ подdonками кобальтовыхъ, писаны украшенія и борты изъ виноградныхъ листовъ золотомъ	2	150	—	300	
	Небольшихъ лощатыхъ съ ручками, покрыты краскою, писаны украшенія золотомъ.	2	15	—	30	—
	Ведерокъ съ ручками, писаны полоски красками и ранты золотомъ. . . .	3	15	—	45	—
	Подносовъ овальныхъ, оправленныхъ бронзою, со стеклами:					
	Зеленой матеріи . . .	1		—	75	—
	Голубой матеріи . .	2	75		150	—
	Яицъ съ разными украшеніями	1	—		25	.
	. . . .	1	—		21	.
	. . . .	3	18		54	-
	. . . .	3	7		21	
	. . . .	24	5	50	132	-
	. . . .	35	5	-	175	.
	. . . .	6	4	75	28	50
	. . . .	38	4	50	171	-
	. . . .	42	4	25	178	50
	. . . .	18	4		72	—
	. . . .	32	3	50	112	—
	. . . .	51	3		153	—
					1743	
Сентября	Въ день рожденія Вашего Императорскаго Величества:					
20	Дежене писанное: въ клеймахъ виды городовъ					

Мѣсяцы и числа.		Число вещей	Цѣна.		Руб.	Коп.
	Италіи, съ богатымъ украшеніемъ изъ арабесокъ съ возвышеннымъ золотомъ	1	—	—	750	—
	Вазовъ большихъ съ гирляндами и сатирами, покрыты кобальтомъ, писаны золотомъ съ разцыровкою	2	750	—	1500	—
					2250	—
Декабря 26	Цвѣтниковъ на китайскій манеръ въ 4-хъ штукахъ, писаны арабески и украшенія золотомъ съ разцыровкою	2	750	—	1500	—
	А всего				5493	—
	А всего по всѣмъ фарфороваго завода счетамъ	—	—	—	12899	—

Князь Николай Юсуповъ.

М. О. А. Дв. -Оп. 364, д. 133, л. 45.

№ 28

ВѢДОМОСТЬ

о состояніи фарфороваго завода Вашего Императорскаго Величества.

(Поднесена при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, марта 1801 г.).

	Рубли.	Коп.
1792 года сентября 17 числа при заводѣ капитала состояло на	276088	$97\frac{3}{4}$
Изъ того числа исключено вещей, оказавшихся негодными на	25502	$61\frac{3}{4}$
Да слѣдующихъ ко исключенію за прежнее время долговъ	62447	$3\frac{3}{4}$
	87949	$65\frac{1}{2}$
Затѣмъ оставалось капитала на	188139	$32\frac{1}{4}$
А сего 1801 года марта ко 12 числу въ остаткѣ состоитъ:		
Наличныхъ денегъ	11258	$80\frac{1}{4}$
Долговой суммы	40871	$49\frac{1}{4}$
Выданныхъ подрядчикамъ подъ поставку матеріаловъ	3909	40
	56039	$69\frac{1}{2}$
Разнаго званія фарфора и бюсквита	135288	$33\frac{3}{4}$
Мраморныхъ вещей	6685	25
Фарфороваго состава	4374	$86\frac{1}{2}$
Капселей и муфелей для обжигу фарфора .	3521	$41\frac{1}{2}$
Матеріаловъ	51383	73
Горновъ, машинъ, формъ, моделей и инструментовъ	59687	$75\frac{1}{2}$
Строенія	111477	$87\frac{1}{2}$
	372419	$22\frac{3}{4}$
	428458	$92\frac{1}{4}$

Князь Николай Юсуповъ.

При заводѣ состоитъ людей:

Управляющій заводомъ	1
Чиновниковъ	10
Канцелярскихъ служителей	5
Художниковъ и мастеровъ	3
Подмастерьевъ	3
Мастеровыхъ	115
Гимназическихъ учениковъ	53
Сторожей	12
	202

Князь Николай Юсуповъ.

М. О. А. Дв. –Оп. 364, д. 124, л. 6.

№ 29.

КОПІЯ ПИСЬМА А. ЗАХАРОВА КЪ Я. КРАСНОПОЛЬСКОМУ О ПЯТИ ФАРФОРОВЫХЪ СЕРВИЗАХЪ, 8 АПРѢЛЯ 1801 г.

Милостивый мой государь, Яковъ Егоровичъ.

Имѣю честь увѣдомить васъ о производимыхъ въ фарфоровомъ заводѣ работахъ по Высочайшему заказу, которыя предписаны отъ его сіятельства князь Николая Борисовича Юсупова, приказомъ отъ 18-го февраля 1801 года, о пяти сервизахъ. Изъ числа оныхъ два въ дѣлѣ были: первый на 8 персонъ съ тальянскими [итальянскими] видами и богатыми бортами на золотомъ полѣ съ цвѣтами, котораго окончено болѣе половины штукъ, а второго на 20 персонъ, съ букетами мелкихъ розановъ, съ золотыми рантами, сдѣлано дюжинъ до пяти тарелокъ. Прочіе три сервиза осталися не начатыми. Сверхъ сего, повелѣно для Ея Императорскаго Величества Маріи Ѳеодоровны дѣлать туалетъ, но его сіятельствомъ прежде на образецъ приказано написать два умывальника, изъ которыхъ одинъ кобальтовый готовъ, а другой съ зеленою краскою въ дѣлѣ. А извѣстный вамъ по заказу отъ Кабинета, въ приданое для Великой Княжны Маріи Павловны, большой сервизъ нынѣ работою производится, и кончено гораздо болѣе половины къ нему штукъ.

П. О. А. Дв.—Оп. 400/512, д. 6, л. 3.

№ 30.

СЧЕТЪ

разнымъ фарфоровымъ вещамъ, поднесеннымъ Вашему Императорскому Величеству въ 1802-омъ году.

	Счетъ	Цѣна.		Руб.	Коп.
Яицъ, писанныхъ разными украшеніями, [всего 960 штукъ, цѣною отъ 50 к. до 25 р., на 2356 р. 15 к.]. .					
Корзинъ овальныхъ прорѣзныхъ съ лоточками, писанныхъ золотомъ арабескъ [sic]	4	110		440	
Корзинъ такихъ же круглыхъ . .	4	110		440	
Корзинъ небольшихъ овальныхъ прорѣзныхъ съ лоточками, писанныхъ золотомъ	6	30	—	180	
Разныхъ вазъ:					
Большихъ безъ крышекъ съ орнаментовыми ручками и съ поддонами, писанныхъ изъ розъ гирляндами и украшенныхъ золотомъ	2	235		470	
Большихъ безъ крышекъ съ витыми ручками и поддонами, покрытыхъ кобальтомъ и писанныхъ по борту виноградными листочками съ разными золотыми украшеніями . .	2	235	—	470	—
Безъ крышекъ и безъ ручекъ съ поддонами, покрытыхъ кобальтомъ, и съ написанными въ кругахъ ландшафтами	2	140	—	280	—
Безъ крышекъ и безъ ручекъ съ поддонами, писанныхъ по розовому грунту изъ виноградныхъ листковъ гирляндами съ золотыми украшеніями	2	125	—	250	—
Съ ручками на поддонахъ, покрытыхъ красками, съ писанными въ кругахъ разными цвѣтами и украшенныхъ золотомъ и бисквитовыми цвѣтами .	3	—	—	170	—
Стеклянныхъ къ онымъ покрывалъ	3	6		18	—
Подносъ, оправленный бронзою .	1	—		75	—
То жъ	4	95	88¼	383	53
Чашекъ, писанныхъ подъ мозаикъ	2	—		91	80
	—			5624	48

П. О. А. Дв. Оп. 400 512, д. 79, л. л. 15—16.

№ 31.

ВѢДОМОСТЬ

поднесеннымъ Его Императорскому Величеству въ день новаго года [1803] фарфоровымъ живописнымъ, бюсквитовымъ и мраморнымъ вещамъ.

	Число вещей	Цѣна.	Руб.	Коп
Фарфоровыхъ:				
Два ваза большихъ въ 3-хъ штукахъ кобальтовые, писаны въ клеймахъ историческія фигуры и украшенія во вкусѣ арабесокъ красками съ богатою позолотою .	2	1600	3200	—
Два ваза, писаны вокругъ цвѣты красками на золотомъ грунтѣ	2	210	420	—
Два ваза кобальтовые, писаны борты золотомъ во вкусѣ арабесокъ	2	170	340	—
Дежене кобальтовое 1-го сорта: лотокъ круглый, кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ съ крышками, писаны въ клеймахъ цвѣты, въ ландшафтахъ украшенія золотомъ съ возвышеніемъ	7	—	244	
Дежене кобальтовое: лотокъ овальный 1-го сорта, кофейникъ, чайникъ, сливочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками, писаны борты изъ цвѣтовъ, украшенія золотомъ съ возвышеніемъ.	7	—	190	
Дежене кобальтовое: лотокъ круглый 1-го сорта, кофейникъ, чайникъ, сливочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками, писаны въ клеймахъ ландшафты красками и золотомъ украшенія . . .	7	—	273	—
Дежене: лотокъ овальный 1-го сорта, кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками, писаны борты изъ цвѣтовъ и украшенія золотомъ съ полосками	7	—	193	—
Дежене: лотокъ овальный 1-го сорта, чайникъ, сливочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками, писаны арабески золотомъ съ возвышеніемъ и съ голубыми бортами	6		191	60
Дежене кобальтовое: лотокъ овальный 1-го сорта, чайникъ, сливочникъ, сахарница и двѣ пары чашекъ стаканчиками, покрыты двуличневой краской, писаны борты золотомъ	6	—	116	60
Бюсквитовыхъ:				
Групъ [представляетъ] нимфу съ купидономъ .	1	—	80	
„ „ Зефиру и Флору	1	—	60	—
			5308	20
Мраморныхъ:				
Бюстъ на педесталѣ, представляетъ музу	1		300	—
Педесталовъ овальныхъ подъ группы	2	20	40	
Бронзу, употребленную на два овальныхъ педестала			150	—
			490	—
Итого . .	—	—	5798	20

П. О. А. Дв. Оп. 400/512, д. 79, л. 1 об.—2.

Бухгалтеръ Данило Умановъ.

№ 32.

ВѢДОМОСТЬ

ПРОДАННЫМЪ ФАРФОРОВЫМЪ ЖИВОПИСНЫМЪ И БЮСКВИТОВЫМЪ ВЕЩАМЪ ВЪ МАРТѢ МѢСЯЦѢ [1803 г.], А ИМЕННО:

№		Число вещей	Цѣна.		Рубли.	Коп.
	Остаточныхъ къ 1803 году.					
	Хорошихъ:					
11	Блюдъ овальныхъ гладкихъ 1-го сорта, писаны цвѣты красками	3	7		21	
16	Таковое жъ 2-го сорта .	1			6	
56 67	Блюдъ круглыхъ гладкихъ 3-го и 4-го сортовъ, писаны цвѣты красками	5	4		20	
1	Блюдъ овальныхъ рогожчатыхъ, писаны цвѣты красками	2	4		8	
92	Блюдъ овальныхъ соусныхъ 4-го сорта, писаны цвѣты красками	4	6		24	
109	Блюдъ соусныхъ круглыхъ гладкихъ 3-го сорта, писаны цвѣты красками	4	7	50	30	
187	Бутылочниковъ съ ручками 1-го сорта, писаны васильки красками и ранты золотомъ	6	7	·	42	
200	Бадей круглыхъ съ крышками 3-го сорта, писаны цвѣты красками	2	5	50	11	
205	Ваза китайская безъ крышки и безъ ручекъ, кобальтовая, писанъ рантъ золотомъ.	1			10	
241	Глазникъ, писанъ рантъ золотомъ	1		—	1	
249	Кроншловъ круглыхъ гладкихъ 1-го и 2-го сортовъ, писаны цвѣты красками . . .	3	3		9	
268	Корзинъ овальныхъ прорѣзныхъ съ лотками, писаны борты изъ красныхъ цвѣтовъ красками и золотомъ . . .	2	11	50	23	
277	Кофейниковъ, писаны цвѣты красками	2	3		6	
313	Кострюлька съ крышкой небольшая, писана: цвѣты красками	1			2	
323	Ложекъ чайныхъ, писаны ранты золотомъ	24		35	8	40
352	Мороженъ большихъ въ 3-хъ штукахъ, писаны цвѣты красками	2	10		20	—
359	Масляницъ на тарелкахъ, писаны борты изъ цвѣтовъ красками	1		—	3	50
366	Сливочникъ, писанъ: васильки красками	1			1	75
365	Молочниковъ, писаны цвѣты красками.	7	1	75	12	25
385	Полутарелокъ гладкихъ, писаны цвѣты и васильки красками	30	1	25	37	50
431	Стаканъ безъ крышки, писанъ въ клеймѣ ландшафтъ и бортъ красками и золотомъ.	1			3	75
443	Сахарница придворная, писана· цвѣты красками . .	1			1	75
442	Сахарницъ аглинскаго фасона, писаны такъ же .	12	1	75	21	
450	Сахарница сервизная, писана: въ клеймѣ ландшафтъ и бортъ изъ розановъ съ золотою раскрышкою	1			17	—
454	Судокъ съ ручкой и съ лоткомъ, писанъ: цвѣты красками	1	—		3	50
465	Теринъ круглый, писанъ: цвѣты красками	1			8	
475	Териновъ круглыхъ съ головками 1-го сорта и поддонками, писаны цвѣты красками	2	25	—	50	
494	Тарелокъ рогожчатыхъ, писаны цвѣты красками . .	26	2	—	52	
508	Тарелокъ гладкихъ, писаны цвѣты и васильки красками.	106	1	75	185	50
637	Чайниковъ аглинскаго фасона 2-го сорта, писаны цвѣты и васильки красками . .	10	2		20	
682	Чашекъ полоскательныхъ, писаны цвѣты красками .	3	1	75	5	25
669	Чашка бульонная съ ручкой орнаментовой, писанъ бортъ красками и золотомъ.	1			15	
684	Чашка полоскательная, писана: цвѣты красками . . .	1			2	25
697	Пара чашекъ чайная, безъ крышки, писанъ ландшафтъ краской	1	—		1	
702	Чашекъ чайныхъ съ блюдцами, писаны ранты золотомъ.	6	1	75	10	50
740	Чашка французскаго фасона верхняя, писана. рантъ золотомъ.	1			-	80
	Чашекъ стаканчиками:					
772	Безъ крышекъ, дѣтскихъ, писаны цвѣты и васильки краскими	3	1	—	3	
775	Безъ крышекъ, писаны цвѣты и васильки красками.	109	1	25	136	25
777	Безъ крышекъ, писаны борты изъ васильковъ красками, дѣтскихъ	3	1	35	4	5
828	Безъ крышекъ, писаны борты съ красной раскрышкой и съ незабудочками красками и золотомъ. . . .	12	2	75	33	
837	Безъ крышки, писанъ бортъ красной краской съ золотомъ	1	—	—	2	85
855	Безъ крышки, писанъ бортъ золотомъ съ темными полосками красками	1			3	—
899	Съ крышками, писаны въ клеймахъ ландшафты черной краской, клеймы и ранты золотомъ	2	4		8	—
897	Безъ крышки, покрыта желтой краской, писаны борты изъ васильковъ красками и золотомъ	1	—		4	
891	Съ крышкой аглинскаго фасона, писаны васильки красками и ранты золотомъ.	1			4	-
918	Безъ крышки, писана: бортъ красками и золотомъ.	1		—	4	50
943	Безъ крышки, съ 2-мя ручками большая, писанъ бортъ золотомъ и красками алагреки съ цвѣтами . . .	1			5	
946	Съ крышкой, писанъ бортъ зеленый съ золотомъ и фрукты красками.	1		—	5	20
954	Съ крышкою, писаны борты алагрековые съ цвѣточками красками и золотомъ .	3	5	50	16	50
961	Безъ крышки, писана: бортъ изъ цвѣтовъ красками и золотомъ	1			6	
975	Съ крышкой, писана: въ клеймѣ ландшафтъ и борты красками и золотомъ. . . .	1			6	50
996	Съ крышкой, писана: золотомъ съ ягодками и бортъ красками	1		—	7	
992	Съ крышкой, писаны въ клеймахъ ландшафты краскасками и бортъ золотомъ . .	1			7	

№		Число вещей.	Цѣна.		Руб.	Коп.
1027	Съ крышкой, писаны въ клеймахъ фигуры красками и украшенія золотомъ . . .	1	—	—	8	—
1002	Съ крышкой, писаны борты красками и золотомъ и въ клеймахъ птички . . .	1	—	—	7	50
1022	Съ крышкой, писана: бортъ на пурпуровой раскрышкѣ черной краской, арабески красками и золотомъ	1	—	—	8	
1030	Безъ крышки, покрыта краской, писана: бортъ изъ васильковъ красками и золотомъ	1	—	—	8	—
1008	Безъ крышки, писанъ бортъ на красной раскрышкѣ красками и золотомъ . .	1	—	—	8	—
1005	Съ крышками, писаны борты красками и золотомъ .	3	8	—	24	—
1100	Пара чашекъ стаканчикомъ съ крышкой, кобальтовая, писана: бортъ золотомъ .	1	—	—	7	—
1110	Таковая жъ съ крышкой, писана: бортъ красками и золотомъ	1	—	—	12	—
1133	Молочникъ и 12 паръ чашекъ стаканчиками, писаны ранты золотомъ	13	—	—	13	—
1149	Чайникъ, молочникъ, сахарница аглинскаго фасона и 6 паръ чашекъ стаканчиками безъ крышекъ, писаны борты изъ васильковъ красками и золотомъ	9	—	—	25	—
1320	Яичниковъ, писаны цвѣты красками и ранты золотомъ	12	—	75	9	—
	Бюсквитовыхъ вещей:					
	Купидонъ мысли [sic] . .	1		—	15	—
1425	Груповъ въ 3-хъ фигурахъ [представляютъ] Помону	2	15		30	—
	Итого на	—	—	—	1124	5
	Бракованнаго живописнаго:					
31	Тарелокъ гладкихъ, писаны цвѣты красками	7	1	30	9	10
114	Чашекъ французскаго фасона, писаны цвѣты красками	6	1	25	7	50
	Итого на	—	—		16	60
	Вновь поступившихъ въ 1803 году.					
	Хорошихъ:					
1462	Блюдъ круглыхъ гладкихъ 3-го сорта, писаны цвѣты съ темными каемками красками.	2	5	—	10	—
1462	Таковыхъ же 4-го сорта .	2	4		8	—
1463	Блюдъ соусныхъ круглыхъ гладкихъ 3-го сорта, писаны цвѣты красками	4	7		28	—
1464	Блюдо чайное, писано: цвѣты красками	1	—	—	—	50
1465	Блюдо подъ стаканъ, писано такъ же	1	—	—	—	50
1667	Блюдо чайное кобальтовое, писано: въ клеймѣ фигура красками и бортъ золотомъ.	1	—	—	6	
1578	Блюдо подъ стаканъ, писано: васильки красками и рантъ золотомъ	1	—	—	—	80
1466	Таковое жъ, писано: незабудочки красками и рантъ золотомъ	1	—	—	1	—
1574	Таковое жъ, писано: вензель и рантъ золотомъ . . .	1	—		1	—
1467	Таковое жъ, писано: бортъ изъ виноградныхъ листовъ золотомъ	1	—	—	3	60
1467	Таковое жъ, писано: бортъ золотомъ	1	—	—	4	50
1575	Таковое жъ, кобальтовое, писано: арабески золотомъ	1	—	—	7	75
1576	Таковое жъ, писано: въ клеймѣ ландшафтъ красками и бортъ золотомъ . . .	1	—	—	8	
1470	Бутылочниковъ 2-го сорта, писаны цвѣты красками . .	4	3	—	12	
1471	Бадей овальныхъ 1-го и 2-го сортовъ, писаны цвѣты красками	2	9	—	18	
1581	Горшечковъ маленькихъ, позолоченныхъ сплошь . . .	6	3	25	19	50
1474	Корзинъ овальныхъ прорѣзныхъ съ лотками, писаны цвѣты красками	2	8	10	16	20
1477	Кружекъ 1-го сорта, писаны ранты золотомъ . . .	3	4	50	13	50
1482	Ложка горчичная, писана: рантъ краской	1			—	15
1672	Ложекъ столовыхъ, писаны ранты краской	48	—	35	16	80
1487	Молочникъ или сливочникъ, писанъ: цвѣты красками	1			2	
1488	Молочникъ или сливочникъ, писанъ: бортъ и мушки красками и золотомъ. . .	1	—		5	
1493	Стаканчиковъ маленькихъ, позолоченныхъ сплошь . .	6	3	25	19	50
1595	Стаканъ безъ крышки, покрытъ краской, писаны зайцы красками и ранты золотомъ	1	—	—	3	50
1491	Стаканъ съ двумя ручками большой, покрытъ краской, писанъ бортъ красками и золотомъ	1	—	—	4	
1492	Стаканъ безъ крышки, покрытъ краской, писанъ бортъ золотомъ во вкусѣ китайскомъ съ чернью	1	—	—	6	75
1594	Сахарница писана: рантъ золотомъ	1	—	—	2	
1490	Сахарницъ, писаны ранты золотомъ и цвѣты красками.	2	2	25	4	50
1495	Судковъ съ ручками для подливки, писаны цвѣты красками	2	3		6	
1494	Солонокъ съ перегородками, писаны цвѣты красками.	6	2	55	15	30
1503	Териновъ овальныхъ 1-го сорта на поддонкахъ, писаны цвѣты красками	2	31	65	63	30
1497	Тарелокъ гладкихъ, писаны цвѣты съ темными каемками красками	48	1	75	84	
1605	Чашка бульонная съ двумя ручками, на тарелкѣ, покрыта краской, писана: борты изъ васильковъ красками и золотомъ	1	—		16	
1680	Чашекъ чайныхъ верхнихъ, ранты писаны золотомъ . .	6	—	70	4	20
1509	Чашекъ чайныхъ съ блюдцами, писаны цвѣты красками	18	1	—	18	
1512	Чашка верхняя шоколадовая, писана: бортъ изъ цвѣтовъ золотомъ	1		—	6	
1511	Чашка верхняя французскаго фасона, писана: рантъ золотомъ	1	—	—	1	
1512	Пара чашекъ французскаго фасона, писана: вензель и рантъ золотомъ	1	—		2	
	Чашекъ стаканчиками:					
1514	Безъ крышекъ, писаны васильки красками	24	за всѣ		27	

№		Число вещей	Цѣна.		Руб.	Коп.
1516	Безъ крышекъ, писаны ранты золотомъ	24	1	50	36	—
1534	Съ крышкой, писана: цвѣты красками.	1	—	—	1	50
1638	Съ крышкой писана: вензель красками	1	—	—	1	50
1554	Съ крышкой, дѣтская, писана: бортъ изъ цвѣтовъ красками.	1	—	—	1	75
1519	Безъ крышки, писана: бортъ изъ незабудочковъ красками.	1	—	—	2	50
1536	Съ крышкой, писана: бортъ красками и золотомъ.	1	—	—	2	50
1641	Съ крышкой, писана: въ клеймѣ головки сѣрой краской, клеймы и ранты золотомъ	1	—	—	2	50
1517	Безъ крышекъ, писаны васильки красками, листочки и ранты золотомъ	36	2	50	90	—
1528	Безъ крышекъ, писаны звѣри красками и золотомъ	2	3	—	6	—
1550	Съ крышкой, кобальтовая, писана: бортъ золотомъ	1	—	—	4	—
1640	Съ крышкой, писана бортъ золотомъ съ синими ягодками	1	—	—	3	50
1649	Съ крышкой кобальтовая, писана: ландшафтъ красками и бортъ золотомъ	1	—	—	8	—
1542	Съ крышкой, писана: арабески на красной раскрышкѣ красками и золотомъ.	1	—	—	8	
1525	Безъ крышекъ, покрыты желтой краской, писаны борты изъ васильковъ красками и золотомъ	18	8	—	144	
1648	Съ крышкой, писана: арабески и вензели золотомъ	1	—	—	12	—
1643	Съ крышкой, покрыта краской, писана: въ клеймахъ цвѣточки красками и золотомъ	1	—	—	10	—
	Чашекъ стаканчиками кобальтовыхъ:					
1539	Писана: бортъ золотомъ	1	—	—	6	—
1552	Съ крышками, писаны борты изъ листовъ золотомъ	2	8	—	16	—
1553	Съ крышкой, писана: бортъ золотомъ	1	—	—	6	75
1648	Съ крышкой, писана: бортъ и вензель золотомъ	1	—	—	10	—
1557	Два чайника, два сливочника и двѣ сахарницы, писаны цвѣты красками	6		—	7	—
1556	Два чайника и одинъ молочникъ, писаны ранты краской	3	—	—	5	—
1657	Чайникъ, молочникъ, сахарница и 12 паръ чашекъ стаканчиками безъ крышекъ, писаны цвѣты красками	15	—	—	20	—
1565	Кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница, чашка полоскательная и 12 паръ чашекъ стаканчикомъ, писаны васильки, съ краснымъ бортомъ красками и золотомъ	17	—	—	40	
1666	Дежене: лотокъ 1-го сорта, кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница, чашка полоскательная и двѣ пары чашекъ съ крышками, писаны вензели и борты красками и золотомъ	8	—	—	61	—
	Итого на	—	—	—	971	35

№		Число вещей.	Цѣна.		Руб	Коп.
	Бракованнаго живописнаго:					
121	Блюдъ овальныхъ гладкихъ 1-го сорта, писаны цвѣты красками	3	4	40	13	20
121	Блюдъ овальныхъ гладкихъ 2-го сорта, писаны цвѣты красками	3	3	45	10	35
121	3-го сорта	2	2	40	4	80
122	Блюдъ круглыхъ гладкихъ, писаны цвѣты красками 1-го сорта	3	4	45	13	35
122	2-го сорта	3	3	65	10	95
122	3-го сорта	2	2	25	4	50
123	Блюдъ соусныхъ овальныхъ 2-го сорта	4	7	—	28	—
124	Салатниковъ круглыхъ 1-го сорта	2	2	50	5	—
124	2-го сорта	2	1	90	3	80
125	Мороженъ большихъ въ 3-хъ штукахъ	2	5	75	11	50
126	Рюмочницъ	2	5	55	11	10
127	Тарелокъ прорѣзныхъ	12	1	50	18	—
128	Тарелокъ гладкихъ	120	1	—	120	—
129	Теринъ овальный съ поддонкомъ 1-го сорта	1	—	—	19	10
139	Блюдъ овальныхъ гладкихъ 1-го сорта, писаны цвѣты красками	4	3	95	15	80
139	2-го сорта	6	3	15	18	90
140	Блюдъ круглыхъ гладкихъ 1-го сорта.	4	3	90	15	60
140	2-го сорта	6	3	15	18	90
141	Блюдъ соусныхъ овальныхъ	4	6	25	25	—
142	Блюдъ соусныхъ круглыхъ	4	за в	сѣ	21	60
143	Бутылочниковъ	8	3	70	29	60
144	Кроншловъ 1-го сорта	4	2	30	9	20
145	Корзинъ овальныхъ прорѣзныхъ съ лотками	6	5	8	20	32
146	Солонокъ гладкихъ	24	—	45	10	80
147	Тарелокъ гладкихъ	240	—	93	223	20
148	Териновъ овальныхъ 1-го сорта съ поддонками	4	18	25	73	—
149	Чашекъ на холодное.	4	2	50	10	—
130	Чашекъ чайныхъ, писаны цвѣты красками	17		80	13	60
131	Чашекъ стаканчиками, писаны цвѣты красками	12	1	—	12	—
154	Кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница, чашка полоскательная и 12 паръ чашекъ стаканчикомъ, писаны такъ же	17	—	—	16	—
132	Кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница, чашка полоскательная и 24 пары чашекъ стаканчикомъ безъ крышекъ, писаны вензели и ранты краской	29	—		25	85
133	Приборъ таковой же и писанъ такъ же	29	—		25	85
134	Кофейникъ, чайникъ, молочникъ, сахарница, чашка полоскательная и 12 паръ чашекъ стаканчикомъ, писаны вензели и ранты краской	17	—	—	16	25
135	Приборъ таковой же, писанъ такъ же	17	—	—	16	25
136	Приборъ таковой же и писанъ такъ же	17	—	—	16	25
	Итого на	–	—	—	907	62
	А всего	—	—	—	3019	62

Александръ Морсочниковъ. *Александръ Захаровъ.*
Николай Бородинъ. *Умановъ.*

П. О. А. Дв. -Оп. 400 512, д. 85, л. 10—15 об.

№ 33.

ВѢДОМОСТЬ

проданнымъ бракованнымъ бѣлымъ фарфоровымъ вещамъ въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1803-го года

А имянно:	Число вещей	Цѣна.		Руб.	Коп.
Кофейниковъ	5	1	47	7	35
Чайниковъ 1-го сорта	5	1	$19\frac{1}{2}$	5	$97\frac{1}{2}$
„ 2-го сорта	6	1		6	
Молочниковъ	12		73	8	76
Сахарницъ	12	—	$80\frac{1}{2}$	9	66
Чайникъ дѣтскій	1	—	—	—	$56\frac{1}{2}$
Стакановъ	168	—	35	58	80
Чашекъ чайныхъ	120	—	$24\frac{1}{4}$	29	10
Блюдъ чайныхъ и подъ стаканы	216	—	20	43	20
Масляницъ на тарелкахъ	3	1	67	5	1
Кружекъ 3-го сорта	3	—	74	2	22
Итого	—		—	176	64
А за сбавкою по 30-ти процентовъ съ рубля		—	—	123	65

Александръ Морсочниковъ.
Александръ Захаровъ.
Николай Бородинъ.
Бухгалтеръ Данило Умановъ

П. О. А. Дв.—Оп. 400 512, д. 85, л. 16.

№ 34.

РАПОРТЪ КОНТОРЫ ИМПЕРАТОРСКАГО ФАРФОРОВАГО ЗАВОДА ВЪ КАБИНЕТЪ Е. И. В. О ПОДНЕСЕННЫХЪ ЭРЦЪ-ГЕРЦОГУ АВСТРІЙСКОМУ ІОСИФУ ФАРФОРОВЫХЪ ВЕЩАХЪ, МАЯ 1803 ГОДА.

Въ Кабинетъ Его Императорскаго Величества

из конторы Императорскаго фарфороваго завода

РАПОРТЪ.

Во время посѣщенія австрійскимъ эрцъ-герцогомъ Іосифомъ Императорскаго фарфороваго завода, текущаго мѣсяца 4-го числа, поднесено разныхъ фарфоровыхъ и бюсквитовыхъ вещей, въ приложенномъ у сего регистрѣ означенныхъ, суммою на тысячу четыреста восемьдесятъ рублей, о чемъ помянутая контора, имѣя честь представить Кабинету Его Императорскаго Величества на благоусмотрѣніе, испрашиваетъ повелѣнія для записки оныхъ вещей въ расходъ и о назначеніи на платежъ слѣдующей за нихъ суммы.

Мая дня 1803 года.

Александръ Морсочниковъ.
Александръ Захаровъ.
Николай Бородинъ.

РЕГИСТРЪ

вещамъ, поднесеннымъ его свѣтлости австрійскому эрцъ-герцогу Іосифу.

	Число вещей	Цѣна.	Руб
Вазовъ кобальтовыхъ съ витыми ручками на поддонкахъ, писаны борты изъ виноградныхъ листовъ золотомъ	2	275	550
Вазовъ высокихъ кобальтовыхъ съ ручками и поддонками, писаны борты во вкусѣ арабесокъ золотомъ	2	175	350
Умывальникъ съ тазомъ кобальтовый, вызолоченный и въ тазу писанъ въ клеймѣ ландшафтъ и бортъ изъ арабесокъ золотомъ	1		275
Пара чашекъ шоколадовая, писана подъ мозаикъ красками, внутри чашки и снизу блюдечка вызолочено	1		75
Бюсквитовыхъ:			
Групъ: нимфа съ купидономъ	1		100
Групъ: Зефиръ и Флора	1		100
Бюстъ Его Величества Государя Александра Павловича	1	—	15
Бюстъ Ея Величества Государыни Елисаветы Алексѣевны	1	—	15
Итого	10		1480

П. О. А. Дв. Оп. 400,512, д. 86, л. 3.

Бухгалтеръ Данило Умановъ.

№ 35

РЕГИСТРЪ

ФАРФОРОВЫМЪ ВЕЩАМЪ, НАЗНАЧЕННЫМЪ КЪ ПУБЛИЧНОЙ ВЫСТАВКѢ, МАЯ 15 ДНЯ 1829 ГОДА

	Коли-чество	Цѣна.	Рубли.	Коп.
Ваза большая, писанъ ландшафтъ съ эрмитажной картины Вернета	1	—	8000	—
Къ ней бронза и пьедесталъ				
Ваза большая съ портретомъ принца Оранскаго	1		1500	—
Вазовъ медицисъ, вокругъ писаны фрукты и цвѣты	2	1750	3500	—
Вазовъ, писаны украшенія по голубой раскрышкѣ золотомъ	2	1000	2000	
Вазовъ, ручки фигурами, писаны въ клеймахъ ландшафты красками . . .	2	900	1800	
Вазовъ медицисъ, писана въ клеймахъ Святая Фамилія красками . . .	2	1850	3700	
Вазовъ прорѣзныхъ, покрыты зеленой краской, писаны украшенія золотомъ	2	900	1800	—
Вазовъ маленькихъ, ручки фигурами, покрыты зеленой краской, писаны украшенія золотомъ	2	120	240	
Вазовъ такихъ же	2	175	350	—
Вазовъ маленькихъ, покрыты синей краской, писаны украшенія красками и золотомъ	2	90	180	
Вазовъ таковыхъ же, покрыты фіолетовой краской, писаны украшенія такъ же	4	75	300	—
Вазовъ, покрыты синей краской, писаны въ клеймахъ цвѣты красками .	2	80	160	
Тожъ небольшихъ, ручки фигурами, кобальтовыхъ	2	75	150	—
Тожъ, покрыты хромомъ	2	75	150	-
Цвѣтниковъ:				
Большихъ, покрыты сплошь золотомъ, въ клеймахъ ландшафтики красками	2	250	500	—
Тожъ, писаны арабески золотомъ съ расцыровкою	2	150	300	
Тожъ, покрыты зеленой краской, писаны украшенія золотомъ съ расцыровкою	2	225	450	
Тожъ, покрыты фіолетовой краской, писаны украшенія золотомъ съ расцыровкою	2	150	300	
Прорѣзныхъ, сплошь вызолочены .	2	600	1200	—
Небольшихъ, покрыты зеленой краской, писаны въ клеймахъ каррикатуры красками	2	60	120	
Покрыты фіолетовой краской, писаны такъ же	2	90	180	—
Писаны въ клеймахъ фигуры красками и звѣздочки золотомъ	2	60	120	—
Дежене разныхъ:				
Въ 7 штукахъ, сплошь вызолочено, съ расцыровкою	1		600	
Въ 7 штукахъ, писаны въ клеймахъ виды красками и сплошь вызолоченъ расцыровкою	1		600	
Въ 7 штукахъ, писано такъ же . .	1		600	—
Въ 7 штукахъ, покрыто умровой краской, писано украшеніе золотомъ и бортъ гирляндами изъ цвѣтовъ красками	1		500	
Въ 7 штукахъ, фіолетовой краской, писано украшеніе мозаикъ красками	1	–	400	
Въ 7 штукахъ, покрыто синей краской, писано украшеніе красками жъ .	1		360	
Въ 7 штукахъ, дѣтское, покрыто пурпуромъ, писанъ бортъ золотомъ . . .	1		30	—
Тожъ дѣтское, покрыто зеленой краской, писанъ бортъ золотомъ	1		25	
Въ 6 штукахъ, писаны цвѣты красками и ранты золотомъ	1		12	—

	Коли-чество	Цѣна.	Рубли.	Коп.
Тожъ въ 6 штукахъ, писанъ сѣточкой красками и ранты золотомъ . .	1	—	15	—
Приборъ рисовальный въ 9 штукахъ, писанъ бортъ золотомъ	1	-	102	50
4 блюдца съ 7 красочниками каждое, писаны ранты золотомъ	4	7	28	–
Чернильница: представляетъ Купидона, стрѣляющаго за снопомъ, сплошь вызолоченъ, на стеклянныхъ плинтахъ .	1	—	210	
Чернильница лампою съ фигурой на марморномъ плинтѣ, сплошь вызолочена	1		130	—
Чернильницъ раковинами съ полосками	2	14	28	-
Накладка: фигура Купидонъ, спящій на барабанѣ, сплошь вызолочена . .	1	—	35	-
Накладка: фигура сидячая съ книгой, на стеклянномъ плинтѣ, сплошь вызолочена	1		45	—
Бутылочниковъ для духовъ прорѣзныхъ, писаны сплошь золотомъ . . .	3	20	60	
Шишаковъ кавалергардскихъ на стеклянныхъ плинтахъ	2	15	30	–
Шишаковъ древнихъ русскихъ, на стеклянныхъ плинтахъ	2	10	20	-
Колокольчиковъ: кобальтовый и зеленый	2	10	20	
Свѣчей для мѣстныхъ образовъ .	2	40	80	
Тарелокъ съ военными фигурами, сплошь вызолочены	13	100	1300	—
Покрыты синей краской, писаны въ клеймахъ цвѣты красками и золотомъ	6	20	120	–
Покрыты зеленой краской, писаны такъ же	6	15	90	—
Кобальтовыхъ, писаны въ клеймахъ фрукты красками и борты платиною и золотомъ	6	15	90	
Чашекъ бульонныхъ:				
Кобальтовая, писано украшеніе платиною и золотомъ	1	—	30	—
Покрыта умровой краской, писано украшеніе красками и золотомъ . .	1	—	30	
Покрыта перловой краской, писано украшеніе золотомъ	1	—	30	
Покрыта синей краской, писано украшеніе золотомъ	1		30	-
Покрыта разными красками, писаны украшенія красками и золотомъ . . .	2	35	70	—
Писано украшеніе красками и золотомъ съ раздѣлкою	1	—	35	-
Покрыта хромомъ, писаны въ клеймахъ каррикатуры красками	1		35	
Писаны въ клеймѣ каррикатуры красками и украшена золотомъ . . .	1		35	—
Покрыты разными красками, писаны украшенія золотомъ	2	35	70	-
Покрыта синей краской, писано украшеніе мозаикъ красками	1	—	40	
Покрыта такъ же, писанъ въ клеймѣ ландшафтъ краской	1	—	40	
Покрыта синей краской, писанъ въ клеймѣ видъ красками, украшеніе звѣздочки золотомъ	1	—	40	—
Покрыта хромомъ, писанъ въ клеймѣ ландшафтъ красками, украшеніе звѣздочки золотомъ	1	-	40	—
Покрыта фіолетовой краской, писаны въ клеймѣ каррикатуры и украшеніе золотомъ	1		40	
Съ лѣпнымъ бортомъ, покрыта пурпуромъ, украшеніе золотомъ	1	- -	40	
Писано украшеніе красками и золотомъ	1	—	40	

	Количество	Цѣна.	Руб.	Коп
Покрыта синей краской, писано украшеніе красками	1		45	—
Покрыта пурпуромъ, писанъ въ клеймѣ видъ красками	1	—	45	—
Покрыта синей краской, писано украшеніе золотомъ	1		50	
Писана на китайскій манеръ красками и золотомъ и внутри вызолочена	1		25	
Покрыта краской, писаны въ клеймѣ фигуры красками, украшеніе красками и золотомъ и внутри вызолочена	1		50	—
Писана сѣточкой красками, бортъ травочкой и внутри фигаро золотомъ	1		8	—
Покрыты разными красками, писаны борты и ранты золотомъ	2	7	14	
Чашекъ форменныхъ:				
Покрыты разными красками, писаны въ клеймахъ ландшафты красками и украшеніе золотомъ	2	35	70	
Писано украшеніе мозаикъ красками и золотомъ	1	—	35	
Покрыта синей краской, писанъ въ клеймѣ видъ красками, украшеніе золотомъ	1		35	—
Кобальтовая, писано украшеніе платиною и золотомъ	1		30	—
Покрыта синей краской, писано украшеніе золотомъ изъ фруктовъ	1		30	—
Писаны борты золотомъ и бабочка красками	2	6	12	
Покрыты зеленой краской, писаны борты и ранты золотомъ	2	„	12	
Покрыты пурпуромъ, писаны борты и ранты золотомъ	2	„	12	—
Писаны красками и золотомъ и ранты золотомъ	2	„	12	
Писаны борты и ранты золотомъ	2	„	12	
Писаны борты и внутри фигаро золотомъ	2	7	14	—
Покрыты синей краской, писаны въ клеймахъ цвѣты красками и золотомъ	4	8	32	—
Печатаны фигуры и раскрыты красками, писаны ранты и внутри фигаро золотомъ	3	8	24	—
Покрыта пурпуромъ, писаны въ клеймѣ фигуры красками, украшеніе и внутри золотомъ	1	—	30	—
Писано украшеніе мозаикъ красками и золотомъ съ расцыровкою и внутри вызолочена	1		30	—
Писано украшеніе золотомъ и красками съ расцыровкою и внутри вызолочена	1		30	—
Съ тисненнымъ бортомъ, покрыта синей краской, писано украшеніе и внутри золотомъ съ расцыровкою	1		30	
Писано украшеніе и внутри золотомъ съ расцыровкою	1		30	
Покрыта синей краской, писано украшеніе красками жъ и внутри золотомъ	1		30	
Кобальтовая, писано украшеніе платиною и золотомъ съ расцыровкою и внутри вызолочена	1	—	30	
Покрыта пурпуромъ, писанъ въ клеймѣ ландшафтъ красками, украшеніе и внутри золотомъ съ расцыровкою	1		30	
Покрыты разными красками, писаны украшенія и внутри золотомъ	3	30	90	—
Писаны украшенія красками и золотомъ съ расцыровкою и внутри вызолочена	1	—	30	
Писано украшеніе золотомъ и красками и внутри вызолочена	1	—	30	
Покрыта синей краской, писано украшеніе красками и золотомъ съ расцыровкою и внутри вызолочена	1		30	
Покрыта пурпуромъ, писаны въ клеймѣ фигуры красками, украшеніе и внутри золотомъ съ расцыровкою	1		35	

	Количество.	Цѣна	Руб.	Коп.
Покрыта синей краской, писано украшеніе красками и золотомъ съ расцыровкою и внутри вызолочена	1		20	—
Кобальтовая, писано украшеніе платиною и золотомъ съ расцыровкою и внутри вызолочена	1		20	—
Писано украшеніе мозаикъ красками и внутри вызолочена	1		20	
Покрыта фіолетовой краской, писаны въ клеймѣ фигуры красками, украшеніе и внутри золотомъ	1	—	20	
Лощатая, покрыта пурпуромъ, писано украшеніе и внутри золотомъ съ расцыровкою	1		20	
Покрыта краской, писано украшеніе и внутри золотомъ съ расцыровкою	1		20	
Покрыта бланжевой краской, писаны борты красками жъ и золотомъ и внутри фигаро золотомъ	2	9	18	—
Писаны въ розанѣ [розаны] красками и ранты золотомъ	2	9	18	—
Покрыты синей краской, писаны въ клеймахъ цвѣты красками, борты и внутри фигаро золотомъ	4	12	48	—
Писаны на китайскій манеръ красками и золотомъ и внутри золотомъ	2	12	24	
Писаны на китайскій манеръ красками и ранты золотомъ	2	12	24	—
Съ тисненными бортами, покрыты разными красками, писаны борты и внутри золотомъ	2	15	30	
Чашекъ чайныхъ:				
Покрыты разными красками, писаны въ клеймахъ цвѣты красками и золотомъ	8	8	64	—
Писаны на китайскій манеръ красками и золотомъ	2	10	20	
Писана такъ же	1		15	
Чашекъ стаканчиками:				
Писаны въ клеймахъ фигуры умровой краской и ранты золотомъ	3	4	12	—
Покрыты синей краской, писаны въ клеймахъ цвѣты красками и золотомъ	3	7	21	
Съ крышкой кобальтовая, писанъ бортъ платиною и золотомъ съ расцыровкою	1		18	—
Таковая жъ, писана на китайскій манеръ золотомъ	1		25	—
Чашъ на группахъ въ 3-хъ фигурахъ бюсквитовыхъ съ аттрибутами, представляютъ славу	2	850	1700	—
Корзинъ прорѣзныхъ орнаментныхъ, сплошь вызолоченныхъ	2	900	1800	—
Лоточковъ овальныхъ на ножкахъ, печатаны карты и раскрыты красками, писаны ранты золотомъ	2	7	14	—
Тожъ, круглыхъ съ тисненными бортами, писаны такъ же	2	12	24	—
Фигура сидячая съ книгой, писана подъ бронзу и золотомъ, на стеклянномъ плинтѣ	1	—	25	—
Фигура: Купидонъ съ тачкой, писанъ сплошь золотомъ	1		59	—
Умывальниковъ:				
Съ чашей, покрытъ синей краской, писаны въ клеймахъ цвѣты красками и золотомъ	1	—	50	—
Съ чашей кобальтовый, писано украшеніе платиною и золотомъ	1	—	250	—
Конфорокъ въ 4-хъ штукахъ:				
Покрыты хромомъ, писаны звѣздочки золотомъ	1	—	30	—
Писаны вокругъ ландшафты красками и вызолочена	1		40	—

	Количество.	Цѣна.	Руб.	Коп.
Чашъ для бостона:				
На ножкахъ, писаны пѣтухи красками	2	8	16	—
Тожъ, печатаны карты и подъ дерево красками	2	7	14	—
Транспарантовъ бѣлыхъ	4	3	12	—
Прозрачнаго фарфора, очень тонко выточеннаго:				
Чашъ полоскательныхъ	2	8	16	
Сахарницы	2	12	24	
Чашекъ	4	10	40	
Всего	—	—	38768	50

Директоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пенскій.*
Помощникъ директора пятаго класса *Алексій Случановскій*

П. О. А. Дв.—Оп. 158 320 д. 82, л.л. 17—23

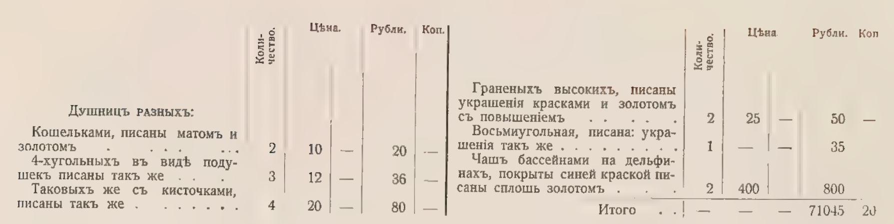
№ 36.

РЕЕСТРЪ

фарфоровымъ вещамъ, отобраннымъ г. директоромъ Азіатскаго Департамента Родофиникинымъ, по предписанію Кабинета Его Императорскаго Величества, для отправленія въ Константинополь [въ подарокъ турецкому султану, 1834 г.].

	Количество.	Цѣна		Рубли.	Коп.
Вазъ медицисъ большихъ, писаны украшенія по синему грунту золотомъ съ бронзовымъ золоченымъ къ нимъ украшеніемъ	2	2242	—	4484	—
Къ нимъ пьедесталовъ большихъ фальшиваго мрамора	2	125		250	—
Чашекъ бульонныхъ:					
Писаны въ клеймѣ фигуры красками, украшеніе по розовому грунту красками и золотомъ	1			45	—
Покрыты красками съ живописью въ клеймахъ, украшены золотомъ	2	40		80	—
Писаны украшенія во вкусѣ готическомъ красками и золотомъ и всѣ вызолочены	5	35		175	—
Писана въ клеймѣ живопись изъ фигуръ красками, украшеніе по синему грунту золотомъ съ повышеніемъ	1		—	35	—
Разныхъ, украшенныхъ по покрышкамъ и безъ оныхъ красками и золотомъ	27	30		810	—
Разныхъ съ бусами и лощатыхъ, украшенныхъ красками и золотомъ	70	25		1750	—
Съ чешуею, покрыты синей краской, писаны всѣ золотомъ	3	20	—	60	—
Съ чешуею, писана синей краской и внутри фигаро золотомъ	1			17	50
Съ чешуею большихъ, писаны красками и золотомъ	3	15	—	45	—
Лощатыхъ большихъ, писаны полоски синей краской и золотомъ	10	12	50	125	—
Лощатая малая, писана: полоски синей краской и золотомъ	1		—	12	—
Чайныхъ приборовъ, каждый въ 17 штукахъ, съ бусами, писаны красками и сплошь золотомъ	2	243	60	487	20
Приборъ въ 17 штукахъ кобальтовый, писанъ: украшеніе платиною и золотомъ	1		—	350	—
Приборъ въ 17 штукахъ, писанъ: цвѣты и птицы красками, украшеніе золотомъ съ повышеніемъ	1			300	—
Цвѣтниковъ орнаментныхъ прорѣзныхъ, писаны украшенія красками и золотомъ	2	75	—	150	—
Умывальниковъ съ чашами, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ	4	150		600	—
Корзиночекъ овальныхъ съ цвѣтами, писаны украшенія красками и золотомъ	2	12	—	24	—
Вазъ медицисъ, съ лѣпными орнаментами, писаны украшенія золотомъ съ бронзою	2	457	—	914	
Къ нимъ пьедесталовъ мраморныхъ съ бронзовою оправою	2	172	50	345	
Тарелокъ съ вырѣзными краями, писаны цвѣты красками и золотомъ	120	8	—	960	
Корзинъ круглыхъ съ ручками на лоткахъ, писаны украшенія красками и золотомъ	8	60		480	
Таковыхъ же овальныхъ	8	60	—	480	
Блюдъ овальныхъ и круглыхъ 1-го сорта, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ	24	50	-	1200	
Таковыхъ же 2-го сорта	22	40	—	880	
Блюдъ круглыхъ 2-го сорта, писаны такъ же	2	40	—	80	
Блюдъ овальныхъ и круглыхъ 3-го сорта, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ	24	30		720	
Таковыхъ же 4-го сорта	24	20	—	480	
Подливальниковъ съ лотками, писаны такъ же	12	50	—	600	
Писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ:					
Бутылочниковъ	32	50	—	1600	
Таковыхъ же	16	50	—	800	
Кастрюль съ крышками	12	50	—	600	
Салатниковъ овальныхъ 1-го сорта	10	35	—	350	
Тожъ	2	35	—	70	
Салатниковъ круглыхъ 1 сорта	12	35	–	420	
» круглыхъ и овальныхъ 2 сорта	24	25	—	600	
Чашъ на холодное	18	50		900	
Тарелокъ	264	10	—	2640	
Писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ:					
Тарелокъ	216	10	—	2160	
Сахарницъ съ крышками на лоткахъ	12	60	–	720	
Териновъ на пьедесталахъ	16	150	—	2400	
Полутарелокъ, писаны цвѣты и фрукты красками, украшеніе по разнымъ грунтамъ золотомъ	240	25	—	6000	

	Коли чество	Цѣна		Рубли.	Коп.
Геридоновъ, каждый въ 7 штукахъ, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ. . . .	6	200	—	1200	—
Тожъ, писаны полоски синей краской и борты золотомъ . .	6	200	—	1200	—
Корзинъ овальныхъ съ ручками на лоткахъ, писаны украшенія красками и золотомъ	4	60		240	—
Корзинъ круглыхъ таковыхъ же.	4	60		240	—
Умывальниковъ съ чашами, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ.	3	150	-	450	—
Таковыхъ же	3	125	-	375	—
Большихъ круглыхъ плато орѣховаго дерева съ порѣзкою . . .	4	90	—	360	—
Чашъ готическихъ съ ручками, на колоннахъ и пьедесталахъ, писаны украшенія по лиловому грунту золотомъ, съ бронзовыми розетами	2	406	—	812	—
Приборъ въ 17 штукахъ лощатый, писанъ: украшеніе красками и золотомъ	1	—	—	450	—
Приборъ въ 17 штукахъ, писанъ: украшеніе изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ	1	—		400	—
Завтраковъ, состоящихъ изъ 9 штукъ, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ .	4	250	—	1000	—
Чашъ готическихъ съ ручками, писаны украшенія по синему грунту золотомъ, съ бронзовыми золочеными розетками	2	406	-	812	—
Ваза медицисъ небольшая, писана: въ клеймѣ портретъ Государя Императора красками, украшена по темно-умровому грунту золотомъ, на бронзовомъ золоченомъ плинтѣ	1	—	—	1545	—
Ваза таковая же съ портретомъ Государыни Императрицы	1			1545	
Къ нимъ пьедесталовъ мраморныхъ, оправленныхъ бронзовымъ золоченымъ карнизомъ . . .	2	172	50	345	
Тарелокъ съ разными россійскими военными фигурами, украшенныхъ сплошь золотомъ . .	36	100	—	3600	—
Корзинъ прорѣзныхъ, писаны птицы красками и украшены золотомъ	36	15	—	540	- -
Тарелокъ, писаны: въ клеймахъ живопись изъ фигуръ красками, украшенія по разнымъ грунтамъ золотомъ	12	70	- -	840	—
Писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ съ повышеніемъ:					
Мороженокъ	120	5	—	600	—
Солонокъ	36	6	—	216	-
Чашекъ чайныхъ персидскихъ, двойныхъ	120	10	—	1200	
Вазъ фюзо средней величины съ орнаментными ручками, писаны украшенія по синему грунту золотомъ, на мраморныхъ плинтахъ .	2	1580	—	3160	—
Къ нимъ пьедесталовъ фальшиваго мармора	2	100		200	—
Вазовъ прорѣзныхъ средней величины, писаны украшенія изъ цвѣтовъ красками и золотомъ, съ бронзовою золоченою оправою	2	1325		2650	—
Къ нимъ: бронзовыхъ золоченыхъ плинтовъ	2	45	—	90	—
Пьедесталовъ фальшиваго мармора	2	100	—	200	—
Вазъ волютъ средней величины, писаны украшенія по зеленому грунту золотомъ, на бронзовыхъ золоченыхъ плинтахъ	2	1300	-	2600	—
Къ нимъ пьедесталовъ фальшиваго мармора	2	100	—	200	—
Чашекъ бульонныхъ, писаны въ клеймахъ живопись изъ фигуръ, украшеніе красками и золотомъ	8	50	—	400	—
Чашекъ форменныхъ, писаны цвѣты и птицы красками, украшеніе по разнымъ грунтамъ золотомъ съ повышеніемъ . . .	100	20	—	2000	
Дежене дѣтскихъ, каждое въ 7 штукахъ, писаны въ клеймахъ цвѣты красками и украшеніе по разнымъ грунтамъ золотомъ съ повышеніемъ	2	125	—	250	—
Групъ изъ 2-хъ фигуръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка на стеклянномъ плинтѣ	1	—	—	110	—
Групъ изъ 2-хъ фигуръ лейбъ-гвардіи казачьяго Донского войска, на стеклянномъ плинтѣ . . .	1	—		103	—
Групъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, на стеклянномъ плинтѣ	1		—	115	—
Фигура лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, на мраморномъ плинтѣ	1	—	—	54	
Фигура тамбуръ-мажоръ, на стеклянномъ плинтѣ	1		—	65	-
Фигуръ военныхъ разныхъ, сплошь вызолоченныхъ, на стеклянныхъ плинтахъ	26		—	1389	50
Корзиночекъ съ лѣпными цвѣтами	6	15	—	90	—
Душницъ разныхъ.					
4-угольныхъ большихъ и 8-угольныхъ низенькихъ, украшены матами и золотомъ	9	40	—	360	·
4-угольная съ лебедями, писано украшеніе красками и золотомъ	1		—	35	
Высокихъ граненыхъ и кобальтовыхъ, писаны украшенія платиною, красками и золотомъ . .	12	30		360	—
Корзиночками съ лѣпными цвѣтами и граненыхъ, писаны украшенія красками и золотомъ . . .	12	25	—	300	—
4-хугольныхъ, писаны украшенія матами и золотомъ	6	20	—	120	—
Кошельками, писаны красками и золотомъ	4	10		40	
Граненый, писанъ: украшеніе по грунту золотомъ	1	—		8	—
Флаконовъ вазою фюзо и 4-хъугольныхъ, писаны украшенія красками и золотомъ	14	20	—	280	—
Флаконовъ разныхъ:					
Разныхъ формъ, писаны украшенія по разнымъ грунтамъ красками и золотомъ	6	15		90	—
Таковыхъ же и писанныхъ такъ же	25	12	—	300	-
Съ листами и граненыхъ, писаны такъ же	8	10	—	80	·
Граненыхъ съ лѣпными цвѣтами...	2	9	—	18	—
8-миугольныхъ, писаны украшенія красками и золотомъ . . .	3	7	—	21	—
Граненый безъ ручекъ, писанъ: цвѣты красками и золотомъ . . .	1			6	—
Граненыхъ съ ручками, писаны украшенія красками и золотомъ	4	7	—	28	—
Граненый, писанъ красками и золотомъ	1	—	—	7	—
8-миугольныхъ, писаны украшенія красками и золотомъ . .	3	10	—	30	—
Съ ручками и безъ оныхъ, писаны такъ же	8	12	—	96	—

	Количество.	Цѣна.		Рубли.	Коп.
Душницъ разныхъ:					
Кошельками, писаны матомъ и золотомъ	2	10	—	20	—
4-хугольныхъ въ видѣ подушекъ писаны такъ же	3	12	—	36	—
Таковыхъ же съ кисточками, писаны такъ же	4	20	—	80	—
Граненыхъ высокихъ, писаны украшенія красками и золотомъ съ повышеніемъ	2	25	—	50	—
Восьмиугольная, писана: украшенія такъ же	1	—	—	35	
Чашъ бассейнами на дельфинахъ, покрыты синей краской писаны сплошь золотомъ	2	400		800	
Итого	—	—	—	71045	20

П. О. А. Дв.—Оп. 158,320, д. 126, л.л. 53—57.

Въ должности директора *Галяминъ*

№ 37.

Анализы черепа фарфоровыхъ издѣлій Императорскаго завода, произведенные въ лабораторіи Императорскихъ заводовъ въ 1900 -4 г.г.

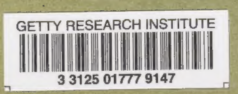
	Времени:							
	Императрицы Елисаветы Петровны.	Императрицы Екатерины II.	Императора Павла I.	Императора Александра I.	Императора Николая I.	Императора Александра II.	Императора Александра III.	Императора Николая II.
Глиноземъ (Al_2O_3)	17,49	21,53	22,83	20,03	24,95	22,23	22,26	23,90
Кремнеземъ (SiO_2)	72,48	73,08	71,02	74,74	71,42	72,42	72,01	71,80
Окись желѣза (Fe_2O_3)	0,34	0,24	0,61	0,71	0,27	0,52	0,72	0,50
" калія (K_2O) / " натрія (Na_2O)	3,46	2,51	3,00	3,72	3,01	3,67	4,37	3,10
" кальція (CaO)	5,37	1,91	2,02	0,55	0,36	1,16	0,64	0,7[illegible]
" магнія (MgO)	0,36	0,70	0,52	0,26	0,25	слѣды	—	слѣды

АЛФАВИТЪ.

АЛФАВИТЪ.

ОПЕЧАТКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

На страницѣ 4, строка 6 вставить ссылку на примѣчаніе 38.
„ „ 8, „ 18 „ „ „ „ 7.
„ „ 29, „ 2 „ „ „ „ 149.
„ „ 38, „ 2 ссылку на примѣчаніе 227 замѣнить ссылкою на примѣчаніе 217.
„ „ 66, „ 27 „ „ „ 79 „ „ „ „ 78.
„ „ 70, „ 10 „ „ „ 79 „ „ „ „ 97.
„ „ 100, „ 11 „ „ „ 41 „ „ „ „ 44.
„ „ 188, „ 44 вставить ссылку на примѣчаніе 347.
„ „ 195, „ 33 уничтожить ссылку на примѣчаніе 372.
„ „ 198, „ 37 вставить ссылку на примѣчаніе 391.
„ „ 250, „ 48 „ „ „ „ 253.
„ „ 273, „ 12 цифру 233,794 р. замѣнить цифрою 232,794 р.
„ „ 275, „ 30 „ 232,797 р. „ „ 232,794 р.

GETTY RESEARCH INSTITUTE
3 3125 01777 9147

